ОТВЕТЫ

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ГЕРМАНИЯ
ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Под редакцией В. Б. Белова

ВЕСЬ МИР

Серия: Старый Свет — новые времена

ГЕРМАНИЯ. ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Научный руководитель серии
«Старый Свет — новые времена»
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Ю.С. Дерябин,
акад. РАН В.В. Журкин, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Федоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, чл.-корр. РАН В.Н. Шенаев,
д.и.н. А.А. Языкова

Российская академия наук
Институт Европы

Филиал Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации

ГЕРМАНИЯ. ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Под редакцией
В.Б. Белова

ВЕСЬ МИР

Москва 2009

УДК 323+327(430)
ББК 26.89(4Г)
Г 72

Руководитель научного проекта:
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия страновой серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель), к.э.н. В.Б. Белов,
д.полит.н. Ал.А. Громыко, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ
Ю.С. Дерябин, акад. РАН В.В. Журкин, член-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Федоров, д.и.н. В.Я. Швейцер,
чл.-корр. РАН В.Н. Шенаев, д.и.н. А.А. Язькова

Ответственный редактор монографии:
к.э.н. В.Б. Белов

Авторский коллектив:
к.э.н. В.Б. Белов (введение, главы 2, 11 (11.1), 15, 16, заключение),
к.э.н. С.В. Абрамова (глава 12), к.э.н. К.К. Баранова (главы 9, 11 (11.2.)),
к.полит.н. А.А. Вильде (глава 3), к.и.н. К.С. Вяткин (глава 5),
А.М. Жестков (глава 12), д.полит.н. И.Ф. Максимычев (главы 1, 7, 17),
д.и.н. Н.В. Павлов (главы 4, 6), д.э.н. В.С. Паньков (главы 10, 14),
к.э.н. Е.В.Романова (глава 13), к.и.н. В.С. Рыкин (глава 3),
к.и.н. Е.П. Тимошенкова (глава 3), д.э.н. В.С.Циренщиков (глава 12),
д.э.н. В.Н. Шенаев (глава 8)

**Монография является результатом научного сотрудничества
Института Европы РАН и филиала зарегистрированного союза
«Фонд имени Фридриха Эберта» (Германия)**

Мнения отдельных авторов могут не совпадать с позицией редколлегии.

ISBN 978-5-7777-0467-2

© Издательство «Весь Мир», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*В.Б. Белов*) 9

Раздел I. ФРГ в современном мире 13
Глава 1. Роль в мировой политике (*И.Ф. Максимычев*) 13
1.1. Объединение Германии 13
1.2. Международные организации 29
1.3. «Восточная политика» объединенной Германии 41
Глава 2. Общая характеристика немецкого хозяйства (*В.Б. Белов*) . . . 68
2.1. Основные макроэкономические показатели 68
2.2. Социально-экономическая модель 74
2.3. Экономическое объединение ФРГ и ГДР 79
2.4. Социальное рыночное хозяйство и вызовы XXI века 84
2.5. ФРГ в мировой экономике 89

Раздел II. Особенности внутренней политики 103
Глава 3. Внутриполитическое развитие
в ФРГ (*В.С. Рыкин, А.А. Вильде, Е.П. Тимошенкова*) 103
3.1. Консервативный поворот и политика
христианско-либеральной коалиции 1982–1998 гг. 104
3.2. Процесс изменения базовых ценностей немцев 114
3.3. Смена власти после выборов 1998 г. 131
3.4. Развитие политической ситуации в контексте
выборов 2002 г. 139
3.5. Основные тенденции в развитии постобъединительного
внутриполитического процесса 145
3.6. Создание левой альтернативы на базе ПДС
и движения «За труд и социальную справедливость» 154
3.7. Выборы 2005 г. и «большая коалиция» 163

Раздел III. Внешняя политика Германии 183
Глава 4. ФРГ в европейском интеграционном процессе (*Н.В. Павлов*) 183
4.1. Германо-французский тандем — локомотив европейской интеграции 184
4.2. От европейских сообществ к Европейскому союзу 197
4.3. Германская Европа или европейская Германия? 205
4.4. Станет ли Европа самостоятельным игроком в многополярном мире? 217
Глава 5. Германия и США в контексте евро-атлантических отношений (*К.С. Вяткин*) 227
5.1. Партнерство в эпоху глобальной конфронтации (1970–1980-е годы) 230
5.2. США и объединенная Германия 243
5.3. Годы правления Герхарда Шрёдера 256
5.4. Канцлерство Ангелы Меркель 277
Глава 6. ФРГ и третий мир (*Н.В. Павлов*) 287
6.1. Становление и эволюция «помощи развитию» в биполярной системе координат 287
6.2. Третий мир во внешнеполитических установках христианско-либеральной коалиции 291
6.3. Новые аспекты политики ФРГ в третьем мире в условиях глобализации 297
6.4. «Политика развития» в эпоху перехода к полицентричному миру 307
Глава 7. Российско-германские политические отношения (*И.Ф. Максимычев*) 310
7.1. Перестройка и германская проблема 311
7.2. Начало кризиса ГДР 316
7.3. Падение берлинской стены 323
7.4. Сдача позиций 333
7.5. Западная группа войск 342
7.6. Первые десять лет 352
7.7. Европейская роль ФРГ 359
7.8. Перспективы 365

Раздел IV. Экономика Германии 381
Глава 8. Особенности процесса воспроизводства (*В.Н. Шенаев*) . . 381
8.1. Первый послевоенный экономический цикл (1945–1966) . . 381
8.2. Второй послевоенный экономический цикл (1967–1975) . . . 388
8.3. Третий послевоенный экономический цикл (1975–1982) . . . 394
8.4. Четвертый послевоенный экономический цикл (1982–1993) 400

8.5. Пятый послевоенный экономический цикл (1993–2004) ... 402
8.6. Шестой послевоенный экономический цикл (с 2005 г.) ... 407
Глава 9. Финансовая система и финансовая политика (*К.К. Баранова*) ... 417
9.1. Общие положения ... 417
9.2. Бюджетно-финансовая политика в ретроспективе ... 418
9.3. Последствия объединения и новые вызовы глобализации ... 422
9.4. Финансовая система и ее элементы ... 430
9.5. Многоуровневая (федеративная) финансовая система ... 461
Глава 10. Эволюция рынка труда и социальной сферы (*В.С. Паньков*) ... 481
10.1. Проблемы трудовых отношений, занятости и безработицы ... 483
10.2. Ситуация в социальной сфере и проблемы ее реформирования ... 508
10.3. Социальное рыночное хозяйство Германии: *quo vadis*? ... 523
Глава 11. Денежно-кредитная политика. Банковская система (*В.Б. Белов, К.К. Баранова*) ... 530
11.1. Денежно-кредитная политика ... 530
11.2. Банковская система ... 546
Глава 12. Поддержка инновационного обновления экономики (*В.С. Циренщиков, С.В. Абрамова, А.М. Жестков*) ... 565
12.1. Инновационная система ... 565
12.2. Организационно-институциональная поддержка государства ... 582
12.3. Финансовая поддержка ... 603
12.4. Стимулирование инвестиций в научно-техническую сферу в рамках реформы корпоративного налогообложения ... 606
12.5. Налоговая поддержка рынка рискового капитала ... 610
12.6. Налоговое стимулирование повышения уровня образования и профессиональной квалификации населения ... 613
12.7. Поддержка регионов ... 615
12.8. Правовая поддержка инновационной деятельности ... 618
Глава 13. Региональные кластеры в Восточной Германии как фактор конкурентоспособности национальной экономики (*Е.В Романова*) ... 622
Глава 14. Экономические аспекты участия в Европейском союзе (*В.С. Паньков*) ... 644
14.1 Позиции Германии в ЕС ... 646

14.2. Цели, принципы и эволюция интеграционной политики Германии в условиях кризиса Евросоюза 657
14.3. Германия между развитием интеграции вглубь и вширь 665
Глава 15. Мирохозяйственные аспекты развития (*В.Б. Белов*) 679
15.1. Общая характеристика 679
15.2. Внешняя торговля 683
15.3. Участие в международных выставках и ярмарках 689
15.4. Экспорт и импорт капиталов 691
Глава 16. Российско-германское экономическое сотрудничество (*В.Б. Белов*) 706
16.1. Общая характеристика 706
16.2. Внешняя торговля 712
16.3. Кредитно-финансовая сфера 717
16.4. Инвестиции 719
16.5. Научно-техническая кооперация 724

Раздел V. Культурно-цивилизационные аспекты 741
Глава 17. Особенности германского культурно-цивилизациооного ландшафта (*И.Ф. Максимычев*) 741
17.1. Историческое наследие 741
17.2. Американизация и русофобия 749
17.3. В объединенной Германии 758
17.4. Новый национальный вопрос 769
17.5. «Быть немцем» 776

Заключение 781
Сведения об авторах 785

ВВЕДЕНИЕ

Современная Германия является одним из лидеров Европейского союза, страной, которая во многом определяет содержание современных экономических и политических процессов как на европейском континенте, так и в мире. В течение своей послевоенной истории она постоянно оказывалась перед различными внутренними и внешними вызовами. Более сорока лет страна была разделена на две части — ФРГ и ГДР. Каждая из этих частей развивалась по своим политическим и экономическим законам. Государственная граница между ними разделяла не только немецкий народ, но и являлась границей между мировой капиталистической и социалистической системами, которые сосуществовали в условиях конфронтационного соревнования. В 1990 г. произошло историческое объединение двух немецких государств, что ознаменовало собой начало принципиально нового этапа внутреннего политического и хозяйственного развития страны. Фактически Западная Германия присоединила к себе Восточную, причем сложнейший экономический процесс вхождения новых федеральных земель в состав ФРГ окончательно еще не завершен и будет продолжаться еще несколько лет.

Объединение страны во многом стало результатом дальновидной восточной политики немецких социал-демократов, которые в конце 60-х годов прошлого века увидели шансы сближения между ФРГ и ГДР через разрядку международной напряженности и выстраивания добрососедских отношений с Советским Союзом и его восточноевропейскими союзниками. Не менее важным для будущего немецкого объединения было экономическое развитие Западной Германии, которая благодаря политике социального рыночного хозяйства на не-

сколько десятилетий превратилась в витрину капитализма. Но за самой витриной скрывались многочисленные проблемы, разрешением которых с различной степенью успеха пришлось заниматься всем западногерманским правительственным коалициям. Объединение страны поставило перед правящими партиями еще более сложные политические и экономические задачи, большинство из которых пока так и не решено.

Последняя четверть века означает для Федеративной Республики Германии время постоянных перемен. В 80-е годы прошлого века стало ясно, что проведенные в конце 60-х и в 70-е годы реформы социально-экономической модели оказались неудачными. Несмотря на большой запас прочности заложенных в ее основу неолиберальных рыночных и государственных политико-хозяйственных механизмов, она стала давать многочисленные сбои, в первую очередь на рынке труда. С середины 80-х годов хроническая безработица превратилась в неотъемлемый элемент хозяйственной и политической жизни в Западной Германии. Кроме того, государство стало во все большей мере превращаться в заложника воспитанных им самим патерналистки настроенных граждан, убежденных в том, что оно обязано обеспечивать их социальную защищенность при любых условиях и обстоятельствах. С 1982 по 1998 г. робкие попытки проведения необходимых реформ предприняла правительственная коалиция ХДС/ХСС и СвДП во главе с Гельмутом Колем. Ее сменила коалиция СДПГ и партии зеленых во главе с Герхардом Шредером, которая просуществовала до 2005 г. Заслугой этой коалиции, а вернее федерального канцлера, стал принятый в 2003 г. пакет реформ под названием «Повестка дня — 2010». Во многом небесспорный и неидеальный с точки зрения предложенных механизмов, он стал одним из самых значительных шагов за последние четверть века на пути реформирования рынка труда и других частей существующей хозяйственной модели. Большая правительственная коалиция (ХДС/ХСС и СДПГ), находившаяся у власти с 2005 по 2009 г., частично продолжила эти реформы, хотя и без особого энтузиазма.

К актуальным внутренним вызовам относятся также неблагоприятная демографическая ситуация, необходимость в реформе системы федерализма, в более эффективной поддержке инновационного развития, в эффективных изменениях системы образования. Поиск политиками приемлемых путей политического и экономического развития в условиях постоянно меняющихся внутренних и внешних условий осложняется сегодня внутренним кризисом ведущих партий и их попытками определить свою идентичность, адекватную этим вызовам, а также необходимостью выразить ее в новых программных уста-

новках, которые должны не только содержать эффективные решения существующих проблем, но и быть при этом привлекательными для электората.

К внутренним вызовам в 90-е годы прошлого века, связанных с экономическим объединением двух частей страны, развивавшихся в течение более сорока лет в рамках разных общественных моделей, и необходимостью далеко идущих хозяйственных реформ, добавились новые внешние вызовы. В первую очередь, они были обусловлены новым качеством развития западноевропейской интеграции — принятием Маастрихтских соглашений, отказом от немецкой марки и введением единой европейской валюты. В первой половине текущего десятилетия дополнительным вызовом стало вхождение в состав Евросоюза бывших социалистических центрально- и восточноевропейских стран, включая бывшие Прибалтийские советские республики. Среди прочего ужесточилась конкуренция на рынках товаров, услуг, рабочей силы, резко возросла финансовая нагрузка на европейские и соответственно германские государственные финансы, а немецкое государство было вынуждено стать основным защитником жесткой денежно-кредитной политики Европейского центрального банка.

Современные процессы глобализации меняют условия деятельности немецких компаний на всех внешних рынках, которые все более агрессивно осваиваются фирмами из развивающихся стран, в том числе из Китая, Индии, Бразилии. Меняются условия конкурентной борьбы, меняются и формы международной кооперации. Кроме того, будучи страной с открытой экономикой, ФРГ в существенно большей мере, чем раньше оказывается подвержена влиянию различных процессов в мировом хозяйстве.

Не случайно мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. оказал сильное влияние на народное хозяйство и политику Германии. Экономика страны со второй половины 2008 г. вошла в стадию самой глубокой за послевоенную историю рецессии. Государство оказалось перед необходимостью резко усилить свое вмешательство в экономику, в первую очередь за счет предоставления многомиллиардной поддержки основным экономическим игрокам в банковской и промышленной сферах. Вновь на повестку дня стал вопрос об эффективности действующей рыночной модели, о ее будущем, о том, насколько успешным будет дальнейшее экономическое развитие страны.

Впрочем, в полной мере такой вопрос относится и к перспективам внешней политики Германии. После объединения она стала политическим тяжеловесом не только на европейской, но и мировой арене в целом. Страна во многом определяет политическое развитие рефор-

мируемого Евросоюза, будучи одним из его основных консолидирующих начал, противостоящего различным европессимистам как в Старой, так и в Новой Европе. От Германии во многом зависит и содержание европейско-трансатлантических отношений. Не случайно Вашингтон видит прежде всего в Берлине основного партнера, оказывающего влияние на формирующуюся внешнюю политику ЕС и поддерживающего его инициативы в рамках НАТО и в сфере борьбы с международным терроризмом. ФРГ остается страной, определяющей основное содержание и направления восточной политики Евросоюза на постсоветском пространстве, главным образом с Россией. От ее позиции во многом зависит будущая конфигурация российско-европейских отношений в целом.

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой попытку коллектива ведущих российских германистов, в основном работающих в Институте Европы Российской Академии наук и посвятивших много лет изучению политики и экономики ФРГ, подвести определенный итог ее развития за последние десятилетия и дать ответы на поставленные выше вопросы. Данное исследование во многом продолжает традицию Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), в котором в 1973 и 1982 гг. вышли аналогичные комплексные научные труды по Западной Германии.

Особую благодарность коллектив авторов выражает Филиалу Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, сотрудники которого в течение нескольких лет принимали активное участие в совместных научных семинарах и конференциях, обсуждали основные темы настоящего исследования и оказали содействие выходу в свет данной монографии.

Раздел I. ФРГ в современном мире

Глава 1. Роль в мировой политике

1.1. Объединение Германии

Последние два десятилетия прошлого века стали свидетелями крушения самого масштабного социального эксперимента в истории человечества. Пала социалистическая система, восходившая своими корнями к Октябрьской революции 1917 г. в России и к разгрому нацистской Германии в 1945 г. Она рухнула почти в одночасье и в европейском геостратегическом предполье России, и в самой России, выполнявшей функции ее центра. Гибель социалистической системы означала невиданное приращение мощи противостоявшего ей лагеря, прежде всего США, уверенно приступивших к построению всемирной американской империи. В интегрирующейся части европейского региона позицию фактического лидера заняла объединенная Германия, что привело к росту ее влияния и на общемировой арене. Эпохальное смещение силовых линий в континентальном и глобальном масштабе произошло невоенным путем, практически без применения силы (исключение составили лишь события в Румынии, да и там применение силы носило локальный характер). Дезориентированный, запутавшийся в противоречиях процесса перестройки, раскачиваемый изнутри и извне, Советский Союз безропотно сдал свои международные позиции, а затем развалился сам.

Пилотную роль в этом уникальном для истории человечества самосожжении великой державы сыграли события в ГДР, являвшейся

сердцевиной системы обеспечения безопасности СССР на европейском направлении. Будучи созданным главным образом для защиты интересов СССР в Европе, восточногерманское государство довольно скоро переросло роль марионетки Москвы. Социалистический проект ГДР был тесно связан с контекстом общественного развития Германии периода, предшествовавшего первому объединению страны. Руководители восточногерманской республики вели свою родословную напрямую от Карла Маркса. Крах «социализма в цветах ГДР» привел к глубоким изменениям внутри германского общества[1].

Однако к наиболее значительным последствиям объединение Германии, реализованное на условиях, фактически продиктованных ФРГ, привело не во внутриполитическом, а во внешнеполитическом плане. Отпал тормоз, сковывавший внешнеполитическую энергию немцев на протяжении почти полувека. На европейской и мировой арене появился игрок, явно переросший амплуа «экономического гиганта, но политического карлика», в котором выступала прежняя ФРГ. Этот феномен не мог не повлиять и на состояние российско-германских отношений.

Неверен иногда встречающийся даже среди российских историков тезис, будто политика СССР была главной движущей силой реализации содержавшихся уже в Потсдамском урегулировании 1945 г. предпосылок возникновения двух германских государств. Вопреки всем инсинуациям Москва в течение первого послевоенного десятилетия исходила из того, что германское единство соответствует советским интересам. Вина за раскол Германии лежит не на СССР. Однако когда раскол стал свершившимся фактом, отношение русских к новым государствам немцев, при всех неизбежных нюансах, было в корне разным: в ГДР были их друзья, в ФРГ — недруги.

Более 40 лет потребовалось для нормализации отношений СССР и ФРГ — нормализации, без которой оказалось бы невозможным приведение в норму внутриевропейских отношений в целом. Главными моментами этого процесса стали рост влияния Бонна на обстановку в Европе и признание Москвой (на определенных условиях) благотворности такого изменения соотношения сил в рамках западных союзов. По ходу дела советские политики постепенно убедились в ущербности

---

[1] Один из самых авторитетных историков и политологов ФРГ, профессор Бохумского университета Ганс Моммзен утверждает, что объединение Германии привело к размыванию общенациональных партий при усилении влияния крайне правых течений. В июне 2004 г. он заявил в одном из интервью: «Мы все больше становимся похожим на Веймар[скую республику] — по крайней мере, в том плане, что происходит отход избирателей от больших партий» (“Süddeutsche Zeitung”, 14. Juni 2004).

и неправомерности прямолинейной оценки ФРГ как тотально недружественного государства. В Москве пришли к выводу, что и в Западной Германии есть люди, преодолевшие отрыжки философии «вечной вражды» с Россией, осознавшие, что политика «тотального» конфликта с СССР перестала приносить политические дивиденды для ФРГ. Необходимо также учитывать, что с самого начала постоянная конфронтация с ФРГ не входила в планы советской внешней политики. Таким образом, разумные политики по обе стороны баррикады приступили к поиску необходимых для всей Европы взаимоприемлемых решений реально существующих проблем. Связанные прежде всего с именами Вилли Брандта и Эгона Бара (СДПГ) позитивные процессы в западногерманской политике развивались по нарастающей. Политический класс ФРГ в своей массе постигал ту простую истину, что немцам так или иначе придется уживаться с русскими. Для русских государством-другом оставалась ГДР, но ФРГ переставала быть государством-недругом. Не будь этих сдвигов в сознании правящих сил в ФРГ и СССР, преодоление конфронтации двух лагерей не набрало бы столь стремительного темпа, и, скорее всего, объединение Германии не наступило бы так быстро.

Накануне разразившегося в 1989–1990 гг. кризиса ГДР в политических кругах основных стран мира укрепилось мнение, что раскол Германии приобрел долгосрочный характер. Почти повсеместно считалось, что даже если германский вопрос как национальная проблема немцев и остается включенным в международную повестку дня, то его решение отложено, как минимум, на несколько десятилетий. Более того, в мире постоянно росло число ответственных политиков, убежденных, что такой проблемы нет отныне вообще. Не только оба реально существовавших германских государства, но и международное сообщество в целом признали незыблемость границы между ФРГ и ГДР в числе прочих европейских границ. ФРГ и ГДР были приняты в ООН со всеми вытекающими из этого последствиями для их легитимации в качестве суверенных государств. Они продолжали оставаться членами наиболее мощных военно-политических союзов человеческой истории, которые гарантировали каждое из германских государств от агрессии извне, в том числе и от попыток взаимного поглощения.

Даже наличие такого взрывоопасного наследия холодной войны, как Западный Берлин, перестало быть постоянным возмутителем спокойствия для политической ситуации в Европе. Посвященное западноберлинской проблематике Четырехстороннее соглашение от 3 сентября 1971 г. положило конец постоянным кризисам в центре Европы. Тихо стало вокруг Западного Берлина, остававшегося фор-

мально последним островком четырехстороннего управления в Германии (в западной интерпретации под четырехсторонним управлением находился весь Берлин, включая ту его часть, которая была провозглашена столицей ГДР). В Западном Берлине и в ФРГ все большую поддержку завоевывал тезис, гласивший, что Германия может быть объединена лишь в рамках объединенной Европы с участием СССР и что по этой причине первоочередной политической задачей немцев является преодоление конфронтации между Западом и Востоком континента. Западноберлинские политики стали даже опасаться, что останутся в стороне от мощного потока разрядки, который на базе признания существующих политических реалий размывал привычную для послевоенной Европы обстановку жесткого противостояния.

В обоих германских государствах трансформировалось видение национальной проблемы немцев. Наиболее радикальные изменения можно было наблюдать в ГДР. В 60-х и 70-х годах XX в. СЕПГ в корне пересмотрела принятую в первые послевоенные годы ориентацию на скорейшее восстановление единства Германии при условии гарантий мирного характера и социальной сбалансированности объединенного германского государства. В новой конституции 1968 г. содержалась характеристика ГДР как «социалистического государства немецкой нации». Постепенно эта формула стала означать самодостаточность Восточной Германии. В измененном в октябре 1974 г. тексте конституции говорилось о «социалистическом государстве рабочих и крестьян», хотя сохранялось понятие «немецкой национальности» (Эрих Хонеккер говорил о «двух нациях, двух государственных гражданствах и одной национальности»[1]). Государственный гимн ГДР, в тексте которого упоминалась «Германия — единое отечество», отныне исполнялся без слов. В 80-х годах ранг государственной доктрины получила теория возникновения в ГДР «социалистической немецкой нации», чье объединение с «капиталистической немецкой нацией» ФРГ было, естественно, исключено.

Отказ ГДР от политики восстановления единства Германии был поддержан послесталинским руководством СССР. После событий 17 июня 1953 г. в Восточной Германии, когда на улицы пришлось выводить советские танки, Москва сочла нецелесообразным чрезмерно усердствовать в пропагандистских усилиях в пользу единой Германии, преследовавших цель предотвращения включения ФРГ в военные структуры Запада. Такие усилия были признаны бесполезными, бесперспективными и наносящими ущерб стабильности ГДР, которая

[1] См.: Hans Georg Lehmann, Deutschland-Chronik 1945 bis 1995, Bonn, 1996. S. 237.

стала окончательно рассматриваться Москвой как ключевая опора военного обеспечения безопасности СССР на европейском направлении, в том числе и в качестве постоянного плацдарма дислоцированной на территории ГДР Группы советских войск в Германии (ГСВГ). С этих пор для руководства ГДР и СССР национальная проблема немцев как бы перестала существовать, и всякое упоминание о ней приравнивалось к пособничеству вражеским проискам.

В отличие от ГДР западногерманская политика официально не снимала лозунга объединения Германии. Для этого потребовалось бы менять Основной закон, что в условиях ФРГ было не таким простым делом. В то же время постоянно повторявшиеся декларации представителей ФРГ о преданности делу восстановления национального единства все больше приобретали характер платонических упражнений в изящной словесности. Жители Западной Германии, занявшей одно из первых мест в мире по благосостоянию населения, уже в 70-е годы в основном спокойно воспринимали факт раздельного существования германских государств. Национальная проблема отошла на второй план по сравнению с задачей сохранения уровня жизни и предотвращения вовлечения ФРГ в военные авантюры. Лозунг сохранения мира в Европе потерял для западных немцев абстрактный характер и был напрямую воспринят миллионами граждан ФРГ как их личное дело. «Освобождение» ГДР, которого требовали западногерманские экстремисты, небезосновательно ассоциировалось с развязыванием третьей мировой войны.

Нажимной антисоветский курс администрации президента США Рональда Рейгана в начале 80-х годов, поддержанный как правительством канцлера Гельмута Шмидта (СДПГ), так и сменившим его кабинетом Гельмута Коля (ХДС/ХСС), вызвал в ФРГ волну народного протеста. По всей стране проходили массовые демонстрации против размещения на западногерманской территории американских ядерных ракет среднего радиуса действия, что по логике вещей влекло за собой опасность ответного (или упреждающего) удара с советской стороны. В такой обстановке всякое упоминание о раздававшихся ранее обещаниях насчет того, что участие ФРГ в НАТО и «наступательный характер действий» альянса по отношению к СССР принесут в обозримом будущем восстановление единства Германии (любимый тезис первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, ХДС/ХСС), расценивалось как подстрекательство к военному конфликту. Поскольку считалось невероятным, что СССР может бросить на произвол судьбы своего самого важного и преданного союзника в Европе, любой силовой вариант восстановления германского единства рассматривался как находя-

щийся за гранью реальности. Все ясно понимали: даже локальная война, ограниченная только Центральной Европой, принесла бы в результате не решение национальной проблемы, а физическое уничтожение немецкой нации.

В августе 1987 г. Комиссия по основным ценностям СДПГ и Академия общественных наук при ЦК СЕПГ опубликовали разработанный ими совместный документ «Спор идеологий и совместная безопасность», в котором, в частности, говорилось: «Обе стороны должны настроиться на длительный период, в течение которого им придется сосуществовать и уживаться друг с другом. Ни одной из сторон не позволительно отрицать право другой на существование. Наша надежда не может быть направлена на то, что одна система ликвидирует другую. Она направлена на то, что обе системы способны реформироваться и соревнование систем усиливает волю обеих сторон к реформам. Таким образом, сосуществование и совместная безопасность не ограничены во времени»[1]. Убеждения, легшие в основу этого документа, разделялись большинством политического класса ФРГ. В докладе канцлера Гельмута Коля о «положении нации», с которым он выступил в бундестаге 8 ноября 1989 г., также содержался тезис о невозможности скорого объединения Германии. Он говорил: «Будем же — как бы это ни было трудно для нас и особенно для наших земляков в ГДР — сохранять терпеливое упорство, следуя путем эволюционных изменений, в конце которого должны стоять неограниченное уважение прав человека и свободное самоопределение для всех немцев»[2].

И все же идея германского единства удерживалась на плаву. Частично ее подкармливала заграница. В США в отличие от соседей ФРГ в Европе влиятельные политики считали, что перспектива восстановления мощной единой Германии вполне укладывается в рамки доктрины «отбрасывания коммунизма». Но главный фактор живучести идеи германского единства носил внутренний характер. Раскол не уничтожил родственные связи населения обоих германских государств. Сохранились воспоминания о могущественном рейхе, который оказывал решающее влияние на обстановку не только в Европе, но и за ее пределами. Кое-кто в ФРГ не забыл о своем имуществе, оставшемся на Востоке или национализированном в ГДР. Не было забыто и имущество, которое было экспроприировано у этнических

---

[1] Цит. по: Hans Georg Lehmann, Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn, 1996. S. 335–336.

[2] Цит. по: Hans Georg Lehmann, Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. S. 390.

немцев в местах их компактного проживания за пределами Германии (в Польше, Чехословакии, Восточной Пруссии).

Образовавшаяся в Западной Германии многомиллионная прослойка беженцев из ГДР вместе с еще более многочисленной массой переселенцев из областей, отошедших после 1945 г. к Чехословакии, Польше и СССР, определяла во многом политическую атмосферу в стране, главным образом в первый послевоенный период. Большую роль для ФРГ играло концентрированное воздействие средств массовой информации, использовавших любой инцидент на германо-германской границе, и прежде всего у Берлинской стены, для сохранения эмоциональной напряженности и поддержания сознания ненормальности состояния раскола Германии. В условиях отсутствия языкового барьера основные западногерманские телепрограммы (не говоря уже о радиопередачах) свободно принимались практически на всей территории ГДР. Идея восстановления единства нации была сильнее выражена в политических кругах ФРГ и много слабее на уровне общественного сознания и в деловом мире. К жителям ГДР западные немцы относились в основном как к бедным родственникам — им симпатизировали, как попавшей в беду родне, им помогали, в том числе материально (как это принято, в объемах, которые не перегружали собственный кошелек), но в то же время легко забывали о них под влиянием ежедневных забот.

В ГДР дело обстояло прямо противоположным образом. Для ее политических и экономических менеджеров «воссоединение» с ФРГ было бы равнозначно самоубийству, поскольку рассчитывать на снисхождение, в случае если верх возьмет другая сторона, было невозможно (реальная ситуация после 1990 г. почти полностью подтвердила эти прогнозы). За очень редким исключением политические и экономические деятели ГДР видели свое будущее только в сохраняющей хотя бы относительную самостоятельность восточногерманской республике, которую можно и нужно реформировать, но отнюдь не ликвидировать. Однако для массы населения ГДР понятие «воссоединения» постепенно приобрело характер ожидания спасения с почти религиозной окраской. Западная Германия виделась с Востока этакой «землей обетованной», очутиться в которой означало бы исполнение всех мечтаний. Возведенный усилиями властей ГДР почти непроницаемый барьер для личных контактов между германскими государствами сыграл с ними в этом смысле злую шутку — знакомая лишь по рассказам знакомых и передачам телевидения ФРГ представала как царство изобилия и волшебного богатства. Комплекс «бедных родственников» преследовал граждан ГДР повсюду, он охватывал

и представителей восточногерманского дипломатического корпуса. При Эрихе Хонеккере ГДР добилась значительного прогресса в обеспечении роста жизненного уровня населения. По этому показателю она уверенно шла впереди всех стран социалистического содружества, включая СССР. Однако граждане ГДР сравнивали свое материальное положение не с другими социалистическими странами, а с ФРГ. Здесь же разрыв оставался фундаментальным, даже если отбросить в сторону розовые очки, через которые Восток всегда рассматривал Запад. К тому же к концу 80-х годов в ГДР стали явственно ощущаться тенденции к стагнации экономического развития.

Постоянно и значительно возрастало число граждан восточногерманской республики, желающих выехать в ФРГ на постоянное жительство. Если в 1980 г. власти приняли к рассмотрению 21 500 заявлений на выезд в ФРГ, то в 1988 г. их было подано уже 113 500, а в следующем — 125 400 (последняя цифра относится лишь к первому полугодию, так как позже регистрация не велась: после 27 июня появилась возможность без всяких формальностей перебраться в ФРГ через австро-венгерскую границу). С разрешения властей в Западную Германию выехали в 1980 г. 4700 граждан ГДР, в 1988 г. — 25 300, до 30 июня 1989 г. — 34 600[1]. Подача заявления о выезде в ФРГ стала своего рода «спортом» для многих молодых людей. По городам и селам беспрепятственно разъезжали сотни автомобилей с белым бантом на антенне приемника — так их владельцы сигнализировали о том, что готовы распрощаться с ГДР.

Берлинская стена постепенно превратилась для жителей ГДР в собирательное понятие несвободы — несвободы поездок в другую часть по историческим меркам еще совсем недавно общей родины, несвободы общения с родственниками и вообще соотечественниками по ту сторону произвольно установленной в конце войны демаркационной линии, несвободы распоряжаться своей судьбой. При возведении стены в 1961 г. (она перекрыла наиболее часто использовавшийся путь ухода жителей ГДР на Запад — до нее границы между Восточным и Западным Берлином практически не существовало) вряд ли кто-нибудь в ГДР или за ее пределами думал, что этому сооружению предстоит простоять без малого 30 лет. Данное Хрущевым в 1961 г. обещание построить через 20 лет основы коммунизма в СССР означало по своей логике, что аналогичный рывок в общество потребления предстоит в те же сроки и другим социалистическим странам. Руководители системы, претендовавшей на то, чтобы олицетворять «светлое будущее человече-

[1] "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 18. Mai 1996.

ства», легкомысленно решили выиграть соревнование с Западом «на чужом поле», на полках магазинов. Они надеялись тем самым лишить соперника главной притягательной силы для граждан своих стран. Добившись «изобилия», считали они, социалистические страны могли бы отказаться от стены, которая быстро превратилась в темное пятно для репутации не только ГДР, но и СССР, а также всего «реального социализма». Стена приобрела постоянный характер, лишь когда через 20 лет, в 1980 г., оказалось, что нет ни Хрущева, ни основ коммунизма, ни прорыва в общество всеобщего довольствия. К концу 80-х годов в населении ГДР накопилось достаточно недовольства системой, которая оказалась неспособной выполнять свои обещания, но упорствовала в сохранении принудительного режима для своих граждан. Начавшаяся в середине 80-х годов горбачевская перестройка подорвала одну из самых надежных опор режима, которая состояла в убеждении людей по обе стороны германо-германской границы в безусловной поддержке режима СЕПГ со стороны Москвы. Уже в июне 1987 г. у Бранденбургских ворот, на главной восточноберлинской артерии — аллее Унтер-ден-Линден, состоялась стихийная демонстрация, участники которой апеллировали к Горбачеву, требуя сноса стены.

Поездка Хонеккера в ФРГ в сентябре того же года, когда генерального секретаря СЕПГ повсюду там встречали как «великого немца», пробудила в населении ГДР надежды на скорое смягчение ограничений на поездки в другое германское государство для рядовых граждан. Однако надежды оказались в очередной раз обманутыми. Послаблений, пока для этого еще было время, не произошло. В одном из интервью в январе 1989 г. Хонеккер заявил, что стена будет стоять еще 50 или даже 100 лет — «до тех пор, пока не изменятся условия, вызвавшие ее возведение», т. е., как поняли все, вечно. Это заявление послужило одной из основных причин начавшегося летом 1989 г. массового бегства отчаявшейся дождаться сдвигов к лучшему молодежи ГДР в ФРГ через Венгрию и Австрию, которое в конечном счете привело к внутриполитическому взрыву, крушению режима и исчезновению республики.

Начиная с Московского договора 1970 г., ФРГ проводила целенаправленную «новую восточную политику», девизом которой было: «Изменения через сближение». Эта политика оказалась настолько успешной, что результаты поразили даже ее авторов. В понимании официального Бонна «сближение» было нацелено прежде всего на «изменение атмосферы», т. е. на отказ СССР (включая советские СМИ) от наиболее враждебных по тону выступлений против ФРГ (при этом антисоветские и антисоциалистические выпады «свободных» СМИ

ФРГ заранее выносились за скобки). В свою очередь, смягчение манеры общения правительственных учреждений Москвы и других социалистических стран с Бонном неизбежно расчищало путь к прямому контакту между ФРГ и ГДР, который западные немцы собирались использовать для своих нужд. Западногерманские стратеги настраивались на длительные временные рамки операции. Петер Бендер, известный западноберлинский публицист, писал незадолго до взрыва в ГДР: «Урегулирование германских взаимоотношений требует от немцев принять итоги истории, принудившие их жить в двух государствах; от остальных оно требует, чтобы они позволили германским государствам жить совместно так, как это повелевают история, география и чувства единой нации»[1].

Однако на практике «сближение» привело к очень быстрым основополагающим изменениям в политике противостоявшего Западу блока. Наиболее существенным моментом стало то, что в глазах общественности и некоторой части политического класса социалистических стран, включая ГДР, Западная Германия утратила образ главного врага и рассматривалась отныне, скорее, как партнер, чем как противник. Внешнеполитическое планирование Бонна никогда не представляло себе достижение германского единства иначе, как путем ликвидации ГДР, хотя и считало эту цель осуществимой лишь в долгосрочной перспективе. Сдвиги в отношении СССР и других социалистических стран к ФРГ уже к середине 80-х годов неожиданно открыли путь к реализации самых смелых замыслов западногерманских «мозговых центров».

Линия СССР на разрядку международной напряженности в сочетании с «новой восточной политикой» ФРГ благоприятствовала возникновению в Москве странной ситуации, когда советская верхушка стала рассматривать свои уступки Западу не как средство достижения определенной политической цели, а как саму эту цель. В СССР началось своего рода «иконоборчество», когда одно за другим ниспровергались табу предшествующего периода в отношениях с Западом без всякой привязки таких шагов к адекватным ответным акциям западной политики в плане учета интересов СССР. Сформировавшийся в годы холодной войны арсенал внешнеполитических методов и приемов реального социализма действительно оказывался в новой обстановке в своей значительной части неэффективным и устаревшим. Однако объективная обстановка, реальное соотношение сил вовсе не требовали от СССР безоговорочной капитуляции перед Западом.

---

[1] Peter Bender, Wenn es West-Berlin nicht gäbe, Berlin, 1987. S. 100.

В условиях разрядки немецкая национальная проблематика явно нуждалась в новом подходе со стороны ГДР (и СССР, который оставался чем-то вроде ее «опекуна»), причем этот подход вовсе не был равнозначным «капитуляции» ГДР или выдаче второго германского государства на заклание первому. Теория «социалистической нации» не укладывалась в прокрустово ложе реальностей, но это означало лишь, что сохранение ГДР нуждается в новой, отвечающей духу времени мотивации. За 40 лет своего существования республика завоевала себе прочное место в послевоенной истории и политике Европы, и теоретически не казалась заранее исключенной перспектива параллельного наличия на политической карте Европы двух германских государств, чьи политические системы не были бы идентичными, но не находились бы в постоянной опасной конфронтации между собой.

Люди, осенью 1989 г. призвавшие граждан ГДР выйти в знак протеста на улицу, мечтали в своей массе не о восстановлении капитализма, а о преобразовании «реального социализма» в «социализм с человеческим лицом». Менее осуществимой, но в какой-то степени также мыслимой оставалась возможность «австрийского варианта», т. е. сосуществования стран одного языка, одной культуры, одной истории и даже схожей политической системы по примеру ФРГ и Австрии (после развала Австро-Венгерской империи в 1918 г. «немецкая Австрия» приняла решение присоединиться к германскому рейху, но это было запрещено победителями; сегодня же никто в Германии или Австрии не требует аншлюса). К сожалению, официальные власти ГДР с их окостеневшей идеологией оказались неспособными найти выход из сложившейся ситуации. Их несостоятельность отразилась даже на терминологии, использовавшейся при рассмотрении проблемы.

Пропаганда ГДР именовала граждан обоих германских государств совершенно одинаково — немцы. Однако различия между западными и восточными немцами носили вполне реальный характер, они складывались веками и были весьма ощутимыми в период раздельного существования германских государств. Расхождения в общественном развитии ФРГ и ГДР после 1945 г. только усилили эти различия. В результате наличие в рамках некогда единой нации отличных друг от друга в политическом и социально-психологическом отношении частей стало объективным фактом. Однако ГДР так и не сумела перевести этот факт на язык реальной политики и повседневной жизни.

Начавшись с уличных демонстраций в Лейпциге и Берлине накануне празднования 40-летия республики, восточногерманский кризис развивался по своим собственным законам. На первых порах остановить деградацию обстановки в ГДР могла бы, возможно, угроза

введения в действие всех сил поддержания порядка, включая Национальную народную армию, за спиной которой маячила мощь Западной группы советских войск (летом 1989 г. ГСВГ была по требованию Хонеккера переименована в ЗГВ). Впрочем, это только предположение. В любом случае верхушка ГДР не решилась пригрозить радикальными мерами, хотя Хонеккер как будто склонялся к такому варианту. Возобладало опасение, что подобные действия встретят осуждение Москвы. Правда, ее мнения напрямую никто не спрашивал, но решительность действительно не относилась к числу добродетелей деятелей советской перестройки, которые всегда отступали в тех случаях, когда сталкивались с сопротивлением или с давлением. Воля к власти существовала для них только в аппаратно-интриганской ипостаси.

От приехавшего 6 октября 1989 г. в Берлин на торжества по случаю 40-летия ГДР генерального секретаря КПСС М.С.Горбачева восточногерманское руководство не получило главного — твердой гарантии, что СССР будет с ГДР в любой ситуации. Это не осталось секретом для населения. После визита Горбачева уличные шествия и демонстрации продолжались с удвоенной силой. Состоявшаяся 18 октября отставка Хонеккера оказалась запоздалой и ничего не изменила. Новое руководство СЕПГ не пользовалось популярностью и не смогло взять развитие под контроль. В вечерние часы 9 ноября в обстановке полного административного хаоса толпы граждан ГДР вынудили персонал контрольно-пропускных пунктов Берлинской стены прервать осуществление своих функций. Доступ в Западный Берлин снова стал беспрепятственным, как это было до 13 августа 1961 г. К счастью, удалось избежать столкновений и стрельбы на границе. После падения стены уже не могло быть и речи о каких-либо шагах ФРГ навстречу ГДР, о дополнительных обязательствах Бонна уважать интересы другого германского государства, о материальной поддержке «восточных братьев». Появился шанс, что ФРГ все получит даром.

В Москве, которая никак не ожидала столь быстрого падения стены, поначалу тешили себя надеждой, что подобный поворот событий приведет к быстрому «восстановлению порядка» в ГДР. Но кризис не только не закончился, но и продолжал углубляться. Требования свободы поездок в Западную Германию сменились у части демонстрантов и участников шествий требованиями устранения режима ГДР и ее включения в ФРГ. Лозунги объединения зазвучали особенно громко после того, как в конце ноября Коль выступил с программой постепенного преодоления раскола Германии («10 пунктов»). Отныне следовало считаться с бульдозерным напором ФРГ, подталкивающей развитие в сторону скорейшего поглощения второго германского го-

сударства. Дальнейшее существование ГДР зависело от стойкости Москвы при защите своих интересов в Европе. У советской дипломатии сохранялась возможность опереться на позицию Великобритании и Франции, опасавшихся перспективы повторного появления на континенте сверхмощной объединенной Германии. Но оградить ГДР от практически немедленного исчезновения могла только умелая и наступательная дипломатия СССР. Было бы верхом наивности ожидать, что западноевропейские державы будут предпринимать какие-то чрезвычайные шаги для спасения восточногерманской республики, в которой они видели прежде всего детище советской политики и опору влияния Москвы на состояние европейских дел.

В советском руководстве возобладала та точка зрения, что будет выгоднее избавиться от «обременительного союзника», чем тратиться на его поддержку. Но даже и в этом случае СССР был обязан с самого начала определить условия, на которых он мог бы примириться с переходом своего важнейшего союзника в лагерь вчерашнего противника с тем более чем вероятным результатом, что за этим союзником последуют и все остальные члены социалистического содружества. К особенностям стиля политического руководства вождей перестройки относилось то, что такие условия не были определены даже в первом приближении. Очертя голову Москва вступила на путь безответных уступок.

В конце января 1990 г. Горбачеву был предложен (и получил его одобрение) план «Германия — единое отечество», разработанный председателем Совета министров ГДР Хансом Модровым, единственным восточногерманским политиком прежней закалки, который мог бы повести за собой значительную часть населения республики. Обнародованная Модровым 1 февраля 1990 г. концепция была вполне разумной и приемлемой программой четырехэтапного сближения обоих германских государств с постепенным переходом от конфедеративных отношений между ними к федеративной конструкции на основе двусторонних договоренностей, достигаемых на каждом этапе, продолжительность которых не фиксировалась заранее. План встретил благожелательную реакцию и в ГДР, и в ФРГ. По существу, единственным моментом, вызвавшим несогласие Бонна, было отвечающее интересам СССР положение плана о неучастии германских государств в военно-политических блоках на все время создания единой Германии. Казалось, что инициатива Модрова взяла многообещающий старт. Однако Москва отвела на ее реализацию чуть больше одной недели.

Уже 10 февраля Горбачев заявил Колю, приехавшему к нему для прояснения деталей советского отношения к плану Модрова, что Советский Союз не намерен «вмешиваться» в процесс объединения: пусть-де

немцы сами договариваются между собой. Этой линии соответствовало и последующее согласие Москвы на настояния Бонна и Вашингтона на том, чтобы переговоры об объединении проходили по формуле «2+4»: сначала ФРГ и ГДР согласуют все между собой, а затем четыре державы, продолжавшие юридически нести ответственность за «Германию в целом», подтверждают достигнутую договоренность. Тем самым был опрокинут уже начавший было функционировать механизм переговоров по формуле «4+2», в рамках которого 12 декабря 1989 г. в Берлине состоялось совещание послов СССР, США, Великобритании и Франции, принесшее договоренность о дальнейших четырехсторонних встречах с привлечением представителей ГДР и ФРГ.

В итоге возможности Москвы влиять на ход и содержание переговоров между германскими государствами были сведены практически к нулю. Все последующие попытки МИД СССР поправить дело по таким аспектам, как неучастие объединенной Германии в НАТО, учет интересов СССР (и ГДР) в ходе германо-германских переговоров об объединении, вывод всех иностранных войск из объединенной Германии, приемлемые сроки вывода ЗГВ и т. д., были заранее обречены на провал. А без нажимной поддержки СССР безнадежно более слабая и подрываемая изнутри ГДР не могла отстоять ни свои, ни тем более советские интересы. К тому же после парламентских выборов 18 марта власть в ГДР перешла в руки оппозиционных партий, очень внимательно прислушивавшихся к голосу Бонна. Великобритания и Франция примирились с неизбежным и постарались не раздражать правящие круги ФРГ, победа которых в гонке к германскому единству была предрешена пассивной позицией Москвы.

«Перепрыгивание через этапы» отомстило за себя после вхождения ГДР в состав ФРГ, официально состоявшегося 3 октября 1990 г. Неподготовленность населения и народного хозяйства ГДР к беспощадным условиям рынка привели практически к таким же катастрофическим последствиям, что и реформы 1992 г. в России, даже с учетом гигантских вливаний из общегерманского бюджета. За период с 1990 по 2003 г. федеральная финансовая помощь новым землям по некоторым оценкам составила астрономическую сумму 1250 млрд евро. Но и при такой поддержке результаты оказались бедственными. Исчезли целые вполне конкурентоспособные отрасли промышленности (часовая, автомобильная, химическая; исключение в какой-то мере составила лишь оптика), началась чудовищная безработица (до 30–40% трудоспособного населения в отдельных регионах), продолжился отток населения в западную часть единой Германии в масштабах не меньших, чем во времена ГДР с открытой границей. Утвердилось отношение к жителям бывшей ГДР как

к гражданам второго сорта — например, они до сих пор получают меньшую зарплату за равный труд по сравнению с жителями «старой» ФРГ.

Следствием стала не только «остальгия» значительной части населения бывшей ГДР, что выражается прежде всего в массовой поддержке Партии демократического социализма, явившейся в известном смысле «наследницей» СЕПГ. ПДС завоевала прочное место в политической жизни новых земель и, следовательно, в партийном спектре ФРГ в целом. К сожалению, нарастает также влияние правых радикалов, которых обычно квалифицируют как неонацистов. Появление группы депутатов от крайне правых партий в саксонском ландтаге в результате выборов, состоявшихся в конце 2004 г., является ясно различимым симптомом этой болезни. Получение парламентской трибуны позволило расширить рамки для неонацистской пропаганды и придать ей еще более вызывающий характер. В январе 2005 г. депутат ландтага Саксонии от НПД Клаус-Юрген Менцель заявил, что не Германия начала Вторую мировую войну (она-де была «навязана немцам американцами») и что следует раздвинуть германские границы «на запад до Мааса и на восток до Мемеля» в соответствии с текстом «германской песни», являющейся официальным гимном ФРГ[1].

Трудности с новыми землями стали определенным тормозом в процессе наращивания веса объединенной Германии в Западной Европе. Однако воссоздание единого германского государства, пусть даже в границах 1945 г., не могло не расширить диапазона влияния ФРГ в европейском и глобальном масштабе. Появление нового игрока такого класса на мировой шахматной доске означало пересмотр привычного соотношения сил, ставший неизбежным уже вследствие дезинтеграции социалистического содружества и развала СССР. Процесс занятия Германией командных высот в Евросоюзе не закончен. С приходом к власти в ФРГ коалиции СДПГ и зеленых во главе с Герхардом Шрёдером (СДПГ) в 1999 г. он ускорился. Шрёдер ясно обозначил свою решимость отстаивать германские интересы в тех случаях, когда они недостаточно уважаются партнерами по Евросоюзу или НАТО. Его ссылка на «конец дипломатии чековой книжки» была сразу понята всеми, хотя действия ФРГ далеко не всегда были настолько же решительными, как тон заявлений канцлера. С другой стороны, члены ЕС, особенно вновь принятые, жалуются на то, что немцы последовательно действуют по правилу: «Я плачу деньги, следовательно, имею право требовать»[2].

---

[1] "Süddeutsche Zeitung", 28. Januar 2005.

[2] См.: Marek A. Cichocki, Der hohe Preis der Macht, in: "WeltTrends", Nr. 45 (Winter) 2004. S. 103.

Создание «большой коалиции» ХДС/ХСС-СДПГ во главе с канцлером Ангелой Меркель (ХДС) после неудачных для обеих массовых партий ФРГ выборов в сентябре 2005 г. изменило, скорее, тон, чем сущность германской политики. Общественность ФРГ не примет серьезного отступления от обозначенной Шрёдером линии на защиту национальных интересов Германии. Возвращение ФРГ к роли «политического карлика» в Европе и мире немыслимо. В то же время свобода германских действий на внешнеполитической арене небезгранична — сейчас так же, как и ранее. Отношения ФРГ с США и с Францией, обязательства по НАТО, принимаемые в Евросоюзе решения представляют собой межевые столбы допустимых для немцев «вольностей». Не случайно реакция США на создание франко-германо-российской тройки сводилась к тому, чтобы «игнорировать русских, простить немцев и наказать французов» (с наказанием французов у американцев, впрочем, так ничего и не вышло).

Видный немецкий публицист и политолог Петер Шолль-Латур недавно констатировал: «Вопреки распространенному мнению не произошло восстановления полного германского суверенитета за период после падения стены; он продолжает ущемляться бесчисленными предписаниями Брюсселя, а также Атлантического альянса, которые носят для ФРГ более обязывающий характер, чем для других партнеров по блоку. Чувство приличия и благодарности по отношению к американскому союзнику мешает включить в повестку дня бундестага требование о скорейшем закрытии военно-воздушных баз США. [...] Однако разрешение использовать базы США для бесконтрольных и одиозных промежуточных посадок самолетов ЦРУ, транспортирующих политических заключенных, следовало бы оставить на долю поляков или румын. Надолго с национальной германской точкой зрения несовместимо также наличие на территории ФРГ мощного ядерного арсенала США, распоряжение которым, включая планирование его применения, ни в малейшей степени не подлежит согласованию с министром обороны ФРГ. Иными словами: германской внешней политики, которая заслуживала бы этого названия, нет так же, как нет германского стратегического концепта»[1].

Шолль-Латур несколько сгущает краски. В обозначенных им пределах Германия действует и будет действовать самостоятельно, ориентируясь на свои собственные интересы, которые никуда не исчезли.

---

[1] Peter Scholl-Latour, Zwischen den Fronten. Erlebte Weltgeschichte. Berlin, 2008. S. 283–284.

1.2. Международные организации

Возможности возникновения новой глобальной структуры международных отношений, открывавшиеся в результате сдачи перестроечным Советским Союзом своих международных позиций во имя идеализированной «усовершенствованной» биполярной модели мира, поначалу положительно воспринимались Германией. Она усматривала в этом развитии улучшение перспектив решения проблемы объединения нации, которая была для нее главной на протяжении полувекового послевоенного периода, и у нее не вызывала аллергии перспектива совместного глобального лидерства США и СССР, к которому сводилась на практике предлагавшаяся Москвой концепция всеобъемлющей системы международной безопасности с опорой на модернизированную **Организацию Объединенных Наций**. «Перестройка» ООН должна была служить помимо всего прочего и «реабилитации» германского прошлого. ФРГ настаивала на упразднении так называемых «вражеских статей» Устава Организации Объединенных Наций, носивших дискриминационный характер для государств, с которыми вела войну антигитлеровская коалиция. Она потребовала также предоставления Германии места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Возражать против нововведений в Уставе всемирной организации, соответствующих гигантским изменениям в мире после 1945 г., в принципе невозможно. Российское правительство неоднократно заявляло о своей поддержке представлений ФРГ на этот счет. Трудность заключается не в том, что кто-то отказывает немцам в удовлетворении их пожеланий, а в том, что Устав ООН оказался настолько продуманным и целостным документом, что любая попытка его ревизии вызывает гораздо больше проблем, чем их имеется сейчас. В отношении «вражеских статей» было найдено урегулирование, которое решило вопрос в практическом плане, но не привело к пересмотру текста Устава: члены ООН заявили, что рассматривают эти статьи как устаревшие и более не действующие. Германии и другим бывшим вражеским государствам не оставалось ничего иного, как согласиться с таким решением.

С предоставлением ФРГ статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН дело обстоит сложнее. Наряду с ФРГ на этот статус претендуют такие страны, как Италия, Япония, Индия, Бразилия, Мексика, и ряд других. Часто предлагаемый принцип выдвижения кандидатов в постоянные члены СБ от континентов сталкивается с тем обстоятельством, что объединенные в континентальные группы государства никак не могут договориться между собой. Вместе с тем

резкое увеличение числа обладающих правом вето постоянных членов СБ превратило бы этот действительно руководящий, несущий ответственность за международную безопасность орган ООН во второе издание Генеральной Ассамблеи с ее необязательными для всеобщего исполнения решениями. Инициатива малых членов Евросоюза в отношении предоставления статуса постоянного члена СБ представителю ЕС с отказом Великобритании и Франции от такого статуса не встретила ни «понимания» со стороны Лондона и Парижа, ни поддержки со стороны Германии. Для Берлина статус постоянного члена СБ ООН не формальность, а окончательное признание международным сообществом «нормального» характера объединенной Германии, завершение затянувшегося послевоенного периода и закрепление вхождения в число ведущих государств мира. При активном участии канцлера Шрёдера была разработана концепция предоставления в первоочередном порядке такого статуса «четверке» в составе Германии, Японии, Индии и Бразилии, даже если на первых порах они не будут располагать правом «вето».

И эта концепция вызвала неоднозначную реакцию среди партнеров ФРГ по западным союзам. В частности, Польша выразила открытое недовольство тем, что Берлин отказался поддерживать вариант с представительством Евросоюза в СБ ООН. США, которые поначалу рассчитывали на немецкую поддержку в высшем органе ООН, решили, что не нуждаются ни в каких помощниках, и вообще отклонили идею «четверки». Пока не просматривается реальных перспектив на формальное зачисление Германии в число ведущих мировых держав через ООН. Несмотря на это, ФРГ давно уже на деле входит в их число, являясь влиятельным членом «большой семерки/восьмерки» и задавая тон в европейских и мировых финансовых учреждениях. В обсуждении постоянными членами СБ ООН проблемы ядерной программы Ирана Германия участвует на равных основаниях с ними. Бывший статс-секретарь МИД ФРГ и германский представитель в ООН Гунтер Плойгер подчеркивал в августе 2006 г.: «В качестве государства, вносящего третий по величине финансовый взнос в кассу ООН, Германия уже действует как постоянный член Совета Безопасности»[1].

Реальности постконфронтационного мира показали, что возникшая ситуация содержит не только новые возможности, но и новые ограничения. «Старая» ФРГ привыкла к двухполюсному миру, нашла в нем свою нишу и была уверена, что сможет использовать свой увеличившийся вес для того, чтобы значительно расширить ее. момент, ког-

[1] См.: “Süddeutsche Zeitung”, 12. August 2006.

да США сделали логический вывод из развала СССР, провозгласили свою «победу» в холодной войне и взяли курс на строительство однополярного мира, германский политический истеблишмент испытал приступ восторга, который оказался, правда, несколько преждевременным. В обстановке, когда Западу не противостоит равноценная сдерживающая сила, для участников западной коалиции представлялись достижимыми самые смелые цели. ФРГ также немедленно декларировала свой статус «победителя» и приступила к поиску способов получения причитающегося ей куска глобального пирога. Но, как это часто бывает, желудок оказался меньше великих аппетитов.

Американский политолог Томас Бергер констатировал наличие у сегодняшней Германии «пропасти между растущей претензией на внешнеполитическое влияние и сокращающимися средствами достижения цели». Он писал: «...Перед любым немецким политиком послевоенного времени зияла аналогичная пропасть между политическими желаниями и реальной возможностью их осуществления (стоит лишь вспомнить о частых колебаниях в восточной политике). Эта пропасть продолжает существовать и сейчас с той лишь разницей, что в годы холодной войны на немецкую внешнюю политику влияла несовместимость ее политических и военно-стратегических целей, а сегодня на нее воздействуют политически-институциональные противоречия. Ныне Германия намерена танцевать на всех свадьбах сразу: она хочет расширять Европейский союз и одновременно углублять его, придерживаясь при этом своих традиционных многосторонних обязательств по НАТО и ОБСЕ, несмотря на растущую в них напряженность. Но попытка выполнить все свои институциональные внешнеполитические обязательства и удержать равновесие между программами политических действий своих союзников в Лондоне, Париже и Вашингтоне воспринимается сторонними наблюдателями как более чем безнадежные потуги с учетом сильно разнящихся между собой представлений и амбиций»[1]. Анализ Бергера не вызывает серьезных возражений, однако было бы неверно видеть во внешней политике ФРГ только цепь неудач. Дело обстоит, скорее, наоборот.

Сразу же после 1990 г. одной из приоритетных задач внешней политики объединенной Германии стало «выравнивание» ее международного статута. До объединения ФРГ тщательно следила за тем, чтобы не допускать ничего, что могло бы подорвать фикцию частичного сохранения оккупационного режима для обоих германских госу-

---

[1] Thomas Berger, “Back to the Future” — German Style, in: “WeltTrends”, Nr. 45 (Winter) 2004. S. 98.

дарств, следствием которого должна была оставаться «четырехсторонняя ответственность за Берлин и за Германию в целом». Эта вовлекавшая победителей Второй мировой войны в немецкие дела конструкция оставалась единственной международно-правовой «скрепой» для ФРГ и ГДР, поскольку признавалась всеми великими державами, включая СССР. После объединения на повестку дня немедленно встало «преодоление пережитков оккупационного периода». Германия стала добиваться, чтобы мир забыл о том, что она является побежденной во Второй мировой войне страной. Напротив, он должен был признать ее победителем, по крайней мере в холодной войне. Одной из задач, которые решались созданным по инициативе Германии **Гаагским международным трибуналом по бывшей Югославии**, было устранение уникального характера Нюрнбергского суда народов над главными нацистскими преступниками. Всем должно было стать ясно, что военные преступники водятся не только среди немцев. Кстати, трибунал по бывшей Югославии стал без преувеличения потрясающим нововведением для международного права — до него не было международных судов для конкретной гражданской войны, какой была, в сущности, череда конфликтов на территории СФРЮ, распавшейся при активной помощи Запада, в первую очередь самой Германии.

Когда в начале 2005 г. в связи с активизацией правых экстремистов в ФРГ встал вопрос об ужесточении наказания за пропаганду национал-социалистских идей, фракции СДПГ, зеленых и ХДС в бундестаге озаботились тем, чтобы в число наказуемых деяний была включена и критика войны НАТО против Югославии. В первоначально представленном министерствами внутренних дел и юстиции законопроекте говорилось: «Лишению свободы на срок до трех лет или денежному штрафу подлежит тот, кто нарушающим гражданский мир образом публично или на собрании прославляет или приукрашивает национал-социалистский режим насилия и произвола». После депутатской правки закон запрещает под страхом лишения свободы на срок до пяти лет «одобрение, оправдание, отрицание или приукрашивание осуществлявшегося нацистским режимом геноцида евреев, а также цыган», если это происходит публично и нарушающим гражданский мир образом. (Следует обратить внимание на то, что в результате законом в ФРГ признан нацистский геноцид только в отношении евреев и цыган; геноцида в отношении славян, оказывается, не было.) Одновременно закон запрещает «одобрение, оправдание, отрицание или грубое приукрашивание» аналогичных действий, «совершенных при ином режиме насилия и произвола, поскольку они установлены вступившим в силу решением международного суда, юрисдикция которого

признана ФРГ». Юрисдикция Гаагского трибунала по бывшей Югославии, «установившего» якобы осуществлявшийся режимом Слободана Милошевича геноцид, признана ФРГ. Следовательно, осуждение войны НАТО против Югославии стало подсудным делом[1].

Объединение Германии не поставило под вопрос вовлеченность ФРГ в **процессы западноевропейской интеграции**, однако силовые линии расположились иначе, чем до 1990 г. Если до объединения в роли «просителя» выступала главным образом ФРГ, нуждавшаяся в постоянной поддержке со стороны западных союзов при предстоящем гипотетическом решении немецкой национальной проблемы в соответствии со своими интересами, то теперь «просителями» стали прежде всего западные союзы, которые нуждаются в Германии, чтобы не терять значения в новых условиях. Постепенно возвращает себе оперативное значение правило «кто платит, тот и заказывает музыку». Такое развитие вызывает растущее недовольство среди новых членов Евросоюза, которые хотели бы стать тем хвостом, который вертит собакой, особенно в сфере отношений ЕС с Россией.

Удельный все Германии в Европейском союзе неизмеримо вырос по сравнению с периодом до 1990 г. Пока во избежание нагнетания в ЕС антигерманских настроений ФРГ старается не демонстрировать свою способность навязывать угодные ей решения органам Союза. Немцы предпочитают действовать в связке с другими членами Евросоюза, прежде всего с французами или англичанами. Кроме того, западноевропейские партнеры ФРГ позаботились о том, чтобы поставить неудержимое возвышение объединенной Германии в определенные рамки, вмонтировать некоторые ситуационные ограничители, создать сдерживающие моменты, способные до поры до времени не дать опрокинуться хрупкому равновесию внутри самого Запада. В частности, введение единой валюты преследовало также цель предотвратить «диктат» немецкой марки в Евросоюзе, который казался неотвратимым. Евро больно ударил по внутригерманскому уровню цен, а затем ухудшил экспортные возможности Германии из-за невыгодного обменного курса с долларом. Однако впоследствии евро стал служить интересам ФРГ не хуже, чем в свое время немецкая марка. В перспективе также вряд ли можно ожидать, что единая валюта будет сдерживать рост влияния ФРГ на проводимую Евросоюзом политику.

Основным и непременным условием выхода Германии на позиции соучастия в принятии судьбоносных для Европы и мира решений остаются ее преференциальные отношения с Францией. Первая поло-

---

[1] См.: “Neues Deutschland”, 19. Februar 2005.

вина XX в. доказала, что франко-германское соперничество за главенство в Европе ведет к взаимному истощению сил и Германии, и Франции. К тому же американская гегемония в Западной Европе после 1945 г. сняла остроту проблемы: державой Запада номер один стали и оставались в любом случае США. Установление франко-западногерманского «вечного мира» в конце 40-х годов послужило стартовым сигналом для начала процесса европейской интеграции и продолжает лежать в основе функционирования Европейского союза в его нынешнем виде. Заключенный де Голлем и Аденауэром в 1963 г. бессрочный Елисейский договор о дружбе и сотрудничестве послужил спасательным кругом для сохранения франко-западногерманских отношений в рабочем состоянии даже в период взаимного охлаждения. Был довольно длительный период, когда Франция при поддержке Англии настаивала на строительстве «Европы отечеств», а ФРГ вместе с малыми членами Европейских сообществ требовала создания «наднациональной Европы». Однако постепенно позиции Франции и ФРГ выравнивались и сближались. Французы шли на уступки в областях, не слишком затрагивающих национальный суверенитет, а немцы перед лицом постепенного увеличения числа членов ЕС приходили к выводу о необходимости закрепления гарантий уважения своих национальных интересов.

Объединение Германии заставило Париж изменить стратегию из-за опасений стать ведомым во франко-германском тандеме. Миттеран видел единственный способ избежать подобного развития в наделении Европейских сообществ наднациональными полномочиями в объеме, который раньше французы считали недопустимым. В декабре 1989 г. президент Франции выступил с идеей создания «Европейской конфедерации», ядро которой составила бы интегрированная часть континента, а страны Центральной и Восточной Европы, включая еще существовавший тогда СССР, были бы связаны с ним гибкими договорными отношениями. Реализация этой идеи была сорвана США, которые не видели для себя места в предложенной комбинации. Не поддержали Миттерана и немцы, опасавшиеся испортить отношения с США, а также Центральная Европа, жаждавшая американского покровительства и одновременно скорейшего участия в европейской интеграции при отстранении от нее СССР/России.

Дальнейшее развитие отклонилось от пути, предложенного Миттераном, однако идея конфедеративного объединения сохранилась, хотя и не в общеевропейском масштабе. Об этом свидетельствует, в частности, история разработки «конституции Евросоюза». В ней не были учтены и реализованы периодически обсуждавшиеся принципы

создания «твердого ядра» сообщества, нацеленные на построение сообщества в виде «концентрических кругов» или частей «с разными скоростями», что должно было узаконить ведущую роль «пионеров» интеграции, т. е. в первую очередь ФРГ и Франции («ядро твердого ядра»). В то же время трудности, вызванные осуществленным в 2004 г. расширением ЕС сразу на 10 новых членов и связанным с ним крушением проекта «Европейской конституции», которая была отклонена в 2005 г. на референдумах во Франции и в Голландии, неизбежно привели к возрождению дискуссии на эту тему.

Во время германского председательствования в Евросоюзе в первой половине 2007 г. удалось согласовать текст «Конституционного договора», который был подписан уже под председательством Португалии в Лиссабоне в декабре того же года. По предложению Франции новый документ был переименован в «Договор о реформах» и вступил в силу в день подписания. Франция настояла на том, чтобы во избежание неприятных сюрпризов ратификация производилась через парламенты (исключение было сделано только для Ирландии, и именно отрицательный итог ирландского общенационального референдума явился причиной того, что документ до сих пор не вступил в силу). Компромиссный характер договора обусловил то, что Евросоюз получил «основной закон» с весьма сложным и запутанным текстом. В отличие от первоначального проекта не предусматривалось введение флага и гимна, а также поста министра иностранных дел. Вместе с тем учреждалась должность президента, избираемого Евросоветом и Европарламентом на два с половиной года, и вводился новый механизм принятия решений квалифицированным большинством; впрочем, для особо важных вопросов, включая внешнюю политику, принцип единогласия сохранялся.

Между тем реформа организации ЕС продиктована реальными потребностями западноевропейской интеграции. Переименование Европейских сообществ в Европейский союз, решение о котором было принято в конце 1991 г., не было простой сменой вывески — ему должны были соответствовать внутренние реформы с конечной целью создания конструкции с конфедеративными чертами, а также новыми внешнеполитическими устремлениями. Евросоюз создавался в момент, когда разваливался Советский Союз и для западных политиков вставал вопрос о «дележе наследства» («один союз наследовал другому»). В то же время уже в 1993 г. было принято лоббировавшееся Германией решение о расширении ЕС на восток, прямо противоречившее или, по крайней мере, значительно осложнявшее развитие Евросоюза в сторону конфедерации. Решающим для немцев момен-

том было то, что расширение Евросоюза на восток подтверждает их центральное положение в Европе и создает все предпосылки для той роли «третейского судьи», которую Германия всегда хотела играть на континенте.

Присоединение к Евросоюзу в 2004 г. 10 новых стран, в том числе 3 бывших советских республик, не сняло с повестки дня вопрос об организационном совершенствовании Союза, но изменило его направление — пришлось искать способы ограждения интересов не просто «старых» стран — членов Евросоюза, а прежде всего его самых крупных участников, тех доноров, за счет взносов которых существуют Евросоюз и его программы. Естественно, свои интересы стояли для ФРГ при этом на первом месте. Российский исследователь Л.М. Воробьева подчеркивает: «Если прежняя ФРГ искала в Европейском сообществе равноправия, то для объединенной Германии речь идет о политическом лидерстве и создании новой иерархии отношений, фиксирующих объективное неравенство стран-членов»[1]. До сих пор Берлину удавалось гармонизировать свои шаги в этом направлении с политикой Франции, чьи интересы не всегда совпадают с германскими.

Без изменения правил функционирования Евросоюзу грозила ситуация, когда страны, совокупный ВВП которых составляет около 5% расширенного Союза, могли бы получить более 30% голосов в его руководящих органах. Перспектива «диктата семи гномов» (или «новых бедных») и другие элементы неопределенности обстановки в Евросоюзе сплотили Францию и Германию на основе безусловного приоритета их национальных интересов, которые все более сближались. ФРГ и Франция не колеблясь пошли на нарушение требования Евросоюза об удержании в жестких рамках задолженности их госбюджетов, поскольку этого нарушения требовала напряженная внутриполитическая ситуация. Обе страны выступали рука об руку при подготовке «конституции», а затем «договора о реформах». Они демонстрировали солидарность при решении практических задач, встающих перед Евросоюзом. Практиковавшееся при Шираке и Шрёдере «замещение» руководителя одной страны главой другой на встречах в верхах Евросоюза было не просто красивым жестом, а выражением действительного совпадения их точек зрения на коренные проблемы развития интегрированной части континента.

Спровоцированный войной США в Ираке раскол Евросоюза на «старую» и «новую» Европу на первых порах не заставил Париж и Берлин отступить от самостоятельной позиции, тем более что она послу-

---

[1] *Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2000. С. 210.

жила основой для создания франко-германо-российской тройки, сразу придавшей обеим странам такой вес в международных делах, о котором они совсем недавно и мечтать не могли. Развитие обстановки в Ираке лишь подтверждала обоснованность акции, предпринятой Шрёдером и Шираком. В то же время «новая» Европа без колебаний возложила на ФРГ ответственность за ослабление «атлантической опоры» Евросоюза. Польский политолог Марек Цихоцкий писал о последствиях решения ФРГ: «Никогда еще взаимное доверие в Европе не находилось в столь глубоком кризисе, и это как раз в момент самого масштабного расширения [Евро]союза»[1].

Состоявшаяся в ФРГ и Франции смена лидера внесла новые существенные нюансы в обстановку. И Ангела Меркель, и Николя Саркози самым недвусмысленным образом заявили о своем намерении сделать более тесными отношения их стран с США. Поскольку Вашингтон ни в чем не модифицирует своей внешнеполитической линии, меняется, следовательно, линия ФРГ и Франции. Меркель начала первой, но особенно резкими стали зигзаги французской политики, которая явно идет на разрыв с наследием генерала де Голля. Братание Саркози с Джорджем Бушом, демонстрация его сближения с «непотопляемым авианосцем США» Великобританией, проект создания «Средиземноморского союза», который почти неизбежно станет конкурентом Евросоюза, — все это встречается с плохо скрываемым раздражением в Берлине. Но несмотря на ряд осложняющих моментов, на ближайшие годы в целом сохраняется объективная основа для прочного франко-германского «тандема», а также его линии на развитие конструктивных связей с Россией. Насколько объективные предпосылки будут реализованы, зависит от общей обстановки в Европе и в мире.

Европейские партнеры ФРГ видят в **НАТО** во главе со всемогущими США основной политический инструмент удержания в узде объединенной Германии. Они считают, что на Вашингтон можно в этом смысле положиться, так как он никого не числит в «вечных друзьях», придирчиво проверяя каждый шаг своих союзников на предмет его соответствия интересам США. Тем более что в число функций НАТО с самого начала входил «надзор» за ФРГ. Но времена меняются, и контроль над ФРГ уже давно стал иллюзией. В новых условиях в сохранении этой иллюзии заинтересована прежде всего сама Германия. Немцы, вносящие львиную долю в бюджет НАТО, обладают в органах аль-

---

[1] См.: Marek A. Cichocki, Der hohe Preis der Macht, in: "WeltTrends", Nr. 45 (Winter) 2004. S. 106.

янса голосом, который невозможно не услышать. Если же они сочли за благо не настаивать на немедленном перераспределении функций в альянсе и не отреагировали официально на предложение Джорджа Буша-старшего об американо-германском «партнерстве по лидерству», то решающую роль сыграла здесь заинтересованность в предотвращении публичных дискуссий на тему: «Кто главнее?» в Европе после США. Тем более что для американцев любое партнерство означает в первую очередь послушание голосу хозяина.

Уже давно практиковавшая «мировую политику из второго ряда» ФРГ предпочла до поры до времени открыто не высовываться. В нынешней ситуации НАТО служит, скорее, германскому контролю над европейскими союзниками, а это очень важно с точки зрения ФРГ после приема в альянс стран «промежуточной Европы» с их неординарными представлениями о том, какой должна стать политика расширенной НАТО. Однако в феврале 2005 г. канцлер Шрёдер официально потребовал реформы НАТО, заявив о своем недовольстве положением, при котором она «больше не является главным местом, где трансатлантические партнеры обсуждают и координируют свои стратегические представления. То же самое, — продолжал Шрёдер, — относится к диалогу между Европейским союзом и Соединенными Штатами, который в своем сегодняшнем виде не соответствует ни растущему весу ЕС, ни новым потребностям трансатлантического сотрудничества»[1]. В ходе последовавшего визита президента Буша в Германию США не возвращались к идее «партнерства в лидерстве». Сменившая Шрёдера Меркель не стала публично повторять его требования, но и не отказалась от них. Полностью проигнорировать выдвинутое Шрёдером предложение о создании высокопоставленной «группы мудрецов», которая должна разработать основные направления реформы НАТО, вряд ли удастся. Идея реформирования НАТО, которое в последнее время было подменено механическим расширением альянса, фигурирует в открытом письме, направленном избранному президенту США Бараку Обаме в январе 2009 г. министром иностранных дел ФРГ Франком-Вальтером Штайнмайером, ведущей фигурой СДПГ на выборах в бундестаг в сентябре 2009 г.

Немцы постарались реализовать появившиеся возможности утвердить свою самостоятельность в рамках Североатлантического союза. Все входящие в НАТО контингенты бундесвера подчиняются теперь немецкому командному центру под Потсдамом — точно так же, как

---

[1] См.: *Григорьев Евгений.* Шрёдер предложил в Мюнхене реформу НАТО // Независимое военное обозрение, 18.02.2005.

это происходит во всех остальных государствах — членах альянса. Тем самым без излишнего шума был отменен дискриминационный для ФРГ порядок, когда с момента ее вступления в НАТО она не располагала национальным контролем над основной массой своих войск.

Расширение НАТО на восток задумывалось Вашингтоном как программа с комбинированной целью. В дополнение к «контрольной» миссии альянса этот шаг должен был предельно осложнить для России восстановление ее влияния не только в Центральной Европе, но и на постсоветском пространстве, а также в максимально возможной степени рассорить Западную Европу, и прежде всего Германию, с восточным гигантом. Американцев в любом случае не устраивает Большая Европа, включающая Россию. В том монополярном мире, который им нужен, любые центры влияния, могущие когда-либо вступить в конкуренцию с Вашингтоном, являются с точки зрения США излишними и вредными. Публичных возражений со стороны ФРГ не последовало. Она дисциплинированно шагала в едином строю союзников по альянсу и даже выступила в роли одного из «инициаторов» приема новых членов в НАТО. Свой интерес у нее при этом тоже был: прочная привязка Центральной Европы к Западу избавляет Германию от рисков, связанных с соблазнительной для ее восточных соседей возможностью играть роль маятника между Востоком и Западом по принципу: ласковый теленок двух маток сосет.

Однако, вбивая клин между Россией и остальной Европой, продвижение Североатлантического альянса на восток формирует чреватую возникновением кризисов ситуацию в наиболее чувствительной для всех европейцев сфере континентальной безопасности. Германия и до 1990 г. весьма нервно реагировала именно на этот аспект положения на континенте. Теперь же она начинает постепенно убеждаться в том, что добиться коренного перелома в смысле обеспечения стабильности в «промежуточной Европе» не удалось. К тому же немаловажный побочный эффект выхода НАТО на российские границы состоит в том, что он помогает США хотя бы временно обезопасить себя от последствий расширения Евросоюза, которое при определенных условиях было бы в состоянии привести к возникновению общеевропейского блока с участием России. Такой блок был бы в состоянии стать существенным ограничителем для экспансионистских тенденций в американской политике. Уже создание франко-германо-российской тройки в контексте иракской войны чрезвычайно обеспокоило США.

В целом на сегодня ФРГ остается верным солдатом Запада. Пока Россия была слабой, причем с тенденцией дальнейшего ослабления ее позиций, Германия предпочитала синицу в руках (замещение России

на территориях, где когда-то прислушивались к русскому голосу) соловью в небе (полномасштабное партнерство с Россией). Официальная политика ФРГ до сих пор исходит из американского тезиса о том, что Россия должна проделать над собой еще очень много либеральных экспериментов, чтобы быть допущенной в среду просвещенных европейцев. Похоже, что только канцлер Шрёдер начал понимать, что нельзя говорить с Россией языком ультиматумов и рассчитывать вместе с тем на ее поддержку, без которой ФРГ, несмотря на все свои потенции, будет обречена до скончания века оставаться служанкой на кухне Вашингтона. Неудивительно, что именно политика партнерства ФРГ и России («дружба Шрёдера и Путина») вызывала наиболее резкие нападки как внутри самой Германии, так и в «новой» Европе. Однако Меркель не стала петь с голоса правых, и ее реакция на резкую речь российского президента 10 февраля 2007 г. на Конференции по безопасности в Мюнхене сильно разочаровала американцев. В канун сессии НАТО в Бухаресте (апрель 2008 г.) официальный представитель правительства ФРГ заявил, что Германия не может поддержать ускоренный прием в альянс Украины и Грузии, поскольку эти страны не соответствуют принятым НАТО критериям для кандидатов.

В направлении внесения раскола в потенциально возможный единый фронт всех европейцев действует **Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе**. Оставаясь до сих пор единственным европейским институтом, в который входят все без исключения государства Европы, США и Канада (а также ряд азиатских государств постсоветского пространства), ОБСЕ обманула возлагавшиеся на нее надежды. Заплатив за создание этой ущербной с самого начала общеевропейской организации несуразно высокую политическую и материальную цену, Москва долгое время не могла отделаться от связанных с этим достижением иллюзий. И до, но особенно недвусмысленно после распада Советского Союза ОБСЕ играла роль не интегратора континента, а терминатора для тех европейских стран, которые осмеливались иметь свое суждение о происходящем в мире и Европе. Югославия, Белоруссия, а теперь и Россия в полной мере испытали и испытывают на себе неадекватный подход и недоброжелательство со стороны этой организации.

Николаус Бломе, один из известных правых политологов ФРГ, парировал немецкую критику в адрес «крестоносца» Джорджа Буша следующим образом: «Чего, как не смены режима в Белграде, добивались европейцы во время войны в Косове, когда НАТО бомбардировало Белград? Чему, как не великой смене режимов на Востоке, обязаны немцы своем воссоединением? И какую цель преследовала давно уже

причисленная [Западной] Европой к лику святых СБСЕ? Ведь она служила цели так размягчить исподтишка коммунистические диктатуры Восточного блока, чтобы они развалились, — в то время это было безальтернативным методом перед лицом взаимного устрашения атомным оружием»[1]. В какой-то мере Бломе прав, называя высказывающееся в Евросоюзе, и в частности в ФРГ, недовольство действиями США «лицемерным» и «непоследовательным», — Евросоюз действительно без зазрения совести использовал и использует СБСЕ/ОБСЕ для подрыва европейского статус-кво. Яркий пример из этой серии — предпринимавшиеся в последние годы попытки добиться свержения существующего в Белоруссии режима, объявленного «последней диктатурой Европы». Немцы без излишнего шума поддерживают противоправные действия Евросоюза и США в отношении Белоруссии, но одновременно непрочь использовать возникшие в начале 2007 г. трения между Лукашенко и Москвой для отрыва Белоруссии от России.

Единственным доводом в пользу дальнейшего существования ОБСЕ остается завязанный на нее Договор об ограничении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ), который, однако, вследствие расширения НАТО и саботажа альянсом ратификации его модифицированного варианта много потерял в своем значении. Решение России о приостановлении действия этого договора было лишь логичным выводом из возникшей ситуации. Какой-либо позитивной роли ФРГ в этой организации не чувствовалось ранее, не заметно и сейчас. Она исправно участвовала и в проводившихся органами ОБСЕ антиюгославских, антибелорусских и антироссийских акциях. О возражениях ФРГ против общей линии Запада, превратившего ОБСЕ в дубинку для «усмирения» Восточной Европы, ничего не известно. Российские предложения об устранении однобокости в деятельности организации не встречают внятного отклика с германской стороны.

1.3. «Восточная политика» объединенной Германии

Преодоление раскола Германии стало переломным этапом в германской послевоенной истории. Вовне вновь проявились тенденции, характерные для немецкой внешней политики имперского периода. Ощутимое «взросление» Германии в плане самостоятельного поведения на европейской и мировой арене далеко не всегда шло на пользу

[1] Nikolaus Blome, Altes und neues Europa, “Die Welt”, 19.02.2005.

стабильности на континенте. Вопрос об ареале приложения новоявленной германской энергии решался сравнительно просто. Еще до создания единой Германии ФРГ активно обрабатывала экономическую (и политическую) почву в странах Центральной Европы, которых немцы по традиции считают своей естественной сферой интересов. Развал Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи значительно облегчил эту работу. Дезинтеграция СССР окончательно расчистила Германии путь на Восток — по большей мере вполне мирный путь экономического проникновения, который в современном мире дает в долговременной перспективе те же результаты, что и военный захват в предшествующие эпохи. ФРГ охотно согласилась с предложенной ей ее западными партнерами разделением труда, тем более что осложнения с освоением бывшей ГДР не давали ей возможности сразу замахнуться на большее. Впрочем, и сегодня другие направления не остаются закрытыми для Германии. Немецкое присутствие понемногу растет и в Китае, и в Латинской Америке, и в других регионах земного шара.

Идеологическому обоснованию новой волны немецкого «натиска на Восток» служит пресловутая теория тоталитаризма, ставшая, по существу, государственной доктриной ФРГ. Эта теория, приравнивающая «реальный социализм» к нацизму, преследует прежде всего цель продемонстрировать, что запятнавший себя чудовищными преступлениями против человечества нацистский режим не является исключительным достоянием немецкой истории. Сталинский режим был-де еще хуже гитлеровского, и неизвестно, кто от кого защищался и кто больше совершил злодеяний. Вывод из таких построений гласит: истинное освобождение народов Центральной Европы случилось лишь тогда, когда из нее «ушли» русские и «пришел» Запад, т. е. в первую очередь немцы. Вся система школьного и высшего образования ФРГ базируется на теории тоталитаризма, построенной на сходстве случайных, внешних черт диктаторских режимов и игнорирующей фундаментальные различия между нацистской проповедью вседозволенности для «высшей расы», представленной немцами, и предпринятой в России неудачной попыткой насильно реализовать всеобщее социальное равенство.

Объединение Германии видоизменило содержание термина «немецкая восточная политика». Если «старая» ФРГ, формулируя и реализуя свою восточную политику, имела в виду прежде всего СССР, от которого напрямую зависело решение национального вопроса немцев, то после 1990 г. в число ее первостепенных объектов вошли лежащие к востоку от Германии **страны Центральной Европы и Балканы**. Это по-

нятно, если вспомнить, что теоретики пангерманизма конца XIX — начала XX в. планировали экспансию рейха прежде всего в направлении Юго-Восточной Европы; захват российских территорий вошел в их проекты позже, когда присоединение Петербурга к англо-французской Антанте позволило придать германскому нападению на Россию характер «превентивного удара». Это не означает, что Россия совсем выпала из поля зрения восстановившей свое государственное единство Германии. Такое просто невозможно, пока русское государство еще существует и оказывает влияние на формирование глобальной ситуации. Однако временное ослабление России и ее внешнеполитических позиций привело к тому, что в списке приоритетов немецкой политики страны Центральной Европы во многом вышли практически на равный с Россией уровень. Впрочем, подобная «уравниловка» вызывает среди указанных стран, в первую голову в Польше, определенное недовольство. Там предпочли бы, чтобы ФРГ свела к нулю политические контакты с Россией и подходила к ней как к противнику, от которого надо «защищать» новых членов Евросоюза[1].

Характер отношений Германии с центральноевропейскими странами диктуется в первую очередь их стратегическим положением в Европе. На протяжении нескольких последних столетий существенную роль в судьбах континента играл вопрос о том, под чьим влиянием находится так называемая «промежуточная Европа»[2] — та полоса стран и народов, которая отделяет Западную Европу от Восточной, т. е., строго говоря, от России (Украину и Белоруссию никогда не причисляли к «промежуточной Европе», они всегда считались частью исторической России). Довольно долгое время к этой полосе, включающей Балканы, относились и части несумевшей своевременно преодолеть свою раздробленность Германии. Возвышение Пруссии в XVIII–XIX вв. несколько упростило ситуацию — отныне непосредственный спор за разграничение сфер влияния в обширном Центральном регионе вели Петербург, Вена, Берлин и какое-то время Стамбул. Запад в лице Лондона и Парижа постоянно вмешивался в развитие событий в регионе. Характерным проявлением такого

---

[1] Польский политолог Цихоцкий подчеркивает, что в Варшаве вначале приветствовали «ремилитаризацию» внешней политики объединенной Германии «с учетом также своей безопасности (Россия)», но затем разочаровались в ФРГ из-за «эгоизма» и «бесцеремонности» Шрёдера (Marek A. Cichocki, Der hohe Preis der Macht, in: «WeltTrends", Nr. 45 (Winter) 2004. S. 102–103).

[2] Термин «промежуточная Европа» (Zwischeneuropa) был введен в обращение Фридрихом Науманом (1860–1918), евангелическим теологом и либеральным политиком времен Второго рейха.

вмешательства явилась Крымская война, непосредственно столкнувшая Англию и Францию, с одной стороны, и Россию — с другой. Одним из последствий Крымской войны стал нейтралитет России в разгромном для французов столкновении с Пруссией в 1870 г., закончившемся провозглашением Германской империи («Второго рейха») в 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца. Однако нежелание передать в руки русских ключи от Босфора и Дарданелл продолжало и дальше осложнять отношения Запада, включая уже Германию и Австро-Венгрию, с Россией. Хрупкое равновесие между интересами Австро-Венгерской, Германской и Российской империй в «промежуточной Европе» было разрушено Первой мировой войной, формальным поводом к которой стал конфликт Австро-Венгрии с Сербией. Прежние государства региона (Румыния, Болгария) плюс новые государства, возникшие на отошедших от Германии и России землях (Польша, Финляндия, Прибалтика), а также на территории развалившейся Дунайской монархии (Венгрия, Чехословакия, Югославия) и Османской империи (Греция, Болгария, Албания) составили под эгидой ставшей сильнейшей европейской державой Франции так называемый «санитарный кордон», в задачи которого входило изолировать Советскую Россию и прежде всего не дать ей войти в прямой контакт с жаждущей реванша за проигранную войну Германией

В ходе подготовки к Второй мировой войне Германия втянула в свою орбиту практически все страны «санитарного кордона» (т. е. почти всю «промежуточную Европу»), а Италия оккупировала Албанию. Аншлюс Австрии и отторжение Судет в 1938 г., а затем полная оккупация Чехословакии в марте 1939 г. показали, какая судьба ожидает «ослушников». Сотрудничество (естественно, неравноправное) Берлин предлагал и Варшаве, но та ответила отказом, претендуя на особую роль в регионе. Ухудшение отношений с Германией не привело, однако, к присоединению Польши к антигитлеровской коалиции, так как одновременно она отвергла предложение СССР о военном союзе в случае нападения на нее Германии. Варшава отказалась принять помощь СССР даже под дулами германских пушек. Такая помощь могла быть эффективной лишь при проходе Красной Армии через территорию Польши, чтобы встретить атакующий вермахт на польско-германской границе, как можно дальше от жизненных центров СССР. Именно в проходе и было отказано советским войскам. Безответственная политика правившей в Польше клики полковников привела к разгрому в течение трех недель польской армии и ликвидации польского государства. «Промежуточная Европа» исчезла.

Победа над нацистской Германией не принесла на первых порах возрождения «промежуточной Европы». Почти на полвека она утратила свой межеумочный характер, войдя с некоторыми исключениями (Греция, Югославия, Албания) в сферу безопасности СССР. Построение реального социализма в шести странах Центральной Европы (Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария) было призвано закрепить это положение, однако в действительности превратилось в постоянный источник внутренней дестабилизации как самих этих стран, так и всего социалистического содружества. Периодические осложнения внутриполитической ситуации в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше подрывали монолитность блока и предоставляли внешним силам желанную возможность вмешиваться во внутриблоковые отношения и разжигать противоречия между составными частями содружества.

Парадоксальным было прямо противоположное восприятие в странах Центральной Европы немцев ГДР и немцев ФРГ. На первых сконцентрировались все исторически возникшие антипатии по отношению к Германии; их недолюбливали также за «верность Советам» и за сравнительно высокий уровень жизни по меркам реального социализма. Вторые же считались бескорыстными друзьями, и от них ожидали манны небесной. Подобная «вывернутая наизнанку» психологическая база облегчила уже «новой» ФРГ переход к следующему этапу своей восточной политики. Объекты этой политики носят с германской точки зрения неоднородный характер. Немецкие исследователи выделяют из общей массы стран «промежуточной Европы», к которой отныне причислялся и ряд ставших самостоятельными республик бывшего СССР, группу государств «ущербной (дефектной) демократии», включающую некоторые балканские, закавказские и среднеазиатские государственные образования, требующие «особого» к себе отношения со стороны Германии[1]. На первом месте среди них стоят Украина и Грузия, с которыми ФРГ «дружит», но не спешит следовать американской линии.

Основной заботой для объединенной Германии продолжает оставаться **Польша** — самая крупная страна региона с утрированными представлениями о том, какая роль должна принадлежать ей в постконфронтационной Европе. Главным препятствием для расцвета польско-германских отношений по-прежнему служит требование поляков о сугубо щедрой немецкой поддержке, подкрепляемое ссылка-

[1] См.: Stephan Hensell, Peripherie — osteuropäische Staaten. Zum patrimonialen Sozialismus und seiner Transformation, in: "WeltTrends", Nr. 45 (Winter) 2004. S. 11–12.

ми на действительно имевшие место злодеяния немецко-фашистских оккупантов на территории «генерал-губернаторства», как немцы называли оккупированную ими Польшу после 1939 г. Со своей стороны, общественность ФРГ предъявляет Польше счет за нарушения прав человека в отношении немцев: негуманные способы выдворения поляками коренного немецкого населения Силезии и польской части Восточной Пруссии начиная с 1945 г. не забыты. Проблема реституции реквизированного у выселенных силезских немцев имущества или компенсаций за него сохраняет свою остроту и по сей день.

Еще до краха реального социализма в Польше правительство ФРГ признало вину немцев за преступления против поляков (чего в отношении России оно избегает делать до сих пор[1]). Перед визитом в Варшаву в ноябре 1989 г. канцлер Гельмут Коль заявил в бундестаге: «От имени немцев и немецкими руками полякам был причинен ужасный урон. Собственно, кто в нашей стране помнит еще о том, что концлагеря на польской территории были предназначены также для того, чтобы ликвидировать элиту этого народа?» Однако, продолжал он, пришло время примирения: «Какой смысл в том, чтобы немцы и поляки обменивались взаимными обвинениями, как это делают некоторые там и сям? Грядущие поколения будут судить о нас по тому, что мы сегодня сделаем для того, чтобы они жили в условиях мира и совместной свободы»[2]. Хотя тогдашнее посещение Колем Польши, которому придавалось значение переломного, было смазано (он досрочно покинул Варшаву, чтобы присутствовать на митинге в Западном Бер-

---

[1] Отдельные немецкие заявления на этот счет остаются неизвестными широкой общественности Германии и России и не находят отражения в официальных документах ФРГ. Так, в докладе, сделанном премьер-министром земли Гессен Роландом Кохом (ХДС) 26 августа 2003 г. в Ярославле, содержится следующая оценка событий войны: «Немцы принесли в вашу страну страдания и несправедливость. Миллионы отдали свои жизни. Война оставила следы разрушения. Она показала нам, насколько зыбка почва цивилизации, на которой мы стоим, и что человек, который возносит себя до Бога, кончает как дьявол. Я преклоняю голову перед мужчинами и женщинами Ярославля, которые погибли во время Великой Отечественной войны. При каждой встрече русских и немцев мы ощущаем власть истории, и поэтому хорошо и правильно, что в нашем партнерстве мы не должны забывать общую историю. В этой связи мы должны также помнить о судьбе поволжских немцев, которые вынуждены были покинуть Поволжье, свою многовековую родину, в угоду сталинской политике насильственного переселения» (перевод стенограммы доклада, подготовленный московским филиалом Фонда Конрада Аденауэра). Но и здесь явственно просматривается типичная для ФРГ попытка поставить на один уровень зверское истребление нацистами народов СССР и меры защитного характера со стороны советских властей.

[2] Цит. по: Karol J. Szyndzielorz, Polen, in: Cord Jakobeit, Alparslan Yenal (Hrsg.), Gesamteuropa. Analysen, Probleme und Entwicklungsperspektiven, Bonn, 1993. S. 207.

лине в связи с падением Берлинской стены)[1], линия на установление «сердечной антанты» с поляками последовательно выдерживается всеми правительствами ФРГ независимо от метаний польской политики.

Вопреки имеющимся спорным моментам и расхождениям Польша остается привилегированным партнером ФРГ, и германская внешняя политика по-прежнему оказывает ей повышенное внимание. Развернута и осуществляется широкая программа трансграничных партнерств на локальном уровне. Во Франкфурте-на-Одере работает германо-польский университет «Виадрина». 2 мая 2004 г. тогдашний президент ФРГ Иоганнес Рау выступил в польском сейме с речью, в которой приветствовал вступление Польши в ЕС, приравняв германо-польское примирение по своему значению для Европы к франко-германскому. Рау заявил тогда: «Для немцев и для поляков начинается совершенно новый этап нашего соседства»[2].

В августе 2004 г. канцлер Герхард Шрёдер посетил Польшу в связи с годовщиной Варшавского восстания 1944 г. Это был важный политический жест, подчеркнувший прогресс в развитии германо-польских отношений и решимость Германии продолжать движение в этом направлении. Выступая у мемориала участников восстания, Шрёдер заявил: «Сегодня мы, исполненные чувством стыда, склоняем головы перед лицом преступлений нацистских войск. Они напали на Польшу в 1939 г. После восстания 1944 г. они превратили в руины и пепел старую Варшаву. Бесчисленное множество польских женщин и мужчин были убиты или отправлены в концлагеря и на принудительные работы. В этом месте польской гордости и немецкого позора мы выражаем надежду на примирение и мир»[3].

В то же время в речах канцлера в Варшаве наличествовали некоторые пассажи, которые были подхвачены средствами массовой информации обеих стран и истолкованы в традиционно русофобском духе. Это прежде всего ссылка на «иностранную державу», которая-де долгое время «подавляла память» об участниках Варшавского восстания.

---

[1] Несмотря на спешку, были подписаны 11 соглашений — о молодежном обмене, сотрудничестве в сфере внешней политики, науки, техники, здравоохранения, культуры, сельского хозяйства, окружающей среды и т.д. Накануне поездки Коля бундестаг принял специальное постановление о границе по Одеру и Нейссе, гарантировавшее, что немцы не будут своими территориальными претензиями оспаривать право поляков «жить в пределах надежных границ» (Hans Georg Lehmann, Deutschland-Chronik 1945 bis 1995, Bonn, 1996. S. 423).

[2] "Frankfurter Rundschau", 3. Mai 2004.

[3] "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 3. August 2004.

СССР остался неназванным, но германские и польские журналисты не преминули разъяснить, кого именно имел в виду Шрёдер. При этом осталась в тени главная причина замалчивания восстания: его организаторы, «лондонские поляки», были смертельными врагами польского коммунистического режима, и было бы странно ожидать от этого режима глорификации своих политических противников; на такое неспособно ни одно правительство, не исключая демократических.

Второй момент касался контакта с Красной Армией, которым повстанцы умышленно пренебрегли, рассматривая ее как своего врага наряду с немцами. Канцлер высказал сожаление, что «восставшие остались без помощи», и опять СМИ подробно растолковали, что он подразумевал здесь Красную Армию, части которой стояли уже на другом берегу Вислы, но не получили-де «разрешения» Сталина оказать поддержку повстанцам[1]. Практически никто не вспомнил, что весь 1944 г. Красная Армия вела тяжелые наступательные бои на всем протяжении советско-германского фронта и что к Варшаве советские войска подошли измотанными и нуждающимися в передислокации, которая закончилась лишь к январю 1945 г.[2] Заигрывая с Польшей, официальная ФРГ не гнушается косвенной поддержкой русофобских установок польских националистов. Впрочем, это происходит только в тех случаях, когда германские интересы напрямую не затрагиваются.

Сразу после развала соцлагеря Польша попыталась создать группировку стран, на которую она могла бы опираться в своих претензиях на руководящую роль в Европе. Традиционное стремление поляков к главенству нашло свое выражение прежде всего в сколоченной в 1991 г.

---

[1] “Süddeutsche Zeitung”, 2. August 2004. Впрочем, Шрёдер в своем выступлении 20 июля 2004 г. в Берлине по случаю 60-летия покушения на Гитлера прямо говорил, что с началом Варшавского восстания дальнейшее наступление Красной Армии было якобы по указанию Сталина приостановлено, что абсолютно расходится с историческими фактами («Время», 29.07.2004).

[2] Об этом узнали лишь внимательные читатели «Зюддойче цайтунг». Гласом вопиющего в пустыне осталась опубликованная в ней в разгар торжеств по случаю 60-летия высадки союзников в Нормандии статья известного немецкого историка Петера Яна об операции Красной Армии «Багратион», нанесшей вермахту крупнейшее поражение Второй мировой войны. Отброшенные на расстояние до 500 км на фронте протяженностью более тысячи километров немцы потеряли одну группу армий целиком и практически полностью еще одну группу армий, более полумиллиона немецких солдат было убито и 400 000 попали в плен. Начавшаяся у Витебска и Могилева через две недели после высадки союзников в Нормандии операция «Багратион» была продолжена в середине июля на Северной Украине и закончилась в конце июля у Варшавы, а также в конце августа на границах Восточной Пруссии (см. “Süddeutsche Zeitung”, 24. Juni 2004). Требовать большего от советских войск было нельзя.

«Вышеградской тройке» (Польша, Венгрия, Чехословакия), которая энергично способствовала ликвидации военных структур Варшавского договора, а затем и дезинтеграции восточного блока в целом. В этом деле поляки опирались на полную поддержку Запада, включая ФРГ. Однако «Вышеградская тройка» не оправдала надежд Варшавы в том смысле, что остальные два ее участника слишком явно ориентировались не на Польшу, а на США и ФРГ. Кроме того, Венгрия, Чехия и Словакия вскоре вошли в неформальное объединение «наследников» Австро-Венгерской монархии и по этой причине также не склонны чрезмерно активно поддерживать претензии поляков на лидерство. После вступления членов «Вышеградской тройки» в Евросоюз в ее рамках предпринимаются попытки согласовывать общую линию «новичков» в целях защиты своих интересов, которые недостаточно учитываются «старыми» членами ЕС. Правда, без особого успеха.

Польша активно работает над формированием антирусского альянса, призванного расшатать ситуацию на приграничных к России территориях. Смысл создаваемого ею, Грузией и Украиной «Содружества демократий Балтийско-Черноморско-Каспийского региона — Сообщества демократического выбора» состоит в том, чтобы блокировать прямые связи России с Западной Европой, стать своего рода «фильтром» для них, возродить приснопамятный «санитарный кордон» межвоенного периода, сделать невозможной защиту интересов России в этом стратегически важнейшем ареале. По замыслу авторов проекта поддержать его (и, видимо, подкинуть деньжат) должен Евросоюз, но заменять российское влияние в регионе будет американское. Первоначальная реакция ФРГ на этот проект, поддержанный также и Литвой, была, естественно, весьма сдержанной. В «газовом конфликте» в январе 2009 г. между Украиной и Россией Польша недвусмысленно поддержала Украину; ФРГ осталась на позициях «равноотстраненности».

Если ФРГ в своей «восточной политике» постоянно оглядывается на то, как будет реагировать Польша, Варшава без колебаний наступала на немецкие мозоли, если считала это полезным для себя. В 1992 г. польский президент Лех Валенса выступил с идеей создания в «промежуточной Европе» организаций, параллельных НАТО и Европейским сообществам — «НАТО-бис» и «ЕС-бис», которые могли бы на равных поддерживать контакты со своими западными оригиналами. Само собой разумелось, что по образцу оригиналов доступа в «бисы» у СССР (России) не было бы, а их ведущей державой стала Польша. Тем самым приблизилось бы воплощение давней мечты польских националистов о распространении влияния Польши на весь субрегион «от моря до

моря», т. е. от Балтики до Черноморского бассейна. План Валенсы, предполагавший возникновение структур, способных сделать Польшу еще одной конкурирующей с Германией военно-политической величиной в Европе, никак не мог отвечать интересам ФРГ. Он послужил толчком для принятия немцами решения поддержать готовившееся США расширение НАТО на восток. ФРГ действовала по принципу: пусть лучше НАТО контролирует Польшу, чем Германию. С этого момента принадлежность к НАТО превратилось в непременную предпосылку членства в Европейском союзе, которое стало мечтой всех бывших социалистических стран сразу же после их возвращения в традиционное состояние «промежуточной Европы». ФРГ такая привязка устраивала, поскольку избавляла от необходимости в случае нужды самой принимать негласные дисциплинарные меры по отношению к «новым коллегам» из Центральной Европы.

Однако это не избавило Берлин от неприятностей, связанных с польским комплексом неполноценности. В частности, резко разошлись позиции ФРГ и Польши по иракской проблеме. В то время как Берлин, сделавший выводы из катастрофических последствий участия ФРГ в войне НАТО против Югославии для внутриполитической обстановки в стране, последовательно выступал против действий США, возвращающих кулачное право в международные отношения, Польша вступила в соревнование с Великобританией за звание «самого верного друга США» в Европе. Соревнование прошло не без успеха в том смысле, что Польша наряду с Великобританией приобрела статус наместника США в Ираке, получив под свое командование формирования, направленные в Центральный Ирак европейскими союзниками Америки, в том числе Украиной. Польские СМИ без обиняков сообщили, что позиция ФРГ по Ираку вызвала в Польше «утрату доверия» к Германии. Особенно возмутило поляков то, что франко-германский дуэт был дополнен тесным контактом с Россией, что привело к возникновению франко-германо-российской тройки, которая именовалась в Польше не иначе, как «ось». Поляки не согласились, чтобы в январе 2005 г. на церемонии, посвященной памяти узников Освенцима, выступил президент ФРГ Хорст Кёлер. Список выступающих остался прежним — президенты России, Израиля и Польши.

Польша совершенно открыто претендует на то, чтобы стать «координатором» действий западных союзов в отношении России и других постсоветских государств. Немцам ни «координаторы», ни «посредники» не нужны, но на фоне разногласий по Ираку ФРГ не препятствовала тому, чтобы Польша полномасштабно засветилась во время «оранжевой революции» на Украине в ноябре-декабре 2004 г. (хотя не-

мецкая поддержка украинских «оранжистов» была не менее значительной, чем польская). Однако официальный Берлин вовремя сообразил, что события на Украине не стоят того, чтобы из-за них рисковать отношениями с Москвой. Кроме того, было ясно: победившему Виктору Ющенко потребуется помогать, а на это ни у ФРГ, ни у Евросоюза денег нет и на ближайшее время не предвидится. В Польше приход Ющенко к власти был расценен как «польская победа», открывающая путь к реализации модифицированной модели давнего плана Валенсы. Денег нет и у Польши, но польские политики ожидают, что за все заплатит Россия: у России-де нет иного выхода, как продолжать помогать Украине, какой бы антирусский уклон ни приобрела линия Киева.

С установлением в Польше режима братьев Качиньских антирусская составляющая польской политики дополнилась антигерманской. Старания канцлера Ангелы Меркель придать отношениям с Польшей «эксклюзивный» и доверительный характер не были слишком успешными. Поляки требуют, чтобы Берлин делал то, что нужно им. Прежде всего это относится к начатому Германией и Россией строительству Североевропейского газопровода по дну Балтийского моря, который лишит страны, через территории которых проходят существующие газо- и нефтепроводы из России в Западную Европу, возможности шантажировать и поставщика, и потребителей. На том основании, что Германия не разрывает контракта на постройку газопровода, Польша отказалась в 2006 г. от участия в очередной сессии франко-германо-польского совещания в верхах в рамках «Веймарского треугольника», хотя именно этот «треугольник» должен подчеркивать статус Польши как «великой державы регионального масштаба». Волна антигерманских настроений захлестнула Польшу в связи с признанием немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии, почетного гражданина Гданьска Гюнтера Грасса в том, что в 1944 г. он добровольно вступил в войска СС[1]. Активно поддерживавший в свое время польскую «Солидарность» Грасс был своего рода символом «полонизации» германской политики и всегда рассматривался как польский «агент влияния» в ФРГ. Его детронизация в качестве морального апостола воспринята в Польше как подтверждение, что ни одному немцу верить нельзя.

Планы размещения американских антиракет в Польше вызвали сильнейшее беспокойство в политических и общественных кругах ФРГ. Немцы, как и многие другие западноевропейцы, считают, что

[1] См.: Die Grass-Debate wird instrumentalisiert, “Die Welt”, 19. August 2006.

несогласованное с партнерами по Евросоюзу согласие Варшавы принять эти ракеты на своей территории ставит под угрозу и их безопасность, поскольку Россия будет вынуждена принять в этом случае контрмеры. Пока германское правительство старается, чтобы его недовольство не прорывалось наружу. Однако показательно, что весной 2008 г. в ФРГ возродилась традиция массовых «пасхальных маршей мира». В последний раз такие марши были существенным внутриполитическим фактором для ФРГ в начале 80-х годов, в период борьбы против размещения в Западной Германии новых американских ракет средней дальности («двойное решение НАТО»).

Еще раньше истерический протест в Польше вызвал проект создания в Берлине «Центра жертв изгнания», предложенный в сентябре 2003 г. германским Союзом изгнанных с целью информировать европейскую и мировую общественность о лишениях, которые пришлось испытать и пережить миллионам немецких переселенцев, депортированных из Польши, Чехословакии и других стран уже после окончания Второй мировой войны. Авторы идеи называли свой проект «вкладом в сближение народов», поскольку прочное взаимопонимание между ними возможно «лишь на основе полного и объективного знания фактов истории». По существу, они не так уж далеки от истины[1]. Бурный всплеск эмоций в Варшаве и Праге объяснялся не столько самим проектом, сколько параллельно предпринимавшимися формально не связанным с Союзом изгнанных фондом «Прусский попечительский совет» шагами по возбуждению в международных судах процессов по имущественным делам переселенцев. (Параллельно потомки немецких переселенцев зондируют возможность выкупить недвижимость, которой были лишены их родственники; пока такие сделки запрещены законом). ХДС/ХСС, по существу, полностью поддержали инициативу Союза изгнанных.

---

[1] Историк и журналист Конрад Шуллер объясняет беспокойство поляков опасениями, что Германия «в какой-то момент начнет трактовать Вторую мировую войну лишь как “убийство евреев плюс изгнание”. В этом случае Польша утратила бы ореол жертвы и встала бы в качестве “государства-гонителя” в один ряд с преступниками» (Варшавские сирены. Война живет в памяти: страх перед русскими и немцами, Internationale Politik [русская версия]. 2005. № 3, май-июнь. С. 32). Для историков и журналистов ФРГ чрезвычайно характерна позиция Шуллера, который сознательно ставит знак равенства между действиями Германии и СССР в отношении Польши в 1939 г., обходя молчанием тот факт, что польский режим полковников сорвал своевременное создание антигитлеровской коалиции накануне нападения германской агрессии, отказавшись стать союзником СССР, несмотря на его готовность направить войска на защиту Польши (Московские англо-франко-советские военные переговоры в августе 1939 г.).

Ради сохранения мира внутри Евросоюза существовавшее в тот момент «красно-зеленое» правительство ФРГ высказалось против открытия «Центра жертв изгнания» в Берлине и начало консультации с Польшей, Чехией, Словакией и Венгрией по этой проблематике. Представители Польши потребовали расширить тематику проектируемого Центра, включив в нее судьбу всех изгнанников Европы, в первую очередь поляков, якобы насильственно выселявшихся с территории УССР и БССР. В своей августовской речи 2005 г. Шрёдер поддержал позицию Варшавы: «Миллионы людей различных национальностей — среди них более двух миллионов поляков — были изгнаны со своей родины во время и после Второй мировой войны. Память об их тяжких страданиях не должна вновь разделять нас, она должна объединить нас»[1]. Обеими сторонами упорно игнорируется то обстоятельство, что население Западной Украины и Западной Белоруссии самостоятельно решало вопрос о своем гражданстве и, следовательно, свободно выбирало, переезжать ли ему в Польшу или оставаться на месте. На быстрейшем переселении настаивали именно польские власти, которым нужно было заселять «западные земли», пустевшие по мере выселения силезских немцев. Сам переезд был совершенно нормальным процессом, в ходе которого переселенцам оказывалась максимально возможная в условиях послевоенной разрухи помощь и поддержка.

Официальные представители ФРГ, Польши, Словакии и Венгрии (Чехия отказалась от участия в этом проекте) подписали в Варшаве в феврале 2005 г. декларацию о создании «Европейской сети “Память и солидарность”» вместо берлинского «Центра жертв изгнания». Согласно тексту декларации, цель «сети» состоит в «анализе, подборе документов и пропаганде истории XX века — века войн, тоталитарных диктатур и страданий гражданского населения, становившегося жертвой войн, угнетения, завоеваний, насильственной миграции, а также жертвой националистических, расистских и идеологически мотивированных репрессий». «Сеть» должна располагать руководящим комитетом, в котором стороны представлены на паритетных началах, и секретариатом в Варшаве. К делу был привлечен и Совет Европы, который собирается создать под своей эгидой «Центр памяти жертв насильственного перемещения и этнических чисток» в XX в. Вряд ли, однако, объективность будет относиться к достоинствам этого проекта, поскольку заранее заявлено, что он не будет учитывать, например, факта истребления и «выдавливания» из Косова более 230 тыс. сербов после войны НАТО против Югославии в 1999 г.

---

[1] “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, 3. August 2004.

Совместные мероприятия «Европейской сети» должны были проходить в уже существующих музеях и центрах. В качестве первой акции была проведена выставка о немецких изгнанниках в 2006 г. в Бонне, подальше от политических страстей германской столицы. Во главу угла мероприятий «сети» ставились темы «тоталитаризма», «сталинских преступлений» и т.д., с тем чтобы превратить их в орудие русофобского отчуждения и вражды, воскрешающего и усиливающего все мыслимые этнические, территориальные, конфессиональные претензии, существующие или еще только зарождающиеся в Европе. «Союз изгнанных» поторопился открыть в августе 2006 г. в Берлине свою выставку «По принуждению в дороге — бегство и выселение в Европе в XX веке». Хотя ее устроители постарались учесть все польские пожелания по этой острой теме, реакция официальной Варшавы оказалась очень резкой.

Между немцами и поляками продолжают существовать серьезные противоречия и в экономической сфере. В ФРГ сильны опасения, что дешевая польская рабочая сила, которая уже до расширения ЕС осложняла положение на немецком рынке труда (особенно в новых землях), после отмены ограничений хлынет в Германию с гибельными последствиями для социального равновесия последней. Именно ФРГ настояла на том, чтобы в отношении новых членов ЕС из Центральной Европы было временно ограничено применение одного из основных принципов европейской интеграции — права на свободное перемещение рабочей силы в рамках Европейского союза. Это, естественно, вызвало острое недовольство в Польше, хотя ее правительство вынуждено было в ряду прочих принять и это условие. Речь Рау в сейме бойкотировалась депутатами от правой «Польской семейной лиги», объявившими, что вступление в Европейский союз делает поляков «подданными Германии», для которых возможен лишь «рабский труд»[1].

В начале 2005 г. последовала острая реакция профсоюзов и правительства ФРГ на проект директивы Комиссии ЕС о создании единого рынка услуг по образцу давно уже существующего единого рынка товаров. Суть новой директивы состояла в том, что владельцы оказывающих услуги предприятий обязаны следовать только правилам и предписаниям, существующим в стране их происхождения, независимо от того, в какой стране Евросоюза оказывается услуга. Директива должна была охватывать практически весь спектр сектора услуг, от розничной торговли, свободных профессий и благотворительных организаций до проката автомобилей и консультантов на предприятиях. Немцы впол-

[1] “Frankfurter Rundschau”, 3. Mai 2004.

не обоснованно стали возражать против «социального демпинга» и «конкуренции стран низких зарплат» (таких, как Польша) со странами высокой социальной защищенности (таких, как ФРГ и Франция), которые станут неизбежными в случае принятия этой директивы. Канцлер Шрёдер заявил, что «защита прав работающих по найму в Германии не подлежит дискуссии»[1]. Директива была отменена. Правительство «большой коалиции» осталось на позиции, занятой его предшественником. Хотя канцлер Ангела Меркель неоднократно давала понять, что мнение Польши, как непосредственного соседа, для ФРГ важнее, чем даже мнение России, «новые веяния» в германской политике ограничились пока косметической корректурой.

Перспективы германо-польских отношений отнюдь не безоблачны. Периодически повторяющиеся истерические припадки польских политиков вызывают растущее раздражение в Германии. Даже «полонофилы» в ФРГ предупреждают, что «эта постоянная готовность к бою, смещение акцентов на конфронтацию грозит стать проблемой для будущего восточной части Европы. [...] Если Польша и страны Балтии [...] вновь обратятся к логике конфликта, то она отбросит их как раз в ту самую "буферную зону", из которой им впервые за многие столетия удалось выбраться после 1989 г.»[2] Восстановление «промежуточной Европы» не устраивает ФРГ, так как чревато вымогательством по отношению к Западной Европе.

Отношения ФРГ с **Чехословакией** (а затем с **Чехией** и **Словакией**) складывались в первое время после пражской «бархатной революции» сравнительно беспроблемно. Это было тем более важно для расширения германской сферы влияния на Востоке, что жесткую германо-чехословацкую конфронтацию периода холодной войны никак нельзя было объяснить только зловредной природой коммунизма. Корнями конфликт уходил во времена расчленения Чехословакии 1938 г. и германской оккупации ее территории после 1939 г., а также выселения судетских немцев после войны. Вопреки сильному сопротивлению внутри чехословацкого общества (отнюдь не только со стороны компартии) лидер «бархатной революции» Вацлав Гавел сразу же принес публичные извинения за отношение чехов к судетским немцам после 1945 г. и предложил «историческое примирение» с Германией в рамках чехословацкого «возвращения в Европу». Недвусмысленная прогерманская ориентация Гавела позволила уже в ноябре 1991 г. парафиро-

---

[1] См.: "Die Welt", 5. Februar 2005.

[2] *Шулер Конрад.* Варшавские сирены. Война живет в памяти: страх перед русскими и немцами // Internationale Politik (русская версия). 2005. № 3, май-июнь. С. 43–44.

вать, а в феврале 1992 г. подписать базовый договор о добрососедстве и сотрудничестве с Германией. Правда, из него были исключены наиболее спорные темы, связанные с осуждением нацистской агрессии (в союзах изгнанных в ФРГ до сих пор сильны настроения в пользу признания Мюнхенского соглашения 1938 г. «законным») и реституции имущества выселенных после 1945 г. судетских немцев (подавляющее большинство чехов настроены против такой меры, так как опасаются предъявления немцами в последующем территориальных претензий). Сохраняется в первозданном виде принятый чехословацким парламентом в начальный постсоциалистический период закон об отмене произведенной в послевоенные годы экспроприации имущества, который серьезно ограничивает права иностранцев в этой сфере.

Названные моменты и сегодня продолжают оставаться камнем преткновения в германо-чешских отношениях (Словакия заявила о своем нейтральном отношении к спору на данную тему). Вступление Чехии и Словакии в НАТО и Евросоюз ничего не изменило в эмоционально ведущейся полемике. Время от времени в германских СМИ начинается организуемая союзами изгнанных кампания в пользу отмены Чехией так называемых «декретов Бенеша»[1] и выплаты компенсации выселенным немцам. В ответ чехи напоминают о тяжких последствиях нацистской оккупации и квалифицируют действия союзов изгнанных как реваншизм. Немцам очень сильно не достает Гавела, который после ухода в отставку играет в чешской политике чисто декоративную роль. Нынешнего президента Вацлава Клауса никак нельзя заподозрить в выполнении функций германского «агента влияния».

Перспектива размещения в Чехии американской РЛС, связанной с антиракетами в Польше, также осложняет германо-чешские отношения. Хотя протестные настроения в чешском обществе сближают чехов до определенной степени с немцами, большинство из которых не поддерживают планов США, правительство Чехии продолжает упорно гнуть линию на включение страны в систему американских военных приготовлений. В ходе российско-украинского конфликта из-за блокады Украиной поставок газа в страны ЕС в начале 2009 г. Чехия как председатель Евросоюза в тот момент заняла явно проукраинскую позицию.

---

[1] Имеются в виду изданные в 1945 г. тогдашним президентом Чехословакии Эдуардом Бенешем, представлявшим буржуазные партии страны, законодательные акты, регулировавшие выселение проживавших на чехословацкой территории этнических немцев с полной конфискацией их имущества.

Меньше всего проблем у ФРГ в отношениях с **Венгрией**. Во-первых, серьезное (хотя и не акцентируемое) психологическое значение имеет тот факт, что Венгрия практически до конца войны оставалась на стороне Германии, не входила в число победителей, не участвовала, таким образом, в определении судьбы поверженного рейха и не несет «ответственности» за раскол Германии. Во-вторых, (западно)германские фирмы заблаговременно внедрились в венгерскую экономику, поскольку венгерские коммунисты гораздо раньше других соцстран (по существу, сразу же после событий 1956 г.) начали подготовку к переходу к рынку. В-третьих, именно состоявшееся по инициативе Будапешта открытие австро-венгерской границы в сентябре 1989 г. превратило подспудно тлевший кризис ГДР в открытый пожар, уничтоживший в конечном счете второе германское государство. Не разглашенные до сих пор тайные договоренности между Бонном и Будапештом, предварявшие этот удар в спину ГДР[1], сильно способствовали тому, что в постконфронтационный период между обеими странами сразу установились теплые отношения, обеспечившие гармонизацию их внешней политики. Характерно, что ни в фильмах, ни в передачах телевидения, ни в литературе ФРГ нельзя встретить не то что враждебных, но даже просто недружественных по отношению к Венгрии, ее истории и народу материалов.

«Нейтральная» территория Венгрии охотно используется спецслужбами Запада, включая ФРГ, для подготовки акций по изменению политических систем в постсоциалистических и постсоветских государствах. В 2000 г. в Будапеште было создано международное бюро, через которое оказывалась масштабная материальная поддержка сербской оппозиции (30 млн долларов поступили только из США). Также в Венгрии обучались примыкающие к оппозиции группы молодежи, которые сыграли роль ударных отрядов при свержении Слободана Милошевича. В результате была разработана методика «управления определенными географическими пространствами и процессами на них»[2]. Такая методика была с успехом опробована не только в Сербии (2000), но и в Грузии (2003) и на Украине (2004).

---

[1] Российский исследователь О.А. Гриневский сообщает о секретной встрече канцлера Коля с главой венгерского правительства Неметом в замке Гимних под Бонном в августе 1989 г., в результате которой 11 сентября Венгрия окончательно открыла границу с Австрией для выезда туристов из ГДР (*Гриневский О.А.* Как начиналось объединение Германии, «Россия XXI». 2007. № 3. С. 66).

[2] См. выступление Е.Ю.Гуськовой (Институт славяноведения РАН) на проведенной 21 января 2005 г. информагентством «Росбалт» конференции «“Оранжевый” вирус бархатных революций: кто следующий?». www.Kreml.org, 25.01.2005, «Мнения экспертов».

Восточная политика объединенной Германии не ограничивается «промежуточной Европой». Она охватывает и страны, исторически входившие в зону безопасности России. Особо предупредительно относится ФРГ к государствам **Прибалтики**, занявшим чрезвычайно важную для идеологического здоровья постконфронтационного Запада нишу главных жертв «российского империализма». Ведущую роль в качестве «опекунов» Прибалтики играют Скандинавские страны, в первую очередь Дания. ФРГ остается как бы во втором ряду, не претендуя на первенство и не добиваясь лавров главного покровителя, хотя на практике действует весьма активно, опираясь на традиционные связи с регионом. Для немцев прибалты интересны прежде всего как «живое доказательство» наличия «позитивной стороны» действий вермахта во Второй мировой войне. Во всех европейских странах нацистская оккупация рассматривается как абсолютное зло, но в Прибалтике она официально преподносится как «освобождение» и «защита» от большевизма. Там военные пенсии выплачиваются не участникам разгрома фашизма, а добровольцам, воевавшим на стороне нацистской Германии в составе национальных формирований «ваффен-СС». Им же возводятся памятники.

СМИ ФРГ ни разу не возвысили свой голос против глорификации пособников нацизма в Прибалтике, хотя нацистская партия и СС остаются в самой Германии запрещенными организациями. Двойной стандарт, несомненно, способствует нынешнему усилению влияния крайне правых в ФРГ. Молчит ФРГ и по поводу нарушения прав русскоязычного меньшинства в Прибалтике. Она мирится с ущербом, который наносит русофобская сущность политики Прибалтики отношениям Евросоюза и самой ФРГ с Россией. Германия не решается выступить против складывающегося положения, при котором членство стран Балтийского региона в западных союзах постепенно превращается в основной ограничитель возможностей построения Большой Европы.

Пристальное внимание ФРГ уделяет **Украине** (занимающей в немецкой табели о рангах в сфере «восточной политики» место непосредственно после России и Польши). Ведущую роль играют экономические соображения, в основном обращенные в будущее. Предполагается, что после выхода из затяжного кризиса, который страна переживает с 1991 г., Украина сможет стать сильным проводником западного влияния на экономическом поле Восточной Европы. Подобные надежды питаются также историческими реминисценциями — в периоды обеих мировых войн овладение украинскими ресурсами считалось в Германии гарантией решения основных сырьевых

проблем рейха. До недавнего времени существенным фактором «украинского крена» немецкой политики была зависимость ФРГ от бесперебойного транзита через Украину российского газа (безвредного для окружающей среды энергоносителя, использование которого не противоречит программным установкам зеленых с их серьезным влиянием на германское общество). По объяснениям немецких политиков, именно эта зависимость заставляет ФРГ заботиться об укреплении своего влияния на страну, через которую пролегает большинство транзитных газопроводов (и практически все нефтепроводы) из России в Евросоюз. Однако перманентный политический и экономический кризис на Украине заставляет Берлин искать «обходные пути». Создание энергетического альянса с Россией в сентябре 2005 г. на базе строительства Североевропейского газопровода имело в виду ослабить зависимость ФРГ от колебаний украинской политики.

Ряд германских политиков мотивирует интерес к Украине антироссийскими стратегическими соображениями. В ФРГ (так же, как и в США) широко распространено убеждение, что воспрепятствовать «возрождению Советского Союза» (каковое считается наиболее вероятной целью российской политики, как только Россия начнет приходить в себя после разрухи горбачевской и разграбления ельцинской эпох) можно будет прежде всего через Украину. В разжигании перманентного российско-украинского конфликта, парализующего усилия этих обеих стран на европейском направлении, усматривается наиболее выгодный для Запада вариант развития обстановки в Восточной Европе.

Именно в этом лежат причины совершенно беспардонной русофобской истерии, разразившейся в западных, в первую очередь германских, политических кругах и СМИ в связи с «оранжевыми» событиями на Украине в ноябре-декабре 2004 г. Известно, что организаторы давления улицы на украинские органы власти использовали опыт подготовки массовых демонстраций в ГДР в 1989–1990 гг. и что в Киев приезжали депутаты бундестага от ХДС из числа руководителей этих демонстраций. Русофобская кампания не меньшей интенсивности была развернута в Западной Европе и во время конфликтов между Газпромом и украинским правительством в январе 2006-го и марте 2008 г. Хотя факт хищения транзитного газа Украиной был установлен независимыми экспертами, именно Россия объявлялась западными СМИ «ненадежным поставщиком». Подобный же враждебный России фон характеризовал позицию СМИ ФРГ в январе 2009 г., хотя на этот раз немцам пришлось признать также украинскую вину.

В рамках западных усилий перевести стрелки развития Украины на строго антироссийские рельсы ФРГ следует в фарватере американ-

ской и польской политики. Однако немецкое влияние на Киев и в политической, и в экономической сфере нельзя считать второстепенным. Спорадические попытки Украины в период правления Леонида Кучмы установить добрососедские отношения с Россией немедленно вызывали со стороны влиятельных политиков ФРГ настоятельные советы «повременить», «подстраховаться», проявить «осмотрительность». Очень беспокоит Запад проект Единого экономического пространства в рамках СНГ, которое в западных столицах расценивается как один из способов «восстановить СССР». В этой связи характерна позитивная реакция ЕС на сделанную Виктором Ющенко сразу же после вступления в должность президента оговорку в отношении ЕЭП: он-де не против выполнения соответствующих договоров, но при условии, что это не будет затруднять присоединение Украины к «другим экономическим пространствам», т. е. к Евросоюзу. Именно на том, что ЕЭП несовместимо с перспективой членства в ЕС, и ставит ударение аргументация Запада, в том числе ФРГ.

Игра на иллюзиях украинских политиков относительно возможности скорого присоединения Украины к Европейскому союзу имеет все признаки карточного шулерства. Хотя такой возможности нет и на ближайшее десятилетие не предвидится (эксперты называют 15 лет как минимальный срок для того, чтобы Украина «дозрела» для вступления в ЕС, а ЕС «созрел» для ее приема), каждый шаг к улучшению или восстановлению разрушенных в результате дезинтеграции Советского Союза российско-украинских экономических связей характеризуется Западом как «шаг в сторону от Европы», как препятствие на пути «европеизации» Украины. Такие доводы, несмотря на всю их абсурдность, встречают, как правило, отклик у значительной части украинских политических кругов. Если результаты парламентских выборов лета 2006 г., обусловивших формирование правительства во главе с Виктором Януковичем, продемонстрировали как будто ослабление влияния прозападного крыла украинской политики, то последующее развитие, закончившееся приходом к власти правительства Юлии Тимошенко, свидетельствует об обратном. Украинская политическая ситуация нестабильна и не является окончательной. Вместе с остальными державами Запада ФРГ продолжает обработку элиты Украины в духе сохранения верности «западным ценностям».

Неприкрыто враждебный и агрессивный характер носила до самого последнего времени линия Запада, включая ФРГ, по отношению к **Белоруссии**. Западные руководители в принципе не готовы смириться со слабостью оплачиваемой ими оппозиции в этой стране и прочностью положения президента А.Г. Лукашенко, ведущего независи-

мую от «рекомендаций» западных столиц политику. По этой причине президент США Джордж Буш-младший зачислил Белоруссию в число «стран-изгоев», а сенат США с 2004 г. выделяет специальные ассигнования для свержения существующего в Минске режима. При вступлении в должность госсекретаря в январе 2005 г. Кондолиза Райс назвала Белоруссию «форпостом тирании» и обещала предпринять усилия для победы в ней свободы и демократии.

Определенную роль в беззастенчивом вмешательстве во внутренние дела суверенного европейского государства играют прохладные отношения между правительствами Белоруссии и России, которые позволяют Западу надеяться, что Москва «стерпит» антибелорусские акции. Официальные власти ФРГ воздерживались от открытого повторения американских выпадов против Белоруссии, но, по существу, всегда всецело поддерживали их. Германские СМИ вели до последнего времени постоянную антибелорусскую кампанию, сконцентрированную на обвинениях Лукашенко в стремлении установить личную диктатуру и на утверждениях, будто «Белоруссия Лукашенко — это СССР 1937 года». Президент Белоруссии изображался душителем белорусской демократии и организатором «тайных убийств» вождей оппозиции.

Наибольшее неприятие вызывают на Западе планы реализации договора о союзе между Россией и Белоруссией. Подлежащее созданию союзное российско-белорусское государство представляет собой, по мнению западных аналитиков, наиболее серьезную «опасность» в плане объединения коренных славянских территорий, составлявших в свое время сердцевину Российской империи, а затем Советского Союза. Поэтому в ход пущены все средства, чтобы сорвать или, по крайней мере, замедлить процесс строительства единого государства. Не только члены представительства ОБСЕ в Минске, но и лично возглавлявший ее посол ФРГ Георг Вик были уличены в контактах с готовившей государственный переворот оппозицией и оказанием ей материальной (финансовой) поддержки. После объявления Вика персоной нон грата германские дипломаты избегают излишне светиться в плане связей с белорусской оппозицией, но политика Берлина в отношении Белоруссии не претерпела никаких принципиальных изменений. В апреле 2006 г. министр иностранных дел «большой коалиции» Франк Вальтер Штайнмайер публично упрекнул Россию в поддержке Лукашенко, несмотря на то, что мартовские президентские выборы 2006 г. в Белоруссии якобы не соответствуют «нормам ОБСЕ». Пришлось С.В. Лаврову напоминать коллеге, что таких «норм» не существует.

В антибелорусской кампании активно используется недружественная Белоруссии позиция значительной части российских средств массовой информации, на чьи тенденциозные материалы зачастую ссылаются западные пропагандисты. В этом смысле комментарии не только НТВ, но и государственных каналов (в особенности Первого канала) часто цитируются в германских СМИ. Запад мобилизовал против Лукашенко российских «либералов-западников» типа Чубайса и Немцова. Не исключено, что в случае удачно спровоцированного конфликта между Москвой и Минском Запад немедленно перешел бы к активным действиям против Белоруссии по сербскому, грузинскому или украинскому («цветные революции») сценарию.

После возникновения определенной напряженности в российско-белорусских отношениях вследствие разногласий с Газпромом относительно цены на поставляемый Белоруссии природный газ Запад, включая ФРГ, вдруг резко ослабил интенсивность антибелорусской кампании. Видимо, Лукашенко могут простить и «диктаторские замашки», и нарушения священных прав человека, если он «уведет» Белоруссию из-под крыла Москвы. Характерны комплименты в его адрес за отказ от признания Абхазии и Южной Осетии.

Наиболее цинично «европейский фантом» используется политиками ФРГ и других стран Запада в отношении **Молдавии**. Со ссылкой на вероятные осложнения при будущем «подключении» Молдавии к Евросоюзу было сорвано уже разработанное при посредничестве России соглашение об урегулировании конфликта с Приднестровьем. Западные представители в ОБСЕ прямо вмешались в переговорный процесс, чтобы торпедировать его, хотя одним из главных требований Евросоюза к странам-кандидатам является отсутствие конфликтов как внутри этих стран, так и между этими странами и их соседями. Эта акция как нельзя более наглядно демонстрирует откровенно прозападный и антироссийский курс ОБСЕ. Этот курс безоговорочно поддерживается ФРГ. В 2004 г. бундестаг принял специальную резолюцию, обязывавшую правительство усилить воздействие на Молдавию для скорейшего разрешения «приднестровского кризиса».

Судя по высказываниям некоторых немецких политиков[1], урегулирование с Приднестровьем представляется им необходимым условием решения молдавской «проблемы» через реализацию концепции «Великой Румынии». Часть политического класса ФРГ требует, чтобы вступившей в Евросоюз Румынии оказывалось содействие при осуще-

[1] См. например: *Сосновский Александр.* Приднестровская дыра // Московские новости. 2006. 18–24 августа.

ствлении давнишней румынской мечты о поглощении Молдавии, которая наверняка соблазнится возможностью «небюрократического» вступления в ЕС в качестве части Румынии. Как и накануне Второй мировой войны, некоторые немецкие политики видят в Румынии своего союзника, вместе с которым остающиеся пока за бортом НАТО и Евросоюза страны «промежуточной Европы» также подадутся под высокую руку Берлина. При этом замалчивается, что исторически Молдавия входила в Румынию лишь в качестве оккупированной румынами после Первой мировой войны территории, что Приднестровье было произвольно включено в Молдавию после Второй мировой войны, что «Великая Румыния» — это мираж, с помощью которого Гитлер вовлек румын в захватническую войну против СССР.

После враждебных России акций правительства коммуниста Владимира Воронина Запад перевел его из разряда «нелюбимых» в разряд «терпимых». В мае 2006 г. его официально принимала в Берлине канцлер Ангела Меркель, пообещавшая очередную финансовую инъекцию в размере 5 млн евро. Впрочем, адаптированный к молдавским условиям сценарий «оранжевой революции» продолжает готовиться. Особый восторг на Западе вызвала введенная совместно Кишиневом и Киевом в марте 2006 г. экономическая блокада Приднестровья. Сценарий «таможенного кризиса» был подготовлен принятой в декабре 2005 г. по рекомендации Германии программой ЕС в отношении поддержания режима границ Молдавии. Для реализации программы ФРГ направила в Молдавию группу инструкторов таможенной службы и уголовной полиции. Сохранение небольшого российского воинского контингента в Приднестровье, выполняющего задачу охраны размещенных там складов с оружием и боеприпасами, постоянно обыгрывается в ФРГ как «доказательство» исходящей от России опасности.

Растущее внимание, уделяемое германской внешней политикой **Закавказью** и **Прикаспию**, объясняется прежде всего наличием там богатейших месторождений нефти и газа, а также возможностью использовать регион для строительства трубопроводов в обход России. Стратегическая ошибка Берлина в регионе состояла поначалу в том, что он попытался обеспечить свои интересы, действуя не через Россию и в рамках сотрудничества с нею, а в обход ее. Определенную роль в том, что немцы вновь спотыкаются о те же грабли, играют реминисценции послебрестского периода 1918 г., когда командование вооруженными силами рейха направило в Грузию экспедиционный корпус, чтобы обеспечить Германии прямой выход на бакинскую нефть. Тогда из этих планов ничего не получилось. Теперь цель изоляции России преследуется иными методами.

Не будучи в состоянии целиком последовать примеру США, прямо заявивших о своем «праве» защищать американские интересы в регионе, ФРГ тем не менее ведет здесь рассчитанную на перспективу закулисную работу. Немецкие эксперты придерживаются мнения, что Закавказье, Казахстан и Средняя Азия будут в XXI в. оставаться местом пересечения политических и экономических интересов крупных держав, вызывая возникновение конфликтов между ними. Наиболее перспективными конкурентами в борьбе за «черное золото» региона считаются США, Евросоюз и Китай, которые якобы имеют все шансы оттеснить Россию на второй план[1]. Внешне в пользу подобной точки зрения свидетельствует целый ряд моментов нынешней ситуации. И все же такой прогноз содержит элемент авантюризма, периодически характеризующий немецкую внешнюю политику. Гораздо реалистичнее предположение, что Россию не удастся «выдавить» из региона и с ней придется договариваться всем, кто интересуется им.

Наибольшую активность в Грузии ФРГ проявляла до свержения Эдуарда Шеварднадзе, на личные связи с которым она опиралась. Ставшие известными (а также оставшиеся неизвестными) услуги, оказанные Шеварднадзе Бонну при присоединении ГДР к ФРГ, обусловили «особые отношения» между Германией и Тбилиси, причем никому в ФРГ не приходило в голову обвинять тогдашнюю Грузию в недостатке демократии, хотя «ущербность» грузинской ситуации бросалась в глаза. Немцы сразу поддержали столь дорогой сердцу Шеварднадзе проект нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, который должен был обеспечить независимость от российской системы трубопроводов сразу для всего региона. Проект до сих пор носит в основном политический характер, так как его экономическая целесообразность остается недостаточно обоснованной. Интерес ФРГ к нему обусловлен еще и тем обстоятельством, что реализации проекта хочет Турция, с которой ФРГ тесно связана.

С приходом к власти Михаила Саакашвили, являющегося креатурой США и сделавшего ставку на уже существующее и на будущее американское военное присутствие в Грузии, ФРГ пришлось быть более осторожной. С одной стороны, настояния Саакашвили на членстве Грузии в НАТО или, по крайней мере, на присутствии войск альянса на грузинской территории импонируют Берлину, поскольку предоставляют ему шанс укрепить свое влияние в стратегически важной стране Кавказского региона. С другой — авантюризм Саакашвили

---

[1] См.: *Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2000. С. 291.

вполне грозит смешать все карты. В конфликте Саакашвили с Россией после грузинской агрессии против Южной Осетии ФРГ заняла сдержанную позицию, хотя Ангела Меркель и назвала признание независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России «неприемлемым». Весьма опасные последствия для Запада могут иметь альтернативные варианты развития внутригрузинской обстановки, вплоть до отстранения Саакашвили от власти. В этом случае ситуация может полностью выйти из-под контроля Запада, и он, включая ФРГ, рискует оказаться втянутым в военные авантюры грузинских кланов под угрозой потерять всякое влияние в регионе.

В Азербайджане Берлин предпочитает действовать под прикрытием турок, оказывающих сильное, если не определяющее влияние на политическую линию Баку. Наследники Гейдара Алиева, с трудом справляющиеся с горой проблем, оставшихся от последних советских и первых послесоветских лет, в принципе заинтересованы в «диверсификации» иностранного присутствия в стране, чтобы не попадать в абсолютную зависимость от плохо предсказуемой политики Анкары. Отсюда их открытые для немцев объятия, которым они явно отдают предпочтение. Однако ФРГ тщательно следит за тем, чтобы ни у кого не возникало впечатления, будто она конкурирует в Азербайджане с американцами или турками. Вмешательство США и Турции в дела Азербайджана открыто и очевидно; немцы же предпочитают и здесь оставаться «во втором ряду».

Нежелание конкурировать с США определяет и «политику низкого профиля», проводимую немцами в Армении, находящейся в состоянии открытого конфликта с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Однако допускать охлаждения отношений с Ереваном Берлин не намерен. Воспринимая Армению в качестве основного союзника России на Кавказе, Берлин тем не менее избегает оказывать поддержку тамошней оппозиции, которая могла бы расшатать стабильность этой страны. Здесь тактика Берлина разительно отличается от его поведения в отношении Белоруссии. Немцы поддержали требование к Турции признать геноцид армян в 1915 г., хотя такая позиция вызвала недовольство турок. Вообще характерно, что в германских СМИ нет враждебных кампаний против установившихся в Закавказских республиках авторитарных режимов. Саакашвили даже получил рекламу в качестве «грузинского Джинджича». Правда, идея Хилари Клинтон о присвоении Саакашвили и Ющенко Нобелевской премии мира не получила поддержки в Германии.

Нет в прессе ФРГ разоблачительных кампаний и против режимов среднеазиатских государств, в которых заинтересованы германские

экономические круги. В последнее время налицо рост интереса германского бизнеса к Среднеазиатскому региону бывшего СССР. По инициативе ФРГ в июне 2007 г., в период ее председательствования в Евросоюзе, была принята «центральноазиатская стратегия» ЕС, нацеленная на «диверсификацию энергоснабжения и путей транспортировки энергоносителей» для Западной Европы. В феврале 2008 г. в Туркмении прошел двусторонний энергетический, а в Узбекистане экономический форум, на которых помимо крупных делегаций из ФРГ (более ста человек) присутствовал тогдашний германский министр экономики и технологий Михаэль Глос. Прямые связи ФРГ с Туркменией с ее богатейшими природными ресурсами насчитывают уже десятилетнюю историю. В ходе визита в ФРГ в 1997 г. туркменского президента Сапармурата Ниязова обсуждались крупные проекты сотрудничества в области строительства экспортных трубопроводов, но тогда их реализация была отложена из-за непрогнозируемой ситуации в соседнем Афганистане. После 2002 г. силами немецких компаний реконструированы и построены комплекс нефтеперерабатывающих предприятий в Туркменбаши, а также газокомпрессорные и телефонные станции. Нынешний президент Туркмении Гурбанкулы Бердымухамедов предложил немцам участвовать в разработке газовых месторождений на туркменском шельфе Каспийского моря, обозначив 32 участка, перспективных с точки зрения запасов углеводородного сырья. По туркменским оценкам, их освоение позволило бы уже в 2008 г. добыть более 80 млрд кубических метров природного газа и около 11 млн тонн нефти. Михаэль Глос зондировал возможность участия Туркмении в проекте «Набукко», осуществление которого энергично продвигается американцами в целях обеспечения транспортировки углеводородов из бассейна Каспия в обход территории России.

Интенсивными были переговоры Глоса и в Узбекистане, связи ФРГ с которым обусловлены миссией бундесвера в Афганистане в рамках действий НАТО на Среднем Востоке. Правда, посещая в октябре 2004 г. расквартированный в Узбекистане контингент немецких солдат (около 200 человек, служащих на военно-воздушной базе в Термезе и обеспечивающих тыловое обеспечение частей бундесвера в Кабуле), тогдашний канцлер ФРГ Шрёдер не стал встречаться с президентом Исламом Каримовым[1], который незадолго до того потребовал вывода расположенной на узбекской территории военно-воздушной базы США. Сейчас же ФРГ стремится интенсифицировать свои связи с этой центральноазиатской страной и активно добивается в Ев-

[1] “Frankfurter Rundschau”, 12. Oktober 2004.

росоюзе снятия санкций против Узбекистана, введенных ЕС по требованию США после подавления выступлений террористов и сепаратистов в Фергане. В ходе визита Глоса были намечены пути создания благоприятного инвестиционного климата с прицелом на повышение объема двустороннего товарооборота с 300 млн евро в 2006 г. до уровня 1997 г. (500 млн евро).

Германские связи с Казахстаном развиваются не столь многообещающе, но Берлин не выпускает его из поля своего внимания. Характерно, что германские средства массовой информации всячески избегают нападок на «дефициты демократии» в этой стране или неуважительных высказываний в адрес Нурсултана Назарбаева. В Казахстане остается еще крупная прослойка этнических немцев, интерес к судьбе которых традиционно проявляет ФРГ. Однако в последнее время выезд «российских немцев» на их историческую родину встречает все больше возражений внутри самой Германии, где к ним относятся как к людям, уже утратившим в значительной мере контакт с германской культурой[1]. В связи с этим Берлин добивается, чтобы они оставались в местах их нынешнего проживания, но пользовались расширенными правами национальных меньшинств. Казахстан интересен для ФРГ и тем, что текущий мировой экономический кризис оказал на эту страну наименьшее влияние.

Разработанный в Евросоюзе проект «восточного партнерства» направлен на создание пояса ориентирующихся на Брюссель государств вдоль восточных рубежей ЕС. Теоретически он включает также и Россию. На этот момент немецкие политики обращают подчеркнутое внимание в контактах с российскими представителями. Однако указанный проект, затрагивающий на практике почти исключительно постсоветское пространство, т. е. страны, располагающие исторически сложившимися тесными связями с Россией, Евросоюз собирается осуществлять без учета особых российских интересов. Сопровождающие начало реализации проекта заявления представителей Евросоюза сводятся к тому, что пора-де всем забыть о «сферах влияния» прошлых исторических эпох. Однако политика ЕС откровенно преследует именно такую цель — расширение сферы, где доминантным было бы влияние Брюсселя, с устранением из нее любого иного вли-

[1] В январе 2005 г. большой шум в ФРГ наделало убийство преподавательницы курсов для «поздних переселенцев» из Казахстана, совершенное ее учениками, недовольными тем, как она обучала их немецкому языку. В этой связи были опубликованы статистические данные, согласно которым на долю «поздних переселенцев» в возрасте от 18 до 30 лет, составляющих всего 4% этой возрастной группы в населении земли Нижняя Саксония, приходится 25% совершаемых там убийств (“Die Welt”, 25. Januar 2005).

яния. Мягко выражаясь, проект «восточного партнерства» в его нынешней форме не отвечает российским представлениям о том, как должны вести себя добрые соседи по отношению друг к другу. Между тем максимальный успех принесла бы как раз координация усилий Евросоюза и России по развитию сотрудничества со странами, являющимися их общими соседями. Немцы в принципе не возражают против идеи подобной координации, однако дело никак не сдвигается с мертвой точки.

Глава 2. Общая характеристика немецкого хозяйства

Германия — страна с крупнейшим в Европейском союзе народнохозяйственным комплексом, и она во многом определяет характер хозяйственных процессов в Европе и мире. В ней проживают 82,1 млн человек. В 2008 г. ее валовый внутренний продукт был равен почти 2,5 трлн евро, что составляет около одной пятой ВВП расширенного Евросоюза и около трети ВВП стран еврозоны. По этому показателю она уступает только США и Японии. По своему экспортному потенциалу в последние годы она делит первое место с Соединенными Штатами. По величине доли ВВП на душу населения ФРГ занимает более скромные показатели — этот показатель меньше, чем у многих развитых стран, в том числе США, Канады, Японии, Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Ирландии, Исландии, Великобритании и Люксембурга, и находится примерно на одном уровне с Францией. По величине промышленного производства страна занимает четвертое место в мире.

2.1. Основные макроэкономические показатели

Общее количество экономических субъектов в ФРГ составляет 3,6 млн единиц, из которых более 90% приходится на малые и средние компании, составляющие костяк немецкого хозяйства. Они обеспечивают работой большую часть экономически активного населения страны. Основной вклад в создание валового внутреннего продукта

страны вносит сфера услуг. На нее приходится около 70% создаваемой стоимости. На сферу промышленности и строительства — около четверти. Ее основу составляют обрабатывающие отрасли, а именно, общее машиностроение, автомобилестроение, электротехника и химия.

Таблица 2.1

Структура ВВП Германии и занятых в народном хозяйстве (%)

	1970		1980		1991		2000		2007	
	ВВП	Занятые	ВВП	Занятые	ВВП	Занятые	ВВП	Занятые	ВВП	Занятые
Германия	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	3,3	8,4	2,2	5,1	1,4	3,9	1,3	2,4	0,9	2,1
Промышленность строительство, горнодобыча	48,3	46,5	41,3	41,1	36,6	36,6	30,3	28,9	30,1	25,4
В том числе: – обрабатывающая промышленность	36,5	35,8	31,0	31,2	27,5	27,4	22,9	20,7	23,4	19,0
– строительство	8,0	8,6	7,0	8,0	6,0	7,3	5,2	7,1	4,1	5,5
Сфера услуг	48,3	45,1	56,6	53,8	62,0	59,5	68,5	68,7	69,0	72,4
В том числе: – торговля, гостиничное хозяйство, транспорт	19,0	22,0	18,2	23,4	17,9	24,1	18,2	25,1	17,7	24,9
– финансовые услуги	13,9	6,1	18,4	7,9	23,3	9,7	27,5	14,8	29,3	17,3

Источник: Das Statistische Jahrbuch 2008 für die Bundesrepublik Deutschland. S. 79, 615 (www.destatis.de).

Послевоенная Германия за несколько десятилетий прошла путь от индустриального общества к обществу услуг и на современном этапе находится на этапе перехода к научно-информационному (постиндустриальному) обществу. За этот период в немецком народном хозяйстве произошли существенные структурные изменения, что во многом было связано с процессами глобализации и интеграцией страны в мировую экономику. В первую очередь это касается снижения доли обрабатывающей промышленности в создании внутреннего валового продукта и занятости. В ВВП она сократилась с 36,5% в 1970 г. до 23,4% в 2007 г., а в общем количестве занятых за тот же период она упала с 35,8 до 19%. Доля совокупного промышленного сектора (обрабатывающие отрасли, горнодобыча, строительство и энергетика) в количестве занятых уменьшилась с 46,5% в 1970 г. до 25,4% в 2007 г. Аналогичная доля сферы услуг в целом за этот период возросла с 45,1 до 72,4%. Существенно снизился уровень занятых в сельском хозяйстве.

До середины 90-х годов прошлого века промышленность по своему вкладу в создание добавленной стоимости существенно превосходила вклад прочих отраслей экономики. Начиная с 1994 г., ее стала опережать такая отрасль, как финансовая деятельность, аренда, оказание услуг бизнесу, доля которой в 2007 г. достигла 29,3%. Тем не менее, именно обрабатывающие отрасли сохраняют ведущую роль в германском народном хозяйстве, оставаясь ядром ее экспортного потенциала и основным двигателем экономического развития. На третьем месте в создании ВВП (около 18%) находится сфера услуг торгового, гостиничного и транспортного бизнеса, которая обеспечивает около четверти всех рабочих мест в стране.

Структурные изменения в немецком народнохозяйственном комплексе во многом отражают особенности современного экономического развития. Старые отрасли постепенно умирают, а новые, наоборот, возникают и развиваются. Структурные сдвиги происходят и в регионах Западной Германии. Регионы с высокой концентрацией металлургической и угольной промышленности (Рур, Саар), судостроительной и тяжелой промышленностью (север страны) в наибольшей степени оказались затронуты кризисными процессами (за исключением Киля и Гамбурга). Южные регионы (Бавария, Баден-Вюртенберг), наоборот, воспользовались шансами для перехода к новой модели постиндустриального развития, во многом став региональными локомотивами немецкой экономики[1].

---

[1] Подробнее см.: Siebert H. Jenseits des Sozialen Marktes. Eine notwendige Neuorientierung der deutschen Politik. Deutsche Verlags-Anstalt. München. 2005.

С точки зрения расходования средств структура ВВП ФРГ в течение последних лет остается достаточно стабильной и по состоянию на начало 2007 г. выглядела следующим образом: на частные потребительские расходы приходилось 58,4%, на потребительские расходы государства — 18,3% и на валовые капиталовложения 17,7%. При этом темпы роста ВВП за последние полтора десятка лет были неравномерными. С 1991 г. (первого полного календарного года существования объединенной Германии) по 2007 г. валовый внутренний продукт вырос с 1,5 до 2,4 трлн евро, т. е. более чем в 1,5 раза, но среднегодовые темпы в течение последнего десятилетия прошлого века были достаточно скромными и составили 1,7%. Начало нынешнего века ознаменовалось падением данного показателя сначала до нуля (2002), а затем и до минусовой величины 0,2% (2003). И только с 2004 г. динамика ВВП постепенно стала набирать обороты: 1,1% в 2004 г.; 0,8% в 2005-м; 2,9% в 2006-м; 2,8% в 2007 г., что среди прочего было связано с ростом промышленного производства, улучшением инвестиционного климата и увеличением капиталовложений в машины и оборудование. В 2008 г. рост составил около 1,3%.

Динамика других важнейших экономических показателей во многом была схожей с динамикой ВВП[1]. Так, производительность труда особенно динамично развивалась в 1991–1995 гг. Среднегодовой прирост ВВП в расчете на одного занятого составил в этот период 4,36%, а прирост ВВП в расчете на отработанный час был равен 2,86%. В 1996–2000 гг. эти показатели снизились до 1,4 и 2,03% соответственно. В последующие годы их динамика была достаточно умеренной, причем годовой прирост первого показателя существенно опережал темпы прироста второго. Это было связано прежде всего с увеличением средней продолжительности рабочей недели в ФРГ с начала 90-х годов[2]. В абсолютных величинах валовый внутренний продукт на одного занятого в 1991–1995 гг. в среднем составлял 44 948 евро, 1996–2000 гг. — 51 612 евро, в 2006 г. 59 409 евро. ВВП на один отработанный час за те же периоды составил 30,86, 34,42 и 38, евро. Показатель трудоемкости производства, рассчитанный как отношение фонда заработной платы к национальному ВВП, в начале

[1] Использованы данные расчетов Н.В. Супян.

[2] При этом в последние десятилетия для сферы услуг были характерны более низкие темпы прироста производительности труда по сравнению со сферой промышленности, что, в свою очередь, обусловливает более низкие темпы экономического роста в долгосрочной перспективе. Динамика производительности труда в промышленном секторе не только не компенсировала соответствующую динамику в сфере услуг, но в определенные моменты была аналогичной или даже ниже.

90-х годов находился на уровне 44%. Затем началось его плавное снижение и в 2006 г. он достиг 39,8%, что было следствием отставания темпов роста заработной платы от прироста ВВП.

Величина основного капитала Германии выросла с 8,4 трлн евро в середине 90-х годов до 11,2 трлн в 2006 г. Показатели капиталоемкости (доля основного капитала в ВВП) и капиталоотдачи (доля ВВП в основном капитале) за этот период оставались почти неизменными — 4,8 и 0,2%. Это является свидетельством не только того, что основной капитал и ВВП росли одинаковыми темпами, но и того, что эффективность использования вложенных средств не увеличивалась и не было никаких прорывов и кардинальных нововведений в техническом оснащении производства. В то же время происходил непрерывный рост показателя капиталовооруженности труда — с 221,6 тыс. евро в середине 90-х годов он вырос до 285,7 тыс. евро в 2006 г. Его среднегодовые темпы в первой половине 90-х годов были равны 2,96%, т. е. были меньше прироста производительности труда. Во второй половине 90-х годов темпы сравнялись, причем в начале текущего десятилетия (в период циклического кризиса) показатели капиталовооруженности были более высокими, а затем вновь выровнялись. Таким образом, после периода высокой эффективности использования основного капитала в первой половине 90-х годов прошлого века наступил почти десятилетний период ее последовательного сокращения. Перелом этой тенденции наступил в 2005 г., и в 2006 г. прирост производительности более чем в три раза превысил увеличение доли основного капитала на одного занятого.

В условиях постиндустриализации и информатизации мирового хозяйства особое значение приобретает степень ориентированности немецкой экономики на инновационное развитие, в первую очередь в сфере науки и образования. Совокупные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкционые разработки (НИОКР) в последнее десятилетие постоянно росли и сейчас составляют около 2,5% от ВВП. Однако количество занятых в этой сфере постепенно сокращается, а по динамике роста инвестиций в научные исследования ФРГ существенно отстает от США. Одной из причин такого положения являются многочисленные бюрократические барьеры, которые вынуждают немецкие компании размещать свои научные центры и исследовательские лаборатории за границей. Не случайно капиталовложения в венчурные проекты, измеренные в процентах от ВВП, несопоставимы с аналогичными показателями в Соединенных Штатах — они меньше в разы, хотя по количеству патентов на душу населения Германия опережает Америку. У ФРГ имеется отличный задел

для коммерциализации своих разработок в таких сферах, как энергетика, здравоохранение, транспорт и коммуникации, но данный потенциал пока реализуется неэффективно.

Общее количество занятых в Германии насчитывает более 40 млн человек. Следовательно, в стране работают чуть менее половины проживающих в ней граждан. Среди экономически активного населения (граждане в возрасте от 18 до 65 лет) работают 65,1% попадающих в эту группу женщин и 79,2% мужчин, что свидетельствует о наличии существенного потенциала для предложения дополнительной рабочей силы для рынка труда. Тем не менее данное альтернативное предложение недостаточно востребовано со стороны спроса, последовательное сокращение которого с начала 70-х годов прошлого века привело к возникновению постоянно существующей безработицы. Ее уровень изменяется в зависимости от фазы цикла (рост во время кризиса, снижение во время оживления и экономического подъема), но в среднем по Германии в течение последних лет он составлял около 7–10% экономически активного населения (в 1991 г. он был равен 4,9%). В новых федеральных землях этот уровень существенно выше. Если к официальной статистике добавить граждан, участвующих в государственных программах занятости, т. е. так называемых скрытых безработных[1], то общий уровень фактической безработицы возрастет. В структуре безработных повышается число лиц с низкой квалификацией — треть от их общего числа не имеет законченного профессионального образования, некоторые не закончили школу. Растет число граждан, не имеющих работу более года, — так называемых долгосрочных безработных.

В Германии складывается неблагоприятная демографическая ситуация — в стране происходит непрекращающееся старение и сокращение численности населения. С начала 90-х годов прошлого века число ежегодно рождающихся сократилось к 2007 г. примерно на 160 тыс. человек, а число умерших снизилось на 90 тыс. человек. Согласно расчетам Федерального ведомства статистики Германии уровень численности населения снизится к 2050 г. с нынешних 82 млн до 65 млн человек, а на сто граждан в возрасте от 20 до 60 лет будет приходиться 80 граждан в возрасте от 60 лет и старше. Только за последнее десятилетие количество граждан старше 60 лет увеличилось более чем в четыре раза. Ожидается, что средний возраст гражданина

[1] Среди государственных мер, скрывающих фактически безработных, выделяются программы по переобучению, выплата дотаций к заработной плате, перевод на сокращенную рабочую неделю и досрочный выход на пенсию.

ФРГ к 2050 г. возрастет с 40 лет (середина текущего десятилетия) до 50 лет. Одновременно будет возрастать и средняя продолжительность жизни, которая уже сейчас составляет 76 лет для мужчин и 82 года для женщин[1]. Данные процессы оказывают негативное воздействие на систему социального, особенно пенсионного, страхования, а также на состояние рынка труда, в структуре которого в последующие годы будет расти доля лиц старших возрастных групп. Уже сейчас пенсионные взносы, уплачиваемые трудящимся населением, практически полностью идут на выплаты пенсионерам и не пополняют накопительные фонды[2].

2.2. Социально-экономическая модель

В целом послевоенная история развития германского хозяйства свидетельствует о его способности приспосабливаться к меняющимся внутренним и внешним условиям, в том числе в условиях нынешней глобализации. Во многом такая способность связана с немецкой социально-экономической моделью (социальным рыночным хозяйством), теоретические основы которой были разработаны теоретиками ордолиберальной школы в 30-е годы прошлого века и воплощены в практику Людвигом Эрхардом и его сторонниками в 50–60-е годы[3].

К основным преимуществам этой модели (и соответственно немецкого хозяйственно-политического пространства — так называемого штандорта) относятся либерализированные рынки товаров и услуг, практически полностью открытые для отечественных и иностранных инвесторов; высокоразвитая транспортная и коммуникационная инфраструктура; высокий уровень технологического развития и квалификации персонала. Всемирно известная марка «Сделано в Германии» до сих пор является синонимом отличного качества продукции[4].

---

[1] См.: Claasen Utz. Mut zur Warheit. Wie wir Deutschland sanieren koennen. Murmann. Hamburg. 2007. S. 261–282.

[2] В немецком обществе растет число недовольных уровнем жизни. Если в 1994 г. 71% опрошенных немецких граждан считали, что живут в обществе благосостояния, и с ними были не согласны 24%, то в 2008 г. несогласных было уже 40%, а согласных с этим утверждением только 50%. При этом почти 60% немцев считают, что качество жизни и дальше будет снижаться.

[3] См. также: *Гутник В.П.* Политика хозяйственного порядка в Германии. М., 2002.

[4] В самой Германии все более критически относятся к понятию немецкого качества, считая, что его уровень по сравнению с прошлыми десятилетиями постепенно снижается, В качестве примера приводят неудачи с созданием новых высокоскоростных поездов, внедрением системы автоматического учета передвижения грузового автотранспор-

К этому надо добавить достаточно устойчивый социальный мир; относительно стабильные с середины 90-х годов прошлого века удельные (хотя и весьма высокие) издержки на оплату наемной рабочей силы; низкие темпы инфляции и начатые в начале текущего десятилетия реформы рынка труда и налоговой системы[1].

К отрицательным сторонам немецкой модели (особенно с точки зрения экономических субъектов) можно причислить забюрократизированность и заорганизованность рынка труда; жесткую регламентацию отдельных видов предпринимательской деятельности, прежде всего ремесленной; высокие социальные отчисления и налоги; относительную неразвитость финансовых рынков; негибкость принципов тарифного регулирования и автономии; участие наемных работников в корпоративном управлении.

Эффективность хозяйственной модели во многом зависит от государства, которое в Германии традиционно играет важную роль в регулировании экономических процессов. Причем содержание государственной политики во многом находится под влиянием процессов в мировой экономике. Не случайно ряд сфер германской экономики закрыт и/или защищен от внешней конкуренции, например в области социального обеспечения граждан. В ФРГ государство защищает как сами рабочие места, так и систему оплаты рабочей силы. Это во многом связано со сложившейся в послевоенный период системой социального партнерства, которая предполагает регулярное достижение договоренностей между союзами работодателей и профсоюзами (наемной рабочей силой), в том числе относительно тарифных ставок заработной платы. В ряде сфер немецкая система дает дополнительную защиту своим гражданам от воздействия рынка (например, в форме законодательного права работников на участие в процессе принятия решений в рамках управления предприятием). Государство в течение нескольких десятилетий жестко регулировало сферу среднего и высшего образования, что сделало его относительно неконкурентоспособным по отношению к США и основным европейским странам и стало одной из причин не-

---

та и т. д. Однако, в других странах по-прежнему связывают эту страну именно с высоким уровнем качества произведенных товаров и услуг. Это подтверждает и анализ американского Института исследования рынков (GMI), проведенный им в 2006 г. на основе опроса 18 000 потребителей в 18 странах. Среди 25 стран — объектов исследования (помимо прочих рассматривались такие аспекты, как особенности населения, культуры, политики, экономики, инвестиционного потенциала и туристической привлекательности) по критерию качества и привлекательности ФРГ заняла 7-е место, опередив США. (www.bpb.de/themen/VIUCFS,0,Was_ist_Made_in_Germany_noch_wert.html).

[1] См.: Bofinger P. Wir sind besser, als wir glauben. Pearson Studium. München. S. 23–52.

хватки высококвалифицированных специалистов к началу нынешнего века в ведущих отраслях немецкой экономики (инженеры-машиностроители, программисты и др.)[1].

За свою шестидесятилетнюю историю экономика Германии прошла через разные этапы развития[2], в течение которых хозяйственная модель претерпела значительные изменения.

Важнейшим периодом стал конец 40-х годов прошлого века, когда Людвигом Эрхардом и его командой при поддержке американских оккупационных властей на территории Западной Германии была разработана и проведена эффективная денежная и экономическая реформа. Ее позитивные результаты во многом обусловили динамичное развитие экономики в 50-е годы. С 1952 по 1958 г. ВВП увеличился в два раза, была достигнута почти полная занятость населения, выросли доходы домашних хозяйств, обеспечившие высокий внутренний спрос, началась внешнеторговая экспансия немецких компаний. Благодаря дальнейшим последовательным реформам Эрхарда сформировались основы германской социально-хозяйственной модели. Именно 50-е годы с полным правом называют «немецким экономическим чудом», которое, однако, уже к середине 60-х годов столкнулось с первыми ощутимыми трудностями. Среди прочего они были обусловлены существенным ростом государственных расходов, особенно социальных, раскручиванием спирали «зарплаты — цены», окончанием послевоенного восстановительного бума и снижением внутреннего спроса, что в конечном итоге привело к первому послевоенному кризису 1966–1967 гг. Государство (в лице правительства «большой коалиции» — ХДС/ХСС и СДПГ) изменило оценки факторов экономического роста и приняло решение о расширении государственного вмешательства в экономику с использованием неокейнсианских инструментов. Основы новой политики были закреплены в известном Законе о содействии стабильности и экономическому росту, принятом в 1967 г. В дополнение к денежно-кредитной политике этот Закон ввел в практику инструментарий государственной бюджетной и налоговой политики, в первую очередь для проведения конъюнктурной, антициклической политики.

В 70-е годы страна вступила с новыми подходами в экономической политике, в том числе в сфере «глобального регулирования» конъ-

---

[1] См.: Fassbender H., Kluge J. Perspektive Deutschland. Was die Deutschen wirklich wollen. Econ. München. 2006. S. 52–55, 93–103.

[2] Особенности послевоенного воспроизводственного процесса и экономических циклах ФРГ рассмотрены в главе 8 (В.Н. Шенаев).

юнктуры, которая в этот период была весьма неустойчивой. Рост государственного потребления породил ряд долгосрочных проблем немецкой экономики — бюджетные дефициты, рост госдолга и высокую инфляцию. Народное хозяйство испытало жесткое негативное влияние мирового нефтяного шока 1973–1974 гг., который спровоцировал структурный кризис, перешедший в депрессию, а также появление массовой безработицы, ставшей проблемой номер один на все последующие десятилетия. Мировой нефтяной кризис 1979 г. обострил эти проблемы.

Одним из последствий второго нефтяного кризиса стало снижение в 1982 г. ВВП на 0,79% (в 1981 г. его рост составил 0,11%). Начиная с 1980 г. сальдо текущего баланса стало отрицательным, немецкая марка стала обесцениваться, возросли темпы инфляции и уровень безработицы, превысивший в первой половине 80-х годов 15%-ную отметку. В последующие годы высокий уровень безработицы стал перманентным.

В этих условиях к власти пришел правоконсервативный кабинет Гельмута Коля, который, выдвинув лозунг: «Назад к социальному рыночному хозяйству эры Эрхарда», сделал ставку на неолиберальный инструментарий, ориентированный на политику предложения и предусматривающий улучшение условий производства, содействие экономическому росту и повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов. Тем самым новая коалиция решила следовать обозначившейся с конца 70-х годов тенденции к использованию новых моделей воздействия государства на экономику. В США такая модель получила название «рейганомики», в Великобритании — «тэтчеризма». Во Франции правительство Миттерана реализовало ее под названием politique de rigueur. Впрочем, западногерманское государство оказалось более сдержанным в реализации англосаксонских представлений о создании стабильных монетарных и благоприятных рамочных условий для инвесторов — оно не стало создавать новую хозяйственную систему. Экспертный совет («совет мудрецов») в отношении политики предложения ограничился рекомендациями общего характера. Только Бундесбанк (а впоследствии и Европейский центральный банк) стал последовательно на практике реализовывать постулаты монетаристского учения, сделав упор на обеспечение народного хозяйства необходимыми денежными средствами с помощью реализации среднесрочной политики регулирования денежной массы. В этой области «экономика предложения« достигла определенных успехов в Германии. Другие рецепты «рейганомики», как, например, использование «кривой Лаффера», не нашли особой поддержки и

признания в ФРГ. На практике правительство Коля проводило смешанную политику (policy mix). С одной стороны, оно старалось расширить возможности для рентабельного применения капитала, а с другой — оздоровить общественные финансы. Причем последнее направление стало основным. Именно через бюджетную сферу федеральное правительство пыталось регулировать экономическое развитие страны. Но, достигнув определенных успехов в финансовой сфере (снизив долю государства в перераспределении ВВП с 49,8% в 1982 г. до 45,3% в 1989 г.) и обеспечив дополнительный приток средств на рынок капитала, ему так и не удалось качественно улучшить рамочные условия хозяйствования для предпринимательства. Более того, вместо запланированного снижения субвенций и дотаций государство увеличило их объем — это коснулось и сельского хозяйства, и угольной промышленности, и судостроения, и поддержки сферы НИОКР. После незначительного сокращения продолжился рост социальных расходов. Государственный долг также рос, хотя его отношение к ВВП к концу прошлого века немного сократилось. В этом отношении правительство Коля оказалось заложником патерналистских настроений западногерманского общества, сформировавшихся в 60–70-е годы. Против дерегулирования социальной системы активно выступили не только профсоюзы, но и работодатели, что фактически связало руки неолиберально настроенным реформаторам, оказавшимся не в состоянии привести социальную систему страны в соответствие с реальными возможностями ее народного хозяйства.

Тем не менее стоит отметить ряд позитивных моментов. Со второй половины 80-х годов вновь возросли темпы экономического роста — в период с 1988 по 1990 г. они в среднем превышали 4%, существенно активизировалась инвестиционная активность немецких компаний. После преодоления фазы рецессии было создано около 3 млн рабочих мест, увеличились реальные доходы наемных работников, одновременно удалось снизить инфляцию. В 1989 г. удалось сбалансировать государственный бюджет. В 80-е годы были успешно осуществлены первые этапы налоговой реформы. В 1983–1984 гг. были снижены промысловый и имущественный налоги, а в 1986–1988 гг. и максимальные ставки корпоративного и подоходного налога. Одновременно было введено ускоренное списание капитала для малых предприятий и капиталовложений в НИОКР. Сальдо баланса текущего платежного баланса вновь стало положительным и достигло рекордного уровня 4,9% от величины ВВП. В целом 80-е годы стали для Германии периодом попыток (частично удачных, частично нет) коалиции во главе с Г. Колем модифицировать экономическую политику, в том

числе за счет отказа от стимулирования совокупного спроса и попыток поворота к «экономике предложения».

Настоящим испытанием для немецкой хозяйственной модели стали 90-е годы, на которые пришлись такие события, как процесс объединения двух немецких государств, исчезновение «железного занавеса» и открытие рынков бывших социалистических европейских стран, а также расширение и углубление процессов европейской интеграции.

В этот период конъюнктура в двух частях страны оказалась расколотой, резко вырос государственный долг, снизились темпы экономического роста. Объединение страны обострило проблему структурной безработицы. Более того, эта «болезнь» была экспортирована на территорию Восточной Германии. Вторая половина 90-х годов ознаменовалась периодом экономического развития с весьма низкими по сравнению с прошлыми годами темпами роста ВВП — с 1995 по 2004 г. в среднегодовом исчислении они составляли всего 1,3%, что было ниже аналогичных темпов по ЕС в целом. Начиная с 1998 г. Германия по данному показателю превратилась почти на десятилетие в аутсайдера в Европейском союзе.

2.3. Экономическое объединение ФРГ и ГДР

Отдельного внимания заслуживает анализ процесса экономического объединения ФРГ и ГДР, который оказал наиболее существенное влияние на экономическое и политическое развитие страны в конце XX — начале XXI в., в том числе на ее место в мировом хозяйстве. Данный процесс начался достаточно спонтанно и неожиданно для руководства обоих немецких государств, которое не предполагало, что он может быть таким скоротечным и быстрым. Ни у западногерманских, ни тем более у восточногерманских политиков и их советников на момент падения Берлинской стены (ноябрь 1989 г.) не было рациональных концепций возможного вхождения восточногерманской экономики в западногерманское хозяйственно-политическое пространство с необходимым для этого приспособлением к экономической конституции ФРГ и коренной трансформацией командно-административной системы. Другими словами, проработанная рамочная концепция экономического объединения двух немецких государств (правильнее сказать, присоединения Восточной к Западной Германии) на момент принятия соответствующих политических решений отсутствовала. Для такой трудоемкой и непростой работы требовался длительный период времени, но которого в силу давления политических

факторов не оказалось. Было принято относительно простое с точки зрения политиков решение — перенести в кратчайшие сроки на территорию бывшей ГДР государственный, политический и социально-хозяйственный порядок Западной Германии.

Отсутствие четких и продуманных механизмов, а также высокая скорость объединения стали причиной того, что трансформационные процессы в Восточной Германии стали развиваться не по тому сценарию, который изначально предполагали западногерманские политики и эксперты. В первую очередь не оправдались ожидания экономического чуда образца 50-х годов.

С одной стороны, в Восточной Германии нужно было создавать новую инвестиционную базу, а с другой стороны, была поставлена сложнейшая задача приватизации всего государственного сектора, которая не всегда решалась продуманными с точки зрения экономической эффективности способами. Многие реформы были отягощены проблемами, связанными с правом собственности, в том числе реституции. Изначально была сделана политическая ошибка, состоявшая в решении обменять в рамках Валютного союза ФРГ и ГДР восточногерманские марки на западные по курсу один к одному, что означало ревальвацию валюты Восточной Германии почти на 400%[1]. Предприятия на восточногерманской территории лишились объективных стоимостных ориентиров в своей деятельности. Существенно снизился уровень их конкурентоспособности и соответственно возросла безработица. После истечения в конце 1990 г. срока действия переходного периода по использованию в расчетах переводных рублей резко сократился экспорт в страны СЭВ, что впоследствии привело к банкротству многих фирм из бывшей ГДР. Повышение реальной стоимости немецкой марки в последующие годы еще больше снизило привлекательность экспортной деятельности для восточногерманских компаний[2].

---

[1] Экономический и валютный союз вступил в силу 1 июля 1990 г. Он предусматривал обмен марок ГДР на немецкие марки в соотношении 1:1 для заработной платы, пенсий и части наличности и в соотношении 2:1 для долгосрочных сбережений и кредитных обязательств. Фактически это означало перенос покупательной способности немецкой марки на восточногерманскую территорию. При этом душевой ВВП и производительность труда в ГДР в 1989 г. не превышали одной трети западногерманского уровня. Только в 1994 г. производительность труда в новых федеральных землях превысила 50%, а в 1996–1998 гг. достигла 60%. См. также: Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М., 2001.

[2] См.: Huefner M. Comeback für Deutschland. Warum unsere Wirtschaft durchstartet, obwohl der Staat nichts tut. Carl Hanser. München. 2007. S. 75-88.

На территорию новых федеральных земель было полностью перенесено трудовое и социальное право Западной Германии, в том числе принципы формирования политики в области оплаты труда, что, к тому же оказало существенное негативное влияние на систему тарифных соглашений. Право тарифных переговоров было передано западногерманским профсоюзам и союзам работодателей, которые были заинтересованы в том, чтобы закрепить в Восточной Германии собственные интересы и таким образом перенести туда традиционную модель тарифного регулирования. В итоге уровень заработной платы оказался оторван от уровня производительности труда. Реальные издержки на оплату труда оказались значительно выше западногерманских — в 1991 г. они составили 140% и затем еще довольно долго превышали их. Следствием стало снижение инвестиционной привлекательности восточногерманских территорий при одновременном падении стоимости капитальных активов расположенных там предприятий. Если в начале 1990 г. стоимость имущества народного хозяйства ГДР оценивалась в 1,6 трлн восточногерманских марок, то в 1995 г. его фактическая балансовая стоимость по заключению Попечительского ведомства (Ведомства по опеке) была равна отрицательной величине в 205 млрд немецких марок (около 700 млрд евро)[1].

Принципиальной ошибкой стало решение о «слепом» переносе на Восточную Германию в период ее хозяйственной трансформации западногерманского институционального инструментария не только на рынок труда, но и на товарные рынки, налоговую систему, систему высшего образования и т. д. Итогом такого решения стала неспособность новых федеральных земель эффективно приспособиться к рыночным вызовам и достичь необходимого уровня конкурентоспособности, например, в сфере университетского образования. Существенная доля государственных средств, направленных в бывшую ГДР, была абсорбирована не инвестиционной, а потребительской сферой, прежде всего системой социального обеспечения. Только четверть всех трансфертов использовалось для производительных капиталовложений в частный сектор и в инфраструктурную сферу.

Оценить общий объем вложенных в восточногерманскую экономику государственных средств достаточно сложно. В 1995 г. он, по всей видимости, достиг пика, составив около 3–4% от уровня общегерманского ВВП. Затем он стал последовательно снижаться. В целом за счет государственных трансфертов и частных инвестиций из Западной Германии в первой половине 90-х годов создавалось око-

[1] Tietmeyer, Hans, Das Angebot der D-Mark // “Ifo-Schnelldienst”, N 53, 2000. S. 6.

ло 60% восточногерманского ВВП, что, кроме того, содействовало постоянному росту располагаемых доходов домашних хозяйств в расчете на одного жителя. Трансферты по преимуществу финансировались за счет кредитов, что в конечном итоге привело к удвоению государственного долга и обусловило долгосрочные негативные макроэкономические последствия для немецкой экономики.

В 1990 г. дефицит государственных финансов всех уровней в Западной Германии составлял 27,1 млрд евро, но уже в 1991 г. в объединенной стране он вырос в два раза до 53,9 млрд евро и достигнул в 1993 г. своего пика в 68,2 млрд евро. В 1995 г. государственный долг превысил величину 1 трлн евро. Возросла налоговая нагрузка. Кроме этого в 1991 г. была введена так называемая надбавка солидарности, которая является дополнительным налогом с заработной платы и с доходов на капитал как в Западной, так и в Восточной Германии. Существенный рост заработной платы в Восточной Германии оказал негативное влияние на ценовую конкурентоспособность немецких товаров на международных рынках в целом. При этом в восточногерманских землях по-прежнему сохранялся более низкий уровень доходов, что стало одной из главных причин оттока населения в Западную Германию — начиная с 1989 г., территорию бывшей ГДР покинуло около 1,5 млн человек.

В первой половине 90-х годов динамика восточногерманской обрабатывающей промышленности была положительной. Темпы ежегодного прироста создаваемой валовой стоимости в период с 1991 по 1997 г. составили 11%, а с 1997 по 2003 г. — около 5%. Аналогичные показатели в Западной Германии равнялись 1,6 и 0,4%. Особенно высокие темпы роста наблюдались в отраслях с высокой долей инвестиций в новое оборудование — автомобилестроении, информационных технологиях и телекоммуникационной сфере, а также в авиакосмической промышленности. В традиционных отраслях — машиностроении, судостроении, текстильной и кожевенной промышленности — темпы были отрицательными. Среди прочего это было связано с тем, что наряду с трансформационным шоком они были подвержены сильному воздействию традиционного структурного кризиса.

В период 1997–2003 гг. темпы прироста восточногерманского ВВП оказались ниже общегерманских. До 1997 г. еще были надежды, что экономика восточногерманских земель в рамках своего динамичного развития сможет устранить явные диспаритеты между Западом и Востоком страны. Но процесс конвергенции двух частей Германии во второй половине 90-х годов резко затормозился и на первый план вышли грубые просчеты и ошибки, сделанные в период создания Валютного,

экономического и социального союза. Фактически на смену процессам конвергенции пришли процессы дивергенции.

Есть еще один момент, оказавший негативное влияние на процессы экономического роста как в Восточной, так и в Западной Германии. Он связан с чрезмерной экспансией компаний ФРГ на восточногерманском рынке строительных услуг, которая стимулировалась государственными дотациями для капиталовложений в жилищном секторе и промышленности, а также значительными трансфертами для развития общественной инфраструктуры. Это привело к существенному искажению конкуренции в сфере строительства и как следствие к последующему разорению многих строительных фирм или ощутимому сокращению объемов их работ, что содействовало стагнации на общегерманском рынке строительных услуг. Вследствие избыточного стимулирования рынка недвижимости, в том числе через предоставление налоговых льгот, возникло избыточное предложение на восточногерманском рынке жилья и административных помещений. В свою очередь, это оказало негативное воздействие на положение ряда немецких банковских учреждений, вынужденных списывать безнадежные долги и принудительно распродавать объекты своих клиентов.

Таким образом, перенос на территорию новых федеральных земель западногерманской модели социального рыночного хозяйства оказался сложнейшим процессом всеобъемлющей шоковой терапии. Он стал тяжелым испытанием как для Востока, так и для Запада страны. Конечно, по основным политическим и экономическим параметрам объединение Германии состоялось, хотя сам процесс объединения еще не закончен и будет продолжаться в последующие годы. Немецкому обществу еще предстоит окончательно преодолеть раскол на «осси» (граждане «второго сорта» — жители Восточной Германии) и «весси» (граждане «первого сорта» — жители Западной Германии). Процесс экономического объединения оказался невероятно дорогим — история мировой экономики не знает аналогичных прецедентов, когда для трансформации экономики в столь короткие сроки были использованы такие астрономические суммы[1]. Причем во многом такая стоимость была обусловлена субъективными ошибками и издержками в ходе процесса трансформации из-за отсутствия в самом его начале просчитанного «бизнес-плана государственного аншлюса» бывшей ГДР к ФРГ.

---

[1] С 1990 по 2007 г. общий объем государственных и частных средств, направленных в новые федеральные земли, по всей видимости, превысил величину в 1,5 трлн евро (3 трлн западногерманских марок).

2.4. Социальное рыночное хозяйство и вызовы XXI века

За шестнадцать лет правления (1982–1998) политикам из ХДС/ХСС и СвДП так и не удалось реализовать свои планы по внедрению новой либерально-монетаристской модели. Более того, одним из результатов их правления стало не только сохранение прежних деформаций, но и появление новых, особенно на рынке труда. К концу 90-х годов в германском обществе стало складываться понимание того, что либерально-монетаристкая политика предложения в условиях сложившихся особенностей социально ориентированного рыночного хозяйства не способна создать благоприятные условия для развития предпринимательской инициативы и активности без решительных и далеко идущих реформ в социальной и ряде других сфер. Это позволило социал-демократам под лозунгом борьбы с «застоем в реформах» (Reformstau) прийти к власти в 1998 г.

Но и новая правительственная коалиция не смогла предложить немецкой общественности целостной и последовательной концепции социальных и экономических реформ, ограничившись отчасти популистскими обещаниями обновления и модернизации существующей модели и отменой проведенных в 80–90-е годы сокращений в социальной сфере. В теоретическом плане социал-демократы предпочли симбиоз политики спроса и предложения при сохранении фундаментальных принципов социального государства, обозначив такой подход, как «третий путь» и «новый центр». В полной мере это нашло отражение в первые месяцы деятельности «красно-зеленой коалиции», которая отменила сокращения в социальной сфере, проведенные консервативно-либеральным правительством. Одновременно был введен достаточно спорный «экологический налог». В 1999 г. была принята государственная программа борьбы с молодежной безработицей и создан механизм трехсторонних консультаций работодателей, профсоюзов и правительства для поиска решений в сфере занятости и заработной платы, получивший название «Союз за труд»[1].

С наступлением XXI в. внутренние и внешние вызовы продолжили тест на прочность немецкой экономики и ее хозяйственной моде-

---

[1] Во многом он оказался похож на механизм «концертной акции» конца 60-х годов, т. е. согласованных действий между упомянутыми актерами.

ли. К процессу объединения западной и восточной экономики добавился процесс расширения Евросоюза, отказ от немецкой марки и переход на единую европейскую валюту — евро. Так и не преодолев трудностей 90-х годов, Германия в начале нынешнего столетия оказалась в условиях устойчивой стагнации, которая имела не только конъюнктурный, но и институционально-структурный характер. С 2000 по 2005 г. средние темпы годового прироста ВВП составили всего около половины процента, а уровень безработицы в 2005 г. достиг рекордной с начала 50-х годов величины 12,2%. В том же году государственный долг увеличился до астрономического показателя 1,44 трлн евро (68% ВВП), а бюджетный дефицит превысил 3%-ный потолок, установленный Маастрихтским договором, что к тому же было обусловлено проблемами с финансированием фондов социального страхования. В этих условиях «красно-зеленое правительство» решилось начать в 2001–2002 гг. реформу пенсионного страхования и налоговой системы — была снижена ставка подоходного налога, сокращен налог на прибыль корпораций, отменен налог на прирост капитала от продажи крупных пакетов акций. В рамках оздоровления государственных финансов были снижены государственные субсидии. Хотя данные реформаторские шаги и привели к определенным положительным результатам, но в целом оказались недостаточными для перелома негативных тенденций в германской экономике.

К началу текущего десятилетия стало очевидно, что прежняя модель социального рыночного хозяйства находится в системном кризисе и не способна быстро и эффективно реагировать на новые внешние и внутренние вызовы и поэтому ее необходимо глубоко реформировать. Системные сбои немецкой хозяйственной модели нашли свое выражение в таких проявлениях, как: перманентная безработица, недостаточная доля накопления капитала, невысокая инновационная активность предприятий, неэффективная система образования, снижение роли экспорта товаров в создании новых рабочих мест, громоздкая система социального обеспечения, активный перенос производства в страны с более низкими издержками. Именно с этими проблемами германское государство, бизнес и общество постоянно сталкиваются на протяжении последней четверти века. Поэтому отличительной чертой середины текущего десятилетия стали дальнейшие попытки немецкого государства по постепенному реформированию социально-хозяйственного механизма.

В первую очередь речь идет о комплексной программе реформ правительства социал-демократов и зеленых «Повестка дня — 2010»,

принятой под давлением канцлера Герхарда Шрёдера весной 2003 г.[1] Ее основным содержанием стало снижение налогового бремени, содействие развитию инновационного потенциала немецких компаний, смягчение регламентаций найма на рынке труда и снижение степени социальной защищенности безработных. Жесткие меры, предусмотренные новой программой действий, привели не только к противодействию в «красно-зеленом правительстве», но и внутри СДПГ, в которой усилилось левое крыло. К этому добавились негативные настроения избирателей, вследствие которых социал-демократы потерпели ряд поражений во время земельных выборов в первой по-

[1] Примечательно, что во многом она перекликается с реформаторской программой правительства Гельмута Шмидта, которая, к сожалению, так и не была реализована в последующие двадцать лет. В разгар правительственного кризиса начала осени 1982 г. канцлер Гельмут Шмидт поручил министру финансов Манфреду Ланштайну разработать документ с оценкой экономического положения Западной Германии и обозначить основные пути решения существующих проблем. Составленная им рабочая записка стала своеобразным ответом на опубликованную 9 сентября 1982 г. концепцию министра экономики Отто Ламбсдорфа относительно политики преодоления экономического спада и борьбы с безработицей. Несмотря на то что документ Ланштайна так и не был востребован ни прежним, ни новым правительством, его основные положения сохраняют свою актуальность до сих пор. Не случайно он получил название «Повестка дня — 90», многие моменты которой перекликаются с представленной на суд общественности почти через два десятилетия канцлером Герхардом Шрёдером программой «Повестка дня — 2010». Ланштайн четко обозначил круг проблем, которые должны были быть учтены при разработке новой экономической политики и которые, кстати, актуальны до сих пор. Среди прочего он указывал на огромную разницу в стоимости рабочей силы в промышленно развитых и развивающихся странах и связанный с этим на все больший перенос в будущем трудозатратных производств в страны третьего мира и рост конкурентного давления с их стороны. При этом он предсказал, что страны Юго-Восточной Азии все более активно и целенаправленно будут соединять преимущества в низкой стоимости рабочей силы с использованием современных технологий, и что это будет оказывать все возрастающее давление как на традиционные, так и новые отрасли немецкой промышленности. Квалифицированная рабочая сила будет во все большей мере рассматриваться не только как дефицитный и востребованный товар, но и как важнейший фактор издержек. Уже тогда Ланштайн подчеркивал недооценку немецкими политиками и экспертами необходимости технических изменений в области электроники, автоматизации, средств связи и в этой связи указывал на необходимость использования резервов рационализации и структурных изменений в данных сферах. Он справедливо указывал на то, что предпринимательские инициативы и факторы экономического роста не поддаются планированию, а создание самых благоприятных предпосылок и рамочных условий не гарантирует успеха. Попытки обеспечивать высокий уровень благосостояния граждан и государственных социальных гарантий вне зависимости от успехов в экономическом развитии обречены на провал. К сожалению, двадцать лет, прошедших после исторической смены коалиции осенью 1982 г., так и не смогли стать прорывом на пути реформ, в которых к началу 80-х годов нуждалась немецкая экономика и которые могли бы оказать существенное влияние на укрепление ее позиций в мировом хозяйстве.

ловине 2005 г., что привело к досрочным парламентским выборам осенью того же года.

Состоявшиеся в сентябре 2005 г. выборы закончились неожиданным формированием правительства «большой коалиции», в которую вошли ХДС/ХСС и СДПГ и которое возглавила Ангела Меркель. Новое правительство предложило обществу триединую формулу: «Санировать, реформировать и инвестировать», которая предусматривала опору на штандортные преимущества Германии — квалифицированную рабочую силу, конкурентоспособные предприятия и социальный мир. Основные целевые установки согласованных действий «черно-красной коалиции» во многом продолжили реформаторские идеи предыдущего правительства. Среди прочего речь шла о дебюрократизации, дальнейшей либерализации рынка труда, снижении вклада работодателей в финансирование социальных взносов, продолжении структурной консолидации федерального бюджета, а также пенсионной реформы и реформы здравоохранения. Однако коалиции ХДС/ХСС и СДПГ не удалось достигнуть качественного улучшения ситуации в области устранения искажений механизма социального рыночного хозяйства, которые были накоплены за предыдущие десятилетия. В целом она ограничилась проведением незначительных реформ, которые в итоге не привели к существенным улучшениям рамочных условий хозяйствования. Фактически реформаторская эстафета передана будущей правительственной коалиции, которая должна быть избрана в конце сентября 2009 г.

В течение 2005–2009 гг. в немецкой экономике наметился ряд положительных перемен. Реформы на рынке труда, начатые в 2003 г., высокий уровень внешнего спроса, особенно на продукцию машиностроения, автомобильной, химической и электротехнической продукции, обусловили постепенное восстановление экономического роста, существенное снижение безработицы, связанное с этим снижение расходов, рост налоговых поступлений и уменьшение дефицита консолидированного бюджета. Немецкая экономика вновь стала локомотивом Европейского союза. Однако мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. поставил немецкое социальное рыночное хозяйство перед новыми вызовами, причем вызовами, сравнимыми с ситуацией объединения страны в начале 90-х годов, когда понадобилось напряжение всех сил и задействование всех государственных и общественных ресурсов.

В принципе ни одно из правительств за последние четверть века пока не смогло предложить немецкому обществу ожидаемого им «чудодейственного» рецепта радикальной перестройки системы государ-

ственного патернализма[1]. Большинство граждан ФРГ как были не готовы, так и не готовы и до сих пор к коренной реформе существующей системы. Основная часть общества (другими словами, электоральная база, в конечном итоге определяющая нахождение той или иной коалиции у власти) ни в начале 80-х годов, ни в конце 90-х, ни в конце текущего десятилетия так и не смогла признать объективность важнейших реформаторских предпосылок, необходимых для приспособления немецкой модели хозяйствования к новым требованиям рынка.

На первый взгляд эти предпосылки достаточно просты — для сокращения безработицы нужны дерегулирование рынка труда, сдержанность в политике повышения заработной платы, последовательное сокращение социальных сборов и налогов с работодателей, отказ от неэффективных государственных субсидий для ряда отраслей промышленности. Но многие из граждан, главным образом лица наемного труда, по-прежнему видят в этом ущемление своих собственных интересов и не хотят понять, что кратковременный выигрыш (сохранение социальных гарантий и т. д.) ведет к долгосрочным потерям - снижению конкурентоспособности немецкого хозяйства, уменьшению возможностей государства к обеспечению социальных программ и т. д. И политики в независимости от своей партийной принадлежности волей-неволей остаются заложниками своих патерналистски настроенных избирателей[2].

---

[1] В целом последние тридцать с небольшим лет стали периодом борьбы неолибералов с неокейнсианцами, которая особенно активно стала вестись с приходом к власти в сентябре 1982 г. правого правительства во главе с Гельмутом Колем. Сама борьба началась еще в 70-е годы прошлого века и была направлена на смену социал-демократической концепции, в основном ориентированной на поддержку спроса, на неолиберальную политику стимулирования предложения. При этом критики неокейнсианства считают, что основные проблемы последующих десятилетий были вызваны именно ошибочной политикой 70-х годов, особенно в отношении государственных расходов и социальной политики. В свою очередь, сторонники теории спроса считают, что неолибералам не удалось доказать преимущества своей политики и соответственно воспользоваться теми шансами, которые предоставила им история в 80—90-х годах.

[2] Экспертное сообщество Германии постоянно предпринимает попытки изменить ситуацию. Так, например, в октябре 2000 г. профессор Ханс Титмайер презентовал немецкой общественности группу «Инициатива Новое социальное рыночное хозяйство», которая объединила вокруг себя представителей неолибералов, считающих необходимым провести ряд коренных реформ в отношении существующей рыночной модели. К основным постулатам в отношении обновления социального рыночного хозяйства была отнесена необходимость проведения структурных реформ, либерализации рынка труда и повышения его гибкости и мобильности. Выдвигались требования реформы налоговой системы, способной содействовать росту результативности экономической деятельности, ограничения государственных расходов только самыми необходимыми за-

2.5. ФРГ в мировой экономике

Важно, что, несмотря на все искажения и связанные с ними проблемы, положительные качества немецкой социально-экономической модели до последнего времени в целом являлись определяющими и обеспечивали относительно высокую международную конкурентоспособность народного хозяйства Германии, которая по этому показателю пока входит в группу ведущих мировых держав.

В мире существует несколько признанных организаций, которые регулярно проводят исследования, посвященные этому параметру. Наиболее известной является фонд «Всемирный экономический форум» (Швейцария)[1], который, начиная с 1979 г., ежегодно проводит сравнение конкурентоспособности национальных экономик. Согласно одному из последних исследований (The Global Competitiveness Report, осень 2007 г.) ФРГ по макроэкономическому индексу конкурентоспособности экономик (GCI) занимала пятое место среди 131 страны мира, уступая только США, Швейцарии, Дании и Швеции и опережая своих основных партнеров по Евросоюзу — Великобританию, Францию и Италию. В 2006 г. у нее была седьмая позиция (17-я в 2001, 13-я в 2004 г. и 15-я в 2005 г.)[2]. Данный индекс показывает способность страны достичь среднесрочного стабильного экономического роста (при его расчете учитывается уровень технического развития, макроэкономического климата и институциональной системы). Очевидно, что Германия в текущем десятилетии отчасти восстановила утраченные к началу XXI в. позиции лидера европейской экономики.

Если рассматривать отдельные позиции ФРГ по конкурентоспособности, т. е. так называемые субиндексы, то обращает на себя внимание существенный разброс ее рейтинга. В принципе это отражает упомянутые выше преимущества и недостатки нынешней немецкой

дачами и сокращения роли государства в социальной сфере. Данная группа превратилась в одно из самых влиятельных независимых объединений, которое сплотило вокруг себя немецких неолибералов и стало тесно сотрудничать с другими организациями подобного толка, например с «Гражданским конвентом», возглавляемым известным экономистом Майнхардом Мигелем. С мая 2004 г. «Инициатива Новое социальное рыночное хозяйство» объединило свои усилия с 8 другими подобными группами под эгидой «Сообщество действий Германия». Ее представители принимают активное участие в ведущихся в последние годы политико-экономических дискуссиях относительно содержания реформ и оказывают важное влияние на принимаемые исполнительными и законодательными органами решения.

[1] World Economic Forum. В опросе участвуют около 11 тыс. бизнесменов из 131 страны.

[2] http://www.gcr.weforum.org/.

социально-экономической модели. Так, Германия занимает первые места по инфраструктурным показателям, зрелости предпринимательства, правам собственности, независимости судебной системы, стандартам бухгалтерской отчетности и по уровню защиты интеллектуальной собственности. Ей отдаются ведущие позиции в таких сферах, как интенсивность конкуренции на внутреннем рынке и результативность антимонопольной политики, уровень развития институциональной структуры и размер внутреннего рынка. В то же время эксперты ВЭФ считают, что по уровню макроэкономической стабильности страна находится только на 60-м месте, а по эффективности рынка труда — на 47-м месте. Такие низкие места обусловили субиндексы уровня государственного долга (102-е место), эффективности практики увольнений и приема на работу (126-е место), а также субиндекс гибкости системы определения заработной платы (128-е место).

Согласно рейтингу другого известного швейцарского некоммерческого исследовательского фонда «Международный институт развития менеджмента»[1] Германия по общему показателю конкурентоспособности в 2008 г. среди 55 стран занимала 16-м место (в 2001 г. — 13-е, 2003 г. — 20-е, в 2006 г. — 23-е и 16-е место в 2007 г.). Этот показатель также состоит из субиндексов, которые дают весьма разные оценки ФРГ. По макроэкономической результативности в 2008 г., а также по состоянию инфраструктуры она получила 6-е место, по эффективности деятельности правительства — 26-е, по эффективности ведения бизнеса — 28-е место. Важно, что за последние годы рейтинг ФРГ по этим субиндексам вырос[2].

Если на уровне национальной экономики показатели конкурентоспособности Германии существенно различаются и по большинству показателей она в целом уступает странам авангарда[3], то на уровне фирм

---

[1] "International Institute for Management Development" (IMD). Данный фонд проводит исследования конкурентоспособности стран начиная с 1989 г. Их результаты публикуются в ежегодниках World Competitiveness Yearbook (www.imd.ch).

[2] http://www.imd.ch/research/publications/wcy/upload/Overall_ranking_5_years.pdf.

[3] Существуют и другие исследования относительно конкурентоспособности. Например, Институт Фазера (Канада) провел в середине текущего десятилетия анализ степени экономической свободы основных западных стран. Оказалось, что Германия уступает по этому показателю США, Великобритании, Нидерландам, Австрии, но опережает Японию, Францию и Бельгию. Основным минусом немецкой экономики, по мнению канадских исследователей, являются высокая доля государственных расходов и зарегулированность рынка труда, а основным плюсом - отрегулированные правовые рамочные условия, либеральная внешнеторговая политика и высокая денежная стабильность. Стоит отметить, что за четверть века по этому показателю ФРГ опустилась с четвертого места на одиннадцатое.

она находится среди лидеров. Во многом это происходит благодаря немецкому малому и среднему бизнесу (миттельштанду). В последние годы компании ФРГ уверенно занимают вторую строчку (после США) в рейтинге международной конкурентоспособности (версия «Всемирного экономического форума»).

Таблица 2.2

Рейтинг международной конкурентоспособности фирм

Страна	2006	2007
США	1	1
Германия	2	2
Финляндия	3	3
Швеция	9	4
Дания	4	5
Швейцария	5	6
Голландия	7	6
Австрия	8	11
Сингапур	9	10
Япония	10	8
Великобритания	11	7

Источник: World Economic Forum, http://www.gcr.weforum.org/.

Именно малым и средним фирмам (особенно тем предприятиям, которые сделали ставку на технологический прогресс), а также относительно крупным семейным компаниям за последние три с полови-

Фонд Бертельсмана (Германия) также регулярно (раз в два года) проводит оценку международной конкурентоспособности ФРГ по отношению к 21 стране ОЭСР — Internationales Standort-Ranking, но делает ее на основе измерения «индексов активности» и «индекса успеха». Здесь ее позиции более скромные: по индексу активности она занимала в 2006 г. 15-е место, а по индексу успеха — только 21. В отличие от других исследовательских структур, рассчитывающих показатели конкурентоспособности в основном с помощью опросов, данный фонд определяет ее на основе ряда конкретных статистических показателей: динамических - для индекса активности (изменения долгосрочной безработицы, доли госдолга), и статичных (квота безработицы, доход на душу населения, перспективы экономического роста). Результаты исследования 2006 г. см.: www.bertelsmann-stiftung.de/bst/de/media/xcms_bst_dms_19214_19215_2.pdf.

ной десятилетия удалось достичь позитивных результатов в конкурентной борьбе. Эти компании прочно закрепились в «своих» сегментах мирового рынка и соответственно создали хороший резерв для «абсорбции» традиционно высоких внутренних немецких издержек. Примером таких известных мировых лидеров в своих отраслевых сегментах являются фирмы Linde (производство холодильного оборудования), Stiehl (пилы) и Trumph (инвестиционные товары). При этом крупные немецкие компании на мировом рынке занимают в целом относительно скромные позиции, уступая своим основным конкурентам, в первую очередь, транснациональным структурам из США, Франции и Японии. Так, например, в список 500 крупнейших корпораций мира, ежегодно публикуемый американским журналом Fortune и ранжированный по показателю совокупных продаж, в 2008 г. вошли только 37 компаний из ФРГ, из которых лишь 13 оказались в первой сотне. В список 2000 ведущих мировых корпораций, который делает другое американское деловое издание Forbes и который ранжирован по показателю прибыли, в 2008 г. смогли попасть 59 немецких концернов, а 15 из них оказались среди первых двухсот (девять среди первых ста). Среди этих 15 концернов 7 относятся к сфере обрабатывающей промышленности, 2 — к сфере энергетики и 5 к сфере услуг — страховые компании Allianz и Muenchner Rueck, кредитные учреждения — Deutsche Bank и Commerzbank, перевозчик Deutsche Post и коммуникационная компания Deutsche Telecom. Примерно эти же компании представлены в верхней части списка Fortune. Их отраслевая принадлежность демонстрирует те сектора, где наиболее конкурентоспособна экономика Германии, т. е. прежде всего это обрабатывающая промышленность — основа экспортного потенциала страны[1].

Есть, однако, одна сфера, где Германия существенно уступает ведущим странам — это уровень развития предпринимательской активности, т. е. активности в области создания новых фирм. По данным международного исследования «Глобальный мониторинг предпринимательства», осуществляемого с 1998 г., только 4,2% опрошенных в Германии жителей страны (в возрасте 18–64 года) в 2006 г. были вовлечены в грюндерскую деятельность. При этом с каждым годом данная предпринимательская активность уменьшается — в 2001 г. она составляла 7,04%; в 2002-м — 5,16; в 2003-м — 5,21; в 2004-м — 5,07; в 2005 г. — 5,39%[2]. По этому показателю Германия занимает 35-е место среди 42 иссле-

---

[1] В 2009 г. количество немецких компаний среди ведущих концернов мира по показателю рыночной капитализации существенно снизилось.

[2] Global Entrepreneurship Monitor, 2001–2006 гг.

Таблица 2.3

Германские корпорации среди первых двухсот компаний рейтинга (по величине прибыли) Forbes The Global 2000 (2008 г., показатели — млрд долл.)

№№ п/п	Компания	Место в рейтинге	Продажи	Прибыль	Активы	Рыночная стоимость
1	Allianz	14	139,12	10,90	1,547.48	80,30
2	E.ON	27	94,04	9,86	200,84	126,22
3	Deutsche Bank	32	95,50	7,45	1,485.58	56,27
4	Volkswagen Group	36	149,00	5,64	210,88	90,23
5	Daimler	38	145,11	5,82	199,77	85,16
6	Siemens	50	103,20	5,42	126,72	118,47
7	Munich Re	70	67,57	5,63	306,03	37,34
8	BASF	80	84,60	5,93	67,33	60,96
9	RWE Group	81	56,17	3,64	119,50	68,19
10	Deutsche Post	107	86,90	1,90	343,38	40,24
11	BMW-Bayerische Motor	112	64,64	3,78	103,30	35,93
12	Bayer Group	141	38,20	2,32	72,15	59,00
13	Commerzbank	160	39,98	2,80	899,96	20,03
14	ThyssenKrupp Group	166	73,68	2,99	53,69	28,31
15	Deutsche Telekom	172	91,26	0,83	166,50	83,19

Источник: The Global 2000 Special Report, "Forbes", 04.02.08. http://www.forbes.com/lists/2008/18/biz_2000global08_The-Global-2000_Counrty_5.html.

дованных стран. И дело не только в бюрократических и прочих препятствиях[1]. Одна из причин такого положения состоит в том, что отли-

[1] Наряду с весьма высокими налогами и социальными отчислениями предпринимательскую активность тормозят бюрократические процедуры, в том числе сложность получения лицензий и разрешений, а также наличие многочисленных предписаний и инструкций.

чительной чертой немецкого характера является боязнь чрезмерного риска. Страх перед крахом собственного дела и банкротством удерживает многих от перехода к самостоятельной предпринимательской жизни и к открытию собственного бизнеса. Показатель таких «опасающихся рисков» немецких граждан составил 48,7% в 2005 г. В других странах Западной Европы данный показатель находится на уровне 35%, а в США — на уровне 20%. В целом немцы предпочитают довольствоваться меньшей выгодой при относительно гарантированной стабильности. Причем достаточно много немецких граждан становятся предпринимателями не для того, чтобы реализовать собственные предпринимательские идеи, а по причине отсутствия других более привлекательных источников существования. Особенно неблагоприятно оценивается климат для грюндерства на Востоке Германии, хотя с точки зрении страха перед крахом собственного дела особых различий между восточными и западными немцами нет.

Тем не менее в последние годы количество немцев, которые считают, что они обладают знаниями, компетенциями и опытом, необходимыми для того, чтобы стать предпринимателями, стало постепенно расти. И хотя по этому показателю ФРГ по-прежнему отстает от многих западных стран, в первую очередь от США, потенциал наращивания грюндерства в Германии достаточно велик. Его реализации содействует и традиционная государственная политика по поддержке новых предпринимателей и улучшения рамочных условий для более активного входа новых фирм на рынок, в том числе на региональном и коммунальном уровнях. К тому же, определенный толчок к грюндерству среди немцев дал период создания высокотехнологичных компаний в конце прошлого — начале текущего века, а также, начиная с 2003 г., государственная поддержка бывших безработных в сфере создания самостоятельного дела и самозанятости (Ich-AG).

Германия — страна с экономикой открытого типа, что предполагает не только активное участие ее в международном разделении труда, но и жесткую конкуренцию на глобальных мировых рынках товаров и услуг, а также постоянную борьбу за привлечение капиталов и современных технологий. Степень открытости немецкого хозяйства последовательно росла с начала 50-х годов прошлого века. Доля экспорта в западногерманском ВВП в 1950 г. составляла 13,7%, в 1951 г. — 18%, 1960 г. — 19%, 1970 г. — 21,2%, 1980 г. — 26,4% и 32,1% в 1990 г. После объединения страны экспортная квота снизилась до 22,8% в 1993 г., но затем вновь возросла и в 2008 г. составила около 48%.

ФРГ наряду с Соединенными Штатами Америки является ведущей экспортной державой, что также свидетельствует о высокой конкурен-

тоспособности ее экономики. В последние десятилетия она традиционно с небольшим отрывом следовала за своим основным конкурентом, опережая Японию и другие страны. Причем стоимостной объем немецкого товарного экспорта, выраженный в долларах, в период с 2003 по 2008 г. стал превышать аналогичный североамериканский показатель, и страна в сфере вывоза товаров в форме материального продукта стала мировым экспортером № 1. Все же по средним показателям участия страны в мировой торговле товарами и услугами и международном переплетении капиталов в форме прямых инвестиций в первой половине текущего десятилетия она ощутимо уступала США.

Таблица 2.4

Доля Германии и ведущих стран в мировой торговле и движении капитала*

Мировая торговля товарами	**Доля (%)**	**Мировая торговля услугами****	**Доля (%)**	**Мировые прямые иностранные инвестиции**	**Доля (%)**
Весь мир	100	Весь мир	100	Весь мир	100
США	13,4	США	15,1	США	16,1
Германия	8,6	Германия	7,5	Великобритания	10,0
Китай	5,8	Великобритания	7,4	Франция	8,0
Япония	5,3	Япония	5,3	Германия	5,1
Франция	4,6	Франция	4,6	Голландия	4,6
Великобритания	4,6	Италия	3,7	Испания	4,2
Италия	3,7	Голландия	3,3	Люксембург	3,8
Канада	3,6	Испания	3,1	Канада	3,6
Голландия	3,2	Китай	2,7	Гонконг	3,3
Гонконг	3,0	Канада	2,5	Бельгия	2,9

* Средняя величина за период с 2000 по 2006 г, рассчитанная на основе суммы ежегодного экспорта и импорта.

** Период с 2000 по 2005 г.

Источник: Deutschland in Zahlen. Ausgabe 2007. Institut der deutschen Wirtschaft. Köln, 2008, S. 139.

Немецким компаниям приходится постоянно бороться за удержание позиций на традиционных рынках сбыта и освоение новых рынков

в условиях постоянно растущей конкуренции, особенно со стороны стран Центральной и Восточной Европы, Индии и Китая. Доля Германии в мировом экспорте в 1990 г. составляла 11,9%, в 2002 г. — 9,5% и в 2005 г. — 9,4%. В рамках долгосрочного тренда периода 1975–1989 гг. он был равен средней величине 10,5%[1]. В 70–80-е годы прошлого века ФРГ имела традиционно высокое сальдо баланса текущих операций, обусловленное значительным экспортом товаров. Его наибольшая положительная величина была достигнута в конце 80-х годов — около 4,9% от уровня ВВП. Объединение Германии коренным образом изменило ситуацию, и в 1991 г. сальдо текущего баланса стало отрицательным на уровне 0,2% ВВП. Это было связано с определенной потерей позиций страны на мировых рынках в 90-е годы, что в основном было обусловлено процессами объединения страны. Многие западногерманские компании были привлечены новыми возможностями, внезапно открывшимися на восточногерманских рынках сбыта, — их освоение было проще и прибыльнее операций на традиционных внешних рынках. При этом повышенный спрос в новых федеральных землях на продукцию основных экспортных отраслей в Западной Германии привел к росту цен на их продукцию, что стало одним из факторов, способствовавшим ревальвации немецкой марки в первой половине 90-х годов и оказавшим негативное влияние на ценовую конкурентоспособность немецких товаров и услуг за пределами страны. В последующие годы сальдо текущего платежного баланса за счет опережающего роста товарного экспорта вновь стало активным.

Основная доля экспорта (43%) идет в зону евроленда. На страны ЕС в целом приходится 64% экспортных поставок, около 7% — на США и более одной десятой на прочие промышленно развитые страны. Другие регионы особой роли не играют. 85% экспорта приходится на промышленный сектор, в том числе около 60% на продукцию машино- и автомобилестроения, химической и электротехнической промышленности. Доля услуг в совокупном экспорте составляет скромные 13,7%.

В импорте основная доля также приходится на потребительские и инвестиционные товары, причем в отраслевом отношении речь идет о тех же экспортно-ориентированных отраслях. Средний коэф-

---

[1] При этом следует принимать во внимание, что расчет экспортной доли происходит на базе доллара, который в последние десятилетия был подвергнут значительным колебаниям — при росте его курса доля Германии снижается, а при падении — возрастает. Существенное арифметическое воздействие пересчета на долларовой базе отмечалось в первой половине 80-х годов и в течение 90-х годов прошлого века (эффект снижения), а также в период с 2003 по 2008 г. (эффект роста).

фициент внутриотраслевых внешнеторговых потоков в Германии в начале нынешнего десятилетия составлял 0,74 единицы, в то время как у США он был равен 0,68, а в Японии — 0,45. В импорте достаточно высок удельный вес товаров сырьевой и энергетической группы (6,6%), продовольствия (7,8%) и промежуточных товаров (5,9%).

Таблица 2.5

Доля Германии в мировой торговле товарами

	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2002	2003	2004	2006
Экспорт	10	11,4	10	11,9	10,3	8,6	9,5	10	9,9	9,4
Импорт	8,4	9,5	9,4	9,8	9,2	7,8	7,6	8,1	7,9	7,9

Источник: Deutschland in Zahlen. Ausgabe 2008. Institut der deutschen Wirtschaft. Köln, 2008. S. 139.

Традиционными преимуществами немецких компаний являются высокий уровень качества товаров и сервисного послепродажного обслуживания и отличная логистика, которые обусловливают сравнительно низкую ценовую эластичность экспортной продукции со стороны покупателей. Другими словами, уровень цены не является определяющим фактором для импортеров немецкой продукции, чем, естественно, пользуются многие отечественные фирмы, стремящиеся не только покрыть свои издержки, но и получить запланированную прибыль. В последние годы из-за роста мировых цен на энергоносители и удорожания евро со стороны немецкого бизнеса все чаще слышны жалобы на тенденцию к постоянному повышению уровня экспортных цен и связанные с этим потерями. Например, концерн «Сименс» считает, что его ежегодные потери из-за высокого курса евро достигают миллиардных величин.

Важным аспектом участия Германии в международном разделении труда является сфера движения капиталов, в первую очередь в форме прямых инвестиций. В 80-е годы страна стала нетто-экспортером капитала в этой форме — немецкий средний и крупный бизнес усилил свою внешнеэкономическую экспансию за счет активной диверсификации мест своего зарубежного производства. Благодаря диверсифицированному портфелю своих производственных мощностей в других странах

он получил качественно новые возможности по освоению новых внешних рынков, оптимизации издержек, максимизации прибыли и минимизации рисков. Немецкие компании-инвесторы, имея возможность гибко управлять совокупностью своих производств, расположенных в разных странах, стали более эффективно обходить те или иные ограничения, определяемые национальными рамочными условиями.

В первой половине 90-х годов вывоз капитала существенно снизился, что, как и в случае с экспортом товаров, было связано с процессами экономического объединения Германии — западногерманские компании активно осваивали восточногерманские рынки. Но уже со второй половины 90-х годов объемы прямых капиталовложений за рубежом вновь возросли.

В 1991–1995 гг. объем зарубежных прямых инвестиций составил 11,5% от уровня совокупных производственных капиталовложений, но уже в 1996–2001 гг. этот показатель вырос в три раза и достиг 34,8%. В области металлообработки и машиностроения соотношение инвестиций за рубежом и внутри страны в тот же период в среднем за год составило 64,9%, в автомобилестроении — 62,3% и в химии — 58,5%. По состоянию на середину текущего десятилетия объем накопленных прямых капиталовложений немецких фирм в других странах равнялся 11,8% от всего объема внутренних производственных инвестиций. Активность иностранных прямых инвесторов на немецком рынке в 90-е годы была незначительной, но их интерес к хозяйственному пространству Германии ощутимо возрос в течение текущего десятилетия[1]. В странах Западной Европы, США и Японии удельный вес немецких компаний в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) достаточно высок (соответственно 10–15, 15,8 и 13,2%) и позволяет им оказывать более или менее заметное влияние на экономическую ситуацию к своей выгоде. Вместе с тем в ряде других стран с емкими и перспективными рынками присутствие немецких ТНК в форме прямых инвестиций невелико по абсолютным масштабам и по удельному весу. Так, доля Германии в прямых иностранных инвестициях в Канаде составляет лишь 2,3%, Бразилии — 4,2%, Аргентине — 3,9%, а в КНР и того меньше — 1,7%.

Вместе с тем в большинстве случаев речь идет не о создании новых производств, а о приобретении уже существующих фирм и компаний или участии в их капитале. Это касается и немецких, и иностранных прямых инвестиций и означает отсутствие прямого положительного

[1] Siebert H. Jenseits des sozialen Marktes. Eine notwendige Neuorientierung der deutschen Politik. Deutsche Verlags-Anstalt. München. 2005. S. 97.

эффекта с точки зрения накопления реального капитала. Конечно, не менее важными являются и такие факторы, как эффективный менеджмент, новые методы управления, современные организационные процессы и технологии, но они лишь косвенно влияют на народнохозяйственный производственный потенциал.

Субъектом ПИИ выступают транснациональные корпорации (ТНК), которых, по данным ЮНКТАД за 2007 г., в мире насчитывается около 79 тыс. с 790 тыс. филиалов за рубежом. Однако среди этих ТНК действительно ведущую, если не доминирующую роль в мировой экономике и процессе глобализации играют не более чем 2–3 тыс. первоклассных Multis, главным образом около 500 первых ТНК и 100–150 транснациональных банков (ТНБ). В список 100 лидирующих (по величине зарубежных активов) нефинансовых ТНК мира (данные за 2006 г.) эксперты ЮНКТАД включили следующих европейских представителей: 15 французских, 13 немецких (1 из них смешанная по капиталу) и 13 британских (2 смешанные) компаний. Среди 50 лидирующих финансовых ТНК ЮНКТАД в своем последнем ежегодном докладе приводит 6 британских, 5 французских, 4 голландских (1 смешанная), 4 немецких, 3 итальянских, 3 бельгийских (1 смешанная) и ТНБ и прочих кредитно-финансовых учреждений.

Критерии, применяемые экспертами ЮНКТАД для ранжирования ТНК и ТНБ в своих рейтингах, не представляются бесспорными. Так, места в рейтинге 100 нефинансовых ТНК определяются в первую очередь по величине зарубежных активов, хотя для выявления реальных позиций тех или иных ТНК в мировом хозяйстве еще большую роль могут играть показатели их совокупных активов, собственного (основного) капитала, а также (с известными оговорками, связанными с циклическими колебаниями величины этого показателя) рыночной капитализации. Одновременно данные ЮНКТАД позволяют сделать вывод: Германия располагает когортой «своих» первоклассных ТНК и ТНБ, входящих в группу лидеров в мире и Евросоюзе. Вместе с тем позиции этих «немцев» сопоставимы с «британцами» и «французами», так что применительно к ЕС здесь можно говорить не о явном лидерстве Германии (как в производстве ВВП или экспорте), а о приблизительном балансе сил ведущих стран этого интеграционного объединения[1].

* * *

[1] См.: UNCTAD. World Investment Report 2008. Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. New York and Geneva. 2008. P. 9, 220–222, 226. Статистика и мнение о ТНК/ТНБ предоставлены В.С. Паньковым.

Оценивая перспективы немецкой экономики, следует исходить из того, что они по-прежнему будут определяться способностью государства, т. е. находящейся у власти той или иной правительственной коалиции, вносить необходимые изменения в существующую социально-экономическую модель хозяйствования. Прежде всего это касается дальнейшей либерализации рынка труда, снижения налоговой нагрузки на предпринимателей, завершения пенсионной реформы и реформы в сфере здравоохранения, эффективной поддержки и стимулирования развития инновационного потенциала немецкого бизнеса при сохранении сбалансированного подхода к бюджетной политике. Германии предстоит продолжить санацию государственного бюджета и модернизацию своей финансовой политики (сокращение доли ВВП, перераспределяемой через этот бюджет, дальнейшее снижение государственного долга и поддержание бюджетного дефицита в соответствии с требованиями Маастрихтского соглашения, расширение механизмов конкурентного федерализма и реформирование межбюджетных отношений).

У немецкого государства нет альтернативы продолжению реформы системы среднего и специального образования в целях сохранения и повышения качества человеческого капитала, в том числе для устранения дефицита в высоко- и среднеквалифицированных кадрах в важнейших отраслях народного хозяйства.

Если в рамках существующей тарифной автономии бизнесу и профсоюзам удастся сохранить в среднесрочной перспективе умеренный рост заработной платы (при опережающих темпах роста производительности труда), а государство не откажется от вышеуказанных реформ, то международная конкурентоспособность немецкой экономики по важнейшим параметрам не только сможет сохраниться на относительно высоком уровне (даже с учетом колебаний курса евро и мировых цен на энергоресурсы), но и с большой долей вероятности сможет возрасти. Среди прочего это будет содействовать сохранению ведущих позиций Германии как мирового экспортера товаров, так и активизации внутренней инвестиционной активности и повышению привлекательности немецкого хозяйственно-политического пространства для иностранных компаний. Этому должны также содействовать дальнейшая бюрократизация и дерегулирование экономики.

Для повышения эффективности немецкого народного хозяйства предстоит завершить процесс социально-экономических преобразований в новых федеральных землях и соответственно полноценно интегрировать их в народнохозяйственный комплекс страны, который в итоге должен стать единым.

Шансы и предпосылки для реализации всех этих целей достаточно высоки. Главным образом это связано с пониманием сложившейся ситуации основными немецкими политическими элитами, особенно на уровне ведущих партий, и их потенциальной готовностью к проведению реформ. Конечно, эти элиты неоднородны, они имеют противоречивые интересы и к тому же они вынуждены учитывать патерналистские настроения избирателей — основное препятствие для основополагающих реформ. Но иного выхода у них нет. Большая коалиция 2005–2009 гг. еще раз показала, что времени на политические компромиссы у Германии, особенно в условиях мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., остается все меньше и лидеры политических партий наконец должны решиться на решительные шаги по исправлению допущенных искажений в ордолиберальном механизме социального рыночного хозяйства. Это будет тяжело, будет связано с потерей популярности и доверия у своей электоральной базы, но это необходимо. Иначе страна шаг за шагом начнет сдавать свои экономические, а значит, и политические позиции как в Евросоюзе, так и в мире.

Раздел II. Особенности внутренней политики

Глава 3. Внутриполитическое развитие в ФРГ[1]

Пожалуй, нигде, кроме Германии, внутренняя и внешняя политика за последнюю четверть века не переплеталась столь тесным образом. До 1989 г. ГДР являлась самостоятельным государством, наряду с ФРГ была членом ООН, поддерживала дипломатические отношения с десятками стран мира, в том числе с США и ФРГ. В течение десятилетий функционировала внутригерманская торговля, означавшая, по существу, негласное участие ГДР в Общем рынке.

Для ФРГ восточногерманское государство представляло собой внешнеполитический фактор. Практическое присоединение ГДР к ФРГ, завершившееся в 1990 г., сделало внешнеполитический фактор внутригерманским. На территории ГДР было установлено федеративное устройство, произошла интеграция новых земель в государственную систему ФРГ. Таким образом, объединительный процесс ознаменовал собой принципиально новый этап внутриполитического развития Германии.

Самым значимым событием для страны с начала 80-х годов по настоящее время стало ее объединение в октябре 1990 г. Однако вопросы, которые были в центре внимания населения и элиты ФРГ на рубеже 70–80-х годов прошлого века, вновь актуализируются в наши дни: есть ли будущее у немецкого социального государства, каковы должны быть взаимоотношения власти и общества, в достаточной ли мере нынешние политические партии обеспечивают функцию пред-

---

[1] В главе также использованы материалы Рябиковой Т.А.

ставительства интересов своих избирателей и способны ли они ответить на вызовы времени?

Приход в 1998 г. к власти социал-демократической партии после 16-летнего правления правой коалиции с точки зрения проблем внутренней политики не представлял собой качественно нового этапа. СДПГ не смогла, в том числе по объективным причинам, решить многие социальные вопросы, полученные в наследство от правительства, возглавляемого Г. Колем, в первую очередь в области занятости. Объединение Германии создало массу социальных проблем не только для населения «старой» ФРГ, но прежде всего для граждан новых земель. Началась радикализация общества, стали «леветь» требования профсоюзов, которые в течение десятилетий были опорой СДПГ. «Большая коалиция» ХДС/ХСС и СДПГ, созданная по итогам выборов 2005 г., также оказалась неспособной выправить положение.

3.1. Консервативный поворот и политика христианско-либеральной коалиции 1982–1998 гг.

1982 г. является точкой отчета в современной немецкой политической истории, потому что он стал своего рода поворотным на пути постепенного реформирования немецкого социального государства, которым гордились и продолжают гордиться многие поколения немцев и которое они охотно ставят в пример «молодым демократиям».

В основе «консервативного поворота» 1982 г. лежали главным образом социально-экономические проблемы государства: сокращение темпов экономического роста, значительное увеличение числа безработных, необеспеченность финансирования пенсий и т. п.

Еще с середины 70-х годов новое руководство ХДС задумалось о создании альтернативы концепции «демократического социализма», предложенного СДПГ. Первая попытка ответить на вызовы времени была предпринята в Мангеймской декларации — проекте новой программы партии, которая ставила целью завоевание симпатий среднего класса. При этом решающее значение для христианских демократов имело принятие на съезде в Людвигсхафене в 1978 г. новой программы партии, сменившей программу 1953 г. В основу своих идейных установок представителями ХДС были положены принципы свободы, справедливости, солидарности и общего блага. Таким образом, на рубеже 70–80-х годов в базовых установках правоцентристов

произошло совмещение лозунгов, заимствованных у социал-демократов, с принципами христианского социального учения.

Одним из важнейших элементов новой программы стал принцип децентрализации, основанный на идее субсидиарности (делегирования полномочий), которая на протяжении последующих двух десятилетий многократно служила источником многих значимых социально-экономических инициатив христианско-либеральной коалиции. Развитие принципа субсидиарности позволило ХДС предложить модель модернизации социального государства, которая подразумевала альтернативу социал-демократическому пути развития за счет сокращения влияния государства и усиления институтов гражданского общества. В новой программе ХДС подчеркивалось, что нижний уровень иерархии делегирует вышестоящему уровню только те функции, которые не могут быть выполнены на нижнем: «То, что может осуществить малое сообщество, не должно брать на себя более крупное».

Вторым направлением, которое христианские демократы избрали в качестве своей альтернативы социал-демократическому курсу, стала кампания против разрастания экономических функций государства. Этот шаг оказался очень эффективным, поскольку именно на рубеже 70–80-х годов произошел кризис исповедовавшейся тогда социал-демократами концепции сильного интервенционистского государства. В Штутгартских тезисах ХДС прямо указывалось на негативные последствия социал-демократической политики 70-х годов: чрезмерная доля государства в валовом общественном продукте, рост государственных расходов и увеличение государственной задолженности, излишняя бюрократизация и регламентация в социально-экономической сфере. В результате, по мнению христианских демократов, в обществе росло социальное иждивенчество, оказались блокированы структурные изменения в экономике, снизились инвестиции, что наряду с другими причинами породило безработицу. С точки зрения христианских демократов, противоречие между «социальной справедливостью» и «рыночной справедливостью», перераспределение совокупного общественного продукта через государственные механизмы приводило к снижению «самостоятельности» индивида и к установлению «опеки» над ним со стороны «социального государства». В результате на одну заработанную марку приходилось 79 пфеннигов дополнительных выплат. Данному курсу ХДС противопоставил пакет реформ, включавший в себя консолидацию бюджета, сокращение субсидий, ослабление роли государства в экономике, либерализацию рынка труда.

За счет выдвижения альтернативы социал-демократическому курсу в виде полномасштабной организационной и программно-целевой

модернизации христианским демократам удалось перехватить стратегическую инициативу. Многие вопросы, которые правоцентристы предлагали в качестве наиболее злободневных: новый социальный курс, политика в области семьи, политика соучастия, дебюрократизация, уменьшение бюджетного дефицита, оказались созвучны настроениям немецких избирателей.

В организационном плане уже с середины 70-х годов новое руководство христианских демократов во главе с Г. Колем и К. Биденкопфом сделали ставку на превращение ХДС в «народную партию». Изменилась тактика работы партии с избирателями, христианские демократы начали активнее вести работу с женщинами и молодежью. В результате численность партии за десять лет возросла вдвое.

Принципиальным для изменения политического климата в Федеративной Республике оказалось приятие руководством СвДП «стратегии поворота» (авторы — лидер партии и министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, а также министр экономики граф О. фон Ламбсдорф). Из поля зрения руководства либералов не могло выпасть разочарование населения неспособностью правящей коалиции найти выход из сложившейся неблагоприятной ситуации. После нескольких неудачных для свободных демократов земельных выборов, когда они не смогли преодолеть 5%-ный барьер, встал вопрос о выживании самой партии. Менялась и база электоральной поддержки СвДП, в ней все большее место занимали сторонники консервативных, буржуазных ценностей и установок. После очередного провала СвДП на гамбурских выборах в июне 1982 г. руководство партии перешло к решительным действиям, которые через вынесение 1 октября того же года конструктивного вотума недоверия канцлеру Г. Шмидту привели к формированию христианско-либерального кабинета Г. Коля. Окончательно консервативный поворот был легитимизирован западногерманскими избирателями на досрочных выборах в бундестаг в марте 1983 г. Как показали результаты социологических опросов, почти 12% сторонников СДПГ (или 5% всего западногерманского электората) на мартовских выборах переметнулись на сторону ХДС.

Комплекс мер, принятых новым христианско-либеральным правительством, позволил только в период 1982–1986 гг. сократить превышение расходов над доходами бюджета ФРГ с 37,7 до 22,3 млрд марок. Параллельно активизировался процесс приватизации госсобственности, в частности таких промышленных гигантов, как ФЕБА, «Фольксваген», «Люфтганза», был отменен целый ряд бюрократических постановлений, которые сдерживали рост предпринимательской активности. Однако реформы правительства Г. Коля нельзя оценивать как жестко

либеральные, поскольку они не были полностью подстроены под интересы представителей определенной политической или бизнес-группы. Предприниматели были недовольны тем, что снижение налогов было не столь значимым, как в США и Великобритании, в то время как СДПГ, зеленые и профсоюзы немедленно окрестили проводимую христианско-либеральной коалицией политику как «реформу для богатых».

Важной особенностью политики христианско-либерального кабинета стало стремление целенаправленно изменить общественное сознание в интересах проводимого правительственного курса. Было провозглашено, что классический конфликт «труда и капитала» исчерпан, а ему на смену пришел «новый социальный вопрос». Занимавший в то время пост генерального секретаря ХДС Х. Гайслер отмечал, что в немецком обществе сильны уже не исключительно владельцы капитала, но владельцы капитала и наемные работники. Исходя из этого постулата, они определялись как «организованные» группы населения, тогда как в социальной поддержке, по мнению Гайслера, нуждаются в первую очередь «неорганизованные» (пожилые люди, матери, нетрудоспособные и т. д.). Эти группы оказывались, по мнению идеологов ХДС, в неравных условиях с «организованными». Данную идею развил впоследствии канцлер Г. Коль, заявлявший, что организованные ассоциации добиваются для своих членов социальных льгот, которые можно объяснить организованным давлением, но нельзя оправдать идеей социальной справедливости или принципом социальной государственности.

В дальнейшем эти заявления воплотились в более конкретные предложения по реформированию социального государства, в качестве основных направлений которых были предложены следующие:

- замена помощи всем на адресную социальную поддержку;
- смещение акцентов с необходимости выплат различным категориям граждан на профилактику социальных проблем;
- гуманность (например, предоставление нуждающимся в уходе пожилым людям помощи, позволяющей им жить в собственных квартирах, вместо того чтобы ухаживать за ними в «анонимных» учреждениях);
- диверсификация системы институтов социального обеспечения за счет увеличения доли среди них учреждений частного и производственного типа;
- внедрение в социальную сферу принципов социального рынка (таких, как децентрализация, учет критерия производительности, конкуренция), активизация гражданских инициатив по реформированию социальной сферы.

К. Биденкопф предложил заменить прямые социальные услуги адресной социальной помощью, которая будет выплачиваться тем, кто не имеет достаточных средств к существованию; задача государства должна быть ограничена обеспечением соблюдения правовых норм, устанавливаемых в социальной сфере; конкретные решения о страховых взносах и реально получаемых услугах должны приниматься самими заинтересованными людьми, а не парламентом.

В развитии темы переустройства социального государства ХДС выдвинул идею «устранения окостенения» социально-экономической жизни Федеративной Республики, которое заключалось бы в придании «большей гибкости» в сферах занятости, рабочего времени, заработной платы, условий найма и увольнения трудящихся. Как справедливо отмечал К. Биденкопф, в Германии существует не кризис рынка труда, а кризис регулирования рынка труда.

К выборам 1987 г. в общественно-политической риторике правящего кабинета произошла трансформация. Христианско-либеральное руководство страны заговорило о «будущем» страны. Такая смена акцентов была вызвана рядом обстоятельств.

Во-первых, консервативное руководство ФРГ оказалось заложником собственной политики экономической стабилизации, поскольку, добившись улучшения в этой сфере, оно в представлениях немецкого общества обязано было позаботиться об улучшении качества жизни. Так, во многом неожиданным для себя образом правительство Г. Коля оказалось перед фактом необходимости возвращения к идее социального государства. Как следствие с периферии государственных интересов на привычные приоритетные места стали возвращаться соответствующие темы: женщины, дети, пожилые люди.

Во-вторых, христианско-либеральная коалиция старалась обеспечить успешное развитие страны в соответствии с реалиями германской действительности начала 80-х годов. Безусловно, социальные реформы оказались не столь радикальными по сравнению с более поздними инициативами «красно-зеленого» кабинета Г. Шрёдера, но по тем временам действия кабинета Г. Коля для немецкой действительности были достаточно решительными. При реализации программы реформ глава немецкого правительства должен был учитывать позицию СвДП, которая благодаря опытному лидеру Г.-Д. Геншеру считала себя вправе корректировать те или иные предложения старшего партнера по коалиции. Да и в самой ХДС не было единства. Социал-демократ П. Глоц выделял в ее составе пять основных групп: несолидарные правые (неоконсерваторы), буржуазные центристы, правые популисты, социально ориентированные политики и консер-

ваторы-модернизаторы. Канцлеру Г. Колю приходилось лавировать между ними, но еще в большей степени учитывать сформировавшиеся в предыдущие годы представления немцев об экономической безопасности, основанные на высоком жизненном стандарте и комплексе социальных гарантий.

В итоге на фоне нерешенности проблемы безработицы к выборам 1987 г. идейная платформа ХДС существенно трансформировалась, что ознаменовалось принятием «Манифеста будущего», который ставил перед немецким обществом следующие задачи, требовавшие адекватных решений:

- вызовы, связанные со значительной динамикой в демографической сфере;
- сохранение гуманной качественной основы современного индустриального государства;
- развитие индустриальной нации как культурного общества;
- постановка научно-технического прогресса на службу человеку.

Несмотря на победу правящей коалиции на выборах 1987 г., становилось очевидным, что она теряет стратегическую инициативу и ее успех во многом объясним еще более значительным кризисом в рядах социал-демократов. Характерно, что в числе критиков действий правительства Г. Коля все отчетливее были слышны голоса правых консерваторов, которые считали, что оно упустило исторический шанс на духовное изменение климата в Германии. Активная позиция ХДС, изначально выбравшего наступательную стратегию «поворота», действительно все больше начинала напоминать позицию флюгера, меняющего свое направление в соответствии с благоприятными внешними обстоятельствами, а не формирующего их. Как бы то ни было, но предложения начала 80-х годов о глубоких реформах политического, социального и экономического порядка трансформировались к началу 90-х годов в обсуждение вызовов будущего — европейской интеграции и германского единства.

Правительство Г. Коля в целом нашло те подходы и механизмы, которые помогли ФРГ преодолеть кризисные явления конца 70-х — начала 80-х годов и приступить к социально-экономическим реформам, которые способствовали укреплению позиций Федеративной Республики в динамично меняющемся мире. Однако со временем «наступательный» сценарий уступил место «адаптационному», который к моменту объединения Германии полностью изменил общественно-политическую стратегию правящего кабинета.

Широту политического маневра христианских демократов обеспечивал затяжной кризис в стане их основных конкурентов из СДПГ,

которые после ухода в оппозицию в 1982 г. так и не смогли предложить убедительной альтернативы курсу правящей коалиции. Со времени принятия Годесбергской программы партии 1959 г. представления социал-демократов о социальном государстве не претерпели существенных изменений. Напротив, все интеллектуальные усилия руководства были направлены на острую внутрипартийную полемику по поводу взаимоотношений государства и крупного капитала, «двойного решения НАТО», прямой демократии и ряда других вопросов. При этом основная волнующая немецких избирателей проблема социально-экономических путей развития ФРГ стала возвращаться на первый план социал-демократической повестки только во второй половине 80-х годов, когда в партии начало формироваться модернизаторское крыло во главе с О. Лафонтеном. Принятая накануне объединения Берлинская программа партии 1989 г., которая в большей мере учитывала реалии постиндустриального общества, по сути, явилась внутренним компромиссом различных течений в СДПГ, а потому оказало влияние на общество.

Реверансом в сторону «левых» явилось указание на классовый характер немецкого общества. Не были обойдены вниманием и профсоюзы: «Демократический контроль над экономической властью капитала требует дееспособного государства, сильных профсоюзов и соучастия». Но в то же время все отчетливее прослеживались новые идеи, в частности идея субсидиарности: «Государство должно решать общественно необходимые задачи, которые не могут быть решены отдельными лицами или группами людей, и действовать во имя общего блага там, где это не может быть осуществлено другим путем». Наибольшие трансформации произошли в базовых экономических принципах СДПГ. В результате усиления модернизационного крыла партии программные заявления социал-демократов стали все более сближаться с положениями ХДС. И хотя социально-экономические разделы Берлинской программы также явились компромиссом между «традиционалистами» и «модернизаторами», со временем инициатива все более отчетливо переходила к последним.

Отсутствие свежих, ярких идей особенно проявилось в представлениях СДПГ о ее визитной карточке — социальном государстве. На рубеже 1980–1990-х гг. партия выступила за его перестройку вместо демонтажа, однако этот тезис нисколько не отличался от реальной политики христианско-либерального кабинета Г. Коля. Остальные идеи: введение «базового социального обеспечения», «самопомощи», сокращения рабочего времени, также в целом шли в русле политики ХДС. Критикуя рост безработицы, социал-демократы не могли пред-

ложить единого подхода к решению этой, пожалуй, самой актуальной для Федеративной Республики проблемы.

С углублением кризисных явлений ключевой электорально значимой проблемой для СДПГ стал вопрос о том, каким образом технологически можно вернуться к власти. В этой связи наиболее остро обсуждался вопрос о взаимодействии партии с новой политической силой ФРГ — зелеными. Данная партия «выросла» из социальных движений 60–70-х годов, направленных против атомной энергии, поэтому партия традиционно сохраняет тесные связи с экологическим движением, движением женщин и борцами за мир. Поколение основателей партии зеленых включало представителей различных социальных слоев, чья политическая биография началась с внепарламентской оппозиции времен «большой коалиции» и студенческого движения, участия в так называемых «К-группах», выросших из студенческого движения и коммунистических партийных объединений. В первое поколение зеленых также вошли активные сторонники движения гражданских инициатив 70-х годов, в особенности движения против распространения ядерного оружия, движений в поддержку образования, культуры, женского движения, движения за мир, а также движения альтернативной экономики и др.

Зеленые демонстрировали отход от традиционных форм политического общения. Они пропагандировали императивный мандат, который означал подчиненность отдельного депутата решениям партии; предлагали ввести принцип ротации, предполагавший, что избранный депутат по истечении половины или полного легислатурного периода должен уступить свое место в парламенте следующему за ним по списку кандидату. Зеленые указывали на необходимость разделения партийных должностей и депутатских мандатов, требовали 50%-ной квоты женщин на всех руководящих должностях и обеспечения принципа доступности во всех парламентских органах[1].

За короткий период зеленые превратились из фундаментальной оппозиции, не имеющей правительственных амбиций, в партию, представляющую интересы широкой общественности. Уже через три года после основания, т. е. в 1983 г., они вошли в бундестаг, набрав 5,6% голосов, затем в 1985 г. — в правительство федеральной земли Гессен, а спустя еще четыре года участвовали в руководстве Берлинского сената. Еще в 1983 г. зеленые потеснили СвДП с позиций, позволяющих решать в немецкой партийно-политической системе,

---

[1] Ulrich von Alemann. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Leske+Budrich, 2000. S 100.

за какой из крупных партий будет составлено большинство и таким образом способной повлиять на смену власти[1].

Уже по итогам земельных выборов в Гессене, на которых СДПГ получила 46,2% голосов, возникла идея создания коалиционного правительства. Однако изначально руководство социал-демократов воспринимало возникновение зеленых скептически, и только по итогам выборов 1987 г. стало окончательно ясно, что возвращение СДПГ к власти возможно лишь в союзе с «четвертой» партией. Поражение стратегии «борьбы в одиночку», без опоры на зеленых в ходе предвыборной борьбы социал-демократического кандидата в канцлеры Й. Рау показало, что немецкий политический процесс в рамках четырехпартийной системы требует иных подходов. Именно после крупной неудачи СДПГ 1987 г. началось существенное омоложение руководства партии, но даже принятие новой Берлинской программы не смогло кардинально изменить ситуацию. Один из лидеров социал-демократов того времени, П. Глоц, оценил новую партийную программу весьма сдержанно, назвав ее «промежуточным результатом», вполне пригодным для понимания задач 1990-х гг., но не более того[2].

В качестве основных причин, обусловивших неудачное десятилетие для СДПГ можно выделить следующие. Во-первых, партия потеряла стратегическую инициативу. Критика с позиций «общества социальных гарантий» упиралась в незавидный итог последних лет правления кабинета Г. Шмидта. В дальнейшем христианско-либеральное правительство за счет существенного дрейфа в сторону социально окрашенной риторики выбило из рук социал-демократов еще один сильный козырь. Немецкому обществу было продемонстрировано, что ХДС и ее союзники способны и зарабатывать, и распределять средства ничуть не хуже, чем СДПГ.

Во-вторых, у партии действительно не оказалось свежих идей, которые бы объединили ее сторонников на общефедеральном уровне. В лучшем случае за СДПГ голосовало ядро ее электората, а также приверженцы ее известных лидеров на уровне земель.

В-третьих, появление партии зеленых привело к оттоку части левого электората к новой политической силе. В то же время сама СДПГ не могла определить своего однозначного отношения к будущему союзнику, что еще более дезориентировало избирателей, особенно

---

[1] Dittberner J. Die FDP an der Schwelle zum neuen Jahrhundert. In: "Aus Politik und Zeitgeschichte".B.5/2000. S. 30–38.

[2] Цит. по: Lengsfeld V. Sieger und Verlierer // "Die Politische Meinung", 2000. No 369. S. 15.

представителей молодого поколения немцев. В результате с конца 1970-х гг. численность СДПГ сократилась более чем на 100 000 человек, а сокращение доли членов партии в возрасте 18–25 лет оценивалось как драматическое. Процесс «бегства» из СДПГ удалось остановить лишь в 1988 г., а в 1989-м — даже увеличить численность почти на 10 000 человек.

В-четвертых, у партии не было яркого харизматичного лидера, который мог бы претендовать не то что на объединение всех немцев, но хотя бы членов самой партии. Этот процесс усугубился затянувшимся по времени периодом смены поколений в руководстве социал-демократов.

В-пятых, крах восточноевропейского социалистического лагеря нанес существенный удар по имиджу социалистической идеи в целом и ее институциональным носителям в частности.

Единственным для СДПГ благоприятным фактором можно было назвать постоянный рост носителей постматериальных ценностей, который в конечном итоге оказался выгоден социал-демократам и зеленым. Руководство партии сумело уловить эти благоприятные для себя тенденции, и на Мюнстерском съезде 1988 г. было принято решение об усилении роли в партии женского представительства, что не только соответствовало общей тенденции роста доли «слабого пола» среди членов СДПГ, но и знаменовало собой попытку начать изменение общественного имиджа партии. Перевод борьбы из программного поля в PR-плоскость усиливал роль постматериальных факторов информационного общества. С учетом стабильной популярности лидеров СДПГ О. Лафонтена и Й. Рау в возглавляемых ими землях (Саар и Северный Рейн-Вестфалия) у социал-демократов появлялся некоторый шанс. Однако объединение Германии в 1990 г. отсрочило время наступления «красно-зеленого» периода в политической истории ФРГ.

В вопросе объединения Германии кабинет Г. Коля в отличие от социал-демократов проявил завидную политическую мобильность. Первый официальный визит Э. Хонеккера как полноправного руководителя ГДР в ФРГ в 1987 г. не помешал западногерманскому канцлеру поставить задачу воссоединения страны в качестве ключевого приоритета своей политики. Подходы руководителей ХДС и СДПГ к этой проблеме были различными. Видный представитель СДПГ Э. Бар опубликовал в 1985 г. работу под знаменательным заголовком «Искать исторический шанс в разделении». «Или кто-то полагает, — задавался он вопросом, — что претензии на немецкое единство с их известным результатом за последние сорок лет приведут к другому исходу в следующие двадцать или сорок лет? НАТО и единство — несовместимы».

Это же убеждение в неизбежности разделения Германии на два государства высказывалось Э. Баром и в 1987-м, и в 1988 г. Даже в работе 1990 г. «Размышления о единой стране» он продолжает настаивать на том, что практически до последнего момента в самой ФРГ не верили в возможность объединения Германии; население Федеративной Республики интересовалось жизненными реалиями ГДР в такой же малой степени, что и политбюро СЕПГ. В итоге Бар пришел к выводу, что объединением страны немцы обязаны Горбачеву и восточным немцам.

В книге В. Ленгсфельд «Победители и побежденные» приводятся фрагменты высказываний видных западногерманских политиков по вопросу немецкого единства: Э. Бар называл его иллюзией, В. Момпер — мифом, П. Глоц — опасностью для мира, а В. Брандт охарактеризовал идею объединенной Германии как жизненно необходимую ложь Боннской республики[1]. Показательно, что и один из лидеров ХДС, бывший генеральный секретарь Х. Гайслер, предложил в 1988 г. исключить из программы ХДС положение, ставившее объединение Германии в качестве одной из целей христианских демократов. Для Г. Коля же единая Германия оказалась не только самым успешным политическим проектом за время его правления, но и способом сохранить власть в неблагоприятных для христианских демократов условиях трансформации базовых ценностей немцев.

3.2. Процесс изменения базовых ценностей немцев

Анализ изменения ценностных ориентаций в современном западном обществе был впервые проведен американским социологом и политологом Р. Ингельгартом[2]. Согласно его концепции, на одной стороне биполярной системы ценностей находятся основные материальные потребности, к которым относятся все виды физиологических потребностей, экономическая стабильность и экономический рост, ценовая стабильность, спокойствие и порядок в государстве и обществе, сильные вооруженные силы. Другой полюс составляют так называемые постматериальные ценности. К ним относятся социальные по-

---

[1] Цит. по: Lengsfeld V. Sieger und Verlierer // “Die Politische Meinung”, 2000. No 369. S. 15–21.

[2] Ingelhart R. The silent revolution. Charing values and political styls among western public. Princeton, 1977.

требности, стремление к самореализации, а также потребности духовные, творческие, эстетические и созерцательные. В число социальных потребностей в первую очередь входит «потребность в сообществе», во внутригосударственном и внутриосоциальном общении, свободе мнений, уменьшении анонимности, а также ценности, в основе которых лежит защита природы и исторических памятников. Материальные ценности признаются характерными для индустриального общества. Соответственно они изменяются при эволюции индустриального общества к постиндустриальному.

Основные причины подобной ценностной эволюции Р. Ингельгарт видел в экономическом процветании, технологическом развитии, гарантировавшем удовлетворение бытовых потребностей для все более возрастающей части населения, опыте реального мира для целого «биологического» поколения на Западе, растущем уровне образования, распространении массовых коммуникаций и увеличивающейся географической мобильности.

Начало этого процесса совпало с возникновением во второй половине 1960-х гг. на Западе широкого студенческого движения протеста. Этот процесс не обошел стороной и Германию. Молодое поколение западных немцев столкнулось с положением вещей, значительно изменившимся в сравнении с временами их отцов и дедов. Проблемы, которые решались послевоенным поколением, были для молодых людей 1960-х гг. не столь актуальными. К тому же сама идентификация на принципах экономического роста оказалась в кризисе вследствие мирового экономического спада.

Теория трансформации ценностей легла в основу исследований политического сознания немцев, которые проводились с середины 1970-х гг. В результате регулярных замеров выяснилось, что к началу 1980-х гг. доля носителей материальных и постматериальных ценностей сравнялась. Учитывая, что изменение базовых установок тесно связано с динамикой политического поведения, западногерманский исследователь Д. Фукс предложил соединить эмпирические данные о ценностных ориентациях немцев с традиционным делением электората на «правых», «центристов» и «левых». В результате опросов 1976–1989 гг. выявились следующие тенденции.

Во-первых, прослеживалось постоянное увеличение доли постматериалистов в каждом электоральном сегменте и соответственно сокращение доли носителей традиционных ценностей. При этом в наибольшей степени позитивная динамика численности оказалась характерна для группы «левых постматериалистов» (с 9,5% в 1976–1980 гг. до 21,5% в 1987–1989 гг.). Именно установки данного электорального

сегмента наиболее существенно отличались от позиции всех остальных групп по категориям, предложенным для оценки.

Во-вторых, выявилось, что «правые» оказались ценностно более гомогенны, чем «левые», т. е. расхождения в восприятии объектов по ценностным критериям у них оказались заметно менее значимыми.

В-третьих, наименьшие различия в ценностных установках наблюдались между левыми и правыми материалистами.

Более традиционным является подход к изучению динамики политического сознания, который предлагает известный немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман[1]. Начиная с 1978 г. совместно с группой ученых Алленсбахского института она проводила регулярные массовые опросы населения, в рамках которых респондентам предлагалось обозначить собственную политическую позицию на шкале от «0» — крайне левые убеждения до «100» — крайне правые убеждения. В дальнейшем подобные исследования проводились в 1981 г. уже в нескольких странах, а в 1990-м в 43 странах на пяти континентах.

Согласно анализу полученных результатов выяснилось, что на протяжении десятилетия (с 1978 по 1989 г.) увеличилась доля тех, кто относит себя к приверженцам левых политических убеждений, и соответственно сократилась доля относящих себя к правому политическому спектру.

Еще более выраженно указанная динамика прослеживается применительно к политическому сознанию западных немцев в возрасте до 30 лет. Именно в данной группе населения к 1989 г. наметился наибольший дисбаланс между приверженцами правых и левых взглядов в пользу последних. Во многом это можно связать с тем, что за десятилетие западногерманскому руководству удалось добиться стабильного роста в экономике и внимание в первую очередь молодежи переключилось на проблемы качества жизни, что способствовало усилению значения в обществе постматериальных ценностей.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, были проведены дополнительные исследования, в ходе которых выяснялось, в чем состоят основные различия между теми, кто относит себя к «левым», и теми, кто считает себя «правыми». Оказалось, что «левые» почти вдвое меньше привязаны к семейным и религиозным ценностям по сравнению с «правыми». В то же время сторонники левых убеждений проявили себя намного большими приверженцами гуманизации общества при одновременном снижении его «обезличеннос-

---

[1] Noelle-Neumann E. Spaeter Sieg des linken Zeitgeistes // “Die Politische Meinung”, 1998. S. 364.

ти». При этом важнейшей общественной целью 44% «правых» назвали поддержание порядка и соблюдение норм права, а у «левых» доля, относящих эту цель к приоритетам развития, ограничилась всего 12%[1]. Можно утверждать, что усиление тенденций плюрализации и индивидуализации общества нашло свое отражение в увеличении числа сторонников политических сил левого политического спектра и одновременном сокращении тех, кто поддерживает правые партии и связанные с ними общественно-политические ценности.

В этой связи объединение Германии явилось, возможно, ключевым фактором сохранения христианско-либеральной коалицией власти еще на восемь лет. После 1990 г. наметилась определенная стабилизация динамики политического сознания в западных землях, которая была обусловлена прежде всего самым значительным успехом социал-либерального кабинета Г. Коля — объединением страны. Кардинальное изменение ситуации на некоторое время изменило динамику политического сознания: реалии присоединенной социалистической «левой» ГДР способствовали усилению в сознании западных немцев «правых» западных ценностей. То, что новые земли обеспечат дополнительные голоса правящему кабинету, стало очевидным, после того как на выборах в Народную палату ГДР 18 марта 1990 г. обновленный ХДС ГДР в союзе с «Альянсом за Германию» получил 40,8% голосов избирателей.

Для политической культуры ФРГ объединение Германии означало существенное изменение структуры ценностей, учитывая, что к базисным проблемам западной политической культуры прибавились специфические, возникшие в результате объединения. Помимо необходимости проведения «западных» преобразований в новых землях, в политическую культуру ФРГ, уже в достаточно сильной мере функционирующую по законам постиндустриального общества и все более ориентированную на постматериальные ценности, влилось большое число носителей материальных ценностей, живших в индустриальном обществе. Сущность объединения и его значение для политической культуры со всей определенностью фиксирует К. Зонтхаймер: «Процесс объединения касается политической культуры Федеративной Республики намного меньше по сравнению с областями бывшей ГДР»[2].

Главный вызов формирующейся политической культуре единой Германии был связан с разочарованием многих жителей бывшей ГДР

---

[1] Noelle-Neumann E. Spaeter Sieg des linken Zeitgeistes // "Die Politische Meinung", 1998. No 364. S. 15–30.

[2] Sontheimer K. Deutschlands politische Kultur, München-Zurich, 1990 S.32.

и существенной части западных немцев в постобъединительной реальности. Основное недовольство населения вызвала неблагоприятная динамика, наметившаяся в экономике страны после образования единой Германии. Это, в свою очередь, негативно сказалось на восприятии немцами демократической системы, что лишний раз подтверждает устойчивую связь и взаимовлияние экономической и политической подсистем в современном немецком обществе. Наиболее наглядно и убедительно динамику общественного и политического сознания представляют результаты социологических исследований. Уровень довольных и очень довольных демократией в начале 90-х годов составлял примерно 60 и 16% на западе страны и 52 и 4,5% на востоке, в то же время число неудовлетворенных на западе к осени 1993 г. составило 24%, а на востоке — 49%. Уровень довольных состоянием демократии на западе Германии снизился с 80,4% в 1990 г. до 65,3% в 1992 г.[1]

Основной причиной подобной неблагоприятной динамики следует считать разрушение иллюзий восточных немцев в отношении равенства их статуса с жителями западных земель, а также невозможность достижения на востоке за короткий срок жизненного уровня запада. Население «старой» ФРГ не ожидало, что процесс объединения принесет с собой так много экономических издержек, и явно не рассчитывало на отсутствие у правящей политической элиты обоснованных ответов на возникшее недовольство граждан страны. Часть вины за сложившееся положение бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт возлагает на правительство Г. Коля, которое, по его мнению, создало у немцев слишком радужные представления о последствиях процесса объединения. Г. Шмидт напоминает слова Г. Коля, заявлявшего, что правительство еще никогда не было более подготовлено к решению экономических задач объединения, а также о гарантиях не повышать налоги после объединения Западной и Восточной Германии в одно государство[2].

Определенное снижение удовлетворенности демократией, в особенности ее функционированием, связано также с двумя более глубокими причинами, которые хотя и менее выражены в повседневной жизни, но обуславливают особенности развития политического процесса на протяжении последних десятилетий. Этими причинами являются продолжающаяся трансформация базовых ценностей немцев, а также дина-

---

[1] *Шмидт Г.* На благо Германии: Пути выхода из кризиса. М.: Международные отношения, 1995.

[2] Там же.

мика восприятия и отношения населения к одной из основных институциональных форм существования современной демократии — к политическим партиям и как следствие к новым представлениям о взаимоотношениях общества и государства, личности и власти.

Во многом усиление трансформации ценностей в западногерманском обществе было связано с изменениями внутри самой социальной системы. Ценностной основой индустриального общества выступает фактор труда. Вместе с тем вследствие господствующих экономических механизмов постепенно формируется социальный отряд безработных, составляющий 10% трудоспособного населения, чье трудоустройство весьма проблематично, учитывая темпы технологизации современного экономического производства. При этом государству и обществу необходимо изыскивать возможности адаптации этой группы к социальной системе, сохранять определенный уровень благосостояния многочисленной группы населения вне связи этой группы с трудовой деятельностью. С другой стороны, видна тенденция сокращения рабочей недели и увеличения доли свободного времени.

Изменилось и само значение работы как одной из ведущих ценностей западногерманского общества. Если традиционно важнейшим ожиданием от работы являлся экономический результат, то теперь все большее число западных немцев стремится найти на своем рабочем месте самореализацию.

В этой связи следует отметить, что процесс изменения ценностей наиболее заметен именно при анализе установок и общественно-политических ориентаций немцев. Уникальность Германии в данном случае заключается в том, что в 1990 г. объединились два различных типа общества — индустриальное и постиндустриальное. Если на западе процесс изменения ценностей развивается уже несколько десятилетий, то восточные земли вошли в него лишь с объединением, и главным образом там преобладают традиционные материальные ценности индустриального общества.

Сравнительный анализ данных массовых опросов населения в первые годы после объединения показывает, что на Востоке 62% населения рассматривают свою жизнь как задание, на западе — только 43%. На востоке 73% предпочитают работу отдыху, на западе — 52% (сюда же включены одинаково оценивающие значение работы и отдыха в своей жизни). При анализе выясняется, что статистика восточных земель совпадает с данными в западных землях 1950—1960-х гг. В то же время среди молодежи на востоке уже в начале 1990-х гг. наметилась устойчивая тенденция снижения роли традиционных ценностей — работы и прилежания. Уменьшается значимость авторитета,

особенно для представителей молодого поколения. Следовать инструкциям без собственной оценки изъявили желание только 14% молодых немцев в сравнении с 44% их британских сверстников. 65% немецкой молодежи нужно, чтобы ее убедили в необходимости следовать инструкциям, у британской молодежи этот процент ниже — 40%. Прослеживается и разрыв поколений, так как в общем 51% всех немцев поступили бы согласно инструкции. При этом Германия является лидером в процессе индивидуализации, социальной атомизации общества. С тем, что роль авторитета в будущем должна возрастать, в странах ЕС согласились 61%, в Германии — 44%, не согласны с этим в Европе — 15%, в ФРГ — 34%. Та же тенденция наблюдается и относительно правовых норм[1].

Ведущая роль Германии в процессе изменения ценностей может быть объяснена тем, что страна оказалась в европейском авангарде перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Если в Британии традиционные ценности связывают с развитием демократического порядка и отказ от них или их изменение — процесс достаточно болезненный, то в Германии эти ценности связаны с национальными характеристиками, значение которых как ценности вследствие специфики послевоенного развития страны не столь велико.

Данные исследований первых нескольких лет после объединения Германии свидетельствуют о том, что существенной проблемой остается будущее вопроса о единой национально-государственной самоидентификации немцев. После объединения на территории «старой» Федеративной Республики лишь 15% населения рассматривают себя в первую очередь как «немцы», но 80% как «западные немцы». Среди жителей восточных земель 51% осознают себя прежде всего «немцами», 48% — «восточными немцами»[2]. Вместе с тем необходимо отметить, что слабость идентификации с традиционными ценностями, о которой обычно пишут как о недостатке политической культуры ФРГ, имея в виду преимущественно национальную самоидентификацию, оказывается признаком особой восприимчивости немцев, большей частью западных, к изменениям, связанным с переходом к постиндустриальному обществу.

Параллельно с изменением ценностей начался кризис институциональных носителей традиционных ценностей — семьи, церкви и профсоюзов. К. Зонтхаймер указывает, что преобладающей в Германии ста-

---

[1] Greiffenhagen M. und S. Ein schwieriges Vaterland. Zur politischen Kultur im vereinigen Deutschland, München-Leipzig, 1993.

[2] *Лангут Г.* Указ. соч.

новится малая семья, состоящая из двух поколений, уступившая значительную часть функций, выполнявшихся ранее большой семьей, другим социальным институтам. Число браков снизилось с 50-х годов с 90 до 70%, причем если учесть среднюю квоту разводов в 30%, можно сделать вывод о зыбкости брака и структур семьи. На территории ФРГ 34,9% домашних хозяйств состоит из одного человека, в крупных городах этот показатель достигает 50%. Уменьшается не только число семей, но и их численность: 22,4% составляют супружеские пары без детей, два миллиона человек живут в бракоподобных союзах, увеличивается число холостяков, авторитет брака снижается, особенно среди молодежи. Если основная масса населения оценивает значение брака в 4,5 балла по шестибалльной шкале, то молодежь — лишь в 2,9[1].

Второй «жертвой» процесса изменения ценностей стала церковь. Если 57% западных немцев высказывались против удаления ссылки на Бога из текста Конституции (за удаление выступали 20%), то на востоке 48% считают, что в Основном законе незачем упоминать Бога. Однако эти данные еще не дают полного понимания уровня секуляризации современного немецкого общества.

Церковь посещают минимум один раз в месяц на западе 15%, на востоке — 4%, несколько раз в году 28% против 13%, один раз в году — по 12% и на западе, и на востоке, наконец, реже одного раза в год либо никогда 29% на западе и 63% на востоке. Свою связь с церковью характеризуют как сильную 17% населения на западе и 8% — на востоке. В западных землях 28% респондентов указывают на отсутствие какой-либо связи с церковью, в восточных землях этот показатель достигает 55%. Если большинство населения бывшей ГДР вообще не связывает свою жизнь с церковью, то 51% западных немцев говорят, что они «немного связаны с церковью» (на востоке так считают 28%)[2].

Если церковь является во многом носителем идеальных ценностных образцов и своего рода интегратором общества традиционных ценностей, то в социально-экономической сфере эту роль выполняют профсоюзы. В начале 1990-х гг. 40% их членов подумывали о выходе из них, а объединение немецких профсоюзов за один год с 1992 по 1993 г. сократилось на 184 тыс. человек.

В последние десятилетия происходят структурные изменения системы трудовых отношений и переход от крупных форм предприятий и стандартизованного массового производства к «контролируемой децентрализованной системе». Данные процессы требуют от профсою-

---

[1] Sontheimer K. Deutschlands politische Kultur, München-Zurich, 1990.

[2] *Ланггут Г.* Указ. соч.

зов отхода от традиционных форм работы и большей гибкости. В настоящее время профсоюзы находятся в поиске новых моделей и инструментов.

В начале 1990-х гг. обозначился серьезный кризис системы социального партнерства в Германии, основными причинами которого стали:

- европейская интеграция и глобализация, выражающаяся в снижении роли национальных производственных интересов в пользу возрастающей роли транснациональных концернов (перенос производства в другие страны, связанный с дороговизной рабочей силы в Германии);
- стремительный рост сферы услуг в ущерб производственной сфере (1991 г. — 60%, 2004 г. — 70%);
- повсеместное внедрение новых информационных технологий в производство и рост доли работников интеллектуального труда (более 50%);
- появление дифференцированных форм трудовой занятости и отход от стандартизации труда;
- неоднородность рынка труда в Западной и Восточной Германии, связанная, в том числе с деиндустриализацией бывшей ГДР;
- старение населения, вызывающее мрачные прогнозы развития экономики и социальной сферы на период до 2040 г.

Приведенные выше условия ослабили как профсоюзное движение, так и его основного социального партнера — союз работодателей. Отвечая на вызовы постиндустриального общества, профсоюзы наметили стратегию своего институционально-организационного и политического реформирования.

С момента объединения Германии в 1990 г. главной задачей взаимодействия профсоюзов с системой власти в ФРГ стало юридическое обеспечение гарантий деятельности профсоюзов и дальнейшее формирование правовой базы обеспечения социальной защиты трудящихся. Серьезно активизировалось участие объединений немецких трудящихся в политических процессах разного уровня для обеспечения защиты интересов наемных работников и самих профсоюзов и усиления их влияния во взаимодействии с работодателями и правительством. Важным этапом в адаптации немецких профсоюзов к меняющимся экономическим условиям можно считать создание в 2001 г. в рамках Объединения немецких профсоюзов отраслевой организации государственных, банковских, почтовых служащих, работников страховых компаний, СМИ и ремесленников Verdi, насчитывающей 3 млн человек.

Рабочих с их классовым самосознанием стали с изменением традиционной отраслевой структуры «вытеснять» служащие с другими профессиональными и личностными ориентирами. С учетом динамики рынка труда, кардинально меняющей его отраслевую структуру, профсоюзы скорректировали принципы работы с представителями профильных социальных групп и поставили перед собой задачу поиска методов привлечения наименее охваченных ими категорий экономически активного населения: женщин и молодежи, работающих по гибкому графику, а также представителей интеллектуального труда и «профессий будущего».

Непосредственно на предприятиях профсоюзы решили постепенно трансформировать свою деятельность, сместив акценты с функций предписания, контроля и регулирования на оказание услуг наемным работникам в решении процедурных вопросов, консультировании, осуществлении коммуникаций и др. В ответ на развитие интеграционных процессов профсоюзы наметили постепенный отход от одноуровневой системы единого тарифного соглашения и создание многоступенчатой системы, регулируемой не только традиционно на уровне отраслей, но и на уровне предприятий, на национальном и европейском уровне. Это позволит сделать единое тарифное соглашение базовым для европейских соглашений, а производственные советы, партии и общественные движения станут союзниками профсоюзов. И наконец, предполагается расширение взаимодействия объединений трудящихся с институтами гражданского общества и усиление их роли как защитников интересов трудящихся в решении политико-социальных конфликтов[1].

Таким образом, с переходом от индустриального общества к постиндустриальному и с усилением процесса трансформации материальных ценностей в постматериальные становится заметным постоянное снижение роли традиционных социальных институтов; сами эти институты вынуждены отходить от традиционных моделей взаимодействия с обществом и человеком.

Изменения коснулись и политической системы ФРГ. Здесь также заметна разница между традиционными ожиданиями жителей бывшей ГДР и приоритетами населения западных земель. При ответе на вопрос, что в политике должно стоять на первом месте, 62% жителей новых федеральных земель выбрали традиционные материальные ценности, такие, как «сохранение спокойствия и порядка» или «борь-

---

[1] http://www.dgb.de; “Aus Politik und Zeitgeschichte”. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament, B 47-48/2003.

бу против растущих цен», тогда как на территории «старой» ФРГ только 44% опрошенных поставили материальные цели на первое место. Однако самое существенное противоречие в отношении населения к современной политической системе ФРГ заключается в антиномичном восприятии демократии как формы государственно-политического устройства общества и деятельности политических партий и их лидеров. Результаты опросов молодых немцев, проведенных в первые годы после объединения, показали, что 90% из них положительно относятся к демократии, но в то же время 82% опрошенных выразили уверенность в том, что политики «обманывают» население[1].

Подобное отношение вызвано прежде всего противоречивым восприятием массовым сознанием сущности современной демократии, когда, с одной стороны, позитивно воспринимаются гарантии свободы самореализации личности, соответствующие условиям плюралистического общества, но вместе с тем технология организации западной либеральной демократии в ее нынешнем виде уже во многом противоречит представлениям современных немцев об уровне компетентности, степени ответственности и, главное, о тех полномочиях, которыми наделяются определенные демократические институты, в первую очередь политические партии.

Уменьшение доверия к ним, в частности, связано с оценкой населением политической системы современной ФРГ как чрезвычайно запутанной и излишне бюрократизированной. В этой связи наиболее показательна позиция немецкой молодежи. По данным социологических опросов, практически половина ее представителей считают политику слишком сложной и сомневаются в собственной компетентности в политических вопросах. Непонимание молодежью сущности и значения существующих длительных и подчас сложных процедур принятия политических решений приводит к тому, что часть молодежи больше расположена к стихийным формам участия в политическом процессе. В той же мере снижается готовность молодых людей к участию в крупных организациях, партиях и профсоюзах. Кроме того, в отношении молодежи к политике все более явственно проявляется постматериальный подтекст: примерно половина молодых немцев считают, что наиболее важной политической проблемой являются вопросы экологии, а по степени доверия ведущая сила современной демократической политической системы — партийная — оказывается на последнем, седьмом месте среди других общественных институтов, таких, как суды, полиция, бундесвер, федеральны ведомства.

---

[1] *Ланггут Г.* Указ. соч.

Партийная система, сформировавшаяся в условиях доминирования традиционных политико-культурных ценностей, испытывает значительные проблемы в современном плюралистическом обществе, где все большим влиянием начинают обладать постматериальные ценности. Политические партии в их нынешнем виде исторически формировались в условиях, когда они были призваны выражать в первую очередь определенные, главным образом экономические, интересы, а также интересы, связанные с реализацией жизненных потребностей, нашедших свое отражение в традиционных материальных ценностях, таких, как безопасность, стабильность, экономическое и социальное благополучие и т. п.

В этой связи сформировавшаяся политическая практика, при которой партия представляет собой выразителя различных форм коллективных интересов (с превалированием представительства интересов больших групп или наиболее влиятельных групп, способных подчинить другие группы идеям реализации их программ), оптимально соответствовала динамике развития индустриального общества, и особенно его политической подсистемы. Однако с распространением постматериальных ценностей и углублением плюрализации общества, влекущих за собой все большую дифференциацию общественных интересов на базе фактически удовлетворенных основных материальных потребностей, возникают новые, связанные с проблемами качества жизни, поиска самореализации индивида, заменой общественных интересов личными и т. п. К тому же в связи с развитием информационных технологий меняется коммуникативная сторона общественной жизни, где вертикальные механизмы обмена и получения информации все более уступают место горизонтальным.

Дополнительным фактором, существенно усложнившим развитие общественных и политических процессов, стало объединение Германии. Страна оказалась в ситуации, когда одна ее часть — восточная — должна была войти возможно в более сжатые сроки в постиндустриальный социально-экономический порядок, и вместе с тем восточные немцы, в подавляющем большинстве ориентированные на традиционные ценности, прежде всего на труд и работу, оказались не готовы к органичному восприятию постматериальных ценностей, так как условий для их выработки в ГДР не существовало. В этой связи тезис о возрастающей конвергенции востока и запада, последовательно осуществляемой через людей более молодых поколений, представляется не столько фактом, сколько желаемой целью для политической элиты ФРГ[1].

---

[1] *Ланггут Г.* Указ. соч.

Существенной проблемой в развитии политического процесса в рамках сложившейся либеральной демократической политической системы является усиление в постобъединительный период различных экстремистских движений. Сенсационного успеха на выборах в апреле 1998 г. в земельный парламент Саксонии-Ангальт добился крайне правый Германский народный союз (ГНС), получивший поддержку 12,9% избирателей. Затем на выборах в ландтаг Саксонии ультраправая НДПГ увеличила долю своих сторонников с 1,5 до 9,3%. Характерно, что находящаяся у власти на федеральном уровне СДПГ смогла заручиться поддержкой лишь 9,8% саксонских избирателей, т. е. оказалась на одном и том же уровне электоральной поддержки, что и НДПГ. Психологически значимого успеха сумела добиться в земле Бранденбург другая националистическая партия — Немецкий национальный союз (ННС). Впервые в истории послевоенной Германии ультраправые сумели дважды подряд преодолеть на земельных выборах пятипроцентный барьер. Кроме того, в последнее время националистически настроенные силы предпринимали попытки взять под свой контроль общественные организации и даже СМИ, что достаточно ярко проявилось в истории с внедрением в союзы журналистов Бранденбурга и Берлина сторонников лидера «Союза свободных граждан» Т. Витта. Только созыв экстренного съезда журналистов Германии остановил окончательный переход региональных организаций под влияние праворадикалов.

Нельзя согласиться с тем, что подобные явления характерны только для восточных земель. Достаточно упомянуть движение «Наступательное правовое государство» экс-судьи Р.Б. Шилля, которое на выборах в Гамбурге получило 19,4% голосов. Более того, ХДС была вынуждена создать с партией Шилля правящую коалицию. Однако наиболее ярким эпизодом в проявлении правого популизма, безусловно, явились взлет и падение видного представителя СвДП Ю. Меллеманна, гибель которого придала политику в глазах немецких правых ореол «мученика». Несмотря на то что в случаях с Р. Шиллем и Ю. Меллеманном немецкая политическая элита консолидировалась в деле «выдавливания» из власти нежелательных для себя элементов, существует ряд социальных показателей, увеличивающих потенциал выживаемости и роста радикальных сил.

Современная политическая наука, как правило, выделяет несколько оснований роста экстремистских тенденций, которые нередко находят свое материальное воплощение в политической форме. В качестве главных причин возникновения и усиления экстремистских настроений в Германии после объединения чаще всего называют растущую

индивидуализацию в современном обществе и политический протест против сформировавшейся партийной системы и «закостенелой» структуры государственного управления. Стоит обратить внимание на последствия продолжавшейся долгие годы политики вытеснения всего «национального» на периферию общественного сознания. По мнению ряда исследователей, это привело к тому, что данная проблематика в основном была отдана на откуп праворадикальным силам. Сегрегационные настроения отчасти оказываются характерными для обыденного сознания жителей Германии. По данным опросов, 41% ее жителей полагают, что дети-иностранцы негативно влияют на уровень образования немецких детей, а 20% не хотели бы видеть выходцев из других стран своими соседями. В качестве причины называют также экономическую ущемленность жителей восточных земель, особенно крайне высокий уровень безработицы там[1].

В последние годы появился еще один тревожный симптом. Социологические опросы зафиксировали ощутимый рост ксенофобии среди немецких женщин, при этом в ряде федеральных земель наблюдается рост их доли в составе экстремистских групп. Подобная динамика повышает адаптивные способности ультраправых течений в современном немецком обществе. В качестве еще одной причины роста экстремизма в восточных землях называют специфику системы воспитания в бывшей ГДР, подавлявшей деятельность правоэкстремистских группировок. Ее крушение способствовало осознанию правыми экстремистами собственной значимости, в то время как семья оказалась не готова заменить государство в деле борьбы с проявлениями политического экстремизма.

Динамика экстремистской деятельности на территории в первую очередь восточных земель является свидетельством характера и глубины кризиса идентификационных процессов в ФРГ, а также степени устойчивости сложившейся политической системы. Опасность прежде всего правого экстремизма заключается в том, что он на начальном этапе завоевывает популярность в молодежной среде, однако в принципе способен получить одобрение и среди широких кругов обывателей, что красноречиво подтверждает успех на парламентских выборах в соседней с ФРГ Австрии крайне правого Австрийского народного союза во главе с Й. Хайдером.

Политическая элита ФРГ осознает потенциальную угрозу,, исходящую от радикальных движений, в связи с чем в стране ведется строгий

---

[1] Althaus D. Transparenz, Diskurs und Fuehrung // “Die Politische Meinung”, 2000. No 365. S. 30–34.

полицейский учет численности правых и левых организаций, которые власти считают экстремистскими. В борьбе против них задействован весь аппарат германской юстиции, ведется отслеживание поступлений финансовой помощи экстремистским группировкам. На федеральном уровне также организовано противодействие активизации правоэкстремистских движений. В частности, в 2001 г. правительство ФРГ пыталось добиться запрещения в судебном порядке деятельности НДПГ. Западногерманская политическая культура перенимает некоторые методы предупреждения политического радикализма, активно использовавшиеся в бывшей ГДР: в учебные планы введена в качестве обязательной тема «Преступления нацистской диктатуры», проводится работа по поддержке «осмысленного» досуга молодежи, в том числе поощряются занятия спортом.

При этом германская политическая элита понимает, что успех борьбы с правым экстремизмом во многом зависит не столько от санкций против правонарушителей, сколько от профилактики. Поэтому значительное внимание уделяется государственной молодежной политике.

Согласно Федеральному плану молодежной политики в 2005 г. на финансирование этого направления было выделено 191 023 млн евро. При этом средства на реализацию молодежной политики распределялись на основе принципа субсидиарности: 61% приходились на коммунальный уровень, 35,5% — на земельный и только 3,5% — на федеральный[1].

Основной упор делается на преодоление главной проблемы, с которой складываются молодые немцы, — безработицы. Особое внимание уделяется восточным землям, где высокая безработица способствует росту право- и левоэкстремистских движений. В качестве приоритетных направлений молодежной политики в области занятости можно выделить следующие:

- создание дополнительных 10 000 учебных мест в рамках «производственного» образования в новых землях, на что в 2004 г. было потрачено 90 млн евро;
- увеличение числа рабочих мест в новых землях за счет проведения специальных консультаций с работодателями; таким образом уже удалось трудоустроить около 16 тыс. человек;
- техническое переоснащение учреждений профессионально-технического образования с целях повышения конкурентоспособности на рынке труда выпускников;

---

[1] *Тимошенкова Е.П.* Молодежная политика в Германии // Молодежная политика: Европейский опыт. М., 2005. С. 13.

- специальные акции («предоставление равных шансов для всей молодежи» при поддержке ЕС, проведение неотложных мероприятий по ликвидации молодежной безработицы);
- вовлечение в трудовую деятельность молодых немцев, получающих социальные пособия и пособия по безработице;
- вовлечение германских и зарубежных компаний в процесс подготовки и трудоустройства молодых специалистов.

Наряду с этим показательно активное участие государства в решении проблемы занятости молодежи. Так, в рамках одной только программы JUMP PLUS федеральное правительство берет на себе следующие функции:

- предприятиям компенсируется часть затраты на зарплату тех служащих, которые были приняты на работу в рамках программы;
- оказывается содействие развитию малых и межрегиональных проектов по созданию на предприятиях рабочих мест для стажеров;
- организуются дополнительные «внепроизводственные» места для обучения;
- поощряется повышение квалификации;
- проводятся тренинги и семинары для новичков на рынке труда;
- поддерживается получение неполного среднего образования[1].

Несмотря на позитивные результаты этой и других программ, статистические данные говорят о том, что максимум, чего удается достичь, — это стабилизировать численность безработных. Отсутствие эффективных механизмов решения этой ключевой для немецкого общества проблемы и непомерная социальная нагрузка на немецкий бюджет заставили «красно-зеленую коалицию» искать способы проведения структурной реформы государственных расходов.

Изначально значительное внимание было уделено попытке подключить к решению социальных проблем институты гражданского общества через развитие принципа социальной субсидиарности. За основу было принято положение, согласно которому создание государственных учреждений признавалось необходимым лишь в том случае, если не удавалось инициировать создание новых неправительственных организаций для решения определенной социальной проблемы либо расширить сферу деятельности уже существующих.

В своем взаимодействии с институтами гражданского общества государство руководствуется несколькими ключевыми принципами. Во-первых, традиционная солидарность «слабых против сильных» (труд против капитала) заменяется солидарностью «сильных со сла-

[1] Там же. С. 14.

быми». Смыл этой трансформации заключается в том, чтобы перераспределение тех или иных функций между государством, обществом и гражданином происходило осмысленно и при позитивном настрое каждого из субъектов. Реализация нового понимания принципа солидарности сопровождалось усилением децентрализации в принятии решений, что повышало общее участие в реализации тех или иных начинаний и делало сам процесс осуществления политики более прозрачным.

За счет расширения принципа соучастия не только возрастает вовлеченность неправительственных организаций в текущие общественно-политические процессы, но и повышается их ответственность за предлагаемые инициативы и выдвигаемые требования. Одновременно повышается интерес к позиции гражданских институтов по ключевым проблемам развития гражданского общества. Если кабинет Г. Коля в большей мере оставался традиционным, ориентированным на мнение «проверенных» экспертов, то «красно-зеленая коалиция» стала активнее учитывать мнение внешних экспертов, что достаточно ярко проявилось в обсуждении будущего немецкой атомной энергетики.

Существенным оказалось и изменение роли неправительственных организаций в реализации социальных проектов, где основной акцент был постепенно смещен на выделение финансовой поддержки непосредственно получателю услуг, гарантированных государством, с тем чтобы тот самостоятельно определял,, какая организация может в лучшей степени их удовлетворить. Социал-демократы согласились с целым рядом инновационных предложений, высказанных их оппонентами-консерваторами еще на рубеже 70–80-х годов. Основополагающим было стремление преодолеть патерналистский настрой немецкого общества, остановить рост социального иждивенчества.

Однако как показала действительность, укорененность в массовом сознании основных достижений социального государства оказалась сильнее попыток федерального правительства изменить ситуацию эволюционными методами. Несмотря на все усилия,, рост социальных расходов существенно превышал возможности немецкой экономики. Если с 1975 по 1985 г. они увеличились на 65%, то в последующие 15 лет — на 92%. Немецкая и в целом европейская экономика была неконкурентоспособной в сравнении с американской, поскольку продолжительность рабочего времени ежегодно у европейцев оказывалась на 300–400 часов короче, а производительность труда — ниже. Недаром Г. Коль саркастически называл Германию «обществом свободного времени».

3.3. Смена власти после выборов 1998 г.

По итогам голосования в бундестаг на выборах 1998 г. абсолютное большинство, позволяющее выдвигать кандидатуру канцлера, составило 335 голосов. При этом СДПГ и зеленые набрали 345 голосов, а ХДС/ХСС и СвДП — 289 голосов, 35 голосов набрала ПДС.

Таблица 3.1

Результаты выборов 1998 г.
(количество отданных голосов и полученных мандатов)[1]

Партия	Количество голосов (%)		Количество мандатов			
	первые	вторые	прямые	по списку	избы-точные	всего мест в бундестаге
СДПГ	43,8	40,9	212	73	13	298
ХДС/ХСС	39,6	35,2	112	133		245
Зеленые	4,9	6,7		47		47
СвДП	3,1	6,3		44		44
ПДС	4,9	5,1	4	31		35
ННС*	–	1,2				
Республиканцы	2,3	1,9				
НДПГ**	0,1	0,2				
Прочие	1,3	2,5				
Итого	100,0	100,0	328	328	13	669

* «Немецкий народный союз» (Deutsche Volks-Union).

** «Национал-демократическая партия Германии» (Nationaldemokratische Partei Deutschalnds).

Анализируя причины смены власти, известные немецкие политологи Рихард Штёс и Геро Нойгебауер указывают на ослабление пози-

[1] Bundestagwahl. Eine Analyse der Wahl vom 27. September 1998, Berichte der Forschungsgruppe “Wahlen” e.V.,Manheim. September 1998.

ций ХДС/ХСС (в том числе и внутриорганизационных) и ожидания перемен в немецком обществе[1]. Кроме того, СДПГ в отличие от выборов 1994 г. удалось перестроить работу своего предвыборного штаба и выработать эффективную коммуникативную стратегию. На этот раз партия демонстрировала сплоченность рядов, а также высокий уровень электоральной мобилизации. Основной предвыборный слоган социал-демократов «Инновации и справедливость», с одной стороны, содержал в себе обращение к нестабильному электорату, который за счет компонента «инновации» получал сигнал о готовности СДПГ бороться за повышение конкурентоспособности германского государства в целом. С другой стороны, в нем сохранялась апелляция к традиционным социал-демократическим ценностям.

Однако послевыборная практика показала, что «красно-зеленый» кабинет не смог переломить ситуацию в социально-экономической сфере. Новое правительство было вынуждено рассчитываться по долгам, возникшим в результате объединения Германии. При этом кабинет Г. Шрёдера не имел четкой альтернативы консервативно-либеральной политике. Избиратель так и не понял, в чем состоит правительственный проект социал-демократов и зеленых.

На этом фоне ХДС достаточно быстро оправился от поражения и уже в ноябре провел смену руководства, поставив во главе партии выходца из ГДР Ангелу Меркель. Последовавшая за этим акция консерваторов по сбору подписей против двойного гражданства в феврале 1999 г. привела к смене власти в «красном» Гессене, земельное правительство которого возглавил христианский демократ Роланд Кох.

Снижению электоральной поддержки правящего кабинета способствовали также решение о введении немецкого военного контингента в Косово и бомбардировка Югославии авиацией НАТО, а также отставка в марте 1999 г. Оскара Лафонтена с поста председателя партии и министра финансов. В итоге на выборах в Европейский парламент 1999 г. консервативный блок едва не получил абсолютное большинство, в то время как СДПГ набрала только 30% голосов.

В целом политический климат в ФРГ по итогам выборов в бундестаг, несмотря на смену власти и создание коалиционного правительства СДПГ и Союз90/зеленых, существенно не изменился. Наибольшее влияние на федеральном уровне по-прежнему сохранили две ведущие политические силы — ХДС/ХСС и СДПГ. В то же время в ходе федеральных и земельных выборов 1998—1999 гг. прослеживались три

---

[1] Stoess R.,Neugebauer G., Stabilitaet im Umbruch. Wahlbestaendigkeit und Pateiwettbewerb im “Superwahljahr”, 1994, Opladen/Wiesbaden. S. 7.

различные тенденции в электоральном поведении избирателей, обусловленные усилением общего для политической системы ФРГ процесса увеличения доли нестабильного электората в совокупном числе избирателей.

На выборах в бундестаг 1998 г. население откликнулось на контрпропагандистскую стратегию оппозиционных СДПГ и зеленых, а также на предложенный социал-демократами образ «нового центра», причем нестабильный электорат оказался наиболее восприимчив к предвыборным идеям СДПГ[1]. В западной части страны, по разным оценкам, доля нестабильного электората колебалась от 30–35 до 50%, на востоке она составляла примерно 40–50%.

К нестабильному электорату относят в первую очередь избирателей молодого и среднего возраста, имеющих более высокий уровень образования и доходов, а также характеризующихся отсутствием выраженной партийной лояльности. Исходя из указанных базовых черт данной электоральной группы, предполагается, что она наиболее восприимчива к динамике медиапространства и, как правило, критически оценивает находящийся у власти политический режим.

На пороге XXI века в Германии обозначились четыре основные тенденции в динамике электоральных предпочтений жителей Германии.

Во-первых, после прихода к власти «красно-зеленой коалиции» наметилась тенденция увеличения поддержки ведущей оппозиционной силы на федеральном уровне — ХДС/ХСС. Уровень электоральной поддержки этой партии снизился только в Саксонии, да и то незначительно — всего на 1,2%, при этом христианские демократы по итогам выборов уверенно сохранили возможность формирования в этой земле однопартийного правительства.

Во-вторых, выросло число избирателей, поддержавших в ходе голосования ПДС. При этом если на западе процентное увеличение доли сторонников наследницы СЕПГ, как и общее число ее сторонников, оказалось невелико, то в восточных землях рост составил порядка 3–6%, что позволило партии выйти на второе место по уровню поддержки населением Тюрингии. К тому же в Саксонии ПДС стала ведущей оппозиционной силой, вдвое опережая по числу сторонников СДПГ.

В-третьих, во всех землях, за исключением Бремена и Гессена, уменьшилась доля сторонников партий правящей коалиции СДПГ

---

[1] Agethen M. Zehn Jahre nach der freien Volkskammerwahl // “Die politische Meinung”, 2000. No 364. S. 15–23; Kneuer M. In Europa draengt alles in die Mitte // Die politische Meinung, 2000. No 367. S. 17–20; Veen H.-J. Die CDU nach den Wahlen 1998 und 1999 // Die politische Meinung, 2000. No 363. S. 11–19.

и зеленых. Для СДПГ это означало, что партия столкнулась с тем же фактором, который помог ей опередить христианских демократов на выборах в бундестаг 1998 г., — с нестабильностью политических ориентаций значительной части электората. Анализ результатов голосования свидетельствует, что наиболее динамичным является электоральное поведение в восточных землях — в Бранденбурге СДПГ потеряла 14,8% голосов, в Тюрингии — 11,1%, а в Саксонии — 5,9%. В сравнении с результатами предыдущих выборов снижение доли сторонников социал-демократов сократилось в Бранденбурге — на 37%, в Тюрингии — на 60%, а в Саксонии — на 55%.

В-четвертых, результаты голосования оказались неудовлетворительными для обеих партий, выступающих партнерами ХДС/ХСС и СДПГ по правящей коалиции, — для СвДП и Союз90/зеленые. Результаты выборов 1998 и 1999 гг. показали, что электоральная поддержка обеих партий существенно сократилась, лишь в Сааре за СвДП проголосовали на 0,5% избирателей больше, чем в 1995 г.

Процесс увеличения доли нестабильного электората прослеживался при сопоставлении результатов выборов в бундестаг в 1998 г. и в Европарламент в 1999 г. Если на выборах в бундестаг СДПГ получила поддержку 40,9% избирателей, а ХДС/ХСС — 35,1%, то в ходе голосования в Европарламент христианских демократов поддержали 48,7% немцев (на 13,6% больше, чем в бундестаг), а за СДПГ проголосовали 30,7% (на 10,2% меньше чем в бундестаг). Наибольшее разочарование в социал-демократах зафиксировано в восточных землях, где ключевыми являются социально-экономические причины, в первую очередь ужесточение бюджетной политики правительства Г. Шрёдера.

Существенным просчетом СДПГ можно считать отказ от какого-либо сотрудничества с ПДС, тогда как через десять лет социал-демократам все же пришлось опереться на поддержку ПДС в ландтаге земли Мекленбург — Передняя Померания. В то же время опасения руководства СДПГ в возможном обвинении в излишней близости к наследнице СЕПГ (особенно в первые послеобъединительные годы) представлялись понятными. В любом случае сложилась ситуация, при которой организационный ресурс социал-демократов в Восточной Германии заметно уступал возможностям ХДС и даже ПДС.

На съезде ХДС, состоявшемся в Эрфурте в апреле 1999 г., христианские демократы определили в качестве наиболее актуальных для современного немецкого общества предложения по повышению персональной ответственности и самостоятельности отдельного гражданина, а также по замене перераспределяющего социального государства «активным гражданским обществом».

Основные идеи, получившие наибольшее развитие на съезде, касались изменений в отдельных сферах общественной жизни при достаточно традиционном для ХДС подходе к решению социальных и экономических проблем и не затрагивали базовых основ существования немецкого общества или его политической подсистемы. В качестве четырех основных направлений, которые христианские демократы считают наиболее важными, были названы:

- дерегулирование отношений в сферах экономики и труда с ориентацией системы социальных гарантий на концентрированное удовлетворение потребностей действительно нуждающихся представителей общества;
- разработка предложений по усилению системы местного самоуправления и модернизации федеративных отношений;
- повышение конкурентоспособности школьного образования с одновременным уменьшением сроков обучения;
- урегулирование ситуации в сфере семейных отношений, связанной с совмещением для многих женщин выполнения семейных обязанностей с профессиональной карьерой; одновременно предлагалось признание деятельности родителей по воспитанию детей в качестве основания для пенсионных выплат.

СДПГ сталкивается в последние годы во многом с теми же проблемами, что и ХДС. Социал-демократам также приходится бороться за статус партии политического центра, что главным образом связано с существенным уменьшением доли традиционного электората партии — рабочих — в общем составе экономически активного населения страны в пользу занятых в сфере услуг. Проводившаяся социал-демократами внутренняя и внешняя политика, скорее, подтверждала мнение тех аналитиков, которые отмечали отсутствие принципиальных различий в подходах к решению основных проблем со стороны двух ведущих народных партий ФРГ. Об этом говорят и дискуссии, возникающие между христианскими демократами и социал-демократами: в подавляющем большинстве они носят характер спора о средствах, но не о целях.

Несмотря на очевидные кризисные явления в немецкой экономике, сопровождавшиеся небывалым ростом цен на энергоносители, реформы в рамках «Повестки дня — 2010», предложенные кабинетом Г. Шрёдера, были встречены общественным мнением в штыки. Сокращение сроков получения пособия по безработице, пенсионная реформа, урезание социальных программ превратили СДПГ в своего рода клон христианских демократов. Сходство стало почти абсолютным, когда Г. Шрёдер перехватил у ХДС их козырь в реформировании

экономики — программу снижения налогов. Как сигнал неминуемой беды возобновился отток членов социал-демократической партии, в Баварии ее ряды только в I квартале 2004 г. покинули 2000 человек, а вступили лишь 400. Те же тенденции наблюдались в Гессене и Сааре; на родине канцлера в Нижней Саксонии ряды СДПГ за год сократились на 3,5 тыс. человек. Вновь напомнила о себе внутренняя оппозиция в лице бывших лидеров СДПГ О. Лафонтена и Б. Энгхольма. Одобрение непопулярной правительственной программы реформ на съезде произошло в условиях беспрецедентного нажима канцлера на однопартийцев, при этом осознание внутриполитического и внутрипартийного кризиса вынудило Г. Шрёдера отказаться от совмещения постов лидера СДПГ и федерального канцлера. Новым председателем партии весной 2004 г. был избран Ф. Мюнтеферниг.

В электоральном поле СДПГ потерпела самое серьезное с 1946 г. поражение на земельных выборах в Баварии, получив лишь 19,6% голосов, тогда как правящий в этой земле ХСС завоевал рекордные 60,7%. Это поражение социал-демократов продолжило для них серию неудач на выборах в Гессене и Нижней Саксонии. Безоговорочную победу и примерно с равным значительным отрывом ХДС одержал на внеочередных выборах в Гамбурге (47% против 30,5% у СДПГ) и в Саарe (47,5% у ХДС и 30,8% у СДПГ).

В довершение всех неприятностей в земле Северный Рейн-Вестфалия премьер-министр П. Штайнбрюк вступил в открытый конфликт с зелеными, заявив, что его больше устроила бы коалиция с СвДП. Кризис пришлось улаживать на федеральном уровне.

Вместе с тем на выборах в Бремене СДПГ сумела уверенно опередить христианских демократов (42,3% против 29,9%). Однако и тут победа, по сути, оказалась для социал-демократов пирровой. Во-первых, основную заслугу в успехе партии на фоне повсеместного разгрома наблюдатели отнесли на счет личной популярности премьер-министра Бремена Х. Шерфа. Во-вторых, в Бремене до выборов у власти находилась «красно-черная коалиция» СДПГ-ХДС, что существенно снижало возможности христианских демократов критиковать деятельность городских властей. В ситуации, когда обе основные политические силы ФРГ оказались на политическом перепутье и находились под огнем критики со стороны средств массовой информации, обозначилась перспектива усиления позиции партий второго политического эшелона — зеленых, СвДП и ПДС. Опросы общественного мнения в разгар разоблачительной кампании в СМИ показали, что, например, поддержка ХДС и СДПГ жителями земли Северный Рейн-Вестфалия с момента проведения выборов сократилась приблизительно на 3%,

зеленых — на 1%, тогда как доля сторонников СвДП составила 9% в сравнении с 4% в 1998 г., 1% выступил в поддержку ПДС — на выборах в бундестаг эта партия не сумела набрать и 1% голосов[1].

На первый взгляд все очевидно: несколько уменьшилась доля голосующих за две ведущие партии — последствия скандалов, нет позитивной динамики у зеленых — люди неудовлетворены деятельностью партии в правящей коалиции, увеличилось число сторонников СвДП — ее представители в скандалах не замешаны, в нынешней правительственной коалиции не участвуют и при любой возможности ее критикуют. Таким мог бы быть актуальный политический комментарий, характеризующий динамику общественного мнения.

Однако в более отдаленной перспективе все три партии — зеленые, СвДП и ПДС, могут столкнуться со значительными проблемами.

Наиболее значим проблемой СвДП следует считать активное восприятие либеральных ценностей шрёдеровской СДПГ, равно как и обновляющегося ХДС. Свободные демократы находятся сейчас в ситуации, в которой 15–20 лет назад находились зеленые. В связи с провозглашением эры усиления либеральных ценностей две ведущие силы страны вносят в свои программы и предвыборные лозунги тезисы, отражающие идеи западного либерализма. В то же время СвДП находится в более затруднительном положении по сравнению с зелеными 80-х, так как не может использовать столь широкий набор форм реализации своих целей, и потому свободным демократам пока не удается сохранить либерализм как своего рода партийный бренд. Также не на пользу партии работает сложившееся восприятие СвДП как политической силы, выражающей интересы определенной части западногерманского капитала; если к этому прибавить уход из политики многолетнего лидера свободных демократов Г.-Д. Геншера, то расценивать положение партии как благоприятное (особенно на длительную перспективу) не представляется возможным.

Значительным можно назвать и изменение в общественном сознании образа партии зеленых после их прихода в федеральную исполнительную власть в качестве партнера социал-демократов по правительственной коалиции. Оказалось, что не только фактически партия во многом стала политкорректнее, либеральнее, но и внесла соответствующие изменения в свои программные положения. Основным вопросом, способным повлиять на политическое будущее партии, становится вопрос: сумеют ли зеленые сохранить и свой электорат, особенно в условиях того, что эта партия относится к разряду «партии

---

[1] “Der Spiegel”, 2000. No 7. S. 38.

одного человека» — личная популярность лидера зеленых Й. Фишера, по мнению многих аналитиков, сыграла большую роль в общем успехе партии.

Когда зеленые вступили в предвыборную борьбу 1998 г., их рейтинг в обществе падал. В период 1996–1997 гг. показатель популярности зелёных был на уровне 12%, в начале 1998 г. они сохранили 10% постоянных сторонников, а после партийного съезда в Магдебурге в марте 1998 г. популярность партии опустилась до 6%. На выборах в бундестаг в 1998 г. зеленые получили 6,7% голосов, в то время как на выборах 1994 г. — 7,3%. По мнению аналитиков, к федеральным выборам 1998 г. зеленые подошли неподготовленными: они даже отказались от профессионального предвыборного штаба. Однако ни легковесная предвыборная кампания самих зеленых, ни качественная предвыборная кампания социал-демократов не помешали экологистам набрать 6,7% голосов. После выборов партия сделала выводы, касающиеся организационной структуры, создала партийный аппарат и сократила руководящее звено на уровне федерации. Руководство партией было возложено на равноправных сопредседателей Антье Радке и Гунду Рёстель.

Несмотря на то что после выборов 1998 г. зеленые не имели концепции управления страной, социал-демократы сделали свой коалиционный выбор в их пользу. Выбор СДПГ объяснялся тем, что зеленые представляют собой партию новой постиндустриальной формации с широкой сетью общественно-политических организаций и, следовательно, широкой сферой влияния: в условиях постиндустриального общества они и далее будут укреплять политические позиции; зеленые — наиболее близкая к социал-демократам левая политическая сила.

Итоги пребывания зеленых у власти были неоднозначны. С одной стороны, партия доказала, что может управлять страной и достигать видимых успехов. С другой стороны, одобрение партией Й. Фишера ввода войск в Косово, Македонию и Афганистан негативно сказалось на восприятии партии в обществе и дало их сторонникам повод для критики: многие в обществе считали, что партия чересчур подстраивается под социал-демократов.

Несмотря на впечатляющие по западногерманским меркам успехи ПДС на выборах 1998–1999 гг., эта партия также столкнулась с серьезными трудностями. В первую очередь проблема демократических социалистов состояла в социально-демографической структуре партии и специфике ее электората: примерно 90% членов ПДС — это члены бывшей СЕПГ. Представленность ядра сторонников партии только

в старшей возрастной группе ставила вопрос о политическом будущем и выживаемости ПДС. Кроме того, демократические социалисты были локализованы территорией бывшей ГДР, что создавало для них серьезные проблемы при преодолении 5%-ного барьера на выборах в бундестаг. Опросы общественного мнения показывали, что партии не удавалось сформировать образ компетентной политической силы, большинство жителей восточных земель не верили в ее возможность наиболее эффективно решать важнейшие вопросы социально-экономического развития страны. Только в вопросе обеспечения социальной справедливости примерно 20% восточных немцев отдают приоритет ПДС, для ХДС этот показатель в 1999 г. был равен 24%[1]. Таким образом, ПДС предстояло решить множество проблем, в том числе и внутриорганизационных, чтобы претендовать на общегерманский статус политического представительства.

3.4. Развитие политической ситуации в контексте выборов 2002 г.

К началу 2002 г. внутренняя ситуация в стране была отмечена высокими показателями безработицы и наименьшей динамикой экономического роста. Так становилось очевидным, что «красно-зеленая правительственная коалиция» не выполнила обязательств, которые давала избирателям на выборах в 1998 г.: уровень безработицы возрос до 4,5 млн человек.

Однако оппозиция преподнесла правящему кабинету неожиданный «подарок». Выставив кандидатуру баварского премьера и лидера ХСС Э. Штойбера на пост канцлера, консерваторы предоставили СДПГ уникальный шанс на победу в выборах. Социал-демократы построили предвыборную кампанию на противопоставлении «Он и Я», т. е. на борьбе двух личностей — Э. Штойбера и Г. Шрёдера. Данная стратегия была направлена на то, чтобы позиционировать взгляды Э. Штойбера как крайне правые и склонить тем самым нестабильный электорат к выбору умеренной политики, олицетворяемой кабинетом Г. Шрёдера. В то же время, с точки зрения идеологов СДПГ, ведение предвыборной кампании, основанной на поляризации личностей Штойбера и Шрёдера, было несовместимо с демонстрацией борьбы двух лагерей — левого и правого. В итоге на начальном этапе СДПГ

---

[1] Agheten M. Zehn Jahre nach der freien Volkskammerwahl // “Die politische Meinung”, 2000. № 364. S. 15–23.

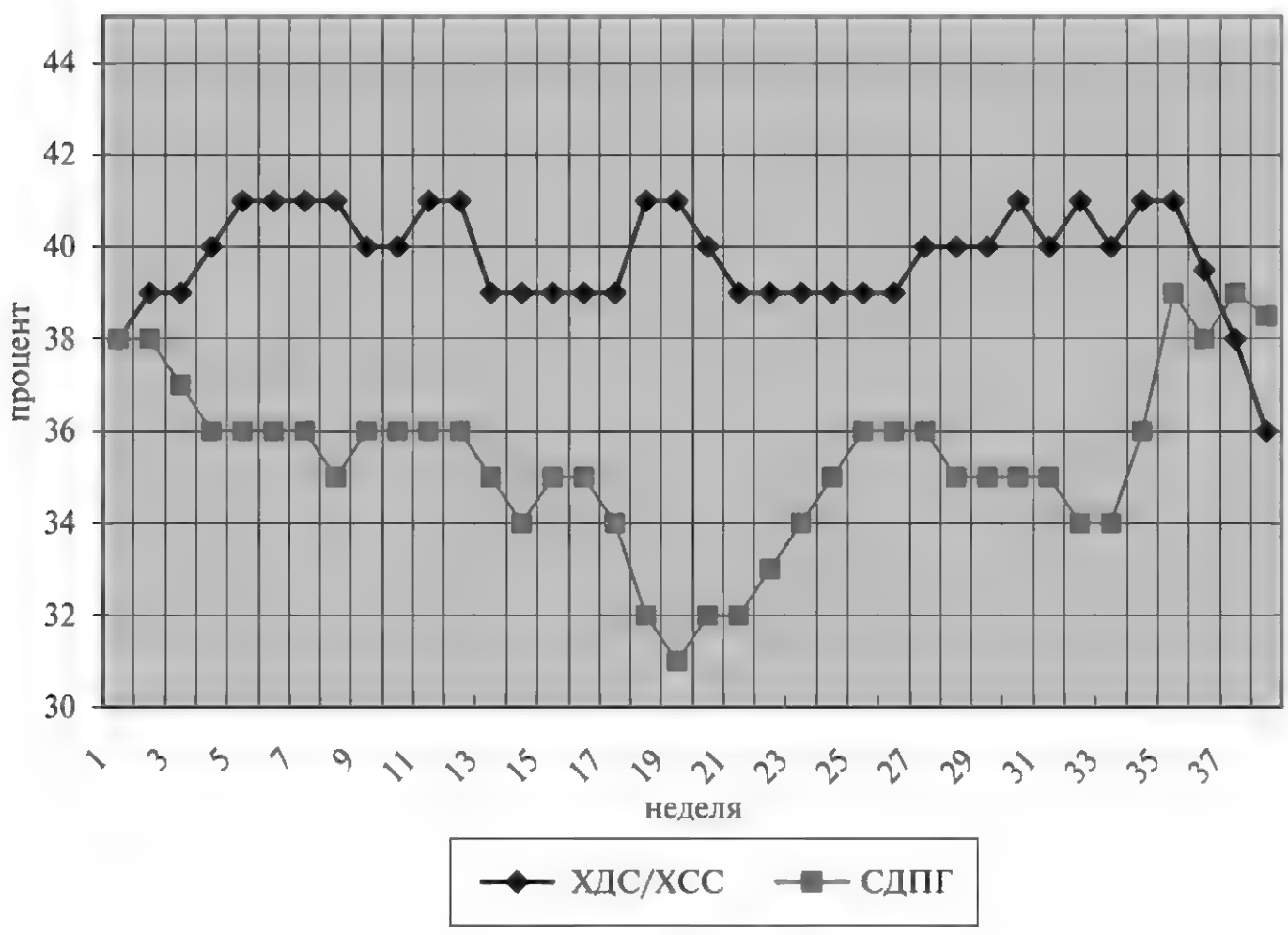
намеренно дистанцировалась от зеленых, чтобы показать избирателю широкие коалиционные возможности партии.

Следует отметить, что и СвДП приняла концепцию «равноотстояния» и подавала себя как потенциального партнера и для ХДС/ХСС, и для СДПГ. Таким образом, если консерваторы ориентировались только на коалицию с либералами, то СДПГ оставляла за собой три коалиционные возможности, что, в свою очередь, было негативным знаком для зеленых.

Однако, как видно из диаграммы 3.1, долгое время социал-демократам не удавалось изменить неблагоприятную предвыборную динамику. Положение СДПГ усугубило оглашение факта нарушений норм финансирования партий, допущенных ей в марте 2002 г. Однако решающую роль в изменении предвыборной стратегии социал-демократов сыграли результаты земельных выборов в Саксонии-Ангальт, в ходе которых СДПГ потеряла 16% голосов, а консерваторы и либералы («черно-желтые») добились изменения соотношения голосов в бундесрате в свою пользу и создали хороший задел для смены власти.

Диаграмма 3.1

Электоральная поддержка ХДС и СДПГ перед федеральными выборами 2002 г. (по данным Infratest-dimap)



Спустя три дня после поражения в Саксонии-Ангальт Г. Шрёдер представил свою предвыборную программу «За централистское положение в обществе» под общим заглавием «Обновление и сотрудничество — мы и Германия». Ее основные положения заключались в сопоставлении личностных качеств кандидатов на пост канцлера и в выстраивании различных возможностей СДПГ по созданию правительственной коалиции. Подобный подход объяснялся высоким рейтингом СвДП, по данным опросов уверенно опережавших зеленых. На тех же выборах в Саксонии-Ангальт либералы получили 13% голосов, опередив на 6% зеленых.

Но 1 мая 2002 г. состоялась смена вектора предвыборного курса: в обращении канцлера к Независимым профсоюзам Германии содержался призыв к поддержке СДПГ. Уже в интенсивной фазе предвыборной борьбы социал-демократы были вынуждены признать несостоятельность изначально выбранной стратегии. В том же месяце, после проведения съезда СвДП, Г. Шрёдер впервые подверг жесткой критике либералов за их «попытку разрушить социальные достояния Германии». В результате произошло:

- «возвращение» Г. Шрёдеру статуса лидера партии, а не канцлера, находящегося «над схваткой»;
- перемещение внимания СДПГ с общеэлекторального поля на убежденных сторонников и лояльные общественные структуры;
- однозначное признание необходимости коалиции с зелеными и соответственно дистанцированние СДПГ от консерваторов и либералов;
- начало целенаправленной предвыборной борьбы.

В своем выступлении на июньском съезде СДПГ Г. Шрёдер официально подтвердил изменение стратегии избирательной кампании, что вызвало одобрение партии и повысило мобильность предвыборного штаба. В поддержку социал-демократов высказались профсоюзы.

К концу июня 2002 г. СДПГ представила разработанный «комиссией Хартца» проект реформирования рынка труда, который уже тогда предполагалось положить в основу стратегической программы правительства на следующие 4 года. Для консерваторов и либералов появление такого документа оказалось неожиданным.

Однако реальный перехват стратегической инициативы социал-демократами произошел вследствие войны в Ираке и наводнения в восточных землях. Активная позиция правящей коалиции, образ действующего канцлера переломили настрой нестабильного электората в пользу «красно-зеленых». По данным социологических исследований, проведенных Институтом «Эмнид», три четверти населения Германии счита-

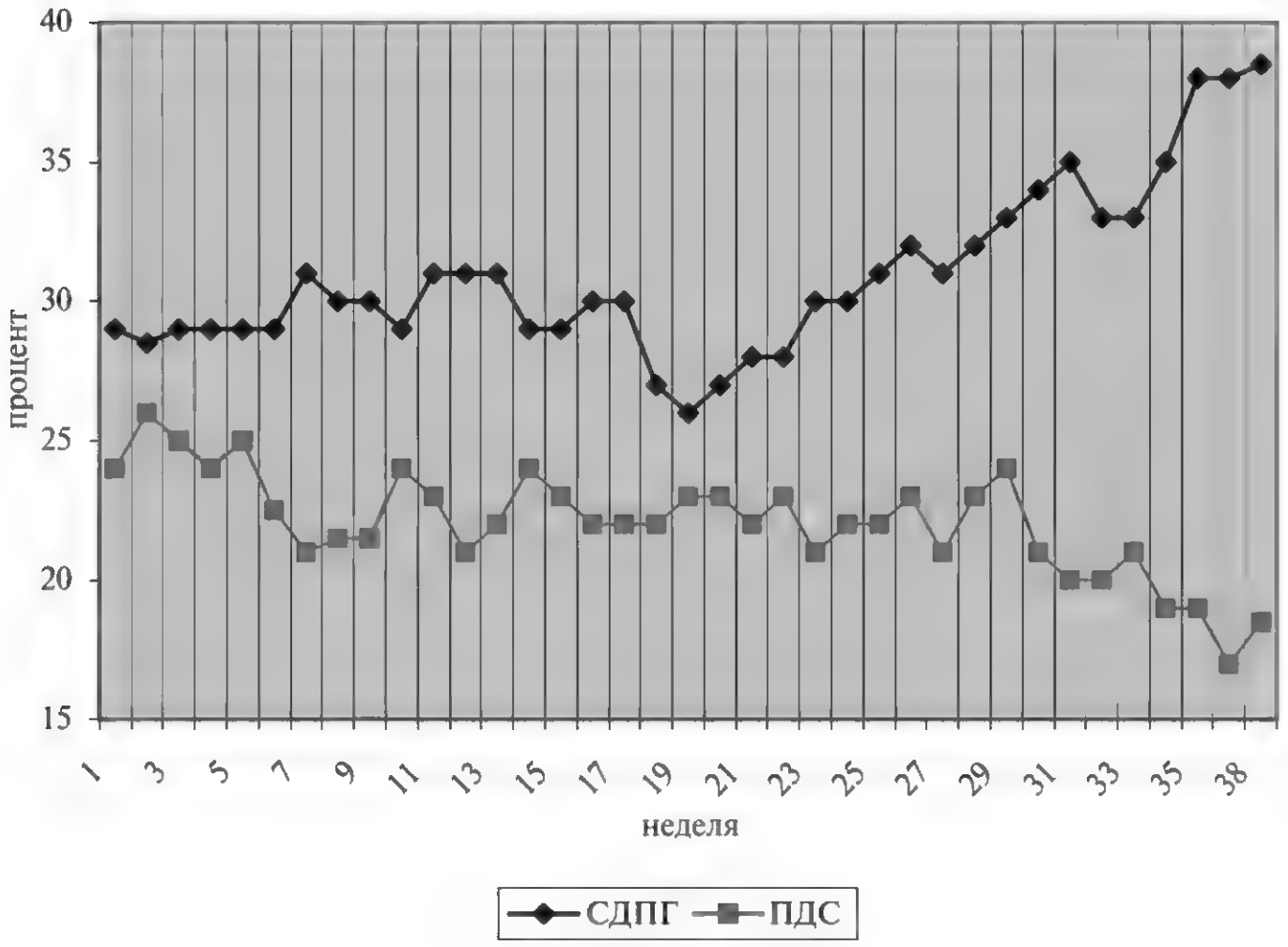
ли единственно верной жесткую антивоенную политику федерального правительства Г. Шрёдера, что подтвердили многомиллионные акции протеста, которые прошли по всей Германии в феврале 2003 г.

Эффективная помощь пострадавшим от наводнения гражданам продемонстрировала не только развитые менеджерские качества канцлера, но и его внимательное отношение к нуждам простых людей. Восточные немцы увидели в конструктивных действиях главы кабинета желание и способность решать проблемы новых земель. Актуальный повод на время отодвинул на второй план проблему безработицы и экономической слабости страны.

Тема наводнения и иракская проблема существенно повлияли на изменение симпатий избирателей, заодно перераспределив голоса сторонников ПДС в пользу СДПГ. Социал-демократы лишили ПДС политического козыря единственной партии, выступающей против войны. К тому же солидарность западных и восточных немцев в ходе наводнения снизила противопоставление запада и востока и тем самым уменьшила шансы ПДС на успех (диаграмма 3.2).

Диаграмма 3.2

Соотношение электоральной поддержки СДПГ и ПДС в контексте федеральных выборов 2002 г. (по данным Infratest dipmap)



Победа социал-демократов на выборах 2002 г. была вызвана следующими факторами.

• Христианским демократам не удалось удержать «негативный» ресурс электоральной поддержки, основанный на разочаровании немцев в правительственном курсе «красно-зеленой коалиции». Во многом это объясняется принципиальным изменением мотивационных основ электорального выбора. Стирание граней между массовыми партиями ФРГ в контексте трансформации ценностей привело к кризису традиционной системы голосования за лучшую программу. В этой связи резко возросло значение ситуативных факторов. В данном случае в качестве таковых выступили война в Ираке и наводнение в восточных землях.

• Несмотря на то что СДПГ на первом этапе предвыборной кампании ориентировалась на неэффективную предвыборную стратегию, консервативный блок не смог извлечь для себя значимых выгод, поскольку сосредоточился на критике и не представил альтернативного проекта экономического развития и политики занятости.

• В целом малоэффективным оказалось участие в выборах либералов и демократических социалистов, что в первом случае привело к подсознательному восприятию коалиционных возможностей ХДС/ХСС как слабых, а во втором — к перераспределению левого электората в пользу социал-демократов. СвДП неудачно включилась в кампанию, решив оставить за собой свободу выбора коалиционного партнера и тем самым лишив себя и консервативный блок ХДС/ХСС вторых голосов избирателей. ПДС, остановив процесс внутрипартийного реформирования, не выработала четкой концепции предвыборной борьбы и в итоге не сумела преодолеть пятипроцентный барьер.

• СДПГ, изменив в начале лета 2002 г. стратегию избирательной кампании, подняла мотивацию сторонников и усилила свой мобилизационный потенциал. В конечной фазе предвыборной борьбы СДПГ и зеленые обозначили свои коалиционные намерения, чем способствовали получению большего количества прямых мандатов. Социал-демократы сумели в полной мере использовать тенденцию роста нестабильно голосующего электората, который большей частью подвержен воздействию не традиционных партийно-политических, а ситуативно обусловленных факторов. Консерваторы, напротив, продемонстрировали свою неготовность к эффективному реагированию на нестандартные ситуации.

• Немецкое избирательное право дало СДПГ 4 избыточных мандата, чем обеспечило партии большинство в бундестаге, хотя «красно-

зеленые» опережали «черно-желтых» по вторым голосам всего на 1,2%. 65% избирателей зеленых и 23% избирателей ПДС отдали первый голос за социал-демократов. При этом 13% избирателей, проголосовавших за СДПГ, отдали второй голос за зеленых, а пятая часть тех, кто первым голосом голосовал за кандидата от ПДС, по партийным спискам выбирали СДПГ. Иная картина характеризовала предвыборные отношения ХДС/ХСС и либералов. Только 35% избирателей СвДП отдали второй голос за кандидатов от консерваторов, а 15% — за социал-демократов. В свою очередь, 6% избирателей ХДС/ХСС отдали второй голос либералам.

Таблица 3.2

Результаты выборов в бундестаг 2002 г.
(соотношение отданных голосов и полученных мандатов)

Партия	Количество голосов (%)		Количество мандатов			
	первые	вторые	прямые	по списку	избыточные	всего мест в бундестаге
СДПГ	41,9	38,5	171	76	4	251
ХДС/ХСС	41,1	38,5	125	122	1	248
Зеленые	5,6	8,6	1	54		55
СвДП	5,8	7,4		47		47
ПДС – Левые	4,3	4,0	2			2
Партия Шиля	0,3	0,8				
Республиканцы	0,1	0,6				
НДПГ	0,2	0,4				
Прочие	0,7	1,2				
Итого	100,0	100,0	299	299	5	603

• Зеленые, благодаря эффективно проведенной кампании улучшили свои позиции по сравнению с 1998 г. почти на 30% и тем самым компенсировали потери СДПГ. Партия отказалась от выведения темы будущей коалиции на передний план своей кампании, сосредоточившись на проблемном поле рынка труда и экономической политики,

хотя в программе зеленых не было концепции реформ. Острая дискуссия по закону об эмигрантах продемонстрировала избирателям активную позицию партии в реализации предвыборных обещаний 1998 г. В этот момент социологические опросы показывали улучшение ее электоральных позиций до 8%. Наконец, зеленые приобрели подсознательно воспринимаемый имидж сильной партии, после того как СДПГ была вынуждена вернуться в их «коалиционную орбиту» и однозначно заявить о намерении формировать будущий кабинет именно с партией Й. Фишера.

3.5. Основные тенденции в развитии постобъединительного внутриполитического процесса

Процесс увеличения доли нестабильного электората в настоящее время не представляет значительной опасности для функционирования сложившейся политической системы ФРГ. Более острым и потому во многом определяющим текущую динамику общегерманского политического процесса стал процесс департизации общественной жизни, связанный с уменьшением влияния политических партий и их представителей на общество в целом и на отдельные его подсистемы в частности.

Недоверие в отношении политических партий не раз возникало в политической истории Германии: «сверхпартийность» подвергалась критике еще во времена Второго рейха. В Веймарской республике население также было склонно возлагать ответственность за свои невзгоды на существовавшие тогда партии. Ситуация значительно изменилась после войны, когда сформировалась партийная система, нашедшая поддержку и одобрение большинства населения страны.

Вновь проявившийся антипартийный эффект был связан с последствиями событий конца 60-х годов, когда провозглашались идеи заката «партийного государства», а демократия, основанная на базе функционирования политических партий, считалась явлением переходного времени. Однако в 70–80-е годы в обществе не нашлось достаточного числа сторонников подобного отношения к партиям и их роли в политической жизни ФРГ. Напротив, «народные партии» успешно преодолели кризисные явления, восприняв часть идей, выдвинутых зелеными и новыми социальными движениями.

Очередной кризис доверия к партиям и существующей партийной системе возник в 90-е годы и связан с углублением нескольких процессов, затрагивающих социальную и политическую подсистемы общества. Если к 1976 г. политическое развитие ФРГ на 99,1% определяли ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП, то уже с начала 80-х годов число голосов, отдаваемых за менее крупные партии, стабильно увеличивается на 2%, а в 1983 г., с приходом в бундестаг зеленых, происходит скачок в 6%.

Таблица 3.3

Динамика вторых голосов, отданных на выборах в бундестаг (%)

Год	ХДС/ХСС	СДПГ	СвДП	Зеленые	ПДС – Левые
1949	31,0	29,2	11,9		
1953	45,2	28,8	9,5		
1957	50,2	31,8	7,7		
1961	45,3	36,2	12,8		
1965	47,6	39,3	9,5		
1969	46,1	42,7	5,8		
1972	44,9	45,8	8,4		
1976	48,6	42,6	7,9		
1980	44,5	42,9	10,6	1,5	
1983	48,8	38,2	7,0	5,6	
1987	44,3	37,0	9,1	8,3	
1990	43,8	33,5	11,0	5,0	2,4
1994	41,4	36,4	6,9	7,3	4,4
1998	35,2	40,9	6,3	6,7	5,1
2002	38,5	38,5	7,4	8,6	4,0
2005	35,2	34,3	9,8	8,1	8,7
Средний показатель	43,1	37,4	8,9	6,4	4,9

В 1990 г. электоральная поддержка партий «второго эшелона» увеличилась до 15,2%. Хотя формирование нового, модернизированного образа партийной системы еще не завершено, очевидно, что прежне-

го господства крупных партий больше не существует. Наиболее убедительным подтверждением правомерности подобного утверждения стало формирование и успешное участие в выборах 2005 г. в бундестаг «новых левых».

Способствуют эволюции традиционной партийной системы ФРГ такие факторы, как индивидуализация общественной жизни и изменение ценностей, а также процессы перераспределения в обществе и государстве социального и политического поля. Это ведет к необходимости структурных преобразований и функционального перераспределения внутри политической подсистемы, требованию снижения значимости и влиятельности политических партий и соответственно усилению роли институтов гражданского общества.

Развитие социальной плюрализации и трансформация базовых ценностей немцев не могли не отразиться на отношениях между обществом и государством. При всей сложности и многоуровневом характере этих взаимоотношений в целом наблюдается тенденция к их взаимному вытеснению. Характерна точка зрения Ю. Хабермаса, который подчеркивал противостояние жизненного мира, с одной стороны, и капиталистической системы, материальным олицетворением которой является современное государство, — с другой.

Сегодня немецкое общество и его политическая система переживают фазу усиления напряженности в отношениях между политическими партиями (основа партийной демократии) и средствами массовой информации (основа явления, получившего название медиадемократии). Немецкий исследователь Р. Шольц утверждает, что эти отношения стали подобны сообщающимся сосудам, т. е. с ослаблением роли политических партий как элемента современной демократической системы увеличивается значение и общественно-политический вес средств массовой информации[1].

Можно наблюдать эффект, обратный тому, который был типичным в функционировании общества на протяжении многих десятилетий. Политическая подсистема вообще и политическая элита в частности неоднократно стремились поставить под свой контроль деятельность средств массовой информации, поэтому всегда можно было определить, кому конкретно, несмотря на общий объективный контекст, подыгрывают то или иное издание или телеканал. Однако постепенно начала складываться ситуация, при которой СМИ из транслятора информации превратились в серьезную общественно-политическую силу. Публикуя очередные разоблачительные материалы о той

[1] Scholz R. Zurueck zur Politik! // “Die politische Meinung”, 2000, No 365. S. 15–20.

или другой партии в зависимости от политических предпочтений издателя, пресса не только снижает доверие населения к ним и партийной системе в целом, но и повышает свой читательский рейтинг, «борясь» с всевластием сильных мира сего.

Ключевым противоречием в отношениях между партиями и СМИ является претензия обоих социальных институтов на выполнение роли представителя интересов общества. В настоящее время политические партии в их восприятии населением утрачивают этот образ. В качестве основных объективных причин данного процесса выступают снижение групповой самоидентификации населения, аполитичность значительного числа немцев, профессионализация политики и стирание граней между основными партиями как в программных положениях, так и в их текущей политической практике.

Этот процесс был усилен за счет динамики социального состава основных партий Германии. Если в середине 50-х годов доля рабочих в СДПГ составляла 40%, то к 1994 г. их число сократилось до 24%. Численность рабочих в ХДС в том же г. составила 10,8%, а в ХСС — целых 19,8%. Однако если в данном сегменте и в доле партийцев-предпринимателей между ХДС и СДПГ все же остаются различия, то основу обеих партий прочно составляют служащие и чиновники, доля которых равна примерно 40%. Для социал-демократов данное обстоятельство является принципиальным, поскольку связано с трансформацией базовой для партии электоральной группы: место рабочих заняли служащие и чиновники.

Кроме того, во многом благодаря средствам массовой информации появляются различные по форме и содержанию, но возникающие с высокой периодичностью субъективные причины, заставляющие население усомниться не только в представительских функциях политических партий, но и в их ключевом значении для развития всего политического процесса. В печатных и электронных СМИ ФРГ, особенно в последнее время, появилось значительное число материалов о злоупотреблениях представителей политических партий. Разоблачения коснулись многолетнего лидера страны Г. Коля (ХДС) и его ближайшего окружения. В различного рода злоупотреблениях были обвинены и высокопоставленные функционеры СДПГ (Хомбах, Глоговски и Шлёйсер), а также бывший федеральный президент Й. Рау. В общественном сознании сформировались и укрепляются неблагоприятные для существующих политических партий тенденции, такие, как деидеологизированность, размывание традиционной социо-культурной среды, секуляризация, индивидуализация и плюрализация общественной жизни. Динамично меняется и сложившийся на протя-

жении последних десятилетий электорат: помимо увеличения доли нестабильно голосующих избирателей прослеживается тенденция существенного увеличения в электоральном поведении таких факторов как критическое, отстраненное голосование с выраженным преобладанием ориентации на поддержку в первую очередь по критериям профессиональной и деловой компетентности, а не по критерию партийной принадлежности[1].

В условиях значительного ускорения ритма общественно-политической жизни, выражающегося в том числе и в уменьшении времени на проведение различных реформ, общественное сознание «восстает» против ускорения динамики общественных и политических процессов. Население зачастую ощущает себя беспомощным на фоне происходящих изменений, вследствие чего в общественном сознании укореняется перманентная боязнь различного рода реформ и инноваций. Наглядным примером влияния на электоральное поведение населения указанного процесса можно считать поражение ХДС/ХСС на выборах в бундестаг в 1998 г., когда правящая коалиция начала восприниматься частью избирателей как выразитель экономических интересов сторонников глобализации, ведущей к усилению в общественном сознании ощущения неопределенности; во многом поэтому предлагаемые христианскими демократами реформы изначально оценивались как нежелательные и обременительные.

Разоблачения, касающиеся многолетнего незаконного финансирования ХДС, обострили вопрос о деятельности политических партий в его восприятии общественным мнением ФРГ. Весной 2000 г. тема партийных афер и разочарования в политике по своему значению вышла в социологических опросах на второе место вслед за проблемами занятости и оказалась более значимой по сравнению с такими проблемами, как налоги, пенсии, положение иностранцев, экология и т. п. При этом более 80% респондентов полагали, что злоупотребления являются характерной чертой всех партий[2].

Продолжение разоблачений Г. Коля и его окружения, а также ряда других высокопоставленных партийных функционеров и правительственных чиновников привело к тому, что в рейтинге доверия основным общественным институтам политические партии оказались на последнем месте. По оценке Х. Оберройтера, с середины 80-х годов

---

[1] Veen H. –J. Die CDU nach den Wahlen 1998 und 1999 // “Die politische Meinung”, 2000. No 363. S. 11–19.

[2] Althaus D. Politisher Extremismus — Prevaention und Repression // “Die politische Meinung”, 2000. No 369. S. 39–44.

по настоящее время доверие политическим партиям уменьшилось вдвое[1]. Вместе с тем процесс снижения доверия населения по отношению к политическим партиям не следует считать сиюминутным, вызванным исключительно последствиями раскрытия незаконной финансовой деятельности христианских демократов. А. Баринг утверждает, что постепенное снижение доверия политическим партиям наблюдается в ФРГ на протяжении последних 15–20 лет[2].

По мнению Баринга, в XXI век Федеративная Республика вступает с неустойчивой и подверженной кризисным явлениям партийной системой, и потому неудивительно, что все отчетливее звучат призывы к уменьшению роли партий в общественно-политической жизни ФРГ, которые Э. Йессе выразил в следующей формуле: «Без партий не обойтись, но и одними только партиями обойтись невозможно».

В этой связи высказываются различные предложения, которые касаются реформирования как внутрипартийной жизни, так и участия партий в общественных и политических процессах (табл. 3.7).

Таблица 3.4

Основные предложения относительно изменения значения партий в общественно-политической жизни ФРГ

1. Взаимоотношения партий и гражданского общества и его институтов	
Предложение	**Основной контраргумент**
Прекращение участия партий в неполитических сферах общественной жизни (система органов юстиции, образование, СМИ)	Отсутствие иных форм участия общества в деятельности важнейших социальных институтов
Отказ политиков от участия в деятельности наблюдательных советов промышленных предприятий	Необходимость государственного участия в деятельности неприватизированных предприятий
2. Участие партий в политическом процессе	
Предложение	**Основной контраргумент**
Отказ от совмещения постов лидера партии и федерального канцлера	Излишняя регламентированность
Совмещение сроков федеральных и коммунальных выборов	Усиление роли нестабильного электората

[1] Oberreuter H. Macht und Mehrheiten // “Die politische Meinung”, 2000. No 365. S. 25–29.

[2] Baring A. Vor dem Schritt in eine neue Aera // “Die politische Meinung”, 2000. No 365. S. 5–10.

Продолжение таблицы 3.4

3. Партия как институциональный элемент политической системы	
Предложение	**Основной контраргумент**
Введение системы государственного финансирования политических партий	Излишнее влияние государства на партии
Введение запрета на прямые пожертвования депутатам	
Ограничение времени пребывания на руководящих партийных должностях	Вмешательство извне во внутрипартийные дела
Введение системы «предварительного голосования» списка кандидатов в депутаты	
Усиление контроля над финансовой деятельностью партий	Уголовное и административное законодательство ФРГ обладает всеми возможностями для пресечения возможных злоупотреблений
Усиление ответственности партий и их отдельных представителей за нарушение партийного законодательства	

Анализ хода развернувшейся дискуссии о роли политических партий в политическом процессе и жизни общества в целом показывает, что наиболее убедительными являются аргументы тех, кто настаивает на изменениях во взаимоотношениях политических партий и гражданского общества. Сторонники отказа от партийного вмешательства в деятельность общественных институтов исходят из того, что времена, когда партии стремились к участию практически во всех общественных процессах, уходят в прошлое, а излишне широкий круг вопросов, которые партии стремятся решить, только увеличивает их ответственность за различные неудачи.

Одним из вариантов проведения реформ называется необходимость отказа от практики совмещения постов лидера партии и Федерального канцлера, что должно способствовать как усилению внутрипартийной демократии, так и создать условия для большей автономности работы правительства. Однако это предложение вызывает несогласие тех, кто считает, что проведение подобной реформы означало бы излишнее и необоснованное вмешательство во внутрипартийные дела в условиях и без того существующей сверхрегламентации общественно-политической жизни ФРГ. Отмечается также, что СДПГ во времена нахождения у власти правительства Г. Шмидта имела негативный опыт подобного разделения, а потому каждая партия должна решать этот вопрос для себя самостоятельно. Другая идея, от-

носящаяся к участию партий в политическом процессе, состоит в том, чтобы совместить сроки выборов в бундестаг и земельных выборов. С одной стороны, подобное предложение выглядит разумным и обоснованным, так как в этом случае, кроме уменьшения затрат на проведение избирательных кампаний, населению не придется жить в условиях перманентной предвыборной атмосферы. В то же время совмещение выборов разного уровня может повлечь ряд негативных последствий, таких, как зависимость региональных выборов от федеральных, поскольку основной интерес избирателей вызовет кампания по выборам в бундестаг и, следовательно, ответственность населения при определении депутатов земельных парламентов будет снижаться. Более того, местные выборы могут стать «копией» федеральных, что не вполне позитивно отразится на сохранении здоровой конкуренции в общегерманском политическом процессе.

В качестве еще одной проблемы следует выделить возможный дальнейший рост доли нестабильно голосующего электората, так как выборы в случае реализации планов их совмещения будут проводиться один раз в четыре года, что приведет к снижению значения избирательного процесса относительно других форм политического участия. Это, в свою очередь, может способствовать еще большему разрушению идентификации групп электората с определенной партией, а также усилению зависимости населения от воздействия различных видов предвыборных технологий, снижая значимость в электоральном поведении политических установок и традиционных ценностных ориентаций.

Максимальные изменения предлагается осуществить по отношению к партиям как институциональным формам политической системы ФРГ. В первую очередь предложения по реформированию в этой сфере связаны с громкими финансовыми скандалами вокруг представителей политических партий. Следствием затянувшейся серии разоблачений стала актуализация темы реформирования системы партийных финансов. В частности, предлагается усиление контроля над финансовой деятельностью политических партий и даже создание специальной независимой комиссии, основной задачей которой должны стать проверка законности и правильности текущей финансовой деятельности партий и контроль над поступлением и расходованием средств во время проведения избирательных кампаний. Помимо этого предлагается запретить депутатам получать прямые пожертвования, а также финансировать партии только из одного источника — государства. Это ставит политические партии в серьезную зависимость от действующей власти. Поэтому предлагается

сохранить систему пожертвований как обеспечивающую независимость политических партий. Вместе с тем следует отметить, что доходы политических партий за счет пожертвований значительно уступают финансовым поступлениям из государственных источников и членским взносам.

Среди источников финансирования ведущую роль занимают партийные взносы и денежные средства государства, общая доля пожертвований в структуре партийных доходов колеблется в пределах от одной десятой у СДПГ до примерно одной трети у СвДП. Таким образом, сейчас пожертвования физических, а особенно юридических, лиц не могут считаться ключевым источником финансирования партий. В то же время пожертвования играют свою роль в формировании структуры и иерархии, а также в воспроизводстве гомогенного функционирования партийной системы ФРГ.

Существующая на сегодняшний день разница в финансировании политических партий в значительной степени обеспечивает сложившуюся на протяжении десятилетий систему формирования законодательной и исполнительной властей, в соответствии с которой одна из двух ведущих политических сил (ХДС/ХСС или СДПГ) образует правительство при участии дополнительного партнера (СвДП, Союз90/зеленые, ПДС). Наличие однопартийного правительства или «большой коалиции» является, скорее, исключением. Анализ поступления денежных средств на счета ведущих партий показывает, что сложившаяся на данный момент система финансирования фактически закрепляет преимущества ХДС/ХСС и СДПГ по сравнению с Союзом90/зелеными и СвДП. Бюджеты зеленых и свободных демократов в шесть раз уступают бюджету СДПГ, и если внимательно изучить финансовый рейтинг партий, то без особого труда можно обнаружить, что именно в таком же порядке они расположились по результатам выборов в бундестаг в 1998 г. Для сохранения устойчивости сложившейся политической системы ФРГ наиболее приемлемым вариантом развития событий было бы сохранение существующей системы финансирования политических партий с усилением контроля над их деятельностью.

К числу самых назревших и не вызывающих особых возражений предложений по реформированию внутрипартийной жизни следует отнести идею введения системы «предголосования» списка партийных кандидатов на выборные должности, прежде всего кандидатов в депутаты земельного и федерального уровней. Подобное нововведение способно не только существенно оживить деятельность партий, усилить их внутреннюю мобильность, но и повысить степень

участия рядовых членов в работе своих партий. Возможно, успешное введение системы «предголосования» вместе с другими мерами, направленными на вовлечение более широких слоев населения в деятельность партий, способно изменить крайне неблагоприятную тенденцию сокращения численности ведущих партий ФРГ. С 1990 по 1997 г. ХДС потеряла 16% свои членов, СДПГ — 17%, а СвДП сократилась на 40%. Только зеленые увеличили численность своих рядов с 41 до 49 тыс. человек.

3.6. Создание левой альтернативы на базе ПДС и движения «За труд и социальную справедливость»

На фоне снижения популярности СДПГ и ее крена «вправо» вследствие реализации кабинетом Г. Шрёдера программы непопулярных реформ, приведших к проигрышу социал-демократами ряда земельных выборов, активизировались вытесненные на периферию активной политической жизни лидеры. Наиболее известный из них — бывший председатель социал-демократической партии Оскар Лафонтен — предложил ПДС создать блок, который стал бы левой альтернативой правительственным реформам в социальной сфере. Объединение движения О. Лафонтена «За труд и социальную справедливость» и ПДС в единый избирательный блок «Демократические левые/ПДС» в 2005 г. оценивался большинством аналитиков в качестве единственной возможности прохождения в бундестаг как для демократических социалистов, так и для «отколовшихся» социал-демократов. В качестве основных предвыборных тем новый альянс определил следующие:

- необходимость проведения альтернативной политики, ориентированной на стабилизацию рынка труда, социальную справедливость, мир и демократию;
- обеспечение достойной оплаты труда и незамедлительное решение проблемы создания новых рабочих мест;
- недопущение реализации программы «Хартц IV» (на смену равнодушию и «социальному подаянию» должны прийти солидарность и социальная ответственность);
- создание системы социального обеспечения, нацеленной на потребности нуждающихся, проведение реформы образования, осуществление программы инвестиций в будущее, расширение политики занятости в Восточной Германии и кризисных регионах на западе;

- необходимость расширения гражданских прав через прямую демократию и создание толерантного общества, чуждого расизму и правому экстремизму;
- проведение политики разоружения и конверсии.

Формирование предвыборного альянса с движением О. Лафонтена помогло ПДС решить сразу несколько ключевых проблем, доселе казавшихся неразрешимыми: появилась перспектива обретения опоры в обществе, сдвинулась с мертвой точки проблема отсутствия эффективно работающей сети партийных организаций на местах в масштабе всей ФРГ, наметилось преодоление малочисленности и старения партии. Большим преимуществом нового блока явился также интерес к нему со стороны левых интеллектуалов Германии, многие из которых в свое время создавали партию зеленых.

Несмотря на всю разницу в программах, составе и целевых группах, на которые ориентируются зеленые, свободные демократы и ПДС, для всех трех партий характерны общие проблемы. Во-первых, их достаточно неустойчивое положение как партий «второго эшелона». Особенно эта неустойчивость проявляется в условиях усиления динамики политического процесса, вероятности перераспределения функций между партиями и другими социальными и политическими институтами. Во-вторых, эти партии наиболее остро испытывают трудности в обеспечении своего политического будущего. В-третьих, и зеленые, и СвДП, и ПДС переживают процесс острой нехватки квалифицированного кадрового резерва.

Процесс преодоления последствий разделения Германии на два государства характеризуется тем, что объединение означало для восточных земель начало всеобъемлющих преобразований, которые затронули все, без исключения, сферы как общественной, так и обыденной жизни населения бывшей ГДР, тогда как для западных немцев традиционный ритм жизни практически не изменился. Восточногерманское и западногерманское общество оказалось совершенно различным по основным характеристикам населения и состоянию общественного сознания. Фактически, по мнению В. Ленгсфельд, столкнулись запад, где господствовали процессы культурной американизации и индивидуализации, и восток, развивавшийся в традициях советской системы воспитания и социализации, а также традициях прусской государственности[1].

Основной проблемой на пути полной интеграции восточногерманского общества в западногерманское является выравнивание

[1] Lengsfeld V. Sieger und Verlierer // “Die politische Meinung”, 2000. No 369. S. 15.

социально-экономических показателей на востоке и западе. Спустя почти 20 лет после объединения денежные доходы населения бывшей ГДР составляют треть по сравнению с доходами жителей западной части страны, имущественные доходы равняются 37%[1]. Несмотря на продолжающиеся споры о том, какие показатели безработицы более точно представляют ситуацию на восточногерманском рынке труда, абсолютные цифры зарегистрированных безработных на востоке вдвое превышают этот показатель на западе страны.

Доля экономически активного населения в ГДР была одной из самых высоких в мире, а централизованная экономика страны не допускала большого процента безработных. После того как за восточную экономику взялись западные специалисты, миллионы людей остались без работы. Можно говорить о таком обвале, как о временном явлении, но уровень безработицы в отдельных регионах и сегодня остается на катастрофически высокой отметке 20%.

Восточные земли продолжают страдать от сокращения населения, прежде всего из тех групп, которые принято называть продуктивным населением. Если в 1990 г. на востоке проживало 16 млн, то через десять лет — 15,2 млн человек. На период до 2010 г., по расчетам Федерального статистического ведомства ФРГ восток страны потеряет еще четверть миллиона человек. Если в 1989 г. в ГДР было зарегистрировано почти 200 тыс. рождений, то в 1994 г. — только 79 тыс. (без Западного Берлина). Кроме того, прежде всего по финансовым соображениям, закрылось большое количество детских садов и ясель.

И это несмотря на то, что, по оценкам Института развития экономики города Галле, в период с 1991 по 2003 г. объемы вложений в экономику новых земель составили 1,2 трлн евро и каждый новый год обходится общей экономике Германии 90 млрд.

Сохраняющийся социально-экономический дисбаланс между востоком и западом привел к возникновению явления, получившего название «остальгии» (от нем. «ост» — восток), которое заключается в появлении у граждан бывшей ГДР ностальгии по социалистическому прошлому. Например, очень популярно изречение: хотя машины в ГДР были намного хуже, чем на западе, но люди были лучше. Опросы общественного мнения в восточногерманских землях показывают постоянное снижение в общественном сознании бывших граждан ГДР критической дистанции по отношению ко временам правления СЕПГ.

---

[1] De Maiziere T. Abschied von der inneren Einheit? // “Die politische Meinung”, 2000. No 369. S. 22–26.

В качестве причин, приведших к возникновению «остальгии» и не носящих экономического и социального характера, можно назвать, во-первых, надменное отношение западных немцев к своим восточным соотечественникам, которое Г. Шмидт назвал в своих воспоминаниях «безмерным высокомерием»[1].

Во-вторых, значительная часть населения бывшей ГДР начала ощущать себя полуколонизированной территорией: многие предприятия перешли в собственность западногерманских хозяев; в политической сфере большинство ключевых должностей получили выходцы из западных земель. М. Агетен указывает, что только в одной из девяти вновь образованных федеральных земель выходцу из бывшей восточногерманской ХДС удалось занять пост премьер-министра[2]. Несмотря на то что представители дообъединительной ХДС помогли партии получить на выборах в бундестаг 1994 г. в новых землях 25 из 44 прямых мандатов, никто из них не удостоился должности федерального министра. Подобная тенденция в кадровой политике прослеживается во всех сферах общественной и особенно политической жизни в восточных землях.

В-третьих, оттеснение восточных немцев с ключевых позиций в политике и экономике сопровождалось постоянными обвинениями в конформистском поведении во времена правления СЕПГ, подозрениями в сотрудничестве с восточногерманскими спецслужбами. В итоге восточные немцы как бы сдавали перманентный экзамен на то, достаточные ли они демократы, а взыскательные западногерманские «судьи» постоянно находили «изъяны» в процессе демократического перевоспитания вновь обретенных соотечественников.

В-четвертых, вслед за объединением в восточногерманскую жизнь вошли западногерманские законы и предписания; за правило были приняты привнесенные извне нормы поведения.

Одной из форм проявления протеста против «колониалистских» проявлений во взаимоотношениях между востоком и западом можно считать достаточно широкую и устойчивую поддержку населением новых земель ПДС, выступающей не просто как партия наименее защищенных и обездоленных фактически и по самоощущениям слоев населения, но и как своеобразный эрзац бывшей родины — ГДР.

Западные политики находят оправдание такому положению дел. В первую очередь они ссылаются на более низкий уровень экономического развития бывшей ГДР, где производительность труда состав-

---

[1] *Шмидт Г.* Указ. соч. С. 287.

[2] Agethen M. Zehn Jahre nach der freien Volkskammerwahl // "Die politische Meinung", 2000. No 364. S. 15–23.

ляла лишь треть от западногерманской. Финансовые средства, полученные востоком от запада в период после с 1991 г., дают западу право ставить определенные условия востоку. Кроме того, уровень жизни восточных немцев повысился за первые семь лет по сравнению с временами ГДР в 3 раза. Если непосредственно после воссоединения покупательная способность бывших граждан ГДР была сравнима с таковой у их западногерманских соотечественников конца 50-х годов, то в середине 90-х уровень благосостояния на востоке Германии фактически соответствовал западногерманскому образца 1992 года. Иначе говоря, на то, к чему западные немцы упорно стремились 30 лет, у восточных ушло не больше пяти. Многие восточные пенсионеры имеют более продолжительную трудовую биографию, чем их коллеги на западе ФРГ. После объединения это привело к тому, что они получают гораздо большую пенсию.

При этом даже сторонники переноса западной общественно-политической модели на восток видят неизбежные недостатки в проведении подобной политики, которая сформировалась в собирательный образ «богатого дядюшки», делающего дорогие подарки, к тому же далеко не всегда по доброй воле, а зачастую только из родственных обязательств. В ответ «богатый дядюшка» ждет проявлений различных форм благодарности, однако в реальности не добивается любви, хотя его, во всяком случае, уважают[1]. Именно такую аллегорию напоминают нынешние взаимоотношения между двумя частями некогда разделенной страны, которой так и не удается преодолеть последствия этого разделения, выраженные в известной парадоксальной формуле: «Если раньше было два государство, но одна нация, то теперь у нас одно государство, но две нации».

В целом объективные эмпирические индикаторы состояния общественного сознания населения бывшей ГДР показывают, что восточную политику федеральной власти в послеобъединительный период нельзя назвать эффективной. Численность восточногерманского ХДС в период с 1990 по 1998 г. сократилась с 129 550 человек до 60 840, т. е. на 47%. Настоящей катастрофой обернулись для СДПГ результаты выборов в восточногерманские ландтаги, проходившие в 1999 г. В этих условиях положение ПДС остается на сегодня устойчиво стабильным. Она продолжает играть роль универсального индикатора ностальгии, апеллирующего к избирателям, являющимся для запада гражданами второго класса.

---

[1] De Maiziere T. Abschied von der inneren Einheit? // “Die politische Meinung”, 2000. No 369. S. 22–26.

Возможности продолжения объединительного германо-германского процесса сводятся к следующему.

Первый вариант — оставить все как есть и не вмешиваться в естественный ход событий, благо восточным немцам выбирать альтернативные пути развития не приходится. Те, кто разделяет подобную точку зрения на перспективы реального германского объединения, полагают, что проблемы взаимного восприятия запада и востока сгладятся через несколько поколений сами собой и в худшем случае будут напоминать нынешние взаимоотношения между западногерманскими севером и югом. Основной характеристикой в случае развития событий по такому сценарию будет сохранение высокой нестабильности электорального поведения в восточных землях и гарантированное обеспечение среднесрочной, а возможно, и долгосрочной перспективы сосуществования западной партийной системы с мини-ГДР в форме ПДС.

Второй вариант — ужесточение в первую очередь финансовых отношений между востоком и западом в целях разрушения образа «богатого дядюшки». Своей главной задачей сторонники осуществления подобного образа отношений с востоком видят в появлении на западе системной и продуманной политики, направленной на то, чтобы прекратить многолетнюю практику поддержки основного требования населения бывшей ГДР — социально-экономического выравнивания, связанного с постоянными вливаниями средств в восточные земли. По мнению сторонников ужесточения финансовых отношений, деление на роли просящего и дающего является главным тормозом в установлении равноправных отношений между обеими частями страны. Основным недостатком данного подхода является то, что мотив социально-экономического выравнивания был едва ли не ведущим побудительным мотивом в «объединительном поведении» значительной части населения бывшей ГДР. Он долгое время поддерживался западногерманскими властями. Следовательно, его замена может усугубить ситуацию, когда реальным станет возникновение у восточных немцев стереотипа: «Мы отдали все, но ничего не получили взамен».

Третий вариант состоит в том, чтобы постепенно повышать статус жителей Восточной Германии и способствовать их интеграции в мир западных ценностей на заметно более высоком уровне, чем это делалось до сих пор. Осуществление подобного сценария связано с попыткой действительно сделать восточных немцев субъектами общегерманского политического и других общественных процессов.

Судя по всему, именно последний вариант начинает все больше привлекать внимание политической элиты ФРГ. В качестве доказа-

тельств трансформации оценок восточногерманских реалий можно назвать признание высокого качества восточногерманской системы высшего образования, выдвижение на пост главы ХДС, а затем канцлера восточногерманского политика А. Меркель. Многое зависит от того, насколько подобные жесты способны превратиться в тенденцию развития политического процесса современной Германии.

Единство курса на коренное переустройство германской социальной системы нивелирует в общественном сознании различия между двумя «народными» партиями. Одним из факторов, отличающих политическую культуру Германии последних 20 лет, стал последовательный рост негативно обусловленных аспектов электорального выбора над позитивными. Безусловно, окончание эры К. Аденауэра было связано с усталостью населения от засидевшегося у власти канцлера, но тогда существовала реальная позитивная демократическая альтернатива В. Брандта. Вызвавшей неуверенность и опасения стагфляции 1973–1975 гг. был дан ответ реализацией политики интервенционистского государства. Разочарованию в политике кабинета Г. Шмидта христианские демократы противопоставили реальную программу мер по социально-экономическому реформированию немецкого государства. Во время выборов 2005 г. основным козырем оппозиции была исключительно высокая непопулярность бывшего канцлера Г. Шрёдера, в неспособности которого вывести Германию из сложившегося кризиса, по данным ряда опросов, были убеждены до 77% респондентов. При этом оптимистический взгляд в будущее оказался характерен лишь для 10% немцев.

Одной из ключевых тенденций немецкой политики последнего времени является усиление ее постматериальной составляющей, что проявляется в разнообразных формах. Несмотря на участие зеленых в непопулярной правящей коалиции, их дела на земельных выборах не выглядели столь удручающими, как у СДПГ. Даже в традиционно консервативной Баварии партия Й. Фишера сумела немного улучшить свои позиции. Еще более удивительным может показаться рост среди политической элиты ФРГ руководителей самого высокого ранга, открыто признающих свою нетрадиционную сексуальную ориентацию, которая становится для них дополнительным фактором популярности. Если раньше политическая сексуальная революция ограничивалась уровнем бургомистров Берлина (Клауса Воверайта) и Гамбурга (Оле фон Бойса), то недавно в нее включился лидер СвДП Г. Вестервелле.

Безусловно, одним из важнейших факторов, который играет все большую роль в немецком политическом процессе, становится повы-

шение влияния СМИ. Большинство аналитиков признают, что, несмотря на изначально высокие шансы правых на выборах в бундестаг в 2002 г., традиционность и соответствие привычному образу «политика-функционера» их лидера Э. Штойбера переломили позицию колеблющихся избирателей в пользу более яркого и убедительного в коммуникационном плане Г. Шрёдера. Здесь речь идет не о преимуществе действующего канцлера перед своим оппонентом как политика, предлагающего более эффективные варианты решения социально-экономических проблем, а о грамотном использовании социал-демократами пиаровской составляющей предвыборной борьбы.

Важным направлением развития политического процесса в ФРГ является его «европеизация». Особенность данного процесса состоит в том, что он затрагивает не только существенные аспекты внутриполитического развития Германии, но и оказывает растущее влияние на ее внешнюю политику.

Крушение Варшавского договора и объединение Германии поставили страну в новые, качественно отличающиеся от привычного биполярного мира условия. В соответствии с изменившимся геостратегическим положением ФРГ характеризуется как мировая держава «вопреки собственной воле» и провозглашается одной из великих держав, равной Великобритании и Франции. К середине 90-х годов ФРГ определяется как руководящая сила внутриевропейского сообщества[1].

Официально необходимость самого активного участия Германии в процессе европейской интеграции ее власти связывают с тем, что после объединения страна имеет наиболее протяженные границы среди всех стран континента и соответственно обладает наибольшим числом соседей. Германия обязана играть стабилизирующую роль и в силу своего геостратегического положения — государства на стыке европейского Запада и Востока. Христианско-демократическое правительство не раз заявляло о готовности взять на себя эту роль[2]. Однако в условиях бесспорного геополитического господства США Германии будет не просто реализовать свои претензии на место посто-

---

[1] Hacke C., Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland.Frankfurt am Mein–Berlin 1993; Schollgen G. Stationen deutscher Aussenpolitik.-Von Friedrich dem Grossen bis zur Gegenwart. München, 1992; Marsch D. Der zaudernde Riese. Deutschland in Europa. München, 1994; Schwarz H.-P. Die Zentalmacht Europas. Deutschlands Rueckkehr auf die Weltbuehne. Berlin, 1994.

[2] *Стержнева М.* Германия и Европейский союз. В кн.: Объединенная Германия в Европе и мире. М., 1994. С. 43–66; *Цедилина Е.* Германия и проблема европейской безопасности. В кн.: Объединенная Германия в Европе и мире. М., 1994. С. 67–88.

янного члена Совета Безопасности ООН. В то же время ФРГ активно участвует в процессах расширения НАТО и ЕС на восток, в реформировании Североатлантического блока.

Участие ФРГ в современных международных политических процессах сводится на практике к атлантической интеграции в военно-политической сфере и европейской интеграции в экономико-политической сфере[1]. Политическая сфера, а следовательно, и политические процессы оказываются на стыке атлантического и европейского направлений развития общегерманского политического процесса. Практика принятия решений в сфере международной политики показывает, что в стратегических вопросах, касающихся как Германии, так и всего европейского континента, решающее слово всегда оставалось за США. Со времен дипломатической интервенции США во время заключения Елисейского договора 1963 г. возможности Соединенных Штатов оказывать всестороннее давление и достигать поставленные в Европе цели только возросли.

В этих условиях руководство ФРГ проводит прагматичную политику постепенного превращения Германии в ведущую страну в общеевропейском политическом процессе, хотя и здесь приходится сталкиваться с противодействием Франции (например, по вопросу о представительстве европейских государств в Европарламенте), а также с исторически обусловленной подозрительностью ряда европейских государств. В своей восточноевропейской политике ФРГ особое внимание уделяет финансовым проектам, являясь крупнейшим кредитором бывших социалистических стран.

В отношении включения общегерманского политического процесса в общеевропейский следует отметить, что одним из основных уязвимых мест в политике строительства единой Европы остается недостаточный уровень европейской идентичности жителей различных стран континента: население ФРГ не чувствует себя обеспокоенным проблемами, например, Португалии, и говорить о сходстве этих двух государств пока не приходится. Кроме того, общеевропейские политические, и особенно согласительные, процедуры нередко наталкиваются на непонимание и протест населения отдельных государств. Наиболее показательный пример — регулярные демонстрации фермеров против аграрно-ценовой политики Евросоюза; в этом случае недовольные требуют от своего национального государства защитить их от «произвола» Еврокомиссии.

---

[1] Link W. Demokratisher Verfassungsstaat und Internationales System // “Die politische Meinung”, 2000. No 364. S. 63–70.

«Европеизация» германского политического процесса неизбежно столкнется с целом комплексом проблем, которые, однако, в настоящее время существенно уступают по своей значимости поставленной цели — созданию «единой Европы», где ФРГ рассчитывает стать одним, а возможно, и единственным лидером.

3.7. Выборы 2005 г. и «большая коалиция»

К очередным федеральным выборам правящая коалиция подходила с неутешительными итогами: пятимиллионной безработицей, из которых 1,1 млн приходился на Северный Рейн–Вестфалию, традиционную вотчину СДПГ, и экономическим ростом всего 1%. Для сравнения: накануне предыдущих выборов число безработных составляло 4 млн человек. Немецкому избирателю не приходилось напоминать, что свои первые выборы Г. Шрёдер выиграл, пообещав сократить безработицу до 3,5 млн.

Как показала предвыборная кампания, в решении этой наиболее актуальной для немцев проблемы программные подходы ведущих партий оказались наиболее слабыми. Социал-демократы продемонстрировали свою неспособность к ее решению по результатам своего семилетнего нахождения у власти, А. Меркель предлагала механистический подход — через ограничение притока рабочей силы. Однако общеизвестно, что иностранцы трудятся в тех отраслях и на тех позициях, которые представляются немцами непривлекательными.

Безусловно, невозможность обуздать безработицу обусловлена системным конфликтом между сформировавшейся германской моделью социального государства и усилившимся конкурентным давлением внешней среды при значительном повышении динамики общественных и социально-экономических процессов. В этих условиях любой немецкий кабинет вне зависимости от состава участников становится заложником социального государства, когда молодой специалист, только поступая на работу, на примере своих родителей уже рассчитывает, каким образом он будет тратить свою будущую пенсию. На воспроизводство негибкой, порождающей социальный инфантилизм и при этом социально одобряемой модели работает и германская система образования, исправно выпуская в никуда армию академических конформистов, пополняющих ряды безработных.

С другой стороны, сложившуюся систему подтачивают глобальные интеграционные процессы. Благодаря активности зеленых в продвижении разрешительной миграционной политики не только увеличивается конкуренция на немецком рынке труда, но приобретают каче-

ственно новое звучание проблемы культурной ассимиляции, межкультурной интеграции и социализации. Либеральный подход немецкого государства сохраняется, несмотря на то что, по официальным данным, только за один 1992 год в ФРГ переселились в четыре раза больше беженцев, чем в остальные страны Европейского союза. Например, число эмигрантов, которое принял Гамбург, оказалось выше, чем во всей Великобритании. За два десятилетия Германия приняла 7 млн иностранцев, т. е. 9% населения.

В сложившихся неблагоприятных для себя условиях канцлер Шрёдер предпринял нестандартный ход и предложил назначить досрочные выборы, тем самым продемонстрировав избирателям, что не держится за свое кресло, а вместе со всеми старается найти пути выхода из кризиса. Демарш главы «красно-зеленого» кабинета разрушил стратегию оппозиции, нацеленную на постепенное «удушение» правительственной коалиции. При этом социал-демократы фактически вынудили блок ХДС/ХСС сделать ставку только на фигуру Ангелы Меркель, которую изначально оценивали как далеко не лучшего кандидата в лидеры нации от оппозиции вследствие ее гэдээровского прошлого, фактического предательства с ее стороны экс-канцлера Г. Коля и общей нехаризматичности Меркель в сравнении с ярким канцлером Шрёдером. Неожиданный ход, связанный с назначением досрочных парламентских выборов, позволил СДПГ серьезно изменить формат избирательной кампании и в результате пусть не победить, но и не проиграть.

Центральными сюжетами в предвыборной повестке оказались проблемы немецкой экономики и миграционные процессы. Однако попытка обсудить реальные рецепты оздоровления в условиях острого политического соперничества разбилась о стремление политиков одержать победу любой ценой. Христианские демократы во многом растеряли свое преимущество вследствие изначального стремления сказать избирателю правду. Непопулярной Шрёдеровской «Повестке дня — 2010» они противопоставили еще более радикальный подход экономического консультанта Ангелы Меркель профессора Пауля Кирхофа. Предлагаемые им революционные рецепты выхода из кризиса являлись ответами на вызовы глобализации в целях формирования динамичной конкурентной среды и включали в себя введение плоской шкалы 25%-ного подоходного налога, увеличение на 2% НДС и соответственно рост цен, отмену многочисленных налоговых льгот и приватизацию пенсионных систем.

С экономической точки зрения цели были вполне понятными: противодействие уходу производства в регионы «более дешевых рук»,

повышение инвестиционной привлекательности германской экономики, придание рынку труда более современного и динамичного характера за счет повышения применимости прямых трудовых договоров между работодателями и служащими в противовес тарифным соглашениям. Воспользовавшись самоуверенностью конкурентов, социал-демократы прибегли к технологии «подмены объекта», провозгласив, что социальное бесправие наступит не в результате реализации предложенной ими «Повестки дня — 2010», а в случае осуществления программы П. Кирхофа. Инициативы финансового эксперта ХДС немедленно подверглись «красно-зеленой» обструкции как несоответствующие традиционным немецким принципам справедливости. Социал-демократы и их союзники усмотрели в них попытку «уравнять медсестру и миллионера» и окрестили «политикой социального холода и экологического застоя». Предвыборная позиция СДПГ формулировалась в более социально одобряемых тезисах: продолжение реформирования системы социальных гарантий, содействие повышению занятости населения за счет инвестиций в образование и науку, повышение налогов на богатых граждан, чей годовой доход превышает 250 тыс. евро.

Все же на этот раз естественное предвыборное стремление Г. Шрёдера сыграть роль защитника социальных гарантий немцев (различные виды социальной помощи в Германии в общей сложности получают 41% взрослого населения) не обеспечило СДПГ ожидавшихся дивидендов. Помимо его собственной «Повестки дня», предусматривавшей сокращение пенсий, урезание социальных пособий и льгот, перестройку системы здравоохранения, маневр социал-демократов существенно ограничили «новые левые». Для них образ гаранта социальных прав граждан был центральным, и потому тема социальной справедливости из уст О. Лафонтена и Г. Гизи прозвучала гораздо убедительнее.

Осознав, что намеченная стратегия не способна полностью переломить настроения немцев, социал-демократы решили, как и в предыдущей кампании, дискредитировать образ кандидата в канцлеры от блока ХДС/ХСС Ангелы Меркель. Супруга Герхарда Шрёдера Дорис публично указала на такие факты биографии А. Меркель, как бездетность и наличие развода, для нее они свидетельствовали о недостатке необходимого жизненного опыта, присущего большинству женщин. В дальнейшем это обвинение преобразовалось в позиционировании лидера ХДС не как «политика будущего», а как «фантома из прошлого»: «Те, кто провалился в 1990-х, не могут преуспеть», — предупреждал Герхард Шрёдер. «Бездетная и разведенная фрау Мер-

кель повинна в снижении рождаемости в стране, будучи в свою бытность министром по делам женщин и молодежи», — негодовала Дорис Шрёдер[1].

Христианские демократы не остались в долгу их лидер обвинила канцлера в намерении сколотить предвыборную коалицию с участием «новой левой» партии. Категорический отказ от подобной возможности со стороны самого Г. Шрёдера госпожа Меркель не брала в расчет, приводя в пример альянсы СДПГ и ПДС в Восточной Германии. Однако основной стратегией оппозиции стала критика безрезультатности семилетнего нахождения у власти представителей «красно-зеленой коалиции». «Живется ли нашей стране лучше, чем семь лет назад, когда к власти пришла «красно-зеленая коалиция»? Растет ли экономика? Уменьшается ли безработица? Стало ли меньше бюрократии? Являются ли ваши пенсии, уход в старости и здравоохранение более гарантированными?» — спрашивала соотечественников Ангела Меркель[2].

Наибольших успехов на выборах 2005 г. добились либералы и «новые левые». Так, СвДП набрала 9,8% голосов, увеличив тем самым свое представительство в бундестаге примерно на четверть. Это лучший результат за всю историю партии, который эксперты связывают прежде всего с бескомпромиссной позицией лидера партии Г. Вестервелле. Впервые с момента ухода из большой политики Г.-Д. Геншера у либералов появилось собственное яркое политическое лицо, благодаря чему во многом и произошел отток голосов к ним из лагеря сторонников ХДС/ХСС.

Приблизительно то же самое произошло и на левом фланге. Радикальные сторонники социал-демократов предпочли проголосовать за левую партию, состоящую из наиболее решительно настроенного крыла СДПГ и ПДС. «Новые левые», получили по итогам выборов 8,7% голосов немецких избирателей и вместо двух мест ПДС в бундестаге предыдущего созыва завоевали рекордные 54 мандата. В этой связи некоторые аналитики заговорили о том, что впервые за всю послевоенную историю вслед за Францией и Италией в Германии появилась «общенациональная левая партия».

Несмотря на то, что больше всех голосов получил блок ХДС/ХСС, а либеральные демократы неожиданно показали высокий результат, в сумме их не хватило для создания коалиции. Не добрали необходимого количества голосов и социал-демократы с зелеными. По итогам

---

[1] См.: http://www.inosmi.ru/translation/222088.html.

[2] Ibid.

проведенных 18 сентября 2005 г. всеобщих выборов и довыборов 2 октября в Дрездене мандаты в бундестаге распределились следующим образом: ХДС/ХСС — 226, СДПГ — 222, СвДП — 61, зеленые — 51 и левые — 54[1]. Таким образом, ни у ХДС/ХСС с СвДП, ни у СДПГ с зелеными не было достаточного большинства, чтобы самостоятельно, без «третьей силы» сформировать правящую коалицию. Союз с недавно образованной «левой» партией ни одной из сторон в расчет не принимался.

Таблица 3.5

Результаты выборов в бундестаг 2005 г.
(соотношение отданных голосов и полученных мандатов)

Партия	Количество голосов (%)		Количество мандатов			
	первые	вторые	прямые	по списку	избыточные	всего мест в бундестаге
СДПГ	38,4	34,3	145	68	9	222
ХДС/ХСС	40,8	35,2	150	69	7	226
Зеленые	5,4	8,1	1	50		51
СвДП	4,7	9,8		61		61
ПДС – Левые	8,0	8,7	3	51		54
Республиканцы	0,1	0,6				
НДПГ	1,8	1,6				
Прочие	0,8	1,8				
Итого	100	100	299	299	16	614

Бывший канцлер Г. Шрёдер после оглашения первых итогов выборов заявил, что их результаты не дают права кандидату на пост канцлера от ХДС/ХСС А. Меркель формировать правительство. «Никто, кроме меня, не в состоянии сформировать стабильное правительство. Я веду переговоры, и они будут успешными», — подчерк-

---

[1] "Bundestagswahl 2005", http://stat.tagesschau.de/wahlarchiv/wid246/index.shtml.

[2] «И Шрёдер и Меркель считают себя победителями». 19.09.2005. См.: http://news.nbc.com.ua/NEWSactionISarticleANDtext_idIS6151ANDdateIS19.9.2005.html.

нул Шрёдер в одном из телевизионных интервью[2]. И хотя эти заявления носили больше демагогический характер и были призваны вызвать нервозность у основного соперника, некоторое время было неясно, какая из партий сумеет сформировать правительство. Единственным выходом из кризиса, приемлемым для обеих политических сил, стало создание «большой коалиции». Такой прецедент уже имелся в германской истории в 1967–1969 гг., когда консерваторы во главе с канцлером от ХДС К.-Г. Кизингером управляли страной совместно с социал-демократами.

Переговоры между ХДС/ХСС и СДПГ продлились около трех недель. Ни одна из партий не хотела уступать пост канцлера. Лишь к середине ноября 2005 г. удалось достигнуть соглашения. Новым федеральным канцлером Германии впервые за всю ее историю становилась женщина — лидер христианских демократов Ангела Меркель. В обмен на эту уступку социал-демократы получили восемь министерских кресел из 15. Представители СДПГ заняли посты министров иностранных дел, финансов, юстиции, труда, охраны окружающей среды, здравоохранения, транспорта и экономического сотрудничества и развития. В ведение ХДС/ХСС отошли министерства обороны, внутренних дел, безопасности, экономики и технологий, семьи, образования, а также сельского хозяйства.

Кроме того, между партиями был подписан «коалиционный договор», который определил основные направления работы правительства на последующие четыре года. Главными темами коалиционного соглашения стали оздоровление государственных финансов и борьба с безработицей[1].

Спад производства, старение населения привели к сокращению числа непосредственно работающих налогоплательщиков, на которых лежит основная нагрузка по уплате социальных взносов. Увеличение притока иммигрантов, к которому прибегло германское правительство ранее, оказалось противоречивой мерой, поскольку многие из приезжающих в страну не смогли интегрироваться в немецкое общество и пополнили ряды безработных, живущих за счет государственных дотаций. «Настоящая проблема состоит в том, что уменьшается финансовая основа нашей системы социального обеспечения, — констатировала А. Меркель после своей победы, — поскольку исчезают нормальные условия занятости. Нам придется заниматься тем, чтобы вновь сделать за-

---

[1] http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/Koalitionsvertrag/koalitionsvertrag.html.

нятость привлекательной в классическом смысле. Мы должны устранить зависимость между стоимостью труда и социальными затратами»[1].

Новое правительство добилось определенного успеха в этом направлении. Впервые уровень безработицы в Германии оказался меньше критической отметки 10,8% (2005) и составил в декабре 2006 г. 9,6%. По данным Федерального агентства по работе, количество немецких безработных сократилось в 2006 г. на 374 тыс. человек, в 2007 г. — еще на 200 тысяч[2].

Оздоровление экономики и социального обеспечения подразумевает не только создание новых рабочих мест, но и серьезное реформирование пенсионной системы и системы здравоохранения в целях уменьшения государственных затрат, а также совершенствование налогового и трудового законодательства Германии. Именно по этому пути и вынуждена была пойти «большая коалиция». Однако меры, направленные на уменьшение государственного участия и следовательно на сокращение государственных гарантий, вызывают страх и недовольство у населения, привыкшего за многие годы жить в условиях социального государства и не желающего менять сложившуюся в течение десятилетий социальную систему. Это отчетливо понимают правящие партии, как и то, что их коалиция носит временный характер. Из-за боязни потерять привлекательность для избирателей им трудно решиться на принятие радикальных мер. Любые предложения по реформам вызывают жаркие споры как между ХДС/ХСС и СДПГ, так и внутри этих объединений. Именно поэтому А. Меркель спустя год после образования «большой коалиции» выступила за «политику малых шагов» и призвала своих коллег говорить чаще «да, но» вместо употребляемого ими «нет, но»[3].

Особенно острая дискуссия среди партий разгорелась по вопросам здравоохранения, пенсионного обеспечения и введения минимальной оплаты труда. И хотя 2 февраля 2007 г. бундестаг все-таки одобрил проект реформы по здравоохранению (378 депутатов проголосовали за, 206 — против, а 8 — воздержались), количество сторонников обеих народных партий за первый год правления «большой коалиции» существенно снизилось[4].

---

[1] Merkel A. “Ich habe Antworten”, Spiegel-Gespräch; “Der Spiegel”. 2006. No 2. (09.01.2006); http://service.spiegel.de/digas/servlet/find.

[2] Dt. Arbeitsmarkt 2007. Prognose: weniger Arbeitslose!, http://www.vital-basis.de/nebenjobs/arbeitmarkt.php

[3] “Kleinstkarierte Spielchen” 09.10.2006, “Parteitag” 26.11.06; http://www. faz.net.

[4] “Pressemietteilung. 02.02.2006, Bundesmimisterium für Gesundheit”; http://www.die-gesundheitsreform.de.

Согласно результатам опроса, проведенного Институтом исследования общественного мнения в Алленбахе в октябре 2006 г., среди значительной части немецкого населения широко распространилось мнение, что ни один из партнеров по коалиции не заботится в действительности о решении насущных проблем. Около трети населения не видит в народных партиях необходимой настойчивости. Если летом 2005 г. незадолго до выборов только 33% опрошенных были убеждены в том, что ни одна из коалиционных партий не способна уменьшить последствия сокращений государственной поддержки и увеличения налогов, то к октябрю 2006 г. так думало уже 66%. Уверенность избирателей, что ни ХДС/ХСС, ни СДПГ всерьез не обеспокоены снижением расходов граждан, связанных с реформой здравоохранения, возросла за год с 33 до 55%. В такой же примерно пропорции (с 30 до 48%) увеличилась и доля тех, кто считает,, что ни одна из правящих партий не заботится о поддержании стабильности цен, обеспечении пенсий и улучшении психологического климата[1].

Народные партии ФРГ стали восприниматься населением в гораздо меньшей степени, чем в 2005 г., как сторонники защиты окружающей среды, сохранения высокого качества продуктов питания, улучшения условий для развития отдельных земель, социальной помощи гражданам и эффективного образования. Подобное отношение избирателей отрицательно отразилось на популярности этих партий.

Больше всего пострадал блок ХДС/ХСС. Число немцев, которые оценили этот союз как постоянно ссорящийся и потому разваливающийся, увеличилось с 32% в 2005 г. до 52% в 2006 г., и только 21% остались уверенными в его сплоченности. Впечатление, что среди ХДС/ХСС нет единства, особенно усилилось после споров в партиях относительно реформы здравоохранения. И хотя в СДПГ по этому вопросу также имелись внутренние разногласия, немецкие избиратели усомнились в способности ХДС/ХСС завоевать в обозримом будущем их симпатии снова: 45% опрошенных пришли к выводу, что в дальнейшем союз будет только ослабевать[2]. Популярность ХДС/ХСС среди населения в 2006 г. упала до уровня 1998 г., когда они уступили кабинет «красно-зеленой коалиции».

Не удалось завоевать доверие у избирателей и их партнеру по коалиции — СДПГ. Согласно проведенным исследованиям, спустя год после

---

[1] Allensbach-Analyse:"Gift für Demokratie" von Professor Dr. Renate Koecher; Frankfurter Allgemeine, 19. Oktober 2006: http://www.faz.net.

[2] Ibid.

создания «большой коалиции» избиратели засомневались в профессионализме социал-демократов прежде всего в тех областях, которые традиционно входили в компетенцию «зеленых»: это вопросы окружающей среды, новых источников энергии и качества продуктов питания. И хотя в целом СДПГ критиковалась по меньшему количеству направлений, чем ХДС/ХСС, число ее сторонников стало снижаться.

Усилить свои позиции за это время удалось лишь СвДП и партии левых: около 39% населения ожидают, что на следующих выборах они улучшат свои результаты. Рост популярности оппозиционных партий, включая зеленых, эксперты связывают не столько с привлекательностью самих партий, сколько с разочарованием избирателей в способности «большой коалиции» вывести страну из кризиса и осуществить реформы. По истечении первого периода совместного правления ХДС/ХСС и СДПГ у населения сложилось впечатление, что партии связали себя по рукам и ногам, создав правительственную коалицию, и едва ли смогут добиться провозглашенных в программе целей[1].

Потеря доверия избирателей — тенденция, характерная в принципе для всех немецких партий, и обозначилась она задолго до 2005 г. Последние выборы показали, что все меньшее количество граждан верят в то, что своими голосами они действительно определяют дальнейшее развитие государства и оказывают влияние на будущие решения правительства. С этой точки зрения можно говорить, что в Германии начинает проявляться новый взгляд избирателя на партийно-политическую систему страны. Помимо традиционного разделения на правый и левый фланги электоральное поведение начинает определяться структурой биполярного восприятия: партий, находящихся у власти (ХДС/ХСС), и СДПГ, с одной стороны, и оппозиционных (СвДП и «новых левых») — с другой, при сохранении зелеными особого положения. В разделении на реальную власть в лице народных партий и оппозицию, которую на прошедших выборах олицетворяли либералы и «новые левые», проявилась тенденция к переструктурированию немецкого политического пространства. Христианские демократы и социал-демократы оказались для избирателя как никогда похожими друг на друга политическими силами, основными чертами которых явился не только позитивный фактор — реальный опыт управления государством, но и его обратная сторона — неспособность решить актуальные проблемы страны.

В условиях все большего сближения в сознании населения образов ХДС/ХСС и СДПГ как несущих совместную ответственность за социально-экономическое развитие страны партии предприняли попытки

[1] Ibid.

конкретизировать свои политические программы и стать более понятными, узнаваемыми и привлекательными для избирателей. Следствием этого процесса стали острые внутрипартийные дискуссии о будущем партий и о том, как вернуть доверие населения. При этом партии второго эшелона, вместо того чтобы подыгрывать одной из ведущих политических сил, предпочли извлекать собственные политические дивиденды за счет критики правительственной коалиции.

В начале сентября 2007 г. четыре ведущих молодых политика союза ХДС/ХСС составили документ «Современный гражданский консерватизм. Почему союз должен снова обратиться к своим корням»[1], в котором упрекнули соратников по партии в недостаточно консервативной политике и высказали опасение, что ХДС/ХСС может потерять себя в «большой коалиции»[2]. Авторы документа считают, что без четко обозначенного консервативного профиля союзу ХДС/ХСС не удастся завоевать буржуазно-консервативное большинство Германии на выборах в 2009 г. Для достижения этой цели ему «по-прежнему необходимо оставаться политической родиной для патриотов своей страны, для убежденных христиан и консерваторов по духу». Ответом на изменения, происходящие в мире и обществе, должны стать такие традиционные «немецкие добродетели, как честность, надежность, дисциплина, прилежность, верность и порядочность». Учитывая распространившиеся во всей Германии в последнее время левые настроения, буржуазная альтернатива должна стать более видимой и ощущаемой для избирателей: «Наша политика должна стать узнаваемой. Ей необходим почерк, который не перепутаешь с другими. Мы не должны в политической жизни идти только на компромиссы»[3].

Одной из основ такой консервативной политики, по мнению молодых лидеров, должны стать меры по ограничению миграции. «Мнимый модернизм и релятивизм уже привели к потери общего смысла. Еще нерожденная жизнь, так же как и жизнь старых людей, нуждается в защите, и христианские символы должны сохранить свое место в обществе». Авторы документа считают, что немецкая культура должна оставаться «ведущей», поэтому главной предпосылкой для интеграции иностранцев в немецкое общество должно стать осознание его

---

[1] Авторы документа: Стефан Маппус (председатель фракции ХДС в Баден-Вюртемберге), Маркус Зёдер (генеральный секретарь ХСС), Филипп Мисфельдер (бундеспредседатель Молодежного союза ХДС) и Хендрик Вюст (генеральный секретарь ХДС в Нордрайн-Вестфалии).

[2] "Moderner Buerglicher Konservatismus. Warum die Unuon wieder mehr an ihrer Wurzeln denken muss" Dokumentation: Konzeptpapier der Union, faz.net.

[3] "Der Union fehlt es an Konservatismus", http://www.faz.net.

ценностей. «Не каждая модель жизни общества заслуживает, даже в рамках плюрализма, в одинаковой степени развития. Интеграционная способность нашей страны имеет свои границы. Ни одно общество не может принимать людей другой культуры в бесчисленном количестве. Поэтому мы отклоняем переселение, которое отягощает нашу социальную систему», — говорится в документе[1].

Другой важной составляющей консервативной политики ХДС/ХСС должно стать обращение к традиционному институту общества — семье. Молодые лидеры выступили за поддержку политики канцлера А. Меркель по созданию яслей. При этом, по мнению некоторых из них, деньги на воспитание должны получать и те родители, чьи дети не будут посещать ясли: «Союз должен сделать предложение всем семьям. Часто речь идет о том, какие условия мы можем создать для совмещения семьи и работы. Но не для всех семей работа имеет одинаково большое значение. Семья сама должна принимать за себя решения, а не государство».

Наиболее сильной критике в документе подвергся курс ХДС/ХСС в области защиты окружающей среды: «Идеологические шаблоны 1970-х гг. не продвинули нас дальше. Изменение климата недостаточно только признать, необходимо стараться задержать его. Помочь этому может строительство атомных электростанций, однако, они не должны заменить собой полностью газ и уголь. Если союз пойдет по такому пути, то совершит «фатальную ошибку». Авторы документа выступили против намерений министра сельского хозяйства — представителя ХСС Хорста Зеехофера — разрешить крестьянам разведение генетически измененных растений.

Молодые консерваторы не хотят, чтобы их воспринимали только как реакционеров. Предлагаемая ими политика должна быть понятна и близка не только элите общества, но и прежде всего обычным его представителям. «Упорные, но не упертые, открытые, но осторожные, свободные от предрассудков, но уважающие ценности. Консервативные в сердце — прогрессивные по духу» — такими они видят себя сами.

Инициативы четверки не осталась незамеченными. На партийном конгрессе, состоявшемся в Ханау осенью 2007 г., лидер ХДС/ХСС канцлер А. Меркель поддержала своих молодых коллег: «Такие добродетели, как прилежность и честность, не являются старомодными понятиями. Мы помним нашу культуру, мы привержены нашему отечеству»[2].

---

[1] Wulf Schmiese, "Konservativ im Herzen — progressiv im Geist", F.A.Z., 06.09.2007, Nr. 207 / Seite 4; http://www.faz.net.

[2] Wulf Schmiese, "Konservativ im Herzen — progressiv im Geist", F.A.Z., 06.09.2007, Nr. 207 Seite 4; http://www.faz.net.

Начало сентября 2007 г. оказалось нелегким и для СДПГ. Внутри партии разгорелись дебаты по вопросу целесообразности продолжения курса прежнего красно-зеленого правительства — «Повестки дня — 2010». Поводом для этого спора стала книга: «На высоте времени — социальная демократия и прогресс в XXI в.», которую представили общественности 3 сентября 2007 г. три ведущих политика СДПГ — министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер, министр финансов П. Штайнбрюк и бывший председатель партии М. Платцек[1]. В этой книге все трое высказались за продолжение реформ «Агенды 2010», которые были инициированы бывшим бундесканцлером Г. Шрёдером и П. Харцем. «Семь лет правления «красно-зеленой коалиции» не были потерянным временем. Вклад Г. Шрёдера стал решающим для того, чтобы поднять СДПГ в первом десятилетии этого столетия на вершину времени», — заявил баварскому радио министр финансов П. Штайнбрюк[2].

Защитникам реформ пришлось выслушать немало критики в свой адрес со стороны других членов партии. Председатель «Молодых социалистов» Б. Бёнинг предостерег их от инициирования новых опасных для СДПГ программных дискуссий: по его мнению, авторы книги «не дают ясных ответов на вопрос, как должна выглядеть правильная экономическая политика во времена глобализации». Не соответствует эта позиция и настроениям левого крыла партии, представительница которого Андреа Налес предостерегла коллег от провозглашения социал-демократами своей целью «создание социального государства консерваторов»[3].

Нервозности в обстановку добавил тот факт, что присутствующий на презентации книги председатель партии Курт Бек не выступил с собственным докладом, в котором бы выразил свое отношение к дальнейшему курсу СДПГ. Пресса заговорила о слишком мягком руководстве в партии. В результате К. Бек был вынужден прокомментировать ситуацию и выступить на заедании Совета СДПГ против того, что «некоторые политики за кулисами высказывают сомнения в его способности руководить партией». В интервью телевидению он призвал «перестать сводить счеты» и заявил, что не позволит, чтобы «призывы сзади, за которыми никто не стоит», мешали подготовительной работе партии в преддверии октябрьского съезда СДПГ. «У меня есть

---

[1] "Auf der Hoehe der Zeit — Soziale Demokratie und Fortschritt im 21. Jahrhundert".

[2] Stephan Loewenstein, Programmstreit. SPD uneins ueber Agenda 2010. 03.09.2007, http://www.faz.net.

[3] Ibid.

четкое представление о том, как социал-демократия должна осуществлять свои задачи. Мы не позволим себе совершить ошибку, несмотря на неблагоприятные опросы общественного мнения», — подчеркнул К. Бек[1].

И как бы в подтверждение его слов 28 октября 2007 г. Социал-демократическая партия Германии приняла на партийном съезде новую Гамбургскую программу всего лишь с двумя голосами против. Своей главной целью социал-демократы провозгласили «демократический социализм», основными ценностями которого являются свобода, справедливость и солидарность[2]. «Мы стремимся к мирному и справедливому мировому устройству, — говорится в преамбуле документа. — Мы выступаем за силу права, чтобы победить право сильных. Социальная Европа должна стать нашим ответом на глобализацию. Мы развиваем «ориентированное на будущее социальное государство», которое победит бедность, откроет для людей равные шансы самим определять свою жизнь, обеспечит справедливое распределение и застрахует крупные жизненные риски. Мы выступаем за связь поколений и равные шансы для мужчин и женщин. Мы предлагаем нашу поддержку семьям, нашу солидарность слабым. Мы выступаем за здоровый образ жизни и хорошее образование»[3].

Способствовать достижению заявленных целей по замыслу социал-демократов должна «хорошая работа, доступная для всех». «Мы не отказываемся от цели полной занятости, несмотря на возросшую за последние десятилетия безработицу в Германии, — говорится в программе. — Мы знаем, что эту цель достигнуть непросто. Глобализация изменила рынок труда. Поэтому полная занятость не означает для нас сегодня безоговорочную гарантию того, что каждый будет работать в одной и той же фирме всю жизнь. Полная занятость сейчас — это когда у каждого человека всегда есть шансы получить хорошую работу и соответствующую ей квалификацию. Необходимая квалификация, дальнейшее образование, воспитание детей, работа на дому, общественная и политическая работа должны получить соответствующее признание и поэтому быть застрахованы общественной солидарностью»[4]. Этому должны способствовать современное рабочее законодательство, хорошие условия для работы, защита

---

[1] Kurt Beck “Es ist jetzt gut”, 04.09.2007, http://www.faz.net.

[2] Hamburger Programm. Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. http://parteitag.spd.de (Text: S.8,9).

[3] Ibid. S. 3.

[4] Ibid. S. 29–30.

от увольнений, совместное участие в управлении и тарифная автономия. Для того чтобы большее количество людей смогли получить работу, в программе предусматривается сокращение рабочего времени, которое поможет сделать политику в области занятости более гибкой[1].

По мнению бывшего вице-канцлера и федерального министра по труду Франца Мюнтеферинга, хорошая работа подразумевает и соответствующую оплату. Поэтому во время своего выступления на партийном съезде в Гамбурге он потребовал введения узаконенного минимума оплаты труда. «Минимальная зарплата — это не социальная романтическая идея, а необходимая политическая основа, очень важная для сплоченности общества». Частичным успехом на этом пути могло бы стать, по мнению Ф. Мюнтеферинга, введение минимальный оплаты труда для почтовых служащих[2].

Другой важной предпосылкой для развития Германии, по мнению социал-демократов, является успешная интеграция переселенцев в немецкое общество. «Германия страна иммигрантов. Миграция обогатила нашу страну экономически и культурно. Она будет развиваться, и мы хотим подготовить наше общество к этому. Нам нужны квалифицированные переселенцы. Миграция предполагает интеграцию. Важно, чтобы к этому стремились обе стороны. Переселенцы должны интегрироваться, а мы создавать им для этого все возможности. Интеграция требует не только предоставления достойных шансов, но и ясных правил. Кто хочет воспользоваться этими шансами в Германии, должен знать и владеть немецким языком. Мы хотим улучшить предложения по образованию. Мы стремимся к натурализации переселенцев». При этом СДПГ не исключает возможности предоставления двойного гражданства. Тем, кто еще не получил немецкое гражданство, но уже долгое время живет в Германии, социал-демократы готовы предоставить право принимать участие в коммунальных выборах, даже если они выходцы из государств, не принадлежащих к Европейскому союзу[3].

Партийный съезд в Гамбурге, без сомнения, можно считать историческим, новой отправной точкой для социал-демократического движения. Он показал, что социал-демократы не только настроены на

---

[1] Ibid. S.30.

[2] "Müntefering: Mindestlohn keine sozialromantische Idee", http://parteitag.spd.de.

[3] Hamburger Programm. Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen auf dem Hammburger Bundesparteitag der SPD am 28. Oktober 2007. S. 30–31.

серьезную предвыборную борьбу, предстоящую в 2009 г., но и готовы предложить избирателям свой путь развития Германии — «демократический социализм». Такое «полевение» курса СДПГ не преминули отметить все политические силы Германии. Левые и зеленые подчеркнули свою солидарность с решениями партийной конференции социал-демократов. «Это приятно, что СДПГ все больше думает о социализме», — отметила председатель фракции зеленых Рената Кюнаст. А председатель партии Райнхард Бютикофер подчеркнул, что его партия «разделяет настоящие политические намерения к преобразованию», которые в своей вступительной речи обозначил председатель СДПГ К. Бек. Комментируя результаты Гамбургского съезда, председатели Левой партии в бундестаге Г. Гизи и О. Лафонтен отметили, что «СДПГ повернула в верном направлении, и что когда-нибудь настанет возможность для нахождения согласия, при котором нам нельзя будет не прийти к коалиции»[1].

По мнению председателя либеральной партии Г. Вестервелле, провозгласив своей целью «демократический социализм», социал-демократы очень отдалились от СвДП, сделав практически невозможным союз этих партий в будущем[2]. Кроме того, Гамбургская программа поставила под вопрос существование самой «большой коалиции». «На партийном съезде в Гамбурге СДПГ похоронили “Повестку дня — 2010”. Социал-демократы покончили с политикой реформ и повернули тем самым влево», — заявил он в и интервью немецкому радио[3].

Критически, но не без вздоха облегчения оценили новую программу социал-демократов и представители союза ХДС/ХСС. Канцлер А. Меркель охарактеризовала новую программу СДПГ следующим образом: «Мы не нуждаемся в воспоминаниях о социализме, как социал-демократы. От социализма мы достаточно натерпелись в ГДР». Генеральный секретарь ХДС Р. Пофалла констатировал, что, сделав уклон влево, социал-демократы тем самым освободили для ХДС место «народной партии центра»[4].

Именно это понятие «народная партия центра» стало центральным в новой программе ХДС, которую христианские демократы приняли вслед за СДПГ в начале декабря 2007 г. в Ганновере и которая

---

[1] “Zurück zum Sozialismus”, 29.10.2007, http://www.faz.net.

[2] Pressemitteilung vom 07.11.2007, Westerwellee-Interview für die “Freie Presse”, http://www.fdp-kleinmachnow.de.

[3] Westerwelle: Union macht Deutschland zum Geistfahrer der Weltwirschaft. Das aktuelle Interview, htpp://www.liberale.de.

[4] “Zurück zum Sozialismus”, 29.10.2007, http://www.faz.net.

была призвана подчеркнуть дистанцию для избирателей между двумя правящими партиями.

«ХДС — "народная партия центра", — констатируется в преамбуле документа, — в ней до сих пор сильны политические течения, которые предопределили ее возникновение после 1945 г.: христианско-социальные, либеральные и консервативные»[1]. По мнению христианских демократов, германское государство должно стать «обществом шансов», в котором граждане будут чувствовать себя свободными и защищенными. ХДС верит в способность и готовность граждан взять свои дела в свои руки. Главная задача христианско-демократической политики — «развитие собственной ответственности граждан». Там, где этого окажется недостаточно, государство готово «предоставить помощь для оказания самопомощи»[2].

Чтобы нести ответственность, человек должен развивать собственные силы и активность. Именно в семье происходит многостороннее развитие личности со всеми ее способностями. В семье человек впервые познает разницу между свободой и ответственностью. ХДС хочет усилить институт семьи и брака как фундамент общества и выступает за дружественную по отношению к семье и детям политику, за хорошее взаимодействие поколений. Поэтому одним из основных направлений христианско-демократической политики является создание возможностей для совмещения семьи и работы. «Мы хотим, чтобы те из нас, кто берет на себя ответственность и идет работать, получили широкую поддержку всего общества и были лучше включены в систему страхования и налоговую систему», — говорится в программе[3].

Основой экономической политики христианских демократов по-прежнему остается социальное рыночное хозяйство, которое позволяет гражданам участвовать в соревновании и тем самым выполняет важные функции не только для рынка. «Мы убеждены, что соревнование закаляет людей, выделяет лучшее из их способностей»[4].

ХДС выступает за создание «общества шансов» и требует равных стартовых шансов для получения образования и работы. Однако к этому не относятся различия в индивидуальных способностях граж-

---

[1] Das Grundsatzprogramm der CDU "Freiheit und Sicherhaeit. Gruendzaetze für Deutschland" beschlossen vom 21 Parteitag im Hannover 3–4 Dezember 2007. S. 2; http://www.grundsatzprogramm.cdu.de/doc/071203-beschluss-grundsatzprogramm-5-navigierbar.pdf.

[2] Das Grundsatzprogramm der CDU. S. 11.

[3] Ibid. S. 11.

[4] Ibid. S. 11.

дан: «Мы хотим создать равные шансы, но не обещаем одинаковых результатов». «Справедливость требует и соответствующей нагрузки, — отмечается в документе. — Поэтому вклад сильных для нашего общества должен быть более ощутимым, чем слабых»[1].

Целью политики ХДС является обеспечение внутренней безопасности, одна из составляющих которой — культурная идентичность общества, из которой люди черпают силу для преобразования своего будущего. Поэтому интеграция переселенцев в немецкое общество должна происходить на базе немецкой культуры. Это будет важным вкладом в культурную безопасность. Поскольку перед лицом мировых угроз внутреннюю безопасность едва ли можно отделить от внешней, то ХДС выступает за применение сил бундесвера внутри страны в случаях особой опасности[2].

Таким образом, 2007 г. стал решающим и для СДПГ и для ХДС. Обе партии приняли новые программы и зафиксировали в них свои политические цели на ближайшие 10–15 лет, начав тем самым подготовку к федеральным выборам 2009 г.

Состоявшиеся в 2008 г. земельные выборы еще больше усилили центробежные силы в «большой коалиции» и побудили правящие партии к новым политическим маневрам. Заметных успехов на этих выборах добились «новые левые». В десяти из шестнадцати земельных парламентов они представлены собственной фракцией, в двух — отдельными депутатами. Впервые им удалось попасть в ландтаг Гессена (5,1%) и получить 4,4% голосов в Баварии — традиционной вотчине ХСС. Наилучший результат партия левых продемонстрировала в Гамбурге, где она стала третьей по численности фракцией (175 депутатов), опередив тем самым зеленых (129) и СвДП (107)[3]. Таким образом, левая партия постепенно превращается в третью по силе партию в ФРГ. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в октябре 2008 г., она уже может рассчитывать на поддержку 28% избирателей в Восточной Германии. Это на 4% больше, чем у СДПГ (24%), и на 1%, чем у ХДС (27%)[4].

Такое заметное усиление позиций левых заставляет задуматься правящие партии, тем более что на сегодняшний день ни одна из них не может самостоятельно набрать более 40% голосов. Особенно это

---

[1] Ibid. S. 10–11.

[2] Das Grundsatzprogramm der CDU. S. 21.

[3] http://die-linke.de.

[4] ARD–Deutschland Trend: Sonntagsfrage West-Ost. Welche Partei würden Sie wählen, wenn am Sonntag Bundestagswahl wдre? http://www.welt.de.

относится к СДПГ, популярность которой существенно снизилась. В то же время как поддержка населением ХДС, несмотря на спад в 2006г., осталась примерно на прежнем уровне[1].

В сложившейся ситуации руководство СДПГ решилось на ряд важных кадровых перестановок, призванных преодолеть наметившийся кризис и объединить левое и центристское крыло партии вокруг авторитетных и сильных лидеров. Кандидатом на пост канцлера стал министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер, главой партии — ее бывший председатель Франц Мюнтеферинг, который в ноябре 2007 г. отказался от всех своих постов из-за тяжелой болезни жены. Тем самым с политического олимпа был вынужден уйти Курт Бек, который не только возглавлял до недавнего времени партию, но и являлся одним из главных претендентов на роль кандидата в канцлеры на выборах 2009 г. По мнению некоторых немецких экспертов, возвращение опытного стратега и политика Ф. Мюнтеферинга в игру должно изрядно осложнить положение А. Меркель и ситуацию внутри ХДС, которую могут вновь захлестнуть внутрипартийные дрязги, так как ее лидеры не обладают особой выдержкой и часто собственные интересы ставят выше партийных[2].

Конечно, А. Меркель пришлось непросто в борьбе против Ф. Мюнтеферинга и Ф.-В. Штайнмайера, за спиной которых стоит бывший федеральный канцлер Г. Шрёдер. Избирательная кампания 2005 г. показала, что эти политики способны не только быстро реагировать на меняющуюся обстановку, но и принимать нестандартные решения. Однако и сама канцлер обладает неплохими бойцовскими качествами и железной силой воли. Более того, будучи вице-канцлером и министром иностранных дел, Ф.-В. Штайнмайер не мог предпринимать резких выпадов против политики А. Меркель. Осложняла его маневренность и близость к Г. Шрёдеру, руководителем канцелярии которого он был до сентября 2005 г.

К началу осени 2009 г. позиции ХДС/ХСС и канцлера А. Меркель оказались более сильными, чем у социал-демократов. При этом итогом очередных выборов могли стать самые разные комбинации, в том числе и продолжение «большой коалиции».

Если говорить о более отдаленных перспективах, то одним из основных становится вопрос о возможности участия в будущем в коалиции федерального уровня левой партии. С присоединением ГДР

---

[1] ARD–Deutschland Trend: Sonntagsfrage — Verlauf. Umfrageergebnisse seit der Bundestagswahl. http://www.welt.de.

[2] Странный круговорот / Профиль. № 36. 29 сентября 2008 г.

к ФРГ и образованием «новых левых» на политическом горизонте Германии появилась пятая сила[1]. И хотя федеральные выборы 2005 г. и предвыборная борьба 2009 г. продемонстрировали, что пока с левыми предпочитают не кооперироваться, результаты земельных выборов свидетельствуют, что исключать такой возможности в будущем окончательно не следует. Кроме того, как показывает сегодняшняя ситуация с «большой коалицией» правящие партии предпочитают прятаться за формулой компромисса и уходить от ответственности за проводимую ими политику. Это усиливает электоральные симпатии к партиям «второго эшелона», что ведет к изменению привычного течения общегерманского политического процесса и дальнейшему становлению общефедераьной пятипартийной системы.

---

[1] См. также: *Иерусалимский В.* ФРГ: партийный ландшафт накануне выборов. (Часть первая) // Современная Европа. № 2. 2009. С. 129–142.

Раздел III. Внешняя политика Германии

Глава 4. ФРГ в европейском интеграционном процессе

Тотальное поражение во Второй мировой войне, возникновение биполярного мира, раскол нации и создание двух германских государств-антиподов, лишенных внешнеполитической самостоятельности, в корне изменили представления немцев о путях и средствах своего возвращения в круг независимых и полноценных участников новой системы международных отношений. Те, кто попытался воскресить традиционные формы германской внешней политики, потерпели фиаско, поскольку отсутствовала реальная почва для реализации классической модели — предоставления немецкому национальному государству статуса центральной европейской державы со всеми вытекающими последствиями. Конрад Аденауэр, будучи последовательнее и осмотрительнее, чем все остальные, сделал ставку на прозападную внешнеполитическую ориентацию ФРГ, которая предоставляла возможность восстановить суверенитет Федеративной Республики.

Для Аденауэра раздел Германии и Европы был не причиной, а следствием растущих противоречий между обеими сверхдержавами. Аденауэр считал, что в биполярном мире нейтральный статус для Германии, находящейся в центре столкновения интересов двух сверхдержав, полностью исключен. Он полагал, что безопасность Германии может быть обеспечена только тогда, когда Германия будет прочно включена в семью западноевропейских демократий. Вместе с тем Аденауэр надеялся на то, что сможет изменить роль Германии в этом

процессе, трансформировав ее из зависимого объекта в дееспособный и равноправный субъект европейской политики.

Эти соображения «великого старца» легли в основу «западноевропейского» направления внешней политики ФРГ, стержнем которого стало создание поначалу экономических, а позднее и политических наднациональных институтов будущего Европейского союза. И никто из глав западногерманских правительств после Аденауэра ни разу не подверг сомнению правильность избранного курса, который через интеграцию позволял повышать политическую роль ФРГ и укреплять ее международный престиж.

В. Брандт и Г. Шмидт подготовили в 70-е годы почву для смены международного амплуа Федеративной Республикой, которая к 80-м годам не только стала экономическим гигантом, но и переросла роль политического «карлика». Гельмут Коль осуществил эту смену. Если при Шмидте определились новые ориентиры во внутренней и внешней политике страны, то формально они закрепились с приходом к власти блока ХДС/ХСС. В 80-е годы ФРГ на деле стала «великой державой поневоле», как ее окрестил один из ведущих западногерманских специалистов в области внешней политики Кристиан Хакке.

4.1. Германо-французский тандем — локомотив европейской интеграции

При Г. Коле сбалансированность политики ФРГ ощущалась как в отношении США, так и в отношении Западной Европы, но прежде всего — Франции. Неудивительно, что уже 4 октября 1982 г. новоиспеченный канцлер ФРГ представился в Париже президенту Франции Ф. Миттерану. Западногерманский христианский демократ и французский социалист на удивление быстро нашли общий язык, что помогло правительству Федеративной Республики избежать выбора между США и Францией по принципу «или — или» и дистанцироваться от так называемых «евроголлистских» тенденций слева. Канцлер Г. Коль сумел найти разумный баланс в отношениях с США и Францией.

Начатая во Франции в 1981 г. дискуссия по вопросам политики безопасности отчетливо показала, что в будущем в области поддержания своей внешней безопасности Париж уже не сможет в одиночку противостоять военным и финансовым вызовам. Поэтому мощный западногерманский экономический потенциал должен был помочь Франции решить многие насущные вопросы, в противном случае без союза с ФРГ позиции Франции в Европе были бы значительно ослаблены.

При Гельмуте Коле экономическая кооперация стала стержнем двустороннего взаимодействия. Столкнувшись в начале 80-х годов с серьезными экономическими трудностями, Франция, так же как и ФРГ, встала перед необходимостью решения таких задач в своей экономике, как сокращение безработицы и обеспечение занятости, выравнивание торгового баланса и развитие наукоемких отраслей промышленности. Кроме того, наблюдалось сближение идеологических установок французских правящих кругов и западногерманских христианских демократов. Именно эти обстоятельства оказали большое влияние на определение внешнеполитического курса обеих стран. Таким образом, в основе расширения франко-западногерманского сотрудничества, которое заметно активизировалось с приходом к власти в ФРГ правительства христианско-либеральной коалиции, лежали объективные причины.

В новых условиях сотрудничество между Бонном и Парижем в военной области не только расширилось, но и углубилось. В ходе первых официальных консультаций между обеими странами 21—22 октября 1982 г. в Бонне Ф. Миттеран и Г. Коль договорились о проведении дважды в год совещаний министров обороны и иностранных дел для обсуждения различных военно-политических проблем, а также о создании комиссии по вопросам обороны и безопасности. Под эгидой комиссии были созданы три специализированные рабочие группы: по политическим и стратегическим вопросам, по военному сотрудничеству (т. е. согласование оперативного планирования и военного строительства) и по сотрудничеству в области производства вооружений. Подключение к этому механизму группы по ядерным проблемам предоставило ФРГ возможность обсуждать с Францией оперативные вопросы, связанные с использованием французских ядерных сил.

В декабре 1983 г. впервые после Второй мировой войны западногерманские танки пересекли французскую границу и совместно с французскими сухопутными войсками приняли участие в военных маневрах на территории Эльзаса. В феврале 1984 г. в Бонне состоялось совместное совещание членов комиссии по делам обороны и вооруженных сил Национального собрания Франции и их коллег из бундестага ФРГ. Новым шагом в деле углубления военного сотрудничества между обеими странами стала очередная франко-западногерманская встреча на высшем уровне в мае 1984 г. в загородном дворце Рамбуйе под Парижем. Было подписано соглашение о начале совместного производства нового противотанкового вертолета второго поколения. На встрече в Рамбуйе была также достигнута договоренность о создании двусторонней группы для разработки и осуществления запусков

военных искусственных спутников Земли. В общей сложности представители министерств обороны двух стран обсудили возможность разработки свыше 50 совместных проектов по производству вооружений, в том числе созданию нового боевого самолета.

Вместе с тем, развитие франко-западногерманского военно-политического сотрудничества в 80-е годы проходило не так гладко, как это может показаться на первый взгляд. В 1984–1985 гг. именно в этой важнейшей сфере двусторонних отношений, а также в области совместного производства вооружений в оси Париж–Бонн появились признаки некоторой напряженности. В наиболее острой форме франко-западногерманские разногласия проявились в области исследования и использования космического пространства. В январе 1985 г. Федеративная Республика дала понять, что в вопросе освоения космоса она больше доверяет США, чем планам «независимой космической Европы», которые вынашивал Париж. Отказавшись от участия в реализации французского проекта спутника военной разведки, западногерманское руководство постаралось смягчить этот отказ, предложив французам создать совместную комиссию по космическому планированию. Именно в это время в ФРГ начал активно дискутироваться вопрос об участии страны в американской программе стратегической оборонной инициативы (СОИ). Поддержка Бонном американских космических планов вызвала болезненную реакцию в Париже, поскольку это было связано с опасениями, что при определенных условиях ФРГ, участвуя вместе с США в разработке соответствующих программ и их реализации, может получить военно-стратегические преимущества перед другими западноевропейскими государствами.

В августе 1985 г. Франция и ФРГ приняли решение об установлении специального телефонного канала связи между Парижем и Бонном, который будет использоваться для срочных консультаций в «критических ситуациях». В январе и феврале 1986 г. Миттеран и Коль договорились об улучшении механизма консультаций по вопросу о применении французского «дострategического» ядерного оружия. Поскольку тактическое ядерное оружие могло быть применено либо на немецкой территории, либо с нее, правительство Коля–Геншера было заинтересовано в отлаживании консультационного механизма на случай войны или кризиса.

На встрече в верхах 28 февраля 1986 г. в Париже было подписано совместное заявление, определившее основные направления военного и политического сотрудничества на ближайшие годы[1]. Характерно, что

[1] "Europa-Archiv". 1986. Folge 9. S. D 235–D 237.

военное сотрудничество в этом документе стояло на первом месте. В сфере внешней политики заявление предусматривало тесную координацию действий путем проведения ежеквартальных совещаний министров иностранных дел и ежемесячных встреч руководителей политических, экономических отделов и отделов культуры ведомств иностранных дел. Франция и ФРГ зафиксировали в документе необходимость более активного сотрудничества между дипломатическими миссиями в третьих странах: важнейшие проблемы мировой политики должны обсуждаться французскими и западногерманскими дипломатами, как минимум, раз в квартал; сотрудники дипломатических представительств обеих стран должны разрабатывать совместные мероприятия и программы, а также обеспечить взаимную помощь в решении консульских вопросов, в обмене текущей информацией, в переводе и других делах. Кроме того, Ф. Миттеран и Г. Коль признали необходимым производить регулярный обмен персоналом министерств иностранных дел на уровне штабов планирования и отделов, занимающихся вопросами европейской безопасности, права и культуры.

Итоги франко-западногерманской встречи в верхах повлияли на развитие отношений и в других областях. 28 октября 1986 г. во Франкфурте-на-Майне было принято совместное заявление о культурном сотрудничестве, а до этого произошла либерализация пограничного контроля между обеими странами. С 1982 по 1986 г. было заключено совместных проектов (без учета военно-технических программ) на сумму 4 млрд марок.

Позитивное развитие событий на международной арене, прежде всего начавшийся диалог между СССР и США по вопросам ядерного разоружения, включая ликвидацию двух классов ядерных ракет в Европе, стало тем катализатором, который активизировал консультации между Парижем и Бонном, а также стимулировал принятие ими конкретных шагов в военно-политической сфере. Во-первых, продолжилось сближение военно-стратегических доктрин, согласно которым Франции и ФРГ отводилась первостепенная роль в натовской концепции «обороны на передовых рубежах». Следствием усиления «атлантических» тенденций во французском руководстве стало расширение участия Франции в военных мероприятиях, в частности в маневрах Североатлантического блока, несмотря на то, что она не является членом его военной организации. В сентябре 1987 г. в Баварии Франция приняла участие в самых крупных за весь послевоенный период франко-западногерманских учениях сухопутных войск под кодовым названием «Кеккер шпац», в которых были задействованы 55 тыс. солдат и офицеров 2-го армейского корпуса бундесвера и 20 тыс. военнослу-

жащих французских «сил быстрых действий». В ноябре в Карлсруэ была достигнута принципиальная договоренность о создании совместной бригады численностью 4200 человек.

После парламентских выборов в ФРГ в 1987 г. канцлер Г. Коль указал в своем правительственном заявлении на исключительную интенсивность франко-западногерманского сотрудничества, которое включает в себя «весьма развитую совместную концепцию европейской безопасности, общее представление о будущем Европы» и весь комплекс политической, экономической, технологической и культурной деятельности, подчеркнув при этом, что «ныне между Францией и Федеративной Республикой Германией существует такое единство воззрений и интересов, которое должно позволить сделать первые шаги и к оперативной единой внешней политике»[1]. Это заявление не только отражало целый ряд тенденций во внешней политике обеих стран, но и стало прологом для конкретных шагов навстречу друг другу, которые в совокупности объясняют общее и особенное в подходе Франции и ФРГ к решению проблем европейской безопасности.

По случаю 25-й годовщины Елисейского договора руководители обеих стран приняли два дополнительных протокола к Елисейскому договору. Согласно этим протоколам от 22 января 1988 г. были учреждены совместный Совет обороны и безопасности и франко-западногерманский экономический и финансовый совет. В первом должны были заседать главы государств и правительств, министры иностранных дел и обороны, а также руководители военных штабов обеих стран с периодичностью не менее двух раз в год. Во втором предполагались ежеквартальные консультации между министрами экономики и финансов, а также президентами центральных банков. В том же году начал свою практическую работу германо-французский совет в области культуры, в который были включены по десять ведущих деятелей культуры от каждой стороны.

Активизация двустороннего сотрудничества между ФРГ и Францией в 80-е годы имела своим следствием и наращивание усилий в сфере многосторонней дипломатии в рамках западноевропейской интеграции. В первой половине 1983 г. Бонн воспользовался своими председательскими полномочиями в ЕЭС, для того чтобы реализовать, насколько это возможно, «план Геншера–Коломбо», ориентированный на дальнейшее развитие так называемого «европейского политического сотрудничества» (ЕПС). Европейское политическое сотрудничество, частью которого стала внешнеполитическая интег-

---

[1] "Bulletin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung". 1987, 19. März. S. 217.

рация, включала в себя не только согласование позиций участников по тем или иным международно-политическим проблемам, но и методы практической реализации согласованного курса или отдельных его элементов. В свое время ЕПС сыграло важную роль в выработке единой позиции западноевропейских стран в ходе подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В рамках ЕПС рассматривались такие важные проблемы, как отношения Восток–Запад, политика ЕС в отношении развивающихся стран, подход к региональным конфликтам на Ближнем Востоке и в Центральной Америке, отношение к Южной Африке и др.

В октябре 1982 г. в Бонне во время франко-западногерманской встречи в верхах Франция заявила о своей полной поддержке проекта договора о создании Европейского союза, предусматривавшего комплекс мер по усилению политической интеграции стран — участниц ЕС, а уже 19 июня 1983 г. в Штутгарте главы правительств и министры иностранных дел «десятки» подписали «Торжественную декларацию о Европейском союзе», основу которой составил «план Геншера–Коломбо». Впервые за всю историю Сообщества в штутгартской декларации было официально провозглашено, что политическое сотрудничество между его участниками является столь же важным направлением, что и экономическая интеграция.

Накануне миланской сессии Европейского совета[1], которая состоялась в июне 1985 г., Франция и ФРГ разработали совместный проект по вопросам политического единства Сообщества, который предусматривал расширение практики принятия решений в ЕС большинством голосов, расширение полномочий Европарламента и т. п. Причем этот проект Г. Коль сопроводил заявлением, что в случае затяжки вопроса с принятием договора о Европейском союзе ФРГ вынуждена будет перейти к практике двусторонних переговоров с заинтересованными в этом государствами. Тем самым ФРГ продемонстрировала свою приверженность политике «двух скоростей» в Европе — использовать попеременно то многостороннюю, то двустороннюю дипломатию.

В декабре 1985 г. на люксембургской сессии Европейского совета было, наконец, решено заключить договор о сотрудничестве в области внешней политики, а также выработано соглашение о «Едином европейском акте», который был подписан 17 и 28 февраля 1986 г. в Люк-

[1] Европейский совет, появившийся в конце 60-х годов и действующий на основе консенсуса, является совещанием глав государств и правительств стран — членов ЕС. С 1975 г. совещания Европейского совета проводятся трижды в год и именуются сессиями. Фактически решения этого органа имеют директивный характер.

сембурге и Гааге. Этот документ обозначил первую реформу Римских договоров 1957 г. В некотором роде он представлял собой промежуточное, переходное решение проблем на пути к созданию в отдаленной перспективе Европейского союза. В процедуре голосования принцип единогласия был заменен принятием решений квалифицированным большинством, что, однако, распространилось на весьма ограниченный круг вопросов. В качестве первостепенной выдвигалась задача завершить к 31 декабря 1992 г. создание «единого внутреннего рынка», что предполагало начало свободного передвижения капиталов, товаров и рабочей силы, выравнивание в этих целях таможенных тарифов, налоговых систем, банковских и административных правил и многое другое. ФРГ заявила о своей готовности приложить максимум усилий, чтобы добиться этой цели к указанному сроку, поскольку, как было подчеркнуто в правительственном заявлении 1987 г., единый внутренний рынок является для западногерманской экономики «непреложной основой для возможности утвердиться в сфере мировой конкуренции». Еще одним важным итогом стало включение в документ таких институтов европейской интеграции, как Европейское политическое сотрудничество и Европейский совет. Последний не был предусмотрен учредительными документами Сообщества, но стал неотъемлемой частью ЕС. Вступление в силу Единого европейского акта 1 июля 1987 г. вызвало на берегах Рейна подлинную эйфорию. В Бонне заговорили о том, что европейское политическое сотрудничество поставлено отныне на прочную договорную основу.

Европейский совет, заседавший 26–27 июня 1989 г. в Мадриде, утвердил так называемый «доклад Делора», названный по имени президента Европейской комиссии. Это стало, собственно, днем рождения «экономического и валютного союза». Реализация данного поэтапного плана предполагала в монетарной области, во-первых, либерализацию перемещения капитала с 1 июля 1990 г., во-вторых, создание центральной европейской банковской системы, в-третьих, — валютного союза с твердыми обменными курсами, иными словами, с единой валютой. Ключевая роль в этом проекте отводилась Федеративной Республике Германии, которая традиционно числилась мотором западноевропейской интеграции. В конце концов, по прошествии почти четырех десятилетий с момента старта участников коллективного западноевропейского забега, передавая эстафетную палочку от правительства к правительству, ФРГ вышла в лидеры марафона, цель которого было политическое и экономическое объединение стран Западной Европы.

Одним из мощных стимулов активизации западноевропейского сотрудничества стало осознание того факта, что в начале 80-х годов США

и Япония совершили качественный скачок в развитии своих производительных сил, сосредоточив основное внимание на передовых технологиях, без которых немыслимы прогресс и развитие современного общества. Если Соединенные Штаты, имея около 630 тыс. научных сотрудников, тратили на научные исследования в начале 80-х годов около 45 млрд долл. в год, Япония с 350 тыс. научных сотрудников — 15 млрд долл., то страны Западной Европы — около 30 млрд долл. (численность научных кадров — 400 тыс.)[1]. Доля Европы в этот период в мировой торговле в области микроэлектроники составляла лишь 10%. Западноевропейским странам приходилось импортировать продукцию электронной промышленности из США и Японии. Таким образом, научно-техническое отставание от США и конкурентная борьба объективно поставили в повестку дня вопрос о необходимости дальнейшего интенсивного развития западноевропейской научной кооперации.

Необходимость развития перспективных наукоемких отраслей промышленности была вызвана также задачей борьбы с безработицей. Западноевропейские экономисты понимали, что в недалеком будущем предстоит структурная перестройка экономики под влиянием НТР и именно новые отрасли промышленности помогут путем привлечения трудоспособного населения в определенной степени решить проблему рабочих мест. Еще одна причина лежала в области поиска своих, «европейских», путей обеспечения безопасности. В частности, это было связано с курсом на модернизацию обычных вооружений, разработкой так называемых «интеллигентных», «умных», высокоточных видов оружия в рамках натовской доктрины «удара по вторым эшелонам противника».

Поводом к разработке планов по научно-технической интеграции стран Западной Европы послужило заявление президента США Р. Рейгана о «стратегической оборонной инициативе». В середине апреля 1985 г. министр иностранных дел Франции Р. Дюма направил своему западногерманскому коллеге Г.-Д. Геншеру письмо, в котором изложил соображения своего правительства относительно интенсификации западноевропейского сотрудничества в области науки и техники. В этом послании он указывал на необходимость срочного создания «Европы технологии», с тем чтобы начать равноправное сотрудничество с Соединенными Штатами и Японией. Он предложил создать «Европейское агентство по координации научных исследований», получившее впоследствии название «Эврика» (от *англ.* European

---

[1] Schwarz S. Die Beziehungen Bonn—Paris und die Profilierung Westeuropas als imperialistisches Zentrum // "IPW-Berichte". No 10/1986. S. 31.

Research Coordination Agency — EURECA). Программа, предложенная Р. Дюма, предусматривала реализацию гражданских проектов, однако параллельно исследования могли бы вестись, по его словам, «и в военной области».

В мае 1985 г. комитет бундестага по исследованиям и технологии рекомендовал правительству ФРГ присоединиться к французскому предложению. Эта рекомендация была одобрена в бундестаге всеми партиями, за исключением зеленых. С западногерманской точки зрения функция «Эврики» должна была состоять «в укреплении политической роли Западной Европы в мировом раскладе сил». Как подчеркнул Г. Коль, ввиду недостаточности национальных усилий в области разработки технологий будущего «только последовательная и целеустремленная кооперация способна на перспективу помочь Европе успешно конкурировать в силовом треугольнике с участием США и Японии»[1].

17 июля 1985 г. в Париже состоялась учредительная европейская межправительственная конференция по проекту «Эврика», провозгласившая своей целью создание Европейского технологического сообщества (ЕТС). В ней приняли участие министры иностранных дел и научных исследований 17 стран: 10 стран — членов ЕЭС и некоторых других западноевропейских государств (Испании, Португалии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Норвегии и Финляндии; после ее окончания к проекту присоединилась Турция, а в 1986 г. — Исландия). По ее итогам был в принципе одобрен проект «Эврика». Более или менее определились главные направления деятельности в рамках «Эврики». В частности, ФРГ и Франция договорились о сотрудничестве в реализации шести конкретных проектов, главным образом в сфере компьютерной технологии и робототехники общей стоимостью 6,7 млрд марок.

Через три месяца после учредительной конференции в Бонне на совещании рабочей группы, специально созданной для выработки и реализации программы мероприятий в рамках «Эврики», представители ФРГ, Великобритании и Италии оговорили свое участие в ней тем, что она не должна служить препятствием для их участия в американской «стратегической оборонной инициативе». Этим самым была продемонстрирована приоритетность технологического сотрудничества с США в рамках СОИ, что, естественно, осложнило дальнейшие переговоры об условиях участия в создании ЕТС.

---

[1] Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland, Helmut Kohl, zur Eröffnung der Zweiten EUREKA-Ministerkonferenz in Hannover am 5. November 1985 // “Europa-Archiv”. No 2/1986. S. D 37.

Определился к этому времени и стратегический курс страны в отношении этой программы — ограничиться минимумом государственных вложений, инициативу же предоставить частному сектору, преимущественно мелким и средним предпринимателям. Этот момент вкупе с активными попытками устранить из «Эврики» все авиакосмические или близкие к ним проекты заведомо поставил «Эврику» в положение Золушки, вынужденной быть на побегушках у своих богатых сестер, в роли которых выступала американская «стратегическая оборонная инициатива».

Впоследствии в рамках ЕТС обсуждались вопросы финансирования, создания европейского рынка сбыта продукции, новые направления НИР и широкое привлечение к ним частного сектора, а также поиск путей поддержки программы со стороны европейских профсоюзов. К моменту проведения 5-й конференции в сентябре 1987 г. в Мадриде программа «Эврика» объединяла уже 19 стран и 165 проектов. На конференции было одобрено 58 новых проектов. ФРГ изъявила желание участвовать в 17, в том числе в проекте «Евролазер». В середине 1990 г., т. е. в завершающей фазе двухполюсного мира, «Эврика» включала в себя 369 проектов на общую стоимость 15,6 млрд марок, в которых участвовали 1273 фирмы и исследовательских учреждения[1].

К началу 80-х годов ФРГ не удалось реализовать через ЕС главную цель своей «западноевропейской политики» — интегрировать внешнюю политику и политику безопасности государств Западной Европы. На это в Бонне, очевидно, и не рассчитывали, а поэтому был предпринят обходной маневр, который помогал одновременно убить двух зайцев: открыть широкую дорогу западногерманским компаниям к производству любых видов вооружений и повысить роль страны в координации военной деятельности и планировании в рамках Западной Европы. Этот маневр был осуществлен посредством реактивизации деятельности Западноевропейского союза (ЗЕС).

До начала 80-х годов деятельность ЗЕС носила консультативный характер и пребывала как бы в состоянии анабиоза. Свое значение союз оправдывал лишь тем, что, закрепив в своих документах запрет для ФРГ на производство атомного, химического и биологического оружия, а также ряд ограничительных мер по производству обычных видов вооружений, он имел право контроля за соблюдением этих положений. В 1980 г. по настоянию Бонна решением ЗЕС были сняты

---

[1] Schöllgen G. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 2001. S. 177.

ограничения на тоннаж при строительстве подводных лодок и надводных кораблей, после чего ударные боевые суда сразу же стали поступать на вооружение западногерманского флота.

ЗЕС являлся тем уникальным многосторонним международным органом, где непосредственно соприкасались военно-политические интересы ФРГ и Франции, учитывая, что последняя не была на тот период членом военной организации НАТО и не принимала участия в натовских органах, занимающихся вопросами военного сотрудничества и планирования. Очевидно, что членство ФРГ в Западноевропейском союзе не только содействовало сопряжению интересов безопасности между ФРГ и Францией, между НАТО и Западной Европой, но и открывало новые перспективы в сфере военно-политической интеграции стран Западной Европы.

12 июня 1984 г. в Париже в обстановке секретности состоялась однодневная сессия совета ЗЕС на уровне министров иностранных дел, на которой было принято решение о том, чтобы «вдохнуть жизнь» в организацию, об активизации деятельности ее руководящих органов, окончательном снятии с ФРГ запрета на производство обычных видов вооружений. Через несколько дней в Париже на ассамблее ЗЕС министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер заявил: «Европа и Америка составляют две опоры атлантического моста, они дополняют друг друга и нуждаются друг в друге. Поэтому исключительно важно, чтобы обе опоры были крепкими и устойчивыми. По обе стороны Атлантики слышны жалобы по поводу дисбаланса сил в союзе. Не США слишком сильны в союзе, а слишком слабы европейцы. Следует укрепить европейскую опору НАТО. Это означает, прежде всего, сведение воедино сотрудничества европейцев в области политики безопасности. Если это нам удастся, мы достигнем большего веса в Североатлантическом союзе и получим большее признание за рамками союза».

27 июня 1984 г. в Лондоне совет Западноевропейского союза по просьбе ФРГ при активном посредничестве Франции снял последние ограничения на производство Бонном наступательных вооружений. ФРГ удалось добиться также отмены ряда предусмотренных парижскими соглашениями контрольных мер, считавшихся в ФРГ «унизительными». Отказ от этих систем оружия, который в 1954 г. торжественно провозгласило в рамках ЗЕС правительство Аденауэра, в Бонне расценивался как «дискриминация». Отныне ФРГ было разрешено разрабатывать и выпускать все виды обычных вооружений, включая ракеты и бомбардировочную авиацию дальнего действия.

1984 год прошел под знаком празднования 30-летия образования ЗЕС. 26–27 октября по этому поводу в Риме состоялось внеочередное

совместное заседание министров обороны и иностранных дел стран-членов союза, на котором были приняты два важных документа — Римская декларация и документ об институциональной реформе ЗЕС. В декларации государства — участники ЗЕС определили задачи союза как инструмента координации деятельности в области политики безопасности. В документе обращалось внимание на растущее значение координации в вопросах обороны, включая разработку совместных стратегических и оперативно-тактических концепций ведения боевых действий и совершенствование взаимодействия воинских соединений. Наконец, Римская декларация предусматривала также для Западноевропейского союза возможность «контролировать кризисы за пределами Европы».

Несмотря на то что в октябре 1987 г. совет ЗЕС принял документ под названием «Платформа принципов европейской безопасности» (а по замыслам его авторов он должен был заложить базу для более тесного военного сотрудничества между странами «семерки»), те ожидания, которые возлагались на союз, не оправдались. ЗЕС так и не получил того влияния, да и не проявил той активности, какая требовалась от института западнеевропейской военно-политической интеграции. Более того, расширение союза за счет вступления в него Испании и Португалии, вопрос о котором был фактически решен на заседании совета министров ЗЕС весной 1988 г., несколько затормозил интеграционные процессы, поскольку усложнился процесс согласования и принятия решений.

К середине 80-х годов в правящей элите ФРГ формируется идея о том, что «европейский мирный порядок», а вернее, качественно новая неконфронтационная система отношений на континенте, является не только целью, т. е. идеальным конечным состоянием, но и средством для «воссоединения Германии». Строительство «общеевропейского дома» (преодоление «раскола Европы») представлялось ей возможным лишь на пути преодоления «раскола Германии», иными словами, на пути решения так называемого «германского вопроса» мирным путем. Руководитель Ведомства федерального канцлера, а позднее министр внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле писал: «Мы хотим преодолеть раскол Германии и Европы мирным путем, а именно с согласия наших соседей, а не вопреки им. Наша германская политика является одновременно европейской политикой, наша европейская политика — одновременно германской политикой»[1].

---

[1] Schäuble W. Europäische Friedensordnung // “Auslandskurier”. No 11/1987. S. 8.

В этой связи нельзя было не заметить значительных усилий западногерманского правительства по интернационализации, а точнее, по «европеизации» германского вопроса, что в принципе отражало возросшую роль Федеративной Республики в Европе и в мире в целом практически по всем параметрам — от военно-силового фактора до гуманитарных и экологических проблем. При канцлере Г. Коле «германская политика» значительно расширила свои рамки. Ее отдельные аспекты стали неотъемлемой составной частью не только «восточной политики», но и в немалой степени политики безопасности ФРГ, ее отношений с западноевропейскими партнерами в рамках ЕС. Сказывались они и на отношениях с США и НАТО и с развивающимися странами, в первую очередь там, где речь шла об осуществлении совместных экономических проектов.

При этом стремление западногерманских правящих кругов «европеизировать» германский вопрос, представить необходимость «воссоединения Германии» в качестве общеевропейской проблемы, от реализации которой будут зависеть развитие интеграционных процессов в Западной Европе, да и весь общеевропейский процесс, получило официальное одобрение Белого дома и нашло поддержку среди европейских военно-политических союзников ФРГ. Справедливости ради стоит заметить, что в то время никто всерьез не рассматривал возможность решения германского вопроса в обозримом будущем. Реальная расстановка сил вынуждала западногерманских политиков признавать, что решение германского вопроса «не стоит в настоящее время в политической повестке дня». На это указал и Г. Коль в правительственном заявлении 18 марта 1987 г. после выигранных парламентских выборов. Поскольку раскол Германии, заявил он, был результатом раскола Европы на противоположные друг другу военно-политические блоки, то и «осуществление германского единства» возможно лишь в перспективе в рамках «общеевропейского мирного порядка».

К началу 1989 г., т. е. к моменту празднования своего 40-летия, ФРГ была абсолютным лидером в Западной Европе. Западноевропейская интеграция принесла ей огромные выгоды в области вывоза капиталов и товаров. На рубеже 90-х годов Бонн направлял в страны — члены ЕС 53% своего совокупного общественного продукта. Если сюда прибавить экспорт в страны Европейской ассоциации свободной торговли — ЕАСТ (а в нее в тот период входили Норвегия, Финляндия, Исландия, Швеция, Швейцария и Австрия), то эта цифра составила целых 69%. Почти у всех европейских партнеров было налицо пассивное сальдо внешнеторгового баланса в их торговле с ФРГ. ФРГ про-

должала оставаться главным субсидитором Сообщества. Ее «чистый» вклад в бюджет ЕС составлял около 8 млрд марок в год.

Неудивительно, что в условиях размягчения политических структур в странах Восточной Европы и появления реальной перспективы распада некогда могущественной империи «реального социализма» мощный гравитационный центр, который стала представлять собой Федеративная Республика, как магнит притягивал к себе своего восточногерманского соседа. События в ГДР лета-осени 1989 г. объективно и вместе с тем внезапно поставили в повестку дня международной жизни вопрос о необходимости решения германского вопроса, следствием чего стало объединение 3 октября 1990 г. двух германских государств.

4.2. От европейских сообществ к Европейскому союзу

В числе важнейших задач, которые поставило перед собой правительство Г. Коля после германского объединения, западноевропейская интеграция заняла одно из приоритетных мест. И в этой области в отличие от других правящая коалиция ХДС/ХСС-СвДП добилась наибольших успехов. Канцлер Г. Коль преследовал честолюбивую цель войти в историю не только как объединитель Германии, но и как творец европейского единства[1]. Благодаря усилиям ФРГ — главного мотора западноевропейской интеграции — в начале 1993 г. был создан единый внутренний рынок ЕС, в который входили тогда 12 государств. По настоянию ФРГ западноевропейская валюта получила название «евро», а Центральный европейский банк разместился во Франкфурте-на-Майне.

Основной чертой западногерманской внешней политики была идентификация государственных интересов с интересами европейских и атлантических структур в ущерб национальным интересам, которые предполагали объединение двух германских государств. Очень важную (как с политической, так и с психологической точки зрения) роль играло развитие процессов европейского единства. Достижение полного суверенитета в политическом плане казалось возможным лишь в единой Европе. Место же дискредитированной немецкой идентичности должна была занять европейская. Немцы, как шутили иной раз наблюдатели, стремятся в Европу, чтобы перестать быть

[1] Воробьева Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2000. С. 66.

немцами. Не случайно многие политические деятели взяли на вооружение знаменитое изречение Томаса Манна о том, что немецкая молодежь должна стремиться «не к германской Европе, но к европейской Германии».

Очевидно, что после объединения Германии ее роль в Евросоюзе существенным образом возросла. Поэтому в Западной Европе усилилось ощущение, что благодаря своему экономическому, техническому, торговому и демографическому превосходству немцы все настойчивее будут выдвигаться на роль «первых среди равных». Это обстоятельство породило в Европе разноречивые эмоции. «Нью-Йорк таймс», например, в своих комментариях констатировала: «Советский Союз ушел, а Германия вернулась. Некоторые европейцы не могут избавиться от подозрения, что она просто взяла на вооружение новую тактику для достижения своей прежней цели — гегемонии на континенте»[1]. Некоторые политологи утверждали, что Германия уже сейчас обладает гегемонией в этом регионе «посредством расширения сферы своего влияния на Востоке и одновременно автоматического наращивания своей мощи». В Великобритании писали даже о появлении «четвертого рейха». В Париже, в свою очередь, опасались, что преодоление раскола Германии и Европы и соответственно перенос на восток геополитического центра Европы могут отодвинуть Францию на периферию континента и маргинализировать ее роль в европейских делах. В этой связи немецкие политологи подчеркивали, что после восстановления национального единства государственной целью ФРГ стала необходимость компенсировать наращивание мощи и суверенитета Германии посредством более тесной ее привязки к Европе, что требовало, в свою очередь, отказа от части национального суверенитета. Цель заключалась в европеизации Германии, а не в германизации Европы[2].

Немцы были, пожалуй, единственной нацией, которая столь горячо и с таким воодушевлением восприняла единую Европу как замену своей разрушенной после Второй мировой войны национальной идентичности и национальных традиций. С самого начала ни в одной другой стране континента не было людей, столь убежденно веривших в Европу и связывавших с ней свое будущее. «Для Германии нет альтернативы европейскому объединению, — подчеркивал канцлер Г. Коль. — Из всех стран Европы мы имеем наиболее протяженные

---

[1] "The New York Times". December 27, 1991.

[2] Haftendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945–2000. Stuttgart/München, 2001. S. 319.

границы и соответственно наибольшее число соседей». «После двух ужасных войн нашего столетия, — продолжал он, — мы живем уже 45 лет в условиях мира, а теперь с 1990 г. в объединенной Германии — в условиях свободы. У нас только тогда будет абсолютная уверенность в том, что все это и дальше останется так, если мы не ослабим наших усилий в деле объединения Европы»[1].

Крупнейшим совместным проектом Франции и Германии после Маастрихтского договора в начале 90-х годов стало введение евро. Обе страны проявляли к нему повышенный интерес. Париж хотел преодолеть наконец структурную асимметрию европейской валютной системы и ликвидировать доминантный статус немецкой марки. Бонн пытался, со своей стороны, отказавшись от второй резервной валюты в мире, форсировать создание политического союза, в котором, учитывая его центральное положение в Европе, он был заинтересован, как никто другой. Стабильность новой валюты должна была быть обеспечена жесткой бюджетной дисциплиной, санкциями за ее нарушение и контролем со стороны независимого института, которым должен был стать Европейский центральный банк. Членами же такого валютного союза могли стать только те государства, экономика которых отличалась бы стабильностью, а они сами полностью выполняли бы все закрепленные в договорном порядке экономические и фискальные требования.

Несмотря на различия в уровне подготовки проектов по политическому и валютно-экономическому союзам, они были предложены на рассмотрение Европейскому совету 9 и 10 декабря 1991 г. в Маастрихте и, в конце концов, одобрены главами государств и правительств Европейского сообщества. 7 февраля 1992 г. Маастрихтский договор о создании Европейского союза был подписан. После процедуры ратификации в одних странах и референдума — в других он вступил в силу 1 ноября 1993 г.

Договор базировался на трех «китах»: на реформированном Европейском сообществе, на Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ), предтечей которой было Европейское политическое сотрудничество (ЕПС), и на сотрудничестве в области внутренней политики и юстиции. В нем были закреплены важнейшие принципы организации объединенной Европы: принцип единого гражданства, приверженность единой политике в области образования, культуры и здравоохранения, а также согласованной региональной и природоохранной политике; сформулированы фундаментальные права граж-

[1] "Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung". 1993. Nr. 99. S. 1105.

дан ЕС. В связи с решением о введении единой валюты не позднее 1999 г. были утверждены требования к странам, претендующим на участие в этом проекте: в частности, уровень государственного долга не мог превышать 60% ВНП, бюджетный дефицит должен был сохраняться в пределах 3% ВНП и инфляция — не более чем на 1,5% превосходить среднее значение для трех стран с наименьшим ее показателем.

В результате подписания Маастрихтского договора стала необходимой одна важная поправка к конституции, затрагивающая сферу внешней политики. Новая «европейская» статья 23-я Основного закона уточняет, что Федеративная Республика Германия стремится к строительству объединенной Европы с демократической, социальной, федеративной структурой, основанной на принципах правового государства. Для этого ФРГ как федерация может «путем принятия закона, требующего одобрения бундесрата, передавать суверенные права», т. е. сознательно идти на ограничение внешнеполитического суверенитета. При этом важная роль в принятии решений по вопросам, относящимся к сфере Евросоюза, отводится бундесрату как представительству интересов земель на федеральном уровне.

Рассматривая ЕС в качестве центра, постепенно втягивающего в свою орбиту все новые государства, ФРГ, несмотря на возражения некоторых своих партнеров, решительно выступила за расширение Сообщества за счет приема стран, входящих в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), а также государств Восточной Европы[1]. В 1992 г. после трехлетних переговоров был подписан Договор о европейском экономическом пространстве, который регулировал доступ стран — членов ЕАСТ к внутреннему рынку ЕС. В начале 1993 г. был создан единый внутренний рынок ЕС, в который входили тогда 12 государств. Этот рынок, объединивший 345 млн европейцев, стал самым мощным по покупательной способности экономическим регионом планеты. Цели, которые поставило перед собой правительство Коля в 1991 г. на западноевропейском направлении, особенно в сфере экономики, оказались большей частью выполнены.

После Маастрихта в общественном сознании Германии возникли три не столько технические, сколько психологические проблемы: во-первых, Германия должна была отказаться от немецкой марки — источника гордости и самоутверждения после 1945 г. Во-вторых,

---

[1] Первое расширение ЕС состоялось в 1973 г., когда в него вошли Великобритания, Дания и Ирландия. Второе — в 1981 г. — Греция. Третье в 1986 г. — Испания и Португалия. Четвертое в 1995 г. — Австрия, Швеция и Финляндия. В 2004 г. к ЕС присоединились еще 10 государств.

немцам стало ясно, что в новой Европе бóльшая часть финансовых затрат ляжет на ФРГ. В-третьих, дискуссии об объединении Европы, которые велись во Франции и Англии, показали, что важнейшие страны, вместе с которыми Германия хотела основать и начать строить объединенную Европу, связывают с последней совсем иные цели и представления, нежели сама ФРГ. Ни Англия, ни Франция не думали и не думают отрекаться от национальной идентичности, отказываться от своих национальных интересов. Напротив, они стремятся к этой Европе лишь постольку, поскольку «могут рассчитывать благодаря ей на более эффективную защиту своих интересов, более успешное осуществление своих целей, связанных с заманчивой для них перспективой парализовать внушающую такой страх мощь объединенной Германии и поставить ее под свой контроль»[1]. При этом особая проблема для немцев заключается в том, что они не имели и не имеют возможности выразить свою волю путем демократического референдума[2].

Иллюзии, которые питали закоперщики выработки общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), быстро развеялись после фиаско с планом мирного урегулирования в бывшей Югославии. Выяснилось, что сообщество не обладает ни институтами, ни процедурами, которые обеспечивали бы возможность новой Европе говорить в вопросах внешней политики и политики безопасности одним голосом. Ввиду отсутствия реального прогресса в деле становления европейской архитектуры безопасности в рамках ЕС германо-французский Совет обороны и безопасности одобрил 9 декабря 1996 г. совместную концепцию по вопросам безопасности и обороны. Этот стратегический документ был ориентирован на усиление интеграционных процессов в материальной и концептуальной части военной политики двух государств в рамках общей европейской оборонной политики. Вместе с тем значительные разделы концепции свидетельствовали о том, что стратегическая оборона Европы должна обеспечиваться за счет НАТО, и особенно США. Тем самым Франция еще на одни шаг отошла от своей цели проводить самостоятельную европейскую политику в области безопасности[3].

---

[1] *Рормозер Г., Митрохин Л.* Объединенная Германия в кризисе // МЭ и МО. 1993. № 6. С. 128.

[2] Такие формы прямой демократии, как *референдум* или *плебисцит*, Основной закон ФРГ предусматривает лишь в виде исключения, а именно только в случае изменения территориальной структуры федерации (ст. 29).

[3] Bierling S.G. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Normen, Akteure, Entscheidungen. München, 1999. S. 289.

Прогресс наметился лишь в июне 1997 г. на саммите ЕС в Амстердаме. Согласно Амстердамскому договору, который страны — члены ЕС подписали 2 октября 1997 г. и который вступил в силу лишь 1 мая 1999 г., Евросоюз отныне начал располагать рядом инструментов ОВПБ, позволяющих ему осуществлять совместные оперативные действия. Однако выработку конкретной ОВПБ и ее дальнейшую трансформацию в общую политику в области безопасности и обороны из-за разногласий стран — участниц ЕС пришлось отложить на следующее тысячелетие.

В военно-политической сфере после распада биполярного мира и явного ослабления стратегических позиций России, Германия стала рассматривать государства СНГ как источник косвенных вызовов безопасности. Кризисы на посткоммунистическом пространстве в любом случае воздействовали бы на остальную Европу: через рост миграционных процессов, международной преступности, через возрождение национализма, региональные конфликты, экологические катастрофы. Поэтому обеспечение своей безопасности Бонн связал с решением комплекса задач, к которым, в частности, можно отнести стремление воспользоваться ситуацией и заполнить тот вакуум, который возник на востоке континента в результате исчезновения СЭВ, ОВД и СССР, усилив свое экономическое и политическое влияние на государства этого региона. Политика ФРГ была сориентирована на скорейшее практическое подключение стран Центральной и Восточной Европы к европейскому объединительному процессу. Очевидно, что в этом выразилось стремление ФРГ сформировать на базе таких стран, как Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, своего рода, «буферную зону» на пути влияния дестабилизирующих процессов, происходивших на всем пространстве бывшего СССР. «Санитарный кордон», который с таким трудом создавался Сталиным после Второй мировой войны как гарантия против немецкой военной угрозы, сменился в постбиполярную эпоху на свою противоположность.

Кроме того, Г. Коль и Г.-Д. Геншер рассматривали подключение реформируемых государств Центральной и Восточной Европы к Европейскому союзу как исторический шанс на примирение, ликвидацию барьеров послевоенного раскола Европы и на создание единой Европы. Они ожидали, что в этом процессе Федеративной Республике будет отведена роль моста, соединяющего Запад и Восток. Более того, в случае расширения ЕС на Восток ФРГ теряла свое опасное геополитическое положение выдвинутого на Восток форпоста Запада, которое она имела в период биполярного устройства мира. Еще одно соображение, которым руководствовалась политическая элита стра-

ны при этом, заключалось в том, что экономическая и политическая стабильность в странах Восточной Европы окажется той предпосылкой, которая вынудит население этих стран оставаться дома, а не стремиться на заработки в благополучную Германию. Немецкое население крайне опасалось огромного притока мигрантов из стран бывшего социалистического лагеря, что могло серьезно дестабилизировать внутриполитическую ситуацию, и так не вполне благоприятную в связи с издержками германского объединения.

В конечном счете, возобладало мнение, что в первую очередь необходимо принять в ЕС такие страны ЕАСТ, как Австрия, Швеция и Финляндия, и затем вплотную заняться углублением интеграционных процессов, иными словами, укреплением институтов сообщества и повышением эффективности их работы. То есть необходимо было вначале создать экономические, политические и институциональные предпосылки для масштабного расширения как в самом ЕС, так и в странах-кандидатах на вступление. Чтобы определить для этих стран перспективы европейской интеграции в 1991–1994 гг. для ряда восточноевропейских стран, прежде входивших в советскую зону влияния, — Польши, Венгрии, Чехии, а затем и Прибалтийских государств, Словении, Румынии и Болгарии были разработаны и заключены договоры о сотрудничестве с ЕС, так называемые «европейские договоры». К 1996 г. этими странами были поданы заявки на полное членство.

Еще в 1993 г. в Копенгагене Европейский совет принял процедуру, согласно которой любое расширение ставилось в зависимость от соблюдения трех критериев: наличия стабильных демократических институтов, жизнеспособной рыночной экономики, способности взять на себя обязательства Евросоюза или того, что называют «опытом Сообщества». Так, необходимо, чтобы страны-кандидаты могли обеспечить: стабильность институтов, гарантирующих демократию, правовой порядок, соблюдение прав человека и защиту национальных меньшинств, наличие функционирующей рыночной экономики. Кроме того, они должны быть способны справляться с конкуренцией и действием рыночных сил и иметь возможность принять на себя обязательства, в том числе политические, экономические и валютные, как полноправные члены Евросоюза. Еще одним немаловажным условием для стран-кандидатов стало установление добрососедских отношений с непосредственными соседями. Достижение этой цели предусматривала еще инициатива Франции, которая в 1994 г. выдвинула идею «Пакта стабильности для Европы».

На заседании Совета Европейского союза в верхах, которое проходило в декабре 1994 г. в Эссене и в котором приняли участие 21 глава

государств и правительств, была принята соответствующая концепция по поводу того, как проложить путь в ЕС для шести центрально- и восточноевропейских стран, проводящих реформы и связанных с ЕС «европейскими договорами» (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния и Болгария).

1 января 1995 г. Союз расширился за счет вступления в него Австрии, Швеции и Финляндии, и теперь в него стало входить 15 государств.

Европейская интеграция основана на признании государствами-членами «четырех свобод»: свободного (беспошлинного) распространения товаров, перелива капиталов, предоставления услуг и перемещения рабочей силы. И хотя в ЕС был создан единый внутренний рынок, обеспечение свободы перемещения людей тем не менее потребовало дополнительных соглашений. Формально соглашение о безвизовом перемещении граждан членов Союза и общей визы для граждан других стран было достигнуто еще 14 июня 1985 г. на встрече представителей пяти государств в люксембургском местечке Шенген. Однако соглашение было введено в действие лишь спустя десять лет — с апреля 1995 г. На границах между Германией, странами Бенилюкса, Францией, Испанией и Португалией был отменен персональный контроль, зато усилен паспортный и таможенный режим на внешних границах стран шенгенского соглашения. На конец 1997 г. из 15 стран — участниц Европейского союза к шенгенской конвенции о единой въездной визе присоединилось 10 государств.

Бонн энергично добивался подключения стран Центральной и Восточной Европы и Балтии к западноевропейским структурам безопасности, к признанным экономическим институтам Запада. Поэтому следующим шагом по выработке формулы отношений со странами-кандидатами стала компромиссная модель поэтапного подключения к ЕС, выдвинутая министром иностранных дел ФРГ К. Кинкелем. Она предполагала, что страны, не вошедшие в первую группу претендентов, выполнив необходимые условия, смогут подключиться к переговорам и перейдут в первую группу. Основанное на идее Кинкеля постановление было принято на саммите ЕС в Люксембурге 12–13 декабря 1997 г. Здесь было объявлено о том, что процесс расширения охватит все страны-кандидаты, но вступать в Союз они будут на индивидуальной основе, по мере достижения требуемой степени готовности. Европейский совет на этой же сессии принял решение о начале переговоров КЕС с пятью (помимо Кипра) «наиболее перспективными» кандидатами — Польшей, Чехией, Венгрией, Эстонией и Словенией по вопросу их вступления в ЕС.

Канцлер ФРГ Г. Коль много сделал для продвижения интересов ФРГ не только в Западной, но и во всей Европы в целом. И пусть не все его идеи и идеи его соратников удалось воплотить в жизнь, он смог претендовать на роль объединителя Германии и Европы. На специальном саммите Европейского совета в октябре 1998 г. главы государств и правительств ЕС провозгласили Гельмута Коля «почетным гражданином Европы». Этот титул был присужден до этого только один раз, и заслужил его француз Жан Монэ.

4.3. Германская Европа или европейская Германия?

«Внешняя политика Коля строилась под знаком Европы. Однако она не смогла предотвратить того, что с точки зрения политики безопасности атлантические связи разрыхлялись, и начали всплывать новые предубеждения в отношении США»[1]. В Федеративной Республике это коснулось прежде всего парламентской (в лице СДПГ, зеленых и ПДС) и непарламентской (в лице праворадикальных партий) оппозиции. Соображения необходимости сохранения стратегический связки США с объединенной Европой, не обладающей необходимой политической волей и такими военно-техническими ресурсами, какие есть в наличии у ее трансатлантического союзника (это, собственно, продемонстрировала война в Югославии), легли в основу договоренности об укреплении военного трансатлантического партнерства между тремя ведущими игроками НАТО — США, Францией и ФРГ. В январе 1993 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, начальник французского генерального штаба и генеральный инспектор бундесвера пришли к соглашению «в случае наступления состояния обороны» о полном переходе еврокорпуса, включая его французскую составляющую, под командование НАТО. Было также решено в случае необходимости предоставлять его подразделения натовским структурам для использования в рамках операций по мандату ООН и ОБСЕ. Все, что оставалось за рамками этих договоренностей, подпадало под юрисдикцию Западноевропейского союза, а позднее — ЕС. Таким образом, изначально франко-(западно)германская военная кооперация, дополненная в июне 1993 г. бельгийским, в ноябре 1993 г. испанским и в мае 1994 г. люксембургским

---

[1] Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Frankfurt/M–Berlin: Ullstein Verlag, 2003 S. 427.

участием, была прочно встроена в евро-атлантическую систему обеспечения безопасности.

Еще при Г. Коле внешнюю политику объединенной Германии при всех ее плюсах и минусах можно было охарактеризовать как «политику прагматичного реагирования»[1]. Данная линия принципиально не изменилась ни с приходом к власти «красно-зеленой коалиции», ни с переездом правительства в Берлин. Это, по существу, подтверждает и согласие большинства немцев с тезисом, который озвучил президент ФРГ Р. Херцог, а именно, что переезд из Бонна в Берлин является «переменой места, но не переменой ориентиров». Тем не менее, с учетом изменившихся внутри- и внешнеполитических реальностей постбиполярного мира, к которым добавились такие серьезные проблемы, как международный терроризм, угроза распространения ракетно-ядерных и двойных технологий, неконтролируемое поведение так называемых «стран-изгоев» и многое другое, правительство «красно-зеленой коалиции» должно было по-новому обосновать даже такие константы, как трансатлантическое партнерство и европейская интеграция.

Война на Балканах, а также угроза международного терроризма после 11 сентября 2001 г. продемонстрировали глубочайший кризис таких признанных институтов, как ЕС и НАТО. Принцип взаимоувязки деятельности этих организаций оказался на поверку дня неработающим. Нити принятия решений оказались в руках глав национальных правительств. Но последнее слово оставалось за США. При этом Франция, Германия или другие европейские государства ни в грош не ставились в Вашингтоне. Только правительство Блэра, действуя в тесном контакте с США, могло рассчитывать на поддержку администрации Буша-младшего.

В целом отношение в Германии к американской политике стало при Шрёдере более негативным. Одновременно в общественном мнении ФРГ произошел очевидный сдвиг в сторону Европейского союза. В сентябре 2003 г. 81% согласился с тем, что для германских интересов ЕС важнее, чем Америка (2002 — 55%). И только 9% отдали предпочтение США (2002 — 20%). Аналогичные ответы последовали на вопрос, должен ли ЕС стать такой же сверхдержавой, как Америка: 70% опрошенных высказались «за» (2002 — 48%), и только 8% встали на сторону США (2002 — 22%). Кроме того, немцы выступили за то, чтобы их страна играла более активную внешнеполитическую роль: 82% высказались за это и только 13% выступили за изоля-

---

[1] Haftendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945–2000. S. 389.

ционистскую позицию Германии (в 2002 г. соответственно — 65% и 23%)[1].

В правительственном заявлении от 29 октября 2002 г. Шрёдер определил германскую внешнюю политику как «политику в Европе, для Европы и как следствие этого, исходящую из Европы». Немецкая политическая элита твердо убеждена, что внешняя политика ФРГ не может рассматриваться в отрыве от общеевропейской политики. И объективно для этого есть все основания, прежде всего в финансовой области. Общий вклад ФРГ в бюджет ЕС в 2002 г. составил около 25 млрд евро — 25%. Чистые же выплаты Германии в бюджет ЕС превысили рекордную сумму в 9 млрд евро. Для сравнения заметим, что Франция с ее 0,7 млрд евро заняла всего лишь скромное седьмое место.

Канцлер Шрёдер подчеркивал, что целью «красно-зеленой коалиции» является создание близкого и понятного гражданам Европейского союза, ориентированного прежде всего на решение социально-политических и экологических проблем. Поэтому, как было заявлено, федеральное правительство будет выступать за расширение демократии и транспарентности и делать все возможное для укрепления Европейского парламента. Разработка общеевропейской политики в сфере обеспечения занятости (так называемый общеевропейский «Пакт занятости») была объявлена Г. Шрёдером одной из важнейших задач. Обещая делать все «лучше, чем Коль», и вести наступательную европейскую политику, учитывающую немецкие национальные интересы, он поддержал стратегические планы расширения европейских структур на Восток, т. е. на страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Предпосылкой этого должен был быть ряд реформ ЕС, в первую очередь реформа аграрной и финансовой политики, а также совершенствование европейских институтов. Следующая важная цель заключалась в укреплении внешнеполитической дееспособности Европейского союза, другими словами, совершенствовании совместной внешней политики и политики безопасности.

Что же касается экономической стороны объединения Европы, то Г. Шрёдер решил «восстановить равноправие». «Время, когда Европа процветала за счет Германии, ушло», — заявил он в Вене на ежегодном совещании глав правительств, министров иностранных дел и министров финансов стран ЕС. «Мы готовы и дальше выступать в качестве “мотора” Европейского союза, — сказал канцлер, — но это не значит, что мы будем оплачивать чью-то нерадивость, с этим пора кончать». Эти новые акценты с озабоченностью были

[1] Deutsch-amerikanische Beziehungen. Bonn, 2003. S. 11.

встречены как в Брюсселе, так и в других европейских столицах. Очевидно, что на позицию Г. Шрёдера повлияла экономическая ситуация в стране, от которой во многом зависела прочность позиций правящей коалиции.

Дабы не оказаться в проигрышном положении, Германия стремилась и стремится по своим правилам определять конфигурацию Европы будущего. Этим объясняется тот факт, что президент ФРГ Й. Рау, министр иностранных дел Й. Фишер и канцлер Г. Шрёдер озвучили планы трансформации институтов ЕС в некое федеративное государство по образу и подобию самой Германии. Немецкая модель реформы управления Евросоюзом предполагала:

- превращение Еврокомиссии в исполнительный орган с исполнительными функциями (хотя, учитывая настороженность Лондона и Парижа, она еще не будет называться правительством);
- ограничение уровня представительства стран-членов в Евросовете по примеру германского бундесрата;
- наделение Европарламента широкими законодательными полномочиями, включая возможность принятия бюджета, что автоматически ведет к ограничению суверенитета национальных парламентов.

Отсюда понятно, почему реформа наднациональных структур, предложенная руководством ФРГ, встретила прохладный прием со стороны остальных стран — членов ЕС, преимущественно Франции и Великобритании. Призрак супергосударства с засильем в нем Германии обеспокоил многих политиков Старого Света. Именно поэтому в 1999 г. на саммите ЕС в Берлине, когда с «Повесткой дня — 2000» были утверждены рамки финансирования будущего расширенного Европейского союза, Франция отказалась проголосовать за немецкое предложение о совместном финансировании в сфере аграрной политики.

Очередное столкновение франко-германских интересов произошло в 2000 г. на саммите ЕС в Ницце, который должен был в организационном плане подготовить Союз к расширению на восток. Собственно, и стратегический документ Европейской комиссии, одобренный в ноябре 2001 г. и предусматривавший прием в Евросоюз до десяти новых членов, был разработан по инициативе Германии. При этом ФРГ настаивала не только на расширении ЕС, но и на укреплении его институтов. В Ницце же, используя свой президентский пост, Франция смогла противостоять немецким требованиям распределять голоса и места в соответствии с количеством населения. Французское «нет» было не только проявлением национального

самосознания, но и выражением различных подходов к европейскому строительству.

Чем же объясняется разность в подходах Берлина и Парижа к европейской интеграции? Как и в отношениях с США, так и в отношениях с Францией определенным рубежом стали германское объединение и ликвидация противостояния Восток-Запад, которые заметно повлияли на геополитическое положение двух стран. Если раньше ФРГ постоянно выступала на политическом уровне как младший партнер Парижа, то с 90-х годов прошлого столетия она значительно прирастила территорию и население. Это поставило под вопрос бывшие параметры франко-германского сотрудничества в Европе. Париж видел в предстоявшем расширении ЕС на восток перспективу оттеснения себя на географические задворки Европы, в то время как Берлин все больше выдвигался в центр континента, имея возможность взять на себя функцию связующего звена между Востоком и Западом. Это привело к тому, что ФРГ стала сторонником расширения ЕС, а Франция, наоборот, — его институционального углубления. Новая расстановка сил принципиально изменила роль и вес Германии. Характерно в этой связи высказывание К. Хакке, который не без сарказма заметил, что «Франция скатилась до уровня локальной державы на задворках Европы, а Германия еще до объединения вновь возвысилась до важнейшей державы Европы»[1].

Особое место в проблематике расширения ЕС занимают германо-турецкие отношения и перспективы интеграции Турции в «Большую Европу» (саммиты ЕС в Хельсинки и Копенгагене в принципиальном плане дали «зеленый свет» на вступление этой страны в Евросоюз). В Федеративной Республике существуют две точки зрения по этому вопросу — «против» и «за» прием Турции в ЕС. Противники приема, на стороне которых стоят многие деятели из блока ХДС/ХСС, ссылаются, во-первых, на тот факт, что Турция с точки зрения географии не принадлежит по большей части к Европе, а ее политическая культура в значительной степени отличается от европейской (западной), и страна не исповедует демократические принципы западного образца. Во-вторых, с экономической и социальной точки зрения Турция — одно из самых слабых звеньев среди претендентов на вступление в ЕС. Среднедушевые доходы населения составляют 22% от среднего показателя по ЕС. Доля сельского хозяйства в совокупном общественном продукте составляет 12,1% (в ЕСв среднем — 2,1%). Уровень инфляции в ЕС в среднем не превышал в 2001 г. 2,3%,

[1] См.: Hacke C. Op. cit. S. 567.

в Турции он составил 57,6%. В том же году бюджетный дефицит в ЕС был зафиксирован на уровне 0,8%, в Турции — 28,7%[1]. Экономическая слабость страны потребует огромных финансовых вливаний, которые по подсчетам экспертов из Брюсселя составят 20 млрд евро ежегодно. Из них 5 млрд евро придется платить Берлину. В-третьих, с точки зрения демографии и темпов прироста населения ожидается, что в ближайшие 15 лет число турок превысит 80 млн человек и Турция отодвинет Германию по этому показателю в Западной Европе на второе место. Более того, Евросоюзу, прежде всего Федеративной Республике, следует настроиться на мощные эмиграционные потоки в свою сторону из Турции. Проблема же интеграции мусульманского турецкого населения в европейское культурное пространство остается по-прежнему очень острой. И эмиграция из Турции приведет не к образованию «мультикультурного общества», на что надеются социал-демократы, а к возникновению монолитной субкультуры, свидетелями чего мы уже сейчас являемся. Таким образом, комбинация экономической слабости и демографической мощи не делает привлекательным в обозримом будущем прием Турции в Европейский союз.

Точку зрения немецких противников приема Турции в ЕС разделяют и многие видные французские политики. Так, например, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстен в интервью газете «Ле Монд» 9 ноября 2002 г. заявил: «Турция — это страна, близкая к Европе, важная страна, у которой есть настоящая элита, но она — не европейская страна». Вступление Турции в ЕС, по его словам, означало бы конец Союза.

Сторонники интеграции Турции в ЕС, напротив, аргументируют положительным опытом сложившихся двусторонних связей[2]. Для них Анкара играет стратегическую роль, прежде всего, с точки зрения внутренней политики. Турецкая община, насчитывающая более 2 млн человек, является самой крупной зарубежной диаспорой в стране. Темпы получения ее членами германского гражданства поражают своей быстротой. Ежегодно гражданами ФРГ становятся около 80 тыс. ту-

---

[1] Winkler H. A. Grenzen der Erweiterung. Die Türkei ist kein Teil des "Projekts Europa" // "Internationale Politik". No 2/2003. S. 63.

[2] С 1952 г. Турция является членом НАТО. В сентябре 1963 г. между ЕЭС и Турцией был подписан договор об ассоциированном участии Турции в деятельности Сообщества. В этом договоре была определена перспектива эвентуального членства Анкары в ЕЭС. В 1995 г. между обеими сторонами был создан таможенный союз. В декабре 1999 г. в Хельсинки под мощным американским давлением главы государств и правительств ЕС договорились предоставить Турции статус кандидата на вступление в ЕС.

рок. В выборах в бундестаг 2002 г. приняли участие 500 тыс. турок[1]. Не менее важна роль Анкары для Берлина с точки зрения экономики. Торговые и инвестиционные потоки, осуществляемые в обоих направлениях 1100 немецкими фирмами в Турции и более чем 40 000 турецких фирм в Германии, растут настолько динамично, что Федеральный союз германской промышленности однозначно высказался 10 декабря 2002 г. за прием Турции в ЕС. В-третьих, нельзя не учитывать роль Турции как стратегического партнера по НАТО (а ее претензии на членство в ЕС постоянно поддерживаются со стороны США), имеющего выходы в Черное и Средиземное море, на Кавказ, в Центральную Азию, на Балканы и Ближний Восток. Таким образом, суммируя плюсы и минусы значения Турции как стратегического партнера ФРГ, не следует ожидать быстрого решения этой проблемы, которая стала серьезной головной болью для берлинских политиков уже в период правления канцлера А. Меркель.

Учитывая, что после войны в Косове государства — члены ЕС в очередной раз осознали свою беспомощность в решении вопросов войны и мира без вмешательства Америки, правительство Шрёдера–Фишера, будучи председательствующим в ЕС в 1999 г., активно повело линию на более эффективную разработку «европейской политики в области безопасности и обороны» (ЕПБО), институциональные рамки которой были определены Европейским советом в Кёльне в июне 1999 г. Там было принято принципиальное решение о трансформации ЗЕС как европейского оборонительного союза в интегральную составную часть ЕС, а также учрежден пост Верховного представителя ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности (ОВПБ).

Выступая перед Национальным собранием Франции 30 ноября 1999 г., Г. Шрёдер однозначно приветствовал французскую концепцию создания единой «европейской державы» в области оборонной политики и политики безопасности. При этом важно подчеркнуть, что ЕПБО не рассматривается как некий проект, составляющий конкуренцию НАТО в Европе. «Нужно совершенно четко различать, — пишет бывший советник Дж. Буша-старшего и Г. Киссинджера Дэвид Гомперт, — ЕС как авторитетного экономического партнера и ЕС как стратегического новичка. Поскольку его государства-члены в сфере экономической политики признали за союзом намного бóльшую ответственность, чем в области политики безопасности, то в первом

---

[1] Kyaw D. von. Grenzen der Erweiterung. Die Türkei ist ein Teil des “Projekts Europa” // “Internationale Politik”. No 3/2003. S. 51.

случае она выглядит достаточно авторитетно, убедительно и основательно, чего ей еще не хватает сегодня во втором»[1].

В целом, общая линия ЕС в этой сфере предполагает развитие постоянных военно-политических структур; взятие на себя государствами-членами обязательств по дальнейшему разворачиванию необходимых военных потенциалов, особенно в области стратегической разведки и стратегических транспортных потенциалов; углубление европейской кооперации в области производства вооружений, а также гибкое сотрудничество между структурами НАТО и ЕС. Причины для интенсификации ЕПБО лежат на поверхности, хотя Францией и Германией — лидерами интеграции — движут различные мотивы. Экономическая мощь Евросоюза явно преобладает над его политической силой и военным потенциалом. Неудивительно, что объединенная Европа хотела бы развивать политическую активность, включая ЕПБО, и за пределами ЕС, в том числе на Балканах, на Ближнем Востоке и, в конечном итоге во всем мире, а также укреплять «европейскую опору» в Североатлантическом союзе. Поэтому на саммите Евросоюза в Хельсинки в декабре 1999 г. было принято решение создать силами стран — членов ЕС до 2003 г. сухопутный контингент сил быстрого развертывания численностью 50–60 тыс. человек, а также дополнительно подразделения ВМС и ВВС, которые в совокупности могли бы быть в течение 60 дней приведены в боевую готовность и находиться в зоне оперативных действий по урегулированию кризисов и конфликтов в течение одного года. В ноябре 2000 г. в Брюсселе члены ЕС заявили о готовности предоставить для урегулирования кризисов 100 тыс. военнослужащих, 400 транспортных самолетов и 100 кораблей. Обещанный вклад Германии ограничился, однако, 30 тыс. солдат, из которых лишь 18 тыс. могли бы принимать участие в операциях, предпринимаемых Евросоюзом.

На заседании Европейского совета в Ницце в декабре 2002 г. все эти решения в области ЕПБО нашли документальное закрепление. При этом было подчеркнуто, что ЕС не стремится к созданию собственной европейской армии, а будет опираться на военный потенциал НАТО. НАТО, указывалось в документах совещания, продолжает оставаться для стран — членов ЕС «фундаментом коллективной обороны» и будет и впредь играть существенную роль в урегулировании кризисов. Вместе с тем было принято решение учредить в рамках Евросоюза Комитет по вопросам политики и безопасности, Военный комитет ЕС и Военный штаб ЕС.

---

[1] Gompert D.C. Akteur oder Statist. Die Rolle der Europäischen Union auf der Weltbühne // "Internationale Politik". № 1/2001. S. 17.

22 ноября 2002 г. министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер и его французский коллега Доминик де Вильпен, выступая перед членами Европейского конвента, выдвинули очередную инициативу, которая получила название «Совместные предложения в области европейской политики безопасности и обороны». В документе предлагалось трансформировать ЕПБО в Европейский союз безопасности и обороны, который мог бы содействовать дальнейшему становлению европейской опоры НАТО. Эта инициатива была конкретизирована в военно-практическом и военно-техническом плане в совместном заявлении Германии, Франции и Бельгии 29 апреля 2003 г. в Брюсселе. Однако, если вспомнить англо-американскую войну в Ираке, она не принесла с собой реального прогресса в становлении европейской политики в области обороны и безопасности.

История сыграла с европейцами, в том числе и с немцами, злую шутку. Ситуация с обеспечением их безопасности после окончания холодной войны объективно лучше, чем когда бы то ни было. Германия впервые в своей истории окружена одними друзьями. Отсутствие серьезной военно-политической угрозы на континенте привело к тому, что организационное формирование совместной европейской политики в области безопасности наталкивается на большие трудности. Даже первая со времен 1941–1945 гг. война в Европе на Балканах не смогла побудить европейцев своевременно поспешить ликвидировать эту брешь. В целом очевидно, что ограниченность средств, в том числе военных, усугубляет зависимость объединенной Европы от США. Это особенно стало заметно с расширением Европейского союза и появлением «линии напряженности» в вопросах проявления солидарности с Америкой между «старой» и «новой» Европой. Война в Ираке показала, что Евросоюзу еще очень далеко до выработки единой внешней политики и политики в области обороны и безопасности.

Известный российский «европеист» Константин Воронов подчеркивает: «Симбиоз европеизма с атлантизмом, крепкая сцепка ЕС с НАТО в военно-политической сфере не дают европейскому «центру силы» встать на ноги и заговорить своим голосом. Европа, с одной стороны, пытается сбалансировать США в мировой политике, а с другой, расхождения между старыми и новыми странами — членами ЕС подрывают ее исторический базис: франко-германскую ось и «мотор» интеграции»[1]. Роль Америки как «старшего брата» по отношению к Федеративной Республике и Европе в целом для французов всегда была бельмом на глазу, поскольку входила в противоречие с нацио-

[1] Независимая газета. 2003, 11 апреля.

нальными французскими и европейскими интересами. ФРГ, наоборот, рассматривала трансатлантическое партнерство как средство укрепления своих позиций в западных структурах в целом и утверждения себя как равноправного и надежного внешнеполитического партнера. В целом в треугольнике отношений ФРГ–Франция–США заметно снизилась зависимость Берлина от обоих стратегических партнеров, что усложнило позиционирование Германии в новой системе международных координат на фоне ее выросшего внешнеполитического влияния. Поэтому для Федеративной Республики стало труднее находить баланс интересов, что находит свое выражение в периодическом отступлении от традиционного принципа «как США, так и Франция» и переходу к новой формуле «ни то, ни другое».

Сотрудничество между Берлином и Парижем, несмотря на декларируемую преемственность и незыблемость базовых принципов, разворачивается в изменившихся условиях. Эти изменения касаются баланса сил между обоими государствами, их роли и статуса в европейской и глобальной политике, их интересов и внешнеполитической стратегии, их новой ответственности по отношению к европейской интеграции и странам Центральной и Восточной Европы. Поэтому связка Берлин–Париж испытывает серьезные перегрузки. После германского объединения обе страны смотрят друг на друга с одинаковых высот современного суверенного государства. Многократное в прошлом политическое превосходство Франции над ее немецким соседом сократилось сегодня до места постоянного члена Совета Безопасности ООН, до ядерного потенциала сдерживания, а также до таких понятий, как «франкофония» и «заморские территории». Да и здесь в скором времени, как уверены немецкие эксперты, придется вычесть ряд величин. В недалеком будущем Германия планирует занять место постоянного члена Совета Безопасности. Франкофония постепенно сходит на нет и воспринимается Парижем все менее серьезно, чем другими франкофонскими младшими партнерами. Предпринятая Францией в первой половине 90-х годов попытка продемонстрировать свои ядерные преимущества путем проведения ядерных испытаний завела ее впервые после войны в Алжире в международную изоляцию. Заморские территории все больше будут терять для Франции свое значение и могут стать проблемными регионами не только для страны, но и для всего Евросоюза[1]. Если французы

[1] Koolbom I. Frankreich und Deutschland: die neuen Akzente // Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3: Interessen und Strategien. Hrsg. von Karl Kaiser u. Joachim Krause. München, 1996. S. 124.

преследуют цель стратегической автономии Европы, то немцы видят в европейских структурах не альтернативу, а дополнение к НАТО.

Стала ли прежняя особая роль, которую Франция играла в германской внешней политике, менее значительной в условиях Берлинской республики или все это было внешним проявлением тактических разногласий между Берлином и Парижем? Эволюция двусторонних отношений, прежде всего выработка совместной позиции по войне в Ираке, говорят все-таки в пользу второго. Опросы общественного мнения, проведенные в январе 2001 г., показали, что 81% французов и 86% немцев считают «хорошие германо-французские отношения» «существенной» или «важной» предпосылкой для процесса европейской интеграции[1].

Для интенсификации двустороннего диалога и улучшения рабочего климата между двумя странами в конце января 2001 г. в небольшом эльзасском местечке под Страсбургом — Блэсхайме обе стороны инициировали так называемый «Блэсхаймский процесс», который предусматривает помимо уже имеющихся механизмов двусторонних консультаций проведение каждые шесть недель неформальных встреч за закрытыми дверями и бесед между президентом Франции и канцлером ФРГ, а также министрами иностранных дел. Данные встречи представляют собой своего рода «меры по укреплению доверия»[2], которые достаточно эффективно работают, возможно, именно потому, что о них ничего или почти ничего не становится известным общественности, и потому, что они позволяют в узком кругу обсуждать чувствительные для обеих сторон темы.

Этот доверительный, не доступный для ушей широкой общественности диалог помог в течение 2001 г. добиться консолидации франко-германского взаимодействия. Французские проблемы с либерализацией энергетического рынка, немецкие проблемы со свободой передвижения в связи с расширением ЕС на восток, периодические франко-германские разногласия в отношении строительства военно-транспортного самолета А400М — все это удалось смягчить накануне саммитов Европейского союза в Гётеборге и Лэкене.

Осенью 2001 г. Франция и ФРГ договорились создать совместную рабочую группу, которая занялась бы вопросами глобализации, и впервые обозначили в качестве цели разработку европейской кон-

---

[1] Zervakis P. A. von Gossler S. 40 Jahre Elysée-Vertrag: Hat das deutsch-französische Tandem noch eine Zukunft? // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 3–4/2003. S. 10.

[2] Guérot U. Leerlauf im deutsch-französischen Tandem // "Internationale Politik". No 1/2002. S. 34.

ституции. 22 февраля 2002 г. под руководством бывшего французского президента Жискара д'Эстена начал свою работу Конвент по выработке единой европейской конституции. На Европейском совете в Брюсселе в октябре 2002 г. Берлин и Париж договорились в общих чертах по вопросам финансирования процесса расширения ЕС на восток и по проблемам совместной аграрной политики (САП)[1]. В ноябре 2002 г. они опубликовали Совместное заявление по вопросам политики безопасности и обороны для Европейского конвента, в начале декабря 2002 г. представили совместные предложения по углублению сотрудничества в области юстиции и внутренней политики. 15 января 2003 г. канцлер ФРГ Г. Шрёдер и президент Франции Ж. Ширак направили в Европейский конвент согласованные предложения по институциональной архитектуре ЕС, включавшие в себя необходимость учреждения поста европейского министра иностранных дел и введения голосования по важнейшим внешнеполитическим вопросам по принципу квалифицированного большинства. По случаю 40-летнего юбилея подписания Елисейского договора было проведено совместное заседание парламентов двух стран, и дата 22 января даже была объявлена «германо-французским днем». Но все эти инициативы не могли скрыть того факта, что двусторонние отношения с недавних пор находятся не в лучшем состоянии.

Взаимоотношения Германии и Великобритании характеризовались как стабильные и динамично развивающиеся. Также как и с Францией, между ФРГ и Великобританией каждые полгода проводились встречи на высшем уровне, укреплялось многостороннее экономическое сотрудничество. Тогдашний президент ФРГ Р. Херцог, находясь с государственным визитом в Соединенном Королевстве в декабре 1998 г., дал следующую оценку отношениям между двумя странами: «Несмотря на все различия, связанные с историей обоих государств, а также на национальные особенности, отношения немецкого и британского народов характеризуются дружбой и взаимопониманием».

---

[1] Было решено с 2007 г. заморозить расходы на аграрную политику на уровне 2006 г. При этом следует иметь в виду, что из 100 млрд евро, которые составляют бюджет ЕС, 48 млрд идут на покрытие расходов в аграрном секторе. Учитывая, что ФРГ является крупнейшим субсидитором Союза — 25% (на Францию приходится лишь 17%) и что Франция получает обратно от ЕС примерно 20% влагаемых средств, то разрыв между затратами обеих стран в САП выглядит достаточно внушительно. В то время как Франция получает из САП на 2 млрд евро больше, чем вкладывает, Германия же отдает примерно на 5,2 млрд евро больше, чем получает обратно (Guérot U. Annäherung in der Agrarpolitik. Trägt der deutsch-französische Kompromiss? // "Internationale Politik". No 11/2002. S. 55).

Кабинет Шрёдера стал одним из наиболее настойчивых в Европе в подготовке мер, которые предотвратили бы негативные процессы в расширяющемся ЕС и снижение дееспособности органов Евросоюза. Видимо, сказывается опыт, накопленный страной в ходе почти 15-летней адаптации Восточной Германии после объединения страны. Германия сыграла определяющую роль в одобрении летом 2004 г. Европейской конституции. Но дальнейшие события вновь продемонстрировали, что прогресс в европейской интеграции, во-первых, определяется волей народов государств-участников, во-вторых, во многом, если не во всем, зависит от согласия и нахождения общих позиций между Германией и Францией. Лишь от случая к случаю германо-французский тандем дополняется германо-итальянскими и англо-французскими инициативами. И когда между ФРГ и Францией явно проявляется растущая конкуренция за власть и влияние, тогда «европейский мотор» начинает работать с перебоями.

29 мая 2005 г. референдум во Франции по поводу Европейской конституции дал ошеломляющий результат: 55% французов из пришедших к урнам для голосования, высказались против принятия Основного закона для единой Европы в составе 25 государств. Еще более удручающими были результаты референдума в Голландии 1 июня того же года: свыше 60% проголосовавших высказались против Европейской конституции. Шок от этих событий был настолько велик, что вынудил глав государств и правительств стран — членов ЕС спустя буквально две недели, 16 июня на саммите в Брюсселе, взять «тайм-аут на размышление».

4.4. Станет ли Европа самостоятельным игроком в многополярном мире?

Германия стала после объединения «центральной европейской державой», что не повлияло в принципиальном плане на основы ее внешней политики. Евросоюз продолжает оставаться в центре немецких внешнеполитических интересов и вне зависимости от состава правительства ФРГ старается и будет стараться сохранить за Германией роль «локомотива и интеграционного ядра». После досрочных парламентских выборов это еще раз было подтверждено в коалиционном договоре между ХДС/ХСС и СДПГ, который был подписан 18 ноября 2005 г. и получил название «Совместно за Германию — с мужеством

и человечностью»[1]. В договоре подчеркивается, что «европейское объединение и атлантическое партнерство не являются своими противоположностями, а составляют важнейшие основы» внешней политики Германии и ее отношений тесной дружбы и сотрудничества с Францией, с Польшей и другими ее соседями, с Соединенными Штатами Америки, а также с Россией.

Первостепенное значение Евросоюза для ФРГ нашло свое подтверждение и в первых вояжах за рубеж нового канцлера ФРГ. Свой первый зарубежный визит А.Меркель нанесла в сопровождении нового министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера (СДПГ) в Париж 23 ноября 2005 г., где встретилась с Ж. Шираком. Во время состоявшей беседы она подчеркнула, что отношения тесной дружбы и сотрудничества, исторически сложившиеся между обеими странами, «должны постоянно наполняться жизнью».

Правительству «большой коалиции» предстояло решить три важные задачи на европейском направлении своей внешней политики: во-первых, определиться по новым кандидатам в члены ЕС, во-вторых, подготовиться к посту председателя в Евросоюзе в первом полугодии 2007 г., в-третьих, выработать и предложить своим европейским партнерам стратегический план по имплементации Евроконституции, поскольку от ее вступления в законную силу зависит углубление интеграционных процессов и срастание Европы в единый правовой организм.

По первому пункту в декабре 2006 г. бундестаг и бундесрат дружно проголосовали за прием в ЕС Румынии и Болгарии 1 января 2007 г., оставив на время за скобками Турцию, Хорватию и другие балканские страны. Дальнейшее расширение союза на ближайшую перспективу, по мнению правящих кругов ФРГ, должно быть приостановлено до тех пор, пока не будет ясности с принятием Евроконституции. «Углублению интеграции — да, непрерывному расширению — нет», — провозгласила правящая коалиция, ясно дав понять, что хочет в первую очередь зафиксировать внешние контуры ЕС. «Политическая структура без границ нежизнеспособна», — говорилось в заявлении кабинета, убежденного в том, что возможности по расширению на данном этапе исчерпаны.

Вместе с тем, дабы по периметру Евросоюза не был возведен новый «железный занавес», для наиболее перспективных с точки зрения будущего членства в ЕС стран, таких, например, как Украина или Гру-

---

[1] См.: Gemeinsam für Deutschland — mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin, 11.11.2005.

зия, Берлин разработал «развитую политику соседства», которая должна «базироваться на общих ценностях» и гарантировать «приобщение» этих государств «к безопасности и благосостоянию». Даже Турции правящий блок ХДС/ХСС собирался предложить не более чем «привилегированное партнерство», однако вынужден был последовать скоординированному решению ЕС на продолжение переговоров о ее будущем участии в союзе при условии признания Анкарой членства Никосии в таможенном союзе ЕС и открытия турецких аэропортов и гаваней для кипрских воздушных и морских судов[1].

Что касается председательства Германии в ЕС в первой половине 2007 г., то его девизом стало «Совместно строить Европу», а главным событием — торжества на уровне глав государств и правительств 25 стран в Берлине 25 марта по случаю 50-летия подписания Римских договоров. В ходе встречи в верхах было подписано так называемое «Берлинское заявление» об исторических и культурных основах общеевропейской идеи и задачах, стоящих перед ЕС. Среди приоритетов своего председательства в Евросоюзе Берлин выделил продолжение конституционного процесса, развитие общей внешней политики и политики безопасности, обеспечение большей конкурентоспособности европейской экономике, науке и образованию, борьбу с негативными климатическими изменениями, с международным терроризмом и организованной преступностью. Особое место в европейской стратегии Германии заняла так называемая «новая последовательная восточная политика ЕС», включающая в себя заключение нового договора о партнерстве с Россией. Свою задачу Берлин видел в том, чтобы во время своего председательства «теснее привязать» Россию к ЕС.

В МИД ФРГ была разработана соответствующая концепция, цель которой состоит в том, чтобы «сделать необратимым политическое,

---

[1] В декабре 2006 г. Еврокомиссия обнародовала доклад о будущем расширении Евросоюза на «приоритетных» направлениях — балканском и турецком. В нем власти Турции были подвергнуты критике за замедление темпов реформ, неспособность гарантировать основные права и свободы, а также уладить отношения с Кипром. Главная претензия Еврокомиссии — отказ Анкары от ранее взятого обязательства открыть воздушные и морские порты в Турции и непризнанной Турецкой республике Северного Кипра для кипрских судов. Еврокомиссия предупредила Анкару, что «невыполнение обязательств в полном объеме повлияет на весь процесс переговоров». Тревожится Евросоюз и по поводу пыток заключенных, отсутствия гражданского контроля над армией, подлинной независимости судебной системы и свободы деятельности профсоюзов. Еще надо положить конец дискриминации женщин и «представителей немусульманских религий», решить «серьезные социальные и экономические проблемы» турецких курдов, о которых ЕС упомянул впервые. Глава МИД Турции Абдуллах Гюль признал «наличие недоработок» и сообщил о «решимости Анкары соответствовать всем критериям ЕС».

экономическое и культурное взаимопереплетение ЕС с Россией, ее закрепление в Большой Европе». Ее девизом (по аналогии с девизом политики разрядки В.Брандта «изменение через сближение») является «сближение через диверсификацию связей». В качестве главных тем «новой восточной политики ЕС» были определены новые подходы к решению обеспечения Европы энергией и энергоносителями, к решению «замороженных» этнотерриториальных конфликтов и трансферт западноевропейских правовых стандартов и демократических ценностей.

Выстраивание «восточной политики» ЕС в отношении России ФРГ видит через призму развития отношений со странами Центральной Азии и расценивает преимущественно как «энергетическую внешнюю политику». По расчетам немецких экспертов импорт ЕС энергии и энергоносителей из России и Центральной Азии в ближайшее время может возрасти вдвое. Через 20 лет Евросоюзу придется считаться с тем, что 90% ввозимого энергосырья будет поступать из стран с «недемократическими режимами». Поэтому задачей «восточной политики» ЕС является создание стабильного и предсказуемого энергетического альянса как с экспортерами, так и с транзитными государствами постсоветского региона. По мнению Берлина, не в интересах Евросоюза, если Россия и Центральная Азия полностью переориентируются на Азиатско-Тихоокеанский регион. Трансферт демократических ценностей на постсоветском пространстве должен сочетаться с реальной политикой. Этому должны были бы способствовать меры по укреплению доверия, как, например, получение Евросоюзом статуса наблюдателя в ШОС и прием стран Центральной Азии в Совет Европы.

Возобновление конституционного процесса в Евросоюзе после сбоев во Франции и Нидерландах продолжало оставаться чуть ли не главным приоритетом германской европейской политики. В правительственном заявлении в этой связи подчеркивалось, что, поскольку «Европейский союз является политическим союзом, ему нужен основополагающий документ, регулирующий в ясной и понятной форме его устройство. Конституционный договор ЕС, подписанный всеми правительствами и поддержанный большинством стран-членов, как и прежде, является для этого наилучшей основой». Еще 15 июня 2006 г. саммит ЕС в Брюсселе уполномочил правительство ФРГ подготовить в первой половине 2007 г. доклад, который содержал бы предложения по имплементации Евроконституции с прицелом на завершение конституционных дебатов до конца 2008 г. Германское руководство хотело, чтобы Конституционный договор вступил в силу до

очередных выборов в Европарламент в 2009 г в ходе председательства в ЕС Франции. Однако его расчеты потерпели фиаско.

С 1 января по 30 июня 2007 г. Германия председательствовала в Европейском совете глав государств и правительств под девизом «совместно строить Европу». За указанный период было проведено 3 заседания Европейского совета: 8–9 марта в Брюсселе, 24–25 марта в Берлине (внеочередное, посвященное 50-летию подписания Римских договоров) и 21–23 июня в Брюсселе.

Осознавая всю важность председательских функций в ЕС как лично для канцлера ФРГ А.Меркель (к началу председательства всего год выполняла функции главы правительства и не имела достаточного опыта в сфере внешней политики), как для ведомства канцлера, взявшего на себя функции координатора «европейской политики» и стремившегося доказать свою компетентность и высокий профессиональный уровень, так и в целом для Германии, пользующейся славой «мотора европейской интеграции» (чистый «вклад» ФРГ в бюджет ЕС в 2008 г. составил 19,7%, или 23,6 млрд евро), своей главной целью правительство ФРГ поставило разработку предложений по выводу ЕС из конституционного и структурного кризиса. Само понятие «Конституция для Европы» стало в ЕС непроходным, однако реформы, связанные с необходимостью принятия конституционного или адекватного ему договора, в своей субстанции должны были быть сохранены и продолжены. Поэтому А. Меркель заявила, что реализации этой цели удастся добиться только в том случае, «если все государства-члены будут едины в том, что Европа должна двигаться вперед и что Европа должна говорить единым голосом в глобальном мире, когда речь идет о вопросах экономики, о социальных ценностях и совместной внешней политике и политике в области безопасности».

В качестве председателя в расширившемся до 27 членов ЕС Берлин вычленил пять узловых направлений своей деятельности.

1. Придание новых импульсов **конституционному процессу** в плане принятия основополагающего документа, который бы четко регламентировал, как устроена Европа. Оглашение Берлинского заявления 25 марта 2007 г. и связанные с 50-летием Римских договоров торжества стали тем импульсом, который позволил в конечном итоге преодолеть конституционный кризис в ЕС. В Берлинском заявлении главы государств и правительств ЕС подтвердили незыблемость послевоенных общеевропейских ценностей (свобода, справедливость, демократия, правогосударственность и уважение прав человека), а также обязательство создать до 2009 г. обновленную базу европейского интегра-

ционного процесса, подразумевая под этим основополагающий (конституционный) документ.

После интенсивных консультаций 23 июня в Брюсселе Европейский совет утвердил план дальнейшего реформирования Союза. Преодолев возражения Польши и Великобритании, Германии удалось достичь компромисса в изменении формата общеевропейского Основного закона и придания ему статуса «Договора о реформе» ЕС. При этом в неизменном виде остается около 90% содержательной части документа, что позволяет говорить о сохранении «субстанции» основополагающего договора. Были приняты во внимание возражения англичан в отношении «юридически обязательного характера» Хартии основных прав, которая-де нарушает действующее право Великобритании. Поэтому она была изъята из «Договора о реформе», хотя и сохранит юридическую обязательность для всех стран, за исключением Великобритании, за счет специальной отсылочной статьи. Таким образом, на всем пространстве Евросоюза будет гарантирована всеобъемлющая защита основных прав и свобод личности.

Также по настоянию англичан (опасения в отношении возникновения супергосударства под названием «Европа») было решено отказаться от государственной символики и от введения поста министра иностранных дел. Вместо этого «Высокий представитель Европейского союза по внешней политике и политике безопасности» объединит в одном лице функции уполномоченного ЕС по внешней политике и комиссара ЕС по внешним делам, получив в дополнение статус вице-президента КЕС и мощную организационную подпорку в виде Европейской внешнеполитической службы. КЕС получит в качестве своего руководителя президента, избираемого Европейским парламентом, а Евросоюз — президента Совета с полномочиями на два с половиной года. Отмена полугодового председательства по принципу ротации, считают в Берлине, укрепит стабильность в работе организации. Кроме того, до 2014 г. запланировано сократить число членов (комиссаров) Комиссии с 27 до 15 при сохранении принципа ротации.

«Договор о реформе» предполагает возрастание роли национальных парламентов, которые в случае вторжения, по их мнению, в национальную компетенцию смогут в течение 8 недель внести в ЕС возражения против тех или иных готовящихся к принятию актов. Повышается статус и Европарламента, который в будущем будет на равных с Советом министров принимать участие в утверждении бюджета ЕС, а также в принятии большинства других важных решений.

С 2014 г. изменяется механизм голосования: в силу вступает принцип «двойного большинства» (был зафиксирован в проекте конститу-

ции и предполагает принятие решений при согласии 55% стран-членов с общим населением не менее 65% ЕС). Он сужает поле применения права вето со стороны стран-членов (квалифицированное большинство теперь требуется в 181 случае против 137 ранее), что особенно важно, по мнению немецких экспертов, для сферы юстиции и внутренних дел (на них распространяется принцип квалифицированного большинства), поскольку позволяет Евросоюзу укрепить единое «пространство безопасности». В вопросах налоговой, внешней политики, а также в некоторых других областях сохраняется принцип единогласия.

2. Укрепление роли Европы как глобального актера в мировой политике и международных отношениях. На внешнеполитическом треке задача германского председательства состояла в том, чтобы повысить и соответственно использовать вес Европы для решения многих актуальных внешнеполитических конфликтов, в том числе содействовать стабилизации ситуации на западных Балканах и их сближению с ЕС, углублению отношений с Россией и Центральной Азией, а также расширению сотрудничества со странами Ближнего Востока.

В целом, считают в Берлине, во время председательства Германии в ЕС немцам удалось укрепить роль Союза в формате «восьмерки» и в мировой политике, прежде всего за счет акцентирования таких тем, как охрана климата и природы, проблемы Африки и энергобезопасность. Была достигнута договоренность учредить в рамках секретариата Евросовета «гражданскую штаб-квартиру» для повышения эффективности планирования и осуществления гражданских миссий (Афганистан, Косово), а также для упрощенной координации действий между гражданским и военным сегментами управления кризисными ситуациями. Между ЕС и ООН было подписано заявление о кооперации в области кризисного управления.

В рамках проведения «Европейской политики соседства» (ЕПС) германское председательство подготовило обзор отношений с восточными и юго-восточными соседствующими с Европой регионами, указав на значительный прогресс в сотрудничестве с Украиной (начало переговоров об углубленном сотрудничестве с ЕС, подписание соглашения об упрощении визового режима и о реадмиссии) и Молдавией (завершение соответствующих переговоров). По инициативе Берлина 22 июня с.г. была одобрена «Центральноазиатская стратегия», которая вплотную связана с «новой восточной политикой» ЕС. В отношениях ЕС с Россией (за исключением вступления в силу 1 июня с.г. соглашения об упрощении визового режима и о реадмиссии) немцы не могут констатировать прогресса ввиду отсутствия подвижек в начале переговоров о заключении нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС).

Как успех характеризуют немцы выработку в рамках Евросоюза единой позиции по «ядерному досье» Ирана, по БВУ (возобновление деятельности ближневосточного «квартета») с более активным подключением к мирному урегулированию арабских государств, в отношении продолжения переговоров о вступлении Хорватии и Турции в ЕС. В вопросе Косова, не выходя за рамки есовской солидарности в плане неукоснительного претворения в жизнь «плана Ахтисаари» по статусу региона, германская дипломатия была в то же время инициатором смягчения позиции Брюсселя в отношении Белграда и возобновления «предвступительных» переговоров с Сербией.

В целом же чувствительные неудачи председательства Германии в ЕС, такие, как нерешенность вопроса о финансировании проекта «Галилео», стагнация Дохийского раунда переговоров ВТО, ликвидация поста министра иностранных дел, серьезные расхождения между членами Евросоюза в вопросах ТПР ПРО и выстраивания отношений с Россией, свидетельствуют об отдалении перспективы выработки единой внешней политики и политики безопасности ЕС.

3. Уделение особого внимания **борьбе с изменением климата и защите окружающей среды**. В рамках этой задачи Берлин стремился содействовать выработке общеесовской позиции по защите климата в мировом масштабе после 2012 г. (истечение срока Киотского протокола), единой общеевропейской стратегии в области **энергоснабжения и энергобезопасности**, ориентируясь на повышение энергоэффективности, развитие возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий, на налаживание более тесного сотрудничества между поставщиками, транзитерами и потребителями энергии, ликвидацию зависимости темпов экономического роста от количества расходуемой энергии.

8–9 марта на саммите ЕС в Брюсселе страны-члены взяли на себя обязательство повысить в энергозатратах долю возобновляемых видов энергии (в эту категорию входит энергия воды, воздуха, солнца и биомассы) до 2020 г. на 20%, повысить энергоэффективность путем увеличения на 10% добавок в топливо биомассы, а также дополнительно (на 12%) сократить выбросы CO_2 в атмосферу в период 2012–2020 гг.

4. Содействие **конкурентоспособности, экономическому росту ЕС и решению проблемы занятости** в контексте решения социальных и экологических проблем, укрепление правовой базы экономической конкуренции для европейских предприятий, научных исследований и инноваций. В качестве конкретных мер в этой области немцы подчеркивают важность достижения согласия о создании единого европейского платежного пространства, о координации систем социаль-

ного страхования, решения об учреждении до конца 2007 г. Европейского технологического института, о создании совместной европейской системы обеспечения безопасности полетов (SESAR), введения дешевой общеевропейской мобильной связи.

5. Дальнейшие усилия по **формированию пространства свободы, безопасности и права** и в этом контексте продолжение борьбы с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной миграцией. Интенсификация общеевропейского сотрудничества на уровне полиции и прокуратуры. В этих областях страны ЕС договорились об интенсификации диалога со странами-поставщиками и транзитерами нелегальных мигрантов и о выработке механизмов улучшения условий для легальной миграции, имея в виду выход за пределы Средиземноморья и распространение «зоны особого внимания» на соседние восточные и юго-восточные регионы. Для улучшения борьбы с терроризмом и организованной преступностью действие так называемого «Прюмского договора» об обмене данных было введено в правовое поле Евросоюза.

Официальный Берлин высоко оценил итоги председательства страны в ЕС. Главный вывод — благодаря далеко идущим компромиссам немцам удалось не только не потерять лицо на международной арене и удержать на высокой планке имидж Германии, но и «не выплеснуть с водой ребенка», иными словами, не похоронить процесс евроинтеграции. Население ФРГ также положительно оценило итоги председательства Германии в ЕС: 76% охарактеризовали их как «важные» или «очень важные»; 65% немцев приветствуют членство в Союзе, что на 8% больше, чем полгода назад.

Отдавая должное умелому тактированию, упорству и выдержке канцлера ФРГ, которая при игре в «европейский покер» делала ставки, немыслимые для нее в сфере внутренней политики, аналитики отмечают, что немецкое председательство, как минимум, проторило дорогу крайне необходимым институциональным реформам в ЕС, которые в начале года считались почти провальными. Вместе с тем, все достигнутые немцами компромиссы, по их мнению, носят типично есовский характер — они «мало понятны обычным гражданам, в правовом же отношении — бесконечно сложны, запутанны, приправлены чисто есовской риторикой, да и их реализация отодвинута в долгий ящик».

Договор о реформе ЕС был торжественно подписан в Лиссабоне 13 декабря 2007 г., однако фиаско с референдумом в Ирландии по договору, затяжки с его ратификацией в Чехии, а также мировой финансово-экономический кризис — все это на фоне усилившейся франко-германской конкуренции за право лидерства в ЕС в ходе французского председательства заметно укрепило позиции евроскептиков в Герма-

нии. Если же ирландский референдум в очередной раз провалится, то это, как подчеркивают немецкие аналитики, неимоверно затянет процесс оформления новой архитектуры ЕС и обернется «крупномасштабным институциональным кризисом». А этого никто не хочет ни в Берлине, ни в Париже. Все это свидетельствует о том, что достигнутый уровень европейской интеграции не может быть существенным образом уплотнен. Против ожиданий «отмирания государства» говорит и то обстоятельство, что Европейский союз — сама по себе система регионально организованных государств, — со своей стороны, включен в более широкую систему государств. А желающие вступить в ЕС ни в коем случае не захотят полностью отказаться от своей государственности. При этом, учитывая сложную структуру взаимосвязей внутри таких систем, как ЕС и НАТО, а также между членами и нечленами этих систем, неизбежно возникновение очагов напряженности. Негативную реакцию могут продемонстрировать и уже демонстрируют те государства, которые по тем или иным причинам с настороженностью относятся к окрепшей Германии и воспринимают ее как одну из доминант в европейской или мировой политике. Примером этому служит резкое обострение отношений между Варшавой и Берлином в 2006–2007 гг., поводом для которого послужила проблематика «изгнанных» и вынужденных переселенцев, не к месту реанимированная правым крылом ХДС, прежде всего депутатом бундестага, президентом «Союза изгнанных» Э. Штайнбах. Дело дошло до срыва очередной встречи в рамках «Веймарского треугольника (ФРГ–Франция–Польша).

Поэтому, как считают отдельные эксперты, Федеративная Республика должна взять на себя инициативу развивать кооперацию и создавать коалиции прежде всего с ключевыми членами ЕС — Францией как с одним из основателей Союза, Польшей как важнейшим представителем «новой Европы» и Великобританией как стратегическим партнером США[1]. Эта четверка должна составить интеграционное ядро и центр по выработке эффективной общеевропейской стратегии в области внешней политики и политики в области безопасности.

Не менее важен внутриполитический консенсус по отношению к европейской интеграции в самой Германии, которая в настоящее время испытывает серьезные экономические трудности, подрывающие, в свою очередь, властные позиции правящей коалиции. В этой связи на себя обращает внимание главный структурный фактор, повышающий вероятность перехода трений между Берлином и Брюссе-

---

[1] Maull H. W. Auf leisen Sohlen aus der Aussenpolitik? // “Internationale Politik”. No 9/2003. S. 29.

лем в латентную фазу[1]. Он обусловлен вольно или невольно подпитываемым политическим руководством ФРГ общественным мнением, согласно которому высокие выплаты в бюджет ЕС не компенсируются немцам в политическом плане, как, например, это имело место с представительством Германии в Совете министров. Да и немецкие научные выкладки продолжают доказывать, что хотя Германия по существующим критериям и кажется экономически мощной державой, на деле демонстрирует в политической сфере, в области кадровой политики и других вопросах свою беспомощность по сравнению с Францией или Великобританией.

Не следует также забывать, что на интеграционный процесс будет, наконец, влиять отношение к нему со стороны России, но прежде всего США, торговый оборот которых с ЕС превышает 1 млрд евро в день. И если Вашингтон видит в этом процессе подрыв своих позиций в Европе, то Москва — потерю своих западных рубежей. Поэтому, как считают немецкие эксперты, негативную реакцию окружающего мира на процесс расширения и углубления европейской интеграции следует своевременно регистрировать и нейтрализовывать. Руководство Германии убеждено, что Евросоюз сам должен вначале показать и доказать, что на своем континенте он без постороннего вмешательства может заботиться о мире, свободе и процветании. Лишь после этого будут созданы предпосылки для действительного партнерства ЕС с ведущими мировыми игроками и создания соответствующих условий для справедливого международного разделения труда, иными словами, сбалансированной мировой ответственности.

Глава 5. Германия и США в контексте евро-атлантических отношений

История взаимоотношений между немцами и американцами насчитывает не одно столетие. Пожалуй, символической точкой отсчета можно назвать 1507 г., когда немецкий картограф Мартин Вальдзеемюллер, отдавая дань уважения мореплавателю Америго Веспуччи, впервые нанес на карту Нового Света слово «Америка».

---

[1] Hellmann G. Deutschland in Europa: Eine symbiotische Beziehung // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 48/2002. S. 27.

Сегодня после британцев и ирландцев немцы образуют наибольшую по численности этническую группу, с которой американцы идентифицируют свое происхождение. Согласно данным американского Бюро переписи населения, 58 млн из 280 млн американцев имеют германские корни[1]. Характерная деталь состоит, однако, в том, что немцы в отличие от ряда иных сопоставимых групп переселенцев в Новый Свет сегодня практически полностью растворились в англо-американском обществе.

Относительная молодость американской цивилизации дает, на взгляд некоторых исследователей, основания утверждать, что отношения между Германией и США не отягощены отрицательным опытом прошлого в той мере, в какой это имеет место, например, в германо-французских, германо-польских или германо-российских отношениях[2]. Тем не менее если рассматривать германо-американские отношения в исторической ретроспективе, то выясняется, что эти отношения всегда были достаточно противоречивыми. Скорее, в виде исключения противоречия были сняты с актуальной повестки дня в период глобальной конфронтации между Востоком и Западом.

На протяжении XX столетия США дважды оказывались в составе коалиций, противостоявших Германии и воспрепятствовавших ее планам по установлению политического и экономического доминирования в Европе. Жестокий характер ведения Германией обеих мировых войн всерьез и надолго подорвал господствовавший в американском сознании на протяжении предшествовавшей эпохи образ «добропорядочного немца».

После поражения Германии во Второй мировой войне США в качестве державы-победительницы и оккупационной державы взялись за переустройство Германии (западной ее части). Наряду с другими западноевропейскими государствами Западная Германия стала получателем экономической помощи в рамках «плана Маршалла» по восстановлению и развитию Европы. Вклад американцев в восстановление германского производства и в «экономическое чудо» ФРГ трудно переоценить, хотя вопрос о значении «плана Маршалла» для западногерманского хозяйства до сих пор вызывает споры среди историков[3].

---

[1] Josef-Thomas Göller, "Nachhaltige Verärgerung wie historische Sympathie" // "Das Parlament", Nr. 5, 27.Januar 2003.

[2] См., например: *Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2000. С. 211.

[3] См., в частности, дискуссию по данному вопросу в: «35 лет Московскому договору — находимся ли мы на пути к Европе без границ?». Доклады Института Европы РАН. М., 2005. № 169. Особ. С. 79.

Можно утверждать, что в целом помощь США Западной Германии не была альтруистической и безвозмездной. Ведь с началом холодной войны для США (и других западных держав) было важно иметь в лице Западной Германии проводника своих политических и военных интересов, что связывалось с надежностью демократических и политических структур ФРГ. Известный немецкий публицист Й. Йоффе назвал период после Второй мировой войны началом «чудесной дружбы» между Америкой и Западной Германией, которая началась с того, что немцы приняли не только покровительство американцев, но и систему их ценностей[1].

Фундамент этих отношений закладывался как на бытовом уровне (гуманитарные продовольственные посылки из США на начальном этапе, массированные поставки американских товаров и услуг впоследствии, социокультурная экспансия)[2], так и на уровне эволюционного встраивания ФРГ в систему западной демократии и постепенного обретения ею государственного суверенитета. На протяжении послевоенного периода в обеих странах сформировались поколения профессиональных государственных служащих, военных чиновников, научных работников, посвятивших свои карьеры поддержанию и обслуживанию трансатлантических отношений. Помимо традиционного института межправительственных отношений во времена холодной войны американцы и (западные) немцы содержали многочисленные структуры, основополагающей задачей которых была защита территории ФРГ и вовлечение ее в международное сообщество. Речь идет не только о таких организациях, как НАТО и ЕС, но и многочисленных институтах, конференциях, программах социальных, культурных, молодежных, деловых, профессиональных и иных обменов и контактов, которые внесли существенный вклад в обеспечение и закрепление ориентации ФРГ на Запад.

Это не отменяет того обстоятельства, что восприятие западногерманским обществом отношений с США и Западом в целом было неоднозначным. Диалектика притяжения и отталкивания определяла

---

[1] Karl Kaiser, Joachim Krause. Deutschlands neue Aussenpolitik. Bd. 3. Interessen und Strategien. München. 1996. S. 117–118.

[2] За годы холодной войны около 16 млн американцев прошли военную службу на территории ФРГ и Западного Берлина. Принесенные ими (как и членами их семей) представления о культуре, стиле жизни, социальных отношениях и т.д. оказали серьезное влияние на формировавшуюся молодежную культуру в Западной Германии, а по мере естественного течения времени и на другие социальные слои западногерманского общества. См., в частности: Anselm Doering-Manteuffel. Wie westlich sind die Deutschen? Göttingen. 1999. S. 8.

эти отношения на всех этапах их развития, начиная с оккупационного периода и вплоть до нынешнего времени.

5.1. Партнерство в эпоху глобальной конфронтации (1970–1980-е годы)

Нужно сказать, что различия во взглядах всегда имели место в отношениях между американскими президентами и западногерманскими канцлерами. Однако на протяжении длительного времени стороны не выносили свои разногласия и взаимную критику на публику. Пожалуй, впервые канцлер Г. Шмидт перешагнул через это негласное табу. Он не скрывал, что не доверяет президенту Дж. Картеру и не питает к нему особого уважения[1].

С немецкой точки зрения хронические противоречия между канцлером Шмидтом и президентом Картером были обусловлены не столько теоретическими разногласиями по стратегическим вопросам между лидерами двух стран, сколько отсутствием у Вашингтона дипломатической осмотрительности (например, в вопросе о разработке и развертывании нейтронного оружия), недостаточной заинтересованностью в вопросе о поддержании «евростратегического» равновесия (например, нежелание Картера обременять этим аспектом переговорный процесс с Советским Союзом по проблеме ОСВ-2), а также в целом неспособностью американского президента выработать сбалансированную линию в отношениях между Востоком и Западом[2].

Вместе с тем Г. Шмидт никогда не ставил под сомнение необходимость принципиальной солидарности с США и соблюдения общей атлантической дисциплины. Так, Бонн лишь в минимальной степени использовал свои (впрочем, достаточно ограниченные) возможности для того, чтобы нейтрализовать или смягчить политику подрыва разрядки, проводившуюся Вашингтоном. Правительство Шмидта–Геншера фактически выступило одним из главных инициаторов размещения на территории ряда стран Западной Европы американских «евростратегических» ракет средней дальности. Немецкий канцлер исходил из того, что подготавливавшийся в тот период советско-американский Договор ОСВ-2, призванный закрепить стратегическое равновесие между СССР

---

[1] Wolfram F. Hanrieder. Deutschland, Europa, Amerika. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1989. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1991. S. 125.

[2] Ibid. S. 89.

и США в области ядерных вооружений, неизбежно приведет к возникновению в Европе дисбаланса между Востоком и Западом в области ядерных тактических и обычных вооружений[1]. Это обстоятельство во многом обусловило его позицию по вопросу о размещении в Западной Европе американских «Першингов-2» и крылатых ракет.

Как это нередко бывало в прошлом, «евростратегический дисбаланс» и меры по его выравниванию заключали в себе противоречивые последствия для интересов безопасности ФРГ и трансатлантических отношений в целом. Согласно одной точке зрения, *нарушение* стратегического баланса в Европе вело к ослаблению важной ступени в «эскалационной лестнице» НАТО, ставило под сомнение всю совокупную стратегию устрашения альянса и в конечном итоге таило в себе опасность «расстыковки» Америки и (Западной) Европы, особенно при условии, если американские стратегические межконтинентальные ракеты были бы подвергнуты сокращению в рамках соответствующих договоренностей по контролю над вооружениями[2].

Однако, существовала и прямо противоположная точка зрения, согласно которой именно *выравнивание* «евростратегического дисбаланса» имело бы своим следствием дистанцирование Америки от Европы: масштабное наращивание и модернизация ядерного арсенала НАТО обеспечивали бы альянсу возможность атаковать советские цели с территории Западной Европы, открывая тем самым для США перспективу ограничить потенциальные боевые действия территорией Европы.

Если следовать чистой логике, оба подхода имели одинаковое право на существование и были в равной степени обоснованны. Обе точки зрения исходили из неверифицируемого предположения о советских планах и американских «мерах предосторожности»; обе они основывались на непроверенных догадках о возможной реакции американского президента в случае возникновения кризисной ситуации и о степени его готовности подвергнуть риску само существование США ради интересов западного союза; наконец, в обоих случаях основополагающей предпосылкой развития ситуации было ведение

---

[1] Helmut Schmidt. "1977 Alastair Buchan Memorial Lecture". "Survival" 20, Nr. 1, Jan.-Feb. 1978. P. 2–8.

[2] Согласно данной логике, если бы отражение гипотетического советского вторжения конвенциональными средствами оказалось неудачным и НАТО вынуждено было бы применить тактическое ядерное оружие, то предполагаемый советский ответ с использованием современных ракет «СС-20» привел бы или к прекращению США ведения боевых действий или же к применению ими своего стратегического ядерного арсенала (т. е. МБР).

боевых действий с использованием обычных или ядерных вооружений на немецкой территории.

Правительство Г. Шмидта рассматривало дискуссию о том, приведет ли восстановление «евростратегического баланса» к более тесной привязке США к Европе или, наоборот, к «расстыковке» североатлантических партнеров, в значительной мере как технический или риторический вопрос. На тот момент в НАТО фактически отсутствовала убедительная доктрина как по реализации общей стратегии, так и по использованию размещаемых (и уже размещенных) в Европе ядерных вооружений, что, по сути, лишало «двойное решение» НАТО рамок военно-стратегического планирования и низводило его до уровня явления сугубо политического характера[1].

Г. Шмидт (прагматик и реалист) считал вопрос о том, как и при каких обстоятельствах американский президент решился бы на применение ядерного оружия, не только не поддающимся ответу, но и в принципе неправильно поставленным — прежде всего в силу того, что в основе его лежал постулат о самом крайнем, совершенно непредсказуемом и исключительно маловероятном кризисе. Для немецкого канцлера вопрос о «евростратегическом равновесии» стоял преимущественно в политической плоскости.

В силу этого принципиальная позиция ФРГ содержала ряд неудобных для США аспектов, поскольку федеральное правительство активно настаивало и на том, чтобы одновременно с подготовкой к размещению американских ракет начать проводить переговоры с Советским Союзом в целях политического урегулирования вопроса, которое в конечном итоге сделало бы размещение излишним. При этом доминировала точка зрения, согласно которой восстановление «евростратегического» *военного* равновесия (будь то за счет «довооружения» или же — как более предпочтительный вариант — путем сокращения советских вооружений) рассматривалось в качестве основополагающей предпосылки для сохранения *политического* равновесия на европейском континенте и укрепления позиций ФРГ в вопросах, касающихся, в частности, распорядительных полномочий в ядерной составляющей западного альянса. В правящих кругах ФРГ испытывали серьезные опасения по поводу того, что Советский Союз попытается использовать свое ядерное превосходство в качестве средства политического давления, и считали в связи с этим вполне вероятным, что США могут и не пойти на адекватное энергичное проти-

---

[1] См., в частности: Henry A. Kissinger, A Plan to Reshape NATO. “Time”, 5. March 1984. P. 20–24.

водействие подобного рода попыткам[1]. Таким образом, западногерманское правительство, отстаивавшее необходимость восстановления «евростратегического равновесия», пыталось не столько найти средства для противодействия советской военной стратегии, сколько выработать меры по предупреждению последствий воспринимавшейся ими в качестве непоследовательной и некомпетентной американской дипломатии.

Г. Шмидт брал на себя и посреднические функции в советско-американских переговорах, с тем чтобы снизить уровень конфронтационности в отношениях между сверхдержавами. Усилия западногерманского канцлера не увенчались сколько-нибудь существенными результатами. Однако сам факт выступления ФРГ в роли посредника между США и СССР можно рассматривать как свидетельство возросшего международно-политического авторитета, который ФРГ обрела при канцлере Г. Шмидте[2].

Вместе с тем при оценке ситуации в целом необходимо учитывать, что имманентная двойственность «двойного решения» НАТО обернулась серьезным внешне- и внутриполитическим бременем для немецкого канцлера. Неся возрастающий груз внутриполитической ответственности за размещение модернизированных ядерных ракет на германской территории, Г. Шмидт фактически не имел влияния на советско-американский переговорный процесс, от исхода которого зависела окончательная судьба размещаемых вооружений. В конечном итоге политическая амбивалентность «двойного решения» НАТО и несоразмерность возможностей канцлера по оказанию влияния на каждую из политических составляющих привела к усилению влияния США на «ядерную дипломатию» Североатлантического блока в целом и на формирование германо-американских отношений в области безопасности в частности.

В январе 1980 г. Бонн поддержал развернутую Вашингтоном кампанию в связи с введением советских войск в Афганистан. В то же время официальные структуры ФРГ пытались соблюсти определенную меру и стремились избегать крайностей, к которым были склонны прибегать в тот период представители американского внешнеполитического истеблишмента. Приняв участие в бойкоте Московской Олимпиады летом 1980 г., ФРГ не пошла на свертывание выгодных для нее торгово-экономических связей с СССР и другими социалистическими

---

[1] Wolfram F. Hanrieder. Deutschland, Europa, Amerika. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1989. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1991. S. 132.

[2] *Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2000. С. 223.

странами. Показательно, что в 1980 г., когда президент США Дж. Картер пытался убедить союзников по НАТО в необходимости сокращения торговли с Советским Союзом, экспорт машин и оборудования из ФРГ в СССР вырос сразу на 19%[1]. Год спустя правительства двух стран подписали знаменитое соглашение «газ–трубы», вызвавшее крайне негативную реакцию в американской администрации.

Приход к власти в США Р. Рейгана поначалу вызвал в ФРГ надежду на то, что со сменой администрации произойдут позитивные изменения во внешней политике США. Но уже вскоре в Западной Германии вынуждены были с опасением констатировать, что новый американский президент фактически отвергал продолжение диалога по контролю над вооружениями и неприкрыто пытался обеспечить военно-стратегическое доминирование НАТО.

Политика первой администрации Р. Рейгана (1981–1985) привнесла дополнительные осложнения в германо-американские отношения прежде всего в результате своей неспособности убедить европейских союзников (равно как и собственных избирателей) в серьезной заинтересованности в контроле над вооружениями. Ключевые позиции в самой администрации, как и в группах по переговорному процессу, занимали убежденные противники ОСВ-2. У европейцев существовали обоснованные сомнения в том, что американский президент определял ключевые директивы по выработке переговорной позиции США. Важнейшие решения по вопросу о контроле над вооружениями принимались не высшими инстанциями, а вырабатывались, как правило, на уровне среднего звена государственного аппарата и — подчас еще обремененные межведомственными противоречиями — выносились на переговорный процесс в Женеве[2].

Более того, в этот период Вашингтон взял на вооружение тезис об отставании от Советского Союза в области межконтинентального стратегического потенциала (аргументы в пользу которого не разделяло правительство Г. Шмидта и официально игнорировало правительство Г. Коля) и о необходимости как можно скорее закрыть возникшее «окно уязвимости».

В этих условиях контроль над вооружениями рассматривался в Белом доме как излишнее и обременительное направление, в стратегическом плане бесплодное (так как противоречило намеченному каче-

---

[1] Внешняя торговля. Советский Союз: Статистический сборник за 1980 г. М., 1981. С. 74.

[2] См., например: Gregg Herken. Counsels of War. New York: Oxford University Press, 1987; особ. гл. 27.

ственному и количественному наращиванию американского ядерного потенциала), а в политическом — опасное (как пробуждавшее необоснованные надежды на возрождение разрядки и не соответствовавшее избранному республиканской администрацией жесткому курсу в отношении Советского Союза). Американский президент исходил из того, что в рамках проводившейся его предшественниками политики в области контроля над вооружениями было допущено излишнее попустительство интересам Советского Союза и что на данном этапе необходимо жестко увязать прогресс в области переговорного процесса по вопросам о контроле над вооружениями с разрешением ряда региональных конфликтов в странах третьего мира (прежде всего в Анголе и Афганистане) и достижением уступок со стороны Советского Союза в вопросах прав человека.

Избранный Вашингтоном курс на фактический отказ от контроля над вооружениями и продолжения политики разрядки не способствовал стабилизации германо-американских отношений. Нежелание и неспособность первой администрации Рейгана проводить в отношении Советского Союза менее агрессивную политику обернулись серьезным напряжением в трансатлантических отношениях. Характеристика СССР как «империи зла» и объяснение конфликта между Востоком и Западом в терминах «крестового похода сил Света против сил Тьмы» с неизбежностью порождали в сознании европейцев (и в первую очередь немцев) опасения, что эта манихейская борьба может в конечном итоге «разыграться» на их территории. Раздававшиеся из Вашингтона рассуждения о возможности «затягивания» конвенциональной и ядерной войны и предупреждения о необходимости подготовки к длительному и масштабному конфликту заставляли их порой ощутить себя живущими не в *послевоенный*, а в *предвоенный* период.

Неудивительно, что в Европе заговорили о начале «второй холодной войны». С растущим опасением, подпитываемым колоссальными темпами роста военных расходов в США, европейцы констатировали нацеленность Америки на глобальное стратегическое превосходство, достижению которого призвано было способствовать торможение процесса по контролю над вооружениями, отрицание Договора по ПРО в качестве основного препятствия на пути создания системы стратегической обороны и обоснование своей позиции по данному вопросу весьма сомнительными с правовой точки зрения аргументами[1]. В ФРГ,

---

[1] Helmut Schmidt. Eine Strategie für den Westen. Berlin: Siedler, 1986. S. 40–42.

О реакции западных немцев на политику администрации Р. Рейгана см. также: Hartmut Wasser. (Hrsg.) Die Ära Reagan. Eine erste Bilanz. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988.

где в недавнем прошлом были серьезно разочарованы позицией администрации Дж. Картера по ОСВ-2, политика первой администрации Р. Рейгана по вопросу о контроле над вооружениями явила собой еще один тревожный пример полного непонимания Вашингтоном немецких интересов. И эту тревогу лишь усугубляло негативное отношение американской администрации к политике разрядки.

ФРГ, как известно, относила себя к числу государств, сумевших в наиболее полной мере воспользоваться позитивными итогами политики разрядки в 1970-е гг. Руководство страны рассчитывало сохранить обретенную ранее динамику боннской дипломатии и в 1980-е гг. В данном контексте необходимо учитывать специфику восприятия ФРГ своих национальных интересов, и в частности во многом определяющую роль фактора «восточной политики», особенно ее германо-германской составляющей.

Так, с точки зрения ФРГ, события в Польше в декабре 1981 г. поставили под угрозу принцип не только так называемой «вертикальной», но и «горизонтальной» синхронизации «восточной политики». В политических кругах существовали серьезные опасения военной интервенции Советского Союза в Польшу. При этом некоторые политики в ФРГ рассчитывали на то, что и после такого поворота событий можно будет продолжить — *в национальных интересах* — политику разрядки с СССР. Очевидно, однако, что это было бы возможно лишь ценой колоссального ущерба для отношений ФРГ с ее западными партнерами. Императив «вертикальной» и «горизонтальной» синхронизации побуждал Бонн к тому, чтобы попытаться ограничить ущерб, который кризис в Польше в принципе мог нанести не только отношениям между ФРГ и СССР и другими государствами Восточной Европы, но и всей рамочной конструкции региональной и глобальной разрядки. В этих целях в январе 1982 г. Гельмут Шмидт фактически отказался от участия ФРГ в инициированных США санкциях против Польши.

В свою очередь, для США, где у власти уже находилась администрация Р. Рейгана, события в Польше символизировали конец разрядки. Американская сторона сочла реакцию западногерманского канцлера в высшей степени неадекватной и выразила ФРГ упрек в совершенной невосприимчивости такого аспекта польского кризиса, как права человека. Наиболее адекватным ответом на «экспансию империи зла», с точки зрения нового американского президента, было наращивание американской военной мощи. Разногласия между Бонном и Вашингтоном способствовали таким образом превращению кризиса на Востоке в кризис и на Западе.

Важно обратить внимание и на то, что охлаждение германо-американских отношений в период нахождения у власти социал-демократов было вызвано не только противоречиями и конфликтной атмосферой между высшими представителями политического класса обеих стран, но и действиями «снизу». Как известно, в этот период по всей Западной Европе прокатилась волна протестов против размещения на континенте новых американских ядерных ракет. Однако высшей точки накал страстей достиг именно в ФРГ. При этом настроения протеста в наибольшей степени охватили партию Г. Шмидта, т. е. СДПГ. Лишь с помощью сложных политических маневров Г. Шмидту удалось предотвратить принятие на съезде СДПГ в апреле 1982 г. резолюции, направленной против размещения в ФРГ американских ракет.

В недрах пацифистского движения сформировалась партия зеленых, впоследствии (в 1998 г.) пришедшая к власти в коалиции с СДПГ. Именно в ее идеологии и политике нашла выражение тенденция стремления к большей самостоятельности по отношению к США. Представления зеленых, касавшиеся оборонной политики и политики безопасности, в большей или меньшей степени разделяли многие представители иных направлений пацифистского движения и в целом «левых» сил страны.

Что касается СДПГ, то, несмотря на официальную поддержку социал-демократического канцлера, многие в партии были настроены против «довооружения» и считали, что ФРГ не должна позволить втянуть себя в опасную конфронтационную авантюру США. Если представители левого крыла СДПГ вообще были склонны относиться к США с недоверием и отчужденностью, считая, что после Вьетнама американцы утратили моральное право на политическое руководство НАТО, то многие видные противники «довооружения» принадлежали к политическому центру, и их едва ли можно было обвинить в том, что их позиция по данному вопросу обусловлена нейтралистскими или антиамериканскими настроениями. В целом же критическая энергия, с которой в ФРГ была воспринята тема «довооружения», имела тенденцию к перерастанию в практические действия и акции, имевшие определенную антиамериканскую направленность и способствовавшие дальнейшему охлаждению отношений с США.

Гельмут Коль (ХДС), придя к власти осенью 1982 г., стал решительно выправлять «антиамериканский крен» своего предшественника на посту канцлера. В правительственном заявлении от 13 октября 1982 г. он заявил: «Мы освободим германо-американские отношения от присущей им двусмысленности, подтвердим и стабилизируем дружбу

с США»[1]. Г. Коль подчеркнул, что большинство населения ФРГ дистанцируется от настроений нейтрализма внутри СДПГ, пацифизма и «ползучего антиамериканизма». Он выступил также с тезисом о том, что федеральное правительство неограниченно поддерживает «двойное решение» НАТО 1979 г. и берет на себя обязательство защищать это решение также и во внутриполитическом плане. Еще определеннее высказался тогдашний министр обороны ФРГ и будущий генеральный секретарь НАТО М. Вернер (ХДС). В одном из интервью он заявил: «Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы шатания Федеративной Республики вызвали раздражение американцев: ущерб был бы неисчислим»[2].

В сущности, Г. Коль продолжил политику Г. Шмидта, которая была нацелена на обеспечение экономической и военной безопасности Западной Европы в условиях конфронтации двух сверхдержав и требовала сбалансированного выступления как с позиций атлантизма, так и европеизма. Канцлеру от ХДС/ХСС удалось добиться, как минимум, улучшения психологического климата во взаимоотношениях Бонна и Вашингтона. Действительно, в отличие от своего предшественника Г. Коль внешне вел себя менее самоуверенно, неизменно делал эмоциональный акцент на «германо-американскую дружбу» и подчеркивал сближающие моменты в интересах и политике обеих стран. Если Г. Шмидт, во многом озабоченный сохранением старых и открытием новых рынков для экспортной державы ФРГ, пытался избегать следования резким движениям США в их противостоянии с СССР, то Г. Коль более решительно становился на сторону США как в военно-политических вопросах, так и в пропагандистской антисоветской риторике.

Внешне довольно резкий переход в германо-американских отношениях от самоуверенного стиля Г. Шмидта к любезным и обходительным манерам Г. Коля вызвал критику внутри ФРГ — его упрекали в том, что он без необходимости сдал внешнеполитический капитал своего предшественника и пренебрег рядом существенных интересов ФРГ. В то же время существовала и иная точка зрения, согласно которой Г. Коль с позиций эмоциональных заверений в дружбе и внешне улучшившихся отношений с США осторожно пытался завоевать влияние в Вашингтоне, с тем чтобы использовать его для обеспечения западногерманских интересов[3].

---

[1] Regierungserklärung von Bundeskanzler Kohl vor dem Bundestag am 13. Oktober 1982. In: 40 Jahre Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Eine Dokumentation. Herausgegeben vom Auswärtigen Amt. Bonn. S. 435.

[2] Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 1984. S. 112.

[3] См., в частности: Christian Hacke. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Berlin: Ullstein, 1987. S. 283.

Как известно, после неудачного завершения советско-американских переговоров о ракетах средней дальности практическая реализация решения о «довооружении» (т. е. размещение ракет на территории ФРГ) обрела дополнительный смысл, символизируя степень союзнической верности западногерманского партнера Америки, и была воплощена в жизнь новым правительством ФРГ. При этом, однако, финальная фаза советско-американских переговоров дала немцам веский повод в очередной раз усомниться в готовности США к компромиссам с учетом интересов своих западноевропейских партнеров. В Вашингтоне (как, впрочем и в Москве) отклонили выработанную летом 1982 г. и в принципе устраивавшую немцев компромиссную формулу по существенному сокращению ракетных систем в Европе, причем без каких бы то ни было предварительных консультаций и даже простого информирования своих союзников по НАТО[1].

Как по внутри-, так и по внешнеполитическим соображениям прогресс в области контроля над вооружениями сохранял для Бонна свое центральное значение, и Г. Коль был вынужден официально напоминать американским партнерам о том, сколь важным является продолжение переговоров с Советским Союзом по данному кругу вопросов.

Ситуация все-таки развернулась таким образом, что изменение подхода администрации Р. Рейгана по вопросам контроля над вооружениями в ходе ее второго срока пребывания у власти привнесла дополнительные сложности в отношения между ФРГ и США. Неожиданное стремление американского президента активизировать динамику разоруженческого процесса, обоснованное среди прочего тем, что ему удалось в ходе первого срока ликвидировать якобы оставленный его предшественником стратегический дисбаланс, оказалось в восприятии западных европейцев (и прежде всего немцев) столь же противоречивым и внушающим опасения, как и его активное нежелание содействовать этому в предшествующий период.

На встрече в Рейкьявике в октябре 1986 г. США и Советский Союз относительно легко достигли согласия по вопросу о «евростратегических вооружениях», что послужило лишним доказательством того, сколь малое значение имел данный аспект для поддержания *военного* равновесия между Востоком и Западом, сколь важную роль он играл для сохранения *политического* баланса, и, наконец, сколь незначительным было в действительности реальное влияние Бонна на формирование обоих этих измерений. Имевшиеся у ФРГ (как и у ряда

---

[1] См., в частности: Strobe Talbott. Raketenschach. München: Pieper, 1984. S. 65 и след.; Helmut Schmidt. Eine Strategie für den Westen. Berlin: Siedler, 1986. S. 81–82.

других западноевропейских членов НАТО) сомнения относительно целесообразности «нулевого решения» по ракетам средней дальности без параллельного сокращения ракет меньшей дальности и обычных вооружений и вооруженных сил были фактически проигнорированы американской стороной. Подготовленная в ускоренном темпе программа переговоров в Рейкьявике, по сути менявшая ряд исторически сложившихся ключевых элементов стратегии НАТО, в очередной раз продемонстрировала немцам степень их исключенности из процесса предварительного согласования и консультирования и относительную малозначимость их интересов в области безопасности для американских партнеров.

С особой наглядностью степень ограниченности возможностей и влияния ФРГ продемонстрировало развитие ситуации летом—осенью 1987 г., когда Г. Коль (в отличие, правда, от министра иностранных дел Г.-Д. Геншера) активно возражал против так называемого «двойного нулевого решения», в рамках которого было объединено «нулевое решение» по ракетам и средней, и меньшей дальности. В то же время федеральное правительство в полной мере отдавало себе отчет в том, что оно не может взять на себя бремя политической ответственности за срыв соответствующего соглашения по разоружению.

В конечном итоге, ФРГ определилась в поддержку переговорной позиции Запада — невзирая на тот факт, что интересы безопасности западногерманского государства не были, по мнению его руководства, должным образом учтены, а позиция официальной дипломатии фактически скомпрометирована в глазах собственной общественности. После того как СССР и США достигли в конце 1987 г. соглашения по вопросу о «двойном нулевом решении», ФРГ была вынуждена не только пойти на вывод американских «Першингов-2» и крылатых ракет (размещение которых еще совсем недавно привело к осложнению дипломатических отношений с Москвой и повлекло за собой ряд серьезных внутриполитических проблем), но и на уничтожение собственных ракет среднего радиуса действия («Першингов-1-А», оснащенных ядерными боеголовками и находившихся под американским контролем).

Поистине, «евростратегическая» проблематика стала для Бонна дипломатической «проблемой десятилетия», поскольку ликвидация ракет оказалась сопряжена с ничуть не меньшими сложностями, чем их размещение (к тому же в результате переговоров ФРГ потеряла и свои собственные ракеты). Восприятие ситуации из Бонна подводило германскую сторону к мысли о том, что Москве удалось-таки «вбить клин» в отношения между Бонном и Вашингтоном, причем не без содействия американского правительства, которое, по мнению немцев, демонст-

рировало исключительное непонимание значимости и последствий решений в области контроля и сокращения вооружений для сплоченности и будущности Североатлантического альянса[1].

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что ликвидация (как некогда размещение) «евростратегических» ракет повлекла за собой серьезное осложнение германо-американских отношений в области безопасности. Принятые решения в очередной раз продемонстрировали неспособность западногерманского правительства серьезно повлиять на американскую «ядерную дипломатию» и политику США в области контроля над вооружениями. И эта неспособность воспринималась тем болезненнее, что к концу 1980-х гг. стало окончательно ясно: ядерные вопросы, и в особенности вопросы контроля над вооружениями, обрели значение, выходившее далеко за рамки чисто военных и технических аспектов. Они были самым непосредственным образом связаны с основополагающими проблемами не только по формированию будущих отношений в рамках Североатлантического альянса, но и политического обустройства на европейском континенте и в целом отношений между Востоком и Западом.

Дальнейшее развитие ситуации подтверждало справедливость такой оценки. Когда в 1988 г. Советский Союз при поддержке руководства Германской Демократической Республики заявил о готовности договариваться о ликвидации тактического ядерного оружия, тогда как в США и в ряде государств НАТО придерживались мнения о необходимости его модернизации и даже наращивании, то в рамках Североатлантического альянса наметился новый серьезный конфликт интересов с участием ФРГ.

Как это часто бывало в прошлом, в Западной Германии существовали две прямо противоположные точки зрения по этому вопросу. Согласно одной из них, вывод тактического ядерного оружия с германской территории вел к превращению Центральной Европы в безъядерную зону, что являлось давней целью Советского Союза, но неизменно отклонялось как ФРГ, так и другими западными государствами — членами НАТО. Наряду с остававшимися в Европе натовскими ядерными бомбардировщиками среднего радиуса действия тактическое ядерное оружие на территории ФРГ представляло собой, с этой западногерманской точки зрения, действенное средство сдерживания потенциально возможной агрессии со стороны Советского Союза путем угрозы эскалации ядерного конфликта. Соответственно вывод этих воору-

---

[1] Wolfram F. Hanrieder. Deutschland, Europa, Amerika. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1989. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1991. S. 139.

жений подрывал возможности «гибкого реагирования» НАТО и в конечном итоге вел к эрозии, а то и вовсе к ликвидации принципа активного устрашения со стороны альянса.

Вместе с тем в Бонне (особенно среди представителей правого крыла правившего ХДС) существовала и другая точка зрения, согласно которой после ликвидации по договору «евростратегических» ракет среднего радиуса действия тактическое ядерное оружие утратило ключевую функцию связующего элемента в эскалационной цепи, на другом конце которой стояли американские стратегические МБР. В этих условиях оставление на территории ФРГ тактических ядерных вооружений, а тем более их модернизация, вело бы к тому, что от немцев требовалась практическая поддержка ядерной стратегии союза, которая представляла наибольшую угрозу для их собственной территории[1]. Именно в этот период в Германии родилась мрачная шутка: «*Je kürzer die Reichweite, desto toter die Deutschen*» («Чем короче дальность, тем больше мертвых немцев»).

Неудовольствие немцев не ограничивалось негативными настроениями по краям политического спектра, но распространялось и на политический центр. Бывший госсекретарь США Г. Киссинджер сформулировал свою оценку складывавшихся отношений следующим образом: «Новое в современной ситуации состоит в том, что в Америке начали сомневаться не ее традиционные критики, а старые друзья»[2].

Действительно, в начале 1988 г. не кто иной, как лидер консервативного ХСС и премьер-министр Баварии Ф.Й. Штраус, обнародовал свою позицию, согласно которой бундестагу следует воздержаться от одобрения планов по модернизации. В свою очередь, видные представители ХДС (включая канцлера Г. Коля и председателя парламентской фракции ХДС А. Дреггера) вновь и вновь публично выражали свои опасения в связи с тем, что модернизация тактического ядерного оружия приведет к «сингуляризации» ФРГ и превращению ее в поле боя регионально ограниченной ядерной войны. А. Дреггер (до последнего использовавший название *Германская Демократическая Республика* не иначе как с атрибутом «так называемая») подчеркнуто приветствовал предложение лидера ГДР Э. Хонеккера о сокращении ядерного оружия поля боя и адресовал США упрек в том, что они пре-

---

[1] См., в частности: Helmut Kohl, "Zum Stand der Genfer Verhandlungen über Mittelstreckenraketen in Europa. Erklärung des Bundeskanzlers", vom 15. Mai 1987. Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 20. Mai 1987. S. 413–414.

[2] "Newsweek", 12. October 1987. P. 57.

небрегают интересами безопасности Германии, сначала пойдя на «двойное нулевое решение», а затем настаивая на модернизации тактических ядерных вооружений, использование которых угрожает прежде всего немецкой территории. Оппозиция против американской линии в области политики безопасности развернулась по всему политическому спектру ФРГ. В этих условиях социал-демократы, находившиеся в тот период в оппозиции, заговорили о «новом согласии» в области внешней и оборонной политики ФРГ.

Лишь прекращение существования Организации Варшавского договора и неожиданно открывшаяся перспектива объединения Германии привели к тому, что в Вашингтоне к весне 1990 г. пришли к выводу о нецелесообразности проведения модернизации в складывающихся обстоятельствах.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня не подлежит сомнению, что Г. Коль, несмотря на все разногласия с Соединенными Штатами, никогда не забывал об интересах ФРГ, умело используя и осторожно расширяя то относительно небольшое пространство дипломатического маневра, которое предоставляла ему глобальная расстановка политических сил на международной арене. Об этом, в частности, свидетельствуют успешно проведенное объединение Германии и достигнутый при нем прогресс в строительстве ЕС. С полным основанием можно утверждать, что за его лояльностью и даже сердечностью в отношении США стояли рациональные тактические соображения и трезвый расчет. В то же время неоспоримо и то, что Г. Коль был искренним проамериканистом. Именно поэтому ему доверяли в Вашингтоне. Важно отметить, что стиль подчеркнутой лояльности и неподдельного дружелюбия, который Г. Коль демонстрировал в отношении американцев, в конечном итоге не мог не повлиять на позицию США в вопросе об объединении Германии.

5.2. США и объединенная Германия

В начале 1990-х гг. казалось, что с окончанием военно-политического и идеологического противостояния между Востоком и Западом исчезли и многие спорные вопросы между США и Федеративной Республикой Германией, которые нередко осложняли формулирование и реализацию западногерманской «восточной политики» и политики в области безопасности. Одновременно возникло ощущение утраты собственно целей трансатлантического сотрудничества. Оптимисты увидели возможность использовать освобождающиеся в США и ФРГ

материальные ресурсы и созидательную энергию для решения актуальных внутригосударственных проблем. Пессимисты высказывали мнение, что без наличия общей для обеих стран угрозы физического уничтожения США и ФРГ не смогут поддерживать традиционные исключительно тесные кооперационные связи периода 1949–1990 гг.

Тем не менее первый канцлер объединенной Германии Г. Коль подчеркивал в этот период, что важнейшим приоритетом его внешнеполитического курса остаются дружба и партнерство с США и НАТО. Итоги визитов канцлера Коля в США в мае и сентябре 1991 г. подтвердили высокий уровень взаимодействия между двумя странами. Важным этапом в установлении нового характера американо-германских отношений стало обращение бывшего президента США Дж. Буша к канцлеру Г. Колю и президенту ФРГ Р. фон Вайцзеккеру с предложением «партнерства в лидерстве».

Эта линия была продолжена и с приходом к власти нового поколения американских политиков во главе с Б. Клинтоном. Хотя республиканские президенты Р. Рейган и Дж. Буш (старший) поддерживали с канцлером ФРГ хорошие, а в случае с Бушем даже сердечные отношения, проблемы прошлого Германии все же оказывали влияние на позицию их администраций. Поскольку в этих администрациях работали преимущественно представители военного поколения, то, как правило, преобладало недоверие к немцам (доверяли в первую очередь англичанам). С избранием на пост президента США Б. Клинтона ситуация принципиально изменилась. Многие молодые политики, вошедшие в администрацию Клинтона и представлявшие послевоенное поколение, проявляли к немцам более взвешенные чувства, не отягощенные в явной форме проблемами прошлого. По их мнению, Германия представляет собой ведущую европейскую державу, важнейшего партнера США в строительстве нового мирового порядка после холодной войны.

Во время своих европейских поездок президент Клинтон обычно демонстрировал, как много значат для него отношения с западноевропейскими странами, и в частности с ФРГ. Если его предшественники Рейган и Буш недоверчиво взирали на все попытки консолидации Европы в сфере внешней политики и политики безопасности, то Клинтон, по крайней мере риторически, поддержал эти усилия, заявив, что в интересах Америки поощрять европейскую интеграцию. В свое время Р. Никсон, подытоживая свой политический опыт, отмечал: «Американская политика в отношении Европы должна быть основана на тесном сотрудничестве между США и Германией. Мы должны установить прочное сотрудничество с Германией, учитывая

нашу суммарную мощь. На две наших страны, вместе взятые, приходится 60% ВНП и оборонных расходов НАТО»[1]. И вот теперь в отношении Германии Вашингтон заявил, что его устраивает уверенная в себе и готовая к действиям Германия.

Политическое руководство Германии в целом поддержало предложенную американцами концепцию «партнерства в лидерстве», обоснованно усматривая в этом возможность значительного укрепления своего влияния в Европе. Здесь было бы уместно добавить, что роль Германии во внешней политике США в этот период возросла, во-первых, вследствие ведущей роли и места ФРГ в процессе европейской интеграции. Во-вторых, с учетом роли и места ФРГ в Европе в целом, где в геостратегическом плане она также заняла центральные позиции. Наконец, в-третьих, ввиду особой исторической роли Германии в отношениях между западноевропейскими и бывшими социалистическими странами, и прежде всего Российской Федерацией как ключевым правопреемником бывшего СССР.

С исчезновением военного, политического и идеологического фактора СССР трансатлантическое сотрудничество, опиравшееся главным образом на военно-политический блок НАТО, во многом утратило изначально заложенную в него мотивацию. На этом фоне возникла дискуссия о судьбе НАТО и евро-атлантического сообщества в целом. Действительно, внешняя политика Г. Коля, в целом выстраивавшаяся под знаком Европы, не смогла предотвратить того, что с точки зрения политики безопасности атлантические связи становились более лабильными и начали возникать новые предубеждения в отношении США[2]. В Федеративной Республике это коснулось прежде всего парламентской (в лице СДПГ, партии зеленых и ПДС) и внепарламентской (в лице праворадикальных партий) оппозиции.

Ввиду структурной неоформленности евро-атлантического сообщества актуализировался вопрос о создании в его рамках институтов, которые идеологически, организационно и материально обеспечили бы приспособление к требованиям нового времени и одновременно отразили бы возросший удельный вес Европейского союза в трансатлантических отношениях.

В Западной Европе идеи институционального оформления евро-атлантического сообщества впервые возникли в 1970-е гг., в период разрядки. С окончанием глобального конфликта между Востоком

---

[1] «Компас». 1992. № 23. С. 23–24.

[2] Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schöder. Frankfurt/M.–Berlin, 2003. S. 427.

и Западом они были реанимированы, в частности в МИД ФРГ. Так, еще в 1992 г. в дискуссионном плане был поставлен вопрос о новой организации евро-атлантического сообщества. В соответствии с выдвигавшимися предложениями требовался новый договор, который бы по замыслу западногерманских политиков несколько ограничивал институциональное доминирование НАТО и регулировал не только военные, но также экономические и политические отношения между Западной Европой и США[1].

Благодаря усилиям канцлера ФРГ Г. Коля и министра иностранных дел ФРГ К. Кинкеля к 1995 г. дискуссия развернулась в масштабе Евросоюза. Представители высшего политического эшелона ФРГ, Франции, Великобритании сходились во мнении, что одна лишь оборонная проблематика не может служить достаточным фундаментом для трансатлантического здания, и выступали за новый трансатлантический пакт, который наряду с военными аспектами был бы призван институционализировать экономические и политические отношения. В рамках нового договора следовало трансформировать ролевую асимметрию между ЕС и США, не вполне адекватно, как считалось, отражавшую действительное положение дел, в равноправные, партнерские отношения. Нельзя сказать, что пожелания европейцев совершенно не были услышаны в США. Американцы все же предприняли ряд шагов навстречу европейским представлениям. Но это было сделано так, что структурная гегемония НАТО в атлантических отношениях в конечном итоге не была поколеблена.

В знак признания общих целей и интересов Европейский союз и Соединенные Штаты подписали 3 декабря 1995 г. в Мадриде совместный документ, который получил название «Новая трансатлантическая повестка дня». С одной стороны, в документе нашла свое отражение приверженность сотрудничеству, основанному на совместных ценностях и целях, с другой — в нем содержался широкий перечень вызовов и ответов на них в области обеспечения мира и поддержания стабильности, в сфере торговли, а также в деле укрепления трансатлантического сотрудничества. Эта «повестка дня» так и не была реализована в «эпоху Коля». И не столько потому, что содержала стандартный набор проблем в американо-европейских отношениях, таких, как реформа НАТО и преодоление кризиса на Балканах, сколько в силу сложности их согласования в рамках многоступенчатых международных структур. Намного проще было действовать на двустороннем уровне. Вот почему Р. Ливингстон, один из ведущих американ-

[1] “Frankfurter Allgemeine Zeitung”. 1992. 12. Juni. S. 1.

ских экспертов в области внешней политики, а в начале 70-х годов член Совета национальной безопасности США, с удовлетворением констатировал в 1997 г.: «Федеративная Республика стала европейской Германией. Но так же верно и то, что в той же степени и Европа становится немецкой. Во всяком случае, на это следует надеяться американской администрации»[1].

Окончание конфликта между Востоком и Западом поставило перед НАТО задачу переосмыслить свою стратегию, поскольку специфическая задача альянса — противопоставлять внешним угрозам сдерживание путем ядерного устрашения и эффективную оборону — утратила свое былое значение. Администрация Б. Клинтона, руководствуясь среди прочего задачей найти обоснование дальнейшему существованию и укреплению НАТО в период после холодной войны, достаточно далеко отошла от традиционного понимания Североатлантического союза как структуры, призванной в первую очередь обеспечивать коллективную оборону своих членов против внешней угрозы. В этот период в выступлениях американских официальных лиц все чаще встречался термин «коллективная безопасность». Критерии «коллективной безопасности» оставались, конечно, субъективны и базировались на сугубо американском понимании политических приоритетов. Тем не менее США (и в целом западное сообщество при всех разногласиях в его рядах) поставили себе целью доказать остальному миру, что верховенство национально-государственной юрисдикции не может больше считаться неоспоримым в современных условиях, когда в Европе принцип баланса сил устаревает и постепенно уступает место принципу «коллективной безопасности». В практическом плане все большее внимание стало уделяться не тем функциям НАТО, которые относились к отражению возможной агрессии против ее членов, а тем, которые связаны с «нетрадиционными угрозами». Кроме этого на передний план выдвинулись и такие задачи, как обеспечение стабильности и управление региональными кризисами.

Приоритетный вариант решения указанных задач увязывался с необходимостью расширения сферы действий Североатлантического альянса за пределы территории стран-членов. В это время американская администрация продвигала идею о «единой и неразделенной Европе» в качестве основополагающей цели своей европейской стратегии и предпочитала действовать не прежними методами выстраива-

---

[1] Livingston R.G. Die Erwartungen der neuen Clinton-Administration an Deutschland // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 1–2. 1997. S. 61.

ния баланса сил, а преимущественно через политику «вовлечения»[1]. (Существенная проблема состояла, правда, в том, что если в США предполагали появление в будущем основных вызовов за пределами Европы и поэтому рассматривали НАТО главным образом как инструмент своей глобальной стратегии, то Германия, как и прежде, ориентировалась в военно-политических стратегических вопросах исключительно на Европу). Тем не менее, как и в случае с Европейским союзом, Бонн стал активным проводником идеи расширения зоны военной безопасности за счет подключения к Североатлантическому союзу новых стран.

Министр обороны ФРГ Ф. Рюэ был одним из первых западных политиков, который затронул тему расширения альянса на заседании Совета НАТО еще в декабре 1992 г. Он выступил за то, чтобы открыть двери союза для тех центрально- и восточноевропейских стран, которые успешно справлялись с политическими реформами. Не случайно именно немецкий политик озвучил это предложение. Включение этих стран в западные структуры, по мнению правящих кругов ФРГ, не только могло бы содействовать стабилизации их международного положения, но и освободило бы Германию от крайне обременительной геополитической роли форпоста НАТО в Европе, которую ФРГ вынуждена была принять в условиях биполярного мироустройства.

На саммите НАТО в июне 1997 г. в Мадриде в адрес Польши, Чехии и Венгрии было направлено предложение начать переговоры об их присоединении к Организации Североатлантического договора (как известно, после подписания соответствующих договоров в декабре 1997 г. и процедуры их ратификации эти страны официально стали членами НАТО в марте 1999 г.). Таким образом, США и Германия смогли настоять на том, кто должен был стать в первую очередь новым государством-членом. В целом двойная стратегия Североатлантического союза, нацеленная на расширение и на укрепление безопасности, проводилась во многом благодаря активным усилиям правительства ФРГ и его принципиальной поддержке политики Соединенных Штатов.

В этом контексте важно обратить внимание на то, что марш НАТО на Восток заметно усилил в союзе позиции атлантистов в ущерб европеистам. Примечательно, что сама Германия, неизменно учитывавшая настроения и «предрассудки» чехов и поляков и в то же время заинтересованная в их интеграции в европейские структуры, неустанно

---

[1] Впрочем, как показала война в Югославии в 1999 г., администрации Б. Клинтона отнюдь не чужды были и идеи силовой гегемонии.

подчеркивала (и продолжает подчеркивать) важность военного присутствия США в Европе. Вместе с тем вступление Польши и Чехии в НАТО породило для ФРГ и некоторые сложности, поскольку эти страны, еще не в полной мере преодолевшие подозрительность и страхи в отношении Германии, при принятии важных для немцев решений в значительной степени ориентируются на силы, противодействующие укреплению ведущих позиций ФРГ в Европе (прежде всего на США и Великобританию), т. е. своим вступлением в НАТО (и ЕС) эти страны укрепили не европейские, а трансатлантические опоры этих организаций, что в определенной мере усложнило нахождение компромисса между европеистами и атлантистами.

Конечно, в политических кругах Германии не могли не видеть возможности такого развития ситуации в условиях, когда ее союзники по альянсу по-прежнему смотрят на НАТО в том числе и как на инструмент удержания Германии под контролем и сдерживания ее доминирования в Европе. Одновременно очевидно, что на данном историческом этапе общий выигрыш от включения в зону ответственности НАТО центральноевропейских государств был для нее важнее последующего расклада сил внутри альянса. Выстраивая сложную тактическую игру по отношению к своим партнерам и соперникам, Германия, судя по всему, надеялась отстоять свои интересы и в ходе реформы НАТО провести изменения, отвечающие ее растущему весу и влиянию в мире.

Опросы общественного мнения, проведенные в ФРГ в конце 1991 — начале 1992 г., свидетельствовали, что большинство ее граждан выступают за вывод с территории Германии американского ядерного оружия. В отношении же дальнейшего присутствия американских войск на немецкой земле мнения разделились. Тем не менее большинство респондентов считали, что коллективный оборонительный союз с Соединенными Штатами Америки должен был быть сохранен[1]. Относительное единство мнений на этот счет было и в экспертном сообществе ФРГ. Так, по мнению авторитетного немецкого политолога, в прошлом директора научно-исследовательского института фонда «Наука и политика» М. Штюрмера, «задача НАТО и американских войск в особенности состоит в обеспечении успокоительного воздействия на население европейских стран при возникновении каких бы то ни было внешних угроз, будь то конфликты на постсоциалистическом пространстве, международный терроризм или угрозы со

[1] Pfetsch F.R. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1992: von der Spaltung zur Vereinigung. München, Wilhelm Fink Verlag, 1993. S. 217.

стороны так называемых «стран-изгоев»[1]. В свою очередь, известный специалист в области трансатлантических отношений Ш. Бирлинг отмечал, что «война в Югославии показала, что НАТО способно полностью выполнять свои функции только в том случае, когда США берут на себя руководство»[2].

Подобные соображения, по-видимому, легли в основу договоренности об укреплении военного трансатлантического партнерства между тремя ведущими участниками НАТО — США, Францией и ФРГ. В январе 1993 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, начальник французского генерального штаба и генеральный инспектор бундесвера пришли к соглашению «в случае наступления состояния обороны» о полном переходе «еврокорпуса», включая его французскую составляющую, под командование НАТО. Было также решено в случае необходимости предоставлять его подразделения натовским структурам для использования в рамках операций по мандату ООН и ОБСЕ. Все, что оставалось за рамками этих договоренностей, подпадало под юрисдикцию Западноевропейского союза (ЗЕС). Таким образом, изначально франко-(западно)германская военная кооперация, дополненная в июне 1993 г. бельгийским, в ноябре 1993 г. испанским и в мае 1994 г. люксембургским участием, стала прочно вплетена в евро-атлантическую систему обеспечения безопасности.

Тем не менее хотя военно-политический аспект трансатлантического партнерства (в отличие от торгово-экономического) опирался на давно отрегулированную договорно-правовую базу, однако и здесь в условиях изменившегося международно-политического расклада сил можно было наблюдать нарастание определенных противоречий между союзниками по НАТО. Эти противоречия нашли свое отражение, в частности, в процессе решения проблемы реформирования НАТО в контексте новых взаимоотношений Североатлантического альянса, Евросоюза и Западноевропейского союза. Дело в том, что переосмысление задач НАТО применительно к новой международно-политической среде сделало неизбежным и переоценку значения ЗЕС. Основополагающим документом, определившим будущее ЗЕС, стал Маастрихтский договор (подписан в декабре 1991 г., вступил в силу 1 ноября 1993 г.). Через усиление роли ЗЕС Маастрихтский до-

---

[1] Michael Stürmer, Deutsche Interessen // “Deutschlands neue Aussenpolitik”. Bd. 1: Grundlagen. Hrsg. von Karl Kaiser u. Hanns W. Maul. München, 1994. S. 53.

[2] Bierling S.G. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Normen, Akteure, Entscheidungen. München, 1999. S. 287.

говор открыл путь к нахождению согласованных решений в области внешней политики и политики безопасности. В Германии, как и в ряде других западноевропейских государств, ЗЕС стал рассматриваться как необходимая составная часть европейского процесса объединения, как будущая военная опора ЕС и в то же время как важнейшее соединительное звено между ЕС и НАТО.

Хотя оживление деятельности ЗЕС происходило, конечно, не без согласия со стороны США, отдельные американские аналитики все же заговорили о «европейском вызове». Противоречивое развитие Западноевропейского союза во многом было обусловлено противоборством двух тенденций в рамках трансатлантических отношений: атлантической и европеистской. Атлантисты, выступая сторонниками умеренного варианта повышения роли ЗЕС в сфере безопасности, считали, что НАТО — это единственный полноценный форум, где европейцы сообща с американцами могут формировать политику в области безопасности. Европеисты, напротив, не принимали традиционно сложившееся распределение задач между НАТО и ЗЕС, отстаивая вариант формирования на базе ЗЕС автономной системы обеспечения безопасности континента.

Следует подчеркнуть, что со временем в Соединенных Штатах стали спокойнее относиться к ЗЕС и «еврокорпусу» как ядру будущей европейской армии, хотя вначале отдельные положения Маастрихтского договора заставили их опасаться за судьбу Североатлантического альянса и вызвали резкую и однозначную реакцию Вашингтона. С приходом к власти президента Клинтона в США стали обращать больше внимания не на политические декларации, а на реальную способность европейцев к обретению собственной оборонной мощи. Однако качественного сдвига в этой сфере в рассматриваемый период так и не произошло.

На Берлинской сессии Совета НАТО в июне 1996 г. развитие ЗЕС обрело новую динамику при сохранении его подчиненности НАТО. Активные усилия германской дипломатии во многом способствовали тому, что 16 министров иностранных дел стран — членов НАТО пришли к решению о возможности для европейских членов альянса осуществлять самостоятельные военные акции в случаях, когда Америка не захочет вмешиваться в события на европейском континенте в качестве ведущей державы. При этом с согласия американцев европейцы получали возможность воспользоваться структурами и мощностями НАТО. Таким образом, в рамках реформируемой системы безопасности рядом с существующим американским удельным весом должен был несколько возрасти и удельный вес ЕС, что не противоречило ин-

тересам Вашингтона, заинтересованного в экономии средств и более равномерном распределении бремени расходов на оборону между всеми союзниками.

В то же время боевые действия на Балканах, участниками которых оказались члены ЕС, следуя требованиям атлантической солидарности, выявили высокую степень военно-технологической зависимости Евросоюза от США и в значительной мере стимулировали наметившуюся в тот период тенденцию к «одностороннему» подходу Америки к международным проблемам. Наглядная демонстрация технологического разрыва с США и новые нюансы в американской внешней политике возродили в ФРГ старые опасения насчет «расстыковки» европейской и американской систем безопасности. Вместе с тем эти факторы придали новые импульсы ее усилиям по укреплению общей политики в области безопасности и обретению Евросоюзом собственной оборонной идентичности. На саммите ЕС в Кёльне в начале июня 1999 г., который проходил под председательством Германии, было принято решение до конца 2000 г. полностью интегрировать ЗЕС в Евросоюз и при кризисном менеджменте обеспечить для Европы способность к автономным действиям, опирающимся на действительную военную боеспособность.

Такой поворот событий вызвал растущую обеспокоенность американской стороны. За месяц до саммита ЕС в Хельсинки, на котором должна была быть принята программа по реализации решений Кёльнского саммита, сенат США счел необходимым выступить с соответствующим предупреждением. В резолюции, в частности, подчеркивалось, что НАТО должно быть первой инстанцией при урегулировании любого кризиса, а ЕС может предпринимать автономные миссии лишь в том случае, когда НАТО делегирует ему эти полномочия.

Наблюдатели опасались, что дипломатическое давление, оказываемое американцами на страны — члены ЕС, воспрепятствует удовлетворительному прогрессу в Хельсинки. Одновременно было ясно, что спор между ЕС и США выходит далеко за рамки единичного саммита, поскольку через десять лет после падения Берлинской стены Европа и Америка в одинаковой степени находились в процессе поиска своей новой роли в мире. В этом отношении саммит ЕС в Хельсинки, состоявшийся 10–11 декабря 1999 г., явился лишь одной из вех на пути военно-политической и оборонной «эмансипации» Европы.

Вопреки некоторым опасениям в Хельсинки страны — члены ЕС приняли решение о создании к 2003 г. европейского корпуса кризисного реагирования численностью 100 тыс. военнослужащих (из них 60 тыс. — ударная группировка для развертывания непосредственно

в зоне боевых действий) с мобилизационной готовностью 60 дней. На повестку дня была также поставлена задача радикальной модернизации европейской оборонной промышленности и вооруженных сил стран — членов ЕС (поскольку, по мнению большинства экспертов, относительно современными вооруженными силами обладают только Великобритания и Франция). На саммите ЕС в Хельсинки было также заявлено, что в будущем Европа намерена обрести способность в случае необходимости урегулировать кризисы также и военным путем, под собственным командованием и собственными средствами, если НАТО не сможет или не захочет их предоставить.

Подводя промежуточные итоги, на данном этапе можно было констатировать, что идея расширения организационной структуры евро-атлантического сообщества путем институционализации в нем экономической и политической составляющих пока оставалась нереализованной. Ядром евро-атлантического сообщества по-прежнему выступал военно-политический блок НАТО с сохранением лидирующей роли США. Американцы исходили из того, что НАТО является не только важнейшей, но и наиболее органичной связью между США и Европой. Постепенное формирование военного потенциала ЕС и его претензии на проведение самостоятельных операций по реагированию на кризисы без участия альянса содержало в себе потенциал возможного в перспективе кардинального изменения «структуры Запада» в случае создания общей европейской командной вертикали, позволяющей действовать в обход НАТО. В то же время, несколько забегая вперед, можно отметить, что достижение в 2002 г. соглашения о стратегическом партнерстве НАТО и ЕС в значительной мере развеяло имевшиеся у американской стороны подозрения в том, что создание европейских сил быстрого реагирования вызовет сепаратистские тенденции в НАТО. Декларация о стратегическом партнерстве НАТО и ЕС устранила почву для наихудших опасений США в отношении целей создания этих сил. Хотя в ней приветствуется формирование общей европейской политики безопасности и обороны и говорится о возможности операций ЕС по урегулированию кризисов без участия НАТО, целый ряд принципиальных положений документа выдержан в духе американских требований.

Помимо военно-политической составляющей нельзя забывать и тесное переплетение экономических потенциалов Европы и Америки. Общий объем трансатлантической торговли составил в середине 90-х годов примерно 640 млрд долларов. Старый и Новый Свет продолжали оставаться друг для друга важнейшими инвестиционными рынками. В Германии в этот период было зарегистрировано

около 1700 фирм с участием американского капитала, и примерно 2500 немецких предприятий оперируют в качестве американских фирм в США[1]. 4,3 млн американцев были заняты на предприятиях европейских фирм. В свою очередь, на американских предприятиях в Европе работали 3,2 млн человек. Говоря словами бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера, «процесс глобализации настолько углубил экономические связи, что взаимные инвестиции почти неразрывно увязали благосостояние Северной Америки и Европы»[2].

В то же время не является секретом, что позитивный заряд интенсивных торговых и экономических отношений далеко не всегда подлежит автоматической экстраполяции на политический уровень, периодически становясь источником серьезных трений между трансатлантическими партнерами. По справедливому замечанию американского политолога С. Сабо, «логика частного сектора явственно отличается от логики выразителей стратегических интересов»[3]. Союзники вынуждены были констатировать, что через 50 с лишним лет после старта «плана Маршалла» ситуация существенно изменилась. В условиях исчезновения угрозы с Востока европейцы, и особенно немцы, очень быстро почувствовали перемены в поведении США. Министр внешней торговли в администрации Клинтона Дж. Гартен выразил этот подход в следующей формуле: «Когда больше не имеешь общих врагов, вовсе не обязательно быть любезными друг с другом»[4]. Жесткие методы конкурентной борьбы между Старым и Новым Светом отражают серьезность торгово-экономических разногласий в рамках трансатлантических отношений и показывают, что партнерство и соперничество идут здесь нога в ногу.

Американо-европейские спорные вопросы проявляются преимущественно в следующих сферах:

во-первых, это масштабные конфликты по вопросу об импортных пошлинах на продукцию сталелитейной промышленности (в настоящее время острота разногласий несколько снята благодаря достижению ряда компромиссных решений), а также по вопросу о стимулировании экспорта путем предоставления экспортных льгот (в этой области до сих пор не найдено удовлетворительного решения);

---

[1] Schauer H. Europa und Amerika — Rivalen oder Partner? // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 29–30/1999. S. 19.

[2] *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. С. 19.

[3] Stephen F. Szabo, Germany and the United States After Iraq: From Alliance to Alignment // IPG, 2004, Nr. 1. S. 43.

[4] "Wirtschaftswoche". 1997. No 23. S. 16.

во-вторых, это застарелые конфликты в связи с государственным дотированием ряда отраслей промышленности в ЕС, особенно в области самолето- и судостроения;

в-третьих, это так называемые «конфликты нового поколения», связанные с характером использования новых технологий, как-то: генетическая модификация продуктов питания или же применение гормональных препаратов в сельскохозяйственной продукции;

в-четвертых, это конфликты, проистекающие из различий в национальном картельном законодательстве, что проявляется прежде всего в процессе слияний и поглощений;

в-пятых, это вопросы, связанные с широко распространенной американской практикой экстерриториальных санкций (т. е. с периодическими попытками конгресса США заставить третьи страны присоединиться к бойкоту со стороны США таких государств, как Куба, Иран и др.);

наконец, в-шестых, это целый ряд давних конфликтов, так или иначе связанных с общей аграрной политикой ЕС.

В этих условиях стороны не устают обвинять друг друга в разного рода дискриминационных акциях, не торопясь изменить свою собственную политику по отношению к партнеру.

Тем не менее в целом германо-американские отношения при Г. Коле характеризовались с немецкой стороны приверженностью традиции и чувством признательности за американскую помощь и поддержку, не в последнюю очередь в процессе германского объединения. Они дополнялись дружескими чувствами, которые питали друг к другу Г. Коль и Дж. Буш (старший). После прихода в Белый дом администрации Б. Клинтона на их место пришло дружеское уважение в отношении «легкого в обращении» партнера по другую сторону Атлантики. По большому счету, двусторонние связи не испытывали в этот период серьезных проблем.

Вместе с тем следует, однако, отметить, что германской политике объективно требовалось время, чтобы привыкнуть к новой международной ситуации. При канцлере Г. Коле официальный Бонн предпочитал придерживаться осторожной линии поведения. Это обуславливало известную неуверенность США в отношении немцев. Хотя, согласно заявлениям немецких и американских официальных лиц, отношения между Бонном и Вашингтоном неизменно квалифицировались как особенно тесные и доверительные, средства массовой информации ФРГ нередко давали довольно противоречивую картину в плане стратегического сближения США и Германии. Так, по мнению газеты *«Зюддойче цайтунг»*, отметившей сдержанное отношение

Германии к «партнерству в лидерстве», основная проблема двусторонних американо-германских отношений заключалась в том, что американцы предпочитали иметь на своей стороне зрелого партнера, в то время как в Бонне хотели на несколько лет растянуть период «политического возмужания». Другой причиной сдержанности Германии, по-видимому, было неприятие курса Вашингтона на выстраивание преимущественно двусторонних отношений с каждым отдельным европейским партнером. По мнению германской дипломатии, следовало бы говорить о стратегическом партнерстве не между Америкой и Германией, а в большей степени между Америкой и Европой.

Примечательно, что и немцы (как, впрочем, и многие европейцы), в свою очередь, находились в такой же неуверенности относительно американской внешней политики, как и американцы относительно политики ЕС и Германии[1]. В этом контексте факт пребывания США в роли единственной сверхдержавы порой воспринимался немцами и другими европейцами как вызов.

Представляется, что с учетом исторического контекста было бы едва ли правомерно чрезмерно акцентировать протестную позицию европейских, и в частности немецких, элит, тем более что ФРГ начинала как «протекторат» США и основной союзник американцев в Западной Европе. Недовольство ЕС, как и немцев, высокомерной политикой США по природе своей являлось объективным следствием их относительной слабости. В то же время настойчивое стремление стран — членов Евросоюза к установлению равноправных отношений с США, встречавшее сопротивление единственной оставшейся сверхдержавы, обладало шансами на успех ввиду относительной ограниченности возможностей США и их объективной заинтересованности в сильном партнере перед лицом формирования новых «центров силы» (например, Китай, Индия, мусульманский мир). В этой связи осознание неизбежности перемен и модернизации трансатлантических отношений все сильнее пронизывало атмосферу американо-европейских и американо-германских отношений.

5.3. Годы правления Герхарда Шрёдера

Смена правительства в Германии осенью 1998 г. дала повод развернуть широкую дискуссию о том, насколько это событие вызовет фундаментальные изменения в политической, в том числе внешнеполити-

[1] *Ланггут Г.* Немцы в поисках безопасности. М.: Прогресс, 1995. С. 183.

ческой, культуре ФРГ. К власти пришло новое поколение политиков, не испытавших тягот войны и во многом сформировавшихся под влиянием молодежного движения конца 60-х годов. Канцлер Шрёдер недвусмысленно дал понять: новое коалиционное правительство, состоявшее из социал-демократов и зеленых, считает, что период интенсивной проработки национал-социалистского прошлого и особого внимания к исторически обусловленным страхам соседей Германии уже завершился (что касается последнего пункта, то, как показали последовавшие события на международной арене, такая позиция, видимо, была несколько преждевременной).

Германская внешняя политика начала поиск нового баланса между интеграцией и национальными интересами. С учетом изменившихся внутри- и внешнеполитических реальностей по-новому должна была быть обоснована даже такая константа, как трансатлантические отношения. В связи с этим одна из важнейших задач, которую поставило перед собой правительство Шрёдера–Фишера, состояла в обновлении трансатлантического партнерства. Общий интерес европейцев и американцев состоял в том, чтобы и в будущем совместными усилиями обеспечивать безопасность и стабильность в Европе и в сопредельных с ней государствах. При этом возникал вопрос о путях и средствах реализации данной задачи. И если христианские демократы, находившиеся в тот период в оппозиции, без каких бы то ни было серьезных оговорок в целом послушно следовали в фарватере американского внешнеполитического курса, то социал-демократы и зеленые высказали в этом вопросе свою особую точку зрения. Такая же особая позиция ФРГ была продемонстрирована новым руководством страны и по ряду других проблем.

Уже осенью 1998 г. министр иностранных дел Й. Фишер, касаясь взаимоотношений Германии с НАТО, неожиданно высказался за отказ от концепции превентивного ядерного удара. Развернувшаяся вслед за этим дискуссия вызвала в альянсе немалый переполох, поскольку этот вопрос затронул самосознание прежде всего ведущих ядерных держав военной организации НАТО — США и Великобритании. Естественно, ФРГ не смогла добиться принятия решения об отказе от применения первым ядерного оружия. Определенным достижением немецкой внешней политики был, однако, уже тот факт, что эта проблема вообще стала темой для обсуждения внутри альянса. Впервые в официальных документах правительства Германии в качестве одной из главных задач были зафиксированы слова «разоружение, в том числе и в области ядерных вооружений». Прежние руководители страны говорили лишь о «контроле над вооружениями».

23–24 апреля 1999 г. в Вашингтоне состоялась юбилейная встреча глав государств и правительств стран НАТО в связи с 50-летием ее образования. Одновременно этот форум был использован для того, чтобы обнародовать новую стратегическую концепцию НАТО, которая должна была прийти на смену действовавшей до той поры стратегии, принятой в 1991 г. Было утверждено положение о том, что гарантии ядерного сдерживания должны сохраняться на возможно более низком уровне. Вопрос о снижении значения ядерного оружия как средства ведения войны особенно активно поднимался в дискуссии германской стороной. При формулировании новой стратегии Североатлантического альянса Германия акцентировала внимание на разоружении и предотвращении конфликтов. По настоянию ФРГ в коммюнике по итогам встречи на высшем уровне констатировалось, что меры укрепления доверия и безопасности, верификации, а также обеспечения нераспространения оружия массового уничтожения и ядерное разоружение должны быть подвергнуты переоценке в свете понижения значения ядерного оружия в альянсе.

В 1990-е годы Германия впервые за послевоенный период стала использовать свои вооруженные силы вне национальных границ, а затем и вне сферы ответственности НАТО, сначала по мандату ООН, а затем и без него. Правительство Шрёдера–Фишера заявило: «Участие вооруженных сил Германии в мероприятиях по соблюдению мира и международной безопасности полностью соответствует нормам международного права и конституционного права ФРГ»[1].

Идя на выборы 1998 г., Г. Шрёдер обещал своим избирателям, что ФРГ будет надежным оплотом мира в Европе. Однако не пробыв у власти и полгода, его правительство приняло участие в агрессии против СРЮ. По утверждению федерального канцлера, у ФРГ не было иного выбора, чтобы «прекратить убийство» в Косове. Именно позиция ФРГ наряду с США определила решение НАТО на военное вторжение в СРЮ. По словам министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера, «этот конфликт должен ясно показать, что в действительности означает, когда Германия совместно со своими партнерами выполняет свой долг».

Приняв участие в военной операции НАТО на Балканах, ФРГ, пожалуй, впервые в полной мере продемонстрировала союзническую солидарность и готовность брать на себя ответственность — теперь уже, правда, далеко не однозначно оцениваемую в мире. Если в недав-

---

[1] Цит. по: *Павлов Н.В., Новиков А.А.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005. С. 420.

нем прошлом — например, во время первой войны в Персидском заливе — в этом вопросе в силу исторических причин и географической отдаленности региона Германия проявляла особую сдержанность (оказывая антииракской коалиции политическую и финансовую поддержку, она не предоставляла ей свой военный потенциал), то на этот раз ситуация была принципиально иной. Во многом это было связано с тем, что конфликтная ситуация разворачивалась на европейском континенте. С самого начала Германия участвовала в планировании и осуществлении военных акций НАТО[1]. Знаковая роль ФРГ в этом конфликте уже не оспаривалась. Это ясно дал понять за несколько недель до войны в Косове германский канцлер, когда на конференции по политике безопасности в Мюнхене заявил: «Германия и не может, и не хочет идти особым путем. Мы... выросли в союзе (НАТО). И мы хотим в нем оставаться. Поэтому сегодня мы без всяких «если» и «но» готовы брать на себя ответственность как «нормальные» члены, будь то в ЕС или в НАТО»[2]. В столицах государств НАТО этот шаг был воспринят с вниманием и полным одобрением.

После 11 сентября 2001 г., когда против США был совершен широкомасштабный террористический акт, правительство ФРГ выразило свою «неограниченную солидарность» с Америкой, связывая с этим ожидания иметь более весомый голос при принятии решений в Вашингтоне. Спустя три месяца после трагических событий тогдашний посол Германии в США В. Ишингер так охарактеризовал германо-американские отношения: «Я не могу вспомнить время, когда эти отношения были лучше, чем сейчас». Когда он только что прибыл в Вашингтон, в июле 2001 г., эти отношения были далеко не так хороши. Как отметил В. Ишингер, «европейские СМИ не очень хорошо отзывались о вашем президенте. У нас было много проблем, типа Киотского протокола. После 11 сентября эти проблемы для меня второстепенны»[3].

Что касается Афганистана, военные действия США на его территории в рамках антитеррористической коалиции рассматривались официальными кругами ФРГ как соответствующие международному праву и решениям ООН. В Берлине было объявлено, что Соединенные Штаты «не только заслужили нашу неограниченную солидар-

---

[1] Об активном военном участии ФРГ в косовских событиях свидетельствует, в частности, и назначение командующим силами НАТО в Центральной Европе немецкого генерала К. Райнхардта.

[2] Цит. по: *Павлов Н.В., Новиков А.А.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. С. 421.

[3] Wolfgang Ischinger, “Germany and the United States: Allies against Terrorism”. Presentation at the World Affairs Council, Washington DC, 11 December 2001.

ность», но и готовность Германии принять участие в военных операциях. Вместе с тем Г. Шрёдер сделал существенную оговорку: «То, что наше общество стало намного сдержаннее относиться к необходимости проведения военных операций, чем когда бы то ни было в немецкой истории, я расцениваю как цивилизационный прогресс...»[1]. Из этого он вывел формулу: неограниченной солидарности — да, авантюрам — нет (по сути ограничивая тем самым продекларированную ранее «неограниченную солидарность»).

После того как американцы заявили о разгроме режима талибов, правительство ФРГ заявило, что будет бороться с терроризмом в Афганистане не столько военными средствами, сколько путем оказания экономической и гуманитарной помощи. Однако наряду с этим был подготовлен воинский контингент общей численностью 3900 человек, усиленный техникой химзащиты, который был направлен в Кувейт для совместных тренировок с американскими войсками.

В феврале 2002 г. на мысе Горн в Африке была оборудована военно-морская база, на которой разместилось соединение кораблей в целях обеспечения безопасности судоходства в регионе. В Джибути также была оборудована военно-морская база поддержки. Дополнительно с марта 2002 г. из Момбасы (Кения) были задействованы три самолета-разведчика для патрулирования морских путей. Наконец, более 100 солдат спецназа бундесвера приняли участие в военной операции в Афганистане[2] и 250 военнослужащих — в обеспечении работы систем АВАКС НАТО над территорией США. В целом в 2002 г. германское правительство выделило более 1,25 млрд евро на покрытие расходов по участию бундесвера в операциях за рубежом[3]. В связи с этим оказалось, что к началу XXI столетия Германия стала крупнейшим государством после США, которое предоставляло свои воинские контингенты для обеспечения миротворческих операций в мировом масштабе.

Несмотря на предпринятые усилия, канцлера Шрёдера постигло серьезное разочарование, когда президент США не признал в нем

---

[1] Цит. по: Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Frankfurt/M.–Berlin, 2003. S. 477.

[2] Впоследствии в Германии разгорелся скандал, связанный с тем, что левые (ПДС/Левая партия) поставили вопрос о «прояснении для широкой общественности ситуации», касающейся непосредственного участия бойцов немецкого спецназа (как выяснилось, около 600 человек из *KSK-Gruppe*) в боевых действиях в рамках *американской (а не международной)* операции в Афганистане. Эта тема была (и остается) практически полностью закрытой для широкой немецкой общественности, что и послужило «формальным поводом» для недовольства со стороны левых.

[3] Schöllgen G. Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne. München: Propylaeen Verlag, 2003. S. 92.

равного себе партнера. По-видимому, это одна из причин американо-германских разногласий по Ираку, которые были публично озвучены канцлером ФРГ летом 2002 г. в ходе избирательной кампании. Одержав победу на выборах, Г. Шрёдер вновь заявил, что полная солидарность не распространяется на «авантюрные действия» и скептически отозвался о готовившейся военной операции в Ираке. Впрочем, канцлер вынужден был учитывать общественное мнение в собственной стране, где 71% населения высказался в начале декабря 2002 г. против войны в Ираке[1].

В целом же в этот период приходилось констатировать, что война на Балканах, а также обострившееся после событий 11 сентября 2001 г. восприятие угрозы международного терроризма выявили глубокий кризис таких признанных институтов, как ЕС, ЗЕС, ОБСЕ, а также европейская общая внешняя политика и политика в области безопасности. Принцип взаимоувязки деятельности этих организаций оказался на поверку дня неработающим. Даже НАТО продемонстрировало свою относительно малую эффективность.

Пути выхода из сложившейся ситуации были намечены в «Декларации о трансформации НАТО»[2] от 6 октября 2002 г., в которой, в частности, провозглашалось, что Организация Североатлантического договора должна быть «способна предпринимать действия в любой ситуации, угрожающей безопасности ее членов, на основе Устава ООН. Полная ясность относительно того, что «лица, угрожающие нашим народам, нигде не найдут себе надежного укрытия, равно как и те, кто предоставляет убежище подобным лицам», послужит укреплению элемента сдерживания в стратегии НАТО. В соответствии с этой декларацией Североатлантический совет должен определять характер действий в каждом конкретном случае. В тех случаях, когда НАТО как организация не будет вовлечено, союзники, желающие предпринять те или иные действия, должны иметь возможность пользоваться фондами, технологическими возможностями и процедурами НАТО. В документе подчеркивалось, что предпочтение должно отдаваться проектам, привлекающим максимальное число стран. Потенциалы НАТО и Европейского союза подлежали взаимному укреплению и полному согласованию посредством постоянного использования координационных механизмов и процессов. НАТО рекомендовалось усилить меры, направленные на сокращение фрагментации оборонных закупок

---

[1] Ibid. S. 120.

[2] "Declaration on NATO Transformation", NATO Standing Committee, Brussels, 6. October 2002, http://www.nato.int.

посредством объединения военных средств, совместного приобретения оборудования и общего финансирования, а также свести к минимуму препятствия в области обмена технологиями. Помимо этого предполагалось, что союз должен обрести способность действовать в любой точке, где возникает угроза его интересам, создавая коалиции под собственным мандатом, а также содействуя целевым коалициям, созданным для противодействия как старым, так и новым угрозам.

В октябре 2002 г. руководством НАТО было также объявлено, что большое количество связанных с безопасностью вопросов в евро-атлантической повестке дня требует максимально высокого уровня коммуникации и координации между ЕС и североамериканцами. В частности, было указано, что саммит НАТО в Праге (21–22 ноября 2002 г.) должен стать поворотным пунктом в трансформации союза[1]. Впоследствии на этом саммите были приняты решения по широкому спектру вопросов, касавшихся борьбы с терроризмом, структуры военного командования и штаб-квартиры НАТО, а также дальнейшего развития партнерства между союзниками по НАТО и усиления военного потенциала альянса. Так было принято решение о создании объединенных сил быстрого реагирования численностью 21 тыс. военнослужащих, способных осуществлять весь спектр военных операций, в том числе антитеррористических, в любом регионе по решению Совета НАТО. Альянс одобрил согласованную военную концепцию защиты от терроризма, предусматривающую изменение оперативного планирования и адаптацию военного потенциала НАТО применительно к борьбе с террористической угрозой. В Пражской декларации отмечалось также, что данная концепция является лишь одной из пакета мер по укреплению потенциала НАТО в области борьбы с терроризмом, который включает в себя также механизм обмена разведданными и проведение операций по реагированию на кризисы.

В соответствии с апрельским решением Североатлантического альянса 11 августа 2003 г. международный контингент по обеспечению безопасности (ИСАФ) в Кабуле был передан под командование НАТО. Командование подразделениями НАТО было возложено на немецкого генерала Г. Глимерота. И это не случайно, поскольку бундесвер составил более половины военнослужащих ИСАФ, состоявшего из 4200 солдат и офицеров из 29 стран. Пожелание более активной роли Германии в афганских делах и соответствующей «разгрузки» американской стороны исходило из Вашингтона. Первоначально руководст-

---

[1] Lord Robertson, remarks to the EU Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Defense Policy and Common Security, 8 October 2002, NATO On-line Library, http://www.nato.int.

во ФРГ выступало против расширения «зоны действий» бундесвера в Афганистане, ссылаясь на труднопрогнозируемые риски, а также недостаточное техническое оснащение немецкого контингента. Однако верх взяли политические соображения, связанные в том числе с надеждой на снятие напряженности в отношениях с США после войны в Ираке. Дж. Буш не замедлил выразить одобрение действиям германской стороны.

Невзирая на это приходится констатировать, что в целом отношение в Германии к американской политике стало при Шрёдере более негативным. В сентябре 2003 г. опросы общественного мнения показали, что 50% немцев отрицательно отнеслись к ведущей роли Соединенных Штатов в мировой политике, в то время как в 2002 г. эта цифра составляла 27%. Число согласных с лидерством США сократилось с 68 до 45%. Одновременно в общественном мнении ФРГ произошел очевидный сдвиг в сторону Европейского союза[1].

На характере германо-американских отношений в основном в большей степени сказалась смена поколений в политике, нежели смена правительственной коалиции. Эта смена привела к тому, что чувство зависимости от «мирового гегемона» и уважительное к нему отношение сменилось со стороны «повзрослевшего вассала» на претензии рассматривать себя в качестве равноправного партнера. «Немцы ожидают от США, прежде чем те будут принимать важные решения, учета немецких, как и европейских, интересов, но прежде всего — своевременных консультаций, а не только информирования»[2].

Вместе с тем несомненным представляется тот факт, что развитие событий в указанный период, и в частности трансатлантические разногласия и споры внутри самого ЕС по вопросу об отношении к войне в Ираке и внешней политике США после событий 11 сентября, отразило более глубокий конфликт мнений вокруг принципов поддержания миропорядка и программы действий в области безопасности. Вопрос, как и прежде, во многом упирался в принципы и механизмы выработки как трансатлантической, так и европейской программы

---

[1] “Ablehnung amerikanischer Außenpolitik sprunghaft gestiegen” // “Frankfurter Allgemeine Zeitung” vom 4. September 2003. К этому можно добавить, что согласно одному из опросов общественного мнения в начале 2005 г. каждый третий немец моложе 30 лет считает, что террористические акты 11 сентября 2001 г. *были подстроены самим американским правительством*.

[2] Helga Haftendorn, Der gütige Hegemon und die unsichere Mittelmacht: deutsch-amerikanische Beziehungen im Wandel // “Aus Politik und Zeitgeschichte”. B. 29–30/1999. S. 5. Иными словами, высказанное в 1999 г. пожелание не утратило своей актуальности и 4 года спустя.

безопасности. Должен ли ЕС вносить больший вклад в создание европейской опоры безопасности в рамках НАТО и увеличить оборонные бюджеты своих членов для обеспечения готовности союза противостоять угрозам XXI в.? Или европейским государствам следует сосредоточиться на укреплении собственной общей (и, возможно, полностью независимой от НАТО) европейской политики в области безопасности и обороны, включая создание собственной командной вертикали (в частности, штаба вооруженных сил)?

В связи с этим уместно отметить, что предложение США о создании сил реагирования НАТО, принятое на ноябрьском саммите НАТО в Праге, неизбежно должно было оказать продолжительное и, вероятно, ослабляющее влияние на развитие сил быстрого реагирования Европейского союза. Судя по всему, негативное отношение в Германии к такому развитию событий превзошло недовольство большинства других стран. Действительно, в то время как Великобритания традиционно рассматривала общую европейскую политику в области безопасности и обороны как часть структуры НАТО, а Франция, на протяжении многих лет с подозрением относившаяся к руководящей роли США в НАТО, видимо, надеялась, что ЕПБО станет альтернативой НАТО в качестве механизма «жесткой силы», правительство Германии восприняло ЕПБО как главную альтернативу НАТО в качестве «мягкой силы».

Характерной в связи с этим представляется позиция министра иностранных дел Германии Й.Фишера, который, в частности, заявил, что, после того как в 1999 г. оказалось невозможным избежать военной акции против Сербии из-за ситуации в Косово, единственным следствием подобной военной интервенции является дальнейшая европейская интеграция и соответственно становление общей европейской внешней политики и/или политики в области безопасности и обороны. Существенное различие между политикой Парижа и политикой Берлина состоит, однако, в том, что если немцы после Второй мировой войны демонстративно отреклись от политики силы, в особенности военной силы, и «европеизировали» свою внешнюю политику, то о внешней политике Франции ничего подобного сказать нельзя. Франция продолжает оставаться ядерной державой и постоянным членом Совета Безопасности ООН; ее вооруженные силы — одни из самых мощных в Европе (если не в мире), способные к развертыванию сразу в нескольких кризисных зонах. Франция, как и Соединенные Штаты, держится за свой военный потенциал «жесткого характера» и национальный суверенитет в области безопасности и обороны, в то время как нынешнее правительство Германии агити-

рует за механизмы «мягкой силы», которые предусматривают управление гражданскими кризисами и лишь относительно жесткие методы поддержания мира[1].

Наглядным свидетельством глубоких противоречий стал раскол, возникший из-за коренных разногласий внутри трансатлантического альянса по поводу войны в Ираке в 2002–2003 гг. Если французская реакция на возглавляемую США кампанию в Ираке не явилась неожиданностью (хотя в Вашингтоне, возможно, не ожидали столь агрессивной «дипломатической войны»), то позиция Германии действительно оказалась сюрпризом. Как известно, канцлер ФРГ К. Аденауэр, оказавшись в начале 60-х годов перед стратегическим выбором между Вашингтоном и Парижем, предпочел остаться под эгидой Вашингтона. В 2003 г. Герхард Шрёдер попытался по-иному расставить акценты: приоритет был отдан более тесному двустороннему сотрудничеству с Францией в деле европейской интеграции за счет ослабления трансатлантических связей.

«В позиции французов в первой половине 2003 г. не было ничего действительно нового, — отмечал бывший высокопоставленный американский дипломат Р. Холбрук, — но позиция немцев была полностью неожиданная и беспримерная. Немцы вложили свою внешнюю политику в руки французов. Это было большой неожиданностью, которая, в моих глазах, не может отвечать долгосрочным интересам Германии»[2].

Не оставил без критики позицию ФРГ и бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, который заговорил даже о «кризисе» германо-американских отношений, бросив упрек в адрес Берлина в том, что антиамериканизм стал «постоянной чертой германской политики». Характерно, однако, что проблема Ирака, по его словам, явилась лишь «поводом для переориентации германской внешней политики в сторону большей национальной ориентации». Новый «германский путь», во имя которого ведется поиск конфронтации с США и предаются забвению консультации с другими европейскими государствами, представляет собой вызов не только для США, но и для Европы»[3].

---

[1] Ср.: Michaela C. Hertkorn, "Defining Preventive Diplomacy in Europe: September 11 and Its Impact on the EU's Common Foreign and Security Policy," in: Conflict Prevention from Rhetoric to Reality, edited by Albrecht Schnabel and David Carment (Lanham, MD: Lexington Books, 2004). P. 28.

[2] "Rheinischer Merkur", 24. Juli 2003.

[3] Цит. по: Rudolf P. Deutschland und die USA — eine Beziehungskriese? // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 48/2002. S. 16.

Как это ни странно, но значительная часть политического и экспертного сообщества в самой Германии также была критически настроена в отношении внешнеполитического курса правительства, считая, что оно за короткий срок свело на нет фундаментальные принципы, которые были характерны для внешней политики ФРГ на протяжении всего послевоенного периода и почти до конца 1990-х гг. (этими принципами были: не действовать в одиночку, не делать окончательного выбора между Парижем и Вашингтоном, не ввязываться в геополитическую «войну на двух фронтах» между Парижем и Москвой при отсутствии сильной дипломатической смычки с Лондоном и Вашингтоном; к тому же, в значительной степени поддерживая планы и политику Франции в области преобразования структур ЕС, Германия, судя по всему, отошла и от своей роли защитника интересов малых стран ЕС в Европейской комиссии).

«Бережное отношение к германо-американским отношениям — это внешнеполитический Основной закон Федеративной Республики. Этот Основной закон был предан забвению правительством Шрёдера–Фишера»[1], — убежден авторитетный германский специалист К. Хакке. В свою очередь, его коллега Г. Шёльген считает, что «Федеративная Республика впервые после своего вступления в НАТО поставила под вопрос свое отношение к Америке и тем самым — свою тесную привязку к западному союзу»[2]. В этой связи он привел слова известного внешнеполитического эксперта СДПГ Х.-У. Клозе, который упрекнул канцлера в том, что тот обязан был бы знать: коллективная память европейских соседей Германии с особым недоверием воспринимает «особые немецкие пути во внешней политике». Таким образом, Шрёдер «сделал именно то, в чем он упрекает американцев — в их склонности действовать с позиций унилатерализма. Тем самым он одновременно нарушил основные принципы немецкой внешней политики после Второй мировой войны»[3].

В ходе предвыборной борьбы летом-осенью 2002 г. федеральное правительство решило разыграть антиамериканскую карту, поскольку опросы общественного мнения в начале лета указывали на вероятный провал на выборах правящей коалиции социал-демократов и зеленых. Имели место довольно резкие антиамериканские заявления из кругов

---

[1] Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Frankfurt/M.–Berlin, 2003. S. 533.

[2] Schöllgen G. Der Auftritt. Deutschlands Rückkehr auf die Weltbühne. München: Propylaeen Verlag, 2003. S. 140.

[3] Цит. по: *Павлов Н.В., Новиков А.А.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. С. 426.

правящей Социал-демократической партии, в том числе со стороны самого федерального канцлера. В этот период в заголовках германских газет доминировали сообщения о бесчеловечном обращении американцев с заключенными на базе Гуантанамо. Высказывалось мнение, что «шок от теракта» заставил США забыть о законности. Тогда же Й. Фишер заявил по поводу американской политики в Ираке: «Мы не позволим обращаться с собой как с сателлитами»[1].

Можно справедливо отметить, что Германия и Соединенные Штаты по-разному воспринимали угрозу. Политическое руководство Германии никогда не провозглашало, что Германия или Европа ведут войну или находятся в ситуации типа военной. Однако учитывая значительную численность войск, участвовавших в операции *Enduring Freedom* у берегов Сомали, войска, вошедшие в состав ИСАФ, и германские силы *Amber Fox*, развернутые в Восточном Афганистане, такая позиция представлялась достаточно проблематичной с самого начала «войны против терроризма».

Шум, поднявшийся в США в связи с позицией Шрёдера в отношении Ирака, в принципе мог бы служить для остального мира определенным указанием на то, что для Соединенных Штатов важны мнение и поддержка союзников. Тем не менее вне зависимости от того, какого мнения придерживаются отдельные союзники или государства, приходится констатировать, что внешнюю политику Германии того периода можно охарактеризовать, скорее, как реагирование на мировые события, нежели как превентивный курс.

В конечном итоге правительство Германии так и осталось на своей позиции решительного сопротивления любому использованию силы, в том числе и на основе соответствующей резолюции ООН. 5 февраля 2003 г., перед тем как госсекретарь США К. Пауэлл выступил с докладом в Совете Безопасности ООН, Г. Шрёдер в очередной раз публично подтвердил свое решительное «нет» войне. Попытки США использовать механизм НАТО для подключения альянса к военной операции против режима С. Хусейна под предлогом защиты Турции (единственной из стран блока, имеющей общую границу с Ираком) были блокированы несогласием Германии, а также Франции и Бельгии.

Как известно, возникший кризис удалось преодолеть лишь после того, как на основе бельгийского предложения была выработана ком-

---

[1] Цит. по: Michaela C. Hertkorn, "Defining Preventive Diplomacy in Europe: September 11 and Its Impact on the EU's Common Foreign and Security Policy," in: Conflict Prevention from Rhetoric to Reality, edited by Albrecht Schnabel and David Carment (Lanham, MD: Lexington Books, 2004). P. 31–32.

промиссная формула об оказании Турции военной помощи сугубо оборонительного характера, которая не влечет обязательств относительно участия НАТО в иракской войне и отправки наступательных вооружений альянса в район конфликта. В дальнейшем, при принятии Комитетом военного планирования НАТО официального решения о военной помощи Турции, в итоговом документе по настоянию Германии и Бельгии было зафиксировано, что страны НАТО поддерживают усилия ООН по мирному разоружению Ирака[1].

В конце января и в течение всего февраля 2003 г. казалось, что дипломатические усилия США направлены на то, чтобы «оторвать» Германию от Франции. Однако совместный франко-германо-российский меморандум об американской и британской политике в Ираке, по большому счету, означал конец дипломатических и политических альтернатив для Германии и Франции.

В феврале и марте 2003 г. оппозиционные партии Германии начали более решительно выступать против антиамериканского курса канцлера Шрёдера. Глава крупнейшей оппозиционной партии ХДС А. Меркель в феврале 2003 г. заявила, что она бы поставила свою подпись под известным письмом руководителей восьми европейских стран в поддержку Соединенных Штатов[2]. Выступая в бундестаге 3 апреля 2003 г., А. Меркель представила план изменения ориентиров и смещения акцентов внешней политики Германии на основе шести внешнеполитических тем, которые, по ее мнению, должны были стать центральными в германской внешней политике.

В свою очередь, В. Шойбле, заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге и основной генератор внешнеполитических идей в ХДС, выразил мнение, что курс на конфронтацию с Соединенными Штатами — совместно с Францией или под руководством Франции — не отвечает национальным интересам Германии[3]. Летом 2003 г. бывшим председателем военного комитета НАТО К. Науманом и бывшим советником президента США по национальной безопасности З. Бжезинским при участии В. Шойбле в рамках Фонда имени К. Аденауэра был разработан документ, согласно которому от Германии требовалось признать НАТО основным инструментом своей безопасности. Составители документа рекомендовали правительству ФРГ не поддерживать акции, направленные против альянса, не ис-

---

[1] Доступно на http://www.nato.int/docu/pr/2003/p030216e.htm.

[2] Доступно на http://www.cdu.de.

[3] Доклад в Фонде имени Конрада Аденауэра, Париж, 7 апреля 2003 г.; доступно на http://www.kas.de.

пользовать ЕПБО в качестве противовеса НАТО и содействовать развитию общего трансатлантического восприятия опасностей и угроз XXI в. Соединенным Штатам, в свою очередь, рекомендовалось, несмотря на их военное превосходство, проявить понимание того, что они связаны со своими партнерами и союзниками, и продемонстрировать готовность к реальным консультациям, особенно с Германией. Эти советы, конечно, не являлись сенсационными, тем не менее, как отмечала «Frankfurter Allgemeine», важнейшей задачей остается «освободить германо-американские отношения от антиевропейских и антиамериканских настроений»[1].

Американцы в течение достаточно длительного времени не проявляли никакой заинтересованности в урегулировании разногласий с германским правительством. Президент Буш глубоко лично воспринял ситуацию и в нарушение сложившейся традиции даже не поздравил канцлера ФРГ с его победой на парламентских выборах 2002 г. Когда Г. Шрёдер некоторое время спустя стал посылать в Вашингтон сигналы о своей готовности к нормализации отношений, американский президент, по ряду свидетельств, лично распорядился о недопустимости положительной реакции со стороны сотрудников своей администрации. Со своей стороны, его тогдашний советник по национальной безопасности К. Райс отдала официальное распоряжение, согласно которому министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер стал нежелательным лицом в Белом доме. Действительно, только в июле 2003 г. Фишер смог приехать в Вашингтон для консультаций со своим американским коллегой К. Пауэллом и К. Райс. Администрация США дала понять, что ее «германская политика» должна интерпретироваться как реакция на критику Шрёдером американской позиции по Ираку в ходе предвыборной кампании. В глазах Вашингтона Германия отказалась от международной ответственности в борьбе с терроризмом и вместо этого присоединилась к антиамериканскому настрою во Франции, которая, как считалось, желала создать европейский противовес США и традиционно поддерживала хорошие отношения с арабскими странами.

Приняв решение о неучастии в силовых действиях против Ирака даже по мандату Совета Безопасности ООН и встав в этом вопросе на сторону Франции, руководство ФРГ, во-первых, спровоцировало возрождение страхов (обоснованных или нет — другой вопрос) у некоторой части мирового сообщества по поводу возможности «особого германского пути» во внешней политике (иным словом, «унилатерализ-

---

[1] "Frankfurter Allgemeine Zeitung". 2003, 24. Juli.

ма»); во-вторых, допустило существенное охлаждение американо-германских отношений и тем самым способствовало обострению кризиса в евро-атлантическом сообществе. Эти последствия вынудили в конечном счете «красно-зеленое» правительство если не по содержанию, то хотя бы по форме скорректировать свою внешнеполитическую линию.

После визита в Германию премьер-министра Великобритании Т. Блэра канцлер ФРГ Г. Шрёдер заговорил о «необходимости и важности здоровых трансатлантических отношений». Уже на следующий день после трехсторонней встречи в Санкт-Петербурге, которая состоялась 11 апреля 2003 г., в интервью журналу «Spiegel» Г. Шрёдер выразил сожаление по поводу своих «преувеличенно» критических замечаниях в адрес политики президента Буша в Ираке, что привело к резкому ухудшению американо-германских отношений. Он заявил, что сожалеет также о высказываниях своих министров из состава прежнего правительства. Выразив надежду, что нынешняя «размолвка» не продлится долго, Г. Шрёдер, видимо, вспомнил, что причиной отставки его коллеги и соратника по партии канцлера ФРГ от СДПГ Г. Шмидта в 1982 г. и уход партии в оппозицию не в последнюю очередь стала антиамериканская позиция социал-демократов, вызвавшая крайнее недовольство за океаном. Как бы то ни было, 28 сентября 2003 г. в Нью-Йорке после 16-месячного перерыва состоялась встреча Г. Шрёдера с Дж. Бушем, на которой произошло «примирение» лидеров двух держав.

Тем не менее весь характер дальнейшего развития событий свидетельствовал о том, что проблемы германо-американских отношений не ограничивались тактическими разногласиями и риторикой предвыборной кампании в ФРГ. Как представляется, в конечном итоге политико-дипломатический альянс Германии и Франции (с подключением России) по этому вопросу, открыто противостоявший интересам США, явил собой глубокий внешнеполитический сдвиг и окончательный отход Германии от своего внешнеполитического курса в период холодной войны и после ее завершения на протяжении 1990-х гг. Это изменение позиции и политики самым серьезным образом повлияло на внутриевропейскую динамику и наложило существенный отпечаток на трансатлантические отношения в целом.

В апреле 2003 г., на так называемом «мини-саммите» с участием только четырех европейских союзников по НАТО и членов ЕС — Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга, был объявлен план выработки европейской оборонной политики и развития вооруженных сил, потенциально независимых от НАТО (в частности, речь шла о даль-

нейшем развитии программы создания европейских сил быстрого реагирования, об учреждении не позднее 2004 г. европейского стратегического командования военно-транспортной авиацией и создании многонационального генерального штаба). Перед лицом продолжавшейся войны в Ираке главы четырех государств, очевидно, осознанно пошли на риск не только возможного углубления раскола в НАТО, но и возникновения того, что получило название «двухскоростной Европы»[1]. На фоне того, что выдвинутые предложения натолкнулись на значительное сопротивление как внутри НАТО, так и со стороны ЕС (на встрече не присутствовали ни уполномоченный представитель Греции — тогдашнего председателя ЕС, ни Верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Х. Солана), вновь возник давний вопрос о финансировании этой «армии ЕС», особенно без поддержки и участия Великобритании. Новые члены НАТО и ЕС — страны Центральной и Восточной Европы — были особенно недовольны трениями между ЕС и НАТО. Они опасались оказаться в ситуации, при которой им придется делать выбор между Соединенными Штатами и группой стран континентальной Европы. Сохранение хороших отношений как с Соединенными Штатами, так и со странами Западной Европы отвечало их жизненно важным интересам как в экономическом смысле, так и с точки зрения безопасности.

В декабре 2003 г. на пути реализации планов по созданию военных и оборонных структур ЕС возникли новые препятствия. Во-первых, на очередной встрече министров иностранных дел и обороны НАТО было принято решение не включать пункт об обороне в проект конституции ЕС и не создавать отдельного штаба вооруженных сил ЕС[2]. Во-вторых, 13 декабря 2003 г. ЕС не смог достичь договоренности по проекту конституции, главным образом, из-за сопротивления Испании и Польши. Однако и другие, малые страны-члены (или будущие члены) ЕС как на Востоке, так и на Западе (в частности, Нидерланды, Дания, Чехия) высказали свои сомнения[3].

Весной 2004 г. развитие событий внутри ЕС и НАТО породило ряд новых обстоятельств. Канцлер Шрёдер предпринял попытку убедить

---

[1] Katja Ridderbusch, "Die Ergebnisse des Vierergipfels irritieren Freunde und Verbündete". "Die Welt", 2. Mai 2003.

[2] Meeting of the Euro-Atlantic Partnership Council in Defense Ministers Session, Chairman's Summary, 2 December 2003; доступно на http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-151e.htm. Statement to the Press, by NATO Secretary-General following NAC Foreign Ministers Meeting, 4 December 2003; доступно на http://www.nato.int/docu/speech/2003/s031204b.htm.

[3] Andreas Middel, "Die kleinen Länder machen ihrem Protest gegen die EU-Verfassung Luft". "Die Welt", 21. Juni 2003.

некоторых соседей Германии, что Франция и ФРГ «не намерены доминировать» в Европейском союзе, хотя двусторонние отношения Германии и Франции остаются, по его мнению, движущей силой дальнейшей интеграции ЕС. В то же время Франция, при ее тесных контактах с Италией, Великобританией и Испанией, уже не так зависела от Германии и теоретически могла позволить себе пойти на сближение как с Соединенными Штатами, так и с Великобританией. Совместная с США миротворческая миссия на Гаити в 2004 г., как и визит президента Буша в Нормандию по случаю празднования шестидесятой годовщины высадки союзников во Второй мировой войне предоставили такую возможность.

Самый крупный раунд расширения ЕС (1 мая 2004 г. к нему присоединились десять стран) и НАТО (29 марта 2004 г. новыми членами стали семь стран) свидетельствовал о том, что обе структуры сближаются, по крайней мере, концептуально. Эта тенденция — вне зависимости от того, какие противоречия время от времени возникали между Соединенными Штатами и некоторыми из их европейских союзников, — со всей очевидностью подтверждалась тем фактом, что в ходе визита в Европу в феврале 2005 г. президент Буш стал первым президентом в истории США, посетившим в Брюсселе штаб-квартиры как НАТО, так и Европейского союза.

Внешняя политика ФРГ оказалась в этот период в состоянии неопределенности на ключевом для себя трансатлантическом направлении. Германская внешнеполитическая элита так и не сумела в полной мере выработать четкого представления о том, по каким правилам и в соответствии с какими принципами должен функционировать «новый миропорядок», каковы могут быть допустимые средства формирования и поддержания стабильного функционирования этого миропорядка и, наконец, каким образом следует реагировать на проявления Америкой своей мощи. Перед правительством Шрёдера–Фишера встала необходимость принципиального решения следующей дилеммы.

Может ли политика ФРГ быть нацелена на взаимодействие с прочими заинтересованными государствами в целях сдерживания американской мощи? Такой подход предполагал усиленную ориентацию на развитие многополярного мира и формирование Европейского союза в качестве основного партнера и одновременно противовеса США в рамках трансатлантических отношений. В таком случае союз с Вашингтоном в рамках НАТО постепенно утрачивал бы для Германии свое первоначальное значение.

Или же мощь США принимается как данность, и в таком случае основные усилия должны быть направлены на создание в рамках НАТО

условий для оказания эффективного влияния на политику США и принуждения Вашингтона к соблюдению совместно выработанных правил. В этом случае — внутри союза — не исключена возможность добиваться выработки четкого определения условий проведения «превентивных акций» и побуждать Америку к большей многосторонности ее действий.

Насколько можно судить, внятно сформулированного ответа на эту дилемму правительство «красно-зеленой коалиции» так и не предложило. Вместе с тем в Берлине, судя по всему, пришли к выводу о том, что первый — так называемый «голлистский» — вариант ответа в конечном итоге может оказаться менее выгоден для Германии. Согласно доминировавшему в политических кругах ФРГ представлению, он с большой долей вероятности приведет к более существенному ограничению свободы действий ФРГ на международной арене и чрезмерно сильному увязыванию внешней политики страны с политикой Франции. К тому же, как показал недавний опыт, попытка выстраивания нового полюса силы, вероятнее всего, спровоцирует очередной раскол Евросоюза, значительное большинство государств которого стремится к цементированию трансатлантических отношений, а не к их размыванию. Эти государства не поддержат дистанцирование от США.

Тот факт, что Г. Шрёдер в ходе конференции по вопросам безопасности в Мюнхене в начале 2005 г. неожиданно выдвинул ряд предложений о реформировании Организации Североатлантического договора[1], свидетельствовал отчасти в пользу того, что в Германии в большей степени склонялись ко второму варианту.

Одно из ключевых положений, сформулированных в речи федерального канцлера, сводилось к необходимости сформировать некую высокопоставленную группу авторитетных независимых представителей в целях выработки предложений по реформированию НАТО. Целью реформы по замыслу канцлера должно было стать возвращение альянсу роли первостепенного органа проведения стратегических консультаций и выработки принципиальных решений для последующих совместных действий (в соответствии с центральным лозунгом, прозвучавшим в выступлении: «совместно анализировать, совместно принимать решения, совместно действовать»). Таким образом, ос-

---

[1] Rede des Bundeskanzlers Gerhard Schröder auf der 41. Münchener Konferenz über Sicherheitspolitik am 12. Februar 2005 // "Internationale Politik". 2005. No 3. S. 137–139. См. также: "NATO irritiert über Schröders Vorstoβ. Opposition in Deutschland befürchtet neue transatlantische Spannungen". "Die Welt", 13. Februar 2005.

новная идея германского канцлера сводилась к тому, чтобы в рамках НАТО обрести возможность и выработать адекватный механизм для оказания реального воздействия на политику США. Наряду с этим американскому подходу на данном этапе не в полной мере соответствовала мысль о необходимости расширения функционального содержания деятельности НАТО с тем, чтобы эта деятельность покрывала не только военные, но и иные аспекты политики безопасности. В выступлении канцлера нашли свое отражение настроения той части политического класса ФРГ, которая была обеспокоена и пыталась воспротивиться фактическому сведению американцами функций НАТО к некоему контролирующему органу, как это имело место в отношении войны в Ираке и отчасти предлагалось в отношении процесса урегулирования на Ближнем Востоке.

Одновременно спонтанный характер выдвижения столь масштабной инициативы, недостаточная четкость и выверенность формулировок выступления явно свидетельствовали о том, что разработка соответствующего направления внешней политики находится лишь в начальной стадии. Отсутствие какой бы то ни было предварительной информации в адрес партнеров по НАТО (весьма болезненной оказалась реакция Франции), а также консультаций внутри страны (речь идет в том числе о собственных министрах обороны и иностранных дел, не говоря уже о профильных комитетах бундестага и оппозиции в целом) во многом способствовало искаженному восприятию предложений федерального канцлера и в целом негативной реакции на них. Во многом неожиданно для себя Германия вновь оказалась в положении обороняющегося, причем в одиночку.

Вполне возможно, что данная инициатива федерального канцлера явилась недостаточно оформленной реакцией на состоявшееся незадолго до этого выступление К. Райс в Париже. Многие эксперты сошлись во мнении о том, что место произнесения программной речи американского госсекретаря было выбрано не случайно и свидетельствовало о возможных новых акцентах в американской политике в отношении Европы. С точки зрения новой американской администрации (т. е. второй администрации Дж. Буша после президентских выборов 2004 г.) именно Франция могла бы оказаться наиболее значимым партнером в континентальной Европе для решения целого ряда ключевых вопросов внешней политики США (прежде всего речь идет об урегулировании ситуации на так называемом Большом Ближнем Востоке). Судя по всему, в Германии восприняли такую перспективу как вполне реальную и — естественно — как весьма неблагоприятную для себя.

Конечно, в целом по итогам визита К. Райс в Германию в начале февраля 2005 г. могло сложиться впечатление, что в отношениях между двумя странами удалось навести «дипломатический глянец». Тем не менее говорить о принципиальном изменении в лучшую сторону отношений между США и ФРГ при канцлере Шрёдере было явно преждевременно. Трещина, порожденная разногласиями по поводу войны в Ираке, оказалась слишком глубокой. Более того, упомянутая выше «неловкая» и «несвоевременная» (по единодушной оценке экспертов) инициатива федерального канцлера, очевидно, лишь опять «подлила масла в огонь», вызвав достаточно раздражительную реакцию в американском Белом доме.

В сформулированном в свое время той же К. Райс идейно-политическом принципе «наказать Францию, игнорировать Германию и простить Россию» неизменной осталась лишь центральная его часть относительно Германии. С одной стороны, с точки зрения актуальных внешнеполитических приоритетов США Франция могла бы сыграть ключевую роль как держава, обладающая солидным авторитетом в арабском мире. С другой стороны, в Америке, судя по всему, всерьез осознали, что Германия достигла предела своих дипломатических, военно-политических и финансовых возможностей (военные контингенты в Афганистане, Боснии, участие в разработке конституции и строительстве административных структур Ирака, обучение иракских полицейских и солдат в ОАЭ) и дальнейшие призывы к ней попросту бесполезны.

Не остался, по-видимому, незамеченным и тот факт, что в Берлине хотя и прекратили публично выражать свое недовольство действиями американцев в Ираке, все же критика из-за кулис оставалась не только явственной, но и жесткой. Немцы напрямую связывали возросшую угрозу терроризма с боевыми действиями в Ираке и утверждали, что это слишком высокая цена за «освобождение». Во многом поэтому они резко воспротивились настойчивому давлению со стороны США по вопросу о слиянии европейской и американской миссий в Афганистане, справедливо опасаясь, что авторитет стабилизационных сил ИСАФ может серьезно пострадать в глазах местного населения при слиянии их с агрессивной американской операцией «по борьбе с терроризмом».

До конца пребывания у власти кабинета Г. Шрёдера оставался целый ряд тем, на примере которых просматривались германо-американские противоречия в подходе к определению внешнеполитической стратегии.

• Политика США по отношению к ООН, прежде всего в вопросах выработки единой международной позиции в Совете Безопасности

и адекватных коллективных действий по мандату Организации. Очевидно, что в последние годы все более выраженной становится тенденция нежелания США подчиняться международному порядку, когда его рамки грозят ограничить свободу действий Вашингтона. В этой связи несогласованные с европейскими союзниками действия, которые ведут к созданию Вашингтоном коалиций *ad hoc*, или *coalitions of the willing*, продолжали вызывать серьезную критику со стороны ФРГ.

• Отклонение американским сенатом Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Для Германии как неядерного государства вступление в силу этого договора продолжает оставаться важной целью.

• Решение Соединенных Штатов о выходе из Договора по ПРО и о развертывании национальной системы противоракетной обороны, что ставило под вопрос будущее международно-правового контроля над вооружениями. По этой проблеме официальные представители ФРГ в достаточно жесткой форме заявили, что ожидают детальных консультаций в НАТО, прежде чем будет принято окончательное решение о развертывании НПРО.

• Обструкционистская позиция США по вопросу о деятельности Международного уголовного суда, в компетенцию которого должны входить преступления против человечности и военные преступления. Как известно, решение об учреждении этого суда было принято в 1998 г., и Германия приняла самое активное участие в его институционализации, что не в последнюю очередь было связано с моральными обязательствами в отношении преступлений нацистского режима во время Второй мировой войны. 1 июля 2002 г. Устав Международного уголовного суда вступил в законную силу, одобренный 76 государствами. Официальная позиция США остается прежней и предусматривает невыдачу данному суду американских граждан и непривлечение их к ответственности.

• Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении.

• Вопрос о производстве продуктов питания с использованием генной инженерии, который немцы в отличие от американцев рассматривают как в большей степени этическую проблему.

• Вольное обращение американцев с Конвенцией ООН об изменении климата и с Киотским протоколом от 1997 г., предусматривающим сокращение ведущими индустриальными государствами выбросов в атмосферу вредных газов до 2012 г. на 5,2% от уровня 1990 г. Администрация Дж. Буша отказалась ратифицировать протокол

и отозвала подпись США под этим документом, мотивируя это тем, что соглашение не включает в себя подавляющее число развивающихся стран и может нанести ущерб американской экономике. Федеративная Республика, напротив, добровольно приняла на себя в ноябре 2000 г. повышенные обязательства уменьшить выброс в атмосферу вредных газов (это было зафиксировано в Киотском протоколе) до 2012 г. на 35% по сравнению с уровнем 1990 г. (первоначально эта цифра составляла 21%)[1].

• Вопрос о расходах на оборону. Если США на военные цели тратят в среднем более 3% ВНП, то Германия — 1,5% (и стремится выйти на уровень 1,1%). Согласно решениям федерального правительства военный бюджет страны сократился с 45 млрд марок (плюс 2 млрд на проведение операций бундесвера в Косово) в 1998 г. до 43,5 млрд марок в 2002 г. Как известно, в Вашингтоне в целом достаточно скептически относятся к проводимой в ряде европейских стран военной реформе. Особенно это касается Германии, которая помимо снижения военных расходов (в настоящее время они относительно меньше, чем в какой-либо другой стране НАТО, кроме Люксембурга) постепенно отказывается от крупной армии, формируемой на основе закона о воинской повинности, в пользу более малочисленной, более профессиональной и мобильной (об этом свидетельствуют, в частности, «Основные направления в области оборонной политики», утвержденные министерством обороны ФРГ 21 мая 2003 г.[2]).

5.4. Канцлерство Ангелы Меркель

Возглавив немецкое правительство, канцлер А. Меркель (ХДС) совершила первые визиты в Париж, Варшаву, Брюссель, Вену. Затем она направилась в Вашингтон. И только после этого посетила Москву. Такой маршрут говорил о том, что после прихода к власти А. Меркель параметры внешней политики Германии несколько изменились. Сразу стало ясно, что новый канцлер желала во что бы то ни стало быстро пойти на сближение с США, стремилась обновить трансатлантический союз и сохранить Америку во главе этого союза.

---

[1] Vereinbarung zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der deutschen Wirtschaft zur Klimasorge vom 9. November in Berlin // "Internationale Politik". 2001. No 5. S. 101–104.

[2] Verteidigungspolitische Richtlinien des deutschen Verteidigungsministeriums vom 21. Mai 2003 // "Internationale Politik". 2004. No 1. S. 89–97.

С приходом в Германии нового канцлера многие в политических кругах по обе стороны Атлантики связывали обоснованные надежды на изменение к лучшему климата в двусторонних отношениях. Обнадеживающие признаки этого появились уже в ходе первого визита федерального канцлера А. Меркель в США в январе 2006 г. Жестом, преисполненным глубокого исторического символизма, стало участие германского лидера в церемонии открытия новой вашингтонской штаб-квартиры «Немецкого фонда Маршалла». В мае того же года последовал еще один визит германского канцлера в Белый дом. В свою очередь, президент Дж. Буш в июле 2006 г. совершил поездку в Германию в преддверии саммита «Группы восьми» (*G-8*) в Санкт-Петербурге. Американский посол в Германии У. Тимкен отмечал в связи с этим, что германо-американские отношения «и более широкие трансатлантические отношения значительно улучшились благодаря большему упору на дискуссии и диалог». Одним из наиболее важных событий последнего времени, по его мнению, было то, что «между президентом и канцлером завязались личные узы дружбы и доверия». Оба лидера «имеют весьма схожие взгляды, хотя их прошлое вряд ли может быть более несхожим», заметил Тимкен. Визит Буша в бывшую Восточную Германию был нацелен на то, чтобы подчеркнуть «приверженность двух стран продвижению свободы и процветания и укреплению трансатлантического партнерства», отмечалось в заявлении Белого дома[1].

Изменившаяся атмосфера во взаимоотношениях лидеров двух стран, несомненно, способствовала поиску конструктивных путей решения проблем, накопившихся в последние годы (в частности, в период канцлерства Г. Шрёдера) в двусторонних и — в более широком контексте — отношениях между ЕС и США.

Пожалуй, наименее проблемной (по крайней мере, с точки зрения устойчивости и стабильности) остается сфера экономических отношений. ЕС и США остаются друг для друга крупнейшими и наиболее тесными экономическими партнерами в мире. Их партнерство характеризуют высокая интенсивность торговых отношений и солидные масштабы взаимных инвестиций. Согласно имеющимся данным, совокупный объем трансатлантических экономических отношений оценивается примерно 2,5 трлн долл. и обеспечивает около 14 млн рабочих мест по обе стороны Атлантики. В 2006 г. торговый оборот ЕС и США составил 544 млрд долл.

---

[1] http://usinfo.state.gov/xarchives/display.html?p=washfile-russian&y=2006&m= June&x= 20060629075837xlrennef0.6885754.

При этом для самой Германии США остаются ведущим торгово-экономическим партнером за пределами ЕС, крупнейшим зарубежным инвестором и первым зарубежным адресатом для немецких инвестиций.

В июне 2006 г. в Вене состоялась европейско-американская встреча на высшем уровне. В преддверии саммита председатель комитета бундестага по европейским делам М. Виссман (ХДС) и председатель комитета Европарламента по вопросам внешней политики Э. Брок (ХДС) представили европейский план по созданию Трансатлантической зоны свободной торговли, призванной придать новые импульсы партнерству между Европой (ЕС) и Северной Америкой. По мнению разработчиков концепции, трансатлантические отношения воспринимаются сегодня как нечто настолько само собой разумеющееся, что — за исключением НАТО — между Европой и Америкой практически отсутствуют масштабные договорные отношения. Наряду с политикой безопасности зона свободной торговли на Атлантике призвана стать второй опорой трансатлантического партнерства. Согласно представленным оценкам, создание такой зоны (по замыслу — в течение ближайших 10–15 лет) обеспечит партнерам дополнительный экономический рост 3% и позволит наращивать позиции в конкурентной борьбе в глобализирующемся мире с «подрастающими» экономическими гигантами типа Китая и Индии.

В целом европейские предложения встретили благожелательное отношение в комитете по внешним делам сената США и в администрации Дж. Буша. В развитие данной инициативы канцлер ФРГ А. Меркель, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2007 г. — уже в качестве лидера страны, председательствовавшей в ЕС и одновременно в «Группе восьми», — провозгласила необходимость дальнейшей интенсификации и качественного обновления трансатлантических экономических отношений[1].

Данная тема стала одной из центральных на саммите ЕС–США в апреле 2007 г. Как и ожидалось, Вашингтон и Брюссель договорились углубить экономическое сотрудничество (была подписана «Рамочная программа углубления трансатлантической экономической интеграции между ЕС и США») и образовать Трансатлантический экономический совет. Одна из его центральных задач будет состоять в решении вопросов гармонизации норм и стандартов, что

---

[1] http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2007/01/2007-01-24-rede-bkin-davos.html.

позволит начать реальное продвижение навстречу образованию единого рынка. Проблема эта действительно важная, поскольку различия экономических и правовых моделей по обе стороны Атлантики остаются весьма существенными. Их выравнивание, считают в Брюсселе и Вашингтоне, должно внести существенный вклад в улучшение конкурентных возможностей американской и европейской экономик в глобальном соперничестве с другими регионами, прежде всего с Азией. В частности, намечено около 40 сфер, где стороны должны попытаться прийти к общему знаменателю. Так, в приложении I к упомянутой выше «Рамочной программе» стороны обязуются наладить взаимодействие между Европейской комиссией и Американским управлением менеджмента и бюджета, чтобы стимулировать сотрудничество в таких областях, как сельское хозяйство, санитарные и фитосанитарные меры, продовольственная безопасность, фармацевтическая и автомобильная промышленность, электрооборудование, химия, нанотехнологии.

Приложение II содержит перечень приоритетных отраслей, в которых стороны намереваются достичь прогресса в ближайшие 6–8 месяцев. К ним, в частности, отнесены:

— защита интеллектуальной собственности;
— повышение безопасности трансатлантических торговых перевозок (центральным элементом этого процесса должно стать взаимное признание программ авторизованных экономических операторов и развитие программы «Таможенное партнерство в борьбе с терроризмом»);
— финансовые рынки: стороны будут стремиться к взаимному признанию стандартов отчетности (Общих принципов бухгалтерского учета США и применяемых в ЕС Международных стандартов финансовой отчетности);
— инновации и технологии: планируется, что будет налажен трансатлантический обмен инновационными достижениями в сфере здравоохранения, био- и нанотехнологий.

Лидеры ЕС и США опубликовали совместное заявление, в котором выразили намерение ускорить реформу энергетических секторов ЕС и США, чтобы совместно противостоять «тройному вызову» — в сферах энергетической безопасности, климатических изменений и устойчивого развития.

Серьезные позитивные результаты может иметь и подписанный договор об Открытом небе, переговоры о котором длились не один год (дата вступления в силу договора 30 марта 2008 г.). Его задача состоит в том, чтобы придать импульс развитию авиаперевозок в ЕС

и США, снизить их себестоимость[1]. При этом в Брюсселе рассматривают это в качестве лишь первого шага и исходят из необходимости дальнейшего продвижения в этом направлении. Формулируемая европейцами цель состоит в создании открытой авиационной зоны, «в которой инвестиции могут свободно передвигаться и в которой европейские и американские авиакомпании могут оказывать услуги повсеместно, без каких-либо ограничений».

В то же время по ряду иных острых вопросов, которые разделяют ЕС и США, в итоговых заявлениях прозвучали лишь общие слова. Это, к примеру, переговоры о либерализации международной торговли в рамках ВТО (так называемый Дохийский раунд) и совместные действия в борьбе с изменениями климата. По первому вопросу стороны в самом общем виде констатировали лишь то, что и ЕС, и США желают успеха Дохийского раунда, в целях чего необходим дальнейший поиск путей снижения таможенных сборов для стимулирования международной торговли.

По другому вопросу также не было достигнуто более или менее существенного сближения позиций сторон. ЕС и его председатель в первом полугодии 2007 г. канцлер ФРГ А. Меркель по-прежнему придают вопросам предотвращения климатических изменений особое значение, призывая работать над сокращением выброса в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект. В свою очередь, президент США Дж. Буш считает это лишенным практического смысла и уповает на новые технологии, которые позволят добиться требуемого эффекта. Конкретных целей по сокращению объемов выбрасываемых газов итоговый документ не содержит — американский прези-

---

[1] Соглашение об Открытом небе, в частности, предполагает:

— европейские и американские авиакомпании смогут перевозить пассажиров и грузы без ограничений между любым городом США и ЕС, а также в третьи страны и из них. До сих пор такое право действовало между США и 16-ю странами Союза из 27-ми;
— отменяется ограничение на установление совместных общих цен на трансатлантических маршрутах, хотя американские компании не смогут делать это на внутриевропейских маршрутах;
— авиакомпании получают право заключать соглашения о франчайзинге и использовании торговых марок вместе с другими, использовать совместные рейсы с компаниями США, ЕС и третьих стран;
— европейские инвесторы не смогут иметь больше 25% голосов в американских компаниях и более 50% их капитала, хотя каждый отдельный случай будет изучаться отдельно. ЕС оставляет за собой право вводить такие же ограничения для американских инвесторов на европейских авиалиниях;
— будут координироваться меры обеспечения безопасности в аэропортах ЕС и США.

дент не желает обременять национальную промышленность какими бы то ни было квотами. Тем не менее вашингтонские переговоры позволили заметить небольшой сдвиг в американской позиции: США стали признавать, что климатические изменения среди прочего все-таки действительно вызваны деятельностью человека. Эти пусть и незначительные подвижки в ЕС воспринимают уже как большую победу. Пока же стороны столкнулись с необходимостью обеспечить участие быстроразвивающихся стран в борьбе с вредными выбросами.

Значительно больший конфликтный потенциал между трансатлантическими партнерами остается в области внешней политики и политики безопасности. Конечно, США являются важнейшим партнером ФРГ в этой области за пределами ЕС, а трансатлантическое партнерство остается наряду с европейской интеграцией важнейшей опорой германской внешней политики. Что касается проблематики в области политики безопасности, то недавно опубликованная «Белая книга» (основные направления оборонной политики и политики в области безопасности ФРГ)[1], безусловно, подтверждает тот факт, что, с точки зрения нового германского руководства, ответы на вопросы германской и европейской безопасности могут быть найдены лишь совместно с Соединенными Штатами.

Тем временем, Германия оказалась сегодня поставленной перед необходимостью разрешить очень непростую дилемму: как выстраивать стратегические отношения с США. В этих условиях руководство страны первоначально попыталось, как и раньше, отводить НАТО особую роль.

Между тем тенденции последних лет достаточно очевидны: НАТО все больше утрачивает значение центрального институционального элемента трансатлантических отношений. В феврале 2005 г. это констатировал тогдашний канцлер ФРГ Г. Шрёдер: «НАТО более не является главной структурой, где трансатлантические партнеры проводят консультации и координируют свое стратегическое видение <ситуации>»[2]. Год спустя, выступая на том же международном форуме по безопасности в Мюнхене, канцлер А. Меркель пусть и в не столь явной форме говорила о снижающейся роли НАТО, но ее концептуально сформулированные представления о будущих целях и задачах этой организации закономерно вытекали из осознания того, чем НАТО сегодня не является. Так, по мнению А. Меркель (как, впро-

---

[1] http://www.bmvg.de/portal/a/bmvg/sicherheitspolitik/grundlagen/weissbuch2006.

[2] Bundeskanzler Gerhard Schröder. Rede auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik. 12.02.2005.

чем, и по мнению ее предшественника Г. Шрёдера), «НАТО должно стать органом, в рамках которого проводится постоянный совместный анализ и обсуждение угроз. Оно должно быть тем местом, где проводятся политические консультации по новым очагам конфликтов, возникающих в мире, <той структурой>, где координируются политические и военные акции». Закономерный вывод канцлера гласил, что именно НАТО должна принадлежать главенствующая роль в трансатлантической кооперации. Только в том случае, если в рамках НАТО не удается достичь единства, следует воспользоваться «иными путями»[1].

В рамках «большой коалиции», находящейся ныне у власти в ФРГ, действительно существует принципиальное согласие по поводу необходимости повышения значимости НАТО. В частности, в коалиционном договоре ХДС, ХСС и СДПГ от 11 ноября 2005 г. говорится: «Мы выступаем за то, чтобы Атлантический альянс стал центральным местом трансатлантического диалога в области безопасности, где трансатлантические партнеры проводят равноправные консультации и осуществляют координирование по стратегическим вопросам».

Однако в экспертном сообществе ФРГ в последнее время все больше задаются вопросом, возможно ли в принципе подобное возрождение роли НАТО в качестве уникального института безопасности? Основные тенденции развития международных отношений последнего десятилетия недвусмысленно свидетельствуют о том, что полным ходом идет смещение геостратегических интересов американской внешней политики: в среднесрочной перспективе — в направлении Ближнего и Среднего Востока и глобальному противодействию угрозе терроризма (в том виде, как ее понимают в США); в более долгосрочной перспективе — в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. На европейском континенте по большей части царит мир. Конфликт на Балканах по крайней мере локализован. В плане политики безопасности Европа представляет собой, с американской точки зрения, «резервуар для исламского терроризма» и тем самым растущую и потенциально крайне опасную проблему[2]. Но для кооперации и инициатив в этой сфере НАТО, очевидно, не является подходящей структурой. Иными словами, для обоих центральных с точки зрения американской политики безопасности регионов (Ближний и Средний

---

[1] Bundeskanzler Angela Merkel. Rede auf der 42. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik. 04.02.2006.

[2] Frederick Kempe, "U.S. Sees Europe as New Front against Islamists" // "The Wall Street Journal", 11.4.2006. P. A8.

Восток и АТР) НАТО в обозримой перспективе имеет лишь ограниченное значение.

Даже если постепенная трансформация Ближнего и Среднего Востока со временем превратится в крупнейший идентификационный американо-европейский проект будущего (как это порой оптимистично формулируется в рамках американской внешнеполитической дискуссии), то и в этом случае роль НАТО как военной организации была бы относительно маргинальной. Теоретически возможно появление нового «профиля» НАТО в качестве глобального (и преимущественно военно-морского) союза в целях сдерживания Китая, стремящегося (по крайней мере, с точки зрения США) к установлению гегемонии в Азиатском регионе[1]. В данном контексте заслуживает упоминания, на наш взгляд, малореалистичный, но достаточно провокационный план трансформации Североатлантического альянса посредством включения в него таких стран, как Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, в военно-политическую основу всемирного «союза демократий». В этом случае в долгосрочной перспективе возможно обретение НАТО ключевого значения для американской политики безопасности, сопоставимого с ролью этой организации в годы холодной войны.

На этом фоне в европейском экспертном сообществе, и в частности в ФРГ, появляется все больше скепсиса в отношении того, возможно ли трансформирование НАТО, структурно опирающейся на констелляцию, выстроенную по принципу доминирующего «старшего партнера» и нескольких «младших партнеров», в приоритетный форум для равноправных и обоюдно полноценных трансатлантических политических консультаций[2]. Конечно, в самом НАТО периодически говорят о том, что организация должна быть «более политической» и стать форумом для обсуждения всех вопросов, относящихся к политике безопасности, что необходима новая «культура дискуссии»[3]. При этом, однако, мало кто задается вопросом о том, почему НАТО до сих пор не отвечало (и не отвечает) этим требованиям; почему оказался «размытым» классический, ориентированный на НАТО «атланти-

---

[1] Robert D. Kaplan, "How We Would Fight China" // "The Atlantic Monthly", June 2005 (http://www.theatlantic.com/doc/prem/200506/kaplan).

[2] Например, см.: Francois Heisbourg, "Von der Atlantischen Allianz zur europäisch-amerikanischen Partnerschaft" // "Aus Politik und Zeitgeschichte" (23.09.2005) B. 38–39. S. 3–8. См. также: Peter Rudolf, "Amerikapolitik. Konzeptionelle Überlegungen zum Umgang mit dem Hegemon" // "SWP-Studie". September 2006. Berlin. S. 5–28.

[3] В частности, см.: Michael Rühle, "Transatlantische Sicherheit zwischen NATO und EU" // "Neue Züricher Zeitung", 24.10.2005. S. 4.

ческий мультилатерализм»; и может ли он вообще быть восстановлен в прежних институциональных формах без отказа европейцев от самостоятельной роли[1].

Идущая полным ходом эволюция глобального миропорядка постепенно вынуждает германскую дипломатию к тому, чтобы искать и «обкатывать» новые формы взаимодействия с ведущим трансатлантическим партнером. В складывающихся условиях Германия предпринимает усилия для того, чтобы возможно более адекватно отвечать новым рамочным условиям партнерского взаимодействия, контуры которых вырисовываются все более отчетливо.

Так, например, в последние годы согласование узловых вопросов мировой политики в растущей мере происходит в рамках относительно компактных неформальных групп: так называемого «концерта» ряда важнейших держав и организаций. В частности, политика в отношении урегулирования на Балканах вырабатывается в рамках контактной группы, состоящей из США, Франции, Великобритании, Германии и России. Существует и так называемый «ближневосточный квартет», участниками которого являются США, Россия, ЕС и ООН. Политика в отношении Ирана вырабатывается и согласуется в группе при участии «тройки ЕС» (Великобритания, Франция, Германия) и США (трансформировалась в группу «5+1» — пять постоянных членов СБ ООН плюс Германия). Логике этого развития, которое находит свое естественное выражение во взаимодействии в рамках небольших неформальных групп, соответствует и «вброшенная» сравнительно недавно в германскую дискуссию идея политического «оживления» НАТО путем образования некоего неформального «ядра» из небольшого числа государств[2]. В целом же, судя по всему, в Германии в последнее время все больше укрепляется представление о том, что в целях более эффективного трансатлантического координирования политических стратегий и согласования использования политических и экономических ресурсов наилучшими рамками, по всей видимости, были бы функционально специфические контактные группы, в которых был бы представлен ЕС (конечно, в первую очередь в лице самой Германии).

Таким образом, отчасти вопреки многим заявлениям о ключевой политической роли НАТО в трансатлантических отношениях факти-

---

[1] John Van Oudenaren, "Transatlantic Bipolarity and the End of Multilateralism" // "Political Science Quarterly". 120 (2005) 1. S. 1–32.

[2] В частности, см.: Helga Haftendorn, "Das Atlantische Bündnis als Transriemen atlantischer Politik" // "Aus Politik und Zeitgeschichte" (23.09.2005) B. 38–39. S. 8–15.

чески начинает формироваться так называемый «модульный мультилатерализм»[1]. Практика показывает, что новые формы и структуры многостороннего взаимодействия хотя и имеют относительно слабое институциональное оформление, тем не менее они могут обеспечить достаточно высокий уровень согласования политики и возлагают на партнеров «неформальные» обязанности по глубокому обоюдному информированию и взаимной отчетности. Во многом благодаря этому сохраняется сама сущность многостороннего подхода к решению той или иной узловой проблемы, стоящей на международной повестке дня. Подобного рода «новый мультилатерализм», состоящий из взаимодополняющих, отчасти пересекающихся и одновременно институционально «рыхлых» институтов, в растущей мере становится тем «игровым полем», на котором современная Германия пытается выстраивать свои отношения с США.

В целом же, подводя итоги всему вышеизложенному, можно с уверенностью констатировать, что США остаются важнейшим приоритетом германской внешней политики. Отношения трансатлантических партнеров имеют как двусторонний, так и многосторонний контекст. Пожалуй, не вызывает сомнения тот факт, что после окончания холодной войны и по мере прогресса европейской интеграции значение отношений с США для Германии (как, впрочем, и для США с Германией) несколько снизилось. В то же время нельзя не отметить, что кризисы между Берлином и Вашингтоном воспринимались и воспринимаются большинством представителей политического класса по обе стороны Атлантики как досадные недоразумения, носящие временный характер. ФРГ и США никогда не теряли из виду стратегические цели, которые продолжают объединять оба государства и делать их «партнерами в лидерстве», хотя время от времени эти связи испытывают перегрузки, связанные с особенностями постбиполярного мира. Обе страны продолжают оставаться партнерами, между которыми наблюдается наличие низкого конфликтного и высокого кооперационного потенциала и которых в силу этого в обозримой перспективе не сможет разъединить в действительности ни один серьезный конфликт.

---

[1] Относительно термина «модульный мультилатерализм» см.: Seyom Brown, “Multilateral Constraints on the Use of Force: A Reassessment” // “Strategic Studies Institute of the U.S. Army War College”. March 2006. http://www.StrategicStudiesInstitute.army.mil.

Глава 6. ФРГ и третий мир

6.1. Становление и эволюция «помощи развитию» в биполярной системе координат

«Помощь развитию», иными словами, политика в отношении развивающихся стран, начала формироваться еще при К. Аденауэре. Предыстория этой политики приходится на первую половину 50-х годов, и заключалась она прежде всего в стараниях Бонна через восстановление связей с внеевропейским миром расширить свои внешнеполитические контакты в целом, заявляя о себе таким образом как о суверенном субъекте мировой политики.

Исходная база для строительства отношений с несоциалистическими государствами Азии, Африки и Латинской Америки была для ФРГ благоприятной. Еще по Версальскому договору от 28 июня 1919 г Германия лишалась всех своих колониальных владений. Те переходили в качестве подмандатных территорий под управление Лиги наций, и хозяйничали там государства из стана победителей в Первой мировой войне. Поэтому Германия нигде не фигурировала как «колониальная держава» и не могла столкнуться с проблемами, связанными с освободительным и антиколониальным движением, которые встали перед многими европейскими странами после 1945 г.

До 1955 г. у ФРГ не было достаточных международных прав для проведения самостоятельной внешней политики. Практические шаги западногерманского правительства в международных делах говорили о его полной зависимости от США. Поэтому достаточно трудно говорить о какой бы то ни было самостоятельной стратегии Бонна в странах третьего мира. В этот период в основе его внешнеполитической линии лежала идеология холодной войны, т. е. противоборства с социалистическим лагерем в глобальном масштабе. «Зачатки [западно]германской «помощи развитию» лишены всякой оригинальности, — отмечают политологи из Гейдельбергского университета М. Кайзер и Н. Вагнер. — Из американской терминологии были напрямую заимствованы не только понятия, но и мотивы, обоснование, необходимость и, не в последнюю очередь, ориентация мероприятий по оказанию помощи в целях развития по их политической значимости»[1].

---

[1] Kaiser M., Wagner N. Entwicklungspolitik: Grundlagen — Probleme — Aufgaben. Bonn, 1986. S. 214.

Внешнеполитические интересы ФРГ были сконцентрированы в указанный период главным образом на европейском и «атлантическом» направлениях, а все усилия — направлены на то, чтобы попытаться утвердиться на международной арене в качестве единственного законного правопреемника Германской империи после Второй мировой войны. Поэтому, пишет западногерманский политолог Р.Фальк, «для наращивания самостоятельной активности в третьем мире не оставалось места»[1]. До конца 60-х годов «помощь развитию» понималась правящими кругами в Бонне как экономическая стратегия, полностью подчиненная всем внешнеполитическим доктринам Запада в рамках общемирового противоборства с социализмом. «Доктрина Хальштейна», согласно которой ФРГ прерывала дипломатические отношения со странами, признавшими ГДР в международно-правовом отношении, предусматривала предоставление помощи только тем государствам, которые проводили внешнеполитический курс, согласовывавшийся с идеологическими установками ФРГ.

В 1961 г. в стране было создано специальное министерство, занимавшееся определением и координацией политики на этом направлении — министерство экономического сотрудничества. Министерство возглавил свободный демократ Вальтер Шеель, совместивший этот пост в 1964 г. с должностью заместителя министра иностранных дел. В. Шеель был, пожалуй, одним из первых западногерманских политиков, которые рассматривали отношения с развивающимися странами как важную и долгосрочную задачу. В стане социал-демократов человеком, который также своевременно осознал проблемы развивающихся стран, был Вилли Брандт. Еще в начале 60-х годов он указывал на то, что задачи по обустройству будущего нужно решать не отдельно в Европе и не отдельно в Африке, а только совместными усилиями.

60—70-е годы характеризовались бурным ростом числа молодых, освободившихся из-под колониального ига государств и началом оформления их в самостоятельную силу на международной арене. В это же время в ФРГ под воздействием разрядочных тенденций, а также вследствие банкротства «доктрины Хальштейна» происходит ломка привычных внешнеполитических стереотипов, а с приходом к власти правительства СДПГ—СвДП формулируются основные ориентиры нового курса в отношении развивающихся стран. Он предполагал не только расширение географии западногерманских связей, но и значительное углубление экономического проникновения ФРГ в Латинскую Америку, Азию, Африку и на Ближний Восток.

---

[1] Falk R. Die heimliche Kolonialmacht: Bundesrepublik und Dritte Welt. Köln, 1986. S. 24.

Со сменой власти в Бонне начался второй этап во взаимоотношениях ФРГ с третьим миром, который продлился до начала 80-х годов и во многом определил вектор «помощи развитию» на длительную перспективу. При социал-демократах произошел качественный скачок в широкомасштабной экономической экспансии Бонна за пределами европейского континента, которая базировалась на возросшей индустриальной мощи западногерманского государства, на отказе от идеологических стереотипов эпохи холодной войны. Одна из основных причин «открытия шлюзов» в этом направлении состояла в том, что главные внешнеполитические задачи западногерманского государства в какой-то степени были решены. При Аденауэре заработал механизм западноевропейской интеграции и был наведен «трансатлантический мост». При правительстве Брандта—Шееля Бонну удалось урегулировать отношения с европейскими социалистическими странами, и прежде всего с ГДР. Следовательно, появилась возможность проводить активную политику в третьем мире, чему в немалой степени способствовало вступление ФРГ в ООН и ее подключение к деятельности множества специализированных международных организаций. Более того, в указанный период Федеративная Республика начинает проникать туда, где ослабевают позиции ее партнеров — США, Великобритании и Франции.

В западногерманской политике «помощи развитию» при В.Брандте отчетливо проявилась тенденция к приведению политической роли ФРГ в системе отношений «Север—Юг» в соответствие с обретенным ею экономическим положением. Она выдвинулась на второе место после США в торговле с развивающимися странами, на первое — по оказанию государственной «помощи в целях развития» наиболее бедным странам, на третье — как вкладчик капитала в развивающиеся страны. Одной из основных целей руководства Федеративной Республики стало стремление дополнить экономическое присутствие, которого ФРГ добилась в третьем мире в 50—60-е годы, присутствием политическим.

В копилку внешнеполитических достижений правительства Вилли Брандта можно положить и договорно-правовое урегулирование отношений ФРГ с Китайской Народной Республикой, хотя оно стало следствием больше объективных обстоятельств, нежели целенаправленных усилий Бонна. Последнее существенное препятствие на пути установления дипломатических отношений (с учетом принятия китайской стороной особой западногерманской позиции по Западному Берлину) между Бонном и Пекином, которое последовало в 1972 г., было устранено с китайско-американским сближением в конце 60-х — начале

70-х годов на фоне роста напряженности между СССР и КНР. Нормативная база двусторонних связей способствовала и дальнейшему росту взаимного товарооборота. Федеративная Республика в кратчайшие сроки стала важнейшим торговым партнером Китая в Западной Европе. И хотя Бонн ничего не предпринимал для разыгрывания «китайской карты» против Москвы, что, впрочем, никогда не снималось с повестки дня западногерманской внешней политики, следует предположить, как считает американский политолог У. Гриффит, что это также способствовало проведению более сдержанного советского курса по отношению к Федеративной Республике[1].

Исходные позиции для проведения политики Федеративной Республикой в странах третьего мира при канцлере Шмидте были поначалу неблагоприятными. Все дело было в мировом энергетическом и экономическом кризисе. Летом 1974 г. западногерманское правительство приняло решение о сокращении на ближайшие четыре года помощи развивающимся странам на 2 млрд марок. «Помощь развитию», которая в абсолютных цифрах производила впечатление, в мировом масштабе была не так уж и велика. Поставленная в 1968 г. со стороны ЮНКТАД цель отчислять ежегодно 0,7% ВВП на нужды третьего мира выполнялась, пожалуй, только Голландией и некоторыми скандинавскими странами. Американские отчисления составили в 1980 г. 0,27% ВВП, советские — только 0,12%. Западногерманская помощь в годы холодной войны никогда не выходила за 0,5%[2]. Но с понижением в результате скачкообразного роста цен на нефть курса доллара и повышением котировки западногерманской марки ситуация во взаимоотношениях Бонна с третьим миром стала качественно меняться.

Роль развивающихся стран во внешней политике ФРГ при канцлере Г. Шмидте объективно возросла. Это было связано, с одной стороны, с усилением их политической активности на международной арене в целом, с другой стороны, с энергетическим кризисом 1973–1974 гг., который показал уязвимость позиций Федеративной Республики как импортера сырья и обострил проблемы обеспечения страны энергией и сырьем. В этот период за счет импорта из стран третьего мира ФРГ обеспечивала себя на 50% продуктами переработки природных ископаемых и на 97% необходимой ей нефтью. К этому следует добавить и ориентированный на экспорт характер экономики ФРГ: около 1 млн

---

[1] Griffith William E. Die Ostpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1981. S. 292.

[2] Schöllgen G. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 2001. S. 139.

рабочих мест приходилось в первой половине 70-х годов на отрасли, производившие экспортную продукцию для развивающихся стран.

Особенностью данного периода в политике ФРГ по отношению к развивающимся странам стало то, что она стала больше действовать через ЕЭС, предполагая добиться для себя в качестве ее члена более реальных преимуществ в третьем мире, по сравнению с действиями в одиночку. В этом плане перед Западной Германией открылись новые возможности с заключением первой и второй Ломейских конвенций, которые были названы по месту выработки и подписания первого и последующих документов (в столице Того — Ломе)[1] и охватили системой тесных торгово-экономических связей государства — члены ЕЭС и более чем 70 стран третьего мира с населением около 600 млн человек. Благодаря этим конвенциям путем «выравнивания возможностей» ФРГ удалось завоевать и укрепить свои позиции в сферах бывшего колониального господства своих европейских партнеров.

6.2. Третий мир во внешнеполитических установках христианско-либеральной коалиции

Смещение акцентов в сторону «атлантизма» во внешнеполитической стратегии правительства ХДС/ХСС, которое пришло к власти в 1982 г., не могло не внести коррективы и в политику ФРГ в отношении развивающихся государств[2]. Министр по экономическому сотрудничеству Ю. Варнке главным принципом деятельности своего ведомства сделал «лояльность и консультации» с Соединенными Штатами Америки. Необходимость «разделения труда» и согласования западногерманской политики с США привела его уже в феврале 1983 г. в Вашингтон.

Первоначальная сдержанность со стороны правительства Г. Коля в отношении вторжения США в Гренаду в 1983 г. быстро сменилась от-

---

[1] В феврале 1975 г. страны ЕС заключили с 46 странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейна сроком на 5 лет 1-е Ломейское соглашение. Наряду с финансовой помощью по этому соглашению развивающиеся страны получили существенные преимущества при экспорте товаров в страны ЕС. С тех пор соглашение, которое образует ядро «политики развития» ЕС, продлевалось три раза. Для Федеративной Республики, которой не нужно заботиться о бывших колониях, выполнение этих соглашений представляет собой акт солидарности как со своими партнерами, так и со странами третьего мира.

[2] К развивающимся странам правительство Коля относило в Америке — все страны, за исключением США и Канады; в Азии — все страны за исключением Японии; в Африке — все страны, за исключением ЮАР; в Океании — все страны, за исключением Австралии и Новой Зеландии; в Европе — Гибралтар, Грецию, Югославию, Мальту, Португалию, Турцию и Кипр. Кроме того, к этой категории причислялись КНР и Куба.

кровенным публичным оправданием американской акции. Правящая христианско-либеральная коалиция активно поддержала политику Кэмп-Дэвида и «план Рейгана» по ближневосточному урегулированию. В рамках «атлантической солидарности» ФРГ одной из первых стран ЕС ввела в 1986 г. санкции против Ливии: состав ливийского представительства в Бонне был сокращен более чем на половину, значительно ограничена свобода передвижения его сотрудников. Не без участия США была заморожена и экономическая помощь ФРГ Сирии.

Парламентский статс-секретарь в министерстве по экономическому сотрудничеству Ф. Кёлер, выступая однажды в Фонде имени К. Аденауэра, заявил: «Политика в отношении развивающихся стран не может и не должна проводиться в ущерб хорошим отношениям с США... Связи с нашими главными союзниками имеют для нас наивысший приоритет»[1]. Вместе с тем он подчеркнул, что необходимо различать, где кончаются коллективные «жизненно важные интересы» ведущих стран Запада в целом и начинаются «национально-государственные или экономические интересы» отдельных стран.

При канцлере Коле политика «помощи развитию» стала подчиняться задачам обеспечения безопасности страны, учитывая ее большую зависимость от снабжения сырьем и энергоресурсам, большинство из которых импортируется из развивающихся стран. В начале 80-х годов в ФРГ ввозилось 64% сырья из развивающихся стран, прежде всего нефть, минеральное сырье, отдельные виды продуктов питания. В денежном выражении импорт ФРГ из стран третьего мира вырос с 54 млрд марок в 1979 г. до 70 млрд марок в 1984 г., а экспорт в эти страны — соответственно с 45 до 68 млрд марок[2]. Каждая же вложенная в третий мир марка возвращалась в Федеративную Республику, принося 15%-ную прибыль в виде одних только поступавших в ФРГ заказов от развивающихся стран. Эти заказы гарантировали работу 110 тыс. западногерманских трудящихся.

Обеспечение интересов безопасности ФРГ в глобальном масштабе предопределило подкрепление экономического присутствия в других странах расширением политических контактов, подключением к урегулированию региональных конфликтов как в одностороннем порядке, так и через различные международные организации. Еще одно изменение внешнеполитической стратегии Бонна в отношении развивающихся стран коснулось перераспределения в «табели о рангах»

---

[1] Цит. по: Krietsch K. Neue Tendenzen im BRD-Neokolonialismus // "IPW-Berichte". No 5/1984. S. 43.

[2] "Frankfurter Rundschau". 1985. 22. Apr.

приоритетности того или иного района земного шара в предоставлении помощи. Иными словами, усилился регионализм в отношениях со странами третьего мира. Новым моментом стали также бульшая политизации и функционализация «помощи развитию». Это проявилось, в частности, в том, что впервые в список внешнеполитических элементов курса в отношении развивающихся стран вошла такая проблема, как «права человека».

19 марта 1986 г. федеральное правительство одобрило документ, получивший название «Генеральные линии политики помощи в целях развития». Ориентиры, изложенные в этом документе, учитывали изменения во внешнеполитическом окружении ФРГ, и прежде всего в третьем мире: экономический кризис на африканском континенте южнее Сахары, экономические трудности структурного порядка, а также проблему роста задолженности и выплаты долгов развивающимися странами и многое другое.

В 1987–1988 гг. практика западногерманской «помощи развитию» пополнилась новыми элементами, в частности была проведена реорганизация министерства по экономическому сотрудничеству. Новшества затронули и работу Немецкого общества технического сотрудничества. Федеральное правительство расширило практику «пилотных» проектов в третьем мире, будь то в области машиностроения, ирригации или строительства электростанций. При этом требовалось соблюдение главных условий — обеспечение поставок западногерманского оборудования, использование западногерманской технической документации, участие исключительно западногерманских специалистов. Аналогично строился и выбор проектов, который в большинстве своем ограничивался развитием сотрудничества в области энергетики и добычи энергоносителей (нефть, газ, каменный уголь, горючие сланцы). Цель состояла в том, чтобы получатели западногерманской помощи выступали в дальнейшем в качестве поставщиков сырья для ФРГ.

Серьезная проблема, с которой столкнулось правительство Г. Коля в этот период, — это увеличение задолженности развивающихся стран, которая в целом по отношению к промышленно развитым странам к концу 1988 г. достигла 1 трлн 300 млрд долларов[1]. А 1/5 этой суммы приходилась на западногерманские банки. Вообще развивающиеся страны должны были Бонну в три — четыре раза больше, чем было непосредственно вложено концернами ФРГ в экономику третьего мира. Поэтому, чтобы облегчить себе свободу маневра, правительство Федеративной Республики приняло решение, как заявил министр по эко-

[1] Правда. 20 января 1989 г.

номическому сотрудничеству Х. Кляйн, направлять выплачиваемые долги обратно в третий мир, не требуя компенсации.

В соответствии с решением ЮНКТАД от 1978 г. ФРГ к лету 1988 г. погасила наиболее бедным странам (а к ним были отнесены Гвинея, Сьерра-Леоне, Судан, Того и Центральноафриканская Республика) долги на сумму в 4,2 млрд марок[1]. В 1988 г. правительство приняло решение списать этой же группе стран оставшиеся долги еще на сумму в 100 млн марок. Аналогичный шаг был предпринят в отношении Бирмы и Мавритании. Здесь сумма составила 1 млрд марок. Что касается стран Латинской Америки, то сумма долгов, погашенных западногерманскими банками, достигла астрономической суммы в 190 млрд долл. Более того, им предполагалось открыть кредиты на 52 млрд долл.

С 1985 г. наблюдалось падение государственных средств, выделявшихся Бонном на «помощь развитию». Если в 1985 г. федеральным правительством было ассигновано на эти цели 8,66 млрд марок, в 1987 г. — 7,9 млрд марок, то в 1989 г. — всего 7,0 млрд марок[2]. Зато христианские демократы сделали ставку на расширение и активизацию частной инициативы. В первом правительственном заявлении Г. Коль подчеркнул, что «частная инициатива должна и в развивающихся странах все больше становиться двигателем развития и роста экономики»[3].

При канцлере Г. Коле поменялась и географическая ориентация западногерманской «помощи». В 1983 г. она распределялась по регионам следующим образом: на африканские страны приходилось 49,3%, на азиатские — 34,2%, на Латинскую Америку — около 8%[4]. Спустя пять лет произошло заметное снижение доли африканского континента — 42%, увеличение доли Азии — 37,4% и незначительное увеличение средств, выделяемых государствам Латинской Америки, — около 9%. При этом если из всех средств «помощи развитию» в 1983 г. на долю самых бедных стран пришлось 33,8%, то в 1988 г. им досталось всего лишь 25% бюджета министерства по экономическому развитию[5]. Эти данные свидетельствовали о смещении приоритетов

---

[1] Deutsche Entwicklungshilfe im Jahre 1987. Memorandum der Bundesregierung zur DAC-Jahresprüfung 1988/89. Bonn, August 1988. S. 3.

[2] Deutsche Entwicklungshilfe im Jahre 1986. Memorandum der Bundesregierung zur DAC-Jahresprüfung 1987/88. Bonn, September 1987. S. 1; Deutsche Entwicklungshilfe im Jahre 1987. Op. cit. S. 3; Politik. 1988. No 8.

[3] Koalition der Mitte. Bonn, 1982. S. 18.

[4] "Frankfurter Allgemeine". 1984. 27. Juli.

[5] "Frankfurter Allgemeine". 1987. 22. Dez.

в сторону расширения сотрудничества с так называемыми «пороговыми», или «новыми индустриальными», государствами, т. е. теми странами, которые в результате интенсивного, взрывоподобного роста промышленного производства получили значительную внешнеэкономическую самостоятельность и возможность быстрой интеграции в мировую экономику. В середине 80-х годов во внешней торговле ФРГ из огромного количества развивающихся государств львиная доля товарооборота, или около 80%, приходилась всего на 20 стран — государств-членов ОПЕК и «пороговых» стран[1].

В 90-е годы немецкая «помощь развитию» постепенно стала все больше подвергаться критике. Общественность ФРГ больше интересовали экономические, социальные и политические издержки германского объединения. Поэтому политика Федеративной Республики в третьем мире столкнулась с объективными существенными ограничениями. Интерес к проблемам «чужих», «других» стал снижаться. В общественном мнении наметилась тенденция к невосприятию «политики развития».

В 1991 г. министерством по экономическому сотрудничеству и развитию был подготовлен очередной ежегодный доклад. В нем подчеркивалось: «1991 г. стал временем коренных изменений в мировом масштабе, которые означают для германской политики развития вызов и одновременно предоставляют шанс. Преодоление конфликта между Востоком и Западом открывает, наконец, новую перспективу для сотрудничества с развивающимися странами. Никогда раньше не была так велика возможность столь последовательно ориентировать политику развития на глобальные и животрепещущие вызовы нашего времени и так эффективно ее реализовывать»[2].

Выступая 10 октября того же года в бундестаге, министр по экономическому сотрудничеству Карл-Дитер Шпрангер выделил пять критериев (условий), которые федеральное правительство положило в основу предоставления помощи развивающимся странам:

1. Соблюдение прав человека, в том числе при задержании отдельных лиц, защита прав национальных меньшинств и запрещение пыток, запрет наказаний без судебного разбирательства.

2. Участие населения в принятии политических решений (например, через демократические выборы, через деятельность политических партий и профсоюзов), свобода мнений и СМИ.

---

[1] "Frankfurter Allgemeine". 1985. 22. Apr.

[2] Цит. по: Weller C. Was wird aus der deutschen Entwicklungspolitik? // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 29/1995. S. 11.

3. Правовые гарантии для населения через деятельность независимой юстиции, равные права для всех, правовая государственность и т. п.

4. Рыночная ориентация экономики, в том числе защита собственности и гарантии конкурентной борьбы.

5. Ориентация государства на социальные нужды беднейшего большинства населения вместо избыточных расходов на вооружения, охрана окружающей среды и бережное отношение к природным ресурсам.

Эти критерии и стали определять новую стратегию Федеративной Республики по отношению к развивающимся странам после окончания холодной войны и блокового противостояния. В частности, Германия стала первым государством среди членов ЕС, которое пересмотрело свою политику в Азии в контексте переоценки и переосмысления последствий, вытекавших из объединения страны и краха коммунистической системы в Европе. Результатом этого стала разработка новой «азиатской стратегии» Федеративной Республики, которая была опубликована в октябре 1993 г. Новая концепция федерального правительства подробно объясняла экономические и политические причины, заставившие стать Азию одним из основных объектов германской внешней политики. В документе, в частности, подчеркивалось: «Активная политика в Азии и Тихоокеанском регионе служит нашим актуальным политическим и экономическим интересам. Она является также гарантией обеспечения будущего для Германии. Она является незаменимой составной частью глобальной политики обеспечения мира»[1]. Выросшее для ФРГ значение Азии подтвердилось впоследствии интенсивными двусторонними контактами, в том числе двумя визитами в Китай канцлера Г. Коля, а также активным содействием диалога между ЕС и странами региона.

В контексте ценностной ориентации (близости идеологии, религии и т. п.) Латинская Америка, бесспорно, представляет несравнимо больший интерес с точки зрения понимания основ демократии и отношения к правам человека, нежели исламский или азиатский (дальневосточный) регионы. По сравнению с другими регионами третьего мира Латинская Америка демонстрирует бульшую культурную близость к Европе. Это, пожалуй, единственный ареал среди развивающихся стран, полностью находящийся под влиянием христианства. Кроме того, у ФРГ здесь существует интерес в сохранении и расширении своего национально-культурного влияния. Уже в силу проживания в латиноамериканских странах 5 млн этнических немцев, прежде всего в Чили, Бразилии, Аргентине и Гватемале, Латинская Америка

[1] "Europa-Archiv". 1994. No 6. S. D 187–200.

традиционно занимала ведущее место в списке географических приоритетов «культурной политики» ФРГ. В сфере же внешней торговли значение Латинской Америки для Германии во второй половине XX столетия заметно упало. Если доля Латинской Америки в экспорте ФРГ в 1954 г. составляла 12%, в середине 60-х годов — 6%, то в начале 70-х годов она сократилась до 3%. В первой половине 90-х годов она составила уже всего 2%. При этом внешнеэкономическая активность ФРГ концентрировалась на нескольких крупных и средних латиноамериканских государствах: Бразилии, Мексике, Аргентине, Чили, Колумбии, Венесуэле. Из них почти 80% инвестиций приходилось на Бразилию (1991 г. — 48%), Мексику (1991 г. — 20%) и Аргентину (1991 г. — 11%)[1].

В целом в первой половине 90-х годов итоги политики ФРГ в третьем мире после германского объединения выглядели не очень впечатляюще. Реальная помощь развивающимся странам постоянно снижалась. В 1992 г. она составила 11,8 млрд марок, в 1993-м — 11,5, в 1994-м — 11,1, в 1995 г. — 10,7 млрд марок[2]. Таким образом ФРГ все больше удалялась от поставленной ООН цели, чтобы индустриально развитые страны выделяли 0,7% своего ВВП на помощь развитию. В 1990 г. ее «помощь» составила 0,42% от ВВП, в 1992-м — 0,38%, а в 1995 г. — всего 0,31%.

6.3. Новые акценты политики ФРГ в третьем мире в условиях глобализации

Если в эпоху холодной войны и противостояния между Востоком и Западом на первом месте стояла задача избежать самоуничтожения, то многие ключевые проблемы мировой политики XXI в. сконцентрированы на оси отношений Север—Юг. Федеральное правительство это своевременно распознало и попыталось соответственно действовать, выстраивая для своей страны выгодные исходные позиции. На рубеже III тысячелетия правительство Шрёдера—Фишера выделило работу с развивающимися странами в одно из приоритетных направлений в своей внешней политике. Ключевым понятием стало слово «устойчивость». Для придания глобализации «устойчивых» параметров развития в социальном, экологическом и человеческом измерении Герма-

[1] Ibid. S. 6.

[2] Holz U. Entwicklungspolitik — deutsche Interessen und Strategien // Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3: Interessen und Strategien. München, 1996. S. 224.

ния сделала упор не только на борьбу с бедностью, но и на улучшение ситуации в области образования, развитие сельских районов, на охрану окружающей среды и ресурсов. В этой связи следует напомнить, что еще 13 июня 1990 г. федеральное правительство взяло на себя добровольное обязательство сократить до 2005 г. выбросы в атмосферу углекислого газа в «старых» федеральных землях на 25% по сравнению с уровнем 1987 г. Такого рода сотрудничество призвано оказывать помощь в целях самопомощи и развивать собственную инициативу. Сотрудничество в целях развития осуществляется Германией на пяти принципах, сформулированных еще в 1991 г. На основе этих критериев определяются вид и объем сотрудничества с той или иной страной. Это — уважение прав человека, участие населения в политическом процессе, гарантия правовой защищенности, создание экономического устройства, благоприятствующего развитию рыночной экономики, ориентация деятельности государства на цели развития.

«Красно-зеленая коалиция» после прихода к власти в 1998 г. отвела ООН и ее специализированным организациям особую роль в выстраивании своей политики по отношению к развивающимся странам. При этом ею были расставлены новые акценты в реализации этой политики. Правительство Шрёдера—Фишера теснее увязало между собой такие проблемы, как экономический прогресс, охрана окружающей среды в мировом масштабе и борьба с бедностью. Под эти углом зрения немецкая политика «помощи развитию» стала с 1998 г. частью «глобальной структурной политики» мира, проводимой ООН. Не случайно в МИД ФРГ в 1998 г. был учрежден «рабочий штаб по глобальным вопросам» (отдел глобальных вопросов). А с 1999 г. начал свою деятельность «Форум глобальных вопросов» МИД ФРГ, отвечающий за диалог правительства в этой области с обществом, экономикой и наукой.

Правительство Шрёдера—Фишера объявило проблему предотвращения кризисов основным направлением немецкой «помощи развитию». Министр по экономическому сотрудничеству и развитию Хайдемари Вичорек-Цойль (СДПГ) охарактеризовала политику в отношении стран третьего мира не только как чисто экономическую поддержку, но и как политику, направленную на предотвращение кризисов, мирное разрешение конфликтов и консолидацию во имя мира. Характерно, что еще в 1997 г. ФРГ активно содействовала созданию по инициативе Франции «Сети по предотвращению конфликтов» с подчинением ЕС. Эта организация избрала местом своего пребывания площадку Фонда «Наука и политика в Берлине». В качестве ее основной задачи был определен анализ конфликтных потенциалов

и регионов третьего мира и снабжение необходимой информацией подразделений Европейской комиссии и Европарламента при выработке соответствующих политических решений и рекомендаций. Социал-демократы и зеленые сделали упор в этом контексте на поддержку миролюбивых сил внутри развивающихся стран и за рубежом, сделав упор на права человека и мирное урегулирование споров. Для этого министерством по экономическому сотрудничеству и развитию была разработана рамочная концепция и выделены соответствующие средства из федерального бюджета. Их объем составил в 1999 г. 15 млн марок, в 2000 г. — 17,5 млн, а в 2001 г. — уже 19 млн марок[1].

О роли «помощи развитию» говорит тот факт, что федеральный министр по экономическому сотрудничеству и развитию был введен в Федеральный совет безопасности. Это было, в частности, сделано, чтобы влиять на политику в области экспорта вооружений. Нельзя также забывать, что более половины из 200 загранпредставительств ФРГ (это, как правило, посольства и генеральные консульства) размещаются в странах третьего мира[2]. Для избежания дублирования отдельных проектов было улучшено взаимодействие и сотрудничество с другими федеральными ведомствами. Кроме того, министерство стало осуществлять руководство программами, определенными на всемирном саммите по социальным вопросам (Копенгаген, 1995) и отвечать за политику в отношении стран с переходной экономикой. Министерству была также передана функция координатора политики в отношении развивающихся стран в рамках Европейского союза.

28 июня 2000 г. Федеральный совет безопасности Германии одобрил рамочную концепцию «Предотвращение кризисов и урегулирование конфликтов», в которой федеральное правительство взяло на себя обязательство под руководством министерства иностранных дел и с привлечением других министерств и ведомств разрабатывать в каждом необходимом случае соответствующую стратегию реагирования. Однако общие формулировки и намерения, изложенные в документе, оставили многие конкретные вопросы открытыми. В частности, это касалось взаимодействия между МИДом и министерством по экономическому сотрудничеству и развитию, а также роли в этом вопросе Федерального совета безопасности. В целом в области предотвращения кризисов и конфликтов в третьем мире возможности

---

[1] Debiel T., Fischer M. Kriesenprävention in einer gewaltträchtigen Welt. Was kann europäische und deutsche Entwicklungspolitik leisten? // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 12/2001. S. 20.

[2] Deutsche Aussenpolitik 2000. Berlin, 2001. S. 119.

для германской, пусть даже гуманитарной, интервенции остаются крайне ограниченными. Поэтому все говорит за то, что ФРГ будет концентрировать свои усилия на этом направлении в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ).

В 2000 г. была зафиксирована высокая динамика германо-арабской торговли, которая выросла по сравнению с предыдущим годом на 28%. При этом отмечалось увеличение немецких поставок в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иорданию и Сирию. В свою очередь, импорт из этих стран за тот же период вырос на 60%. К началу III тысячелетия плодотворное сотрудничество МИД с различными международными и неправительственными организациями, занимающимися оказанием гуманитарной помощи, встало на регулярную основу.

В 2001 г. лишь 4,3% всех зарубежных инвестиций ФРГ пришлось на Азию. Если к этому прибавить инвестиции немецких фирм, уже оперирующих в этом регионе, то цифра будет несколько выше. В целом торговый оборот со странами Азии и Тихоокеанского региона составил в 2001 г. 11,5% от общего объема внешней торговли[1]. При этом особое внимание экономика ФРГ уделяет Японии как локомотиву экономического развития региона. Объем двустороннего торгового обмена составил в 2001 г. 36 млрд евро. Новым моментом стало освоение совместными германо-японскими предприятиями рынков стран Ближнего Востока и ЮВА. В настоящее время насчитывается 43 кооперационных проекта. Отношения между Японией и Германией намного старше формального возраста дипломатических отношений, которые были установлены в 1861 г. Взаимное узнавание началось еще в XVII столетии, когда «японские немцы» — сотрудники ост-индской торговой компании привезли из Нагасаки в Европу первые сведения и этнологические исследования о Японии и ее культуре. Одним из важнейших этапов двустороннего взаимодействия стало учреждение в 1927 г. в Токио Японо-германского института культуры. В настоящее время существует 45 германо-японских и 52 японо-германских общественных организаций, насчитывается 40 партнерских связей между городами. Между университетами обеих стран подписано 282 соглашения о кооперации. В 1999–2000 гг. в Германии с успехом прошел год Японии в Германии. Аналогичное мероприятие было проведено в Японии в 2005–2006 гг.

---

[1] Ansprache von Bundespräsident Johannes Rau zur Eröffnung der 9. Asien-Pazifik-Konferenz der deutschen Wirtschaft am 3. Juli 2002 in Tokio // Internationale Politik. No 9/2002. S. 110.

Не отстает от Японии и Китай, который вследствие высоких темпов экономического развития, став членом ВТО, «как гигантский магнит», по словам бывшего президента ФРГ Й. Рау, «притягивает к себе прямые инвестиции и технологические ноу-хау». «Китайская тематика» стала одним из ключевых моментов во внешнеполитической деятельности правительства «большой коалиции», пришедшей к власти в результате досрочных парламентских выборов в 2005 г. Несмотря на разницу в подходах к проблемам обеспечения прав человека и к проведению экономической политики, обе страны продолжают держать курс на более тесное сотрудничество. При этом заметно меняется конфигурация кооперации: вместо двусторонних тем на передний план все больше выходит совместное участие в решении международных кризисов и конфликтов, таких, например, как ядерные программы Ирана и Северной Кореи, ближневосточное урегулирование, ситуация в Судане. Объясняется это тем, что с началом III тысячелетия Берлин и Пекин заметно активизировали свою международную деятельность на многостороннем уровне. Оба входят в «шестерку» по урегулированию иранской проблемы, оба послали свои воинские контингенты в рамках миссии UNIFIL в Ливан, оба проявляют активность на африканском континенте в поисках диверсификации получения сырьевых и энергетических источников. Причем, как подчеркивают немецкие внешнеполитические эксперты, «сверка часов» в решении многих международных конфликтов возможна только при участии Китая.

С переходом КНР в разряд глобальных игроков «китайская тема» прочно заняла одно из ведущих мест в аналитических выкладках германского экспертного сообщества. Мировой финансово-экономический кризис и начало формирования многополярного мира дали немецким аналитикам новую пищу для размышлений. Они рассматривают Китай не только с точки зрения экономического, но и системного вызова Западу, признавая, что китайская модель достаточно привлекательна для многих развивающихся стран, с которыми Пекин поддерживает интенсивные прагматические контакты, не предъявляя к ним претензий в правочеловеческой сфере. Именно Германия в ходе своего председательства в «Группе восьми» в 2007 г. стала инициатором «подтягивания» КНР и других бурно развивающихся стран к работе «восьмерки», что получило название «хайлигендаммский процесс» (ХП).

Правительство А. Меркель активно взялось за развитие двустороннего сотрудничества. Уже в 2006 г. состоялись три германо-китайские встречи на высшем уровне, в ходе которых был согласован ряд важных документов. В частности, в сентябре в Берлине были подписаны

соглашения о кооперации в области производства медицинской техники и биотехнологии, об учреждении института германо-китайских молодежных обменов, об открытии в Германии (третьего по счету) Института им. Конфуция по изучению китайского языка и культуры, о строительстве на китайских верфях для ФРГ восьми контейнеровозов и шести танкеров на сумму в 620 млн долларов.

В 2007 г. Пекин посетили президент ФРГ Х. Кёлер, канцлер А. Меркель, министр обороны Ф.Й. Юнг, госминистр в Ведомстве канцлера, уполномоченный федерального правительства по делам культуры и СМИ Б. Нойман. Однако интенсивный диалог был на время прерван китайской стороной после того, как в сентябре А. Меркель приняла в своей официальной резиденции в Берлине духовного лидера тибетцев Далай-ламу, которого в Пекине рассматривают как откровенного сепаратиста. Сам факт этой встречи уникален, поскольку ни один глава германского правительства не отважился на подобный шаг, зная, чем это может грозить двусторонним отношениям. Реакция властей КНР была предсказуема. Они расценили встречу как «грубое вмешательство» во внутренние дела Китая и практически заморозили на время все связи с Германией, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Лишь благодаря активному участию мининдел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, который не прекращал интенсивный многомесячный диалог со своим китайским коллегой Ян Цзечи, к январю 2008 г. ситуацию удалось в какой-то мере нормализовать. При этом и канцлеру и министру иностранных дел пришлось сделать неоднократные заявления о поддержке формулы «единого Китая».

После этого в КНР побывали сам глава германского внешнеполитического ведомства[1], министр по вопросам окружающей среды, охраны природы и безопасности ядерных реакторов З. Габриэль, дважды министр внутренних дел ФРГ В. Шойбле (в том числе на церемонии закрытия летних Олимпийских игр), уполномоченный федерального правительства по правам человека и гуманитарной помощи Г. Нооке, министр обороны Ф.Й. Юнг и министр финансов П. Штайнбрюк, было заключено соглашение о продовольственной безопасности. В сентябре Пекин посетил президент ФРГ Х. Кёлер, который принял участие в церемонии открытия Паралимпийских игр и встретился с председателем КНР Ху Цзиньтао.

---

[1] В ходе своего пребывания в КНР в июне 2008 г. Ф.-В. Штайнмайер посетил провинцию Сычуань, пострадавшую от сильного землетрясения, где подтвердил, что МИД ФРГ предоставил китайской стороне по ее просьбе гуманитарную помощь на сумму в 2,6 млн евро.

22–25 октября состоялась очередная, третья по счету поездка канцлера ФРГ А. Меркель в Пекин, которая приняла участие в 7-м форуме Азия-Европа (АСЕМ). Ее вояж вошел в историю германо-китайских отношений как окончание «ледникового периода». Канцлер провела встречи с Председателем КНР Ху Цзиньтао и премьером Госсовета Вэнь Цзябао, в ходе которых обсуждались вопросы согласования позиций обеих сторон в борьбе с глобальным финансовым кризисом. Главу германского правительства сопровождали высокопоставленные представители бизнес-сообщества ФРГ, в которую вошли президент Союза германской промышленности, представители руководства таких концернов, как «Тиссен-Крупп», «Сименс» и «Даймлер», давно и плодотворно сотрудничающих с Китаем.

В этой связи немецкие СМИ подчеркивали, что КНР, ВВП которого составляет 3,248 трлн евро, является крупнейшим торговым партнером Германии в Азии. В 2008 г. взаимный товарооборот достиг величины в 93,5 млрд евро (после США Китай — второй по важности рынок сбыта немецких товаров за пределами Европы)[1]. Да и в списке торговых партнеров ФРГ Китай далеко не на последнем месте: по импорту на четвертом, а по экспорту на одиннадцатом месте[2]. Но при этом немцы обнаружили достаточно неприятную для себя тенденцию: вследствие агрессивной внешнеторговой политики Пекина и мер по ограничению импорта торговый баланс складывается не в пользу Берлина. Немецкие политики, привыкшие к мощному положительному сальдо торгового баланса своей страны, в случае с Китаем вынуждены признать неудовлетворительность сложившейся ситуации[3].

«Красно-зеленая коалиция», как показали результаты встречи «восьмерки» в Кёльне в 1999 г., выступая за масштабное списание долгов развивающимся странам, взяла инициативу в этой области на себя. Канцлер Шрёдер лично выступил с предложением списать долги на сумму более чем в 14 млрд долл. с наиболее задолжавших стран, таких, как Уганда, Мозамбик, Боливия, Мавритания и Танзания.

23 июня 2000 г. между 71 страной Африки, Карибского региона, Тихоокеанского бассейна и ЕС сроком на 20 лет был подписан «Договор о партнерстве», который заменил истекшее в феврале 2000 г. 4-е Ломейское соглашение. Для финансирования договора Евросоюз

---

[1] “Financial Times Deutschland”. 2009. 24. Febr.

[2] “Handelsblatt”. 2006. 15. Sept.

[3] Еще в 2006 г., выступая на германо-китайском экономическом конгрессе в Гамбурге, министр экономики ФРГ М. Глос пожаловался, что торговый дефицит Германии с Китаем превысил сумму в 20 млрд евро, и призвал Пекин открыть китайский рынок «на честных условиях» (“Die Welt”. 2006. 15. Sept.).

предоставил «пакет помощи» размером 13,5 млрд евро. В кооперации с другими постиндустриальными странами был начат процесс списания долгов беднейшим странам на сумму 70 млрд долл. При этом он был взаимоувязан с борьбой с бедностью и строительством в этих странах гражданского общества.

Вместе с тем, расходы на сотрудничество с развивающимися странами при правительстве Шрёдера–Фишера сократились в 2003 г. до примерно 0,21% от ВВП[1]. Фактически они составили менее одной трети от рекомендованных Организацией экономического сотрудничества и развития 0,7% ВВП. Если с 1990 по 2001 г. с учетом инфляции федеральный бюджет вырос в целом на четверть, то средства, выделяемые на «помощь развитию», уменьшились за тот же период с 4,3 млрд до 3,6 млрд евро. Основной упор к тому же делался на финансирование образования и подготовки кадров, борьбы с бедностью, охраны окружающей среды и сохранения природных ресурсов. Выбор получателей помощи определялся в значительной мере критериями политической стабильности и, естественно, экономическими интересами Федеративной Республики. Параллельно ФРГ сокращает число стран, с которыми имеет кооперационные связи. Цель — повышение эффективности экономической помощи. Их число сократилось в последнее время со 118 до 70.

Впечатляют данные о прямых инвестициях Германии в странах третьего мира. В период с 1990 по 1999 г. они выросли в восемь раз и составили 190 млрд долл. Однако и в этой области отмечаются сокращение зарубежных партнеров и дальнейшая концентрация приложения германских финансовых усилий. Только 10 крупнейших развивающихся стран удостоились инвестиционного внимания со стороны ФРГ[2].

В целом итоги политики правительства «красно-зеленой коалиции» в этой области выглядели внушительными, но не достаточными. Продекларировав желание реформировать и поднять на новый уровень политику по отношению к развивающимся странам, переведя ее в русло «глобальной структурной политики», считает немецкий политолог Й. Бетц, «красно-зеленая коалиция» попыталась перенести социал-демократический общественный проект на международный уровень и реализовать методы управления мировым рынком в социальном и экологическом смысле при масштабном участии гражданского обще-

---

[1] Если в 1998 г. бюджет министерства по экономическому сотрудничеству составлял 7,925 млрд марок (около 3,95 млрд евро), то в 2000 г. он составил 7,102 млрд марок (около 3,55 млрд еворо).

[2] "Internationale Politik". No 11/2001. S. 77.

ства[1]. Однако при недостаточных материальных ресурсах и расплывчатых представлениях авторов «новой помощи развитию» до сих пор неясно, как конкретно эта помощь будет организовываться и координироваться при таком большом числе участников данного проекта, его многоуровнего характера и вхождении зачастую в противоречие с глобальными задачами и национальными целями ФРГ.

Если долгое время федеральное министерство по экономическому сотрудничеству и развитию было монополистом в области государственной «помощи развитию», то в последнее время обозначилась тенденция к увеличению числа актеров на этом поле. Свой вклад в расширение и углубление отношений со странами третьего мира вносят и федеральные земли, и общины. А это означает, что министерство вынуждено все больше брать на себя функции координатора в процессе кооперации с развивающимися странами, учитывая, что государство, а точнее, федеральный центр, в одиночку не может справиться с задачей оказания эффективной помощи третьему миру. Поэтому партнерами министерства со стороны германской экономики выступают более 100 фирм и предприятий. Кроме того, с ним сотрудничают политические фонды, церковные инициативы, полугосударственные организации, такие, как Германская служба развития, ИнВЕнт (бывшие Общество Карла Дуйсберга и Немецкий фонд международного развития) и др.

Инструментами проведения политики «помощи развитию» являются:

— техническое сотрудничество, которое заключается в реализации единичных проектов, согласованных через посольства путем обмена нотами. Бóльшая часть этих проектов осуществляется по поручению федерального правительства *Немецким обществом технического сотрудничества*, которое имеет свои представительства во многих развивающихся странах;

— финансовое сотрудничество, которое заключается в предоставлении средств для финансирования определенных проектов в форме кредитов на особо выгодных условиях, что должно содействовать созданию структурных предпосылок для развития. Финансовое сотрудничество является, как правило, предметом двусторонних межправительственных соглашений и осуществляется по большей части по поручению федерального правительства *Кредитным ведомством по реконструкции* (KfW);

— персональное сотрудничество, в рамках которого ФРГ поддерживает подготовку и переподготовку специалистов, а также посылку

---

[1] Betz J. Die Entwicklungspolitik der rot-grünen Bundesregierung // “Aus Politik und Zeitgeschichte”. B. 18–19/2001. S. 30–31.

за рубеж собственных высококвалифицированных кадров и советников. Основная тяжесть реализации этого вида сотрудничества ложится на *Германскую службу академических обменов, ИнВЕнт* и различные фонды.

Здесь следует отметить, что в правительственной структуре Федеративной Республики Германии с самого начала деятельности министерства сохраняется напряженность между ним и министерством иностранных дел. Если первое рассматривается многими политическими актерами как ненужное «маргинальное министерство» или «малое министерство иностранных дел», имеющее, правда, значительные оперативные средства, то второе традиционно имеет славу влиятельного ведомства, которое возглавляется, как правило, вице-канцлером. Поэтому разгорающаяся время от времени дискуссия о слиянии этих двух институтов исполнительной власти в одно суперминистерство является рутинным делом.

Прямую внешнеполитическую нагрузку в вопросах развития отношений с третьим миром несет на себе также Комитет бундестага по экономическому сотрудничеству. Главная задача этого комитета состоит в контроле за деятельностью правительства, в сборе информации по актуальным внешнеполитическим проблемам, в экспертизе международных договоров и соглашений, в выработке рекомендаций и соответствующих резолюций бундестага.

Федеральный министр экономического сотрудничества и развития Х.-М. Вичорек-Цойль подчеркивала: «Для германской политики предотвращение и урегулирование конфликтов с использованием насилия является центральной целью. В рамках общей концепции внешней политики, политики безопасности и политики в отношении развивающихся стран задачей «политики развития» является содействие путем улучшения экономических, социальных, экологических и политических условий предотвращению и ликвидации структурных причин насильственных конфликтов в партнерских странах, с одной стороны, а также выстраиванию механизмов ненасильственного урегулирования конфликтов — с другой. Таким образом «германская «политика развития» вместе с внешней политикой и политикой безопасности принадлежит к ядру мирной политики немецкого федерального правительства»[1].

В этом контексте любопытным представляется факт занятия ключевых постов в немецком внешнеполитическом экспертном сообще-

---

[1] Wieczorek-Zeul H. Entwicklungspolitik ist Friedenspolitik. Neue Herausforderungen für Frieden und Entwicklung auf dem Weg ins 21. Jahrhundert // Entwicklung und Frieden im Zeichen der Globalisierung / Franz Nuscheler. (Hrsg.) Bonn, 2000. S. 140–141.

стве специалистами по третьему миру. Так, руководителем крупнейшего государственного внешнеполитического мозгового центра ФРГ — Фонда «Наука и политика» стал в 2005 г. Ф. Пертес, специалист по Ближнему Востоку, а исследовательский институт Немецкого общества внешней политики возглавил в 2003 г. китаист Э. Зандшнайдер. В эпоху холодной войны эти посты неизбежно отошли бы к специалистам в области политики безопасности. Тем самым жизнь сама дает ответ на вопросы, откуда исходят сейчас главные угрозы и вызовы. Именно это обстоятельство пестует современную внешнеполитическую мысль Германии. И если раньше считалось, что главную угрозу представляют танковые армады Советского Союза, то сегодня — это международный терроризм, распространение ОМУ, нищета и болезни, гражданские войны и коллапсирующие государства, а также неконтролируемая миграция. Все это и составляет главные проблемы третьего мира, которые в эпоху глобализации стали головной болью промышленно развитых благополучных стран.

В области сотрудничества с развивающимися странами уже сейчас налицо «узкие места» и недостатки, которые имеют тенденцию к нарастанию, поскольку федеральное правительство не может избежать проявления солидарности с США, а именно направлять свою помощь в те страны и регионы, на которые укажет Вашингтон. Противодействовать этой тенденции трудно уже хотя бы потому, что чисто военный вклад Германии в борьбу с международным терроризмом будет оставаться крайне незначительным и не сможет идти ни в какое сравнение с США. Тем не менее, как считают отдельные немецкие эксперты, стоит вспомнить о той помощи, которую ФРГ оказывала Вьетнаму в 60-е годы, и ограничить проявление «неограниченной солидарности» с Америкой в третьем мире[1].

6.4. «Политика развития» в эпоху перехода к полицентричному миру

В списке внешнеполитических приоритетов «большой коалиции», пришедшей к власти в конце 2005 г., «политика развития» стоит на последнем, седьмом месте[2], хотя вопросы безопасности в контексте раз-

---

[1] Molt P. Ein neuer Realismus in der Entwicklungspolitik // "Internationale Politik". No 4/2002. S. 69.

[2] См.: Gemeinsam für Deutschland — mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU,CSU und SPD. Berlin, 11.11.2005.

вития связей по оси Север–Юг зафиксированы и в других разделах каталога целеустановок в области внешней политики. Достаточно сказать, что партнеры по коалиции подчеркивают фундаментальность понятия «безопасность» для внешней политики ФРГ, которое сплетает воедино «внешнюю политику, политику в области безопасности и политику развития»[1]. И все же «политика развития» продолжает оставаться самостоятельной частью германской внешней политики как целого.

В коалиционном договоре ХДС/ХСС и СДПГ было подчеркнуто, что обострение проблем развития, прежде всего в Африке, но также и в отдельных регионах Азии и Латинской Америки, непосредственно угрожают миру и благосостоянию в Германии и Европе. Поэтому Федеративная Республика будет последовательно реализовывать цели и принципы, провозглашенные в решениях ООН, конференции по вопросам финансирования развивающихся стран в Монтеррее, а также всемирного саммита в Иоганнесбурге. Внутригосударственные экономические трудности вынуждают правящую элиту Германии, как и прежде, делать ставку в решении проблем третьего мира преимущественно на многостороннем уровне в рамках признанных международных институтов и финансовых организаций, таких, как ЕС, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Об этом прямо говорится в межпартийном договоре. Данная стратегическая линия, как видно, не претерпела и не претерпит существенных изменений, но, наоборот, будет еще ощутимей. Не случайно поэтому в сфере двустороннего сотрудничества предполагается дальнейшее сокращение стран-рецепиентов германской помощи. Если в 1998 г. ФРГ предоставляла экономическую помощь на двусторонней основе 119 государствам, то в 2008 г. их число сократилось до 57. Во главу угла при этом ставится принцип эффективности. А условиями предоставления помощи являются необходимость, ответственное правительство (иными словами, гарантии неразбазаривания средств), выгоды непосредственно для германской экономики и, наконец, особые исторические связи.

Особый интерес для Федеративной Республики представляют так называемые «пороговые» страны, которые выросли из коротких штанишек развивающихся стран, но не вошли еще в круг промышленно развитых или постиндустриальных государств[2]. С точки зрения перспектив

---

[1] Ibid. S. 136.

[2] К «пороговым» странам немецкие эксперты относят Китай, Бразилию, Россию, Индию, Мексику, Аргентину, Индонезию, Турцию, Таиланд, Южную Африку и Малай-

глобальной структурной политики они являются центральными игроками, от которых в решающей степени будут зависеть стабильность и динамика мировой экономики, мировой политики, а также будущее глобальной экосистемы.. Особое внимание Берлин уделяет Китаю, Индии, Бразилии, Мексике и Южной Африке. От сотрудничества с этими странами выгоду получают прежде всего германские фирмы, активно работающие на их рынках. Не случайно руководство ФРГ выступает за расширение «Группы восьми» и включения в нее этих государств.

1 января 2007 г. ФРГ заняла председательское кресло в «восьмерке», выдвинув лозунг: «Развитие и ответственность!». Новый примат энергетической безопасности, волна конкуренции за контроль над полезными ископаемыми вынудили Берлин сделать заявку на то, чтобы уделить особое внимание проблемам третьего мира, прежде всего Африке, в контексте экономической глобализации. Об этом, в частности, говорилось в программе немецкого председательства, которую канцлер А. Меркель представила федеральному правительству. В программе делался упор на обсуждение таких тем, как энергетическая эффективность в развивающихся странах и сбережение ресурсов, охрана окружающей среды в мировом масштабе, включая соблюдение Киотского протокола, экономическое развитие африканского континента, борьба с бедностью и СПИДом. При этом А. Меркель рассматривает стратегию развития отношений стран «восьмерки» с Африкой как своего рода «партнерство в проведении реформ». Германия адресовала таким образом соседнему континенту доверительный план-послание, который включает в себя целый набор рецептов по его выходу на новый этап развития. Африканские страны должны развивать структуры, которые облегчают приток частных инвестиций, расширять демократические институты, бороться с коррупцией, проявлять бóльшую ответственность, демонстрировать больший суверенитет над природными ресурсами. Иными словами, как подчеркнула министр по экономическому сотрудничеству и развитию Х. Вичорек-Цойль (СДПГ), главное состоит в том, «хорошо или плохо осуществляется управление» той или иной страной[1].

зию. В них проживает 62% населения развивающихся стран и 52% всего населения мира и на них приходится 69% ВВП всех развивающихся стран. Эта группа государств выбрасывает в атмосферу 80% углекислого газа, производящегося третьим миром, с устойчивой тенденцией к увеличению выбросов. В «пороговых» странах проживает 70% беднейшего населения мира (с доходом на душу населения до 1 долл. США). (Messner D. Globalisierungsanforderungen an Institutionen deutscher Aussen- und Entwicklungspolitik // "Aus Politik und Zeitgeschichte". B. 18–19/2001. S. 28.).

[1] "Frankfurter Rundschau". 2006. 21. Okt.

Партнеры по «большой коалиции» пообещали поэтапно повышать расходы на поддержку развивающихся стран до 0,51% ВВП к 2010 г. и довести их самое позднее к 2015 г. до необходимых 0,7% ВВП, определенных Организацией Объединенных Наций. Благоприятная экономическая конъюнктура, сложившаяся в стране в 2005 г., помогает реализации обещанного. Уже в федеральном бюджете на 2007 г. было заложено увеличение на 7,8% суммы расходов на «экономическое сотрудничество и развитие» и доведение ее в абсолютном выражении до 4,5 млрд евро[1]. К концу года Германия вышла на второе место в мире после США по объемам помощи странам третьего мира, которая составила 12,3 млрд долл. (8,96 млрд евро). В соотношении к ВВП — это всего 0,37%. Да и то эти цифры представляют собой мыльный пузырь, поскольку ровно одна треть из этих почти 9 млрд евро была зачтена в качестве долгов и пошла на прием иностранных студентов. Реально расходы на «помощь развитию» составили 0,25% от ВВП. Более того, пока еще трудно прогнозировать, как поведет себя германская экономика с разрастанием мирового финансово-экономического кризиса. Да и «большая коалиция» — система нестабильная, учитывая приближающиеся парламентские выборы.

Глава 7. Российско-германские политические отношения

Основы нынешних отношений между Россией и Германией во многом сформировались в период связанной с именем М.С. Горбачева крутой ломки внешней политики СССР. В пять лет перестройки уложилась радикальная трансформация самого базиса взаимоотношений между Западом и Советским Союзом. Этот процесс не мог остаться без кардинальных последствий для отношений между обоими германскими государствами, с одной стороны, и СССР/Россией — с другой. Если ранее призыв к «новому мышлению» был обращен в равной степени к обеим участвующим в конфронтации сторонам и предусматривал определенную взаимность, параллельность шагов, то после 1985 г. Москва решила не дожидаться, пока контрагент «до-

[1] "Frankfurter Allgemeine". 2006. 6. Sept.

зреет» до синхронного с СССР изменения в подходах к коренным проблемам современности. В советском руководстве возобладала та действительно новаторская точка зрения, что следует «подать пример», добровольно отказаться от своих позиций, и тогда пристыженный партнер наверняка пойдет навстречу. Шаг за шагом такая линия стала набирать силу сначала в фундаментальной для взаимоотношений Восток–Запад сфере вооружений и разоружения с катастрофическими последствиями в ряде случаев для обеспечения безопасности СССР в будущем. Затем она охватила и другие области международных отношений, включая двусторонние связи с основными странами мира.

7.1. Перестройка и германская проблема

Наиболее полное выражение горбачевская концепция «упреждающих уступок» нашла в германском вопросе, включавшем в себя сложнейшую проблематику независимого друг от друга существования двух германских государств, их отношений с окружающим миром, а также между собой, их членства в противостоящих военно-политических альянсах и вклада в поддержание жизненно важной стабильности на европейском континенте. Даже неспециалисты не могли не видеть органической связи между комплексом германских дел и развитием общей ситуации в Европе и в мире. Политбюро ЦК КПСС, и при Горбачеве безраздельно определявшее советскую внешнюю политику, сделало парадоксальный вывод из факта наличия подобной сцепки, отказавшись от безусловного приоритета поддержки ГДР, характерного для предшествующего периода. Если до начала перестройки руководство ГДР могло быть уверенным в незаменимости республики для СССР в стратегическом плане и не сомневалось в обеспеченности своего внешнеполитического тыла, то после 1985 г. все более ясно складывалось положение, при котором ГДР как бы повисала в воздухе. В верхних политических эшелонах республики ожили опасения, которые в свое время пробудила «сталинская нота» от 10 марта 1952 г., без всяких предварительных консультаций с ГДР предложившая Западу восстановление германского единства с одним ограничительным условием — невхождение объединенной Германии в военные союзы, направленные против СССР. Неуверенность в прочности советской поддержки стала распространяться и среди населения — у одних со знаком минус, у других со знаком плюс. Даже простое сомнение в готовности СССР идти до конца в защите восточногерманской рес-

публики было смертельно опасно для нее: тезис о возможности существования ГДР без безоговорочной гарантии со стороны СССР не мог не вызывать по меньшей мере скептицизма.

Новым словом советской перестройки в области отношений с ГДР и другими государствами — членами социалистического содружества было провозглашение принципа абсолютного невмешательства во внутренние дела братских партий. С одной стороны, такая политика диктовалась явным экономическим перенапряжением СССР вследствие высокозатратной гонки вооружений и принципиальной линии коммунистического режима на перераспределение национального богатства в пользу окраинных республик, а также союзников за счет коренных областей России. Любое вмешательство, даже в форме «совета», приводило к необходимости наращивать материальную поддержку того, кто соглашался следовать рекомендациям «старшего брата». Существовавшая ранее система перекачки средств в целом сохранялась, но в ее расширении (а просьбы об этом поступали отовсюду) отказывалось. С другой стороны, новые веяния отражали глубокое равнодушие к положению в социалистическом содружестве, являвшееся следствием недооценки высокой степени взаимозависимости между входившими в него странами. Ставший в феврале 1986 г. помощником генерального секретаря по международным делам («дублером» министра иностранных дел СССР) А.С. Черняев сразу заметил отсутствие у Горбачева интереса к союзникам. Он вспоминает: «...Я, да и не только я, чувствовал, что он без энтузиазма идет на контакты с лидерами соцстран, с трудом соглашается на визиты и явно не склонен демонстрировать “свою руководящую роль”»[1]. Судя по всему, лидер советской перестройки опасался в первую очередь стать объектом критики со стороны коллег в связи с провалами в советской экономике, обусловленными непродуманными экспериментами в рамках нового политического курса.

На Западе после первоначальных колебаний линия Горбачева вызвала бурные восторги, поскольку была расценена как ликвидация «доктрины Брежнева», при котором было провозглашено правило, что ситуация в социалистическом содружестве не может быть безразличной для каждого из входящих в него государств, тем более для державы, являющейся его признанным лидером. Какие практические выводы делались из этого положения, вопрос особый, но «принцип неравнодушия» является естественным для любого союза, если он не

[1] *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 81.

собирается уходить в небытие. Западное ликование можно было понять, так как любые трещины в Варшавском пакте ослабляли «вероятного противника». Руководителей социалистических стран «нейтралитет» Москвы в целом также устраивал: обычные для прошлых времен нравоучения с стороны «старшего брата» мало кому среди них приходились по вкусу. Никто своевременно не разглядел связанные с этим опасности для самого существования социалистического содружества.

Энтузиазм коллег Горбачева был бы оправданным только в том случае, если бы новая линия Москвы, подтверждая отказ от силового вмешательства (каким было, например, коллективное направление в 1968 г. танков в Чехословакию), предусматривала разработку общих позиций не только по международным, но и по внутренним проблемам. Тогда можно было бы действительно говорить о прогрессе в налаживании нормальных товарищеских отношений между социалистическими странами. К началу 80-х годов отрицательный опыт «перевоспитания» чехов и словаков исключал повторное направление танков куда бы то ни было. Однако острых проблем у всех стран социалистического содружества оставалось множество, а эффективных рецептов их решения не было ни у кого. Советская перестройка, задуманная как раз в качестве такого рецепта, вызывала чем дальше, тем больше разочарований.

В 80-е годы политическая зависимость социалистических стран от своего лидера была ничуть не большей, чем зависимость западных стран от США. Не могло быть речи и об экономической зависимости, так как поставки энергоносителей и сырья из СССР происходили по стабильным смехотворно низким ценам, а стоимость встречных поставок промышленного оборудования зачастую перекрывала мировой уровень. Сплотить готовое развалиться социалистическое содружество могла лишь новая концепция отношений как внутри его самого, так и вовне. Однако Москвой не было предложено ни доктрины обеспечения коллективной безопасности на европейском континенте, ни схемы трансевропейского экономического сотрудничества. Набившие оскомину пустопорожние формулы типа «разрядка международной напряженности» и «общий дом Европа» не могли спасти положения. Перестроечное руководство не знало, куда вести социалистическое содружество, какую цель поставить перед Советом экономической взаимопомощи. Стабильность содружества расшатывалась и вследствие того, что поставки из СССР сокращались или запаздывали вследствие нарастающего хаоса в советской экономике. СЭВ окончательно рухнул, когда взаиморасчеты в нем были перене-

дены (по предложению советских реформаторов) на свободно конвертируемую валюту. СССР стал окончательно не нужным «братским странам».

В переломной ситуации невмешательство Москвы было равнозначно отказу реального социализма от совместной выработки методов преодоления кризисных явлений, нараставших во всем социалистическом лагере. Внутреннее развитие социалистических стран было пущено «на самотек» со всеми вытекавшими из этого последствиями. По существу, с самого начала перестройки восторжествовал принцип: «Каждый умирает в одиночку».

Типичным для отношений конкретно с ГДР был отказ СССР оказать ей срочную экономическую помощь для преодоления последствий реализации системы мер по повышения жизненного уровня населения, которые должны были по замыслу Эриха Хонеккера переломить сохранявшуюся готовность восточных немцев при первой же представившейся возможности перебежать в более зажиточную ФРГ. Предлагавшийся экономистами ГДР рецепт был элементарно прост — СССР поставляет в республику по низким внутренним ценам СЭВ определенное количество сырой нефти сверх ее непосредственных нужд; эта нефть перерабатывается в ГДР в бензин и продается в ФРГ по высоким ценам мирового рынка; разница остается в ГДР и используется для финансирования социальных программ республики. В итоге должны были укрепиться позиции ГДР в соревновании с ФРГ за симпатии собственного населения, а упрочение восточногерманской республики автоматически означало бы консолидацию социалистического сообщества в целом. В ГДР простаивали созданные специально для советской сырой нефти гигантские нефтеперерабатывающие мощности в Шведте, намного превосходившие потребности самой республики. Но нефть «сверх нормы» так и не начала поступать в сколько-нибудь значительных количествах.

Москва мотивировала отказ тремя группами причин: 1) нефти самим не хватает; 2) дашь ГДР, придется давать и остальным соцстранам (похожие заявки с аналогичной мотивировкой поступали от них всех); 3) уровень жизни населения ГДР и так выше, чем в СССР. Все эти соображения, отражавшие вполне реальные аспекты ситуации, не учитывали, однако, ключевого положения ГДР в системе опор международного влияния Советского Союза. В данном случае (как и во множестве других) тактическое мышление совершенно очевидно взяло верх над стратегическим. «Материалистическая диалектика» рассматривала существование социалистического содружества

как необратимую данность на все времена. КПСС (как, впрочем, и СЕПГ) явно переоценила прочность восточногерманской республики. Возможность развала ГДР вследствие внутреннего взрыва не принималась в расчет даже гипотетически. Не вдаваясь в углубленный анализ обстановки в ГДР, перестроечное руководство считало, что будет достаточно несколько либерализовать режим СЕПГ по образцу начатых в СССР реформ, чтобы снять недовольство населения, о котором исправно докладывали советские дипломатические и иные представительства в ГДР. И тогда все будет в порядке. В Москве были в принципе совсем не против сохранения стабильности европейского предполья СССР, но победило нежелание ради этого брать на себя какие-либо дополнительные тяготы.

Отказ почти открыто указывавшего на провалы перестройки Эриха Хонеккера последовать примеру «старшего брата» вызывал растущее раздражение у официальной Москвы, которая именно в этом видела причину продолжающегося обострения положения в республике. Между тем дело было не только в несогласии руководства ГДР рабски копировать шараханья перестройщиков, повторяя все их ошибки. Объективно перемены в республике действительно назрели и не были плодом воображения злонамеренных недругов восточногерманского социализма. Необходимость реформ была очевидна для каждого, кто хотя бы поверхностно ознакомился с пробуксовкой экономики и настроениями населения ГДР, которое требовало ослабления опеки со стороны государства, лишавшего людей минимальной свободы действий и выбора. Однако скептическое отношение руководства ГДР к горбачевской перестройке не привело к разработке своего варианта действий, учитывающего восточногерманскую специфику. Даже если признать обоснованными внутренние оценки Хонеккера, который с наслаждением констатировал, что перестройка не улучшает, а ухудшает ситуацию в советской экономике и обществе, было грубейшей ошибкой делать из них вывод о том, что в ГДР все надо оставить так, как есть. А именно подобным образом и поступало хонеккеровское руководство.

Эксперты ЦК СЕПГ подкрепляли сложившееся у лидера ГДР мнение прогнозами, согласно которым перестройка должна вскоре привести к всеобъемлющему кризису Советского Союза с весьма неопределенным исходом. В беседах со своими приближенными Хонеккер обсуждал перспективы существования ГДР в предположительном случае развала СССР. Высказывалось мнение, что ГДР могла бы уцелеть тогда лишь при условии, что ей удастся «прислониться» к процветающей ФРГ. (При этом не учитывалось, что о по-

добном варианте речь могла бы идти только в том случае, если бы руководству республики удалось «обеспечить тыл», заключив мир со своим народом.) Перестроечная Москва, отказывая немецким друзьям в выполнении их просьб, также со спокойной совестью советовала ГДР просить денег у Бонна. Так что сближение обоих германских государств, прежде всего в экономической области, форсировалось со всех сторон.

7.2. Начало кризиса ГДР

Не закрывая глаза на опасность поглощения ГДР несравнимо более сильной ФРГ, Хонеккер тем не менее последовательно проводил линию, ведущую к зависимости республики от Западной Германии. Он считал, что у него не оставалось выбора: сокращение государственных расходов означало бы отказ от социальной программы СЕПГ, что вызвало бы, по его мнению, немедленный внутриполитический взрыв. Оглушительный успех первого (и последнего) визита Хонеккера в ФРГ в сентябре 1987 г. с триумфальным приемом по всему маршруту следования (официальный Бонн по этому случаю забыл и о Берлинской стене, и о нарушении прав человека в ГДР) укрепил его во мнении, что модус вивенди с ФРГ на основе сохранения самостоятельности ГДР возможен. И действительно, «видимая часть айсберга» западногерманской линии в отношении ГДР свидетельствовала о поддержке второго германского государства. При этом речь шла, конечно, о такой поддержке, какую веревка оказывает повешенному. В то же время предоставлявшиеся ФРГ крупные займы помогали республике преодолевать периодически обострявшиеся кризисы в ее экономике. Платежи за пользование автострадами между территорией ФРГ и Западным Берлином, «гуманитарные взносы» за досрочное освобождение заключенных из тюрем ГДР по выбору Бонна и прочие своеобразные источники обеспечивали постоянный приток немецких марок в казну ГДР.

Однако «прислониться» к ФРГ хотел не только Хонеккер, но и Горбачев, который чем дальше, тем больше возлагал надежды на финансовые вливания извне для исправления положения в советском хозяйстве. Никакие уступки Соединенным Штатам не вызывали долларовый дождь, в котором остро нуждалась экономика СССР, вконец разрегулированная бестолково проведенной антиалкогольной кампанией и другими мерами перестройщиков. Помимо США из возможных кредиторов в наличии была только ФРГ. Заблаговременно готовя

благоприятную обстановку для возможного присоединения ГДР, Бонн не скупился на взносы в бюджеты международных организаций, прежде всего НАТО и ЕС. С учетом этого факта в Москве пришли к выводу, что ФРГ вполне могла бы взять на себя роль главного финансового спонсора Горбачева. В октябре 1988 г. Колю был оказан сердечный прием в советской столице. При этом был предан забвению тот факт, что всего два года назад федеральный канцлер публично сравнивал Горбачева с Йозефом Геббельсом на том основании, что они оба «талантливые демагоги». В Москве обе стороны объявили о начале движения к преодолению «ледникового периода» в их отношениях.

Летом следующего года генеральный секретарь ЦК КПСС посетил Бонн в целях сближения с ФРГ. Биограф Коля сообщает, что канцлер использовал одну из бесед с высоким гостем для того, чтобы прочитать ему лекцию о неотвратимости объединения Германии. «Рейн течет в море, — поучал он. — Вы можете поставить на его пути плотину, но тогда вода выйдет из берегов и разрушит ее. В конечном счете она все-таки достигнет моря. С такой же неизбежностью, с какой Рейн впадает в море, придет германское единство — и европейское единство также...». Горбачев промолчал. В своих публичных выступлениях он говорил о «народе ФРГ», но в совместном заявлении от 13 июня 1989 г. дважды упоминалось о праве народов на самоопределение. Биограф указывает, что в беседе с глазу на глаз Горбачев «неожиданно спросил Коля, может ли он рассчитывать на его поддержку, в случае если как-нибудь обратится к нему за быстрой помощью. Канцлер пообещал, и всего полгода спустя ему уже представился случай сдержать обещание»[1].

На заданный ему на заключительной пресс-конференции вопрос по поводу Берлинской стены генеральный секретарь ЦК КПСС ответил буквально следующее: «Сводить к тому, что единственным препятствием на пути к строительству европейского дома является Берлинская стена, было бы несерьезно. Нам придется решить много проблем при постройке европейского дома в интересах всех народов, при этом уважая их выбор, их традиции, их историю, создавая условия для равноправного взаимовыгодного сотрудничества. Ничего нет вечного под луной. Будем надеяться, что мы на правильном пути. Стена появилась в конкретной ситуации, и продиктовано это было не каким-то злым умыслом. ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее

---

[1] Konrad R. Müller, Christian Müller, Helmut Kohl. Auf der Höhe der Zeit, Bergisch Gladbach, 1996. S. 97.

породили. Не вижу тут большой проблемы»[1]. Из всего этого пассажа, который как будто содержал поддержку позиции ГДР, немцами было услышано лишь то, что советский лидер не считает стену вечной и не видит в ее возможном исчезновении большой проблемы. Тем более что условия для такого развития так и не были названы.

Подобно Хонеккеру Горбачев вернулся из Бонна очарованным приемом и исполненным иллюзий. Относительно политической цены, которую надо будет заплатить за дружбу с ФРГ и возможные кредиты в западногерманских марках, Горбачев и его окружение пока вслух не говорили. Но вряд ли у них были какие-либо неясности на этот счет. Черняев сообщает, что первым советом, который он дал Горбачеву после своего назначения на пост его помощника, было «не забыть в документах [предстоящего] съезда партии о “воссоединении Германии, от чего все равно не уйти, раз уж будем намечать стратегическую линию на годы вперед” (это было пока проигнорировано)»[2].

Нет слов, обеспечение безопасности такой ключевой для международной ситуации страны, как Советский Союз в обстановке все более трудного обеспечения паритета в военном соперничестве с США, могло потребовать неординарных решений. При определенных условиях мыслимы были действия, которые выглядели бы со стороны как принесение в жертву интересов союзников. Но оправдать подобные шаги могли лишь крайние обстоятельства или капитальный политический выигрыш, получаемый взамен. В любом случае эти действия следовало четко аргументировать понятным всем образом. Никак нельзя было допускать, чтобы они воспринимались как предательство, как неожиданный удар в спину соратнику. Совершивший предательство политик теряет уважение — это относится и к его друзьям, и к его конкурентам. Вместе с уважением он теряет лицо и сходит с общественной арены в политическое небытие. К сожалению, перестроечное руководство СССР повело себя по отношению к ГДР (возможно, не совсем сознавая это) таким образом, который давал повод обвинять его в вероломстве.

ГДР и ее руководство не были монолитом. Во главе республики стояли не только Хонеккер и его фракция. Во властных верхах ГДР были также сильны сторонники реформ, находившиеся в оппозиции к фактическому лидеру. Они были готовы действовать, добиваться отставки Хонеккера, начать демократизацию режима с опорой на пар-

---

[1] Михаил Горбачев и германский вопрос // Сборник документов 1986–1991. М., 2006. С. 202–203.

[2] *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 66.

тийные массы. Для того чтобы выступить, они ждали знака ободрения из Москвы. Такая ситуация объяснялась не только особенностями немецкого характера, но и неуверенностью в намерениях Горбачева. Реформаторы в ГДР не могли позволить себе расхождения с политикой СССР, без поддержки которого республика была, по их мнению, нежизнеспособна. Если Хонеккер собирался искать выход из созданного перестройкой положения на путях «одиночного плавания» ГДР с возможной опорой на ФРГ, то реформаторы были обречены действовать только по согласованию с Москвой. В августе 1988 г. стоявший близко к оппозиции внутри руководства СЕПГ статс-секретарь МИД ГДР Герберт Кроликовский передал в закрытом порядке одному из представителей МИД СССР (заведующему отделом печати министерства Г.И. Герасимову, который считался близким к Горбачеву человеком) устное послание для советского руководства. Он попросил прояснить основной для ГДР вопрос, нужна ли еще республика Советскому Союзу.

Ссылаясь на высказывания некоторых московских деятелей и выступления советской печати с призывами «решить германскую проблему», Кроликовский подчеркнул: «Мы просим лишь об одном — сказать нам ясно, каковы ваши намерения в отношении нас. Сегодня есть социалистическая Германия. Вопрос в том, надо ли ее сохранять, как, например, Австрию, или ждать момента, когда можно будет отделаться от ГДР. Это наше государство, мы его выстроили и любим. Наш западный партнер — не самый глупый и не самый слабый. Не надо облегчать ему достижение цели, которая состоит не в усилении ГДР. Однако если вы нам скажете, что мы вам больше не нужны, что вы можете обеспечить мир в Европе и без нас, мы постараемся найти выход из новой ситуации. Мы возродим прежнюю концепцию конфедерации в Германии, начнем переговоры с Бонном по этому вопросу и будем добиваться максимально выгодных условий для людей, живущих здесь. Скажите нам открыто, в чем состоит ваша цель, и мы будем действовать в соответствии с этим. Мы не драматизируем, не собираемся поднимать вселенский плач. Но надо принимать меры, думать о следующем и дальнейших этапах»[1].

История не знает сослагательного наклонения. Можно только гадать, как выглядело бы дальнейшее развитие в центре Европы, в случае если бы реформаторы ГДР своевременно — пусть даже в неофициальном порядке, пусть даже полунамеком — получили честный ответ

---

[1] См.: *Максимычев И.Ф.* «Народ нам не простит...» Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2002. С. 13.

из Москвы (несомненно, что аналогичные запросы поступали и по другим каналам). Возможно, что в этом случае удалось бы избежать в ГДР того глубочайшего внутриполитического надлома 1989–1990 гг., который привел к краху всего государственного аппарата республики и в итоге к невероятному ускорению процесса поглощения восточногерманской республики. Процесс достижения единства нации мог бы быть направлен в нормальное русло объединения германских государств, а не безоговорочного включения одного из них в состав другого. Он проходил бы в свободной от нервозности обстановке, которая позволила бы наиболее полным образом учесть интересы слабейшего партнера, каким была ГДР, и всего восточногерманского населения. СССР и его союзники получили бы возможность на приемлемых для них условиях решить проблему общеевропейской безопасности, что требовало необратимого продвижения к Большой Европе — сообществу всех европейских государств.

Для такого развития нужно были время и согласованные действия Запада и Востока континента, отчаянный дефицит которых ощущался в реальности 1989–1990 гг. Лозунг создания общеевропейского сообщества, пунктиром намечавшийся во внешнеполитических декларациях лидеров перестройки, отвечал в принципе устремлениям Франции и Великобритании, добивавшихся «европейской Германии», а не «германской Европы», путь к которой открывался бы в результате «победы» ФРГ над ГДР (и СССР). На этой основе становились возможными согласованные действия Лондона, Парижа и Москвы, которые вполне могли бы уравновесить американское и растущее германское влияние. В итоге Москва сохранила бы роль соучастника строительства новых структур континента, а не превратилась бы в трагически заламывающего руки, постоянно отступающего и теряющего влияние статиста.

Симптоматично упоминание Кроликовским Австрии. В разгар кризиса в ГДР среди советских германистов в закрытом порядке также велись дискуссии о возможности «австрийского варианта». Под этим термином имелась в виду перспектива сохранения (может быть, на ограниченное, но достаточно продолжительное время) самостоятельной ГДР ценой ее отказа от «реального социализма». Ссылка на Австрию была обусловлена некоторой аналогией с австрийским урегулированием 1955 г., когда объединение советской зоны оккупации с тремя западными зонами и восстановление суверенитета этой страны состоялось на условиях неприсоединения единого австрийского государства к Германии и провозглашения его постоянного нейтралитета. Острота восточногерманского кризиса 1989–1990 гг.

почти с самого начала сделала иллюзорными расчеты на то, чтобы уберечь в ГДР сверхцентрализованный и забюрократизированный социализм советского типа. Однако сохранение социальных завоеваний ГДР в полном объеме имело шансы на успех, поскольку в этом было заинтересовано большинство ее населения. Именно ликвидация этих завоеваний после объединения породило в новых землях ФРГ ныне широко распространенную там ностальгию по прежним временам. Но чтобы осознать свои подлинные интересы, людям ГДР также требовалось время, которого они вследствие стремительности процесса объединения не получили.

Свой самый важный (и последний) визит в ГДР в качестве советского лидера (он был вторым по счету[1]) Горбачев совершил в октябре 1989 г. по случаю торжеств в честь 40-летия республики. Этот визит еще раз подтвердил популярность Горбачева среди населения республики. На пути следования колонны автомашин из аэропорта Шенефельд в резиденцию для почетных гостей Нидершенхаузен через весь Восточный Берлин толпы встречавших восторженно приветствовали гостя из Москвы. Только один плакатик был адресован Хонеккеру; надпись на нем гласила: «Так держать, Эрих!». Факельное шествие членов Союза свободной немецкой молодежи у почетных трибун на Унтер-ден-Линден вечером 6 октября вылилось в чествование Горбачева. Молодые люди кричали: «Горби, Горби», демонстративно игнорируя, что рядом с ним стоят руководители их собственной республики. Люди явно ждали от Горбачева слов, которые помогли бы им в решении проблем, вставших перед республикой. Однако в памяти осталось только его слова: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь»[2]. Задним числом этому высказыванию, являющемуся перифразой иронического русского словца: «Кто не успел, тот опоздал», приписали значение ободрения

---

[1] Не считая проводившиеся в Берлине мероприятия Варшавского договора или СЭВ; первый визит состоялся в апреле 1986 г., когда Горбачев присутствовал на XI съезде СЕПГ.

[2] К 15-летию падения Берлинской стены (9 ноября 1989 г.) сотрудница редакции немецкой «Франкфуртер альгемайне» Улла Плог провела расследование с целью уточнить, когда и где Горбачев произнес эту знаменитую фразу. Выяснилось, что в беседе с журналистами 6 октября, на которую обычно ссылаются, он сказал: «Опасности грозят лишь тем, кто не реагирует на требования жизни». На встрече с членами политбюро ЦК СЕПГ на следующий день прозвучало: «Если мы станем отставать, нас сразу же накажет жизнь». И только вечером, уже после отлета Горбачева из Берлина, журналисты получили эту фразу в ее «классической» форме из уст заведующего отделом печати МИД СССР Г.И. Герасимова, комментировавшего итоги визита — кстати на английском языке: “Those who are late will be punished by life itself” (см.: Ulla Plog, “Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben”, “Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung”, 3. Oktober 2004).

в адрес оппозиции Хонеккеру. Но Горбачев и сам никого ободрять не собирался, и всем остальным советским представителям запретил это делать. Посол В.И. Кочемасов так передавал полученные от Горбачева указания: «Не надо их [реформаторов в руководстве ГДР] подталкивать; они сами за все отвечают, пусть обсуждают и решают»[1].

На торжественном собрании во Дворце республики 6 октября, когда Горбачев получил возможность обратиться непосредственно к гражданам ГДР, и на встречах с членами политбюро ЦК СЕПГ на следующий день речи генерального секретаря ЦК КПСС содержали только славословия в адрес внутренних и внешних достижений перестройки. Общий тон самовосхваления нарушила лишь цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева, которую Горбачев привел в своем выступлении 6 октября. Стихи вообще вещь редкая в серьезных политических декларациях, и уже поэтому тютчевский текст привлек к себе повышенное внимание. Тем более что обращение к творчеству поэта и дипломата, неразрывно связавшую свою жизнь с российско-германскими отношениями, несло четкую смысловую нагрузку. Тютчев писал в период войн Пруссии за создание Второго рейха:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на нас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней[2].

Из текста явно следует, что Тютчев предвидел грозные опасности для России и вообще для славян, проистекающие из объединения Германии, и звал к тому, чтобы готовиться к их отражению. Но Горбачев включил в свою речь лишь вторую строфу, ни словом не упомянув о первой. Получилась чистая проповедь христианской любви к ближнему. Кто эти «мы», которые должны были действовать в духе упомянутой любви, и что или кого эти «мы» собирались объединять, осталось совершенно неясным. Вероятно, он относил эти слова к строительству европейского дома. Но упоминание знаменитой формулы канцлера князя Отто фон Бисмарка, выковавшего первое объедине-

---

[1] *Максимычев И.Ф.* Указ. соч. С. 65.

[2] Поэты тютчевской плеяды (сост. В. Кожинов). М., 1982. С. 122. Этот маленький философский шедевр озаглавлен «Два единства» и датируется 1870 годом.

ние Германии в 1871 г. именно «железом и кровью», подсказывало: речь могла идти и о германском единстве. В то же время интерпретация факта включения этой цитаты в речь высокого гостя в качестве призыва к обоим германским государствам поскорее объединяться под знаком взаимной любви была явно преждевременной. При отлете из Берлина Горбачев сказал провожавшему его послу: «Советский народ не простит нам, если мы потеряем ГДР»[1]. Как видно, он еще не был окончательно убежден в том, что ликвидация ГДР была бы благом для СССР. Возможно также, что он расценивал имеющееся в СССР внутриполитическое сопротивление подобной перспективе как еще слишком сильное. Скорее всего, история с тютчевской цитатой выражала затаенную мечту спичрайтеров Горбачева.

Напрямую к смене хонеккеровского руководства ГДР Москва была непричастна. Она была информирована через своего посла о намерении реформаторов совершить «переворот», однако воздержалась от выражения своего отношения к нему, хотя «молчаливое согласие» было несомненно налицо. Хонеккер был отправлен в отставку 18 октября решением политбюро ЦК СЕПГ формально без давления извне. В Москве надеялись, что после ухода Хонеккера напряженность в восточногерманском обществе спадет и положение нормализуется, и тем более не были готовы к «вмешательству». Новое руководство обещало населению демократизацию и ослабление государственного контроля во всех сферах жизни республики. Однако уличные демонстрации и шествия не прекращались. Люди требовали, чтобы правительство перешло от слов к делу.

7.3. Падение берлинской стены

4 ноября 1989 г. на Александер-плац в Берлине состоялся самый крупный митинг за всю историю ГДР. В нем участвовало около миллиона человек. Одним из главных требований демонстрантов было облегчение условий поездок в другое германское государство, ФРГ. При Хонеккере посещать ФРГ могли для свидания с родственниками лишь пенсионеры. Остальные граждане получали такое разрешение только в неотложных случаях (болезнь, похороны). Были и многочисленные «невыездные» категории граждан. Процедура выдачи разрешений была громоздкой и унизительной. Еще более сложной она была для выезда в ФРГ на постоянное жительство.

---

[1] *Максимычев И.Ф.* Указ. соч. С. 65.

Для посещения соцстран разрешения на выезд не требовалось, и, когда 11 сентября 1989 г. Венгрия окончательно открыла свою границу с Австрией для граждан ГДР, началось и стало нарастать бегство восточных немцев в ФРГ через территорию этих стран[1]. 4 октября власти ГДР были вынуждены запретить своим гражданам выезжать в Чехословакию без особого разрешения (большинство беглецов использовали личный автотранспорт). В ходе послехонеккеровской либерализации 1 ноября граница между ГДР и Чехословакией была вновь открыта. Параллельно был разработан и опубликован проект закона значительно менее запретительного характера о порядке выезда из ГДР. Однако население сочло уступки недостаточными. Через север Чехословакии к границе с Баварией (это был кратчайший путь в Западную Германию) хлынул непрерывный поток автомашин с номерными знаками ГДР. Местное население стало выражать недовольство забитыми дорогами, и Прага попросила избавить ее от канители с беглецами из ГДР. Берлину надо было действовать, и действовать радикально.

В этой обстановке руководство ГДР решилось на то, чтобы разрешить выезд в ФРГ на постоянное жительство практически всем желающим. Территориальные управления полиции должны были проставлять визовой штамп сразу же по представлении необходимых документов, перечень которых сокращался до минимума. Простой формальностью становилось получение разрешения на посещение ФРГ. Для граждан ГДР, желающих выехать на постоянное жительство в ФРГ, намечалось открыть специальный КПП на границе с ФРГ близ схождения границ ГДР, ФРГ и Чехословакии. Об этом плане 7 ноября была информирована Москва. Возражений с ее стороны не последовало. Альтернативных рецептов разрешения кризиса не было и у советских политиков.

Однако проект закона о выездах, утвержденный политбюро ЦК СЕПГ днем 9 ноября, существенно отличался от первоначального плана, о котором докладывалось в Москву. Новый вариант предусматривал возможность выезда в ФРГ через все границы ГДР, включая секторальную границу между Восточным и Западным Берлином. Режим

---

[1] Как сообщает видный советский и российский дипломат и историк О.А. Гриневский, в августе 1989 г. в ФРГ состоялась секретная встреча Коля с главой венгерского правительства Неметом, по результатам которой ВНР, получив сигнал из Москвы, что советское руководство не будет возражать, дала согласие на выезд туристов из ГДР в Западную Германию. Уже к 25 сентября число граждан ГДР, пересекших открытую австро-венгерскую границу, перевалило за 20 000 человек (*Гриневский О.А.* Как начиналось объединение Германии. «Россия XXI», 2007. № 3. С. 66).

границ ГДР можно было с некоторым основанием отнести к вопросам, подведомственным ее правительству (при этом никто не отменял необходимости учета интересов безопасности СССР, содержавшего в ГДР Группу советских войск в Германии, а также стран Варшавского договора в целом). Но разграничительная линия в Берлине в юридическом смысле входила только в компетенцию СССР, поскольку четырехстороннее соглашение 1971 г. подтвердило исключительную ответственность за ситуацию в Берлине четырех держав (СССР, США, Франции и Англии). Москва не стала бы возражать против открытия границы в Берлине, так как Берлинская стена портила имидж не только и не столько ГДР, сколько самого СССР. Но она наверняка настояла бы на том, чтобы несколько повременить с Берлином, чтобы заранее предупредить власти трех держав в западной части города о предстоящем наплыве посетителей из ГДР.

Как выяснилось позже, член политбюро ЦК СЕПГ Гюнтер Шабовский, «отвечавший» за Берлин, обещал в конце октября 1989 г. западноберлинскому правящему бургомистру Вальтеру Момперу (СДПГ) предупредить его за две недели до возможного изменения режима внутриберлинской границы. Это обещание было дано в ответ на просьбу Момпера, заявившего, что властям Западного Берлина надо подготовиться к размещению ожидавшейся массы беглецов из ГДР, обеспечить транспортную связь с районами, прилегающими к стене, обеспечить выплату так называемых «приветственных денег»[1] и т. д. Шабовский и Момпер исходили из того, что упрощенное движение людей через контрольно-пропускные пункты стены откроется в конце декабря 1989 г., в предрождественские дни, т. е. накануне самого популярного в Германии праздника. Москва наверняка согласилась бы с таким порядком действий, если бы ее об этом спросили.

Помимо включения секторальной границы в Берлине в закон о выездах без предварительного согласования с Москвой были совершены еще две непростительные ошибки. Объявляя на пресс-конференции вечером 9 ноября о досрочном введении в действие подготовленного правительством проекта закона о выездах, Шабовский не уточнил, что речь идет об упрощенном порядке получения разрешения на выезд, а не об «открытии границ», как его слова были немедленно интерпретированы СМИ ФРГ. Кроме того, говоря о выезде через все границы ГДР, Шабовский заявил, что новые положения

[1] Begrüßungsgeld выплачивались каждому приезжающему в ФРГ жителю ГДР, включая детей. Размер «приветственных денег» составлял с августа 1987 г. 100 немецких марок раз в год на человека.

вступают в силу «немедленно». Если бы он более внимательно прочитал текст врученного ему за пять минут до начала пресс-конференции сообщения для прессы, то понял бы, что термин «немедленно» имел в виду 10 ноября. Первоначально власти ГДР намеревались обнародовать свое решение только на следующий день, чтобы в течение ночи разослать новые инструкции как территориальным управлениям полиции, так и войскам, охранявшим границы ГДР, в том числе и стену. 9 ноября государственный аппарат республики, включая пограничников, был совершенно не готов к изменению режима границ, так как не был уведомлен о нем.

Пресс-конференция Шабовского целиком транслировалась по телевидению ГДР, а ее ключевой момент, касавшийся нововведений в области выезда, был сразу подхвачен всеми телевизионными каналами ФРГ. Большая часть восточноберлинцев восприняла сообщение Шабовского как упразднение системы выдачи разрешений на выезд вообще. В вечерние часы 9 ноября люди стали собираться у КПП, требуя беспрепятственного пропуска в Западный Берлин в соответствии с новым законом. (На самой границе между ГДР и ФРГ было тихо и спокойно, так как она проходила вдали от городов и сел.) Берлинским пограничникам пришлось самостоятельно решать, выполнять ли действующие инструкции, требовавшие не допускать нарушения границы всеми средствами, вплоть до применения оружия, или махнуть на все рукой и открыть границу. Главная заслуга в том, что сумятица 9 ноября не привела к кровопролитию, принадлежит погранвойскам ГДР, поднявшим шлагбаумы и прекратившим всякий контроль за передвижением через границу. В туночь не только восточноберлинцы наводнили Западный Берлин — к утру 10 ноября многочисленные группы западноберлинцев оказались на территории Восточного Берлина.

Никто не может претендовать на единоличное авторство упразднения Берлинской стены, на то, что именно он был инициатором ее падения. Намеки Кренца, будто приказ об открытии границы дал он, не вызывают доверия[1]. Соответствующее решение пришлось принимать людям в форме, чья задача состояла в охране границы. Открытие КПП Берлинской стены стало результатом цепи ошибок и недоразу-

[1] Кренц избегает слишком ясно высказываться на этот счет. Например, в интервью в ноябре 2004 г. он говорил: «Для меня существует разница между нашим решением в отношении 10 ноября и незапланированным открытием границы на день раньше. Мы намеревались регулировать свободно совершаемые поездки. Вечером 9 ноября я мог принять лишь одно из двух решений — либо с применением насилия оттеснить людей [от КПП], либо не вмешиваться в ход событий. Из-за нескольких часов я не хотел рисковать столкновением с населением» (“Neues Deutschland”, 9. November 2004).

мений, вызванных тогдашней неразберихой в ГДР, властная система которой стала давать чувствительные сбои, а также выбросом протестной энергии вышедших на улицы масс. В этом смысле можно говорить о падении стены 9 ноября, хотя система выдачи разрешений на выезд и на въезд формально просуществовала в ГДР еще некоторое время, а физический демонтаж пограничных сооружений начался лишь 12 ноября, когда саперы Национальной народной армии ГДР сделали широкий пролом в стене у Потсдамской площади. Производимый с помощью тяжелой техники слом стены закончился только два года спустя. К концу 1990 г. были снесены 32,4 км стены, оставшиеся 80 км исчезли лишь к концу 1991 г.

Политически 9 ноября сыграло роль начального этапа ликвидации ГДР. Обстоятельства падения стены показали неспособность реформаторского руководства республики обеспечить нормальное ведение государственных дел, окончательно раскрыли двери для прямого воздействия ФРГ на внутреннюю ситуацию в ГДР, продемонстрировали эффективность давления улицы на государственные органы, подорвали престиж государства как такового в глазах его граждан. После 9 ноября произошел перелом в настроениях демонстрантов. Бывший ранее главным лозунг «Народ — это мы», который допускал сохранение реформированной социалистической ГДР, все чаще стал заменяться лозунгом «Мы — единый народ», который подразумевал курс на объединение с ФРГ. Именно в этом духе с нарастающей интенсивностью политиками и средствами массовой информации ФРГ обрабатывалось общественное сознание ГДР.

Однако решающее слово оставалось за Москвой, где о событиях 9 ноября в ГДР узнали утром следующего дня из сообщений мировых средств массовой информации. Советские представительства в Берлине не стали сразу докладывать в Москву о ночных событиях у стены. Исправить что-либо все равно было уже невозможно, а истерическая реакция на нижних этажах власти при получении внеочередной информации алармистского характера из Берлина не исключалась. Между тем один-единственный неуравновешенный звонок из Москвы мог бы иметь самые тяжелые последствия. Он был опасен прежде всего тем, что остававшиеся в руководстве ГДР «ястребы» получили бы возможность ссылаться на «поддержку» со стороны СССР, чтобы перейти к силовому подавлению демонстраций. Это грозило возникновением обстановки гражданской войны в ГДР, вовлечением в нее СССР и в итоге крахом всего курса на преодоление конфронтации в Европе.

Когда 10 ноября о падении стены доложили М.С. Горбачеву, тому не оставалось ничего другого, кроме как поздравить руководство ГДР

с «мужественным шагом»[1] и одновременно призвать лидеров США, Англии, Франции и ФРГ не пытаться воспользоваться создавшимся положением, чтобы «подорвать» ГДР. В Лондоне и Париже призыв Горбачева встретил понимание: там очень опасались, что объединение ГДР с ФРГ приведет к германскому засилью в Европе. ФРГ и США постарались успокоить Горбачева. Поначалу и западные немцы, и американцы не предвидели радикальных последствий падения стены и тех возможностей, какие оно открыло в плане подрыва государственных устоев ГДР. Темп развития событий застал врасплох практически всех. Но несколько недель спустя Бонн и Вашингтон однозначно повели дело к убыстрению процесса установления германского единства.

Между тем новое руководство ГДР не собиралось готовить похороны республики. В связи с отставкой кабинета Вилли Штофа (это произошло 7 ноября, так что падение Берлинской стены состоялось в момент, когда в ГДР не было правительства) Народная палата при одном голосе против избрала 13 ноября новым председателем Совета министров пользовавшегося популярностью и доверием населения реформатора Ханса Модрова. 18 ноября правительство Модрова представило парламенту программу действий, предусматривавшую проведение давно назревших реформ во всех сферах общественной жизни ГДР. Не осталась в стороне и поставленная на повестку дня событиями 9 ноября национальная проблема немцев. Соответствующий пассаж в правительственном заявлении гласил: «Правительство ГДР готово всемерно расширять сотрудничество с ФРГ и поднять его на новую ступень. Это относится ко всем вопросам: обеспечение мира, разоружение, экономика, наука и техника, охрана окружающей среды, транспорт, почта и телефон, культура, туризм и огромная гуманитарная сфера. Мы за то, чтобы подкрепить сообщество ответственности обоих немецких государств[2] договорным сообществом, ко-

---

[1] Помощник Горбачева по внешнеполитическим вопросам А.С. Черняев записал в своем дневнике 10 ноября: «Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории “социалистической системы”. За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер. [...] Но ГДР, Берлинская стена — это главное. Ибо тут уже не о “социализме” идет речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии. Вот что “наделал” Горбачев. Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в “естественное русло”» (Михаил Горбачев и германский вопрос // Сборник документов 1986–1991. С. 246).

[2] Имеется в виду достигнутая между Хонеккером и Колем в середине 80-х годов договоренность о том, что оба германских государства несут «совместную ответственность за то, чтобы с германской земли никогда больше не исходила война». Эта формула была включена и в совместное заявление по итогам визита Хонеккера в ФРГ в сентябре 1987 г.

торое выйдет далеко за рамки договора об основах отношений[1] и договоров и соглашений, заключенных до сегодняшнего дня обоими государствами. Настоящее правительство готово к переговорам на эту тему»[2].

Введенный Модровым в политический оборот новый термин «договорное сообщество» обозначал, по сути, что-то вроде начальной формы конфедерации. Но довольно расплывчатое содержание этого термина позволяло обойти прямое упоминание о конфедеративных или даже федеративных конструкциях, о которых могла пойти речь в ходе будущих германо-германских переговоров. Тем самым он не связывал заранее руки ГДР. Кроме того, этот термин должен был смягчить гнев Москвы, с которой вопреки предыдущей практике не была согласована внешнеполитическая часть правительственного заявления и которая продолжала возражать против каких-либо форм конститутивных связей между ГДР и ФРГ. И действительно, 24 ноября в Берлин прибыл заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, который в ходе закрытой встречи с Кренцом и Модровым в советском посольстве информировал о недовольстве руководства СССР этим моментом заявления.

Однако почти одновременно Н.С. Португалов, ближайший сотрудник Фалина, предпринял прямо противоположный по смыслу демарш в Бонне. Встретившись 21 ноября с внешнеполитическим советником канцлера Хорстом Тельчиком, он сказал, что «может представить себе, что в среднесрочном плане Советский Союз мог бы открыть “зеленый свет” для германской конфедерации какого-либо типа»[3]. Тельчик сразу помчался к Колю: «Уж если Горбачев и его советники обсуждают возможность воссоединения и связанные с ним вопросы, то для нас самое время не заниматься этим дольше за закрытыми дверями, а пе-

---

[1] Имеется в виду договор между ГДР и ФРГ от 21 декабря 1972 г., по которому оба германских государства обязывались строить свои отношения на основе добрососедства и равноправия, принципов и целей ООН, а также отказа от применения насилия и угрозы насилия.

[2] Цит. по: *Кузьмин И.Н.* 41-й год Германской Демократической Республики. Ханс Модров и Лотар де Мезьер, М., 2004. С. 28–29.

[3] Пункт 9 «меморандума Португалова» гласил: «Можно представить, что Советский Союз в обозримом времени, то есть среднесрочно, может дать зеленый свет созданию германской конфедерации. Это предполагает, что на немецкой земле не должно быть больше никакого иностранного ядерного присутствия. Возможно, это будет единственным обязательным условием, за которое Советский Союз сможет сохранить свое лояльное отношение к будущему германскому урегулированию» (см.: Гриневский О.А. Как начиналось объединение Германии. «Россия XXI». 2007. № 4. С. 73).

реходить в наступление»[1]. Так родилась «Программа поэтапного преодоления раскола Германии и Европы» из 10 пунктов, оглашенная Колем в бундестаге 28 ноября и позволившая ФРГ перехватить инициативу в германо-германских отношениях[2]. В который раз действия советских представителей сыграли на руку Бонну. Модров отмечает в своих мемуарах: «Поступившее из Москвы побуждение к размышлению было воспринято Бонном как приглашение обойти преложенное ему договорное сообщество. ...В то время как Советский Союз официально заявлял о своей верности ГДР, некоторые политики КПСС в контакте с ФРГ начали идти особыми путями. Означало ли это, что началась двойная игра?»[3].

В решающие для судьбы ГДР недели и месяцы Модров неоднократно обращался к Москве, пытаясь разъяснить ошибочность игнорирования национального вопроса немцев: «Если мы и дальше не будем заниматься им, он займется нами». Безрезультатно. Горбачев наотрез отказывался даже слышать о перспективе ведения переговоров, в которых может зайти речь о германской конфедерации. Возможно, и так было уже слишком поздно для принятия эффективных мер, чтобы остановить или хотя бы замедлить начавшееся стремительное движение к слиянию германских государств. Однако заторможенная реакция на рост объединительных настроений в ГДР со стороны Москвы и ожидавшего ее «благословления» Восточного Берлина серьезно подрывала и без того не очень значительные шансы упорядочить происходящие в республике процессы.

Между тем складывавшаяся обстановка требовала скорейшей детализации советской позиции по проблеме восстановления германского единства, которая быстро теряла свой гипотетический характер. Однако высшее руководство страны продолжало отделываться самыми общими фразами на тему о том, что «все решит история». Выступая на пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г., Горбачев заявил: «Мы со всей решительностью подчеркиваем, что ГДР в обиду не дадим, это наш стра-

---

[1] Horst Teltschik, 329 Tage. Innenansichten der Einigung, Berlin, 1991. S. 44.

[2] «10 пунктов» не отличались конкретикой и не представляли собой детально разработанного плана. В них были даже приемлемые для ГДР моменты: например, немедленное создание особого валютного фонда для помощи ГДР, состыковка «внутригерманских» отношений с общеевропейским развитием, договор ГДР о торговле и кооперации с Европейским сообществом как первый шаг к ассоциации с ЕС и т.д. Однако их главная цель состояла в пропагандистском воздействии на население ГДР, и эта цель была достигнута — никто более не вспоминал о модровском «договорном сообществе».

[3] Hans Modrow, Ich wollte ein neues Deutschland, München, 1999. S. 348.

тегический союзник и член Варшавского договора. Необходимо исходить из сложившихся после войны реальностей — существования двух суверенных германских государств, членов ООН, отход от этого грозит дестабилизацией в Европе. Разумеется, сказанное не означает, что отношения между ГДР и ФРГ не могут меняться. Мирное существование между ними может и должно развиваться. Что же касается будущего, то оно определится по ходу истории, в рамках развития общеевропейского процесса»[1].

Какие-то наметки возможной позиции содержались в речи Шеварднадзе, произнесенной в середине декабря в Брюсселе, в политической комиссии Европарламента, и то только потому, что в редактировании этой речи принял участие самый авторитетный советский специалист по Германии посол в ФРГ Ю.А. Квицинский. В тексте речи после воспроизведения тезиса о том, что «мы не дадим ГДР в обиду», следовал вполне резонный вопрос: «Разве можно ставить в реальной плоскости вопрос о тех или иных формах восстановления немецкого единства или о практических подходах к его решению, не имея ясности в отношении многих жизненно важных моментов?». После чего, также в форме вопросов, были сформулированы условия, выполнение которых, по-видимому, могло бы создать эту самую необходимую ясность:

«**Первое.** Где политические, юридические и материальные гарантии того, что немецкое единство не создаст в перспективе угрозу национальной безопасности других государств и миру в Европе? Ответа на этот вопрос нет.

Второе. Будет ли готова такая гипотетическая Германия, если она с течением времени сложится, признать существующие границы в Европе и отказаться от каких-либо территориальных притязаний? Как известно, правительство ФРГ уходит от ответа на этот вопрос.

Третье. Какое место заняло бы это национальное немецкое образование в военно-политических структурах, существующих на нашем континенте? Нельзя же всерьез думать, что статус ГДР радикально изменится, а статус ФРГ останется прежним.

Четвертое. Каким будет в случае складывания немецкого единства потенциал такого нового образования, его военная доктрина, структура вооруженных сил? Будет ли оно готово пойти на демилитаризацию, принять нейтральный статус, коренным образом перестроить свои экономические и иные связи с Восточной Европой, как это имелось в виду в прошлом?

---

[1] Вестник МИД СССР. 1990. № 1. 15 января.

Пятое. Каким будет отношение к пребыванию на немецкой земле союзных войск, к продолжению деятельности военных миссий связи[1], к четырехстороннему соглашению 1971 г.[2]?

Шестое. Как будет сопрягаться возможное создание такого немецкого образования с хельсинкским процессом и будет ли это содействовать его конструктивному развитию в направлении преодоления раскола Европы, устранения любой дискриминации во взаимоотношениях европейских государств, дальнейшего движения к созданию в Европе единых правового, экономического, экологического, культурного и информационного пространств?

Седьмое. Готовы ли будут германские государства, если они в какой-то форме выскажутся за начало движения к единству немцев, учитывать интересы других европейских государств и на коллективной основе искать взаимоприемлемые решения всех вопросов и проблем, которые могут возникнуть в связи с этим, в том числе и заключения европейского мирного урегулирования?»[3].

Однако дальше постановки вопросов дело не пошло. Такое поведение было бы объяснимо лишь в том случае, если бы положение в ГДР нормализовалось или, по крайней мере, перешло в стадию нормализации. Но этого не происходило, и одной из причин дальнейшего ухудшения обстановки в республике была неясность в отношении позиции советского руководства, которая чем дальше, тем больше воспринималась как «политика невмешательства».

---

[1] Миссии связи поддерживали контакт сначала между командованием оккупационных войск четырех держав в Германии, а затем между штабами дислоцированных в ГДР войск СССР и войск США, Франции и Великобритании в ФРГ с 1945 по 1994 г. Советские военные миссии связи размещались во Франкфурте-на-Майне (американская зона), Бюнде (британская зона) и Баден-Бадене (французская зона); западные миссии — в Западном Берлине. Их сотрудники пользовались правом беспрепятственного проезда по всей территории соответствующей зоны. До октября 1990 г. осуществлялось взаимное патрулирование Западного и Восточного Берлина силами находившихся в городе воинских частей четырех держав. Патрули должны были пользоваться КПП Фридрихштрассе («Чекпойнт Чарли»); пограничники ГДР производили при этом внешний осмотр автомашин.

[2] Имеется в виду соглашение между четырьмя державами по (Западному) Берлину от 3 сентября 1971 г.

[3] Цит. по: *Гриневский О.А.* Как начиналось объединение Германии. «Россия XXI». 2007. № 5. С. 69–70.

7.4. Сдача позиций

В начале 1990 г. по не вполне ясным причинам[1] позиция Горбачева в области германских дел радикально изменилась. Поводом для ревизии послужила подготовка к назначенному на 10 февраля ответному визиту в Москву канцлера ФРГ Гельмута Коля, а также к визиту Модрова (МИД и посольство в Берлине настаивали, чтобы глава правительства ГДР был принят раньше Коля). На узком совещании у Горбачева 26 января, на котором отсутствовали представители МИД (кроме Э.А. Шеварднадзе) и посол в Берлине, были приняты решения, означавшие не меньше и не больше, как «отказ» от ГДР. В записях Черняева этот эпизод зафиксирован следующим образом: «Я выступил первым и предложил взять твердую ориентацию на ФРГ, потому что в ГДР у нас уже нет никакой опоры, чтобы влиять на ход событий. Причем конкретно в ФРГ ориентироваться на "взаимопонимание" с Колем, а не с СДПГ. Социал-демократы превращают объединение в объект избирательной борьбы, а Коль, во-первых, твердо держится идеи: воссоединение в рамках общеевропейского процесса; во-вторых, повязан союзниками по НАТО; в-третьих, "более верный" в личных отношениях с Горбачевым — человек слова. Я высказался против приглашения в Москву Модрова, тем более против встречи М.С. с Гизи[2] — с партией, "которой уже фактически нет и не будет". В этом последнем со мной не согласились». Черняеву возражали лишь В.М. Фалин и его заместитель Р.П. Федоров, которые недавно побывали в ГДР и знали обстановку там. Шеварднадзе поддержал Черняева.

«Соломоново решение» Горбачева выглядело так: «"Шестерка"[3] — да; ориентироваться на Коля, но СДПГ не игнорировать; Модрова

---

[1] Ряд историков считают, что коренная смена позиций Горбачева произошла после встречи с президентом США Джорджем Бушем-старшим у о. Мальта 2–3 декабря 1989 г. В частности, А. Фурсов указывает «Здесь, на теплоходе, "лучший немец столетия" сдал Западу все, что только можно сдать. По сути, были сданы статус великой державы, союзники повсюду в мире и "ялтинское мироустройство"» (Литературная газета. 15–21 марта 2006 г.).

[2] Восточноберлинский адвокат Грегор Гизи был избран новым руководителем СЕПГ-ПДС.

[3] «Шестерка» — коллективный механизм для обсуждения путей решения германской проблемы, состоящий из представителей четырех великих держав и двух германских государств. Из МИД СССР раздавались голоса в пользу передачи германской проблемы на рассмотрение ОБСЕ («общеевропейский вариант»), что могло бы сбить темп развития обстановки в ГДР, всячески нагнетаемый из ФРГ. Этот вариант находил поддержку в Париже и Лондоне, но отвергался ФРГ и США. В результате решения Горбачева «общеевропейский вариант» был похоронен.

и Гизи пригласить; с Лондоном и Парижем держаться теснее: "Может, мне самому туда слетать по этому вопросу, по дню на каждую столицу"; Ахромееву[1] готовить вывод войск из ГДР: "Проблема больше внутренняя, чем внешняя, — 300 тысяч, из них 100 тысяч офицеров с семьями куда-то надо девать!"». Подытоживая, Черняев констатировал, что договорились о концепции, «исходя из неизбежности воссоединения Германии»[2]. Однако даже с признанием такой «неизбежности» дело не могло считаться исчерпанным — все дальнейшее зависело от того, на каких условиях, через какие этапы, как долго будет проходить процесс слияния двух государств, как при этом будут учтены стратегические, политические и экономические интересы СССР и — не в последнюю очередь — как будут ограждены от преследований друзья СССР в ГДР.

Руководство ГДР взяло на себя труд сформулировать основы общей стратегии в деле решения германской проблемы. Во время посещения Москвы 30 января 1990 г. Модров изложил Горбачеву наметки конкретного плана действий, реализация которого позволила бы Москве и Восточному Берлину свести к минимуму риски, связанные с коренной ломкой соотношения сил в Центральной Европе. Вернувшись в Берлин, Модров представил 1 февраля на суд общественности одобренные в Москве предложения по сближению ГДР и ФРГ, получившие наименование плана «Германия — единое отечество» (строка из полузабытого текста гимна ГДР, который уже давно исполнялся без слов). Заявление председателя Совета министров ГДР предусматривало объединение двух германских государств в процессе «строительства нового мирного порядка, в результате которого будут преодолены как разделение Европы на враждебные лагеря, так и раскол немецкой нации». Процесс преодоления раскола Германии предлагалось реализовать в четыре этапа, которые определялись Модровым следующим образом: 1) сотрудничество и добрососедство в рамках договорного сообщества; 2) образование конфедерации, располагающей общими органами государственного управления; 3) передача ФРГ и ГДР своих суверенных прав органам конфедерации; 4) создание единой Германской Федерации или Германского Союза в результате всеобщих выборов. На период подготовки создания федерации оба германских государства не должны участвовать в военно-политических блоках[3].

---

[1] Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, бывший начальник генерального штаба, с 1988 года находился в составе группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

[2] *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 346–347.

[3] См.: *Кузьмин Н.И.* Указ. соч. С. 67–68.

С точки зрения ограждения интересов Советского Союза план Модрова обладал рядом серьезных преимуществ по сравнению с 10 пунктами Коля. Прежде всего он переводил в практическую плоскость реализацию имевшего принципиальное значение для безопасности страны положения о необходимости гарантировать параллельность процессов преодоления раскола Германии и раскола континента. Обеспечиваемый планом резерв времени позволял рассчитывать на то, что мощный напор политической энергии объединения немцев еще до фактического возникновения единого германского государства настолько приблизит создание общеевропейской системы коллективной безопасности, что сделает его необратимым. В условиях же функционирования такой системы вся проблематика существования НАТО и Варшавского договора потеряла бы свою остроту.

Имел большое психологическое значение и тот факт, что план Модрова предоставлял ГДР возможность вести переговоры об объединении с ФРГ на равных, поскольку предусматривал в качестве конечной цели создание нового единого немецкого государства, а не простое расширение ФРГ за счет ГДР. Объединение, по Модрову, позволило бы избежать фатального впечатления «победы» ФРГ и «поражения» ГДР, которое неизбежно должно было возникнуть при любом ином решении германской проблемы. И действительно, мнимое поражение ГДР было немедленно истолковано как поражение Востока, социализма как такового, а затем как поражение России, хотя новая Россия с самого начала формировалась как антипод «реального социализма». Такое развитие отравило на долгие десятилетия не только отношения между двумя частями уже единой Германии, но и политическую атмосферу во всей Европе. Глядя на ФРГ, Евросоюз стал также претендовать на лавры «победителя» и предпочел равноправному объединению континента расширение западноевропейских (атлантических) сообществ на Восток. В итоге стабильности Европы был нанесен существенный ущерб. Впервые после 1945 г. на ее земле начались войны. Разрушительные последствия серии военных конфликтов на Балканах, сопровождавшихся открытым вмешательством НАТО, не преодолены до сих пор.

В пользу плана Модрова говорил также тот факт, что благодаря ему ГДР и, следовательно, СССР могли бы получить уникальный шанс удержать инициативу в урегулировании самой острой проблемы Европы постконфронтационного периода. Содержание плана не вызвало серьезных возражений у политических сил обоих германских государств. Неприемлемым было сочтено в Бонне только требование о нейтралитете объединяющейся Германии — в ФРГ настаивали на

сохранении верности НАТО. В ГДР лишь ПДС/СЕПГ выступила против плана, так как требовала сохранения самостоятельности республики во что бы то ни стало. Кстати, либеральная оппозиция в ГДР склонялась в пользу поддержки предложений Модрова о нейтралитете — в республике были очень сильны антимилитаристские настроения. Да и в западногерманской общественности симпатии к НАТО носили ограниченный характер.

Общий позитивный фон откликов на план Модрова объективно ослаблял позиции канцлера Коля, прибывшего 10 февраля в Москву для обсуждения деталей реализации плана Модрова. Коль готовился к торгу с Горбачевым: объединение на западногерманских условиях в обмен на гарантию партнерства ФРГ с СССР. Инструктируя западногерманскую прессу накануне встречи, внешнеполитический советник канцлера Хорст Тельчик сообщил, что в центре переговоров будут стоять вопросы формы и темпов процесса объединения, а также расстановка ориентиров в отношениях СССР и ФРГ на длительную перспективу. По понятным причинам Тельчик сгустил краски, характеризуя обстановку в ГДР как грозящую хаосом, который необходимо срочно предотвратить. Отмеченные им «драматический упадок авторитета государства», надвигающийся «экономический коллапс» и растущее бегство населения в ФРГ[1] имели место в действительности, но не отражали всю сложность положения. Сопротивляемость общественного организма ГДР еще не была сломлена.

В соответствии с режиссерским замыслом Коля его разговор с глазу на глаз с Горбачевым (присутствовали лишь Черняев и Тельчик) был посвящен исключительно проблематике объединения и советско-западногерманских отношений. Тельчик записал: «Гельмут Коль под-

---

[1] Horst Teltschik. Op. cit. S. 135–136

В декабре 1989 года и в середине января 1990 года действительно были моменты, когда опасность хаоса в ГДР приобретала вполне реальный характер ввиду паралича органов поддержания общественного порядка: МГБ и подчиненные ему формирования были распущены, Национальная народная армия разошлась по домам, народная полиция запугана так, что полицейские боялись выходить на улицу в форме. Однако встреча послов четырех держав 12 декабря, показавшая, что державы-победительницы едины в своем стремлении не допустить беспорядков на германской территории, а также создание в ГДР круглого стола, объединившего правительство и оппозицию, включение лидеров оппозиции в состав правительства Модрова в качестве министров без портфеля, перенесение выборов в Народную палату с мая на март привели к значительному смягчению напряженности. О неминуемом «экономическом коллапсе» говорили и специалисты ГДР, однако республика продержалась без посторонней помощи до октября 1990 г. Продолжение бегства населения было вызвано прежде всего тем обстоятельством, что ФРГ, невзирая на перемены в ГДР, продолжала оказывать переселенцам из республики большую материальную помощь.

черкивает, что внутренние аспекты германского объединения и их международное обрамление должны рассматриваться вместе, и констатирует: [германское] единство станет скоро реальностью. Он [Коль] предпочел бы располагать более продолжительным временем, но развитие остановить нельзя. Международные аспекты следует урегулировать в рамках разумного взаимопонимания, говорит он Горбачеву и добавляет, что последнее десятилетие этого века они должны формировать сообща. Поэтому за сегодняшней беседой должны последовать другие». Из конкретных вещей Коль упоминает о согласии на границу с Польшей по Одеру и Нейсе, а также указывает на неприемлемость «нейтрализации» единой Германии; впрочем, он тут же обещает, что «территория НАТО» не распространится на территорию ГДР. Горбачев попросил Коля уточнить свои представления о сроках объединения, границе по Одеру и Нейсе, будущем военном статусе Германии, включении процесса германского единства в «европейский процесс». Очевидно, ответы Коля удовлетворили его, поскольку сразу после этого генеральный секретарь ЦК КПСС неожиданно сделал собеседнику самый драгоценный подарок за всю долгую политическую карьеру канцлера.

Этот подарок был облечен в следующую форму: «Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос», — сказал Горбачев. Какое-то время спустя он повторил эту фразу в еще более ясной редакции: «Советский Союз и ФРГ с учетом мнения Модрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор». И еще раз, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений: «У нас с федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа — а оно приближается, — о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, — это, конечно, выбор немцев». К этому была добавлена информация о том, что СССР собирается в одностороннем порядке вывести свои войска из ГДР[1].

В опубликованном 11 февраля 1990 г. советском сообщении о встрече Президента СССР и Канцлера ФРГ говорилось буквально следующее: «М.С. Горбачев констатировал — и канцлер с ним согласился, — что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решить сами немцы и сами определять свой выбор, в каких государственных

---

[1] Михаил Горбачев и германский вопрос // Сборник документов 1986–1991. С. 340–353, 356.

формах, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать»[1]. ГДР упоминалась в данном контексте совершенно напрасно — ее мнение по поводу такой формулировки никто не спрашивал. Видимо, оно никого уже не интересовало.

В записи Тельчика заявление Горбачева излагается так: «Между Советским Союзом, Федеративной Республикой и ГДР нет разногласий в том, что касается единства и права людей стремиться к нему. Они сами знают, какой путь им выбрать. Немцы на Востоке и на Западе уже доказали, что сделали выводы из истории, и с немецкой земли больше не будет исходить война». Тельчик добавляет: «Я едва успеваю точно записывать каждое слово — пропустить что-либо мимо ушей или забыть положить на бумагу означает возможность возникновения впоследствии недоразумений. Внутренне я торжествую: это прорыв! Горбачев дал согласие на объединение Германии. Триумф для Гельмута Коля, который отныне войдет в историю как канцлер германского единства». Дальше — больше. Горбачев высказывает пожелание, чтобы ФРГ учла экономические соглашения СССР с ГДР, признает, что «нейтрализация» означала бы унижение для Германии (Тельчик: «Снова сенсация — Горбачев не связывает себя окончательно каким-либо решением; цена не назначается, не говоря уже об угрозе. Какая встреча!»), соглашается с Колем, отвергающим идею конференции четырех держав по Германии, и провозглашает: «Ничто [не будет решаться] без канцлера!». Тельчик специально оговаривает, что Горбачев еще два раза повторил свою формулировку о немцах, которые «сами знают», и делает вывод: «Никакого недоразумения быть больше не может»[2].

Показательно настойчивое возвращение западногерманского эксперта к «согласию Горбачева на германское единство». Речь в данном случае идет не столько о самом согласии (уже план Модрова ясно свидетельствовал о том, что Москва исходит отныне из перспективы объединения Германии), сколько о практически безоговорочном принятии условий, на которых ФРГ собиралась реализовать германское единство. Горбачев без объяснения причин отправил план Модрова и вместе с ним саму ГДР в корзину для бумаг. Бесконечно более слабая экономически, сотрясаемая глубочайшим политическим кризисом, испытывающая мощное давление со стороны Западной Германии, восточногерманская республика могла бы вести более или менее равноправные переговоры с ФРГ только при условии активной под-

---

[1] Правда. 11 февраля 1990 г.

[2] Horst Teltschik. Op. cit. S. 138–141.

держки со стороны СССР. Отойдя в сторону и предложив западным и восточным немцам самим договариваться между собой, Горбачев продемонстрировал свою решимость отказать ГДР в помощи. Население республики отреагировало сразу — демонстранты на ее улицах обращались уже не к «Горби», а к Колю, в руках которого находилась отныне их судьба.

После выборов 18 марта 1990 г. позиции Народной палаты, где большинство мест досталось ХДС ГДР и его союзникам, существенно сблизились с позициями Бонна. Однако и новое коалиционное правительство Лотара де Мезьера пыталось отстоять интересы граждан Восточной Германии в соответствии с программными установками основных оппозиционных партий ГДР, вошедших в новую правящую коалицию. В правительственном заявлении де Мезьера 19 апреля констатировалось, что «народ ГДР конституировал себя как часть немецкого народа, который снова должен стать единым целым», но одновременно подчеркивалось: «Единство должно прийти столь быстро, насколько это возможно, однако его рамочные условия должны быть столь хорошими, столь разумными и столь жизнеспособными в будущем, насколько это необходимо». Это означало прежде всего обязательство «добиваться восстановления единства Германии в сохраняющей единство мирной Европе», а также намерение не торопиться с присоединением к ФРГ, пока не будут гарантированы такие условия, чтобы «у граждан ГДР не возникало чувства, что они станут второсортными гражданами Федеративной Республики Германии». Де Мезьер специально оговаривал, что отказ от «реального социализма» не означает отказа от социальных прав людей: «Тот, кто думает, что тем самым мы должны распрощаться и с идеалами социальной справедливости, международной солидарности и помощи людям в собственном обществе и в целом мире, тот в равной степени заблуждается». К гражданам СССР была обращена его просьба «не воспринимать как угрозу политику ГДР и ее стремление к единству Германии. Мы осознаем нашу историческую вину перед Советским Союзом, — продолжал де Мезьер, — и мы хотели бы в качестве свободного государства сотрудничать как друзья с Советским Союзом, в котором победило новое мышление»[1]. Практические шаги нового правительства ГДР в целом соответствовали заявленным целям и отличались, как правило, стремлением к нахождению компромисса с СССР. Но свобода его маневра была жестко ограничена. К тому же многие министры хотели продемонстрировать, что «старые времена» прошли.

---

[1] Цит. по: *Кузьмин И.Н.* Указ. соч. С. 85–89.

Очень неровным было поведение нового министра иностранных дел ГДР Маркуса Меккеля (СДП ГДР). Казалось, его постоянно раздирают противоположные желания, — с одной стороны, использовать предполагаемое влияние Москвы на Бонн с целью продлить для себя удовольствие быть министром и говорить на равных с великими мира сего, а с другой — не упустить возможности создать для СССР дополнительные трудности. В этом смысле (но только в этом смысле) вряд ли есть основания жалеть о том, что внешняя политика ГДР стремительно подстраивалась под указания из Бонна. 12 мая Меккель заявил на прощальном обеде в честь покидающего ГДР советского посла: «Я люблю русский народ, русскую литературу. Я хочу, чтобы будущая Европа имела развитые связи с СССР. Объединяясь с нашими братьями и сестрами, мы не хотели бы поворачиваться спиной к Востоку. Но наше сотрудничество не должно наносить ущерба другим — линия из Берлина ведет на Варшаву и [лишь] затем на Москву. В войну немцы причинили большие страдания советскому народу. Советский народ принес немцам освобождение от фашизма — не один, конечно, а вместе с союзниками. Но и немецкий народ настрадался за истекшие 45 лет, в том числе от советских солдат. Пользы взаимное предъявление обвинений не даст. Поможет только подлинное примирение. Наше свободно избранное правительство приехало в Москву с высоко поднятой головой[1]. Мы опираемся на поддержку 75% населения нашей страны, но одновременно мы обязаны защищать их интересы. Мы приехали в Москву не для того, чтобы получать приказы или выслушивать, как нам поступать дальше.

Так или иначе остается фактом, что в программе последнего правительства ГДР содержались положения, которые могли бы быть использованы для решения важнейшей проблемы общеевропейской безопасности в условиях, когда рушились основы послевоенного мирного порядка на континенте. Но реализация такой задачи требовала активных действий Москвы, и в частности поддержки ею рационального зерна, содержавшегося в политических установках правительства де Мезьера. К тому же действовать надо было быстро, так как «шагреневая кожа» самостоятельности ГДР сокращалась с каждым днем. Однако Москва думала только о том, как крепить узы дружбы с «другом Колем». Отстаивать советские интересы в германских делах стало некому. Кристиан Мюллер, официальный биограф Коля, пишет: «Эта дата [10 февраля 1990 года] означает в германской истории утрату

[1] Переговоры правительственной делегации ГДР в Москве состоялись 30 апреля. Разногласия сторон по вопросу о вхождении объединенной Германии в НАТО сохранились.

Москвой ключа от единства [Германии]. После того как Кремль уже на раннем этапе исключил военную интервенцию, у него теперь не оставалось сил, чтобы сдерживать быстро развивающийся снизу процесс объединения»[1]. Это высказывание, типичное для немецких оценок произошедшего, совсем не похоже на благодарность Горбачеву; наоборот, оно отражает железную логику «победителя» — раз проигравший сдал свои позиции, значит, не мог поступить иначе.

Бульдозерный напор Коля привел как раз к тем результатам, которых пытался избежать де Мезьер. Провал политики «канцлера германского единства» признается сегодня практически всеми в ФРГ. Тележурналист Вольфганг Герлес подчеркивал в октябре 2004 г., что «хотя Германия и является единым государством, ее общество состоит из двух частей. [...] Почти у половины восточных немцев, как подтверждают опросы, часы идут по-иному, чем у почти всех западных немцев. [...] Представления об общей государственности настолько отличаются друг от друга, что не может быть и речи о едином народе». Причину такой ситуации Герлес усматривал в излишней поспешности присоединения ГДР. Он подчеркивал: «Немцы на Востоке и на Западе хотели объединения, но не любой ценой, во всяком случае не такой ценой, какая была уплачена на самом деле. Почему немцам не дали поспорить о том, чем они действительно готовы пожертвовать ради единства? Разве не был бы этот задушенный в зародыше спор важной предпосылкой для того, чтобы минимизировать [негативные] последствия [единства] и принять их как должное?» Герлес отвергает аргумент о кратковременности «окна возможностей», согласно которому «только в единственный и неповторимый миг можно было выманить ГДР у скованного хаосом перестройки Советского Союза». Он констатирует: «И сегодня это окно было бы распахнуто настежь». Не согласен он и с доводом о том, что в случае промедления миллионы граждан ГДР заполонили бы ФРГ: «Истиной является то, что сегодня многие местности на Востоке Германии почти полностью обезлюдели, оказались опустошенными в результате плана “Строительство Востока” [введенного в действие уже после объединения]. Исход населения на Запад продолжается именно в силу последствий объединения»[2], — пишет Герлес. Действительно, по данным немецкой статистики, в период 1991–2003 гг. более 2 млн человек переселились в «старую» ФРГ с территории бывшей ГДР. Из них более половины

---

[1] Konrad R. Müller, Christian Müller, Helmut Kohl. Auf der Höhe der Zeit, Bergisch Gladbach, 1996, S. 115.

[2] Wolfgang Herles, Wir sind kein Volk, “Die Welt”, 3. Oktober 2004.

составляли люди возрастной категории с 18 до 30 лет и только 9% были 50 лет и старше. Эти цифры вполне соответствуют характеристикам периодов, когда Восточная и Западная Германия не разделялись непроницаемой границей[1].

Стратегия «упреждающих уступок» в очередной раз обратилась против ее творцов. Черняев сообщает, что перед первой встречей «2+4»[2] в мае 1990 г. стало ясно, что Запад не собирается отказываться от членства объединенной Германии в НАТО, и Горбачев на заседании Политбюро «разразился речью, главное в которой — не пустим Германию в НАТО, и все тут! Пойду, сказал, даже на срыв Венских переговоров и по СНВ, но не допущу этого»[3]. Но дело ограничилось гневными тирадами внутри советского руководства. Запад взял верх, поскольку возможностей для торга у Горбачева практически не осталось. Были сданы все позиции, которые осенью 1989 г., несмотря на начавшийся кризис ГДР, представлялись еще достаточно сильными. Впрочем, и к середине 1990 г. далеко не все было потеряно. В конце концов, на территории ГДР все еще стояла Западная группа войск мощнейший военный кулак, не дававший спокойно спать генералам НАТО и атлантическим политикам.

7.5. Западная группа войск

Принятое Горбачевым на совещании 26 января 1990 г. решение об одностороннем выводе советских войск из ГДР не являлось следствием каких-либо дипломатических демаршей со стороны партнеров СССР по переговорам Восток–Запад или требований восточногерманских демонстрантов (Советский Союз и его войска были как бы вынесены за скобки людьми, вышедшими на улицы городов ГДР). Вопрос о выводе Западной группы войск был поставлен Москвой вполне самосто-

---

[1] См.: "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 10. Oktober 2004.

[2] Формула «2+4» (т. е. переговоры двух германских государств с вынесением их результатов на одобрение четырех держав) появилась на свет после встречи госсекретаря США Джеймса Бейкера с Горбачевым 8 февраля 1990 года. До этой даты все исходили из формулы «4+2» (т. е. конференция четырех держав, ответственных за Германию в целом, с привлечением представителей обоих германских государств). Встреча послов четырех держав 12 декабря 1989 года в Берлине рассматривалась как первый шаг к созданию такого механизма. Окончательное согласие на формулу «2+4», лишавшую СССР возможности непосредственно защищать свои интересы в ходе переговоров об объединении ГДР и ФРГ, дал Шеварднадзе на конференции по «открытому небу» в Канаде в середине февраля 1990 г.

[3] *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 347.

ятельно, без каких-либо понуканий извне. Западные державы, включая ФРГ, по понятным причинам воздерживались от того, чтобы ставить его первыми (по крайней мере, официально). Они опасались, что ответным шагом Москвы станет вполне логичное требование о выводе всех иностранных войск с территории объединенной Германии — ведь все они пришли и остались на немецкой земле как оккупационные войска держав-победительниц во Второй мировой войне с целью обеспечить миролюбие будущей единой Германии. Инициативный образ действий перестроечного руководства СССР в этом вопросе диктовался внутриполитическими соображениями — прежде всего необходимостью снизить военные расходы страны. В этом смысле альтернативой могло бы стать сокращение численность размещенных в ГДР войск до символических размеров. В любом случае вывод войск представлял собой акцию с далеко идущими внешнеполитическими последствиями и должен был быть поставлен в общий контекст защиты интересов Советского Союза при пересмотре мирного порядка в Европе.

Советское военное присутствие в центре Германии являлось первостепенным геостратегическим фактором на протяжении всей второй половины XX в. Численность Западной группы войск (до 1957 г. именовавшейся Группой советских оккупационных войск в Германии, затем до июня 1989 г. — Группой советских войск в Германии) составляла в разные периоды от 300 до 500 тыс. военнослужащих плюс вольнонаемный состав и члены семей офицеров[1]. Перед Группой стояла чисто оборонительная задача, но этой обороне предстояло быть активной. В случае войны боевые действия предстояло вести на земле противника. Повторение 22 июня 1941 г. должно было оставаться исключенным. Для поведения стран Запада в Европе наличие Группы на территории ГДР было определяющим фактором. Наступательные действия со стороны НАТО можно было считать нереальными, пока ЗГВ стояла там, куда она пришла в результате Победы СССР во Второй мировой войне. Перспектива немедленного перенесения военных действий на территорию стран НАТО в случае начала вооруженного конфликта по инициативе альянса служила дополнительной гарантией того, что США не решатся применить ядерное оружие в Европе, в том числе тактическое. Привычная формула о глобальном равновесии сил вовлеченных в конфронтацию и противостоящих

[1] По данным О.А. Гриневского, в начале 1990 г. численность ЗГВ составляла 356 000 человек; она располагала 4116 танками и 3598 артиллерийскими орудиями, в ней насчитывалось более 1200 самолетов и вертолетов (*Гриневский О.А.* Как начиналось объединение Германии. «Россия XXI». 2007. № 3. С. 84). Число членов семей и вольнонаемных лиц достигало 270 500 человек.

друг другу лагерей конкретизировалась в Европе не столько мощной оборонительной системой в самом СССР, сколько наличием боеспособной ЗГВ. Группа была символом и выразителем этого равновесия, гарантом стабильности на континенте. Все это делает понятным, почему ликвидация ЗГВ всегда была приоритетной задачей Запада. В отсутствии общеевропейской системы безопасности вывод Группы из района ее исторической дислокации не мог не означать кардинального нарушения равновесия сил на континенте.

Название «Западной» группа получила в июне 1989 г., за несколько недель до начала критической фазы кризиса ГДР. На изменении названия настаивал Эрих Хонеккер, мотивируя свое требование тем, что «Германии давно нет и никогда больше не будет». Он предлагал переименовать ГСВГ в «Группу советских войск в ГДР», что позволило бы, по его мнению, сохранить привычную аббревиатуру. Однако наши генералы оказались более дальновидными, чем Хонеккер, и отказались привязывать название группы к восточногерманскому государству. С этой точки зрения пребывание наших войск в местах их дислокации не зависело от того, продолжает ли существовать ГДР или нет. Детали статуса Группы менялись на протяжении ее существования. Этот статус складывался из нескольких элементов. Его первичной основой было выполнение задачи обеспечения безопасности СССР на европейском направлении. Все остальные моменты носили производный, вторичный, хотя в ряде случаев и существенный характер. К числу этих вторичных моментов относилось, например, право победителя в сочетании с системой межсоюзнических соглашений антигитлеровской коалиции; позже добавились союзнические обязательства СССР по отношению к ГДР, с 1957 г. определявшие порядок дислокации ГСВГ на немецкой территории; наконец, после 1955 г. возникла договорная система Варшавского пакта, которая исходила из наличия мощной боеспособной ГСВГ. Соглашение между СССР и ГДР от 12 марта 1957 г. характеризовало продолжающееся размещение советских войск на земле ГДР как «временное», объясняя его необходимость отсутствием «мирного урегулирования с Германией и согласованных решений, которые давали бы европейским государствам достаточные гарантии мира и безопасности». Характерно, что в договорах трех держав с ФРГ размещение иностранных войск в Западной Германии после окончания периода оккупации обосновывалось также нерешенностью германского вопроса и наличием угрозы извне[1].

---

[1] См.: Dieter Schröder, Neubestimmung der Stellung der alliierten Truppen im vereinten Deutschland? Bonn, 1991. S. 7.

Не случайно гарантии безопасности на континенте стояли в центре примененных в договорах формулировок. По логике вещей построение нового европейского мирного порядка на период, следующий за объединением ГДР и ФРГ, должно было решить эту проблему. Однако в том, что касается безопасности СССР, этого не случилось. После заключения договора «2+4» об окончательном урегулировании в отношении Германии, подписанного в Москве 12 сентября 1990 г., отпала первая группа вторичных моментов, обусловливавших размещение Западной группы войск на немецкой земле, — как такового германского вопроса более не существовало. С вхождением ГДР в состав ФРГ и уходом в прошлое союзнических отношений СССР с восточногерманской республикой исчезла вторая группа таких причин. Роспуск Варшавского пакта, устранивший обязательства взаимопомощи между его членами, упразднил третью группу вторичных причин.

Вместе с тем первичная основа статуса ЗГВ/ГСВГ — обеспечение безопасности СССР на европейском направлении — не могла считаться аннулированной, поскольку общеевропейская система коллективной безопасности с ее достаточными гарантиями мира и безопасности для всех государств континента так и не была создана. Объективно это означало, что главная задача Группы продолжала оставаться актуальной. По этой причине часть авторитетных московских экспертов исходила из того, что было бы оправданным сохранение советских войск в центре Европы (может быть, символическое) на период до создания системы безопасности на континенте, которая учитывала бы интересы СССР/России. Высказывавшиеся на Западе возражения в том духе, будто такое присутствие сказывалось бы на внутренних делах страны пребывания, были абсолютно беспочвенны. В течение всего острейшего кризиса ГДР 1989–1990 гг. ни разу не вставал вопрос о советском вмешательстве в ее внутренние дела. Никто в СССР не думал о том, чтобы ввести в действие стоявшие на территории ГДР советские войска с целью переломить ход событий, как это произошло, в частности, в июне 1953 г. Это было естественно: в 1989 г., в отличие от 1953 г., наши войска не были оккупационными.

В проекте договора об объединении Германии, внесенном советской стороной на рассмотрение состоявшейся 22 июня 1990 г. в Берлине встречи министров иностранных дел по формуле «2+4», специалисты МИД СССР предприняли попытку связать вывод ЗГВ с необходимостью внесения корректив в ситуацию, складывавшуюся в области европейской безопасности. В проекте предусматривался вывод всех размещенных на германской территории иностранных войск не позже чем через 5 лет после объединения, причем из Берли-

на они подлежали выводу уже через полгода. Такое урегулирование означало бы, в частности, что в случае сохранения войск других государств на территории объединенной Германии СССР имел бы право поступить так же, т. е. не выводить свои войска. Даже если у Москвы не было реального намерения оставлять свои войска в Германии, выдвижение данного принципа давало бы советской внешней политике возможность оказывать давление на партнеров по переговорам, прежде всего на США, которые ни под каким видом не желали лишаться своих военных баз в ФРГ. После выборов в ГДР 18 марта западные страны образовали единый фронт, однозначно направленный против учета интересов безопасности СССР. Логичным было бы любыми способами расшатать это единство, означавшее, что германское единство будет осуществляться за советский счет. Однако Э.А. Шеварднадзе откровенно саботировал проект договора, подготовленный его собственным министерством. Он заранее предупредил своих коллег по переговорам, что предложенный документ не является окончательным и должен «дорабатываться»[1]. Не приходится удивляться тому, что пять остальных участников встречи дружно его отклонили, не опасаясь ответных шагов с советской стороны. Шеварднадзе не настаивал: ведь для советского руководства вывод ЗГВ без каких-либо компенсаций был решенным вопросом уже с января 1990 г.

Отсутствие у Москвы политической воли защитить стратегические интересы страны недвусмысленно иллюстрирует тот факт, что СССР не предпринял заблаговременно никаких шагов, чтобы предотвратить то унизительное положение, в котором очутилась ЗГВ после введения в ГДР 1 июля 1990 г. марки ФРГ в качестве единственной платежной единицы (о предстоящем заключении германо-германской «валютной унии» говорилось уже в правительственном заявлении де Мезьера 19 апреля). До этого момента нужды Группы в инвалюте (часть должностных окладов военнослужащих и вольнонаемного состава выплачивалась в денежных знаках страны пребывания, в них же производилась оплата услуг местных фирм и т. п.) покрывались путем сложной системы перерасчетов в рамках СЭВ, где СССР всегда выступал в роли кредитора за счет поставок энергоносителей. После вступления в силу «валютной унии» между ГДР и ФРГ пришлось срочно изыскивать источники получения «твердой валюты», которой у СССР никогда не было в достаточном количестве, — в конце месяца наступали сроки выплат солдатам и офицерам ЗГВ, а также платежей по счетам фирм.

---

[1] См.: Richard Kiessler, Frank Elbe, Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. Baden-Baden, 1993. S. 159.

Марки ФРГ можно было получить только у Федеративной Республики. Это явилось еще одним обстоятельством, закрепившим четкое распределение ролей между Москвой и Бонном в ходе заключительного акта ликвидации ГДР: СССР выступал в качестве смиренного просителя, ФРГ в амплуа расчетливого дельца, требовавшего реальных политических уступок за каждую выданную в долг денежную единицу. Советский Союз окончательно сел на иглу западногерманских займов и, конечно, не мог позволить себе вступать в конфликт с заимодателем, который с радостью подхватил идею быстрого и полного вывода советских войск. В ходе визита Коля в Москву и Архыз в середине июля 1990 г. состоялся весьма откровенный торг по вопросу о том, при каких размерах финансовых поступлений со стороны ФРГ советская сторона согласится на требования Бонна сократить до минимума сроки пребывания ЗГВ на немецкой земле. Поднятый заместителем председателя Совмина СССР С.А. Ситаряном вопрос об оплате немцами имущества советского министерства обороны в ГДР вызвал отторжение у представителей ФРГ[1]. В конечном счете это требование было западными немцами отклонено. Ход событий диктовался Бонном. Возможность снижения расходов на содержание войск в Германии путем сокращения их численности даже не рассматривалась.

Точные размеры германских выплат были определены накануне подписания итогового договора «2+4» в сентябре 1990 г. В ходе беседы по телефону между Колем и Горбачевым, которая носила прямо-таки драматический характер, канцлер согласился выплатить 15 млрд марок, из них 3 млрд в качестве беспроцентного кредита, в обмен на обязательство Горбачева вывести войска в течение четырех лет. Требуя увеличить первоначально предложенную Колем сумму 11–12 млрд марок, Горбачев говорил: «Думаю, что все-таки найдутся 15–16 млрд марок. В наших запросах мы очень скромны. Вы же представляете себе, какую махину нам придется привести в движение. Речь идет о весьма значительной группировке, судьба которой должна быть определена к взаимному удовлетворению»[2]. Судя по словам Горбачева, он до некоторой степени понимал, что вывод ЗГВ до конца 1994 г. сопряжен с немалыми трудностями. Однако то, что в конечном счете он согласился на продиктованные немцами сроки, доказывает, что

---

[1] См.: Запись беседы М.С. Горбачева с Г. Колем в Архызе 16 июля 1990 г. (Михаил Горбачев и германский вопрос // Сборник документов 1986–1991. С. 516–522).

[2] См.: Запись телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем 10 сентября 1990 г. (Михаил Горбачев и германский вопрос // Сборник документов 1986–1991. С. 563–565).

советское руководство все-таки не представляло себе всего объема предстоящей организационной работы по выводу людей, вывозу техники и имущества, а также проблем, связанных с их размещением на территории СССР.

Коль мотивировал свое требование тем, что в 1994 г. исполняется полвека с момента вступления советских войск на германскую землю — дескать, «пора и честь знать». Подобный не относящийся к делу аргумент был весьма характерен для настроений западногерманских верхов тех лет, которые впоследствии из-за отсутствия отпора с нашей стороны закрепились в сознании немцев и превратились ныне в прочную основу оценки большинством населения ФРГ практически всех аспектов российско-германских отношений. Эти настроения можно сформулировать в нескольких тезисах: 1) «Мы с русскими квиты — сначала мы их оккупировали, потом они нас; если наша оккупация была более жесткой, то русская оккупация длилась неизмеримо дольше»; 2) «У русских не должно быть претензий к немцам; если у кого-то могут быть претензии, так это у немцев»; 3) «Разумеется, нацисты кое-что прихватили из России, но и русские тоже не стеснялись — взять хотя бы репарации или перемещенные культурные ценности»; 4) все это вместе взятое служит обоснованием главного тезиса: «Сопротивляясь Красной Армии, немцы защищали Запад, и поэтому вывод советских войск из Германии — победа не только Запада в целом, но и конкретно немцев». Поспешный, внешне похожий на бегство вывод ЗГВ «в чистое поле» послужил аргументом в пользу таких настроений.

Практически никто в Германии, особенно в ее западной части, не хочет вспоминать о том, что именно она начала обе мировые войны, из которых последняя вернулась затем на ее землю. Огромная околонаучная и просто пропагандистская литература, мемуары гитлеровских генералов, передачи телевидения, соответствующие фильмы поддерживают среди немцев убеждение, будто нацистская Германия нанесла «превентивный удар» по СССР. Будто сталинский режим был во много раз хуже, чем нацизм, и поэтому война с ним была «праведным» и «глубоко европейским» делом. Будто никакого освобождения для немцев Красная Армия не принесла — просто одна «тоталитарная диктатура» сменилась другой. Будто война с СССР с самого начала носила для Германии оборонительный характер и жертвы, принесенные немцами, следует засчитать как вклад в «объединение Европы». Будто солдаты вермахта и даже «ваффен-СС» вели себя на оккупированной советской территории как рыцари без страха и упрека, не в пример советским солдатам на германской земле. Самое чудо-

вищное, что после начала перестройки авторы подобных вопиющих искажений исторической истины могут в качестве «доказательств» ссылаться на писания штатных «обличителей» из СССР, а затем из России и других постсоветских государств. В такой обстановке памятники головорезам из национальных формирований СС, которые возводятся сейчас в Прибалтике и на Украине, не вызывают возмущения в Германии, равно как и в других западноевропейских странах.

В то же время миллионы гражданских лиц, погибших в результате фашистской агрессии против СССР, миллионы истребленных в немецких лагерях советских военнопленных, миллионы умышленно обреченных на голодную смерть жителей оккупированных советских городов не включены в ФРГ в официальный поминальный список жертв нацизма. В этом списке фигурируют евреи, пациенты психоневрологических клиник, цыгане и гомосексуалисты. Иногда к ним добавляют заключенных концлагерей, принудительно угнанных на работы в Германию и политических противников нацизма — немцев. И все[1].

То, что в новых землях, т. е. на территории бывшей ГДР, отношение к войне и ее жертвам на Востоке во многом иное, в значительной степени является заслугой советских солдат, служивших на германской земле. Конечно, свою роль сыграла принципиальная антифашистская заостренность всей общественной жизни ГДР, когда противники нацизма автоматически становились друзьями, а СССР, сломавший хребет фашистской Германии, воспринимался как главный союзник. Однако усилия в этом направлении не дали бы результатов, если бы Красная Армия пришла в Германию только как мститель за чудовищные зверства, совершенные на советской территории. Но она пришла в первую очередь как освободитель и как спаситель от голода и разрухи, неизбежных при поражении такого масштаба, которое испытала фашистская Германия.

С момента создания ГДР оккупационный режим начал постепенно отменяться, и отношения между населением и советскими войсками приобрели новое качество: они стали юридически равноправными, как это и положено для союзных государств. Вывод в сжатые сроки ЗГВ исказил до известной степени восприятие взаимоотношений между нашими солдатами и местным населением. Было бы в корне неверно полагать, как это делают незнакомые с реальной обстановкой

---

[1] Peter Jahn, Sowjetische Kriegsgefangene und Zivilbevölkerung der UdSSR als Opfer des NS-Vernichtungskrieges, in: Sibylle Quack. (Hrgb.) Dimensionen der Verfolgung. Opfer und Opfergruppen im Nationalsozialismus, München, 2003, S. 147–148.

люди, что советские войска расценивались людьми в ГДР исключительно как нежелательный фактор. За 40 лет существования восточногерманской республики стоявшие в ней русские солдаты превратились из оккупантов не только в союзников, но очень часто и в помощников. Конечно, бывали мелкие нежелательные инциденты, но когда в 1988 г. СССР объявил о предстоящем сокращении численности ГСВГ, в сельскохозяйственных кооперативах ГДР началась тихая паника: без содействия и прямого участия солдат расквартированных по соседству советских воинских частей возникала угроза срыва уборки урожая.

С началом эпохи реформ и гласности в СССР гарнизоны ГСВГ/ЗГВ стали в глазах партийных органов и сотрудников госбезопасности ГДР очагами «перестроечной заразы». Отказывавшаяся своевременно инициировать ставшие необходимыми перемены партийная номенклатура республики пыталась всеми силами сократить возможности контактов между владевшими немецким языком офицерами ГСВГ и местным населением. Сильному давлению подвергались первичные организации Общества германо-советской дружбы, которым запрещалось приглашать лекторов из ГСВГ, как это обычно делалось раньше. В свою очередь, представители советского офицерского корпуса не скрывали в ходе личных бесед своего критического отношения к состоянию дел в ГДР. Без убеждения демонстрантов осени 1989 г. в том, что ЗГВ внутренне согласна с ними, волна народного протеста вряд ли поднялась с такой мощью, так стремительно и единодушно. Вышедшие на улицу люди верили, что русский солдат не выступит против них.

ЗГВ пережила не только исчезновение ГДР, но и дезинтеграцию СССР. Она оставалась в Германии, но представляла уже иную державу в неузнаваемо изменившейся стране пребывания. Если бы не гнетущее сознание надвигающегося прыжка в неизвестность, каким был для солдат поспешный вывод войск в совершенно неподготовленные места дислокации на Родине, эти последние годы ЗГВ можно было назвать бы ее «золотым веком»[1]. Конфликт с НАТО был исключен — ЗГВ находилась отныне на территории одного из членов НАТО; отпа-

[1] Были, разумеется, и негативные моменты — например, случаи дезертирства, которое было неимоверно облегчено тем, что сразу за стенами казарм начинался «свободный Запад». Однако эти случаи были настолько редкими (в целом около 200 чел.), что говорить о них как о значительном явлении не приходится. Единственным крупным ЧП стала измена в декабре 1990 г. командира полка майора Колесникова, который прихватил с собой три снаряда к новому танку, ракету зенитного комплекса и управляемый реактивный снаряд. В связи с этим ЧП были освобождены от занимаемой должности главком ЗГВ генерал армии Б.В. Снетков и ряд других военачальников. Новым главнокомандующим был назначен генерал-полковник М.П. Бурлаков.

ли препятствия для внешних контактов; исчезли препоны для дружеских связей между русскими парнями в шинелях и немцами, сохранившихся по большей части и после вывода войск. В искренности чувства благодарности, испытываемого бывшими гражданами ГДР, сомневаться не приходится. ЗГВ могла без труда положить конец стихийным выступлениям населения на улицах Лейпцига, Дрездена, Берлина. Но русские знали, что в сложившейся ситуации силой все равно ничего решить нельзя, а вот напортить на будущее можно много. Налицо был как раз тот случай, когда солдаты стяжали себе славу, оставаясь в казармах.

Группа советских войск на территории Германии при всей своей специфике служила на протяжении полувека своего рода соединительным звеном для русских и немцев. В рядах ГСВГ, затем ЗГВ за послевоенный период на немецкой земле служили около 10 млн граждан СССР. По возвращении на Родину они своими рассказами о Германии и ее жителях немало способствовали корректировке образа немцев в сознании русских, который сильно пострадал вследствие войны. Для многих же немцев солдаты Группы были единственными «живыми русскими», с которыми им пришлось иметь дело «вплотную». Тот факт, что на историческом переломе 1989–1990 гг. произошло не столкновение между русскими и немцами, а сближение между ними, закрепил позитивные итоги общения населения Германии с советскими, а затем российскими солдатами.

Вывод ЗГВ в авантюрно краткие сроки был сложнейшей операцией в политическом и логистическом плане, которая до сих пор еще не оценена по достоинству. За 40 лет пребывания на германской земле Группа, помимо своей прямой функции внушительной боевой силы с многочисленными аэродромами, танкодромами, полигонами, складами оружия и боеприпасов, стала также государством в государстве в цивильном смысле — по всей ГДР у нее были свои военные городки, магазины, госпитали и больницы, детские сады и школы, концертные залы и музеи, подсобные хозяйства и ремонтные мастерские[1].

Теперь все это надо было за считанные месяцы переправить в Россию, где никто не ждал «возвращенцев» из Германии с их имуществом. После развала СССР ст.ановилось все труднее транспортировать людей и вооружение в Россию наземным путем. Южный маршрут перестал функционировать: на украинской территории перевозимое

[1] ЗГВ располагала 777 гарнизонами, 3422 учебными центрами и полигонами, 47 аэродромами; сверх того советские солдаты размещались еще в 5269 других местах дислокации.

вооружение просто «реквизировали». Пришлось до отказа нагружать паромную переправу Мукран–Клайпеда, пущенную в ход накануне кризиса в ГДР совсем для других целей. Литовцы заломили бешеные деньги за транзит (здесь, правда, помогла ФРГ, которая надавила на Литву — задержки с выводом ЗГВ немцев не устраивали). Личный состав вывозился средствами военно-транспортной авиации, что также было непростым делом.

Упреки немецких зеленых в том, будто ЗГВ оставила после себя многочисленные очаги ущербной окружающей среды, несправедливы, поскольку наши войска размещались, как правило, в местах дислокации и на базах вермахта, так что на окружающую среду плохо воздействовали не только мы и не только последние 40 лет. Впрочем, как раз на герметически закрытых полигонах ЗГВ сохранилась та самая нетронутая природа, которой так не хватает в современной Германии.

В перестроечной печати, а затем и в российских газетах было немало выпадов в адрес ЗГВ, особенно ее генералитета, за злоупотребления казенным имуществом, а также за то, что многое из имевшегося в Группе добра было просто брошено при выводе войск. Наверное, часть этих упреков имела под собой основу. Однако приводившиеся в печати цифры брались с потолка, а десятки тысяч проверяющих, побывавших в ЗГВ после 1990 г., не смогли установить фактов серьезного нарушения законов и правил. Конечно, сравнительно мелкие прегрешения имели место.

При желании можно было бы упрекнуть в этих упущениях солдат, офицеров и генералов ЗГВ, хотя трудно признать морально оправданной критику людей, перед которыми была поставлена явно невыполнимая задача и которые оказались брошенными на произвол судьбы собственным верховным командованием, предпочитавшим в подпитии дирижировать оркестрами берлинской полиции. Ведь даже изначально нереальный срок вывода в четыре года (на самом деле еще более короткий, поскольку отправка войск началась только в 1991 г.) был затем дополнительно сокращен на четыре месяца, за что Коль дал взаймы Ельцину дополнительно полмиллиарда марок, которые, естественно, были возвращены с процентами Россией Путина.

7.6. Первые десять лет

Данные Западом в контактах с Горбачевым обещания и (устные) гарантии не продвигать свои военные структуры на освобождаемое СССР место в Центральной Европе были бесцеремонно нарушены,

как только был завершен вывод российских войск с территории бывшей ГДР. Мало того, что состоялось расширение НАТО на восток, оно было вдобавок объявлено подлежащим продолжению вплоть до границ СНГ, а затем и России. Формально ФРГ входила в число застрельщиков расширения альянса. Она с самого начала активно поддержала выдвинутый США план сделать западный альянс полным хозяином Европы, поскольку это отвечало двум основным целям Бонна в начальный постконфронтационный период: упрочить американское присутствие на континенте (значительная часть германской политической элиты до сих пор предпочитает действовать из-за широкой американской спины) и не оказаться вновь на разграничительной линии на континенте (концепция «НАТО-бис», выдвинутая польским президентом Лехом Валенсой в 1992 г., заключала в себе такую возможность, хотя и с очень слабой долей вероятности). Кроме того, расширение НАТО, т. е. увеличение числа его полноправных членов, и эффективность контроля блока над Германией находятся в обратной зависимости. Тем самым ставится под вопрос действенность третьей части базовой формулы первого генерального секретаря НАТО англичанина лорда Исмея, который в свое время определил задачи альянса следующим образом: не дать уйти США, не дать войти русским и не дать выйти из-под контроля немцам. При объединении Германии многие французы и англичане утешали себя наличием у НАТО такой функции; ныне это «утешение» исчезает.

По многим причинам с самого начала пропагандистской мотивировке расширения НАТО была придана антирусская окраска. Прежде всего это было самым понятным объяснением для массы людей, привыкших в годы холодной войны смотреть на СССР/Россию как на источник опасности. В материалах печати, в заявлениях политиков, экспертов и политологов ФРГ, Франции, других стран возродилась фразеология, которая до сих пор используется в целях мобилизации русофобских настроений: Россия продолжает оставаться «империей», она стремится к «возрождению» СССР, ее соседей надо защитить и поддержать. Для этой цели лучше всего, разумеется, подходит прием соседей России в мощнейшую военную организацию современного мира, которой является НАТО. Один из главных недоброжелателей России среди немецких политологов Г. Веттиг писал, например: «Решающее значение, которое придают НАТО народы Центральной Европы, основывается на их озабоченности новыми имперскими устремлениями [России]». И дальше: «В кругах русской интеллигенции и руководства широко представлена неоимперская тенденция. В соответствии с ней предстоит — по крайней мере в долгосрочном пла-

не — каким-либо образом приступить к восстановлению империи царей или империи генеральных секретарей»[1].

Возвращение к образу врага в отношении России казалось западным политикам настолько хорошо мотивированным, что они не раз использовали его и в контактах с российскими представителями. И самое удивительное, находились среди российских демократов деятели, которые поддерживали подобные обвинения в адрес своей страны. Россия, соглашались они, на самом деле представляет собой по-прежнему опасность для всех, и в интересах стабильности будет-де хорошо, если к ее груди приставят заряженный пистолет НАТО. Причем эта позиция не изменилась и после откровенной агрессии альянса против Югославии. Более того, сами российские демократы (например, А.Б. Чубайс) выдвинули проект создания на постсоветском пространстве «либеральной империи» (формула, напоминающая «горячий лед»). Как в условиях предельного ослабления российского государства и его армии можно говорить о «неоимперских тенденциях» в политике России, остается секретом изобретателей подобных несуразностей.

Однако в одном поборники расширения НАТО не просчитались: в отношениях между Западом и Россией наступила новая полоса охлаждения. Движение НАТО на восток действительно подрывает безопасность России, поскольку несет с собой не только угрозу российским интересам в Центральной Европе, но и прямо ставит под вопрос возможность защиты совершенно неукрепленных западных границ России. Отказ от выполнения собственных обещаний и абсолютная глухота по отношению к возражениям России отлично демонстрируют, как Запад представляет себе «стратегическое сотрудничество» с нашей страной. Упомянутый Герхард Веттиг выдает заветную германскую мечту, когда пишет: «Готовое к самоограничению, сконцентрированное на внутренних реформах российское национальное государство смогло бы свыкнуться с НАТО, с ее расширением»[2]. Действительно, сверхзадачей Запада остается принудить Россию к полному отказу от защиты своих интересов, прав и международного статуса с перепоручением НАТО заботы о российской безопасности.

Объективно существующее несовпадение целей НАТО и интересов России продемонстрировало силовое вмешательство альянса в со-

---

[1] Gerhard Wettig, Auseinandersetzungen über die NATO im Osten Europas, in: Zwischen Krise und Konsolidierung. Gefährdeter Systemwechsel im Osten Europas. München, 1995. S. 289, 291.

[2] Ibid. S. 298.

бытия на территории бывшей «большой» Югославии, ставшее первой настоящей войной на европейском континенте после 1945 г. Западные теоретики утверждают, что в результате рожден новый тип войны — войны «без потерь» для атакующей стороны, когда противник подвергается ракетно-бомбовым ударам с воздуха, а также ракетным ударам с установок морского базирования в таких условиях, которые исключают со стороны жертвы этих ударов ответные действия, способные причинить нападающим хоть какие-нибудь неудобства. В этой связи подчеркивается, что военный опыт, накопленный на Балканах, послужит основой для будущей стратегии НАТО. Отмечается также огромная важность информационной войны, которую НАТО вело параллельно с бомбардировками: ведь именно «информационный террор» во многом обеспечил победу Запада. Если бы общественность западных стран не была оглушена односторонними, целенаправленными и постоянно повторяющимися сообщениями о «сербских зверствах», было бы не так легко заставить ее поддержать в условиях всеобщего мира разрушение одной из стран, составляющих основу европейской истории и цивилизации. Практически все средства массовой информации Запада послушно повторяли формулировки, которыми каждый день их кормил представитель штаб-квартиры НАТО в Брюсселе по связям с общественностью. Оказалось, что свобода печати отлично уживается с манипулированием из единого центра и с прямой фальсификацией фактического положения дел. Было бы желание!

Милитаристскую обработку населения в равной степени вели правительства, состоящие из социалистов, консерваторов, независимых и зеленых, которые полностью разорвали всякую связь с антивоенными, гуманистическими и экологическими лозунгами своих предвыборных кампаний. Английские лейбористы, немецкие социал-демократы, французские социалисты стали самыми яростными глашатаями кровавого похода против сербов. Тогдашний министр иностранных дел ФРГ Фишер (партия «зеленых»-экологов) с пеной у рта приветствовал разрушение бомбардировщиками и ракетами НАТО окружающей среды целого европейского региона.

Потрясение для российской и мировой общественности, вызванное войной НАТО против Югославии, носило шоковый характер еще и потому, что в ней впервые после 1945 г. участвовала германская «люфтваффе». Именно в этот момент стало ясно, с какой целью немецкие политологи так упорно проповедовали отказ расширившейся ФРГ от «внешнеполитической пассивности» прошлых лет. В год 50-летия Великой Победы один из самых влиятельных теоретиков внешней политики ФРГ Карл Кайзер провозглашал по данному поводу: «Круп-

нейшая демократия Западной Европы [то есть ФРГ] не может уклониться от обязанности участвовать в поддержании основанного на международном праве порядка экономическими, дипломатическими, а также военными средствами, ибо без применения коллективного легитимного насилия против агрессии и массированных нарушений прав человека невозможна реализация гарантий мира во всем мире и международной безопасности, предусматриваемых Уставом ООН»[1]. Впрочем, об ООН Кайзер говорил зря — война против Югославии велась без санкции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Приходится констатировать эффективность проводившейся в постконфронтационный период обработки общественного мнения ФРГ. Несмотря на мощные традиции антимилитаристских движений на германской земле, германская общественность либо поддержала войну, либо отнеслась к ней пассивно. За три месяца бомбардировок Югославии не было ни одной массовой манифестации протеста. Только одна партия — ПДС (в определенном смысле наследница СЕПГ) — высказалась против натовского разбоя и попыталась провести хоть какие-то антивоенные акции. Правое крыло правящих социал-демократов и зеленых выступило в качестве сторонников войны; левые в СДПГ так и не смогли организоваться. В конечном итоге «левые» и «правые» поменялись местами: хотя находившаяся в оппозиции партия ХДС/ХСС также поддержала войну, она заняла более сдержанную позицию по отношению к операции НАТО, чем СДПГ и зеленые. Тогдашнему баварскому премьер-министру Э. Штойберу (лидеру крайне правой ХСС) принадлежит заслуга предотвращения наземной войны в Югославии: именно он первым заявил, что его партия не допустит, чтобы бундестаг дал согласие на участие бундесвера в такой войне.

Германия одобрила независимость Косово практически еще до ее одностороннего провозглашения. В этом есть своя логика. Именно ФРГ была инициатором поддержки со стороны Европейских сообществ процесса развала южнославянского государства, существовавшего с момента поражения германского рейха и его союзницы Австро-Венгрии в 1918 г. (с перерывом на время оккупации Югославии гитлеровской Германией в 1941–1945 гг.). Германия громче всех настаивала на вмешательстве извне в югославские события, причем на стороне любой силы, лишь бы та выступала против сербов. «Покончить

---

[1] Karl Kaiser, Das vereinigte Deutschland in der internationalen Politik, in: K. Kaiser, H. Maull. (Hrsg.) Deutschlands neue Außenpolitik, Bd. I Grundlagen. München, 1995. S. 12.

с Сербией раз и навсегда» — таков был смысл германской политики на Балканах, как только дезинтеграция Советского Союза упразднила заинтересованность Запада в оппозиции Белграда «реальному социализму» московского разлива.

В то же время немцам не стоило бы забывать, что единство Германии стало возможным потому, что Советский Союз, несмотря на имевшуюся в его распоряжении внушительную силу, руководствовался нормами того самого международного права, которыми Запад сегодня так легкомысленно пренебрегает. Для России первая война НАТО означала драматический пересмотр отношения к Западу и его лидерам. Даже не касаясь споров о том, хотел ли и мог главнокомандующий альянса в Европе американский генерал У. Кларк развязать третью мировую войну, атаковав российских десантников, занявших аэропорт Приштины, следует констатировать, что русские в своей массе осознали: следующей на очереди в списке целей НАТО может стать Россия. Победа НАТО (о победе приходится говорить без всяких кавычек, поскольку альянс добился практически всего, чего хотел, начиная войну, — включая отстранение Слободана Милошевича от власти в октябре 2000 г. и его выдачу Гаагскому «трибуналу», состоявшуюся немного позже) укрепила Запад в убеждении, что он нашел (вернее, вновь открыл) универсальное средство решения спорных проблем в отношениях между государствами — беззастенчивое применение военной силы, когда противник заведомо лишен способности ответить той же монетой.

Разгром средней европейской страны, лишенной союзников и даже возможности приобрести для своей защиты не совсем устаревшее оружие, положил начало процессу, в ходе которого за борт может отправиться все, что под впечатлением обеих мировых катастроф XX в. достигнуто человечеством по части мирного урегулирования споров. После Косово решение любых проблем в мире (как международных, так и внутренних) перемещается, как показывает пример Ирака, в сферу действия «права большого кулака», которое всегда на стороне самого сильного. Самыми сильными на сегодня являются США, которым ассистируют ведущие державы Западной Европы, не исключая, как правило, ФРГ. Суть всех новых доктрин США и НАТО состоит как раз в том, что они оставляют за собой право решать, какие страны или режимы достойны существовать на Земле, а какие — нет.

Нападение на Югославию показало, что в политическом и военном отношении Западная Европа все более четко скатывается к роли восточной части трансатлантической империи США (следует иметь в виду, что сохранение западноевропейской вассальной зависимости

жизненно важно для американцев: без нее они неизбежно были бы вновь обречены на глухой провинциализм западного побережья Атлантики). В контексте создаваемой Вашингтоном всеохватывающей системы глобальной зависимости от политических решений США роль других потенциально мощных держав должна свестись к функции пешек на великой шахматной доске американских стратегов. Естественно, что эта тенденция вызывает и будет вызывать в дальнейшем недовольство и сопротивление в державах названной категории. Однако сегодня неясно, если и когда это недовольство выльется в конкретные действия и какие формы это недовольство примет.

Когда в ходе войны НАТО против Югославии раздавались призывы Запада к России сыграть «существенную роль» в восстановлении мира на Балканах, у их авторов ни на секунду не возникало намерения позволить Москве проводить самостоятельную линию по косовской проблеме. Речь шла только о том, чтобы Россия «вернулась в строй», перестала «мутить воду», называя агрессию агрессией, и помогла инициаторам войны добиться своей цели ценой минимальных потерь. В случае с войной на Балканах Россия оправдала надежды Запада. Ценой обещаний, которые никто не собирался выполнять, «миссия Черномырдина» добилась фактической капитуляции Белграда как раз в тот момент, когда НАТО оказалось в полном тупике: приходилось начинать наземную интервенцию, но никто из членов альянса не был к ней готов. «Как иначе мы могли бы год тому назад положить конец кризису в Косове, — вопрошал статс-секретарь МИД ФРГ Вольфганг Ишингер в июне 2000 г., — если бы Россия не одобрила в Совете Безопасности резолюцию 1244?»[1].

И тогда, и позже не было оснований рассчитывать на «благодарность» Запада за поддержку, оказанную ему Россией при достижении сербской капитуляции. Уже 1990–1991 гг., когда Москва делала США и Германии один подарок за другим, доказали, что западные обещания забываются сразу или на следующий день. Однако это не должно вести к антиамериканским или антигерманским настроениям, как это частенько случалось во времена СССР, когда он автоматически выступал против любого предложения, шага, инициативы, исходивших от США или ФРГ. Конечно, оставлять без ответа те акции западной политики, которые наносят ущерб интересам России или глобальной безопасности, нельзя. Разумеется, надо избавляться от иллюзий

[1] Ischinger W. Die Zukunft Rußlands liegt in Europa. Was Berlin von Moskau erwartet und was Moskau von Berlin erwarten kann. "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 11.07.2000; «Независимая газета». 09.08.2000.

и строить политику на трезвой и прагматической основе. Но в то же время необходимо сохранять ясную голову и крепкие нервы и не углублять еще больше существующий раскол. По отношению к США, ФРГ, в целом к НАТО напрашивается ведение политики сдерживания, понимаемой практически в том же смысле, какой Запад вкладывал в этот термин в годы холодной войны перед лицом реальной или мнимой опасности советской экспансии. Но инициатором обострения отношений Россия быть не должна и не будет.

7.7. Европейская роль ФРГ

Российской внешней политике при президентах В.В. Путине и Д.А. Медведеве была и остается чуждой линия на конфликт с кем бы то ни было. Практика подтверждает, что любые конфликты возникают не по российской вине. Более того, если сторона, вызвавшая конфликт, идет на попятный, Россия проявляет готовность восстановить нормальную атмосферу отношений — естественно, на определенных условиях. Так было и с отношениями России с НАТО, прерванными после начала войны альянса против Югославии. Движение к выравниванию этих отношений началось при том понимании, что таких войн в Европе больше вестись не будет, что Запад готов учитывать мнение России в вопросах урегулирования существующих на континенте проблем и что НАТО воздержится от дальнейшей экспансии на восток, по крайней мере на ближайшее время.

Накануне заседания Совета Россия–НАТО в конце мая 2000 г. генеральный секретарь альянса Джордж Робертсон заявил в одном из интервью: «НАТО открыто для новых членов. И это нормально, поскольку отражает общую тенденцию к интеграции в Европе. В 2002 г. мы решим вопрос о приеме новых членов. А что будет дальше — посмотрим. На вопрос, может ли и Россия вступить в НАТО, Путин недавно ответил, почему бы и нет. Я могу только повторить его слова»[1]. Робертсон явно кривил душой. Никто в НАТО не готов рассматривать вопрос о вступлении России в альянс. И прежде всего немцы, играющие в нем вторую скрипку. Воздерживаясь от официальных высказываний на этот счет, они совершенно определенно дают понять в беседах, что подобное развитие «лишило бы НАТО всякого смысла».

Не готовы ведущие державы Западной Европы, в первую очередь ФРГ, рассматривать и вступление России в Европейский союз — даже

[1] «Коммерсантъ-Daily». 24.05.2000.

в отдаленном будущем. Состоявшийся прием в Евросоюз новых членов, включая Польшу, рассматривается в ФРГ как максимум возможного расширения ЕС. Видный германский политолог М. Штюрмер характеризует этот шаг не больше и не меньше как «стратегический проект строительства Большой Европы XXI века», «план большой, неразделенной Европы»[1]. Это было сказано в то время, как большинство немцев не хотело членства Польши в Евросоюз: только 20% опрошенных во время зондажей общественного мнения высказывались за ее прием[2]. До сих пор в ФРГ (и в других странах — основателях Евросоюза) сохраняются опасения, что вступление Польши в Евросоюз приведет к давлению на рынок занятости, обострению миграционных проблем, снижению уровня заработной платы прежде всего в пограничных с Польшей регионах. Чрезвычайно характерен тон заявлений, которым в 2000 г. тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер пытался ослабить эти опасения. Он говорил: «Исторически Германия натворила в Польше столько ужасов, и тем не менее Польша стала решающим фактором восстановления германского единства. Забывать об этом мы не имеем права»[3]. По отношению к России Германия, если следовать точному смыслу высказываний Фишера, моральных обязательств не ощущает — видимо, он не склонен был считать позицию Москвы «решающим фактором восстановления германского единства». К сожалению, Фишер не одинок.

Перед лицом явного отторжения со стороны Евросоюза российское отношение к нему значительно трансформировалось. Поначалу Европейское сообщество, а затем Европейский союз рассматривались постсоветской Россией как земля обетованная, вступление в которую — наряду с американской помощью — принесет ей быстрое спасение. В Евросоюзе российские либералы-реформаторы видели оправдавшее надежды объединение преимущественно хозяйственного характера и, поскольку в постсоветской России наряду с политическими разборками разразился глубочайший экономический кризис, стремились к возможно более тесному контакту с ним. Они считали идеальным решением присоединение к этому многонациональному организму, обеспечившему своим гражданам столь высокий по мировым меркам уровень жизни, даже если ради достижения такой цели

---

[1] Stürmer M. Europäische Schicksalsfragen. Politiker haben dem Volk deutlich zu machen, was aus der EU nerden soll, "Die Welt". 08.09.2000.

[2] См.: SZ-Interview mit Wladislaw Bartoszewski, Der Volksentscheid wäre nur ein Vorwand. "Süddeutsche Zeitung". 08.09.2000.

[3] SZ-Interview mit Joschka Fischer, Ich habe nichts gegen Volksentscheide. "Süddeutsche Zeitung". 09.09.2000.

придется отказаться от суверенитета, защиты национальных интересов, отстаивания с огромным трудом завоеванных позиций в различных частях света. Одним словом, ельцинская Россия мечтала «слиться в экстазе» со своими новыми учителями и наставниками, охотно выступавшими в ипостаси бескорыстных филантропов и благодетелей. Однако практика очень скоро показала, что никто демократическую Россию на иждивение брать не собирается, а широковещательные намеки на возможный «план Маршалла» для Российской Федерации оказались обычными мыльными пузырями.

Займы поступали, но, как правило, краткосрочные и под высокий процент, связанные к тому же с политическими условиями, а субсидии, если таковые появлялись, шли в основном на содержание огромного штата западных советчиков, которые всюду совали свой нос, но ни за что не несли ответственности. Выяснилось, что в экономическом отношении ЕС стремится к тому, чтобы Россия как можно более прочно утвердилась в роли его сырьевого придатка, а также места захоронения опасных для окружающей среды отходов западного производства. Оказалось, что основная заинтересованность Западной Европы в России носит политический характер и сводится к тому, чтобы воспрепятствовать возрождению ее государственной мощи, которая позволила бы ей вновь самостоятельно отстаивать свои национальные интересы и играть существенную роль на континенте.

Внешне эта направленность облекалась в звонкие митинговые фразы демократической солидарности. Тогдашний статс-секретарь МИД ФРГ Вольфганг Ишингер говорил, например, в носившем установочный характер докладе в июне 2000 г.: «В то время как Россия видит в Европейском союзе в первую очередь экономического партнера, ЕС всегда понимал это партнерство прежде всего как политическое и поэтому настаивал на закреплении во всех принципиальных документах демократических и государственно-правовых норм». Звучит безобидно, даже где-то воодушевляюще, но судьей во всех случаях сомнения относительно выполнения указанных норм оставалась Западная Европа, наиболее яркой чертой политики которой являются двойные и тройные мерки в зависимости от собственных интересов по каждому конкретному вопросу (например, террористы считаются террористами, когда они угрожают Западу, и «борцами за независимость», когда дело идет о России, а ворующая российский газ Украина остается светочем демократии и народовластия). Поэтому нельзя не заметить прямой угрозы в предупреждении Ишингера о том, что сотрудничество между ЕС и Россией «предполагает, что Россия примет демократические цели ЕС в качестве основы партнерства».

Из дальнейшего текста доклада Ишингера явствовало, что «демократические цели ЕС» обязывают Россию: а) ради обеспечения стабильности принять НАТО как верховного организатора «архитектуры безопасности в Евро-Атлантическом регионе»; б) отказаться от воссоздания сильного государства, поскольку это сопряжено с «более частым обращением к силе или возвратом к репрессиям»; в) не бороться с засильем олигархов и коррупцией, так как при этом может «пострадать» свобода печати, которую они якобы обеспечивают; г) ни в коем случае не карать за преступления, совершенные в переходный к рынку период, — иначе не будет «настоящего доверия к российской экономике»; д) отказаться от требований к Прибалтике уважать права человека в отношении ее русскоязычного населения, ибо только с помощью такого отказа можно убедительно отмежеваться от «системы Сталина и Ленина»; е) прекратить антитеррористическую акцию на Северном Кавказе и «вступить в переговоры» с религиозными фанатиками, бандитами, работорговцами, убийцами и т. д.[1] Если же Россия будет упорствовать в своих прегрешениях, то ни на какое партнерство с ней ЕС не пойдет. Подобные декларации не оставались лишь вербальными угрозами — практические действия Европейского союза отражали их.

Широко разрекламированное соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС от 25 июня 1994 г. вступило в силу лишь в декабре 1997 г. из-за возражений Запада против антитеррористической операции в Чечне; да и потом оно постоянно находилось под угрозой «санкций» по той или иной причине. Переговоры о новом соглашении никак не могли начаться из-за саботажа со стороны новых членов ЕС, да и сейчас они пробуксовывают. Естественно, что в подобных условиях также неэффективны такие программы содействия, как ТАСИС. «Коллективная стратегия Европейского союза в отношении России», принятая на саммите ЕС в Кёльне в июне 1999 г., отличалась лишь еще более четким ударением на политических условиях и отсутствием конкретики в том, что касается содействия в экономической сфере.

Разочарование эгоистической позицией Евросоюза вызвало более трезвое отношение России как к самому ЕС, так и к перспективе его расширения. В документе, представленном российским правительством, председателем которого только что стал В.В.Путин, на саммите РФ—ЕС в Хельсинки в октябре 1999 г. и озаглавленном «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом

[1] Ischinger W. Op. cit.

на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы)» формы и методы сотрудничества были поставлены на почву реальных фактов. В документе указывалось: «Партнерство Россия–Европейский союз в рассматриваемый период будет строиться на базе договорных отношений, т. е. без официальной постановки задачи присоединения или "ассоциации" России с Европейским союзом. Как мировая держава, расположенная на двух континентах, Россия должна сохранять свободу определения и проведения своей внутренней и внешней политики, свой статус и преимущества евро-азиатского государства и крупнейшей страны СНГ, независимость позиций и деятельности в международных организациях»[1]. Таким образом, вопрос о возможности обращения России с ходатайством о приеме в ЕС на обозримый период был снят. Тогдашний заместитель министра иностранных дел РФ И.Д. Иванов совершенно справедливо заметил в этой связи: «Европа входит в новый век как сложившееся двухполюсное целое»[2].

Расширение Евросоюза на восток, которое Москва когда-то считала исключительно конструктивной акцией и противопоставляла ее деструктивной экспансии НАТО в восточном направлении, принесла весьма неприятные последствия для России. Уже цитировавшийся заместитель министра иностранных дел РФ И.Д. Иванов называл, например, в качестве отрицательных моментов введение ужесточенного визового режима Шенгена для российских граждан; удорожание российского сельскохозяйственного экспорта в связи с «единой аграрной политикой ЕС»; установление антидемпинговых барьеров для других товаров из России; дополнительные сложности для ввоза российской промышленной продукции в ЕС и т. д. Еще более серьезными стали осложнения политического порядка. Закрепление ориентации общей политики безопасности Евросоюза на НАТО неизбежно усиливает в ЕС влияние тех, кто зациклился на «угрозе с востока». Следствием является прежде всего усиление конфронтационного характера деятельности ОБСЕ, окончательно превратившейся из плюралистического общеевропейского органа в организацию по изоляции России. Новые члены Евросоюза, подчеркивал И.Д. Иванов, видят «за забором ЕС удобное место, чтобы бросать вызовы России, в частности по вопросу о положении в них русскоязычного населения»[3].

---

[1] Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010). См.: Современная Европа. 2000. № 1, январь-март.

[2] *Иванов И.Д.* Расчищать пути к зрелому партнерству России и Евросоюза // Современная Европа. 2000. № 2, апрель-июнь.

[3] Там же.

О несомненном нарастании критических настроений в части германских политических кругов по отношению к диктату США свидетельствовало выступление бывшего президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера в сентябре 2000 г., который заговорил в неодобрительном тоне о «растущем унилатерализме» американцев и их отходе от поддержки ООН. Широкий отклик вызвали слова Вайцзеккера о том, что после исчезновения угрозы извне «начинает понемногу рассыпаться согласие на неравное распределение командных полномочий внутри [альянса]» и что нельзя запретить говорить в этой связи о «раздражении европейцев»[1]. Принятое в 2002 г. и встретившее широкую поддержку германского избирателя решение тогдашнего канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера не участвовать в войне США в Ираке и создание на этой основе франко-германо-российской тройки показало, что при определенных условиях глухое недовольство американским диктатом может преобразовываться во впечатляющие политические акции.

После начала мирового финансового и экономического кризиса, когда ценность сотрудничества с Москвой стала восприниматься немцами особенно остро, линия официальных кругов ФРГ на углубление партнерства с Россией приобрела ярко выраженный сердечный характер. Участившиеся встречи федерального канцлера Ангелы Меркель и президента Д.А. Медведева протекали в доброжелательной и гармоничной атмосфере, германские политики проявляли подчеркнутое внимание к заявлениям и инициативам российского руководства на международной арене, перестало быть редкостью высказываемое немцами понимание позиции России по важнейшим мировым проблемам, что, конечно, не означает автоматической поддержки этой позиции, однако не приходится сомневаться в том, что сделан существенный шаг вперед. Даже в преимущественно русофобски настроенных средствах массовой информации ФРГ нет более таких разнузданных антироссийских кампаний, какие устраивались в недавнем прошлом по самым незначительным поводам. Российско-германское стратегическое партнерство, похоже, перестает быть только высокоторжественной формулой для различных официальных документов и речей, воплощаясь в реальные формы взаимодействия обоих крупнейших государств Европы в интересах всего континента и мира в целом. Все более четко ФРГ отводит своим добрым отношениям с Россией роль одной из основ укрепления глобальной стабильности

---

[1] Weizsäcker-Rede löst Verstimmung aus. Kritische Bemerkungen über die USA beim Bundeswehr-Forum — Botschafter Kornblum ging vorzeitig. “Die Welt”, 20.09.2000.

в «больших» трансатлантических рамках, включающих США, Евросоюз и Российскую Федерацию. Предложение президента России о создании общеевропейской системы безопасности встретило благожелательный отклик в Берлине (несмотря на то, что существующее на континенте положение в этой области Германию как одного из ведущих членов НАТО в принципе устраивает); ныне немцы ждут детализации высказанных Д.А. Медведевым идей и выразили готовность рассмотреть российские разъяснения.

7.8. Перспективы

Подводя итог столетию германо-российских войн и конфликтов, можно с определенной долей уверенности предположить, что на будущее вооруженное столкновение или балансирование на грани вооруженного столкновения (т. е. и «горячая», и «холодная» война) между обеими странами исключается. Катастрофические последствия агрессии НАТО против Югославии, с которыми Запад еще очень не скоро справится, убедили немцев в том, что интервенции без одобрения Совета Безопасности ООН и, следовательно, России содержат гораздо больше рисков, чем выигрышей. Самостоятельная позиция Германии по иракской проблеме в огромной степени обусловлена югославским синдромом. Отстаивая эту позицию, Берлин впервые реализовал возможность «диссидентства» в рамках НАТО и Евросоюза. Впредь всем партнерам ФРГ придется считаться с возможностью, что ее политическое руководство проявит готовность оградить свои интересы, а не только послушно склоняться перед требованиями «западной солидарности». Если не считать начальной фазы правительства Герхарда Шрёдера, то период его правления можно считать образцовым с точки зрения налаживания кооперационных отношений между ФРГ и Россией.

Образование в 2005 г. правительства «большой коалиции» из ХДС/ХСС и СДПГ не привело к кардинальной смене ориентиров политики ФРГ, хотя и внесло определенные нюансы во внешнеполитический курс. Мировой экономический кризис нанес чувствительный удар по стабильности ФРГ, ослабив ее международные позиции. Приходится свертывать начавшую было приносить плоды программу сокращения задолженности государственного бюджета. Казавшиеся еще недавно неисчерпаемыми экономические и валютные ресурсы Германии походят к концу. ФРГ не в состоянии оставаться и дальше банкиром Западной Европы, а ныне уже и расширенного Евросоюза. Ослож-

нения с выполнением требований «пакта стабильности», на основе которого была введена единая валюта ЕС, были вызваны не только провалами политики ассимиляции бывшей ГДР, не только постоянными настояниями НАТО на увеличении военных расходов членов блока, но и растущими выплатами на расширение западных союзов.

России пришлось реагировать на пренебрежительное отношение к ней со стороны Запада. Когда первоначальная эйфория «вселенского братства и любви» закончилась под воздействием суровых геостратегических реальностей, ее новый правящий класс убедился в том, что расхождение интересов и их конфликты остались повседневной реальностью и для постконфронтационного мира. «Не-враг» необязательно значит «друг». Среди наших нынешних «не-врагов» есть и такие, кто — разумеется, для всеобщего блага человечества! — хотел бы изоляции России, ее развала и ослабления, исчезновения единого и сильного российского государства. Лишь немногим на Западе дано по достоинству оценить значение Российской Федерации как незаменимой организующей, структурирующей и миротворческой силы на огромном евроазийском пространстве бывшего СССР и широкой полосы прилегающих территорий. Напротив, в политическом классе западных стран мощно представлена тенденция упорного противодействия восстановлению Россией своих сил и своего положения в мире.

Если не считать средства массовой информации, то случаи открытого русофобства сравнительно редки, в то время как довольно часты абстрактные декларации в поддержку демократических преобразований в России. Даже кое-какая материальная помощь по линии ЕС оказывается из опасения, что внезапный взрыв в такой стране, как Россия, мог бы представить угрозу для самого Запада (куда безопаснее ползучая дезинтеграция без чрезмерных потрясений и судорог!). Однако это не меняет существа дела — перспектива иметь дело с сильной Россией, как правило, вызывает тайное, а зачастую и явное сопротивление значительной части политических сил Запада. В конечном счете западные деньги перекочевывают на счета организаций и лиц в России, решительно выступающих против ее возрождения.

Однако было бы непозволительной ошибкой не видеть, что среди наших «не-врагов» есть державы, влиятельные политики которых в силу самой логики развития международной обстановки приходят к осознанию той истины, что они нуждаются в России — сильной и влиятельной России — в качестве партнера на мировой арене. Они воспринимают ее ослабленное состояние как бесспорный минус для возможности обеспечить себе глобальные позиции на завтра. Может быть, еще рано говорить, что эти державы стали нашими друзьями,

но дело явно идет к тому недалекому дню, когда мы сможем употребить этот заветный термин для характеристики существующего положения. Это будет означать, что период изоляции демократической России закончился. Многое свидетельствует в пользу того, что в число таких держав входит и Германия. В ходе состоявшегося осенью 2004 г. анкетирования группы влиятельных немецких политиков, политологов и журналистов большинство опрошенных высказались в пользу предположения, что к 2020 г. Россия станет важнейшим стратегическим партнером Евросоюза[1], а значит, и Германии тоже.

История последних ста лет при всей ее противоречивости и изобилии трагических эпизодов доказывает теснейшую связь судеб русских и немцев в войне и мире, радостях и несчастьях, процветании и кризисах. Возникшая в начале XXI в. франко-германо-русская тройка — верхушка айсберга, основание которого образует общность интересов стран Европы, определяющих вектор политического развития континента. Эти интересы рано или поздно пробьют себе дорогу. Различные комбинации европейских держав (франко-германо-российско-испанская четверка, франко-германо-британский треугольник, франко-германо-бельгийский еврокорпус с участием Испании и Люксембурга) не противоречили сущности тройственной конструкции, а дополняли ее, поскольку подводили к эффективному сотрудничеству с Россией все ядро Европейского союза. Сколько времени потребует эволюция в направлении Большой Европы, включающей Россию, предсказать невозможно. Не исключено, что она будет сравнительно быстрой. Тот факт, что после прихода к власти Николя Саркози во Франции и Ангелы Меркель в ФРГ тройка не собирается в прежнем составе и на прежнем уровне, не должен никого смущать. Веление времени не сразу распознается политическими лидерами, занятыми в первую очередь внутриполитическими проблемами, которых немало у каждого из них.

Пока же ситуация в германской политике, к сожалению, не такова, чтобы ее можно было идеализировать. В качестве показателя уровня зрелости германского политического класса можно было бы привести нашумевшую статью «Вторая война в Заливе как поворотный пункт», с которой сразу же после оккупации Ирака выступил представляющий значительный сегмент общественного мнения ФРГ генерал Клаус Науман. Генеральный инспектор (главнокомандующий) бундесвера в 1991–1996 гг., председатель комитета военного планирования НАТО в период до 1999 г., он оценил эту операцию как начало эпохи войн «нового качества». Разгром Ирака стал для генерала «блес-

[1] Michael Stürmer, Die Welt im Jahre 2020. "Die Welt", 4. November 2004.

тящим военным достижением XXI века». Основой успеха объединенной американо-британской группировки войск послужили, по его оценке, следующие пять моментов: 1) несмотря на открытую подготовку войны, удалось добиться эффекта внезапности нападения, который был усилен произведенной заранее высадкой спецназа в иракском тылу; 2) иракская ПВО и военное руководство страны были в кратчайшие сроки парализованы «точными хирургическими ударами» с воздуха; 3) был сокращен до минимума промежуток времени между обнаружением цели разведкой и подавлением данной цели огневыми средствами всех трех родов войск (в Афганистане этот промежуток составлял часы, в Ираке счет шел уже на минуты); 4) США задействовали в Ираке в поддержку действовавших «подвижно, быстро и инициативно» наземных сил небывалую ранее огневую мощь; 5) операция велась «смело, гибко и с удивительной свободой маневра»[1].

Генерал умолчал о том, что быстрый военный успех американо-английской группировки был подготовлен не только высокими технологиями и хитроумными решениями военных специалистов, но и многолетними усилиями по подрыву иракской обороноспособности, предпринимавшимся под флагом ООН с помощью введенных Советом Безопасности санкций и проводимых под его эгидой инспекций. Агенты американских, британских и других западных спецслужб среди инспекторов ООН заранее совершенно точно разведали расположение практически всех военных объектов Ирака, в том числе «дворцов Саддама Хусейна», где размещались центры политического и военного руководства страны. Уничтожение по требованию Вашингтона и инспекторов ООН иракских ракет с дальностью чуть больше 120 км как раз накануне вторжения войск США и Великобритании проливает яркий свет на цинизм, с которым всемирная международная организация использовалась для максимального ослабления страны, с самого начала избранной объектом нападения. А если к этому добавить введенные США сразу после первой войны в Заливе не согласованные с ООН «дополнительные санкции» против Ирака, обеспечившие заблаговременное создание демилитаризованных (т. е. независимых от Багдада) зон на юге и на севере страны, где свободно действовала не только агентура, но и диверсионные отряды американо-британской коалиции, то удивляться надо не быстроте, с которой победили интервенты, а тому, что Ирак продержался целых три недели.

Генерал явно готовится воевать, но не уточняет, для чего, для какой политики, для каких войн Западная Европа должна вернуться под

---

[1] Klaus Naumann, Der zweite Golfkrieg als Wendepunkt. “Die Welt”, 7. Mai 2003.

американское крыло, чтобы получить от США способность воевать «в соответствии с требованиями XXI века». В глазах генерала самодостаточный характер носит задача «ремонта незаменимой связки между Европой и США», в результате чего «возникнет Европа, к которой будут прислушиваться, так как она сможет подкрепить свои высокие претензии способностью действовать», то есть воевать под американским началом. Все значение этого требования можно понять только с учетом того, что после 1990 г. бундесвер перестал подчиняться непосредственно командованию НАТО, приобрел самостоятельность и в отличие от предыдущего периода обладает собственными органами управления на территории ФРГ.

Для Западной Европы согласиться с тем, что мир должен управляться из Вашингтона, означает, что никому и в голову не придет «прислушиваться» к западноевропейскому голосу. Понятию «союзник» будет возвращено в таком случае значение, которое оно имело во времена Римской империи, когда им обозначались полусамостоятельные государственные образования, обязанные, не задавая лишних вопросов, поставлять вспомогательные войска для любых войн, которые вел Рим. Неизбежным следствием стало бы возвращение на международную арену колониализма с его непримиримыми антагонизмами и бесконечными войнами за национальное освобождение. Генерал Науман с нескрываемым пренебрежением отозвался о «поспешном злорадстве» в некоторых западноевропейских и российских СМИ по поводу первоначальных неудач американцев в Ираке. Между тем никакого злорадства не было. Было и есть беспокойство по поводу отвлечения внимания от необходимости как можно скорее обезвредить международный терроризм. Как раз Ирак со всей очевидностью показал, что «оружие XXI века» неэффективно в борьбе с терроризмом. Мало кому придет в голову отрицать, что война в Ираке усилила лагерь исламского экстремизма.

Однако было бы ошибкой считать, что Науман, несмотря на стоящие за ним мощные политические и финансовые силы, выразил господствующее в ФРГ мнение — скорее, наоборот. В гораздо большей степени мнение подавляющего большинства немцев сформулировал Эгон Бар, напомнивший, что статья 26 германской Конституции без всяких оговорок запрещает участие в агрессивных войнах. При этом умеющий заглянуть далеко вперед внешнеполитический теоретик СДПГ высоко оценил возникновение тройки Париж—Берлин—Москва, которая «выразила европейскую позицию и не останется изолированным случаем». В отношении России он констатирует: «Россия снова нужна. [...] Россия вернулась на мировую арену и ее участие требуется при решении многих

региональных проблем начиная с Кореи, Центральной Азии и кончая Средним Востоком. [...] Как в историческом и культурном отношении преимущественно европейская страна с традиционно психологически и стратегически "особыми отношениями" с Америкой она могла бы наводить трансатлантические мосты, заполнять политические бреши и выступать как инициатор совместных действий. С этой точки зрения тем более важно, чтобы Россия не чувствовала себя вытесняемой из Европы не видела пренебрежительного отношения к себе. Важно, чтобы она получила положительный ответ на вопрос своих элит, рады ли видеть Россию в Европе. Здесь перед германской политикой встает важная задача. Для ее решения также могли бы быть использованы "особые отношения". Как раз потому, что Европа и Россия сознают иллюзорность представлений о том, что они могут быть или стать противовесом США, как раз потому, что старый континент, к которому относится Россия, хочет настоящего партнерства с Америкой, Германия в состоянии занять инициативную и активную позицию: трансатлантические отношения могут быть совмещены с заинтересованностью в том, чтобы связи России с Европой приобрели стратегическое качество и плотность»[1].

Политика канцлера Шрёдера в отношении России отвечала в общем и целом идеям, высказываемым Баром. В сфере двусторонних российско-германских отношений за годы его правления наметилось существенное продвижение вперед. Германия способствовала прогрессу в переговорах с ЕС по экономическим проблемам, в которых был разомкнут порочный круг, когда разумное урегулирование существующих проблем откладывалось до приема России в ВТО, а прием в ВТО осложнялся наличием разногласий между Россией и ЕС. Таким образом, интеграция России в глобальные структуры, которой хочет ЕС и которой добивается сама Россия, перестала быть квадратурой круга. Однако в отношениях России и ЕС остается еще немало сложных вопросов, решения которых до сих пор не найдены. Среди них торможение переговоров Евросоюза и России о заключении нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве, дискриминация русскоговорящего населения в Латвии и Эстонии, а также то обстоятельство, что расширение ЕС оборачивается ударом по экономической стабильности России. Во всех этих областях явно ощущается дефицит дружественной поддержки российских интересов со стороны Германии.

В сфере двусторонних экономических отношений объем торговли между Германией и Россией сохраняется на рекордном уровне (около

---

[1] Egon Bahr, Der deutsche Weg. Selbstverständlich und normal. München, 2003, S. 143–145.

53 млрд долл. в 2007 г.). Но этого уже недостаточно. Для продвижения вперед нужны новые формы сотрудничества, в частности в области высоких технологий и энергетики. Есть еще неиспользованные возможности совместной работы в космосе, интерес к которому заявлен с обеих сторон. В отлично аргументированной редакционной статье издающегося в России «Немецкого журнала» за январь 2004 г. под заголовком «Россия спасет Германию» подчеркивалось, что «более стабильный и не менее емкий, чем американский, рынок находится буквально у ворот Германии. Начиная с 1997 г. Германия является важнейшим торговым партнером России. Однако потенциал российско-германской торговли далеко не исчерпан»[1].

Позитивные моменты в сфере российско-германских отношений в общем и целом преобладают. Как весьма существенный задел на будущее следует рассматривать достигнутую с Германией договоренность об упрощении условий выдачи шенгенских и российских виз нескольким важным категориям участников двусторонних обменов. Появилась робкая надежда, что, по крайней мере, для ученых и исследователей из России вскоре отпадет необходимость каждый раз проходить в посольстве ФРГ в Москве довольно канительную и унизительную процедуру получения германской въездной визы (и, может быть, даже избегать допроса с пристрастием при прохождении пограничного контроля в Шенефельде). Российские политики правы, когда говорят, что единая Европа может появиться только в том случае, если шенгенская зона будет распространена на Россию. Визовое соглашение России с ФРГ, а также предшествовавшие ему соглашения с Италией и Францией — правильные шаги в правильном направлении.

Постепенно набирает силу созданный в сентябре 2000 г. Петербургский диалог, позволяющий подключить общественность обеих стран непосредственно к формированию российско-германских отношений. Диалог помогает точнее понять и оценить настроения и оценки среди граждан страны-партнера. Информационная политика Запада оперирует подчас фантастическими представлениями о России, поскольку охотно использует суждения тех россиян, которые по тем или иным причинам предпочитают выражать западное мнение, а не мнение большинства своих сограждан. В конечном счете у Запада получается диалог с самим собой, что может только привести к политическим ошибкам. Есть надежда, что Петербургский диалог поможет хоть в какой-то степени устранить эту несообразность.

---

[1] Немецкий журнал. 2004. № 1, январь.

В 2004 г. было достигнуто соглашение о транзите грузов и военнослужащих бундесвера в Афганистан. Впервые Россия предоставила такую возможность стране — члену НАТО. Конечно, это свидетельствует о росте доверия между нашими странами, который способствует нормализации отношений между Россией и НАТО в целом. Вообще складывается впечатление, что отношения России с НАТО могут носить конструктивный характер, если альянс расстанется наконец с навязчивой идеей так или иначе поглотить всех соседей России и выйти на российские границы по всему их периметру. «Марш НАТО на Восток» не может считаться нормальным явлением в постконфронтационной Европе. И уж совершенно неприемлемыми являются планы базирования американских антиракет и обслуживающих их радаров в Польше и Чехии. Можно приветствовать признаки осознания общественностью этих стран, как и общественностью Евросоюза в целом, огромной опасности попытки подорвать единственную пока основу безопасности в ядерную эпоху, которая состоит в том, что выстреливший первым гибнет вторым. Однако правительства стран НАТО, включая правительство ФРГ, избегают ясных высказываний по этому поводу.

На общем положительном фоне российско-германских отношений особенно рельефно проступают явления, которые находятся в резком противоречии с интересами сторон. Трудно понять, например, почему уголовное расследование фактов нарушения налоговых законов Российской Федерации в особо крупных масштабах вызвало в ФРГ истерический прилив эмоций и обвинений в адрес российских органов правосудия, хотя подобные расследования отнюдь не редкость в тех странах, которые сейчас так возмущены наведением элементарного порядка в России. Вместо того чтобы приветствовать, что власть наконец-то на практике занялась борьбой с преступностью независимо от положения преступников в обществе и объема украденного ими, России бросают упрек, что эта борьба начата с данной личности, а не с другой. Но ведь надо же с кого-то начинать! Пути гигантского денежного оттока из России должны быть перекрыты — все серьезные западные экономисты требуют этого. А что вор должен сидеть в тюрьме, а не разгуливать на свободе — это азбучная истина для любой цивилизованной страны.

Невозможно пройти мимо совершенно неадекватной реакции средств информации ФРГ, а также представителей ее политических партий на парламентские и президентские выборы в России. Стране, в которой на протяжении многих лет практикуется всесторонняя и открытая дискриминация одной из политических партий (ПДС, теперь

Левой партии), не к лицу брать на себя роль судьи в вопросе о том, имели ли российские либералы достаточный доступ к СМИ в предвыборный период. Они имели этот доступ в гораздо большей степени, чем ПДС или Левая партия в ФРГ. И уж совершенно ни в какие ворота не лезет, что отказ российских избирателей поддержать либеральные партии, несущие главную ответственность за беды, испытываемые ныне страной, объявляется чуть ли не концом демократии в России и воцарением «авторитаризма». Видимо, для многих теоретиков либерализма из ФРГ вершиной развития российской демократии остается расстрел Ельциным парламента в октябре 1993 г. Или, как не так давно грустно пошутил один из российских телеобозревателей (конкретно он имел в виду выборы в Грузии в январе 2004 г., которые были немедленно объявлены на Западе «подлинным народным волеизъявлением»): «Настоящая демократия — это когда президента выбирает не население и не парламент, а американское посольство». Любая возможность объективной оценки российских выборов заранее исключается тем, что во главе направленных в Россию групп «наблюдателей» от западных организаций ставятся зоологические русофобы вроде немецкого социал-демократа Рудольфа Биндига.

Антирусская истерия стала постоянным явлением в странах Евросоюза, причем ФРГ шагает в первых рядах. Она повторялась и во время «оранжевого» путча на Украине в ноябре-декабре 2004 г., и в период «газового конфликта» с этой страной в январе 2006 г., а также в ходе подготовки и проведения президентских выборов в Белоруссии в марте 2006 г. Хотя блокада Украиной транзита российского газа в страны ЕС в начале 2009 г. уже почти не сопровождалась в ФРГ антироссийской риторикой, принцип «равноотстояния» соблюдался неуклонно, а заявление канцлера Ангелы Меркель о том, что Россия «рискует утратить доверие Запада», свидетельствует: до отношений взаимной поддержки еще очень далеко. Немало вопросов возникло в России в связи с визитом в феврале 2004 г. в Берлин представителя международного и чеченского терроризма, состоявшиеся по приглашению двух заднескамеечников из фракции СДПГ в бундестаге и одобренном министерством иностранных дел ФРГ. Совместное предотвращение террористических актов в Европе и в мире немыслимо, пока их организаторы безнаказанно разгуливают по европейским столицам. В российском общественном мнении не могло не вызвать возмущения, что этот факт поощрения террористов не встретил резкого осуждения в здравомыслящих политических кругах Германии и Западной Европы. Еще большее неприятие в России встретила антироссийская кампания, развернувшаяся в ФРГ после чудовищно-

го преступления террористов в Беслане. Вместо осуждения виновников и организаторов трагедии германские политики и средства информации попытались уверить всех в том, что «русские сами во всем виноваты».

Следует прямо констатировать, что адекватной реакции на развитие ситуации в России и вокруг нее препятствует русофобский тон корреспонденций многочисленного отряда немецких журналистов в России. «Немецкий журнал» в данной связи дипломатически отмечал, что «в германских средствах информации не всегда глубоко и объективно отражаются происходящие в России процессы. Виновником этого является не только слабая подготовка журналистов, но и обывательский настрой в самих редакциях и в обществе. Получается, что плыть по течению, охаивая все подряд, проще, чем разобраться в существе дела. Возможно, поэтому, если посмотреть на проблему глазами экономиста, инвестором номер один в России являются американцы, а не наши соседи из Германии»[1]. Если же оставить в стороне вежливое расшаркивание, то германскую информационную политику в отношении России нельзя не квалифицировать как возрождение нравов холодной войны в их наихудшем варианте. Антирусскую пропаганду ведут, конечно, не только немцы, но и все западные средства информации, и, в частности, французы выделяются рвением и особым старанием поставить действительное положение вещей в ног на голову. Но немцы никак не соберутся с силами, чтобы выступить ледоколом объективного освещения российских реальностей, хотя наши основные интересы не противоречат друг другу. Обращает на себя внимание, что западные СМИ освещают события в России с еще большей тенденциозностью, чем это наблюдалось в отношении СССР.

Объективно Россия и Германия не являются конкурентами. Их интересы практически нигде не сталкиваются. Первые годы текущего века весьма убедительно продемонстрировали, что международная дееспособность и России, и Германии стократно возрастает, когда они чувствуют плечо друг друга. Неудивительно, что Франция, постоянно ищущая возможность доказать свою сохранившуюся самостоятельность, сразу же подключилась к российско-германскому тандему. При канцлере Герхарде Шрёдере Германия впервые после 1945 г. показала себя независимым игроком на мировой шахматной доске. Не «в пику» кому бы то ни было и не ради благосклонности с чьей-либо стороны, а в соответствии с ясно выраженной волей большинства нем-

---

[1] *Никофоров Олег.* Немецкие журналисты не любят Россию и заставляют других ее не любить // Немецкий журнал. 2004. № 1, январь.

цев. Преемников Шрёдера будут судить по тому, сумеют ли они сохранить и развить успех его политики. Пришел Шрёдер к власти в 1998 г. совсем не записным русофилом. Под впечатлением «банной дружбы» своего предшественника Гельмута Коля с Борисом Ельциным новый канцлер демонстративно объявил тогда о немедленном прекращении совместных походов в сауну и ужесточении тона в германо-российских отношениях. Далеко не сразу состоялся его личный контакт с новым российским президентом Владимиром Путиным. Поначалу Шрёдер передоверил российское направление своему «зеленому» министру иностранных дел Йошке Фишеру, хотя тот был слеп на оба глаза для всего, что лежит за пределами «атлантической сферы». Однако скоро канцлер осознал значение сотрудничества с Россией для Германии, для Европы в целом и для мира, и тогда российско-германские отношения перешли непосредственно в его ведение.

Не следует абсолютизировать значение добрых личных отношений между руководителями государств. Какой бы тесной эта связка ни была, ей не будет позволено нанести ущерб национальным интересам каждой из стран (если, конечно, речь идет не о политиках, для которых такое понятие, как интересы возглавлявшейся ими державы, остается темным лесом). В принципе личные отношения остаются добрыми постольку, поскольку партнеры ни при каких обстоятельствах не переходят определенных границ. Просто решение возникающих проблем происходит в конструктивной обстановке, без ненужного драматизирования и излишней затраты времени и нервов. Конечно, если интересы страны потребуют, то придется терпеть даже скудоумие автомата, повторяющего заученные с чужого голоса глупости, и улыбаться его ничего не выражающей металлической физиономии. Но гораздо приятнее и продуктивнее иметь дело с партнером, который мыслит в унисон и проявляет понимание твоих забот. Руководители государств не перестают быть людьми, и эмоции у них такие же, как и у всех остальных. Вот только допускать, чтобы эмоции влияли на политику, они не имеют права.

Сдержанная, практичная и рассудительная Ангела Меркель продемонстрировала не только железную волю к власти, но и умение избегать серьезных конфликтов на посту канцлера. Добрую половину нынешнего правительства ФРГ составляют коллеги Шрёдера по партии, которым вменено в обязанность внимательно следить за выполнением коалиционного соглашения, закрепившего основные направления его внешней политики. Да и ситуация в Европе сегодня не такова, чтобы отдельные страны могли позволить себе необдуманные поступки, каких бы фантастических воззрений ни придерживались их руководители (особенно

отличаются по части фантасмагорий «новые европейцы»). Наиболее предусмотрительные немецкие политики в течение бурного XX в. хорошо усвоили завет Бисмарка относительно необходимости дружбы с Россией. Ангела Меркель ведет себя осмотрительно в сфере германо-российских отношений. Но «не портить» — это одно, а развивать — это нечто большее. Если отношения не развиваются, они начинают хиреть. Кроме того, каждый новый руководитель должен пройти школу практической политики. Канцлер Меркель начала с того, что в присутствии российского президента стала вслух рассуждать о «регрессе» демократии в России, а новый министр иностранных дел ФРГ социал-демократ Франк Вальтер Штайнмайер публично предъявил своему российскому коллеге претензии в связи с тем, что Россия отказалась поддержать вмешательство США и Евросоюза во внутренние дела Белоруссии. По счастью, наследники Шрёдера доказали, что способны исправлять допущенные ошибки. ФРГ (вместе с Францией) сыграла относительно позитивную роль во время предпринятых Россией мер по принуждению Грузии к миру после грузинской агрессии против Южной Осетии в августе 2008 г. и способствовала (хотя и не совсем последовательно) преодолению украинской блокады газоснабжения стран Европы в январе 2009 г.. Кстати, газовый конфликт еще раз доказал несостоятельность попыток подорвать авторитет Шрёдера возней вокруг его участия в руководстве совместного с Газпромом предприятия по строительству северо-европейского газопровода по дну Балтики («Норд-стрим»). За советом к Шрёдеру придется еще не раз обращаться, когда в острых ситуациях потребуется слово, обладающее особым весом.

Будущее не бывает без прошлого, но не всегда им определяется. Умному не надо бесконечное количество раз совершать одну и ту же ошибку, чтобы наконец уяснить, что так дело не пойдет. Весь ход XX в. указывает на постоянство ситуации, при которой Россия и Германия играют особую роль в судьбах друг друга и в судьбе всего европейского континента. Из череды германо-российских конфликтов и примирений, десятилетий конфронтации и сотрудничества, периодов взаимоотталкивания и взаимопритяжения и связи этих двусторонних приливно-отливных движений со взлетами и падениями общей ситуации на континенте можно сделать только один вывод: Европа может быть здоровой лишь тогда, когда здоровы Россия и Германия, здоровыми же они бывают по большей части тогда, когда работают вместе, а не друг против друга. Сотрудничать для них не только возможно, но и естественно. Вопреки испытаниям, которые обрушил на русских и немцев XX в., они по самой своей природе партнеры, практически идеально дополняющие друг друга.

Западноевропейский тип интеграции при всех его исторических заслугах не может быть навязан всем европейским государствам без учета особенностей их ситуации и исторического наследия. Подобная нивелировка не даст положительного результата, сколько бы долларов или евро на нее ни было потрачено. У Европы есть будущее только в качестве центра глобального влияния, одного из полюсов полицентрического мира XXI столетия. Но таковым она может стать лишь в ипостаси Большой Европы, т. е. при условии теснейшего сотрудничества с Россией. Протекторатом Западной Европы (или Запада) Россия не станет. И даже не потому что не хочет, а потому что не может — в силу своей истории, духовного склада населения, господствующих представлений ее народа о справедливости и наличного потенциала всепреодолевающей выносливости. Россия сознает себя частью Европы и давно уже стремится к созданию европейской общности, включающей весь континент. Тем не менее она не готова сейчас и не будет готовой в будущем пожертвовать ради этого своей самобытностью (идентичностью) — как в сравнительно более скромных масштабах не жертвовали и не будут жертвовать своей самобытностью англичане, французы, голландцы. До сих пор лишь одна европейская нация была долгое время вынуждена идти путем «приращения суверенитета через отказ от суверенитета» — это немцы[1]. Да и то сейчас, после решения национальной проблемы, для ФРГ наступил период, когда ей постоянно приходится делать выбор «между самоограничением и самоутверждением»[2]. Для России Большая Европа мыслима лишь на равных основаниях, в качестве продукта усилий изначально равноправных партнеров. Общеевропейской организации еще нет, ее предстоит создать, и путь к ней лежит через сближение европейцев, а не через подчинение всех Евросоюзу, через совместные сбалансированные решения, а не через приказы из Брюсселя, подлежащие немедленному и бездумному выполнению.

Эйфория переломных 1990–1991 гг., когда всем казалось, что Большая Европа с участием России является делом завтрашнего дня, была преодолена на Западе сравнительно быстро. Однако обнадеживает, что не случилось поворота «все вдруг» и основная масса европей-

---

[3] Такое определение предлагает Х. Хафтендорн для политики Конрада Аденауэра, которому пришлось начинать «с нуля», а также его преемников вплоть до 1990 г. Суть этой политики состояла в «преобразовании наложенных извне ограничений в добровольно принятые на себя обязательства» (см.: Helga Haftendorn. Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehaupting 1945–2000. Stuttgart, 2001. S. 434).

[2] См.: Helga Haftendorn, Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehaupting 1945–2000. Stuttgart, 2001. S. 432–445.

ских политиков и сегодня избегает антирусских высказываний или жестов. Конечный успех или неуспех русофобских концепций в Евросоюзе будет во многом зависеть от той политической линии в общеевропейских делах, которую выберут правящие круги объединенной Германии. Не секрет, что без ее участия никакие серьезные антирусские авантюры невозможны — об этом свидетельствует и весь опыт последнего столетия. Идеология «общего европейского дома» растеряла в Германии не всех сторонников. Большинство германских политиков продолжают считать, что безопасность в Европе может быть обеспечена лишь в рамках общеконтинентальной системы поддержания мира с активным участием России. С другой стороны, соблазн расширения сферы германского влияния за счет ослабленной России имеет в Германии давнюю историческую традицию. Остается надеяться, что несчастья, неизменно обрушивавшиеся на немцев в итоге каждой такой попытки, оказали достаточно глубокое влияние на политическое здравомыслие германских элит.

Начало XXI в. доказало, что германо-российское партнерство пробивает себе дорогу несмотря ни на что. Это партнерство не направлено против кого бы то ни было. Напрасно было бы искать в нем черты блока, союза или коалиции. Франко-германо-российская тройка стала лучшей иллюстрацией позитивного характера строящегося партнерства немцев и русских, нацеленного на создание мирной и демократической Большой Европы от Рейкьявика до Владивостока. В реальную плоскость переходит задача искать пути к тому, чтобы общение русских и немцев, их совместная жизнь и работа вновь обрели плотность и обычность, которые были нормой всего лишь сто лет назад (с поправкой, разумеется, на электронно-космический уровень XXI в.). Есть все основания рассчитывать, что немцы и русские на этот раз сделают выводы из прошлого. Будем надеяться, что Эгон Бар окажется прав, утверждая: «Устрашающие воспоминания о минувшем столетии превратились в бесплотный призрак, маячащий из седой старины. Перед нами лежит такой немецкий путь, которого никому не нужно бояться — и самим немцам тоже»[1]. С ним согласен известный российский публицист Максим Соколов: «Германия как стержневая держава Европы и Россия, первенствующая к Востоку: в треугольнике, где одна сторона — наш заокеанский сосед — непомерна

[1] Egon Bahr, Der deutsche Weg. Selbstverständlich und normal. München, 2003. S. 144. Расшифровывая употребляемый им термин «немецкий путь», Бар подчеркивает: «Этот путь требует и разрешает только такую Германию, которая преследует свои интересы как нормальное государство и более не дает прошлому заслонять свое будущее. Европейское будущее важнее, чем германское прошлое» (там же. S. 155).

усилена, две другие стороны обречены тяготеть друг к другу, ибо принципа международного равновесия никто не отменял»[1].

В программном выступлении в Российской академии наук 10 июня 2009 г. вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер повторил выдвинутое им год назад предложение наладить германо-российское партнерство в сфере модернизации и подтвердил намерение Германии углублять двустороннее сотрудничество «в ориентированных на будущее стратегических областях». Одновременно видный немецкий политик обратился с призывом использовать добрые отношения между ФРГ и Российской Федерацией для строительства «сообщества ответственности» за положение дел в Европе и мире, в которое вошли бы Германия и Евросоюз совместно с Россией. Штайнмайер настаивал на необходимости не упустить реальный шанс создать «отношения нового доверия» в треугольнике США–ЕС–Россия, добиться «нового качества взаимоотношений» в рамках этого треугольника, установить «новое партнерство безопасности и стабильности от Ванкувера до Владивостока». В качестве сфер приложения совместных германо-российских усилий он назвал следующие направления: 1) смелые шаги в области ядерного и обычного разоружения; 2) сотрудничество в деле разрешения территориальных конфликтов в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии; 3) обсуждение проблем энергетической безопасности в конструктивном ключе (Штайнмайер высказался за внимательное изучение в ЕС соответствующих предложений Д.А. Медведева); 4) создание совместными усилиями атмосферы доверия в странах, являющихся общими соседями ФРГ и России. В заключение он выразил надежду, что 2009 г. будет фигурировать в будущих учебниках истории под рубриками: «Укрощение финансовых рынков», «Прорыв в деле разоружения», «Работа над совместной архитектурой безопасности», «Новое доверие между Востоком и Западом», «Совместные успехи в процессе модернизации наших обществ»[2].

Разумеется, содержание речи Штайнмайера может вызвать ряд вопросов. Например, по неизвестной причине в контексте ядерного разоружения не упомянута проблема проектируемых американцами опорных пунктов своей системы ПРО в непосредственной близи российских границ: ведь ПРО и ядерное разоружение — разновекторные явления. В число территориальных конфликтов почему-то не включе-

---

[1] *Соколов Максим.* Таких двух других больше нет // Немецкий журнал. 2004. № 1, январь.

[2] www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Reden/2009/090610-BM. S. 1–4.

на проблема Косово, хотя она продолжает существовать. Можно приветствовать предложение о совместных усилиях в отношении сотрудничества с общими соседями, однако реализуемый Евросоюзом проект «восточного партнерства» направлен на достижение односторонних преимуществ на постсоветском пространстве в ущерб интересам России. Тему энергетической безопасности Евросоюз также трактует односторонне, игнорируя права и гарантии, которыми должны располагать страны-экспортеры углеводородов. В то же время можно предположить, что политика ФРГ в процессе практической работы по сближению позиций США, Евросоюза и России собирается внести ясность и в эти остающиеся пока в тени пункты. Общий позитивный тон заявления Штайнмайера позволяет сделать подобный вывод.

Прочное, основанное на доверии, нацеленное на обеспечение мира, безопасности и процветания Большой Европы партнерство России и ФРГ — входит в число необходимых условий благополучного будущего всех европейцев.

Раздел IV. Экономика Германии

Глава 8. Особенности процесса воспроизводства

В послевоенный период в ФРГ, как и в других капиталистических странах, процесс расширенного воспроизводства протекал неравномерно. В завершение стадии восстановления экономики приблизительно с середины 50-х годов в ФРГ наступил подъем, длившийся до 1966 г. В 1966–1967 гг. Западная Германия пережила циклический кризис общего перепроизводства, завершивший первый послевоенный цикл. С тех пор Германия пережила еще четыре экономических цикла, закончившиеся в 2004 г., после чего немецкая экономика вступила в шестой экономический цикл. Все шесть экономических циклов имеют наряду с общими закономерностями также и существенные различия и особенности.

8.1. Первый послевоенный экономический цикл (1945–1966)

Важнейшей особенностью первого послевоенного цикла ФРГ явилось то, что ему не предшествовал кризис перепроизводства. Административно-командные методы фашистского руководства военной экономикой Германии и послевоенная разруха изменили воспроизводственный процесс, временно нарушив его циклический характер. Экономический хаос, в котором оказалась Германия после поражения

во Второй мировой войне, был по своим последствиям для хозяйства страны на много хуже всех предыдущих циклических кризисов перепроизводства, включая кризис 1929–1933 гг. В 1947 г. промышленное производство составляло лишь около половины от уровня 1938 г. Через год после проведения на территории Западной Германии сепаратной денежной реформы оккупационные власти США, Великобритании и Франции, подавив демократическое движение, создали простор для возрождения прежних монополий. Потребовались многие годы восстановления, чтобы в экономике возобновился обычный круговорот капитала.

На процесс расширенного воспроизводства и формирования первого послевоенного экономического цикла ФРГ большое влияние оказали такие факторы, как экономическое соревнование и борьба двух систем, научно-техническая революция, монополизация экономики, постоянное возрастание экономической роли государства, обострение классовой борьбы и монополистической конкуренции как во внутреннем, так и в международном масштабе. Противоречия и неравномерность послевоенного капиталистического воспроизводства отражались не только в сменах фаз цикла, но и в особенностях его отдельных фаз, а также воспроизводственного процесса в целом; в изменениях экономической политики как непосредственно монополистического капитала, так и государства.

Особая роль принадлежала модели социального рыночного хозяйства, основные принципы функционирования которого сформулировал руководитель Фрайбургской школы Валтер Ойкен. Его первым конституирующим принципом является частная собственность. К следующему принципу относится конкуренция без монополий. В. Ойкен писал: «Частная собственность на средства производства является предпосылкой конкуренции, так же как конкуренция предпосылкой того, чтобы частная собственность на средства производства не вела к нарушениям в социально-экономических областях». Конкуренцию неолибералы рассматривают как самую совершенную форму рыночных отношений. Третьим важным элементом или инструментом рассматриваемой модели рыночного хозяйства является принцип свободного ценообразования. С ним связываются прежде всего установление правильных народнохозяйственных пропорций, темпы экономического роста, справедливое распределение созданной продукции. Этот принцип призван выполнять координирующую функцию в доктрине неолибералов. К четвертому принципу функционирования модели социального рыночного хозяйства относится стабильность денежного обращения. Этот принцип, по мнению неолибералов, может

быть осуществлен с помощью денежно-кредитной политики. Пятым принципом является экономическая самостоятельность и ответственность предпринимателей, что означает выполнение ими определенных обязанностей как в области экономики, так и политики. В хозяйственной деятельности они должны соблюдать требования принятых государством законов и выполнять обязательства перед клиентами, неся наказание за несоблюдение условий договоров. Завершающий принцип функционирования модели социального рыночного хозяйства связан с ролью государства. Неолибералы отказались от нейтральности государства по отношению к экономическому процессу.

Послевоенные экономические реформы Людвига Эрхарда были основаны именно на модели социального рыночного хозяйства. При этом введение этой модели произошло в довольно короткие сроки, где-то в течение 500–600 дней, после чего заработал его механизм при взаимодействии всех его инструментов. Именно комплексное взаимодействие всех инструментов механизма рыночной экономики обеспечило дальнейший успех экономического развития, получившего название «экономического чуда».

«Экономическое чудо» Германии 50-х годов было связано не только с быстрым ростом экономики, но и не менее быстрым улучшением уровня жизни населения. Реальная заработная плата росла в течение всего времени с начала экономической реформы темпами, превышающими 5% в год. Государство взяло на себя не только тяжесть форсирования инвестиционного процесса, но и заботу о социальных нуждах. В частности, в значительной мере именно государство осуществляло расходы на социальное жилищное строительство. В 1958 г. социальные расходы на душу населения увеличились в 2,5 раза. Оценивая «экономическое чудо» в Западной Германии 50-х годов, нужно иметь в виду и такие факторы, как сохранение значительного производственного потенциала, приток рабочей силы из Восточной Германии, а также то, что административно-командная система в Германии существовала лишь 12 лет, и то, что была существенная поддержка иностранного капитала в первые послевоенные годы.

В начале 60-х годов в ФРГ стали раздаваться робкие критические голоса и в адрес экономической политики государства, и в адрес неолиберальной доктрины. В середине 1966 г., когда стало ясно, что над западногерманской экономикой нависли грозовые тучи, монополистический капитал решил отстранить канцлера ФРГ Л. Эрхарда и призвать новое «сильное» правительство, которое получило название «большой коалиции». В немецком научном мире к ошибкам экономической политики правительства, главным образом в области фи-

нансов, добавляли ошибки Центрального банка (Бундесбанка), осуществлявшего кредитные рестрикции в течение 1965 и 1966 гг. В банковской сфере, напротив, считали кредитную политику Бундесбанка правильной реакцией на неверную финансовую политику государства, которую наряду со структурными кризисами относили к основной причине экономических трудностей. В сфере бизнеса главную причину падающих темпов роста и надвигающегося спада объясняли ростом расходов на заработную плату. В результате такого диагноза предлагались следующие мероприятия: наделение государства инструментарием антициклической политики в духе неокейнсианских идей; отмена рестриктивной политики Бундесбанка и переход к политике «тяжелых денег»; изменение структурной политики и, наконец, в объединенном хоре правительственных кругов и предпринимателей лейтмотивом звучало наступление на заработную плату трудящихся и социальные расходы. В некоторых указанных выше рецептах был определенный резон. Действительно, экономическая политика Эрхарда и кредитная политика Бундесбанка страдали существенными пороками, они, безусловно, ускорили наступление кризиса.

Но главная причина экономического кризиса 1966–1967 гг. лежит в самих условиях капиталистического воспроизводства, циклический характер которого обусловлен противоречиями между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Последнее, в свою очередь, проявляется в противоречиях между организованностью концернов и отсутствием рациональной организации в масштабах всей экономики в целом (микро- и макроэкономика). Существуют также противоречия между первым и вторыми подразделениями общественного производства, а также между производством и потреблением, трудом и капиталом и т. п. Эти противоречия ведут к нарушению процесса воспроизводства, диспропорциям, одной из форм проявления которых были и до сих пор остаются циклические кризисы перепроизводства. Со стороны монополий и государства в интересах усиления конкурентоспособности и увеличения прибыли делаются попытки смягчить противоречия между производством и потреблением. Промышленные монополии налаживают собственную сбытовую сеть, непосредственно связанную с производством. Торговые концерны со своей стороны приобретают промышленные предприятия. На сглаживание противоречий между производством и платежеспособным спросом направлен целый ряд государственных мероприятий. При этом основной упор делается на собственное участие государства в формировании платежеспособного спроса. Государство перераспределяет национальный доход, увеличивает свою до-

лю в платежеспособном спросе, воздействует на спрос, идущий со стороны заграницы.

Периодичность экономических кризисов и циклический характер процесса воспроизводства теснейшим образом связаны с кругооборотом капитала. Циклический кризис перепроизводства проявляется, в частности, в нарушениях кругооборота капитала как во времени, так и в пространстве: нарушаются метаморфозы всех форм капитала (денежной, производительной и товарной), сокращаются инвестиции, спрос на рабочую силу, падает производство из-за отсутствия перспектив реализации произведенной продукции. Западные экономисты признают цикличность капиталистического воспроизводства, но отождествляют это понятие с колебаниями темпов роста. Так, один из ведущих экономистов ФРГ профессор Г. Гирш говорит о наличии в Западной Германии множества экономических циклов с продолжительностью от 4 до 5 лет, имея в виду периоды колебаний темпов роста[1]. Причины цикличности воспроизводства он видит в несовпадении спроса и предложения, а отсюда и регулирование спроса является, по его мнению, достаточным средством для преодоления цикличности. Вместе с тем экономический цикл профессор Г. Гирш рассматривает как колебание в росте заказов, производительности, росте заработной платы, потреблении, ценообразовании. Следовательно, цикличность в его понимании не связана с противоречиями капиталистического процесса воспроизводства и анализ особенностей кругооборота капитала подменяется им и другими немецкими экономистами констатацией колебания конъюнктуры. Не случайно они пишут именно о «циклах конъюнктуры». Естественно, что циклический кризис у западных экономистов (чаще они употребляют термины «спад», «рецессия») — это лишь переход к понижательной тенденции роста. В этом случае ставятся на одну доску действительно циклические, частичные и промежуточные кризисы с колебаниями темпов роста. Конечно, колебания темпов роста — интересное явление, заслуживающее внимания и изучения. Они тоже носят, как показывает практика, регулярный характер. Однако нельзя забывать, что такие колебания темпов роста отнюдь не новое явление. Они имели место и в прошлом, и в цикле 20-х годов XX века. В ходе любого экономического цикла в фазе подъема происходили и происходят такие колебания. Марксистская теория всегда подчеркивала, что для капитализма характерно расширенное воспроизводство, при котором каждый подъем нового экономического цикла начинается с преодоления

[1] "Mitteilungen der deutschen Genossenschaftskasse", Juli 1976. S. 185.

пика предыдущего цикла. Итак, в длительной тенденции капиталистическое воспроизводство характеризуется экономическим ростом. Вместе с тем в ходе капиталистического воспроизводства она различает два типа колебаний: циклический, от одного кризиса перепроизводства к другому, и в течение цикла — бóльшие и мéньшие темпы роста. Кругооборот капитала всегда происходит неравномерно. Порой эта неравномерность выражается в довольно резких колебаниях темпов роста. Все же колебания в темпах роста нельзя ставить на одну доску с переходом от роста к абсолютному падению производства. Ибо здесь имеет место переход от количества к качеству. В первом случае, несмотря на неравномерность роста, кругооборот капитала осуществляется во всех формах и происходят метаморфозы всех его форм. Во втором случае происходит заминка в кругообороте капитала во времени и пространстве, нарушаются и частично вообще не осуществляются метаморфозы его различных форм. В результате этого не только приостанавливается процесс расширенного воспроизводства, но не осуществляется и простое воспроизводство. Во время циклических кризисов воспроизводство происходит, по сути дела, на суженной основе, и это есть тот качественный момент, отличающий падение темпов роста, происходящих в рамках непрерывно расширенного воспроизводства, от абсолютного падения воспроизводства, когда временно не обеспечивается и простое воспроизводство. Падение темпов роста, причем в отдельных отраслях, может выражаться в частичных кризисах. Наряду с этим существует принципиальное отличие циклических кризисов от частичных. Так, в ходе первого послевоенного цикла в ФРГ имели место три частичных экономических кризиса (1952–1953 гг., 1958 г., 1963 г.) В 1952–1953 гг. падение производства наблюдалось в течение нескольких месяцев преимущественно в традиционных старых отраслях, таких, как добывающая промышленность, металлургия, машиностроение и текстильная.

Второй частичный кризис наступил в 1958 г. Падение производства, происходившее тоже в течение нескольких месяцев, охватило на сей раз отрасли, на которые приходилось около 40% промышленного производства. В числе этих отраслей оказались опять-таки добывающая промышленность, металлургия, машиностроение и текстильная, а кроме того, судостроение и транспорт. В определенной мере кризис затронул и сферу обращения. Однако он не был всеобщим. Рост промышленного производства продолжался в отраслях, на которые приходилось более 60% продукции, что перекрыло падение в других отраслях. Выход из этого кризиса в немалой степени был связан с интеграционными процессами. Создание в 1957 г. в соответствии с Римским догово-

ром Общего рынка расширило экспортные возможности немецкой экономики и стимулировало внутреннее производство.

Частичный кризис 1963 г. характеризовался вновь падением производства в традиционных отраслях: угольной промышленности, металлургии, машиностроении и судостроении. Для выхода из этого кризиса большую роль сыграла роль заграничных заказов в связи с благоприятным развитием мировой конъюнктуры.

Таким образом, все частичные кризисы в ФРГ носили локальный и отраслевой характер. В основе всех трех частичных кризисов лежали главным образом структурно больные отрасли и поэтому они были одновременно и структурными кризисами. Все это время наблюдался постоянный рост в таких отраслях, как автомобилестроение, химия, нефтехимия, электротехника, производство строительных материалов. Всем трем частичным кризисам перепроизводства предшествовали снижающиеся темпы роста валового национального продукта и промышленного производства. Такие периоды снижающихся темпов роста имели место в 1950–1952 гг., 1956–1958 гг. и 1961–1963 гг. В то время как снижение темпов роста происходило регулярно в течение трех лет, периоды повышения темпов роста сокращались: от трех лет (1953–1955) после первого частичного кризиса до двух лет (1959–1960) после второго частичного кризиса и, наконец, до одного года в 1964 г. после третьего частичного кризиса.

Особенностью экономического кризиса 1966–1967 гг. является то, что в ФРГ это был первый послевоенный циклический кризис общего перепроизводства, тесно переплетенный со структурным кризисом ряда так называемых традиционных отраслей и кризисом экономической политики государства. За весь период кризиса (примерно с июля 1966-го по август 1967 г.) индекс промышленного производства был ниже предыдущего соответствующего периода на 3%. Циклическому кризису 1966–1967 гг. предшествовал длительный период промышленного роста, равного которому не было в истории Германии. В 1955–1965 гг. промышленное производство выросло в ФРГ в два раза, но оно характеризовалось не увеличивающимися, а затухающими темпами роста. Так, за период с 1950 по 1955 г. промышленное производство выросло на 70%, за период с 1955–1960 гг. — на 40%, а с 1960–1965 гг. — на 32%. Затухающие темпы экономического роста сыграли роль своеобразного амортизатора при наступлении циклического экономического кризиса общего перепроизводства.

Отличительной особенностью кризиса явилось и то, что он протекал в условиях невиданной до сих пор внешнеэкономической экспансии. Активное сальдо торгового баланса составило в 1966 г. 8 млрд ма-

рок, а в 1967 г. превысило 16,9 млрд марок. Внешнеторговая экспансия расширяла рамки реализации продукции, увеличивала ликвидность предприятий и банков, сдерживало падение на внутреннем рынке, сглаживало противоречия между производством и внутренним платежеспособным спросом. При среднемесячном сокращении внутренних заказов во время кризиса, близком к 10%, внешние заказы показывали рост, превышающий 10%. В период кризиса неиспользованные мощности в промышленности колебались в пределах от 25 до 30%, а в строительстве недогрузка производственных мощностей составляла 40%. Достаточно сказать, что в 1965 г. производственные мощности промышленности использовались в ФРГ на 90%, а в 1964 г. даже на 95%. Нежелание расширять инвестиции в основной капитал выразилось в том, что впервые после Второй мировой войны льготные амортизационные списания в течение 1967 г. немецкими компаниями почти не были использованы. В 1967 г. прирост реального капитала предприятий был на 13% меньше, чем в 1966 г. Особенно тяжело кризис отразился на строительстве, капиталовложения в котором в 1967 г. сократились в два раза больше, чем в промышленности. Запасы промышленных предприятий сократились по сравнению с 1966 г. на 8,7%.

Своеобразие циклического кризиса производства 1966–1967 гг. проявилось и в движениях цен. Здесь в послевоенный период вплоть до середины 1966 г. в ФРГ в целом наблюдался медленный рост цен. Этот рост прерывался лишь во время частичных кризисов. В ходе циклического кризиса индекс оптовых цен промышленных товаров не показал увеличения. Что касается розничных цен, то они продолжали расти. Резко замедлился процесс капиталовложений. Не миновали циклический кризис ФРГ волна банкротств и безработица.

8.2. Второй послевоенный экономический цикл (1967–1975)

После первого послевоенного экономического кризиса в 1966–1967 гг. к власти пришла «большая коалиция» ведущих партий страны — ХДС/ХСС и СДПГ. На посту федерального канцлера Людвига Эрхарда сменил Кизингер, вице-канцлером и министром иностранных дел от СДПГ стал Вилли Брандт, а министром экономики — Карл Шиллер (от СДПГ). Влияние социал-демократов на формирование экономической политики оказалось очень значительным и выразилось в важных нововведениях. Прежде всего это относится к принятию в 1967 г. Закона «О содействии стабилизации и экономическому росту». При К. Шил-

лере вводится среднесрочное пятилетнее скользящее планирование, которое было чревато превращением в программирование и планирование (аналогично ППБ, применяемому в США). Шиллер приступил к усилению регулирующей роли государства при включении неокейнсианских инструментов. Вместо социального рыночного хозяйства он предложил новый термин «просвещенное рыночное хозяйство». Появилось и стало популярным такое понятие, как «глобальное регулирование». В неокейнсианском духе К. Шиллер ввел лозунг: «Конкуренция — насколько возможно, планирование — насколько необходимо». К. Шиллеру принадлежит идея «концертного действия» (взаимодействие между правительством, предпринимателями и профсоюзами) при осуществлении экономической политики. Однако она сохранилась и после ухода ХДС/ХСС в оппозицию в конце 1969 г., когда «большая коалиция» прекратила свое существование, а социал-демократы создали коалицию со свободными демократами, которая просуществовала до 1982 г. Кейнсианскими методами экономического регулирования социал-демократам удалось при «большой коалиции» вывести страну из циклического экономического кризиса в 1966–1967 гг. Однако серьезные испытания для социал-демократов произошли в середине 70-х годов.

Во-первых, пост канцлера в 1974 г. потерял Вилли Брандт. Вместо него канцлером стал Гельмут Шмидт. Во-вторых, в 1974–1975 гг. наступил мировой экономический кризис. Ко всему этому противоречия в СДПГ привели к тому, что К. Шиллер вышел из СДПГ и не провел до конца свои идеи в экономической политике. Второй экономический цикл в ФРГ характеризуется переходом от экстенсивного к интенсивному пути развития. Не менее важным явлением во время данного цикла является восстановление синхронности мирового экономического цикла.

Фазы депрессий и оживлений были очень короткими. И уже в 1968 г. начался подъем, который продолжался три года. В 1971–1972 гг. страна вновь пережила частичный экономический кризис. Хотя до кризиса общего перепроизводства не дошло, но этот кризис был гораздо более широким по отраслевому охвату, чем прежние частичные кризисы, а поэтому может быть отнесен к промежуточному. Он вышел за рамки структурного кризиса. К тому же он имел еще одну особенность, отличавшую его от всех предыдущих кризисов. Эта особенность заключается в большом инфляционном росте цен, не имевшем еще такого размаха в ФРГ даже в период быстрых темпов экономического роста.

С середины 1972 г. начался выход из промежуточного кризиса, и экономические показатели за весь год были лучше, чем в 1971 г.

В 1973 г. происходило дальнейшее наращивание темпов производства, но еще быстрее развивались инфляционные процессы. «Стагфляция» перешла в так называемую «бумфляцию». Государство включило все возможные рычаги, направленные на борьбу с инфляцией, что, в свою очередь, давило на экономическую конъюнктуру. В 1974 г. начался новый кризис общего перепроизводства, который продолжился в 1975 г. и завершил второй послевоенный экономический цикл. Второй послевоенный цикл имел ряд особенностей, отличавших его от предыдущего цикла.

Во-первых, неолиберальная доктрина, господствовавшая в теории и практике вплоть до циклического кризиса 1966–1967 гг., уступила место неокейнсианству. В результате заработала иная модель рыночного хозяйства. Она сохранила ряд прежних условий (неприкосновенность частной собственности, экономическая самостоятельность предпринимателей), модернизировала другие (конкуренция, ценообразование, денежно-кредитная политика) и ввела новые элементы: политику сознательного форсирования постоянного и равномерного экономического роста и так называемое глобальное регулирование, включающее в себя как краткосрочную антициклическую политику с разнообразным инструментарием, так и среднесрочное и долгосрочное индикативное планирование.

Второе существенное отличие от предыдущего цикла заключалось в переходе от экстенсивного к интенсивному пути развития. В 1950-е гг. примерно 50% прироста промышленной продукции было обусловлено ростом занятости и инвестиций, связанных с созданием дополнительных рабочих мест. Во втором цикле главным и почти целиком определяющим фактором экономического роста становится производительность труда. Переход от экстенсивного к интенсивному пути развития характеризовался усилением процесса накопления капитала. Лишь в конце цикла приостановилась тенденция к росту доли валовых накоплений в ВНП. Роль валовых накоплений происходила за счет амортизационных отчислений. Если в 1965 г. доля амортизации составляла 37,9% валовых инвестиций ФРГ, то в 1973 г. — 46,1%, а в 1975 г. она поднялась до 65%. Особенностью использования амортизационного фонда во втором экономическом цикле было то, что увеличивалась доля расходов на выбытие оборудования. К концу цикла суммы амортизационных списаний и выбытий почти совпали. Тогда как в первом послевоенном цикле значительные размеры амортизационных фондов использовались на расширение основного капитала.

Во втором цикле одновременно с ростом амортизаций в инвестициях сокращался удельный вес нераспределенных прибылей и заем-

ного капитала. Поэтому если принять во внимание только чистое накопление, то для всего цикла было характерно падение его удельного веса в национальном доходе.

До начала 1970-х гг. в валовых инвестициях ФРГ росла доля оборудования (с 36,8% в 1960 г. до 39,4% в 1970 г.). Однако во время промежуточного кризиса 1971–1972 гг. соотношение стало меняться в пользу строительства (в 1973 г. на долю оборудования приходилось 35,4% валовых капиталовложений), главным образом жилищного. Эта тенденция сохранялась до начала циклического кризиса 1974–1975 гг. Жилищное строительство было важным фактором экономического подъема во втором послевоенном цикле. Если исключить жилищное строительство, то норма валовых накоплений для данного цикла обнаружит не рост, а падение. Отраслевая структура капиталовложений во втором послевоенном цикле характеризовалась изменениями в пользу строительства, транспорта, связи и торговли. Медленнее росли инвестиции в добывающей промышленности, а также в сельском хозяйстве.

Следующей особенностью второго послевоенного цикла явились изменения в его материальной основе. После промежуточного кризиса 1971 г. почти прекратился прирост капиталовложений в реальном выражении. Даже в 1973 г., когда в промышленно развитых капиталистических странах наблюдался синхронный подъем производства и валовые капиталовложения выросли в среднем на 7,8%, в ФРГ они увеличились всего на 1%. Экономика страны попала в кризис после почти пятилетнего отсутствия реального роста капиталовложений. Вялость инвестиций внутри страны в некоторой степени компенсировалась прямыми вложениями заграницей, что означало перенос части производства зарубеж. С 1971–1975 гг. прямые капиталовложения концернов ФРГ заграницей составили 25 млрд марок, что превысило размеры их иностранных инвестиций за все предыдущие годы. Общая сумма капиталовложений ФРГ заграницей достигла к концу 1975 г. 40 млрд марок.

Отсутствие прироста внутренних реальных инвестиций отразилось на состоянии основного капитала в стране, замедлив, но не приостановив его увеличения. Если в 1950-е гг. темпы ежегодного возрастания основного капитала составляли 5,2%, а в 1960-е гг. — 6%, то с 1971–1975 гг. — 4,85%. Следовательно, несмотря на изменения в материальной основе цикла, связанные с отсутствием массового обновления основного капитала после кризиса 1966–1967 гг., а также с обесценением основного капитала во время этого циклического кризиса, производственные мощности расширялись довольно равномерно.

Следующее существенное отличие второго цикла от первого заключалось в возросшей роли государственного регулирования. В 1969 г. блок ХДС/ХСС, формировавший правительство в течение 20 лет, ушел в оппозицию не без влияния циклического кризиса 1966–1967 гг. К власти пришли социал-демократы. Для экономической политики это означало усиление государственного регулирования на макроэкономическом уровне. Впервые в истории ФРГ правящая партия стала разрабатывать долгосрочные цели и ориентиры экономического развития страны на десятилетия. Еще при «большой коалиции» в 1967 г. в разгар кризиса был принят закон о содействии экономическому росту с большим арсеналом орудий и средств государственного воздействия на ход экономического развития.

Наконец, особенностью второго послевоенного цикла было восстановление синхронности мирового цикла в фазе подъема. Это совпало с развалом Бреттон-Вудской валютной системы и переходом от строго фиксированных пределов колебаний валютных курсов к «плавающим» курсам. Возросло значение глобальных проблем (транспортные, сырьевые, энергетические вызовы, защита окружающей среды и т.п.), которые наряду со структурными кризисами стали оказывать огромное влияние на ход воспроизводства капитала и экономического цикла.

В этих условиях в 1974–1975 гг. разразился мировой экономический кризис, который завершил в ФРГ второй послевоенный цикл. Он характеризовался тем, что в ходе его протекания циклический кризис общего перепроизводства сочетался с нециклическими кризисами (структурным, валютным, энергетическим, кризисом государственно-монополистического регулирования). Он охватил сферу производства и обращения, в нем переплелись внутренние и внешние экономические факторы, отразились многообразные социально-политические противоречия капитализма. Таким образом, по широте охвата данный экономический кризис в ФРГ не имел себе равных в послевоенный период.

Охарактеризуем основные черты и формы проявления второго послевоенного циклического кризиса общего перепроизводства.

Во-первых, — это абсолютное падение производства. В 1974 г. промышленное производство сократилось на 2%, а в 1975 г. — на 6,2%. Если в 1974 г. все же были еще отрасли, в которых происходил прирост продукции (железорудная, химическая, электротехническая и пищевкусовая), то в 1975 г. сокращение производства было всеобщим. Впервые за послевоенный период произошло сильное падение (на 13%) производства продукции химической промышленности. В отно-

шении этой отрасли определенную роль сыграло резкое повышение цен на нефть. Энергетический кризис усилил трудности в текстильной промышленности (выпуск синтетической пряжи), в автомобилестроении, а кроме того, затронул нефтехимию и общее машиностроение. С другой стороны, он создал стимул для оживления давно находившихся в структурном кризисе угольной и сталелитейной промышленности, так что их сокращение было меньше. На машиностроение и автомобилестроение, а также на электротехнику наряду с внутренними факторами большое влияние оказало сокращение экспорта в связи с мировым характером кризиса. Если раньше во время кризисов внешние рынки служили «амортизатором», то в 1975 г. отрасли с большой экспортной квотой оказались в худшем положении. Примером может служить автомобильная промышленность, которая более половины продукции реализует заграницей.

Второй чертой циклического кризиса явилось сокращение капиталовложений и рост неиспользуемых производственных мощностей. В 1974 г. реальные инвестиции в основной капитал сократились на 9,9% и в 1975 г. еще на 4,2%. Сжатие инвестиционной деятельности было обусловлено не только внутренними и внешними факторами. Рестрикционный курс правительства и Центрального банка, направленный на борьбу с инфляцией, сузил базу заемных средств внутри страны, а валютный кризис и высокие ставки на международном рынке капиталов ограничили возможности привлечения ссудного капитала из-за границы.

Наряду с сокращением капиталовложений упала загрузка производственных мощностей. В 1973 г. загрузка производственных мощностей в обрабатывающей промышленности составляла 91,7%, в 1974 г. — 87,6%, а в 1975 г. — только 80,4%. Чтобы реально представить значение этого фактора, достаточно сказать, что 10%-ное сокращение использования наличного основного капитала отрицательно отразилось на производстве больше, чем падение новых инвестиций.

Третий признак общего кризиса перепроизводства — сокращение заказов. В 1975 г. они абсолютно сократились в обрабатывающей промышленности на 1,9%. При этом целиком за счет внешних заказов, которые уменьшились на 12,5% при небольшом росте внутренних (3,2%). Следовательно, и здесь видны следы восстановленной синхронности мирового цикла. В результате впервые после Второй мировой войны сократился экспорт товаров в ФРГ в 1975 г. на 13% по сравнению с 1974 г. (импорт вырос на 2%). Это нашло свое отражение в сокращении доли ФРГ в экспорте стран ОЭСР с 17% в 1974 г. до 16% в 1975 г.

Четвертой чертой циклического кризиса было сокращение запасов. Изменение запасов является хорошим индикатором конъюнктуры. В фазе оживления и подъема они расширяются, а в фазе кризиса, наоборот, сокращаются. В кризисном 1975 г. запасы сократились на 3,3 млрд марок, что обусловило уменьшение ВВП на 2%.

Важной особенностью циклического кризиса 1974–1975 гг. в ФРГ явилось усиление внешнеэкономической экспансии. За два кризисных года активное сальдо торгового баланса составило 88 млрд марок, т. е. больше, чем за четыре предыдущих года. Правда, пассивы по другим статьям платежного баланса, включая движение капиталов, превысили актив торгового баланса и в целом платежный баланс оказался пассивным впервые в 70-е годы. В 1974 г. пассив составлял 1,9 млрд марок, а в 1975 г. — 2,2 млрд марок.

Отличительной чертой циклического кризиса 1974–1975 гг. было усиление инфляционных процессов. Если во время первого послевоенного циклического кризиса 1966–1967 гг. отмечалось, что впервые при кризисе не произошло падения цен, то на сей раз они подскочили и превысили темпы предшествующих лет подъема. Это ярко выраженная стагфляция. В 1974 г. стоимость жизни возросла на 7%, а в 1975 г. — еще на 6%. Таким образом, кризис нанес сокрушительный удар по неокейнсианской модели регулирования, практиковавшейся правительством «малой коалиции» на протяжении всего второго послевоенного экономического цикла.

Мировой экономический кризис 1974–1975 гг. показал неэффективность конъюнктурных программ, и они больше с тех пор в практике государственного регулирования (до осени 2008 г.) ФРГ не применялись. Кейнсианские методы не подходили для решения структурных, глобальных проблем, получивших особое значение с конца 1970-х гг. Поэтому стал происходить постепенный демонтаж кейнсианской модели регулирования экономики. Разногласия в «малой коалиции» обострились до предела и в результате она развалилась.

8.3. Третий послевоенный экономический цикл (1975–1982)

Особенностью третьего послевоенного экономического цикла в ФРГ стало то, что он протекал в рамках восстановленного мирового экономического капиталистического цикла и как составная часть последнего. Отличительные черты национальных циклов на этот раз прояв-

лялись на фоне общих закономерностей развития фаз во времени и пространстве, прежде всего в Западно-Европейском регионе.

После мирового экономического кризиса 1974–1975 гг. страны Западной Европы в течение двух лет проходили фазы депрессий и оживлений. И лишь в 1978 г. им удалось превзойти предкризисный максимум и тем самым вступить в фазу подъема. Эта фаза продолжалась в 1979–1980 гг. Поскольку экономика США уже в 1980 г. вступила в экономический кризис, то это означало, что весь капиталистический мир втягивался в очередной циклический кризис перепроизводства. Разновременность наступления экономического кризиса в капиталистических странах — обычное явление для мировых кризисов начиная с 1857 г. Синхронность мирового цикла определяется совпадением фазы кризиса у различных стран вне зависимости от времени начала, продолжительности и завершения этой фазы. Синхронность западноевропейского экономического цикла проявилась в том, что все страны континента, включая и ФРГ, прошли фазу подъема и при этом значительно сблизилась амплитуда колебаний темпов роста по сравнению с подъемом накануне второго экономического кризиса 1974–1975 гг.

ФРГ всегда играла ведущую роль в экономике стран Общего рынка, и ход воспроизводства капитала в ней в значительной мере определял характер экономического цикла в Западной Европе. Низшая точка падения промышленного производства в ФРГ была пройдена в июле 1975 г., после чего кривая пошла вверх, достигнув и превысив уровень соответствующего месяца предыдущего года и завершив тем самым фазу депрессии. Таким образом, фазе депрессии было характерно прекращение падения производства по отношению к низшей точке кризиса, но в целом еще топтание на месте.

В 1976 г. началось оживление, когда производство превзошло уровень предыдущего года и двигалось к пику предшествующего цикла (ноябрь 1973 г.). Оживление в ФРГ началось раньше, чем в других западноевропейских странах, что способствовало укреплению ее позиций в ЕС. Наконец, в 1977 г. экономика ФРГ, пройдя высшую точку предыдущего цикла, вступила в фазу подъема опять-таки несколько раньше других стран Западной Европы. В отличие от предыдущего цикла фазе подъема предшествовали довольно длительные фазы депрессии и оживления, а сам подъем шел в замедленном темпе. По темпам роста сфера материального производства, соответствовавшая среднему европейскому уровню в ФРГ вплоть до вступления в фазу нового экономического кризиса, значительно уступала не только Японии, но и США. Это означало, что ФРГ плохо справлялась с ролью одного из локомотивов в мировом капиталистическом хозяйстве.

Однако в денежной и валютной сферах, в области внешней торговли и экспорта капиталов ФРГ выгодно выделялась на фоне своих основных конкурентов. Важным событием для укрепления ее роли и места в Западной Европе было завершение создания зоны свободной торговли промышленными товарами и образование Европейской валютной системы (ЕВС). В корзине новой валюты ЭКЮ одна треть приходилась на западногерманскую марку. Отмена пошлин с 1 июля 1977 г. в торговле с 16 странами Западной Европы затронула 60% внешнего товарооборота ФРГ (до этого в рамках ЕЭС — 50%). Вступившая в силу с марта 1979 г. ЕВС укрепила позицию ФРГ в Общем рынке. В 1980 г. вступил в силу в валютной сфере «план Делора», который был рассчитан на трехэтапную реформу в Европейской валютной системе.

Длительность фаз депрессии и оживления после кризиса 1974–1975 гг., а также вялость подъема обусловлены тем, что экономическое развитие ФРГ в Западной Европе в целом в третьем экономическом цикле базировалось преимущественно на потребительском спросе, в то время как корпоративные инвестиции вплоть до 1978 г. показывали лишь незначительное увеличение. В 1977 г. из 2,8% прироста ВВП в ФРГ на рост личного потребления приходилось 1,7%, а в 1978 г. — соответственно 2,7 и 1,9%. Рост капиталовложений начался лишь в конце 1978 г. и продолжился в 1979 и 1980 гг.

Таким образом, первую половину в своем пути третий экономический цикл прошел, опираясь главным образом на личный потребительский спрос и увеличение загрузки производственных мощностей. Рост ВВП происходил большей частью за счет продукции второго подразделения общественного производства. Вторая половина пути характеризовалась уже ростом частных капиталовложений и первого подразделения общественного производства. В начале 1980 г. в экономике страны обнаружились противоречия между узкими рамками платежеспособного спроса и возможностями производства.

Важной особенностью третьего экономического цикла в ФРГ и Западной Европе стало существенное ухудшение условий воспроизводства капитала, которое нашло свое выражение в падении нормы прибыли, нормы накопления и темпов роста инвестиций. Роста прибылей монополистический капитал добился путем мероприятий по рационализации, давших ему экономию как на основном, так и на оборотном капитале.

Доля валовых накоплений ВВП ФРГ, которая увеличивалась в 1950-е и 1960-е гг., после мирового экономического кризиса 1974–1975 гг. падала вплоть до 1980-х гг. Если исключить жилищное строительство,

то падение удельного веса валовых накоплений ВВП прослеживается с середины 1960-х гг. Поскольку до мирового экономического кризиса норма накоплений росла, то и инвестиции в основной капитал увеличивались быстрее ВВП. После кризиса 1974–1975 гг. в Западной Европе, и в частности в ФРГ, происходило отставание роста валовых инвестиций от увеличения ВВП.

Существенные изменения наблюдались в технологической структуре капиталовложений: увеличивался удельный вес инвестиций в оборудование при сокращении вложений в здания и сооружения. Это важный показатель изменения конъюнктуры. Известно, что инвестиции в здания и сооружения более чувствительны к приближению кризиса.

Что касается воспроизводственной структуры, то имевшая место с 1970 г. тенденция к сокращению доли инвестиций на расширение основного капитала (1970 г. — 55%, а с 1975 г. — 25%) в пользу затрат на возмещение выбывшего оборудования и модернизацию тоже изменилась в 1979 г. В значительной мере это связано с повышением загрузки производственных мощностей до официально признанной нормы 85%, что выявило потребность в расширении основного капитала. В воспроизводственной структуре капитала более чувствительны к смене фаз цикла инвестиции, предназначенные для расширения капитала, а не для обновления и рационализации. Нельзя не видеть важные изменения в материальной основе третьего экономического цикла в Западной Германии.

Во-первых, не происходило массового обновления взрывного характера. Во-вторых, в условиях кризиса нет обесценения основного капитала, как прежде, в форме падения цен. В-третьих, сократился удельный вес новых инвестиций в общей массе основного капитала. В-четвертых, изменения в использовании производственных мощностей играли бóльшую роль для экономического цикла, чем новые капиталовложения. Повышение загрузки производственных мощностей на 5–6% равнозначно удвоению суммы годовых капиталовложений. Таким образом, циклический характер капиталистического производства проявляется не столько в колебаниях инвестиций, сколько в степени использования новейших мощностей. Переориентация капиталовложений в третьем цикле на модернизацию привела к снижению роста производительности труда и увеличению безработицы. Если в 1963–1973 гг. среднегодовые темпы роста производительности труда в ФРГ составляли 4,6%, то в 1973–1980 гг. — только 3,1%.

Экстенсивные факторы экономического развития, которые в первые десятилетия после Второй мировой войны играли существенную

роль (прирост занятости и увеличение инвестиций, связанных с созданием дополнительных рабочих мест), в третьем цикле сведены к минимуму.

В целях оживления инвестиционного процесса государство усилило внимание к субсидированию ряда сфер экономики. Доля субсидий в ВВП возросла за 1970-е гг. в два раза. В 1979 г., например, было предоставлено 50 млрд марок в виде субсидий, в том числе промышленности — 13 млрд, жилищному строительству — 8 млрд и для стимулирования сбережений — 7 млрд марок.

Со второй половины 1980 г. ФРГ вступила в новый экономический кризис, завершивший третий послевоенный цикл. ВВП сократился в целом за 1981 г. на 0,6%, промышленное производство — на 1,9%. Внутренние заказы сократились на 1,2%, внешние — выросли на 16,8%, что позволило не только сохранить общий уровень заказов предыдущего года, но даже несколько его превзойти. Наибольший рост заказов пришелся на средства производства, и прежде всего на оборудование. На прежнем уровне сохранились заказы на предметы потребления и резко упали на строительство. Иностранные заказы были связаны в основном с крупными контрактами, заключенными машиностроительными и электротехническими фирмами ФРГ в развивающихся странах (в первую очередь члены ОПЕК) и социалистических государствах. Однако они лишь смягчили, но не предотвратили абсолютного падения производства даже в отраслях электротехнической и машиностроительной промышленности.

Ярким выражением экономического кризиса явилось сокращение валовых капиталовложений и рост неиспользованных мощностей, т. е. их недогрузки. Во время кризиса валовые инвестиции в целом упали на 4,5%, в том числе государственные — на 7%, а частные — в два раза больше. В строительстве капиталовложения снизились на 25%. Наряду с падением инвестиций продолжала возрастать недогрузка производственных мощностей, опустившаяся в обрабатывающей промышленности ниже 80%. Это является существенным показателем кризисного состояния экономики при учете того, что в среднем за период с 1971 по 1980 г. мощности обрабатывающей промышленности использовались на 82%. В строительстве загрузка производственных мощностей упала в 1981 г. до 55%.

Невиданных до сих пор размеров достигла в ФРГ безработица. Число безработных превысило к концу 1982 г. 2 млн человек, или 7,9% общего числа занятых (1 млн в 1980 г., или 4% числа занятых). В бóльшей мере она коснулась молодежи, женщин и иностранных рабочих. Занятость в целом сократилась на 1%. Снизились реальные

доходы наемной рабочей силы. Номинальный рост заработной платы на 4,5% не перекрывал увеличения стоимости жизни на 6%. В результате личное потребление сократилось на 1,5%, что отразилось на отраслях, производящих предметы потребления. Лишь осенью увеличился потребительский спрос и розничный товарооборот. Однако расширение потребительского спроса было связано не с увеличением доходов, а с расходованием сбережений.

Экономический кризис отразился не только на доходах трудящихся, но и на прибылях капиталистов. По официальным данным, номинальные суммы прибылей предпринимателей упали за 1980–1981 гг. на 10%. С учетом инфляции реальное сокращение составило 25%, что не наблюдалось за весь послевоенный период. Такое положение объясняется рядом причин, в числе которых прежде всего рост издержек в результате прямого удорожания нефтепродуктов, так и импорта в целом из-за падения курса марки. Вместе с тем это явилось отражением неэффективности государственно-монополистического регулирования процесса воспроизводства капитала — рестрикционный курс денежно-кредитной политики ударил и по прибылям предпринимателей.

Государство стремилось компенсировать недостаток личного спроса населения и частных инвестиций своими закупками товаров и услуг. В целом государственный спрос, который носил преимущественно потребительский характер, вырос за время кризиса на 2%. Что же касается инвестиций, то они сократились и в государственном секторе. К тому же государственным расходам в условиях кризиса противостояли значительно меньшие суммы налоговых поступлений, что привело к новому послевоенному рекордному дефициту государственного бюджета в размере 75 млрд марок, который превысил дефицит 1980 г. почти на 20 млрд марок. При этом жесткий рестрикционный курс денежно-кредитной политики, выразившийся в установлении высокой учетной ставки, привел к ухудшению условий воспроизводства капитала и углублению кризисных явлений. С мая 1980 г. Бундесбанк держал самую высокую учетную ставку за весь послевоенный период — 7,5% (такая ставка вводилась лишь один раз — в 1970 г. — и продержалась лишь 4 месяца). Важной особенностью экономического кризиса 1980–1982 гг. было падение курса западногерманской марки к доллару США и японской иене. С февраля 1980-го и до середины августа 1982 г. курс марки упал по отношению к доллару на 30,5%, а по отношению к японской иене — на 25,2%.

В третьем послевоенном цикле не удалось справиться со структурной и глобальными проблемами. Более того, их значение возросло. Это говорит о том, что новый экономический кризис вновь характе-

ризовался переплетением циклического и структурных кризисов. Возрастание роли структурных и глобальных проблем в экономическом развитии страны нашло отражение в направлениях буржуазной экономической мысли. В двух предыдущих циклах господствующее положение занимали антициклические доктрины, которые использовались на практике: неолиберальная модель «социального рыночного хозяйства» в первом цикле и неокейнсианская модель «просвященного рыночного хозяйства» — во втором цикле. Неудачи обеих моделей антициклического регулирования привели на практике к их синтезу в третьем цикле, а вернее, к распределению функций между ними. Финансовые методы регулирования базируются на неокейнсианской концепции, а денежно-кредитные — на неолиберальной доктрине. Наряду с этим все бульшее значение приобретает неоинституциональное направление, в центре внимания которого находится долгосрочная структурная политика регулирования отдельных сфер экономики, решение энергетических, экологических и транспортных проблем. Все бульшую заботу данного направления вызывает социальная нестабильность.

Недостаточность инвестиций в некоторые новейшие отрасли, определяющие научно-технический прогресс, медленные сдвиги в структуре энергобаланса в сторону перспективных источников энергии, недостаточно широкое развитие собственной базы НИОКР, отсутствие мер по охране окружающей среды, слабость инфраструктуры, особенно социальной, — вот те проблемы, перед которыми стояла экономика ФРГ в конце третьего экономического цикла. Острота этих проблем во многом была определена политикой государственно-монополистического регулирования, базировавшегося на антициклических моделях и на внешнеэкономической экспансии западногерманских монополий, длительное время использовавших благоприятные условия валютной сферы.

8.4. Четвертый послевоенный экономический цикл (1982–1993)

С осени 1982 г. к власти после 13-летнего перерыва вновь пришли христианские демократы, возглавляемые канцлером Гельмутом Колем, которые вместе с партией СвДП стали проводить неоконсервативный курс, опирающийся на теорию предложения. В публикациях новая коалиция связана с понятием «ренессанса рыночного хозяйства» и ориентацией на теорию предложения. При этом модификация

социального рыночного хозяйства во время четвертого экономического цикла осуществлялась с учетом опыта неокейнсианского «глобального регулирования» 1960–1970 гг. Г. Коль начал со сдерживания чрезмерных государственных расходов, но за 16 лет своего правления ему не удалось добиться в финансовой политике ни бездефицитного бюджета, ни провести комплексную налоговую реформу.

ФРГ закрепила за собой роль локомотива экономического развития Западной Европы. В начале четвертого экономического цикла (в 1983 г.) размер валового внутреннего продукта ФРГ составлял около 10% ОЭСР, уступая только США, на которые приходилось 37,8%, и Японии — 14,2%. Что касается промышленного производства, то на ФРГ приходилось 13% общего объема в странах ОЭСР (США — 36,7% Япония — 15,6%). Во внешней торговле капиталистических стран на нее приходилось 14,8% экспорта и 12,5% импорта стран ОЭСР (США — 17,5% и 22,4%; Япония — 12,8% и 10,4% соответственно). По официальным валютным резервам (включая СДР в МВФ) ФРГ находилась на первом месте среди стран ОЭСР, составляя 20% всех резервов.

В фазе подъема четвертого экономического цикла ФРГ, с вкладом промышленности в ВВП около половины, занимала первое место по эффективности в современном мире (Япония — 2-е место). Находясь по производству стали на душу населения на 4-м месте в мире, она была лидером среди европейских стран по выплавке высококачественной стали с наименьшими затратами (80% ко всему производству стали). Лучше было лишь у Японии — 85%. По производительности труда в этой фазе ФРГ занимала 4-е место в мире после США, Швеции и Канады. Проведенное в 1985 г. Национальным институтом экономических и социальных исследований (Великобритания) сравнительное изучение 45 английских и западногерманских заводов в отношении производительности, технического уровня оборудования и мастерства показало, что в среднем производительность труда в ФРГ была на 63% выше, чем у ее английских конкурентов.

Согласно данным Бундесбанка ФРГ, инвестиции в заводы и оборудование в 1985 г. выросли на 125% по сравнению с уровнем начала 1982 г. Примерно 40% всех инвестиций были направлены на увеличение мощностей, что больше, чем на замену оборудования и рационализацию.

По ориентации на развитие науки и технический прогресс ФРГ в четвертом послевоенном экономическом цикле находилась на третьем месте вслед за Японией и Швейцарией. Немецкие деловые круги придавали наибольшее значение усилиям фирм в производстве новых товаров и оказании новых услуг. По этому критерию страна

находилась на 2-м месте после Японии, а в применении новых технологических процессов, на 3-м месте после Японии и Швеции.

По профессиональному обучению и повышению квалификации ФРГ, согласно проведенным опросам, находилась в этот период на втором месте после Японии, уступая ей менее 2-х пунктов и идя впереди США, Франции, Англии и т. д. В 1980-е гг. каждый четвертый рабочий повышал свою квалификацию и переквалифицировался на предприятии или в учебном заведении вне предприятия. В результате две трети всех рабочих ФРГ официально изначально имели рабочие профессии — вдвое больше, чем в Англии. Важнейшая профессиональная переориентация была и на производстве.

ФРГ показала в этой фазе цикла пример усилий по приватизации. После продажи в 1984 г. акций гигантского энергетического концерна ФЭБА, стоимостью 800 млн марок, что сократило его долю в концерне до 30%, боннское правительство решило продолжить частичную приватизацию на сумму 745 млн марок холдинговой компании ФИАГ в области энергетики, производства алюминия и химических продуктов. Одна из причин денационализации — желание сократить субсидии. Кильский институт мировой экономики утверждает, что сокращение государственных субсидий влечет за собой создание рабочих мест и улучшает положение с общим ростом экономики. Сокращение субсидий на половину создает, по его подсчетам, до миллиона дополнительных рабочих мест и реально увеличивает ВВП на 3%.

Особенностью этой фазы стал процесс объединения Германии в 1990 г., который обошелся ФРГ в полтора триллиона немецких марок. С объединением Германии был преодолен раскол в Европе на два блока, но произошли большие изменения в отношениях между ними. В западной части Европы усилились процессы интеграции, а в восточной, наоборот, были разрушены как СЭВ, так и СССР.

Экономический кризис 1992–1993 гг. завершил четвертый экономический цикл ФРГ.

8.5. Пятый послевоенный экономический цикл (1993–2004)

В ходе пятого послевоенного цикла происходит значительное усиление интеграции в Западной Европе, особенно вглубь. В 1992 г. подписываются Маастрихтские соглашения. В 1999 г. вступает в силу Договор о создании евроленда в составе 12 членов ЕС. На ее территории

появляется новая единая европейская валюта — евро — вначале в безналичном обращении, а с 2002 г. — в наличном. Немецкая марка прекратила свое существование.

Важной особенностью данного цикла является то, что он протекал при существенных изменениях во внутренней и внешней политике руководства страны, связанной со сменой правительства. До 1998 г. правительство возглавлялось по-прежнему канцлером Колем, представлявшим блок партий ХДС/ХСС-СвДП. После того как Колю удалось осуществить в 1990 г. объединение Германии, он позволил себе расслабиться в проведении мероприятий, связанных с экономическими внутренними реформами в стране и внедрением в жизнь критериев Маастрихтских соглашений. Вместе с ним стали ослабевать позиции блока ХДС/ХСС-СвДП. Уход в отставку канцлера Коля при поражении на выборах в 1998 г. означал переход власти к коалиции СДПГ — зеленые во главе с канцлером Герхардом Шрёдером и министром иностранных дел от зеленых Йошкой Фишером. Осенью 2003 г. новая коалиция продлила свое пребывание у власти благодаря прежде всего успеху зеленых[1].

Из обещанных в 1998 г. экономических реформ за шесть лет, вплоть до наступления экономического кризиса, ни одна из них не была завершена. Неудивительно, что правительство Шрёдера в конечном итоге растеряло кредит доверия. К февралю 2004 г. популярность кабинета достигла исторического минимума. Правительство испортило отношения и с верхушкой профсоюзов, не поддержав их в традиционной борьбе за право меньше работать и больше зарабатывать. Стагнацию немецкой экономики остановить не удалось, и количество безработных продолжало медленно, но уверенно расти. В январе 2004 г. впервые за долгий период был зафиксирован нулевой рост экономики. Слабый доллар, соответственно сильный евро также не способствовали выходу ориентированной на экспорт экономике Германии из кризиса. Модель социализма «по-немецки» оказалась недееспособной во время промышленного спада, и вся социальная система страны оказалась под угрозой.

Экономическую политику «красно-зеленых» в пятом экономическом цикле можно оценить следующим образом.

Во-первых, они пытались модернизировать социальное рыночное хозяйство путем усиления государственного регулирования. При этом СДПГ выступала против ренессанса кейнсианских методов государственного регулирования по образцу 1970-х гг., т. е. как было во вто-

---

[1] Deutschland in Zahlen 2003, Köln. S. 111.

ром и третьем экономических циклах при правлении социал-демократов. Они уже не упоминали ранее выдвинутое ими положение «просвещенного либерализма». Вместо этого начался дрейф СДПГ «в правый центр», т. е. в сторону неолибералов и концепции социального рыночного хозяйства Фрайбургской школы. Следовательно, происходила реанимация неолиберальных идей.

Во-вторых, они искали союзников Германии в Европе. Канцлер Г. Шрёдер и премьер-министр Великобритании Т. Блэр публикуют манифест о «третьем пути развития экономики в Европе». Третий путь они обозначают как «новый центр», который отвечает за развитие новой экономики. СДПГ выступает за средние слои, мелкий и средний бизнес. Одновременно укрепились отношения Германии с Францией, особенно в валютной сфере и во внешней политике. На деле это выглядело как образование двух локомотивов в западноевропейском интеграционном процессе. Совместными усилиями они осуществили расширение ЕС с 15 до 25 членов.

В-третьих, социал-демократы пытались в период нынешнего цикла подвести под экономическую политику ряд законодательных актов, к числу которых относятся: «Закон о стабилизации и экономическом росте» (1997), долгосрочная программа «Повестка дня — 2010 г.», федеральный шестилетний финансовый план (2003–2008)[1]. Кроме того, была предпринята попытка завершить ряд реформ, начатых еще при правлении коалиции христианских демократов во главе с Колем. Но она не дала положительных результатов.

Кабинет Шрёдера поддерживал курс на критику спроса и предложения, т. е. на применение неолиберальных и неокейнсианских методов регулирования экономики. Однако в течение трех лет промежуточного экономического кризиса в 2002–2004 гг. Германии не удалось войти в норму Маастрихтских критериев ни по дефициту государственного бюджета в пределах 3% к ВВП, ни по внешнему государственному долгу в рамках 60% ВВП.

Состояние конъюнктуры в конце пятого экономического цикла Германии можно охарактеризовать так.

Преодолев промежуточный экономический кризис 2002–2003 гг., с лета 2004 г. экономика Германии оказалась в фазах депрессии и оживления. В целом за 2004 г. ВВП вырос на 1,6%, преодолев в реальном выражении 2 трлн евро. Это произошло главным образом благодаря удлинению рабочей недели и росту числа отработанных часов на 1,5%. Особую роль, как и прежде, играл экспорт товаров и услуг,

---

[1] "Monatsbericht des Bundesministeriums der Finanzen", August 2004. S. 53.

причем экспорт рос в значительной мере за счет использования запасов. Это касалось как инвестиционных товаров, так и продуктов потребительского спроса. В производстве инвестиционных товаров сократилась доля машиностроения и телекоммуникации. Неблагоприятная обстановка наблюдалась в электронике и производстве мебели. К числу благоприятной ситуации можно отнести промежуточную продукцию и химическое производство.

В строительстве кризис продолжался и в 2004 г. Неблагоприятно развивалась торговля, как оптовая, так и розничная. Несколько сократилось производство услуг, связанных с производством предприятий. Однако возросла занятость, и в декабре 2004 г. число занятых составило 38,6 млн (рост на 0,8%). Квота безработных, достигшая в 2002 г. 10%, к концу декабря 2004 г. оказалась на уровне 11%, а в январе 2005 г., даже 11,4%, в результате чего число безработных превысило 5 млн человек. Важным показателем конъюнктуры являются заказы, ибо они определяют будущее производство. Если 2000 г. принять за 100%, то до 2003 г. они оставались на прежнем уровне и выросли в 2004 г. до 105%, При этом наблюдался лишь рост внешних заказов, который вырос в 2004 г. до 115%, а внутренние находились на уровне 97% по отношению к 2000 г.[1]

Потребительские цены в период почти всего пятого экономического цикла оставались довольно стабильными в пределах, предусмотренных Маастрихтскими соглашениями, хотя и имели место падения на определенные товары и даже рост на промышленные товары, особенно на табак, медикаменты, лечебные аппараты. Росли цены на услуги, особенно медицинские. Цены на сырье после падения в 2001–2003 гг. до уровня 80% от 2000 г. в 2004 г. вернулись на уровень 2000 г. Импортные цены сократились в 2001–2002 гг. и в 2003 г. до уровня 95% от 2000 г. И хотя, росли в 2004 г. под влиянием налогов, все же уровня 2000 г. не достигли. Падали цены и на недвижимость в 2002 и 2003 г. по сравнению с 2000 г. Особенно сокращались цены на товары, бывшие в употреблении, до 95% от уровня 2000 г. и не были дороже 1993 г., т. е. в начале экономического цикла. Новое жилье, включая земельные участки, покупали за те же деньги, что и в конце 1990-х гг. Осенью 2004 г. мировая конъюнктура несколько ухудшилась из-за роста цен на нефть по сравнению с первым полугодием.

Отрицательно на экономику Европы влиял рост курса евро к доллару. В IV квартале 2004 г. немецкий экспорт находился в состоянии

[1] См.: "Monatsbericht der Deutschen Bundesbank", Februar 2005.

стагнации и увеличился всего лишь на 0,5%. Если учесть постоянные цены, то экспорт, по существу, остался на неизменном прежнем уровне. При этом сальдо текущего платежного баланса оставалось положительным с 2001 по 2004 г., что было обусловлено позитивным сальдо торгового баланса, который перекрывал дефицитное сальдо услуг.

В 2004 г. произошли изменения в движении капитала на финансовом рынке. Вновь возросли проценты на долларовые ценные бумаги на рынке капиталов, а также увеличился рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и портфельных инвестиций. Причем на рынке акций интерес заграницы к внутренним акциям Германии упал. Постепенно росли ПИИ Германии за границей, в том числе за счет капиталовложений своих отделений заграницей.

Дефицит государственного бюджета (федерального, земель и общин) в 2004 г. был на уровне 2003 г., когда он достиг пика 70 млрд евро, превысив норму Маастрихта за эти годы на 0,8%. Доходы от налогов на последней стадии реформы подоходного налога не росли.

В европейской денежно-кредитной политике приоритетом была борьба с инфляцией. Основой денежно-кредитной политики, стратегией европейской системы является взаимосвязь денежной массы с ценами в духе монетаризма. На примере пятого экономического цикла в Германии можно видеть, что до 1994 г. рост цен отставал от денежной массы, но в 1994 г., наоборот, рост цен обгонял рост денежной массы. Затем с 1995 г. рост цен опять отстает от роста денежной массы, кроме 2000 г. И наконец, с 2001–2004 гг. рост цен существенно отстает от денежной массы. Важно отметить, что Пакт стабильности и экономического роста не сумел предотвратить промежуточный экономический кризис перепроизводства в 2002–2003 гг.

Для характеристики пятого экономического цикла важно обратить внимание на ежегодное наращивание темпов увеличения заграничных прямых инвестиций Германии. При этом следует иметь в виду, что, несмотря на их быстрый рост, удельный вес ПИИ в общих капиталовложениях страны составил не очень значительную величину. На конец 2002 г. состояние ПИИ Германии в целом характеризовалось 657,7 млрд евро, из которых на Восточную Европу приходилось 39,1 млрд евро, или 5,1%. При этом 27,1 млрд евро, или 4,2%, приходилось на восьмерку новых членов ЕС.

8.6. Шестой послевоенный экономический цикл (с 2005 г.)

Переход к новому экономическому циклу совпал со сменой правительства. Неудачи «красно-зеленой коалиции» в проведении экономических реформ, в том числе неприятие большинством населения жестких мер по дерегулированию рынка труда, обусловили ряд крупных поражений СДПГ на земельных выборах, что побудило Герхарда Шрёдера принять в начале лета 2005 г. решение о досрочных парламентских выборах. Они состоялись в сентябре того же года. Их итогом стало формирование правительства «большой коалиции», в которую вошли блок ХДС/ХСС и партия социал-демократов. Канцлером была избрана Ангела Меркель (ХДС).

Новое правительство Германии сделало упор на продолжение экономических реформ, начатых, но незаконченных прежней коалицией, и на укрепление основ социального рыночного хозяйства. Среди прочего надо отметить отказ от стимулирования экономики с помощью государственных антикризисных программ и субсидирования отраслей. Основные усилия были направлены на улучшение предпринимательского климата и снижение налогового давления на частный сектор, как на предприятия, так и на домашние хозяйства. В 2006–2008 гг. было продолжено реформирование пенсионного страхования и налоговой системы (снижены ставки подоходного и корпорационного налогов), одновременно осуществлялось оздоровление государственных финансов, в том числе путем снижения государственных субсидий. Начало деятельности «большой коалиции» совпало с периодом выхода из кризиса и вступлением в фазу оживления, которая продолжилась в 2006 г. Показатели 2007 г. стали лучшими в социально-экономическом отношении за последние годы. Динамично, хотя и весьма умеренно рос ВВП, в том числе за счет отличной работы основного мотора германского хозяйства — экспорта. Произошел рост валовых капитальных вложений, причем не только в машины и оборудование, но и в жилищное и промышленное строительство. Нормализовалась ситуация в сфере государственных финансов. Если в 2002–2005 гг. дефицит консолидированного бюджета страны превышал 3%, то в 2006 г. он снизился до 1,6%. Удалось также снизить на несколько пунктов государственную квоту — отношение государственных расходов к номинальному ВВП. Все это свидетельствовало о том, что экономика Германии подошла к фазе экономического подъема, который, однако, не произошел в силу многих внешних и внутренних факторов и рисков, которые в полной мере проявились в 2008 г.

Внешние риски были обусловлены мировым финансовым кризисом, в первую очередь кризисными процессами на кредитных и финансовых рынках в США, которые оказали негативное влияние на рост мировой экономики и соответственно на немецкий экспортный потенциал, который вот уже несколько лет находился под существенным давлением дорогого евро. Внутренние риски были связаны с возросшей в 2006–2008 гг. активностью профсоюзов и связанных с этим увеличением зарплаты, а также обострившимися перед выборами 2009 г. как внутри правящей коалиции, так и внутри входящих в нее партий противоречиями относительно содержания социально-экономических реформ. При этом Германия по-прежнему стоит перед необходимостью усиления инновационной составляющей своего развития при переходе к шестому технологическому укладу в рамках длинных циклов.

Шестой послевоенный экономический цикл в Германии протекает во время мирового финансового кризиса, охватившего денежное обращение, кредит, валюту и фондовый рынок. Финансовый кризис в 2008 г. наиболее затронул промышленно развитые страны, особенно США, а также Западную Европу. Одновременно ухудшилось положение развивающихся стран, к которым причисляют и страны группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Нынешнее состояние мировой экономики многие специалисты сравнивают с 30-ми годами прошлого века, из которого США выходили, опираясь на кейнсианство, что создает благоприятные условия для усиления позиций социал-демократов в ЕС, прежде всего в Германии. Убытки, которые оцениваются специалистами, уже составляют многие сотни миллиардов в кредитной сфере и на фондовом рынке, общая сумма этих убытков приближается к триллиону долларов США.

В развитых капиталистических странах, к которым принадлежит Германия, ужесточены условия кредитования. Мировой финансовый кризис повлиял и на валютные национальные рынки. Реальный курс доллара начал снижаться с середины 2007 г. Падение курса доллара в XXI в. стимулирует повышение американского экспорта, который стал главной опорой экономии США в кредитной сфере и Германии в 2007 г. Напротив, курсы евро, иены и других «плавающих» валют и валют развивающихся стран с переходной экономикой возросли, так же как и иностранные мировые валютные резервы. И лишь в начале 2009 г. доллар отвоевал утерянные позиции.

Темпы прироста ВВП в развивающихся странах и странах с переходной экономикой летом 2007 г. превысили темпы в развитых странах. Это означает, что локомотивом роста мировой экономики (по ВВП)

стали развивающиеся страны и страны с переходной экономикой в последние пять лет. Так, на долю БРИК приходится более половины мирового ВВП, что превышает уровень 70-х годов в 20%. Инфляция развивающихся стран растет преимущественно за счет внутреннего спроса, а что касается развитых капиталистических стран, то они борются с инфляцией с помощью увеличения процентной ставки. Рост экономики развивающихся стран идет главным образом за счет природных ресурсов и сырья (металлы, нефть, газ и т. д.).

Увеличилась роль развивающихся стран и стран с переходной экономикой в мировой торговле. Особенно быстрыми темпами растет внутрирегиональная торговля азиатских стран с формирующимися рынками. В странах Африки и Латинской Америки экспортная база все больше растет за счет товаров с высокой добавленной стоимостью (более 20%). Развивающиеся страны становятся амортизатором внешнеторгового кризиса, что поддерживает экспорт развитых стран, к которым относится Германия. В урегулировании дисбалансов в экономике наряду с развитыми странами все бóльшую роль играют развивающиеся страны, включая Китай и Саудовскую Аравию.

Стагнация экономического развития в развитых странах, особенно в Западной Европе и Германии, продолжится до второго десятилетия в XXI в., т. е. в течение шестого экономического цикла в Германии. Взаимосвязь между мировым финансовым кризисом и внутренним спросом остается серьезной проблемой для немецкой экономики ЕС, рост которой в 2009 г. будет отрицательным. Рискам по-прежнему будут подвержены банки, связанные с финансовыми рынками США. Ужесточатся условия капиталовложений в производство, хотя развивающиеся страны и страны с переходной экономикой будут стремиться увеличить приток ПИИ, чтобы стимулировать внутренний спрос. С инфляцией придется бороться не только развитым странам, но все больше и развивающимся и странам с переходной экономикой. Период охлаждения хозяйственной конъюнктуры в странах еврозоны может быть относительно долгим, ибо они связаны с негативным влиянием мирового финансового кризиса и колебаниями курса евро. Вместе с тем ожидается, что в 2009–2010 гг. инфляция снизится. Ожидавшийся экономический подъем в немецкой экономике оказался отодвинут на несколько лет. По всей видимости, он наступит не ранее 2012 г.

Во второй половине 2008 г. экономика Германии вступила в фазу тяжелейшей рецессии за всю ее послевоенную историю[1]. Снижение

[1] Анализ ситуации в экономике ФРГ в конце 2008-го — второй половине 2009 г. сделан В.Б. Беловым.

экспорта товаров и услуг, падение инвестиционной активности и промышленного производства привели к существенному сокращению темпов экономического развития. Во II и III кварталах 2008 г. падение ВВП составило минус полпроцента, в IV квартале — минус 2,2%, а в I квартале 2009 г. уже минус 3,8%[1]. Такого глубокого падения в ежеквартальном исчислении в объединенной Германии еще не было. До этого рекордом считалось квартальное падение ВВП на минус 1,2% в 1993 г. Рост ВВП в 2008 г. составил лишь 1,3% вместо ожидаемых 1,7%. Впервые с 1993 г. в I квартале 2009 г. произошло резкое снижение объема экспорта товаров в страны еврозоны, США, Японию и другие страны — основные торговые партнеры ФРГ. Причем падение началось уже в IV квартале 2008 г. В первую очередь, это затронуло две ключевые отрасли немецкой промышленности — автомобиле- и машиностроение. У многих компаний обороты к началу 2009 г. упали на 15–20%. В 2009 г. выросло число банкротств, в том числе и среди недавних мировых лидеров в своих нишах[2].

Немецкая банковская система также оказалась глубоко вовлечена в мировой финансовый кризис, причем гораздо сильнее, чем ожидалось, и была вынуждена резко ужесточить условия кредитования экономических субъектов. Неопределенность перспектив развития заставило немецких предпринимателей отложить реализацию многих намеченных на 2009 г. инвестиционных проектов. Вслед за компаниями сдержанность в потреблении стали проявлять и частные домашние хозяйства. Обобщая прогнозы разных международных и немецких институтов и структур на 2009 г., можно предположить, что падение ВВП в среднем составит от минус 4 до минус 6 процентов. В 2010 г. прогнозные оценки составляют от минус половины процента падения до плюс одного процента роста. Шансы для начала выхода из рецессии эксперты в первую очередь связывают с низкой инфляцией (прогнозируется ее снижение с 2,6% в 2008 г. до менее 0,5% в 2009 г.), резко упавшими ценами на энергоносители и продовольствие, а также с растущими во многих отраслях номинальными заработными платами. Это может привести к росту внутреннего потребления в 2009 г., но оно вряд ли сможет стать основным мотором для оживления конъюнктуры.

---

[1] "Die Welt", 14.06.2009.

[2] О банкротстве объявили такие известные кампании как Rosenthal, Pfaff, Schiesser, Märklin и Trevira. Процедуру банкротства начал бывшая дочка Karstadt розничная торговая сеть Hertie, а также филиал американской торговой сети Woolworth. Пострадали и производители автокомплектующих, например, известные в своих нишах фирмы Karmann и Edscha.

Много ожиданий бизнес и граждане ФРГ возлагают на широкомасштабное вмешательство немецкого государства, особенно на крупнейшие за послевоенную историю пакеты экономических мер, направленных на конъюнктурную поддержку экономики в 2009–2010 гг. Считается, что без таких государственных мер снижение ВВП в 2009 г. было бы гораздо больше. Немецкие компании также рассчитывают на положительные эффекты от других аналогичных программ в США и странах ЕС. Кроме того, позитивные эффекты ожидаются от существенного смягчения жесткой денежно-кредитной политики Европейского центрального банка, в первую очередь, за счет снижения ставки рефинансирования и облегчения доступа национальных банковских и кредитных институтов к денежным ресурсам.

Правительство Большой коалиции достаточно оперативно отреагировало на резкое ухудшение внешних условий хозяйствования и уже в октябре 2008 г. предложила первую программу антикризисных мероприятий, которая была принята законодателями (бундестагом) в декабре 2008 г. Вторая программа была одобрена в феврале 2009 г. В основном они направлены на развитие инфраструктуры, особенно на региональном уровне, повышение спроса со стороны государства на товары и услуги, а также поддержку внутреннего спроса. Их совокупный объем составил 100 млрд евро.

Первый пакет государственных мер под названием «Обеспечение занятости через содействие экономическому росту» включил в себя следующие мероприятия:

- Санацию зданий и повышение их энергоэффективности в 2009–2011 гг. (объем инвестиций — 3 млрд евро).
- Увеличение финансирования инфраструктурных проектов в структурно слабых коммунах через банк Kreditanstalt für Wiederaufbau (3 млрд евро).
- Введение на двухлетний период ускоренной амортизации для малых и средних предприятий с целью поддержания их ликвидности, собственного капитала и, соответственно, содействия инвестициям и инновациям.
- Предоставление банком Kreditanstalt für Wiederaufbau дополнительных гарантий малому и среднему бизнесу (годовой оборот до 500 тыс. евро) при получении банковских кредитов.
- Создание дополнительной одной тысячи бюро Федерального ведомства по труду для оказания помощи в поиске работы.
- Временное освобождение от налога на автотранспортное средство при покупке нового автомобиля.

- Предоставление дополнительного финансирования в рамках программы улучшения структуры региональной экономики, в первую очередь для структурно слабых коммун.
- Финансирование проектов по улучшению транспортной инфраструктуры.
- Дальнейшая поддержка инновационного развития, в первую очередь, малого и среднего бизнеса.
- Содействие оказанию ремесленных услуг за счет налоговых списаний.

В феврале 2009 г. была принята вторая государственная конъюнктурная программа, получившая название «Пакт во имя занятости и стабильности», которая по своим финансовым масштабам не уступает первой. Ее объем также составил 50 млрд евро. Она включила в себя следующие антикрзисные меры поддержки немецкой экономики в 2009–2010 гг.

- Поддержка инфраструктурных инвестиций федерации, земель и коммун в размере 17,3 мдрд евро. Две трети из этой суммы предназначено для санации детских садов, школ и университетов. Треть — для ремонта и развития дорог, больниц, городских объектов, создание высокоскоростных сетей доступа в интернет.
- В области налогов предусмотрено увеличение в 2010 г. годового необлагаемого минимума дохода (до 8004 евро) при одновременном снижении минимальной ставки подоходного налога с 15 до 14%. Кроме того, предоставляются дополнительные льготы по подоходному налогу и «надбавке солидарности» для работников, не состоящих в браке.
- С 1 июля 2009 г. снижается ставка по взносам по обязательному больничному страхованию (с 15,5 до 14,9%). Одновременно возрастают федеральные дотации системе здравоохранения — в 2009 г. они будут больше на три миллиарда, в 2010 г. — на 6 млрд евро.
- Родители, имеющие право на пособие на детей, в феврале-марте 2009 г. получили единовременный бонус в размере 100 евро. Одновременно увеличилась выплата детского пособия семьям, получающим выплаты в рамках программы Hartz-IV (823 000 детей ежемесячно будут получать 246 евро (вместо 211 евро)).
- Введена премия за отказ от старого автомобиля и изменена ставка налога на транспортное средство:
  - Частные автовладельцы, снявшие в 2009 г. с учета свои автомобили старше 9 лет (должны им владеть не менее одного года) и покупающие новые или поддержанные (возрастом до

одного года) автомобили получают премию в 2500 евро. Государство изначально было готово профинансировать 600 000 таких операций[1].

— С 1 июля 2009 г. размер налога на автотранспортное средство будет зависеть от количества углеводорода, содержащихся в выхлопных газах.

- Государство дополнительно выделяет 100 млрд евро государственных гарантий по банковским кредитам частным фирмам, что должно стимулировать банки начать кредитование частного сектора.
- До федеральных выборов в бундестаг в сентябре 2009 г. в Основной закон должна быть внесена поправка, предусматривающая ограничение новой общегосударственной задолженности размером в полпроцента от ВВП. Эта поправка должна вступить в силу в течение следующего легислатурного периода (самое позднее — в 2015 г.). В исключительных ситуациях будет допускаться превышение этого параметра.
- В силу существенных дополнительных расходов для 2009 г. будет принят особый дополнительный бюджет, который предусматривает увеличение в два раза новых кредитных заимствований. Тем самым был запланирован существенный рост общего размера новой задолженности.
- Правительство решило оказать поддержку предприятиям по переводу сотрудников на сокращенную рабочую неделю. В этих целях в 2009–2010 гг. будут покрываться 50% расходов работодателей на социальное страхование своих работников с сокращенным рабочим временем (Kurzarbeit). Если предприятия проводят при этом и мероприятия по повышению квалификации для сотрудников с сокращенным рабочим временем, то государство полностью возмещают им соответствующие затраты.

Вторая программа могла бы иметь большую результативность, если бы начала свое действие по многим пунктам с марта 2009 г., а не с середины года и не ограничивала бы предусмотренные льготы относительно коротким периодом времени, что, похоже, во многом обусловлено предвыборными интересами большой коалиции. Нынешнее правительство – как в отношениях между партнерами, так и внутри самих партий – за несколько месяцев до выборов оказалась в состоянии внутренней конфронтации. Основные дискуссии сконцентрировались вокруг содержания и границ государственного вмешательства в дея-

[1] В связи с высоким спросом на данные премии правительство увеличило их число и соответственно их финансирование.

тельность экономических субъектов, размеров государственной задолженности и направлений налоговой политики.

Первая половина 2009 г. показала, что особо эффективными оказались решения правительства по поддержке предприятий в области введения сокращенного рабочего дня. Это позволило предотвратить резкий рост безработицы. Более того, в мае 2009 г. даже произошло ее некоторое снижение. Но резервы такой поддержки, по всей видимости, будут исчерпаны к осени 2009 г., когда ожидается возвращение безработицы к показателю в пять миллионов человек. Достаточно действенной мерой оказалось введение экопремии, которая среди прочего стимулировала спрос на новые отечественные автомобили.

Особое внимание правительство решило уделить поддержке системообразующих предприятий в банковской сфере и в промышленности. Для этого, в конце 2008 г. был создан Фонд по поддержке финансовых рынков с объемом средств в 480 млрд евро, а весной 2009 г. был образован Фонд по поддержке экономики «Германия» с объемом средств в 115 млрд евро. В первую очередь, помощь была оказана банковской системе. Так, только одному банку Hypo Real Estate, который в наибольшей степени пострадал от спекулятивных операций с ипотечными ценными бумагами, немецкие власти предоставили более 87 млрд евро и в первой половине 2009 г. стали готовить его принудительную национализацию. Государство стало совладельцем второго по величине частого кредитного учреждения Commerzbank. Кроме того, правительство пролоббировало идею создания «банков плохих активов», в которые могут передаваться «токсичные» бумаги кредитных и финансовых институтов.

Несмотря на господдержку и минимальную ставку рефинансирования ЕЦБ немецкие банки в 2009 г. ужесточили условия кредитования своих клиентов. Многие фирмы жаловались на то, что существенно возросли сроки оформления кредитов, более строгими стали требования к предоставляемым документам, а процентные ставки коммерческих банков в некоторых случаях в десятки раз превышают учетную ставку Европейского центрального банка. В итоге немецкая банковская система, несмотря на вливание в нее государственных средств и предоставляемые гарантии, в условиях кризиса стала самодостаточным организмом, который в основном стал ориентироваться на обслуживание самого себя, а не своих клиентов, остро нуждающихся в кредитных ресурсах.

Государственная помощь предоставляется в первую очередь системообразующим компаниям, каждое из которых обеспечивает работой десятки тысяч человек. Малому и среднему бизнесу, который, как

правило, не обладает дорогостоящей поддержкой лоббистов, весьма трудно получить доступ к государственным деньгам. Но именно он в первую очередь нуждается в пополнении своих оборотных средств, временной поддержке своей ликвидности в условиях финансового кризиса. Многие из малых и средних компаний, в отличие от крупных концернов, вошли в кризис в хорошем конкурентоспособном состоянии, но столкнулись с резким ужесточением условий кредитования, что ухудшило их шансы на рынке и увеличило финансовые риски. В этом отношении в рамках существующей социально-экономической модели государство на первый план выдвинуло социальный порядок, отодвинув конкурентный порядок на задний план.

Первой промышленной компанией, которая подала заявку на получение господдержки из фонда «Германия» стала «Heidelberg Druck» — один из мировых лидеров в области производства полиграфического оборудования. Правительство посчитало, что именно резкое изменение внешних условий хозяйствования стало причиной ухудшения финансовой ситуации на данном предприятии.

Правда, не все ключевые игроки смогли получить поддержку со стороны государства. Один из крупнейших немецких торгово-туристических концернов Arcandor (оборот — около 20 млрд евро) в июне 2009 г. был вынужден начать процедуру признания его банкротом[1]. В 2008 г. убытки концерна достигли 746 млн евро, а долги на конец мая 2009 г. превысили 800 млн евро[2]. Государство решило, что собственники концерна (28,6% Arcandor принадлежат семейному банку Salomon Oppenheim, еще 26,6% — наследнице империи Quelle Маделяйн Шикеданц) способны решить проблемы за счет собственных ресурсов. Предоставленный план санации не удовлетворил чиновников и концерну было отказано в экстренном кредите в размере 850 млн евро. Не смог получить стабилизационный кредит и автомобильный концерн Porsche, который попал в тяжелую экономическую ситуацию вследствие рискованных финансовых операций с акциями Volkswagen.

---

[1] Arcandor является важнейшим игроком рынка розничной торговли и путешествий. В нем работает более 70 тыс. сотрудников, В концерн входит крупнейшая по обороту (4,1 млрд евро) сеть универмагов Karstadt. Ему принадлежат такие всемиро известные магазины как берлинский KaDeWe, гамбургский Alsterhaus и мюнхенский Oberpollinger. Arcandor владеет также крупнейшей немецкой компанией торговли по каталогам – Quelle. Ему также принадлежит более половины капитала в одной из крупнейших туристических компаний Thomas Cook. Банкротство Arcandor могло затронуть по меньшей мере 43 тыс. из 70 тыс. сотрудников концерна.

[2] http://www.expert.ru/articles/2009/06/10/quelle/.

Активная государственная поддержка немецкой экономики существенно ухудшила состояние государственных финансов. После их успешной консолидации в 2007–2008 гг. на повестку дня (в связи с необходимостью новых заимствований, по оценкам — в размере 60 млрд евро) вновь был поставлен вопрос о возможном несоблюдении Германией Маастрихстких критериев, а именно — трехпроцентного отношения дефицита госбюджета к ВВП. Наряду с программой конъюнктурной поддержки дополнительные расходы ожидаются в социальной области (поддержка сокращенной рабочей недели и пр.), причем правительство понимает, что возможное снижение налогов дополнительно уменьшит доходную базу бюджета.

В то же время, по мнению экспертов Бундесбанка, в немецкой экономике появляется все больше признаков улучшения экономической ситуации во второй половине 2009 г. и постепенного восстановления доверия со стороны бизнеса. С ними согласны и сотрудники Министерства финансов ФРГ, которые накануне лета выразили мнение, что «уже есть признаки возможного замедления снижения общеэкономической активности»[1].

В заключение необходимо сказать о важных особенностях современного мирового экономического кризиса. Самая важная из них состоит в совпадении его по времени с «нисходящей волной» при переходе от пятого длинного «кондратьевского» цикла к шестому, когда происходят качественные изменения в экономике при создании нового технологического уклада в результате накоплений инноваций под влиянием НТП. Поскольку у сторонников «длинных циклов» конституирующей фазой является новый технологический уклад, а не перепроизводство товаров, то при нисходящей волне усиливается глубина и продолжительность обычных циклических кризисов и фаз депрессии воспроизводства капитала при метаморфозах его форм (денежной, товарной, производственной, а затем приращенной товарной и денежной), как это имело место в Великой депрессии 30-х годов XX в. Поэтому фаза депрессии обычного цикла характеризуется особой продолжительностью, что и происходит в настоящее время.

---

[1] "Handelsblatt", 22.05.2009. Подтверждением этих прогнозов стал рост ВВП во втором квартале 2009 г. на 0,3%.

Глава 9. Финансовая система и финансовая политика

9.1. Общие положения

Известный немецкий специалист в области государственных финансов Курт Хайнинг очень точно назвал государственный бюджет «выраженной в цифрах судьбой нации»[1]. С этой точки зрения судьба немецкой нации в XX в. была не простой. Германия инициировала две мировые войны, по итогам которых ей пришлось дважды нести огромное бремя репарационных платежей. Страна пережила гиперинфляцию (20-е годы) и две валютные реформы (1948 и 1990 гг.).

Выбранная после войны экономическая модель «социально ориентированного рыночного хозяйства» также оказала существенное влияние на развитие государственных финансов, определив расходы так называемого «социального бюджета». В результате к концу прошлого века у Германии не только образовалась огромная государственная задолженность, но и в финансовом кризисе оказались все основные внебюджетные фонды, а именно: фонды пенсионного и медицинского страхования, фонд помощи безработным и даже созданный в начале 90-х годов фонд помощи по уходу за нетрудоспособными лицами. Страховые выплаты из всех этих фондов уже достаточно продолжительное время превосходят размер поступающих страховых взносов (премий)[2], что — с учетом неблагоприятных демографических прогнозов — уже в скором будущем может вызвать большие проблемы.

Особенности послевоенного развития экономики Германии обусловили необходимость проведения и, соответственно, финансирования структурной и региональной политики. Речь идет о выделении существенных средств на НИОКР, финансирование программ санации кризисных производств и высвободившихся территорий, переподготовку высвободившихся кадров и социальную поддержку безработных. В условиях открытия границ в Европе и процессов глоба-

---

[1] Цит. по: Zimmermann/Henke: Einführung in die Finanzwissenschaft, 9. Aufl., München 2005. S. 67.

[2] Исключением стали позитивные балансы фондов социального страхования в 2006–2007 гг. Однако вследствие финансового кризиса ожидается, что уже к 2010 г. дефицит фонда медицинского страхования и фонда страхования по безработице составит, соответственно, 11 и 18 млрд евро (Spiegel – Online, 1.8.09).

лизации мировой экономики структурные и региональные проблемы в ФРГ еще более обострились. Связанные с этим социальные выплаты становятся все более серьезной нагрузкой для государственного бюджета и бюджетов местных органов власти.

Однако самое большое влияние за послевоенную историю страны на государственные финансы оказало объединение Западной и Восточной Германии в 1990 г. В течение нескольких лет размер консолидированного бюджета страны возрос с 567 млрд евро в 1990 г. (Западная Германия) до 892 млрд евро в 1995 г. (объединенная Германия)[1]. Объем фонда горизонтального «финансового выравнивания»[2] возрос за период 1990–1995 гг. почти в три раза — с 2 до 6 млрд евро[3]. Размер консолидированного государственного долга возрос за тот же период с 596 млрд евро до 1 трлн в 1995 г.[4], что до сих пор заметно ограничивает возможности немецкого правительства в проведении политики экономического роста, борьбы с безработицей, финансирования НИОКР, затрудняет проведение налоговой реформы.

В начале 90-х годов одновременно с объединением Германии активизировались интеграционные процессы в Европе. Заключение Маастрихтского договора в 1993 г., открытие границ и расширение ЕС на восток в 2004 г. поставило Германию, как и другие страны ЕС, не только в трудную финансовую ситуацию, но потребовало от нее дать ответ на новые вызовы, в том числе связанные с необходимостью гармонизации национальных финансовых систем.

9.2. Бюджетно-финансовая политика в ретроспективе

Финансовая история послевоенной Германии может быть четко разделена на два этапа: до объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. и после него. Именно финансирование процесса объединения страны, совпавшее по времени с форсированием в начале 90-х годов интеграционных процессов в Европе, оказалось самым мощным вызовом для финансовой системы страны за последние полвека. В принятом после окон-

---

[1] Deutschland in Zahlen 2008. S. 69.

[2] Имеется в виду только сам Фонд горизонтального финансового выравнивания (Länderfinanzausgleich), без учета дополнительных трансфертов из федерального бюджета (Bundesergänzungszuweisungen), размер которых уже к середине 90-х годов в два раза превзошел размер самого Фонда, достигнув более 12 млрд евро.

[3] Finanzbericht 2007. S. 166–167.

[4] Deutschland in Zahlen 2008. S. 73.

чания Второй мировой войны Основном законе[1] — Конституции страны — есть специальный раздел, регулирующий финансовые отношения между различными уровнями бюджетной системы. Это сделано настолько подробно, что раздел X Основного закона принято называть Финансовой конституцией страны. Аналогов этому документу в мировой практике нет. В нем закреплены соответствующие компетенции в финансовой сфере между уровнями государственной власти (федерацией и федеральными землями) и органами местного самоуправления — коммунами (общинами). В Конституции четко прописаны «правила игры», которые регулируют взаимоотношения между уровнями бюджетной системы.

В 80-е годы для Западной Германии, как и для многих других развитых государств, стала актуальной необходимость радикального снижения налогового бремени. Страна приступила в этот период к осуществлению реформ, направленных на либерализацию и приватизацию экономики, а также провела трехэтапную налоговую реформу (в 1986, 1988 и 1990 гг.), основная цель которой заключалась в снижении «предпринимательских» налогов и соответственно в повышении международной конкурентоспособности немецкой экономики и привлечении зарубежных инвесторов. Но эта цель так и не была достигнута, поскольку в тот период общество еще не было готово к кардинальной перестройке системы налогообложения, становление и совершенствование которой продолжалось в течение всего послевоенного периода. Свою роль сыграли и безраздельно господствовавшие в стране идеалы налоговой справедливости, в соответствии с которыми получатели больших доходов должны вносить больший вклад (абсолютный и относительный) в финансирование государственного бюджета[2]. Осознание таких фактов, что принцип «должны платить» не означает «автоматически платят», и что более низкие налоговые ставки при расширении налогооблагаемой базы могут дать больший фискальный эффект, постепенно стало укореняться в сознании немецкого политического истеблишмента лишь к середине 90-х годов. Проведению кардинальной налоговой реформы в этот период помешало объединение Восточной и Западной Германии, связанное с огромными расходами государственного бюджета. Проведение налоговой реформы реально началось лишь в 1998 г. с приходом к власти социал-демократического правительства Герхарда Шрёдера.

---

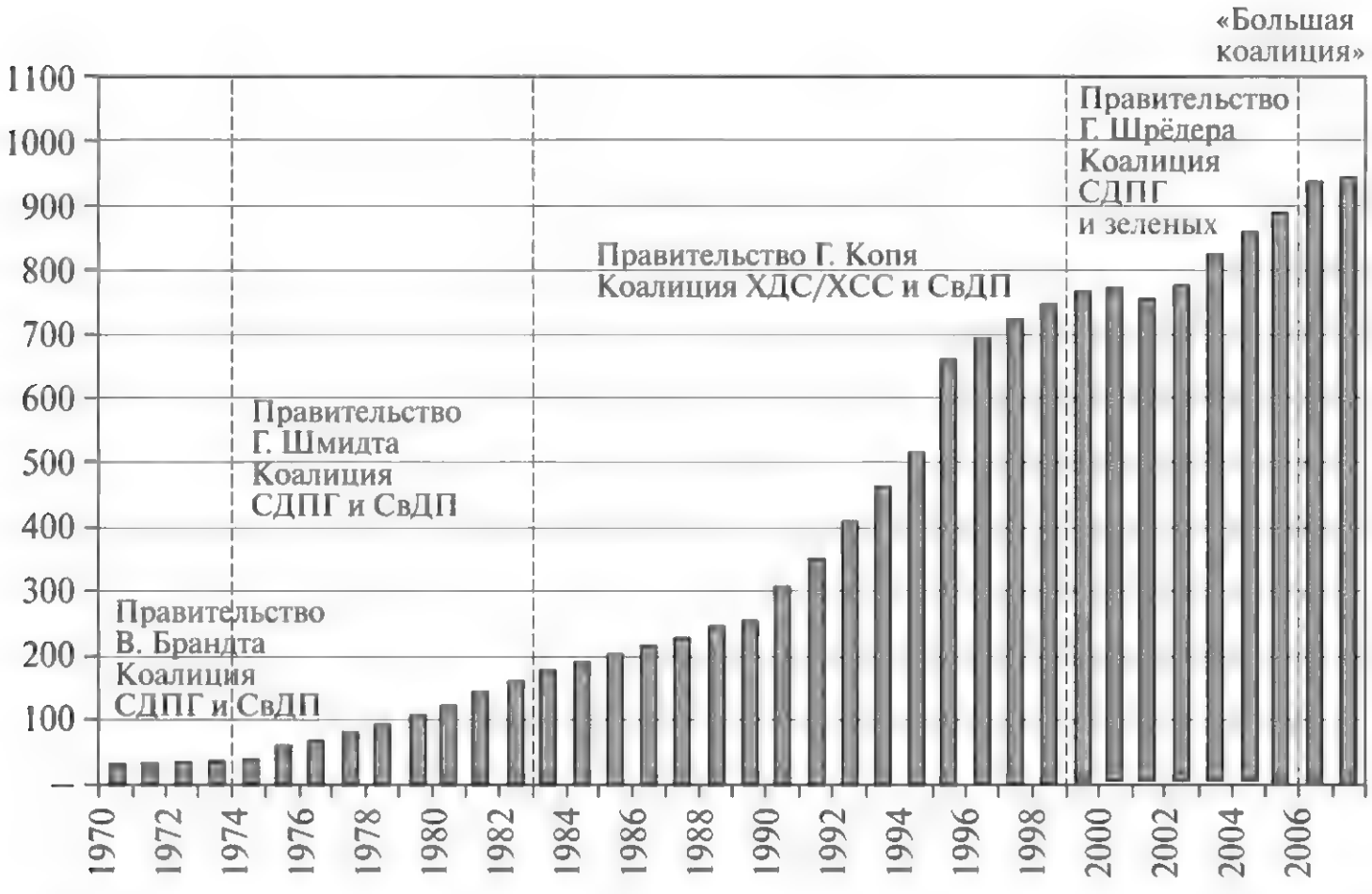
[1] Принятие Конституции ФРГ происходило уже после раскола Германии, поэтому по инициативе Конрада Аденауэра было принято решение использовать название «Основной закон», что должно было показать переходный характер принимаемого документа.

[2] Leistungsfähigkeitsprinzip (*нем.*), ability-to-pay-principle (*англ.*).

Объединение Германии стало главным вызовом бюджетно-финансовой системе за всю послевоенную историю страны и обусловило огромные расходы государственных средств. Финансирование этого процесса в основном осуществлялось за счет заемных средств, в результате чего уже к середине 90-х годов резко возрос размер внутреннего государственного долга. Государство было вынуждено ввести в западных землях 7,5%-ную надбавку к подоходному налогу — так называемый «налог солидарности» (с 1998 г. — 5,5%). За более чем 15-летнюю историю «временного» взимания «налога солидарности» вопрос о его отмене был впервые поднят лишь в 2007 г., поскольку в 2006 г. впервые за длительный период времени были зафиксированы рекордные налоговые сборы[1].

График 9.1

Рост задолженности федерального бюджета (млрд евро) и финансирование объединения Германии

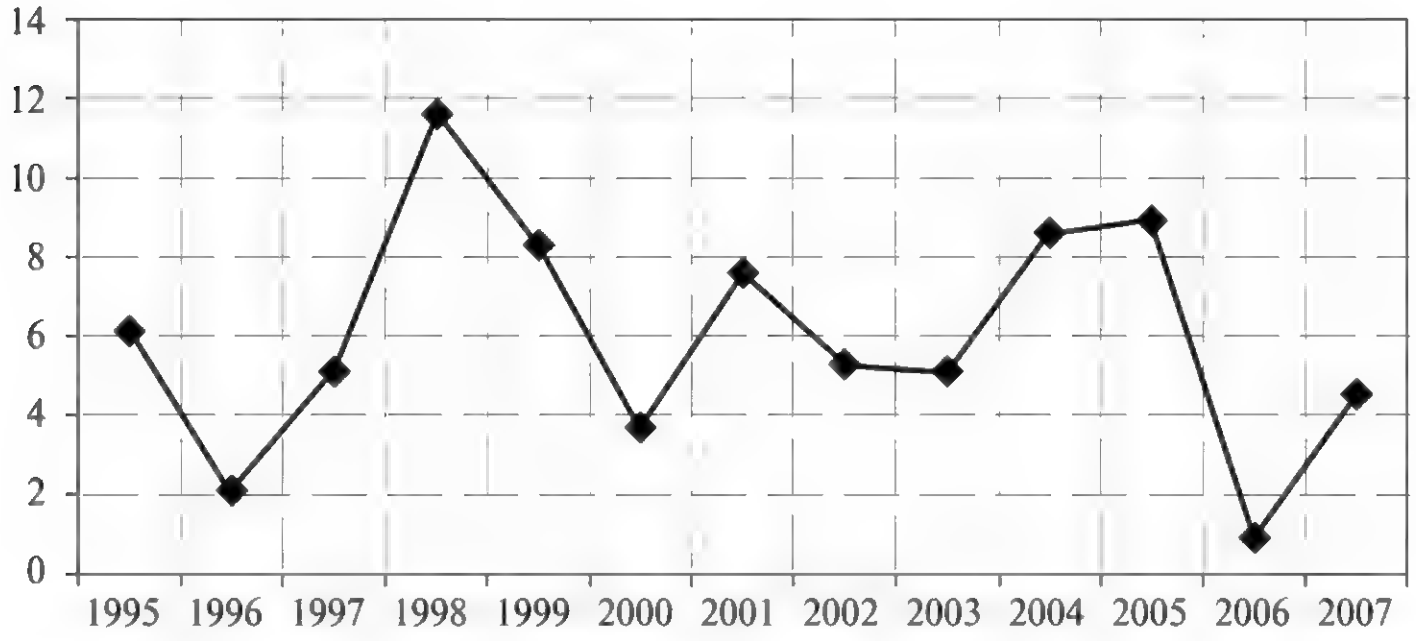


Источник: Schulden der öffentlichen Haushalte 2007. Facheserie 14 Reihe 5. Wiesbaden 2008.

[1] Однако правительство канцлера Ангелы Меркель однозначно дало понять, что в ближайшее время изменений в области налога солидарности не будет.

График 9.2

Доходы федерального бюджета от приватизации, 1995–2007 гг. (млрд евро)



Источник: Statistisches Bendesamt. Wirtschaft und Statistik 5/2008.

Причины резкого роста государственной задолженности, и в первую очередь долга федерального правительства, достаточно просты. В начале 90-х годов, когда весьма оперативно должно было быть принято решение о способах финансирования объединения, федеральному правительству не удалось согласовать с правительствами 16 федеральных земель совместный план финансирования. Это объяснялось тем, что большинство земель Западной Германии в системе межрегионального финансового выравнивания оказывалось теперь в роли доноров или, по крайней мере, не могло больше претендовать на получение средств из фонда выравнивания. В результате в силу отсутствия более эффективного варианта объединение практически полностью было профинансировано за счет средств федерального бюджета. В свою очередь, для «рефинансирования» возросших федеральных расходов правительству пришлось повысить налоги, ввести новый «налог солидарности» и пойти на приватизацию традиционных государственных компаний Lufthansa, Федеральных железных дорог, Федеральной почты и Федеральной службы телефонной связи[1].

[1] Приватизация бывших государственных монополий дала не только дополнительные доходы (см. график), но и повлекла дополнительные расходы, поскольку все бывшие сотрудники этих учреждений являлись государственными служащими. Все они

Однако за счет мобилизации дополнительных доходов решить проблему финансирования восточных земель оказалось невозможно. Кроме того, эти расходы были первоначально недооценены[1], и стремительный рост задолженности федерального бюджета стал неизбежным. Постоянно рос и объем средств, направляемых в Восточную Германию.

9.3. Последствия объединения и новые вызовы глобализации

Основные существующие в настоящее время проблемы финансовой системы Германии так или иначе связаны с межбюджетными финансовыми отношениями[2]. Так, например, предпринятая в 2005 г. в соответствии с решением Федерального Конституционного суда Германии попытка реформировать дорогостоящую систему межрегионального финансового выравнивания, по сути, не достигла поставленной цели.

Она не смогла изменить сущности действующего механизма, построенного на принципе «игры с нулевым результатом», когда средства на поддержку регионов-реципиентов изымаются напрямую из бюджетов земель-доноров. Основным условием успешного функционирования такой системы, которая известна под названием «братский федерализм», являются небольшие различия в уровне финансовой обеспеченности регионов государства и относительно небольшой объем перераспределяемых средств. Но именно этот принцип и был нарушен после объединения. Конечно, реформа устранила некоторые изъяны ранее действовавшей системы. Однако основная проблема, связанная с тем, что три региона-донора (Бавария, Баден-Вюртемберг и Гессен) «кормят» остальные 13 федеральных земель, осталась нерешенной (см. раздел о бюджетном федерализме).

до сих пор получают пенсии из государственного бюджета. Так, в 2003 г. около 500 тыс. бывших служащих Федеральных железных дорог и Федеральной почты получали государственные пенсии. Совокупные расходы на выплату пенсий составили в 2003 г. около 10 млрд евро, их размер продолжает увеличиваться. В 2007 г. эти расходы составили 14,2 млрд евро,. По прогнозам, начиная с 2011 г. они будут составлять порядка 20,22 млрд евро в год и начнут сокращаться лишь после 2050 г. (См.: Dritter Versorgungsbericht der Bundesregierung 2005. S. 332 ff).

[1] Первоначально предполагалось, что для финансирования восточных земель будет достаточно 30–50 млрд нем. марок в год. Однако реальный объем трансфертов в восточные земли за период 1990–2000 гг. оказался существенно выше. Немецкие эксперты оценивают его в 160–200 млрд нем. марок в год.

[2] Второй крупный блок проблем связан с функционированием внебюджетных фондов социального страхования (см. раздел 9.3.1 этой главы).

9.3.1. Статус субъекта Федерации, терпящего «финансовое бедствие»[1]

Объединение Германии выявило наличие в системе финансового федерализма самого слабого звена — ее столицы — Берлина, который, как и Москва, имеет двойной статус субъекта Федерации и муниципального образования. Этот город, как вся страна до 1990 г., был разделен на западную и восточную части, которые в течение всего послевоенного периода развивались независимо друг от друга по законам различных экономических систем. При этом бюджет Западного Берлина на 50% дотировался напрямую из федерального бюджета ФРГ. Внезапная отмена в середине 90-х годов этих дотаций[2] и одновременно резкое сокращение промышленного производства, а также связанный с этим рост безработицы в Восточном Берлине поставили город в сложное финансовое положение.

График 9.3

Финансирование Берлина в 1991–2007 гг.

Источник: BMF Finanzberincht 2009. S. 150–154.

---

[1] Haushaltsnotlage (*нем.*)

[2] Западный Берлин имеет еще одну важную с точки зрения государственных финансов особенность, а именно: отсутствие серьезной промышленности и соответственно налогооблагаемой базы по промысловому налогу и налогу на прибыль компаний. Эта проблема не решена до сих пор: единственным крупным налогоплательщиком в столице Германии был и остается фармакологический концерн «Шеринг АГ».

Финансировать объединение Берлина было решено за счет заемного капитала в надежде на быстрый возврат вложенных средств благодаря экономическому росту, связанному с получением городом статуса столицы. Вторым источником финансирования стало достаточно быстрое (начиная с 1995 г.) включение города в систему финансового выравнивания, где он сразу же превратился в устойчивого получателя финансовых средств (график 9.3). Начиная с 1995 г. Берлин ежегодно стал получать 2,5 млрд евро дотаций в рамках межрегионального финансового выравнивания и еще около 2 млрд евро дотаций напрямую из федерального бюджета[1].

Однако этих средств явно не достаточно на фоне финансовых трудностей, испытываемых городом. Ожидания быстрого экономического роста не оправдались. Вместо этого в новой столице резкими темпами стал увеличиваться долг городского бюджета. С 1990 по 2003 г. он вырос почти в пять раз (с 9,3 млрд до 51,7 млрд евро). До сих пор «переломить» негативную тенденцию не удается. Для обслуживания долга Берлину приходится брать все новые кредиты. В надежде получить финансовую помощь из федерального бюджета городские власти обратились в ФКС с ходатайством о признании за Берлином статуса «федеральной земли, терпящей финансовое бедствие»[2]. Но, взвесив все за и против, Федеральный конституционный суд Германии отклонил его. В его решении, в частности, указано на то, что Берлин должен предпринимать больше самостоятельных усилий для исправления финансовой ситуации в городе за счет сокращения расходных статей и мобилизации дополнительных доходов.

С одной стороны, аргументация ФКС с экономической точки зрения выглядит небезупречно[3]. Среди прочего она не учитывает того факта, что проблемы города во многом вызваны ошибками при финансировании объединения в 90-е годы. С другой стороны, это решение правильное. Противоположное решение стало бы однозначным

---

[1] Начиная с 2002 г. — более 2,5 млрд евро в год.

[2] За всю историю послевоенного существования ФРГ лишь две федеральные земли получили такой конституционный статус. В свое время с помощью выделенных из федерального бюджета средств федеральная земля Саар успешно санировала свой бюджет, а вот город-земля Бремен, несмотря на полученную помощь, пока так и не смог привести в порядок свое финансовое хозяйство. Кроме того, очевидно, что Берлину понадобится несравненно больше средств: по оценкам экспертов, по меньшей мере около 35 млрд евро, в то время как Саар получил около 5 млрд марок, а Бремен — около 8 млрд (2,5 и 4 млрд евро соответственно).

[3] Так, в частности, ФКС порекомендовал Берлину поднять ставки промыслового налога, указывая на пример Мюнхена, где ставки этого налога значительно выше. Эта рекомендация вызывает удивление с учетом того, что в Берлине и так практически от-

сигналом для остальных федеральных регионов не предпринимать собственных усилий по проведению здоровой финансовой политики. Это имело бы роковые последствия для всей Германии. По мнению Конституционного суда, проблемы Берлина отчетливо свидетельствуют о необходимости реформирования немецкой системы межбюджетных отношений и внесения изменений в Финансовую конституцию страны. Дополнительным подтверждением этого является и наличие такого «долгостроя», как реформа муниципальных финансов, которая может состояться только в контексте общего реформирования межбюджетных отношений в стране.

К сожалению, проводимая в Германии реформа федерализма в целом не внесла кардинальных изменений в систему бюджетного федерализма, ограничившись устранением мелких недостатков. Первый этап реформы межбюджетных отношений 2003–2006 гг. *(Föderalismusreform I)* ограничился совершенствованием разграничения предметов ведения между уровнями власти — в первую очередь были устранены так называемые «нефинансируемые мандаты» и институт «общих задач». Вопросы разграничения налоговых источников были сознательно исключены из повестки из-за невозможности достижения компромиссного решения. Единственным качественным изменением в этой области, достигнутым в ходе второго этапа реформы *(Föderalismusreform II)*, 2007–2009 гг., стала передача налога на приобретение земельных участков в компетенцию федеральных земель в целях укрепления их финансовой автономии[1].

В целом же второй этап реформы концентрируется вокруг разделения ответственности за возникновение государственного долга между уровнями государственной власти (федерацией, землями и муниципальными образованиями), что со своей стороны показывает неспособность немецкой системы осуществить изменения первостепенного характера. А именно, во-первых, усовершенствовать разграничение компетенций между уровнями власти из-за трудностей внесения изменений в Финансовую конституцию и, во-вторых, кардинально реформировать систему межрегионального «финансового выравнивания», что невозможно по политическим соображениям. Вместо этого

сутствует налоговая база по промысловому налогу, а новые предприятия, которые готовы разместиться в регионе, идут не в столицу, а в ее пригороды, относящиеся к земле Бранденбург, где не только ставки промыслового налога, но и стоимость земли существенно ниже. В этом контексте было бы логичнее порекомендовать городу снижать ставки промыслового налога, а не повышать их.

[1] Существенного фискального значения этот налог не имеет. В 2007 г. поступления по этому налогу составили 7 млрд евро (BMF: Finanzbericht 2009. S. 275).

в центре реформы межбюджетных отношений оказался вопрос о том, какой уровень власти имеет право накапливать бюджетную задолженность и в каком размере, с тем чтобы размер консолидированного долга всех уровней власти не превзошел допустимые европейские требования (Маастрихтские критерии).

9.3.2. Новые вызовы глобализации

Начало 90-х годов прошлого столетия ознаменовалось значительным прогрессом в сфере углубления процесса интеграции в Европе, что оказало на финансовую систему Германии двойственное воздействие: прямое и косвенное. Прямое заключалось в принятии в 1993 г. так называемых Маастрихтских критериев, к соблюдению которых обязывались все государства, желающие войти в Европейский валютный союз (дефицит государственного бюджета не более 3% ВВП, уровень накопленной задолженности не более 60% ВВП страны). Проблемы с соблюдением этих критериев возникли у многих государств, в том числе у Германии и Франции. К моменту образования Европейского валютного союза они тем не менее сумели привести свои государственные финансы в порядок[1], однако только кратковременно. Но уже начиная с 2003 г. показатели бюджетного дефицита и государственного долга снова поползли вверх. В 2004 г. бюджетный дефицит Германии и Франции составил 3,7% ВВП, а государственный долг 65,5 и 65,1% соответственно. Положение стало улучшаться лишь с 2006 г., так что была поставлена задача консолидировать бюджет Германии к 2011 г. Но разразившийся в сентябре 2008 г. финансово-биржевой кризис и принятие правительством Германии масштабного «пакета» мер по спасению банковской системы страны в размере более 500 млрд евро уже привели к отказу от данного обещания[2].

Косвенное, но при этом значительно более сильное влияние интеграции проявилось в том, что в условиях ликвидации границ в Европе немецкие компании и состоятельные граждане стали все активнее предпочитать платить налоги по льготным ставкам за рубежом, декларируя в Германии лишь понесенные убытки, которые могут быть вычтены из налогооблагаемой базы. Легальный и нелегальный уход от высокого налогообложения в Германии уже обошелся

---

[1] Германии, чтобы соблюсти к моменту введения ЕВС Маастрихтские критерии, пришлось пойти на продажу части золотовалютных резервов.

[2] FAZ, 14.10.2008.

немецкой казне в десятки миллиардов евро. Особенно чувствительными оказываются потери поступлений по налогу на прибыль корпораций. Предприятия — как крупные, так и малого бизнеса, — имеющее сильное лобби в лице Союза немецких промышленников и предпринимателей *(BDI)*, постоянно указывают на высокое налоговое бремя немецких предприятий на международном уровне и требуют его снижения.

В этом отношении тема налоговой реформы превратилась в излюбленный предмет дискуссий в СМИ. Научные круги неизменно выдвигают различные предложения реформирования существующей налоговой системы и ее подсистем (системы подоходного налогообложения, системы предпринимательских налогов, системы местного налогообложения). Все чаще звучат критические замечания и требования форсировать проведение налоговой реформы. Все большее внимание уделяется опыту реформ, осуществляемых другими государствами, в том числе государствами с переходной экономикой. В частности, большой резонанс в ходе предвыборной кампании 2005 г. приобрели предложения профессора налогового права *Поля Кирхофа* по введению — по аналогии с опытом стран с переходной экономикой — плоской шкалы подоходного налога *(flat tax)*. Одновременно он предложил отменить многочисленные вычеты из налогооблагаемой базы, количество которых в Германии превосходит все разумные пределы. Новый налог с пропорциональной шкалой по замыслу автора должен был заменить все остальные виды подоходного налога — налог на заработную плату, на проценты по вкладам, «налог солидарности», налог на прибыль компаний и промысловый налог. Свои предложения по реформированию налогового права в сторону его упрощения Кирхоф сформулировал еще в 2001 г.[1], однако вплоть до предвыборной кампании 2005 г. они оставались предметом узкой научной дискуссии. Его идеи не нашли поддержки у политиков и избирателей — немецкое общество оказалось не готово к радикальной реформе выстроенного в течение нескольких десятилетий подоходного налогообложения. Более того, они стоили политической карьеры самому профессору, который широко известен как специалист по налоговому праву и государственным финансам. Однако время подоходного налога с пропорциональной шкалой в недалеком будущем должно наступить и в Германии.

---

[1] Karlsruher Reformentwurf — Paul Kirchhof et.al.: Karlsruher Entwurf zur Reform des Einkommensteuergesetzes, Heidelberg 2001; Kirchhof, Paul: Einkommensteuergesetzbuch. Vorschlag zur Reform der Einkommen- und Körperschaftsteuer, Heidelberg 2003.

В области реформы предпринимательских налогов появились предложения Экспертного совета по экономическому развитию[1] реформировать существующую систему в направлении используемого в Скандинавских государствах «подоходного налога с двойной налоговой ставкой» *(dual income tax)*[2], подразумевающего две различные налоговые ставки (более низкую — для доходов с капитала, который традиционно считается наиболее мобильным фактором, и более высокую — для всех остальных видов доходов). Именно эта концепция была принята «большой коалицией» в 2006 г. и реализована в ходе реформы предпринимательских налогов 2008–2009 гг.

9.3.3. Современный этап налоговой реформы

Осуществление любой налоговой реформы — исключительно сложное мероприятие, в рамках которого одновременно решаются две противоположные задачи. С одной стороны, предпринимается попытка добиться в будущем экономической эффективности (максимизировать поступления в казну), с другой — обеспечить социально справедливое налогообложение. Одновременно реформа должна быть по возможности нейтральной в фискальном отношении, т. е. не сокращать расходную часть государственного бюджета. Кроме того, поскольку речь всегда идет о перераспределении финансовых средств, важно добиться политического консенсуса при реализации задуманного. В любом случае эффективная налоговая реформа должна быть разумным компромиссом между экономической теорией, политическим замыслом и реальностью.

Прекрасной иллюстрацией сказанному является драматическая предвыборная кампания по выборам в бундестаг летом и осенью 2005 г.

---

[1] Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung (*нем.*) — экспертный совет, состоящий из пяти известных специалистов-экономистов, ежегодно составляющий заключение о состоянии и перспективах экономики Германии и ее положении в мире. В данном случае упоминается специальная (неежегодная) экспертиза: Reform der Einkommens- und Unternehmensbesteuerung durch die Duale Einkommenssteuer, Wiesbaden 2006.

[2] «Дуальный» подоходный налог был введен в начале 90-х годов в 4 Скандинавских государствах. Дания его затем отменила. Согласно «скандинавской модели» доходы от занятия предпринимательской деятельностью и доходы с капитала облагаются пропорциональным налогом со ставкой 30%, все остальные виды доходов от наемного труда прогрессивным налогом. «Дуальный» подоходный налог означает возврат к *аналитическому* подоходному налогу, подразумевающему различное налогообложение разных видов доходов. В настоящее время в Германии существует *синтетический* подоходный налог (все виды дохода сводятся вместе в налоговой декларации и подлежат обложению по единой ставке в соответствии с тарифной шкалой).

В центре предвыборных дебатов стояли экономические вопросы, и в первую очередь вопросы бюджетно-финансовой политики. Так, в ходе предвыборной кампании СДПГ не раз заявляла о том, что не собирается повышать НДС, а в экономической программе ХДС/ХСС говорилось о необходимости повышения НДС не более чем на 2%. Однако образованная по результатам выборов «большая коалиция» из ХДС/ХСС и СДПГ единогласно приняла решение о повышении налога на добавленную стоимость сразу на 3% (с 16 до 19%). Такое «компромиссное» решение еще раз подтверждает уникальное свойство этого косвенного налога — возможность его использования для финансирования предвыборных обещаний в социальной сфере, на выполнение которых у правительства, как правило, нет денег. Интересно, что эта непопулярная мера полностью соответствует тенденциям развития современных налоговых систем по переходу от прямого к косвенному налогообложению и политике налоговой гармонизации в ЕС.

А вот другое компромиссное решение «большой коалиции» противоречит современным требованиям налоговой теории. Речь идет о введении так называемого «налога на богатых». Христианским демократам пришлось согласиться с требованием СДПГ о введении 5%-ной надбавки к подоходному налогу с доходов, превышающих 200 тыс. евро в год. В отличие от повышения НДС введение данного налога невозможно объяснить с точки зрения налоговой теории, так как новая «ступень» налоговой шкалы станет, скорее всего, дополнительным стимулом к уклонению от уплаты налогов и вывода активов из Германии.

В области реформы предпринимательских налогов, начатой еще правительством Герхарда Шрёдера, упор был сделан на два аспекта — с одной стороны, радикальное снижение номинальных налоговых ставок, а с другой стороны, одновременное изменение норм, способствующих легальному и нелегальному уходу от налогообложения. Окончательное закрепление эти два принципа нашли в последней реформе предпринимательских налогов, вступившей в действие в январе 2008 г.

Тема налоговой реформы была актуальной и в ходе предвыборной кампании по выборам в бундестаг осенью 2009 г. Широкомасшабные меры по поддержке немецких банков и предприятий, пострадавших от финансового кризиса 2008 г., большей частью были профинансированы за счет роста государственного долга. Постепенно на повестке дня оказывается вопрос об их рефинансировании. В частности, наиболее вероятной мерой может стать дальнейшее повышение налога на добавленную стоимость.

9.4. Финансовая система и ее элементы

В 2007 г. совокупные расходы государственного сектора Германии составили более 1 трлн евро, причем наибольший удельный вес приходится на внебюджетные фонды социального страхования, которые в совокупности почти в два раза превосходят федеральный бюджет и почти в три раза бюджеты местных органов власти (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Расходы бюджетов уровней власти и фондов социального страхования (2007)

	млрд евро
Федеральный бюджет*	325
Бюджеты федеральных земель	266
Бюджеты местных органов власти	161
Внебюджетные фонды социального страхования	467

* Включая отчисления в бюджет ЕС и специальные федеральные фонды

Источник: BMF: Finanzbericht 2009. S. 369.

При рассмотрении функциональной структуры консолидированного бюджета становится очевидно, что социальная политика, финансирование образования и здравоохранения являются приоритетными направлениями государственной политики Германии. На них в совокупности расходуется около 70% государственных средств из бюджетов разных уровней власти и внебюджетных фондов социального страхования (см. табл. 9.2). Высоки и расходы на государственное управление, что объясняется федеративной системой государственного устройства страны и наличием большого числа земельных, окружных и местных органов власти. Расходы на оборону, напротив, составляют всего 2% государственного бюджета.

Сведение всех государственных расходов (как бюджетов всех уровней власти, так и внебюджетных фондов) воедино целесообразно в целях сопоставимости с другими странами. В частности, систе-

мы социального страхования в некоторых государствах (Швеция) полностью финансируются через государственный бюджет, в то время как в большинстве стран существуют специальные внебюджетные фонды. В любом случае во всех промышленно развитых странах через системы социального страхования расходуются огромные средства.

Таблица 9.2

Функциональная структура расходов консолидированного государственного бюджета Германии (2007)

	млрд евро	**%**
Государственное управление	143,6	13,5
Образование	96,2	9,0
Здравоохранение	148,8	14,0
Социальное обеспечение	487,2	45,8
Оборона	25,6	2,4
Экономическая деятельность	77,1	7,3
Прочие статьи	85,3	8
Всего	1063,8	100

Источник: Deutschland in Zahlen 2008. Köln. S. 69.

9.4.1. Внебюджетные фонды социального страхования

Германия относится к странам, в которых системы социального страхования (пенсионное и медицинское обеспечение, страхование по безработице и нетрудоспособности) выведены из государственного бюджета и организованы в специальные фонды. Эти фонды служат для страхования определенных социальных рисков (нетрудоспособности по старости, потери кормильца, болезни, инвалидности и потребности в постоянном уходе, потери рабочего места и др.), и финансируются за счет членских взносов (называемых премиями). Размер взносов варьируется в зависимости от фонда и уплачивается, как правило, в соотношении 50 : 50 работодателями и наемными работни-

ками. Базой для взимания взносов является ежемесячный доход до вычета налогов.

Членство в фондах социального страхования является обязательным для лиц наемного труда, ежемесячный доход которых — до вычета налогов — не превышает определенной суммы[1]. Право на получение выплат из фондов социального страхования имеют только их члены, однако неработающие супруги и дети освобождены от уплаты членских взносов.

На фоне увеличения продолжительности жизни и внедрения достижений медицинского прогресса нагрузка на фонды социального страхования возрастает. Одновременно также по причине изменений демографической структуры населения постоянно сокращается численность лиц, вносящих взносы в системы соцстраха. Соответственно ставки взносов в фонды социального страхования также имеют тенденцию к росту. По состоянию на 2008 г. ставки взносов в фонды соцстраха составили: 19,9% в пенсионный фонд, 14,9% в фонд обязательного медицинского страхования, 3,3% в фонд страхования по безработице и 1,95% в фонд страхования по уходу за инвалидами. Совокупная ставка отчислений в фонды соцстраха составляет, таким образом, 40,05% от доходов до вычета налогов[2] и является серьезным стимулом для роста теневой занятости, что, в свою очередь, увеличивает нагрузку на остающихся в системе лиц. Одновременно высокие социальные взносы, через которые финансируется развитая система социального страхования Германии, ухудшает ее положение в конкурентной борьбе с другими государствами, в частности Восточной Европы, которые могут позволить себе не взимать таких высоких социальных взносов, поскольку им не нужно финансировать развитую социальную систему, подобную немецкой.

Реальные объемы финансирования социального государства становятся ясны при рассмотрении так называемого «социального бюдже-

---

[1] 5250 евро для Пенсионного фонда и около 4000 евро для Государственного фонда медицинского страхования. Наемные работники, доход которых превышает указанные пределы, освобождены от членства в фондах государственного социального страхования и могут, в частности, заключить частную медицинскую страховку. В связи со сложившейся тенденцией отбора «хороших рисков» частными фондами медицинского страхования в 2007 г. было принято решение о том, что переход из государственного фонда медицинского страхования в частный возможен только после непрерывного в течение трех лет превышения границы 4000 евро.

[2] 50% соответствующей суммы уплачивается из заработной платы (до вычета налогов) наемных работников, оставшаяся половина переводится в соответствующий фонд непосредственно работодателем.

та», составлением которого уже много лет занимается Министерство труда и социальной политики Германии[1]. В «социальном бюджете» сводятся воедино все расходы социального характера, а именно, расходы фондов социального страхования, предприятий и вливания бюджетных средств. При рассмотрении «социального бюджета» в первую очередь бросается в глаза, что его объем составил в 2007 г. 707 млрд евро (30% немецкого ВВП), что почти в два раза превосходит совокупные расходы фондов социального страхования (467 млрд евро). Наибольший абсолютный и относительный вес приходится на систему пенсионного и медицинского страхования. Две эти категории расходов составляют более половины расходов «социального бюджета».

Таблица 9.3

Структура и объем расходов «социального бюджета» Германии (2007)

	млрд евро	**%**
Пенсионное страхование	241,5	34,2
Медицинское страхование	152,2	21,5
Уход за инвалидами	18,3	2,6
Страхование от несчастного случая	10,9	1,5
Страхование по безработице	76,5	10,8
Пенсии государственным служащим	36,7	5,2
Выплата з/п в случае временной нетрудоспособности	25,4	3,6
Выплата детских пособий	36,9	5,2
Социальная помощь	41,5	5,9
Другие расходы	67	9,5
Всего	**706,9**	**100,0**

Источник: BMAS: Sozialbudget 2007.

Если рассматривать источники финансирования «социального бюджета», то фонды социального страхования представлены взносами, уплачиваемыми предприятиями и частными лицами в размере

[1] BMAS.

50 : 50, что в совокупности покрывает лишь 55% расходов «социального бюджета». Значительная часть социальных расходов финансируется из бюджетов разных уровней власти, причем из федерального бюджета выделяются дотации на покрытие дефицитов пенсионного фонда и фонда медицинского страхования, а из бюджетов местных органов власти предоставляется значительная часть социальной помощи населению. Пенсии государственным служащим выплачиваются из бюджетов разных уровней власти, особенно высокую нагрузку несут бюджеты федеральных земель.

Таблица 9.4

Источники финансирования «социального бюджета» (2007, %)

Предприятия	26,5
Федеральный бюджет	25,0
Бюджеты федеральных земель	10,4
Местные органы власти	9,3
Частные лица и организации	28,4
Страховые организации	0,4
	100

Источник: BMAS: Sozialbudget 2007.

Технически лишь первая составляющая системы социального страхования (страхование рисков) финансируется через систему социальных взносов, уплачиваемых ее членами, в то время как вторая, социальная, компонента финансируется через налоговые вливания из бюджетов разных уровней власти (в первую очередь федерального). Размеры налогового финансирования достигли внушительных размеров. В частности, размер налоговых дотаций в пенсионный фонд возрос с 30,4 млрд евро в 1995 г.[1] почти вдвое до 56,0 млрд евро в 2007 г. Кроме того, с 1998 г. из федерального бюджета выделяется дополнительная дотация в пенсионный фонд, размер которой возрос за про-

[1] Для сравнения: в 1970 г. дотация в пенсионный фонд из государственного бюджета составляла всего 3,5 млрд евро.

шедшие десять лет с 9 млрд евро в 1999 г. до почти 18 млрд евро в 2007 г.[1] С другой стороны, без таких значительных бюджетных вливаний вынужденной мерой стало бы резкое повышение ставок страховых премий, что, как правило, неприемлемо по политическим соображениям.

В результате система пенсионного страхования Германии лишь на 60% финансируется за счет ежегодно вносимых страховых взносов, в то время как 40% выплат приходится на бюджетные средства.

С другой стороны, анализируя структуру выплат из пенсионного фонда, которые финансируются за счет бюджетных средств, становится очевидно, что многие из них носят политический или временный характер. Так, в частности, в 2003 г. размер непокрытых взносами выплат составил почти 80 млрд евро. Из них 19,6 млрд евро было потрачено на выплату пенсии пенсионерам бывшей ГДР, которые, строго говоря, не вносили средства в западногерманскую пенсионную систему. Еще 5,6 млрд евро составили выплаты пенсий переселенцам из стран бывшего Советского Союза. 14 млрд евро стоила выплата пенсий лицам, досрочно вышедшим на пенсию и не достигшим 65 лет. 9 млрд евро стоило включение в трудовой стаж периода учебы в ВУЗах и 6 млрд евро — включение трехгодичного отпуска по уходу за детьми в стаж работающих матерей и др.[2]

В системе государственного медицинского страхования особенно дорого обходится «бесплатное», другими словами, финансируемое за счет бюджета, включение в систему детей и неработающих супругов, за которых в частных фондах медицинского страхования также уплачиваются взносы. При этом если включение несовершеннолетних детей является целесообразной мерой, то наличие «семейной страховки» для неработающих супругов является, скорее, особенностью Германии и дополняет, в частности, систему льготного налогообложения супружеских пар подоходным налогом. Обе меры появились в послевоенной Германии для поощрения института брака и защиты интересов семей с детьми. Поскольку политика финансовой поддержки семей (включая не только выплату детских пособий[3], но и льготное налогообложение супружеских пар, бесплатное включение детей и неработающих супругов и другие упомянутые выше меры) обходится государственной казне в 100 млрд евро в год, не защи-

---

[1] Deutschland in Zahlen 2008. Köln. S. 84.

[2] Данные по: Bericht der Bundesregierung zur Entwicklung der nicht beitragsgedeckten Leistungen vom 13.6.2004, DVR 10/2004. S. 579.

[3] 154 евро в месяц на одного ребенка; 164 евро начиная с 2009 г.

щая при этом ни детей, ни разведенных женщин от бедности, существующая система критикуется как дорогая, неэффективная и не соответствующая требованиям сегодняшнего дня. Соответственно дискутируются и варианты реформирования налогообложения семейных пар и самостоятельного пенсионного обеспечения женщин в случае развода.

Драматические изменения демографической ситуации — значительное увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости и соответственно увеличение удельного веса пожилых людей, которые являются главными получателями выплат из системы социального страхования, только ужесточают ситуацию и ведут к постоянному увеличению нагрузки на все фонды социального страхования.

Эти изменения, в частности, стали причиной создания в 1995 г. нового самостоятельного фонда в системе социального страхования — фонда по уходу за инвалидами. Выделение этого фонда из системы медицинского обеспечения было обусловлено его особенностями, например большим объемом задействованного медицинского персонала. Финансирование фонда по уходу за инвалидами является одной из главных проблем системы социального страхования в будущем, поскольку по последним прогнозам Статистического ведомства Германии численность лиц старше 80 лет возрастет в стране с 4 млн человек в 2006 г. до 10 млн человек в 2050 г.[1] Именно эта категория населения является основным получателем выплат из фонда по уходу за инвалидами, поскольку потребность в уходе по статистике резко возрастает у пациентов старше 80 лет.

9.4.2. Бюджеты уровней власти

Среди бюджетов уровней власти наибольший размер в абсолютном выражении традиционно имеет федеральный бюджет; однако его большая часть перераспределяется в виде социальных трансфертов населению и дотаций нижестоящим уровням власти. С другой стороны, впечатляюще выглядят региональные бюджеты и бюджеты местных органов власти, что определяется большим объемом задач, выполняемых землями и местными органами власти задач.

Структура расходной и доходной части бюджетов разных уровней власти заметно отличается (табл. 9.5).

---

[1] Bevölkerung Deutschlands bis 2050. 11. koordinierte Bevölkerungsvorausberechnung. Statistisches Bundesamt 2006. S. 22.

Таблица 9.5

Структура расходной и доходной части бюджетов разных уровней власти (2007)

	Федеральный бюджет		**Земельные бюджеты**		**Бюджеты местных органов власти**	
	млрд евро	*%*	**млрд евро**	*%*	**млрд евро**	*%*
Расходы всего. Из них:	**303**	***100***	**266**	***100***	**161**	***100***
на оплату труда	39	*13*	101	*38*	41	*25*
эксплуатационные расходы	19	*6*	27	*10*	33	*20*
обслуживание долга	40	*13*	21	*8*	5	*3*
трансфертные платежи	186	*61*	103	*39*	88	*55*
капиталовложения	7	*2*	6	*2*	20	*12*
Доходы, всего. Из них:	**287**	***100***	**276**	***100***	**169**	***100***
Налоги	252	*88*	199	*72*	66	*39*

Источник: BMF Finanzbericht 2009. S. 369.

Так в структуре федерального бюджета, помимо высокой доли трансфертных платежей (60%), в первую очередь социальных трансфертов населению, выделяется высокая доля расходов на обслуживание государственного долга (13%). Высокие социальные расходы и платежи по процентам являются важнейшими расходными статьями центральных бюджетов современных развитых государств, причем их значение в будущем, как ожидается, будет только возрастать на фоне изменяющейся демографической структуры общества.

В структуре расходов региональных бюджетов, также наряду с высокой долей трансфертных платежей (39%), направляемых прежде всего на осуществление межмуниципального финансового выравнивания, выделяется высокая доля расходов на оплату труда (38%). Поскольку такие трудоемкие сферы, как образование, охрана общественного по-

рядка и культура, являются в Германии исключительными компетенциями федеральных земель, то расходы на оплату труда учителей, преподавателей ВУЗов, сотрудников полиции и судей также финансируются из земельных бюджетов.

Таблица 9.6

Поступление основных налогов (2007)

	млрд евро	**%**
Прямые налоги. В том числе:	**272,1**	**50,6**
подоходные налоги на физические и юридические лица. В том числе:	*204,7*	*38,0*
— подоходный налог и налог на з/п	156,8	29,1
— налог на прибыль корпораций	22,9	4,3
— налог на доход с капитала	13,8	2,6
— налог на доход с процентов	11,2	2,1
Налог на имущество физических лиц	–	–
Промысловый налог	40,1	7,5
Поземельный налог	10,7	2,0
Косвенные налоги. В том числе:	**266,1**	**49,4**
универсальные налоги с оборота. Из них:	*169,6*	*31,5*
— налог на добавленную стоимость	127,5	23,7
— налог с оборота при импорте товаров	42,1	7,8
Специальные косвенные налоги (акцизы). В том числе:		*0,0*
— налог на минеральное топливо	38,9	7,2
— налог на табачную продукцию	14,3	2,7
— налог на владельцев автомобилей	8,9	1,7
— страховой сбор	10,3	1,9
Таможенные пошлины (поступает в бюджет ЕС)	3,9	0,7
Всего налоговых поступлений:	**538,2**	**100,0**

Источник: Arbeitskreis “Steuerschätzungen”, Mai 2008.

В структуре расходов коммунальных бюджетов традиционно высока доля расходов на осуществление инвестиций, потому что, как известно, основная часть общественных инвестиций осуществляется местными органами власти. Вышестоящие уровни власти, инициирующие осуществление инвестиционного проекта, несут при этом значительную часть расходов, однако часть расходов финансируется непосредственно из местных бюджетов.

Общий кризис государственных финансов, вызванный объединением страны в 1990 г., привел к переложению финансовой ответственности во многих сферах на местные органы власти. Так, в частности, финансирование принятого в 1996 г. Закона о гарантировании места в детских дошкольных учреждениях всем детям старше 3 лет в значительной степени легло на коммуны и муниципалитеты. На фоне стагнирующих доходов местных бюджетов, роста расходов коммунальных бюджетов и муниципальной задолженности проявилась острая нехватка средств на осуществление инвестиции в коммунальную инфраструктуру, другими словами, возникла и стала нарастать «скрытая задолженность». Коммунальная инфраструктура стала постепенно приходить в негодность, в особенности этот феномен проявился в мелких сельских общинах.

Для доходной части бюджетов разных уровней власти в первую очередь характерна различная доля налогового покрытия. Так, к примеру, для федерального бюджета она составляет 88%, для региональных бюджетов — 72%, в то время как для местных бюджетов — менее 40%. Незначительная доля налогового финансирования местных органов власти в Германии[1] и соответственно высокая зависимость немецких муниципалитетов от дотаций из вышестоящих бюджетов объясняются особенностями немецкой модели «кооперативного федерализма», которому присуща высокая степень взаимозависимости уровней власти.

Высокий показатель квоты налогового покрытия бюджетов федеральных земель (72%) объясняется участием земель в так называемом «налоговом союзе», который также является особенностью «кооперативного федерализма». Тогда как собственно земельные налоги составляют лишь незначительную часть доходов земельных бюджетов, участие в расщеплении налога на добавленную стоимость и подоходного налога, входящих в «налоговый союз», в значительной степени формирует доходную часть земельных бюджетов (подробнее см. раздел о бюджетном федерализме).

---

[1] В США она превосходит 60%.

9.4.3. Налоговая система

Под налоговой системой государства[1] понимается сочетание разных видов налогов и их доля в общих поступлениях консолидированного государственного бюджета государства. Основные виды налогов немецкой налоговой системы представлены в таблице 9.6.

Прямые и косвенные налоги

Прямые налоги связаны с фактом получения дохода или обладания имуществом. При взимании прямых налогов могут быть учтены личные обстоятельства налогоплательщика (количество детей и других иждивенцев, расходы, связанные с процессом получения дохода, расходы на медицинское обслуживание, образование или повышение квалификации и др.). Другими словами, при взимании прямых налогов упор может быть сделан на субъект налогообложения, в роли которого выступает получатель дохода или обладатель имущества. Такие налоги называются ***субъектными, или личными.*** В том случае, если система ориентируется на объект налогообложения, личные обстоятельства, в которых находится субъект налогообложения, игнорируются. Такие налоги называются ***объектными, или реальными***. В Германии к реальным налогам относятся два основных местных налога — промысловый и поземельный.

Косвенными налогами, напротив, напрямую облагается не сам доход, а процесс его использования и не само имущество, а процесс его передачи. Косвенные налоги являются ***объектными***, поскольку они не учитывают личные обстоятельства налогоплательщиков.

Как видно из таблицы 9.6, налоговые поступления в бюджет Германии в соотношении 50 : 50 состоят из прямых и косвенных налогов. Эта картина в целом характерна для всех стран — членов ЕС, за исключением Франции, которая, будучи родиной НДС, традиционно отдает предпочтение косвенным налогам (там соотношение 60 : 40 в пользу косвенных налогов, и в первую очередь НДС). Кроме того, в целом в мире наблюдается тенденция в сторону косвенного налогообложения, поскольку косвенные налоги, не являясь субъектными,

---

[1] Немецкая классическая наука о государственных финансах проводит различие между *рациональной* налоговой системой, т. е. построенной в соответствии с научными принципами, и *исторически сложившейся*, т. е. реально существующей в конкретной стране. *Neumark, F.*: Grundsätze gerechter und ökonomisch rationaler Steuerpolitik, Tübingen 1970. S. 390; Die Steuern. Grundlinien eines rationalen Steuersystems, 3.Aufl. Tübingen 1981. S. 336 ff.

менее ощутимые, «неперсонифицированные», анонимные, а к тому же, перекладываясь на конечного потребителя, не обременяют предпринимателей.

В эпоху глобализации, для которой характерна тенденция к сокращению бремени предпринимательских налогов, «сдвиг» в сторону косвенного налогообложения неизбежен.

9.4.3.1. Косвенные налоги

Налог на добавленную стоимость

Налог на добавленную стоимость[1] является основным среди косвенных и играет исключительно важную роль в немецкой налоговой системе. Около 30% всех налоговых поступлений ФРГ приходится на доходы по НДС (130 млрд евро в 2007 г.). Кроме того, этот универсальный косвенный налог входит в так называемый «налоговый союз»[2] и имеет чрезвычайно важное значение для системы финансового выравнивания страны: НДС используется как для вертикального, так и для горизонтального финансового выравнивания.

Без преувеличения налог на добавленную стоимость стал настоящей вехой в истории современного налогообложения. Переложение налогового бремени на конечного потребителя товаров и услуг долгое время делало НДС надежным и стабильным источником поступлений в государственную казну всех европейских государств[3], поскольку предприниматели, уплачивающие предварительный налог, не имеют никаких видимых стимулов уклоняться от его уплаты, ведь конечное бремя перекладывалось на потребителей через систему возврата предварительного налога.

Однако после заключения Маастрихтского договора и открытия границ в Европе резко возрос масштаб махинаций с незаконным возвратом неуплаченного предварительного налога. Многие нечистые на руку предприниматели не могут устоять перед искушением потре-

---

[1] В Германии его по-прежнему часто называют налогом с оборота, так же называется соответствующий закон — Закон о налоге с оборота (Umsatzsteuergesetz — *UStG*). В Германии речь идет о разновидности налога с оборота, а именно о нетто-налоге с оборота, другими словами, налоге на добавленную стоимость.

[2] То есть поступления по этому налогу расщепляются между федеральным центром, землями и местными органами власти. Происходит это по достаточно сложной системе в соответствии с федеральным законом, требующим одобрения бундесрата. Подробно распределение поступлений по НДС рассмотрено в разделе о бюджетном федерализме.

[3] В том числе и в России.

бовать от налоговых органов возврата предварительного налога, который они в действительности никогда не уплачивали. Для этого им необходимо путем фальсификации финансовых документов имитировать сделки, которых на самом деле не было. Важным источником махинаций стали также торговые операции с заграницей, поскольку в большинстве государств ЕС экспортеры освобождены от уплаты НДС. В этом случае необходимо предоставить документы, доказывающие факт вывоза товара (или услуги) за границу, и после этого можно требовать от налоговых органов возврата НДС.

Таблица 9.7

Динамика ставок НДС (обычной и льготной) и доля в совокупных налоговых поступлениях (1970–2007, %)

	1970	1980	1990	1995	2000	2007
Обычная ставка НДС	11	13	14	15	16	19
Льготная ставка	5,5	6,5	7	7	7	7
Доля поступлений в совокупных налоговых поступлениях	25	26	27	30	30	30
Доля центрального правительства*	70	67,5	65	56	50,25	50,5

* Формальная доля, указанная в Законе о финансовом выравнивании (Finanzausgleichgesetz — FAG), эффективная доля может несколько отличаться.

Источник: Bohley P. Die öffentliche Finanzierung, München 2003. S. 360; BMF Finanzbericht 2007. S. 291.

Точно рассчитать масштабы злоупотреблений, связанных с незаконным возвратом предварительного налога, невозможно, так как значительная часть этих налоговых деликтов до сих пор не раскрыта и, наверно, уже не будет раскрыта никогда. Однако можно косвенно оценить масштабы этих злоупотреблений, в частности на основе анализа статистики поступлений по НДС в бюджеты государств — членов ЕС и их сравнения с динамикой ВВП за тот же период времени. Например, в Германии после 1993 г. наблюдается стагнация доли НДС в совокупных налоговых поступлениях на уровне 30%. Несоответствие динамики поступлений по НДС ожиданиям стало в последнее десятилетие существенной проблемой для немецких государственных

финансов, поскольку именно этот налог традиционно рассматривается в роли надежного «наполнителя» бюджетов разных уровней и стабильным средством для затыкания разнообразных «бюджетных дыр».

В частности, все средства, полученные за счет повышения ставки НДС с 15 до 16% в 1998 г, т. е. на тот момент времени 6,5% совокупных поступлений по НДС, были направлены на покрытие дефицита пенсионного фонда, а лишь после этого оставшиеся средства распределялись между центральным, региональными и местными бюджетами. Именно НДС использовался в качестве компенсации местным органам власти за отмену в 1998 г. промыслового налога на капитал (коммуны получили 2,2% поступлений по НДС).

В 2004 г. поступления по НДС использовались для компенсации последствий налоговой реформы (федеральные земли получили 2,65 млрд евро из доли федерального правительства), а начиная с 2005 г. — для компенсации финансирования реформы социального обеспечения из федерального бюджета (федеральный центр получает 1 млрд евро из доли федеральных земель).

Специальные косвенные налоги (акцизы)

Среди специальных косвенных налогов (акцизов) основными являются налоги на потребление продовольственных товаров (соль, сахар), или на специфические товары (нефтепродукты, табак, алкоголь, предметы роскоши). Налоги уплачиваются или производителями товаров, или крупными дистрибьютерами. Они технически просты во взимании и обеспечивают устойчивые поступления в государственную казну. Существование специальных налогов на потребление соответствует принципу справедливого налогообложения, поскольку они уплачиваются лицами, потребляющими определенные блага: курильщиками, потребителями алкогольной продукции, автомобилистами и др. Часть таких налогов являются рудиментами прошлого, как, например, налоги на соль, сахар, кофе, т. е. на товары, когда-то являвшиеся предметами роскоши.

Стоит обратить внимание на то, что данные специальные косвенные налоги, главным образом акцизы на минеральное топливо, табак и алкоголь[1], выполняют не столько регулирующую (по отношению к потреблению), а в первую очередь фискальную функцию. С учетом общемировой тенденции снижения предпринимательских и личных подоходных налогов значение акцизов будет и в будущем постоянно возрастать.

---

[1] В России, Канаде, США, Великобритании важную роль, кроме того, играют налоги на добычу полезных ископаемых.

Поскольку данные налоги уплачиваются небольшим числом крупных производственных и торговых предприятий, то отследить географическое место происхождения (фактического сбора) этих налогов технически невозможно или, если возможно, то очень дорого. Как известно из теории фискального федерализма, налоги с неравномерно распределенной налогооблагаемой базой должны находиться в компетенции федерального правительства. По этой же причине именно акцизы являются вполне подходящими кандидатами на роль самостоятельных налогов Европейского союза в том случае, если будет принято соответствующее решение об их введении.

9.4.3.2. Прямые налоги

К прямым налогам относятся налоги на доходы и на имущество.

Подоходный налог с физических лиц является наряду с налогом на добавленную стоимость основным налогом немецкой налоговой системы. На него также приходится около 30% налоговых поступлений в консолидированный бюджет Германии (см. табл. 9.6). Немецкий Закон о подоходном налоге *(Einkommensteuergesetz — EstG)* трактует налогооблагаемый доход как 7 конкретных видов дохода[1], а именно:

1) доходы от занятия сельскохозяйственной и лесоводческой деятельностью;
2) доходы от предпринимательской деятельности;
3) доходы лиц свободных профессий;
4) доходы от наемного труда;
5) доходы с капитала;
6) доходы от сдачи имущества в аренду
7) и другие виды доходов в соответствии с § 22 EStG (в частности, пенсии, спекулятивная прибыль, доходы от посреднической деятельности и др.).

Отдельные виды дохода облагаются в Германии различными видами подоходного налога. В конечном счете все виды доходов сводятся воедино в ежегодной налоговой декларации и облагаются подоходным налогом по одинаковому тарифу[2]. Поэтому немецкий подоходный налог называется *синтетическим*.

---

[1] Другими словами, доходы, не подпадающие под перечисленные 7 видов, налогом не облагаются.

[2] Это ситуация изменилась с 01.01.09 с введением самостоятельного налога на доходы с капитала в размере 25%. Эти доходы, соответственно, более не подпадают под прогрессивную шкалу налогообложения и облагаются по отдельной ставке. Таким образом, Германия наряду со Скандинавскими странами пошла по пути налогообложения дохо-

В частности, подоходный налог на доходы от наемного труда взимается в виде налога на заработную плату *(Lohnsteuer)* у источника дохода и составляет основную часть поступлений в государственную казну по данному виду налога. Лица наемного труда, уплачивающие налог на заработную плату, обязаны подавать налоговую декларацию только в том случае, если помимо заработной платы у них есть и другие источники дохода (от предпринимательской деятельности, от сдачи имущества в аренду и др.)[1]. Получатели всех остальных видов дохода подают налоговую декларацию в обязательном порядке до 31 мая следующего за отчетным налогового года.

Налог на доход от процентов по вкладам *(Zinsabschlagsteuer)* также взимается у источника и подлежит вычету при установлении окончательной налоговой повинности.

Первые три вида из перечисленных выше доходов рассматриваются немецким государством как предпринимательская прибыль. В этом случае при установлении налогооблагаемого дохода (прибыли) из валового дохода вычитаются предпринимательские издержки *(Betriebsausgaben)*. В остальных случаях при исчислении налогооблагаемого дохода из валового дохода вычитаются расходы, связанные с получением дохода *(Werbungskosten)*[2]. К рассчитанной таким образом величине полученного дохода или прибыли, скорректированной с учетом возможных вычетов, применяются соответствующие налоговые ставки.

Немецкий подоходный налог имеет прогрессивную шкалу: получатели больших доходов должны уплачивать более высокий налог не только в абсолютном размере, но и в относительном. Строго говоря, в Германии используется смешанная шкала подоходного налога, при которой участки прогрессивного налогообложения чередуются с пропорциональными. Максимальная предельная ставка подоходного налога начиная с 2005 г. составляет 42%, причем с введением налога «на богатых» она возросла до 45%. Необлагаемый налогом минимум, исчисляемый на основе прожиточного минимума, начиная с 2004 г. составляет 7664 евро.

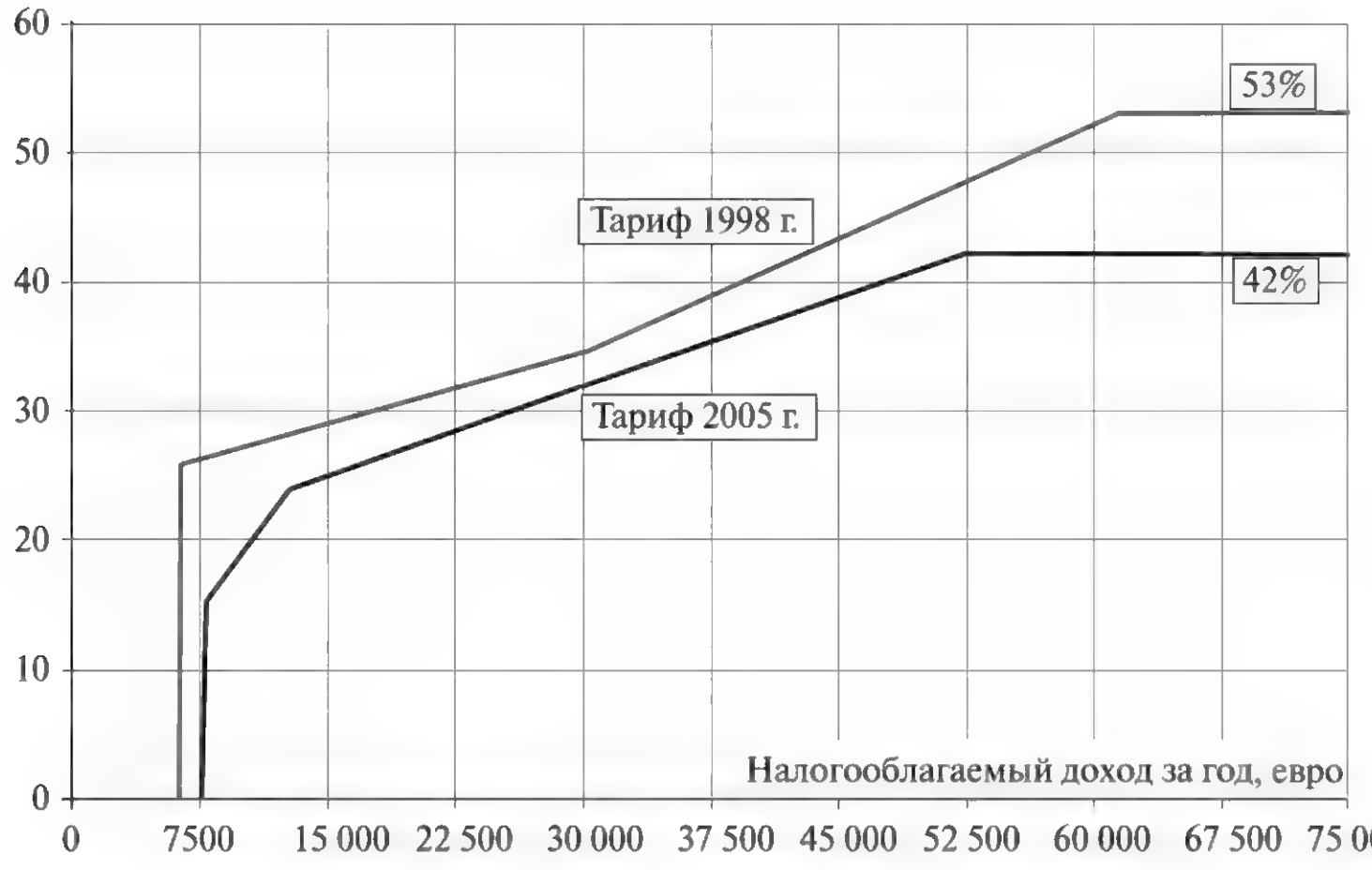
дов от наемного труда и доходов с капитала по разным ставкам. В первом случае применяется прогрессивная шкала, во втором — единая ставка в размере 25% полученного дохода.

[1] Для лиц наемного труда, не имеющих дополнительных источников дохода, подача налоговой декларации является добровольной и имеет смысл в том случае, если налогоплательщик рассчитывает на возврат налога. Право на подачу налоговой декларации действует в течение двух лет после истечения отчетного налогового года.

[2] Закон о подоходном налоге четко определяет, какие расходы являются предпринимательскими издержками, а какие — личными расходами, связанными с получением дохода.

График 9.4

Шкала подоходного налога до и после реформы



Источник: Bendesministerium für Finanzen (BMF).

Поскольку существует эмпирически доказанный эффект[1], в соответствии с которым высокие предельные ставки подоходного налога — как и других видов налогов — приводят за счет легального и нелегального ухода от налогов к сужению налогооблагаемой базы и в результате к сокращению налоговых поступлений в государственную казну, многие промышленно развитые государства еще в 80-е годы прошлого столетия стали осуществлять налоговые реформы в направлении снижения предельных ставок подоходного налога.

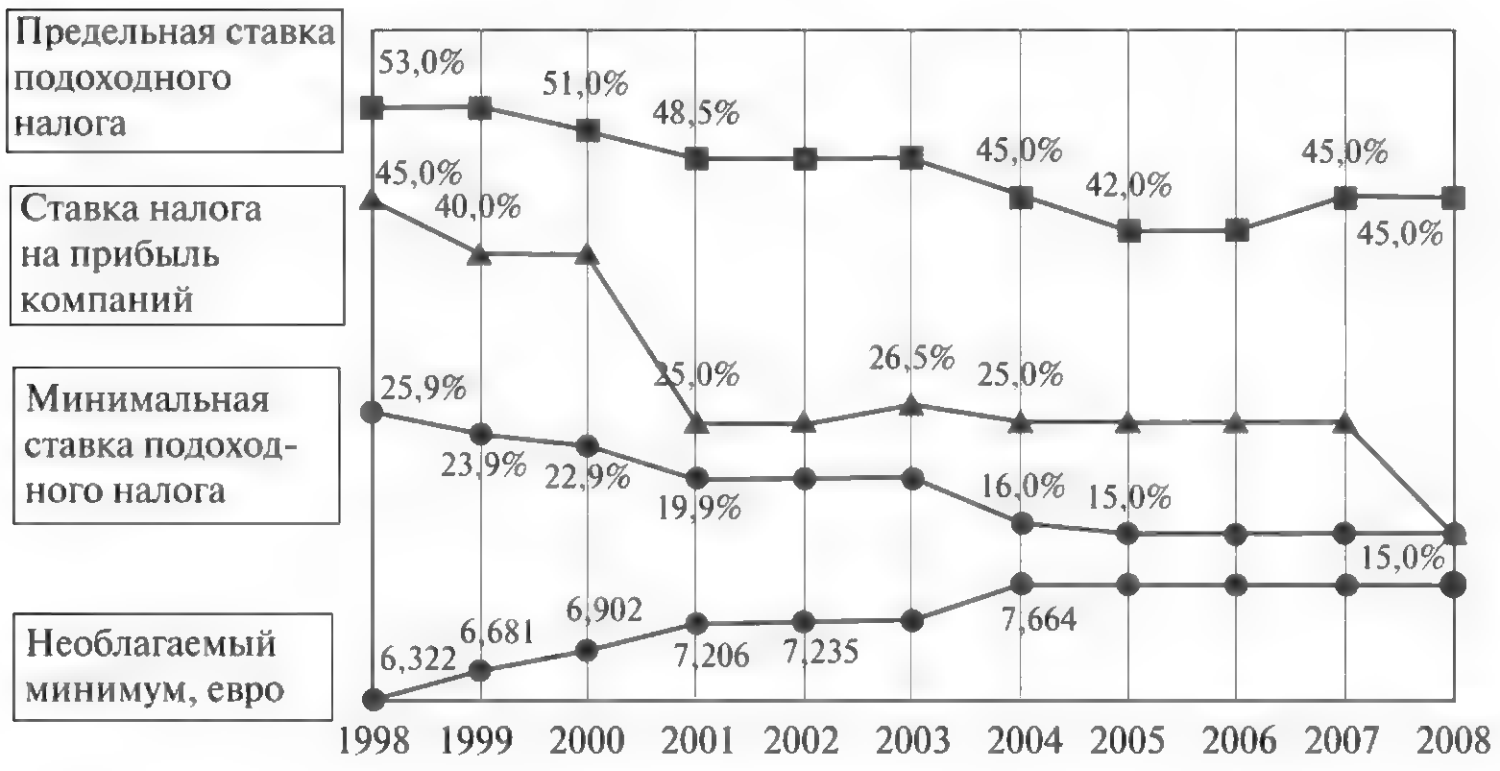
Германия начала реформы подоходного налогообложения в 90-е годы, т. е. позже других развитых стран. При этом ее начало пришлось

[1] Этот эффект известен как «кривая Лаффера», названная по имени советника по экономическим вопросам президента США Рональда Рейгана. Полученная эмпирически кривая, имеющая вид параболы, показывает, что при налоговом бремени 50% налоговые поступления в государственную казну начинают снижаться. Обнаруженная закономерность убедила президента США Рональда Рейгана в необходимости начать осуществление радикальной налоговой реформы по снижению налогового бремени.

на период объединения, когда страна пыталась мобилизовать ресурсы для финансирования экономического подъема восточных земель. Поэтому основные реформы смогло начать только правительство Герхарда Шрёдера в 2000 г. Если в 1998 г. предельная ставка подоходного налога составляла 53%, то к 2005 г. она была постепенно снижена до 42%, что, однако, все равно является высоким показателем на фоне других развитых государств.

График 9.5

Динамика изменений размера необлагаемого налогового минимума и ставок подоходного налога с физических лиц и налога на прибыль корпораций в ходе налоговой реформы 1998–2005 гг.



Источник: составлено по данным Министерства финансов Германии (BMF).

При этом упомянутая выше концепция Поля Кирхофа, предполагающая пропорциональную шкалу подоходного налогообложения, оказавшаяся в центре предвыборной кампании 2005 г., не встретила поддержки у избирателей. Время «плоской шкалы» подоходного налога в Германии, очевидно, еще не пришло, хотя из теории налогообложения известно, что подоходный налог с пропорциональной шкалой обладает рядом важных преимуществ. В частности, он делает излишними все остальные виды налогов на доход (налоги на прибыль, на доход с капитала и др.) и существенно упрощает всю систему нало-

гообложения, в том числе и для налогоплательщиков, для которых в целом отпадает необходимость подавать налоговые декларации. Но всем этим преимуществам подоходного налога с плоской шкалой «противостоит один-единственный его недостаток, а именно то, что он не является прогрессивным налогом»[1].

Подоходный налог на юридические лица (налог на прибыль корпораций)

Данный налог уплачивают только предприятия, имеющие правовую форму компании, основанную на объединении капиталов, но не товарищества (объединения членов)[2]. Налоговым должником является юридическое лицо, а не физические лица, владельцы компании. Таким образом, немецкий налог на прибыль корпораций является подоходным налогом на доход юридических лиц. Наряду с налогом на прибыль немецкие компании уплачивают также промысловый налог, который до реформы предпринимательских налогов 2008 г. подлежал вычету из налогооблагаемой базы по налогу на прибыль как производственные издержки.

В ФРГ с 1977 по 2001 г. существовала система полного вычета налога на распределенную прибыль при исчислении подоходного налога получателя дивидендов. Сам налог на прибыль компаний соответственно имел две ставки: более высокую на нераспределенную прибыль и более низкую на распределенную. В 1992 г. до начала реформ предпринимательских налогов ставки налога на прибыль составляли в Германии 50% на нераспределенную прибыль и 36% на распределенную.

Доходы от налога на прибыль относительно невелики по сравнению с доходами от подоходного налога с физических лиц. Так, в 2007 г. доходы от поступления по подоходному налогу с физических лиц составили 157 млрд евро (т. е. 29% налоговых поступлений в консолидированный бюджет Германии), в то время как поступления по налогу на прибыль составили всего 23 млрд евро (4,3% налоговых поступлений).

Снижение налога на прибыль компаний было объявлено в ФРГ одним из приоритетных направлений общей реформы системы предпринимательских налогов. В течение 90-х годов ставки налога постоянно снижались и составили в 1998 г. 45% на нераспределяемую прибыль и 30% на распределяемую. Постепенное снижение налоговых

---

[1] Seidl Ch. Eine umfassende Steuer- und Abgabereform für Deutschland: Eine *flat tax* mit Sozialkomponente, in: Seidl, Ch. und Jickeli, J. (Hrsg.) Steuern und Soziale Sicherung in Deutschland, Kiel 2006. S 184.

[2] Последние освобождены наряду с представителями «свободных» профессий (врачей, адвокатов, налоговых консультантов) и от уплаты местного промыслового налога (налога на бизнес).

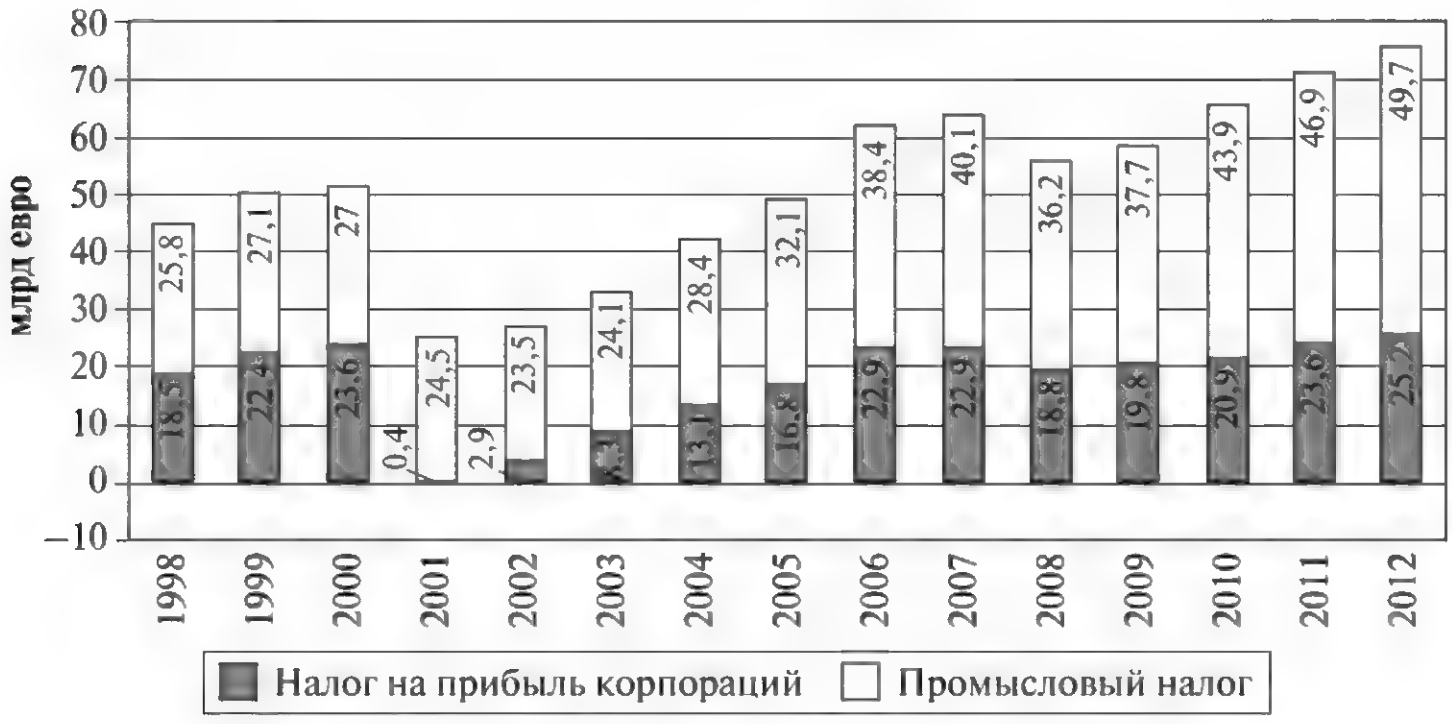
ставок налога на прибыль стало основным результатом налоговой реформы 90-х годов, системных изменений предпринять не удалось.

Систему налогообложения прибыли удалось изменить лишь в результате налоговой реформы 2000 года. С 2001 г. введена единая ставка для распределяемой и нераспределенной прибыли, которая одновременно была снижена до 25%. Изменения затронули и получателей дивидендов: вычету при исчислении походного налога подлежит теперь лишь 50% полученных дивидендов. Другая половина подлежит налогообложению в соответствии со шкалой подоходного налога на физических лиц.

О масштабах, проведенной правительством Г. Шредера налоговой реформы свидетельствует, в частности, динамика поступлений по налогу на прибыль в государственную казну: в 2001 г. размер поступлений составил отрицательную величину, а в 2002 г. всего 2,9 млрд евро. На «дореформенный» уровень 2000 г. (23 млрд евро) государству удалось снова выйти лишь в 2006 г. (график 9.6).

График 9.6

Поступления по налогу на прибыль компаний и промысловому налогу (в млрд евро) (начиная с 2007 г. с учетом реформы предпринимательских налогов)



Источник: Die Unternehmensteuerreform 2008 in Deutschland, in: Monatsbericht des BMF. März 2007; BMF: Finanzbericht 2009. S. 275.

Однако с учетом промыслового налога налоговое бремя на компании и после проведенных реформ остается в Германии одним из самых высоких в Европе. Многие европейские государства не стоят на месте и продолжают снижать предпринимательские налоги. Более того, в Восточной Европе появились новые «налоговые оазисы». Например, в Эстонии ставка налога на прибыль компаний равна нулю. Поэтому правительство «большой коалиции» в ходе нового этапа реформы предпринимательских налогов (см. далее) радикально снизило с 1 января 2008 г. ставку налога на прибыль с 25 до 15%.

Таблица 9.8

Номинальные ставки предпринимательских налогов в странах ЕС в 2005 г. и в Германии в 2008 г. (налог на прибыль корпораций и местные налоги на бизнес)

Германия, 2005	38,7	Португалия	27,5
Италия	37,3	Финляндия	26
Испания	35	Чехия	26
Мальта	35	Австрия	25
Франция	34,9	Польша	19
Бельгия	34,9	Словакия	19
Греция	32	Венгрия	17,5
Нидерланды	31,5	Латвия	15
Люксембург	30,4	Литва	15
Великобритания	30	Болгария	15
Германия (2008)	***29,8***	Ирландия	12,5
Дания	28	Кипр	10
Швеция	28	Эстония	0

Источник: Die Unternehmensteuerreform 2008 in Deutschland, in: Monatsbericht des BMF, März 2007.

Реформа предпринимательского налогообложения 2008 г.

Реформа предпринимательских налогов 2008 г. осуществлялась по двум направлениям. С одной стороны, была предпринята попытка

снизить бремя налога на прибыль корпораций и промыслового налога за счет снижения номинальных налоговых ставок. С другой стороны, были осуществлены изменения немецкого налогового права с целью предотвращения легального ухода от налогов, например путем декларирования международными концернами прибыли в странах с низкими налоговыми ставками, а понесенных убытков — в Германии. По оценкам немецких экспертов, легальный уход от налогов ведет к ежегодной недоплате в федеральный бюджет примерно 100 млрд евро[1].

Так, в частности, немецкое налоговое право ранее предусматривало возможность вычета из налогооблагаемой базы по налогу на прибыль в качестве производственных издержек расходов на привлеченный капитал (процентных выплат). В результате в структуре финансирования многих немецких концернов, осуществляющих деятельность за границей, стал обнаруживаться перекос в сторону заемного капитала. Мерой по борьбе с завышенной долей заемного капитала стало введение начиная с 2008 г. так называемого «барьера на вычет процентных платежей» *(Zinsschranke)*, цель которого состоит в устранении налоговых стимулов для искусственного завышения доли заемного капитала в структуре капитала компании.

Одной из целей реформы стало снижение налогового бремени не только на компании, но и на персональные товарищества. Неизрасходованная прибыль товариществ должна облагаться подоходным налогом по ставке максимально 28,25% (включая 5,5%-ный налог солидарности). Если же накопленная прибыль будет позже потрачена, то она будет облагаться подоходным налогом по обычной ставке, так что предельная ставка составит 48,33% (с учетом 5,5%-ной надбавки) по аналогии с налогообложением дивидендов налогом на прибыль. За счет этой меры предпринимается попытка равномерного налогообложения предприятий, имеющих разную правовую форму: компаний и персональных товариществ.

В целом, подводя итог, следует отметить, что последний этап реформы предпринимательских налогов в Германии, вступивших в действие с 2008 г., произведет двойственный эффект. С одной стороны, радикальное снижение номинальной ставки с 25 до 15%, безусловно, сыграет положительную роль для улучшения налогового «имиджа» Германии. С другой стороны, отмена важных вычетов из налогооблагаемой базы (прежде всего уплаченного промыслового

---

[1] Die Unternehmensteuerreform 2008 in Deutschland, in Monatsbericht des BMF, März 2007. S. 89.

налога при исчислении налога на прибыль компаний и походного налога с физических лиц — за счет этой меры реформа и финансируется) и введение «заградительных» барьеров в целях предотвращения утечки налогов из Германии снизят реальное действие реформ. Эти меры являются, однако, вынужденными, поскольку правительство Германии не скрывает, что новый этап налоговой реформы не должен стоить казне больше, чем 5 млрд евро «налоговых потерь» в год.

Реформа налогообложения доходов с капитала с 01.01.09

Вступившая в действие 1 января 2009 г. реформа налогообложения доходов с капитала тесно связана с реформой предпринимательских налогов, поскольку немецкая казна теряет налоговые поступления не только в связи с тем, что международные компании охотнее декларируют полученную прибыль за границей, но и в связи с тем, что из страны «уходят» сбережения частных лиц. По этой причине реформированию была подвергнута и система налогообложения доходов с капитала, полученных частными лицами.

В результате реформы разные виды доходов с капитала подпадают под налогообложение различными налогами, поэтому такая система и называется дуальной. В частности, *налог на проценты по сберегательным вкладам (Zinsabschlagsteuer)* интегрируется в подоходный налог на физические лица и подлежит налогообложению соответственно с предельной ставкой подоходного налога для определенного дохода (см.: Шкалу подоходного налога). *Дивиденды по акциям* в соответствии с действующей практикой подвергаются налогообложению только в 50%-ном размере, другими словами, если предельная ставка подоходного налога составляет с 2007 г. 45%[1], то предельная ставка налогообложения дивидендов — 22,5%[2].

Начиная с 2009 г., все доходы с капитала, получаемые физическими лицами, облагаются паушальным налогом на доход с капитала *(Abgeltungsteuer)* в размере 25%. Поскольку налог взимается у источника окончательно[3], налогоплательщикам не нужно более указывать полученные ими доходы с капитала в налоговых декларациях. Единый и более простой в техническом отношении налог на доходы с капитала по замыслу его инициаторов должен стать стимулом для немецких налогоплательщиков для уплаты налога в Германии, а не вывода дохо-

---

[1] С учетом налога на «богатых».

[2] То есть 1/2 от 50%.

[3] В настоящее время налоги на доход с капитала взимаются у источника предварительно, а затем подлежат вычету при расчете индивидуальной налоговой повинности по подоходному налогу.

дов за границу. Однако уже сейчас высказываются предположения, что ставка паушального налога 25% может эффективно даже повысить налоговое бремя, а не уменьшить его и что для достижения поставленной цели ставка налога должна быть снижена в направлении 15%.

Промысловый налог

Промысловый налог (налог на ведение бизнеса) является местным налогом на занятие предпринимательской деятельностью. В соответствии с классификацией налогов на субъектные и объектные промысловый налог является объектным. Объектом налогообложения являются хозяйственная деятельность предприятия и доходы, которые она приносит. Как распределяются эти доходы и кто их получает с точки зрения промыслового налога, неважно — в этом его отличие от подоходного налога с физических лиц, которым в том числе также облагаются доходы от предпринимательской деятельности. По этой причине в определенных случаях между подоходным налогом с физических лиц и промысловым налогом на хозяйственную деятельность предприятия существует проблема двойного налогообложения. До 2008 г. во избежание двойного налогообложения при уплате подоходного налога (и налога на прибыль компаний) размер уплаченного предприятием промыслового налога вычитался из налогооблагаемой базы как налога на прибыль компаний (или подоходного налога с физических лиц), так и самого промыслового налога.

Владелец хозяйственного предприятия в течение месяца после открытия предприятия обязан зарегистрировать его в местных органах власти, которые посылают соответствующее уведомление в компетентную налоговую инспекцию, которая занимается определением размера предпринимательского капитала и получаемой прибыли.Поскольку объектом налогообложения является хозяйственная деятельность предприятий, то он вполне логично относится к местным налогам, которые в финансовой науке рассматриваются как плата за использование предприятиями коммунальной инфраструктуры. Доходы от промыслового налога поступают большей частью[1] в местные бюд-

[1] Около 15% местные органы власти перечисляют в региональный и федеральный бюджеты. Часть поступлений по промысловому налогу перечисляется в вышестоящие бюджеты как компенсация за участие местных органов власти в разделении поступлений по подоходному налогу. Местные власти в целом получают 15% совокупных поступлений по подоходному налогу, что делает доходы местных бюджетов более сбалансированными и предсказуемыми, поскольку поступления по промысловому налогу подвержены сильным колебаниям в зависимости от размера получаемой предприятиями прибыли.

жеты, кроме того, местные органы власти имеют право самостоятельно устанавливать его ставку (местную надбавку). Однако налогооблагаемая база формируется единым образом в соответствии с Законом о промысловом налоге, который является федеральным законом.

Объектом обложения промысловым налогом является хозяйственное предприятие, как его определяет *Закон о подоходном налоге*[1]. Однако предприятия в сфере сельского и лесного хозяйства, а также деятельность имеющих собственные предприятия лиц свободных профессий налогом не облагаются, что заметно сужает круг попадающих под обложение налогом предприятий.Налогооблагаемой базой в настоящее время является размер прибыли, полученной в течение года, которая указывается в декларации по подоходному налогу. Чтобы избежать двойного налогообложения в том случае, если владелец предприятия и владелец земельного участка является одним и тем же лицом, указанная величина уменьшается на сумму, равную 1,2% от стоимости земельного участка. За счет этого предотвращается двойное налогообложение промысловым и поземельным налогом. Скорректированая величина прибыли далее уменьшается на размер необлагаемого налогом минимума по промысловому налогу.

Промысловый налог играет в Германии особую роль, несмотря на то что на него приходится всего около 7% от налоговых доходов консолидированного бюджета страны. Значение промыслового налога чрезвычайно высоко для местных бюджетов, в которых его доля колеблется от 20 до 30%. С другой стороны, он всегда критиковался представителями индустрии, утверждавших, что его взимание ухудшает положение немецких предприятий в конкурентной борьбе на мировом рынке. В результате в конце 90-х годов прошлого века была проведена реформа промыслового налога.

Налогооблагаемая база по промысловому налогу в соответствии с концепцией налогообложения дохода производственных факторов (земли, труда, капитала и предпринимательского таланта) изначально включала в себя **три элемента** (сумму выплаченной заработной платы, предпринимательский доход и предпринимательский капитал[2]). С 1980 г. по социальным соображениям был отменен промысловый налог с суммы выплаченной заработной платы, поскольку он затраги-

---

[1] Критерии, определяющие наличие хозяйственного предприятия, определены § 15 Закона о подоходном налоге. Предприятие должно быть самостоятельным, его деятельность должна быть рассчитана на достаточно длительный срок в целях получения прибыли, и оно должно участвовать в общем хозяйственном обороте.

[2] Четвертый элемент — земельная рента — облагается самостоятельным налогом на землю.

вал в наибольшей степени предприятия, создающие рабочие места. Во время проведения последнего этапа реформы с 1998 г. был отменен налог на промысловый капитал, который критиковался в связи с тем, что предприятиям приходилось уплачивать его даже в те годы, когда у него не было прибыли (как и налог с суммы выплаченной заработной платы). Так что сейчас промысловый налог сохранился только как налог на предпринимательский доход (прибыль).

Кроме того, реформа затронула и технику начисления налога. Его величина рассчитывается в два этапа, другими словами, используется две ставки налога. Первая (промежуточная) налоговая ставка устанавливается в Федеральном законе о промысловом налоге и едина для всех местных органов власти *(федеральная ставка)*. До 1993 г. эта ставка была одинакова вне зависимости от размера получаемой предприятием прибыли. В 1993–2007 гг. она была дифференцируема и составляла 1–5% в зависимости от размера прибыли[1]. В соответствии с последним этапом реформы предпринимательских налогов с 2008 г. снова вводится единая федеральная ставка промыслового налога в размере 3,5%, которая является налоговой базой для данного налога. В свою очередь, к ней применяются ставки, устанавливаемые местными органами власти (*местные надбавки),* размер которых колеблется от 0 до 500%. Средневзвешенная ставка по Германии составляет около 400%.

Введение в 90-е годы дифференцированной федеральной ставки по промысловому налогу, а также повышение размера необлагаемого налогом минимума (с 36 тыс. до 48 тыс. нем. марок, или 24,5 тыс. евро) привело к тому, что многие предприятия, ранее подпадавшие под обложение этим налогом, теперь освобождены от него, а налог уплачивается, как правило, только крупными предприятиями. По этой причине в ходе реформы 2008 г. было решено вернуться к единой ставке. Среди прочего, это позволяет избегать проблем, связанных с неравномерным налогообложением предприятий, получивших различную прибыль, например, лишает предприятия стимула занижать размер полученной прибыли.

Тем не мене результаты последнего этапа реформы промыслового налога 1998 г.[2] оцениваются всеми заинтересованными сторонами как неудовлетворительные. Местные органы власти лишились

---

[1] При этом ставка 5% применялась, начиная с прибыли 72,5 тыс. евро в год.

[2] Последние изменения затронули промысловый налог в ходе реформы предпринимательских налогов 2008 г. Однако это не была реформа промыслового налога как такового.

весьма существенного источника поступлений в свой бюджет. А передача в местные бюджеты в качестве компенсации 2,2% совокупных поступлений по НДС[1] не является приемлемым решением ни с точки зрения величины поступлений, ни с точки зрения их «качества», поскольку участие местных органов власти в разделении поступлений по НДС носит характер «налогового трансферта» и распределяется в соответствии с численностью лиц, уплачивающих взносы в фонды социального страхования, а также на основании размера промыслового налога на капитал, начисленного в данном муниципалитете в 1995 г. Эти два критерия были выбраны за отсутствием альтернативы.

Теоретически «численность лиц, уплачивающих взносы в фонд социального страхования», лучше подходит на роль возможного индикатора при расщеплении поступлений по налогу с оборота, чем используемый ранее индикатор численности населения, так как лучше отражает вклад отдельных муниципальных образований в образование добавленной стоимости. Однако и этот индикатор не является идеальным, поскольку огромное число лиц, создающих добавленную стоимость, не должны платить взносы в фонды социального страхования (например, предприниматели и лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью). Таким образом, даже при использовании нового индикатора характер трансферта при передаче НДС местным коллективам сохраняется. В качестве ориентира был взят размер поступлений по налогу на предпринимательский капитал за 1995 г. Участие местных органов власти в расщеплении поступлений по НДС было введено как компенсация за отмену промыслового налога на капитал и было призвано хотя бы частично компенсировать возникшие «дыры» в муниципальных бюджетах.

Местные власти не имеют возможности влиять на размер поступлений по НДС в отличие от отмененного промыслового налога на предпринимательский капитал, где они могли самостоятельно устанавливать местную ставку налога. Другими словами, в результате реформы была нарушена финансовая автономия местных органов власти, которая традиционно стоит в центре немецкой науки о государственных финансах. Отмена промыслового налога на капитал

---

[1] Фактически — это около 2,0% всех поступлений по НДС, поскольку 2,2% расчитывается от суммы, оставшейся после перевода 5,6% в федеральный бюджет в качестве компенсации за соответствующую дотацию в пенсионный фонд. Эти 5,6% поступлений консолидированного бюджета Германии по НДС соответствуют увеличению ставки НДС с 15 до 16%.

и замена его участием муниципалитетов в НДС — последний этап реформы промыслового налога — произошла в 1998 г. и была предпринята в качестве промежуточной меры до проведения основополагающей реформы промыслового налога. С тех пор прошло почти 10 лет, но никаких ощутимых подвижек в направлении реформирования промыслового налога и в целом системы муниципальных финансов пока не предвидится. Не принесла ожидаемых результатов и работа правительственной комиссии по реформированию системы муниципальных финансов, которая функционировала несколько лет и завершила свою деятельность в 2003 г., так и не выработав стратегии реформ.

Более того, можно утверждать, что за прошедшие 10 лет ситуация не только не упростилась, но и, скорее, даже усложнилась, потому что за это время сложился новый статус-кво в вопросах реформирования системы муниципальных финансов. В частности, в результате проведения реформы 1998 г. отдельные муниципальные образования оказались в выигрыше, так как их участие в НДС стало приносить им больше средств, чем раньше приносил промысловый налог на капитал. Определенным достоинством НДС является большая предсказуемость динамики поступлений в бюджет.

В целом существует несколько вариантов дальнейшего реформирования промыслового налога. Во-первых, возврат к старой форме промыслового налога, существовавшей до 1980 г., иными словами, к равномерному налогообложению всех трех факторов производства: труда (заработная плата), капитала (налог на промысловый капитал) и предпринимательского таланта (промысловый налог на прибыль). Этот вариант поддерживается немецкими муниципальными объединениями. Во-вторых, введение принципиально нового местного налога, например налога на созданную стоимость (этот вариант рассматривается в научных кругах). Второй вариант предпочтительнее первого в том смысле, что под налогообложение попадают все четыре фактора производства, но не отдельными элементами промыслового и поземельного налога, а единым налогом. Налогооблагаемая база налога на вновь созданную стоимость была бы с небольшими отличиями аналогична налогооблагаемой базе по НДС.

В-третьих, рассматривается возможность полной отмены промыслового налога (в частности, этот вариант лоббирует Союз немецких предпринимателей — BDI). В этом случае встает вопрос об альтернативных источниках финансирования для местных бюджетов. В качестве возможных альтернатив рассматриваются упомянутый в Конституции страны (ст. 106 (5) Основного закона) вариант введения собственной муници-

пальной налоговой ставки (надбавки) к подоходному налогу или реформа земельного налога по англосаксонскому варианту. В любом случае окончательная реформа промыслового налога может состояться только в контексте всеобъемлющей реформы муниципальных финансов.

Земельный налог

Ричард Масгрейв когда-то назвал земельный налог «лучшим коммунальным налогом»[1], поскольку земельные участки расположены на территории муниципалитета и в прямом и переносном смысле «привязаны» к нему. Они не могут покинуть территорию муниципалитета в том случае, если их владельцы не согласны с политикой муниципальных властей, как это могут сделать жители или предприятия. Земельные налоги, существующие в англосаксонских странах как налоги на недвижимость *property taxes*, традиционно играют ведущую роль в финансировании бюджетов местных образований. Только на этот налог приходится до 40% поступлений в бюджеты американских муниципалитетов.

В Германии ситуация иная. Поступления от земельного налога составляют около 10 млрд евро (2007), что соответствует 2% налоговых поступлений в консолидированный бюджет Германии и около 5% поступлений в бюджеты местных органов власти. Незначительный размер поступлений по земельному налогу объясняется не столько особенностями техники его начисления, которую при желании всегда можно изменить, сколько, скорее, принципом «социального государства», господствующим в стране. Высокие поземельные налоги неизбежно привели бы к тому, что, заканчивая активную трудовую деятельность, основная часть домовладельцев среднего уровня достатка оказались бы вынуждены продавать свои дома и участки. Эта ситуация — вполне типична для США, но для Германии она является неприемлемой.

Немецкий земельный налог наряду с промысловым налогом относится к налогам на доход от производственных факторов. В данном случае налогом облагается земельная рента. Соответственно земельный налог устроен аналогично промысловому налогу, здесь также сначала с применением федеральной ставки рассчитывается промежуточная величина, к которой затем применяются налоговые ставки, установленные местными органами власти. Как и в случае с промысловым налогом, Закон о земельном налоге также является федеральным законом, за счет чего достигается единство налогооблагаемой базы по территории всей страны.

---

[1] Musgrave R.A. Who should tax, where and what?, in: Ch. McLure, Tax Assignment in Federal Countries, Canberra 1983.

Налоговая база земельного налога формируется путем применения к рассчитанной налоговой инспекции стоимости земельных участков коэффициентов, установленных в Законе о земельном налоге. Оценка стоимости земельных участков осуществляется на основе единых критериев оценки, существующих в Западной Германии с 1964 г. — именно тогда была проведена оценка всех земельных участков и стоящих на них строений. С тех пор все новые строения оцениваются на основе проиндексированных единых показателей 1964 г., а в Восточной Германии до сих пор действуют проиндексированные показатели 1935 г. Проблема заключается в том, что рассчитанная таким образом оценочная стоимость участков сильно занижена и искажена. Например, до сих пор при оценке используется критерий, в соответствии с которым предметом роскоши считается использование во внутренней отделке дома кожаных обоев, которые в современных интерьерах практически не встречаются. С другой стороны, многие современные (и дорогие) материалы для внутренней отделки в оценочных критериях просто не упоминаются.

Налоговые ставки устанавливаются отдельно для незастроенных участков (поземельный налог А) и для застроенных участков (поземельный налог Б). Для застроенных участков применяются более высокие ставки. К примеру, средняя ставка поземельного налога А составляет около 250%, в то время как налога Б — более 400%.

Основная проблема земельного налога в Германии заключается не только в несовершенной и устаревшей технике его исчисления[1], но и в неготовности общества и политиков провести его кардинальную реформу. Именно по этой причине известный немецкий специалист в области налогового права *Клаус Типке* и назвал немецкий земельный налог «спящим гигантом», имея в виду огромный потенциал при его реформировании. Очевидно также, такая реформа может состояться только в рамках кардинальной реформы всей системы муниципальных финансов.

Проблемы муниципальных финансов

Проблемы в области муниципальных финансов[2] во многом связаны с устаревшей системой местного налогообложения Германии, ко-

---

[1] Эту проблему можно было бы, в частности, решить, перейдя к рыночной системе оценки недвижимости (на основе данных договоров купли-продажи), которая используется в США.

[2] О теории муниципальных финансов, немецком опыте и проблемах реформирования см., в частности: *Циммерманн Х.* Муниципальные финансы — Введение в научный анализ финансовой деятельности местных органов власти. М., 2003.

торая в своей основе заимствована во Франции времен Великой французской революции и давно нуждается в реформировании.

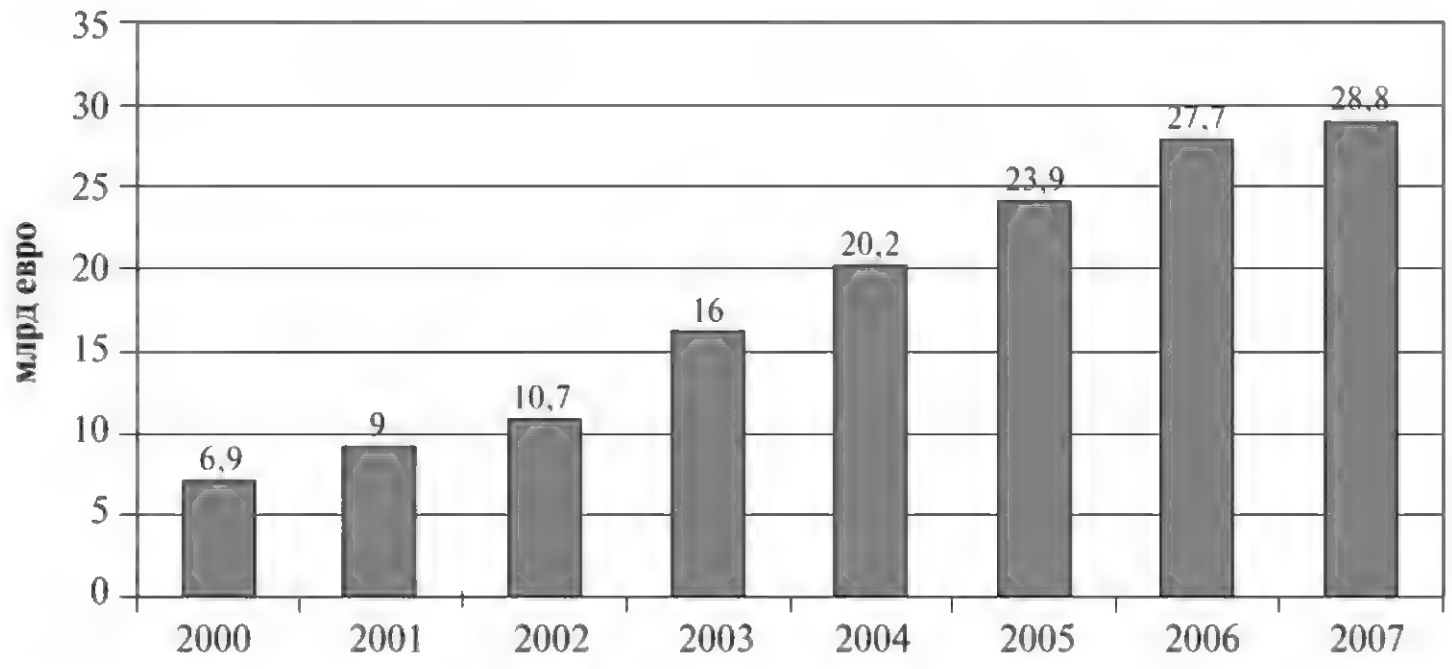
Финансовое положение немецких муниципальных образований существенно ухудшилось в результате объединения страны в 1990 г. Федеральное правительство, находясь в тисках строго расписанного федерального бюджета и вынужденное финансировать объединение за счет роста государственного долга, стало настойчиво избавляться от части своих расходных полномочий и перекладывать их на плечи федеральных земель или местных органов власти. В Германии стала нарастать проблема с так называемыми «нефинансируемыми мандатами». Она возникает тогда, когда один уровень власти — чаще всего федерация — принимает законы (большей частью дорогостоящие, например в социальной сфере), а их исполнение и финансирование поручается региональным и муниципальным властям. В ФРГ данная проблема существовала давно, причем этому способствовала сама система немецкого федерализма, в которой федеральные земли по Конституции обязаны исполнять и финансировать федеральные законы как свои собственные. Земли, в свою очередь, стараются привлечь к финансированию дорогостоящих социальных законов входящие в их состав местные органы власти. Возможности последних в сфере привлечения дополнительных доходов (местные налоги, доступ к рынку заемных средств) ограниченны. Естественная реакция муниципалитетов в этой ситуации — сокращение объема так называемых «добровольных задач» в рамках местного самоуправления (спорт, культура, досуг). Но и эта мера не всегда является достаточной, чтобы решить проблему нехватки финансов. Все больше местных органов власти ежегодно вынужденно принимать дефицитные бюджеты; некоторые делают это в течение нескольких лет подряд. Уже известны случаи, когда органы коммунального надзора земельных правительств были вынуждены отправлять в некоторые муниципалитеты своих внешних управляющих (финансовых комиссаров) для решения проблемы хронической задолженности их бюджетов.

Однако наиболее острой проблемой является проблема резкого роста так называемых «кассовых кредитов». Теоретически кассовые кредиты, которые местные органы власти берут у местных сберегательных банков, служат для финансирования краткосрочных недостач местных бюджетов в том случае, если расходы приходится осуществлять раньше, чем поступают заложенные в бюджете доходы. В течение года кассовые кредиты должны погашаться. Тем не менее местные органы власти, находящиеся в безвыходном финансовом положении, стали все чаще прибегать к этому инструменту для выравни-

вания местного бюджета. Эта практика привела к росту кассовых кредитов в размере десятков млрд евро. Даже резкий рост поступлений по промысловому налогу в 2006–2007 гг. в результате экономического подъема не изменил эту негативную тенденцию: размер кассовых кредитов продолжил увеличиваться.

График 9.7

Рост кассовых кредитов местных органов власти



Источник: Statistisches Bundesamt. Fachserie 14, Reihe 5. 2008.

По нашему мнению, коренные проблемы финансирования местных органов власти в Германии связаны с функционированием в стране системы бюджетного федерализма и могут быть решены только путем реформирования всего комплекса межбюджетных отношений.

9.5. Многоуровневая (федеративная) финансовая система

Финансовая система Германии имеет федеративное, т.е. многоуровневое, устройство, однако доминирующий принцип «налогового союза» придает ей ярко выраженные «унитарные» свойства. В этом — существенная особенность немецкой налоговой системы и одновременно предмет постоянной критики в ее адрес.

9.5.1. Особенности исторического развития

Германия считается страной традиционно высокоразвитого федерализма. Но по сравнению с такой классической федерацией, как США, немецкий федерализм имеет ряд важных особенностей. Во-первых, под немецкой *федеративной традицией* часто понимается длительный период феодальной раздробленности, который во многом определил ее отставание от тогдашних мировых лидеров и позволил назвать Германию «опоздавшей нацией»[1]. Во-вторых, важно отметить, что для страны до сих пор характерно постоянное противостояние центробежных и центростремительных тенденций.

Вместе с тем в ФРГ в послевоенные десятилетия явно наметилась тенденция к централизации государственной власти. В ходе Большой финансовой реформы 1969 г. был введен институт так называемых *«общих задач»*. Речь шла о предметах совместного ведения федерации и регионов. При этом все отнесенные к «общим» задачи ранее являлись исключительной компетенцией федеральных земель. Германские города и коммуны получили право на фиксированную долю поступлений от подоходного налога, собранного на их территории, а федерация и регионы — на часть поступлений от коммунального промыслового налога. Эти и другие элементы так называемого *«кооперативного федерализма»* резко противоречат одному из основных принципов бюджетного федерализма — принципу «неделимой ответственности», и поэтому резко критикуются. Одним из следствий критики стало упразднение в рамках первого этапа реформы федеративного устройства и межбюджетных отношений института «общих задач».

Под «налоговым союзом» понимается расщепление налоговых компетенций между несколькими уровнями налоговой системы, в частности между федерацией и землями, землями и коммунами или всеми тремя уровнями налоговой системы. В Германии в «налоговый союз» входят практически все важнейшие (по размеру поступлений в государственную казну) налоги: подоходный налог с физических лиц, подоходный налог на юридические лица (или налог на прибыль корпораций), а также налог на добавленную стоимость (НДС). Наряду с «налоговым союзом» налоговые компетенции по целому ряду менее значимых налогов распределяются в соответствии с принципом «один налог — один бюджет»[1], т. е. существуют федеральные, земель-

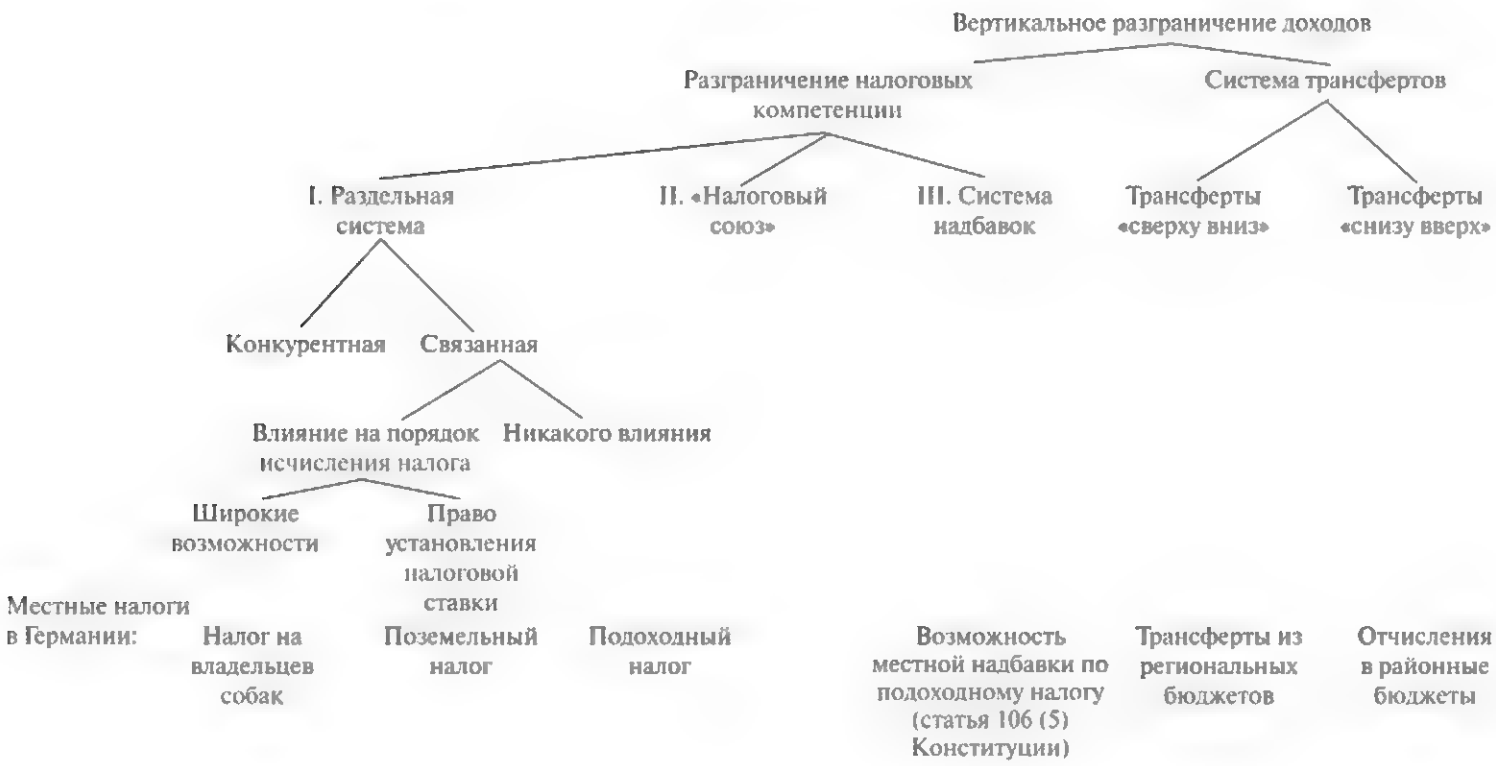
---

[1] Plessner H. Die verspaetete Nation, in: Plessner H. (Hrsg.) Gesammelte Schriften, Vol. 6, Frankfurt/Main, 1982.

ные и коммунальные налоги. Таким образом, налоговая система Германии имеет смешанный характер, что придает ей устойчивость в периоды кризисов (схема 9.1).

Схема 9.1

Варианты разграничения доходных источников и их закрепления за местными органами власти



9.5.2. Система бюджетного федерализма в Германии

Система германского финансового федерализма — сложная и многоуровневая, это должно, в частности, гарантировать ее эффективность и одновременно справедливость. Основы бюджетного федерализма подробно, как ни в одной другой стране мира, прописаны в Основном законе (Конституции) Германии. Бюджетному федерализму посвящены статьи 104а–115. Основного закона Германии, также известные как **Финансовая конституция** страны.

Напомним, что в ФРГ в соответствии с Конституцией[2] существует два уровня федеративного устройства — федерация и земли. Местные органы власти (коммуны) являются частью федеральных земель; ком-

---

[1] "one tax — one budget".

[2] Раздел II Основного закона Германии, в котором заложены основы федеративных отношений в стране, называется «Федерация и земли».

мунальное право относится к немногим областям, в которых земли обладают исключительной законодательной компетенцией. Однако с учетом реального разграничения финансовых компетенций между федерацией, землями и местными органами власти, основы которого заложены в Конституции страны, *де-факто* принято говорить о трехуровневой системе.

В соответствии с Конституцией Германии (ст. 106) местные органы власти — в рамках «налогового союза» — имеют право на собственную долю от поступлений по подоходному налогу и налогу на добавленную стоимость. Местными налогами являются поземельный и промысловый налоги. Кроме того, непосредственно в Конституции (ст. 106 абз. 7) заложены основы межмуниципального финансового выравнивания, которое осуществляется федеральными землями между входящими в их состав местными органами власти. Муниципалитетам гарантировано право на получение определенной доли (квоты) от поступлений в региональные бюджеты подоходного налога, налога на прибыль корпораций и налога на добавленную стоимость. Именно включение местных органов власти в систему бюджетного федерализма обеспечивает финансовые гарантии института местного самоуправления в стране.

В немецкоязычной литературе система бюджетного федерализма описывается термином *«финансовое выравнивание» (Finanzausgleich).* Распределение предметов ведения и расходных полномочий по их осуществлению называется *пассивным выравниванием.* Распределение (расщепление) налоговых поступлений называется *активным выравниванием.* Немецкая доктрина государственных финансов исходит из однозначного приоритета пассивного выравнивания, поскольку основная задача общественного сектора экономики — обеспечение граждан общества благами коллективного пользования. Корректное распределение предметов ведения и расходных полномочий по их осуществлению между уровнями власти обеспечивает эффективность всей системы бюджетного федерализма и сокращает объемы горизонтального выравнивания до минимально необходимого уровня.

Активное выравнивание, в свою очередь, подразделяется на:

- *вертикальное выравнивание;*
- *вертикальное выравнивание с горизонтальным эффектом;*
- *горизонтальное выравнивание.*

Следует отметить, что немецкоязычная терминология существенно отличается от терминологии, применяемой в других странах. Эти отличия нужно коротко рассмотреть, потому что они играют чрезвычайно важную роль при сравнении систем бюджетного федерализма в Германии с другими странами.

9.5.3. Вертикальное выравнивание

Вертикальное выравнивание[1] в Германии понимается как распределение законодательных компетенций в области налогового права, а также расщепление налоговых баз и налоговых поступлений между тремя уровнями власти (федерацией, землями и коммунами) и носит первичный характер. Два других вида активного финансового выравнивания носят *«вторичный» характер*, т. е. речь идет о перераспределении средств внутри государственного сектора экономики. Согласно признанной в Германии теоретической концепции однозначный приоритет должен отдаваться вертикальному (первичному) финансовому выравниванию. Однако на практике этот принцип часто нарушается, другими словами, в распоряжении субнациональных (региональных и в особенности местных) властей не оказывается достаточно средств для исполнения всего спектра возложенных на них задач. На более строгое соблюдение этого принципа среди прочего была ориентирована вышеупомянутая реформа межбюджетных отношений 2005–2006 гг.

График 9.8

Налоговые поступления в 2007 г. (млрд евро и %)

Источник: BMF Finanzbericht 2009. S. 275.

[1] В других странах под вертикальным выравниванием обычно понимается выделение различного рода выравнивающих трансфертов из вышестоящих в нижестоящие бюджеты.

Система расщепления налогов в Германии смешанная. Меньшая часть налогов закрепляется за конкретным уровнем власти. Большая часть налогов (около 80% всех налоговых поступлений)[1] расщепляется между бюджетами разных уровней. В Германии существует так называемый «налоговый союз», в котором представлены все наиболее важные налоги, включая подоходный налог с физических лиц, налог на прибыль корпораций, налог на добавленную стоимость, местный налог на промысел хозяйственных предприятий и другие налоги.

Таблица 9.9

Расщепление налогов, входящих в «налоговый союз» (без НДС, 2007)

Млрд евро	Вид налога	Федерация (%)	Земли (%)	Коммуны (%)
156,8	Подоходный налог и налог на з/п	42,5	42,5	15
22,9	Налог на прибыль корпораций	50	50	
13,8	Налог на доход с капитала	50	50	
11,2	Налог на доход с процентов	44	44	12

Источник: Deutschland in Zahlen 2009. Köln. S. 68; Основной закон Германии ст. 106.

Однако, пожалуй, самым важным налогом «налогового союза» является налог на добавленную стоимость, на долю которого приходится около 30% совокупных налоговых поступлений. Расщепление НДС в отличие от других важных налогов детально регулируется не Конституцией страны, а специальным Законом о финансовом выравнивании, принятие которого требует одобрения бундесрата (палаты земель). Такое исключение не случайно, поскольку НДС традиционно используется для финансирования непредвиденных расходов как федерального правительства, так и федеральных земель, так что считается целесообразным иметь достаточно высокую ступень свободы и возможность оперативно перебрасывать средства между бюджетами разных уровней в пользу нуждающейся стороны.

Традиционно поступления по НДС расщеплялись между центральным бюджетом и бюджетами федеральных земель, причем доля центрального правительства, в 1970 г. еще достигающая 70%, постоян-

[1] Zimmermann H./Henke K.-D. Finanzwissenschaft. 9 Aufl., München, 2005.

но снижается (см. табл. в разделе «Налог на добавленную стоимость»). Тем не менее с 1998 г. в механизм расщепления поступлений по НДС были включены местные органы власти, лишившиеся части налоговых поступлений после отмены промыслового налога на капитал. Тогда же часть поступлений по НДС стала направляться на финансирование пенсионного фонда; с 2007 г. часть поступлений по НДС направляется в фонд страхования по безработице на компенсацию предпринятого снижения размера страховых взносов.

Схема, демонстрирующая порядок расщепления поступлений по НДС, представлена в таблице 9.10. Первоначально 3,89% поступлений по НДС передается в фонд по страхованию по безработице, затем 5,15% от оставшейся суммы поступает в пенсионный фонд, после чего 2,2% от остатка передается местным органам власти. Оставшаяся часть расщепляется между центральным бюджетом и бюджетами федеральных земель соответственно 50,5 и 49,5%. Дополнительно на период 2007–2010 гг. согласован фиксированный трансферт в размере 2,26 млрд евро, который передается из земельной доли НДС в федеральный бюджет.

Таблица 9.10

Последовательность расщепления поступлений по НДС между уровнями государственной власти (по состоянию на 2007 г.)

Действует начиная	Последовательность расщепления НДС (в порядке осуществления)	Федерация	Земли	Коммуны
с 2007 г.	Отчисления в фонд страхования по безработице	3,89%		
с 1998 г.	Отчисления в пенсионный фонд	5,15%		
с 1998 г.	Доля местных органов власти			2,20%
с 2002 г.	Расщепление между федерацией и землями	50,5%	49,5%	
с 2007 г.	Фиксированный трансферт в федеральный бюджет в связи с изменениями 2007 г.	+2,26 млрд евро	–2,26 млрд евро	

Источник: Gesetz über den Finanzausgleich zwischen Bund und Ländern (Finanzausgleichsgesetz — FAG) с изменениями по состоянию на 07.03.07.

Последующее расщепление совокупной региональной доли НДС между бюджетами отдельных федеральных земель можно считать основным вопросом всей системы горизонтального финансового выравнивания, поскольку НДС является единственным налогом, который начинает перераспределяться еще в процессе первичного распределения. В ходе вертикального выравнивания 75% региональной доли НДС распределяется между бюджетами отдельных федеральных земель в соответствии с численностью их населения, а не в соответствии с размером уплаченного на их территории налога или созданной добавочной стоимости (это технически сложно и дорого рассчитывать). Оставшиеся 25%, согласно Конституции, могут быть полностью использованы непосредственно на цели «горизонтального выравнивания». Другими словами, можно утверждать, что региональная доля НДС — а это несколько меньше половины совокупных поступлений по этому налогу — полностью используется для целей «горизонтального выравнивания».

9.5.4. Горизонтальное выравнивание

Горизонтальное выравнивание, т. е. перераспределение средств в пользу финансово слабых федеральных земель, состоит из двух элементов: непосредственного межрегионального выравнивания («горизонтального выравнивания в узком смысле слова) и федеральных трансфертов в региональные бюджеты («вертикального выравнивания с горизонтальным эффектом»[1]). В свою очередь, горизонтальное выравнивание представлено перераспределением поступлений по НДС (ступень 1) и непосредственно системой межрегионального выравнивания (ступень 2). «Вертикальное выравнивание с горизонтальным эффектом» осуществляется с помощью предоставления общих (нецелевых) дотаций на окончательное выравнивание недостаточной бюджетной обеспеченности (ступень 3), которое по своему характеру аналогично предоставлению горизонтальных трансфертов, и целевых трансфертов на финансирование особых финансовых потребностей (ступень 4). Таким образом, в структуре «горизонтального выравнивания» можно выделить 4 ступени (см. схему).

1 ступень — предварительное выравнивание через НДС. (Частично речь об этом уже шла выше.) В соответствии со статьей 107 абз. 1 Конституции Германии до 25% региональной доли поступлений по НДС могут

---

[1] В большинстве стран федеральные трансферты описываются термином «вертикальное выравнивание».

быть распределены между теми землями, налоговые доходы которых (без учета НДС) в расчете на душу населения меньше среднего уровня по стране. По системе, действовавшей до 2005 г., для земель, подушевые налоговые доходы которых, составляли менее 92% среднего по Германии значения, выравнивалось 100% разницы (т. е. все земли доводились до уровня 92% среднего значения по стране). В ходе реформы 2005 г. тариф и степень выравнивания были изменены. В частности, выравнивание начинается с уровня 97% от среднего по стране, но осуществляется не так интенсивно, как раньше (более подробно см. раздел 9.4.2.5).

В 1999 г. на этой ступени было перераспределено около 15 млрд нем. марок, в 2004 г. — 6,5 млрд евро, в 2006 г. — 7,7 млрд евро.

Таблица 9.11

Ступени горизонтального финансового выравнивания в 2004 г. (до реформы) и 2006 г. (после реформы) (млрд евро)

Ступень		**2004 г.**	**2006 г.**
I.	Предварительное выравнивание (расщепление региональной доли НДС)	6,5	7,7
II.	Система межрегионального финансового выравнивания — *LFA*	6,8	7,3
III a).+b).	Дополнительные трансферты из федерального бюджета — *BEZ*	15	14,7
Всего		***28,3***	***29,7***

Источник: Bayerisches Staatsministerium der Finanzen: Der bundesstaatliche Finanzausgleich 2005 und 2007.

2 ступень — система межрегионального финансового выравнивания[1]. Именно система межрегионального выравнивания является *«горизонтальным выравниванием» в узком смысле слова*. Это формализованный механизм перераспределения средств от регионов-доноров к регионам-реципиентам. Механизм основывается на исчислении показателей бюджетного (налогового) потенциала и финансовых потребностей земель.

Под налоговым потенциалом понимается сумма налоговых поступлений федеральной земли и входящих в нее муниципалитетов (с учетом предварительного выравнивания через НДС). Налоговые доходы входящих в состав земель местных органов власти учитыва-

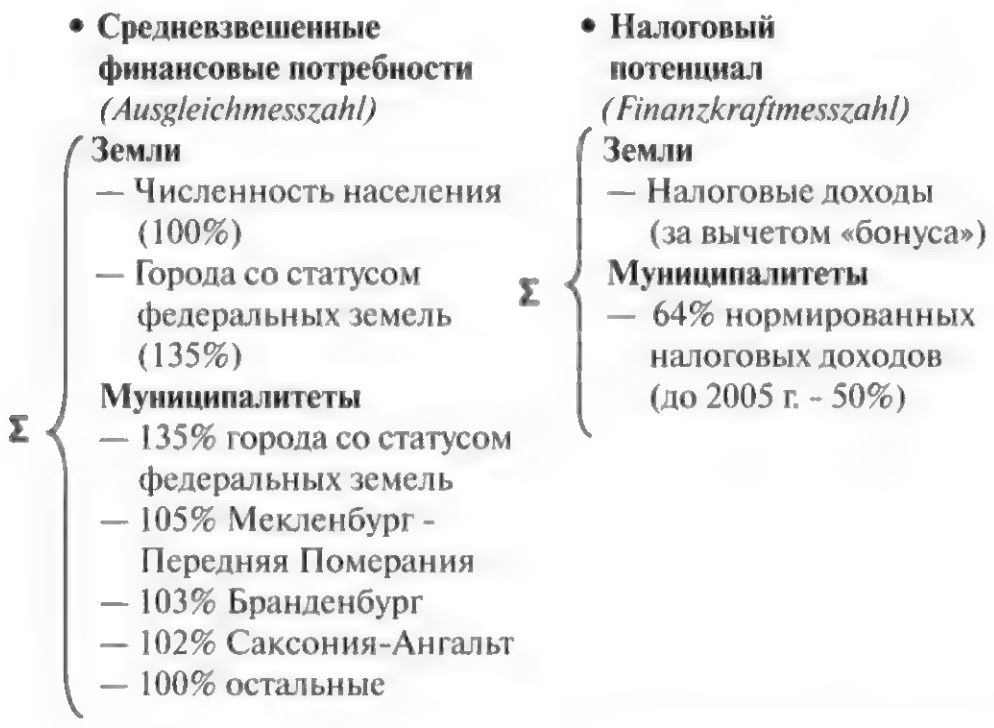
[1] Laenderfinanzausgleich — (*нем.*).

ются при расчете бюджетной обеспеченности не полностью, а лишь на 64% (до реформы 2005 г. доходы муниципалитетов учитывались на 50%), с тем, чтобы не лишать земли стимула проводить бюджетно-финансовую политику по мобилизации доходов. Одновременно совсем не учитывать налоговый потенциал местных органов власти нельзя, поскольку в этом случае земли, в состав которых входят муниципалитеты, обладающие мощным налоговым потенциалом, оказались бы в привилегированном положении.

Финансовые потребности — а вместе с ними и уровень выравнивания — вычисляются на основе показателей налоговой обеспеченности отдельной федеральной земли (и ее муниципалитетов), рассчитанных на душу населения, скорректированных с учетом ряда «взвешивающих» коэффициентов. Из теории известно, что финансовые потребности возрастают с ростом численности населения и ее плотности. Города-государства (Берлин, Бремен и Гамбург) имеют по этой причине повышающий коэффициент 135%. Одновременно считается, что земли с чрезвычайно низкой плотностью населения также имеют более высокие расходные потребности в расчете на душу населения. По этой причине редко заселенные и страдающие от продолжающегося оттока населения земли Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург и Саксония-Ангальт также получили повышающие коэффициенты (105, 103 и 102% соответственно).

Основные принципы исчисления показателей налогового потенциала и финансовых потребностей представлены на схеме 9.2.

Схема 9.2



Источник: Gesetz über den Ausgleich zwischen Bund und Ländern ab 2005 — *FAG*.

Земли, бюджетная обеспеченность которых (налоговый потенциал) находится на уровне ниже рассчитанного для всех земель среднего показателя *(Ausgleichsmesszahl)*, имеют право на выравнивающие трансферты — так называемые нецелевые дотации общего характера *(Schlüsselzuweisungen)*. Одновременно земли, бюджетная обеспеченность которых оказывается выше среднего показателя, оказываются в роли «доноров».

Формула, по которой осуществляется расчет горизонтальных трансфертов, в упрощенном виде представлена на схеме 9.3.

Схема 9.3

100 % * Налоговый потенциал земли *(Finanzkraftmesszahl)*

Средневзвешенный уровень выравнивания *(Ausgleichsmesszahl)*

С 2005 г. за вычетом 12% бонуса

Налоговый потенциал = Налоговые доходы земли + 64% налоговых доходов, входящих в ее состав муниципалитетов

Средневзвешенный уровень выравнивания	=	Средние по Германии налоговые доходы **земель** (на душу населения) **X** численность населения данной земли (города-государства с коэффициентом 1,35)	+	Средние по Германии налоговые доходы **муниципалитетов** (на душу населения) **X** численность населения данной земли (города-государства с коэффициентом 1,35; Мекленбург 1,05; Бранденбург1,03; Саксония-Ангальт 1,02)

Источник: Gesetz über den Ausgleich zwischen Bund und Ländern ab 2005 — *FAG*.

При этом до 2005 г. действовали следующие принципы. Если показатель финансовых возможностей земли-реципиента составляет менее 92% от среднего уровня по стране, то за счет выравнивающих трансфертов он может быть доведен до 95% разницы. Если же он находится в интервале 92–100%, то может быть доведен до уровня выше 95% от имеющейся разницы.

В 1989 г. (до объединения Германии) в рамках «горизонтального выравнивания» между землями бывшей ФРГ было перераспределено около 4 млрд нем. марок. Это весьма скромная сумма по сравнению с размером консолидированного бюджета государства. После объеди-

нения Германии (с января 1995 г.[1]), когда восточные земли вошли в сферу действия Финансовой конституции, масштабы перераспределения средств с запада на восток резко возросли, в том числе в рамках межрегионального финансового выравнивания. Так, в частности, в 1999 г. в рамках этого механизма было перераспределено уже около 15 млрд нем. марок (7,5 млрд евро). Пик пришелся на 2000 г. (8,3 млрд), а затем объем перераспределяемых в рамках второй ступени средств стал несколько снижаться, достигнув в 2003 г. 6,6 млрд евро[2].

Впрочем, понимая, что успех системы межрегионального финансового выравнивания, построенного на механизме «игры с нулевым результатом», может быть обеспечен только при незначительных объемах перераспределения, законодатели сознательно не стали бесконечно «раздувать» вторую ступень системы, обратившись к упомянутой в Конституции страны возможности выделять выравнивающие трансферты напрямую из федерального бюджета. Эта решение было вполне оправданно, в том числе в связи с огромными различиями в бюджетной обеспеченности между старыми и новыми федеральными землями, а также учитывая временный характер мер, связанных с финансированием объединения страны.

Заключительным звеном немецкой системы финансового выравнивания являются дополнительные трансферты из федерального бюджета[3], с помощью которых осуществляется «вертикальное выравнивание с горизонтальным эффектом». В соответствии с Конституцией Германии для выделения дополнительных трансфертов может быть использовано до 2% от федеральной доли НДС (см. выше о разделении поступлений по НДС). Как следует из определения, федеральные трансферты должны носить дополнительный характер по отношению к механизму межрегионального выравнивания, **который они призваны** «дополнять». Однако еще в 1993 г. размер федеральных трансфертов превзошел размер формализованного межрегионального выравнивания, и с тех пор их размер продолжает расти, достигнув в 2004 г. 15 млрд евро, т. е. в два раз больше, чем само горизонтальное выравнивание.

---

[1] К этому моменту прекратил свою деятельность фонд «Германское единство», созданный в 1990 г. для финансирования процесса объединения Германии. Всего нетто-трансферты в Восточную Германию за период 1991–1994 гг., по официальным данным Бундесбанка и Министерства экономики ФРГ, составили 500 млрд нем. марок. По данным независимых экспертов, их размер составляет более 700 млрд (данные по: Grossekettler H. Die ersten fuenf Jahre. Ein Rückblick auf die gesamtdeutsche Finanzpolitik der Jahre 1990 bis 1995, in: Finanzarchiv, N.F. Bd. 53. S. 194–303).

[2] Любопытно, что после проведения реформы 2005 г. объем перераспределения средств не только не сократился, но даже возрос (до 7,3 млрд евро в 2006 г. и 7,9 млрд евро в 2007 г.).

[3] Bundesergaenzungszuweisungen — BEZ (*нем.*).

Дополнительные федеральные трансферты, в свою очередь, подразделяются на дотации на выравнивание *недостаточной бюджетной обеспеченности* и на финансирование *особых финансовых потребностей.*

3 ступень(а) — дотации на выравнивание недостаточной бюджетной обеспеченности[1]. С помощью этих дотаций практически полностью компенсируется сохраняющаяся разница в подушевой бюджетной обеспеченности финансово слабых земель по отношению к среднему уровню по стране. В 1999 г. на дополнительное выравнивание из федерального бюджета было потрачено более 6 млрд нем. марок (3,3 млрд евро), в 2004 г. — около 3 млрд евро.

Таблица 9.12

Трансферты из федерального бюджета (2004)

Вид трансферта	**Млн евро**
Выравнивание недостаточной бюджетной обеспеченности (90% разницы в подушевой обеспеченности от среднего значения после осуществления LFA землям-получателям средств)	3 040
Компенсация расходов на политическое руководство малыми землями (за исключением Гамбурга)	786
Ликвидация последствий объединения Германии (новые земли, до конца 2004 г.)	10 533
Компенсации переходного периода (финансово слабые старые земли, 1995–2004 гг.)	69
Трансферты землям, терпящим «финансовое бедствие» (Бремен и Саар, 1994–2004 гг.)	614
Всего дополнительных выравнивающих трансфертов в 2004 г.	*15 042*

Источник: BMF, Finanzbericht 2009. S. 153.

3 ступень(б) — дотации на финансирование особых финансовых потребностей[2]. Эти виды федеральных дотаций предоставляются параллельно дополнительным выравнивающим трансфертам. Существует целый ряд статей, на финансирование которых предоставляются до-

[1] Fehlbetragszuweisungen (*нем.*).

[2] Sonderbedarfszuweisungen (*нем.*).

тации. Важнейшими являются дотации на осуществление политического руководства «малыми» федеральными землями, на санацию региональных бюджетов, «терпящих финансовое бедствие», на преодоление последствий раскола Германии. Существует и ряд других. Принципы предоставления дотаций на финансирование «особых потребностей» активно критиковались еще до объединения Германии, а после объединения критика только усилилась[1]. Это весьма актуальный вопрос с учетом их размеров: в 1999 г. трансферты на финансирование «особых потребностей» составили более 19 млрд нем марок, к 2004 г. их совокупный размер возрос до 12 млрд евро.

9.5.5. Система финансового выравнивания, существовавшая до 2005 г.

До объединения Германии в 1990 г. в системе межрегионального финансового выравнивания (2 ступень рассмотренного выше механизма) бывшей ФРГ было всего два устойчивых донора — земли Баден — Вюртемберг и Гессен. Бавария, Северный Рейн-Вестфалия и Гамбург иногда оказывались донорами, а иногда — получателями финансовых средств в рамках механизма выравнивания. В любом случае размер изымаемых (передаваемых) средств был незначителен, так что в среднем к моменту объединения Германии эти три региона занимали нейтральное положение в системе межрегионального выравнивания. Постоянными получателями средств были северные регионы — Шлезвиг–Гольштейн, Нижняя Саксония и Бремен, а также самый депрессивный регион бывшей ФРГ Саар и аграрный Рейнланд-Пфальц.

После объединения Германии, когда в 1995 г. в систему межрегионального выравнивания были включены восточные земли, ситуация кардинально изменилась. С одной стороны, резко возросли размеры перераспределяемых средств: в 1990 г. между землями бывшей Западной Германии было перераспределено 4 млрд нем. марок (около 2 млрд евро), в 2000 г. между 16 землями объединенной Германии — более 16 млрд нем. марок (более 8 млрд евро). С другой стороны, изменилось и положение отдельных регионов в этой системе (табл. 9.13):

- во-первых, все восточные земли оказались получателями средств;
- во-вторых, столица Германии — объединенный Берлин — в рамках новой системы «горизонтального выравнивания» один полу-

[1] О критике на русском языке см.: Баранова К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. М.: ДИС. С. 53–57.

чает больше средств (около 2,5 млрд евро ежегодно), чем вся система финансового выравнивания до реформы;

- в-третьих, возросло число земель-доноров и нагрузка на них. Из западногерманских земель в числе регионов-реципиентов осталось всего две земли — Нижняя Саксония и Бремен, остальные бывшие западные реципиенты перешли в «нейтральную зону», а Бавария превратилась в устойчивого донора.

Таблица 9.13

Результаты межрегионального финансового выравнивания (2 ступень, млрд евро)

Регион	1990	1995	2001	2003	2004	2005	2006	2007
Гессен	–0,7	–1,1	–2,6	–1,9	–1,5	–1,6	–2,4	–2,9
Баден-Вюртемберг	–1,3	–1,4	–2,1	–2,2	–2,1	–2,2	–2,0	–2,3
Бавария	0	–1,3	–2,3	–1,9	–2,3	–2,2	–2,1	–2,3
Северный Рейн – Вестфалия	–0,1	–1,7	–0,3	–0,1	–0,2	–0,5	–0,1	–
Гамбург	0	–0,1	–0,3	–0,7	–0,6	–0,4	–0,6	–0,4
Шлезвиг-Гольштейн	0,3	–0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	–	–
Саар	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Рейнланд-Пфальц	0,3	0,1	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
Бремен	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5
Мекленбург – Пер. Померания	–	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5
Нижняя Саксония	1,0	0,3	1,0	0,4	0,4	0,4	0,2	0,3
Бранденбург	–	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7
Тюрингия	–	0,5	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6
Саксония-Ангальт	–	0,6	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6
Саксония	–	0,9	1,0	0,9	0,9	1,0	1,1	1,2
Берлин	–	2,1	2,7	2,6	2,7	2,4	2,7	2,9
Всего	***2,0***	***5,7***	***7,6***	***6,6***	***6,7***	***6,9***	***7,3***	***7,9***

Источник: BMF Finanzbericht 2009. S. 150.

В результате первой и второй ступеней системы выравнивания (предварительного распределения региональной доли НДС и горизонтального финансового выравнивания) уровень выравнивания в Германии за последние десять лет (годы после объединения Германии) был доведен до невиданно высокого уровня, приблизившись к 95% среднего уровня по стране. После третьей ступени выравнивания — через выделение трансфертов из федерального бюджета — уровень выравнивания доводился до 99,5% разницы от среднего уровня по стране.

Одна из основных причин сложившейся ситуации — сама система «горизонтального финансового выравнивания», которая, как было отмечено выше, на основании конституционных норм ведет к автоматическому перераспределению средств между регионами. Другими словами, этот механизм нельзя ни приостановить, ни изменить. Его можно только реформировать конституционным путем, а это долгий и сложный путь.

О том, что включение восточногерманских земель в систему межрегионального финансового выравнивания автоматически приведет к масштабному трансферту средств с запада на восток, естественно, было известно заранее, поскольку речь шла о конституционном механизме. По этой причине в первые годы после объединения Германии восточные земли были исключены из существующей системы. Однако уже с 1995 г. система межрегионального финансового выравнивания распространилась на всю территорию страны. Нагрузка на регионы-доноры резко возросла, в результате последние, и особенно активно власти Баварии, а также Баден-Вюртемберг и Гессен инициировали проведение крупномасштабной реформы всего механизма межрегионального финансового выравнивания, обратившись с иском в Федеральный конституционный суд Германии, который в ноябре 1999 г. принял решение о необходимости кардинального реформирования существующей системы.

9.5.6. Особенности системы межрегионального финансового выравнивания, вступившей в действие с 01.01.05

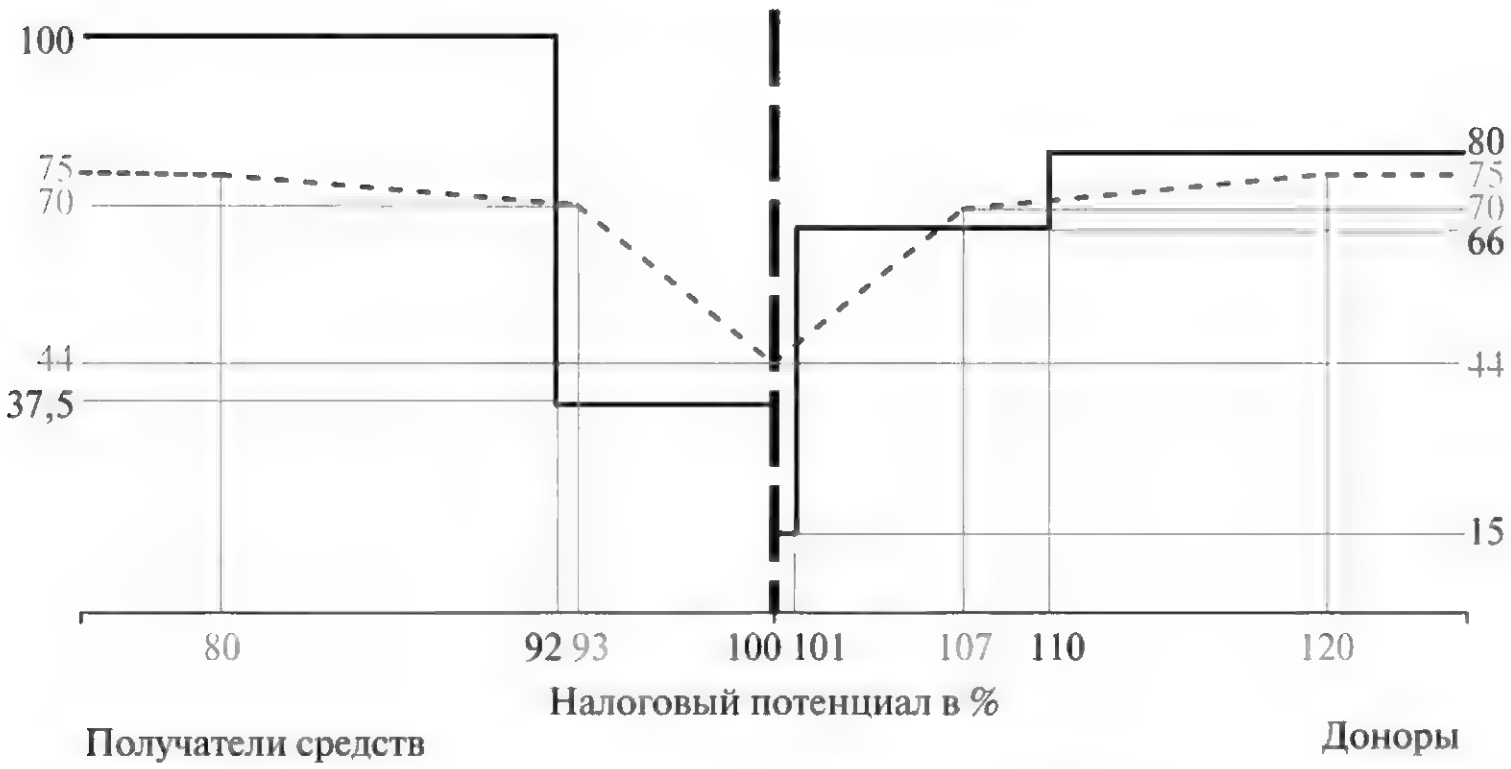
Изменения коснулись всех звеньев системы финансового выравнивания. В частности, был изменен тариф в системе предварительного выравнивания через НДС. Если подушевые налоговые доходы земель (без учета поступлений по НДС) составляют менее 97% среднего уровня, то разница выравнивается на 95%. В зоне между 97–100% вы-

равнивание осуществляется по линейному тарифу в размере 95–60% разницы. (До реформы право на получение трансфертов получали земли, налоговые доходы которых составляли менее 92% среднего уровня.)

Начиная с 2005 г. был изменен тариф и в системе межрегионального горизонтального выравнивания. Был введен линейный тариф, симметричный как для доноров, так и для получателей финансовых средств. В зоне до 80% среднего уровня по стране наполнение (левая сторона графика) осуществляется в размере до 75% существующей разницы[1] до среднего уровня, далее постепенно идет сокращение уровня поддержки до 70% в зоне до 93% среднего уровня по стране. При значениях финансовой обеспеченности, приближающихся к среднему уровню по стране, уровень наполнения достигает своего минимального значения 44% разницы до среднего уровня.

График 9.9

Система горизонтального финансового выравнивания: тариф до и после реформы в сравнении



Источник: Bayerisches Staatsriiinisteiium der Finanzen (Hrsg.): Derbundesstaailitiie Finanzausglelch 2005, S. 13

[1] Иногда это правило неправильно понимается как наполнение до среднего уровня. В действительности компенсируется лишь определенный процент *разницы* между уровнем отдельной земли и средним уровнем по стране.

Изъятие средств происходит в зеркальном отражении (правая сторона). При этом минимальный уровень изъятия 44% разницы до среднего уровня по стране имеет место при финансовой обеспеченности, близкой среднему уровню. Далее по мере роста финансовой обеспеченности растет и процент изъятия, достигая 70% разницы при финансовой обеспеченности 107% от среднего уровня по стране и своего максимума 75% при финансовой обеспеченности 120% и выше от среднего уровня.

Заявленной целью реформы в соответствии с решением Федерального конституционного суда было повышение стимулов для федеральных земель проводить более ответственную финансовую политику. По этой причине максимальный уровень дотирования земель-реципиентов был снижен с 95% разницы от среднего уровня до 75% (см. схему). Одновременно, как того требовали земли-истцы (Бавария, Баден-Вюртемберг и Гессен), был снижен максимальный уровень изъятия средств из бюджетов земель-доноров: с 80% разницы до 72,5% разницы от среднего уровня по стране.

В качестве финансового стимула земель, проводящих ответственную финансовую политику, был введен специальный поощрительный бонус. Земли, доходы которых развивалась лучше, чем в среднем по стране (по сравнению с показателями предыдущего года), начиная с 2005 г. имеют возможность исключить 12% излишка доходов при расчете показателя налогового потенциала. Бонусы могут получать как земли-доноры, так и получатели финансовой помощи. Статус в системе финансового выравнивания в данном случае значения не имеет, важно лишь, что у отдельных земель появился стимул увеличивать (а не занижать, как было раньше) свои налоговые доходы в целях получения более высоких трансфертов.

На первый взгляд новая система является более справедливой по сравнению со старой, действовавшей до конца 2004 г., прежде всего за счет определенного снижения уровня выравнивания и ликвидации негативных стимулов, заложенных в тарифе выравнивания. Однако основную проблему, вызванную высоким уровнем финансового неравенства между отдельными землями, ей решить не удалось, кроме того, как следует из данных таблицы 9.13, после реформы возрос и совокупный объем перераспределяемых средств. В значительной степени это объясняется более полным зачетом налогового потенциала муниципальных образований (после реформы 64%, ранее — 50%).

С другой стороны, очевидно, что для решения проблемы излишне высоких перераспределительных трансфертов потребовалась бы более радикальная реформа, в частности полный отказ от системы, построенной по принципу «игры с нулевым результатом». По этой причине, не-

смотря на то что новая система вступила в действие совсем недавно, уже появились новые предложения по ее дальнейшему реформированию. Так, обсуждается вопрос о возможности временного (на 5–7 лет) полного выхода отдельных земель из системы горизонтального финансового выравнивания[1]. Реализация такого предложения означала бы конец существующей системы «братского федерализма». Впрочем, появление подобных предложений является еще одним доказательством неудовлетворительных результатов осуществленной реформы.

Изменения в системе «вертикального финансового выравнивания с горизонтальным эффектом»

Одновременно с реформой системы горизонтального финансового выравнивания изменения были внесены и в систему выделения выравнивающих трансфертов из федерального бюджета. Главное изменение касалось снижения уровня выравнивания в области трансфертов на выравнивание недостаточной бюджетной обеспеченности, которые подвергались особенно жесткой критике (3 ступень):

- во-первых, была снижена интенсивность выравнивания. Если ранее разница до среднего уровня по стране в подушевой бюджетной обеспеченности, сохраняющая предоставление горизонтальных трансфертов, выравнивалась до уровня 90%, то с 2005 г. при бюджетной обеспеченности ниже 99,5% от среднего уровня выравнивается «лишь» 77,5% разницы;
- во-вторых, эти трансферты изменили свое название и теперь называются выравнивающие трансферты общего характера;
- в-третьих, совокупный размер дотаций «на осуществление политического руководства» малыми землями был ограничен 517 тыс. евро в год;
- в-четвертых, размер дотаций новым землям «на преодоление последствий объединения» (10,5 млрд евро в 2005 г.) начинает постепенно сокращаться и будет сведен к нулю к 2020 г.;
- в-пятых, из системы были исключены несколько видов трансфертов. В частности, истек период предоставления финансовой помощи землям, «терпящим финансовое бедствие», на санацию регионального бюджета. Саар и Бремен получали финансовую помощь в течение 1994–2004 гг. Ходатайство Берлина о предоставлении городу соответствующего статуса было отклонено Конституционным судом Германии осенью 2005 г.

---

[1] Предложение профессора *Клеменса Фюста* из Института государственных финансов Кёльнского университета.

Таблица 9.14

Трансферты из федерального бюджета (2007)

Вид трансферта	**Млн евро**
Трансферты общего характера (на выравнивание бюджетной обеспеченности)	2 912
На покрытие издержек политического руководства малых земель	517
На борьбу со структурной безработицей	1 000
Трансферты новым землям	10 379
Всего	*14 808*

Источник: BMF, Finanzbericht 2009. S. 154.

В целом в систему выравнивающих трансфертов, выделяемых из федерального бюджета, было также внесено несколько важных, но не коренных, а скорее, косметических изменений. Именно система дополнительных трансфертов из федерального бюджета попрежнему остается главным инструментом финансирования восточных земель, через которую на восток страны «перекачиваются» огромные средства.

* * *

Проблемы, с которыми в финансовой сфере столкнулась Германия в течение последних 20 лет, с одной стороны, были предопределены проведенным в 1990 г. объединением Западной и Восточной Германии. Напоминанием об огромных расходах, предпринятых по финансированию восточных земель в течение 90-х годов прошлого столетия, служит внушительный государственный долг в размере 1,5 трлн евро. Одновременно объединение привело к резкому увеличению объемов перераспределения средств в системе межрегионального финансового выравнивания. Однако по политическим соображениям реформировать систему горизонтального финансового выравнивания в ходе реформы 2005 г. не удалось. Предпринятые в ходе реформы изменения носили, скорее, косметический характер. Общая нехватка государственных ресурсов, рост расходов и долгового финансирования привели к повсеместному переложению бремени финансирова-

ния на местные органы власти, которые оказались «слабым звеном» в системе бюджетного федерализма. В результате ухудшение финансового положения последних оказалось особенно драматичным.

С другой стороны, многие финансовые проблемы, с которыми столкнулась Германия, оказались типичными и для других развитых стран. Глобализация мировой экономики и ликвидация границ в Европе заставили Германию встать на курс снижения налогов, в первую очередь предпринимательских. С учетом длительное время господствующих в стране идеалов налоговой справедливости изменения в этой сфере проходят медленно и болезненно, тем не менее их осуществление неизбежно в условиях ужесточения конкуренции в Европе.

Все же, пожалуй, основные вызовы, с которыми стране придется столкнуться уже в недалеком будущем, связаны с драматическими изменениями демографической структуры общества. Это означает рост социальных расходов, в том числе в связи с огромными потоками иммигрантов, общее возрастание нагрузки на внебюджетные фонды социального страхования в связи с ростом продолжительности жизни и снижением рождаемости, увеличение расходов, вызванное внедрением достижений технического прогресса в сфере медицинского обеспечения.

В целом речь идет о необходимости полной модернизации немецкой финансовой системы и приведении ее в соответствие новым вызовам и фактически о масштабной «ревизии» традиционной концепции социального рыночного государства.

Глава 10. Эволюция рынка труда и социальной сферы

На протяжении большей части периода после объединения (в октябре 1990 г.) двух германских государств в обстановке вялой динамики экономического роста, временами прерывавшегося депрессивно-рецессионными явлениями, наблюдалась тенденция к усилению напряженности на рынке труда и в социальной сфере Германии. Это обусловлено целым рядом существенных факторов эндогенного и экзогенного характера, которые, вынужденно находясь в течение без

малого двух десятилетий в центре внимания политического истеблишмента и «капитанов» немецкого бизнеса, тем не менее не утратили свою весомость и продолжают действовать, требуя адекватного ответа со стороны общества.

В указанный период германское государство отдало безусловный приоритет в своей политике (а иное с трудом можно себе представить) объединительным процессам в стране, особенно формированию единого общегерманского экономического и социального пространства, которое и было построено. При этом был избран путь объединения, который можно охарактеризовать как патриотически-популистский и перераспределительный (другой, экономически рациональный, диктуемый императивами рыночного хозяйства и глобализации, путь модернизации политически был едва ли осуществим): за 1991–2004 гг. из старых, западных, земель (бывшая ФРГ) в новые, восточные, земли (бывшая ГДР) было в одностороннем порядке трансферировано, по оценкам Мюнхенского института экономических исследований (Ifo-Institut), 1140 млрд евро (в пересчете с марок, изъятых из обращения в начале 2002 г., в евро и собственно в евро)[1].

Эти средства были истрачены на потребительские цели, связанные с ускоренным выравниванием уровня и качества жизни на западе и востоке страны, без всякой связи с экономической эффективностью их расходования и потребностями модернизации народного хозяйства. Одним из проявлений этого процесса стал опережающий рост заработной платы в новых землях, не обусловленный там соответствующим повышением производительности труда. В результате средняя заработная плата в новых землях к настоящему времени составляет около 3/4 от показателя старых земель, тогда как производительность труда на востоке страны не достигает и 60% от уровня запада.

Вследствие отмеченных обстоятельств на заднем плане в объединенной ФРГ остались проблемы модернизации экономики и реформирования социальных отношений, что привело к резкому ухудшению ситуации на рынке труда[2].

---

[1] Sinn H.-W. Die Basar-Ökonomie. Deutschland: Exportweltmeister oder Schlusslicht? Berlin, 2005. S. 23.

[2] Подробнее см.: *Паньков В.С.* Глобализация экономики: вызовы и ответы Германии // Экономика XXI века. 2005. № 6.

10.1. Проблемы трудовых отношений, занятости и безработицы

Обострение проблем в сфере занятости наблюдалось уже в первые годы после объединения, что было во многом обусловлено ликвидацией сотен тысяч государственных предприятий в новых землях, оказавшихся непригодными для ведения хозяйственной деятельности в условиях зрелой и открытой рыночной экономики. Приватизация на территории бывшей ГДР была проведена далеко не лучшим образом.

Особенно драматичное изменение ситуации на рынке труда наблюдалось в период с середины 2004 г., когда число официально зарегистрированных безработных составляло 4,2 млн (до этого в течение ряда лет оно колебалось вокруг отметки 4 млн). В начале 2005 г. этот показатель «перевалил» за 5 млн, достигнув в среднем за 2005 г. весьма проблематичных 10,6%. В январе 2006 г. эти показатели составили соответственно 5,03 млн и 11,3%, заметно превысив среднестатистическую отметку не только для стран еврозоны и ЕС-15, но даже и для ЕС-25.

Фактические же масштабы безработицы, по оценке ведущего экономического еженедельника Германии «Виртшафтсвохе», как видно из таблицы 10.1, существенно превышают официальные (это характерно для всех фаз экономического цикла). Число официально зарегистрированных безработных достигло своего максимума в феврале-марте 2005 г., превысив 5 млн (см. табл. 10.1), а в течение последующего года уменьшилось ненамного. Лишь с весны 2006 г. в связи с оживлением экономического роста число безработных стало заметно сокращаться и достигло своего минимума (3178 тыс.) в октябре 2008 г. При этом норма безработицы в Германии оставалась выше среднего уровня ЕС-27: соответственно 9,8 и 8,2% в 2006 г., 8,2 и 7,1% в 2007 г.

Снижение безработицы происходило в условиях оживления германской экономики — во многом благодаря благоприятной мирохозяйственной конъюнктуре. Однако уже осенью того же года она стали вновь расти в обстановке рецессии, зародившейся под воздействием мирового финансового кризиса. В январе 2009 г. число официально зарегистрированных безработных составило 3267 тыс., а концу 2009 г. оно прогнозируется на уровне 3,7 млн или даже выше.

Таблица 10.1

Численность безработных в Германии на начало февраля 2005 г.

Официально зарегистрированные безработные	5 037 000
Безработные, находящиеся на переподготовке по линии Федерального ведомства по труду	990 000
Безработные, находящиеся на переподготовке по линии муниципальных органов по труду	210 000
Безработные, вышедшие на пенсию в предпенсионном возрасте в предусмотренных законом случаях	984 000
Занятые неполный рабочий день (в пересчете на рабочие места с полной занятостью)	65 000
Тихий резерв (т. е. лица, не имеющие перспектив на получение работы и находящиеся в состоянии застойной безработицы)	1 800 000
Всего	9 086 000

Источник: "Wirtschaftswoche". Nr. 6. 03.02.2005. S. 23.

Сложная ситуация в области занятости и безработицы обусловлена целым рядом весомых долговременных факторов, прежде всего многолетней вялостью внутриэкономической конъюнктуры, выражающейся в низкой динамике внутреннего спроса и инвестиций, что не компенсируется успехами ФРГ на внешних рынках (в 2002–2008 гг. Германия была лидером среди мировых экспортеров товаров в форме материального продукта).

По оценке экспертов ОЭСР, отмеченные выше показатели безработицы в ФРГ только на 1/7 обусловлены факторами, лежащими на стороне спроса, а в остальном — причинами, сложившимися на стороне предложения, прежде всего слабостями инвестиционного процесса. Так, «чистая инвестиционная квота», равная отношению нетто-инвестиций (последние равны валовым инвестициям за минусом амортизационных списаний) к чистому внутреннему продукту (он равен ВВП за минусом амортизационных списаний) составила в 2003 г. лишь 3,0% (наихудший показатель среди стран ОЭСР) против 6,5% в среднем по еврозоне и 7,0% по США. По оценке директора Мюнхенского института экономических исследований Х.-В. Зинна (3% он назвал выражением «инвестиционной забастовки»), чтобы сколько-нибудь заметно

снизить безработицу, достигнув годового прироста ВВП минимум 2% (в 2004 г. было 1,6%, а в 2005 г. — 0,9%), Германия должна повысить «чистую инвестиционную квоту» по меньшей мере до среднего уровня еврозоны 6,5%, однако с 2001 г. последний показатель из года в год оказывался намного ниже[1].

Как место приложения инвестиций и ведения предпринимательства Германия стала для немецкого и зарубежного бизнеса менее привлекательной за эти 15 лет. Дело в том, что если брать такие внешние факторы, влияющие на рентабельность инвестиций, как стоимость завозных сырья и материалов, то они, по существу, одинаковы в Германии и соседних странах ЕС. Разница есть главным образом по трем позициям, характеризующим внутриэкономическую и социальную ситуацию в той или иной стране:

- затраты на рабочую силу (по принципу соотношения цены и качества) и другие важнейшие параметры рынка труда;
- качество человеческого капитала («гуманных ресурсов») и других факторов, способствующих ускорению инновационного процесса и на этой основе повышению конкурентоспособности производимой в стране продукции;
- налоговая система.

По всем этим позициям в целом Германия выглядит не блестяще с точки зрения интересов бизнеса, находясь в середине или нижней части рейтинга стран ОЭСР, что сдерживает частные инвестиции в немецкую экономику, особенно капиталовложения инновационного характера, негативно сказываясь на динамике ВВП и занятости. Рассмотрим все три указанных аспекта в их взаимосвязи и взаимодействии подробнее.

Затраты на рабочую силу. За годы своего существования (1949–1990) Западная Германия стала своего рода образцовой, «классической» страной, в которой нашли воплощение концепция социального рыночного хозяйства, выдвинутая в 1947 г. А. Мюллером-Армаком[2], и связанные с ней идеи социального государства. Экспансия социального государства обусловливала в бывшей ФРГ и продолжает после объединения германской нации тянуть за собой повышение социальной нагрузки на частный капитал и рост доли затрат на рабочую силу в единице произведенной промышленной продукции и соответственно в ВВП. В Германии финансирование расходов на важнейшие

---

[1] См.: Sinn H.-W. Op. cit. S. 28–41.

[2] Подробнее о сущности концепции социального рыночного хозяйства и ее реализации в ФРГ см.: *Паньков В.* Кризис неолиберализма // Вопросы экономики. 1975. № 4. С. 101–111; *Паньков В.С.* Рынок и государство в концепциях неолиберализма // Всемирная история экономической мысли. В 6-и т. М.: Мысль, 1994. Т. 5, гл. 2.

социальные нужды, прежде всего на выплату пенсий, медицинское обслуживание и помощь безработным, осуществляется из специальных централизованных фондов, управляемых государством. Обязательные взносы в эти фонды, устанавливаемые соответствующим законодательством, взимаются с наемных работников и работодателей на паритетной основе и в безусловном порядке, т.е. аналогично прямым налогам. Их неуплата рассматривается как такое же тяжкое экономическое преступление, как недоимка налогов. В результате промышленники в старых землях Германии оказались в наибольшей мере обремененными социальными расходами по сравнению с их «коллегами» из других стран ОЭСР. Это отчетливо видно из таблицы 10.2, составленной на основе данных за 2004 г. учеными одного из ведущих в Германии научно-исследовательских институтов экономического профиля — Института немецкого хозяйства в Кёльне (он относится к Федеральному союзу германской промышленности (BDI) — одному из ведущих общенациональных союзов предпринимателей).

Таблица 10.2

Трудовые издержки
в обрабатывающей промышленности стран ОЭСР

Страна	**Трудовые издержки на чел.-час в 2004 г. (евро)**	**Прямое вознаграждение за труд* на чел./час в 2004 г. (евро)**	**Дополнительные затраты на персонал** на чел./час в 2004 г. (евро)**	**(III)=(II) : (I) (%)**	
	(I)+(II)	**(I)**	**(II)**	**1991 г.**	**2004 г.**
Дания	28,14	21,06	7,08	23	34
Германия (старые земли)	**27,60**	**15,45**	**12,15**	**82**	**79**
Норвегия	27,31	18,46	8,86	52	48
Швейцария	25,31	16,66	8,65	51	52
Бельгия	25,01	13,16	11,85	92	90
Финляндия	24,88	14,06	10,82	74	77
Нидерланды	23,74	13,15	10,60	79	81
Швеция	23,32	13,65	9,67	75	71

Продолжение таблицы 10.2

Страна	**Трудовые издержки на чел.-час в 2004 г. (евро)**	**Прямое вознаграждение за труд* на чел./час в 2004 г. (евро)**	**Дополнительные затраты на персонал** на чел.'час в 2004 г. (евро)**	**(III)=(II) : (I) (%)**	
	(I)+(II)	**(I)**	**(II)**	**1991 г.**	**2004 г.**
Австрия	21,50	11,66	9,84	90	84
Люксембург	21,33	14,13	7,20	45	51
Франция	20,74	10,76	9,98	92	93
Великобритания	19,89	13,61	6,27	40	46
Ирландия	18,79	13,45	5,34	40	40
США	18,76	12,98	5,78	40	45
Япония	17,95	10,62	7,33	70	69
Италия	17,24	8,84	8,40	100	95
Германия (новые земли)	**17,15**	**10,37**	**6,78**	**70**	**65**
Канада	16,82	12,13	4,69	37	39
Испания	16,59	8,98	7,61	83	85
Греция	10,42	6,2	4,21	65	68
Португалия	7,21	4,10	3,11	79	76
Венгрия	4,53	2,55	1,97	–	77
Чехия	4,49	2,45	2,04	–	83
Словакия	3,61	2,14	1,46	–	68
Польша	3,29	2,08	1,21	–	58

* Заработная плата рабочих и жалованье служащих.

** Обязательные (по закону) и дополнительные (согласованные на уровне фирмы) взносы предпринимателей на социальное страхование работников; различного рода доплаты (бонусы и т. д.), предусмотренные в трудовом договоре.

Источник: "IW-Trends". 2005. Nr. 3. S. 21.

Разительные контрасты между вышеуказанными странами по показателю (III) существенным образом обусловлены различиями прин-

ципов организации и финансирования национальных систем социального страхования (по безработице, медицинского и пенсионного), закрепленных в соответствующем законодательстве. Так, высокие показатели (III) по Италии и Бельгии определяются тем, что в этих странах работодатели по закону обязаны отчислять на нужды социального страхования около 34% фонда заработной платы своих фирм. Кроме Франции и некоторых других стран, аналогичная ситуация характерна, как будет показано ниже, и для Германии. Напротив, сравнительно низкий показатель (III) по Дании объясняется тем, что весьма солидная местная система социального страхования и обеспечения финансируется почти исключительно через налоговую сферу.

Таблицы 10.3 и 10.4 характеризуют сравнительную динамику прироста трудовых издержек и их соотношение по странам ОЭСР.

Таблица 10.3

Прирост трудовых издержек в обрабатывающей промышленности стран ОЭСР (1991–2004, %)

Страна	Трудовые издержки	Прямое вознаграждение за труд	Дополнительные затраты на персонал	Трудовые издержки
	рассчитано на базе национальных валют			рассчитано на базе евро
Япония	17	18	17	38
Швейцария	23	22	25	35
Канада	33	31	37	11
Италия	41	45	38	7
Германия (старые земли)	**42**	**44**	**39**	**42**
Люксембург	44	39	57	44
Бельгия	45	47	43	45
Австрия	47	51	42	47
Нидерланды	48	47	50	48
США	50	45	63	42
Франция	51	50	51	53
Швеция	57	61	52	23

Продолжение таблицы 10.3

Страна	Трудовые издержки	Прямое вознаграждение за труд	Дополнительные затраты на персонал	Трудовые издержки
	рассчитано на базе национальных валют			рассчитано на базе евро
Норвегия	62	65	54	48
Дания	68	54	125	70
Финляндия	68	65	72	34
Великобритания	69	62	86	66
Испания	80	78	82	32
Ирландия	86	86	87	73
Португалия	97	101	93	67
Германия (новые земли)	**109**	**115**	**101**	**109**
Греция	179	174	188	76

Источник: "IW-Trends". 2005. Nr. 3. S. 22.

Таблица 10.4

Соотношение трудовых издержек в обрабатывающей промышленности стран ОЭСР (старые земли Германии=100)

Страна	1991 г.	2003 г.	2004 г.
Дания	85	101	102
Германия (старые земли)	**100**	**100**	**100**
Норвегия	95	103	99
Швейцария	97	95	92
Бельгия	89	91	91
Финляндия	95	89	90
Нидерланды	82	86	86

Продолжение таблицы 10.4

Страна	**1991 г.**	**2003 г.**	**2004 г.**
Швеция	98	84	84
Австрия	75	78	78
Люксембург	76	76	77
Франция	70	74	75
Великобритания	61	69	72
Ирландия	56	66	68
США	68	72	68
Япония	67	68	65
Италия	83	62	62
Германия (новые земли)	**42**	**62**	**62**
Канада	78	62	61
Испания	64	59	60
Греция	30	36	38
Португалия	22	26	26
Венгрия	–	15	16
Чехия	–	16	16
Словакия	–	12	13
Польша	–	12	12

Источник: "IW-Trends". 2005. Nr. 3. S. 24.

Таким образом, по стоимости рабочей силы в обрабатывающей промышленности в расчете на человеко-час Германия входит в «тройку» лидеров среди стран ОЭСР, будучи «абсолютным чемпионом» по величине дополнительных затрат предпринимателей на персонал. В то же время, как видно из таблицы 10.5, по производительности труда в обрабатывающей промышленности она находится в середине списка стран ОЭСР и имеет показатель, близкий к среднестатистическому для них. Очевидная диспропорция между показателями Германии, содержащимися в таблицах 10.2, 10.4 и 10.5, негативно сказыва-

ется на глобальной конкурентоспособности ее промышленности, а значит, и экономики в целом, а также на заинтересованности предприятий в увеличении инвестиций и создании на основе последних дополнительных рабочих мест.

Таблица 10.5

Стоимость произведенной продукции в расчете на чел./час в обрабатывающей промышленности стран ОЭСР в 2004 г.

Страна	По рыночному обменному курсу	По паритету покупательной способности
Германия	**100**	**100**
Бельгия	118	125
Нидерланды	115	117
Франция	112	118
Норвегия	110	91
Швеция	110	101
США	106	124
Дания	95	78
Средний показатель*	93	103
Япония	91	86
Великобритания	90	92
Канада	77	93
Южная Корея	43	74
Тайвань	28	–

* Средний показатель для всех приведенных в таблице стран, кроме Германии, взвешенный по их доле в мировом экспорте за 2002–2004 гг. на базе паритета покупательной способности (без учета Тайваня).

Источник: "IW-Trends". 2005. Nr. 3. S. 66.

Более позднее исследование ученых Института немецкого хозяйства, основанное на данных за 2007 г., в целом подтверждает эти выводы, требуя внести в них лишь некоторые коррективы. По ве-

личине трудовых издержек на человеко-час в промышленности Германия (старые федеральные земли — СФЗ) в 2007 г. была четвертой после Норвегии, Бельгии и Швеции. При этом СФЗ заняли 5-е место по прямому вознаграждению за труд (после Норвегии, Дании, Швейцарии и Люксембурга) и 4-е (после Бельгии, Швеции и Австрии) — по дополнительным издержкам на персонал. По производительности труда СФЗ и Германия в целом продолжали занимать среди стран ОЭСР среднее положение. В целом Германия в 2007 г. по относительной величине издержек, определяющей конкурентоспособность продукции, имела показатель на 23% хуже среднего по развитым странам, а СФЗ — даже на 29%. При этом среднегодовые темпы прироста трудовых издержек в 2000–2007 гг. (+2,1%) в Германии оказались ниже, чем в большинстве других стран ОЭСР (кроме Японии и Швейцарии), так что по этому показателю она стала ближе к среднему уровню стран — членов этой организации[1].

Приведенные выше показатели делают достаточно понятной аргументацию деловых кругов ФРГ, считающих заработную плату в стране чрезмерной в пропорции с производительностью труда и качеством рабочей силы, что обостряет проблему безработицы. Однако так не считают профсоюзы, из года в год требующие заметного повышения реальной заработной платы. Так, крупнейший по числу членов и наиболее влиятельный отраслевой профсоюз Германии IG Metall, который объединяет наемных работников отраслей, производящих и обрабатывающих металл, в качестве своего предложения бизнесу на тарифных переговорах в 2006 г. выдвинул повышение номинальной тарифной заработной платы на 4,5–5%, что означало бы за минусом ожидавшейся инфляции (около 2%) заметный прирост реальной заработной платы.

В ответ на это М. Каннегиссер, президент союза предпринимателей тех же отраслей, назвал такое предложение «иллюзорным», отметив, что желательно лишь поддержание реальной заработной платы, если для этого будут обеспечены ресурсы и в целом удастся добиться приемлемого для обеих сторон, капитала и наемного труда, компромиссного пакета соглашений по всем вопросам тарифных переговоров. В обоснование своей позиции он сослался на то, что из-за повышения номинальной заработной платы на 2,7% в 2005 г. было потеряно, по его оценке, 50 тыс. рабочих мест, тогда как прирост только на

---

[1] Подробнее см.: Schräder Ch. Industrielle Arbeitskosten im internationalen Vergleich // "IW-Trends". 2008. Nr. 3.

1%, вероятно, помешал бы этому и оказал бы определяющее позитивное влияние на решения бизнеса, касающиеся инвестиций и численности персонала[1]. С подобными расхождениями интересов труда и капитала различные отрасли германской экономики продолжают сталкиваться перед началом практически каждого нового тура тарифных переговоров.

Акцент на чрезмерно высокие трудовые издержки как главный фактор, сдерживающий экономический рост и обостряющий проблему занятости и безработицы в стране, характерен для позиции по этому вопросу не только деловых кругов ФРГ, но и ряда наиболее авторитетных ученых. Об этом прямо говорилось в заявлении 241 профессора, преподающих макроэкономику в немецких университетах, которое было опубликовано 30 июня 2005 г. ведущими СМИ и получило широкий резонанс в обществе. Х.-В. Зинн, разделяя эту точку зрения, прямо указывает и на виновных в сложившейся ситуации: «Прямую ответственность за то, что политика в области заработной платы в последние 30 лет потеряла управление, несут профсоюзы, поскольку именно они были тем, кто в ожесточенных тарифных спорах добивался таких приростов заработной платы, которые сегодня создают для Германии головоломные проблемы и подорвали конкурентоспособность немецких работодателей»[2].

Вместе с тем норма безработицы превысила отметку 10% в 1994 г. и продолжала расти в тот период, когда позиции профсоюзов в немецком обществе, в том числе их «пробивная способность» при ведении тарифных переговоров с союзами предпринимателей, заметно ослабли, даже несмотря на то, что главной правящей силой в 1998–2005 гг. была СДПГ, ближе стоящая к профсоюзам, чем любая другая из представленных в бундестаге и ландтагах партий Германии. Это ослабление выразилось прежде всего в уменьшении степени «охвата» профсоюзами работающих по найму, что видно из таблицы 10.6. По этому показателю ФРГ к началу текущего десятилетия (23% в 2002 г.) оказалась одним из аутсайдеров по сравнению с 15 другими странами ОЭСР, опережая только Японию (20%), Швейцарию (19%), США (14%) и Францию (9%), тогда как ранее она стабильно занимала некое среднее положение.

---

[1] "Wirtschaftswoche". Nr. 1–2. 5.01.06. S. 22.

[2] Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. S. 143.

Таблица 10.6

Доля членов профсоюзов в общей численности работающих по найму в странах ОЭСР (%)

Страна	2002 г.	В среднем за 1991–2000 гг.	Максимум (год)
Швеция	82	85,9	88,6 (1998)
Дания	76	76,6	79,5 (1994)
Финляндия	72	77,2	79,6 (1995)
Бельгия	58	53,1	58,1 (2000)
Норвегия	54	54,8	56,4 (1990)
Австрия	36	40,6	60,0 (1960)
Италия	35	38,7	50,5 (1976)
Великобритания	29	32,5	50,1 (1979)
Канада	29	31,8	33,7 (1992)
Нидерланды	24	24,5	41,7 (1960)
Германия	**23**	**29,1**	**35,9 (1991)**
Австралия	23	32,4	47,9 (1960)
Япония	20	23,3	34,8 (1964)
Швейцария	19	23,2	37,0 (1960)
США	14	14,8	29,4 (1960)
Франция	9	10,5	22,2 (1969)
Средний показатель по 16 странам	–	40,6	46,0 (1978)

Источник: "IW-Trends". 2004. Nr. 2. S. 6–7.

Некогда главным инструментом профсоюзов в борьбе за повышение заработной платы были забастовки или угрозы их проведения. Однако с начала 80-х годов прошлого века во всех странах ОЭСР отчетливо проявилась тенденция к снижению интенсивности забастовочного движения, что было обусловлено главным образом двумя обстоятельствами.

Во-первых, резким повышением доли третичного сектора (сфера услуг) в общей численности занятых по сравнению с вторичным сектором (промышленность и строительство). Дело в том, что забастовочное движение в третичном секторе в силу специфики его организации всегда играло и играет несравненно меньшую роль, чем во вторичном секторе.

Во-вторых, развитием внутриотраслевого международного разделения труда вследствие экспансии ТНК. Сталкиваясь с необходимостью повышения заработной платы на своем предприятии в результате забастовки в одной стране, ТНК могут перенести (и делают это) инвестиции и производство в другую страну. Опасаясь этого, выразители интересов наемного труда стремятся добиться приемлемого результата в тарифных переговорах с бизнесом, не прибегая к забастовкам или угрозе забастовок, избежать которых стремится и предпринимательская сторона. Для менеджмента ТНК мирное разрешение тарифных конфликтов чрезвычайно важно и потому, что забастовки и связанные с ними другие «воинственные» формы (локауты и т. д.) разрешения трудовых конфликтов нарушают весь тонко и совершенно организованный (это выражается, например, в сокращении издержек путем минимизации производственных запасов), неразрывно взаимосвязанный воспроизводственный процесс в рамках корпорации, порождая колоссальные потери и убытки.

Этот сдвиг в трудовых отношениях затронул и Германию. Правда, с начала 80-х годов XX в. ФРГ по интенсивности забастовок среди стран ОЭСР неизменно входила в тройку аутсайдеров (вместе с Японией и Австрией). Тем не менее, как видно из таблицы 10.7, как раз в последние годы эта интенсивность вообще оказалась близкой к нулю.

Таблица 10.7

Количество рабочих дней на 1000 занятых, потерянных в результате забастовок в ФРГ

В среднем за годы	1991–1995	1996–2000	2001–2003	1981–2003
Вторичный сектор	22	3	15	33
Третичный сектор	14	1	0	4

Источник: “IW-Trends”. 2005. Nr. 2. S. 48.

Таблица 10.8

Сравнительная динамика производительности труда и заработной платы в экономике ФРГ в 1995–2002 гг. (среднегодовые показатели, %)

Страны ЕС	К-1*			К-2**		
	1995–2002	1995–1998	1999–2002	1995–2002	1995–1998	1999–2002
Греция	–5,0	–8,3	–1,7	0,5	–0,9	1,8
Португалия	–4,4	–3,1	–5,7	–0,6	0,5	–1,7
Испания	–2,8	–2,5	–3,1	0,7	0,8	0,7
Италия	–2,0	–1,7	–2,3	1,1	2,2	0,0
Швеция	–2,3	–1,7	–3,0	–0,8	0,1	–1,6
Великобритания	–2,9	–2,6	–3,2	–0,1	0,4	–0,6
Австрия	–0,6	–0,3	–0,8	0,7	1,0	0,5
Германия	–0,7	–0,4	–0,9	0,3	0,6	–0,1
Бельгия	–1,4	–0,6	–2,3	0,1	0,8	–0,6
Финляндия	–1,5	–0,7	–2,2	0,7	1,7	–0,3
Дания	–2,1	–2,0	–2,2	–0,1	–0,1	–0,2
Франция	–1,2	–0,7	–1,7	0,1	0,7	–0,5
Ирландия	–1,7	–0,1	–3,2	2,8	3,7	1,8
Люксембург	–2,3	0,0	–4,6	0,2	2,4	–0,2
Нидерланды	–2,5	–1,2	–3,8	0,1	0,5	–0,2

*Изменение (%) производительности (реального ВВП на 1 занятого в народном хозяйстве) минус изменение (%) номинальных трудовых издержек (вознаграждение за труд на 1 работающего по найму).

** Изменение (%) производительности (реального ВВП на 1 занятого в народном хозяйстве) минус изменение (%) реальных трудовых издержек (вознаграждение за труд на 1 работающего по найму) с поправкой на норму инфляции.

Источник: "IW-Trends". 2003. Nr. 2. S.1 8.

Конечно, «пробивная способность» профсоюзов в ведении тарифных переговоров зависит далеко не только от степени охвата

ими работающих по найму и от интенсивности забастовочного движения в той или стране, а от многих других факторов: уровня влияния профсоюзов на средства массовой информации, силы их политического лоббирования, политических качеств их лидеров и др. Так или иначе, по динамике реальной заработной платы период с середины прошлого десятилетия, когда проблемы экономического роста и безработицы стали особенно острыми, оказался для немецкого рабочего движения далеко не самым урожайным. При этом, как видно из таблицы 10.8 (ее показатели рассчитаны по данным Комиссии ЕС и Института немецкого хозяйства в Кёльне), по сравнительной динамике, с одной стороны, производительности труда и, с другой стороны, номинальной и реальной заработной платы по народному хозяйству Германия в указанный период занимала положение в середине ЕС-15, тогда как норма безработицы в ней превысила средний показатель для ЕС-15.

С точки зрения предпринимателей, принимающих решения об увеличении инвестиций и числа рабочих мест в данной стране, показатель К-2 должен быть положительным и как можно более высоким. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Германии с точки зрения интересов бизнеса показатель К-2 имел заметно лучшую динамику, чем, например, в Великобритании и Швеции. Однако в двух последних странах динамика инвестиций, экономического роста и занятости складывалась значительно более благоприятно, чем в ФРГ. Отсюда следует, что величина и динамика трудовых издержек, конечно, влияя на занятость и безработицу в Германии, как и в любой другой стране, вряд может рассматриваться как главная детерминанта этих двух взаимосвязанных явлений. Необходим анализ целого комплекса факторов, детерминирующих вялую динамику взаимосвязанных инновационного и инвестиционного процессов (условия их финансирования, качество человеческого капитала, организация рынков и др.), а в конечном итоге — экономического роста и занятости.

В этой связи представляют особый интерес результаты исследования «Инновационные факторы Германии в международном сопоставлении», проведенного группой экспертов по заказу Института имени Р. Херцога (бывшего президента ФРГ)[1]. В этой работе 22 страны ОЭСР по среднегодовым темпам прироста ВВП и его качественным параметрам разделены на три группы:

---

[1] Funk L., Plünnecke A. Deutschlands Innovationsfaktoren im internationalen Vergleich // "IW-Trends". 2005. Nr. 1.

- лидеры («звезды роста»): Финляндия, Австралия, Швеция, Норвегия, Великобритания, Канада и США;
- аутсайдеры («габаритные огни в конце поезда»): Дания, Австрия, Бельгия, Нидерланды, Франция, Италия, Германия, Япония и Швейцария;
- догоняющие государства: Ирландия, Южная Корея, Греция, Испания, Португалия и Новая Зеландия.

В работе показано, что возможности догоняющего инновационного развития, опирающегося на подражание зарубежным достижениям НИОКР и их доводку, ФРГ исчерпала к началу 80-х годов XX в. Применительно к последующему периоду развития Германии, правда, нельзя говорить о некоей общей слабости страны в инновационной сфере. Вместе с тем здесь проводилась «оборонительная», а не наступательная стратегия, которая основывалась бы на инвестициях в расширенное воспроизводство капитала на базе радикально новых инноваций, что обеспечивало бы значительный прирост числа рабочих мест и низкую норму безработицы. Оборонительная стратегия означала инвестирование прежде всего в простое воспроизводство основного капитала путем замены выбывающих его элементов новыми, но без его расширения. При этом осуществлялась экономия живого труда в расчете на единицу применяемого основного капитала, что неблагоприятно сказывалось на занятости.

В итоге авторы пришли к обоснованному выводу: «Германии в минувшем десятилетии не удалось так же хорошо, как другим странам, стимулировать расширение производства посредством радикальных инноваций. Слабость Германии в области радикальных инноваций обусловливается прежде всего недостатком высококвалифицированных молодых кадров и зарегулированностью рынков»[1]. Этот вывод подкрепляется детализированным анализом факторов роста указанных 22 стран ОЭСР, которые сведены в три нижеследующие категории, причем качество этих факторов оценивается в целом ряде показателей, рассчитанных на основе данных ОЭСР и Института немецкого хозяйства в Кёльне. По всем этим показателям Германия, за редким исключением, занимает места в нижней части рейтинга-22, тогда как лидируют, как правило, «звезды роста» или гораздо реже догоняющие государства.

1. По показателям *качества человеческого капитала* («гуманных ресурсов») Германия занимает в рейтинге-22 следующие места:

---

[1] Funk L., Plünnecke A. Deutschlands Innovationsfaktoren im internationalen Vergleich // "IW-Trends". 2005. Nr. 1.S. 63.

- доля лиц с высшим образованием в численности населения в возрасте от 25 до 64 лет за 2002 г. (23%) — 18 (лидер — Канада с 43%);
- доля лиц, закончивших аспирантуру, в численности населения того же возраста за 2002 г. (2,0%) — 3 (Швеция с 2,8%);
- число лиц с законченным высшим образованием по математике, информатике, естественным и техническим наукам на 100 тыс. самодеятельного населения в возрасте от 25 до 34 лет за 2002 г. (721) — 15 (Южная Корея — 1788);
- доля затрат на образование в ВВП за 2001 г.(5,3%) — 15 (Южная Корея — 8,2%).

2. По показателям, характеризующим *условия финансирования инновационного процесса*:

- доля затрат на НИОКР в ВВП за 2002 г. (2,52%)[1] — 7 (Швеция — 4,27%);
- налоговые льготы в долларах на 1 доллар затрат крупных компаний на НИОКР за 2001 г. (–0,02) — 18 (Испания — 0,44);
- отношение располагаемого венчурного капитала к ВВП за 1998–2001 гг. (0,127) — 9 (США-0,492%);
- доля капиталовложений в информационно-коммуникационные технологии в инвестициях в машины и оборудование за 2000 г. (17,6%) — 9 (США — 30,1%).

3. По показателям, характеризующим *общие рамочные условия для инноваций*:

- индекс интенсивности государственного регулирования рынка труда (от 0 до 6) за 2003 г. (2,5) — 15 (США — 0,7)[2];
- индекс рамочных условий ведения хозяйства для фирм без учета регулирования рынка труда (медиана нескольких индикаторов = 50) за 2004 г. (44,8) — 16 (Новая Зеландия — 59,3);
- отношение числа учащихся в средних и высших учебных заведениях к численности занятых в возрасте от 25 до 64 лет за 2003 г. (53%) — 16 (Австралия — 80%);
- результат выборочных тестов по чтению, математике и естественным наукам при среднем показателе по ОЭСР = 500 за 2003 г. (499) — 13 (Финляндия — 545).

---

[1] По этому показателю, который в начале 90-х годов пошлого века достигал 2,9%, ФРГ уступала только США и Японии. Таким образом, и сфера НИОКР серьезно пострадала от перераспределения ресурсов в пользу финансирования объединительных процессов.

[2] По оценке Института немецкого хозяйства в Кёльне за 2005 г. по аналогичному индексу (от 0 — невмешательство государства до 100 — полное государственное регулирование) ФРГ с показателем 81 оказалась в самом низу рейтинга 28 стран ОЭСР (США-12) // БИКИ. № 13 (8959). 02.02.06. С. 2.

Если принять во внимание всю совокупность приведенных выше трех категорий показателей, вряд ли можно найти сколько-нибудь весомые возражения против итогового вывода экспертов Института имени Романа Херцога: «Для повышения потенциала своего роста Германия должна улучшить условия для радикальных инноваций. Поэтому высший приоритет должен быть придан укреплению человеческого капитала и дерегулированию рынков продукции. Прежде всего должна быть резко ограничена государственная бюрократия. Есть много аргументов и в пользу того, что дальнейшее дерегулирование рынка труда может внести существенный вклад в улучшение условий для инноваций»[1]. Остановимся более подробно на некоторых из отмеченных выше факторов, негативно влияющих на инновационный и инвестиционный процессы, а через них — на экономический рост и занятость в Германии.

Исследования немецких экономистов показывают, что с начала 1990-х гг. ухудшилась — с точки зрения требований современного этапа НТР и глобальной конкуренции — пропорция между человеческим капиталом и капиталом в вещной форме (машины, оборудование и т. д.). Так, по оценке К. Ханке, человеческий капитал, воплощенный в знаниях и квалификации самодеятельного населения, в 1992–1999 гг. в сопоставимых ценах вырос всего на 0,3% (с 3712 до 3723 млрд евро)[2], тогда как капитал в вещной форме — на 19,4% (с 8270 до 9878 млрд евро), т. е. пропорция между ними за эти годы изменилась с 45 : 100 до 38 : 100.

Из работы К. Ханке следует, что ухудшение указанной пропорции стимулирует отток капитала в вещной форме за рубеж (в форме прямых инвестиций), противодействует успешной разработке новых технологий и продуктов, инновационному процессу в целом. В итоге она пришла к следующему заключению: «Следовательно, необходимо принять меры к тому, чтобы в будущем на рынке предлагало свой труд достаточное количество высококвалифицированных работников. С одной стороны, нужно продлить период использования человеческого капитала путем сокращения сроков обучения и увеличения пенсионного возраста. С другой стороны, можно было бы повысить

---

[1] Funk L., Plünnecke A. Op. cit. S. 75.

[2] В основу такой оценки она положила методику, согласно которой стоимость обучения одного лица на определенной ступени системы образования в Германии умножалась на численность лиц, закончивших эту ступень. Далее показатели по каждой группе лиц с тем или иным уровнем образования суммировались. Более подробное изложение этой методики выходит за рамки нашего исследования.

удельный вес лиц с высшим образованием и стимулы к получению образования. Кроме того, можно было бы облегчить обладающим квалификацией лицам, не относящимся к самодеятельному населению, получение работы, например женщинам и детям»[1]. Эти соображения с точки зрения требований рыночного хозяйства и глобализации, а также предпринимательской логики в целом вполне рациональны и способствуют пониманию сути отмеченных выше проблем. Правда, предложения касательно увеличения возраста выхода на пенсию и детского труда достаточно сомнительны на фоне нынешней социальной и политической обстановки в Германии. Они вызывают, скорее, негативную реакцию, чем широкий позитивный резонанс в обществе.

В отношении качества человеческого капитала следует также подчеркнуть, что уровень подготовки выпускников в сфере среднего образования Германии, как следует из различных экспертных оценок и тестов, выше среднего по странам ОЭСР. Напротив, высшее образование отстает, особенно с точки зрения требований постиндустриального общества, предъявляющего на него повышенный спрос. С учетом того, что доля занятых в третичном секторе ФРГ в самодеятельном населении к началу нынешнего десятилетия превысила 62%, доля затрат на высшее образование должна была бы составлять, по среднему стандарту стран ОЭСР, 1,28% ВВП при фактическом показателе 1%. В условиях затянувшегося бюджетного кризиса эту брешь вряд ли можно закрыть путем увеличения государственного финансирования высшей школы. Доля же частных источников в нем составляет в ФРГ лишь 0,08%, тогда как, например, в Австралии, США, Японии и Южной Корее — от 0,51 до 2,07%[2]. В этой связи в немецком обществе в течение уже многих лет идет оживленная полемика о целесообразности введения платы за обучение в вузах (до сих пор таковая не взимается в государственных вузах, а негосударственных университетов, не считая теологических, в стране нет) и более активного привлечения других частных источников (спонсорских средств от бизнеса и др.). До сих пор эта дискуссия (как и о реформе профессионального обучения в направлении ее адаптации к изменившимся требованиям рынка труда) не дала осязаемых результатов. «Большая коалиция» ХДС/ХСС–СДПГ во главе

---

[1] Hanke Ch. Zur Berechnung des Humankapitalbestands in Deutschland // "IW-Trends". 2005. Nr. 1. S. 14.

[2] List J. Bildung und wirtschaftlicher Strukturwandel im internationalen Vergleich // "IW-Trends". 2002. Nr. 1. S. 28.

с новым федеральным канцлером А. Меркель, пришедшая к власти в результате последних выборов в бундестаг осенью 2005 г., не сдвинула дело с мертвой точки. Вообще за весь без малого четырехлетний период пребывания у власти вплоть до осени 2009 г. указанная коалиция в области трудовых и социальных отношений, рассматриваемых в настоящей главе, не провела ни одной крупной радикальной реформы, которая способствовала бы эффективному решению рассматриваемых нами проблем. Временное улучшение ситуации на рынке труда было вызвано, как отмечалось выше, благоприятными внешнеэкономическими факторами, а также — в определенной мере и не в первую очередь — реформами, начатыми предыдущей правящей коалицией СДПГ/зеленые (прежде всего введением в действие новой редакции ч. II Социального кодекса Германии с начала 2005 г., о чем речь пойдет ниже).

Большего коалиция ХДС/ХСС–СДПГ достигла в области снижения *налогообложения бизнеса,* что может в перспективе позитивно сказаться на экономическом росте и занятости. К началу ее деятельности Германия имела самый высокий среди ЕС-15 уровень налогообложения полученных прибылей — 39,5%. В результате реформы налогов на бизнес (корпорационного и промыслового) с начала 2008 г. этот показатель был снижен до 31,0%, в результате чего она оказалась в середине списка 18 стран ЕС и ОЭСР: США — 45,6%; Япония — 40,7; Италия — 37,3; Канада — 36,1; Франция — 34,4; Бельгия — 34,0; Эстония — 32,5; Великобритания — 30,0; Люксембург — 29,6; Испания- 28,0; Дания — 28,0; Польша — 26,5; Финляндия — 26,0; Нидерланды — 25,5; Греция — 25,0; Австрия — 25,0; Ирландия — 12,5%[1].

Что касается факторов, связанных с существующей *системой организации и государственного регулирования рынка труда,* которые с точки зрения бизнеса негативно влияют на занятость, то их суть и сравнительная значимость нашли отражение в результатах репрезентативного опроса руководителей фирм, проведенного в 2003–2004 гг. экспертами Института немецкого хозяйства. Итоги этого опроса отражены в таблице 10.9, которая составлена по результатам ответов руководителей опрошенных фирм на вопрос: «Какие правовые нормы особенно сильно осложняют поддержание имеющихся и создание новых рабочих мест?». При этом каждый из опрошенных мог указать на одну или несколько причин.

---

[1] "IW-Trends". 2008. Nr. 1. S. 8.

Таблица 10.9

Препятствия найму работников (% от числа опрошенных фирм)

	По собственному опыту	В общем восприятии
Предписанная законом защита от увольнения	57	80
Негибкость правовых норм, регулирующих тарифные соглашения	40	70
Длительность разбирательств в суде по трудовым спорам	39	69
Издержки и риск, связанный с правовой защитой материнства	32	49
Регламентации сроков действия трудовых договоров	29	58
Законодательные нормы по регулированию рабочего времени	29	56
Право на временное освобождение от работы по рождению ребенка с сохранением рабочего места	28	51
Бюрократические препоны и разрешения	25	67
Предписания по охране и обеспечения безопасности труда	21	41
Правовые нормы по защите инвалидов	21	34
Последствия поглощения другой фирмой или слияния с ней	20	48
Право на неполную занятость	19	38
Правоприменительная практика по забастовкам	17	45
Соучастие представителей лиц наемного труда в управлении предприятием	15	37

Источник: "IW-Trends". 2004. Nr. 2. S. 19.

Требует пояснения последняя строка таблицы 10.9. В бывшей ФРГ на основе федерального закона от 4 мая 1976 г. (немецкая и международная социал-демократия не без оснований считает его своим высшим достижением в строительстве экономической демократии)

еще в 70–80-е годы XX в. сложилась наиболее развитая по сравнению с другими странами Запада система соучастия («содетерминации») представителей работающих по найму в управлении обществами по капиталу (фирмами, компаниями) с числом занятых более 2000[1], которая была перенесена на объединенную Германию. Более того, в период правления коалиции СДПГ/зеленые под руководством Г. Шрёдера эта система претерпела дальнейшее развитие в сторону большей демократизации. Более простые формы представительства интересов лиц наемного труда сегодня по действующим законам распространяются на все предприятия с числом занятых не менее пяти.

В результате вряд ли вызывает сомнения вывод Х.-У. Ниденхоффа, проведшего детальное сравнение государств ЕС по данной проблематике: «Германия по сравнению с другими странами Евросоюза имеет наибольшее число законов о содетерминации и наибольшее количество органов представительства интересов работающих по найму. Нигде права соучастия и содетерминации работополучателей, производственных советов и профсоюзов не урегулированы в такой высокой степени, как здесь. Подавляющее большинство стран Евросоюза имеет в противоположность Германии гораздо большие минимальные критерии числа занятых, начиная с которых может быть избран орган, представляющий работающих по найму. И в области содетерминации на уровне компании Германия занимает уникальное во всем мире положение. Никакая другая страна не знает столь широкого соучастия работающих по найму и профсоюзов в наблюдательных советах компаний»[2]. Автор настоящей главы полностью разделяет эту оценку немецкого коллеги.

Правда, следует иметь в виду, что имеющиеся законодательные возможности реализуются далеко не полностью. Так, только на 10% средних и мелких предприятий числом занятых от 5 до 500, на которых законодательство позволяет образовывать производственные советы, таковые действительно созданы и функционируют[3]. По другим данным, такие органы существуют на 11% фирм в промышленности и смежных с ней отраслей. При этом еще на 19% получили распространение другие формы представительства интересов трудовых кол-

---

[1] См.: *Паньков В.С.* Экономические теории современного социал-реформизма. М.: Мысль, 1980. С. 82–84; *Паньков В.С.* ФРГ в экономике современного капитализма. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 100–101.

[2] Niedenhoff H.-U. Mitbestimmung im europäischen Vergleich // "IW-Trends". 2005. Nr. 2. S. 3.

[3] Подробнее см.: Greifenstein R., Weber H. Arbeitnehmerbeteiligung im Mittelstand zwischen Patriarchat und Mitbestimmumg // "WISO-direct". Friedrich-Ebert-Stiftung.

лективов — омбудсмены, комитеты представителей работающих по найму и др.[1]

При этом мы имеем дело с двумя сторонами одной медали. С одной стороны, несмотря на недостаточное использование правовых возможностей для представительства интересов работающих по найму, достигнутое в данной области в Германии — одно из крупнейших достижений экономической демократии, свидетельствующее о высокой степени демократизации и обеспечения гражданских свобод, о больших возможностях для развития человеческой личности в современном германском обществе. С другой стороны, как показали 3 из 4 участников указанного выше опроса фирм, это достижение осложняет предпринимателям и их менеджерам принятие быстрых и эффективных решений при управлении фирмами в соответствии с императивами рыночного хозяйства, уменьшая гибкость и приспособляемость рынка труда к изменяющейся экономической конъюнктуре, что неблагоприятно сказывается на уровне занятости и безработицы[2]. Какая из этих двух сторон воплощает более высокую мировоззренческую и социальную ценность — перед этим нелегким вопросом поставлено в последние годы немецкое общество. Удовлетворительного решения данного вопроса с учетом обоих обстоятельств и без ущерба каждому из них в ФРГ пока не найдено.

В результате действия рассмотренных выше и других факторов темпы экономического роста Германии после ее объединения были невысоки. В 1991–2000 гг. среднегодовой прирост ВВП составил лишь 1,5% против 2,1% по ЕС и 3,6% в США. ФРГ стали нередко сравнивать со Страной восходящего солнца (1,0%), проводя аналогии с «японской болезнью», хотя подобные параллели некорректны, ибо факторы, сдерживающие экономический рост в обеих странах, далеко не идентичны.

Более того, по темпам экономического роста Германия оказалась на последнем месте среди ЕС-15 за 1991–2004 гг.[3] «Чемпион» здесь Ирландия (+152%), но сравнение с Ирландией для ФРГ менее важно и репрезентативно, чем с крупными странами ЕС. В противоположность Германии государство и деловые круги, например в Великобритании, делали акцент как раз на решении проблем модернизации экономики, трудовых и социальных отношений в соответствии с импера-

---

[1] Подробнее см.: Stettes O. Betriebsräte und alternative Formen der Mitbestimmung — Ergebnisse aus dem IW-Zukunftspanel // "IW-Trends". 2008. Nr. 3.

[2] См.: "IW-Trends". 2004. Nr. 2. S. 23.

[3] "Wirtschaftswoche". Nr. 3. 12.01.2006. S. 25.

тивами рыночной конкуренции и глобализации. Результат вполне закономерен: если ФРГ в 1991–2004 гг. была аутсайдером среди стран ЕС-15 по реальному приросту ВВП (только +40%), то Великобритания заняла место в группе лидеров (+73%), проведя коренную модернизацию народного хозяйства и не оставив и следа от былой «британской болезни» — дряхлеющей экономики.

За 2001–2004 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП не вышли и на скромный показатель предыдущего десятилетия, причем в 2003 г. было даже зарегистрировано его небольшое сокращение (–0,2%). Правда, в 2004 г. этот показатель достиг +1,1%, а в 2005 г. — +0,8%. Однако и этого было недостаточно для заметного смягчения проблемы безработицы, которая вследствие вялости экономической динамики страны достигла, как видно из приведенных выше показателей, большой остроты.

Из результатов исследования динамики занятости и безработицы Институтом немецкого хозяйства, основанных на долгосрочных расчетах, следует, что в среднем за 1988–2003 гг. можно было рассчитывать на снижение безработицы только при достижении годового прироста ВВП, как минимум, 1,8% (табл. 10.10). Х. Шефер, обобщая результаты данного исследования, подчеркивает, что «немецкий рынок труда только в малой мере реагирует на конъюнктурные импульсы»[1]. Ситуация несколько изменилась в 2006–2008 гг. В начале 2006 г., после почти пятилетнего застоя, появились явные признаки оживления экономического роста в ФРГ во многом под воздействием благоприятной мирохозяйственной, особенно внешнеторговой, конъюнктуры. Кроме того, именно в этот период определенную позитивную роль сыграли принятые еще при правлении «красно-зеленой коалиции» меры по регулированию безработицы, о которых будет сказано ниже. Снижению безработицы способствовало также невиданное ранее распространение найма на работу по временным договорам. Число занятых по таким договорам в 2003–2007 гг. более чем удвоилось и достигло своего пика в октябре 2007 г. — 770 тыс. человек[2].

По оценке экспертов журнала «Виртшафтсвохе», наиболее авторитетного экономического еженедельника страны, при темпах прироста ВВП в 2006 г. в пределах 1,4–2,0% число безработных могло за год уменьшиться только примерно на 190 тысяч[3]. Однако в 2006 и 2007 гг.

---

[1] Schäfer H. Beschäftigungs- und Arbeitslosigkeitsschwellen — Interpretation und internationaler Vergleich // "IW-Trends". 2005. Nr. 2. S. 61.

[2] Подробнее см.: Vanselov A., Weinkopf C. Job-Wunder mit Nebenwirkungen: Entwicklungen in der Leiharbeit // "WISO-direct". Friedrich-Ebert-Stiftung. Oktober 2008.

[3] "Wirtschaftswoche". Nr. 6. 02.02.2006. S. 25.

темпы роста ВВП ФРГ оказались значительно выше этого показателя — соответственно 2,9 и 2,5%, что привело, как было отмечено выше, к заметному снижению нормы безработицы.

Таблица 10.10

Сравнительная динамика экономического роста и безработицы в десяти странах ОЭСР (1988–2003)

Страна ОЭСР	Коэффициент Окуна	Порог безработицы
Бельгия	–0,40	1,8
Германия	–0,28	2,6
Финляндия	–0,86	3,0
Франция	–0,39	2,0
Италия	–0,08	3,6
Нидерланды	–0,39	1,6
Испания	–1,00	2,4
Швеция	–0,69	2,7
Великобритания	–0,60	2,0
США	–0,36	3,2

Источник: "IW-Trends". 2005. Nr. 2. S. 67.

Из таблицы 10.10 также видно, что по двум важнейшим показателям (коэффициент Окуна и «порог безработицы»)[1], характеризующим сравнительную динамику ВВП и безработицы за 1988–2003 гг., Германия при сопоставлении с девятью другими странами ОЭСР выглядит лучше только Италии. Это свидетельствует о том, что отмеченные выше долгосрочные фундаментальные проблемы рынка труда и привлечения инвестиций в экономику на современном этапе НТР и глобализации в ФРГ решены в меньшей мере, чем в восьми странах ОЭСР, с которыми она сравнивается в таблице 10.10.

[1] Коэффициент Окуна показывает, насколько процентных пунктов изменится норма безработицы (отношение числа официально зарегистрированных безработных к численности самодеятельного населения страны в %), если ВВП вырастет на 1 процентный пункт. «Порог безработицы» показывает, с какой минимальной величины прироста ВВП (в %) начинается сокращение безработицы.

Ухудшение экономической конъюнктуры в ФРГ (ВВП страны вырос в 2008 г. на 1,5% вместо ожидавшегося 1,9%, причем во втором полугодии началась рецессия) привело к новому росту безработицы. Если прогнозы динамики ВВП на 2009 г. ведущих экономических институтов Германии сбудутся (так, Кильский институт мирового хозяйства прогнозирует на 2009 г. сокращение ВВП на 2,7%), то к концу 2009 — началу 2010 г. увеличится до 3,7–4 млн человек по сравнению с 3,2 млн к началу 2009 г. Правительство ФРГ исходит из вероятного сокращения ВВП в 2009 г. на 4–5%. В этом случае число безработных за данный год существенно увеличится. При этом примерно 1/3 всех немецких предприятий наметили сокращение числа рабочих мест[1]. При этом все более широкое распространение получает неполная занятость. Так, только за январь 2009 г. более 10 000 фирм заявили о готовности принять на условиях неполной занятости 290 тыс. рабочих и служащих. С осени 2008 г. по начало февраля 2009 г. число принятых на такую работу достигло 750 тысяч[2].

Для радикального улучшения ситуации в сфере занятости и безработицы необходимо, как минимум, решить рассмотренные выше фундаментальные проблемы рынка труда, требующие здесь глубоких структурных реформ, а также реформировать социальную сферу, основные проблемы которой требуют специального анализа.

10.2. Ситуация в социальной сфере и проблемы ее реформирования

Уже в первые 10–15 лет существования бывшей ФРГ (с 1949 г.) там была создана высоко- и всесторонне развитая — даже по самым строгим международным меркам — система социального страхования, обеспечения и вспомоществования для населения страны. После объединения Германии принципы организации этой системы были перенесены на население новых федеральных земель (НФЗ).

Система (сеть) социальных услуг (soziales Netz, Netz von Sozialleistungen)[3], получаемых населением Германии, которая основывается на трехстороннем социальном партнерстве (Sozialpartnerschaft) государ-

---

[1] БИКИ. № 7 (9402), 22.01.2009. С. 4–5; "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 16.02.2009.

[2] "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 05.02.2009.

[3] Ее также называют системой социальной защиты, или социальных гарантий (sozialer Schutz, soziale Sicherheit).

ства, труда (в лице профсоюзов) и капитала (в лице союзов предпринимателей), складывается из следующих основных элементов:

- *социальное страхование* (Sozialversicherung) — по безработице, пенсионное и медицинское: обязательное по закону (основное, или базисное) и добровольное (в дополнение к первому) для занятой части населения, получающей вознаграждение за труд (заработную плату, жалованье и т. д.);
- *социальное вспомоществование* (Sozialhilfe) в виде государственных пособий для лиц нетрудоспособных, а также для иных граждан, не имеющих права на пособие по безработице и других прав на получение дохода для обеспечения «соответствующих человеческому достоинству» условий жизни;
- *социальное обеспечение* (Sozialversorgung) для поддержки семей с детьми, жертв войны, инвалидов и ряда других категорий граждан.

Далее будут рассмотрены вопросы социального страхования и вспомоществования, поскольку они непосредственно связаны с проблематикой трудовых отношений, которые были предметом анализа в п. 10.1 настоящей главы.

Взносы на нужды обязательного социального страхования отчисляются на паритетных началах (50 : 50) работодателем и работополучателем (наемным работником). Их величина рассчитывается в процентном отношении к номинальному месячному заработку. При этом устанавливаются верхняя граница месячного заработка, с которого рассчитываются все виды обязательных взносов (они вычитаются из заработка в безусловном порядке аналогично налогу на заработную плату), и соответственно максимальная величина каждого взноса. С разницы между его фактической величиной и указанной верхней границей взносы не взимаются. Об установленных в законном порядке правилах расчета величины взносов дает представление таблица 10.11, из которой видно, что работающие по найму расходуют только на обязательное социальное страхование более 1/5 своего номинального заработка. Столько же перечисляют в соответствующие страховые кассы, контролируемые и управляемые государством, их работодатели. При этом на протяжении всей истории существования системы обязательного социального страхования ставки всех видов взносов показывали тенденцию к постепенному — без резких скачков — повышению, особенно в период после объединения Германии. После 2002 г. приведенные в таблице 10.11 показатели остались примерно на том же уровне, по-видимому, достигнув разумного и терпимого предела.

Таблица 10.11

Взносы на обязательное социальное страхование в Германии

	Старые федеральные земли								
	Верхняя граница для расчета			Ставка взноса Максимальный взнос					
	2000	2001	2002	2000	2001	2002	2000	2001	2002
	евро в месяц			в %			евро в месяц		
Пенсионное	4,397	4,448	4,500	19,3	19,1	19,1	848,65	849,60	859,50
По безработице	4,397	4,448	4,500	6,5	6,5	6,5	285,80	289,15	292,50
Медицинское	3,298	3,336	3,375	13,5	13,6	14,0*	445,20	453,70	472,50*
По уходу за больными	3,298	3,336	3,375	1,7	1,7	1,7	56,05	56,70	57,40
Всего				41,0	40,9	41,3	1,635,70	1,649,15	1,681,90
	Новые федеральные земли								
Пенсионное	3,630	3,732	3,750	19,3	19,1	19,1	700,60	712,90	716,25
По безработице	3,630	3,732	3,750	6,5	6,5	6,5	235,95	242,60	243,75
Медицинское	2,72	3,336	3,375	13,8	13,7	14,0*	375,70	457,05	472,50*
По уходу за больными	32,723	3,336	3,375	1,7	1,7	1,7	46,30	56,70	57,40
Всего				41,3	41,0	41,3	1,358,55	1,469,25	1,489,90

* На начало года.
Источник: "IW-Trends". 2002. Nr. 1. S. 45.

В обстановке вялой динамики экономического развития, неблагоприятной демографической ситуации, заметного повышения уровня безработицы (а в ГДР ее вообще не было) по сравнению с предшествующим периодом и других негативных явлений социальная сфера оказалась в состоянии тяжелого структурного адаптационного кризиса. Этот кризис затронул все ее основные компоненты, в первую очередь отчетливо выражаясь в растущих дефицитах всех касс обязательного страхования, который государство вынуждено покрывать посредством бюджетных дотаций. Правда, причины дефицитов по от-

дельным видам обязательного страхования, отмеченным в таблице 10.11, неодинаковы. Остановимся на каждом из них.

10.2.1. Страхование по безработице

С середины 1980-х гг. до 2005 г. система страхования по безработице выглядела следующим образом. В качестве инстанции, аккумулирующей взносы работающих по найму и работодателей на такого рода нужды и распределяющей эти средства — вкупе с государственными дотациями — между безработными, выступает Федеральное агентство по трудовым вопросам — ФАТВ (Bundesagentur für Arbeit)[1]. Помимо назначения и выплаты соответствующих пособий этот орган занимается вопросами регистрации и учета безработных, их консультирования, переквалификации и повышения квалификации, посредничества в получении нового рабочего места и т. п.

Право на пособие по безработице (Arbeitslosengeld) имеют полностью или частично (занятые менее 18 часов в неделю) безработные, не достигшие пенсионного возраста, зарегистрированные в соответствующем отделении ФАТВ и ищущие новую работу при посредничестве последнего. Лица, ранее работавшие и плативши со своего заработка взносы на страхование по безработице на протяжении не менее 360 дней, получают пособие в размере 60% чистого среднего заработка, а при наличии ребенка — 67%.

Продолжительность выплаты пособия зависит от времени выплаты взносов в период предшествовавшей трудовой деятельности, а также от возраста безработного. Как правило, это 12 месяцев. Вместе с тем с середины 1980-х гг. лицам предпенсионного возраста была предоставлена возможность получать такое пособие на срок до 32 месяцев, если за первый год они не получали нового рабочего места, приемлемого с точки зрения квалификации и прежнего заработка, а также других условий найма и труда. При этом безработный не утрачивает права на пособие, если он отклоняет два предложения со стороны ФАТВ о новом трудоустройстве как, по его мнению, неприемлемые с указанной точки зрения.

По истечении указанного срока лицо, не получившее нового рабочего места, может подать заявку на несколько меньшую (не более 58%) помощь по безработице (Arbeitslosenhilfe), предоставляемую максимум на 12 месяцев, причем на более жестких условиях и только

---

[1] Первоначально оно именовалось Федеральное ведомство по трудовым вопросам (Bundseanstalt für Arbeit).

после тщательной проверки нуждаемости со стороны ФАТВ, чего не требуется для получения пособия. Если и после этого безработный не возобновляет трудовую деятельность, то он получает право только на *социальное вспомоществование* (Sozialhilfe) по соответствующему федеральному закону (Bundessozialhilfegesetz), которое предоставляется также другим группам лиц (прежде всего полностью или частично нетрудоспособным), не имеющим возможности за счет своего трудового заработка или реализации своего права на получение других видов пособий вести образ жизни в соответствии с общепринятыми представлениями о человеческом достоинстве. Социальное вспомоществование назначается на земельном и муниципальном (коммунальном) уровне и рассчитывается на основе подвергающихся периодической корректировке норм потребления товаров и услуг повседневного спроса, обеспечивающих удовлетворение безусловно необходимых потребностей (на уровне выше физического минимума). Соответственно его величина в отдельных землях и муниципальных образованиях (общинах) из-за определенных местных различий в ценах и тарифах на коммунальные услуги не идентична, но и не подвержена резкой дифференциации.

Принципы построения рассмотренной системы страхования по безработице продолжают действовать и в настоящее время. Вместе с тем в условиях резкого роста безработицы (норма безработицы достигла невиданных ранее 10% в 1994 г. и с тех пор чаще превышала эту отметку, чем опускалась ниже ее, как в 2006–2008 гг.) страховые взносы лиц наемного труда и работодателей все в меньшей степени покрывают затраты ФАТВ, дефицит бюджета которого в растущей мере приходится перекладывать на прямые дотации государства, которое, в свою очередь, до сих пор безуспешно «бьется» с собственными обостряющимися финансовыми проблемами. Поэтому, а также по другим причинам с 2005 г. в эту систему были внесены изменения, вследствие которых, по оценке одного из ведущих немецких экспертов по вопросам трудовых отношений Х. Шефера, обязательное (основное) социальное страхование «претерпело первую за многие годы существенную реформу»[1].

Главная идея этой реформы, юридически прописанной в действующей с начала 2005 г. новой редакции ч. II Социального кодекса, состоит в том, чтобы создать для безработных, получающих финансовые трансферты, стимулы к полной занятости, которая за счет соб-

---

[1] Schäfer H. Zur Weiterentwicklung der sozialen Grundsicherung in Deutschland // "IW-Trends". 2005. Nr. 3. S. 29.

ственных усилий освободила бы от необходимости таких трансфертов. Это в первую очередь относится к лицам низкой квалификации, доля безработных среди которых в общей численности самодеятельного населения данной группы в Германии достигла 18%, тогда как в других странах ОЭСР она заметно ниже: в Японии 7%, Великобритании 7%, Австрии 8%, США 10%, во Франции 12%[1]. Это во многом обусловлено тем, что социальное вспомоществование, не зависящее от уровня квалификации и прежнего заработка, до сих пор нередко превышало у этой группы безработных зарплату по месту предлагаемой органом ФВТВ новой работы, побуждая их отказываться от такого предложения и по-прежнему получать от государства финансовые трансферты в виде незаработанных социальных доходов.

Для трудоспособных с начала 2005 г. были отменены помощь по безработице и социальное вспомоществование. Вместо этого для них на срок до 12 месяцев предусмотрено пособие по безработице II (прежнее пособие теперь носит название пособие по безработице I, порядок его назначения и выплаты в принципе не изменился). Однако получатель пособия по безработице II в отличие от получателя прежней помощи по безработице ныне обязан соглашаться на любую работу, предлагаемую органом ФАТВ. Исключения из этого правила допускаются лишь в тех случаях, если на попечении безработных находятся дети в возрасте до трех лет или другие ближайшие родственники, относящиеся к той или иной категории нетрудоспособных. В случае первого нарушения этих требований пособие по безработице II уменьшается на 30%, а при повторном — еще на 30%.

В то же время получатели пособия по безработице II из числа лиц с низкой квалификацией побуждаются к поступлению на новое место работы на условиях полной рабочей недели тем, что они с 2005 г. приобрели право и далее получать финансовую помощь от государства в размере части ранее причитавшегося им пособия, так что их общий доход, неофициально именуемый комбинированной зарплатой (Kombilohn), оказывается выше прежнего пособия. Для расчета величины этой части разработана подробная регламентация, детализированное изложение которой выходит за рамки настоящей главы и вряд ли представит интерес для читателя.

Рассмотренная выше реформа разрабатывалась с учетом ранее накопленного опыта подобных преобразований в США (Earned Income Tax Credit) и Великобритании (Working Tax Credit), где поступление на низкооплачиваемую работу также стимулировалось финансовой

---

[1] "Wirtschaftswoche", Nr. 6. 02.02.2006. S. 22.

поддержкой со стороны государства. Вместе с тем в указанных странах такая поддержка оказывается в виде не прямых трансфертов, а налоговых льгот. При этом в США все программы типа welfare to work (их также называют «моделью Висконсина» по одноименному штату, в котором они впервые были испробованы в минувшем десятилетии) строго увязывают право на получение любых социальных льгот с обязанностью безработных активно искать рабочее место, участвовать в курсах по переквалификации или повышению квалификации либо заниматься общественно полезной деятельностью (в муниципальном хозяйстве), чего нет в Германии.

В ФРГ социальное вспомоществование на семью зависит только от количества членов. Так, семья из 4 человек может получать вместе с дотацией на оплату жилья нетто 1900 евро в месяц, что по немецким меркам означает существование у границы бедности, но позволяет, по мнению законотворцев, вести образ жизни в соответствии с общепринятыми представлениями о человеческом достоинстве. Санкциям с 2005 г. может быть подвергнут лишь безработный глава семьи: приходящиеся на него 345 евро могут быть уменьшены при отказе от предлагаемой низкооплачиваемой работы на 30%. В этой связи небезосновательными представляются доводы премьер-министра земли Гессен Р. Коха: «Пока семья остается щитом для сохранения 80–90% государственной дотации, будут обречены на провал все меры по активизации безработных, в том числе комбинированная зарплата»[1].

По-видимому, «социальная богадельня», устроенная государством для многих граждан и прочих постоянных жителей Германии (именно так автор настоящей главы определяет описанную выше ситуацию), действительно дает такой эффект. Тем не менее отказ от этого принципа в условиях массовой безработицы неизбежно привел бы к распространению бедности и нищеты, ухудшению и без того далеко не блестящей демографической ситуации (о ней речь пойдет ниже в связи с проблематикой пенсионного страхования), а также к другим негативным последствиям, ставящим под удар достигнутые в немецком обществе социальный баланс и мир.

Следует иметь в виду, что подавляющее большинство из примерно 2–3 млн получателей в последние годы пособия по безработице II пребывают в таком состоянии отнюдь не добровольно и вовсе не предпочитают «социальную богадельню» новому рабочему месту, даже с зарплатой ниже прежней. При общем дефиците рабочих мест в частном секторе, в том числе для лиц с низкой квалификацией, действитель-

[1] "Wirtschaftswoche", Nr. 6. 02.02.2006. S. 26.

ным выходом из положения было бы создание, как предлагают эксперты института «Ифо», 3,2 млн рабочих мест на предприятиях и в учреждениях муниципального (коммунального) уровня. Однако за счет собственных финансов муниципалитеты (общины) не в состоянии это сделать. Возможности же выделения на это дотаций из федерального и земельного бюджетов сдерживаются необходимостью уменьшения их разбухших дефицитов. Скорее повышение уровня занятости самодеятельного населения Германии может быть достигнуто путем решения проблем модернизации экономики, которые рассматривались в п. 10.1 настоящей главы.

10.2.2. Пенсионное страхование

Обязательным (основным, базисным) пенсионным страхованием по закону охвачены все лица наемного труда (рабочие, служащие и производственные ученики, проходящие профессиональную подготовку на предприятиях), причем вне зависимости от величины их дохода. Величина обязательных взносов, которые выплачиваются, как и страховые взносы на случай безработицы, на паритетных началах работающими по найму и работодателями, рассчитывается в соответствии с нормативно-правовыми предписаниями (см. табл. 10.11). Взносы перечисляются в кассы пенсионного страхования, которые в отличие от ФАТВ являются не государственными ведомствами, а автономными публично-правовыми учреждениями с особым статусом, управляемыми уполномоченными представителями плательщиков взносов (работополучателей и работодателей, т. е. практически профсоюзов и союзов предпринимателей). Государство не управляет этими кассами, а выполняет по отношению к ним, в соответствии с действующим законодательством регулирующую, контрольную и надзорную функции. В дополнение к обязательному страхованию указанные выше лица (около 4/5 населения страны) могут заключать с частно-правовыми страховыми компаниями договора добровольного пенсионного страхования. Кроме того, примерно половина работающих по найму охвачена в соответствии со специальным законом 1975 г. добровольным пенсионным обеспечением по старости со стороны предпринимателей, которые заключили с ними такого рода договора, сопряженные с бессрочным трудовым контрактом (договором) того или иного работника либо являющиеся одной из составных частей последнего.

Постоянно проживающие в ФРГ лица в возрасте от 16 лет и старше, не охваченные по закону обязательным страхованием (лица свободных профессий, самостоятельные предприниматели и т. д.), также

обладают правом на добровольное пенсионное страхование, которое для них является единственной формой обеспечения по старости. При недостатке к моменту достижения пенсионного возраста необходимого пенсионного стажа (лет, в течение которых выплачивались по договору добровольные взносы на эти нужды) они могут при выполнении определенных условий в единоразовом порядке восполнить этот пробел.

По Закону о пенсионной реформе 1957 г., принятому по инициативе СДПГ, размер пенсии по старости — по достижении пенсионного возраста и наличии пенсионного стажа в 35 лет выплаты взносов — размер пенсии был установлен на достаточном для достойной жизни уровне 60% чистой зарплаты, который в дальнейшем был повышен до 70%. Базисный пенсионный возраст в ФРГ составляет 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин, что для ЕС является типичным средним показателем[1]. С 1972 г. установлены подвижная граница пенсионного возраста, позволяющая застрахованному в обязательном порядке лицу по состоянию здоровья досрочно выйти на пенсию, и соответствующая гибкая шкала расчета величины пенсий. К тому же безработные, утратившие право на пособия по безработице I и II, могут выйти на пенсию за два года до достижения пенсионного возраста. Также следует подчеркнуть, что пенсии периодически корректируются вверх для компенсирования инфляции и могут повышаться в реальном выражении по мере создания для этого финансовых и политических предпосылок. Вновь назначаемые пенсии увеличиваются и по мере роста чистой зарплаты (номинальная минус налоги и взносы на социальное страхование).

Отмеченные принципы и правила построения системы обязательного пенсионного страхования, реализованные первоначально в бывшей ФРГ, после объединения страны были с 1 января 1992 г. перенесены на новые федеральные земли. Пенсии, назначенные гражданам бывшей ГДР, были после этого пересчитаны по указанным принципам и правилам. Если новые пенсии оказались ниже уровня ГДР, то с 1996 г. разница между ними была покрыта соответствующей надбавкой.

С середины прошлого десятилетия бюджеты касс обязательного пенсионного страхования стали показывать быстрорастущие дефициты, которые государству пришлось покрывать путем увеличения соответствующих дотаций. Это было вызвано целым рядом причин, среди которых необходимо выделить следующие.

---

[1] Самый низкий среди стран ЕС пенсионный возраст установлен в Италии — 60 и 55 лет соответственно. Подробнее см.: Антропов В. Система социальной защиты в Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 3. С. 98.

• Повышение нормы безработицы и соответственно снижение доли занятых в самодеятельном населении, платящих взносы на обязательное пенсионное страхование «по полной программе».

• Ухудшение демографической ситуации, выражающееся в заметном увеличении по сравнению с 70–80-ми годами прошлого века, когда рассмотренные выше принципы и правила построения пенсионной системы (а она основана на том, что работающие своими регулярными взносами обеспечивают ее текущую платежеспособность) в целом сформировались, — доли лиц в пенсионном возрасте в общей численности населения.

Демографическая ситуация требует более подробного пояснения. В бывших ФРГ и Западном Берлине естественная убыль коренного населения была впервые зарегистрирована, как и в ряде других развитых стран, в 70-х годах XX в. вследствие снижения рождаемости по известным причинам, характерным для этой группы государств. Правда, в бывшей ГДР, где по идеологическим, политическим и экономическим причинам «первым государством рабочих и крестьян на немецкой земле» проводилась чрезвычайно активная демографическая политика, щедро стимулировавшая рождаемость, ситуация была не столь критической. Однако в объединенной Германии негативные демографические тенденции, ранее обнаружившиеся в западных землях, стали присущи всей стране. До поры до времени это, согласно официальной статистике, компенсировалось или даже перекрывалось притоком легальных трудовых мигрантов и членов их семей, имеющих соответствующие разрешительные документы на работу и жительство. Кроме того, поощрялась иммиграция в страну некоторых категорий бывших граждан Российской Федерации и других бывших советских республик, в первую очередь этнических немцев (до 1996 г.), а также — по печально известным историческим причинам — евреев. Вместе с тем ожидается, что иммиграция уже к концу нынешнего десятилетия перестанет быть достаточным компенсирующим фактором такого рода, так что постоянное население страны начнет уменьшаться в абсолютном выражении со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, в том числе для функционирования системы обязательного пенсионного страхования.

Негативные демографические прогнозы 80-х — начала 90-х годов во второй половине прошлого десятилетия стали сбываться с трагической точностью, что побудило правившую в 1998–2005 гг. «красно-зеленую коалицию» во главе с Г. Шрёдером к разработке проекта пенсионной реформы, которая приобрела юридическую силу в 2001 г.,

основываясь на «пакете» законов[1]. При этом были учтены прогнозы резкого ухудшения возрастной структуры населения к 2030 г.: к этому времени число лиц в возрасте старше 65 лет в Германии увеличится по сравнению с началом нынешнего века на 13,5 процентных пункта (в среднем по Европе — на 9,6). Коалиция СДПГ/зеленые избежала включения в пенсионную реформу крайне непопулярных положений из проекта их предшественников — коалиции ХДС/ХСС — СвДП во главе с Г. Колем: увеличения к 2030 г. ставки взносов на обязательное пенсионное страхование до 24–26% (при том что, как видно из табл. 10.12, эти ставки и без того достигли критического показателя, превысив 20%), сокращения пенсии с 70 до 64% чистого заработка и т. д., а также повышения пенсионного возраста (как правило, предлагается до 67 лет). По оценке главного идеолога пенсионной реформы 2001 г. В. Ристера, бывшего министра труда в правительстве Г. Шрёдера, указанная ставка вырастет к 2030 г. до 21,8%. Правда, для этого, по его оценке, потребуется резкое увеличение числа плательщиков взносов за счет сокращения нормы безработицы до 2% к 2030 г. Однако для этого нужно уже в ближайшие годы преобразовать в сторону коренной модернизации экономику и трудовые отношения, что в свете рассмотренных выше проблем потребовало неимоверных реформаторских усилий от правительства «большой коалиции» во главе с А. Меркель, которое оказалось явно не готовым к этому.

В целом пенсионную реформу 2001 г. следует оценить как половинчатую и позволяющую рассчитывать лишь на частичные улучшения. Так, главную роль в пакете пенсионных законов 2001 г. были призваны сыграть меры по государственному стимулированию дополнительной частной пенсии и образованию имущества к старости у лиц наемного труда. Вместе с тем система обязательного пенсионного страхования не подверглась радикальной реконструкции в соответствии с императивами, определяемыми нарастанием негативных демографических тенденций, а за пределами 2030 г. они станут еще более драматическими, если не сказать больше.

Например, по одному из демографических «сценариев» авторитетных немецких экспертов из Федерального ведомства по статистике, к 2050 г. число постоянных жителей Германии сократится с 82 млн человек к началу нынешнего века до 71,6 млн к 2050 г. На 100 жителей в возрасте от 20 до 60 лет в середине века будет приходиться 114 чело-

---

[1] Подробнее см.: *Мацонашвили Т.* Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // "Pro et Contra". 2001. № 3. С. 120–123.

век старше и моложе этого возраста[1]. По другому прогнозу, подготовленному экспертами Фонда имени Эберта, близкого к СДПГ, к 2050 г. население ФРГ сократится до 74,6 млн по сравнению с 82,6 млн в 2005 г. Доля населения в возрасте 65 лет и старше возрастет к 2050 г. до 32,5% (26,2% в 2000 г.), из которых 40% исполнится, как минимум, 80 лет[2]. Иными словами, численность ожидаемых пенсионеров и других нетрудоспособных окажется выше, чем активной части населения. Таким образом, уже в обозримой перспективе потребуется радикальная реформа существующей системы обязательного пенсионного страхования. В противном случае недалек тот час, когда ее финансирование в соответствии с нынешними принципами и правилами станет совершенно невозможным. Но по данной проблематике правящая «большая коалиция» располагает разве что некоторыми общетеоретическими соображениями.

10.2.3. Страхование на случай болезни

Обязательное страхование на случай болезни (Krankenversicherung), именуемое также медицинским страхованием, испытывает, как и рассмотренные выше виды базисного страхования, все более острый дефицит вследствие растущего превышения установленных по закону расходов над поступлениями в больничные кассы в форме обязательных взносов. Правда, как будет показано ниже, это вызвано другими причинами. Общая с пенсионным страхованием причина связана с прогрессирующим ухудшением возрастной структуры (пирамиды) населения: старение последнего — при прочих равных условиях — вызывает повышение спроса на медицинские услуги и соответственно расходов больничных касс. Попутно отметим, что для последних характерен автономный статус по аналогии с пенсионными кассами.

Обязательным медицинским страхованием (ОМС) по закону охвачены те же лица наемного труда, которые подлежат базисному пенсионному страхованию, а также некоторые другие категории граждан, прежде всего пенсионеры, получающие пенсию в рамках основного медицинского страхования, а также получатели пособий по безработице I и II. Величина обязательных взносов, которые выплачиваются также на паритетных началах работающими по найму и работодателя-

---

[1] Dickmann N. Demographischer Wandel — Geburtenraten im internationalen Vergleich // "IW-Trends". 2003. Nr. 1. S. 50.

[2] Подробнее см.: Sesselmeier W., Aysel Y.-T. Demographie, Beschäftigung und Renteneintrittskosten // "WISO-direct". Friedrich-Eber-Stiftung. Februar 2008.

ми, рассчитывается в соответствии с действующими нормативно-правовыми предписаниями (см. табл. 10.11). В случае с пенсионерами половина выплачивается соответствующими кассами обязательного пенсионного страхования. Получатели пособий по безработице I и II до получения нового рабочего места освобождаются от обязательных взносов. Нетрудоспособные или неработающие (например, в связи с уходом за детьми) члены семьи пользуются медицинскими услугами, как и застрахованный член семьи, платящий вносы. Всего обязательным медицинским страхованием охвачено без малого 9/10 населения ФРГ (численность застрахованных в период с 1993 г. по отдельным годам колебалась между 72,2 и 70,7 млн человек).

В дополнение к этому работающие лица, входящие в систему обязательного страхования, могут дополнительно застраховать себя *в добровольном порядке* на основе *договоров с частными страховыми компаниями*, чем пользуются около 3% населения. Лица, по закону не охваченные обязательным страхованием на случай болезни, прибегают только к добровольному медицинскому страхованию (их численность равна примерно 1/10 населения ФРГ), заключая частные договора в соответствии со своими потребностями и финансовыми возможностями.

Больничные кассы доводят до застрахованных ими граждан, а также медицинских учреждений (больницы, амбулатории и т. д.) и врачей с частной практикой жесткие нормативные предписания, в которых фиксируются оплачиваемые ими виды амбулаторных и стационарных услуг и соответствующие ставки (расценки) по каждому из них, в пределах которых оплата производится полностью. Аналогичные предписания доводятся по оплате лекарственных средств. Все услуги, не предусмотренные в этих предписаниях или по цене выходящие за нормативные лимиты, оплачиваются пациентом либо из собственного кармана, либо по договору дополнительного добровольного страхования.

Врачи с частной практикой делятся на две категории: терапевты, или врачи общей практики (praktischer Arzt), и специалисты (Facharzt). Каждый пациент выбирает себе тех и других по собственному усмотрению. Из перечня врачей общей практики и различных категорий специалистов (окулисты, невропатологи и т. д.), приводимого в телефонной книге любого муниципального образования, можно узнать, принимают ли они платежи за свои услуги от больничных касс (если да, то каких) или работают только за гонорар от пациента по собственным расценкам.

Стремясь к обобщению позитивного мирового опыта организации здравоохранения для изучения возможностей его применения в России, Е. Тишук (немецкий опыт обязательного медицинского страхо-

вания в его статье также упоминается, хотя и вскользь) пришел к следующему заключению: «Вообще в зарубежном здравоохранении врач общей практики является фондодержателем и распорядителем кредитов в отношении того объема средств, который ему выделяет наниматель (таковым, по Е. Тишуку, выступает местный орган власти. — *Авт.*) из расчета количества обслуживаемого населения»[1]. По-видимому, такое обобщение правомерно для некоторых зарубежных стран, однако к Германии оно не имеет никакого отношения.

Немецкие врачи общей практики, выступающие, как и врачи-специалисты, в качестве частных лиц (иные имеются главным образом в клиниках при государственных университетах), не находятся в отношениях с какими-либо нанимателями, тем более в лице местных органов власти (т. е. в данном случае общин), которые не имеют никакого касательства к выделению фондов и кредитов на нужды частной медицины. Количество обслуживаемого ими населения — в отличие от российских участковых врачей — никак не привязано к числу жителей определенного муниципального района, поскольку контингент их пациентов формируется, по существу, стихийно, в зависимости от субъективного выбора последних. При этом пациенты, правда, нередко выбирают врача, частная практика которого расположена по-близости от их местожительства или места работы. Кроме того, влияние на выбор врача оказывают рекомендации лиц, уже пользовавшихся его услугами, а также он зависит от того, принимает ли данный врач платежи за свои услуги от касс обязательного медицинского страхования по установленным последними расценкам или нет. Думается, что такого рода немецкий опыт в России не применим без коренной ломки ныне действующей системы здравоохранения. Нужен ли нам этот опыт, предоставим на суд читателя.

В последние годы в Германии ведется оживленная научная и политическая дискуссия о путях санирования бюджетов касс обязательного медицинского страхования, в которой сталкиваются две точки зрения.

• Дефициты бюджетов вызваны эрозией доходной базы этого вида страхования, поэтому нужно поднять (см. табл. 10.11) в первую очередь за счет богатых слоев населения верхнюю границу для расчета величины взносов и соответственно максимальных взносов (типичная позиция профсоюзных экспертов).

• Дефициты вызваны опережающим ростом расходов касс обязательного медицинского страхования, поэтому следует сдержать этот

---

[1] *Тишук Е.* Проблемы здравоохранения в Европе // Современная Европа. 2005. № 3. С. 81.

рост путем ограничения перечня оплачиваемых ими услуг, опережающего развития добровольного страхования, увеличения доли индивидуального финансирования здравоохранения, поощрения конкуренции между больничными кассами, медицинскими учреждениями и частными врачами для снижения тарифов на медицинские услуги (типичная позиция экспертов, выражающих точку зрения предпринимательских кругов).

Объективные эмпирические исследования, скорее, дают аргументы в пользу второй точки зрения. Так, доходы касс обязательного медицинского страхования после объединения Германии в расчете на одного застрахованного росли в среднегодовом исчислении на 0,4 процентных пункта быстрее, чем чистый национальный продукт на одного занятого, так что говорить об эрозии доходной базы нет объективных оснований. В то же время расходы этих касс в расчете на одного застрахованного увеличивались на 1,2 процентных пункта больше, чем доходы на одного застрахованного, служащие базой для исчисления величины взносов[1]. Таким образом, суть проблемы состоит в опережающем росте расходов ОМС по сравнению с ее доходной базой, а не в постоянном росте расходов как таковом, как полагает В. Антропов[2].

До сих пор ни одна из обеих точек зрения не возобладала в общественном мнении. Свою позицию по этому вопросу правительство во главе с А. Меркель так и не определило. По всей видимости, вопросами реформирования системы медицинского страхования придется заниматься будущей коалиции. Можно предположить, что реформа будет опираться на некий симбиоз обоих подходов.

К вышеизложенному следует добавить, что к системе базисного медицинского страхования по своим функциям, связанным с заботой о здоровье застрахованных, примыкают два вида страхования:

- *обязательное страхование по несчастным случаям на производстве* (gesetzliche Unfallversicherung), которым охвачены все работающие по частному найму (т. е. кроме государственных служащих), а также некоторые другие категории граждан (например, сельские фермеры). Оно направлено на предотвращение несчастных случаев на производстве и оплату реабилитационных мероприятий для пострадавших от них. Соответствующие взносы платит только наниматель;

---

[1] Pimpertz J. Ausgabenexplosion statt Einnahmenerosion in der gesetzlichen Krankenversicherung // "IW-Trends". 2003. Nr. 1. S. 24.

[2] *Антропов В.* Здравоохранение в Германии: исцеление для всех // Современная Европа. 2006. № 1. С. 102.

- социальное страхование по уходу за нетрудоспособными (soziale Pflegeversicherung) распространяется на всех лиц, охваченных обязательным медицинским страхованием и на длительное время утративших трудоспособность в результате болезни в такой степени, что они нуждаются в постороннем (на дому либо в стационаре) уходе. Взносы в специальные кассы данного вида страхования формируются по схеме, аналогичной обязательному медицинскому страхованию (см. табл. 10.11). Данное направление обособилось от последнего в особый вид страхования в середине прошлого десятилетия.

10.3. Социальное рыночное хозяйство Германии: *quo vadis*?

Итак, в рамках социального рыночного хозяйства Германии сложилась весьма развитая система социальных услуг, обеспечивающая подавляющему большинству населения страны достойные или по меньшей мере приемлемые условия жизни. При всех рассмотренных выше проблемах функционирования и развития этой системы она остается дееспособной, вызывая завистливые взоры из-за рубежа. Вполне закономерно, что она была и остается объектом пристального внимания со стороны немецких и зарубежных, в том числе российских, ученых. Этой системе даются различные определения (дефиниции), причем далеко не всегда удачные.

Так, трудно согласиться с дефиницией М. Каргаловой, которая без выделения каких-либо критериев своей классификации и ее теоретического обоснования определяет социальную модель ФРГ как *«корпоративную»,* которую она усматривает и во Франции в отличие от либеральной модели в Великобритании и социал-демократической в Северной Европе[1]. Если следовать смысловому значению слова «корпоративная», то в ней по логике вещей должны были бы задавать тон корпорации (т. е. крупные общества по капиталу с сетью дочерних компаний, прежде всего ТНК). Однако это противоречит социальным реалиям Германии (как, впрочем, и Франции), где в рамках социальной системы имеет место сбалансированное распределение прав, обязанностей и функций между всеми тремя социальными партнерами — государством, трудом и капиталом (причем всем, а не только корпоратив-

[1] *Каргалова М.* ЕС: Политика общественного благосостояния // Современная Европа. 2006. № 3. С. 125.

ным) без явного доминирования одного из них. Попутно также отметим, что к формированию немецкой социальной модели СДПГ не меньше приложила руку, чем родственные ей партии Социнтерна в Скандинавских странах сделали это по отношению к своим системам социальных услуг.

Дефиниция «корпоративная» была бы пригодна к определению модели предоставления социальных услуг в рамках патерналистской системы пожизненного найма в Японии, но с начала 90-х годов XX в. ее роль в японском обществе обнаруживает явную тенденцию к понижению, так что современная система социальных услуг и в Японии вряд ли может быть адекватно охарактеризована этим термином.

Гораздо ближе к истине Т. Мацонашвили, которая определила сеть социальных услуг Германии как *«континентально-европейское социальное государство»*. Такое государство (его наиболее ярким примером она считает как раз Германию) «сочетает борьбу против бедности с обеспечением достойного уровня жизни всем гражданам. Система социального страхования строится по методу долевого отчисления взносов работающими и работодателями. Государство же вместе с социальными партнерами регулирует рынок труда, сокращая безработицу»[1]. Правда, приходится отметить, что черта, сформулированная в последнем предложении, самое позднее со второй половины прошлого десятилетия превратилась, как было показано выше, из одного из главных достоинств в весьма уязвимое место германской модели.

В. Антропов, обращаясь к классификации Комиссии Евросоюза (КЕС)[2] из ее доклада о социальных гарантиях в ЕС, опубликованного в 1995 г., именует немецкую модель социальной защиты *континентальной,* также называемой *бисмарковской.* Не говоря о том, что модели социальной защиты в современной и бисмарковской Германии — это, по известному идиоматическому выражению, «две большие разницы», и, абстрагируясь от ряда неточностей В. Антропова[3] при описании данной модели в ФРГ, не согласимся с тем, что он выделяет в качестве первой характеристики. Немецкая модель, как утверждает указанный автор, «устанавливает жесткую связь между уровнем социальной защиты

---

[1] *Мацонашвили Т.* Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // "Pro et Contra". 2001. № 3. С. 106.

[2] КЕС выделяет четыре основные модели социальной защиты в странах ЕС: континентальную, англосаксонскую, скандинавскую и южно-европейскую.

[3] Так, из его рассуждения следует, что фонды социального страхования в ФРГ формируются из отчислений с заработной платы. Другие источники в этой связи им не упоминаются. Это, как было показано выше, далеко от действительности.

и длительностью профессиональной деятельности»[1]. В действительности в данном виде это тезис неадекватен даже ситуации в базисном элементе немецкой системы — обязательном социальном страховании, поскольку здесь уровень защиты прямо зависит по меньшей мере еще от одного фактора — величины трудового дохода. Если же взять два других основных элемента системы социальной защиты в ФРГ, социальное вспомоществование и социальное обеспечение, то уровень защиты в них не детерминируется жестко ни трудовым стажем (стажем уплаты страховых взносов), ни трудовым доходом.

Подводя итоги проведенного выше анализа, отметим, что наиболее адекватной характеристикой рассмотренной нами немецкой модели представляется следующая дефиниция (к сожалению, не слишком лаконичная): *система социальной защиты всех слоев общества, имманентная социальному рыночному хозяйству* (СРХ), основные идеи которого были разработаны А. Мюллер-Армаком сразу после Второй мировой войны, реализованы в 50–60-е годы во многом благодаря политическому таланту Л. Эрхарда и получили развитие в дальнейшем, особенно в годы правления СДПГ[2]. Эта система обладает *сущностными чертами*, которые в той ли иной мере и в различных пропорциях присущи другим странам с развитой рыночной экономикой, прежде всего в ЕС (в этом смысли можно, хотя и со значительной степенью условности, говорить о европейской социальной модели), но в их приводимой ниже совокупности и «ранжировке» имманентны в первую очередь Германии (в этом смысле можно говорить о *немецкой социальной модели)*. К этим чертам относятся следующие.

1. Органичное сочетание охвата сетью социальных услуг всех слоев общества с ее «мелкоячеистостью» по отношению к отдельным гражданам. Если тот или иной гражданин «проскочил» через все ячейки данной сети, оказавшись в положении «люмпен-пролетария», то это не следствие некоего фундаментального порока СРХ, принадлежности данного лица к какому-либо дискриминированному слою общества (своего рода «касте неприкасаемых»), а результат его собственных ошибок и упущений.

2. Сбалансированное распределение прав, обязанностей (ответственности) и функций в области формирования, обеспечения дееспособности, развития и регулирования системы социальной защиты между всеми участниками трехстороннего социального партнер-

---

[1] *Антропов В.* Модели социальной защиты в странах ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11. С. 70.

[2] Подробнее см. источники, указанные в сноске на с. 492.

ства — государством, трудом (профсоюзами) и капиталом (союзами предпринимателей).

3. Ключевая роль обязательного (базисного) страхования в системе социальной защиты в сочетании с добровольным (дополнительным) страхованием и разнообразными услугами нестрахового характера, предоставляемыми в рамках социального вспомоществования и обеспечения, для осуществления принципа социальной справедливости, обеспечения более благоприятных и гармоничных условий для свободного развития личности, проведения разумной демографической политики и реализации других общественно значимых целей.

4. Установка на самообеспечение обязательного социального страхования в его рассмотренных выше формах, но при возможности временного покрытия его дефицитов — вплоть до проведения соответствующих реформ — государственными бюджетными дотациями (принцип субсидиарности, т. е. производного и дополнительного характера последних).

5. Реализация сформулированного А. Мюллером-Армаком принципа «социальной компенсации» («социального выравнивания») в области конечного распределения доходов. Согласно этому принципу (sozialer Ausgleich) формируемое по законам рынка функциональное распределение доходов (funktionelle Einkommensverteilung), отличающееся с точки зрения большинства населения чрезмерными диспропорциями, посредством перераспределения через налогово-бюджетный механизм и систему социальных трансфертов преобразуется в общественно желательное персональное распределение доходов (personelle Einkommensverteilung), отвечающее базовым требованиям социальной справедливости и солидарности. Как видно из таблицы 10.12 (приводимые в ней показатели рассчитаны немецким экономистом К. Шрёдером на основе статистических данных КЕС, Евростата и Института немецкого хозяйства в Кёльне), доля бедных в Германии значительно ниже среднего показателя по ЕС-15, причем как по всему населению, так и по его основным группам. В целом можно согласиться с распространенной в ФРГ идеей (она исходит от ведущих теоретиков СДПГ 70–80-х годов прошлого века), что в ней сложилось и продолжает функционировать общество двух третей, в котором 2/3 его членов имеют стабильную занятость и высокое качество жизни, тогда как ситуация преобладающей части остальной 1/3 проблематична, а меньшая ее часть (во всяком случае, отмеченные в табл. 10.12 11% населения) пребывает в условиях вблизи физического и социального минимума жизненных благ, характерного для высокоразвитого рыночного хозяйства. Во всяком случае, проблема «дворцов и хижин» — давно минувшее прошлое ФРГ, чего нельзя сказать, например, о США.

Таблица 10.12

Доля лиц с низкими доходами и показатели неравенства в доходах в странах ЕС (2001)

Страна	(I)*	(II)**	(III)***
Ирландия	21	4,5	29
Греция	20	5,	33
Португалия	20	6,5	37
Испания	19	5,5	33
Италия	19	4,8	29
Эстония	19	6,1	35
Великобритания	17	4,9	31
Литва	17	4,9	(нет данных)
Латвия (2002 г.)	16	5,5	34
Кипр	16	4,4	29
Франция	15	4,0	27
ЕС-15	15	4,4	28
Польша	15	4,5	30
Мальта (2000 г.)	15	4,5	30
Бельгия	13	4,0	28
Люксембург	12	3,8	27
Австрия	12	3,5	24
Германия	**11**	**3,6**	**25**
Нидерланды	11	3,8	26
Финляндия	11	3,5	24
Словения (2000 г.)	11	3,2	22
Дания	10	3,0	22
Венгрия	10	3,4	23
Швеция	9	3,4	24

Продолжение таблицы 10.12

Страна	(I)*	(II)**	(III)***
Чехия	8	3,4	25
Словакия (2003 г.)	5	2,7	–

* (I) Доля лиц с низкими доходами: доля населения с эквивалентным доходом (рассчитывается на человека с поправкой на количество членов его семьи и ее состав) ниже 60% медианного дохода (в %).

** (II) Отношение среднего дохода 20% населения с высшими доходами к среднему доходу 20% населения с низшими доходами (в разах).

*** (III) Коэффициент Джини: коэффициент (степень) концентрации доходов, оцениваемый между 0 (при этом гипотетически доход всех жителей стран одинаков) и 1 (гипотетический случай, при котором весь совокупный доход общества сконцентрирован в руках одного его члена) и умноженный на 100). По данным Федеральной службы государственной статистики, коэффициент Джини в России составил в 2004 г. 40,6, свидетельствуя о ярко выраженной несбалансированности в распределении доходов.

Источник: IW-Trends. 2004. Nr. 2. S. 33.

В целом механизм социального рыночного хозяйства в Германии продолжает находиться в дееспособном, «исправном» состоянии. Вместе с тем после объединения страны по рассмотренным выше и некоторым другим причинам он все чаще стал давать сбои. Страна не смогла провести всеобъемлющую модернизацию народного хозяйства и социальных отношений в соответствии с императивами развитой рыночной экономики, функционирующей в условиях прогрессирующей глобализации. В рамках СРХ явно обнаружился перекос в пользу его социального компонента в ущерб рыночной составляющей, хотя по замыслу его творцов между обеими сторонами этой «медали» должен постоянно поддерживаться достаточно устойчивый баланс. О такого рода перекосе красноречивее всяких слов говорит следующий факт: 41% граждан, имеющих на выборах право голоса, сегодня получают преобладающую часть своего дохода в форме трансфертов от государства[1], а не черпают ее из своего труда — в зависимости от рыночной оценки количества и качества последнего.

В объединенной Германии государству и двум другим участникам трехстороннего партнерства, с одной стороны, удалось избежать «социального демонтажа», который затронул бы в той или иной мере все

[1] Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. S. 192.

общество. При этом СРХ и «социальное государство» в Германии, как и в ряде других стран ЕС и ОЭСР, переживают сложный адаптационный кризис[1], для преодоления которого необходима последовательная программа радикальных реформ, которой нет у правящей коалиции и обоих ее участников — ХДС/ХСС и СДПГ. То, что некоторые авторы выделяют в контексте разработки теоретиками СДПГ модели «нового социального государства» (расширение возможностей для профессиональной подготовки и получения образования и др.)[2], в действительности представляет собой давно известные элементы экономической идеологии социал-демократии. Не лучше обстоит дело с разработкой такой модели и у ХДС/ХСС.

Главная же проблема состоит в том, что преобладающая часть (причем далеко не только упомянутые выше 41%) населения ФРГ довольна существующей системой социального рыночного хозяйства и не хочет радикальных перемен в сторону ее выхолащивания, если даже это и поднимет страну на несколько ступенек в мировом рейтинге по конкурентоспособности. Занимает Германия в этом рейтинге 15-е или 14-е место, это будоражит умы только политического истеблишмента и части научного сообщества, но никак не среднего гражданина («человека с улицы», по общепринятому в этой стране идиоматическому выражению). В период правления нынешней «черно-красной коалиции» во главе с А. Меркель (до осени 2009 г.) подобные перемены не произошли. Путь Германии из адаптационного кризиса социального рыночного хозяйства в сторону усиления его конкурентного, рыночного элемента, по-видимому, будет продолжительным и тернистым. Вместе с тем Германия определенно «не выпадет из обоймы» экономических лидеров мира, а через несколько лет может вновь укрепить свои позиции в ней.

---

[1] См.: Pankov V. Der Wandel in der Sozialpolitik Russlands im Zuge des Übergangs zur Marktwirtschaft // “Wirtschaft und Gesellschaft” (Wien). 2005. Nr. 4, S. 555, 580.

[2] См.: *Орлов Б.* Социал-демократическая перестройка // Современная Европа. 2004. № 2. С. 99–100.

Глава 11. Денежно-кредитная политика. Банковская система

11.1. Денежно-кредитная политика

Основной целью послевоенной денежно-кредитной политики ФРГ было обеспечение стабильности немецкой валюты, цен и устойчивости денежного обращения. Введенная в обращение в июне 1948 г. в ходе валютной реформы немецкая марка во многом содействовала успешной реализации реформ Людвига Эрхарда, а также социальной и экономической устойчивости развития социального рыночного хозяйства во второй половине прошлого века. За поддержание ценности немецкой марки отвечал Германский федеральный банк — Бундесбанк (Deutsche Bundesbank), который был создан в 1957 г. и фактически стал преемником Банка федеральных земель[1].

11.1.1. Роль и функции Бундесбанка

Особенностью всей послевоенной политики Бундесбанка была независимость от законодательных и исполнительных органов власти (парламента и правительства) и ориентация при проведении денежно-кредитной политики на жесткое обеспечение стабильности национальной денежной единицы как основы экономического роста, занятости и социального мира. В качестве монопольного эмиссионного центра страны Бундебсанк всегда принимал самостоятельные решения относительно временных и содержательных параметров применения денежно-кредитного инструментария для достижения общеэкономических целей. Только в тех ситуациях, когда народнохозяй-

[1] Банк германских земель был создан оккупационными властями по подобию Федеральной резервной системы США. Он представлял собой двухступенчатую структуру и состоял из одиннадцати самостоятельных в правовом отношении земельных центральных банков западных зон оккупации. Изначально он был независим от федерального правительства. Полную автономию, т. е. независимость от союзнических структур, он получил в 1951 г. В своей деятельности банк руководствовался статьей 88 Основного закона страны, в соответствии с которой федерации было поручено создать Федеральный банк в качестве единого валютного и эмиссионного центра. 26 июля 1957 г. был создан Немецкий федеральный банк. Двухступенчатая структура была ликвидирована. Центральные банки земель объединились с Банком германских земель и, перестав быть самостоятельными, превратились в управления Бундесбанка.

ственные интересы достижения стабильности объективно требовали изменения денежной политики, его руководство шло на обсуждение и достижение компромиссных решений с правительством. Но и в рамках данных решений сохранение ценности национальной денежной единицы оставалось однозначным приоритетом и противопоставлялось финансовым требованиям правительства. Политические партии, представленные в федеральном правительстве, никогда не имели возможности решать те или иные социально-экономические проблемы, особенно в предвыборные периоды, за счет изменений в денежно-кредитной политике. Для Бундесбанка борьба с безработицей, стимулирование экономической конъюнктуры и структурные проблемы всегда были вторичными целями. На первом плане однозначно стоял приоритет сохранения ценности денег (стабильности цен) и благоприятного для экономического роста внешнего обменного курса.

Бундесбанку удалось обеспечить высокий уровень стабильности немецкой валюты. За все время ее почти полувекового существования покупательная способность дойчемарк снизилась со 100% в 1949 г. примерно до 27% в начале 1997 г. За этот же период стоимость фунта стерлингов уменьшилась до 5,3%, французского франка — до 6,7%, японской иены — до 13,3%, американского доллара — до 15% и швейцарского франка — до 23%.

Вызовом для денежно-кредитной политики Центрального банка стал процесс объединения Германии, который характеризовался осознанным разрывом между его политической и хозяйственной рациональностью. Политические особенности требовали быстрых и решительных действий, а императив экономических реалий предполагал длительную и трудоемкую подготовительную работу. Однако решение о переносе на бывшую ГДР государственного, политического и хозяйственного порядка было принято быстро и без фундаментальных дискуссий. В полной мере это коснулось Экономического и валютного союза двух немецких государств, который вступил в силу 1 июля 1990 г. Его основным содержанием стала замена слабых восточногерманских денег на сильные западногерманские. Часть наличных марок ГДР, в том числе заработная плата, обменивались на дойчемарки в соотношении 1 : 1. Долгосрочные сбережения менялись в соотношении 2 : 1. Де-факто это означало перенос покупательной способности западногерманской валюты в восточную часть страны и установления с самого начала высокого доверия к деньгам. Восточные немцы сразу получили свободу потребительского выбора и возможность приобретать товары и услуги за твердую валюту. Руководство Центрального банка видело связанные с таким быстрым переходом риски, подвергало кри-

тике предложенные механизмы и инструменты, но из-за мощного давления политических факторов было вынуждено согласиться именно с таким подходом. Среди негативных последствий, например перевода зарплаты на немецкие марки по завышенному курсу, можно упомянуть снижение потенциальной конкурентоспособности восточногерманских предприятий и связанный с этим рост безработицы.

В течение нескольких десятилетий Бундесбанк в качестве центрального банка страны использовал традиционный денежно-кредитный инструментарий и активно проводил дисконтную и ломбардную политику, политику минимальных резервов, политику на открытом рынке и валютную политику, осуществлял контроль над денежной массой и надзор за деятельностью банков[1]. Благодаря его жесткой политике была обеспечена относительная внутренняя и внешняя стабильность немецкой марки, которая стала прообразом единой европейской валюты — евро. Примечательно, что именно летом 1998 г., когда отмечалось 50-летие немецкой марки, состоялось открытие Европейского центрального банка. В последнее десятилетие прошлого века германская валюта достаточно уверенно развивалась по отношению к доллару, закрепившись перед введением евро на уровне 1,77–1,78 марки за 1 доллар[2]. Прощание с дойчемаркой произошло в пору ее расцвета, что во многом обеспечило высокую стартовую ценность евро по отношению к доллару и иене.

В соответствии с Маастрихтским договором от 7 февраля 1992 г. ФРГ и еще десять стран Европейского союза в 1999 г. ввели в безналичное обращение евро. Был образован Экономический и валютный союз, к которому в начале 2001 г. присоединилась Греция[3]. С 1 января 2002 г. евро был введен в наличный оборот, заменив немецкую марку и другие национальные валюты стран еврозоны. Переход к наличным евро произошел организованно и в целом безболезненно. Существенная часть денежно-кредитных и валютных компетенций Германия передала в ведение европейских структур. Тем самым Федеральный немецкий банк лишился существенной части своей самостоятельности. Как и другие центральные банки ЭВС, он не может теперь использовать основные рычаги денежной политики, в первую очередь таких,

---

[1] См. также: Механизм регулирования экономики в Германии: как он функционирует и чему учит? / Под общей ред. В.П. Гутника. М., 1995. С. 37–81.

[2] В 1998 г. было принято решение, согласно которому курс 1 евро был установлен на уровне 1,95583 немецкой марки. По этому курсу немецкая валюта может неограниченно долго и в неограниченных размерах обмениваться на евро.

[3] Впоследствии к еврозоне присоединились Словения, Кипр, Мальта и Словакия. Таким образом, в ее состав входят 16 стран-членов с более чем 320 млн жителей.

как изменение учетной ставки, для решения собственных экономических проблем.

Европейский центральный банк, созданный по образу и подобию Бундесбанка, перенял основные принципы его деятельности. Наряду с другими национальными центральными банками стран ЕС он образует Европейскую систему центральных банков (ЕСЦБ), имеющую единый орган управления — Расширенный совет. Наряду с этим функционирует так называемая Евросистема, в которую сегодня входят 15 национальных банков стран, которые ввели евро. Евросистема имеет два управляющих органа — Совет и Директорат Европейского центрального банка[1]. Денежная политика согласовывается не только внутри Евросистемы, но и с другими странами, прежде всего с Великобританией, Данией и Швецией. ЕЦБ, ЕСЦБ и Евросистема образовали работоспособный институциональный механизм проведения единой денежно-кредитной политики. По состоянию на 2009 г. она является основным и, по существу, единственным действенным инструментом макроэкономического регулирования в Европейском союзе на наднациональном уровне.

Лишение Бундесбанка самостоятельности в области принятия решений потребовало проведения реформ в его управленческой структуре. 23 марта 2002 г. был совершен переход от двухзвенной к однозвенной структуре управления. Правление Немецкого федерального банка стало состоять из президента, его зама и шести членов, назначаемых на восемь лет (минимальный срок — пять лет). Важно, что, как и прежде, Бундесбанк независим в своей деятельности от указаний национальных и европейских исполнительных органов. Среди прочего он имеет право на составление самостоятельного независимого бюджета для финансирования своей деятельности. Как и раньше, Бундесбанк обязан поддерживать общую экономическую политику федерального правительства, но данная цель является только третьей среди его приоритетов — после цели обеспечения ценовой стабильности и поддержки общей экономической политики Евросоюза или еврозоны. В этих целях он выступает консультантом федерального правительства в области валютной политики, которое, в свою очередь, обязано при необходимости обращаться за консультациями по этим вопросам к президенту банка. В центральном офисе во Франкфурте-на-Майне, в девяти главных управлениях и 49 филиалах Бундесбанка работают 10 тыс. 300 сотрудников.

---

[1] Совет принимает стратегические решения, в первую очередь, устанавливает ставку рефинансирования. Директорат осуществляет оперативное управление.

В Закон о Бундесбанке были включены положения Маастрихтского договора. В соответствии с параграфом 3 Закона Немецкий федеральный банк является составной частью Европейской системы центральных банков и подчиняется решениям ЕЦБ в проведении денежно-кредитной политики. При этом его основной задачей попрежнему является обеспечение стабильности цен и банковского обслуживания внутренних и внешних платежей и расчетов, управление золотовалютными резервами Германии. Бундесбанк осуществляет денежную политику в ФРГ в соответствии с принципами еврозоны и заботится о рефинансировании немецкой банковской системы. В этих целях он проводит необходимые операции с кредитными институтами и другими участниками рынка. Бундесбанк отвечает за эмиссию наличных денег (банкнот и монет) и за их оборот, а также безналичный оборот. Он осуществляет также операции с государственными структурами, имеет полномочия вести и публиковать банковскую и денежную статистику. Как и прежде, Бундесбанк не распоряжается получаемой прибылью. После формирования обязательных резервов и фондов остаток прибыли направляется в федеральный резерв.

11.1.2. Роль и функции Европейского центрального банка

С самого начала деятельности ЕЦБ, как и его прообраза Немецкого центрального банка, основной задачей его денежной политики стало обеспечение стабильности цен. И с этой задачей он за прошедшее десятилетие справлялся достаточно успешно. Еще в октябре 1998 г. ЕЦБ, несмотря на различия в темпах инфляции и росте денежной массы в обращении в зоне евро, установил единые ориентиры размера годового прироста Гармонизированного индекса потребительских цен (HVPI) в два процента и денежного агрегата М3 в четыре с половиной процента. Прошедшее десятилетие свидетельствует о том, что выработанная ЕЦБ антиинфляционная стратегия позволила впервые обеспечить в течение такого длительного периода денежную стабильность в странах еврозоны. С точки зрения покупательной силы не произошло внутреннего обесценения европейской валюты. Другими словами, ЕЦБ удалось обеспечить доверие экономических субъектов к евро, что среди прочего позволило ей стать второй после доллара резервной валютой. Кроме того, жесткая политика европейских монетарных властей содействовала снижению бюджетного дефицита стран еврозоны, сдерживанию ро-

ста их государственного долга и в целом сохранению макроэкономического равновесия[1].

Благодаря достигнутой ценовой стабильности экономические субъекты смогли гораздо эффективнее отслеживать изменения в относительных ценах на товары и услуги, которые более не искажались колебаниями общего уровня цен, и соответственно получать ясную информацию о потребительских и инвестиционных настроениях на рынке. Инвесторы за счет сокращения размера премии за инфляционный риск, включаемый в размер процентной ставки, получили возможность более эффективно размещать свои средства на рынке капиталов. Данные и другие позитивные последствия ценовой стабильности стали предпосылками для роста экономического потенциала Евросоюза. Хотя немецкие эксперты указывают на то, что единая европейская валюта пока не смогла стать катализатором структурных изменений и ускоренного роста экономик стран еврозоны. Более того, не удалось сократить отставание от США по таким показателям, как уровень производительности труда и валовой доход на душу населения[2].

ЕЦБ постоянно приходилось доказывать и отстаивать не только свою независимость, но и дееспособность. В первые годы своего существования евро не смог продолжить повышательную тенденцию немецкой марки к доллару. Его курс снизился по отношению к американской валюте, что в основном было обусловлено мирохозяйственными факторами. Немецкий центральный банк, а затем и ЕЦБ не стали предпринимать целенаправленных мер по повышению внешней стоимости евро[3]. К тому же низкий курс в этот период содействовал экспортной экспансии немецких и других европейских компаний, а инфляция находилась на относительно низком уровне.

Последовательность ЕЦБ в проведении жесткой денежной политики неоднократно критиковалась рядом национальных прави-

---

[1] См., например: *Пищик В.Я.* Политика ценовой стабильности как фактор устойчивого развития Евросоюза // Деньги и кредит. 2006. № 8. С. 69–74; Zehn Jahre geldpolitische Zusammenarbeit im Eurosystem // "Monatsbericht der Deutschen Bundesbank". April 2008. S. 15–29.

[2] Zehn Jahre Euro — Die deutsche Wirtschaft in der Waehrungsunion // "Monatsbericht der Deutschen Bundesbank". Dezember 2008. S. 36.

[3] Весьма сложным оказался период выработки механизмов деятельности ЕЦБ, в рамках которых надо было состыковать надгосударственную денежно-кредитную политику и национальные финансовые политики. Для национальных правительств весьма непросто было отказаться от использования такого существенного рычага, как изменение учетной ставки (ставки рефинансирования) для решения собственных экономических проблем, причем проблем, которые различаются по странам и требуют специфических методов решения.

тельств, представители которых пытались оказать влияние на установление курса евро к доллару и другим валютам и даже получить определенные привилегии в отношениях с ЕЦБ. По большей части это касалось их желания заставить руководство ЕЦБ снижать курс евро для удешевления европейских товаров на мировых рынках для содействия экспортной экспансии своих компаний в независимости от возможных негативных последствий для стабильности европейской валюты внутри евроленда. Неоднократно высказывалась критика в адрес руководства ЕЦБ, которое задачу обеспечения денежной стабильности ставило выше задач достижения более высоких темпов экономического роста и борьбы с безработицей[1]. Особенно активно против ЕЦБ выступал президент Франции Николя Саркози и премьер Италии Сильвио Берлускони.

Николя Саркози, подвергая критике Европейский центробанк, не раз заявлял, что страны зоны евро сами должны контролировать процентные ставки. Это вызвало негативную реакцию со стороны Федерального канцлера Ангелы Меркель, которая разъяснила своим европейским коллегам, что независимость находящегося во Франкфурте-на-Майне банка — «альфа и омега» существования евро. Следуя своим послевоенным традициям, официальная Германия постоянно настаивает на независимости ЕЦБ от политического вмешательства. Жесткая денежно-кредитная политика Европейского цетробанка наталкивается на неприятие и несогласие не только работодателей, но и представителей наемной рабочей силы. Так, представители немецкого союза профсоюзов DGB называют политику ЕЦБ «чистым ядом для экономической конъюнктуры», считая, что повышение процентной ставки в 2005–2007 гг. уничтожило сотни тысяч рабочих мест в Европе.

Но за прошедшее десятилетие Европейскому центральному банку в целом удалось преодолеть разрыв между разными сторонами денежной политики и обеспечить бесперебойное функционирование Евросистемы. Другими словами, ему удалось достичь компромисса между своими основными задачами и текущими интересами национальных правительств. При этом однозначный приоритет был отдан стабильности европейской денежной единицы внутри европейского рынка. Достижение устойчивости евро по отношению к доллару было вто-

[1] ЕЦБ был постоянно вынужден решать проблемы денежного регулирования в условиях противоречивости интересов. Низкая ставка рефинансирования удешевляет кредит и тем самым содействует экономическому росту, но при этом увеличивается количество денег в обращении и возрастает опасность инфляции, что угрожает стабильности денег. Высокая ставка рефинансирования, делая более дорогими кредитные ресурсы, снижает инфляционные риски, но уменьшает предпосылки для экономического роста.

ричной задачей. Зачастую этот приоритет сталкивался с текущими задачами национальных правительств, которые пытались стимулировать рост своих экономик, снижать безработицу и проводить структурные реформы. Соответственно руководство банка оказывалось под мощным давлением политиков, требовавших отказа от жесткого денежного регулирования.

Например, в 2008 г. Европейский центральный банк в своей политике учитывал высокий уровень инфляции в еврозоне, который достиг самой высокой отметки за все время существования европейского валютного союза. При этом максимальная инфляция была отмечена в Словении, за которой следовали Бельгия, Греция и Испания. Самый низкий уровень инфляции зафиксирован в Голландии и Португалии. В локомотиве европейской экономики — Германии — уровень инфляции оказался ниже среднеевропейских показателей. Главной причиной рекордной инфляции стал рост цен на энергоносители. Так, цены на мазут поднялись за 2007 г. на 47,5%, стоимость бензина выросла на 15,2%. Средний рост цен на энергоносители (включая электроэнергию) составил 13,7%. Второй наиболее резко подорожавшей категорией товаров в 2007 г. стали продукты питания — их стоимость выросла на 6,4%.

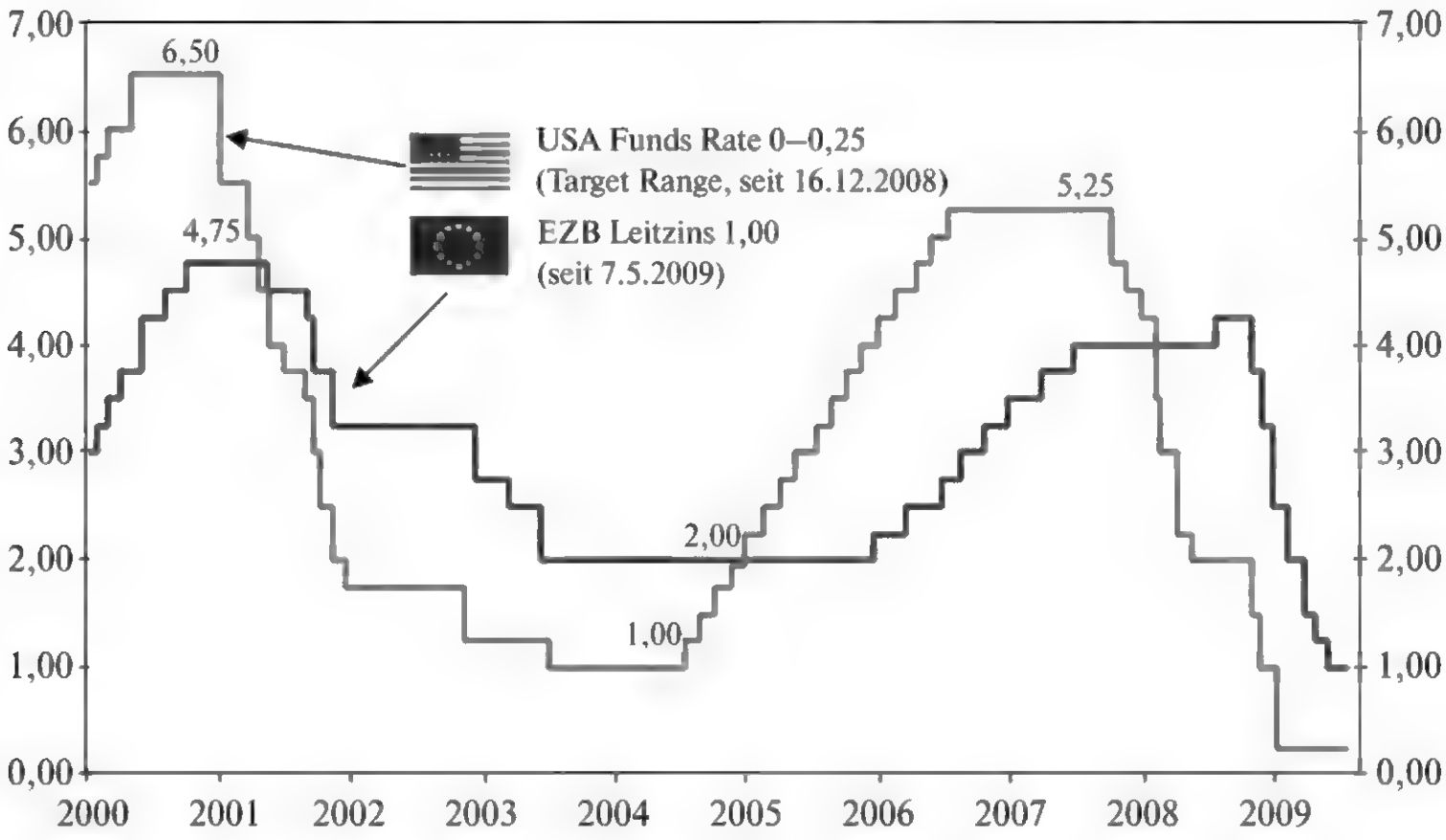
Традиционная критика в 2004–2008 гг. была направлена на отказ ЕЦБ проводить операции, ограничивающие рост курса евро, который автоматически ведет к удорожанию товаров, экспортируемых из стран еврозоны в остальной мир. Компании постоянно жаловались на то, что относительно дорогое европейское, в том числе немецкое, производство становится из-за роста курса евро менее привлекательным. Многие немецкие эксперты считают, что если бы не высокий курс евро, то темпы роста экспорта товаров и услуг из Германии в последние годы были бы выше. Так, например, решение ЕЦБ сохранить ставку рефинансирования на уровне 4% в марте 2008 г. (в отличие от центробанков США, Великобритании и Канады, снизивших процентные ставки) вызвало рост курса евро по отношению к доллару и соответственно очередную головную боль немецких экспортеров. ЕЦБ традиционно объяснил свою позицию наличием более высокого, чем ожидалось, прогноза инфляции на фоне ускорившегося роста мировых продовольственных и энергетических цен. Как и прежде, инфляционная угроза заставила ЕЦБ мириться с неблагоприятно высоким курсом евро. Кстати, ЕЦБ не прибегал к практике валютных интервенций с 2000 г.

В середине 2008 г. ставка рефинансирования в зоне евро составляла 4,25%, что вдвое превышало аналогичный показатель американ-

ской ФРС. В то время как американский федеральный резерв устойчиво снижал учетную ставку на протяжении нескольких месяцев, понизив ее с 5,25 до 2%, глава ЕЦБ Жан-Клод Трише неустанно проводил обратную политику[1]. С начала 2006 г. ставка рефинансирования в еврозоне выросла с 2 до 4,25%. Одновременно с этим курс евро по отношению к доллару поднялся с 1,18 до 1,6 доллара за евро, что оказало негативное влияние на немецких и европейских экспортеров на рынках, где их товары продаются за американские доллары (рис. 11.1, 11.2 и 11.3).

Рисунок 11.1

Динамика учетных ставок ФРС и ЕЦБ

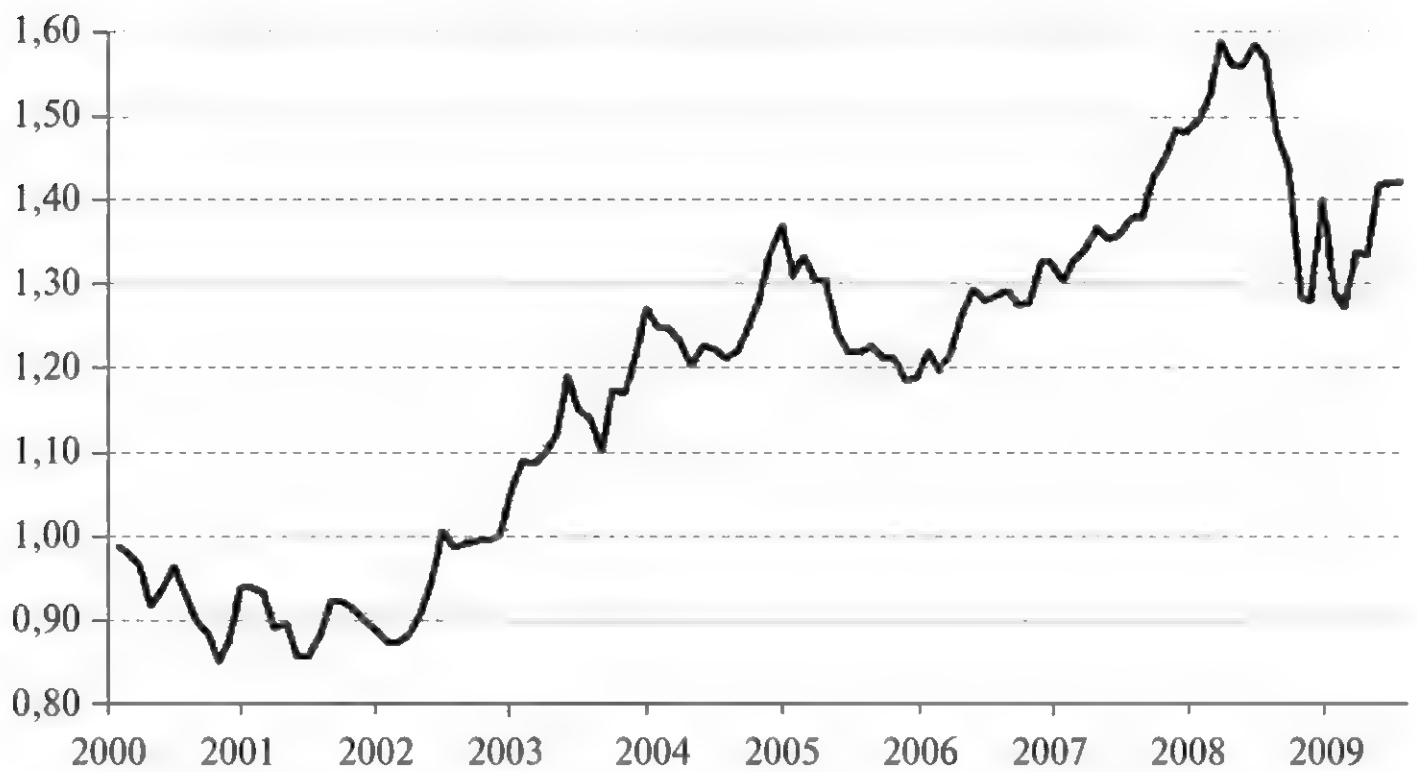


Источник: http://www/leitzinsen.info/.

[1] Главный экономист Европейского центрального банка немец Юрген Старк, отвечая на критику относительно «неследования» американской политике, неоднократно заявлял, что международная монетарная политика в период глобализации не распространяется дальше необходимости свободного обмена идей и информации и европейские банки должны сами определять свою политику в отношении динамики своих процентных ставок. Он четко определил кредо Европейского центрального банка — отсутствие обязательств по координации своей политики с американскими коллегами, в том числе и по синхронному снижению процентных ставок. По его мнению, Европейскому центральному банку реагировать на динамику зарубежных рынков надо только в том случае, если она становится значимым фактором, влияющим на эту внутреннюю стабильность.

Рисунок 11.2

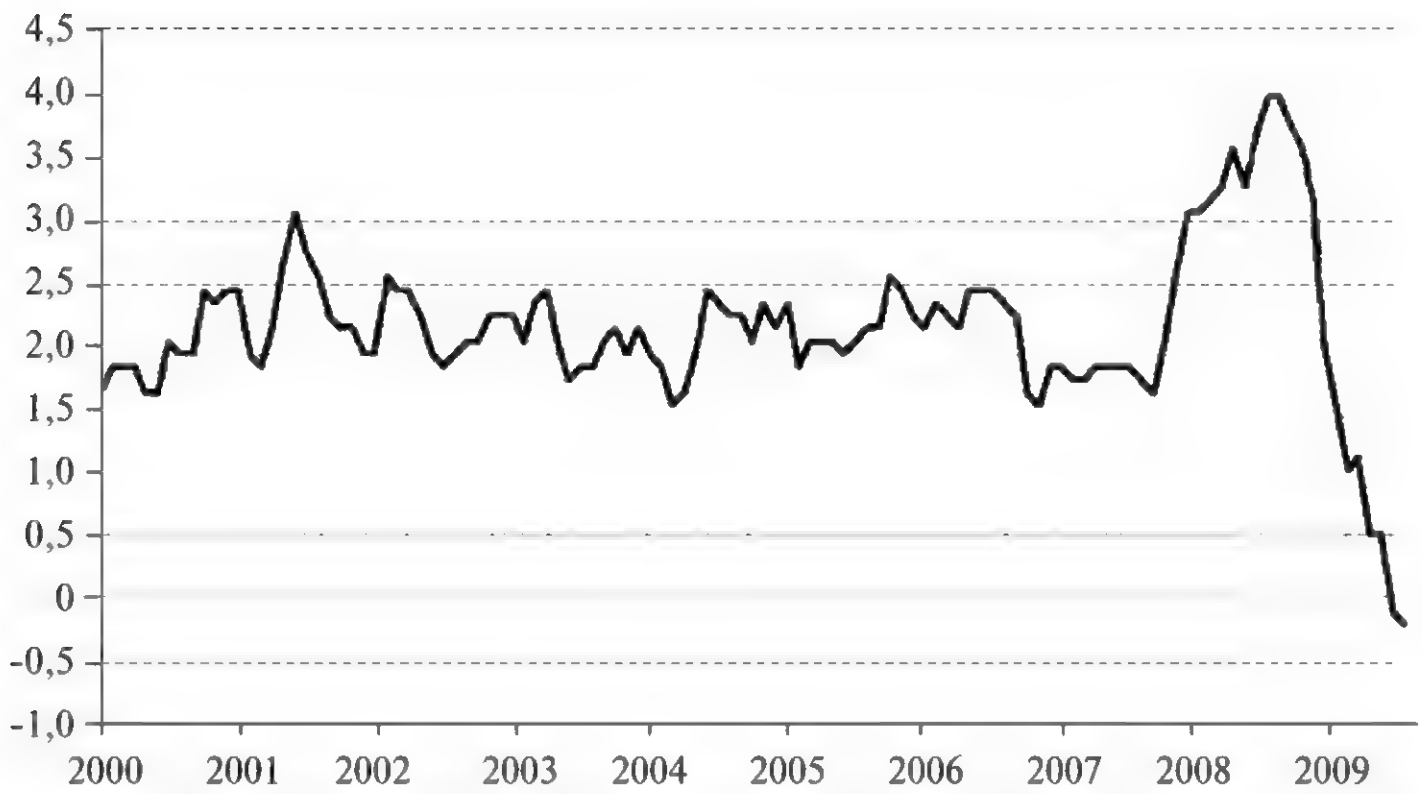
Динамика курса евро к доллару



Источник: http://www/leitzinsen.info/.

Рисунок 11.3

Динамика инфляции в еврозоне



Источник: http://www/leitzinsen.info/.

Надо отдать должное руководству ЕЦБ, которое, как правило, находит оптимальный консенсус в условиях существующих противоречий между денежной и финансовой политикой. В конечном итоге за прошедшее десятилетие ЕЦБ, опираясь на принципы, разработанные Бундесбанком, в целом смог обеспечить деполитизацию процесса создания и регулирования денег. При этом в условиях мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и резко обострившихся в европейских странах социальных и экономических проблем он пошел на постепенное смягчение своей политики, понимая, что экономическая стагнация также подрывает крепость и надежность европейской денежной единицы. Однако и здесь он проявил жесткость, снизив в начале мая 2009 г. ставку до уровня одного процента. отказавшись снижать ее в последующие месяцы.

11.1.3. Органы финансового надзора

Важная роль в немецкой денежно-кредитной политике отводится контролю за деятельностью банковских и кредитных институтов. В соответствии с законом функции контроля возложены на Федеральное ведомство по финансовому надзору (BAFin), который был создан 1 мая 2002 г. на основе слияния трех контролирующих организаций[1]. BaFin является сегодня единым органом надзора на финансовом рынке. При этом функции издания нормативных актов сохранились также за министерством финансов и Бундесбанком.

Одной из важнейших сфер деятельности BaFin является банковский надзор. Совместно с Бундесбанком BaFin осуществляет комплексный контроль за платежеспособностью банковских институтов, которая является важнейшим условием успешного функционирования кредитной системы Германии. Задачи банковского надзора многообразны, что обусловлено спецификой банковского дела. Среди прочего речь идет

---

[1] **Федеральное ведомство страхового надзора (BAV)** действовало с 1952 г. В его компетенции находился надзор за всеми частными страховыми организациями, а также за публично-правовыми страховыми организациями, деятельность которых выходила за рамки одной федеральной земли. **В 1962 г.** с вступлением в силу Закона о кредитной деятельности было создано центральное ведомство банковского надзора — **Федеральное ведомство по надзору в сфере кредитования (BAKred).** В связи с принятием нового закона о содействии развитию финансового рынка 1 января 1995 г. к работе приступило **Федеральное ведомство надзора за рынком ценных бумаг.** К его основным задачам относились обеспечение единства и прозрачности рынка капиталов в целях соблюдения прав вкладчиков и владельцев ценных бумаг, предупреждение и пресечение инсайдерских сделок, а также осуществление надзора за компаниями, оказывающими услуги на рынке ценных бумаг.

о выполнении кредитными институтами требования достаточности собственного капитала и наличии, как минимум, двух квалифицированных и надежных управляющих. BaFin и Бундесбанк проверяют выполнение данных требований. Тем самым они гарантируют, что банковские услуги предоставляются платежеспособными организациями, обладающими профессиональным менеджментом. В рамках текущего надзора сотрудники обеих надзорных инстанций проверяют кредитные институты на предмет достаточности собственных средств и достаточных объемов ликвидности; соблюдения ими установленных законом рисковых ограничений и проявления необходимой предусмотрительности в отношении рисков. Поэтому особое внимание уделяется мероприятиям банков в сфере управления и контроля над разнообразными рисками, связанными с банковскими сделками, например внутрибанковским системам контроллинга. Поэтому надзорные органы постоянно получают информацию о хозяйственной ситуации банковского института, его деловой стратегии, сферах деятельности и запланированных проектах. К важнейшим источникам информации сотрудников ведомства по надзору над банковской деятельностью относится множество извещений и уведомлений, а также составленные аудиторами или аудиторскими объединениями отчеты о результатах ревизии годовых балансов. Проверки подразделяются на текущие (каждый год им подвергаются примерно 10–15% банков) и специальные. С помощью внеочередных ревизий BaFin может получить более полное представление об экономическом положении банка.

Как правило, BaFin запрашивает отчеты по всем частным коммерческим банкам, а также по наиболее крупным и проблемным сберкассам и кооперативным банкам. Вместе с Бундесбанком он осуществляет их проверку и оценку. Среди регулярных информационных сообщений особое место занимают ежемесячные сводки об основных экономических параметрах их деятельности.

В случае установления недостатков в организации либо возникновения рисков средствам вкладчиков BaFin вправе применять предусмотренные законом меры и санкции в целях устранения нарушений. Если выявленные отклонения незначительны, то в банк направляется обычное письмо с предложением обратить внимание на них и принять необходимые меры. В серьезных случаях руководству банковского учреждения направляется письмо с предупреждением о том, что при повторном нарушении или непринятии мер надзорным органом будут применены соответствующие санкции. Если нарушения законодательных актов не устраняются, то ответственному члену правления направляется официальное предостережение о возможном пре-

кращении его полномочий, что является наиболее суровой мерой в практике немецкого надзора. В случае установления угрозы средствам вкладчиков BaFin вправе запретить кредитование, а также конкретные виды деятельности, назначить надзорного представителя для контроля за деятельностью института «изнутри», а также временно приостановить прием вкладов и выдачу кредитов. В исключительных случаях может применяться крайняя мера финансового надзора — отзыв банковской лицензии[1]. Право окончательного решения о необходимых мерах воздействия принадлежит BaFin.

Важно, что немецкий Бундесбанк и после мая 2002 г. в рамках нового разделения надзорных функций продолжает активно участвовать в проведении контролирующих мероприятий и по закону несет ответственность за стабильность банковско-кредитной системы. Включение Бундесбанка в постоянный контроль над кредитными институтами и учреждениями по оказанию финансовых услуг зафиксировано законом и конкретизировано в § 7 абз. 1 Закона о кредитовании (KWG). Основной контроль осуществляют главные управления Центробанка. Отделения Бундесбанка анализируют и оценивают отчеты и заявления кредитных институтов, а также проводят проверки на местах в целях оценки соответствующего обеспечения собственным капиталом и методов управления рисками институтов и оценивают принятые заключения ревизии. В основе мероприятий правового надзора Федерального ведомства надзора над оказанием финансовых услуг лежат, как правило, заключения аудиторов и оценки Бундесбанка.

Немецкому Центробанку до 2002 г., а затем совместно с BaFin в целом удавалось обеспечить эффективный надзор над национальной системой кредитования и соответственно защиту средств вкладчиков, доверенных банкам. На протяжении более чем 50-летней надзорной деятельности немецкое государство не допустило банкротства кредитных институтов. Важной основой этого надзора всегда были Закон о кредитной системе и некоторые специальные законы, например Закон об ипотечных банках и Закон об ипотечных сберегательных кассах. Но как показал мировой финансовый кризис, даже такая эффективная система надзора оказалась недостаточной для предотвращения ошибочных и рискованных действий руководства ряда немецких банков, которые обусловили ухудшения состояния многих кредитных учреждений.

---

[1] См.: Финансовый надзор в России и Германии. Международный опыт и актуальные тенденции. М., 2007. С. 139–161 (www.ost-euro.ru/russian/finnadzor); *Лысихин И.* Who is мегарегулятор? // Рынок ценных бумаг. 2007. № 5. С. 48–52.

Не случайно, с осени 2008 г. вопрос о роли банковского надзора оказался в центре дискуссий не только Германии, но и других стран. Драматическое развитие событий на финансовых рынках в течение последних лет происходило на фоне настойчивых усилий государства взять под контроль финансовые риски. Их быстрый рост в условиях глобализации потребовал создание системы международного банковского контроля. Но используемые в рамках Базельского соглашения инструменты оказались по ряду причин неэффективными. В первую очередь это касается требования иметь собственный капитал на уровне не менее 8% от объема высокорискованных банковских активов. Банки, получающие прибыль, оказались заинтересованы в более низких показателях собственного капитала, поскольку в этом случае возрастает показатель его рентабельности. Поэтому они стали использовать все возможности для обхода требований Базельских соглашений[1].

11.1.4. Меры по стабилизации банковской системы в условиях мирового кризиса

В рамках совместной программы 15 стран — участниц экстренного совета Евросоюза в Париже по противодействию мировому банковскому кризису в октябре 2008 г. правительство ФРГ в кратчайшие сроки подготовило и приняло закон, направленный на нормализацию деятельности германской финансовой системы. Как показала практика, быстрые, решительные и продуманные действия правительства обеспечили стабилизацию банковского сектора и фактически спасли ее от неминуемого неконтролируемого кризиса.

В соответствии с законом был создан специальный внебюджетный фонд «Фонд по стабилизации финансовых рынков» (SoFFin) в размере 480 млрд евро, которые предназначены для предоставления гарантий по обеспечению банковской ликвидности и рекапитализации банков сроком до 31 декабря 2009 г. 400 млрд евро составляют государственные гарантии государства по межбанковским кредитам и обеспечению финансовых потоков. 80 млрд евро предназначены для поддержки государством собственных капиталов банков, включая скупку не имеющих финансового обеспечения кредитов. Каждый отдельный

---

[1] В частности, для этих целей все высокорискованные операции стали проводиться через специальные управляющие компании (так называемые conduits — *фр.*), на которые не распространяются требования минимального размера собственного капитала. Именно через такие компании осуществлялась секьюритизация второсортных кредитов американского ипотечного рынка, ставшая основной причиной ипотечного кризиса 2007–2008 гг. в США.

банк может рассчитывать на максимальную сумму 10 млрд евро государственных субсидий, а скупка утративших рыночную цену активов ограничена 5 млрд для одного финансового института.

При предоставлении помощи банкам государство получает долю их активов, а также право участвовать в принятии решений и определении финансовой политики кредитных институтов. Государство может, например, ограничивать или вообще пресекать особо рискованные операции банка на финансовых рынках, настаивать на полном отказе от некоторых сомнительных сфер деятельности и в целях поддержания внутренней конъюнктуры обязать банк выдавать кредиты мелким и средним немецким предприятиям. В определенных случаях государство сможет навязать банковскому институту совершенно новый бизнес-план и организационную структуру. Кроме того, для высших менеджеров банков, обратившихся за поддержкой к государству, вводится потолок на их оклады — 500 тыс. евро в год. Пока банк не рассчитается с казной, он не имеет права выплачивать премии или доли от прибыли. Дивиденды по ценным бумагам должны поступать прямо в SoFFin.

За помощью к государству сразу обратились стоящие на грани банкротства частный банк IKB и холдинговая группа HypoRealEstate, а также ряд земельных (государственных) банков — баварский Bayern LB, HSH Nordbank (банк земли Гамбург и Шлезвиг-Гольштейн), West LB (Северного Рейна-Вестфалии). Впоследствии существенные средства получил Commerzbank. Однако многие частные немецкие банки предпочли отказаться от участия в правительственной программе финансовой помощи, чтобы не подвергаться обвинениям в несостоятельности своих бизнес-моделей и полностью сохранить привлекательность для акционеров, которые в таком случае временно лишатся своих дивидендов, а также чтобы не связывать себе в дальнейшем руки более жестким контролем со стороны государства.

В период с начала деятельности SoFFin 27 октября 2008 г. по июнь 2009 г. было подано 22 заявки на сумму 232 млрд евро, из которых для мероприятий по финансовой стабилизации было одобрено предоставление 167,5 млрд евро, в том числе 143 млрд на предоставление гарантий и 24,5 млрд на усиление собственного капитала банков. Существенную поддержку деятельности SoFFin оказывает Бундесбанк[1].

Для дальнейшей стабилизации финансовых рынков правительство разработало закон о «плохих банках», который был принят бундеста-

[1] http://www.soffin.de.

гом в начале июля 2009 г. В соответствии с законом банковские и финансовые институты получили возможность создавать так называемые целевые общества, на баланс которых передаются «токсичные активы», обременяющие их собственный капитал и являющиеся препятствием для расширения объема кредитных операций. По оценкам немецких экспертов объем таких активов в банковской системе Германии составил к весне 2009 г. около 230 млрд евро. Государство отказалось от идеи создания единого «плохого банка» и после долгих дискуссий отдало предпочтение децентрализованной модели, в рамках которой каждый кредитно-финансовый институт сам принимает решение о выводе «токсичных» активов в отдельную специализированную структуру.

Для создания «плохого банка» не требуется банковской лицензии. Разрешение на создание целевого общества выдают органы Фонда по стабилизации финансовых рынков, которые рассматривают заявки с точки зрения их соответствия требованиям закона. Кроме того, банк должен пройти так называемый стресс-тест, который позволяет определить какие существуют в его деятельности риски и связанные с ними возможные убытки. На баланс целевых юридических лиц можно переводить активы, приобретенные до 31 декабря 2008 г. Датой, на которую определяется стоимость рискованных активов в балансах банков, является 30 июня 2008 г. Эта величина затем уменьшается на десять процентов, причем она не может быть выше бухгалтерской стоимости плохих активов по состоянию на 31 марта 2009 г. После получения на свой баланс структурированных «токсичных» ценных бумаг целевое общество предоставляет своему материнскому банку долговую облигацию на сумму до 90% от определенной фундаментальной стоимости «плохих» активов. Государственный фонд SoFFin выступает гарантом по данной операции и берет за это определенную плату. Максимальный срок гарантии определен в 20 лет — за этот период целевое общество с помощью государства должно решить проблемы с переданными на его баланс «токсичными» ценными бумагами. Долговые облигации могут без проблем использоваться для рефинансирования банковских операций в Бундесбанке[1]. Тем самым государство надеется дополнительно стабилизировать ситуацию на банковском рынке и стимулировать кредитно-финансовые институты к более активному кредитованию экономических субъектов в условиях кризиса.

[1] www.bundesfinanzministerium.de.

11.2. Банковская система

11.2.1. Роль банковской системы в экономике Германии

Банковская система Германии осуществляет важнейшую функцию снабжения немецкой экономики (органов государственной власти разных уровней, частных и государственных предприятий, частных лиц) денежными средствами. От ее успешного функционирования напрямую зависит состояние всей экономической системы.

В условиях глобализации мировой экономики банковские системы отдельных государств оказались тесно взаимосвязаны. С одной стороны, такая тесная взаимозависимость предоставляет национальным банкам широкие возможности по проникновению на финансовые рынки других государств и извлечению прибыли из спекулятивных операций за границей, участие в которых раньше было для них затруднено. С другой стороны, национальные банковские системы оказались открыты для проникновения иностранных кредитных институтов и предлагаемых ими банковских продуктов, среди которых начиная с 90-х годов прошлого века постоянно росла доля так называемых «финансовых инновационных продуктов»[1]. Ориентация на быстрое получение прибыли с использованием новых инструментов привела к тому, что многие банки «забыли» о выполнении своих основных функций и сосредоточились на спекулятивных операциях. Одновременно в условиях глобализации сократились возможности отдельных государств контролировать деятельность кредитных институтов.

Особенно наглядно этот тренд характеризует поведение немецких банков, для которых традиционно характерен высокий уровень разделения труда. В частности, во время финансового кризиса осени 2008 г. на фоне относительно стабильного состояния всей банковской системы Германии в целом в кризисном положении «вдруг» оказались государственные земельные банки[2], основными функциями которых традиционно считается кредитование и обеспечение финансовыми средствами органов государственной власти (федеральных земель и

---

[1] В частности, сертификаты, деривативы и др.

[2] Финансовая помощь в размере нескольких миллиардов евро уже предоставлена крупнейшим земельным банкам Германии (Баварии и Баден-Вюртемберга), которые исторически считались особенно надежными, а также ряду более мелких банков.

муниципалитетов), а также финансирование крупных капиталовложений в общественную инфраструктуру. Однако в связи с невысокими процентами, под которые обычно осуществляются такие операции, земельные банки в целях получения более высокой прибыли активно включились в спекулятивные операции за границей, как только последние были разрешены в 2004 г.

Катастрофическое состояние земельных банков, в котором они оказались всего через несколько лет после отмены государственных гарантий для банков публично-правовой формы организации и связанных с ними преимуществ в конкурентной борьбе с частными банками (в частности, в виде более высокого рейтинга), привело к возобновлению дискуссии о состоянии и структуре немецкой банковской системы, а также о роли государственного банковского надзора, призванного контролировать и предотвращать негативные тенденции развития банковской системы, а также его возможностях в условиях глобализации.

Для современной немецкой банковской системы характерны три основные особенности:

- смешанный частно-государственный характер с большим удельным весом кредитных институтов публичного права;
- многоуровневая (федеративная) структура с наличием федеральных, земельных и муниципальных кредитных институтов;
- относительно высокий — по сравнению с другими развитыми государствами — уровень разделения труда и специализации между отдельными видами кредитных институтов, несмотря на то что три четверти всех банков являются универсальными.

Одновременно банковская система служит основой всей финансово-кредитной системы Германии. Размер совокупной капитализации немецких банков почти в три раза превосходит размер ВВП страны. Особая роль в немецкой банковской системе принадлежит «домашним банкам». Основным преимуществом системы кредитования через такие банки являются оптимальное решение проблемы асимметричной информации и возможность оказывать поддержку предприятиям особенно в трудные времена, поскольку отношения между банком и клиентами имеют длительный и доверительный характер. Недостатком же традиционно считается концентрация власти в руках банков-кредиторов.

Немецкие кредитные институты, прежде всего с публично-правовой формой организации, имеют еще одну важную функцию для экономики Германии, а именно, они занимаются кредитованием малого и среднего бизнеса, являющегося основой среднего класса («миттель-

штанда»). Германская модель социального рыночного хозяйства исходит из того, что в данной сфере имеется «провал рынка», который должен быть компенсирован государством. По этой причине кредитованием малого и среднего бизнеса активно занимаются муниципальные сберегательные кассы и кредитные товарищества. Кроме того, специально для этих целей после Второй мировой войны был создан банковский институт федерального подчинения *Kreditanstalt für Wiederaufbau* (KfW).

Финансово-кредитный сектор Германии в течение последних десятилетий критиковался как трудоемкий и малодоходный по сравнению с другими развитыми странами. Так, доля финансового сектора в созданной стоимости в Германии (в среднем 4,6% за период 2000–2005 гг.) лежит на уровне ниже среднеевропейского (5,2% по странам зоны евро), в то время как по численности занятых в финансовом секторе (в среднем 3,7% за период 2000–2007 гг.) ФРГ превосходит средние показатели (3,4%). Связано это в том числе с тем, что кредитные институты, имеющие публично-правовую форму организации, изначально ориентированы не на получение прибыли, а на комплексное обслуживание всех групп банковских клиентов. Не случайно именно они имеют наиболее разветвленную сеть филиалов по всей Германии, чтобы быть ближе к населению, которое и является их основной целевой группой.

Таблица 11.1

Значение финансового сектора в отдельных государствах ЕС, созданной стоимости и численности занятых народного хозяйства (%)

	Созданная стоимость		Численность занятых
	Кредитные институты и страховые компании	Из них: кредитные институты	Кредитные институты и страховые компании
	2000–2005 гг.*		2000–2007 гг.*
Австрия	5,3	3,6	4
Бельгия	5,9	3,8	3,9
Германия	**4,6**	**3,2**	**3,7**
Греция	5,3	4,3	3,7
Ирландия	–	–	4,9
Испания	4,7	3,8	2,7

Продолжение таблицы 11.1

	Созданная стоимость		Численность занятых
	Кредитные институты и страховые компании	**Из них: кредитные институты**	**Кредитные институты и страховые компании**
	2000–2005 гг.*		**2000–2007 гг.***
Италия	4,7	3,4	3,5
Люксембург	23,1	15,9	22,4
Нидерланды	6,8	4	3,7
Португалия	6,5	5,3	2,3
Словения	–	–	2,8
Финляндия	3,1	1,8	2,3
Франция	4,9	3,1	3,3
Зона евро	***5,2***	–	***3,4***
Дания	5,1	3,6	3,4
Великобритания	6,4	4,7	4,8
Швеция	–	–	2,2

* Среднее арифметическое за период, рассчитанное на основе ежегодных показателей.

Источник: Sachverständigenrat (Hrsg.): Das deutsche Finanzsystem: Effizienz steigern — Stabilität erhöhen. Expertise im Auftrag der Bundesregierung. Wiesbaden 2008, S. 84.

В целом банковская система Германии оказалась более устойчивой к мировому финансовому кризису 2008 г. по сравнению с банковскими системами других стран, в первую очередь англосаксонского образца. Причиной большей устойчивости немецкой системы стала ее исторически сложившаяся нетрадиционная для современных банковских систем структура, которая еще несколько лет считалась устаревшей и не соответствующей современным вызовам и реалиям.

11.2.2. Структура банковской системы Германии

Деятельность банков регламентируется Законом о кредитной деятельности (KWG). Закон предусматривает сосуществование трех различных видов кредитных институтов, отличающихся правовой формой организации: частных кредитных банков (крупнейшие из них Deutsche

Bank и Commerzbank[1]), кредитных институтов публичного права (сберегательные кассы и земельные банки) и кредитных товариществ (Volks- и Raiffeisen-банки).

Наряду с тройственной структурой отличительной чертой немецкой системы является высокая доля банковских институтов публичного права, составляющая 45% от общего числа. Для данных институтов в соответствии с Законом о кредитной деятельности получение прибыли не является основополагающей целью деятельности. Благодаря этому положению они соответственно долгое время имели возможность предоставлять свои банковские услуги по более низким ценам по сравнению с частными банками. Одновременно (вплоть до середины 2005 г.) банковские институты публичного права пользовались всеобъемлющими государственными гарантиями, что давало им заметные преимущества и усиливало конкурентное давление на других участников немецкой банковской системы. Такие банковские учреждения (в частности, муниципальные сберегательные кассы) не могли быть полностью или частично приватизированы.

В банковской системе Германии нашли отражение и традиции немецкого федерализма. Первое звено системы — частные банки — имеют централизованную структуру со штаб-квартирами во Франкфурте-на-Майне и филиалами на местах (как правило, в городах, но не в сельской местности). Напротив, второе и третье звенья имеют выраженную децентрализованную структуру, в которой представлены самостоятельные институты федерального, земельного и муниципального подчинения, и разветвленную сеть филиалов. Специализацией земельных, прежде всего муниципальных, кредитных учреждений является кредитование малого бизнеса, индивидуального предпринимательства и рядовых частных клиентов.

К кредитным институтам **частного права** — организованным в форме акционерных обществ (реже — персональных товариществ) — относятся несколько крупных банков, региональные банки, частные банкиры и филиалы иностранных частных банков.

Крупнейшие частные банки, традиционно называемые «гроссбанками», исторически занимаются кредитованием предприятий крупного бизнеса и состоятельных граждан. На их долю приходится ос-

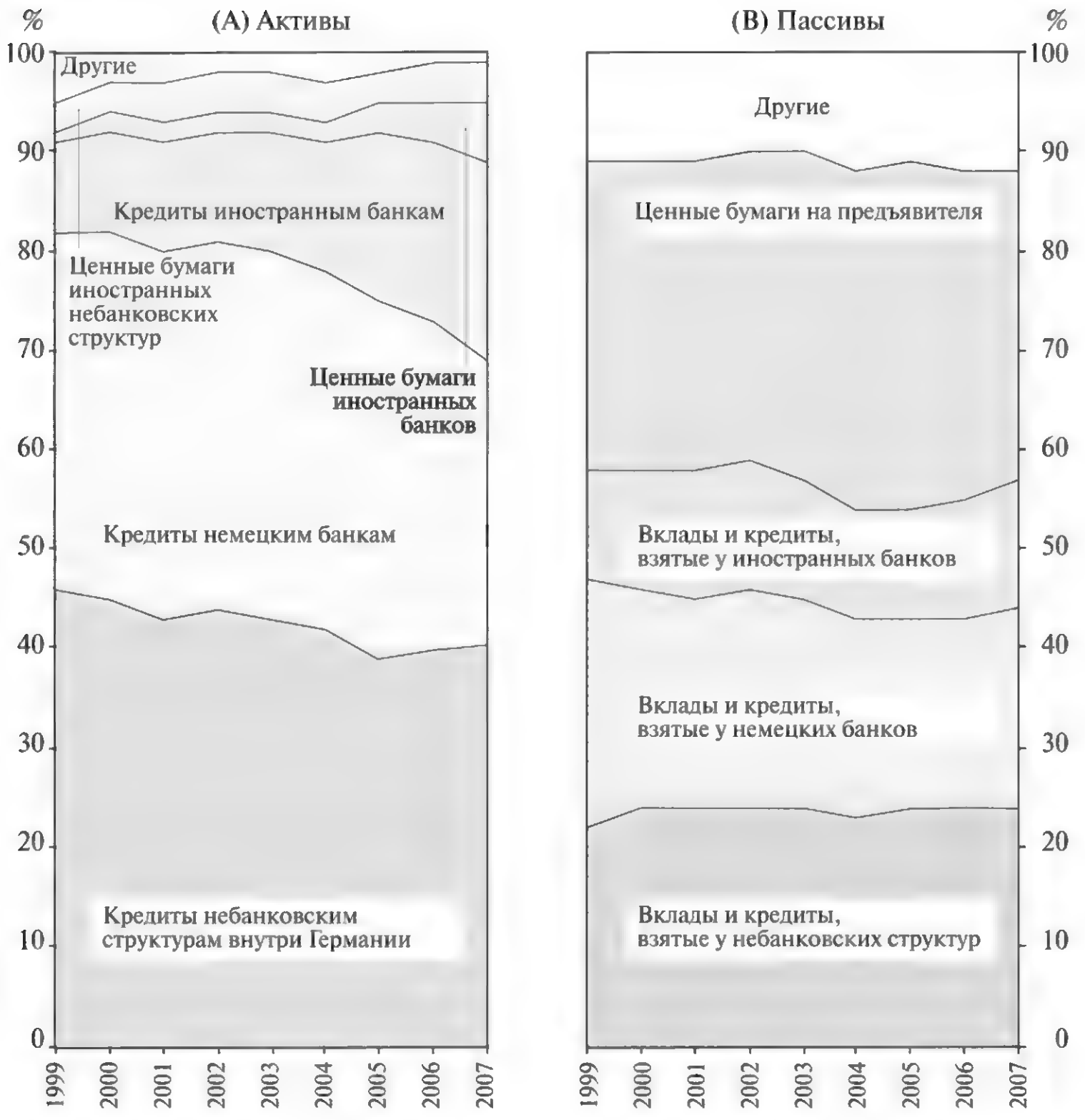
---

[1] Всю послевоенную историю среди частных банков насчитывалось три крупнейших: Deutsche Bank, Dresdner Bank и Commerzbank. Весной 2008 г. Commerzbank приобрел Dresdner Bank. Объединение двух банков должно быть завершено до конца 2009 г., в результате название Dresdner Bank перестанет существовать. Объединенный Commerzbank существенно сократил отставание по объемам активов к лидеру среди частных банков — Deutsche Bank.

новная часть банковских операций частных банков. В пассиве частных банков преобладают вклады населения и обязательства по отношению к другим банкам.

Диаграмма 11.1

Структура банковской системы Германии по размеру балансовой стоимости (млрд евро и %), 2007 г. (только универсальные банки)



Источник: Sachverständigenral (Hrsg.): Das deutsche Finanzsystem: Effizienz steigern — Stabilität erhöhen. Wiesbaden 2008. S. 140.

К частным банкам относятся также крупные иностранные банки (Citi-Bank, шведский SEB), обладающие в Германии широкой сетью филиалов; частные ипотечные банки (холдинг HypoRealEstate и др.); частные ипотечные сберегательные кассы (например, BHW)[1], а также частные банкиры.

К кредитным институтам **публичного права** относятся банки федеральных земель (земельные банки), сберегательные кассы, земельные ипотечные сберегательные кассы и банки, а также банковская группа федерального подчинения *KfW* (бывший *Kreditanstalt für Wiederaufbau*). Структура и сферы их деятельности выглядят следующим образом.

• В Германии действуют 11 земельных банков (не все 16 федеральных земель имеют самостоятельные земельные банки, как, в частности, земли Бавария, Баден-Вюртемберг, Саар, Бремен)[2]. В качестве 12-го земельного банка часто называется центральный инвестиционный банк сберегательных касс жироцентраль Deka-Bank. Земельные банки, как правило, не занимаются непосредственным распространением собственных банковских продуктов, эту функцию осуществляют относящиеся к ним сберегательные кассы. Земельные банки созданы как «домашние банки» федеральных земель и одновременно центральные институты сберегательных касс. Их целью является выделение средств сберегательным кассам, а также финансирование крупных инвестиционных проектов общественного характера. Основным источником поступления средств является выпуск долгосрочных облигаций. Особенно стремительные изменения сфера деятельности земельных банков претерпела с начала 2000 г., когда они стали активно участвовать в инвестиционных операциях и в операциях с зарубежными финансовыми деривативами, т. е. оказались вовлечены в те сферы, которые традиционно относились к сфере деятельности «гроссбанков».

• 500 муниципальных сберегательных касс, которые исполняют наряду с Volksbanken основную функцию по кредитованию малого и среднего бизнеса и широких слоев населения на определенной территории (обычно крупного муниципального образования или района).

---

[1] Основная функция ипотечных банков и сберегательных касс — предоставление долгосрочных ссуд для приобретения (строительства) объектов недвижимости. Основным источником финансирования является эмиссия долгосрочных облигаций, имеющих дополнительную гарантию объектами недвижимости (Hypothekenpfandbrief).

[2] Однако после многочисленных слияний самостоятельны из них только 7. На фоне финансового кризиса следует ожидать дальнейшего сокращения численности земельных банков и их масштабной реорганизации. Соответствующие предложения активно обсуждаются.

Прибыль, полученная сберегательными кассами, не распределяется среди собственников, которыми обыкновенно являются муниципальные власти, а направляется на общественные нужды. Структура собственников сберегательных касс с преобладанием доли местных органов власти препятствует слиянию сберегательных касс, действующих на разных территориях, однако в принципе такие слияния возможны. Основным источником финансирования сберегательных касс являются вклады населения, которые принимаются под низкие проценты (по преимуществу несколько ниже, чем у частных банков).

• Федеральная банковская группа KfW, основанная в 1948 г. для финансирования восстановления Германии после Второй мировой войны. Целями группы традиционно является финансирование инвестиционных программ, имеющих государственное значение, в том числе кредитование малого и среднего бизнеса, предоставление государственных гарантий для ведения внешнеторговых операций и предоставление образовательных кредитов.

К третьей группе банковских институтов — **кредитным товариществам** — относятся более 1200 Volks- и Raiffeisenbanken, а также два соответствующих *центральных института* (DZ-Bank и WGZ-Bank). Именно кредитные товарищества, которые, как и сберегательные кассы, особенно активны на местном уровне, имеют наиболее развитую структуру филиалов на территории Германии. Правовая форма товарищества означает, что клиенты этих банковских институтов посредством владения пая одновременно являются их собственниками. Важнейшей отличительной чертой по сравнению с акционерными обществами является то, что каждый пайщик независимо от размера пая, как правило, обладает всего одним голосом.

К кредитным товариществам относятся также 12 Sparda банков, 15 PSD банков, ипотечная сберегательная касса Schwäbisch Hall и целый ряд более мелких ипотечных банков, лизинговых и страховых обществ, BBBank и др.

Именно банковские институты второго и третьего звена (за исключением земельных банков) оказались наиболее устойчивыми к мировому финансовому кризису осени 2008 г. вследствие ориентации на местный рынок и участие в малорискованных банковских операций. Своим клиентам, в свою очередь, они традиционно предлагают банковские продукты с низкими процентами (в среднем всегда на 0,5% ниже, чем крупные частные банки).

Функциональные различия между тремя группами кредитных институтов иллюстрируют данные таблицы 11.2.

Таблица 11.2

Основные показатели деятельности различных кредитных институтов по состоянию на конец 2007 г. (доля в % по отношению к совокупной доле кредитных институтов без специализированных банков)

	Кредитные банки*			**Прочие кредитные институты**			
	Кредитные банки, всего	**Крупные частные банки**	**Прочие кредитные институты**	**Земельные банки**	**Сберкассы**	**Центральные банки кредит. тов-в**	**Кредитные тов-ва**
	1 звено			**2 звено**		**3 звено**	
Балансовая стоимость	39	24,3	11,9	24,7	18,1	4,5	10,9
Небанковские кредиты внутри Германии	32,9	17,1	14	17,5	30,8	1,2	17,6
Из них:							
предприятиям и частным лицам	33,7	16,6	14,8	14,8	31,1	1,1	19,4
Из них:							
ипотечные кредиты	*32,1*	*17,2*	*14,9*	*7*	*37,3*	*0*	*23,5*
кредиты крупным предприятиям	*37,1*	*20*	*11,6*	*31,4*	*20,3*	*2,8*	*8,4*
кредиты малому и среднему бизнесу	*23,7*	*13,7*	*9,7*	*5,9*	*42*	*0,1*	*28,3*
кредиты лицам наемного труда	*35,3*	*14,9*	*19,7*	*4,7*	*35,4*	*0*	*24,5*
Вклады и кредиты, полученные у небанковских инс-тов внутри Германии	34,3	18,2	15,2	13,6	30,7	1,4	20

* В соответствии с Законом о кредитной деятельности к кредитным банкам относятся крупные частные банки, региональные банки и филиалы иностранных банков.

Источник: Sachverständigenrat (Hrsg.): Das deutsche Finanzsystem: Effizienz steigern — Stabilität erhöhen. Expertise im Auftrag der Bundesregierung. Wiesbaden 2008, S. 91.

Так, по состоянию на конец 2007 г. на долю сберегательных касс и кредитных товариществ пришлось более половины кредитов, предоставленных предприятиям и частным лицам внутри страны. При этом совокупная доля этих двух групп кредитных институтов в балансовой стоимости составила всего 29%. Особенно велика их доля в предоставлении ипотечных кредитов населению (более 60% всех ипотечных кредитов), кредитов, предоставленных малому и среднему бизнесу (более 70% всех кредитов), а также кредитов лицам наемного труда (около 60% всех кредитов). Обращает на себя внимание, что кредитование крупного бизнеса является функцией частных банков (37% всех кредитов) и земельных банков (31% всех кредитов). Последние по этой причине уже достаточно продолжительное время подвергаются критике, так как предоставляют такие кредиты крупным предприятиям вне зависимости от их региональной принадлежности. Фактически они не выполняют одну из своих основополагающих функций по содействию развитию территории определенной федеральной земли.

11.2.3. Развитие и состояние немецкой банковской системы (до кризиса осени 2008 г.)

Для развития банковской системы Германии в течение последних 2–3 десятилетий характерно несколько общих тенденций, хотя применительно к отдельным группам кредитных институтов ситуация выглядит более дифференцированно.

• В частности, для послевоенного периода развития немецкой банковской системы характерен процесс прогрессирующей концентрации, хотя по этому показателю Германия все еще заметно уступает другим развитым странам. Среди наиболее громких поглощений и слияний следует назвать следующие события:

— покупка в 2008 г. Deutsche Bank 30% акций Postbank. Стоимость сделки составила 2,8 млрд евро. До 2010 г. Deutsche Bank планирует полностью поглотить Postbank. Он преследует цель увеличить численность частных вкладчиков до 24,2 млн (Postbank имеет 14,5 млн вкладчиков)[1]. Таким образом, Deutsche Bank идет по пути переориентации от обслуживания крупных предприятий и состоятельных клиентов в сторону обслуживания большего числа рядовых клиентов. Это слияние свидетельствует о продолжающейся тенденции универсализации банковского бизнеса и

[1] См.: Spiegel-Online, 17.11.2008

снижении выраженной специализации кредитных институтов, традиционно характерной для Германии;

— покупка в 2008 г. Commerzbank Dresdner Bank[1]. Идея этого поглощения заключалась в концентрации банковского капитала. Объединенный Commerzbank сократил отставание по объемам активов от крупнейшего частного банка Deutsche Bank[2];

— объединение в 2001 г. 3 ипотечных банков в HVB Real Estate, из которого в 2003 г. был выделен холдинг HypoRealEstate, специализирующийся на финансировании крупных промышленных объектов и офисных зданий. В 2007 г. холдинг приобрел ирландский Depfa-Bank. В настоящее время холдинг состоит из 4 банковских институтов[3] и является крупнейшим банковским институтом Германии (и одним из крупнейших в Европе) по объемам финансирования промышленной инфраструктуры. Будучи холдингом, HypoRealEstate не подпадает под регулирование банковского надзора[4].

• Тенденция укрупнения банковского капитала отражается в общем сокращении числа банковских институтов, сети филиалов, а также численности занятых, что наблюдается в том числе и в периоды экономического подъема:

— особенно сильно эта тенденция затронула кредитные товарищества. Начиная с начала 90-х годов их численность сократилась

---

[1] Dresdner Bank до этого принадлежал Allianz Group.

[2] Однако неизвестно, сумеет ли Commerzbank остаться частным банком, поскольку он также сильно пострадал по время финансового кризиса 2008–2009 гг. Commerzbank уже получил государственную финансовую помощь от SoFFin, которой оказалось недостаточно. В результате в январе 2009 г. была предпринята его частичная национализация. Государство (банковская группа KfW) приобрела 25%-ный пакет акций банка (плю одна акция) *(Handelsblatt, 14.1.2009)*.

[3] Hypo Real Estate Bank , Hypo Real Estate Bank International, ирландский Depfa Bank и немецкая «дочка» Depfa Deutsche Pfandbriefbank.

[4] HypoRealEstate, первым их крупных немецких частных банков, оказался на грани банкротства и получил в ноябре 2008 г. от SoFFin государственную поддержку в размере 50 млрд евро, которых оказалось недостаточно. Помимо непосредственных финансовых вливаний холдинг получил и многомиллиардные государственные гарантии, размер которых по состоянию на январь 2009 г. составил 42 млрд евро *(Handelsblatt, 21.1.2009)*. Поскольку несмотря на значительные финансовые вливания исправить ситуацию не удалось, в течение первой половины 2009 г. холдинг был национализирован.

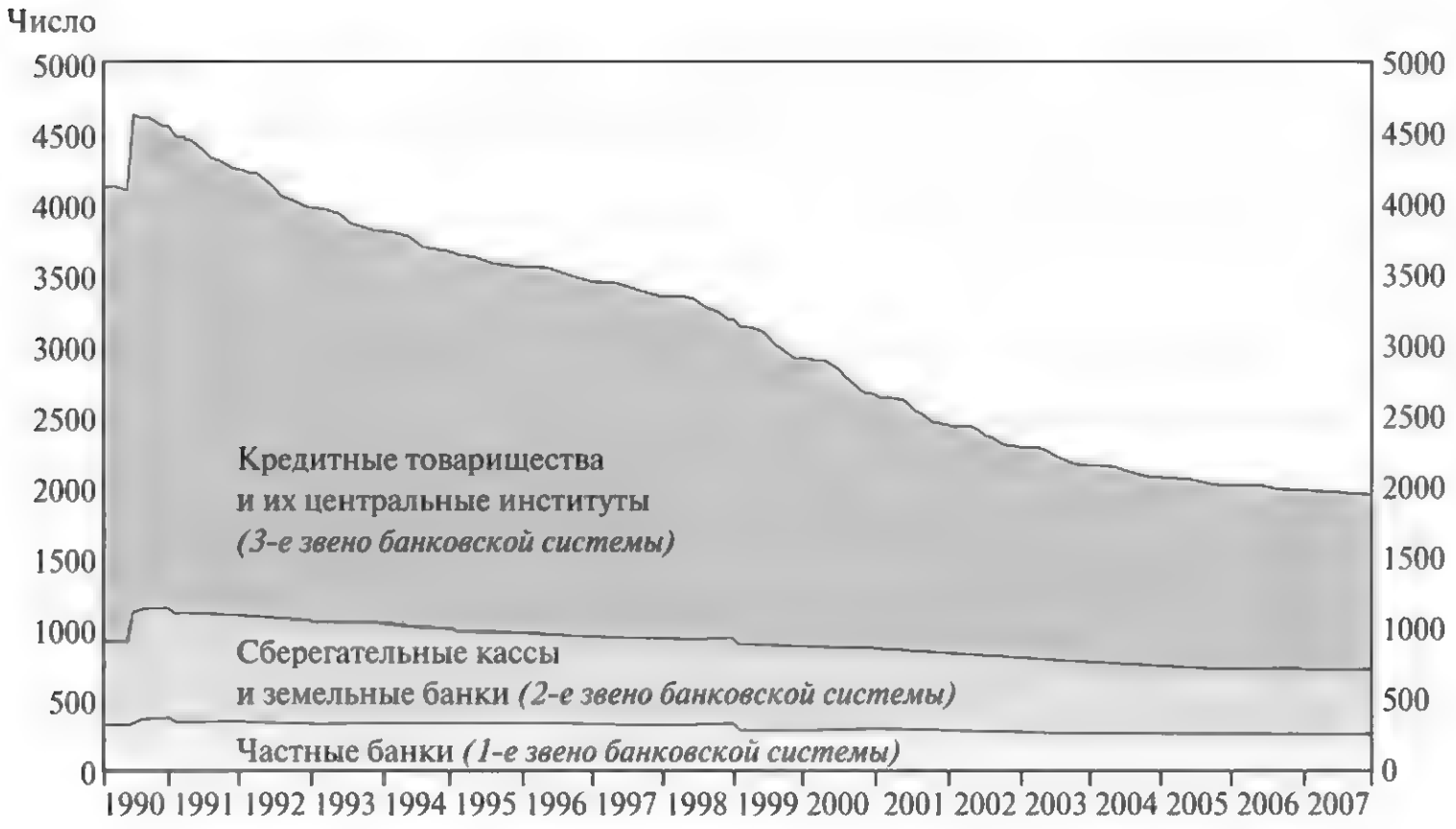
Причиной трудностей холдинга стали крупномасштабные спекулятивные операции за границей его ирландской дочерней структуры (Depfa-Bank), рефинансировавшей долгосрочные операции путем привлечения краткосрочных финансовых инструментов. В результате банкротства американского инвестиционного банка Lehman Brothers банкротом оказался и Depfa-Bank, что привело к финансовым трудностям матринского холдинга HypoRealEstate.

более чем вдвое с 4,5 до 2 тысяч. Это объясняется историческими причинами. Кредитные товарищества изначально создавались с целях добровольной аккумуляции средств на локальном уровне. Среди прочего таким образом решалась задача социальной помощи на местном уровне: состоятельные члены, осуществляя вклады, делали возможным получение кредитов бедными товарищами. Эта модель в целом полностью оправдала себя, и в настоящее время кредитные товарищества представляют собой мощное третье звено немецкой банковской системы;
— численность сберегательных касс также несколько сократилась;
— численность частных кредитных банков сократилась незначительно.

• Одновременно с начала текущего десятилетия наблюдается неуклонное сокращение доходности банковского сектора Германии. Различные звенья банковской системы пострадали в различной степени. В наименьшей степени это коснулось муниципальных институтов, ориентированных в своей деятельности на внутренний рынок. В то же время особенно пострадали крупные частные и земельные банки, активно вовлеченные в высокорискованные спекулятивные операции за границей.

Рисунок 11.4

Динамика численности кредитных институтов с начала 90-х годов



Источник: Sachverständigenral (Hrsg.): Das deutsche Finanzsystem: Effizienz steigern — Stabilität erhöhen. Wiesbaden 2008. S. 97.

• Сам по себе факт сокращения доходности банковского сектора и увеличения конкуренции в банковском секторе не является тревожащим обстоятельством, поскольку сопровождается предложением банковских продуктов по низким ценам. Но только до тех пор, пока он не превращается в угрозу стабильности всей банковской системы. Однако именно по такому сценарию развивались события, приведшие к вовлечению немецких банков в финансовый кризис. Крупные частные банки, и в особенности земельные банки, недовольные низкой доходностью банковского бизнеса, в течение последних лет резко увеличили свою активность за границей, пренебрегая традиционными функциями.

• Одновременно с количественными изменениями в структуре банковского сектора и тенденцией к концентрации банковского капитала наблюдается тенденция к размыванию границ между банковскими, страховыми и биржевыми операциями и их смешиванию в палитре банковских услуг.

• Изменились и требования банковских клиентов, которые все больше стали проявлять интерес к высокодоходным банковским и страховым продуктам. Так, в Германии по состоянию на 2004 г. лишь одна четверть всех новых купленных банковских продуктов пришлась на банковские вклады, в то время как доля приобретенных страховок и вложений в инвестиционные фонды возросла. Эта тенденция закономерно ухудшила пассивную сторону банковских балансов и ограничила их возможности по предоставлению ссудного капитала[1].

• Немецкая банковская система пострадала от этой ситуации особенно сильно, поскольку кредитование предприятий и домохозяйств всегда являлось одной из основных функций банков; другим проявлением этой тенденции стало увеличение числа банкротств предприятий разного размера.

Все эти тенденции в значительной степени прямо или косвенно связаны с общей активизацией конкурентной борьбы на международной арене в условиях глобализации мировой экономики и углубления процесса интеграции в Европе, который постепенно привел к повсеместной либерализации финансово-кредитного сектора в ЕС.

---

[1] Впрочем, очевидно, что с осени 2008 г. картина резко изменилась: быстрыми темпами стала увеличиваться доля срочных банковских вкладов, и в особенности интерес к федеральным облигациям. В частности, в ноябре эмиссия облигаций федерального займа сроком на 10 лет составила 8,6 млрд евро, и 6,2 млрд евро — сроком на 5 лет (Monatsbericht der Deutsche Bundesbank, Januar 2009. S. 11).

11.2.4. Глобализация мировой экономики, интеграция в Европе и усиление конкуренции на мировом финансовом рынке

Одним из проявлений глобализации мировой экономики стала постепенная либерализация мировых финансовых потоков. Этот процесс начался еще в 70-е годы прошлого века и к началу 90-х годов практически все промышленно развитые государства отказались от ограничений передвижения капиталов.

По мере сокращения ограничений для передвижения капиталов объем международных финансовых потоков стал неуклонно возрастать, сформировался глобальный финансовый рынок. Одновременно возросли и риски от проведения финансовых операций, а также сократились возможности национальных государств в области контроля за этими процессами. Возросла вероятность валютных и финансовых кризисов. В качественном отношении этот процесс сопровождался быстрым распространением новых финансовых продуктов, так называемых «финансовых инноваций», используемых для снижения возросших потенциальных рисков финансовых операций (сертификаты, бескупонные облигации, деривативы и др.). С начала 90-х годов прошлого века особенно быстрыми темпами стали распространяться финансовые деривативы[1] как ответ на рост объемов международной торговли и повышения потенциальных рисков от финансовых операций. Концентрация операций с деривативами на небольшом числе участников и соответствующий рост объемов сделок повышали возможные риски и вели к эффекту домино для затронутых банков[2].

В Европе либерализация финансовых потоков проходила в рамках процесса европейской интеграции. Заключение Маастрихтского договора и создание в 1993 г. единого рынка привело к отмене границ

---

[1] Финансовые деривативы — собирательное определение для целой группы финансовых инструментов, курс которых зависит (derived) от курса другого финансового продукта. С помощью деривативов происходит выделение рисков, связанных с курсами базовых продуктов, и их самостоятельный биржевой оборот. Высокоспекулятивный характер деривативов объясняется тем, что они живут «собственной жизнью», не зависимой от котировок базового продукта.

[2] Эти негативные тенденции в полной мере проявились в ходе развития финансового кризиса 2008 г., начавшегося как кризис ипотечного кредитования в США и распространившегося на банковские институты по всему миру, вовлеченные в торговлю ипотечными дериватами, разработанными для «секьюритизации» рисков, связанных с плохими кредитами *(Asset Backed Securities — ABS)*. См., например: хронику возникновения и развития финансового кризиса лета-осени 2008 г.: “Die Zeit”, 49/2008, S. 17 ff.

между государствами — членами ЕС и снятии ограничений свободного передвижения рабочей силы, капиталов, товаров и услуг по территории ЕС. Либерализация перемещения капиталов привела к отмене пограничного валютного контроля, который практиковался многими государствами до конца 80-х годов. Для граждан стран-членов стали доступны — на легальной основе — банковские услуги (вклады, счета депо, получение кредитов) иностранных банков. Значительно облегчено стало и осуществление инвестиций за границей. Банки, со своей стороны, получили возможность предоставлять услуги и открывать филиалы по всей территории ЕС без ограничений.

В ЕС было принято решение о подчинении филиалов иностранных банков банковскому надзору со стороны государства материнской компании. Поэтому на повестку дня закономерно встал вопрос о необходимости — хотя бы минимальной — гармонизации банковского надзора и требований к размерам собственного капитала для банков стран — членов ЕС. Пакет мер, принятый еще в 1988 г. и известный как Базель I, в частности, предписывал банкам формирование собственного капитала в размере не менее 8% банковских активов. Кроме того, были гармонизованы правовые основы банковского надзора. Однако уже в начале 90-х годов, в том числе по причине роста торговли деривативами, принятые положения стали критиковаться как недостаточно отвечающие требованиям и вызовам глобального финансового рынка. Оказалось необходимым принятие дальнейших мер, в том числе таких, как:

- принятие в 1999 г. Плана мероприятий по либерализации рынка финансовых услуг *(Financial Services Action Plan — FSAP)*, реализация которого, была завершена в течение последующих 5 лет к 2004 г.;
- введение единых стандартов ведения бухгалтерской отчетности *(International Accounting Standarts — IAS)*, в значительной степени ориентированных на американские стандарты *(GAAP)*;
- пакет мер, известный как Базель II, по конвергенции регулирования собственного капитала банков (не менее 8% высокорискованных активов), банковского надзора в целях предотвращения нечестной конкуренции;
- отмена с середины 2005 г. государственных гарантий немецким кредитным институтам, имеющим публично-правовую форму организации (в первую очередь земельным банкам и сберегательным кассам).

11.2.5. Отмена государственных гарантий кредитным институтам публичного права (с июля 2005 г.) и резкое ухудшение финансовой ситуации земельных банков

Наиболее важными кредитными институтами публичного права являются земельные банки и сберегательные кассы.

Немецкие сберегательные кассы мало изменили структуру своего бизнеса. Они продолжают, как и прежде, рефинансировать свою кредитную деятельность за счет вкладов населения. Поэтому именно эта категория кредитных институтов в наименьшей степени пострадала во время мирового финансового кризиса. Земельные банки, напротив, стали чрезвычайно быстро вовлекаться в операции на рынке капиталов за границей. Именно последние оказались в особенно трудном положении в связи с отменой государственных банковских гарантий.

Отмена по инициативе Европейской комиссии положения о предоставлении государственных гарантий кредитным институтам публичного права привела к быстрому ухудшению их положения в условиях обострившейся конкуренции и выявила наличие системных проблем. Впрочем, о необходимости реформировать систему земельных банков Германии говорилось еще до кризиса 2008 г. В частности, в исследовании Международного валютного фонда 2006 г. именно этот сегмент немецкой банковской системы был назван особенно уязвимым. МВФ критиковал земельные банки за их неэффективность и необоснованно высокое участие государства, а также отмечал, что основания для обособленного существования этой специальной группы кредитных институтов в принципе отсутствуют[1].

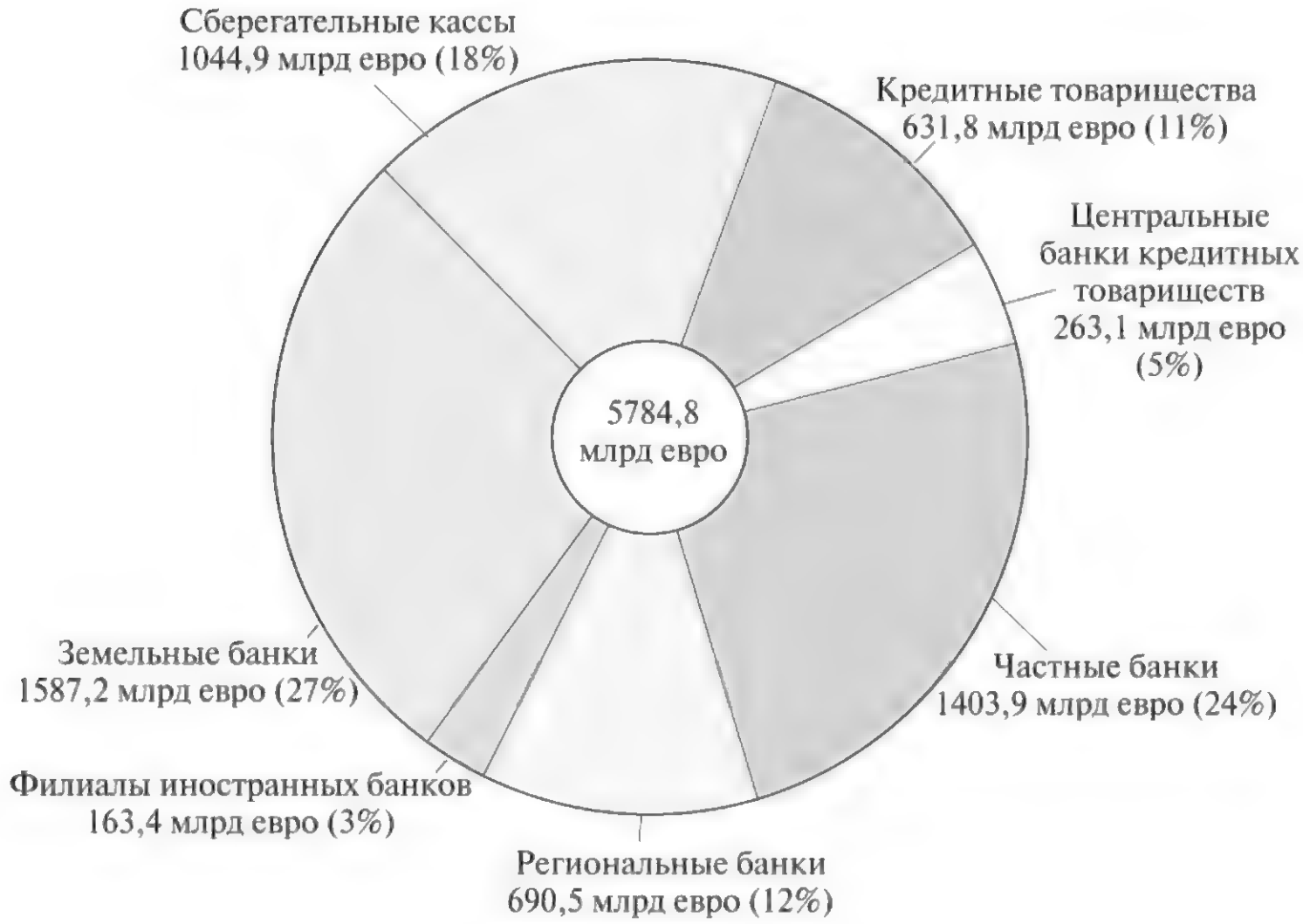
Проблемы, с которыми столкнулись земельные банки летом-осенью 2008 г. наглядно прослеживаются на фоне драматичного изменения структуры их банковских операций начиная с 2003 г., т. е. с того момента, когда для них стало доступно участие в операциях за границей, ранее являвшееся почти исключительной прерогативой частных банков (см. график ниже). В частности, начиная с 2003 г. быстрыми темпами стала возрастать доля кредитов, выданных иностранным банкам, и соответственно снижаться доля немецких банков. Начиная с 2005 г. резко увеличилось и участие земельных банков в операциях с ценными бумагами иностранных банков. Эти изменения происходили на фоне последовательного снижения доли кредитов, выданных

[1] IMF (2006): Germany: Selected Issues, Country Report, 06/436.

небанковским структурам (предприятиям и частным лицам). Фактически это отражало снижение активности в реальном секторе экономики, т. е. той области, которая традиционно является главной компетенцией земельных банков.

Рисунок 11.5

Активы и пассивы балансов земельных банков в 1999–2007 гг. (%)



Источник: Monatsbericht der Deutschen Bundesbank. Februar 2008. Statistischer Teil. S. 24.

В абсолютных цифрах, прирост владения акциями иностранных банков составил в 2005–2007 гг. 89 млрд евро[1].

В структуре пассивной части баланса земельных банков отчетливо прослеживается попытка повысить ликвидность в преддверии отмены государственных гарантий (в частности, за счет дополнительного выпу-

[1] Sachverständigenrat (Hrsg.): Das deutsche Finanzsystem: Effizienz steigern — Stabilität erhöhen. Expertise im Auftrag der Bundesregierung, Juni 2008.

ска залоговых писем на предъявителя — традиционного инструмента финансирования земельных банков). Как видно на графике, к середине 2005 г. их доля в пассиве земельных банков возросла до 35,7%, однако затем она снова стала сокращаться, достигнув к концу 2007 г. 29,5%. Сокращение доли залоговых писем в пассиве земельных банков корреспондирует с увеличением доли кредитов, полученных у иностранных и немецких банков.

В целом анализ структуры активов и пассивов земельных банков демонстрирует, что по состоянию на конец 2007 г. их связь с реальным сектором экономики оказалась весьма ограниченной и более не соответствовала их изначальной роли основного кредитора земельных правительств при финансировании общественной инфраструктуры (не считая их участия в финансировании крупных объектов коммунальной инфраструктуры). Кроме того, избегая конкуренции с муниципальными сберегательными кассами, земельные банки занимаются кредитованием, скорее, крупных и очень крупных предприятий независимо от места их расположения. Это закономерно поднимает вопрос о роли земельных банков в экономическом развитии собственной федеральной земли. В результате возникает основополагающий вопрос о целесообразности их публично-правовой формы организации.

Особенно резко ситуация вокруг земельных банков обострилась по мере развития финансового кризиса лета-осени 2008 г. Активное участие земельных банков в ипотечном кредитовании в США и других высокорискованных операциях за границей привело к тому, что они перестали выполнять свою основную задачу по финансированию общественной инфраструктуры. К тому же их огромные убытки оказались настоящей проблемой для государства.

Так, за государственной помощью в крупном размере уже обратились земельные банки Баварии, Баден-Вюртемберга, объединенный земельный банк северных земель (HSH Nordbank) и другие. Примечательно, не только то, что от кризиса более всего пострадали крупные банки, считавшиеся очень надежными, но и то обстоятельство, что основная их часть оказалась государственными институтами. В частности, только для земельного банка Баварии земельные органы разработали пакет мер на общую сумму 30 млрд евро (с участием федерального правительства)[1]. Кредитная группа федерального подчинения, KfW, также понесла убытки в размере 1,8 млрд евро[2].

---

[1] "Handelsblatt", 1.12.2008.

[2] "Handelsblatt", 17.11.2008.

Тенденции последних 10 лет и, в особенности драматическое развитие кризиса 2008 г., показали, что земельные банки являются наиболее уязвимым звеном немецкой банковской системы и нуждаются в срочном реформировании. Например, обсуждается возможность их слияния, с тем, чтобы создать три крупных структуры, которые будут обслуживать Северную, Центральную и Южную Германию. В качестве необходимой меры обсуждается также необходимость концентрации земельных банков на деятельности внутри страны, и прежде всего внутри определенного региона, а также отказ от участия в высокорискованных операциях за границей[1].

* * *

Развитие мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. показало, что немецкая банковская система оказалась более устойчивой к его влиянию по сравнению с банковскими системами других развитых государств, в первую очередь англо-саксонских. Парадоксально, но причиной меньшей восприимчивости немецкой системы к проявлениям кризиса стала ее несовременная структура, которая еще несколько лет назад критиковалась как «устаревшая». В первую очередь это касается наличия мощного звена кредитных институтов публичного права и кредитных товариществ. «Несущим звеном» системы, защитившим банковскую систему Германии в условиях кризиса, стали муниципальные сберегательные кассы и кредитные товарищества, сохранившие приверженность своим основным функциям работы с широкими слоями населения и малым бизнесом и не ориентированные на использование современных финансовых инструментов, злоупотребление которыми привело к трудностям для многих кредитных институтов.

Однако было бы неправильно утверждать, что основной причиной устойчивости банковской системы Германии стала высокая доля кредитных институтов публичного права. Ведь к этой категории наряду со сберегательными кассами относятся и их жироцентрали — земельные банки, сильно пострадавшие во время кризиса. Причину можно, скорее, увидеть в децентрализованной структуре немецкой банковской системы с широкой сетью сберегательных касс и кредитных товариществ и их ориентации на широкие слои вкладчиков.

---

[1] “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, 21.11.2008.

Глава 12. Поддержка инновационного обновления экономики

12.1. Инновационная система

В последние десятилетия Германия, как и все другие страны экономического авангарда, начала и продолжает активно осваивать новую, инновационную модель хозяйственного развития, призванную обеспечить переход к постиндустриальному обществу. Формализация этой модели происходит путем формирования национальной инновационной системы, представляющей собой совокупность взаимосвязанных институтов и организаций, участвующих в инновационной деятельности и обеспечивающих постоянно нарастающую по скорости и масштабам трансформацию нового знания в инновации.

В основе сравнительно успешного продвижения Германии по пути инновационного строительства лежат основополагающие принципы и позитивный опыт реализации концепции социального рыночного хозяйства на протяжении более чем полувековой истории, которые оказались крайне актуальными и для сегодняшней ситуации. Этот концептуальный подход органично и успешно вбирает в себя не только и не сколько положения теорий неоклассического синтеза, диктующие расширение использования принципов либерализации и усиление роли государства в хозяйственной жизни. Все в большей мере германская экономическая политика ориентируется сегодня на институциональные и эволюционные теории экономического роста.

Элементы эволюционного, системного, комплексного и прагматического подхода, идея упорядочения общественной жизни (Ordnungspolitik), создание хозяйственного, политического, правового и социального «порядков», необходимость их взаимосвязанного формирования, ориентация на поддержание человеческого и социального капитала, развитие гражданского общества, заложенные в этой концепции, оказались настоятельно востребованными и сегодняшним развитием. Именно эти принципы (главное — конкурентный, эффективный рынок, предоставляющий «Шансы для всех») остаются и сейчас базовыми в ходе осуществляемой модернизации германской экономики.

Экспертное сообщество Германии исходит сегодня из того положения, что усиливающиеся процессы глобализации, обесценивая в известной мере действенность локальных (национальных) устояв-

шихся взаимосвязей и взаимодействий между промышленностью, сферой образования и наукой, а также их управленческим и политическим обеспечением, не означают демонтаж отечественной инновационной системы и ее последующую унификацию по международному образцу. Напротив, доминирующий подход предусматривает адекватную модернизацию этой системы с сохранением традиционных национальных преимуществ инновационного развития. Причем такое совершенствование не мыслится без определяющей роли в нем государства и системной государственной политики[1].

Рельефно проявляющаяся тенденция к усложнению формирующихся инновационных систем, появление множества ее звеньев, не поддающихся зачастую адекватному ранжированию, диктуют необходимость наряду с селективными мерами (focused approach) использовать широкий и емкий портфель мероприятий по поддержке инновационного развития в целом, так называемый целостный подход (holistic approach). Такое комплексное использование широкой палитры инструментов и ставится сегодня во главу угла современной политики по инновационному обновлению национальной экономики. Этот подход предполагает системное использование значительно более широкого, чем ранее, комплекса инструментов хозяйственного регулирования, нацеленных на решение множества задач инновационного развития по созданию для хозяйствующих субъектов и наемной рабочей силы благоприятных «локальных» рамочных условий, содействующих повышению их конкурентоспособности.

Это прежде всего меры, направленные на повышение международной конкурентоспособности национальной инновационной системы, и особенно таких ее составляющих, как образование и научные исследования, обеспечение процессов ускоренного воспроизводства нововведений, предотвращение возникновения в обществе социальных противоречий и конфликтов. Кроме того, важное внимание уделяется координированию национальной инновационной политики с аналогичными мерами коммунитарного и общеевропейского уровня и в соответствии с интеграционными тенденциями мирового масштаба.

И наконец, надо отдавать себе отчет и в том, что в инициировании и реализации происходящих инновационных перемен в Германии исключительно важен вклад гражданского общества, инициатив и «давления» снизу.

---

[1] Hariolf Grupp, Harald Leger, Georg Licht. Technologie und Qualifikation für neue Märkte. Ergaenzender Bericht zur technologischen Leistungsfaeigkeit Deutschlands 2003–2004. Bonn, Berlin, 2004. S. 91.

Переход на новую, инновационную парадигму экономического роста в условиях неблагоприятной мировой общехозяйственной конъюнктуры оказался не простой задачей для Германии. В полной мере это относится к проблемам формирования национальной инновационной системы, которая, будучи одной из наиболее развитых и эффективных в мире, в последние полтора десятилетия несколько сдала свои позиции (см. рис. 12.1).

Рисунок 12.1

Сравнительные позиции Германии по главным параметрам национальной инновационной системы*

* В сравнении с блоком стран, включающим государства «Большой семерки», а также Швейцарию, Швецию, Нидерланды, Республику Корея, Финляндию.

Источник: Hariolf Grupp, Harald Leger, Georg Licht. Technologie und Qualifikation für neue Maerkte. Ergaenzender Bericht zur technologischen Leistungsfaeigkeit Deutschlands 2003–2004. Bonn, Berlin, 2004. S. 2.

Среди прочего происходит сравнительно более медленная структурная адаптация ее экономики. Хотя страна и продолжает занимать по многим структурным показателям развития инновационной систе-

мы «высокие» места, очевидна все же серьезная сдача завоеванных в начале 90-х годов прошлого века рубежей. Наряду с сохранением второго и третьего места среди наиболее успешных 12 стран рыночной экономики, соответственно по показателю наукоемкости экономики и выпуску обучающихся в средних учебных заведениях и даже улучшив свои позиции по объемам зарубежного патентования, Германия все же заметно уступила свои позиции по торговле наукоемкой продукцией, затратам на НИОКР, развитию научных исследований, и в первую очередь по выпуску специалистов, оканчивающих технические вузы. Наиболее низкие места Германия стала занимать по инвестициям в информационные и коммуникационные технологии.

Другая характерная особенность развития национальной инновационной системы Германии состоит в том, что последняя получает стимулы к своему развитию преимущественно не за счет внутренних источников, чему препятствует сравнительно вялая динамика общехозяйственной конъюнктуры, а главным образом от импульсов, идущих с мировых рынков. Растущая динамика зарубежного патентования свидетельствует, в частности, и том, что научно-технологический потенциал данной системы ориентирован прежде всего на удовлетворение потребностей мирового рынка в наукоемких товарах и услугах.

Главную причину отмеченного отставания от других развитых стран в инновационном развитии германские эксперты видят в стратегическом недоинвестировании сферы НИОКР, образования, информационных технологий и средств связи. Предпринимаемые в последние годы отдельные меры по исправлению данной негативной ситуации не могут пока действенно противостоять этому. К тому же недостаточная обеспеченность страны сырьевыми ресурсами и энергоносителями вкупе с традиционно высокой стоимостью рабочей силы серьезно осложняет решение данной задачи, существенно ограничивая возможности мобилизации необходимых для этого финансовых ресурсов.

К одной из наиболее важных причин сравнительно менее благоприятной динамики инновационного развития Германии относят также то обстоятельство, что, несмотря на политически декларируемую приоритетность инвестирования в научные исследования и инновации, динамика вовлеченности государства в сферу НИОКР остается в Германии более слабой по сравнению с другими развитыми странами.

Доля финансирования НИОКР германским государством из расчета на единицу ВВП сократилась за 90-е годы прошлого столетия с 1 до 0,8%. Примерно на 3% сократилось государственное финансирование гражданских НИОКР (1991–2003), в то время как, например, в странах-лидерах — Японии и США — оно выросло примерно на 80

и 60%, в Финляндии, Великобритании и Франции — на 35%, 35% и 14% соответственно[1].

Объем финансирования высшего образования в расчете на одного студента в Германии (около 7 тыс. долл.) остается сегодня более чем в 2 раза ниже, чем в США (более 20 тыс. долл.). Они оказываются также ниже, чем в большинстве крупных стран Западной Европы, за исключением Италии и Испании[2].

Снижается сравнительная привлекательность страны для ученых и предпринимателей как научно-исследовательского и инновационного центра.

Возникает излишняя конкуренция за ограниченные кадровые ресурсы между научно-исследовательскими и образовательными учреждениями.

Нехватка высококвалифицированных кадров становится серьезным препятствием для налаживания тесного взаимодействия между бизнесом и наукой, столь необходимого, в частности, для малого предпринимательства, особенно в инженерных областях. На этих предприятиях в Германии наиболее высока доля наукоемкой продукции в общем объеме ее выпуска. Поэтому недостаточная поддержка осуществляемых ими инновационных проектов со стороны сравнительно крупного в Германии сектора государственных научно-исследовательских организаций, в том числе по кадровой составляющей, становится критической.

В целях улучшения рамочных условий для проведения научных исследований и освоения нововведений, повышения квалификации рабочей силы, снижения бюрократических препон, а также упрочения взаимодействия между наукой и промышленностью в начале текущего десятилетия государством запущена инициатива «Партнерство во имя инноваций». В рамках этого направления осуществляется ряд государственных программ, среди которых такие, как «Пакт во имя исследований и разработок», «План действий для инноваций в мелком и среднем предпринимательстве», «Инициатива по формированию центров совершенства». Кроме того, «Повестка дня — 2010» содержит комплекс мер, нацеленных на активизацию и повышение инвестиционной активности в инновационной, научно-исследовательской и образова-

---

[1] Рассчитано по: Hariolf Grupp, Harald Leger, Georg Licht. Technologie und Qualifikation für neue Märkte. Ergaenzender Bericht zur technologischen Leistungsfaeigkeit Deutschlands 2003–2004. Bonn, Berlin, 2004. S. 12.

[2] Giovany Dosi, Patrick Llerena, Manro Sylos Labini. Evaluating and Comparing the innovation performance of the Unites States and the European Union // Expert report prepared for the Trend Chart Policy Workshop, 2005. P. 22.

тельной сферах. В разработке этих и других аналогичных инициатив участвуют представители парламента, правительства, промышленности и всех иных заинтересованных сторон, включая институты гражданского общества. Данные инициативы во многом содействовали сохранению и упрочению Германией своего места среди сегодняшних лидеров инновационного развития не только в рамках ЕС, но и в мировом масштабе. Сегодня она по показателю так называемого суммарного индекса инновационного развития (SII) входит наряду со Швейцарией, Финляндией, Швецией и Данией, а также с США и Японией в семерку мировых лидеров[1]. Причем по темпам прироста данного показателя Германия опережает все страны, входящие в группу лидеров инновационного развития, уступая лишь Японии.

Рисунок 12.2

Сравнительная характеристика инновационной системы Германии по состоянию на середину текущего десятилетия

Источник: построено по данным Anthony Arundel & Hugo Hollanders. Innovation Strengths and Weaknesses // MERIT, December 5, 2005. P. 58.

[1] Результаты расчетов данного индекса см. подробно: www.trendchart.org. Compartive analysis of innovation performance. European Innovation Scoreboard, 2005, p. 5. Аналогичные результаты получены и при расчете так называемого глобального индекса инновационного развития, рассчитываемого по менее репрезентативному набору показателей, см.: Hugo Hollanders and Antony Arandel. "Global Innovation Scoreboard" (GIS) Report. EC. MERIT, December 4. 2006. P. 11.

В то же время «Европейская шкала инноваций» (EUROPEAN INNOVATION SCOREBOARD (EIS)) — главный статистический инструмент для детального оценивания различных составляющих инновационной системы — дает возможность провести ее детальный анализ для Германии по состоянию на середину текущего десятилетия по 26 индикаторам, сгруппированным в 5 агрегированных индексных групп, отражающих как затраты на развитие этой системы, так и их результативность. Эти пять показателей дополнены двумя индексами, характеризующими качество управления инновационным развитием и спрос на инновации (см. рис. 12.2).

Наиболее сильные стороны инновационной системы Германии проявляются в создании знаний, новаторском предпринимательстве, а также формировании интеллектуальной собственности. Эти преимущества, особенно в обоих показателях, характеризующих «выпуск» инновационной системы, формируются в условиях некоторого отставания Германии от средних показателей для ЕС, отражающих результативность функционирования сферы образования («движители инновационного развития»), спрос на инновации и эффективность управления инновационным процессом.

Обобщенная характеристика сильных и слабых сторон национальной инновационной системы Германии представлена результатами SWOT-анализа, выполненного западными экспертами в рамках проекта изменения тенденций инновационного развития с использованием показателей «Европейской шкалы инноваций» (EIS), которые приведены в таблице 12.1.

Данные таблицы показывают, что Германия продолжает занимать прочные лидирующие позиции, в частности, по таким позициям, как удельный вес новаторских предприятий, устойчиво позитивный баланс торговли высокотехничной продукцией и товарами средней технической сложности. Это, как полагают, явилось результатом «инженерных» традиций, сохраненных в германских фирмах, а также сравнительно высокой квалификацией рабочих, поддерживаемой развитой в стране системой профессионального образования. Главные слабости связывают прежде всего с проявляющейся с 1992 г. неблагоприятной динамикой общехозяйственной конъюнктуры, приведшей к ухудшению условий финансирования мелких и средних предприятий, а также со снижением уровня среднего образования и недостаточного притока молодежи в вузы.

Таблица 12.1

Итоги SWOT-анализа системы Германии

Сильные стороны	**Слабые стороны**
• Высокая инновационная ориентация предприятий • Высокий уровень инвестиций в предпринимательский сектор • Высокий уровень компетенции в ходе объединения и интегрирования различных технологий • Прочная научная база и хорошо развитые связи по линии наука-производство	• Неблагоприятные макроэкономические условия • Низкий внутренний спрос • Наличие препятствий для финансирования нововведений в мелких и средних предприятиях и во вновь образуемых фирмах (например, нехватка рискового капитала) • Чрезмерное регулирование, бюрократизация, негибкость рынков труда
• Сильные позиции германских предприятий на международных рынках • Благоприятные масштабы и структура предпринимательского сектора для развития НИОКР • Хорошо образованная рабочая сила, занятая в промышленности	• Низкие показатели эффективности системы образования (качество подготовки и удельный вес высококвалифицированных кадров)
Возможности	**Угрозы**
• Лидирующие технологические и рыночные позиции в автомобилестроении, которое все еще остается в мире быстрорастущим рынком • Сильные позиции на растущих рынках (вновь присоединившиеся страны, Китай)	• Сильная зависимость от автомобильного кластера • Развивающаяся нехватка высококвалифицированных трудовых ресурсов • Утрачивание технологической эффективности в ряде секторов, продолжительное время игравших ключевую роль в обеспечении высокой Германии международной конкурентоспособности

* В сравнении с блоком стран, включающим государства «Большой семерки», а также Швейцарию, Швецию, Нидерланды, Республику Корея, Финляндию.

Источник: Annual Innovation Policy Report for Germany. Covering period: September 2003 — August 2004. European Trend Chart Innovation. European Commission. Enterprise Directorate-General, 2005. P. ii.

Тем не менее, ФРГ продолжает сохранять прочные позиции в группе стран — лидеров инновационного развития. Возрастает доля научных публикаций ученых из этой страны в общем мировом

объеме. Объемы германского зарубежного патентования превышают средние показатели по ЕС и ОЭСР (227 патентов на 1 млн занятых, против соответственно 182 и 152). Результаты научных исследований находят все более растущее воплощение в новых продуктах и услугах. За первые три года текущего десятилетия доля предпринимателей, выпускающих новые продукты и технологии, увеличилась более чем в полтора раза.

Рисунок 12.3

Динамика образования новых компаний в Германии в 1995–2006 гг. в различных секторах экономики (1995 г. = 100)

Источник: составлено по расчетам Центра европейских исследований (Германия) // Start-ups zwischen Forschung und Finanzierung: Hightech-Grundungen in Deutschland. ZEW 2007.

Германия занимает лидирующие позиции на мировом рынке наукоемкой продукцией (ФРГ — 14%, США — 13,2%, Япония — 10,7%)[1]. Среднегодовые темпы прироста ее экспорта превышают в последние годы 8%. С середины 90-х годов прошлого века заметно возросла международная конкурентоспособность германских предпринимателей.

[1] Studien zum deutschen Innovationssystem. Forschungs- und wissensintensive Wirtschaftszweige in Deutschland: Außenhandel, Spezialisierung, Beschäftigung und Qualifikationserfordernisse // Niedersächsisches Institut für Wirtschaftsforschung 2007. No 17. S. 25.

Среднегодовые темпы прироста объемов производства и занятости в отраслях, осуществляющих инвестиции в НИОКР, превышают средние значения. За период с 1998 по 2008 г. удельный вес затрат на НИОКР в ВВП страны увеличился с 2,31 до 2,54% соответственно[1]. Вновь создаваемые компании в наукоемких секторах экономики играют сейчас решающую роль в смене поколений технологий. Именно такие компании находятся сегодня в авангарде разработки радикальных нововведений, новых технологических решений и продуктов и их широкого практического применения. Поэтому динамика возникновения таких компаний служит важной характеристикой инновационного развития. Применительно к Германии эту динамику за последнее десятилетие нельзя оценить как благоприятную (см. рис.12.3).

Недавние исследования, проведенные Кильским экономическим институтом, а также Центром европейских исследований, показали, что новые предприятия возникают не равномерно, а сосредотачиваются в определенных районах Германии и, как правило, в непосредственной близости от крупных городов федеральных земель[2]. К тому же новые инновационные компании концентрируются главным образом в старых землях Германии, свидетельствуя о продолжающемся сохранении относительной инновационной отсталости Востока Германии[3]. Причем они располагаются в основном в ареале Мюнхена, Гамбурга, западной части Берлина, Штутгарта, Кёльна, промышленного региона Миттельфранкен, а также в районе бассейна рек Рейна и Майна. Среди критических факторов, определяющих такое территориальное «размещение» новых инновационных компаний, оказались доступность новейших научно-технических достижений, представленных в формализованном виде в качестве патентов и лицензий, возможность финансирования научных исследований и разработок и привлечения качественного человеческого капитала, а также наличие в этих зонах источников рискового финансирования (численность фондов и компаний, предоставляющих рисковый капитал). Причем первый и последний факторы, как показала верификация регрессионных моделей, оказывают наиболее существенное воздействие на размещение в регионах инновационных компаний[4].

---

[1] Deutsche Wirtschaft. 3 Quartal 2008 // Statistisches Bundesamt. 2008. S. 10.

[2] Start-ups zwischen Forschung und Finanzierung: Hightech-Grundungen in Deutschland // ZEW, 2007. S. 12.

[3] Dirk Dohse and Andrea Schertler. Explaining the Regional Distribution of New Economy Firms — A Count Data Analysis. Kiel Working Paper. 2003. No 1193.

[4] Ibid. P. 21.

Пока сохраняется отставание восточных земель по развитию и эффективности использования инновационного потенциала, несмотря на беспрецедентную по своим масштабам оказанную им помощь со стороны Запада и правительства Германии в так называемом восстановлении. Процесс «инновационного» выравнивания весьма далек от своего завершения и будет более продолжительным, чем это ожидалось ранее. Существенные различия проявляются не только в значениях показателей вовлечения инновационных ресурсов, но и в эффективности их использования. Так, если по доле предприятий обрабатывающей промышленности, получающих поддержку НИОКР со стороны государства, Восток Германии (более 30% всех предприятий) во второй половине 90-х годов прошлого века примерно втрое опережал Запад (до 10% фирм), то по производительности труда восточногерманские предприятия инновационного сектора сумели сократить свое отставание от западных фирм всего лишь с 45 до 30%[1].

В целом причина сравнительно слабых позиций Германии в создании новых инновационных компаний кроется не в общей отсталости национальной инновационной системы, а в недостаточной развитости ее отдельных элементов, среди которых особое внимание акцентируется на рынках рискового капитала[2]. Достижение высокого уровня их развития считается сегодня одним из основных условий повышения конкурентоспособности компаний на мировом рынке. Не случайно поэтому одну из своих важнейших задач немецкое правительство видит в создании стабильных и надежных рамочных условий для венчурной деятельности, в которой заняты порядка 970 тыс. человек. В противном случае у инвесторов не будет другой альтернативы, кроме перевода своих активов за рубеж.

В 2007 г., по данным Европейской ассоциация прямого инвестирования и венчурного капитала (EVCA), за счет венчурного капитала было профинансировано около 5600 компаний, 978 из них в Германии. Цифра это не большая, если учесть, что в этом же году порядка одного миллиона немцев открыли свое дело. Но было бы ошибкой считать, что венчурный капитал играет незначительную роль в поддержке малого бизнеса. Основное предназначение венчурных инвестиций — поддержка в первую очередь быстрорастущих инновацион-

---

[1] Рассчитано по: Cristian Rammer, Dirk Gzarnitzki. Innovationen und Gruendungen in Ost-deutschland // ZEW. Studien zum deutschen Innovationssystem. 2003. Nr. 15. S. 12, 13.

[2] Christian Rammer, Dirk Engel. Der Beteilingskapitalmarkt für junge Technologieunternehmen. // ZEW/ Studien zum deutschen Innovationssystem. 2003. Nr. 14. S. 11.

ных компаний. Большинство же создаваемых в Германии предприятий (около 70%) не являются ни инновационными, ни наукоемкими, и только 5% из оставшихся сочетают в себе две эти характеристики[1]. Основным движущим фактором для создания предприятия является желание получить работу. Достаточно много немецких граждан вступают на предпринимательскую стезю не для того, чтобы использовать благоприятный шанс и реализовать собственные идеи, а вынужденно, поскольку других более привлекательных источников существования в условиях безработицы у них нет. Это так называемые «вынужденные грюндеры», и их доля в общем числе начинающих предпринимателей в Германии составляет порядка 20–30%[2].

К созданию инновационной инфраструктуры Западная Германия приступила в 60-х годах. Тогда же начали формироваться первые фонды рискового капитала. Правда, изначально они занимались финансированием уже устоявшихся компаний на условиях негласного долевого участия, что, скорее, можно отнести к некой форме банковского кредитования. Цели данной инициативы состояли в продвижении инноваций и создании новых рабочих мест. Затем попытка создания рынка венчурного капитала была предпринята в 70-х годах в рамках программы восстановления Европы. Основной целью было поддержать молодые компании, путем финансирования начальных стадий их развития. Но и эта инициатива не привела к желаемым результатам. Только в 1975 г. была создана компания рискового финансирования (Wagnisfinanzierungsgesellschaft mbH — WFG). Это, пожалуй, был первый настоящий институт немецкого венчурного капитала. Однако благодаря некомпетентному вмешательству правительства, руководства образующих его банков и ряду других обстоятельств WFG была обречена на провал еще до того, как были сделаны первые инвестиции. В итоге в 1988 г. Deutsche Bank, выкупив ее долю у Dresdner Bank, Commerzbank, Bayerische Landesbank, и West LB включили WFG в свою дочернюю компанию Deutsche Beteiligungsgesellschaft mbH.

В 1979 г. была создана еще одна немецкая венчурная компания — Hannover Finanz GmbH, а три года спустя появился первый венчурный фонд. К 1984 г. фонд уже финансировал 27 компаний. К этому времени капитализация фонда составляла порядка 100 млн марок и почти

---

[1] Venture Capital: Bridge between idea and innovation? // Deutsche Bank Research, 2008. P. 4.

[2] Jörn H. Block. Unterschiedliche Eigenschaften von Necessity- und Opportunity-Gründungen und ihre Auswirkungen auf den Erfolg der Selbständigkeit // Technische Universität München, 2007. S. 2.

все крупные берлинские банки, а также ряд ведущих компаний, таких, как Siemens, Nixdorf, SEL, BMW и держали акции фонда[1].

Бурное развитие информационных технологий дало мощный толчок развитию мирового рынка рискового капитала в середине 90-х годов. Не осталась в стороне и Германия. Для развития быстрорастущих компаний Немецкая биржа (Deutsche Boerse) на своей институционально-организационной базе создала Новый рынок (Der Neue Markt), т. е. германский биржевой рынок быстрорастущих компаний. Это вызвало позитивную реакцию, как со стороны потенциальных получателей инвестиций, так и со стороны самих инвесторов. Для первых это было прорывом, поскольку финансирование новейших технологических направлений через банковские кредиты было невозможным по причине отсутствия должных гарантий, а доступ на регулярный рынок акций был ограничен в связи с незначительным возрастом компаний. Инвесторы, в свою очередь, приветствовали открывающиеся широкие возможности участвовать в стремительном развитии технологического сектора. Инвестиции во вновь создаваемые компании в 2000 г. достигли 1,5 млрд евро, а в сумме венчурные инвестиции составили порядка 3,7 млрд евро., т. е. почти в 8,8 раза больше, нежели в 1995 г.[2]

Однако повторения германского экономического чуда не произошло. Через несколько лет выяснилось, что радужные ожидания были преждевременными. В 2003 г. новый рынок был закрыт. Причинами закрытия послужили, по оценкам экспертов, крах «dot.com», плохая организация новой биржи, а также либеральные условия листинга, которые спровоцировали появление целого ряда мошенников, успешно использовавших настроение подъема на фондовом рынке для тривиального воровства в более чем «особо крупных размерах». В конечном итоге все компании с Neuer Markt были переведены на материнскую биржу во Франкфурт-на-Майне[3]. И хотя Neuer Markt как биржевой сегмент развалился и объемы венчурного капитала резко упали, финансовые институты, тем не менее приобрели взамен ценный опыт в области финансирования инновационных предприятий.

После подъема в конце 90-х годов рынок рискового капитала в период с 2001 по 2003 г. находился в процессе консолидации, что было обусловлено проблемами с привлечением средств, количественными и качественными изменениями в инвестировании проектов. Эти про-

---

[1] Nevermann and Falk cite "Wettbewerb der VC-Gesellschaften", in "FAZ", October 24, 1984.

[2] Das Jahr 2006 in Zahlen // BVK Statistik, 2007. S. 34.

[3] Блеф по-европейски. Бизнес. 2002. № 16 (484). Режим доступа: http://www.business.ua/i483/a11268.

блемы, порожденные крахом рынка капиталов, привели к тому, что в период с 2002 по 2004 г. создание новых венчурных фондов было почти невозможным. Многие инвесторы, напуганные колоссальными потерями, отвернулись от рынка рискового капитала. Сегодня эти проблемы постепенно решаются. Проводимые правительством административно-правовые мероприятия создают определенные правовые гарантии для инвесторов, которые снова готовы финансировать создание венчурных фондов в Германии, что и стало происходить с 2005 г. Примечательно, что помимо фондов выкупа мобилизацию капитала возобновили венчурные фонды, особенно те из них, которые специализируются на финансировании самых ранних стадий развития компаний.

Преодоление отмеченных негативных явлений эксперты связывают с рядом наметившихся на рынке рискового капитала в Германии в последнее годы позитивных тенденций. Новое поколение предпринимателей начинает способствовать развитию отрасли рискового капитала, хотя о его подъеме говорить пока еще рано. Многие институциональные инвесторы по-прежнему неохотно идут на поддержку венчурных фондов, зачастую выбирая менее рисковые проекты и вкладывая инвестиции в «старожилов» рынка. Поэтому, несмотря на то, что инвестиции в так называемые достартовые стадии стали постепенно возрастать, многие молодые компании пока еще не в состоянии привлечь необходимые средства.

Крупные венчурные фонды вновь с оптимизмом смотрят на развитие рынка рискового капитала Германии. Этот оптимизм обусловлен не только некоторым улучшением в стране общехозяйственной конъюнктуры, но и тем обстоятельством, что результаты деятельности молодых компаний начали приносить свои плоды. Восстановлению рынка рискового капитала конца 90-х годов способствует и устойчивый рост слияний и поглощений компаний и рынка акций. Хотя Deutsche Boerse и отстает от признанных лидеров — London Stock Exchange и Euronext, у нее, по оценкам экспертов, имеется значительный потенциал развития. Инфраструктура первичных размещений, в особенности для малых и средних компаний, постоянно развивается. В 2003–2004 гг. Deutsche Boerse был разработан, а в 2005 г. запущен специальный пакет требований (Entry Standard — вступительный стандарт) для небольших компаний, позволяющих им осуществлять первичное размещение акций IPO[1]. При разработке были учтены ошибки Neuer Markt, а также

[1] Deutsche Boerse. Entry Standard — Maßgeschneiderter Kapitalmarktzugang für Small- und Midcaps.

использован опыт лондонского альтернативного инвестиционного рынка (AIM)[1]. Немецкие инвесторы и компании положительно отнеслись к данной инициативе и все меньше обращают внимания на зарубежные площадки, отдавая предпочтение национальной бирже во Франкфурте-на-Майне. Для венчурных же инвесторов снова стал доступным один из способов выхода из инвестиций. Так, среди 35 компаний, которые вышли на франкфуртскую биржу в период с 2002 по 2006 г., 15 были профинансированы за счет рисковых инвестиций. Опрос Немецкой ассоциации компаний частного долевого и венчурного капитала показал, что почти 2/3 из них имеют в своем портфеле хотя бы одного кандидата на выход через биржу. Из 126 таких кандидатов 81 планировал провести IPO в 2007 и 2008 гг.[2]

Все же далеко не все компании рискового капитала выбирают для своих портфельных фирм в качестве способа выхода именно биржу. Исторически сложилось так, что крупными донорами венчурных фондов являются банки, сберегательные кассы и пенсионные фонды, которые в итоге предпочитают прямую продажу (trade sale) в качестве варианта выхода из инвестиций, нежели IPO.

Сегодня венчурные фонды стараются вкладывать средства в более поздние стадии развития компаний, так как достартовое финансирование (seed financing) является слишком рискованным мероприятием. Согласно статистике начиная с 2003 г. основная часть венчурных инвестиций направляется в так называемую стадию расширения (expansion), тогда как в предыдущие годы значительные средства направлялись также и в стадию становления. Это обстоятельство, однако, нельзя рассматривать как свидетельство снижения роли венчурного капитала в создании и развитии новаторских компаний. Подход к инвестиционным стратегиям со стороны венчурных капиталистов становится более взвешенным. Наряду со снижением вложений в ранние стадии рискового предпринимательства прослеживается и другая тенденция, свойственная, впрочем, рынку рискового капитала всего ЕС, — с 2001 г. постепенно возрастает финансирование выкупов. В основном это выкуп управляющими (MBO) или выкуп с использованием заемных средств (LBO). В 2007 г. 79,6% всех инвестиций было направлено на финансирование выкупов, тогда как в 2005 г. эта цифра составляла 58%, а в 2000 г. на MBO, MBI и LBO приходилось лишь

---

[1] Альтернативный инвестиционный рынок (Alternative Investments Market, AIM существует с 1995 г. при Лондонской фондовой бирже и обеспечивает путь к финансированию для новых растущих компаний).

[2] BVK Studie. IPO-Markt 2007 — Einschätzung der aktuellen Boersensituation aus Sicht der deutschen Beteiligungsgesellschaften // BVK, 2007. S. 12.

16,4%. Общая сумма инвестиций, привлеченных для финансирования выкупов, составила в 2007 г. 3,285 млрд евро[1].

Таблица 12.2

Финансирование компании на различных стадиях их развития (количество компаний)

Финансирование компаний на различных стадиях их развития	2003	2004	2005	2006	2007
Seed (достартовое)	28	26	20	68	128
Start-up (стартовое)	324	330	325	269	339
Expansion (на стадии расширения)	441	490	521	507	479
MBO (выкуп управляющими)	25	36	57	72	63
MBI (выкуп внешними управляющими)	6	5	8	8	17
LBO (выкуп с использованием заемных средств)	20	19	17	12	20

Источник: составлено по данным Немецкой ассоциации венчурного капитала.

Несомненно, процесс выкупа акций компаний не только стимулирует дальнейшее их развитие и рост, но и способствует сохранению существующих рабочих мест и созданию новых, а выкупающие компанию инвесторы реализуют программы оздоровления бизнеса, помогая равняться на новые требования рынка, формировать новую общую, финансовую и маркетинговую стратегии. Отношение европейских экономистов к увеличению доли инвестиций, идущих на финансирование поздних стадий развития компаний, нельзя назвать однозначным. Одни полагают, что схемы выкупа отвлекают средства от инвестирования в инновационную деятельность. Другие утверждают, что роль такого рода инвестиций, наоборот, недооценивается, а на самом деле является «позитивным вкладом в развитие экономики на долгосрочную перспективу»[2]. Тем не менее, анализ роста количества

[1] Das Jahr 2000 in Zahlen; das Jahr 2007 in Zahlen // BVK Statistik, 2000, 2007.

[2] Survey of the Economic and Social Impact of Management Buyouts and Buyins in Europe // EVCA. 2001. P. 21; Die Bedeutung von Buy-Outs/Ins für unternehmerische Effizienz, Effektivität und Corporate Governance // DIW, Berlin. 2008. P. 5.

компаний, профинансированных за счет рисковых инвестиций на начальных стадиях своего развития, позволяет сделать вывод о возобновлении направления венчурного капитала в молодые компании (табл. 12.2). Не смотря на то, что на долю венчурного капитала приходятся относительно небольшие объемы средств, количество таких фирм растет с каждым годом.

Одну из ведущих ролей в финансировании малых инновационных предприятий играет Фонд формирования высокотехнологичных компаний (High-Tech Gründerfonds), который был создан в 2005 г. Федеральным министерством экономики и технологий совместно с банковской группой KfW и компаниями BASF, Siemens и Deutsche Telekom. Кроме того, последний опрос крупнейших германских фондов венчурного капитала, проведенный консалтинговой компанией Fleischhauer, Hoyer & Partner, показывает, что более 40% респондентов собираются больше вкладывать в молодые компании, на ранних стадиях их развития. При этом двумя годами ранее, порядка 45% инвесторов не собирались увеличивать инвестиции, а 30% и вовсе планировали их сократить[1].

Разнообразные источники рискового финансирования отличает высокая изменчивость динамики их структуры в зависимости от конкретной ситуации на рынках венчурного капитала, определяемой как состоянием национальной и мировой общехозяйственной конъюнктуры, так и мерами их регулирования со стороны правительства и частного бизнеса. Структура основных поставщиков частного рискового капитала меняется от года в год. По итогам 2005 г. основными поставщиками частного рискового капитала в Германии явились пенсионные фонды (37,4%), фонды фондов (14,4%), кредитные институты (11,6%), страховые компании (8,1%) и госсектор (7,7%). Но уже в 2006 г. эта структура кардинально изменилась. На первое место вышли фонды фондов (19,1%), частные инвесторы заняли второе место (17,9%), на кредитные институты и страховые компании пришлось 13,4 и 12,5% соответственно. В 2007 г. основными поставщиками капитала стали страховые компании (24,1%), фонды фондов (15%) и кредитные институты (12,1%)[2].

Похожие изменения происходят и в структуре реципиентов рисковых инвестиций — она постоянно меняется. Однако в этом случае прослеживаются определенные тенденции. Во-первых, наибольшую долю занимают традиционные отрасли. В 2007 г. 26,3% инвестиций

---

[1] Branchenbarometer am Plus der Zeit // FHP Private EquityConsultants, 2007. S. 13.

[2] Das Jahr 2005–2007 in Zahlen // BVK Statistik, 2007. S. 5.

было направлено на развитие рынка потребительских товаров, почти 14% в отрасль машиностроении, 12,5% на развитие коммуникаций[1]. Это еще раз подтверждает тот факт, что пока экономика Германии нацелена на развитие высокотехнологичных, но при этом не инновационных отраслей. Во-вторых, снижение инвестиций в медицину, в био- и новые компьютерные технологии, как полагают эксперты, вероятно, остановится и пойдет обратный процесс — увеличение потока инвестиций в эти отрасли. Стоит также отменить, что наряду с этими отраслями в последние годы в стране стал активно развиваться так называемый сектор «чистых технологий» (cleantech), охватывающий различные источники альтернативной энергии и инновационные материалы и новые виды транспорта. Это открыло новые возможности для венчурного предпринимательства в стране, которая не только признается лидером в производстве и использовании высококлассного медицинского оборудования, наноматериалов, лазеров, но занимает твердую позицию в области передовых экологически «чистых технологий»[2].

12.2. Организационно-институциональная поддержка государства

12.2.1. Инновационная политика

Впервые унифицированная концепция инновационной политики Германии была подготовлена в 2002 г. тогдашними Федеральным министерством образования и научных исследований (BMBF) и Федеральным министерством экономики и труда (BMWA), ныне Федеральным министерством экономики и технологий (BMWi). В ней инновационная политика рассматривается в качестве «центральной компоненты, ориентированной в будущее политики обеспечения роста и занятости»[3]. Иными словами, ключевым положением этой концепции признается превращение данной политики в основную составляющую политики экономической. Главной задачей провозглашается стимулирование инноваций в компаниях и обществе в целом и повышение занятости[4].

---

[1] Das Jahr 2005–2007 in Zahlen // BVK Statistik, 2007. S. 9.

[2] Empirische Analyse 2005; Basis 56 Interviews u.a. mit BASF, Dow Chemical, Fraunhofer Patentstelle, GE, IBM, Intel Venture, Microsoft, Novartis, Roche, Siemens, Sony Europe, Zeiss // FHP Private EquityConsultants.

[3] More Dynamic for Competitive Jobs. Innovation Policy // FMET, FMER, Bonn, 2002. P. 3.

[4] Ibid. P. 8.

Сферы действия данной политики распространяются от формирования благоприятных общих условий для воспроизводства инноваций (проведение либерализации ранее регулируемых рынков, улучшение системы образования и профессиональной подготовки кадров, реализация мер по активизации новых бизнесов, мелкого и среднего предпринимательства, поддержки университетов и научно-исследовательских институтов) до стимулирования процессов передачи технологий и активизации социального диалога. Не в последнюю очередь концепция предусматривает наиболее полное вовлечение в инновационные процессы, как мужчин, так и женщин германского общества, поскольку считается, что принятие и поддержка нововведений со стороны всех его членов являются важным условием успеха инновационных преобразований.

Можно считать, что в свете положений теории инновационной системы данная концепция предполагает комплексную поддержку как той части этой системы (ядра), которая призвана осуществлять получение новых знаний, так и сферы (оболочки) ее обеспечения (кадрового, институционального, инфраструктурного, финансового и др.), без которой становится невозможным расширенное ускоряющееся воспроизводство этих знаний, адекватное требованиям сегодняшнего дня. Соответственно сама инновационная политика предстает в качестве стержневого элемента самой общеэкономической политики, вбирая в себя и подчиняя себе наиболее существенные компоненты последней: политику в области образования, научных исследований, промышленности, финансов, налогов, поддержания конкурентоспособности, развития трудовых ресурсов, институционального, инфраструктурного обеспечения и в ряде других сфер.

Можно выделить примерно одинаковые по значимости три группы приоритетов национальной инновационной политики, которые в агрегированном виде, как это представлено в Европейской карте инновационных тенденций, включают в себя: формирование инновационной культуры; создание рамочных условий, содействующих нововведениям; воплощение результатов исследований в инновации[1]. Формулирование политики в области инновационного развития, как и в других сферах, вырабатываются в Германии в ходе парламентского процесса, в котором принимают участие члены парламента, политических партий, представители правительства, специалисты из сферы государственного управления, из соответствующих федеральных и зе-

[1] Annual Innovation Policy Report for Germany // European Trend Chart on Innovation. European Commission, October 2002 — September 2003. P. 15.

мельных министерств, а также другие эксперты, приглашаемые для обмена мнениями. Все законодательные акты проходят одобрение обеих палат федерального парламента (Bundestag, Bundesrat). Члены второй палаты, состоящие из представителей земель, могут вносить поправки в законопроекты.

Координация политики в области научных исследований и образования осуществляется «федерально-земельной комиссией» (Bund-Laender-Kommission, BLK). BLK представляет собой постоянный форум для обсуждений соответствующей проблематики, по результатам которых разрабатываются рекомендации для федерального и местных правительств. Выработка общих подходов по вопросам инновационной политики осуществляется в рамках соответствующего «федерально-земельного комитета» (Bund-Laender-Ausschuss). Разработка рекомендаций по вопросам структуры и содержания образовательных учреждений, различных институтов сферы НИОКР, а также создания новых университетов осуществляется Научным комитетом (Wissenschaftsrat) — консультативным органом, обслуживающим федеральное и земельные правительства.

Выработку мероприятий инновационной политики осуществляют с использованием информации, поступающей из разных источников. Этот процесс включает в себя обсуждение предложений представителей промышленных ассоциаций, союзов, профессиональных объединений, неправительственных организаций, которые высказывают свои мнения по вопросам инновационного развития посредством проведения конференций, заявлений для прессы, докладов и обращений к парламенту, индивидуальных дискуссий с политиками. Органы федерального и земельного управления в лице министерств и других ведомств подготавливают большое количество материалов по отдельным наиболее важным вопросам инновационной политики, включая изучение и анализ наилучшего опыта.

Важным инструментом обмена мнениями между всеми заинтересованными в обсуждении сторонами служат тематические семинары, в ходе которых вырабатывается общее видение объективных требований, предъявляемых к инновационной политике. Существенным в таком процессе оказывается также обмен мнениями на конференциях и семинарах по вопросам разработки конкретных вопросов национальной инновационной политики между представителями различных ведомств, организуемых федеральными или земельными органами исполнительной власти.

В последние годы в связи с развитием практики так называемой «открытой координации» в ЕС в ходе выработки и реализации наци-

ональной политики во все в большей степени во внимание принимаются задачи, ориентиры и установки коммунитарного уровня. Усиливается координация в этой области также по линии европейских программ («Эврика», КОСТ, ЕНФ и др.) и с директоратом по науке, технологии и промышленности ОЭСР. Среди главных новшеств инновационной политики можно отметить заметные сдвиги в формулировании ее приоритетов, сопровождаемые их конкретизацией.

В последних ежегодных докладах о тенденциях инновационной политики главный акцент делается на следующих трех направлениях[1]:

- улучшение условий для инновационной деятельности, особенно по линии упрощения налогообложения и снижения его уровня для компаний, а также устранения административных препятствий для инновационной деятельности и возникновения новых предприятий;
- совершенствование системы образования и научных исследований в целях устранения дефицита в обеспечении высококвалифицированной рабочей силой и облегчения доступа к ней со стороны малых компаний, включая профессиональное обучение и подготовку кадров на местах в ходе производственного процесса, предоставление государственной научно-исследовательской базы для осуществления совместных инновационных проектов в рамках государственно-частного партнерства;
- финансовая поддержка инновационной активности компаний в форме предоставления:
- грантов для проведения научных исследований в высокотехнологичных областях (например, целевые тематические программы НИОКР BMBF);
- дотаций на выполнение малыми компаниями научных исследований на кооперационной основе (например, программы BMWi типа ProInno);
- кредитов или рискового капитала новаторским малым компаниям для реализации инновационных проектов; консультационных услуг, научно-технической и информационной инфраструктуры инновационным предприятиям.

Главным объектом этой политики стало мелкое и среднее предпринимательство как в плане финансовой поддержки, так и в контек-

---

[1] Annual Innovation Policy Trends and Appraisal Report. Germany. 2006 // European Trend Chart on Innovation. European Commission. Enterprise Directorate-General, 2006. P. iv; INNO-Policy TrendChart — Policy Trends and Appraisal Report. Germany. 2007 // European Commission. Enterprise Directorate-General. 2007. P. 25.

сте создания благоприятных рамочных условий для его инновационной деятельности. Комплексная программа действий во имя новаторства на мелких и средних фирмах (High-tech Masterplan), принятая в начале 2004 г., является наиболее ярким подтверждением этому. Она призвана устранить препятствия к инновационному развитию данных предприятий, обусловленные относительным сокращением их научно-исследовательской активности и осложнением проблем, связанных с венчурным финансированием. Поэтому основное внимание в рамках этого направления сосредотачивается на совершенствовании рынка рискового капитала.

Произошло определенное смещение акцентов в ходе реформирования общественных институтов инновационной сферы в направлении совершенствования научно-исследовательской и «преподавательской» инфраструктуры национальных университетов, в то время как ранее главное внимание уделялось модернизации общественных научно-исследовательских организаций. Особое внимание стало уделяться модернизации форм и процессов обучения в соответствии с «болонским процессом», формированию в университетских структурах так называемых центров совершенства и коммерциализации, а также организации конкурсов на звание лучшего университета или факультета, победители которых получают существенное дополнительное финансирование. Поставлена цель превратить отдельные германские университеты в образцовые образовательные и научно-исследовательские организации мирового уровня.

Продекларированный BMBF в мае 2004 г. «Пакт во имя исследований и инноваций» предусматривает стабильное и постоянное возрастающее финансирование крупных общественных научно-исследовательских организаций Германии (Общество Макса Планка, Общество Фраунгофера, центры имени Германа фон Гельмгольца и др.). Со стороны же этих организаций ожидают ответных мер по повышению эффективности проводимых НИОКР, по разработке новых форм и механизмов их финансирования, а также усилению межинституционального взаимодействия и стимулирования активности молодых ученых. Можно отметить также заметную активизацию правительства в поддержке инновационного развития в целом. Федеральным уровнем предложен и реализуется ряд новых инициатив. В рамках долгосрочной программы «Повестка дня — 2010» 2004 год был провозглашен «годом инноваций», призванным дать новые импульсы развитию инновационных процессов, которые позволили бы, помимо всего прочего, содействовать достижению целей лиссабонского саммита. Поддержка инициатив в инновационной сфере декларирована правительством в качестве важ-

нейшей меры, органически дополняющей структурные реформы рынка труда и системы социального обеспечения и призванной повысить потенциал роста германской экономики. Одна из таких инициатив «Партнерство во имя новаторства» (Partnershaft für Innovation) предусматривает широкое и представительное обсуждение инновационной проблематики с участием всех заинтересованных сторон (правительства, бизнеса, научного сообщества, профсоюзов, гражданского общества) в целях выработки новых подходов и моделей стимулирования национального инновационного развития.

Главным событием в инновационной политике страны в последний период стала публикация правительством Германии в 2007 г. Белой книги по проблемам развития научных исследований и инноваций «Стратегия в области высоких технологий», в которой представлены утвержденные ключевые цели и приоритеты для бюджетного финансирования в сфере прикладных исследований и инноваций на ближайшие несколько лет. Эти ориентиры отличают высокая преемственность с аналогичными показателями истекшего десятилетия. Стратегия предполагает реализацию многочисленных инициатив и мероприятий, многие из которых явятся продолжением текущих государственных программ поддержки инновационного развития. Объем этого финансирования только на период 2006–2009 гг. определен в размере 14,6 млрд евро. Успешная реализации данной стратегии, как ожидают, может обеспечить создание новых 1,5 млн рабочих мест[1].

Среди новшеств германской инновационной политики, особенно актуальных для российских реалий, можно выделить следующие перемены.

• Переход в концептуальном обосновании и практике передачи технологии от линейной к нелинейной модели научно-технического прогресса, предусматривающей формирование открытых интегрированных сетевых инновационных институциональных структур.

• Перевод крупных публичных научно-исследовательских организаций с институционального на программно-ориентированное конкурсное финансирование.

• Введение в состав авторитетных общественных институтов прикладной ориентации отдельных крупных публичных специализированных научно-исследовательских организаций в целях придания последним большей инновационной ориентации. Например, слия-

---

[1] Policy Trends and Appraisal Report. Germany. 2007 // European Commission. Enterprise Directorate-General, 2007. P. 28, 29.

ние в 2001 г. крупнейшего в стране исследовательского центра в области информационных технологий с Обществом Фраунгофера.

• Совершенствование системы оплаты труда научно-исследовательского и профессорско-преподавательского состава высшей квалификации преимущественно на основе учета достигнутых результатов в работе.

• Введение в университетах должности "младший" профессор, содействующее профессиональному росту и позволяющее начинать самостоятельную преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность примерно на 10 лет раньше, чем это было возможно ранее (не в 40, а в 30 лет).

• Совершенствование законодательства по финансовой поддержке студенчества, позволившее существенно увеличить приток молодежи в вузы.

• Запуск специальных государственных программ по поддержке инновационной деятельности молодых ученых (EXIST-seed, EEF-Fonds, гранты и стипендии на покрытие затрат, связанных с профессиональным консультированием и приобретением прав на интеллектуальную собственность).

12.2.2. Основные участники формирования инновационной системы

Федеральная структура государственного устройства Германии обуславливает известное разделение труда между федеральными и земельными органами власти в поддержке инновационного развития при доминирующей роли в этом федеральных органов власти. На федеральное правительство возлагаются полномочия по формированию благоприятных для инновационной деятельности условий в области законодательства, общехозяйственной конъюнктуры и конкуренции. Оно отслеживает стратегические направления развития науки и научных исследований и пытается ориентировать технологическое развитие частного и государственного сектора, используя для этого четко сформулированные технологические, так называемые тематические, программы. В его полномочия входит финансирование комплекса крупных независимых с юридической точки зрения публичных научно-исследовательских институтов. В их число входят:

- 15 учреждений Объединения германских исследовательских центров им. Германа фон Гельмгольца (HGF), специализирующихся на решении комплексных научно-исследовательских задач и поиске системных решений;

- 58 институтов Общества Фраунгофера (PhG), ведущей организации в Германии в области организации прикладных исследований;
- различные государственные лаборатории, предлагающие широкий набор услуг — от проведения научных исследований до работ по тестированию и стандартизации, а также 77 научных учреждений Общества имени Макса Планка (MPG) по содействию развитию наук, ориентированных на прикладные исследования и передачу технологий;
- научно-исследовательские организации так называемого «голубого листа», входящие в Ассоциацию Лейбница и институты Академии наук.

Помимо этого Федеральное правительство поддерживает программы содействия развитию научно-исследовательского и инновационного потенциала мелкого и среднего предпринимательства (МСП), включая программы государственной банковской группы KfW, а также осуществляет поддержку проведения фундаментальных исследований путем софинансирования Германского научно-исследовательского общества (DFG) и специальных программ вузов.

Главными субъектами государственной инновационной политики являются федеральные министерства образования и научных исследований (BMBF) и экономики и технологий (BMWi). К компетенции BMBF относится финансирование инфраструктуры НИОКР, осуществление тематических научно-исследовательских и технологических программ, а также поддержка инновационного развития восточных земель. BMWi концентрирует свою деятельность на вопросах создания благоприятной конкурентной среды, на программах НИОКР в энергетике, авиации и средствах массовой информации, а также на содействии развитию малого предпринимательства. Последнее включает, в частности, финансирование Рабочего сообщества (ассоциации) промышленных научно-исследовательских объединений (Arbeitsgemainschaft Industrielle Forschungsvereinigungen, (AiF)) и институтов совместных промышленных исследований (Institutionen für Gemeinschaftsforshung), 48 из которых проводят собственные НИОКР.

Деятельность земельных правительств в лице министерств науки, часто носящих название министерств по вопросам культуры и министерств экономики, состоит главным образом в финансировании системы образования и институтов высшей школы. В стране насчитывается сегодня 350 вузов, из которых только 79 являются частными. Правительства земель совместно с федеральным правительством финансируют (поровну) упомянутые выше научно-исследовательские учреждения общественного сектора. Эти правительства осуще-

ствляют также программы регионального уровня по поддержке инноваций. В формулировании и реализации инновационной политики в той или иной мере задействованы также практически все другие основные министерства и ведомства Германии. Координация деятельности федерального и земельных правительств осуществляется совместной комиссией, в ходе неформального сотрудничества на парламентском уровне, а также в ходе формальных процедур обсуждений в соответствующих межпарламентских комиссиях и комитетах. Важную роль в разработке нового законодательства, регулирующего инновационную деятельность, в формулировании и реализации программ инновационного развития играют промышленные и профессиональные ассоциации, Федерация немецких профсоюзов и их отраслевые отделения, рассмотренные выше научно-исследовательские общественные организации, а также Федерация университетских президентов.

В общем виде инфраструктура общественных организаций сферы НИОКР может быть представлена в следующем виде с учетом их доли в общем объеме государственного финансирования исследований и разработок: университеты (включая технические, теологические, в сфере культуры и др.) — 52%, политехнические и прочие колледжи — 2%, ориентированные преимущественно на передачу технологий публичные научно-исследовательские институты — 7%, крупные научно-исследовательские организации, выполняющие стратегические миссии, — 16%, публичные научно-исследовательские институты, выполняющие фундаментальные исследования, — 11%, ведомственные научно-исследовательские институты — 12%.

Наиболее значимая роль в управлении публичной сферой НИОКР придается общественным специализированным НИИ, выполняющим функции по передаче технологии (например, институты Общества Фраунгофера), а также введению в состав наблюдательных советов научных организаций представителей промышленности. Среди посреднических организаций инновационной сферы наибольшее значение уделяется полугосударственным консалтинговым структурам в области технологического и инновационного развития, различным частным посредникам, а также объединенным в сети отраслевым организациям, проводящим совместные исследования. Частные операторы национальной инновационной системы представлены главным образом крупными международными и национальными компаниями, мелким и средним предпринимательством, часто входящим в сетевые структуры разной целевой и тематической направленности.

12.2.3. Политика в области научных исследований и образования

Политику в области научных исследований и образования сегодня в Германии рассматривают в качестве ключевого составного элемента национальной инновационной политики. Основные компетенции по разработке и реализации политики в области научных исследований и образования возложены на BMBF. Это министерство в качестве важнейшей цели своей деятельности рассматривает «укрепление инновационного потенциала страны посредством проведения высококлассных научных исследований и улучшения качества образования»[1]. Концепция политики министерства состоит в «поддержке технологий для новых рынков и в обеспечении рабочих мест». Важную роль в последние годы в выработке приоритетов и целей научно-технической политики играет запущенный BMBF проект «Будущее». В рамках этого проекта формируется платформа для диалогов о перспективном видении развития научных исследований. Итоги обсуждения формализуются в конкретные программы министерства и используются при принятии политических решений. В подобных обменах мнениями о доминирующем видении перспективной тематики на семинарах, конференциях или с использованием Интернета принимают участие более 1000 экспертов, среди которых представители правительства, науки, бизнеса и общественных организаций.

Одним из важнейших направлений деятельности министерства является совершенствование образовательных и научно-исследовательских структур в целях сохранения качественных преимуществ в международной конкуренции. Для этого используются следующие инструменты:

- установление стандартов для обеспечения качества образовательной и научно-исследовательской сферы (причем речь идет не о международных, а о национальных стандартах);
- поддержание курса на интернационализацию;
- раскрытие соответствующих институциональных и организационных структур, обеспечение их транспарентности;
- содействие конкуренции и кооперированию.

Одним из наиболее важных задач современной политики в области образования следует признать обеспечение «пожизненного обучения», которое декларируется сегодня в качестве критической компо-

[1] Heute die Zukunft gestalten // BMBF, 2005. S. 5.

ненты инновационного развития. В программе действий «Пожизненное обучение для всех», обнародованной BMBF в 2001 г., определены основные задачи в этой области и предложен комплекс мероприятий по их решению. Среди главных задач: сохранение высоких стандартов образования; поддержка стремления к обучению; формирование среды, содействующей преподаванию и обучению, а также обмену опытом и международному сотрудничеству в этой области. Среди мер можно особо выделить программу «Обучающиеся регионы», которая поддерживает формирование региональных сетей образовательных учреждений в целях освоения новаторских методов в образовательной сфере и в системе профессионального обучения.

12.2.4. Промышленная политика

Промышленная политика, как и политика в области научных исследований и образования составляет один из важнейших функциональных компонентов инновационной политики. Главной целью этой политики является не государственное регулирование (в традиционном его понимании) отдельных отраслей и производств, а создание необходимых рамочных условий для поддержания и усиления международных конкурентных позиций предприятий промышленности[1]. Сегодня, очевидно, можно говорить также и о государственном содействии встраиванию этих предприятий и прочего предпринимательства в канву национальной и коммунитарной инновационной систем. Именно такой подход отвечает положениям доминирующей в стране концепции социального рыночного хозяйства. Это не исключает, однако, и особых ситуаций, когда прямое вмешательство государства в процессы становления и развития отдельных отраслей промышленности считается необходимым и вполне приемлемым. Ярким примером такого прагматического подхода может служить мощная государственная поддержка процессов промышленной реструктуризации в восточных землях Германии, а также меры правительства по поддержке национальных компаний-чемпионов и традиционных стагнирующих отраслей в последние десятилетия прошлого века.

BMBF является главным правительственным ведомством, ответственным за разработку и реализацию промышленной политики. В его компетенцию входят вопросы финансирования инноваций с использованием заемных средств и инструментов венчурного финансирования, прямой поддержки НИОКР в малых и средних предприятиях,

[1] Die Deutsche Industrie. Europa- und weltweit in der ersten Reihe // BMWT, 2002. S. 38.

содействия развитию консалтинговых услуг в сфере технологий и патентования, антимонопольного контроля и либерализации рыночной среды.

12.2.5. Государственно-частное партнерство

Государственно-частное партнерство (ГЧП) является базовым элементом всей хозяйственной жизни Германии. Идея такого партнерства, по сути, заложена в самой концепции социального рыночного хозяйства, предусматривающей партнерские отношения между всеми его субъектами, при известном «разделении труда». На долю государства в этом случае падает преимущественно формирование конкурентного рынка и создание благоприятных для этого рамочных условий. Бизнесу же вменяется эффективная и ответственная в хозяйственном и социальном отношении деятельность. Таким образом, упомянутое партнерство следует рассматривать в качестве взаимодействия бизнеса и власти в ходе осуществления ими своих функций, но отнюдь не как какое-то совместно финансируемое конкретное предприятие или предпринимательство.

В последние два десятилетия в связи с активным продвижением этого инструмента сотрудничества государства и бизнеса в хозяйственную жизнь, связанным в первую очередь с необходимостью снижения дефицитов государственных бюджетов и правового регулирования данной сферы, предпринимаются настойчивые попытки более точной идентификации данного феномена. До сих пор, однако, унификации понятийного аппарата государственно-частного предпринимательства не произошло. В отдельных странах продолжают сохраняться определенные отличия в его определении. В Германии данный феномен рассматривают как мобилизацию частных капитала и специальных знаний для выполнения государственных задач. В широком смысле под этим термином понимают один из видов кооперационного взаимодействия между носителями государственной власти и частными экономическими субъектами. Во многих случаях оно подразумевает частичную приватизацию государственных компетенций[1]. По своей сути и понятийному содержанию такое кооперирование происходит тогда, когда в ходе взаимодействия партнеры объединяют свои различные сильные стороны. Поэтому, например, органы исполнительной власти страны федерального уровня опираются сегодня на функциональное смысловое определение, трактующее ГЧП как «дол-

[1] http://en.wikipedia.org/wiki/Public-private_partnership.

госрочное регулируемое на договорной основе сотрудничество между органами государственной власти и частным предпринимательством, в ходе которого происходит объединение необходимых ресурсов партнеров (например, ноу-хау, средства производства, капитал, персонал и др.) для совместного использования в организационной взаимосвязи, а соответствующие проектные риски оптимально распределяются в соответствии с наличием компетенции партнеров в управлении ими»[1]. Из этого определения видно, что не всякое совместное хозяйственное предпринимательство частного бизнеса и государства следует называть ГЧП, а только такое, когда помимо финансового участия стороны вносят в него взаимодополняющие компетенции.

Англоязычный вариант дает более обобщенную версию понятийного аппарата ГЧП. Такое партнерство трактуется как «система, в рамках которой создаваемое предприятие частного бизнеса или государственных услуг финансируется и управляется посредством партнерства правительства с одной или несколькими компаниями частного сектора»[2].

Входя в такое сотрудничество, государственные органы власти надеются получить доступ к новым финансовым ресурсам, а также снять напряженность в государственных бюджетах. Дополнительным стимулом к этому служит также возможность экономии времени при осуществлении сложных проектов, а также повышение эффективности их реализации за счет привлечения производственных секретов частного сектора. Согласно неолиберальной теории «меньше государства, больше частной инициативы», это должно было бы приводить в итоге к снижению стоимости проекта. При условии наличия адекватного законодательства и, как правило, жестких норм его правоприменения такой подход в ряде случаев действительно оправдывает себя не только в Германии, но и в других развитых странах. Классическим примером этого может служить ГЧП в сфере высотного строительства, Как показывает практика, здесь удается добиться рационального распределения рисков между участниками проекта и снижения его стоимости, хотя нередки и негативные примеры такого взаимодействия между государством и частным бизнесом. В частности, германские эксперты отмечали попадание государства в значительную зависимость от частного бизнеса и потерю демократического контроля над реализацией проектов в рамках ГЧП (Федеральное министерство транспорта Германии и консорциум частных фирм — Toll Collect) по созда-

---

[1] BMVBW Gutachten “PPP im offentlichen Hochbau”, 2003 II. S. 1.

[2] http://en.wikipedia.org/wiki/Public-private_partnership.

нию и эксплуатации автоматизированной системы сбора дорожного налога с грузового автомобильного транспорта (LKW-Mautsysteme).

Критике подвержена и сама концепция обоюдной выгоды (Win-Win-Situation), заложенная в основу ГЧП. Действительно, в числе главных задач предпринимательства, намеривающегося выстоять в конкурентной борьбе, стоит наращивание объемов производства, максимизация прибыли, расширение доли рынка. Конфликтной по отношению к данной целевой установке выступает государственная политика, ориентированная на общественное благо и призванная при распределении ресурсов учитывать интересы каждого человека и общества в целом. Потребности же последних не могут быть удовлетворены, по крайней мере, в достаточном объеме, базируясь только на рыночных принципах. Поэтому критики ГЧП указывают на то, что такое партнерство, открывая дополнительные возможности для извлечения прибылей частным бизнесом, может обделять территориальные общественные объединения и налогоплательщиков[1].

Среди других негативных явлений практической реализации ГЧП отмечают следующие положения:

– вступление в коалиционные взаимоотношения государственных органов власти различных уровней с частным партнером в ущерб третьей стороне;
– появление асимметрии в информационном обеспечении;
– повышение косвенной или скрытой задолженности;
– формирование теневых бюджетов;
– «продажу» государственных интересов.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки, ГЧП, проявляя себя в основном с позитивной стороны, стремительно расширяет свое воздействие, как это видно из разделов настоящей главы, практически на все направления развития национальной инновационной системы, начиная от выработки соответствующей политики и заканчивая конкретными вопросами передачи технологий и освоения нововведений. Среди наиболее масштабных примеров такого партнерства можно особо отметить упоминавшуюся инициативу «Партнерство во имя инноваций», которая декларируется в качестве «национальной идеи» современного развития. Цель этой инициативы — «усилить все составляющие германской инновационной системы, устранить мешающие этому препятствия и поддержать веру в конкурентоспособность страны». Планируется придать этой инициативе сетевую форму, способную генерировать важные инновационные импульсы

[1] http://en.wikipedia.org/wiki/Public-private_partnership.

и содействовать прогрессивным преобразованиям экономики и общества в целом. Инициаторы и главные участники данной инициативы — канцлер Германии и руководители канцелярии правительства, главы министерств экономики, науки и иностранных дел, первые лица крупнейших национальных компаний (Deutsche Telecom, Siemens, Lufthansa, BASF и др.), представители союза германских промышленников, науки и профсоюзов. Конкретным результатом данной инициативы уже стало формирование упомянутого крупного фонда фондов рискового финансирования.

В 15 экспертных группах около 350 экспертов разрабатывают конкретные инновационные проекты, намечаемые к реализации в рамках данной инициативы, в области нанотехнологий, телекоммуникаций, авиационных услуг, развития сетевых структур в здравоохранении и улучшения их надежности и в других сферах.

12.2.6. Поддержка передачи технологий

Германия славится своими традициями формирования инфраструктурной поддержки инновационных компаний. Еще в 2001 г. в стране, по оценкам экспертов, в этой сфере насчитывалось более полутора тысяч посреднических организаций. Они действовали на региональном уровне и представляли собой главным образом инкубаторы, технологические центры и сетевые организации по оказанию консультационных услуг. Некоторые из них обслуживали научную сферу. Большинство же поддерживали малый бизнес. Развитие этой инфраструктуры в настоящее время идет не за счет наращивания числа составляющих ее институтов, а в направлении повышения эффективности их деятельности.

Федеральное правительство полностью или частично поддерживает многие институты и программы развития национальной инновационной инфраструктуры. Среди них: тематические информационные центры, электронные коммерческие центры, патентные информационные центры, частные информационные агентства, технологические и инновационные центры в новых землях, которые нацелены на предоставление услуг в области инновационного менеджмента. Особый акцент делается на поддержку структур, содействующих объединению в регионах различных участников инновационных процессов, таких, как отпочковывающиеся из академической среды «новички» (программа EXIST), малые компании и научно-исследовательские организации в новых землях (программа Inno-Regio). Программа создания инновационных полюсов роста в регионах нацелена на фор-

мирование сетей участников инновационной деятельности по тематическому принципу. Программа NEMO поддерживает формирование и управление инновационными сетями, объединяющими мелкие и средние предприятия.

Опыт Германии показывает, что все предприятия вне зависимости от размеров лучше решают свои научно-исследовательские и сбытовые задачи, работая совместно в сетевых структурах. Такая деятельность оказывается успешной при соблюдении следующих правил: партнеры вырабатывают ясное понимание внутренней логики действий друг друга; цели, области ответственности и стратегия согласовываются перед выполнением сетевого проекта; ведущая роль в управлении сетью принадлежит партнеру, вносящему наибольший вклад в развитие проекта[1].

В Германии находит применение целый ряд организационных форм и механизмов передачи технологий, которые расцениваются экспертами в качестве лучших образцов европейской практики. Их можно условно отнести к институциональным и программно-сетевым моделям передачи технологий.

Эффективной моделью институционального типа признается организация передачи технологий в рамках Общества Фраунгофера — ведущего в Германии учреждения в области прикладных исследований, объединяющего около полусотни прикладных научно-исследовательских институтов и финансируемого из федерального (90%) и земельного бюджета (10%). В основе эффективности этой модели лежат, как полагают эксперты, следующие ее составляющие.

Децентрализованное управление и существенная самостоятельность входящих в Общество институтов.

Сбалансированная структура поддержки осуществляемых проектов из трех источников — институциональное финансирование (35–40%), государственные программы (20–25%), контрактные исследования для промышленности (35–40%), которая содействует, с одной стороны, поддержанию высокой научной компетенции, а с другой стороны, создает стимулы для проведения контрактных исследований с промышленностью. Таким образом, усиливают мотивацию к стратегической ориентации на фундаментальные исследования в новых областях, а также расширяют использование их результатов в прикладных проектах для нужд промышленности.

Институциональные связи с университетами, привносящие дополнительную научную компетенцию.

---

[1] Unternehmen Region. Ausgabe 2. BMBF/ 2005. S.13.

Систематический анализ и контроль деятельности институтов Общества на предмет поддержания баланса между научной и технологической компетенцией в процессах передачи технологий, а также процессов интеграции стратегических и прикладных исследований. Общество руководит деятельностью ряда организаций, предоставляющих услуги по передаче технологий.

Фраунгоферовские альянсы, объединяют на кооперативной основе экспертный опыт институтов Общества и выступают совместно на рынке с широким предложением услуг по коммерциализации результатов НИОКР.

Центры коммерциализации, управляемые институтами Общества, предоставляют необходимую инфраструктуру для проведения исследований университетскими профессорами по контрактам с промышленностью.

Инновационные центры, отпочковывающиеся от институтов Общества и действующие как коммерческие организации по внедрению новых разработок в промышленность в форме опытного производства, пилотных проектов или полевых испытаний.

На другой «образцовой» институциональной модели передачи технологии основывается деятельность Центра современных европейских исследований (Center of Advanced European Studies and Research (Caesar)), главная миссия которого состоит в передаче технологии в промышленность. Этот центр был основан в 1995 г. федеральным правительством и землей Северный Рейн-Вестфалия как исследовательский институт. Однако в 1999 г. он был преобразован в частное учреждение финансированием из собственных источников. В сферу компетенции этого центра входят разработка и тестирование новых механизмов трансформации результатов НИОКР в промышленные инновации, включая обеспечение патентной защиты, содействие в привлечении финансирования и поддержку в становлении новых бизнесов.

Программно-сетевая «образцовая» модель передачи технологии представлена государственной программой IGF (Industrielle Gemeinschafts-Forschung — совместные промышленные исследования), в рамках которой предоставляются прямые гранты для выполнения проектов НИОКР научно-исследовательскими институтами отраслевой ориентации или по поручению этих институтов консорциумами промышленных компаний или научно-исследовательских организаций. Главная цель программы состоит в повышении инновационной активности малых и средних предприятий и в объединении их в технологические кластеры, а также в организации эффективной переда-

чи технологий между общественным и частным сектором. Эта программа ориентирована преимущественно на отраслевые институты, входящие в Рабочее сообщество промышленных научно-исследовательских объединений (Arbeitsgemeinschaft Industrieller Forschungsvereinigungen, AiF). Она реализуется вот уже более 50 лет, не претерпевая существенных изменений. Успех программы, по мнению экспертов, обусловлен тем обстоятельством, что в ее рамках удалось воплотить в жизнь идею объединения мелких и средних компаний по отраслевому или технологическому принципу в целях формулирования и решения тактических и оперативных задач их научно-технического развития. Программа финансируется BMWi, а управляется AiF, которая служит зонтичной организацией для более ста исследовательских консорциумов, объединяющих по сетевому принципу около 50 тыс. малых компаний. Эти компании представляют собой или научно-исследовательские организации, располагающие соответствующим собственным штатом сотрудников и оборудованием, или фирмы, занимающиеся координацией НИОКР, размещением заказов на их выполнение различным научно-исследовательским институтам и фирмам и университетам.

Сеть «Высокоэффективная наноаналитика для медицинских и биомедицинских материалов» (Hochleistungsnanoanalytik für Medizin und Biomedizinische Werkstoffe, HiNanoAnalytics) объединяет предприятия, институты и организации, работающие в области нанотехнологий и занимается разработкой аналитических методов, производством приборов, инструментов и наноматериалов для биологических и медицинских применений, обменом технологиями, тренингами и обучением[1]. Сеть имеет доступ ко всем типам устройств высокой точности для наноаналитических экспертиз и диагностической аналитики самого высокого качества. HiNanoAnalytics открыта для сотрудничества с исследовательскими институтами и группами, предприятиями и организациями, а также международными организациями, работающими с нанотехнологиями и наноматериалами. Сеть принимает активное участие в международной программе «Реализация маркетинговых исследований в сфере нанотехнологий» (Umsetzung von Markting-Maβnahmen im Technologiefeld Nanotechnologien), финансируемой BMBF. Одним из важных партнеров Сети является компания MarCoTech (Marketing, controlling and technology management oHG), осуществляющая маркетинг наноматериалов[2]. MarCoTech

[1] http://www.hinanoanalytics.org.

[2] http://www.marcotech.de.

проводит исследования как отечественного, так и зарубежных рынков и продвигает на них нанотехнологические изделия высшего качества для научных исследований и для улучшения материалов промышленного применения, а также поставляет нанопродукты для конечных потребителей.

12.2.7. Мониторинг и прогностическое обеспечение инновационного развития

Этот вид деятельности выдвинулся в последние годы в число важнейших приоритетов государственного регулирования экономики Германии. Так, существенно расширяется практика осуществления мониторинга как в целом инновационного развития страны, так и реализуемых поддерживающих его программ и отдельных мероприятий.

В первом случае главным инструментом для этого служит подготовка периодических отчетов о состоянии и тенденциях технологического развития страны, к разработке которых привлекаются авторитетные национальные научно-исследовательские и аналитические организации страны[1]. Отчет дает комплексную оценку инновационного развития страны с использованием показателей, характеризующих затраты-выпуск национальной инновационной системы. Анализ таких показателей в ретроспективе позволяет своевременно выявлять проблемные области и реагировать на возникающие вызовы времени.

Мониторинг инновационных программ, оценка осуществляемых мероприятий, а также периодическая инвентаризация целевых установок получают в Германии все большее распространение. На сегодняшний день практически для всех проектов федерального правительства, проводящихся в рамках инновационной политики, предусмотрен мониторинг и многие из них подвергаются оценке на эффективность. Это позволяет говорить о наличии в стане системы мониторинга и оценки инновационных мероприятий. Результаты мониторинга и итоги инвентаризации целей и хода осуществления проектов, выполняемых обычно группами экспертов, отдельными институтами и создаваемыми для этой цели специальными довольно представительными комиссиями, регулярно обнародуются в политических документах. Так, например, в докладе федерального министерства экономики «Информационное общество — Германия» (2002) детально

[1] Berichte zur technologischen Leistungsfaeigkeit Deutschlands.

оценивались целевые установки, задачи и анализировался ход выполнения одноименной правительственной программы[1].

В 2000 г. тогдашним министерством экономики была создана специальная комиссия для «Оценки поощрения хозяйственно интегрированных научных исследований», в задачу которой входило дать оценку порядка организации такого стимулирования на примере осуществляемых данным ведомством программ и представить предложения по дальнейшему совершенствованию такой поддержки[2]. В 2002 г. была закончена всеобъемлющая оценка всех программ поддержки НИОКР, курируемых этим министерством. По итогам этой работы были даны рекомендации в отношении программ поддержки МСП, указывающие, в частности, на необходимость их реструктуризации в целях повышения транспарентности.

Важный вклад в развитие национальной системы мониторинга вносят исследования, осуществляемые в рамках общеевропейских программ, таких как «Европейская карта инновационных тенденций», и прогностических проектов сети IPTS-ETEPS. Выполняемые при непосредственном участии экспертов и научно-исследовательских институтов Германии результаты таких программ позволяют получать необходимые данные для постоянного отслеживания новейших трендов международного инновационного развития и его германской составляющей, которые используются для ориентирования и корректирования национальной политики в области нововведений.

Прогностическое обеспечение инновационного развития в Германии представлено сегодня главным образом подготовкой форсайт-проектов (проектов предвидения развития), результаты которых активно используются при выработке и принятии стратегических и практических решений в инновационной и хозяйственной сфере в целом как правительством, так частным бизнесом. Эти проекты начали развертываться в стране в начале 90-х годов прошлого века. Тогда эти инициативы принадлежали Федеральному министерству научных исследований и технологии. Причем подготовка прогнозов здесь не облекалась в форму национальной программы, поскольку в соответствии с принятой на вооружение доктриной социального рыночного хозяйства считалось, что это может сузить диапазон подходов и ограничить политический выбор.

---

[1] Informationsgeselschaft Deutschland. "Innovation und Arbeitplaetze in der Informationsgeselschaft des 21. Jahrhunderts". Fortschrittsbericht zum Aktionsprogramm der dundesregierung. BMWT, BMBF. Bonn. 2002.

[2] Endbericht der Kommission. Kommission "Systemevaluation der Wirtshafsintegrierenden Forschunsfoerderung". Berlin, Dezember 2001.

В наши дни эти вопросы находятся в компетенции BMBF и BMWA, которые являются основными заказчиками подобных исследований специализированным экспертным институтам. Центральное место среди них занимает Институт системных и инновационных исследований Общества Фраунгофера.

Особенностью становления форсайт-исследований в Германии являлось их совместное выполнение с Японией в рамках германо-японского сотрудничества. Такое кооперирование было вызвано желанием германской стороны перенять опыт Японии в использовании метода Дельфи, в разработке и применении которого для целей стратегического планирования она считалась мировым лидером. Это, в свою очередь, предопределило более заметную ориентацию Германии — по сравнению с другими европейскими странами — на использование данного метода в своих прогностических исследованиях. Первые крупные форсайт-проекты, запущенные в 1990, 1995 и 1996 гг., оказались результатами именно таких совместных усилий.

К национальным германским проектам этого рода можно отнести и начатые лишь в 1993 и 2000 гг. форсайт-прогнозы соответственно «Технологии XXI века» и «Будущее» (Futur). И, если первый из этих проектов носил исключительно «технологическую» ориентацию и был нацелен на выработку приоритетных направлений развития технологий, оценку потенциала нанотехнологий, генома, новых материалов, информационных и коммуникационных средств связи и возможностей их рационального использования, то задача второго исследования состояла в выработке согласованного представления о технологиях будущего и их использовании в области здравоохранения, образования, защиты окружающей среды и совершенствования воспроизводственной инфраструктуры. При этом для выполнения последнего исследования — в отличие от предыдущих — систематически привлекались представители широкого спектра общественных организаций.

В последние годы Германия активно накапливает опыт освоения комплексной системы прогностического обеспечения инновационного развития в форме так называемого стратегического информирования (Strategic Intelligence)[1], которое рассматривается сегодня в качестве синтетического способа прогнозирования, объединяющего в себе все традиционные его направления — прогнозирование технологии (Techology Forecasting), оценку последствий ее развития

---

[1] См. подробнее: *Циренщиков В.С.* Европа: прогностическое обеспечение инновационного развития. «ОГНИ ТД». М., 2005.

Technology Assessment), предвидение развития (Foresight). Этот инструмент сегодня активно используют коммунитарные и национальные структуры для предоставления информации специального назначения для поддержки лиц, принимающих решения, в процессе разработки и реализации инновационной политики.

12.3. Финансовая поддержка

В Германии используются различные инструменты для поддержки финансирования инновационной сферы. Особое внимание при этом уделяют малым и средним предприятиям. «Грантовые» схемы применяются обычно только для осуществления на конкурсной основе научно-исследовательских проектов федерального или местного уровней в рамках соответствующих тематических целевых программ. Остальная поддержка инвестиций, направляемых в инновационную сферу, оказывается преимущественно в виде бюджетного финансирования рисковых проектов (как правило, в дополнение к частным инвестициям) или в форме кредитования под низкие ставки или льготное обеспечение, а также за счет средств частных инвесторов.

12.3.1. Государственная финансовая поддержка

В конце истекшего — начале текущего десятилетия поддержка технологически ориентированных «новичков» и молодых компаний, находящихся на ранних стадиях своего развития, осуществлялась посредством реализации взаимно скоординированных государственных программ предоставления рискового капитала. В основу реализации этих программ закладывалось положение о недопустимости прямого государственного вмешательства в частный бизнес. В то же время признавалась необходимость поддержки государством частных рисковых инвестиций. В рамках соответствующей государственной программы участия в таких инвестициях — BTU (Beteiligungskapital für kleine Technologieunternehmen), малые компании, осваивающие новые технологии, получали поддержку или в форме прямых государственных инвестиций, дополняющих рисковые вложения основного частного инвестора (софинансирование), или в виде рефинансирования частного инвестора. Программа TBG (Technologiebeteiligungsgeselschaft der Deutschen Ausgleichsbank) в отличие от BTU поддерживала малые новаторские предприятия, главным образом покрывая затраты на НИОКР, на стадии их расширения, предоставляя акционерные инвес-

тиции даже в отсутствие основного инвестора, и таким образом дополняла предшествующую программу. В рамках программы рискового финансирования государственного банка KfW предоставлялось рефинансирование и гарантирование рисковых инвестиций частных инвесторов в мелкие и средние предприятия. В дополнение к этим мерам в рамках программы BTU финансировались достартовые стадии венчурного предпринимательства (подготовка бизнес-плана, исследование рынка), а также гранты на проведение НИОКР.

В последующие годы в результате падения инвестиционной активности в условиях неблагоприятной общеэкономической конъюнктуры бюджетные средства уже не могли компенсировать инвестиционные «провалы» частного сектора. Возникла потребность в новых подходах к решению проблемы поддержки рискового финансирования. Стали опробоваться следующие подходы.

Формирование государственного фонда фондов при совместном его финансировании со стороны Европейского инвестиционного фонда и Программы восстановления Европы (ERP). Средства фонда фондов предполагается использовать для финансирования частных фондов рискового капитала, специализирующихся на инвестировании в технологические компании на стадии их начального и последующего за ним расширения. Первоначально планировалось, что новый фонд фондов будет располагать капиталом в размере 500 млн евро и в ближайшие 5 лет его деятельность привлечет в малый бизнес до 1,7 млрд евро.

Создание нового фонда поддержки высокотехнологичных компаний с капиталом 250 млн евро, предназначенного для прямой поддержки достартовой (посевной) стадии их развития.

Запуск двух пилотных проектов, предусматривающих «отработку» поддержки новаторских фирм, нуждающихся в сравнительно небольших объемах инвестиций (1–5 млн евро). Впоследствии планируется запуск с этой целью общенациональной программы.

Развитие инновационной программы в рамках ERP, предоставляющей рисковые инвестиции и обеспечивающей их гарантирование для успешно действующих малых компаний. Финансирование осуществляется или в форме предоставления низкопроцентных кредитов банкам для рефинансирования их рисковых инвестиций, или непосредственно в виде инвестиций в акционерный капитал владельцев компаний, позволяя им сбалансировать свои рисковые активы.

В рамках этих подходов в апреле 2005 г. федеральное правительство объявило о формировании нового публичного фонда рискового капитала, предназначенного для достартового и стартового финансирова-

ния вновь формирующихся технологичных «спин-офф»-компаний, выделяющихся из общественных научно-исследовательских институтов и университетов, а также из корпоративных структур. К 2010 г. планируется увеличить активы этого фонда до 262 млн евро. Формирование данного фонда завершило федеральную программу по стимулированию рискового финансирования, запущенную в начале 2004 г. образованием упомянутого выше зонтичного фонда (фонда фондов) рискового финансирования, средства которого предназначались для стадии расширения венчурных фирм. В настоящее время этот фонд фондов финансируется Фондом программы восстановления Европы (ERP Fond) банковской группой KfW и Европейским инвестиционным фондом. Таким образом, можно считать, что в конце 2004 г. состоялся перезапуск программ венчурного финансирования, ознаменовавший перевод функций прежних программ BTU на этот новый фонд.

В общем объеме государственной поддержки инновационного развития на долю прямого и косвенного финансирования предприятий в начале текущего десятилетия приходилось соответственно около 50 и 30%. Остальное шло на поддержку частных инновационных инвесторов.

В дополнение к федеральным проектам земельные правительства осуществляют собственные программы финансовой поддержки научных исследований и инновационного развития, среди них: гранты, предоставляемые предприятиям для проведения НИОКР, освоения новых технологий, патентов и оказания бесплатных консалтинговых услуг в области патентования и использования новых технологий, для организации рабочих мест для молодых специалистов; финансирование общественных венчурных фондов и программ страхования частных рисковых инвестиций.

12.3.2. Частная финансовая поддержка

Существенная финансовая поддержка инновационного развития со стороны частного сектора, особенно сферы рискового малого предпринимательства, исходит от так называемых бизнес-ангелов, которые объединены в соответствующую национальную сеть (Business Angels Netzwerk Deutschland — BAND), в состав которой входит около 40 региональных сетей. Эта структура, образованная в 1998 г. для представления интересов бизнес-ангелов и взаимодействия с представителями политических кругов и общественности, в качестве своей главной цели декларирует формирование и совершенствование культуры «ангельской» деятельности в Германии. Сеть существует на средства спонсоров

и взносов ее членов, находится под патронажем федерального министерства экономики и труда и является учредителем Европейской сети бизнес-ангелов. Членами сети являются, как правило, частные инвесторы, участвующие собственным капиталом в перспективных новаторских предпринимательствах. Они обычно сами являются предпринимателями, финансово независимы, наряду с финансовой поддержкой оказывают консультирование и передают опыт в сфере управления, привносят новые «сетевые контакты», способствующие появлению новых клиентов и инвесторов. Размер финансового участия отдельных ангелов, как правило, не превышает 500 тыс. евро.

Частные германские и действующие в стране филиалы иностранных компаний, предоставляющие рисковое финансирование, объединены в Федеральное объединение компаний долевого участия (Der Bundesverband Deutscher Kapitalbetailigungsgeselschaften — BVK), в англоязычном варианте известное как Германская ассоциация частного долевого и венчурного капитала. По оценке BVK, на начало 2005 г. в управлении членов этой ассоциации находилось около 45 млрд евро (около 28 млрд в управлении паневропейских венчурных фондов), из которых более 20 млрд уже было вложено в рисковые проекты, а остальные средства предполагалось инвестировать в стране в национальные предприятия. Количество компаний, принявших участие в долевом рисковом финансировании, оценивалось 5 тыс. 563. Подавляющий удельный вес в целевой структуре компаний рискового финансирования занимали сделки по выкупу ее управленцами новаторского предпринимательства — 71,3%. Остальное приходилось на финансирование стадий быстрого и последующего расширения — 16,2% и первоначального становления рисковых компаний — 9,4%.

12.4. Стимулирование инвестиций в научно-техническую сферу в рамках реформы корпоративного налогообложения

В процессе перехода к инновационной модели экономики происходит совершенствование механизмов налогового стимулирования инвестиционной активности частного сектора в научно-технической сфере. Проведенное нами хронологическое исследование введения и последующего использования инвестиционных налоговых льгот в период со второй половины 50-х годов XX в. по настоящее время позволяет охарактеризовать изменения в направлениях налогового стимулирования инвестиций и выделить новые виды инвестицион-

ных налоговых льгот, возникших в Германии в современных экономических условиях.

Наиболее значимым методом стимулирования инвестиционной активности предприятий в послевоенный период в ФРГ явилась (помимо льготы по налогу на прибыль) ускоренная амортизация основных средств, в том числе используемых в сфере НИОКР. Принятый в 1952 г. закон позволял амортизировать в течение первых двух лет до 48% первоначальной стоимости основного капитала. В результате в первые послевоенные годы доля самофинансирования за счет роста накоплений составляла около 60% инвестиций в экономику Германии в целом и около 70% - инвестиций в промышленность. При этом около половины этих инвестиций осуществлялось за счет средств, полученных от ускоренной амортизации основного капитала[1].

Помимо ускоренной амортизации производственного оборудования в ФРГ еще с 70-х годов XX в. начал действовать налоговый кредит, стимулирующий расходы предприятий на НИОКР, со ставкой 20% для инвестиций, не превышающих 500 тыс. марок, и 7,5% для вложений, превышающих эту сумму[2].

Однако если предоставление налоговых стимулов в форме ускоренной амортизации большинство зарубежных экспертов единодушно рассматривали в качестве действенного метода, направленного на модернизацию производства, то относительно эффективности налоговых кредитов в сфере НИОКР мнения специалистов расходились[3]. В частности, германское экспертное сообщество было склонно рассматривать налоговый кредит в сфере НИОКР как недостаточно эффективный инструмент стимулирования, вследствие чего его использование в Германии было прекращено с декабря 1989 г.[4]

Позже произошла ликвидация ряда других налоговых льгот[5]. Например, в период 2000–2005 гг. в Германии появился запрет целевых отчислений из доходов фирм на создание специальных не облагаемых

---

[1] *Гречухин Р.* Разработка амортизационной политики предприятия // Гречухин Р. Экономический еженедельник «Эпиграф». 2000. № 23(273). С. 10.

[2] Закон о поддержке инвестиций и занятости от 23.12.1974 (Gesetz zur Förderung von Investitionen und Beschäftigung vom 23.12.1974).

[3] Tanzi V., Zee H. Markets Tax policy for emerging Markets: Developing Countries. International Monetary Fund, IMF Working Paper, WP/00/35, March 2000. P. 26–27.

[4] Warda J. Measuring the value of R&D tax provisions / Warda J. // Fiscal measures to promote R&D and innovation. Paris: OECD, 1996. P. 17. (OCDE/GD(96)165).

[5] Konsequenter Abbau von Subventionen und Ausnahmeregelungen [Электронный ресурс] / Bundesministerium der Finanzen. Электрон. текстовые дан. Berlin, 16 November 2006. Режим доступа: http://www.bundesfinanzministerium.de/nn_4252/DE/ BMF__Startseite/Service/Downloads/Abt__IV/049,templateId=raw,property=publicationFile.pdf, свободный.

налогом на прибыль фондов для приобретения товаров производственного назначения и некоторых других целевых расходов[1]. Ограничен также размер убытков прошлых лет, переносимых на будущее. Так, если раньше компания могла уменьшать налогооблагаемую базу по налогу на прибыль на любую накопившуюся у нее за предыдущие годы сумму убытка, то сейчас размер вычитаемого убытка не может превышать 60% налогооблагаемой базы текущего налогового периода[2]. Всего принятый 21 февраля 2003 г. бундестагом закон об отмене налоговых льгот (Gesetz zum Abbau von Steuervergünstigungen und Ausnahmeregelungen) содержал 40 ключевых запретительных положений.

Однако отмена или сокращение ряда производственных инвестиционных льгот, широко используемых Германией во второй половине 50–70-х годов XX в., не означали отказа от дальнейшего регулирования экономики и стимулирования инвестиционных процессов налоговыми льготами. Последующее реформирование системы налогообложения корпораций, начавшееся в 80–90-е годы и продолжающееся по сегодняшний день, нацелено на обеспечение перехода страны на инновационную модель развития. В настоящее время наблюдается переход от применения налоговых льгот, направленных на стимулирование вложений в действующее производство, к налоговым льготам, сфокусированным на поддержке проведения НИОКР, фундаментальных исследований, развития венчурной индустрии, повышения эффективности функционирования малого наукоемкого бизнеса, накопления человеческого капитала. Таким образом, налоговые льготы на инвестиции в действующее производство имеют тенденцию к сокращению. Это объясняется тем, что переход на постиндустриальный тип хозяйствования происходит в Германии в условиях насыщения производств индустриальными технологиями.

Необходимо учитывать, что в Германии проведение налоговых реформ 90-х годов совпало с процессом объединения ФРГ и ГДР. Следовательно, выработка качественно новых инвестиционных налоговых льгот происходила одновременно как для старых, так и для новых федеральных земель. Это, в частности, по мнению министра экономики, труда и транспорта Нижней Саксонии Вальтера Хирхе, способствовало кардинальному обновлению технологи-

---

[1] *Никифоров О.* Реформа века // Эксперт. 2000. № 14. С. 22–23.

[2] Konsequenter Abbau von Subventionen und Ausnahmeregelungen [Электронный ресурс] / Bundesministerium der Finanzen. Электрон. текстовые дан. Berlin, 16 November 2006. Режим доступа: http://www.bundesfinanzministerium.de/nn_4252/DE/BMF__Startseite/Service/Downloads/Abt__IV/049,templateId=raw,property=publicationFile.pdf, свободный.

ческой базы предприятий, возникших в восточных землях за последние 15 лет[1].

По состоянию на 2007 г. стимулирование инвестиций в научно-техническую сферу в старых и новых землях Германии осуществлялось в форме:

- ускоренной амортизации оборудования, используемого в сфере НИОКР;
- уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль на величину расходов на НИОКР;
- переноса налоговых льгот в сфере НИОКР на будущий период (при недостаточной прибыли в данном году);
- создания налоговых стимулов для всех участников рынка венчурного капитала: инвесторов, фондов, венчурных компаний;
- налоговой поддержки малого и среднего наукоемкого бизнеса.

Причем если налоговые преференции для венчурного бизнеса являются сравнительно новым видом стимулирования, поскольку само венчурное финансирование зародилось в Европе только в середине 70-х годов, то налоговая поддержка малого и среднего бизнеса — традиционна для Германии и существует с первых послевоенных десятилетий. Все же если в те годы главной ее целью было решение проблем занятости и декартелизации, то начиная со второй половины 90-х годов, в эпоху быстрых технологических изменений и перехода к инновационной модели экономики, основной задачей налоговой поддержки стало поощрение творческого поиска, готовности рисковать и способности адаптироваться к стремительно меняющимся условиям хозяйственной среды, что в наибольшей мере присуще именно малому и среднему бизнесу. Чтобы малые и средние наукоемкие предприятия могли в полном объеме реализовать свои преимущества, государство предоставляет для них целый набор косвенных стимулов: инвестиционные налоговые скидки (Investitionsabzugsbetrag); льготы при взимании промыслового налога; пониженные ставка налога на нераспределяемую прибыль (thesaurierte Gewinne)[2].

---

[1] Интервью с Хирхе В. [Электронный ресурс] / Радиостанция «Эхо Москвы». Электрон. текстовые дан. М., 2005. Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/guests/11565/, свободный.

[2] Von der Steuerreform 2000 zur Unternehmensteuerreform 2008 — Steuerentlastungen und Abbau unnötiger Steuerbürokratie als konsequente Steuerpolitik für den Mittelstand [Электронный ресурс] / Bundesministerium der Finanzen. Электрон. текстовые дан. Berlin: Bundesministerium der Finanzen, 18.01.2008. Режим доступа: http://www.bundesfinanzministerium.de/nn_4138/DE/Wirtschaft__und__Verwaltung/Steuern/Steuerreform/Gezielte__Mittelstandsfoerderung/001__1,templateId=raw,property=publicationFile.pdf, свободный.

Для новых земель ФРГ, технологическая база которых пока не достигла уровня старых земель, существуют специальные налоговые льготы в виде не облагаемых налогом надбавок на производственные инвестиции (Investitionszulagen).

В настоящее время применение не облагаемых налогом надбавок на производственные инвестиции регулируется Законом о надбавках на инвестиции 2007 г. (Investitionszulagengesetz 2007 — InvZulG 2007). До 2007 г. действовали более ранние редакции этого закона — InvZulG 1999, InvZulG 2005. Данный закон направлен на стимулирование осуществления инвестиционных проектов по созданию новых предприятий, а также расширению, изменению или диверсификации уже существующих производств в новых землях Германии. Надбавки на производственные инвестиции выплачиваются путем возврата налогоплательщикам части уплаченных ими подоходного налога (для некорпоративных форм предприятий) или налога на корпорации после подачи соответствующих заявлений в финансовые ведомства земель. Обычно плательщики могут вернуть до 12,5% своих расходов, понесенных на закупку или производство основных средств. Для малых и средних предприятий этот размер существенно выше и составляет 25% [1].

Таким образом, правительство Германии предусматривает налоговую поддержку как для старых, так и для новых земель страны с учетом уровня хозяйственного развития каждой из них.

12.5. Налоговая поддержка рынка рискового капитала

Мировая практика показала, что малые формы хозяйствования являются высокомобильными предпринимательскими структурами. Чтобы выдерживать конкуренцию с другими, в том числе более крупными, участниками рынка, они вынуждены создавать свои собственные ноу-хау, ориентироваться на ускоренную разработку новых видов продукции или услуг и активно внедрять инновации. По данным Федерального министерства образования и исследований, около 1/3 германских малых и средних предприятий проводят НИОКР на постоянной основе и именно с малым бизнесом связываются надежды на динамичное

[1] Förderdatenbank: Förderprogramme und Finanzhilfen des Bundes, der Länder und der EU. Investitionszulagengesetz 2007 (InvZulG 2007) [Электронный ресурс] / Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie. Электрон. текстовые дан. Berlin, 2008. Режим доступа: http://www.foerderdatenbank.de/Foerder-DB/Navigation/Foerderrecherche/ suche.html ?get=views; document&doc=4006.

развитие инновационной экономики. Это обстоятельство подталкивает правительство вводить все новые и новые изменения в налоговое законодательство, поощряющие деятельность таких фирм.

Так, в результате налоговой реформы 1998–2005 гг. налоговая нагрузка на предприятия малого и среднего бизнеса сократилась за счет значительного уменьшения ставок подоходного налога, который уплачивают большинство предприятий малого и среднего бизнеса. Их минимальный размер снизился на 10 (с 25 до 15%), а максимальный — на 11 процентных пунктов (с 53 до 42%). Произошло также уменьшение подлежащей уплате суммы промыслового налога в результате изменений в порядке его начисления. В рамках проводимой в 2008 г. реформы налогообложения в ФРГ налоговая нагрузка на малый и средний бизнес снизилась еще больше. В частности, были улучшены условия накопительной амортизации (Ansparabschreibungen), введены дополнительные льготы при взимании промыслового налога, а также установлена пониженная ставка налога на нераспределяемую, т. е. оставляемую на предприятии, прибыль.

Несмотря на довольно благоприятный налоговый климат, созданный германским правительством для малых и средних фирм, центральной проблемой мелкого инновационного бизнеса на сегодняшний день остается ограниченный доступ к финансовым ресурсам. Как правило, банки избегают выдавать кредиты малым предприятиям для осуществления инновационных, а значит, рискованных проектов, тем более в значительных объемах. В то же время передовая практика показала, что выходом из данной ситуации является переориентация финансирования инновационных фирм с консервативного банковского кредита на венчурный капитал. В данных условиях одной их главных задач германского правительства становится развитие рынка рискового капитала который, в силу традиционного базирования Германии на консервативной европейско-континентальной (банковской) модели рынка ценных бумаг все еще находится в стадии формирования и пока не соответствует экономической мощи этой страны. Она занимает только третье место среди стран ЕС по объему венчурного инвестирования (1,53 млрд долл. США в 2005 г.), несколько уступая Франции (1,69 млрд долл.) и существенно отставая от Великобритании, на которую приходится почти половина всех венчурных европейских инвестиций (6,57 млрд долл.)[1].

---

[1] World Development Indicators database. World Bank. July 2006, http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GDP.pdf; Thomas Meyer, Venture capital in Europe — spice for European economics. Deutsche Bank Research. Economics 60. Frankfurt am Main. 02 October, 2006. P. 1.

Для поддержки функционирования рынка рискового капитала в ФРГ сейчас формируется разветвленная система налогового стимулирования всех его участников (см. схему 12.1).

Схема 12.1

Направления реформирования налогового законодательства в венчурной сфере в Германии

Формирование благоприятного налогового климата для участников рынка рискового капитала, а именно:		
I. инновационных предприятий	**II. инвесторов**	**III. венчурных фондов**
↓	↓	↓
1.1. Совершенствование порядка переноса убытков предприятия на будущие периоды по налогу на прибыль (Mindestbesteuerung)	2.1. Совершенствование порядка налогообложения доходов, получаемых инвесторами при «выходе» из инвестируемой компании	3.1. Унификация правил налогового регулирования деятельности венчурных фондов в федеральных землях Германии
1.2. Снижение корпоративных ставок налогообложения, а также ставок налогообложения для малых и средних предприятий	2.2. Совершенствование порядка расчетов сумм налога на доходы от негласного финансового участия одних обществ в других обществах (stille Beteiligung), например при участии венчурных фондов в малых и средних предприятиях	3.2. Разграничение деятельности венчурных фондов по сферам управления имуществом и промышленного производства для целей налогообложения
1.3. Предоставление налоговых льгот малому и среднему инновационному бизнесу		3.3. Пересмотр Закона об обществах участия в капитале (Gesetz über Unternehmensbeteiligungsgesellschaften — UBGG) в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к регулированию венчурных фондов в других развитых странах

Продолжение схемы 12.1

Формирование благоприятного налогового климата для участников рынка рискового капитала, а именно:		
I. инновационных предприятий	**II. инвесторов**	**III. венчурных фондов**
↓	↓	↓
1.4. Пересмотр порядка налогообложения венчурных предприятий при их дарении и наследовании (Schenkung und Erbschaftsteuer)		3.4. Совершенствование порядка налогообложения вознаграждения менеджменту венчурных фондов (Management Fee) и процента от прибыли венчурного фонда (Carried Interest)
1.5. Совершенствование порядка налогообложения партнерского займа венчурному предприятию, получаемого от его акционеров		
1.6.Совершенствование порядка налогообложения акционных опционов (Stock Options)		

Источник: составлено по данным Zur Rolle von Private Equity und Venture Capital in der Wirtschaft: Aktualisierte Fassung der im Dezember 2003 erschienenen BVK Untersuchung "Zur volkswirtschaftlichen Bedeutung von Private Equity und Venture Capital" / Frommann H., Dahmann A. Berlin: Bundesverband Deutscher Kapitalbeteiligungsgesellschaften — German Private Equity and Venture Capital Association e. V. (BVK), 2005. S. 75-85; Информационно-аналитический бюллетень / Глав. ред. Рубвальтер Д.А. // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. Серия «Анализ и использование зарубежного опыта». 2006. № 4. С. 20–24 и других источников.

12.6. Повышение уровня образования и профессиональной квалификации населения

Общепризнанно, что динамичное развитие инновационной экономики невозможно без наличия высококвалифицированной рабочей силы, способной к постоянному получению новых знаний и навыков[1].

[1] OECD Science, Technology and Industry: Outlook 2004 – ISBN-92-64-01689-9. 2004. P. 11.

Необходимость в непрестанном обучении связана с быстроменяющейся, высококонкурентной средой, в которой действует современный бизнес. Ответом на обостряющуюся конкуренцию является ускорение инноваций, требующих от работников быстрой адаптации к новым условиям, освоения новой техники и навыков работы.

Структурные сдвиги в экономике сопровождаются радикальными изменениями в характере спроса на рабочую силу. Так, при значительной безработице в Германии стране одновременно не хватает высококвалифицированных специалистов — физиков, химиков, программистов, электронщиков, биологов, а также менеджеров, способных создавать и эффективно управлять высокотехнологическими производствами, привлекая под них необходимые капиталовложения.

Рост спроса на высококвалифицированный персонал сопровождается одновременным ростом безработицы среди малоквалифицированных работников. Социально-политические последствия обеднения неконкурентоспособных на рынке труда слоев населения вызывают особую тревогу у правительства. Поэтому проблемам образования, подготовки и переподготовки кадров в настоящее время уделяется особое внимание.

Немецкое налоговое законодательство разрешает списывать с подлежащих налогообложению средств расходы на получение и повышение квалификации по профессиям, по которым налогоплательщик работает (Fortbildungskosten) или желает получить работу (Berufsausbildungskosten), на сумму до 4000 евро в год[1]. Дополнительно учитываются сборы на учебный материал, книги, проезд к месту учебы, проживание за пределами своего дома.

В рамках налоговой реформы 1998–2005 гг. с 2002 г. увеличен учебный необлагаемый налогом минимум (Ausbildungsfreibetrag). Родители имеют теперь возможность списать с подлежащих налогообложению доходов часть затрат на обучение детей при условии, что их ребенок во время обучения не получает стипендию или заработную плату во время практики, в следующем размере:

- если ребенок младше 18 лет и он проживает во время обучения отдельно от родителей — 924 евро в год;
- если ребенок старше 18 лет и он проживает совместно с родителями — 1228 евро в год;
- если ребенок старше 18 лет и он проживает отдельно от родителей — 2148 евро в год.

---

[1] Aufwendungen für die erstmalige Berufsausbildung. Leitfaden vom 31 Oktober 2006, http://www.lingott.de/Content/Download/Leitf%E4den/PDF/Berufsausbildungskosten.pdf.

В случае если ребенок получает заработную плату, то сумма возможного списания уменьшается на сумму доходов, превышающую 1848 евро[1].

Таким образом, созданная в рамках «социального государства» налоговая система Германии, призванная гарантировать социальное равенство в доступе широких кругов населения к образованию, активно реагирует на изменения в характере спроса на рынке труда, обеспечивая поддержку граждан в форме многочисленных налоговых льгот на всевозможные виды обучения, переобучения и повышение профессиональной квалификации.

12.7. Поддержка регионов

Содействие региональному развитию является одним из важнейших компонентов инновационной политики Германии. Центральное место в такой поддержке занимают в последние годы новые земли. Прежде всего она осуществляется со стороны земельных правительств, которые в ходе реализации национальной инновационной политики осуществляют собственные подходы к формированию региональных рамочных условий поддержки нововведений, исходя из специфических особенностей регионов.

Кроме того, поддержка инновационного развития находится в центре внимания и федерального правительства, которое уделяет особое внимание инновационному обновлению экономики сравнительно отсталых новых земель Германии. Считается, что только так можно решить проблему окончательной интеграции этих территорий в хозяйственную структуру страны. Сегодня же их экономический и научно-исследовательский ландшафт отличает преобладание мелких и средних предприятий, низкая инновационная активность, недостаточная занятость, отсутствие адекватной требованиям сегодняшнего дня системы подготовки и переподготовки кадров, а также чрезмерный отток рабочей силы на запад Германии, особенно молодежи.

Для этого центральное правительство осуществляет ряд программ поддержки, предназначенных специально для территорий бывшей Восточной Германии. Среди них разнообразные гранты для поддержки НИОКР, осуществляемых мелкими и средними предприятиями,

---

[1] Darstellung der geltenden Familienförderung / Monatsbericht des Bundesministeriums der Finanzen, September 2005. S. 46.

программы содействия инновационному развитию, формированию региональных инновационных полюсов роста.

В инновационном стимулировании восточных земель придерживаются принципа оказывать им сверхпропорциональную по сравнению с другими территориями поддержку по отношению к удельному весу проживающего населения.

С 1998 по 2004 г. только затраты на образование и научные исследования в новых землях были увеличены более чем на 2 млрд евро (не включая Берлин)[1]. Институциональная поддержка субъектов инновационной деятельности в новых землях увеличилась за этот период на одну треть и превысила полмиллиарда евро. Поддержка же только федеральным правительством научных исследований и разработок в расчете на душу населения выросла даже на 43%. Эти средства концентрировались на поддержке технологий, содействующих экономическому росту во многих отраслях хозяйства, обеспечивая обновление основных производственных фондов и увеличение занятости. Исключительно позитивным результатом такой поддержки стал регион Дрездена, который превратился в ведущий на европейском континенте центр микро- и наноэлектроники. Здесь удалось дополнительно создать около 20 тыс. новых рабочих мест.

Одной из наиболее мощных мер содействия инновационному развитию новых земель стала запущенная в марте 2002 г. BMBF программа «Инновационные региональные центры роста». Эта программа была призвана поддержать инновационную активность регионов, формируемую в партнерском взаимодействии между образовательными, научно-исследовательскими, предпринимательскими организациями и прочими участниками и базирующуюся на особой компетенции в определенных областях в форме совместной технологической платформы или технологической системы. Она предполагала ориентированную на рынок предпринимательскую деятельность в масштабах региона. В рамках этой программы министерство поддерживало образование стартового капитала при осуществлении компаниями собственной хозяйственной деятельности, помогало им в разработке собственной инновационной стратегии, содействуя, таким образом, появлению региональных кооперационных объединений[2]. В конеч-

[1] Rede der Bundesministerin für Bildung und Forschung Edelgard Bulmahn anlässlich der ersten Veranstaltung des Programms "Innovative regionale Wachstumskerne" am 16. November 2004 in Berlin. BMBF. 2004. S. 2.

[2] Innovative regionale Wachstumskerne. Ein Förderprogramm des Bundesministeriums für Bildung und Forschung für die Neuen Laender. BMBF. Berlin. 2004. S. 6.

ном итоге предполагалось превращение целой территории в растущий регион, в кластерное образование, объединяющее деловую и научную компетенцию, ядром которого стала бы совокупность взаимодействующих предпринимателей, распространяющих инновационные импульсы в сфере образования, науки, научных исследований и предпринимательства.

Важно отметить, что данная программа является лишь одним из пяти мероприятий в рамках инновационной инициативы BMBF «Регион предпринимательства» (Unternehmen Region) для новых земель, которая объединяет дополнительно еще четыре программы, ориентированные на стимулирование там инновационного развития. Это программы: Инно-Регио (Inno-Regio), Центры компетенции в области нововведений (Zentren für Innovationskompetenz), Межрегиональные альянсы для рынков завтрашнего дня (Interregionale Allianzen für die Märkte von Morgen), Иннопрофили (InnoProfile). Эти четыре программы по замыслам их разработчиков призваны: развивать конкурентоспособные направления развития в области научной и хозяйственной деятельности; форсировать разработку нововведений, поддерживать экономический рост и формирование новаторских компаний в восточных регионах; остановить отток с территорий молодой рабочей силы, а также создать привлекательные рабочие места в сфере научных исследований для талантливого пополнения[1].

Региональная ориентация программ поддержки новаторского малого и среднего предпринимательства в новых землях занимает одно из приоритетных направлений среди различных форм государственного стимулирования инновационной деятельности данных предприятий в Германии. В ее рамках за период 1999–2003 гг. там было поддержано около 3200 различных научно-исследовательских проектов. Только по программе Inno-Regio (Инновационные сети на востоке Германии, включая межрегиональные альянсы) с предусмотренным бюджетом 255,6 млн евро, рассчитанным на период 1999–2006 гг., в новых землях до 2004 г. было поддержано свыше 700 научно-исследовательских и образовательных проектов, нацеленных на формирование промышленных кластерных структур в 36 территориальных инновационных объединениях. Причем до 70% общего объема выделенных на стимулирование инновационного развития средств предназнача-

[1] Interregionale Allianzen für die Märkte von morgen — Innovationsforen. Ein Förderprogramm des BMBF für die Neuen Laender. Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF). Berlin. 2005. S. 9.

лось на поддержку мелкого и среднего предпринимательства[1]. Данная программа поощряла такие мероприятия, как: повышение затрат на НИОКР на предприятиях; содействие в передаче им знаний и технологии, особенно по трансграничным направлениям; стимулирование сотрудничества между предприятиями и прочими экономическими субъектами в области инновационной деятельности и передачи знаний; поддержка формирования инновационных предприятий на начальных и последующих этапах их развития; содействие коммерциализации и маркетингу результатов инновационной деятельности предприятий[2].

С начала 2004 г. запущена новая программа поддержки НИОКР для носителей инновационного развития в отсталых регионах — INNO-WATT — с ежегодным бюджетом до 125 млн евро. В отличие от осуществлявшихся уже специальных программ поддержки НИОКР в новых землях основной упор в этой программе сделан на поддержке новаторских компаний, занятых коммерциализацией результатов инновационной деятельности или их передачей третьим фирмам. Причем в ее рамках предусмотрено стимулирование непосредственно персонала компаний, расположенных в новых землях.

12.8. Правовая поддержка инновационной деятельности

В отличие от большинства других европейских стран в Германии, как уже отмечалось выше, обычно не используются специальные налоговые льготы в качестве инструмента поддержки НИОКР и повышения инновационной активности предприятий. Налоговые скидки и льготы, как правило, не считаются эффективными мерами, поскольку полагают, что эти меры нарушают правила рыночной конкуренции. Это положение, однако, активно оспаривается в последние годы, особенно Союзом германских промышленников, который настойчиво лоббирует введение 25%-ной налоговой скидки на инвестиции, направляемые в исследования, выполняемые по контрактам с вузами и общественными научно-исследовательскими организациями. В на-

---

[1] "Innovationen und Zukunftstechnologien im Mittelstand-High Tech Masterplan Eine Initiative der Bundesregierung im Rahmen von "pro mittelstand". Bundesministerium für Wirtschaft und Arbeit (BMWA), Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF), Stand: Februar 2004. S. 15.

[2] Annual Innjvation Policy Trends and Appraisal Report. Germany 2004–2005. European Trend Chart on Innovation. European Commission. 2006. P. 48.

стоящее время налоговые льготы на инвестиции в действующее производство предоставляются только для инвестиций, направляемых в модернизацию предприятий новых земель Германии. Для всех мелких и средних предприятий введены дополнительные льготы на амортизационное списание определенных видов оборудования.

Ряд мер по улучшению правовой среды в сфере рискового финансирования и охраны интеллектуальной собственности содержит государственный «Хай-тек Мастерплан». В мае 2005 г. опубликован законопроект изменений к «Закону против ограничений в области конкуренции», основная задача которого состоит в гармонизации германского законодательства в сфере конкуренции с аналогичным коммунитарным законодательством. В 2004 г. вступил в действие закон по снижению обязательных требований (получение соответствующего диплома) для занятия ремесленной деятельностью. Теперь только для 29 видов ремесел обязательно наличие такого диплома, в то время как ранее это требование распространялось на 94 вида. В 2002 г. произошли законодательные и организационные перемены, оказавшие существенное влияние на упрочение взаимосвязей между учреждениями высшей школы и бизнесом. Было упразднено исключительное право научно-исследовательского персонала и профессоров вузов на результаты научных исследований, которое сдерживало их коммерциализацию. По новому закону изобретения теперь принадлежат вузам, а их авторы получают часть вознаграждения от их коммерциализации. Установлены новые правила выдачи грантов по линии BMBF, обязывающие грантополучателя патентовать результаты научных исследований и осуществлять их коммерциализацию и предоставляющие ему право на интеллектуальную собственность, включая доходы от лицензирования. С 1998 г. действует закон, обязывающий вузы содействовать передаче технологии. В данный момент практически все из них имеют соответствующие структурные подразделения.

Среди правительственных мер, направленных на поддержку защиты интеллектуальной собственности, следует отметить следующие:

- специальную государственную программу, которая предусматривает поддержку формирования инфраструктуры профессионального патентования и коммерциализации в общественном секторе НИОКР;
- содействие использованию патентов в качестве защиты результатов научных исследований;
- повышение квалификации персонала в области патентоведения, а также формирование сети агентств по коммерциализации патентов в государственном секторе НИОКР. В 2003 г. было созда-

но 20 таких агентств. И это притом что в Германии существует обширная сеть информационных центров по вопросам патентования, которые на безвозмездной основе оказывают консультирование и предоставляют соответствующие документы, а также действует ряд подпрограмм по стимулированию использования патентов малыми и средними компаниями в рамках сети INSTI (инновационное стимулирование немецкой экономики посредством научно-технической информации).

Поощрение обеспечения патентной защиты и использования интеллектуальной собственности в рамках инновационной политики осуществляется как посредством законодательных норм, так и путем реализации соответствующих поддерживающих программ.

Исключительно важное внимание уделяется совершенствованию законодательства в области охраны и использования интеллектуальной собственности. Система патентной защиты и охраны промышленных образцов в Германии считается самой сильной среди развитых стран и служит образцом для других государств и Европейского патентного ведомства. Главные усилия концентрируются сегодня на введении Европейского «коммунитарного» патента (European Community Patent), которое, как полагают, позволит существенно снизить издержки, связанные с защитой интеллектуальной собственности. Важным признается также установление так называемого льготного периода для патентной защиты, учитывающей временной разрыв между временем обнародования результатов научных исследований (путем их опубликования или в материалах конференций) и заявкой на охрану интеллектуальной собственности.

* * *

Таким образом, германскими элитами и обществом в целом осознаны объективные вызовы постиндустриального развития. Происходит мобилизация и концентрация политической воли и усилий на формулировании и реализации, отвечающей требованиям дня инновационной политики, нацеленной на ускоренный перевод германской экономики на новую, инновационную модель развития. Решающая роль в модернизации инновационной сферы отводится государству. Эта задача декларируется в качестве «национальной идеи», в воплощении в жизнь которой привлечены все слои населения. Критически важная роль в этом отводится гражданскому обществу. В качестве теоретической основы практических преобразований экономики принята концепция национальной инновационной системы В ее рамках идет постоянное

совершенствование правового обеспечения (налогового, инвестиционного, по охране интеллектуальной собственности и др.). Принятие политических решений в инновационной сфере все в большей мере базируется на результатах проведения форсайт-исследований.

Важно, что модернизация институциональной инфраструктуры национальной инновационной Германии идет по эволюционной модели с учетом особенностей развития хозяйственного уклада. Акцент делается на активные и системные действия государства по формированию недостающих или недостаточно развитых элементов инновационной структуры и по упрочению их взаимодействия (государственно-частные партнерства, сетевые национальные и региональные специализированные информационные системы, сетевые формы организации инновационной деятельности и ее обеспечения, государственные рамочные программы научных исследований и др.). Особое внимание уделяется формированию центров совершенства на всех «этажах» национальной инновационной системы.

Наблюдается последовательное улучшение условий охраны интеллектуальной собственности как по линии обеспечения защиты, так и в плане облегчения ее коммерциализации. Правительство проводит ясную политику по отношению прав на интеллектуальную собственность в общественном секторе НИОКР. Права на результаты «грантовых» исследований закрепляются непосредственно за организациями-исполнителями с возможностью долевого участия в роялти отдельных ученых или исследовательских коллективов. В ряде случаев в обязанность научно-исследовательских институтов, получающих бюджетное финансирование, вменяется осуществление патентования результатов НИОКР и их коммерциализации. Немецкое государство проводит существенную поддержку этих мероприятий прямыми и косвенными методами.

Общим правилом проведения инновационных преобразований в Германии стало осуществление повсеместной системы мониторинга и оценки эффективности проектов НИОКР, осуществляемых при государственной поддержке, в том числе и с участием международной экспертизы. Повышенное внимание германское государство и предпринимательство уделяют мерам по развитию государственно-частных партнерств, укреплению взаимодействия между наукой и бизнесом, в процессе формирования национальной инновационной системы. Идет активная формализация этого взаимодействия в рамках проводимой государственной стратегии на создание кластерной и сетевой инновационной инфраструктуры. Усиливается поддержка малого и среднего предпринимательства как важного участника процесса создания новой экономики.

Глава 13. Региональные кластеры в Восточной Германии как фактор конкурентоспособности национальной экономики

Расширение ЕС за счет стран ЦВЕ перенесло территорию Восточной Германии с периферии в центр крупнейшего единого внутреннего рынка в мире, закрепив тем самым на восточном рубеже ФРГ зону стабильности и демократии. В составе самого передового и развитого интеграционного объединения новые федеральные земли получили новый импульс для своего дальнейшего развития, основным препятствием для которого по-прежнему остаются структурные проблемы экономики этих земель и особенности специализации местных предприятий. Восточногерманское хозяйство по-прежнему находится в хронической зависимости от помощи Западной Германии. В рамках механизма финансового выравнивания общие суммы трансфертов в новые земли достигли за период с 1991 по 2003 г. около 1,3 трлн евро. При этом почти наполовину финансовая помощь была израсходована не на интенсификацию хозяйственных процессов, а на социальную поддержку населения.

Таблица 13.1

Мотивация инвесторов в Восточной Германии

Мотив	В целом	В том числе строительство	Торговля	Обрабатывающая промышленность
Выход на рынок	59,4	78,6	86,6	47,9
Сокращение издержек производства	32,4	16,7	10,7	41,7
Оба мотива	8,2	4,7	2,7	10,4

Источник: Опрос info Konjukturtest, 2006.

Не случайно, у восточногерманских производителей существуют опасения, что те инвесторы, которые уже разместили свои предприятия в Восточной Германии в целях снижения издержек производства,

после амортизации основных капиталов переместят их в страны ЦВЕ. Такая мотивация характерна для 32% иностранных и немецких инвесторов в этом регионе. Особенно она высока среди предприятий обрабатывающей промышленности (42%)[1]. Мотивацию инвесторов в Восточной Германии отражает таблица 13.1.

Для поддержания конкурентоспособности восточногерманских предприятий государство использовало методы промышленной политики, обеспечивающие скорейшее развитие предприятий и отраслей хозяйства при активной поддержке государства. Для предприятий Восточной Германии, перенявшей институциональные нормы Запада, острейшей проблемой стало выживание в условиях мощнейшей международной конкуренции, с которой они столкнулись сразу после объединения. При этом, по подсчетам экспертов, если бы комбинаты и предприятия новых федеральных земель переводились последовательно в рыночный режим функционирования, это повлекло бы за собой ликвидацию 3/4 рабочих мест. Поэтому в защиту от конкуренции применялись государственные субсидии, что только затянуло процесс адаптации.

Предпосылкой для преодоления такой ситуации стало пристальное внимание региональной политики к различным исходным условиям трансформации в новых землях и к разным возможностям экономического развития. Соответствующие шаги были сделаны как на уровне федерации, так и на уровне земель. Примером целенаправленного повышения конкурентоспособности регионов является проводимая в Германии кластерная политика, основной целью которой является не прямое субсидирование, а создание благоприятных условий для развития инноваций и производства высокотехнологичной продукции.

Создание кластеров строится на эмпирически хорошо обоснованной рабочей гипотезе, которая, по мнению руководителя Центра технологии VDI Б. Хаусберга, состоит в том. что большие шансы и перспективы имеют те регионы, где все участники, включенные в цепочку создания материальных ценностей, — научные учреждения, исследовательские институты, образовательные заведения, финансовые круги, а также политики, администрации и общественные объединения, — сотрудничают гибко и сообразно спросу. Таким образом, экономический и инновационный профиль региона становится решающим конкурентным фактором.

---

[1] Die wirtschaftliche Entwicklung der neuen Länder im internationalen Standortvergleich // Bericht des Bundesamtes für Bauwesen und Raumordnung. http://www.bbr.bund.de/cln_007/nn_21834/DE/Forschungsprogramme/AufbauOst/ RegionaleEntwicklung/ Standortvergleich/01__Start.html.

В Национальном институте конкурентоспособности разработана концепция идентификации кластера[1]. Кластерами называют *сконцентрированные на определенной территории предприятия, использующие фактор географической близости как преимущество за счет сокращения издержек производства в использовании общей научной и технологической инфраструктуры.* В кластерах конкуренция между фирмами обостряется, поэтому чаще образуются временные альянсы для взаимного повышения конкурентоспособности компаний, дифференциации и повышения качества спроса на товары. Кластер обладает профилирующей для региона отраслью, объединяющей также отрасли-поставщики и отрасли-потребители ее продукта, а также производителей соответствующего оборудования и услуг, в первую очередь научно-образовательных и высокотехнологичных[2].

Важной особенностью кластера следует назвать его инновационную ориентированность. Наиболее успешные кластеры формируются там, где осуществляется или ожидается «прорыв» в области техники и технологии производства с последующим выходом на новые «рыночные ниши». Конкурентоспособная на мировом рынке продукция профилирующей отрасли кластера соответствует определенному набору критериев: ее доля на рынке продукции профилирующей отрасли (национальном и мировом) превышает среднюю долю экономики региона (ВРП) на этом рынке; темпы прироста продукции кластера превышают средние темпы прироста ВРП, при этом конкурентоспособность кластера с учетом удельных затрат и качества продукции не уступает соответствующим секторам экономики других стран и регионов, происходит активное развитие кластерных брендов. Уровень занятости в кластере растет за счет привлечения и формирования новых субъектов экономической деятельности в родственных и поддерживающих отраслях, а также за счет государственной политики занятости и обучения, поэтому противоречия между повышением производительности труда в результате объединения фирм в кластер и уровнем занятости на территории региона не возникает. Многие страны — как экономически развитые, так и с переходной рыночной экономикой — все активнее осваивают «кластерный подход» для развития своих национальных инновационных программ и решения смого широкого круга задач[3].

---

[1] *Рябченюк Ю.* Автомобильные кластеры в системе региональной экономики // Автобизнес. 2006, декабрь.

[2] *Николаев М.* Кластерная концепция эффективной интеграции регионов в глобальную экономику // Проблемы современной экономики. 2005. № 1(13).

[3] *Аканов А.А.* Кластеры и инновационные технологии в медицине. Вопросы ментальной медицины и экологии. Том XI. № 2. Москва-Павлодар, 2005. С. 7–12.

При этом кластерный подход оказывается оптимальным для конкурентного развития как самого кластера, т. е. компаний и институтов, входящих в его состав, так и для того региона, на территории которого этот кластер находится. В отличие от отраслевого подхода, по сути деформирующего конкуренцию за счет лоббирования интересов отдельной отрасли или компании и как следствие «перетекания» выгод в одну из отраслей, кластерный подход позволяет сформировать комплексный взгляд на государственную политику развития региона с учетом потенциала роста региональных экономических субъектов. Более того, основанная на развитии диалога между ключевыми игроками региона, формировании совместного видения и общих целей, кластерная политика снимает ограничения территориального подхода, не позволяющего адекватно оценить взаимосвязи между корпорациями и другими субъектами рынка.

Основные направления кластерной политики состоят в налаживании эффективной коммуникации между участниками кластера, ВУЗами, НИИ и органами власти и управления, представление компаний на международной арене, а также в поддержке инновационной деятельности. При этом трансферт знаний в Германии происходит не только между тремя главными группами кластера (предприятия — ВУЗы — конструкторские бюро), но и внутри них, к примеру, между субпоставщиками, системными поставщиками и конечными производителями или инженерными бюро, производителями программного обеспечения и информационной сферой услуг, а также университетами, профессиональными училищами и институтами Общества Фраунгофера. Кластеры развиваются динамично, если, как минимум, один ведущий актор благодаря своему особенному потенциалу роста и инновационной активности может подавать импульсы развития для других партнеров по кооперации. Кластерная политика, при этом рассматривается как ключевой инструмент повышения конкурентоспособности отраслей и регионов, инновационного потенциала и экономического развития в средне- и долгосрочной перспективе.

Согласно исследованиям Института экономики Общества Макса Планка, быстрорастущие регионы внутри новых федеральных земель Германии представляют собой классические примеры так называемой экономики кластеров. Это подразумевает наличие небольших по площади регионов, обладающих очень высокой концентрацией компаний, работающих в одной и той же или в смежных отраслях. Причем это явление следует рассматривать в контексте проводимой государством региональной инновационной политики, поскольку оно представляет значительный интерес с точки зрения эффективности хозяйствования.

Заметную роль в Германии в процессе образования кластеров играют университеты Они выполняют три основные функции: обеспечивают региональный и межрегиональный рынок высококвалифицированными кадрами, гарантируют возможности для региональной исследовательской кооперации и содействуют образованию новых организаций, возникающих на основе научных учреждений. Однако этот процесс получает так называемый региональный контекст только в том случае, если выпускники занимают рабочие места на местных предприятиях, новая продукция находит спрос в частном и государственном секторе и находятся предприятия-партнеры, которые готовы и имеют возможность финансовой поддержки процесса исследовательской кооперации.

Таким образом, региональная ориентация немецких университетов и их влияние на регион зависят в существенной степени от состояния региональной экономической инфраструктуры и заинтересованности производственных и межпроизводственных акторов. Именно поэтому трудная социально-экономическая ситуация в новых федеральных землях сразу после объединения также оказала сдерживающее влияние на процесс кластеризации экономики Восточной Германии.

Так называемый matching-process[1] сразу после объединения страны по многих причинам едва ли мог быть реализован. На комбинатах крупные отделы исследований и разработок были ликвидированы. Оставшиеся дочерние компании практически не могли задействовать сокращенный персонал. Те, кто работал, были непосредственно включены в производственный процесс отраслевых отделов. Большинство предприятий направляло своих инженеров выполнять клиентоориентированные заказы. Создание собственных центров исследований и разработок было возможно лишь в редких случаях. В университетах научный ландшафт также подвергся значительным деформациям. Исследовательский потенциал оценивался по критериям научной содержательности, не акцентируя регионально-политическую основу. Многие ученые пришли с Запада и, как правило, не имели представления об экономическом потенциале восточногерманских регионов.

На фоне разрыва связи между университетами и предприятиями в первое время после объединения Германии возникли и другие негативные последствия для кооперации науки и бизнеса Вследствие низкого спроса в новых федеральных землях на выпускников в первые 10 лет объединения контакт между университетами и предприятиями

[1] Пер. с англ. «процесс связывания» — в данном контексте науки и бизнеса.

еще больше ослаб. Большая их часть была вынуждена начать карьеру в западногерманских землях или менять квалификацию. Это также объясняет, почему развитие науки в университетах и профилирование институтов и кафедр протекало полностью независимо от восстанавливающейся промышленности.

Сегодня matching-process постепенно набирает силу. Предприятия, столкнувшиеся с обострившейся конкуренцией в области инноваций, все чаще ставят перед собой честолюбивые цели, для достижения которых они могут опираться на внешнюю помощь. Кроме того они обладают нужным персоналом, способным, как говорят, задавать правильные вопросы. Университеты все больше получают финансирование от бизнеса, все чаще находят партнеров в бизнес-среде, которые готовы предоставлять как финансы, так и специалистов. Растет числе предприятий, способны стать партнерами в области исследований и инноваций.

Таким образом, при сохранении заметных региональных различий инновационный потенциал восточногерманских земель существенно вырос. Во многом это произошло благодаря структурным изменениям в наукоемких отраслях производства, научной и исследовательской деятельности и инновационной активности предприятий, а также динамике предпринимательского ландшафта в наукоемких секторах хозяйства. В то же время сохраняется отставание от Западной Германии по многим важным индикаторам экономического развития, в том числе по доле ВВП и занятости, экспортной квоте и производительности труда.

В настоящее время доля занятых в научно-исследовательском секторе в Восточной Германии составляет 1–2% (около 2% — в среднем по западногерманским землям). В ней больше, чем на западе, лиц, получивших профессиональную подготовку, а также лиц с высшим образованием. Прежде всего, это относится к наукоемким отраслям обрабатывающей промышленности. На общеевропейском фоне Восточная Германия выгодно отличается как от новых членов ЕС, так и от других отсталых регионов Западной Европы, в большинстве из которых этот показатель не превышает 1%.

Вопреки существующему мнению, доля предприятий, производящих инновационную продукцию, в Восточной Германии даже немного выше, чем на западе. Этот на первый взгляд неожиданный результат объясняется различиями в отраслевой и производственной структурах в обеих частях страны. По некоторым исследованиям рынка восточногерманские инновационные предприятия имеют более высокую в процентном соотношении долю товарооборота новинками в сравнении

с Западной Германией. Значительные различия возникают однако при оценке отдельных отраслей. Так, в Восточной Германии высокая доля предприятий, производящих инновационную продукцию, сконцентрирована в менее технологичных и перспективных отраслях хозяйства, как-то, например, пищевкусовая, текстильная промышленность, производство одежды, бумажная, печатная промышленность, производство стекла, керамики, резиновая, синтетическая и деревообрабатывающая промышленность. При этом в новых федеральных землях сокращение производственных расходов за счет нововведений значительно меньше, чем в Западной Германии (менее половины уровня производственной рационализации западногерманских фирм). Это означает, что инновационная эффективность восточногерманских предприятий ниже, чем у западных фирм.

Современная инновационная политика в отношении восточногерманских регионов стоит перед тройным вызовом: необходимо разработать подходы и инструменты для адаптации и модернизации инновационной системы, согласовать их применение с многочисленными заинтересованными участниками, учесть фактор сокращающихся субсидий со стороны государства.

В настоящее время в Германии используется обширный государственный инструментарий поддержки инновационного сектора экономики, который основывается на трех компонентах: содействие внедрению научно-исследовательских результатов в экономику, развитие кооперации между наукой и бизнесом, содействие в развитии новых инновационных предприятий и мелкого и среднего бизнеса.

Центральным инструментом в интенсификации научно-исследовательских результатов в промышленности является специальная программа содействия научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам (НИОКР) как широкоформатная платформа для улучшения отраслевой структуры. В 2003 г. в программу было включено около 40% всех восточногерманских занятых в сфере развития и внедрения НИОКР. Она принесла немало положительных сдвигов, но. одновременно существуют опасения, что достигнутые благодаря ей высокие результаты в сфере НИОКР едва ли окажутся устойчивыми без продолжения финансирования. Вдобавок препятствием для более эффективного использования инноваций в экономическом развитии являются особенности производственной структуры новых земель.

Инновационный потенциал новых федеральных земель в значительной степени строится на деятельности малых и средних предприятий. В исследовательских центрах Восточной Германии на них заня-

то около 70% всех сотрудников, в то время как в Западной Германии они работают в основном в крупных фирмах. Другая особенность новых земель — высокая доля высококвалифицированных занятых в секторе услуг. Она составляет в них 17% в сравнении с 3% в Западной Германии[1]. Поскольку в этом секторе производства наблюдается острейшая конкуренция, большинство инновационных предприятий Восточной Германии возникло и существует только благодаря государственному инновационному содействию. Всего около 9/10 всех восточногерманских предприятий (на западе около 1/3) имеют в той или иной форме финансовую поддержку от государства.

Развитие кооперации между промышленными предприятиями и научными учреждениями существенно повысило конкурентоспособность фирм, участвовавших в развитии кооперационных инновационных сетей. При этом важной сопутствующей целью государственной программы их поддержки стала смена методов работы (благодаря трансферту знаний), расширение компетенций (благодаря кооперации между различными акторами) и общее снижение препятствий на пути межпроизводственной кооперации. Среди предприятий, расположенных в восточногерманских кластерах, нарастает четкое убеждение в необходимости тесной кооперации в сфере НИОКР. Это помогает предприятиям лучше решать проблемы, происходит более интенсивный трансферт инноваций. Для малых предприятий ведущих кластеров исследования и разработки играют зачастую важную или очень важную роль. Поэтому кооперация в сфере инновационного развития между предприятиями и исследовательскими институтами продолжает нарастать быстрыми темпами.

Центром и истоком научных исследований в новых федеральных землях являются в первую очередь университеты, где проводятся академическое обучение и фундаментальные исследования. К тому же они играют важную роль как предпосылка и импульс для развития новых предприятий. Таким образом, университетские центры создают фундамент для инноваций. При этом необходимый трансферт результатов научных исследований зависит, прежде всего, от генераторов знаний и окружающих научных институтов. Это требует наличие функционирующих структур в окрестностях университетов, которые смогут организовать промышленное внедрение научных продуктов. К ним могут относиться внеуниверситетские институты, инициативные кооперационные сети, инновационные центры. Также

---

[1] Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über die wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland / Sonderheft des IWH. Halle, 2003. No 7. S. 14.

решающую роль играют структура, дееспособность и восприимчивость окружающего предпринимательского ландшафта.

Одной из главных проблем для развития инновационных предприятий в новых федеральных землях является поиск собственного и заемного капитала для развития НИОКР и инноваций. В связи с этим инициатива ЕС в сфере софинансирования частных инвесторов в рамках нового фонда начального капитала дает устойчивые предпосылки для повышения конкурентоспособности восточногерманских предприятий, работающих в сфере НИОКР.

В настоящее время в каждой новой федеральной земле действуют программы по развитию НИОКР и инноваций, прежде всего за счет помощи малым и средним предприятиям, содействия образованию новых фирм, а также внешних учреждений по разработке промышленных инноваций. Земельные программы ориентированы главным образом на проекты по развитию технологий в определенных секторах, усиливающие конкурентные преимущества региона, а также содействующие образованию и развитию региональных кооперационных сетей. Финансирование предприятий зависит от их размеров, объемов обеспечения собственным капиталом, технологической специализации и целей региональной политики конкретной федеральной земли.

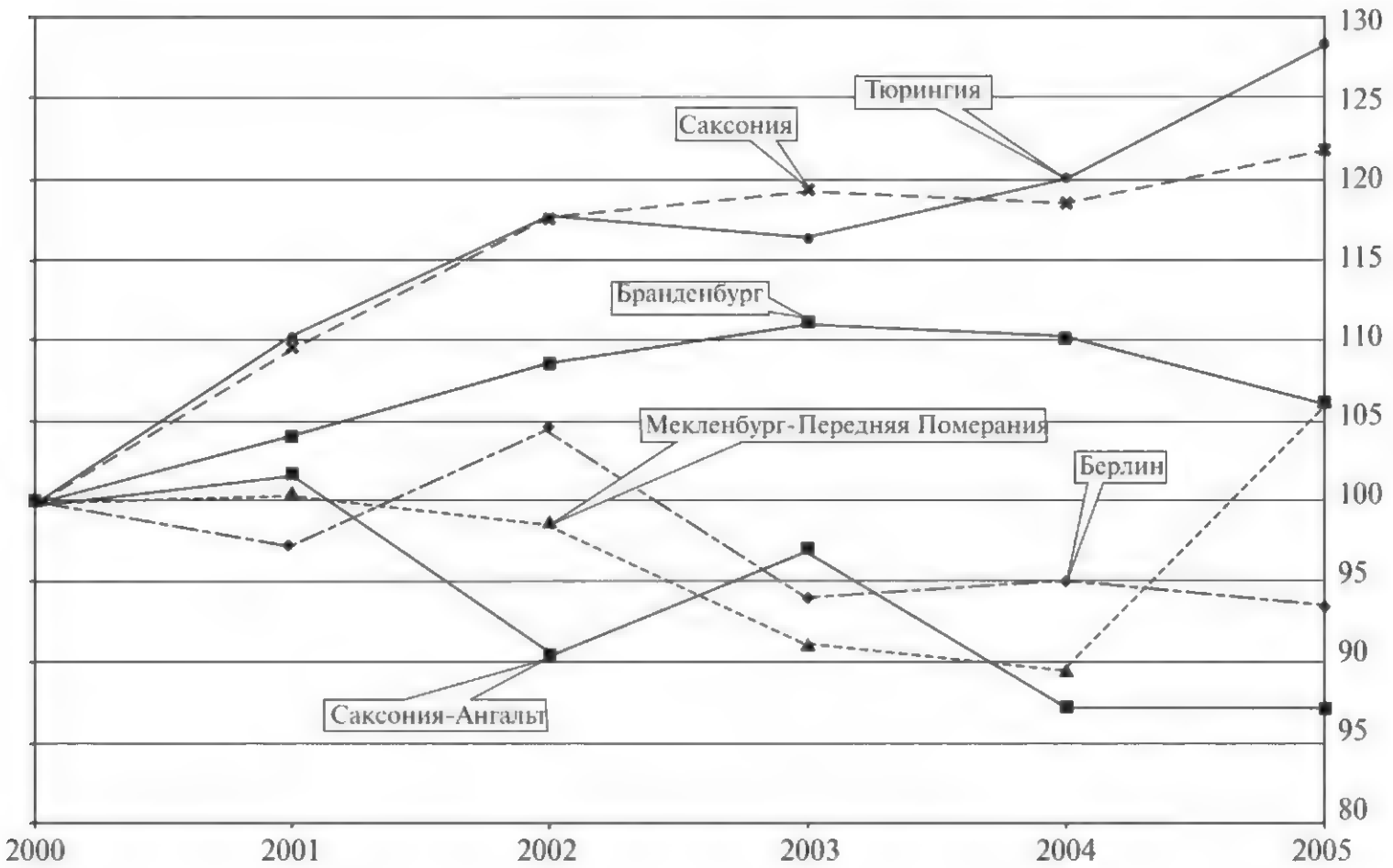
Таким образом, высокий уровень наукоемкости производства в новых федеральных землях, как и большая доля занятых на них, обеспечивается за счет существенной государственной помощи. Восточногерманские предприятия сферы НИОКР пока не могут вступить в реальную конкуренцию с западными производителями в данном секторе экономики.

Важным элементом эффективного экономического развития является способность предприятий и регионов создавать специфические инновационные продукты и методы, которые имеют высокий спрос на рынке. Речь в первую очередь идет о патентах. Они отображают степень развития региональных экономических инноваций и являются ключевым индикатором инновационной ориентации региональных экономик. На общеевропейском фоне Восточная Германия имеет достаточно весомые позиции в этой сфере. По количеству регистраций патентов в области информационных и коммуникационных технологий она имела в 2002 г. показатель 10–50 регистраций на 1 млн занятых и опережала регионы восточноевропейских стран, где они составили в том же году менее 10 на 1 млн занятых. Внутри Восточной Германии существуют значительные порайонные различия в сфере патентования и НИОКР. Особое место здесь занимает

Саксония. В 2007 г. на нее пришлись около 38% заявок на патенты всех новых федеральных земель. В этом регионе располагаются 21 технологический центр (в Тюрингии 20 центров), в которых задействованы примерно 707 фирм с почти 4,2 тыс. работниками. Всего на нее приходятся примерно 46% занятых в сфере НИОКР Восточной Германии, т. е. почти половина всех восточногерманских мощностей в этой сфере. В соседней Тюрингии располагаются 5 университетов, 4 специальных высших учебных заведениях, 11 внеуниверситетских исследовательских учреждений. На фоне остальной Восточной Германии эти две земли выделяются самыми высокими показателями патентной динамики. (см. также диаграмму 13.1).

Диаграмма 13.1

Патентная динамика в землях Восточной Германии с 2000–2005 гг.



С помощью данных о регистрации патентов[1] и специальных письменных опросов определяются основные восточногерманские центры инновационного развития. За исключением Берлина все восточногерманские регионы по этому показателю отстают от уровня регионов

[1] Количество патентов на 100 тыс. жителей.

Западной Германии. Достаточно высокими значениями отмечены следующие территории[1]: Верхняя долина Эльбы/Восточные Рудные горы, Берлин, Восточная Тюрингия, Хемниц–Рудные горы, Хавельская возвышенность[2].

Анализ отраслевой структуры патентов показывает, что наибольшая доля восточногерманских патентов в общем объеме немецких патентных регистраций наблюдается в области неорганической химии, а также в секторе ферментации, сахарной и кожной индустрии. Последний сектор по большей части охватывает сферу биотехнологий. Также слегка выше в общегерманском объеме патентов восточногерманские доли в области электротехники, электронной контрольно-измерительной техники, оптики и фотографической техники[3]. В 2004 г. Институт экономического развития Галле провел исследование структуры размещения центров инновационного развития, территориально сконцентрированных промышленных отраслей хозяйства и кооперационных сетей предприятий в регионах Восточной Германии. На основании полученных данных об этих трех составляющих был выделен целый ряд развитых и формирующихся региональных кластеров в Восточной Германии. При этом ведущие промышленные отрасли в регионах определялись по доле занятых в ней на одном или нескольких промышленных предприятиях[4] в пределах одного административного района, а также от общего числа занятых в отрасли в Восточной Германии. Эмпирический анализ показал, что такие промышленные центры с определенной специализацией присутствуют во многих восточногерманских регионах. К тому же в сравнении с западногерманскими регионами доля занятых в обрабатывающей промышленности значительно ниже. Сравнительно больше, чем на западе, оказалась доля занятых в сельском и лесном хозяйстве, строительстве и государственном секторе.

Инновационная деятельность в Восточной Германии концентрируется в наиболее промышленно развитых районах, а именно в окрестностях Берлина, в Тюрингии и Саксонии. При этом на их террито-

---

[1] Raumordnungsbezirke (*нем*). Количество патентов на 100 тыс. жителей.

[2] Пер. с нем.; оригинальные названия: Oberes Elbtal/Osterzgebirge, Berlin, Ostthüringen, Chemnitz-Erzgebirge und Havelland-Fläming.

[3] Prof. Dr. Martin T.W. Rosenfeld, Dr. Peter Franz u.a. "Innovative Kompetenzfelder, Produktionsnetzwerke und Branchenschwerpunkte der ostdeutschen Wirtschaft" im Auftrag des Bundesamtes für Bauwesen und Raumordnung. Endbericht Halle/Saale, Oktober 2004.

[4] До 7 предприятий. См.: Innovative Kompetenzfelder, Produktionsnetzwerke und Branchenschwerpunkte der ostdeutschen Wirtschaft. Forschungsauftrag des Bundesministeriums für Verkehr, Bau und Wohnungswesen // IWH-Pressemitteilung von 2. November 2004. Halle. No 37.

рии выделяются крупные агломерации, которые занимают лидирующие позиции по всем исследуемым показателям.

В Берлине и его окрестностях, а также в Дрездене в основном размещаются предприятия сферы услуг высокотехнологического профиля, в то время как в регионах Центральной, Южной и Восточной Тюрингии, а также в районе Хемниц–Рудные горы — предприятия передовых высокотехнологических отраслей хозяйства.

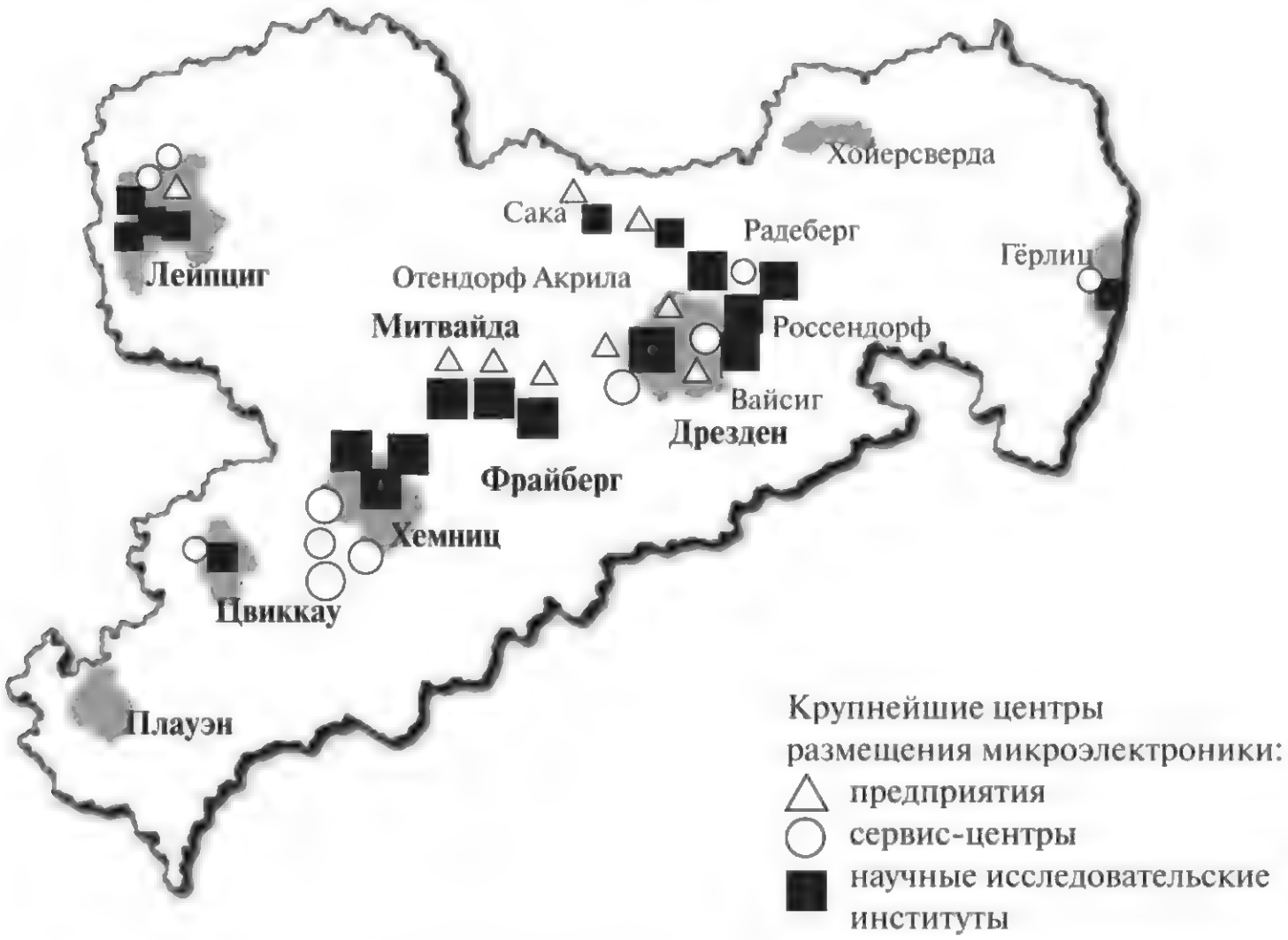
Рассмотрим более подробно эти регионы. Начнем с Саксонии, в которой с 1990 г. разместилось более 6 тысяч предприятий и были сформированы разные кластеры — это микроэлектроника и информационные технологии, технологическое оборудование и производство новых материалов, автомобильная техника, биотехнологии и производство экологического оборудования. Их основной являются высококвалифицированные кадры. Каждый третий трудящийся саксонец является обладателем диплома специального высшего учебного заведения или имеет законченное высшее образование, в старых федеральных землях это только каждый пятый.

В Саксонии инновационный коэффициент продуктов, т. е. доля инновационных продуктов в общем товарообороте саксонской промышленности, в 2005 г. составил 4,5% при среднем показателе 3,6% в Восточной Германии, а доля расходов на НИОКР составляет 2,3% от ВВП (2005). Это единственная из новых федеральных земель, которая вплотную приблизилась к среднему по Германии значению в 2,5%. В этом регионе накоплен богатый научно-образовательный потенциал: 7 университетов или университетских учреждений (Университет Лейпцига, Технический Университет Дрездена и Технический Университет Хемница, Технический Университет Bergakademie в Фрейберге, Высшая торговая школа Лейпцига и Интернациональный Университет Дрездена), где в 2007–2008 гг. обучалось более 76 тыс. студентов.

В отрасли информационной технологии Саксонии (микроэлектроника, информатика, измерительно-регулирующая техника (сенсорика, считывание, преобразование данных), техника связи и передачи информации, телекоммуникации и электротехники) заняты около 1,5 тыс. предприятий и фирм — с приблизительно 43 тыс. работников. Непосредственно в микроэлектронике работает до 200 предприятий с числом занятых 20 тыс. человек. Здесь размещены предприятия всемирно известных концернов таких, как AMD, Infineon, Siltronic и Applied Materials. 150 фирм зарегистрировано в сфере биотехнологий с числом занятых около 6 тыс. человек (см. картосхему 13.1)

Картосхема 13.1

Основные центры размещения микроэлектроники в Саксонии



Источник: Wirtschaftsfoerderung Sachsen, 2008.

Особую роль играет столица Саксонии — г. Дрезден, в котором исторически сложился широкий спектр наукоемких производств — электроники, общего машиностроения, точной механики и оптики, фармацевтики. Возникшие здесь еще в годы существования ГДР центры НИОКР послужили основой модернизации всей его хозяйственной структуры. Так, Институт молекулярной электроники, основанный еще в 1961 г., превратился в ведущий в восточноевропейском пространстве центр по исследованию, развитию и производству ZMD. Основным направлением структурных преобразований в Дрездене после объединения страны стало развитие электротехнической и электронной отрасли, которые и ранее играли весьма заметную роль[1].

[1] В 1989 г. около одной шестой всей продукции ГДР этих отраслей было произведено в регионе. Самым крупным предприятием был комбинат «Роботрон» с широким спектром продукции, особенно в области микроэлектроники.

В 1994 г. концерн «Сименс» основал в нем свой филиал Siemens Mikroelectronics Center GmbH (SIMEC). В 1996 г. здесь же обосновалась американская компания AMD, которая разместила здесь свои производства AMD Saxony LLC & Co. KG (Fab 30) и AMD Fab 36 LLC & Co. KG. В оба предприятия намечено инвестировать более 4,7 млрд долларов США. В настоящее время AMD Fab 30 производит микропроцессоры седьмого поколения (семейство AMD Athlon™), а также процессоры восьмого поколения (AMD Opteron™ и Athlon™ 64). На AMD Saxony, в Дрездене в настоящее время заняты 2 тыс. работников. На AMD Fab 36 намечается создание еще 1 тыс. рабочих мест. Около 200 компаний микроэлектронной отрасли Саксонии создали объединение Silicon Saxony e.V., которая по своей сути является сетевой структурой. Созданы центры развития нанотехнологий, объединение информационной экономики, телекоммуникации и новых средств массовой информации Саксонии (SAX-IT — Verband der Informationswirtschaft, Telekommunikation und Neue Medien Sachsen e.V.), Саксонский центр телекоммуникации (Sächsisches Telekommunikationszentrum e.V. Sächs-Tel). Все они представляют собой платформу для налаживания и расширения контактов между экономикой, наукой и административными органами. Таким образом, можно говорить о наличии в Дрездене и его окрестностях регионального кластера, специализирующегося в области микроэлектроники и информационных технологий.

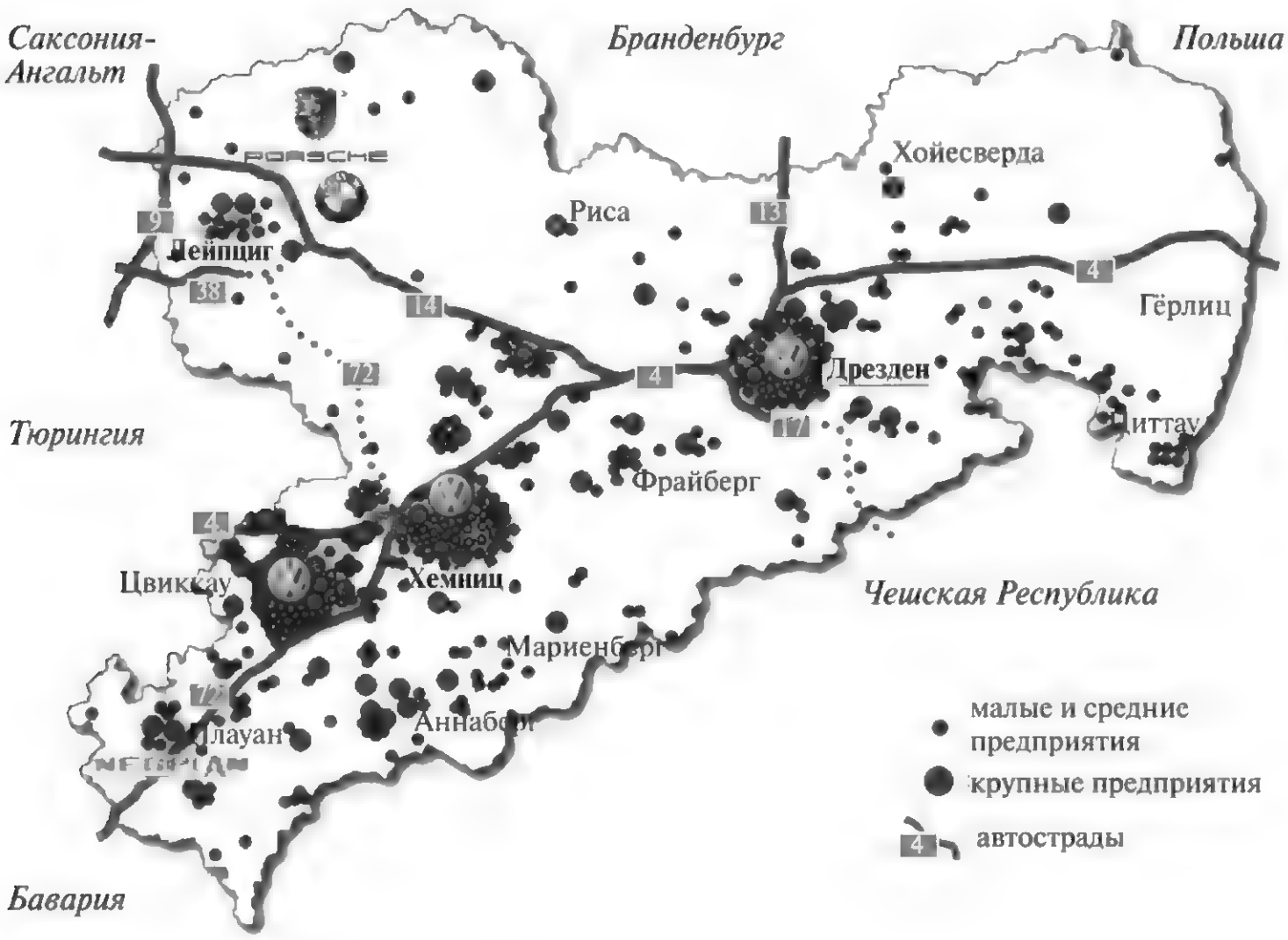
Большое число саксонских предприятий специализируется на выпуске продукции машиностроения и производстве автомобильной техники (примерно по 450 предприятий с числом занятых 34 тыс. и 62 тыс. человек соответственно).Главные отрасли машиностроения — это производство металлорежущих станков, насосных и компрессорных установок, подъемно-транспортного оборудования. Наибольшая концентрация предприятий машиностроения наблюдается в районе Хемниц–Цвиккау. Предприятия автомобилестроения и поставщики автомобильных запчастей размещаются главным образом вокруг крупных агломерационных центров Саксонии. Автосборка марки Volkswagen (предприятие OEM)[1] производится в Дрездене, Хемнице, Цвиккау; BMW и Porsche — под Лейпцигом. Таким образом, сформировался автомобильный кластер, в который входят компании по производству автомобилей и комплектующих, сервис-центры, исследовательские институты и различные объединения, в том числе BMW, Daimler AG, Opel,

[1] OEM-предприятие = Original-Equipment-Manufacturer (*англ.*) — предприятие — изготовитель комплексного оборудования (на основе покупных комплектующих).

Porsche/Volkswagen, KUKA Schweissanlagen GmbH, MITEC Automotive AG, Schnellecke Group, Siemens VDO Automotive AG, TRIMET Aluminium AG, Немецкий индустриальный банк, Институт имени Фраунгофера, Технический университет Дрездена, Высшая школа торговли Лейпцига. Автомобилестроение в Саксонии отражает картосхема 13.2.

Картосхема 13.2

Основные центры размещения автомобилестроения в Саксонии



Источник: Wirtschaftsfoerderung Sachsen, 2008.

Биотехнология — относительно молодая инновационная отрасль Саксонии, которая находится на стадии перерастания в промышленную отрасль.

Для обеспечения оптимальных условий в целях развития биотехнологии земельное правительство разработало программу «Прорыв Саксонии в области биотехнологий» («Biotechnologie-Offensive Sachsen»). Она должна содействовать решению двух первостепенных задач: поддерживать создание новых инновационных и успешных

предприятий и активное привлекать инвестиции в отрасль «наук о жизни» (Life Sciences). Саксония стремится повысить свою международную конкурентоспособность и стать ведущим регионом в сферах тканевого инжиниринга (Tissue Engineering), нанотехнологий и клеточных машин. Разработка и производство биочипов или миниатюрных систем диагностики требует ноу-хау как из сферы молекулярной геномики и протеомики, так и из области инженерно-технических наук, информатики и биомедицины. С целью объединить под одной крышей все работы по биотехнологии в Саксонии, правительство Саксонии учредило марку «biosaxony».

В Тюрингии успешно развивается технологический региональный кластер Йена–Эрфурт–Ильменау. Йену называют классической моделью научно-технологического центра. Она является центром высокотехнологического производства уже последние полторы сотни лет. Компания Carl Zeiss производила здесь высококачественную оптику, а на нее работали десятки мелких фирм. С 1994 по 2001 г. число программистов, проживающих и работающих в Йене, удвоилось и достигло 1100 человек, что превысило 1% населения города, и этот высокий уровень сохраняется до сих пор. Сегодня в Йене 23% занятых имеют высшее образование. Это второе место по числу людей с высшим образованием после Мюнхена среди городов Германии. Этому способствовало значительное расширение инновационной инфраструктуры города. Так, были образованы 5 центров по развитию технологий, малого и среднего бизнеса, центр прикладного внедрения микросистем и созданы кафедры и специальности в университетах.

Сегодня можно говорить о формировании в Тюрингии кластера в области оптического производства. Здесь размещается 162 предприятия оптической промышленности с числом занятых более 12,5 тыс. человек. Среди них 35% предприятий работают в секторе измерительной техники и сенсорики, еще 29% в области оптики и механики, еще 17% в секторе лазерного производства. Экспортная квота отрасли составляет 59%. При Университете им. Фридриха Шиллера в Йене, специализирующемся в области плазменной и лазерной физики, ученые разрабатывают самый мощный лазер в мире. Группа тюрингских фирм и научно-исследовательских учреждений владеет уникальным по всему миру ноу-хау бесклеевой оптики[1]. Оптический кластер имеет тесные интеграционные связи с биотехнологией и медицинской техникой.

Медикотехническая отрасль Тюрингии, насчитывающая порядка 200 фирм, также относится к инновационным отраслям промышлен-

[1] Монтаж оптических элементов без использования специального клея.

ности, на основе которых формируются инновационные кластеры. Корни тюрингской медицинской техники лежат в областях оптики, точной механики и фармацевтики. На этой основе в последние годы возникли новые фирмы в областях аналитики, лазерной техники, фармацевтической промышленности, медицинского инструмento- и приборостроения, а также технологии имплантатов. На национальном и международном уровне особое значение имеют тюрингские фирмы, специализирующиеся на офтальмологии и эндофоретике. Тюрингская медикотехническая промышленность по товарообороту относится к наиболее мощным отраслям экономики земли. Крупнейшая доля в ней принадлежит изготовителям электромедицинских приборов и инструментов. Многие тюрингские фирмы медикотехнической отрасли с научно-исследовательскими, производственными и сбытовыми структурами обосновались по всему миру. При этом доля экспорта составляет 50%. Тюрингские фирмы и научно-исследовательские учреждения медицинской техники сконцентрированы, прежде всего, в г. Йена на территории комплекса Beutenberg Campus и регионах Заальфельд-Рудольштадт и Гера–Цойленрода–Грайц. В этом технопарке вплотную расположены клиники, университетские и внеуниверситетские институты. Технопарк Beutenberg Campus — является ядром кластера биотехнологий, и соответственно имеет место тесная кооперация с предприятиями и учебными заведениями, связанными с медицинской промышленностью.

В Берлине и его окрестностях одной из ведущих отраслей является производство транспортной техники. Наибольшие перспективы представляет производство железнодорожной и авиационной техники, в то время как производство автомобильной техники играет менее заметную роль. В этой отрасли занято около одной десятой работающего населения в Берлине и Бранденбурге[1]. Всего около 250 предприятий промышленности и сферы услуг производит продукцию для железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта. Среди известных инвесторов присутствуют такие предприятия, как Daimler AG[2], BMW, Rolls-Royce, Adtranz и Siemens. Другой опорой транспортного машиностроения с высоким потенциалом экономического роста в Берлинском регионе является авиатранспортная отрасль. Предприятия воздушного транспорта Condor, Britannia Airways и DHL World Wide Aviation разместили свои филиалы в расширенном на базе

---

[1] Берлин расположен внутри федеральной земли Бранденбург.

[2] До 2007 г. — DaimlerChrysler AG. В Берлине размещаются 3 предприятия: Daimler Financial Services AG, Mercedes-Benz Plant, Mercedes-Benz Vertriebsgesellschaft mbH.

аэропорта Schoenefeld аэропорте Berlin-Brandenburg International. На юге Берлина, в Далевице, в 1993 г. предприятие BMW Rolls-Royce ввело в эксплуатацию завод по разработке и монтажу двигателей для самолетов.

Таким образом, Берлин и его окрестности сосредоточивают региональный кластер в сфере транспортной и телекоммуникационной техники; здесь зарождается кластер в области авиатранспортной техники. В этой отрасли региональная сеть поставщиков пока только формируется, так как двигатели в Далевице привозят из Западной Германии и из-за границы.

Также в окрестностях Берлина (в земле Бранденбург) размещается целый ряд крупных производств и технологических центров в области микросистем, пищевой промышленности, издательского дела, металлообработки, генных технологий и микробиологии, теле- и видеоаппаратуры. Лаборатории федеральной земли Бранденбург специализируются на разработке солнечных батарей. Использование «зеленой энергетики» в ЕС стимулируется правилами государственного субсидирования. Фирмы, разрабатывающие и производящие оборудование и технологии в этой сфере, могут получить компенсацию от государства в размере до 100% своих расходов на фундаментальные НИОКР[1]. Существуют и другие весьма значительные льготы.

На основе традиционных отраслей промышленности и сельского хозяйства в Магдебурге, в том числе благодаря федеральным программам, формируются инновационные экономические центры в сфере растительных биотехнологий, медицинской и фармацевтической промышленности, переработки пластмасс, химической промышленности, машиностроении, пищевой промышленности, производства автомобильных запчастей, порошковой металлургии и туризма. Созданы сети компетенции InnoPlanta в сфере растительных биотехнологий и MAHREG в сфере производства автомобильных запчастей.

Ганзейские города Грайфсвальд, Росток и Висмар, расположенные на берегу Балтийского моря в федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания, образуют еще один новый формирующийся полюс роста на северо-востоке страны с давними традициями судостроения и морской торговли. И сегодня профиль региона формируется за счет приморской специализации городов — современного судостроения и постоянно развивающего портового хозяйства. В Грайсвальде и Рос-

---

[1] *Каныгин П.С.* Энергетическая стратегия ЕС и российский экспорт энергоносителей // Современная Европа. 2007. № 2, апрель. С. 45.

токе зарождаются также кластеры биотехнологий. Росток — центр развития ветровой энергетике на севере Восточной Германии.

Новая инновационная отрасль, получившая бум на рынке Германии — фотовольтаика (или фотоэлектрогенерация, генерация электричества под воздействием света). Германия сегодня — крупнейший рынок потребителей фотовольтаики в мире (в 2007 г. — 51%, по данным отчета Европейской ассоциации фотовольтаической промышленности (European Photovoltaics Industry Association, EPIA) о новых установленных мощностях в 2006 г. (в мегаватт-пиках — Мвтп, MWp) и входит на втором месте в мире среди производителей оборудования для солнечной энергетики (20% мирового производства, по данным отчета EPIA, 2007 г., по производству фотовольтаических солнечных элементов 2006 г.). С 2004 по 2007 г. товарооборот кластера солнечной промышленности Восточной Германии вырос в 5 раз — до 2,5 млрд евро и, по-видимому, будут расти дальше.

Немецкие производители машин и оборудования сейчас лидируют в мире в производстве и поставке всех компонентов в этом секторе экономики — от производства материалов и солнечных ячеек до готовых модульных решений. Это же относится и к инновационным технологиям тонкопленочных модулей и органической фотовольтаике — гибких печатаемых солнечных элементов. Высокой динамике развития отрасли способствовали последние дополнения к закону о возобновляемой электроэнергетике[1].

Федерация инженеров Германии (VDMA) учредила новое подразделение — Форум фотовольтаического оборудования. Главная цель нового форума VDMA — усилить конкуренцию между производителями материалов, машин, оборудования для фотовольтаики. В облас-

---

[1] Закон о возобновляемых источниках энергии (EEG — *Erneuerbare Energien Gesetz*) от 2000 г. (дополняющий закон о внедрении возобновляемых источников энергии от 1991 г. — Stromeinspeisungsgesetz) гарантирует производителям включение произведенной энергии из возобновляемых источников в распределительные сети. В свое время он привел к массовому производству энергии на ветровых установках. В 2007 г. ветряные электростанции Германии произвели 14,3% от всей произведённой в Германии электроэнергии. По этому показателю она занимала 1 место в мире до 2008 г. Изменения, внесенные в 2003/2004 гг., улучшили юридические условия для производства солнечной энергии на фотогальванических элементах и частично нивелировали субсидирование производства ветровой энергии. В 2008 г. Германию по производству ветровой энергии уже обогнали США — 25,2 МВт против 23,9 МВт в Германии. Однако производство солнечной энергии быстро увеличивается. Изменения в закон от 2008 г., вступившие в силу в 2009 г., призваны содействовать развитию возобновляемых источников энергии и внедрить ее использование до 30% в общем объеме производимой энергии и до 14% в общем объеме производства тепла. [http://de.wikipedia.org/wiki/Erneuerbare-Energien-Gesetz].

ти производства электронных компонентов VDMA активно действует для развития фотовольтаики еще с 1995 г. Учреждение форума позволит расширить круг участников и перекрестных связей между членами VDMA.

Таким образом Восточная Германия постепенно превращается в мировой штандорт солнечной промышленности. Это касается как производства солнечной энергии, так и научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. В новых землях насчитывается 27 предприятий солнечной промышленности, 7 исследовательских учреждений, 4 из которых располагаются в Тюрингии. Кластеры солнечной промышленности формируются в Саксонии (предприятия микроэлектроники, производящие фотогальванические элементы), Саксонии-Ангальт. Они включают в себя многие НИИ, в том числе Институт Фрауенгофера, Общество Макса Планка, а также научно-исследовательские структуры Дрездена, Виттенберга и Галле. В Тюрингии концентрация предприятий солнечной промышленности является самой высокой во всей Германии. В настоящее время эта земля становится одним из ведущих мировых штандортов солнечной энергетической промышленности. В основном он расположен в тюрингской «Солнечной Долине» (SolarValley) — в г. Эрфурт и г. Арнштадт, которые образуют ядро данного кластера. Высокотехнологический треугольник-кластер Эрфурт–Йена–Ильменау включает 15 предприятий солнечной промышленности, где занято примерно 2,5 тыс. сотрудников[1]. Такие фирмы, как Ersol Solar Energy AG и PV Crystalox AG, являются ведущими фирмами не только в Германии, но и в мире.

Успех данного кластера обеспечен не только удачно найденной профильной товарной нише на мировом рынке, но и наличием профильной учебной и научно-исследовательской базы в области солнечной индустрии, опирающейся на тесную кооперацию с предприятиями отрасли, а также непрерывной подготовкой высококвалифицированных специалистов, востребованных и в научных разработках, и на производстве.

Исследовательской работе содействуют немалые инвестиции: самый большой кристаллический кремниевый солнечный элемент в мире был разработан в Эрфурте вместе с центром SolarZentrum. В Тюрингии существует полный производственный цикл для фотогальванических установок, начиная с производства слитков кремния, кремниевых пластин, солнечных ячеек и модулей с необходимой управляющей электроникой вплоть до проектирования и монтажа солнечных установок.

---

[1] *Романова Е.В.* Особенности развития региональных кластеров в Восточной Германии: http://www.shu.ru/pages/magazin/n16/romanova.pdf.

Именно поэтому в 2004 г. в местечке Эспенхайн, недалеко от Лейпцига, была запущена в производство крупнейшая на тот момент в мире электростанция по производству солнечной энергии мощностью до 5 МВт, которую производят 33,5 тыс. солнечных батарей на площади 16 га. Сегодня она входит в число крупнейших солнечных установок в мире.

Можно говорить о том, что восточногерманские кластеры обладают рядом специфических черт. Во-первых, они, как правило, формируются из небольших компаний, основанных бывшими сотрудниками разорившихся крупных предприятий. Предприниматели, возглавляющие компании, в основном уроженцы бывшей ГДР, хорошо знают друг друга, и работа на конкурирующие мелкие предприятия не мешает им поддерживать рабочие отношения и помогать друг другу в решении текущих проблем, что благотворно сказывается на общем развитии отрасли.

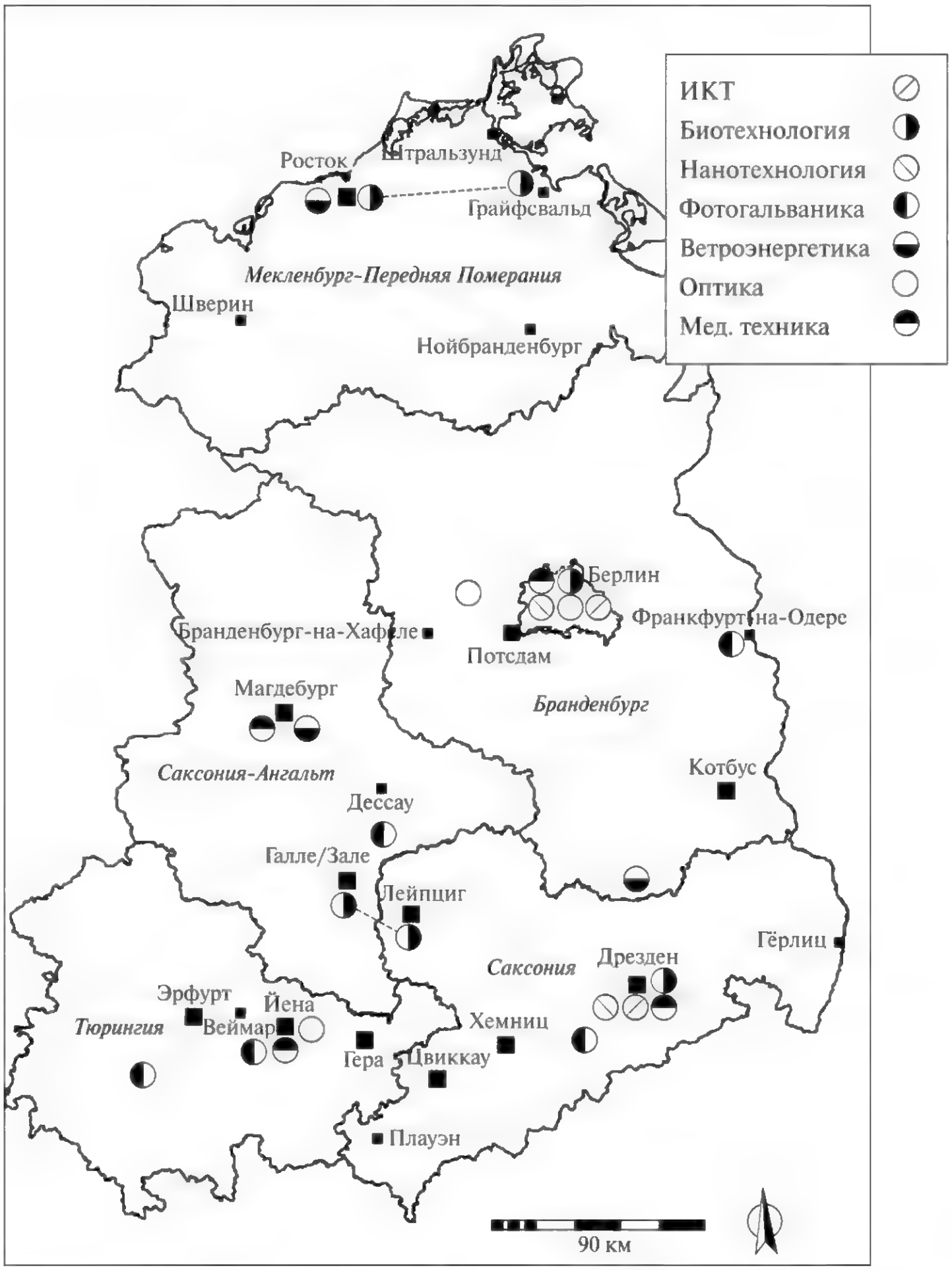
Во-вторых, следует отметить, что на их развитие оказывает значительное влияние государственная кластерная политика. Речь идет о поддерживающей кластерной политике. Первостепенное внимание правительства к развитию научного потенциала и в связи с этим активная политика субсидирования университетов и поддержка развития инновационных центров и специализирующихся на инновациях предприятий позволили новым землям сохранить значительный научный потенциал и после объединения. Стремясь противостоять оттоку молодежи на запад страны, многие земли использовали федеральные средства для создания избыточных мест в вузах. Эта весьма расточительная с точки зрения федерации политика дала тем не менее свои результаты: на территории бывшей ГДР развился целый ряд высокотехнологичных кластеров.

Если западногерманские земли уверенно сохраняют свое традиционное лидерство в автомобильной промышленности, тяжелом машиностроении, химии и частично в электронике, то подавляющее большинство компаний, лидирующих в производстве солнечных батарей, оптоэлектроники, разработке информационных технологий, производстве энергосберегающих и биотехнологий (к примеру, в разработке экологически чистых генерирующих мощностей) располагаются в новых федеральных землях.

Исследование инновационного потенциала новых федеральных земель Германии свидетельствует о пока еще недостаточной самостоятельности восточногерманских инновационных предприятий. По-прежнему их развитие зависит от государственной поддержки. Но все же расточительная на первый взгляд политика субсидирования университетов и инновационных центров в Восточной Германии дает свои положительные результаты.

Картосхема 13.3

Основные кластеры в Восточной Германии



Уже сейчас новые земли выделяются значительным количеством регистраций патентов в области неорганической химии и биотехноло-

гий. Также выше среднегерманских показателей количество зарегистрированных патентов в области электротехники, электронной контрольно-измерительной техники, оптики и фотографической техники. В сельских районах новые рабочие места создаются в туризме, а сельское хозяйство приобрело структурированный и ориентированный на потребителя характер, создано также инновационное энергетическое хозяйство.

На данный момент можно говорить о наличии ряда перспективных региональных кластеров на территории Восточной Германии. Некоторые из них, такие как автомобильный кластер и кластер микроэлектроники в Дрездене, а также солнечный и оптический кластер в Тюрингии завоевали уже мировую известность. К перспективным кластерам можно отнести автомобильные кластеры в Хемнице–Цвиккау и Лейпциге, кластер биотехнологий и фармацевтики в Саксонии, кластер растительных биотехнологий в Магдебурге, кластер авиатехнической и железнодорожной техники в Берлине–Бранденбурге, медицинской техники и судостроения в Грайфсвальде и др. (см. картосхему 13.3.)

Формирование региональных кластеров повысило конкурентоспособность регионов Восточной Германии и обеспечило их достаточно высокий социально-экономический потенциал. Проводимая федеральным правительством осознанная региональная политика вывела Восточную Германию на среднеевропейский уровень. По многим параметрам она сопоставима или опережает другие структурно-отсталые регионы Западной Европы. При этом она значительно вырвалась вперед от стран Центральной и Восточной Европы.

Глава 14. Экономические аспекты участия в Европейском союзе

Примерно с середины 2005 г., после негативного исхода референдумов по проекту конституции Европейского союза (ЕС) во Франции и Нидерландах, в ЕС, в том числе в его высших политических кругах, а тем более среди ученых и особенно в СМИ, широкое распространение получила оценка текущего состояния этого наиболее успешного и развитого интеграционного блока как кризиса. О том, что подобная оценка не лишена оснований, весьма красноречиво свидетельствовали звучащие в унисон высказывания самых убежденных «европеи-

стов» в высших эшелонах власти стран ЕС, например, тогдашнего премьер-министра Франции Д. де Вильпена, отрыто признавших наличие глубокого кризиса ЕС[1]. Автор настоящей главы дал такую же оценку ситуации в ЕС. Она актуальна до сих пор.

При этом в оценках причин и природы данного кризиса, возможностей, путей и сроков его преодоления наблюдается заметная дифференциация взглядов как в ЕС, так и за его пределами. Некоторые авторы дают упрощенное толкование данного феномена, трактуя его только как «конституционный и правоустановленческий кризис», т. е. кризис политической интеграции в ЕС, порожденный отклонением проекта конституции Евросоюза на указанных референдумах[2]. Другие эксперты правомерно не сводят этот феномен к политической стороне дела. Так, видный российский политолог С. Караганов определил его как «внутренний системный кризис»[3]. Свою точку зрения по этому вопросу автор настоящей главы уже неоднократно излагал ранее, охарактеризовав его как «адаптационный кризис, во многом порожденный последним расширением ЕС, точнее говоря, тем, как превращение ЕС-15 в ЕС-25 было осуществлено»[4]. К этой дефиниции следует добавить, что он охватил важнейшие сферы функционирования и развития интеграционного механизма Евросоюза: институциональную, экономическую, политическую и социальную, приняв структурный и по меньшей мере среднесрочный характер. При этом данный кризис развернулся на фоне вялой динамики экономического роста Евросоюза, особенно его экономического лидера Германии (среднегодовые темпы прироста ВВП ЕС и ФРГ с начала прошлого десятилетия заметно уступают среднемировому показателю и аналогичному индикатору по США), что придает ему дополнительную остроту и осложняет его преодоление.

Так или иначе, одним из главных и наиболее очевидных проявлений кризиса выступило то, что ЕС стал менее гомогенным, интегрированным и управляемым объединением государств. В этой связи явно осложнился процесс поиска консенсусных решений в области отношений с третьими странами, в том числе с Российской Федерацией (РФ). Так, на «знаменитом» саммите ЕС–РФ на высшем уровне, состоявшемся в Хельсинки 24 ноября 2006 г., Польша наложила вето на предоставле-

---

[1] Le Monde, 19.6.2005.

[2] Zervakis P.A., Hierlemann D. Wie geht es weiter, Europa? // "Europäische Rundschau", 2005. No 3. S. 63.

[3] Российская газета. 27.12.2006.

[4] 35 лет Московскому договору — находимся ли мы на пути к Европе без границ? Материалы международной конференции (Институт Европы РАН. 23 сентября 2005 г.). Доклады Института Европы РАН. М.: ОГНИ ТД, 2005. № 169. С. 105.

ние Комиссии ЕС (КЕС) мандата на открытие и ведение переговоров с Россией о соглашении, призванном прийти на смену действующему Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между обеими сторонами, которое утрачивало свою юридическую силу к концу ноября 2007 г., если РФ и ЕС не пришли бы к согласию о его продлении. Такими образом, кризис ЕС, выступающего на протяжении всего постсоветского периода как экономический партнер РФ № 1, по меньшей мере осложняет для нашей страны решение ряда актуальных задач развития ее внешнеэкономических и внешнеполитических отношений.

В данном контексте вызывает особый интерес позиция Германии, давно завоевавшей репутацию главного интегратора и «мотора» Евросоюза, по проблеме его нынешнего кризиса, для чего необходимо показать ее место и роль в ЕС, принципы и тенденции эволюции ее интеграционной политики.

14.1. Позиции Германии в ЕС

В Германии и ЕС за ФРГ прочно утвердились нередко употребляемые и за их рубежами эпитеты «великая держава поневоле» и «мягкий гегемон» Европы[1]. Эти эпитеты требуют к себе, при объективном подходе дифференцированного отношения. С одной стороны, они верны в том смысле, что в экономике и при формировании общей («коммунитарной») политики ЕС[2] Германия действительно играет в этом интеграционном объединении роль «великой державы» и «мягкого гегемона», во всяком случае, одного из таковых, во взаимодействии по меньшей мере с Францией и Великобританией. Причем таких эпитетов ФРГ добилась отнюдь не поневоле, а, как будет показано ниже, ценой огромных многолетних усилий по реализации ее интеграционной политики.

С другой стороны, требуются по крайней мере два уточнения. Во-первых, Германия не обладает военно-силовым компонентом мощи, достаточным для того, чтобы быть великой державой даже не во всемирном масштабе, а только на субконтиненте, ограниченном контурами ЕС (таковым компонентом среди стран — членов Евросоюза располагают, причем в минимально необходимом объеме, лишь Франция и Великобритания). Во-вторых, трудно согласиться с тем,

---

[1] См.: *Павлов Н.* Германия: quo vadis? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3. С. 31.

[2] Политические аспекты участия Германии в ЕС в настоящей монографии рассматриваются в главе Н. Павлова.

что в Евросоюзе прочно внедрился «обычай» награждать свои органы и атрибуты ко многому обязывающим эпитетом «европейский» — «Европейская комиссия», «Европейский совет», «Европейская конституция» и т. д., а сам ЕС называть «Европой». Поскольку ЕС охватывает далеко не всю Европу и в сколько-нибудь мыслимой перспективе вряд ли распространится на всю территорию континента, такое словоупотребление представляется все-таки некорректным по отношению к соседям и нескромным. Географический центр Европы находится, как известно, на территории Белоруссии, а не где-то еще. Москва расположена никак не дальше от этого центра, чем, например, Париж, не говоря уже о Мадриде, Лиссабоне или Дублине.

Таким образом, если Германия, крупнейшая по численности населения страна ЕС, и заслуживает эпитетов «великая держава» и «мягкий гегемон», то не Европы, а в лучшем случае Евросоюза. Это выражается в первую очередь в ее доле и роли в экономике ЕС, которые характеризуются показателями таблицы 14.1.

Таблица 14.1

Некоторые показатели экономики стран ЕС за 2006–2007 гг.

Страна ЕС	Население, 2007 г. (млн)	ВНД* по валютному курсу (2007)		ВНД* по ППС (2007)		Экспорт товаров (млрд долл.)	Импорт товаров (млрд долл.)	(1)** (2006)	(2)*** (2006)
		млрд долл.	долл. на душу	млрд долл.	долл. на душу				
Австрия	8	355,1	42 700	316,8	38 090	162,204	161,800	80	13
Бельгия	11	432,5	40 710	373,1	35 110	432,327	415,572	77	8
Великобритания	61	2608,5	42 740	2097,9	34 370	435,615	617,178	77	34
Венгрия	10	116,3	11 570	175,2	17 430	94,160	94,792	84	24
Германия	82	3197,0	38 860	2782,7	33 820	1326,521	1059,439	83	17
Греция	11	331,7	29 630	364,1	32 520	23,574	75,553	52	11
Дания	5	299,8	54 910	200,6	36 740	103,307	99,375	65	20
Ирландия	4	210,2	48 140	161,7	37 040	121,068	81,678	85	34
Испания	45	1321,8	29 450	1351,1	30 110	241,692	373,585	76	6
Италия	59	1991,3	33 540	1775,3	29 900	491,532	504,591	85	7
Кипр	0,787	19,617	24 940	20,741	26 370	...	...	...	...
Латвия	2,276	22,595	9 930	38,452	16 890	...	...	...	...

Продолжение таблицы 14.1

Страна ЕС	Население, 2007 г. (млн)	ВНД* по валютному курсу (2007)		ВНД* по ППС (2007)		Экспорт товаров (млрд долл.)	Импорт товаров (млрд долл.)	(1)** (2006)	(2)*** (2006)
		млрд долл.	долл. на душу	млрд долл.	долл. на душу				
Литва	3	33,5	9 920	58,0	17 180	17,173	24,116	58	8
Люксембург	0,480	36,420	75 880	30,909	64 400	...	...	...	...
Мальта	0,409	6,216	15 310	8,523	20 990	...	...	...	...
Нидерланды	16	750,5	45 820	647,1	39 500	550,636	490,582	66	28
Польша	38	374,6	9 840	593,3	15 590	137,609	160,804	79	4
Португалия	11	201,1	18 950	219,0	20 640	50,994	77,050	74	9
Словакия	5	63,3	11 730	104,3	19 330	58,082	60,103	85	6
Словения	2,018	42,306	20 960	53,756	26 640	...	...	...	...
Финляндия	5	234,8	44 400	186,5	35 270	89,656	81,145	81	22
Франция	61	2447,1	38 500	2065,4	33 470	552,193	613,224	79	21
Чехия	10	149,4	14 450	225,5	21 820	122,414	117,980	89	14
Швеция	9	421,3	46 060	327,9	35 840	168,223	150,039	78	16
Эстония	1,342	17,706	13 200	26,399	19 680	...	...	...	...
Болгария	8	35,1	4 590	85,4	11 180	18,450	30,034	53	6
Румыния	22	132,5	6 150	236,6	10 980	40,257	69,712	79	4
ЕС-27****	491,312	15 852,7	32 266	12 832,6	29 565	...	...	...	...

* В последние годы Всемирный банк, как и ряд других международных организацией, в своих публикациях стал именовать валовый национальный продукт (ВНП) валовым национальным доходом (ВНД). Аналогичное изменение произошло в национальной статистике стран Запада, в том числе и Германии. Не вдаваясь в методологические подробности исчисления данной статистической величины, отметим, что понятие «доход» более точно отражает ее суть, чем «продукт», тогда как сути ВВП более адекватен именно термин «продукт».

** (1) Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте (%).

*** (2) Доля высокотехнологичных изделий в экспорте продукции обрабатывающей промышленности.

**** Показатели по ЕС-25 и ЕС-27 подсчитаны автором на основе данных таблицы 1.

Источник: The World Bank, World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. Washington DC. 2009. P. 352–353, 358–359, 360.

Несложные подсчеты на основе данных таблицы 1 показывают, что на Германию приходится 20,2% совокупного ВНД Евросоюза по текущему обменному курсу и 21,7% ВНД ЕС по ППС, что заметно превышает соответствующие показатели следующих за ней Великобритании (16,5% и 16,3%) и Франции (15,4% и 16,1%). Вместе с тем по среднедушевым показателям ВНД Германия ныне находится по ЕС в конце первой десятки, тогда как до объединения страны в октябре 1990 г. бывшая ФРГ была среди лидеров.

Мощный потенциал для внешнеэкономической экспансии, ведущие или по меньшей мере прочные позиции на мировых рынках товаров в форме материального продукта, услуг и капиталов неизменно относились к наиболее сильным сторонам экономики бывшей ФРГ, став достоянием объединенной Германии. После объединения страна постоянно оспаривает у США «пальму первенства» в мировом экспорте товаров, деля 1–2 места, а с 2002 г. неизменно выступает здесь в роли лидера. При этом ФРГ обязательно показывает крупный актив торгового баланса (в 2007 г. он достиг +267,8 млрд долл.), тогда как США — гигантский пассив (–857,9 млрд долл. в 2007 г.). Как экспортер товаров, ФРГ является еще более явным лидером в ЕС, что видно из таблицы 14.2, в которой приведены данные Всемирной торговой организации по 10 ведущим торговым державам в мире и в Евросоюзе (в скобках указаны места стран в ЕС).

В условиях глобализации, когда рынок товаров (как и некоторые другие рынки) действительно приобрел всемирный характер, прослеживается устойчивая тенденция к обострению конкуренции, особенно в таких его сегментах, где предлагается высокотехнологичная продукция. Правда, по доле продукции (готовой) обрабатывающей промышленности в товарном экспорте ФРГ относится к лидерам среди крупных развитых стран мира и ЕС, тогда как по удельному весу высокотехнологичных изделий[1] в экспорте продукции обрабатывающей промышленности ее позиции значительно менее прочны, не говоря о том, что по этому показателю (17%) она намного уступает Великобритании (34%) и США(30%) (см. табл. 14.1).

[1] Такие изделия изготавливаются в высокотехнологичных наукоемких отраслях и подотраслях промышленности, в которых отношение затрат на НИОКР к стоимости продукции превосходит соответствующий средний показатель для обрабатывающей промышленности развитых стран в 1,2–1,5 раза и составляет 3,5–4,5%. К ним относятся авиакосмическая промышленность, производство средств связи и радиотехники, военная промышленность, атомное судостроение и другие подотрасли атомной промышленности, фармацевтика и биотехнология, производство новых материалов, изготовление научных приборов и сложной медицинской техники // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1. С. 80.

Таблица 14.2

Лидеры в мировой торговле товарами (2007)

Страна	Экспорт		Страна	Импорт	
	млрд долл	мир= 100%		млрд долл	мир= 100%
1. (1)Германия	1326,4	9,5	1. США	2020,4	14,2
2. КНР	1217,8	8,7	2. (1)Германия	1058,6	7,4
3. США	1162,5	8,3	3. КНР	956,0	6,7
4. Япония	712,8	5,1	4. Япония	621,1	4,4
5. (2)Франция	553,4	4,0	5. (2)Великобритания	619,6	4,4
6. (3)Нидерланды	551,3	4,0	6. (3)Франция	615,2	4,3
7. (4)Италия	491,5	3,5	7. (4)Италия	504,5	3,5
8. (5)Великобритания	437,8	3,1	8. (5)Нидерланды	491,6	3,5
9. (6)Бельгия	430,8	3,1	9. (6)Бельгия	413,2	2,9
10. Канада	419,0	3,0	10. Канада	389,6	2,7
17. (7)Испания	241,0	1,7	11. (7)Испания	372,6	2,6
22. (8)Швеция	169,1	1,2	21. (8)Польша	162,7	1,1
23. (9)Австрия	162,9	1,2	22. (9)Австрия	162,4	1,1
26. (10)Польша	138,8	1,0	24. (10)Швеция	151,3	1,1

Источник: International Trade Statistics 2008. World Trade Organization. Geneva. 2008. P. 12.

«Алармистски» настроенные публицисты, политики, а также представители научных и «околонаучных» кругов еще раз указывают на эту относительную слабость немецкой экономики, подчеркивая, что Германия является лидером по производству и экспорту товаров вчерашнего и сегодняшнего дня, но едва ли не аутсайдером среди стран ОЭСР по продукции завтрашнего дня, предрекая резкое и неуклонное ослабление ее позиций как производителя и экспортера уже в обозримом будущем. Однако к анализу проблематики товарной структуры германского экспорта необходим более взвешенный и дифференцированный подход.

Более 60% экспорта Германии (по стоимости) приходятся на четыре ведущие отрасли ее индустрии — автомобилестроение, общее машиностроение, электротехнику и химию, продукция которых, как правило, отвечает самым высоким мировым стандартам. На продукцию этих отраслей спрос на мировом рынке и рынке ЕС устойчиво высок и динамичен, они играют ведущую роль в мировом товарном экспорте и сохранят ее в обозримой перспективе. Условия торговли Германии с учетом этого структурного фактора в последнем десятилетии XX в. улучшались и продолжают показывать такую тенденцию в начале нынешнего века. Несмотря на многочисленные «апокалиптические» прогнозы, вновь и вновь озвучивавшиеся в последние 10–15 лет, Германия продолжает сохранять роль лидера в экспорте Евросоюза в форме материального продукта, и автор настоящей главы не видит веских, а тем более неотвратимых обстоятельств, которые могли бы лишить ее этой роли. В то же время Германия, безусловно, должна и может активизировать свои усилия в области развития производства и экспорта наукоемкой, высокотехнологичной продукции, доля которого в совокупном мировом экспорте будет быстрыми темпами расти и в обозримой перспективе.

Кроме того, необходимо отметить, что сложившаяся географическая структура германского экспорта (см. табл. 14.3) с точки зрения его перспектив, от которых существенным образом зависит будущая динамика ВВП и занятости, достаточно проблематична. Из данных таблицы 14.3 следует, что после вступления в Евросоюз с 2004 г. и с 2007 г. стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) доля ЕС-27 в экспорте Германии приблизилась к 2/3, что заслуживает неоднозначной оценки. С одной стороны, на «устоявшемся» и полностью либерализованном (свободном для ФРГ) товарном рынке ЕС имеется надежное пространство для германского экспорта, что стабилизирующим образом воздействует на экономику Германии. В этом же направлении действует то обстоятельство, что страна бесспорно лидирует в субконтинентальном товарообороте внутри ЕС.

С другой стороны, рынки стран ЕС не относятся в мире к наиболее быстро развивающимся. К тому же динамический эффект от их взаимной либерализации и слияния внутри ЕС-25 к настоящему времени практически исчерпан. Вступление в ЕС с 1 января 2007 г. Болгарии и Румынии в этом отношении мало что дало. В то же время на страны и регионы, рынки которых международные эксперты вполне правомерно причисляют к наиболее динамично развивающимся (КНР, Россия и СНГ в целом, АСЕАН, Индия, МЕРКОСУР), приходится не более 1/10 германского экспорта.

Таблица 14.3

Географическая структура внешней торговли Германии (2007)

Регион/страна	Экспорт (% к итогу)	Импорт (% к итогу)
ЕС-27	64,8	59,5
ЕАСТ	4,7	6,3
НАФТА	8,9	6,8
В том числе США	7,6	5,9
АСЕАН	1,6	2,4
Прочие	20,0	25,0
В том числе:		
КНР	3,1	7,1
Япония	1,4	3,1
Россия	2,9	3,7
Итого	100 (= 969,0 млрд евро)	100 (=772,5 млрд евро)

Источник: подсчитано по Statistisches Jahrbuch 2008 für die Bundesrepublik Deutschland. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2008. S. 478–479.

Значительно менее прочны позиции Германии в международной торговле коммерческими услугами, что видно из таблицы 14.4 (в скобках указаны места стран в ЕС). ФРГ имеет крупный дефицит в своей внешней торговле коммерческими услугами, причем по всем их трем категориям, выделяемым в статистике ВТО: по транспортным, туристическим и прочим коммерческим услугам. По внешней торговле услугами страна не является лидером в ЕС. Занимая по обороту второе место, она заметно уступает Великобритании. При этом по импорту услуг Германия является безусловным лидером.

В этой связи обратим внимание на одно относительно неблагоприятное для Германии обстоятельство. На протяжении всего исторического периода после Второй мировой войны мировое производство и экспорт услуг растут значительно быстрее производства и вывоза товаров в форме материального продукта. В обозримой пер-

спективе мировой рынок услуг обладает потенциалом более динамичного роста по сравнению с рынком товаров. Вместе с тем удельный вес услуг в совокупном экспорте (т. е. вывозе товаров и услуг) Германии составил в 2007 г. лишь 13,4% против 38,4% у Великобритании, 18,3% — у Италии и 19,8% — у Франции. Таким образом, при прочих равных условиях потенциал увеличения совокупного экспорта у Германии относительно меньше, чем у сопоставимых с ней стран ЕС. Этот относительный ограничитель внешнеэкономической экспансии объективно выступает и как сдерживающий фактор экономического роста ФРГ[1].

Таблица 14.4

Лидеры в мировой торговле услугами (2007)

Страна	Экспорт		Страна	Импорт	
	млрд долл	мир =100%		млрд долл	мир =100%
1. США	456,4	13,9	1. США	335,9	10,9
2. (1)Великобритания	273,0	8,3	2.(1)Германия	250,5	8,1
3. (2)Германия	205,8	6,3	3. (2)Великобритания	194,1	6,3
4. (3)Франция	136,7	4,2	4. Япония	148,7	4,8
5. (4)Испания	128,3	3,9	5. Китай	129,3	4,2
6. Япония	127,1	3,9	6. (3)Франция	124,1	4,0
7. Китай	121,7	3,7	7. (4)Италия	118,3	3,8
8. (5)Италия	110,5	3,4	8. (5)Испания	98,4	3,2
9. Индия	89,7	2,7	9. (6)Ирландия	94,5	3,1
10. (6)Ирландия	89,0	2,7	10. (7)Нидерланды	86,8	2,8
11. (7)Нидерланды	87,5	2,7	14. (8)Бельгия	70,6	2,3
13. (8)Бельгия	75,5	2,3	17. (9)Дания	54,0	1,7
15. (9)Швеция	63,8	1,9	18. (10)Швеция	47,8	1,5
16. (10)Люксембург	62,3	1,9			

Источник: International Trade Statistics 2008. P. 14.

[1] Попутно отметим, что это относится также к Японии, у которой данный показатель равен 15,1%.

Германия принадлежит к числу лидеров и в международной миграции капитала в форме прямых инвестиций, ее позиции в этой области в целом прочны, хотя они также требуют дифференцированной оценки. Как видно из таблицы 14.5, ФРГ занимает 3-е место в ЕС и 4-е место в мире по величине своих накопленных прямых инвестиций за рубежом, также 3-е место в ЕС и 5-е место в мире по объему иностранных прямых инвестиций на своей территории. Правда, следует отметить, что вслед за бесспорными лидерами, США и Великобританией, среди их «преследователей» из года в год происходит перегруппировка сил в пользу той или иной страны. Кроме того, оба показателя таблицы 14.5 по всем странам ежегодно подвержены сильным колебаниям.

Таблица 14.5

Накопленные прямые инвестиции (нетто) на конец года (млн долл.) по странам

Страна	Инвестиции данной страны за рубежом		Иностранные инвестиции в данной стране	
	2005 г.	2006 г.	2005 г.	2006 г.
США	2 135 492	2 384 004	1 594 488	1 789 087
Великобритания	1 228 326	1 486 959	831 357	1 135 265
Франция	882 298	1 080 204	627 954	782 825
Германия	925 652	1 005 078	459 506	603 432
Гонконг	471 289	688 974	523 186	769 029
Нидерланды	629 941	652 633	447 121	451 491
Япония	386 581	449 567	100 899	107 633
Швейцария	426 195	545 401	168 989	207 119
КНР	57 206	73 330	272 094	292 559

Источник: Statistisches Jahrbuch 2008 für die Bundesrepublik Deutschland. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2008, S. 718.

Преобладающая часть импортируемых прямых инвестиций происходит из соседних стран ЕС (Нидерландов, Франции, Великобритании, Бельгии), а также из других государств ОЭСР, прежде всего США, Швейцарии и Японии. Доминирование ТНК из развитых стран на немецком рынке прямых инвестиций обеспечивает высокий технологический уровень последних. В прямых инвестициях немецких компаний

за рубежом также явно преобладают вложения в развитые страны ЕС и ОЭСР. На конец 2003 г. их доля составила 86,2%, в том числе остальных участников тогдашнего ЕС-15 — 45,2% и прочих развитых государств — 41,0%, США — 33,6%[1]. С учетом расширения Евросоюза с 1 января 2007 г. до ЕС-27 удельный вес последнего к настоящему моменту, вероятно, превышает заметно 50%. При этом поток немецких прямых инвестиций распределен, хотя и неравномерно, по всем континентам и основным экономическим районам мира. Такая географическая структура в основном отвечает императивам глобализации, принося немецким ТНК, осуществляющим свои прямые капиталовложения в высокоразвитой хозяйственной среде, весомые выгоды и преимущества. Однако это соответствие далеко не полное. Германские ТНК слабо используют целый ряд выгод, связанных с приданием в условиях глобализации рынку капиталов действительно всемирного характера.

В целом обладая экономикой № 1 Евросоюза, Германия закономерным образом выступает как основной спонсор «коммунитарного» бюджета, что видно из таблицы 14.6. Роль главного донора укрепляет ее позиции как экономического лидера и одной из ведущих держав ЕС в сфере политики, создавая при этом ряд проблем, о которых речь пойдет ниже.

Таблица 14.6

Финансовые отношения стран ЕС с «коммунитерным» бюджетом (2004)[2]

Страна	Взносы в бюджет ЕС		Поступления из бюджета ЕС	
	в млн евро	в % к доходной части	в млн евро	в % к расходной части
Австрия	2 046,6	2,2	1 582,7	1,6
Бельгия	3 848,9	4,0	2 393,6	2,4
Великобритания	11 682,5	12,3	6 903,2	6,9
Венгрия	537,1	0,6	722,8	0,7

[1] Эти и приводимые в следующем абзаце относительные показатели рассчитаны автором на основе официальных источников Федерального статистического ведомства ФРГ, указанных в таблицах 14.2–5.

[2] До 2006 г. Федеральное статистическое ведомство ФРГ выпускало два ежегодника — внутриэкономический (Inland) и международный (Ausland). К сожалению, в дальнейшем издание международного ежегодника, из которого получены данные таблицы 14.6, было прекращено, поэтому автор не смог внести в таблицу 14.6 более новые показатели.

Продолжение таблицы 14.6

Страна	Взносы в бюджет ЕС		Поступления из бюджета ЕС	
	в млн евро	в % к доходной части	в млн евро	в % к расходной части
Германия	20 229,8	21,3	11 430,2	11,4
Греция	1 742,3	1,8	5 749,4	5,7
Дания	1 940,1	2,0	1 537,6	1,5
Ирландия	1 250,6	1,3	2 775,5	2,8
Испания	8 383,6	8,8	16 262,4	16,2
Италия	13 786,0	14,5	10 120,3	10,1
Кипр	95,0	0,1	141,1	0,1
Латвия	67,5	0,1	260,8	0,3
Литва	119,3	0,1	485,6	0,5
Люксембург	231,3	0,2	1440,0	0,1
Мальта	33,0	0,0	75,3	0,1
Нидерланды	5 268,8	5,5	2 028,6	2,0
Польша	1 310,7	1,4	2 698,5	2,7
Португалия	1 332,3	1,4	4 385,7	4,4
Словакия	219,6	0,2	399,8	0,4
Словения	170,4	0,2	283,2	0,3
Финляндия	1 443,3	1,5	1 328,5	1,3
Франция	16013,5	16,8	12 508,6	12,5
Чехия	565,2	0,6	802,9	0,8
Швеция	2 680,6	2,8	1 405,1	1,4
Эстония	55,4	0,1	197,7	0,2
ЕС-25	95 053,2	100,0	100 139,4*	100,0

* Включая компенсацию (дотацию) ЕС-15 «новоевропейцам» в связи с вступлением последних в ЕС с 1 мая 2004 г.; проекты вне ЕС и участие в них третьих стран, а также нераспределяемые по странам-получателям трансферты из «коммунитарного бюджета; административные расходы Евросоюза.

Источник: Statistisches Jahrbuch 2006 für das Ausland. International Statistical Yearbook 2006. Statistisches Bundesamt, Wisebaden, 2006. S. 175–176.

14.2. Цели, принципы и эволюция интеграционной политики Германии в условиях кризиса Евросоюза

Сразу же после своего образования ФРГ стала выступать как активнейший поборник западноевропейской экономической и политической интеграции. В дальнейшем, на рубеже 80–90-х годов прошлого века, ФРГ и ее ведущие партнеры по ЕС, особенно Франция и Италия, явно сделали приоритетную ставку на всемерное укрепление ЕС как наиболее адекватный ответ на императивы глобализации, что нашло отражение в известном Маастрихтском договоре (он вступил в силу с ноября 1993 г.) и последующих мерах по формированию «Соединенных Штатов Европы» в рамках ЕС-15.

Следует отметить, что бывшая ФРГ выступила не только как главный инициатор создания в 1958 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС), исторического предшественника нынешнего Евросоюза, но и как «мотор» и основной спонсор интеграционных процессов в нем (как видно из табл. 14.6, современная Германия остается таковым и поныне). Первоначально ФРГ стремилась, — и не без очевидного успеха, — добившись роли по меньшей мере экономического лидера этого интеграционного объединения, коренным образом изменить к лучшему свое незавидное политическое и геостратегическое положение в мире, сложившееся по итогам Второй мировой войны.

Стремясь для этого ускорить интеграцию вглубь, ФРГ всегда предлагала своим партнерам достаточно увесистые и лакомые «пряники». Так, она неизменно выступала (и продолжает выступать) как главный спонсор интеграции в ЕС (ЕЭС), делая самые крупные взносы в «коммунитарный» бюджет и получая из него значительно меньшие поступления. Причем это было обусловлено не только принятыми там гармонизированными и обязательными для всех членов этого объединения «европейскими» принципами и нормами формирования и использования общих финансов, но и доброй волей руководства ФРГ, какая бы партия ни правила в Бонне, а после объединения двух германских государств 3 октября 1990 г. — в Берлине. Эти принципы и нормы предельно ясны и «транспарентны»: страны (и регионы) с ВВП на душу населения выше «коммунитарного» уровня вносят в бюджет ЕС (ранее — ЕЭС) больше средств, чем они затем получают из общих фондов (прежде всего аграрного и регионального, на которые сегодня приходятся почти 80% «коммунитарного» бюджета). Напротив, страны с уровнем развития ниже среднего для ЕС выступают

как нетто-реципиенты «коммунитарного» бюджета. Это способствовало сближению уровней развития стран — членов интеграционного блока, что благоприятствовало гармонизации их интересов и прогрессу интеграции вглубь по всем направлениям.

При этом ФРГ с самого начала последовательно руководствовалась своими экономическими интересами более высокого порядка, связанными с прогрессирующей либерализацией, а в конечном итоге с полным объединением в рамках ЕС рынков товаров, услуг и факторов производства (капиталов, рабочей силы и интеллектуальных ресурсов). Ради согласия партнеров с необходимостью поступательного продвижения в этих направлениях, наиболее выгодных для мощной (западно)германской индустрии и придавших всей экономике ФРГ весомые импульсы роста, она с первых шагов ЕЭС пошла на значительные уступки партнерам, в первую очередь Франции, в других (наряду с финансовой) областях, например, возложив преимущественно на себя финансирование аграрной интеграции в «зеленой Европе».

Наряду с линией на полную либерализацию экономических отношений внутри ЕС другим — органически связанным с ней — принципом интеграционной политики ФРГ всегда был курс на укрепление «европейских» институтов ЕС, формирование и развитие там мощного механизма наднационального регулирования экономики. Для реализации этого курса она выступила в качестве одного из главных (если не главного) инициаторов и соавторов всех далеко идущих проектов «европейского строительства» — «плана Вернера» (1971), Единого европейского акта (1985), Маастрихтского договора (1991) и др.[1] Активную роль она сыграла также в разработке и принятии на саммите ЕС Лиссабонского договора (2007), о котором подробнее будет сказано ниже.

Следуя своей стратегической линии на укрепление ЕС, развитие интеграции вглубь, Германия стала главным инициатором внедрения евро, сознательно и с расчетом отказавшись от своей первоклассной национальной валюты — немецкой марки, превосходно зарекомендовавшей себя за свою полувековую историю как одна из наиболее стабильных и «твердых» денежных единиц, пользовавшаяся заслуженным авторитетом во всем мире[2]. При этом видные немецкие эконо-

---

[1] Подробнее см.: *Паньков В.С.* Западная Европа в экономике современного капитализма. С. 19–36; *Паньков В.С.* ФРГ в экономике современного капитализма. М., 1984. С. 122–130; *Паньков В.С.* Экономическое, научно-техническое и инвестиционное сотрудничество между Российской Федерацией и Европейским союзом. М.: ВАВТ, 2001. С. 4–10.

[2] См.: Пятьдесят лет немецкой марки. Эмиссионный банк и валюта в Германии с 1948 года / Пер. с нем. М.: Изд-во МГУ, 2003.

мисты (например, крупнейший в Германии специалист по денежному обращению и валютным проблемам проф. М. Нойманн, которого «Виртшафтсвохе» и другие ведущие экономические издания не без оснований нарекли «головой немецких монетаристов») справедливо указывали на то, что отказ от марки в пользу евро не сулит их стране меркантильных выгод — это уступка партнерам ради углубления интеграции и укрепления позиций Евросоюза, а значит, и участвующих в нем государств в мире. Иными словами, евро рассматривался Германией, как и ее ближайшими партнерами, и в качестве адекватного ответа на вызовы глобализации.

Несмотря на укрепление евро по отношению к доллару после окончательного приобретения евро в феврале 2002 г. всех атрибутов полноценной валюты, вступление страны в еврозону принесло политическому руководству и деловым кругам Германии не меньше головоломных проблем и забот, чем поводов для удовлетворенности. Да и это укрепление стало результатом не столько силы евро, сколько слабости доллара вследствие гигантских дефицитов госбюджета и торгового баланса[1], а также других имманентных современной экономике и политике США обстоятельств. Удорожание евро при удешевлении доллара существенно сдерживает торговую экспансию ФРГ не только в США, но и во все страны, курсы национальных валют которых вслед за долларом пошли вниз.

Евро как ответ на вызовы глобализации до сих пор обернулся к Германии одной из своих негативных сторон: вступление в еврозону существенно ослабило национальный механизм государственного регулирования экономики ФРГ, не компенсировав это созданием не менее эффективной «коммунитарной», наднациональной системы регулирования. Так, Немецкий федеральный банк в связи с этим утратил возможность целенаправленно воздействовать на экономическую конъюнктуру в стране традиционным для центральных банков инструментарием: изменением учетной ставки и нормы минимальных резервов, посредством операций на открытом рынке с государственными ценными бумагами, поскольку важнейшие компетенции в области кре-

---

[1] Пассив торгового баланса США достиг в 2007 г., по данным ВТО (см. табл. 14.2), фантастической величины в 857,9 млрд долл.: товарный экспорт составил 1162,5 млрд долл. при импорте 2020,4 млрд долл. Актив баланса по торговле услугами (см. табл. 14.4) 120,5 млрд долл. не позволил существенно уменьшить пассив баланса по текущим операциям. Дефицит только федерального бюджета США в 2004 г. достиг — по известным причинам, особенно вследствие военной интервенции в Ираке, — 439 млрд долл. (Statistisches Jahrbuch 2006 für das Ausland. International Statistical Yearbook 2006. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2006. S. 380).

дитно-денежной политики отошли к Европейскому центральному банку (ЕЦБ) ЕС.

Необходимость очередных уступок партнерам возникла для Германии в связи очередным (пятым) этапом (раундом) расширения Евросоюза, превратившегося с 1 мая 2004 г. из ЕС-15 в ЕС-25, а с 1 января 2007 г. — в ЕС-27. Чтобы и дальше продвигать интеграцию вглубь, Германия, как и другие страны-спонсоры, должна содействовать подтягиванию «новоевропейцев», значительно отстающих от среднего показателя ЕС-15 по уровню экономического развития, к средней «коммунитарной» величине ВВП на душу населения в расширенном Евросоюзе. Без заметного выравнивания уровней экономического развития стран — членов ЕС-27 невозможна долгосрочная консолидация этого объединения, в том числе путемсоздания предпосылок для вступления «новоевропейцев» в еврозону. Для этого «новоевропейцы» нуждаются в весомой финансовой поддержке со стороны стран — спонсоров бюджета ЕС, и прежде всего Германии — экономического лидера блока[1].

Однако вследствие серьезных финансово-экономических трудностей, связанных с непомерными расходами на нужды объединения страны и сопряженным с этим замедлением модернизации народного хозяйства[2], Германия с конца прошлого десятилетия стала проводить гораздо более сдержанную и «экономную», чем прежде, интеграционную политику в ЕС, подчас уподобляясь «скупому рыцарю». При этом трудно не признать, что она по объективным показателям все менее подходит на роль «доброго дяди». Так, ФРГ по приросту ВВП за 1991–2004 гг.[3] (+40%) оказалась на последнем месте среди ЕС-15, тогда как лидер — Ирландия — достиг +152%. В результате активных и «неустанных» усилий Германия, как видно из таблицы 14.7, оставаясь главным спонсором бюджета ЕС, все же смогла в 2001–2002 гг. нового века уменьшить свои платежи в «коммунитарную» кассу и одновременно увеличить свои поступления оттуда, причем как в абсолютном, так и в относительном выражении. Правда, в 2003 г. этот процесс

---

[1] Подробнее см.: *Паньков В.* Постсоциалистические страны — члены ЕС: Конец трансформации // Мир перемен. 2005. № 2. С. 115–130.

[2] Подробнее см.: *Паньков В.С.* Глобализация экономики: вызовы и ответы Германии // Экономика XXI века. 2005. № 1; *Паньков В.С.* Эволюция рынка труда и социальной сферы в Германии // Экономика XXI века. 2006. № 7; *Паньков В.С.* Германский путь адаптации и модернизации экономики в условиях глобализации // Национальная экономика в условиях глобализации / Под ред. И.П. Фаминского. М.:Магистр. 2007. Глава 5.

[3] Wirtschaftswoche. Nr. 3. 12.01.2006. S. 25.

приостановился. Приведенные в таблице 6 данные по ЕС-25 не вполне сопоставимы с показателями таблицы 7 по ЕС-15, но из обеих таблиц видно, что в 2004 г. как взносы, так и поступления ФРГ в отношениях с «коммунитарным» бюджетом выросли примерно на 1 млрд евро, так что Германия остается, вдобавок с большим отрывом от партнеров, главным «донором» казны Евросоюза[1], теперь уже ЕС-25, и будет таковым в ЕС-27 в 2007 г. и в дальнейшем.

Таблица 14.7

Финансовые отношения Германии с бюджетом ЕС в 2000–2004 гг.

Год	Взносы в бюджет ЕС		Поступления из бюджета ЕС	
	в млн евро в %	к доходной части	в млн евро в %	к расходной части
2000	21 779,9	24,8	10 066,5	12,1
2001	19 727,2	24,4	10 032,9	12,5
2002	17 582,2	22,6	11 444,7	13,4
2003	19 202,6	23,0	10 371,8	12,5
2004	20 229,8	21,3	11 430,2	11,4

Источник: Statistisches Jahrbuch 2004 für das Ausland. International Statistical Yearbook 2004. Statistisches Bundesamt, Wisebaden, 2004. S. 134–135; 2005. S. 169–170; 2006. S. 175–176.

В ущерб своей долгосрочной интеграционной стратегии, направленной на консолидацию и усиление Евросоюза, чтобы дать адекватный ответ на вызовы глобализации, правительство «малой коалиции» (СДПГ–зеленые) во главе с федеральным канцлером Г. Шрёдером на заключительном этапе своего пребывания у власти (оно правило в1998–2005 гг.), руководствуясь сиюминутными мотивами уменьшения дефицита германского госбюджета, продолжало в ЕС линию на

[1] Германия является главным спонсором ЕС в абсолютном выражении, т.е. по величине превышения взносов в бюджет Евросоюза над поступлениями оттуда. Если же соотнести это превышение с валовым национальным доходом, то по такому показателю Германия (0,27% в 2006 г.) уступает Нидерландам (0,47%) и Швеции (0,28%). Busch B. Auswirkungen der EU-Erweiterung auf die Entwicklung und Verteilung des EU-Haushalts // “IW-Trends”. 2008. Nr. 3. S. 9.

экономию «коммунитарных» финансов и уменьшение своей спонсорской роли. Так, в 2004 г. во многом по ее инициативе главы государств и правительств шести стран — спонсоров ЕС направили совместное послание тогдашнему председателю Комиссии ЕС (КЕС) Р. Проди, в котором потребовали для начала заморозить бюджет ЕС на достигнутом к тому моменту уровне (1,27% совокупного ВВП), а затем ограничить его 1%. Правда, КЕС во главе с Р. Проди выдвигала в качестве целевой установки 1,1%[1]. В итоге указанный показатель в 2007–2009 гг. опустился до чуть более 1%[2], так что точка зрения «шестерки» возобладала.

В целом такого рода эволюция политики Германии в отношении Евросоюза приносила и могла бы принести ей в будущем лишь «грошовые» финансовые послабления, но в перспективе уменьшила бы потенциал ее внешнеэкономической экспансии, необходимой для решения проблем экономического роста и занятости на путях модернизации народного хозяйства и для приспособления к императивам глобализации. Заменить же Германию в качестве «мотора» и главного спонсора ЕС объективно некем.

Это, безусловно, осознавало правительство «большой коалиции» ХДС/ХСС-СДПГ во главе с А. Меркель, пришедшее к власти осенью 2005 г. Канцлер сразу же заявила о том, что «коммунитарное» направление остается приоритетом внешней политики ФРГ. Такую позицию было призвано подчеркнуто подтвердить то обстоятельство, что свои первые визиты в качестве федерального канцлера она нанесла в конце ноября 2005 г. во Францию, штаб-квартиру ЕС в Брюсселе, в Великобританию и Испанию (в Барселону, где 27–28 ноября 2005 г. состоялся очередной саммит Евросоюза). В течение 2006 г. ФРГ предпринимала, по меньшей мере в виде демонстративной внешней активности, значительные усилия по улаживанию противоречий и разногласий между членами ЕС, достигших значительной остроты в условиях кризиса этого интеграционного объединения. Эти усилия получили дальнейшее развитие в течение первого полугодия 2007 г., когда согласно утвердившемуся правилу ротации пришла очередь ФРГ председательствовать в ЕС. В этот период Германия активно участвовала в разработке Договора о реформе ЕС, который стал менее амбициозным и «усеченным» вариантом провалившейся в 2005 г.

---

[1] Подробнее см.: Europäische Rundschau. 2004. Nr. 1. S. 56; Wirtschaftswoche. Nr. 51. 09.12.2004, S.24.

[2] European Commission. General Budget of the European Union for the financial year 2009. The Figures. Brussels. Luxembourg, January 2009. P. 7.

Конституции ЕС, что способствовало частичному восстановлению ее реноме как если не «мотора» интеграции, то по крайней мере одного из наиболее активных ее поборников. Уже сложив с себя полномочия председателя ЕС, Германия предприняла значительные усилия для одобрения Договора о реформе ЕС всеми участниками саммита Евросоюза в Лиссабоне в декабре 2007 г. (он получил полуофициальное название Лиссабонского договора). После его отклонения большинством участников референдума в Ирландии (июнь 2008 г.) судьба этого документа и соответственно перспективы преодоления кризиса ЕС путем реформирования его институциональных основ остаются неопределенными.

Вместе с тем ФРГ до сих пор не выдвинула масштабных проектов назревшего существенного реформирования ЕС в особо жизненных сферах, прежде всего «коммунитарного» бюджета, не проявив готовности поступиться ради «европейской» солидарности, способствующей прогрессу интеграции, сколько-нибудь весомой толикой своих финансовых интересов. Во всяком случае, Германия не готова и едва ли может вновь активизировать здесь свою роль спонсора. Правительство «большой коалиции» в самом начале своей деятельности заявило о своем намерении к 2009 г. снизить дефицит госбюджета с почти 4% ВВП в 2005 г. до предписанных нормами еврозоны не более чем 3% ВВП к 2009 г., что было последовательно реализовано в условиях благоприятной внешне- и внутриэкономической конъюнктуры 2006-го — начала 2008 гг. Однако в условиях мирового финансового кризиса ФРГ во второй половине 2008 г. вступила в полосу рецессии. По прогнозам авторитетных немецких и зарубежных экспертов, ВВП страны может сократиться в 2009 г. на 4–6%. Стремясь противодействовать этому, правительство и бундестаг приняли в конце 2008 г. и начале 2009 г. две антикризисные конъюнктурные программы, предусматривающие дополнительные государственные расходы на нужды оживления экономики. В результате проблема дефицита госбюжета вновь обострилась, вынудив руководство страны искать все возможные пути экономии государственных средств. Это оказывает сдерживающее влияние и на «коммунитарные» взносы Германии в предстоящие годы. В такой обстановке тем странам, которые ныне ведут переговоры о вступлении в ЕС, вряд ли следует рассчитывать на «щедроты» со стороны Германии, как и других спонсоров «коммунитарного» бюджета.

Эволюция интеграционной политики Германии в сторону меньшей инициативности и «моторности», большей «бережливости» и сдержанности объективно обусловлена тем, что основные выгоды от нее, главным образом экономические, она получила на более ранних

этапах развития ЕС, вплоть до формирования на рубеже прошлого и нынешнего веков единого внутреннего рынка Евросоюза с его четырьмя свободами, а затем и еврозоны. На это обстоятельство указывают ведущие немецкие ученые, например директор Института экономических исследований (Ifo-Institut) в Мюнхене Х.-В. Зинн, подчеркивающий, что главная опора экономического развития Германии сегодня — это емкий собственный внутренний рынок. Наибольшие же выгоды от интеграции теперь получают, по его мнению, малые страны, особенно те, которые вступили в ЕС в прошлом и нынешнем десятилетии.

Обширный «коммунитарный» рынок позволил экономикам этих стран и их ведущим фирмам добиться в короткие сроки удивительного прогресса. Этим он объясняет, например, взлет финской компании Nokia до уровня ведущего мирового производителя мобильных телефонов (в 2006 г. ее доля на мировом рынке данной продукции достигла 35,1%) и другого телекоммуникационного оборудования. Как известно, накануне вступления Финляндии в ЕС (с 1 января 1995 г.) она представляла собой находящуюся на грани банкротства небольшую фирму по производству телевизоров, руководство которой видело наиболее приемлемый и желанный выход из хиреющего состояния в ее поглощении немецким концерном Siemens для последующей реализации под новой «крышей» своих ноу-хау[1]. Такая аргументация Х.-В. Зинна представляется достаточно рациональной, показывая одну из важнейших подоплек уменьшения эйфории от «коммунитарной» интеграции у деловых кругов Германии, которые в последние годы снизили свою активность в лоббировании последней.

Отмеченный сдвиг в эволюции интеграционной политики обусловлен также явными просчетами правящих кругов Германии в оценке перспектив пятого раунда расширения ЕС (2004 и 2007 гг.) и их недовольством его фактическими результатами, во многом обусловившими современный кризис ЕС. В этой связи требует анализа позиция Германии по вопросам расширения ЕС в ее исторической ретроспективе и динамике.

---

[1] См.: “Frankfurter Allgemeine Zeitung”. 06.01.2006.

14.3. Германия между развитием интеграции вглубь и вширь

В ходе подготовки ЕС (ЕЭС) к первым четырем этапам (раундам) его расширения бывшая ФРГ, а затем и объединенная Германия, руководствуясь всеми существенными для них мотивами и соображениями экономического, политического и иного характера, активно, инициативно и последовательно выступали за присоединение новых членов. При этом по данному вопросу в немецком обществе всякий раз складывался если не консенсус, то нечто близкое к нему.

Вступление в ЕЭС с 1 января 1973 г. (первый раунд расширения) Великобритании, Дании и Ирландии приносило ФРГ только очевидные экономические и политические выгоды, не требующие особых комментариев. При этом затраты на подтягивание Ирландии, в то время заметно отставшей по уровню экономического развития от ЕЭС-6, не требовали от государств-спонсоров весомых жертв.

Значительно большие донорские усилия требовались от ФРГ и других государств-спонсоров на втором и третьем этапах расширения ЕС с 1981 г. (вступление Греции) и 1986 г. (присоединение Испании и Португалии). Вместе с тем подключение к либерализации экономических отношений внутри Сообщества трех стран с давно сложившимися рыночными экономиками открывало немецкому капиталу весомый потенциал для дальнейшей внешней экспансии, сулившей получение заметных выгод, которые в большей степени перекрывали дополнительные спонсорские издержки. Кроме того, были очевидны ожидаемые (и состоявшиеся в дальнейшем) политические приобретения ФРГ и всего Сообщества от: демократизации ранее авторитарных режимов, рухнувших в трех указанных государствах незадолго до их присоединения к ЕС; расширения и углубления отношений с Латинской Америкой путем использования традиционных связей двух стран Иберийского полуострова с последней; укрепления позиций ЕС в Средиземноморье и прилегающих к нему стратегически важных регионах и др.

Практически полный консенсус в политических и деловых кругах Германии, а также в широких слоях немецкого общества сложился в одобрении присоединения к ЕС с 1995 г. Австрии, Швеции и Финляндии и активном, инициативном содействии этому (четвертому) раунду расширения Союза. Вступление в ЕС трех малых стран с высокоразвитой рыночной экономикой и плюралистической демократией, к тому же вошедших с начала 1994 г. как участники ЕАСТ вместе с госу-

дарствами — членами ЕС-12 в Европейское экономическое пространство с его четырьмя свободами движения результатов и факторов производства, несло с собой для Германии, по существу, только выгоды и приобретения. Более того, Австрия и Швеция сразу же становились нетто-донорами «коммунитарного» бюджета ЕС-15, а Финляндия, поначалу немного отставая по ВВП на душу населения от среднего показателя ЕС-15, имела твердую перспективу быстро превзойти последний и реализовала ее, став одним из нетто-спонсоров (см. табл. 14.6).

Напротив, последний, пятый этап расширения Евросоюза, в результате которого ЕС-15 с 1 мая 2004 г. превратился в ЕС-25, а с 1 января 2007 г. — в ЕС-27, принес этому интеграционному объединению и его экономическому лидеру в лице ФРГ, как и следовало ожидать, значительно больше осложнений и проблем, чем любой из четырех предшествующих этапов. По этому вопросу в немецком обществе, как и в других странах ЕС, обнаружились серьезные разногласия, для чего имелись веские причины, прежде всего экономического характера. Тем не менее именно правящие круги Германии — вкупе с «коммунитарной» бюрократией в Брюсселе и «европейским» депутатским корпусом в Страсбурге — выступили как наиболее активный поборник расширения Евросоюза на восток. Прежде чем определиться с такой ролью, им пришлось решать сложнейшую задачу со многими за и против, причем попытка привести то и другое к общему знаменателю в условиях скептического отношения к пятому раунду со стороны широких слоев населения ФРГ и сложной экономической ситуации в ЕС-15 не сулила больших шансов на успех.

Так, инициаторы и поборники пятого раунда не могли закрывать глаза на то, что никогда прежде расширение ЕС не порождало в Союзе столь сильную «дивергенцию» (т. е. увеличение различий по уровню экономического развития), осложняющую интеграцию вглубь и породившую в «коммунитарном» механизме серьезные сбои. Более того, если присоединение Мальты и Кипра, двух небольших стран с давними традициями рыночной экономики, ожидаемо не принесло головоломных проблем (если не считать военно-политической проблемы восстановления единства государства на Кипре), то включение в ЕС восьми постсоциалистических государств (ЕС-8) с переходной экономикой таковые, безусловно, создало (это не относится лишь к Словении). Аналогичные проблемы существуют в связи с вступлением в ЕС с 1 января 2007 г. еще двух постсоциалистических стран — Болгарии и Румынии, которое можно рассматривать либо как завершение пятого раунда (автор настоящей главы склоняется, скорее, к такой оценке), либо как начало очередного шестого, этапа.

За более чем десятилетие подготовки к вступлению в Евросоюз страны ЕС-8, правда, сумели сформировать основы зрелой рыночной экономики, но остаются лишь на пути к той ее форме, которая характерна для наиболее развитых стран ЕС-25[1]. Действительно, ЕС-8 в период после признания их в 1997 г. кандидатами на вступление в Евросоюз по темпам прироста ВВП (ВНД) превосходили ЕС-15, так что отставание первых от последних за эти годы несколько сократилось, однако контрасты между первыми (кроме Словении) и последними, особенно по качественным параметрам их экономик (см. табл. 14.1), остаются разительными. Усиление «дивергенции» в результате включения в ЕС «новоевропейцев» явно противоречит традиционной установке интеграционной политики ФРГ на развитие интеграции вглубь. Более того, оно требовало от «староевропейцев», в первую очередь как раз от ФРГ, дополнительных финансовых усилий, к которым, как отмечалось выше, объединенная Германия объективно не была готова.

Не менее сложные проблемы со всей очевидностью и предсказуемостью были уготованы Германии в связи с наличием в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) обширного резервуара дешевой (в 5—10 и более раз по сравнению с ФРГ) и сравнительно квалифицированной рабочей силы, которая с «вожделением» посматривала на и без того переполненный немецкий рынок труда. К тому же к началу пятого раунда средняя норма безработицы — главным образом из-за Польши и Словакии — в ЕС-8 оказалась «почти вдвое выше, чем в ЕС-15, причем отсутствуют перспективы быстрого улучшения» такой ситуации, отмечает в этой связи П. Хавлик, научный сотрудник Венского института международных экономических сопоставлений[2]. Более того, этот эксперт далее подчеркивает, что после 1 мая 2004 г. в странах ЦВЕ наметилась тенденция к продолжению роста ВВП, не оказывающего позитивного воздействия их рынок труда, и прогнозирует на ближайшие годы стагнацию занятости (этот прогноз подтвердился в 2005—2008 гг.)[3]. Эти обстоятельства усиливают давление на рынок труда Германии и ЕС-15, обостряя там проблему нелегальной трудовой иммиграции и осложняя интеграцию вглубь по линии формирования единого рынка труда ЕС-27.

Негативное воздействие на рынок труда ФРГ оказывается, как и следовало предвидеть, и по причине переноса производств оттуда

---

[1] Подробнее см.: *Паньков В.* Постсоциалистические страны — члены ЕС: Конец трансформации? // Мир перемен. 2005. № 2.

[2] Havlik P. Wachstumserfolge der “neuen” EU-Mitglieder // “Europäische Rundschau”. 2005. No 3. S. 87.

[3] Ibid. S. 92—93, 100—101.

в страны ЦВЕ, причем около половины связанных с этим прямых инвестиций немецких компаний в указанных странах имеют побудительным мотивом снижение издержек на заработную плату. Именно низкие издержки такого рода мотивируют немецких предпринимателей размещать свои инвестиции в трудоемких отраслях ЕС-8: текстильной, дерево- и металлообрабатывающей, а также в производстве комплектующих для машиностроительного комплекса. Это ведет к сокращению части имеющихся на территории Германии рабочих мест путем их перемещения в ЦВЕ и уменьшению потенциала занятости для немецких рабочих и служащих вследствие планирования германскими компаниями новых производственных мощностей, в первую очередь в близлежащих странах с низкими трудовыми издержками.

Еще более резко, чем в межстрановом разрезе, усиление «дивергенции» как результат пятого раунда проявилось на уровне регионов, подлежащих стимулированию из средств Европейского фонда регионального развития (ЕФРР) в рамках региональной политики Евросоюза. «Вследствие расширения ЕС, — отмечает немецкий исследователь Ю. Буш,- число регионов со среднедушевым ВВП ниже 75% среднего показателя для ЕС (а именно таковые районы стимулируются из ЕФРР) увеличивается с 50 до 69. При этом в принципе различия между регионами ЕС-25 увеличиваются, и в будущем актуальный ныне разрыв в уровнях развития по линии Север—Юг будет перекрыт разрывом по линии Восток—Запад. Численность населения, проживающего в подлежащих стимулированию регионах, повышается с 73 до 123 миллионов. Это соответствует 27% населения расширенного ЕС. Из всего 41 региона, имеющегося в новых государствах-членах, 36 находятся ниже 75-процентной отметки, и там проживают более 92% населения вновь вступивших стран»[1]. Подобные диспропорции, неизбежно обострившие противоречия в ЕС по поводу формирования и использования ЕФРР, требуют фундаментального реформирования механизма региональной политики ЕС, и особенно ее финансирования, противодействуя интеграции вглубь или по меньшей мере замедляя ее. Все это в еще большей мере, чем к ЕС-25, относится с 2007 г. к ЕС-27.

Более того, для ФРГ отсюда проистекают особые проблемы, появление которых с началом пятого раунда правящие круги страны также не могли не предвидеть. Так, в результате снижения среднедушевого показателя ВВП в ЕС-25 по сравнению с ЕС-15 4 из 10 регионов на

---

[1] Busch B. Die Erweiterung der EU — Etappen, Regelungen und Finanzen // "IW-Trends", 2004. No 1. S. 7.

территории бывшей ГДР, стимулировавшихся после объединения Германии из средств ЕФРР, сразу же оказывались выше отметки 75% от «коммунитарного» уровня[1], теряя право на финансовую поддержку по линии ЕС. Вследствие дополнительного уменьшения данного показателя для ЕС-27 после вступления Болгарии и Румынии с 2007 г. в аналогичном положении оказываются 6 других восточногерманских регионов. Правда, все 10 регионов продолжают получать помощь из средств национального бюджета для региональной политики ФРГ (в 1991–2004 гг. 90% всех этих средств было направлено в новые федеральные земли и только 10% — в наименее развитые регионы Западной Германии). Однако поскольку Евросоюз (в лице КЕС и ЕБРР) настаивает на ужесточении контроля за использованием средств региональной политики отдельных государств — членов ЕС вне районов, подпадающих под финансовое стимулирование из ЕФРР, а в дальнейшем и на полной отмене там национального стимулирования, по мнению немецкого исследователя К.-Х. Рёля, «самостоятельная региональная политика в Германии может стать неосуществимой»[2]. Таким образом, расширение ЕС на восток не только создает для Германии дополнительные финансовые проблемы, но и приходит в очевидную коллизию с генеральной линией политики Берлина в области объединения Германии — курсом на выравнивание уровней экономического развития и жизни населения на востоке и западе страны[3].

Наконец, развитию интеграции вглубь противодействует то обстоятельство, что в результате пятого раунда уже не 1/5 (3 из 15), а более половины (13 из 25 с 1 мая 2004 г. и 14 из 27 с 1 января 2007 г.) оказались за пределами еврозоны, что усилило гетерогенность валютного пространства Евросоюза, хотя в нем и явно доминирует евро. Поскольку все «новоевропейцы» к моменту присоединения к ЕС были более или менее отдалены от выполнения известных условий для вступления в еврозону (норма инфляции не может более чем на 1,5 процентных пункта превышать показатель трех лучших по стабильности цен стран еврозоны, текущий дефицит госбюджета не более 3% ВВП, накопленный государственный долг не свыше 60% ВВП и др.), им для достижения соответствия этим критериям был предоставлен переходный период неопределенной продолжительности, в ходе которого от них потребуются большие усилия по дальнейшему реформированию экономики

---

[1] Ibid.

[2] Ruhl K.-H. Entwicklung und Schwerpunkte der Regionalfurderung in Deutschland // "IW-Trends", 2005. No 1. S. 17, 30.

[3] Воздействие расширения ЕС на экономику новых федеральных земель в настоящей монографии подробно рассматривается в главе Е. Романовой.

и других сфер общественной жизни[1]. До сих пор этого смогли добиться только наиболее развитая среди постсоциалистических стран Словения, вошедшая в еврозону с 1 января 2007 г., а в дальнейшем — Кипр и Словакия. Новое расширение границ последней ожидается не ранее 2010 г. Сохранение на продолжительное время многовалютного пространства ограничивает возможности проведения Германией ее традиционного курса на все более полную либерализацию экономических отношений внутри Евросоюза.

Отмеченные выше моменты, негативные с точки зрения экономических интересов Германии и установок ее интеграционной политики, безусловно, не могли не приниматься в расчет правящими кругами страны. В то же время они полагали, что эти моменты будут перекрыты выгодами для ФРГ и ее партнеров от расширения Союза, которое, увеличив емкость внутреннего рынок Евросоюза, дало бы мощный толчок росту ВВП как в странах ЕС-15, так и у «новоевропейцев». Подобные ожидания накануне пятого раунда разделялись и некоторыми российскими учеными[2]. Однако при объективном рассмотрении данный аргумент оказывался довольно слабым, поскольку было известно, что экономика «новоевропейцев» станет лишь небольшим и сравнительно небогатым «довеском» к ЕС-15. Действительно, в результате пятого этапа к совокупному ВНП ЕС-15 в 2004 г. добавилось только 4,5%, тогда как население Евросоюза увеличилось на 21,3%[3]. После вступления в ЕС с 1 января 2007 г. Болгарии и Румынии, как следует из подсчетов на основе данных таблицы 14.1, население ЕС увеличилось на 6,6%, а ВНД — лишь на 0,8%.

Повышение же численности населения ЕС в результате пятого раунда его расширения на (с 371 до 485 млн) в отношении динамики ВНП и емкости рынка само по себе ничего не дает, ибо эта динамика среди прочих факторов зависит не от количества и прироста населения (если бы это было так, то экономика беднейших стран мира, например Эфиопии, Бангладеш или Судана, была бы наиболее динамичной), а от его платежеспособного спроса (инвестиционного и потребительского), т. е. в итоге от уровня предпринимательских доходов и жизни населения, а также его динамики. Прирост же платежеспособного спроса на рынке ЕС-25 по сравнению с ЕС-15 намного отстал

---

[1] Подробнее см.: Fuest W., Matthes J. Die Beitrittsfähigkeit der mittel- und osteuropäischen EU-Miglieder zur Europäischen Währungsunion // IW-Trends, 2005. No 1. S. 45–60.

[2] См.: Расширение ЕС на восток: позиции стран Евросоюза / Под ред. Ю.И. Юданова. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 5; *Злоказова Н.* Расширение ЕС: за и против с позиций его членов // МЭиМО, 2004. № 1. С. 68.

[3] Подробнее см.: "Europäische Rundschau". 2004. Nr. 1. S. 68.

от увеличения численности Евросоюза вследствие присоединения сравнительно бедных стран. Это относится и к ЕС-27.

Сказанное выше не отрицает того, что в ходе либерализации торговых отношений между ЕС-15 и «новоевропейцами», которое стало бурно протекать уже в первой половине прошлого десятилетия, последние увеличили спрос на экспортную продукцию первых, чего и ожидала Германия и чем она наиболее активно воспользовалась. Так, в период с 1993 по 2002 г. внешнеторговый оборот ФРГ со странами ЦВЕ утроился, тогда как его прирост с остальным миром составил только 60%. Вывоз товаров в ЦВЕ возрос за этот период с 20 до 65 млрд. евро, достигнув 8% совокупного экспорта Германии и вплотную приблизившись к соответствующему показателю по торговле с США (см. табл. 14.3)[1].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что эффект от присоединения «новоевропейцев» к «коммунитарному» рынку товаров был во многом исчерпан до 1 мая 2004 г.: в ходе реализации обеими сторонами принятых в первой половине прошлого десятилетия соглашений об ассоциации стран ЦВЕ с ЕС (полуофициально именуемых «европейскими соглашениями») произошла настолько радикальная либерализация взаимной торговли товарами в форме материального продукта (к аграрным изделиям это относится частично), что практически к 2001 г. сформировалась зона свободной торговли между ЕС-15 и ЕС-8. Формально-юридическое присоединение «новоевропейцев» к ЕС в плане дальнейшей либерализации их торговли с ЕС-15, по сути дела, ничего не принесло, не придав экспортной экспансии ФРГ в этот регион дополнительных импульсов. Так считают и немецкие эксперты, например, М. Грёмлинг и К. Рёмер[2]. Правда, трудно сказать, пошли бы страны ЦВЕ на такую либерализацию в столь короткие сроки, если бы в «европейских соглашениях» им бы не была четко обозначена перспектива вступления в Евросоюз.

Решая вопрос о целесообразности пятого раунда, правящие круги ФРГ во многом, если не в первую очередь, руководствовались соображениями неэкономического характера. Можно сказать, по данному вопросу для них политика превалировала над экономикой. Так, политически расширение ЕС, безусловно, должно было привести к укреплению нарождающихся постсоциалистических демократий (по ана-

---

[1] *Романова Е.* Германия и расширение ЕС на восток // Современная Европа. 2006. № 2. С. 72.

[2] См.: Grömling M., Römer Ch. Die Wirtschaftsbeziehungen Deutschlands mit Mittel- und Osteuropa // "IW-Trends", 2004. No 1. S. 9 // IW-Trends, 2005. No 1. S. 45–60.

логии с Грецией, Испанией и Португалией на втором и третьем этапах расширения ЕС), к общей стабилизации положения на континенте, к усилению геополитических и военно-политических позиций Евросоюза и Германии. Ведущие политики ФРГ вновь и вновь заявляли, что их страна не заинтересована в том, чтобы иметь у своих границ государства с нестабильными режимами. Именно по указанным и другим причинам политического характера вполне закономерно, что наиболее последовательными поборниками расширения ЕС, помимо деятелей КЕС и верхов «коммунитарного чиновничества», выступили как раз лидеры Германии и Австрии, хотя экономически именно для этих стран возник целый ряд гораздо более сложных проблем (например, в области трудовой миграции), чем у более отдаленных от региона ЦВЕ государств ЕС.

Раскрывая подоплеку пятого раунда расширения ЕС и его некоторые (нежелательные для его инициаторов) последствия, И.Д. Иванов пишет: «Ясно, что политически Брюссель таким путем стремился поскорее подобрать ставшие бесхозными остатки социалистического лагеря, пересмотреть «потсдамскую» модель устройства Европы; кстати, сюда, как показывают примеры Грузии и Украины, вполне могли бы устремиться и США. Известно и то, что при хозяйственной и иной несамодостаточности стран Центральной и Восточной Европы их правящие элиты всегда искали внешней опоры, а при смене этих элит на место СЭВ идеологически заступил ЕС. Однако для самих «ЕС-15» подобный выбор существенно «разводняет» потенциал их интеграции, выступая для нее, причем на долгие годы, не как поддержка, а как бремя...»[1]. Эта реалистическая оценка позиции «коммунитарной» бюрократии может быть в масштабе 1 : 1 спроецирована и на Германию, причем в контексте как ее мотивации, так и ее последствий для германской интеграционной политики из-за явной коллизии с традиционной установкой последней на всемерное развитие интеграции вглубь.

Отмеченные выше и другие проблемы, придавшие пятому этапу расширения ЕС весьма противоречивый и конфликтный характер, детерминировали нынешнюю кризисную ситуацию в интеграционном развитии Евросоюза и оказывают существенное влияние на дальнейшую эволюцию последнего. Поскольку для введения Конституции ЕС в действие необходимо согласие всех участников ЕС, а проведение повторных референдумов во Франции и Нидерландах политически

---

[1] *Иванов И.* Единый внутренний рынок ЕС: свет, тени, историческая перспектива // Современная Европа. 2004. № 2. С. 26–27.

невозможно (не говоря уже о том, что их исход с большой вероятностью мог бы вновь оказаться таким же, как в 2005 г.), в Евросоюзе ведутся активные поиски выхода из конституционного кризиса. Пока сложно сказать, будет ли у ЕС модифицированный прежний документ или на смену ему придет принципиально новый проект.

Германия, как и весь Евросоюз, продолжает оставаться перед лицом дилеммы одновременного развития интеграции вглубь и вширь. Тенденции дальнейшей эволюции ЕС будут в значительной мере определяться тем, каким образом будет происходить дальнейшее расширение ЕС и когда произойдут его следующие раунды, что во многом зависит от отношения Германии к этому процессу. Ю.А. Борко, один из наиболее авторитетных российских экспертов по Евросоюзу, дал такой прогноз эволюции ЕС, сочетающий в себе развитие интеграции как вширь, так и вглубь: «С учетом условий, которые зафиксированы в Договоре о вступлении 10 государств в ЕС, подписанном в Афинах в апреле 2003 г., а также всех экономических и социальных факторов, влияющих на процессы экономической интеграции в расширенном ЕС, ее динамику в ближайшие 15–20 лет можно представить следующим образом:

— 2010 г. — страны «десятки» завершают переходный период и полностью интегрируются в единый внутренний рынок ЕС с его «четырьмя свободами»; четыре государства — Венгрия, Мальта, Словения и Чехия — вступят, возможно, в ЭВС; вероятно, к этому времени или несколько раньше к ЭВС присоединятся также Великобритания и Дания;
— 2010–2015 гг. — в ЭВС вступают остальные страны «десятки»; к концу периода завершают переходный период и полностью интегрируются в единый внутренний рынок Болгария и Румыния; членом ЕС становится Турция;
— 2015–2020 гг. — Болгария и Румыния вступают в ЭВС, Турция завершает переходный период и, возможно, также присоединяется к ЭВС; в ЕС вступают Хорватия, Сербия и Черногория, Албания, Македония, Босния и Герцеговина»[1].

Приведенная выше схема поэтапной эволюции ЕС заслуживает внимания и сегодня, однако по некоторым концептуальным соображениям и с учетом новых реалий 2008-го — начала 2009 гг. она требует ряда коррективов. Прежде всего Словения, как отмечалось выше, уже вступила в еврозону (она обозначена Ю.А. Борко как ЭВС. — *Авт.*).

---

[1] *Борко Ю.* Расширение и углубление европейской интеграции // МЭиМО. 2004. № 7. С. 27.

Сроки же вступления туда Великобритании, Швеции и Дании не поддаются научному прогнозированию, ибо экономически объективно все они давно готовы к этому, но политического большинства в пользу такого шага — хотя и по разным причинам — там нет и в обозримой перспективе не предвидится. Что же касается Германии, то она однозначно выступает за участие указанной «тройки» в еврозоне.

Германия так же отнеслась бы к вступлению в ЕС и еврозону четырех малых развитых стран, остающихся членами ЕАСТ и вошедших вместе с государствами ЕС с 1994 г. в Европейское экономическое пространство (ЕЭП). Однако перспектива этого зависит от самих стран ЕАСТ-4 (Норвегия, Швейцария, Исландия и Лихтенштейн), а не от Германии и Евросоюза. В обозримой перспективе — по меньшей мере 5–10 лет — этот вопрос не актуален ни для одной из указанных стран, хотя и по разным (преимущественно политическим) причинам. Правда, в политической элите Исландии в условиях краха национальной банковской системы под воздействием мирового финансового кризиса с конца 2008 г. стали раздаваться голоса в пользу вступления в еврозону (и соответственно в ЕС), тем не менее до сих пор они не нашли воплощения в формировании политической коалиции, обладающей потенциалом для реализации подобных намерений.

Из претендентов на членство в ЕС, приведенных в схеме Ю.А. Борко, наиболее перспективны кандидатуры бывших югославских республик, особенно Хорватии, переговоры с которой находятся на продвинутой стадии. Представляется, что эти страны, а также Албания — при условии приемлемого как для ЕС, так и для Сербии разрешения ситуации в Косове и вокруг него — войдут в Евросоюз раньше Турции, но даже первые из них, видимо, не ранее 2012 г.

Особо следует остановиться на Турции, которая давно настойчиво добивается ее принятия в ЕС. Прошение о принятии в ЕС эта страна подала в Брюссель еще в 1987 г., но официальные переговоры с ней начались лишь в 2006 г. Вступлению Турции противодействует целый ряд причин экономического, политического и иного характера. ЕС экономически объективно во многом не заинтересован в полном членстве Турции. Так, в этом случае пришлось бы — по окончании некоторого переходного периода — полностью открыть для граждан последней рынок труда ЕС, что при нынешнем уровне безработицы усилило бы там социальную напряженность.

В ЕС принято принимать только демократические страны, а авторитарный политический режим Турции, и без того далекий от стандартов плюралистической демократии, вновь и вновь подвергается давлению в направлении ужесточения со стороны «доморощенного»

исламского фундаментализма. Объективно в том же направлении действует и курдский сепаратизм, хотя в турецком Курдистане в последние годы и не ведутся масштабные боевые действия со стороны вооруженных сил Турции против курдских повстанцев. Все же в связи с реальной угрозой раскола Ирака, резко усилившейся вследствие казни Саддама Хусейна в конце 2006 г., вокруг курдской проблемы может вновь вспыхнуть пожар крупномасштабного вооруженного конфликта. Не менее проблематично с точки зрения «европейских» устремлений Турции, хотя и в другом контексте, и то, что Анкара по-прежнему официально не признает одно из государств — членов ЕС, Республику Кипр (греч.), и пока перспектива взаимоприемлемого решения данной проблемы не просматривается.

К этому добавляется то, что отношение правящих кругов ведущих государств ЕС, в том числе ФРГ, к членству Турции в нем как крупной страны, в которой доминирует исламская религия, в последнее время изменилось не в лучшую сторону. Правительства Великобритании (в связи с состоявшимися терактами 2005 г. и предотвращенными терактами 2006 г.) и Франции (в связи с массовыми беспорядками 2005 г.) не могут не считаться с широким распространением по указанным и другим причинам антиисламских настроений в их странах. Это обстоятельство, как и наличие подобных настроений у миллионов немцев, не могут игнорировать и в Берлине.

После смены власти в Берлине в конце 2005 г. отношение правительства Германии к членству Турции в ЕС изменилось от благоприятного к скептическому и, скорее, негативному. Некоторые государства ЕС, в частности Франция и Австрия, в 2006 г. заявили, что будут проводить по данному вопросу общенациональные референдумы, исход которых может разрушить «европейские» надежды Турции (а прием любого нового члена возможен только при согласии всех государств ЕС). Из лидеров стран ЕС, пожалуй, только бывший британский премьер-министр Т. Блэр был активным поборником членства Турции в Евросоюзе, однако ему пришлось оставить свой пост в 2007 г. Новый же премьер-министр Великобритании Г. Браун занимает по данной проблеме более сдержанную позицию, чем его предшественник.

Вследствие отмеченных выше и других обстоятельств сегодня трудно сомневаться в том, что переговоры с Турцией станут самыми сложными, изнурительными и затяжными (возможно, они продлятся еще 10—15 или даже более лет) за всю историю ЕС и его расширения. Вполне возможно, что они окончательно зайдут в тупик. Так или иначе, участники саммита ЕС на высшем уровне, состоявшегося 14—15 декабря 2006 г. в Брюсселе, единогласно приняли решение пре-

рвать на неопределенное время переговоры с Турцией о ее вступлении в Союз по 8 (все они связаны с Кипром) из 35 пунктов. Правда, в итоговом заявлении саммита отмечается, что тем самым дверь в ЕС перед этой страной не захлопывается[1], но дальнейший ход переговоров и по прошествии более чем двух лет после указанного саммита предугадать весьма затруднительно. Во всяком случае, для оптимистических ожиданий здесь нет сколько-нибудь прочных оснований.

В неопределенном будущем чисто умозрительно можно представить себе членство в ЕС ряда стран СНГ, кроме РФ и среднеазиатских государств, что привело бы к ЕС-39. Все же как подчеркивает видный немецкий эксперт по ЕС Э. Ян, «это уже превышает все мыслимые возможности. И по этой причине практически все европейские политики, за исключением политиков из Польши, до сих пор неизменно повторяли, что нужно поостеречься того, чтобы открыть для Украины такие же перспективы, которые были открыты в отношении Турции в 60-е годы. То есть не надо повторно выдвигать обещания, которые не могут быть выполнены. Польша в этом отношении достаточно изолирована в своих попытках обсуждать Украину в качестве возможного члена Европейского союза»[2].

В целом можно ожидать, что по вопросу об увеличении числа государств — членов ЕС, если абстрагироваться от гипотетического и, скорее, эфемерного варианта с четырьмя странами-участницами ЕЭП, Германия в обозримой перспективе будет занимать сдержанную и выжидательную позицию и все-таки не возьмет на себя роль главного инициатора и поборника очередного раунда расширения Евросоюза.

* * *

Итак, в настоящее время ЕС переживает глубокий *адаптационный кризис*, обусловленный совпадением во времени, с одной стороны, начала объективно назревшего глубокого реформирования всей институциональной структуры и сложившегося механизма функционирования Евросоюза и, с другой стороны, очередного (пятого) этапа расширения этого объединения, который был осуществлен правящими кругами стран ЕС и верхушкой «коммунитарной» бюро-

---

[1] См.: www.newsru.com, 18.12.2006.

[2] 35 лет Московскому Договору — находимся ли мы на пути к Европе без границ? Материалы международной конференции (Институт Европы РАН. 23 сентября 2005 г.). Доклады Института Европы РАН № 169. М.: ОГНИ ТД, 2005. С. 89.

кратии, руководствовавшимися в первую очередь политическими мотивами, во многом «волюнтаристски», без достаточного учета как глубины экономических противоречий и проблем внутри ЕС-15, так и осложнений, возникших в связи вступлением в него новых стран-членов.

При этом был временно приостановлен и стал давать серьезные сбои процесс не только экономической, но и политической интеграции. Это правомерно связывается западноевропейскими экспертами с ослаблением роли франко-германской оси в нем, которая решающим образом способствовала преодолению интеграционного кризиса 70-х — начала 80-х годов прошлого века и играла в дальнейшем роль «мотора» в формировании экономического, валютного и политического союза в рамках ЕС[1]. «Немецко-французский мотор не может больше развивать мощность, необходимую для того, чтобы продвигать вперед большую Европу (т. е. ЕС-27. — *Авт.*), — правильно отмечают немецкие политологи К.-Д. Франкенбергер и Г. Нонненмахер. Экономическая сила обеих стран намного сократилась, как источник политического вдохновения, они выглядят измотанными, хотя требовалось бы и то, и другое»[2].

Правда, хотя сложившийся до начала пятого этапа расширения интеграционный механизм не обеспечил достаточно эффективной адаптации ЕС к глобализации и новым реалиям внутри Союза и дает сбои, он в целом поддерживается в дееспособном состоянии. Фундаментальная, стратегическая заинтересованность всех государств — членов ЕС в преодолении данного кризиса, по всей вероятности, приведет к его разрешению, но сегодня, тем более после превращения ЕС-25 в ЕС-27, не представляется возможным дать научно обоснованный прогноз того, как и в какие сроки это произойдет.

Как бы ни протекал в дальнейшем процесс расширения ЕС, следует согласиться с Ю.А. Борко, что все это время «институтам ЕС придется решать головоломную задачу координации макроэкономической политики трех групп государств: членов ЭВС (еврозоны. — *Авт.*), участников единого внутреннего рынка и новичков, находящихся в процессе адаптации. И все это время одним из основных направлений политики ЕС будет содействие процессу реальной конвергенции трех десятков стран, который, по сути, только начинается заново

---

[1] *Паньков В.С.* Экономическое, научно-техническое и инвестиционное сотрудничество между Российской Федерацией и Европейским союзом. С. 4.

[2] Frankenberger K.-D., Nonnenmacher G. Überladen, überdehnt — die Europäische Union in der Krise // "Europäische Rundschau", 2005. No 3. S. 8.

и займет, видимо, не меньше трех десятилетий. Цена этой политики будет измеряться сотнями миллиардов евро»[1].

Если Евросоюз не сможет решить эти проблемы, найти «золотую середину» между развитием интеграционных процессов вглубь и вширь, то ему в будущем едва ли удастся избежать снижения качества и уровня интеграции. Однако более вероятной представляется иная эволюция Евросоюза: избежав в дальнейшем экономически неподготовленных и во многом авантюрных шагов в сторону очередного расширения, он под давлением императивов глобализации к началу следующего десятилетия консолидируется, разработает реалистическую программу интеграции вглубь по ее важнейшим аспектам и возобновит движение в этом направлении.

Вступив в должность председателя ЕС на первое полугодие 2007 г., правительство Германии сразу же выразило готовность предпринять усилия для активизации работы над документом, призванным заменить отвергнутый на референдумах во Франции и Нидерландах проект «Европейской конституции», и провести до конца года саммит Евросоюза по этому вопросу[2]. Это намерение было реализовано в результате единогласного одобрения на саммите в Лиссабоне (декабрь 2007 г.) Договора о реформе ЕС. После его отклонения на референдуме в Ирландии (июнь 2008 г.) вопрос о перспективах реформирования Евросоюза остается открытым.

Вместе с тем даже в обстановке, когда были получены более позитивные экономические результаты 2006–2007 гг. (они были во многом достигнуты благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре) по сравнению с рядом предыдущих лет, ФРГ объективно не могла вновь взять на себя роль (даже в «тандеме» с Францией, а тем более единолично) того мотора интеграции, каким она была почти до конца прошлого десятилетия. Еще труднее быть таким «мотором» стало для Германии в условиях рецессии, охватившей ее во второй половине 2008-го — начале 2009 г. По имеющимся прогнозам немецких экспертов, эта рецессия займет по меньшей мере весь 2009 г. Потеряв обороты на рубеже двух веков, этот «мотор» никак не может набрать прежнюю мощность. Назревшие глубокие и неизбежно болезненные для населения реформы по модернизации экономики и социальной сферы Германии затягиваются либо принимают половинчатый характер, поскольку не встречают необходимой поддержки в немецком об-

---

[1] *Борко Ю.* Расширение и углубление европейской интеграции // МЭиМО. 2004. № 7. С. 27.

[2] "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 03.01.2007.

ществе[1]. Отложенная и затянувшаяся модернизация экономики и социальной сферы Германии, негативно сказываясь на ее финансовом потенциале, ограничивает и пространство для ее маневрирования в области интеграционной политики в рамках ЕС.

Глава 15. Мирохозяйственные аспекты развития

15.1. Общая характеристика

Федеративная Республика Германии является одним из лидеров современного мирового хозяйства. Ее экономика глубоко вовлечена в международное разделение труда. В первую очередь это относится к внешней торговле, особенно к вывозу товаров в форме материального продукта, — в данной сфере Германия в последнее десятилетие уверенно занимает одно из лидирующих мест. Более того, с 2003 по 2008 г. она занимала первое место в мире, обеспечивая около 10% мирового экспорта и опережая США, Китай и Японию. В 2008 г. вывоз товаров из Германии в текущих ценах достиг 993 млрд евро, превысив на 178, 5 млрд импорт, составивший 814 млрд евро. При этом в 2007 г. был поставлен абсолютный рекорд для немецкого внешнеторгового сальдо — его величина составила 195 млрд евро и почти в четыре раза превысила аналогичный показатель 1995 г. Не исключено, что в ближайшие годы Китай сместит ФРГ с первого места в сфере товарного экспорта. В области мирового импорта товаров Германия отстает от США и с существенным отрывом занимает второе место (8,5–9%). Она уступает США и Великобритании в области экспорта услуг, опережая при этом своих других ближайших конкурентов — Японию и Китай. Относительно скромное место принадлежит Германии в международном движении капитала.

Несмотря на достаточно емкий внутренний рынок с 82 млн граждан и высоким уровнем покупательной способности, немецкие компании вынуждены ориентироваться на внешние рынка сбыта своей,

---

[1] Подробнее см.: *Паньков В.С.* Эволюция рынка труда и социальной сферы в Германии // Экономика XXI века. 2006. № 7. С. 43–47.

как правило, сложной и специализированной продукции. Немецкие фирмы в течение полутора веков, особенно после Второй мировой войны, последовательно совершенствовали качественные характеристики своих товаров и услуг, превратив лейбл «Сделано в Германии» в гарантию высокого качества[1], что, в свою очередь, содействовало постепенному завоеванию зарубежных рынков. В течение послевоенных десятилетий происходил последовательный рост доли внешних заказов в общем объеме производства, которая в отдельных отраслях и подотраслях составляет в настоящее время в среднем от 20 до 60%.

В последние десятилетия народное хозяйство Германии, по преимуществу ее внешнеэкономическая сфера, оказалось под существенным влиянием процессов глобализации. К наиболее значимым из них можно отнести возросшее участие развивающихся стран, главным образом из Юго-Восточной Азии, и постсоциалистических стран в мировом разделении труда, качественную и количественную интенсификацию процессов европейской интеграции, рост мировых цен на энергоносители и нестабильность на мировых валютных и финансовых рынках. Эти процессы наряду с процессом объединения страны, отказом от немецкой марки и переходом на евро, созданием Экономического и Валютного союза и расширением ЕС вызвали ряд далеко идущих изменений в экономике ФРГ, в том числе в механизмах ее участия в международном разделении труда.

Немецкие фирмы были вынуждены увеличить капиталоинтенсивность производственных процессов, в том числе за счет их рационализации и автоматизации, и соответственно повысить производительность труда, особенно за счет использования все более дорогих и сложных машин, позволяющих среди прочего замещать весьма дорогую в Германии рабочую силу. Эта тенденция ускорилась в 90-е годы и продолжается до сих пор.

В рамках международной кооперации немецкая экономика усилила специализацию на секторах, требующих высоких затрат на капитал и высококвалифицированную рабочую силу, что позволяет ей противостоять конкуренции из тех стран, которые в качестве основ-

[1] Клеймо «Made in Germany» было введено в Великобритании в XIX в. для того, чтобы местные потребители могли отличать немецкие товары (тогда относительно низкого качества) от английских (тогда бывших символом высокого качества). Компаниям из Германии понадобилось несколько десятилетий, чтобы изменить отношение потребителей к своей продукции.

ного конкурентного преимущества используют низкие издержки на оплату рабочей силы, особенно при массовом производстве относительно простой продукции. У Германии есть хороший задел для этого — накопленные знания о рынках, технические ноу-хау, высококлассная логистика сложных организационных и производственных процессов внутри фирм и, что немаловажно, накопленный опыт, позволяющий специализироваться на высокосложных и очень дорогих производственных методах. Немецкая экономика начиная с 70-х годов прошлого века расстается с относительно простым трудозатратным производством товаров, последовательно переводя его в другие страны и замещая его импортом. В первую очередь эти процессы затронули предприятия текстильной, кожевенной, мебельной промышленности. Одновременно возрастают инвестиции в новейшие технологии массового производства внутри страны, что позволяет обеспечивать конкурентоспособность немецких товаров за счет высокого качества и приемлемого уровня издержек, в том числе за счет замещения рабочей силы. Растут капиталовложения в машиностроение, производство промышленного оборудования, в том числе крупного технологического, в сферу услуг, связанной с обслуживанием промышленности (информационные технологии и т. д.). При этом соответствующие производственные процессы предполагают использование наемной рабочей силы высокой квалификации. С ростом конкурентного давления со стороны новых индустриальных стран такие изменения в немецкой экономике в последнее десятилетие существенно ускорились.

С середины 90-х годов обозначилась относительно новая тенденция в производственной стратегии промышленных компаний Германии — внутри страны они сосредотачивают конечные фазы производства, а промежуточные фазы, большей частью связанные с изготовлением относительно простых комплектующих, требующих больших затрат труда, переносятся в другие страны. Другими словами, ФРГ во все большей мере становится местом концентрации сборочных производств, ориентированных на поставки комплектующих и компонентов из стран с невысокими издержками на оплату рабочей силы (низким уровнем заработной платы и социальных выплат). Конечный продукт получает наклейку «Сделано в Германии» и соответственно все связанные с ней у конечного потребителя представления о конкурентных преимуществах немецкого товара — качества, надежности, сервиса и т. д. Данная тенденция дала повод известному немецкому экономисту Хансу-Вернеру Зинну выдвинуть тезис о том, что экономика Германии стала по своему характеру «базарной» и ос-

новная часть стоимости немецких товаров создается не внутри страны, а за рубежом[1].

Большинство германских экспертов поддались на отчасти провокационные положения Зинна, и в течение нескольких лет они вели активную дискуссию с ним, что позволило ему не только несколько раз переиздать свой труд, но и написать новую книгу, в которой он давал подробные ответы на критические высказывания своих коллег[2].

Ориентированность существенной части немецкой экономики, прежде всего отраслей обрабатывающей промышленности, на реализацию своей продукции за рубежом объясняется относительной малой емкостью внутреннего рынка для существующих национальных производственных мощностей при его одновременной открытости для товаров иностранных фирм. Сбыт зарубежных компаний на немецких рынках ориентируется, с одной стороны, на высокую покупательную способность населения, а с другой — на спрос со стороны национальных промышленных отраслей.

---

[1] Основные положения Х.-В. Зинна сводятся к следующему. С более активным вовлечением немецких фирм в международное разделение труда и переносом в другие страны части производственных процессов происходит уменьшение глубины переработки товаров непосредственно в Германии и соответственно снижается доля создаваемой на немецких промышленных предприятиях совокупной новой стоимости. Удельный вес стоимости, произведенной германской промышленностью, в общей конечной стоимости отечественной продукции в период с 1970 по 2004 г. упал с 40 до 34%. При этом данное снижение стало возрастать с 1995 г. С 1970 по 1994 г. оно составило 2,3%, а с 1995 по 2004 г. — уже 4,1%. В наименьшей степени это коснулось общего машиностроения, металлургии и металлообработки. Существенное снижение произошло в первую очередь в электротехнике (с 1970 по 2002 г. — на 9,2%) и автомобилестроении. В целом, по оценке Х.-В. Зинна, только небольшая часть падения глубины переработки в немецкой промышленности объясняется внутренними причинами (рост доли сектора услуг). Он считает, что в период с 1995 по 2004 г. данный процесс был в основном обусловлен переносом производства за рубеж. Наряду со структурными сдвигами в народном хозяйстве это стало одной из причин снижения доли обрабатывающей промышленности в производстве ВВП. Причем, по его мнению, данная тенденция к снижению была явно выражена до 1984 г. и затем с начала объединения Германии до середины 90-х годов, после чего наступил период стабилизации. Лишь в ряде небольших отраслей со второй половины 90-х годов эта негативная тенденция продолжилась — в типографской промышленности, производстве стекла и керамики, обработке камней, изготовлении мебели, музыкальных инструментов, украшений, производстве одежды. См.: Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Ullstein. Berlin. 2005.

[2] Sinn H.-W. Die Basar-Oekonomie. Deutschland: Exportweltmeister oder Schlusslicht? Ullstein. Berlin. 2005.

15.2. Внешняя торговля

В 2006 г. объем немецкого экспорта товаров и услуг превысил темпы роста мировой торговли и переступил порог в 1 трлн евро. Это означало более чем двукратный рост за десять лет и самые высокие темпы прироста с 1991 г., что среди прочего обусловило увеличение доли экспортной квоты в ВВП до исторического максимума 44,9%. Не менее динамично рос импорт товаров и услуг, в том числе за счет высоких мировых цен на энергоносители, что явилось причиной незначительного уменьшения совокупного внешнеторгового актива с 116 до 114 млрд евро. Данная тенденция продолжилась и в 2007–2008 гг. В целом позитивная динамика экспорта с середины 90-х годов была связана с сохранением высокой ценовой конкурентоспособности немецких товаров. Частично она была обусловлена сдерживанием в этот период роста заработной платы в рамках тарифных соглашений между работодателями и наемными работниками.

Согласно прогнозам в 2009 г., впервые с 1993 г. ожидается резкое снижение объема экспорта товаров в страны еврозоны, США, Японию и другие страны — основные торговые партнеры ФРГ, которое началось в IV квартале 2008 г. и явилось следствием падения внешнего спроса в условиях мирового финансового кризиса. Сокращение экспорта может составить до 10–15%. Однако с постепенным оживлением мировой экономики темпы роста экспорта вновь станут положительными.

С точки зрения товарной структуры более 80% совокупных экспортных поставок приходится на промышленность. При этом около 60% всего экспорта обеспечивают четыре отрасли — автомобилестроение, электротехника, машиностроение и химия. Вклад сферы услуг составляет лишь около 14%, в то время как в США и Великобритании данный показатель равен примерно одной трети.

Для немецкой внешней торговли характерен высокий уровень диверсификации — в 2007 г. из 261 существующих в мировой торговле товарных групп в них было представлено 259, что среди прочего обусловлено широким вовлечением в международное разделение труда предприятий практически всех отраслей народного хозяйства Германии. По этому показателю она опережала Францию, США и Японию. По индексу диверсификации (0,285 в 2007 г.) ФРГ существенно превышала аналогичный показатель для развитых стран в целом (0,164),

а по индексу концентрации товарного экспорта (0,089) почти соответствовала средней величине (0,063)[1].

Таблица 15.1

Динамика товарного экспорта и импорта ФРГ (млн евро)

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо внешней торговли
2008	992 539	814 033	178 507
2007	965 236	769 887	195 348
2006	893 042	733 994	159 048
2005	786 266	628 087	158 179
2004	731 544	575 448	156 096
2003	664 455	534 534	129 921
2002	651 320	518 532	132 788
2001	638 268	542 774	95 495
2000	597 440	538 311	59 128
1990	348 117	293 215	54 901
1980	179 120	174 545	4 575
1970	64 053	56 041	8 012
1960	24 514	21 844	2 670
1950	4 275	5 815	–1 540

Источник: www.bundesbank.de.

Ведущую роль в немецком экспорте играют машиностроительные компании (товарная группа «машины и транспортное оборудова-

[1] Индекс диверсификации колеблется от нуля до единицы и отражает степень подобия структуры экспорта среднемировой структуре - чем он ближе к единице, тем специфичнее статьи экспорта. Индекс концентрации товарного экспорта (индекс Херфиндаля-Хиршмана) показывает колебания концентрации экспорта - от нуля (минимальная концентрация, т. е. все группы товаров представлены в равной мере) до единицы (максимальная концентрация — одна товарная группа).

ние»), которые в среднем вывозят за пределы страны около двух третей своей продукции и с этой точки зрения являются неоспоримыми лидерами. В первую очередь речь идет о всемирно известных автомобилестроительных концернах, за которыми следуют производители электротехники, специализированных станков, энергетического оборудования. В целом на них приходится более 50% совокупного товарного экспорта. Существенный вклад в вывоз товаров вносят компании химической отрасли и металлургии.

Таблица 15.2

Товарная структура внешней торговли Германии (%)

Товарная группа	Экспорт		Импорт	
	2001 г.	2007 г.	2001 г.	2007 г.
Пищевые продукты	3,3	3,5	5,4	5,2
Напитки и табак	0,6	0,7	0,9	0,7
Непродовольственное сырье (кроме топлива)	1,4	1,8	3,1	3,6
Минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные товары	1,4	2,3	8,5	10,5
Животные и растительные масла, жиры, воск	0,2	0,1	0,2	0,3
Химическая продукция	12,7	13,9	10,0	11,9
Промышленные товары (по виду материала — бумага, ткани, черные и цветные металлы и т. д.)	13,5	14,2	12,6	14,5
Машины и транспортное оборудование (станки, электротехника, автомобили и т. д.)	52,0	48,5	37,5	34,3
Различные готовые изделия (мебель, одежда и т. д.)	9,3	9,5	12,2	10,3
Прочие товары	5,6	5,6	9,6	8,7

Источник: составлено на основе Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 2002. S. 279; 2008. S. 475.

По товарной структуре импорт ФРГ достаточно похож на экспорт. Ведущие позиции в нем занимают химические изделия, автомобили

и их комплектующие, нефть и природный газ, металлы и их полуфабрикаты. Германия является крупнейшим импортером энергоресурсов в Западной Европе.

Практически во всех секторах промышленности речь идет о встречных поставках продукции, в том числе осуществляемых в рамках внутрифирменной торговли. Немецкие компании все более активно размещают производство на своих предприятиях, расположенных в других странах с теми или иными сравнительными преимуществами (более низкая стоимость рабочей силы, наличие требуемых природных и прочих ресурсов). Поэтому в немецком экспорте постепенно растет доля товаров, произведенных из импортных компонентов. В 1991 г. номинальный удельный вес импорта в совокупном вывозе товаров, согласно данным Федерального статистического ведомства, составлял 26,7%, а в 2002 г. — уже 38,8%, и, по некоторым оценкам, через несколько лет он может превысить 50%[1].

По большинству товарных позиций, особенно там, где речь идет о сложной технической продукции, ФРГ во взаимной торговле имеет положительное сальдо. Импорт преобладает по таким товарным группам, как непродовольственное сырье, пищевые продукты, нефть, нефтепродукты, газ. В целом в товарной структуре внешней торговли Германии в последние десятилетия наметилась тенденция к росту удельного веса продукции передовых отраслей и снижению доли необработанных сырьевых товаров.

Конкурентные преимущества ведущих отраслей обрабатывающей промышленности во внешнеторговой сфере можно измерить с помощью коэффициентов «очевидного сравнительного преимущества» (Revealed Comparative Advantage)[2]. Анализ, проведенный немецким экономистом Хорстом Зибертом, свидетельствует о том, что в течение последних трех десятилетий такие преимущества прежде всего были характерны для машиностроения, автомобилестроения и химии.

---

[1] Statistisches Bundesamt, "Volkswirtschaftliche Rechnungen. Input-Output-Rechnung. Importabhaengigkeit der deutschen Exporte 1991, 1995, 2000 und 2002"). Wiesbaden, 2004. S. 4.

[2] Коэффициенты «очевидного сравнительного преимущества» соотносят экспорт конкретной отрасли к ее импорту и сравнивают этот показатель с отношением совокупного экспорта страны с общим импортом. Ввоз и вывоз товаров и услуг всех секторов рассматривается в качестве нормальной величины. Данные коэффициенты показывают, насколько тот или иной сектор хуже (знак «минус») или лучше (знак «плюс») этой нормы. Если показатель превышает норму, то это свидетельствует о наличии относительных экспортных преимуществ.

Таблица 15.3

Коэффициенты «очевидных сравнительных преимуществ» обрабатывающей промышленности Германии

Товарная группа	1970 г.	2003 г.
Медицинские и фармацевтические изделия	48,9	–8,9
Химические вещества и продукты	37,7	48,4
Станки	89,3	106,5
Машины, аппараты, приборы для различных целей	59,8	60,2
Средства связи	25,5	–22,7
Электрические машины, аппараты, приборы	8,5	5,5
Автомобили	76,0	64,2
Фотоаппараты, оптические товары, часы	8,7	2,5

Источник: Siebert H. Jenseits des sozialen Marktes. Deutsche Verlag-Anstalt. München. 2005. S. 94.

В географическом отношении основными внешнеторговыми партнерами ФРГ являются страны Европы — в них в 2007 г. направлялось около 75% немецкого товарного экспорта, в основном в ЕС (65%), по преимуществу в страны еврозоны. Соответственно из Европы Германия получала 72% всех товаров. Ведущим внешнеторговым партнером ФРГ является Франция — немецкий экспорт в нее составил в 2007 г. 93,9 млрд евро (9,7%), а импорт из нее — 64,9 млрд (8,4%). За ней следуют Великобритания, Италия, Нидерланды и Австрия. Но традиционные партнеры по ЕС постепенно уступают свое место новым членам — странам Центральной и Восточной Европы. Из неевропейских государств к важнейшим партнерам Германии в сфере внешней торговли принадлежат США, Китай и Япония. На страны Африки, Австралию и Океанию приходится около 2%.

Причины существенного преобладания Европы, в первую очередь ЕС, во внешнеторговом обороте Германии достаточно очевидны. Во-первых, это географическая близость европейских стран, что обусловливает существенную экономию на транспортных и логистических издержках. Во-вторых, непосредственно связанный с этим высокий уровень межкультурного понимания и общей информированности о соседних странах и их рынках. В-третьих, интеграцион-

ные преимущества, среди прочего обеспечивающие свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. К этому надо добавить и расчеты в странах евроленда в единой валюте без существовавших ранее издержек и валютных рисков. В-четвертых, это весьма емкие рынки сбыта членов ЕС — одних из самых развитых стран мира. В-пятых, это наличие в них достаточного количества потребителей высокоспециализированной технологичной немецкой продукции и соответственно поставщиков товаров аналогичного уровня для германских компаний.

В последние десятилетия снижается доля развивающихся стран, что отчасти связано с особенностями их сырьевой специализации — с одной стороны, цены на сырьевые товары и их производные росли в этот период медленнее и частично их переработка была перенесена в тот же Европейский регион, с другой стороны, появились эффективные искусственные заменители натуральных продуктов.

По данным Всемирной торговой организации, Германия с 6,1% занимает третье место в мире по экспорту услуг, совокупный объем которых в 2007 г. составил около 3260 млрд долларов. Тем самым ФРГ обогнала своего ближайшего конкурента в этой области Францию и приблизилась к США (13,9%) и Великобритании (8,1%), прочно удерживающим первое и второе места. При этом в таких отраслях, как строительство и почта, немецкие компании занимают лидирующие позиции в мире по объему экспортируемых услуг, в сфере транспортных услуг им принадлежит второе место. Лидирующие позиции они занимают и в таких сферах, как логистические, телекоммуникационные и финансовые услуги. По прогнозам экспертов, потенциал для экспорта услуг из Германии весьма высок и в последующие годы он будет расти. В отдельных сферах, как, например, компьютерные услуги, услуги в сфере управления предприятиями, доля экспорта к 2030 г. может удвоиться. В целом все большая часть немецкого экспорта услуг будет приходиться на развивающиеся рынки, в первую очередь на Бразилию и Китай.

В рамках международной кооперации Германии принадлежит много специализированных ниш, в которых она, реализуя свои сравнительные преимущества, занимает лидирующие позиции в мире. Наряду с известными ТНК основными участниками этой кооперации являются средние фирмы, т. е. представители немецкого мittельштанда, которые и обеспечивают основное многообразие предлагаемых на внешних рынках товаров и услуг. Прежде всего речь идет об узкоспециализированных промышленных компаниях, выпускающих высококонкурентную продукцию, ориентированную на опреде-

ленный круг заказчиков, для которых высокие цены являются само собой разумеющейся платой за предоставляемое уникальное качество товаров. Это так называемые звезды, малоизвестные массовому потребителю, но уважаемые в кругу соответствующих промышленных клиентов во всем мире. Так, например, фирма Trumph из Дитцинген является мировым лидером в производстве металлообрабатывающих машин с использованием лазерных технологий. Мюнхенская компания Knorr Bremse AG производит около 40% тормозных систем в мире для локомотивов и грузовиков, существенно опережая всех конкурентов. Баварская фирма ARRI занимает около 90% мирового рынка профессиональных камер для съемок фильмов. По предлагаемой палитре и разнообразию промышленных товаров ФРГ существенно обгоняет США и Японию. При этом, как и в случае с крупными компаниями, миттельштанд активно размещает свои производственные мощности за рубежом. У вышеуказанных фирм они составляют от 30 до 60% их общего производства.

15.3. Участие в международных выставках и ярмарках

Непосредственно с внешнеэкономической экспансией немецких фирм и интенсификацией участия Германии в международном разделении труда связана ее специализация в области международной выставочно-ярмарочной деятельности, которая в течение последних десятилетий стала важным фактором в получении компаниями необходимой коммерческой информации, в развитии межфирменных контактов, в содействии развитию научно-технического прогресса и обмену новейшими знаниями. В ФРГ проводятся важнейшие и крупнейшие промышленные выставки и ярмарки в мире. В первой половине текущего десятилетия на ее территории было проведено три четверти (по величине предоставляемых площадей) самых значимых мировых выставочных мероприятий[1]. К тому же с 80–90-х годов прошлого века Германия постепенно стала отказываться от проведения универсальных ярмарок и окончательно сконцентрировалась на ярмарках, имеющих отраслевую специализацию, которая во многом отражает экспортную специализацию страны. Например, в Ганновере проводятся международные ярмар-

[1] См. также: *Кузнецов А.В.* Мирохозяйственные связи германских компаний. М.: ИМЭМО РАН, 2004. С. 58–65.

ки, посвященные информационной, организационной и телекоммуникационной технике; бытовой электронике; коммерческим грузовым и легковым автомобилям; продукции деревообрабатывающей промышленности и напольным покрытиям. Во Франкфурте-на-Майне организуются выставки и ярмарки, где представлены принадлежности для кухни; домашний текстиль; книги; канцелярские товары и изделия из бумаги; легковые автомобили; домашний текстиль; сантехника и отопительное оборудование; рождественские товары; музыкальные инструменты. В Дюссельдорфе — бумага и полиграфическая продукция; технологии упаковки; обувь; лодки и другое снаряжение для водных видов спорта; технологии промышленной металлообработки; в Кёльне — металлоизделия и технологии «сделай сам»; спортивное и туристическое снаряжение, садовая мебель, садоводство; офисная мебель и оргтехника; фото- и кинотовары; в Мюнхене — спортивные товары и мода; электронная техника; технологии очистки воды, переработки отходов и использования вторичного сырья; в Берлине — международный туризм; в Нюрнберге — игрушки; технологии обработки дерева и производства окон. При этом обозначается тенденция к появлению другого вида специализации — часть выставок продолжает ориентироваться на участников со всего мира, а другая часть стремится сосредоточиться на европейских компаниях и на особенностях европейского спроса и менталитета потребителей.

По размеру выставочных площадей лидирует крупнейшая в мире ярмарка Bauma+Mining, проводимая в Мюнхене. За ней следуют CeBIT, EMO, проводимые в Ганновере, и Ambiente во Франкфурте-на-Майне. Именно данные города вместе с Кёльном и Дюссельдорфом являются основными местами проведения немецких международных выставочно-ярмарочных мероприятий. Бесспорным лидером среди них является Ганновер — он занимает первое место не только в Германии, но и в мире. За ним следуют Франкфурт-на-Майне и Кёльн, которые входят в пятерку крупнейших мировых игроков в этой сфере по размеру выставочных площадей.

Относительно новой тенденцией в данной сфере стало стремление владельцев и организаторов немецких специализированных выставок и ярмарок проводить их аналоги за рубежом, прежде всего в тех сферах и странах, которые представляют особый интерес для экономики Германии. Так, например, фирма Deutsche Messe, которой принадлежит ярмарка информационных технологий и коммуникаций CeBIT, на волне развития «новой экономики» в конце 90-х годов прошлого века открыла свои филиалы в Австралии, Турции

и Китае, а в 2003 г. провела свою первую ярмарку в Нью-Йорке. Наиболее активна за рубежом фирма Messe Frankfurt, ежегодно организующая за пределами страны, в том числе и в России, несколько десятков крупных выставочных мероприятий[1]. Кроме того, при поддержке немецкого государства регулярно организуются технологические выставки в развивающихся странах, имеющих потенциальные рынки сбыта для товаров фирм Германии, особенно промышленных. Компании ФРГ активно участвуют и в многочисленных зарубежных специализированных выставках и ярмарках, которые они традиционно рассматривают в качестве важного инструмента проникновения на новые рынки и укрепления завоеванных позиций.

15.4. Экспорт и импорт капиталов

Германия входит в первую пятерку стран по объему накопленных прямых иностранных инвестиций, как привлеченных, так и размещенных за рубежом. В случае с ФРГ речь идет о тесном взаимопереплетении капиталов, при этом германские зарубежные прямые капиталовложения (ГПИИ) существенно превышают иностранные (примерно в 2 раза). Как отраслевая, так и региональная структура прямых инвестиций относительно нестабильна и зависит от конкретных сделок, особенно мегахарактера[2]. Но в целом она относительно похожа на внешнеторговую структуру.

Немецкие компании активно инвестировали за рубежом во второй половине 70-х — 80-е годы прошлого века. Но после начала процесса объединения Германии они переориентировались на рынки новых федеральных земель и только примерно со второй половины 90-х годов вновь стали наращивать объемы зарубежных капиталовложений. Аналогичная динамика была характерна и для иностранных ПИИ — в начале 90-х годов их приток сократился, а с постепенным формированием единого экономического пространства ФРГ он снова стал расти[3].

---

[1] www.messefrankfurt.com.

[2] Например, многомиллиардное приобретение в 2000 г. британским оператором связи «Водафон» (Vodafone) крупной немецкой компании Mannesmann естественным образом «исказило» статистику. В 2001 г. отсутствие таких крупных сделок привело к «падению» притока ПИИ на 20%.

[3] См. также: ЕС и Россия. От прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству / Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: Наука, 2008. С. 54–71.

Таблица 15.4

Потоки германских и зарубежных ПИИ в период с 1991 по 2005 г. (млрд евро)

	1991–1995 гг.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.
Немецкие прямые капиталовложение за границей. В том числе:	–93,1	–319,5	–108,2
– через холдинговые компании	–91,3	–273,5	–167,2
– реинвестированные прибыли	–1,0	–4,8	21,5
– кредиты	–0,8	–4,8	37,5
Иностранные прямые капиталовложения в ФРГ. В том числе:	17,4	305,9	126,4
— через холдинговые компании	14,4	158,7	156,5
— реинвестированные прибыли	–12,0	–20,9	–24,2
– кредиты	14,9	168,1	–5,9

Примечание. Экспорт капитала — знак «минус» означает увеличение потоков. Импорт капитала — знак «минус» — сокращение потоков.

Источник: Monatsbericht der Deutschen Bundesbank, September 2006. S. 46.

Накопленные прямые инвестиции немецких фирм за рубежом в 2006 г. составили 811 млрд евро. Общее количество компаний, в которых немецкий капитал имел прямое и опосредованное участие, достигло более 25 тыс. единиц. На них было занято около 5,2 млн человек, а их совокупный оборот равнялся 1,75 трлн евро.

С точки зрения географической структуры ГПИИ их основная часть размещена в странах Западной Европы и США, причем роль последних постепенно растет. Несмотря на неравномерность географического распределения ГПИИ, немецкие инвесторы присутствуют на всех континентах, и в первую очередь в основных экономических районах мира. С точки зрения динамики данной структуры в последние десятилетия обращает на себя внимание их рост в 80-е годы в экономику Великобритании и Ирландии, что было обусловлено благоприятными условиями для инвестирования и проводимой в этих странах политикой поддержания конкурентоспособности. Активизации

инвестиционной деятельности фирм ФРГ в Испании и Португалии содействовало их вступление в ЕС в 1986 г., как, впрочем, и в Швеции, вступившей в ЕС в 1995 г. Аналогичный эффект наблюдался и в отношении постсоциалистических европейских стран, особенно после принятия ими принципиального решения об их вступлении в Евросоюз. Прежде всего это касается Польши, Венгрии и Чехии, переживших в 90-е годы настоящий бум немецких прямых инвестиций. Рост ГПИИ наблюдается и в странах СНГ, главным образом в России и на Украине.

Таблица 15.5

Географическая структура накопленных ГПИИ (%)

Регион, страна	**Доля в накопленных ГПИИ на конец года**			
	1976 г.	**1986 г.**	**1996 г.**	**2006 г.**
Западная Европа В том числе:	52,8	47,9	56,6	51,2
Великобритания	2,8	4,9	10,3	12,7
Франция	9,7	8,1	7,8	5,0
Бельгия	5,3	3,8	6,8	4,1
Нидерланды	8,2	6,3	5,6	5,4
Австрия	4,4	3,4	3,6	3,5
Швейцария	6,7	5,1	3,5	2,5
Испания	4,7	4,2	3,3	2,3
ЦВЕ и СНГ (СССР)	0,0	0,0	4,1	6,0
В том числе: Россия	0,0	0,0	0,3	1,4
США	13,5	28,1	23,5	26,1
Латинская Америка	13,8	8,8	6,0	4,1

Источник: Bestanderhebung über Direktinvestitionen. Deutsche Bundesbank. April 2008.

Сохраняется относительно высокий удельный вес накопленных ГПИИ в США. Среди прочего этому способствовали бум в развитии

«новой экономики» в конце прошлого десятилетия, существенное падение курса евро к доллару на рубеже веков, благоприятные организационные и бюрократические предпосылки для открытия и ведения бизнеса в этой стране. Но определяющим фактором был и остается емкий внутренний североамериканский рынок. Существенная доля инвестиций немецких компаний в США приходится на их зарубежные филиалы — на вывоз капитала через третьи страны приходится около трети всех капиталовложений ФРГ в американское хозяйство.

Одновременно происходит сокращение доли стран Латинской Америки, которая в середине 70-х годов превышала долю США (13,8% против 13,5%), а в начале нынешнего десятилетия упала ниже 5%. Отчасти это связано с тем, что немецкие инвесторы перенесли центр тяжести своих интересов на другие развивающиеся рынки — страны Юго-Восточной Азии и Центральной и Восточной Европы. Необходимо отметить и уменьшение доли стран Африки, Юго-Западной и Южной Азии, что связано с падением их роли в международном разделении труда и отсутствием явных сравнительных преимуществ их «штандортов».

Немецкие капиталовложения играют существенную роль в экономике многих стран-реципиентов, составляя существенную долю от совокупных ПИИ в этих странах. Но в ряде стран они явно уступают своим конкурентам и слабо используют существующие выгоды для дальнейшей глобализации своей деятельности и укрепления своих позиций в глобальной конкурентной среде. К таким странам можно отнести Австралию, Бразилию, Канаду, Мексику, Южную Корею, в которых широко присутствует капитал других развитых стран.

В отраслевой структуре ГПИИ выделяется кредитно-финансовая сфера — на нее в 2006 г. приходилось около 43%, в том числе на банки — 9,3%, прочие финансовые институты — 19,2%, страховые концерны — 3,9% и на инвестиционные компании — 10,5%. Около четверти всех накопленных прямых инвестиций вложено в обрабатывающую промышленность. Среди ее отраслей выделяются автомобилестроение, химия, общее машиностроение и электротехника, компании которых наиболее активно участвуют во внутриотраслевом международном разделении труда. Важную роль играют капиталовложения в сферу торговли (12,5%).

Общими мотивами инвестирования за рубежом являются экономия на трудовых и транспортных издержках, доступ к ресурсам, особенно сырьевым. Естественно, для каждого конкретного инвестора те или иные мотивы различаются по своей значимости. Это зависит как

от их отраслевой принадлежности, так и от их величины. Например, для узкоспециализированных малых фирм доступ к новым технологиям зачастую играет гораздо большую роль, а экономия на транспортных издержках существенно меньшую по сравнению с более крупными компаниями.

Структура отраслей — получателей ГПИИ отличается от структуры отраслей-инвесторов. Это связано с тем, что немецкие компании при осуществлении своей зарубежной экспансии стремятся к диверсификации своей деятельности, в первую очередь за счет инвестиций в торгово-сбытовую, сервисную сферу и в финансовый сектор. Это позволяет им оптимизировать свою сбытовую инфраструктуру, снизить издержки по привлечению заемных средств, улучшать финансовые потоки, в том числе минимизировать платежи в налоговой сфере. Так, например, на прямые капиталовложения немецких автомобильных компаний в финансовый бизнес приходится более 60% всех накопленных ПИИ, а в торгово-сбытовую и сервисную сеть — около 10%. У химических компаний аналогичные показатели составляют около одной пятой и одной шестой соответственно, у машиностроительных — одной трети и одной двадцатой, у электротехнических — одной восьмой и одной шестой. Растет тенденция к росту прямых инвестиций немецких компаний в сферу услуг, в том числе в банки, страховые компании и другие финансовые институты, а также в торгово-сбытовые структуры. При этом около половины ГПИИ в торговлю осуществляют промышленные компании. Непосредственно торговые концерны (например, Metro, REWE) инвестируют в основном в европейские страны.

При освоении зарубежных рынков немецкие компании активно используют такие методы, как «офшоринг» (offshoring) и «аутсорсинг» (outsourcing). «Офшоринг» предполагает использование прямых инвестиций для создания собственных зарубежных филиалов в целях производства необходимых комплектующих, а в рамках «аутсорсинга» компания передает заказ на такое производство другим фирмам, как правило, имеющим производственные мощности в странах с низким уровнем издержек. В том и другом случае имеет тенденция к уменьшению глубины переработки производимой продукции в Германии и постепенный переход к модели окончательной сборки внутри страны конечного товара из зарубежных промежуточных продуктов. Другими словами, создание основной части добавочной стоимости в промышленности во все большей мере переносится за пределы ФРГ, что, однако, не означает снижения ее доли в производстве валового национального продукта.

Показательным примером «офшоринга» является производство известного внедорожника Porsche Cayenne, весьма популярного не только в Европе, но и в Северной Америке. Соответствующий завод находится в восточногерманском Лейпциге. По своей сути он представляет сборочную площадку, на которую поставляются необходимые детали и части будущего автомобиля, производимые в других местах. Из пригорода немецкого Штутгарта доставляется трансмиссия, а из филиала Volkswagen в словацкой Братиславе — кузов. Причем там же изготавливается кузов другого популярного внедорожника — Tuareg, составные части которого, кстати, преимущественно производятся за пределами Германии. Согласно оценке Ханса-Вернера Зинна, из 100% от конечной стоимости Porsche Cayenne только 38% приходится на Германию. При этом конечные потребители обоих весьма дорогих внедорожников уверены, что они пользуются автомобилем, полностью произведенном в Германии и имеющим стопроцентные немецкие качественные детали[1].

Если в 70-80-е годы прошлого века немецкие фирмы переносили производство комплектующих в основном в страны Юго-Восточной Азии, то в 90-е годы основным плацдармом для «офшоринга» стали государства Центральной и Восточной Европы, получившие существенные сравнительные преимущества по сравнению с развивающимися странами в рамках периода своего постсоциалистического развития, в том числе связанные со вступлением 1 мая 2004 г. в Европейских союз. Наряду с географической близостью (существенная экономия на транспортных издержках — этот фактор, естественно, не изменился) они представляют больший интерес для немецких компаний с точки зрения хорошо развитой транспортной, коммуникационной и кредитно-финансовой инфраструктуры, унифицирующихся общих правовых условий хозяйствования, налоговых льгот, квалифицированной рабочей силы с минимальными межкультурными отличиями по сравнению с немецким рынком труда и более низкими издержками на ее оплату. При этом в последнее десятилетие немецкие инвесторы основное внимание уделяли Польше, Венгрии, Чехии и Словакии, которые наряду с функцией площадок по производству комплектующих стали важными плацдармами по сбыту конечной продукции филиалов немецких компаний в других странах.

Это относится не только к крупному бизнесу, но и к немецким малым и средним предприятиям, которые, осуществляя ПИИ во всем мире, во все большей мере концентрируются на странах ЦВЕ. В дан-

[1] Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Ullstein. Berlin. 2005. S. 72.

ном регионе они в принципе повторяют инвестиционный сценарий, который крупный германский бизнес реализовал в 80-е годы в Китае и других азиатских странах. К тому же используя вышеупомянутые преимущества (экономия на транспортных издержках, культурно-ментальная общность, географическая близость, относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила), они ориентируются не столько на освоение новых рынков (как это было с ЮВА), сколько на обеспечение сбыта своей продукции и на обслуживание клиентов[1]. ГПИИ в этот регион влияют и на региональную структуру товарного импорта ФРГ. Существенные немецкие инвестиции в автосборочные производства в странах ЦВЕ привели к тому, что возрос их удельный вес в ввозе автомобилей и комплектующих из этого региона при одновременном снижении доли Франции, Италии и Испании.

Германия располагает рядом существенных сравнительных преимуществ, которые на протяжении последних десятилетий привлекают иностранных прямых инвесторов. К ним можно отнести политическую и экономическую стабильность страны, емкий рынок сбыта, развитую транспортную, коммуникационную и прочую инфраструктуру, высококвалифицированную рабочую силу, выгодное географическое положение, высокие технологические и организационные стандарты. Именно они определяют высокую инвестиционную привлекательность немецкого хозяйственного пространства. Однако с 80-х годов все большую негативную роль стали играть факторы, которые объективно снижают интерес зарубежных компаний к инвестиционному сотрудничеству с немецкими фирмами. В основном это забюрократизированность регулируемых государством ряда хозяйственных процессов, в первую очередь на рынке труда, сложное налоговое законодательство и высокие налоги, неэффективная работа государственных чиновников, проблемы с доступом на фондовый рынок. Но они пока не стали решающими в определении уровня конкурентоспособности Германии как места приложения капиталов. Этот уровень остается достаточно высоким, и нет оснований для предположений о его заметном изменении в худшую сторону в ближайшие годы[2].

---

[1] Россия также представляет существенный интерес для компаний Германии, причем не только с точки зрения «офшоринга» и «аутсорсинга», но и как потенциально емкий рынок сбыта. Но пока существующие рамочные предпосылки по своей мотивации значительно уступают таковым на восточно- и центральноевропейских рынках.

[2] Международная компания «Эрнст и Янг» регулярно проводит опросы, посвященные сфере прямых инвестиций, в которых принимают участие более чем 1000 руководителей компаний и ведущих менеджеров. Согласно опросу, проведенному в 2006 г., самой

В феврале 2009 г. были опубликованы данные исследования Федерального статистического ведомства статистики о роли компаний, контролируемых иностранным капиталом, в экономике страны, прежде всего в промышленной сфере. Данное исследование было проведено впервые в истории деятельности данной организации. Согласно полученным данным по состоянию на конец 2006 г. на 20 тыс. предприятий из сферы промышленности, торговли и нефинансовых услуг, материнские компании которых находились за рубежом, пришлось 14% совокупного производства — 163 млрд евро. При этом в табачной отрасли этот показатель составляет 91%, в нефтепереработке — 83%, в транспортном машиностроении — 54%, производстве средств обработки данных — 52%. Три четверти материнских компаний таких предприятий расположены в Европе, в основном в странах Евросоюза, главным образом в Голландии, Великобритании, Швейцарии, Франции и Австрии, которые контролируют половину иностранного капитала. Около 15% приходится на США. Доля Польши, России, Венгрии и Словении равна примерно 1%. Предприятия США, Голландии и Великобритании производят около половины нефинансовых товаров и услуг.

Оборот иностранных предприятий нефинансового сектора немецкой экономики согласно результатам исследования статистического ведомства в 2006 г. составил 844 млрд евро. На них было занято 1,9 млн человек. Они осуществили валовые капиталовложения в размере 21 млрд евро. Это составило 19% оборота, 9% занятых и 14% инвестиций в этой сфере[1]. Как правило, речь идет о крупных предприятиях.

Согласно статистике Немецкого федерального банка, которая отличается от статистики Федерального статистического ведомства и является наиболее подробной, к началу 2007 г. в ФРГ было зарегистрировано около 15,6 тыс. предприятий, находящихся под прямым

привлекательной с инвестиционной точки зрения страной в Европе является Германия. Многие зарубежные инвесторы в середине текущего десятилетия, несмотря на существующие внутри страны проблемы, отдавали однозначное предпочтение немецкому хозяйственному пространству как центру научных исследований и разработок. Они рассматривали Германию как наиболее перспективную страну в Европе с точки зрения появления новых высокотехнологичных компаний уровня Microsoft или Google. Но согласно данным опроса, по количеству осуществляемых на немецкой территории инвестиционных проектов ФРГ существенно уступала Великобритании и Франции. Хотя по объему накопленных иностранных прямых капиталовложений Германия опережает своего французского соседа, их доля в ВВП Франции, согласно данным Международного валютного фонда, примерно в два раза выше немецкой (F.A.Z., 08.06.2006. Nr. 131. S. 12).

[1] www.destatis.de. Данные исследования будут теперь проводиться на регулярной основе и охватывать наряду с Германией и другие страны Евросоюза.

и косвенным иностранным контролем, на которых было занято 3,2 млн работников. Совокупный объем накопленных ПИИ составил почти 440 млрд евро. В иностранном секторе экономики ФРГ производится примерно около четверти промышленной продукции и значительная часть услуг. Основными инвесторами являются компании из США, соседних стран ЕС, Швейцарии и Японии.

Показательным является падение за последние четверть века доли США и Швейцарии, на которые в 1981 г. приходилось 41,1 и 13,8% соответственно, и рост доли ряда стран ЕС, особенно Люксембурга, Голландии, Франции, Австрии и Бельгии. Существенно выросли японские капиталовложения.

По общей численности среди предприятий в ФРГ с ПИИ лидируют голландские компании — у них в Германии в 2006 г. было расположено 2006 фирм, за ними следуют швейцарские компании (1222), американские (1177), французские (901), британские (1122) и австрийские (763). По численности занятых на этих предприятиях и обороту лидером является Голландия — 509 тыс. человек и 251 млрд евро, за ней следуют США (345 тыс. и 128,3 млрд) и Франция (285 тыс. и также 128,3 млрд). При этом по обороту второе место занимала Великобритания — 216 млрд евро (182 тыс. занятых).

В отраслевом отношении около трети накопленных ПИИ и более половины занятых на иностранных предприятиях приходится на обрабатывающую промышленность — в основном на химию, на электротехническую и электронную промышленность, транспортное и общее машиностроение, металлообработку и металлургию. Велика доля торгового и сервисного сектора (12,1%), кредитно-финансовой сферы и инвестиционных холдингов (27,7%). Отраслевая структура ПИИ отдельных государств-инвесторов значительно отличается от средних показателей.

Так, например, 46,5% ПИИ из Бельгии, 40% ПИИ из Великобритании, 29,5% ПИИ из Франции и 29,9% ПИИ из Нидерландов приходится на химию, а 37,4% ПИИ из Финляндии — на целлюлозно-бумажную промышленность, 46,5% бельгийских ПИИ — на металлургию, 26,9% ПИИ из Дании и 21,1% ПИИ из Австрии — на пищевую промышленность, 15,8% ПИИ из Люксембурга — на общее машиностроение, 56,9% ПИИ из Испании — на автомобилестроение[1]. Такое распределение по преимуществу совпадает с наличием в этих странах фирм и компаний, играющих ведущую роль в соответствующих отраслях экономики.

---

[1] В 2004 г. среди американских ПИИ в немецкую обрабатывающую промышленность на автомобилестроение приходилось 36%.

Таблица 15.6

Структура накопленных ПИИ отдельных стран в немецкую обрабатывающую промышленность на начало 2007 г.

Страна	ПИИ в обрабатывающую пром. (млн евро)	Доля отдельных отраслей (%)						
		Пищевая пром.	Целлюлозно бумажная пром.	Химия	Металлургия и металлообработка	Общее машиностроение	Электротехника	Автомобилестроение
Все страны	138 451	5,8	3,5	23,2	4,0	8,8	3,9	5,5
ЕС-25 В том числе:	100 904	5,4	3,7	25,8	3,9	6,8	2,7	6,2
— Голландия	38 149	3,1	1,5	29,9	1,8	6,9	1,6	1,7
— Франция	15 625	3,2	2,7	29,5	10,7	3,5	3,7	5,0
— Великобритания	12 572	1,3	0,0	40,6	0,5	4,8	6,8	9,3
— Люксембург	10 240	14,1	1,7	10,4	1,3	15,8	4,8	6,0
— Австрия	5 576	21,1	6,3	6,1	3,5	8,4	0,8	7,6
— Финляндия	3 817	0,0	37,4	3,8	0,0	2,7	0,0	0,0
— Испания	3 151	0,0	0,0	22,5	0,0	1,3	2,6	56,9
— Бельгия	2 539	5,7	0,0	46,5	0,0	2,8	0,0	0,0
Швейцария	11 763	16,5	0,8	17,0	2,1	16,1	13,2	8,4
США	18 040	3,1	3,5	15,8	0,8	12,9	7,6	2,5

Источник: Bestanderhebung über Direktinvestitionen. Deutsche Bundesbank. April 2008.

Среди основных немецких субъектов внешнеэкономической деятельности выделяются крупные ТНК. В рамках своих глобальных стратегий они стремятся к максимизации выгод и преимуществ, которые им предоставляет участие в международном разделении труда.

В автомобилестроении в состав крупнейших участников внешнеэкономической кооперации входят ведущие концерны отрасли —

Volkswagen, Daimler-Benz и BMW. Они являются не только главными экспортерами автомобилей, но и ведущими экспортерами капиталов.

Основным инвестором среди них является Volkswagen. Он первым стал переносить свои производственные мощности за рубеж, построив сборочные предприятия в Мексике и Бразилии. Существенные инвестиции концерн осуществил и в близлежащих странах — Испании, Бельгии, Италии и Великобритании. Он одним из первых стал осваивать развивающиеся рынки — с начала 80-х годов в Китае и в 90-е годы в странах ЦВЕ. Volkswagen активно осуществляет как строительство новых производств, так и покупку существующих.

Рынок стран ЦВЕ и постсоветского пространства рассматривается руководством концерна как один из наиболее перспективных и потенциально емких, что среди прочего обусловлено его основной специализацией на производстве относительно недорогих автомобилей. В самом начале прошлого десятилетия Volkswagen приобрел контрольный пакет акций предприятия «Братиславске аутомобилове заводи», расположенного Словакии, а также установил контроль над чешским головным автозаводом Skoda в Млада-Болеславе. Впоследствии уровень контрольных пакетов был доведен до 100%. Автозаводы за счет дополнительных капиталовложений были полностью модернизированы и стали одними из крупнейших экспортеров легковых автомобилей и комплектующих не только в Чехии и Словакии, но и ЦВЕ в целом. В 1994 г. в Венгрии в Дьёре был построен крупный завод по выпуску автомобилей и двигателей Audi Hungary Motor, в расширение производственных мощностей которого в течение последующих лет последовательно инвестировались значительные суммы[1].

В середине 2006 г. Volkswagen после нескольких лет изучения рамочных условий в российских регионах принял решение о создании собственного предприятия в Калужской области, которое в течение пяти лет должно выйти на проектную мощность по производству 250 тыс. автомобилей в год, что должно позволить концерну занять около 10% российского рынка легковых машин. Как и в Китае, немецкий автоконцерн особое внимание уделил предприятиям, производящим комплектующие. В феврале 2007 г. немецкий автопроизводитель провел аудит нескольких российских предприятий, уделив особое внимание вопросам управления качеством, инжиниринга, производственных процессов. Благодаря хорошим результатам уже

[1] *Кузнецов А.В.* Мирохозяйственные связи... С. 97.

в 2007 г. семь заводов были включены в глобальную базу поставщиков автокомпонентов корпорации[1]. Кроме того, за «Фольксвагеном» в Калужскую область стали приходить его немецкие партнеры. Первой ласточкой стали инвестиции совместного предприятия Siemens-Bosch, который приобрел одного из ведущих российских производителей в области автомобильной электроники, кстати, расположенного в этом же регионе.

Концерн Daimler-Benz как производитель более дорогих автомобилей сосредоточился на рынках развитых стран, уделив особое внимание приобретению конкурирующих производств в США[2]. Компания также активно инвестирует в смежные отрасли, особенно в машиностроение.

Следует отметить и такой эффект, как связанные экспортные поставки и последующие прямые инвестиции немецких партнеров автомобильных концернов — производителей различных комплектующих и компонентов. Так, например, многие партнеры Volkswagen создали совместные предприятия в Китае, что среди прочего стимулировалось и политикой китайских властей. С расширением производственных мощностей концерна в Чехии и Словакии в их экономику пришли многочисленные немецкие фирмы, в основном малые и средние. Например, в словацком Мартине был построен завод по производству коробок передач и других автомобильных комплектующих. Крупные инвестиционные проекты по производству электротехнического оборудования для автомобилей на территории этих стран осуществили Siemens и Robert Bosch.

Данные ТНК в целом выделяются среди участников внешнеэкономической деятельности в немецкой электротехнической промышленности. Их основные инвестиции размещены в странах Западной Европы и США. Как и автопроизводители, они проявляют большой интерес к освоению перспективных развивающихся рынков. Также начав в 80-е годы с Китая, они продолжили свою экспансию в 90-е годы в странах ЦВЕ и России. Первоначально они воспользовались отсутствием значимой конкуренции со стороны местных производи-

---

[1] Ведомости. 2007. 15 марта.

[2] При этом как у данного концерна, так и у его основного немецкого конкурента компании BMW их крупнейшие зарубежные инвестиционные проекты оказались весьма проблемными. Многомиллиардные инвестиции Daimler-Benz в американского гиганта Chrysler долгое время приносили концерну только убытки, что в конечном итоге в 2007 г. привело к их разводу. BMW, вложив существенные суммы в известную английскую автомобильную компанию Rover, был затем вынужден отказаться от своего приобретения, понеся при этом существенные финансовые потери.

телей и национальных инвесторов, что позволило им сравнительно недорого и быстро приобрести наиболее значимые и ценные активы. Так, например, в начале 90-х годов Siemens в ходе приватизации приобрел 100% акций завода по выпуску электрогенераторов в польском Вроцлаве.

В химической промышленности основными внешнеэкономическими лидерами являются BASF и Bayer, которые активно инвестируют в страны ЕС, в США и в развивающиеся страны. В развитые страны они по преимуществу осуществляют капиталовложения для создания системы сбыта и налаживания производственной и научно-технической кооперации, в первую очередь в подотраслях органической химии и фармацевтики. В развивающиеся страны переносятся производства базовых подотраслей химической промышленности, в том числе и связанные с экологическими проблемами. За этими крупнейшими концернами следуют другие крупные химические компании — Bayer, Evonik, Henkel, Schering.

В банковской сфере выделяются ведущие игроки внутреннего рынка — Deutsche Bank, Dresdner Bank[1], Commerzbank и Bayerische Hypo- und Vereinsbank. Основной сферой их зарубежных интересов являются страны Евросоюза, в которых они имеют большое количество своих зарубежных дочек и филиалов и которые в основном создавались на базе существующих банковских учреждений. В США немецкие банки имеют не столь развитую филиальную сеть, а многие из их дочерних структур представляют собой инвестиционные банки и подразделения по управлению недвижимостью. Стратегия общей зарубежной экспансии немецких банков достаточно традиционна, они ей, кстати, следуют и при освоении рынков ЦВЕ и постсоветского пространства. Их внешнеэкономическая стратегия во многом определяется интересами главных корпоративных клиентов — как правило, они следуют за ними. Не случайно, зарубежные структуры немецких банков появились гораздо позже по сравнению с аналогичными структурами промышленных компаний. В основных европейских финансовых центрах они закрепились только к концу 70-х годов, а в 80-е стали расширять свое присутствие на европейских рынках как за счет приобретений банков с широкими региональными сетями, так и создания собственных региональных дочерних банков.

Общая сумма ГПИИ, осуществленных немецкими компаниями в период с 1996 по 2005 г., составила около 9% от общих внутренних капиталовложений за тот же период. Аналогичное соотношение зару-

[1] Осенью 2008 г. был поглощен Commerzbank AG.

бежных и внутренних инвестиций было равно 7,5%. Такой относительно высокий показатель отчасти объясняется активными слияниями и поглощениями с участием немецких концернов на рубеже веков. Причем соотношение объемов ПИИ и ВВП за это десятилетие составило весьма скромную величину 2%. Доля ГПИИ в совокупном объеме прямых капиталовложений стран ОЭСР в период с 1996 по 2005 г. достигла 7%, что, кстати, почти соответствовало доле Германии в общем ВВП этой группы стран (7,5%).

Исследования, проведенные экспертами Бундесбанка, свидетельствуют о том, что ГПИИ в долгосрочной перспективе содействуют инвестициям немецких компаний внутри страны, а в краткосрочной перспективе оказывают на них, по крайней мере, нейтральный эффект и не являются причиной снижения инвестиционной активности хозяйственных субъектов в Германии[1].

Количество занятых в зарубежных филиалах немецких концернов составляет около 13% всех занятых в Германии. В обрабатывающей промышленности этот показатель составляет около трети, а в химии и автомобилестроении около трех четвертей. Иностранный капитал обеспечивает рабочими местами в ФРГ около 6%, в обрабатывающей промышленности — около одной пятой, а в химии и автомобильной отрасли — в среднем около трети.

Как известно, ПИИ разделяются на горизонтальные и вертикальные. В случае с последними речь идет переносе за границу отдельных фаз производственного процесса, например тех, которые связаны с высокими трудозатратами. Соответственно его основным мотивом является экономия на издержках, и они, как правило, осуществляются в странах с дешевой рабочей силой. Горизонтальные ПИИ ориентированы на производство конечного продукта для определенного зарубежного рынка и соответственно для его освоения/завоевания в целом. Как правило, такие инвестиции направляются в промышленно развитые страны, особенно находящиеся в географической

---

[1] Экспертам еще предстоит провести комплексные исследования последствий вывоза капитала для немецкой экономики. Так, согласно упомянутому исследованию Федерального статистического ведомства, презентованного немецкой общественности в феврале 2009 г., рентабельность компаний, осуществивших ПИИ в период с 2003 по 2007 г., была ниже нежели у компаний, не участвующих в зарубежной инвестиционной экспансии. У средних предприятий (от 100 до 499 занятых) она была равна 95%, а у крупных (более 500 занятых) — 75%. В то же время компании, инвестирующие за рубежом, гораздо больше внимания уделяли расходам на НИОКР. В расчете на одного сотрудника (5124 евро) они в среднем были выше на 97%, чем у чисто немецких фирм. За период с 2004–2007 гг. у предприятий с ПИИ они выросли на 29%, а у предприятий без ПИИ — на 17% (www.destatis.de).

близости, и ориентированы на достижение позитивных эффектов за счет концентрации на определенном хозяйственно-политическом пространстве. К горизонтальным ПИИ относятся и вложения, направленные на поддержание экспорта товаров. И если вертикальные ПИИ в большей степени сокращают рабочие места, то горизонтальные содействуют их созданию. В последние десятилетия ГПИИ носили преимущественно горизонтальный характер[1] и оказывали позитивное воздействие на развитие немецкой экономики. Среди позитивных эффектов эксперты особо отмечают более высокую производительность труда, более низкие цены для конечного потребителя, рост товарного экспорта и доходов на вложенный капитал и как следствие более высокую конкурентоспособность немецкого народного хозяйства.

К основным негативным эффектам ГПИИ эксперты относят перенос немецкими концернами своих НИОКР за границу, определенные потери налоговых поступлений в государственный бюджет, а также неблагоприятное воздействие на отдельные структурно-слабые регионы, в которых они закрывают свои производства. Но на народнохозяйственном уровне в целом преобладают положительные эффекты от зарубежной инвестиционной деятельности немецких компаний.

Несмотря на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., Германия в последующие годы сохранит свои лидирующие позиции в мировой экономике. С одной стороны, ее внешнеэкономическая экспансия будет опираться на внешнеторговую и инвестиционную деятельность немецких ТНК, которые стали уделять все большое внимание повышению эффективности своего производства. С другой стороны, немецкий малый и средний бизнес сохранит ориентацию на закрепление своих позиций в специализированных нишах в рамках современного международного разделения труда.

---

[1] ГПИИ в страны ЦВЕ в последнее десятилетие были смешанного типа — горизонтально-вертикального.

Глава 16. Российско-германское экономическое сотрудничество

16.1. Общая характеристика

Современное экономическое сотрудничество Российской Федерации и Федеративной Республики Германии характеризуется рядом важных моментов. Во-первых, Россия, будучи крупнейшей державой на востоке европейского континента и локомотивом зарождающихся интеграционных процессов на основной части постсоветского пространства, определила в качестве приоритетного направления своей внешней политики развитие отношений с Европой. В свою очередь, в рамках европейского направления российским руководством вполне обоснованно приоритетными названы российско-германский диалог и российско-германские отношения. Во-вторых, важное значение двусторонние отношения с нашей страной имеют и для Германии — крупнейшей западноевропейской державы и локомотива (западно)европейской интеграции, для которой Россия объективно является партнером «номер один» на восточноевропейском континенте, особенно в его постсоветской части, а также определяющим фактором восточного направления ее внешней политики. ФРГ как ведущий член ЕС и НАТО постоянно представляет интересы этих организаций во время своих контактов с Москвой и старается разъяснять российскую позицию своим партнерам. В-третьих, оно имеет ярко выраженный европейский контекст и безусловную встроенность в систему современных международных и мирохозяйственных отношений. Двусторонние связи органически вплетают в себя как двусторонние связи обеих стран с постсоветскими, западно- и восточноевропейскими государствами, так и многосторонние отношения, в том числе в рамках Европейского союза и СНГ. В-четвертых, это стратегический, а не тактический характер двусторонних отношений. Они направлены на достижение долгосрочных целей, в том числе на формирование максимально благоприятных условий как для российско-германской кооперации в целом, так и для сотрудничества на многосторонней основе с другими государствами и международными организациями в будущем. В-пятых, сотрудничество опирается на многолетний опыт, который во многих сферах насчитывает не одну сотню лет. Среди прочего это оказывает влияние на особенности понимания друг друга

(включая и ментальные) и соответственно на характер обсуждения и решения многих проблем. В-шестых, с этим связана и преемственность в двусторонних связях. Несмотря на то что личные взаимоотношения между руководителями государства по-прежнему играют важную роль в функционировании механизма российско-германского сотрудничества, суть наших отношений постепенно становится все более независимой от субъективных факторов. И в-седьмых, это высокоразвитая и во многом уникальная нормативно-правовая и институциональная основа наших взаимоотношений, которой у России с другими государствами нет.

На пороге XXI в. российско-германские отношения, миновав фазу определенного застоя, получили важные импульсы для своего дальнейшего развития. Это касается всех блоков двусторонней кооперации, но в первую очередь экономического. Именно хозяйственное взаимодействие во многом определяет и будет определять содержание и динамику нашего сотрудничества в последующие годы. С полным правом можно утверждать, что сегодня сложно представить современную Европу, ее роль и место в мире без динамично развивающегося экономического партнерства между Россией и Германией. Не только оба государства объективно нужны друг другу, но и европейскому континенту нужна эффективная кооперация между ними, которая органично дополняет многосторонние механизмы сотрудничества. Это тем более важно для отношений РФ и ЕС, которые пока с трудом наполняются конкретным содержанием не всегда отвечают современным вызовам. Для них больше характерно наличие проблем, а явных прорывов и реальных успехов пока не видно.

Стоит отметить высокую интенсивность контактов на всех уровнях в течение текущего десятилетия. Руководители России и Германии начиная с лета 2000 г. осуществляют регулярные конструктивные встречи, весьма активны обмены между представителями правительственных и парламентских структур, постепенно улучшается институциональная структура — летом 2000 г. была создана двусторонняя Рабочая группа высокого уровня по стратегическим вопросам экономического и финансового сотрудничества[1], получившая в 2002 г. статус постоянно действующего органа. Хорошо работает механизм межгосударственных двусторонних консультаций на высшем уровне и форум российской и германской общественности «Петербургский диалог», с декабря 2007 г. начала свою работу Российско-немецкая внешнеторговая палата.

---

[1] Она сменила действовавший в 1992–2001 гг. Межправительственный консультационный совет по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Особую роль для развития российско-германских отношений сыграл государственный визит Владимира Путина в Германию в конце сентября 2001 г., а также его последующие официальные визиты в 2002–2007 гг. Практически во всех публичных выступлениях Владимира Путина в их рамках, особенно во время блестящей речи в бундестаге, произнесенной на хорошем немецком языке, были заложены конструктивные послания партнерам из Германии, прежде всего деловой и политической элите. Новый президент РФ Дмитрий Медведев с достоинством принял эту эстафету, выступив с программной речью в Берлине в июне 2008 г. перед немецкой общественностью.

Выступления и заявления российских лидеров вносят важный вклад в формирование более конструктивного отношения немецкого политического, делового и экспертного сообщества к российскому государству, которое, как известно, в последние годы находится под негативным влиянием предвзятых публикаций и сообщений в немецких средствах массовой информации. Российскому руководству удалось за прошедшие восемь лет достичь главного — стороны стали не только лучше слушать, но и слышать друг друга. Постепенно, хотя и очень медленно, уходят в прошлое стереотипы. Идет постоянный поиск оптимальных решений, которые учитывают европейские и общемировые интересы как России и Германии, так и их партнеров. Важно, что данная сфера, весьма чувствительная к необходимости соблюдения существующего баланса сил, характеризуется ярко выраженным общеевропейским контекстом российско-германского сотрудничества и достаточно выверенным балансом самых разных интересов.

За последние несколько лет руководству Российского государства в целом удалось убедить немецкую сторону в реальности и долгосрочности позитивных процессов, которые происходят в российской экономике и политике. Среди прочего для России важно понимание со стороны Германии ее европейских и атлантических интересов, политической стабильности (включая укрепление вертикали государственной власти), понятных и относительно неизменных правил игры для всех экономических субъектов, происходящей минимизации проблем для экономических игроков, связанных с бюрократией, монополизацией, коррупцией и криминальными явлениями. Российское государство добилось многих положительных результатов в этом направлении, включая проведение налоговой, таможенной, судебной, административной и земельной реформ, но устранить основные препятствия, в том числе упомянутые выше, на пути развития экономики пока не удается.

С мая 2008 г. в России работают и сильный президент, и сильный премьер-министр, который способен не только реализовывать при-

нятые Госдумой и Советом Федерации и одобренные президентом законы, но и предлагать в качестве лидера партии, образующей ведущую парламентскую фракцию, новые законодательные инициативы. Обоим политикам не чужды либеральные подходы в экономике, так они выступают за:

- переход России на инновационный путь развития;
- дебюрократизацию;
- повышение эффективности государственного управления;
- борьбу с коррупцией;
- реформирование и повышение эффективности российской судебной системы;
- демонополизацию и содействие конкуренции;
- поддержку создания и развития малого и среднего бизнеса;
- снижение налоговой нагрузки на бизнес;
- конкурентное развитие регионов;
- продолжение реализации национальных проектов.

Данные положения вызывают одобрение у немецких партнеров, так как их реализация содействует дальнейшему развитию эффективной рыночной экономики и открывает дополнительные возможности для экспансии немецкого бизнеса в России.

Одновременно и Медведев и Путин выступают за усиление роли государства в экономике, в том числе за создание крупных вертикально и горизонтально интегрированных государственных компаний (например, в сфере судо- и авиастроения), которые должны стать сильными конкурентоспособными игроками на соответствующих мировых рынках. Возросла роль государственного контроля за деятельностью иностранных инвесторов в стратегических отраслях. Немецкие политики и предприниматели, с одной стороны, видят опасность неэффективности вмешательства государства в экономику, а с другой стороны, опасаются реального усиления российских государственных компаний на внутренних и внешних рынках. Одним из следствий такого опасения стало целенаправленное формирование отдельными политическими кругами негативного образа России как инвестора, готового скупить «наиболее лакомые куски» западноевропейской экономики. Однако с наступлением мирового финансового кризиса и ростом потребности в иностранных инвестициях такая критика почти исчезла.

Экономическое сотрудничество между Россией и Германией не только традиционно принадлежит к наиболее продвинутым областям двусторонних отношений. В последние полтора десятилетия оно сыграло весьма положительную роль в содействии трансформационным процессам в российской экономике. В рамках двусторонней коопе-

рации в обоих направлениях идут потоки товаров, портфельных и прямых инвестиций, кредитно-финансовых ресурсов, транспортно-логистических, строительных, консультационных услуг и рыночного ноу-хау, осуществляется обмен рабочей силой. Успешно реализуется сотрудничество в научно-технической, коммуникационной и других сферах, что является важной частью воспроизводственных процессов большинства российских отраслей[1].

В течение послевоенного периода оба немецких государства были основными торговыми партнерами СССР — ФРГ среди западных, а ГДР среди социалистических стран. Их общая доля составляла около одной пятой советского внешнеторгового оборота. Западная Германия стала пионером среди капиталистических стран, которые в 70-е годы прошлого века рискнули развернуть широкомасштабное равноправное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество с Советским Союзом. В первую очередь речь идет знаменитых компенсационных сделках, в рамках которых немецкий концерн Mannesmann поставлял трубы широкого диаметра для строительства газопровода из Западной Сибири в Европу в обмен на будущие поставки газа. Финансирование многомиллиардной сделки было организовано Deutsche Bank AG, который первым среди западных банков открыл представительство в Москве в 1973 г. В 1972 г. было подписано первое соглашение о сделке «газ–трубы». В 1974 г. договорились о поставках в СССР 1,2 млн труб большого диаметра, которые были осуществлены в 1976–1977 гг. В 1981 г. Ruhrgas AG и «Союзгазэкспорт» заключили договор о поставках 40 млрд кубометров газа в течение 25 лет как в Германию (10,5 млрд кубометров), так и еще в шесть европейских стран. Консорциум, состоящий из компаний семи западноевропейских стран во главе с концерном Mannesmann, согласно этому договору обеспечил не только поставки труб для строительства газопровода длиной пять с половиной тысяч километров, но и уникального оборудования для добычи газа и его транспортировки[2]. Благодаря этому уникальному проекту была создана газотрубопроводная сеть, которая и в XXI в. обеспечивает основные поставки российского углеводородного сырья в европейские страны.

---

[1] Особо следует отметить сотрудничество России и Германии в области повышения квалификации российских менеджеров. Среди многочисленных программ в этой сфере выделяется поддержка немецкой стороной (через общество ИнВЕнт) Президентской программы подготовки управленческих кадров для предприятий народного хозяйства Российской Федерации: с 1998 по 2009 г. на различных стажировках в ФРГ побывало более 4000 молодых управленцев из большинства российских регионов.

[2] Der Fischer Weltalmanach. Chronik Deutschland 1949–2009. 60 Jahre deutsche Geschichte im Überblick. Fischer Taschenbuchverlag. 2008. S. 188, 208, 261.

В рамках Совета экономической взаимопомощи бывшая ГДР была ведущим партнером СССР. Производственно-кооперационные связи соединяли тысячи советских и восточногерманских предприятий практически во всех отраслях промышленности. Но в процессе объединения ФРГ и ГДР западногерманский бизнес отказался от данного наследия, большинство восточногерманских предприятий по тем или иным причинам было закрыто (несмотря на их широкомасштабную поддержку в 1990–1993 гг. за счет поставок их продукции по мировым ценам на российские рынки в рамках немецкой программы государственного экспортного страхования). Связи были разрушены и впоследствии так и не были восстановлены.

После значительного снижения товарооборота РФ с объединенной Германией, особенно с новыми федеральными землями в начале послереформенного периода, в 1994–1997 гг. темпы его роста вновь стали увеличиваться. В среднегодовом исчислении за этот отрезок времени он вырос на 11%, тогда как совокупный внешнеторговый оборот Германии увеличился лишь на 8,4%. Финансовый кризис в России в августе 1998 г., приведший к существенному обесценению рубля, а также неблагоприятная динамика мировых цен на энергоносители обусловили значительное падение взаимного товарооборота в конце 90-х годов прошлого века. Величина немецкого импорта в РФ в 1999–2000 гг. составила менее половины объема 1997–1998 гг. В основном это было связано с резким снижением курса российского рубля и удорожанием импортных цен. Интерес немецкого бизнеса к нашей стране снизился. Рост коммерческих и особенно некоммерческих рисков существенно уменьшил активность немецкого бизнеса не только в области внешней торговли, но и в инвестиционной сфере, создании совместных предприятий и производств, региональном сотрудничестве и научно-технической кооперации, сократилась техническая и консультационная помощь в рамках программы ТРАНСФОРМ. Произошло ухудшение кредитно-финансовых условий сотрудничества, в первую очередь в рамках предоставления государственных гарантий немецким экспортерам машин и оборудования. Россия как заемщик была переведена в 7-ю (худшую) группу риска. Ситуация стала выправляться в 2000 г., когда взаимный товарооборот благодаря увеличению российского экспорта вырос по сравнению с 1999 г. более чем на четверть. В 2004 г. ФРГ вновь уверенно заняла лидирующие позиции среди внешнеторговых партнеров РФ, обеспечивая около одной десятой внешнеторгового оборота. Примерно такую же величину она, по всей видимости, сохранит и в последующие годы.

16.2. Внешняя торговля

Согласно российской статистике взаимный внешнеторговый оборот в 2007 г. составил 53 млрд долл., закрепив ведущее положение ФРГ среди торговых партнеров РФ. При этом, находясь по товарному импорту на первом месте (более 13%), по экспорту она с 7,5% существенно уступала Голландии (12,1%) и немного Италии (7,8%)[1]. Впервые с 1998 г. у России в 2007 г. образовалось отрицательное сальдо в 300 млн долл. Федеральное статистическое ведомство Германии определяет величину взаимного торгового оборота примерно в 1,5 раза выше российского — по немецким данным, он составлял к началу 2008 г. порядка 85 млрд долларов (57 млрд евро) при примерно одинаковых объемах экспорта и импорта (у России был небольшой актив в 0,5 млрд долл.)[2]. Представляется, что причиной таких существенных различий в российской и немецкой статистике — наряду с особенностями национального учета пересекающих границу товарных потоков — являются поставки углеводородного сырья, которые направляются в Германию через голландские порты и относятся к экспорту в Нидерланды, а не ФРГ. Немецкая экономика является крупнейшим потребителем российского углеводородного сырья в Западной Европе и объективно должна быть на первом месте среди экспортных партнеров России.

Во внешней торговле Германии Россия занимает весьма скромное 14-е место. На нее приходится менее трех процентов внешнеторгового оборота ФРГ. Вместе с тем она играет для ФРГ ключевую роль в поставках топливно-энергетических ресурсов, а также некоторых видов сырья и полуфабрикатов. Российские поставки покрывают около 40% импортных потребностей Германии в природном газе и более трети в нефти[3], существенно опережая следующего за РФ поставщика газа

---

[1] В 2007 г. в общем объеме экспорта России на долю Нидерландов приходилось 12,1%, Италии — 7,8, Германии — 7,5, Турции — 5,2, Китая — 4,5, Швейцарии — 4,0, Польши — 3,8, Соединенного Королевства (Великобритании) — 3,1, Финляндии — 3,0, Франции — 2,5, США — 2,3%. В импорте преобладали поставки из Германии — 13,3%, Китая — 12,2, Украины — 6,7, США — 4,7, Италии — 4,3, Франции — 3,9, Соединенного Королевства (Великобритании) — 2,8, Финляндии — 2,5, Польши — 2,3, Нидерландов — 1,9% (www.gks.ru).

[2] В 2008 г. взаимный оборот продолжил свой рост. Согласно данным немецкой статистики он превысил 68 млрд евро, а сальдо в пользу России увеличилось до 3,6 млрд евро.

[3] В 2007–2008 гг. поставки нефти из России в ФРГ сократились, что было связано с относительно теплыми зимами и ростом закупок нефти в Египте, Венесуэле, Азербайджане, Саудовской Аравии и Норвегии. Снижение спроса в условиях рецессии, вызванной мировым финансовым кризисом, будет содействовать этой понижательной тенденции.

и нефти в ФРГ—Норвегию. Доля российских цветных металлов и удобрения в немецком импорте превышает 10%.

Таблица 16.1

Динамика торговли товарами между Россией и Германией (млрд долл., российская статистика)

Год	Экспорт РФ	Импорт РФ	Оборот	Сальдо для РФ
1994	5,4	5,7	11,1	–0,3
1997	6,5	6,7	13,2	–0,2
1998	5,7	5,5	11,2	+0,2
1999	6,2	4,2	10,4	+2,0
2000	9,2	3,9	13,1	+5,3
2001	9,2	5,8	15,0	+3,4
2002	8,1	6,6	14,7	+1,5
2003	10,4	8,1	18,5	+2,3
2004	13,3	10,6	23,9	+2,7
2005	19,7	13,3	33,0	+6,5
2006	24,5	18,4	42,9	+6,1
2007	26,3	26,6	52,9	–0,3

Источник: www.rks.ru.

Таблица 16.2

Внешняя торговля между РФ и ФРГ (млрд евро, немецкая статистика)

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт в ФРГ	7,4	8,4	14,7	14,6	13,2	14,2	16,2	20,0	30,4	28,7
Импорт из ФРГ	7,7	5,1	6,7	10,3	11,4	12,1	15,0	16,0	23,3	28,2
Общий оборот	15,1	13,5	21,4	24,9	24,6	26,3	31,2	36,0	53,7	56,9
Сальдо	–0,3	+3,3	+8,0	+4,3	+1,8	+2,1	+1,2	+4,0	+7,1	+0,5

Источник: рассчитано на основе данных Бундесбанка (www. bundesbank.de).

В российском экспорте в ФРГ доминируют топливно-энергетические товары, обеспечивая около 80% его стоимостного объема (нефть, газ, уголь). Сравнительно крупными статьями является продукция цветной металлургии (около 5%) и металлообработки (около 10%), а также продукция химической промышленности, каучук, древесина и целлюлозно-бумажные изделия (около 6%). На готовые изделия приходится всего около 4%. В основном это текстильные и фармацевтические товары и газетная бумага. Лишь четвертую часть в этой группе составляет высокотехнологичная продукция, в том числе оборудование для разделения изотопов, турбореактивные и турбовинтовые двигатели, полупроводниковые приборы, летательные и космические аппараты.

Основу российского импорта из Германии продолжает прочно занимать машинотехническая продукция. Ее доля в последние годы заметно выросла и сегодня превышает 58%. Этот факт заслуживает положительной оценки, так как некоторые виды данной немецкой продукции не производятся в нашей стране. Важное место в импортных поставках из ФРГ приходится на химические товары и каучук (около 19%), за ними следует продукция германского АПК (около 10%), металлы и металлоизделия (около 7%), продукция текстильной промышленности (более 4%), изделия деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (до 3%). Доля готовых изделий в совокупном объеме немецких поставок в Россию превышает 90%.

Показательным является развитие стратегического сотрудничества между Российскими железными дорогами и немецким концерном Siemens в области телекоммуникаций, автоматизации и энергоснабжения железных дорог, модернизации подвижного состава для пассажирского сообщения, безопасности транспортной техники и реконструкции вокзалов, в рамках которого в Германии закупаются разнообразные машины, оборудование и товары. В мае 2006 г. был подписан контракт на поставку восьми высокоскоростных электропоездов серии Velaro Rus, которые способны развивать максимальную скорость 250 км/ч. Они будут использоваться на маршрутах Москва—Санкт-Петербург и Москва—Нижний Новгород. Общая сумма контракта составляет более 600 млн евро. В июле 2009 г. РЖД и Siemens подписали протокол о взаимодействии по поставкам электропоездов, предназначенных для перевозки пассажиров на олимпиаде в Сочи в 2014 году, в том числе по маршруту Сочи—Красная Поляна. Речь идет о поставках 54 электропоездов стоимостью более 10 млн евро каждый. 38 из них немецкая сторона до 2013 г. планирует поставить сама, а оставшиеся будут российской сборки (речь идет о локализа-

ции производства этого типа электропоездов в России). Другими словами, взаимное сотрудничество все более активно содействует процессам импортозамещения. Так, летом 2009 г. было достигнуто соглашение о совместном производстве электровозов с асинхронным тяговым приводом. Технические требования к электровозам определяет РЖД, а силовая установка — тяговый преобразователь, тяговый двигатель и редуктор — Siemens будет производить на территории России. Первый такой совместный электровоз выйдет на российские железные дороги в 2010 г. Стоит отметить, что Siemens начинает позиционироваться как стратегический партнер не только российской транспортной монополии, но и отечественного газового монополиста «Газпрома» и государственного концерна «Росатом».

В целом товарная номенклатура торговли с Германией является для России хуже, чем товарная структура всей внешней торговли РФ, в которой, например, удельный вес готовой продукции, в том числе машинотехнической, выше. Не случайно российское государство поставило стратегическую цель — диверсифицировать структуру экспорта в сторону повышения доли готовой, особенно высокотехнологичной, продукции. Однако сделать это в отношении российского экспорта в ФРГ — дело несравненно более сложное, чем, например, в отношении Италии или Франции. Это связано с международной специализацией Германии, которая является в течение многих десятилетий признанным лидером в области экспорта продукции общего машиностроения, электротехники, химии и автомобилестроения. Российским компаниям из аналогичных отраслей весьма сложно конкурировать с немецкими и другими предприятиями на внутреннем рынке ФРГ. В первую очередь это относится к российским машиностроителям. Поэтому в ближайшие годы будет очень сложно добиться диверсификации российского экспорта в сторону увеличения доли готовой продукции[1].

Стоимостные объемы торговли в период с 1992 по 2008 г. были подвержены существенным колебаниям. Они были вызваны не только особенностями внутренних хозяйственно-политических процессов в России. В большей степени они были обусловлены зависимостью экспорта и импорта от мировых цен на энергоносители и мировой

[1] В Германии также существует ряд количественных ограничений на поставку некоторых изделий из стали, есть ограничения в отношении ядерных материалов, услуг по обогащению урана, асбеста и некоторых пушно-меховых товаров. В ФРГ действует традиционная система протекционистских мер, защищающих национальный аграрный рынок от сельхозпродукции и третьих стран, что является основным препятствием для экспорта российских мясных, молочных и прочих продуктов.

конъюнктуры. Увеличение или уменьшение валютных поступлений от экспорта российского углеводородного сырья напрямую связано со стоимостными объемами импорта. Несмотря на стабильное увеличение взаимного оборота в 2005–2008 гг. и опережающие темпы роста немецкого импорта, риск нестабильности остается достаточно высоким. Среди прочего он обусловлен объективными интересами Германии в сохранении гарантированных поставок российского сырья и объективной невозможностью российского государства обеспечить в ближайшие годы кардинальную диверсификацию товарного экспорта и изменения его монокультурной направленности. По всей вероятности, текущий объем взаимной торговли в среднесрочной перспективе будет по-прежнему зависеть не столько от целенаправленных усилий обоих партнеров, сколько от экзогенных факторов мирового рынка. Это подтверждает развитие ситуации во взаимной торговле в 2009 г. В условиях снижения мировых цен и спроса на основные сырьевые товары существенно сократились объемы российского экспорта в ФРГ, в первую очередь газа. Неблагоприятная ситуация в экономике России, в том числе ужесточение доступа предприятий к кредитным ресурсам, обусловили падение импорта немецких машин, оборудования и ряда других товаров. Сокращение российско-германского товарооборота в 2009 г., по всей видимости, составит около 30–35%.

Ситуация могла бы в определенной степени измениться за счет российского малого и среднего бизнеса, который готов предложить самые разнообразные товары и услуги немецким потребителям. Но для реализации такого потенциала нужно развитие дополнительной двусторонней инфраструктуры, которая могла бы помочь, с одной стороны, в преодолении многочисленных немецких и европейских бюрократических барьеров, а с другой стороны, оказала бы необходимую консалтинговую поддержку российским фирмам в выборе модели поведения на немецких высококонкурентных и сложных рынках.

Можно рассчитывать на постепенный рост поставок энергетических и сырьевых товаров с более высокой долей добавленной стоимости, но и здесь российским компаниям придется преодолевать сопротивление конкурентов. Со вступлением России в ВТО многие немецкие компании получат дополнительные преимущества для дальнейшего освоения российских рынков, что положительно скажется как на динамике, так и на структуре импорта из Германии. Более активно будет происходить импортозамещение ряда товаров за счет их производства немецкими инвесторами непосредственно в России. Прежде всего, это касается пищевой продукции, строительных материалов, автомобилей, отдельных видов оборудования. Одновременно будет возрастать вывоз таких

товаров на рынки третьих стран, что со своей стороны положительно скажется на общероссийской экспортной динамике.

16.3. Кредитно-финансовая сфера

Весьма позитивных результатов за последние годы удалось достичь в сфере кредитно-финансового сотрудничества, которая тесно связана с внешней торговлей. В последнее десятилетие весьма непросто развивалась ситуация в сфере государственной задолженности России Германии. На правительство коалиции СДПГ/партия зеленых пришелся пик кризиса, связанный с российским дефолтом августа 1998 г. Существенные убытки понесли в основном частные немецкие структуры, но и государственным интересам был также нанесен значительный урон. Однако благодаря благоприятному развитию ситуации на мировых сырьевых рынках российское государство за несколько лет смогло преодолеть критическую ситуацию. Существенно пополнив свои золото-валютные запасы, оно перешло от настойчивых просьб отсрочить выплату долгов (конец 90-х годов) к предложениям о досрочных выплатах на условиях дисконта (2004–2005). Будучи связанной обязательствами в рамках Парижского клуба, Германия смогла «пролоббировать» интересы своего должника. Долги были погашены досрочно, но без предоставления каких-либо скидок. Германия, на долю которой приходилось 42% долга России, получила 6,6 млрд долл. Российская сторона смогла сэкономить на будущих (и весьма высоких) процентах. В августе 2006 г. было подписано и затем реализовано соглашение о досрочном погашении остатка внешнего долга России и бывшего СССР Германии на сумму примерно 8 млрд евро. Осенью того же года было подписано и реализовано межправительственное соглашение о завершении расчетов и выполнения советских (российских) обязательств по Ямбургским соглашениям в размере более миллиарда евро. Стоит упомянуть и конструктивное решение летом 2002 г. проблемы советского долга по оплате товарных поставок предприятий ГДР в размере 6,4 млрд переводных рублей. После долгих и непростых переговоров удалось достигнуть разумный компромисс, в результате которого этот долг был существенно сокращен — до 500 млн евро — и по инициативе российской стороны досрочно погашен.

Все это содействовало последовательному переводу России начиная с 2002 г. в более низкие группы страновых рисков. В 2003 г. для России были сняты общие лимиты по предоставлению государственных гарантий для средне- и долгосрочных экспортных кредитов немецким фирмам (так называемый кредитный плафон — в 2002 г. он составлял

1 млрд евро). Немаловажную роль в принятии такого решения сыграли благоприятные перспективы освоения Германией российских рынков при общей слабости мировой конъюнктуры. В начале 2007 г. Германия оказала содействие России по переводу из четвертой в третью группу рисков по классификации ОЭСР (всего существует восемь групп). Все это позволило существенно расширить возможности для кредитования экспорта немецких товаров в рамках системы государственного страхования «Гермес»[1] и несколько снизить его стоимость. Несмотря на то что данные кредиты для многих российских предприятий остаются относительно дорогими, они зачастую являются одним из немногих приемлемых источников для финансирования импорта необходимого немецкого оборудования, машин и т. д. Сохранение России в низкой группе страновых рисков усиливает привлекательность использования системы «Гермес». Не случайно примерно одна десятая всего немецкого импорта в последние годы финансируется за счет застрахованных экспортных кредитов. Среди последних договоренностей в этой сфере можно также отметить соглашение между Внешэкономбанком и Deutsche Bank по финансированию импорта немецких товаров из Германии и из других стран Восточной Европы, а также его соглашение с Ausfuhrkredit-Gesellschaft — организацией, которая занимается финансированием таких поставок в рамках государственного страхования Hermes.

В июле 2009 г. было заключено соглашение о предоставлении немецкой банковской группой Kreditanstalt für Wiederaufbau российскому Внешэкономбанку рамочного кредита в 500 млн евро сроком на два года. Данные средства предназначены для оплаты заключенных ранее сделок по поставке немецких машин и оборудования.

---

[1] Основными организациями, которые уполномочены немецким государством на осуществление страховых операций по экспортному кредитованию отечественных фирм, являются Euler Hermes Kreditversicherungs-AG и PwC Deutsche Revision AG, штаб-квартиры которых расположены в Гамбурге. Причем ведущей компанией в данном консорциуме уполномоченных организаций является Euler Hermes, которая непосредственно отвечает за страхование экспортных сделок. Данная компания возникла в начале июня 2003 г. в результате слияния немецкой Hermes Kreditversicherungs-AG и французской страховой группы Euler, которые до этого более десяти лет сотрудничали в области экспортного страхования. Эта фирма входит в франко-германскую группу компаний Euler Hermes C.A., которая, в свою очередь, является составной частью крупнейшего немецкого страхового консорциума Allianz Gruppe. Не случайно с бывшим именем компании («Гермес») по-прежнему нередко ассоциируют и связывают систему государственного страхования экспортных кредитов в Германии. Более подробно см.: Белов В.Б. Германия: содействие экспорту. Немецкая система государственного страхования экспорта // Современная Европа. 2003. № 4. С. 35—43.

Kreditanstalt für Wiederaufbau активно развивает кооперацию с российскими частными кредитными институтами, особенно в регионах. Так, 16 июля 2009 г. в Мюнхене в рамках российско-германской межгосударственной встречи на высшем уровне между Красноярским банком «КЕДР» и KfW было подписано соглашение о сотрудничество в финансировании малого и среднего бизнеса. Первый транш в размере 7 млн долларов «КЕДР» должен был получить уже в августе 2009 г.

Все активнее используются более дешевые частные альтернативные схемы финансирования внешнеторговых операций с участием российских и немецких фирм, которые, правда, требуют более тщательной подготовки заключаемых сделок (проработанный и проверенный экспертами бизнес-план и т. д.). Стоит отметить и возросшие возможности российских банков по кредитованию импортных поставок из ФРГ, но, к сожалению, это касается только наиболее надежных и, как правило, крупных клиентов. Российским малым и средним предприятиям доступ к кредитным ресурсам для финансирования импорта, в том числе немецкого, по-прежнему затруднен. Несмотря на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., в последующие годы ситуация может все-таки измениться в пользу этих предприятий. Кроме того свой позитивный вклад смогут внести дочерние общества основных немецких кредитных институтов, которые и без права создания филиалов имеют хорошие дополнительные возможности по расширению своей кредитной деятельности, в том числе в рамках вступления России в ВТО.

16.4. Инвестиции

В сфере инвестиционного сотрудничества, в первую очередь в сегменте прямых капиталовложений, проблемой номер один остается более широкое и массовое вовлечение малого и среднего бизнеса. Пока основными инвесторами остаются крупные компании и крепкие середнячки, которые осуществили базовые инвестиции еще в прошлом десятилетии и названия которых у всех «на слуху»[1]. Позитивным моментом является постепенный рост числа немецких фирм, регистрирующих в России предприятия в той или иной юридической форме. По состоянию на конец 2008 г. их официальная численность составила более

[1] См. также: *Белов В.Б.* Немецкие прямые инвестиции в России. Доклады Института Европы РАН. 2002. № 109; ЕС и Россия. От прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству / Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: Наука, 2008. С. 72–92; *Кузнецов А.* Капиталовложения из ЕС в России: значимые перемены // Современная Европа. 2009. № 3. С. 58–72.

4600 единиц, в том числе более 1350 российско-германских совместных предприятий и около 800 предприятий со 100%-ным немецким капиталом. Зарегистрировано более 1800 филиалов и представительств германских фирм. Всего немецкий бизнес действует в 63 российских регионах, но основные инвестиции сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Ленинградской, Калининградской областях. Немецкие прямые инвестиции в основном направляются в сферу торговли, транспорта, связи, пищевую, химическую, электронную, автомобильную промышленность, стройиндустрию. По данным Роскомстата РФ, объем накопленных германских прямых капиталовложений в российскую экономику в начале 2008 г. составил 4,5 млрд долларов (около 3 млрд евро). Бундесбанк на начало 2007 г. приводит цифру 11,1 млрд евро, что, наверно, более точно отражает ситуацию в этой сфере. По оценкам немецких экспертов, реальный объем всех немецких инвестиций (включая капиталовложения принадлежащих немцам иностранных компаний) приближается к 30 млрд евро.

С середины текущего десятилетия появился ряд новых инвестиционных «проектов-маяков», способных потянуть за собой цепочку связанных с ними новых контрактов и побудить многие немецкие компании к более активным действиям на российских рынках. Речь идет о строительстве российско-немецко-голландским консорциумом (Газпром, E.On, BASF, Gasouline) североевропейского газопровода (проект «Северный поток» стоимостью примерно в 10 млрд евро); о совместно осваиваемом Южно-Русском месторождении газа; о построенном концерном Volkswagen крупного автосборочного предприятия в Калужской области, в который инвестировано несколько сот миллионов евро и который активно содействует приходу в Россию немецких фирм по производству автокомплектующих; о производстве зерновых комбайнов и другой сельскохозяйственной техники компаний «Клаас» в Краснодарском крае. Следует упомянуть и приобретение концерном Siemens более четверти контрольного пакета акций «Силовых машин», разрешение на которое немецкий концерн получил в весьма жесткой конкурентной борьбе с российскими компаниями.

В качестве примера растущего интереса к внутреннему рынку России можно также привести и другие крупные проекты, например приобретение в 2007 г. компанией E.ON доли в размере 70% в энергокомпании ОГК-4 за сумму около 4,1 млрд евро, сделку концерна RWE в начале 2008 г., в результате которой он приобрел 33,7% акций ОГК-2 за 280 млн евро. Среди недавних менее крупных сделок стоит упомянуть покупку фирмой HeidelbergCement AG бетонного завода под Москвой, организацию концерном Jenoptik производства лазерной

техники и компонентов в Санкт-Петербурге и строительство завода под Москвой фирмой Schattdecor AG из Баварии вместе с его поставщиком Schattdecor из Оснабрюка. Кроме того, концерн по производству древесных материалов Pfleiderer в июле 2008 г. создал производство под Новгородом.

Динамично растут немецкие инвестиции в сферу услуг, среди которых можно особо выделить торговлю, логистику, туризм, банковскую и страховую сферу. Среди инвесторов выделяются такие торговые гиганты как немецкий филиал концерна IKEA (который начал инвестировать и в собственное российское производство), оптово-розничный концерн METRO, сетевые компании OBI и Globus. В страховой сфере весьма активен такой гигант, как Allianz AG, который приобрел крупнейшего российского страховщика «РОСНО», а также компании ERGO (страхование жизни) и Muenchener Rueck (перестраховочный бизнес). На российском рынке активно действуют дочерние общества ведущих немецких банков, которые по величине активов входят в сотню российских банковских институтов (по законодательству РФ все они имеют статус российских банков). Прежде всего, это «Коммерцбанк (Евразия)» и ООО «Дойче банк».

Изменилось ранее сдержанное отношение немецких энергетических гигантов к стратегическим прямым инвестициям в сферу добычи. Пилотным проектом в этом отношении считается совместное предприятие Winterershall (дочерняя компания BASF) и Газпрома по освоению Ачинского газоконденсатного месторождения, которое начало свою работу летом 2003 г. Позитивный опыт, полученный в рамках данного проекта, позволил начать упомянутое выше совместное освоение Южно-Русского месторождения, которое начали BASF и Газпром и к которому после долгих переговоров в октябре 2008 г. присоединился E.ON.

Весьма привлекательным объектом для немецких инвесторов остаются российская электроэнергетика и теплоэнергетика. Перспективной сферой является реформируемое жилищно-коммунальное хозяйство России. Одним из лейтмотивов взаимовыгодного сотрудничества в этих сферах является энергосбережение.

В июле 2009 г. приступило к работе Российско-Немецкое энергетическое агентство (РУДЕА), учредителями которого с российской стороны выступили Энергетический углеродный Фонд и немецкое энергетическое агентство dena, при тесном сотрудничестве с Министерством энергетики РФ и Министерством экономики и технологий ФРГ. Целью РУДЕА является целенаправленное внедрение энергоэффективных технологий во все сферы российской экономики, в том числе в ЖКХ,

электроэнергетике, в нефте- и газодобывающих секторах, в транспортном секторе. Оно будет содействовать внедрению возобновляемых источников энергии.

Несмотря на негативные последствия мирового финансового кризиса для российской экономики, неплохие перспективы для двустороннего сотрудничества в инвестиционной кооперации сохраняются в области других национальных проектов — строительство жилья, модернизация здравоохранения, транспортной инфраструктуры.

К позитивной тенденции можно отнести рост производства товаров и услуг на предприятиях с немецкими инвестициями. Постепенно растет эффект импортозамещения, с помощью немецкого капитала создаются новые рабочие места, повышается квалификация российского персонала, в том числе управленческого, формируется новая корпоративная культура, включающая в себя новейшие методы менеджмента. Один из показательных примеров — деятельность примерно двадцати российских предприятий баварской фирмы KNAUFF, выпускающих строительные материалы из гипса. Кстати, данная компания является одним из крупнейших прямых инвесторов среди представителей немецкого миттельштанда — по некоторым оценкам, ее капиталовложения в российскую стройиндустрию составило более 500 млн евро.

Российские регионы стали вести более активную борьбу за привлечение внимания немецких инвесторов к своим хозяйственно-политическим пространствам, в том числе к их инвестиционным преимуществам. Они проводят многочисленные презентационные мероприятия как в Посольстве Германии в Москве, так и на разных международных выставках и ярмарках в ФРГ. Так, например, в рамках года Сибири на Ганноверской ярмарке в апреле 2007 г. прошли презентации основных субъектов РФ из западно- и восточносибирских регионов и Урала. Удачную конкуренцию сибирякам и уральцам в презентации своих штандортных преимуществ составляют края и области из европейской части России.

Не меньший интерес проявляют и федеральные земли Германии к возможностям региональной кооперации с российскими субъектами. Большинство из них за последние годы открыли свои представительства и организуют регулярные деловые поездки для своих предпринимателей в российские регионы (с организацией бирж-контактов и др.). Среди немецких регионов выделяется Бавария, которая, наверно, наиболее последовательна в развитии сотрудничества с отдельными субъектами РФ, в первую очередь с Москвой, а также с другими российскими городами и районами. Достаточно активен ее сосед —

земля Баден-Вюртемберг. И видимо, не случайно — это два наиболее динамично развивающихся региона Германии с высоким индустриальным и инновационно-технологическим потенциалом. Другие земли, отметив успех своих «конкурентов», в настоящее время стараются «догнать» их. Растет активность и новых федеральных земель, в том числе Саксонии, Бранденбурга и Берлина. По всей видимости, в ближайшие годы качественный потенциал региональной кооперации будет переходить в давно ожидаемое новое количество различных торговых, инвестиционных и прочих сделок.

Относительно новым явлением в последние годы стал рост внимания российских компаний к прямым инвестициям в экономику Германии. С одной стороны, речь идет об энергетике — интересах Газпрома к рознично-оптовым предприятиям по сбыту газа, строительству его подземных хранилищ и производству электроэнергии; интересах нефтяных компаний к продаже бензина и др. А с другой стороны, растет интерес российского несырьевого как крупного, так и среднего бизнеса к возможностям инвестиций в немецкие компании в целях осуществления совместных проектов в Европе, России и на третьих рынках. Привлекательными для российских инвесторов являются целлюлозно-бумажная, химическая, металлургическая, судостроительная промышленность, сфера оптовой и розничной торговли, транспорт и связь.

Однако в целом уровень российских капиталовложений в экономику Германии остается на низком уровне. Согласно российской статистике объем прямых инвестиций в экономику Германии в начале 2008 г. составил всего 259 млн долларов, а в ФРГ было зарегистрировано около 100 смешанных фирм с российским капиталом. Согласно статистике Бундесбанка объем прямых капиталовложений из РФ существенно выше — в начале 2007 г. он равнялся примерно 3,4 млрд евро, общее количество предприятий равнялось 24, на них была занята одна тысяча человек, а их оборот составлял 10 млрд евро. Очевидно, что обе статистики не отражают реального положения дел, прежде всего они не учитывают инвестиционной деятельности российских малых и средних компаний.

Инвестиции отечественных компаний по-прежнему сконцентрированы в торгово-сбытовой сфере, в том числе в области сбыта нефти и газа и других сырьевых товаров. Новые российские инвесторы, в том числе олигархические структуры, пока главным образом присматриваются и приценяются к немецкому рынку. Отдельные недавние попытки компаний из России проникнуть на немецкий рынок за счет покупки выставленных на продажу компаний не всегда заканчиваются успехом. В этом отношении можно отметить неудавшуюся попытку

«Русала» совместно с Иркутским производственным авиационным объединением приобрести в 2002 г. часть производственных мощностей обанкротившегося концерна «Фалькер Дорнье»[1].

До последнего времени, несмотря на все заявления в готовности к кооперации, немцы опасались прихода российских предпринимательских структур на свой рынок и по возможности старались отдать приоритет инвесторам из других стран. Конечно, есть и положительные примеры. Так, одна из дочерних структур «Северстали» в рамках своих трансъевропейских проектов построила и модернизировала контейнерный терминал в одном из крупных морских портов Германии. Владелец этой компании А. Мордашев купил 10% капитала одной из ведущих в области морских перевозок и туризма компаний TUI. Россияне приобрели крупный пакет ведущего производителя минеральных удобрений — компанию K+S. Российские инвесторы стали основными владельцами судоверфей в Ростоке и Висмаре. Есть и другие примеры, в том числе и среди российского малого и среднего бизнеса (преимущественно из сферы информационных технологий), но они пока немногочисленны[2].

16.5. Научно-техническая кооперация

Особое внимание Россия и ФРГ уделяет научно-техническому сотрудничеству, которое осуществляется как на уровне государства, так и на уровне научных учреждений, фондов и организаций. Данное сотрудничество

---

[1] Неудачей закончилась еще одна сделка Олега Дерипаски на немецком рынке. Его холдинг в условиях жесткой конкуренции приобрел около десятой части акционерного капитала ведущей строительной компании ФРГ Hochtief. Однако осенью 2008 г. Дерипаска из-за острой нехватки ликвидности был вынужден передать данную долю немецкому Commerzbank в качестве покрытия взятого у него многомиллиардного кредита.

[2] Например, российская авиакомпания «Полет» прорабатывает проект строительства в международном аэропорту Франкфурта-на-Майне центра по техническому обслуживанию авиационной техники с созданием на его базе сектора интеграции европейских космических полезных нагрузок на самолетах Ан-124-100 в рамках проекта «Воздушный старт».

Весной-летом 2009 г. велись активные переговоры между General Motors и международным консорциумом в составе австрийско-канадской компании Magna и Сбербанка России о приобретении у американского концерна немецкого автопроизводителя Opel. В случае согласия американской стороны этот консорциум мог бы получить права на производство в России совместно с Opel автомобилей под маркой Chevrolet, а затем — Opel и Vauxhall, а также получить в свою собственность заводы General Motors в Германии и в России.

Во время рабочей встречи Д. Медведева с А. Меркель в Сочи в августе 2009 г. обсуждались и другие перспективные инвестиционные проекты российских компаний в ФРГ.

во многом унаследовало традиции научно-технической кооперации СССР как с ФРГ, так и ГДР[1]. Опираясь на данный фундамент, оно течение прошедших полутора десятков лет вышло на новый качественный и количественный уровень. Несмотря на то, что многие связи с восточногерманскими партнерами в ходе объединения Германии были утеряны, а большинство соглашений между Советским Союзом и ГДР после 1990 г. прекратило свое действие, процесс объединения двух немецких государств смог дать дополнительный импульс российско-германской научно-технической кооперации. С одной стороны, определенные части прежних соглашений с ГДР вошли в новые российско-германские договоры. С другой стороны, во многом этому способствовали восточногерманские ученые, получившие образование в СССР и тесно сотрудничавшие со своими советскими коллегами. Их личные связи и опыт оказались востребованными в ряде научных направлений. К сожалению, в ходе объединения Германии многие научные учреждения в новых федеральных землях были закрыты, распались научные коллективы. Лишь немногие из них смогли пережить фазу рыночной трансформации и продолжить традиции кооперации с российскими партнерами.

К началу нынешнего десятилетия российско-германская научно-техническая кооперация стала охватывать самые разные сферы и отрасли. Среди них особое место занимают совместные проекты по вопросам охраны природы и окружающей среды, а также совместные научные исследования в сфере ядерной энергетики. Роль государственных структур постепенно уходит на второй план, шаг за шагом уступая место прямо-

[1] В 50–60-е годы прошлого века советско-германские научные связи в основном опирались на потенциал сотрудничества с ГДР, которая в послевоенный период стала важнейшим зарубежным партнером СССР в области науки и техники. В данной области было заключено более 60 различных соглашений. Тесной научно-технической кооперации способствовала примерно одинаковая структура организации науки и научных исследований в обоих государствах, а также обучение и подготовка в Советском Союзе молодых восточногерманских ученых. Как и в СССР, научные исследования в Восточной Германии были сконцентрированы в Академии наук. Первые инициативы по установлению научных контактов между СССР и ФРГ относятся к 1958 г. Их проявили Общество имени Макса Планка и Академия наук СССР. Во многом благодаря этим инициативам в 1959 г. было подписано Советско-западногерманское соглашение о культурном и технико-экономическом обмене, которое среди прочего предусматривало обмен учеными. К сожалению, оно носило краткосрочный характер и по политическим причинам (разногласия по Берлину) в 1960 г. прекратило свое действие. Лишь 28 сентября 1970 г. Немецкое научно-исследовательское общество и АН СССР заключили Соглашение о научном сотрудничестве, в рамках которого начался регулярный обмен учеными и стали реализовываться совместные научно-исследовательские проекты. Дополнительно к этому Общество имени Макса Планка начало сотрудничество с советской стороной в области космических исследований.

му сотрудничеству научно-исследовательских учреждений, организаций и фирм. Государство в основном ограничивается формированием благоприятных рамочных условий для содействия двусторонней кооперации, в том числе в сфере развития механизмов по капитализации и коммерциализации как российских, так и совместных разработок.

Этому способствуют хорошие договорные основы сотрудничества в научно-технической сфере между Россией и Германией, заложенные еще во второй половине 80-х годов прошлого века[1], когда между СССР и ФРГ был заключен ряд важнейших договоров. Среди них основополагающим является Межправительственное рамочное Соглашение о научно-техническом сотрудничестве от 22 июля 1986 г. Особенно важна для кооперации статья 3. В соответствии с ней стороны могут заключать специализированные соглашения, в том числе и в таких областях, как «ядерные исследования и мирное использование ядерной энергии, энергетическая техника, исследование и использование космического пространства, биология и биотехника, обработка данных, информация и документация, исследования и технологические разработки в области транспорта, сельского хозяйства и окружающей среды, медицинские и педагогические исследования, а также отдельные проекты в области машиностроения, металлургии, электроники, вычислительной техники и химии»[2]. При этом договаривающимися сторонами могут быть как государственные ведомства, так и отдельные организации. Благодаря рамочному соглашению СССР (затем и Россия) и ФРГ смогли наконец оформить в виде соглашений целый ряд договоренностей, которые были подготовлены в прошлые годы[3].

---

[1] Совместный проект советско-западногерманского межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве появился еще в 1973 г. За ним последовали проекты межведомственных соглашений о кооперации в соответствующих областях: мирного использования ядерной энергии, сельского хозяйства и медицины. Однако они не смогли быть подписаны из-за разногласий по вопросу о включении научно-исследовательских учреждений Западного Берлина в данные документы. С началом процесса перестройки в СССР советско-западногерманские договорные отношения в сфере научно-технического сотрудничества вступили в новую фазу, которая практически продолжается до сих пор.

[2] Цит. по: 10 лет научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германии 1991–2001. Бонн, 2000. С. 7.

[3] Среди них следует отметить следующие:

- Межведомственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии от 22 апреля 1987 г.;
- Межведомственное соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки от 23 апреля 1987 г.;
- Межведомственное соглашение о сотрудничестве в сфере аграрных исследований от 4 мая 1987 г.;

Весной 2005 г. Германия и Россия подписали «Совместное заявление о стратегическом партнерстве в области образования, научных исследований и инноваций», которое дало новый импульс дальнейшей кооперации немецких и российских высших учебных заведений, научно-исследовательских учреждений и предприятий.

Для эффективной координации совместных усилий создана российско-немецкая комиссия по научно-техническому сотрудничеству[1], в состав которой входят представители сотрудничающих государственных ведомств и научно-исследовательских организаций. Особо важными были первые заседания комиссии, на которых рассматривались вопросы практической реализации достигнутых договоренностей и путей устранения возникающих при этом проблем и трудностей. Кроме того, ее работа во многом определила новые области сотрудничества и новые совместные проекты, которые стали активно осваиваться и реализовываться в 90-е годы прошлого века.

Во второй половине 90-х годов последовал ряд специальных российско-немецких соглашений в сфере научно-технической кооперации, в основном заключенных тогдашним Минпромнауки и Федеральным министерством образования и научных исследований (ФМОНИ)[2]. К тому же они курируют ряд других совместных проектов, в том числе по совместной разработке установок для очистки промышленных сточных вод, созданию новых технологий водоочистки и разработке новых материалов и реагентов для очистных сооружений. Разумеется, что заключенные соглашения (со второй половины 80-х годов прошлого века по настоящее время) различаются между со-

---

• Межведомственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области исследования и использования космоса в мирных целях от 25 октября 1988 г.

[1] Советско-западногерманская смешанная комиссия по научно-техническому сотрудничеству была создана в соответствии со статьей 4 Рамочного соглашения и начала свою деятельность в апреле 1988 г. Нынешняя российско-германская комиссия является ее правопреемником.

[2] Среди этих соглашений следует выделить:

- специализированное соглашение о сотрудничестве по лазерным исследованиям и лазерной технике (от 11 августа 1992 г.);
- специализированное соглашение о сотрудничестве в области исследования водных ресурсов и технологий охраны окружающей среды (от 6 июня 1994 г.);
- специализированное соглашение о сотрудничестве в области информации и документации (от 7 июня 1994 г.);
- специализированное соглашение о сотрудничестве в области биологических исследований и биотехнологий (от 20 июня 1994 г.);
- специализированное соглашение о сотрудничестве в области морских и полярных исследований (от 10 февраля 1995 г.).

бой по структуре, типам реализуемых проектов и интенсивности и уровню их государственного регулирования. Среди них особое место занимают межведомственные соглашения и специальные соглашения, которые эффективно дополняют межведомственные договоренности высокого уровня и содействуют активизации научно-технической кооперации обоих государств в новых областях. С технической точки зрения они регулируют рабочее сотрудничество на уровне российских и германских министерств и ведомств, отвечающих за научные исследования и разработки в приоритетных сферах. Наиболее важными из них являются совместные исследования в области высокотемпературной проводимости, лазерных технологий, биотехнологии, гидрологии и экологии, информации и документации и морских и полярных исследований.

Многочисленные двусторонние соглашения между научно-исследовательскими учреждениями и организациями эффективно дополняют рассмотренные выше межправительственное рамочное соглашение, межведомственные и специализированные договоренности. Такие соглашения по своей сути представляют собой специальные программы содействия сотрудничеству в сфере науки, которые были подготовлены различными научными обществами и организациями.

Важнейшими партнерами в этой области с немецкой стороны являются:

- Германское научно-исследовательское общество (DFG);
- Общество Макса Планка (MPG);
- Общество Фраунгофера по поддержке прикладных исследований (FhG);
- Объединения германских исследовательских центров имени Германа фон Гельмгольца (HGF);
- Немецкая служба академических обменов (DAAD);
- Фонд Александра фон Гумбольдта (AvH).

А со стороны России важная роль в организации сотрудничества на уровне отдельных институтов и организаций принадлежит таким учреждениям, как:

- Российская академия наук (РАН);
- Российская академия медицинских наук (РАМН);
- Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН);
- Росатом;
- Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ);
- Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ);
- Фонд поддержки малых предприятий в научно-технической сфере;
- Российский фонд технологического развития (РФТР).

В течение последних полутора десятков лет был реализован ряд важных двусторонних проектов В первую очередь это касается соглашения о российско-германской кооперации в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. Его суть состоит в продолжении научного использования во многом уникальных установок и инфраструктуры ОИЯИ, которое было начато еще во времена ГДР и которое в течение многих лет отлично зарекомендовало себя с точки зрения полученных результатов. Последующие годы подтвердили правильность принятого решения о продолжении бывшей советско-восточногерманской научной кооперации. Благодаря финансовой поддержке ФРГ, особенно важной в условиях жесточайшего кризиса финансирования российской науки в начале 90-х годов, был выполнен целый ряд успешных совместных научно-исследовательских работ по теоретической физике, в области физики тяжелых ионов (эксперименты на циклотронах У400 и У400М), а также в области физики нейтронов (эксперименты на реакторе ИБР-2). Российские и немецкие ученые достигли выдающихся результатов в области синтезирования трансфермиевых элементов[1]. С ОИЯИ сейчас сотрудничают около 60 различных немецких исследовательских групп. Сотни ученых из Германии посетили данный институт и сотни российских ученых побывали с научными командировками в немецких исследовательских центрах и университетах (причем численность командированных российских специалистов в несколько раз выше немецких). По результатам совместных исследований вышли сотни публикаций.

Давние традиции имеет научная кооперация между Германским научно-исследовательским обществом (DFG), Российской академией наук и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Еще в сентябре 1970 г. DFG подписало соглашение о научном сотрудничестве с Академией наук СССР, которое нашло свое продолжение в новом соглашении от 3 июня 1999 г. с Российской академией наук. Данное соглашение по своей сути является рамочным и охватывает научное сотрудничество практически во всех областях фундаментальных наук, включая гуманитарные, общественные и экономические науки. DFG поддерживает тесные контакты с РФФИ. Обе организации подписали соглашение о сотрудничестве в феврале 1995 г. Ежегодно DFG поддерживает несколько сотен совместных российско-германских научных проектов (около 350 в 2008 г.). Кроме этого Германское научно-

[1] Одним из подтверждений высочайшего уровня российско-германских исследований в этих сферах стало присвоение в августе 1997 г. Международным союзом чистой и прикладной химии 105-му элементу таблицы Менделеева названия «дубний».

исследовательское общество оказывает поддержку российским ученым, которые принимают участие в различных научных мероприятиях (конгрессах, семинарах) в Германии. Важно, что DFG в рамках кооперации с Россией знакомит российских партнеров с организацией поддержки научных исследований в ФРГ, практикой научного самоуправления и административными структурами, отвечающими за НИОКР. В ноябре 2003 г. в Москве было открыто представительство Немецкого научно-исследовательского сообщества, которое стало третьим по счету после Пекина и Вашингтона.

Российские научные учреждения активно сотрудничают с Обществом Макса Планка (MPG), которое, как и DFG, имеет многолетний опыт сотрудничества с бывшим СССР и Россией. Динамично развивается кооперация с Обществом Фраунгофера в области поддержки прикладных исследований. Многие научно-исследовательские учреждения, входящие в это Общество, стремятся к активной научной кооперации с профильными российскими структурами. Немецкие партнеры высоко оценивают перспективные возможности для размещения различных заказов в российских научно-исследовательских институтах и организациях. Хорошим примером взаимовыгодного сотрудничества является совместный проект Фраунгоферовского института станкостроения и технологии обработки давлением (г. Хемниц) и Государственного технологического университета (Москва) по разработке металлообрабатывающих станков нового типа и развитию инновационных процессов для экологически чистого шлифования.

Весьма активен в кооперации с российскими партнерами Фраунгоферовский институт технологии неразрушающих испытаний (г. Саарбрюккен). Вместе с российской рабочей группой Лаборатории им. Франка в ОИЯИ (Дубна) он исследует процесс рассеивания нейтронов под малым углом на гидративном цементе. Данный проект осуществляется при поддержке Федерального министерства образования и научных исследований. Этот институт активно сотрудничает с Институтом физики металлов РАН (Москва) в сфере исследований распространения волн в ортотропных средах. Кроме того, он поддерживает разнообразные научные контакты с профильными российскими структурами в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Томске и Владивостоке, в том числе в таких областях, как испытания турбулентных потоков, электронной микроскопии и полупроводниковой техники.

Плодотворно развивается кооперация с учреждениями Объединения германских исследовательских центров им. Германа фон Гельмгольца (HGF). Научные учреждения, входящие в HGF, за последние годы инициировали сотни совместных проектов с российскими

научно-исследовательскими организациями и вузами, которые фактически охватывают все основные сферы деятельности центров Объединения. Среди данных проектов особое место занимает кооперация в сфере изучения свойств материи с использованием установок для фундаментальных исследований в России и Германии. Среди немецких партнеров следует выделить такие известные организации, как Общество по исследованию тяжелых ионов (г. Дармштадт), Исследовательский центр (г. Юлих), Институт физики плазмы (г. Гархинг и г. Грейсфвальд). Основными российскими партнерами являются Институт теоретической и экспериментальной физики (Москва), Институт физики высоких энергий (Протвино), Институт ядерной физики имени Г. Будкера (Новосибирск), НИИЭФА имени Д.В. Ефремова (Санкт-Петербург), Институт ядерной физики (Гатчина), Курчатовский институт (Москва). Другим важным направлением кооперации стала сфера экологических исследований. Семь центров Общества сотрудничают с соответствующими структурами РАН, вузами, а также научными институтами, которые расположены в Москве, Санкт-Петербурге, Якутске, Томске, Обнинске, Новосибирске и Мурманске. Большое внимание уделяется сотрудничеству в области энергетики. Пять центров HGF проводят совместные исследования с российскими научными учреждениями в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Троицке, Челябинске, Обнинске, Томске и Новосибирске.

HGF и Росатом активно участвуют в реализации подписанных в октябре 2007 г. во время российско-германских межправительственных консультаций в Висбадене соглашения «О сотрудничестве в развитии и применении базирующихся на ускорении источников фотонов» и соглашения о привилегированном сотрудничестве в рамках крупного международного проекта XFEL (рентгеновский лазер на свободных электронах), который реализуется на базе научно-исследовательского центра «Германский электронный синхротрон» (DESY) в Гамбурге[1]. Сюда же относится и договоренность об участии России в крупном международном проекте FAIR (Facility for Antiproton and Ion Research — установка для антипротонных и ионных исследований) по созданию ускорителя частиц для адроновой и ядерной физики, который будет построен при Обществе по изучению тяжелых ионов в Дармштадте. В 15 экспериментальных группах данного проекта работают около 550 российских ученых из 23 отечественных институтов[2]. Осенью 2007 г. HGF и Росатом

---

[1] В июле 2009 г. была достигнута договоренность о том, что Россия инвестирует в этот проект 250 млн евро

[2] См.: www.gsi.de и www.xfel.eu.

основали при Институте теоретической и экспериментальной физики Исследовательский центр «FAIR — Россия», который координирует работу над этим проектом в РФ. В проекте XFEL участвуют ученые из Института физики высоких энергий (Протвино), Института теоретической и экспериментальной физики и Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

HGF и Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) осуществляют совместное финансирование молодежных исследовательских групп в области фундаментальных исследований. В 2008 г. первые восемь групп-победителей получили финансирование в размере до 450 000 евро на каждую группу в течение трех лет.

Среди немецких фондов особое место принадлежит Фонду Александра фон Гумбольдта. Одна из его основных целей состоит в предоставлении стипендий зарубежным ученым, в том числе из России. Кроме того, он награждает ученых, имеющих международную известность, премиями, которые предназначены для поддержки их научной работы непосредственно в Германии. Россия занимает одно из первых мест среди других государств по числу лауреатов премии данного Фонда. С 1970 г. стипендии Фонда имени Гумбольдта получили 850 ученых из России, более 150 российских ученых были удостоены исследовательских премий. Например, в 2007 г. ученым из России было предоставлено 17 стипендий и 3 премии. С 2002 г. ежегодно для участия в программе по стипендии федерального канцлера Германии выбирается 10 молодых руководителей из России. А 10 молодых ученых из Германии имеют возможность проводить научные исследования в рамках исследовательской стипендии Феодора Линена в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях РФ.

Важная роль принадлежит сотрудничеству России с Германской службой академического обмена (DAAD), которая является крупнейшей организацией в ФРГ по содействию международным проектам в области высшего образования. Она осуществляет как краткосрочные программы обмена преподавателей, так и многолетние программы поощрительных стипендий. Среди приоритетных направлений деятельности DAAD выделяются проекты по поддержке изучения германистики и немецкого языка за рубежом, в том числе в форме партнерства между институтами, организации командировок преподавателей немецкого языка, поддержке и модернизации основных и дополнительных учебных курсов. Другой важнейшей частью деятельности DAAD в области российско-германской кооперации, финансируемой за счет средств федерального бюджета, является повышение квалификации российских руководящих кадров и кадрового резерва в сфере науки

и техники, которые призваны способствовать интенсификации сотрудничества между Россией и Германией в области науки и техники. В целом при поддержке DAAD ежегодно около 3800 студентов, аспирантов и ученых из России проходят учебные и научные стажировки в Германии и около 1500 немцев приезжают на учебу или работу в российские вузы[1].

Наряду с традиционной научно-технической кооперацией в последние годы все большее значение и удельный вес приобретает российско-немецкое инновационно-технологическое сотрудничество, одной из основных задач которого является содействие инновационным процессам в России, что в первую очередь предполагает мобилизацию существующих потенциалов в научно-исследовательской сфере и по возможности достижение в этом направлении синергетических эффектов.

В России уже началось формирование рыночной инфраструктуры, способной производить современные инновационные продукты и технологии. В настоящее время в ней уже функционируют сотни бизнес-инкубаторов, научных и технологических фабрик и инновационно-технологических центров. Активно создается сеть консалтинговых и инженерных компаний, разворачивается производство микро- и оптоэлектроники, программных продуктов, изделий научного приборостроения и т. д. Появились первые научно-образовательные комплексы, есть примеры реальной интеграции академической, вузовской и отраслевой науки, развивается сеть венчурных комплексов, ориентированных на сферу высоких технологий, создается сеть информационно-телекоммуникационных услуг для научной деятельности. Но интенсивность использования этого потенциала в России по-прежнему еще далека от желаемой.

В то же время Германия не только накопила эффективный опыт по использованию имеющегося инновационно-технологического потенциала, но и создала достаточно действенный государственно-рыночный инструментарий по его развитию. Так, например, Федеральное министерство экономики и Федеральное министерство образования и исследований разработали и достаточно успешно реализуют многочисленные программы и инициативы по инновационной поддержке высших учебных заведений, научно-исследовательских структур, малых и средних фирм. При этом оба министерства позиционируют себя именно в качестве их партнеров, стремящихся помочь им в достижении общих целей, а не в качестве громоздкого бюрократического механиз-

[1] www.daad.ru.

ма. К относительно новым инициативам немецкого государства в этой области, представляющим интерес и для России, можно отнести такие программы, как:

- создание сети профессиональных патентных агентств, которые должны содействовать внутрифирменным инновационным процессам, прежде всего на малых предприятий и только что созданных фирмах;
- создание сети региональных инновационных центров (InnoRegio-Programm);
- содействие созданию инновационных фирм выпускниками высших учебных заведений (EXIST-Existenzgruender aus Hochschulen);
- содействие развитию прикладных инновационных исследований в специализированных высших учебных заведениях.

Набор хорошо зарекомендовавшего себя инструментария по государственной поддержке инновационной деятельности достаточно широк и включает самые разные механизмы, вплоть до программ по оказанию помощи в финансировании рискового капитала, которые осуществляют Kreditanstalt für Wiederaufbau и Deutsche Ausgleichsbank[1].

Немалые резервы лежат в области прямых кооперационных связей немецких исследовательских центров и компаний с соответствующими российскими фирмами. Этому способствует двусторонняя и многосторонняя кооперация на уровне конкретных научно-исследовательских проектов, в том числе ориентированных на коммерциализацию полученных результатов и на прямую связь исследовательских центров с предприятиями и рыночными структурами. Эффективно реализуются проекты в области лазеров и лазерной техники, биологических исследованиях и в биотехнологии, в таких областях, как морские и полярные исследования, информация и документация, водные ресурсы и защита окружающей среды, т. е. главным образом в тех сферах, которые имеют двусторонние рамочные соглашения, упомянутые выше. Существенные потенциалы для российско-немецкой кооперации заложены в сфере информационных и коммуникационных технологий и географических наук. Важно, чтобы в рамках совместных инициатив особое внимание уделялось такому фактору, как установка правильного баланса между различными этапами инновационного цикла «идея — технология — производство продукции, имеющей платежеспособный рыночный спрос, — занятие определенной ниши рынка — финансирование новых идей».

---

[1] Более подробно см. главу о содействии инновационному обновлению экономики.

Содействие развитию инновационным процессам в российско-немецкой научно-технологической кооперации и стимулирование ее перевода на уровень конкретных проектов способствует более полный учет и согласование обеими сторонами приоритетных направлений в двусторонней научно-технической кооперации и инновационно-технологичном сотрудничестве с приоритетными направлениями развития науки и техники в России[1]. По многим параметрам они совпадают, и в этой сфере есть хорошие возможности получения дополнительных взаимовыгодных эффектов от дальнейшей координации совместных действий. Среди прочего все более широко используются существующие в обеих странах электронные банки. Хорошим примером в этом отношении является совместный проект по созданию немецко-российского научного интернет-портала (DRW Deutsch-Russisches Wissenschaftsportal), который открыт для свободного доступа и позволяет получать следующую комплексную информацию на русском, немецком и английском языках:

- общая характеристика научно-исследовательской структуры и среды в Германии и России;
- состояние текущих научно-исследовательских проектов;
- партнеры по кооперации;
- мероприятия в научной сфере;
- программы содействия российско-немецкому сотрудничеству.

Портал содержит достаточно подробную информацию о различных институциональных структурах, в том числе об университетах, высших учебных заведениях, исследовательских центрах, обществах, и исчерпывающе информирует о различных программах, мероприятиях и возможностях участия в них[2]. За непосредственную поддержку интернет-портала и его оформление отвечает Научный центр Восток–Запад при Кассельском университете (Ost-West-Wissenschaftszentrum (OWWZ) der Universitaet Kassel) и Московский государственный университет имени Ломоносова.

---

[1] Для России важны следующие направления в инновационной сфере:
— информационно-телекоммуникационные технологии и электроника;
— космические и авиационные технологии;
— новые материалы и химические технологии;
— новые транспортные технологии;
— перспективные вооружения, военная и специальная техника, производственные технологии;
— технологии живых систем;
— экология и рациональное природопользование;
— энергосберегающие технологии.

[2] www.uni-kassel.de/hrz/db4/extern/it_db/portal/basic/. См. также: www.deutsch-russische-partnerschaft.de.

Российские и немецкие малые и средние фирмы все более активно вовлекаются в сферу реализации двусторонних научно-исследовательских проектов. Этому способствует их поддержка со стороны обоих государств, в первую очередь Германии. Благоприятные условия для российско-германского обмена технологиями созданы в рамках программы PRO INNO[1]. Среди 62 стран-партнеров Россия занимает первое место по данной программе, насчитывая 112 немецко-российских технологических проектов, получающих финансовую поддержку.

В декабре 2007 г. ФРГ и РФ подписали меморандум о необходимости развития сотрудничества в области прикладных промышленных исследований и кооперации российских и немецких инновационных малых и средних предприятий. Тем самым впервые были созданы предпосылки для целенаправленного инициирования двусторонней кооперации в области промышленных НИОКР. С российской стороны основным партнером стал некоммерческий Российский фонд поддержки малых инновационных предприятий, а с немецкой — Германский авиакосмический центр (Das Deutsche Zentrum für Luft- und Raumfahrt) и Международное бюро ФМОНИ.

В течение последних лет активно развивается сотрудничество в сфере обучения, повышения квалификации, тренинга и консультирования российских экспертов и специалистов по инновационному менеджменту. Речь идет о передаче немецкой стороной навыков и знаний как конкретным экспертам, так и руководителям компаний из России в области управления инновациями и технологиями. Так, в рамках немецкого вклада в Президентскую программу подготовки управленческих кадров для предприятий народного хозяйства РФ формируются специализированные группы российских стажеров-управленцев из компаний, ориентированных на развитие и внедрение инноваций и современных технологий, для прохождения стажировок в ФРГ. Менеджеры и руководители проектов из российских региональных научно-исследовательских структур и компаний в течение четырех недель проходят обучение и стажировку в Германии. Они получают необходимые умения и навыки для развития инновационных структур, создания концепций для конкретных инновационных проектов и их последующей реализации, а также для поиска партнеров для таких проектов. Такой подход особо важен, так как российская сторона нуждается не только в финансовой поддержке проектов,

[1] Немецкая государственная программа PRO INNO предусматривает усиление инновационного потенциала немецкого миттельштанда за счет содействия его научно-исследовательским кооперационным проектам (подробнее см.: www.bmwi.de).

но и в создании методологии и в возникновении команд исполнителей, способных далее самостоятельно организовать и вести инновационные проекты.

Особую выгоду для обеих сторон представляет научно-техническая кооперация в авиационно-космической отрасли. Для Германии сотрудничество с Россией в данной сфере является стратегически выгодным, так как дает ей определенные преимущества в весьма жесткой международной конкурентной борьбе. Показательно, что представители Немецкого аэрокосмического центра высоко оценивают возможности доступа к российскому опыту, а также выгодные финансовые условия кооперации, в том числе и такой «актив», как существенно более низкие, чем в западных странах, издержки производства. Не менее заинтересована в стратегическом партнерстве и Россия. С одной стороны, российская авиакосмическая промышленность обладает очевидным научно-техническим, а в ряде вопросов и технологическим превосходством. С другой стороны, для этой отрасли характерны такие явления, как: процесс постепенного старения имеющихся отечественных фундаментальных разработок и ноу-хау; общая структурная отсталость и разобщенность входящих в нее компаний; определенные сложности с получением доступа к мировым финансовым рынкам и привлечением капиталов. Эти факторы препятствуют вхождению на германский авиакосмический рынок и освоению на нем достойных ниш, а также не способствуют эффективной конкурентной борьбе с западными конкурентами в борьбе за внутренний российский рынок.

Стратегические корпоративные интересы немецких компаний, и прежде всего такой конкурентоспособной структуры, как германо-французская ЕАДС, нередко вступают в противоречие с декларируемыми целями налаживания «равноправного» сотрудничества с российскими партнерами. Отечественные эксперты указывают, в частности, на отсутствие комплексного видения немецкой стороной путей совместного решения существующих в российском межотраслевом комплексе проблем как с точки зрения его места в российской промышленности, так и в системе европейских и мирохозяйственных связей в целом. В первую очередь это касается российского авиапрома. Например, ЕАДС достаточно эффективно использует инструменты политического, финансового, технологического и нетарифного давления (например, ограничения по стандартам и сертификации российской авиатехники) для ограничения возможностей широкомасштабной научной и технической кооперации в этой сфере с Россией. В определенной мере этому дополнительно способствует не все-

гда ясное видение российскими специалистами и экспертами стратегии и тактики переговоров и достижения разумных компромиссов.

Хорошим примером является кооперация с немецкой фирмой Kayser-Threde, которая с 1988 г. принимает активное участие во многих различных исследовательских проектах на возвращаемых космических аппаратах, орбитальной станции «Мир» и российском сегменте Международной космической станции (МКС). Развивается интенсивное сотрудничество по различным проектам на МКС с РКК «Энергия» имени С.П. Королева, в том числе в рамках совместного российско-германского предприятия «Энергия-Германия». Кроме этого проводятся эксперименты по исследованию плазменных кристаллов (совместно с Институтом теплофизики экстремальных состояний (ИТЭС ОИВТ РАН, Москва) и Институтом внеземной физики имени Макса Планка (МПЕ, Гархинг). Kayser-Threde на протяжении многих лет успешно сотрудничает с Московским конструкторским бюро общего машиностроения (КБОМ имени В.П. Бармина), а также участвует в программе космических аппаратов ФОТОН по проведению научных экспериментов в условиях невесомости. К 2008 г. на девяти непилотируемых возвращаемых аппаратах серии ФОТОН были проведены совместные российско-германские эксперименты по выращиванию полупроводниковых кристаллов по заказу национальных космических организаций и Европейского космического агентства (ЕКА)[1].

В настоящее время появляется все больше хороших возможностей для качественного расширения научно-технического сотрудничества в сфере высоких технологий, причем не только в космосе и авиастроении, но и в информатике, биотехнологии, генной инженерии. При этом надо и далее продолжать обсуждение на уровне экспертов оптимальных механизмов кооперации в этой сфере. Также необходимо проанализировать возможности для совместной коммерциализации российских научных разработок (их выведение на рынок с использованием западных методов менеджмента и немецких инвесторов), и более активно включать российские научные коллективы и специалистов в международное разделение труда на условиях «аутсорсинга» (например, поручение им выполнения конкретных заказов немецких высокотехнологичных компаний). Одновременно кооперация в этой сфере и налаживание с партнерами взаимовыгодных отношений должна ориентироваться и на совместное развитие и коммерческое использование немецкого научно-технического потенциала.

---

[1] http://www.helmholtz.ru/doc/index/nauka2008.pdf.

Несмотря на многие трудности, с которыми двусторонняя хозяйственная кооперация столкнулась в 90-е годы прошлого века, ФРГ не только осталась важнейшим внешнеэкономическим партнером России, но и существенно укрепила свои позиции в последние годы. Тем не менее состояние двусторонних экономических связей пока не соответствует заложенному в них потенциалу. Практически во всех основных сферах российско-германской кооперации есть значительные резервы, которые предстоит задействовать в последующем. Решение этой задачи лежит в сфере интересов не только Германии и России, но и всего евразийского континента.

Раздел V. Культурно-цивилизационные аспекты

Глава 17. Особенности германского культурно-цивилизационного ландшафта

17.1. Историческое наследие

Как и любая другая органическая часть великой европейской культуры, ее немецкая составляющая формировалась на христианской основе с существенными вкраплениями дохристианских верований и сказаний племен, из которых впоследствии сложилась германская нация. Отличительной чертой культуры Германии нового времени стало повышенное внимание образованных слоев общества к преданиям и фольклору дохристианского периода, которое нарастало по мере того, как религиозное миросозерцание сдавало свои позиции. По ряду исторических причин в раннем германском фольклоре преобладали трагические темы и тона безысходности. Поэтому столь убедительно блестящее определение сути немецкой культуры, данное А.А. Блоком, который говорил о «сумрачном германском гении».

Немецкие националисты всех мастей и оттенков охотно прибегали к древнегерманской символике в ее исходной субстанции и более поздних трансформациях, чтобы подчеркнуть неординарность немцев, утвердить их право на особое положение в Европе. Рихард Вагнер с его потрясающей по размаху эпопеей «Кольцо Нибелунга» был долгое время знаменем германских правых, требовавших от каждого нем-

ца до конца сохранять «нибелунгскую верность» своим правителям. Название одного из наиболее реакционных объединений Веймарской и Боннской республик, союза фронтовиков Первой мировой войны «Киффхойзербунд», связано со средневековой сагой о кайзере Фридрихе Рыжебородом (Барбароссе), по которой он до поры до времени спит в одной из пещер в Киффхойзерских горах (между Гарцом и Тюрингским лесом), но проснется в момент наибольшей опасности для рейха, чтобы защитить его.

Как о типичном явлении рассказывал Генрих Гейне в гениальной поэме «Германия... Зимняя сказка» (1844) о своей старушке-кормилице, которая пела ему в детстве песни о нереальной, призрачной, погруженной в грезы Германии подсознательных страстей, фантастических предчувствий и демонических легенд. В послесловии антифашиста Эрнста Фишера к послевоенному переизданию этой поэмы подчеркивалась удивительная актуальность для XX столетия нарисованной поэтом картины духовной жизни немцев к середине XIX в. Фишер писал: «Сверкавшие временами зарницы революции не стали освободительной грозой в горних высотах [немецкой] философии. Философией среднего немца был и остался расплывчатый мистицизм. [...] Этот затхлый мистицизм нашел для себя особо питательную почву во внеисторическом нагромождении мелких [германских] государств. В стесненных жизненных условиях, при тягостном отсутствии происшествий фантазия немцев не могла отталкиваться от крупных событий, личностей и перспектив, но лишь от локальных сенсаций и легенд далекого прошлого. Другие народы жили реальной политической историей, в Германии же место истории заняли сказания, мифы, предания. Внеисторическое и внеполитическое сознание среднего немца считало великим немецким временем Средневековье, “Священную римскую империю” Карла Великого и Гогенштауфенов, упоительное предчувствие забытой мощи, потускневшего блеска, имперского величия. Все это было безмерно, сумбурно и неопределенно. Для других народов нация была ясным политическим понятием, для немцев — мистическим представлением, гигантской, безбрежно растекающейся призрачной грезой. Другие народы защищали прочно основанное государство, немцы мечтали о “рейхе”, простирающемся в туманно неопределенных границах наподобие империй Каролингов и Гогенштауфенов — “везде, где звучит немецкая речь и в небе поет свои песни Господь”. И немецкая речь звучала, в зависимости от потребности, под Ригой и Варшавой, под Прагой и Будапештом, под Страсбургом и Верденом. А где-то в государевой пещере ждет момента выступления старый германский кайзер, в магическом сне до-

жидается своего часа никогда не умиравшее прошлое, чтобы, бряцая оружием, начать поход за воскрешения "рейха" — империи с ее панцирями и рыцарями, с ее крестовыми походами на Запад, на Юг и Восток, против славянских народов»[1].

Культ языческого прошлого сыграл роль «идеологического оружия» в милитаризации германского общества на протяжении последней трети XIX в. Комментируя свой тезис о «прерывистости» проявления человеческой природы «как в отдельных лицах, так и в целых народах», В.О. Ключевский писал в 1904 г.: «В конце XVIII и в начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет спустя после появления Вертера и только одно поколение от Йены[2] этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружье все народы континентальной Европы»[3]. Тот факт, что подавляющее большинство немцев так и не признало вины Германии за развязывание Первой мировой войны, а Версаль восприняло как вопиющую несправедливость по отношению к ним, мог лишь подкрепить культ «железа и крови», которому германское общество в целом стало поклоняться после основания Второго рейха в 1871 г. Бисмарковское объединение Германии породило мощную волну национализма, который не исчез после неудачной попытки кайзера Вильгельма II добиться передела мира.

Свой вклад в разрушение традиционных понятий о добре и зле внесли «золотые» 20-е годы, которые кое-кем сейчас рассматриваются как период культурного расцвета Германии. Однако в этот период самое широкое распространение получили антидемократические и антиреспубликанские взгляды, представленные модными философами, историками и социологами. Неопозитивизм, ницшеанство, феноменология, иные иррационалистические направления германской философии отрицали существование каких-либо «вечных законов» развития общества и подрывали основы гуманизма предыдущих эпох. Коммерциализация культурной жизни, появление «индустрии развлечений», бульварная пресса и тривиальная литература, немое, а затем и звуковое кино, с 1923 г. радио — все это служило тотальной

---

[1] Heinrich Heine, Deutschland... Ein Wintermärchen. Mit einem Nachwort von Ernst Fischer, Berlin, 1946. S. 98–99.

[2] В ходе «двойного» сражения под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г. Наполеон наголову разгромил прусскую армию.

[3] *Ключевский В.О.* Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1987. Т. I: Курс русской истории, часть I. С. 38.

обработке населения в нигилистическом духе, подготавливая его тем самым к подчинению во имя спасения нации «сильной воле ниспосланного судьбой вождя». Антикоммунизм официальных властей, подавление ими антимилитаристского и антифашистского искусства действовали в том же направлении. Исподволь начиналась американизация образа мышления немцев, усиливавшая и без того характерную для них склонность к мессианству.

Настраивая немцев на новую войну и пытаясь нейтрализовать все еще сохранявшееся в донацистской Германии влияние церкви (хотя верховные иерархи обеих церквей — католической и протестантской — присягнули на верность Гитлеру, практикующие верующие по-прежнему не внушали ему доверия), германский фашизм воспевал дохристианское наследие древних германцев. Культ германских воинских доблестей, базировавшийся прежде всего на предании о князе херусков Германе, одержавшем в 9 году н. э. победу над римскими легионами в Тевтобургском лесу, процветал уже во времена Второго рейха. После 1933 г. поклонение вождям воинственных германских племен, благоговение перед древнегерманскими сагами и более ранними нордическими мифами с их бесконечными битвами и войнами, официально провозглашенная генеалогия современных немцев, утверждавшая их происхождение от вечно воевавших первоначальных обитателей Скандинавии, господствовали во всех сферах культурной жизни нацистской Германии.

Легенда о «Германе-херуске» продолжает жить и в наши дни. Летом 2009 г. в окрестностях Детмольда, где в лесу на 26-метровом цоколе стоит гигантская статуя «освободителя германцев» в крылатом шлеме и с поднятым мечом (она была открыта в 1875 г. в присутствии кайзера Вильгельма II), состоялись празднества по случаю 2000-летия битвы. В порядке подготовке к ним по рекам ФРГ курсировала точная копия римской галеры с командой из «римских легионеров», на прилавках книжных магазинов было выложено бесчисленное количество книг по этой тематике, в театрах можно было слушать оперу Генделя и смотреть представление пьесы Кляйста о битве в Тевтобургском лесу, современные театральные авторы откликнулись на злобу дня постановкой «Побей Германа», из музейных запасников были извлечены сотни посвященных событию 2000-летней давности произведений изобразительного искусства, в трех городах открылись специальные выставки, часть экспонатов которых была доставлена из Нью-Йорка. Никого не волновало, что, по данным исследователей, реальную историческую фигуру звали не Герман, у него не было крылатого шлема и битва состоялась совсем не в том месте, где стоит памятник. Как вы-

ясняется, имя победителя было Арминий (Германом его назвал через полторы тысячи лет Мартин Лютер). Он возглавлял вспомогательный отряд германского племени херусков, состоявший на службе у Рима, и использовал свое служебное положение, чтобы заманить римские легионы в ловушку трудно преодолимой болотистой местности, где их колонна червяком растянулась на многие километры: в сражении в открытом поле германские ополченцы не имели бы никаких шансов против регулярной римской армии. Куратор выставки в Детмольде Эльке Тройде говорила: «Фигура [Германа] использовалась в качестве инструмента практически в каждом столетии. К ней прибегали в те моменты, когда дело заходило о единстве немцев. Так было в годы Веймарской республики, в период Третьего рейха и даже в ГДР»[1].

Рассказывая о приемах психологической обработки масс, применявшихся гитлеровцами, современный германский историк Хаген Шульце констатирует: «Соборный купол, возникавший из света, брошенного ввысь лучами десятков прожекторов противовоздушной обороны, — этот символ больше, чем какой-либо другой, подходил для выражения двойственного характера обращения национал-социалистов к чувствам: последние достижения техники в паре с глубочайшим архаизмом. Такой контраст стал типичен для самоощущения Третьего рейха: с одной стороны, автобаны, серебристые эмблемы “мерседеса”, народный радиоприемник, народный автомобиль “фольксваген”, первый в мире дизельный самолет, а с другой — германские мифы, рыцарские замки и праздники солнцеворота. Самая современная техника и заклинание смерти срослись воедино»[2]. «Фюрер» присутствовал на открытии ежегодных фестивалей произведений Вагнера в баварском Байройте. Мистическая Валгалла, куда верховный скандинавский бог Один призывает павших с честью воинов, исполняла роль символа вечного блаженства для всех нынешних и будущих солдат фатерланда, идущих на смерть за него. Графической аббревиатуре обозначения формирований СС, которые рассматривались как становой хребет общества грядущих хозяев мира, был вполне закономерно придан характер знаков рунической письменности.

Творчество подлинных титанов германской культуры донацистского периода — Томаса и Генриха Маннов, Арнольда Цвейга, Эриха-Марии Ремарка, Курта Тухольского — оставалось практически неизвестным широкой публике на родине. Еще меньше знали в Германии тех, кто связал свою жизнь с активным антифашизмом, — Бертольда

---

[1] Uta Bangert, Hermann Superstar, “Mobil”. 2009. Nr. 04.

[2] Шульце Хаген. Краткая история Германии. М., 2004. С. 176–177.

Брехта, Анну Зегерс, Фридриха Вольфа, Людвига Ренна, Иоганнеса Р. Бехера.

Разгром гитлеровской Германии и последовавшая за ним денацификация привели к серьезной ломке культурного ландшафта во всех четырех зонах германской территории, оккупированной победителями. В ходе этой ломки дохристианские корни немецкой культуры и связанные с ними традиции оказались на первых порах как бы обрубленными. Был предан анафеме и вычеркнут из святцев целый пласт национального самосознания немцев, причем тот пласт, который образовывал цоколь всей культурной пирамиды. Национальная идентичность немцев оказалась деформированной. Вместе с грязной водой из ванны очень часто выплескивали и ребенка. Образовавшиеся пустоты победители, а затем назначенные ими новые германские власти попытались заполнить заимствованиями из США на Западе и из СССР на Востоке Германии. По некоторым параметрам полученный результат внешне производил удовлетворительное впечатление. Однако в Западной Германии в ряде случаев оказалась поставленной под вопрос цивилизационная идентичность немцев. В Восточной Германии дело внешне обстояло более благополучно.

Антисоветской и русофобской пропагандой периода холодной войны был почти полностью вытеснен из сознания тот факт, что советские оккупационные власти чрезвычайно бережно отнеслись к традиционной немецкой культуре и ее представителям. Сохранилась докладная записка американского «офицера по культуре» в Западном Берлине от 18 июля 1945 г., посвященная описанию культурной политики военных властей советской зоны оккупации (СЗО). В основе этой политики, по оценке автора записки, лежало «почти фанатическое почитание искусства и деятелей искусства в сочетании с уверенностью, что занятия искусством позитивны сами по себе и во времена неопределенности и страданий являются неотложной потребностью для людей». Далее в записке говорилось следующее: «Очевидно, что для русского руководства восстановление культурной жизни [в СЗО] было первоочередной задачей не только потому, что оно нуждалось в успокаивающем влиянии на население, но и потому, что оно твердо убеждено в необходимости культурной жизни для человечества, какими бы тяжелыми ни были времена. В соответствии с этим русские сразу же после своего вступления в Берлин собрали директоров театров, артистов, рабочих сцены и потребовали, чтобы театры в течение нескольких дней открыли свои двери для публики. Они разыскали также нескольких дирижеров, которым поручили собрать музыкантов и начать давать концерты. Следует сказать, что в момент вступления рус-

ских в Берлин в городе и по всей Германии не было театральной и музыкальной жизни уже на протяжении приблизительно девяти месяцев, поскольку нацисты в сентябре прошлого года приказали закрыть все театры и т. д. Нужно признать, что с учетом этих обстоятельств, а также обстановки общего хаоса и разрушений открытие нескольких театров и первый концерт всего неделю спустя после падения города может считаться крупным достижением. Характерным для русской политики под лозунгом "Спектакль должен продолжаться!" является то, что она не отличается слишком критическим отношением к привлекаемым ею персонам. В то время как в отделе прессы [американской администрации] складывается впечатление, что работающие под русским контролем в этой сфере немцы "подвергаются очень жесткой перепроверке", этого нельзя сказать в отношении деятелей искусства. Напротив, кажется, что русские готовы многое забыть, если речь идет о деятелях искусства. Представляется, что эти последние рассматриваются как люди особого рода, не подлежащие привлечению к ответственности. Это не означает, что они [русские] воздерживаются от "чистки" среди деятелей культуры. Кое-кто арестован, кому-то не будет разрешено выступать. Однако в общем и целом деятелям культуры адресован призыв выйти из своих укрытий и снова начать работать. Некоторым из них очень скоро после капитуляции довелось приветствовать в зрительном зале русских офицеров высшего ранга»[1].

Выводы американского офицера заслуживают внимания прежде всего потому, что они принадлежат человеку, у которого не было оснований приукрашать положение в СЗО. Они подтверждаются сухой статистикой, характеризующей ход восстановления нормальной жизни в Берлине под руководством первого военного коменданта города генерал-полковника Н.Э. Берзарина (он командовал штурмовавшей Берлин 5-й ударной армией, был назначен 24 апреля 1945 г. начальником берлинского гарнизона, а после окончания боев в городе 2 мая стал комендантом германской столицы). В разрушенном до основания городе ему пришлось заниматься сразу всем — восстанавливать городскую инфраструктуру, налаживать медицинское обслуживание населения, снабжение людей водой, газом и электричеством, обеспечивать поставки в город продовольствия и предметов первой необходимости, заботиться о спасении деятелей культуры.

Вот результаты его работы за май и июнь 1945 г.: 4 мая вновь заработало берлинское радио; 13 мая были восстановлены первые авто-

---

[1] См.: Christoph Kleßmann. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, 1991. S. 438–439.

бусные линии; в тот же день состоялся первый концерт Берлинского камерного оркестра; 14 мая введены в действие первые линии метро; 15 мая стало днем выхода в свет первой берлинской газеты — органа советских оккупационных властей Tägliche Rundschau. На следующий день в городе открылись первые 30 кинотеатров; 19 мая начал работать первый демократический магистрат Берлина во главе с беспартийным Артуром Вернером. В тот же день начала формироваться берлинская полиция; 20 мая состоялся первый послевоенный футбольный матч; 21 мая стала выпускаться первая немецкая газета Berliner Zeitung; 26 мая состоялся первый концерт Берлинской филармонии; на следующий день — первое театральное представление в театре Renaissance; 30 мая стало переломным моментом в обеспечении города электричеством: в 11 из 21 берлинских районов оно стало подаваться на постоянной основе; 1 июня возобновились занятия в берлинских школах; 7 июня Берзарин отдал приказ увеличить выпечку хлеба для населения на 50%, что было вызвано быстрым возвращением людей, покинувших город перед штурмом; 10 июня открылся Deutsches Theater на Шуман-штрассе; 15 июня образован центральный комитет берлинского отделения социал-демократической партии Германии; в этот же день состоялось первое представление Берлинского оперного театра; 18 июня открыла свои двери Берлинская высшая школа изобразительных искусств[1]. В городе не было допущено возникновения эпидемий, его население возросло за месяц с одного миллиона при окончании боев до трех миллионов в момент выдачи новых продуктовых карточек, интенсивность культурной жизни города достигла столичного уровня.

В воспоминаниях видного советского дипломата В.С. Семенова, который был в начальный период оккупации Германии политическим советником главноначальствующего советской военной администрации в Германии (СВАГ) с широкими полномочиями, рассказывается о том, как он воспрепятствовал аресту молодого немецкого дирижера Герберта фон Караяна. Сотрудники органов госбезопасности ссылались на то, что Караян был любимцем Гитлера, Геббельса и Геринга. Семенов ответил им: «Да, Караян был бриллиантом в короне гитлеровского рейха. Но если мы его оставим в покое и позволим ему передвигаться, как он захочет, он может засверкать бриллиантом в короне антифашистской демократической Германии и даже, может быть, Советского Союза». Действительно, Караян стал впоследствии одним из

---

[1] Цит. по: *Присс Лутц, Берзарин Николай Э.* Берлинские диспуты: симпатии объединяются на его стороне. М., 2004. С. 19.

великих дирижеров мира. Другой упомянутый Семеновым эпизод касался требования нескольких советских генералов снести колонну победы в Тиргартене, воздвигнутую в свое время пруссаками после разгрома Франции в 1870–1871 гг. Генералы считали ее символом германского милитаризма. Семенов заявил: «Исторические памятники народов живут своей собственной жизнью. Если их не трогать, они будут стоять в веках. Стоит нам разрушить какой-либо памятник, во всех книгах по истории, во всех учебниках будет говориться, что это сделали русские. Дело идет о судьбе народа, здесь нужна осторожность. Вспомните, как было воспринято то, что немцы разрушили памятники Льву Толстому, Петру Чайковскому и другим»[1]. Колонна победы стоит в Берлине и сегодня. Не вызывает сомнения, что подобное бережное отношение советских оккупационных властей к германскому культурному наследию и германской истории оказало определяющее влияние на культурную политику немецких властей сначала СЗО, а затем и ГДР.

17.2. Американизация и русофобия

В Западной Германии операция по пересаживанию американской культуры на первый взгляд прошла успешно (помогло завидное богатство «донора», удачная реализация «плана Маршалла», информационно-психологическое акцентирование роли США как глобального защитника от «угрозы с Востока» и т. д.), но и здесь были затронуты лишь поверхностные слои сознания массы населения. Постоянные жалобы нынешних немецких политиков на растущий антиамериканизм в Германии на бытовом уровне, в первую очередь среди молодежи, является одним из показателей конечного краха импортированного из США культурного субститута. Уже вскоре после окончания жесткой фазы оккупации в Германии стали множиться голоса, утверждающие, что в цивилизационном плане немцы относятся к европейской, а не американской ветви западной культуры. Одно время эти голоса заглушались громогласным провозглашением концепции «атлантической цивилизации» как перекрывающей все остальные культурологические понятия. Однако довольно скоро практически ни у кого в Германии не осталось сомнений, что атлантизм является всего лишь прикрытием для безраздельного господства США, которое

[1] Wladimir S. Semjonow, Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995. S. 229–230.

далеко не всегда идет немцам на пользу и имеет весьма слабое отношение к их культуре.

В начале XXI в. в ФРГ началось движение к открытому высвобождению из чуждых культурно-цивилизационных пут. В апреле 2004 г. большая группа интеллигенции, ученых и деятелей культуры из «старых» земель ФРГ выступила с «Дуйсбургской декларацией», в которой содержалось требование пересмотра сложившихся в трансатлантических рамках взаимоотношений. Декларация начиналась с констатации: «Американская мечта оказалась сильно подмоченной. Для многих [европейцев] она уже превратилась в кошмар высокомерия, моральной лживости и неприкрытой политики силы». Подчеркивая, что отдаление США и Евросоюза друг от друга не решает проблемы, авторы декларации настаивали в то же время на необходимости изменить американское поведение на международной арене ради сохранения атлантической солидарности.

Под впечатлением войны США в Ираке было выдвинуто требование придать политике США, а также международным отношениям в целом правовой характер, что означало бы отказ от двойных стандартов. «Для всех, независимо от расы, религии, мощи или культуры, должны действовать одинаковые правила», — говорилось в тексте декларации. В этом процессе возвращения к нормам международного права на Евросоюз возлагалась функция инициатора, чтобы «вместе с остальными добиваться многостороннего ограничения [свободы действий] всех мощных игроков — самого себя, России, Китая, а также США». Последний момент уточнялся следующим образом: «Европа должна стать невоенным противовесом США — противовесом, выступающим за мир и за стабильное развитие экономики и общества». В заключительной части декларации говорилось: «Эпоха трансатлантической романтики и восторгов окончательно завершилась. Европейско-американские отношения должны быть перестроены. Клятвы в верности проамериканизму или антиамериканизму должны уступить место новому определению характера наших отношений, главным в котором являются наши интересы — собственные, общие и глобальные, а также политические и моральные ценности, сущность которых должна быть очищена от риторической профанации»[1]. «Дуйсбургская декларация» отразила серьезные сдвиги в настроениях германского общества, особенно той его части, которая до недавнего времени служила опорой американского влияния.

Одним из неожиданных для официальных властей следствий объединения Германии стало нарастание среди немцев протеста против

---

[1] См.: “Frankfurter Rundschau”, 16. April 2004.

подрыва традиционных моральных устоев германского общества пришедшим из США культом насилия, заполонившим телевидение и печатную продукцию, господством голливудской продукции на киноэкранах, засильем американизированного «постмодернизма» в изобразительном искусстве. Российская исследовательница И.С. Роганова констатирует в этой связи нарастание в объединенной Германии остроты дискуссий «о роли и месте литературы ГДР в современной ситуации, о перспективах дальнейшего развития». «Некоторые западногерманские критики, — продолжает она, — говорили об идеологическом уклоне восточногерманской литературы, а в СМИ прослеживалась тенденция к расформированию вместе с ГДР и ее духовного наследия, литературы, особого менталитета. Восточногерманские критики выступили в защиту литературы ГДР, против попыток умалить ее значение»[1].

Однако попытки возродить национальное искусство затрудняются тем обстоятельством, что традиции в этой области в значительной степени утрачены. К тому же государственная поддержка национального искусства осложнена, поскольку культура по-прежнему остается главным образом в ведении земель. Здесь она является объектом провинциальной политической борьбы, и поэтому неизбежны неэффективность и разнобой. Попытка скорректировать положение путем создания федерального органа культурной политики пока не дала ощутимых результатов. Кое-какие проблески проявились лишь в области кино, где есть возможность опереться на достижения кинематографистов ГДР (примером может служить получивший международное признание фильм «Good bye Lenin», вышедший на экраны в 2002 г.). Но именно в кинематографии особенно сильна опасность проявлений национализма и переписывания истории, поскольку недовольство американским засильем в культурной сфере часто используется крайне правыми силами в своих целях.

Ситуация свидетельствует о серьезной болезни современного германского общества. Именно неблагополучие в национальной культуре, т. е. в области цивилизационной самоидентификации немцев, является, наряду с регрессом в социальной области, фактором возрождения влияния крайне правых. В программных документах набирающей силу НПД (партии «социал-революционного национализма», как она себя определяет) выдвигаются требования защиты «традиционных культурных и хозяйственных структур», устранения

---

[1] *Роганова И.С.* Немецкая литература: прошлое и настоящее // Современная Европа. 2007. № 1 (29), январь-март. С. 99.

любой формы «чужеземного засилья», восстановления германского рейха как национального государства немцев. НПД обещает немцам, что осуществление «национальной демократии» принесет им «защищенность в рамках народного сообщества от ледяной стужи конкурентного общества ФРГ»[1]. Ведомство по охране конституции ФРГ бьет тревогу: численность праворадикальных партий быстро растет[2].

Демагогия крайне правых особенно успешна в новых землях ФРГ, где им удалось на земельных выборах осени 2004 г. провести своих депутатов в саксонский парламент. Они сумели сделать традицией массовый «марш молчания» в ноябре на самом большом в Германии немецком солдатском кладбище в бранденбургском Хальбе (23 000 могил солдат вермахта и ополченцев фольксштурма) под лозунгом «Помнить о героях». Они пытаются придать традиционный характер сборищам 8 мая у Бранденбургских ворот в Берлине в поддержку требования «Покончить с ложью о войне» (неонацисты отрицают вину Германии за развязывание обеих мировых войн и факт совершения немцами военных преступлений).

В конце 2004 г. в Бранденбурге состоялся первый судебный процесс над правоэкстремистскими террористами: объединение неонацистов под названием «добровольческий корпус» (сознательное копирование наименования германских вооруженных формирований, воевавших против Красной Армии в Прибалтике в 1918–1919 гг.) собиралось «очистить» территорию земли от иностранцев и организовывало с этой целью поджоги вьетнамских и турецких забегаловок[3]. В феврале 2005 г. много шума наделал многотысячный «марш молчания» правых экстремистов в Дрездене в память о жертвах состоявшейся 60 лет назад бомбардировки города англо-американской авиацией.

Одним из самых серьезных признаков нравственного нездоровья германского общества является распространение в нем русофобских настроений. Веками у немцев складывался двойственный взгляд на Россию. Большие расстояния, суровый климат и непривычный уклад жизни создавали экзотический образ далекой страны, который быстро обрастал россказнями и небылицами, но никогда не был откровенно враждебным. Богатые земли на восточной окраине континента и их гостеприимное население притягивали немецких купцов, а потом и ремесленников, которые делали свой бизнес и в ряде случаев оставались жить на Руси. Попытка немецких рыцарских орденов за-

---

[1] См.: “Die Welt”, 9. Oktober 2004.

[2] См.: “Die Welt”, 23. November 2004.

[3] См.: “Der Tagesspiegel”, 24. November 2004.

ставить Северную Русь отказаться от православия и перейти в католичество провалилась, оставшись неприятным эпизодом во взаимоотношениях немцев и русских, отличавшихся в целом позитивным характером. Участие Новгорода в могущественной Ганзе, наличие большой Немецкой слободы в Москве еще в допетровские времена (там жили не только немцы, но само название слободы отражало факт их преобладания), немецкие названия заводов и фабрик, составлявших значительную часть российской промышленности накануне Первой мировой войны, — таковы отдельные, взятые наугад свидетельства тесных экономических и бытовых связей, уходящих корнями в многовековую совместную историю немцев и русских.

Закрепленный Петром I выход России на европейскую политическую арену сделал почти естественным союзные отношения между нею и германскими государствами — они хорошо дополняли друг друга, и делить им было нечего. Когда же немецкие правители пренебрегали здравым смыслом и ссорились с Россией, как это случилось, например, с Пруссией во время Семилетней войны (1756–1763), дело кончалось для виновников ссоры, как правило, катастрофически. Приблизительно до середины XIX в., даже еще до первого объединения Германии в 1871 г., взаимоотношения немцев и русских можно было считать в принципе добрососедскими. Все это время особых сомнений в европейской принадлежности России у немцев не возникало. Выступая в Москве в июне 1998 г. на симпозиуме, посвященном взаимоотношениям между Россией и остальной Европой, графиня Марион Дёнхофф, издатель влиятельного немецкого еженедельника Die Zeit, признавала: «Включая первую половину XIX в., она [Европа] была единым духовным пространством и общепризнанным мировым центром. Те, кто занимался творчеством и жил духовной жизнью, хорошо знали общее культурное наследие, читали одни и те же книги и философские труды. Восток Европы, прежде всего Петербург и Краков, принадлежал, естественно, к этому культурному пространству»[1].

Между тем после победы над Наполеоном, которую немцы по непонятной причине целиком приписали себе, в Германии стал набирать силу гипертрофированный национализм. Помноженный на высокомерное отношение к славянам, истоки которого следует искать в антиславянской политике Австро-Венгрии и чванстве сохранивших в Российской империи все свои привилегии прибалтийских баронов, он привел в последней четверти XIX в. к тому, что в широких кругах

[1] Россия и Европа. Кто мы? Симпозиум об отношениях между Россией и Европейским Союзом. М., 1998. С. 19.

германского общества возникла атмосфера пренебрежения к русским, недооценки их потенций, в ряде случаев презрительного отношения к ним как «людям второго сорта». Материальной основой подобной моральной дегенерации стали разрабатывавшиеся в различных вариантах планы захвата русских земель и насильственного переселения проживающего там населения в Сибирь. В подкрепление этих противоречивших всем канонам цивилизации замыслов получила распространение версия об азиатской природе русских, которым-де «нечего делать в Европе». Недружелюбие по отношению к России закреплялось в пропагандистском плане искусственно раздуваемыми страхами перед опасностями, которые могут грозить с Востока германскому рейху, занятому установлением своей гегемонии на европейском континенте.

Совокупность этих моментов предопределила допущенный рейхом непростительный стратегический просчет, каким стало объявление 1 августа 1914 г. войны России и как следствие ведение военных действий на два фронта. Мало кто из серьезных исследователей сомневается в том, что именно это обстоятельство обусловило проигрыш Германией Первой мировой войны. Пропаганда военного времени довела настроения немцев до русофобской истерии, эффект которой сохранился и после 11 ноября 1918 г., когда Германия признала свое поражение. Подписанный в Бресте чуть раньше, 3 марта 1918 г., сепаратный мирный договор между большевистским правительством России и германским рейхом был истолкован в Германии как бесспорное доказательство «превосходства» немцев над русскими. Рейх отнюдь не гнушался поддерживать отношения с руководством большевиков, пока это было выгодно, но Октябрьская революция 1917 г. расценивалась теоретиками германского национализма в целом как торжество в России «азиатского начала».

Известный немецкий писатель Герман Гессе (он знаком нашей читающей публике прежде всего как автор интеллектуального романа «Игра в бисер») опубликовал в 1919 г. эссе, озаглавленное «Братья Карамазовы, или Крушение Европы». Отталкиваясь от одного из наиболее философских произведений Ф.М. Достоевского, Гессе запугивал немцев грядущей опасностью превращения «цивилизованного человека в Карамазова, европейца в русского». Гессе утверждал, что «русский человек, Карамазов, является одновременно убийцей и судьей, мужланом и нежнейшей душой, самым законченным эгоистом и героем, способным на совершеннейшее самопожертвование». Цитируя кайзера Вильгельма, призывавшего народы Европы защитить свои «святые ценности» от надвигающихся с Востока опасностей, писатель

полностью соглашался с ним: «Опасности, которые он чувствовал, действительно существовали и с каждым днем приближались. Он боялся Карамазовых. Он с полным основанием боялся, что Восток заразит Европу, что охваченный головокружением усталый европейский дух вернется к азиатской прематери». Гессе характеризовал «карамазовский элемент» как «нечто азиатское, хаотичное, дикое, опасное, аморальное». Он соглашался с теми, кто представлял себе крушение Европы как «потрясающую, сопровождаемую громом и молниями катастрофу либо в виде революций с резней и насилием, либо в виде победы преступности, коррупции, грабежа, убийств и всех остальных грехов. Все это возможно, все это заложено в Карамазове. Никто никогда не знает, что он сделает в следующее мгновение. Может быть, убьет. Может быть провозгласит трогательную хвалу Господу[1]. Однако последнее предположение автоматически сбрасывалось со счетов как маловероятное, и оставалась только грозящая Европе с Востока непредсказуемость, жестокость, безжалостность.

Публицистический опус Гессе как нельзя лучше иллюстрирует феномен, отмеченный российским исследователем В.Р. Мединским: западноевропейцы «уверенно интерпретируют наше поведение, исходя из нашей литературы. И подкрепляют этот уже политический миф мнениями российской интеллигенции — она же сама все это написала!». При этом «нам не приходит в голову говорить что-то типа: вот британцы так же душевно скупы, так же жестки и скучны, так же лишены воображения, как Сомс. А что?! Сам же Голсуорси написал». Вывод: «Образы Обломова, Акакия Акакиевича, Раскольникова могли иметь единичные аналоги в реальной жизни России, но народ и страна не имеют к этим образам никакого отношения»[2].

1917 год стал определенным рубежом во взаимоотношениях немцев и русских. Отныне стало возможно придавать примитивному русофобству возвышенный характер антисоветизма, рядить расовую и национальную ненависть в одежды идейной борьбы с коммунизмом. Однако везде, где это только получалось, акцент по-прежнему ставился на российском «азиатстве». Общим местом стал тезис о том, что в результате Октябрьской революции Россия «сама ушла из Европы». Для уже цитировавшейся графини Марион Дёнхофф не было со-

---

[1] Hermann Hesse, Die Brüder Karamasoff oder Der Untergang Europas. Einfalle bei der Lektüre Dostojewskis, in: Paul Michael Lützeler. (Hrgb.) Hoffnung Europa. Deutsche Essays von Novalis bis Enzensberger. Frankfurt/Main, 1994. S. 246–250.

[2] *Мединский Владимир.* О русском пьянстве, лени и жестокости. Мифы о России. М., 2008. С. 214.

мнений в том, что «когда произошла Октябрьская революция 1917 г., началось постепенное отделение России от европейской семьи»[1].

Предвыборные плакаты 20-х годов изображали готовящегося наброситься на Германию большевика с ножом в зубах и с азиатскими чертами лица. В принципе такие же плакаты распространялись и в период национал-социализма, только черты лица большевистского злодея приобрели еще и семитский характер. В качестве вклада в теорию «несовместимости» Европы и России нацизм добавил доктрину превращения Германии в неуязвимую для внешнего воздействия крепость путем завоевания «жизненного пространства» за счет России (что отвечало-де интересам «всей Европы»). В речи Геббельса, которая сопровождала нападение Германии на СССР в 1941 г., подчеркивалось: «Они [большевики] как раз собирались нанести удар в сердце Европы. [...] Приказ фюрера германскому вермахту о выступлении в ночь на 22 июня был историческим свершением. [...] Выполняющие этот приказ солдаты являются на деле спасителями европейской культуры и цивилизации»[2]. На протяжении всей войны нацизм пропагандировал свою «европейскую миссию». В 1943 г. Берлин провозгласил создание «Европейского экономического сообщества» под своим водительством, а в войсках СС на Восточном фронте имелись «национальные» формирования из нескольких стран Европы. Все эти стойкие тенденции деформации массового сознания населения Германии отражали на практике весьма четкие симптомы шизофренического недуга. Они сказываются на отношении немцев к русским и сегодня. Видоизменилась только теория «жизненного пространства» для Германии на Востоке, которое отныне мыслится в основном в экономических категориях.

Для потерпевших тотальное поражение во Второй мировой войне немцев развал антигитлеровской коалиции и последовавшая за ним холодная война, сопровождавшаяся расколом Германии, стали неожиданной удачей, палочкой-выручалочкой, благодаря которой последствия катастрофы оказались сведенными к минимуму. Прежде всего это относилось к западной, более крупной части Германии, которая уже через 10 лет после окончания военных действий превратилась в зажиточного, респектабельного и равноправного участника западных союзов, нацеленных против СССР. Естественно, за это благополучие пришлось заплатить. Ценой стал не только раскол страны, но и поддержание у большинства западных немцев безусловной вражды к русским,

---

[1] Россия и Европа. Кто мы? Симпозиум об отношениях между Россией и Европейским союзом. М., 1998. С. 21.

[2] Цит. по: Gerhard Kade, Die Russen und wir. Köln, 1983. S. 89.

которые воспринимались в качестве «захватчиков» и «агрессоров». Существенной составной частью такого основанного на главных направлениях пропаганды донацистского и нацистского периодов морального климата продолжал оставаться тезис о том, что Россия — это «не-Европа». В его развитие было сформулировано положение, что граница Европы лишь временно проходит по западным рубежам социалистического лагеря и задачей «свободной части» мира, в том числе ФРГ, является перенести эту границу как можно дальше на Восток, «загнав» Россию обратно в Азию («доктрина отбрасывания»).

Справедливости ради надо сказать, что «доктрина отбрасывания» родилась не в Западной Германии, а в США и ее адептами были не столько немцы, сколько эмигранты из Восточной Европы, которые, по точному выражению Талейрана, «ничего не забыли и ничему не научились». Самыми яростными сторонниками требования установить восточные рубежи Европы по западной границе СССР были выходцы из Польши, добивавшиеся к тому же «отбрасывания» за российскую границу не 1945-го, а 1920 г. или даже XVII в., да сбежавшие прибалты, всегда симпатизировавшие Гитлеру. (Поляки охотно прописали бы в Азии и немцев, если бы это хоть как-нибудь позволяла география.) Напротив, среди ответственных западногерманских политиков было распространено убеждение, что с русскими придется договариваться. Связанные по рукам и по ногам натовской дисциплиной, немцы ФРГ твердо придерживались установки о «потенциальном противнике», однако понимали, что если когда-нибудь удастся преодолеть раскол Германии, то это может произойти только с согласия России. Предложенная в 1970 г. Вилли Брандтом формула: ФРГ намерена «содействовать установлению такого состояния мира и свободы Европы, которое позволит также немецкому народу на основе свободного самоопределения достичь своего единства»[1], встретила поддержку со стороны влиятельных политических сил страны и не была отвергнута политическим руководством Советского Союза.

Наиболее последовательно эту точку зрения разделяли руководящие круги немецких социал-демократов, которые в теоретическом плане подкрепляли ее поддержкой тезиса о принадлежности России к Европе. Да и как, находясь в трезвом уме и твердой памяти, можно было отрицать эту принадлежность, когда треть Германии входила в возглавляемое СССР социалистическое содружество стран Европы, а на немецкой земле в географическом центре континента была дисло-

[1] Walter Momper, Grenzfall. Berlin im Brennpunkt deutscher Geschichte. München, 1991. S. 163.

цирована полумиллионная Группа советских войск в Германии? Согласие рассматривать СССР как европейское государство объяснялось также надеждой на то, что в этом качестве он должен был бы быть более восприимчивым к призывам западных немцев как своих европейских партнеров предоставить восточным немцам «свободу выбора».

Тогдашний канцлер ФРГ Гельмут Шмидт (СДПГ) заявил в 1978 году в речи по случаю визита Л.И. Брежнева в Бонн: «В музыке — от Чайковского до Шостаковича, — в балете, в изобразительном искусстве, также в спорте — везде ощущается взаимное обогащение. Если рассматривать творческие достижения Европы, то трудно определить, какую долю в них внесла восточная, а какую — западная часть нашего континента. Культура и цивилизация Европы составляют единое целое. Они в равной степени принадлежат нам всем». Во время визита советского лидера в ФРГ в 1981 г. Шмидт подчеркивал: «После 1945 года нам, европейцам, удалось сохранять мир в Европе дольше, чем это когда-либо было ранее в нынешнем столетии. Наш общий долг состоит в содействии тому, чтобы наши народы не только смогли жить в мире друг с другом в течение остающихся 18 лет нынешнего столетия, но и заложили основу для мирного сотрудничества в следующем веке»[1]. Кстати, именно в ходе визита 1981 г. Брежнев обнародовал формулу «общего европейского дома», которая встретила поддержку со стороны тогдашнего руководства ФРГ и сыграла существенную роль в формировании партнерских отношений между Западной Германией и СССР[2].

17.3. В объединенной Германии

Рост влияния неонацистов на территории бывшей ГДР однозначно доказывает относительно малую эффективность имевших место в прошлом стараний привить населению республики советскую культуру,

---

[1] Цит. по: Gerhard Kade, Die Russen und wir. Köln, 1983. S. 42, 77–78.

[2] После дезинтеграции СССР позиция Шмидта изменилась. Теперь он называл Россию «очень крупным европейско-азиатским соседним государством», которое лишь в области культуры оставалось «частью великой мозаики Европы». Польша, а не Россия стала для него «почти таким же важным соседом», как Франция. Оказалось, что «будущий мир на Востоке Европы ненадежен» и для защиты от распространения «конфликтов с Востока нашего континента и с Балканского полуострова на Центральную и Западную Европу» по-прежнему требуется «американская подстраховка», а «славянофильские наклонности у некоторых наших писателей и деятелей искусства или у части северогерманского, а ранее восточногерманского дворянства и широко распространенная у нас тоска по миру и гармонии не должны превратить нас в фанатиков мира» (*Шмидт Гельмут.* На благо Германии. М., 1995. С. 8–9, 223–226).

которая, несмотря ни на какую идеологическую вивисекцию, оставалась все же в своей основе национальной и потому непригодной для перенесения на другие состоявшиеся нации. В то же время нельзя не видеть, что руководству ГДР удалось в основном избежать тех разрушительных последствий в культурной области, какие возникли в Западной Германии. Восточногерманская республика, постоянно демонстрируя политическую лояльность по отношению к СССР, оказалась достаточно дальновидной, чтобы сразу после смягчения диктата оккупационных властей отказаться от паушального разгрома национальных обычаев и традиций предшествующих эпох. Блюстители чистоты марксистской догматики в ГДР не препятствовали своей творческой интеллигенции нарушать практически во всех областях культурной жизни мертвящие каноны «социалистического реализма» при условии политической благонадежности по отношению к режиму (о применении бульдозеров против художественных выставок по методу «старшего брата» и речи быть не могло). В итоге живопись, скульптура, литература, сценическое искусство развивались в ГДР под сильным влиянием «левацких» формалистических поисков 20-х и начала 30-х годов, которые в СССР находились не то чтобы под запретом, но на обочине развития. Деятели культуры ГДР сумели в какой-то степени приморить формализм довоенного периода, который носил в целом антикапиталистический характер, с запросами общества, формировавшегося в условиях острых противоречий реального социализма.

Такая ситуация привела к несколько неожиданным результатам в плане выполнения задачи искоренения предпосылок националистических настроений среди населения (кстати, неудача ГДР в этой сфере соответствует краху советского интернационализма в начале 90-х годов). Возможно, что западногерманская критика развития ГДР не так уж безосновательно утверждает, что марксистский подход к определению виновных в разжигании крайнего национализма в довоенной Германии и в нацистских преступлениях и не мог дать иных результатов. Один из самых глубоких аналитиков периода нацизма западногерманский писатель Уве Тимм отмечает: «...Западной части [Германии] пришлось иметь дело с тезисом о коллективной вине [немцев], что с точки зрения демократических принципов было только последовательным. В конце концов избиратели проголосовали за Гитлера. В восточной части различие между совратителями и совращенными приводилось в соответствие с механистической близорукостью, согласно которой совратителями были капиталисты, а совращенными рабочие. Таким образом, проблема вины превращалась в классовую проблему, определяемую экономическими интересами.

В итоге авторитарное мышление и тип поведения, свойственный государствам, где все определяется начальством, оставались незатронутыми и даже перенимались социалистическим обществом как позитивные прусские добродетели. В экономических отношениях произошла революция — впрочем, пришла она извне, через Красную Армию, из Советского Союза. Однако экономический переворот не сопровождался культурной революцией, т. е. бунтом против образа жизни ставшего виновным поколения отцов»[1].

Впрочем, массовый бунт против традиционного образа жизни предшествующих поколений немцев не состоялся и в Западной Германии, хотя западногерманская американизация создавала иллюзию культурного разрыва с прошлым. Студенческие волнения 60-х годов XX в. не достигли такой степени накала и размаха, как в соседней Франции, а из поколения «шестидесятников» вышли совершенно нормальные бюргеры, как, например, Йошка Фишер, дослужившийся до поста министра иностранных дел ФРГ и никак не отличавшийся на этом посту «чрезмерно прогрессивными» убеждениями. Тот же самый Тимм говорит о Западной Германии: «Глядя из сегодняшнего дня, трудно постичь, как в послевоенное время, уже зная о проводившихся систематических убийствах — истреблении! — евреев, немцы удосужились вести широкую, серьезную дискуссию о том, как все-таки можно было выиграть войну». И далее: «О войне повествовали и журналы, и солдатские тетрадки, грошовые брошюры с рассказами о приключениях на войне. Тон был такой же, как и на встречах ветеранов дивизии СС “Мертвая голова”[2]. [...] Военные приключения, вермахт как туристская фирма, как предвосхищение более позднего туризма зажиточного периода!»[3].

Что же касается ГДР, то она действительно постепенно воскрешала традиционные германские (прусские) добродетели и ценности. Практическое сохранение в Национальной народной армии ГДР униформы рейхсвера (в то время как бундесвер был с самого начала одет в американское обмундирование), восстановление памятника «старому Фрицу» (Фридриху Великому) на Унтер-ден-Линден, установка отреставрированной в Западном Берлине квадриги на Бранденбургских воротах были лишь оптически различимыми признаками более глубоких процессов. В 80-е годы СЕПГ официально провозгласила

---

[1] Uwe Timm, Am Beispiel meines Bruders. Köln, 2003. S. 71.

[2] Традиционный перевод немецкого названия этой дивизии СС Totenkopf гласит «мертвая голова», хотя, по существу, его русским эквивалентом является «череп».

[3] Uwe Timm, Am Beispiel meines Bruders. Köln, 2003. S. 99, 100.

строительство «социализма в цветах ГДР», хотя черно-красно-золотой флаг ГДР был абсолютно идентичен триколору Веймарской и Боннской республик (разница состояла лишь в том, что в центре флага восточногерманской республики располагался государственный герб ГДР — молоток и циркуль в венке из колосьев). Государство не только «терпело» независимость по-прежнему влиятельной церкви (в условиях ГДР это была прежде всего протестантская церковь), но и рассматривало ее как участника внутриполитического диалога.

Результаты такой политики не были однозначными. Ни творческая интеллигенция, ни официальное церковное руководство ГДР не шли на прямую конфронтацию с режимом, но это не означало вообще отсутствия диссидентства, представители которого усиленно подкармливались из ФРГ. Объединяющим весьма разношерстную оппозицию моментом стали осуждение монополии Социалистической единой партии Германии на власть в государстве и протест против непроницаемости границы с ФРГ. Наличие в ГДР четырех политических партий, кроме СЕПГ, не послужило амортизатором роста недовольства среди населения, поскольку все они были поставлены под жесткий контроль в рамках «демократического блока» во главе с правящей партией, а первая статья принятой в 1974 г. редакции конституции республики зафиксировала «руководящую роль» СЕПГ. Протест против ущемления демократии и деформации основ реального социализма концентрировался в околоцерковной среде. Однако участники протестного движения избегали противопоставлять себя ГДР как таковой. Восточногерманский диссидент Штефан Волле отмечал позже: «В 80-е годы оппозиционные группировки никогда не выдвигали требования о ликвидации ГДР. До поздней осени 1989 г. они рассматривали национальный вопрос в чисто исторической перспективе. По их мнению, было бы безответственным ставить под вопрос глобальную стабильность, опирающуюся на дуализм сверхдержав. Господствующее настроение во внутренних дискуссиях сводилось тогда к следующему: сначала нужно добиться свободы и демократии в ГДР, а затем уж можно будет в один прекрасный день обсудить отношения с Федеративной Республикой»[1]. Это высказывание не совсем точно. Даже после выборов в Народную палату 18 марта 1990 г. и прихода к власти коалиции во главе с ХДС (ГДР) новые политические элиты восточногерманской республики исходили из ее самостоятельного существования в течение довольно продолжительного переходного периода.

---

[1] Stefan Wolle, Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. Bonn, 1998. S. 85.

Начало открытого противостояния с системой было положено осенью 1989 г. в Лейпциге «демонстрациями по понедельникам», проходившими после богослужения в тамошней церкви Св. Николая. 9 октября 1989 г., когда на улицы Лейпцига впервые вышли 100 тыс. человек, считается «началом конца» ГДР. Но главный лозунг демонстрантов этого начального периода состоял все-таки в требовании демократических реформ: «Народ — это мы». Только после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г., не вызвавшего противодействия со стороны властей и, главное, Советского Союза, этот лозунг стал трансформироваться в национальный: «Мы — единый народ». Однако в политическое решение в пользу скорейшего присоединения в ФРГ этот лозунг превратился лишь летом 1990 г. под массированным давлением Бонна и при полной пассивности советской внешней политики.

Помимо экономического фактора (восточногерманское население обожествляло марку ФРГ и угрожало «уйти» к ней, «если она не придет» в ГДР) серьезную психологическую и отчасти цивилизационную роль в деле практически одномоментной ликвидации восточногерманского государства сыграло отсутствие отличного от «немцев ФРГ» укоренившегося в повседневной жизни наименования для «немцев ГДР». Уже цитировавшийся Штефан Волле ссылается на мнение Роберта Музиля о том, что Австро-Венгерская монархия распалась прежде всего потому, что у ее жителей не было общего имени: венгры оставались венграми, а не «австро-венграми», и австрийцы — австрийцами, а не «венгро-австрийцами». В случае с ГДР дело обстояло прямо противоположным образом — у жителей и в ГДР, и в ФРГ было одно общее имя: в обоих государствах жили немцы. Волле констатирует: «У жителей ГДР не было имени, и вопреки всем усилиям на Востоке и Западе даже ретроспективно не удалось найти для них подходящего названия. На первый взгляд наименование ‚гражданин ГДР' как будто подходило, но закон о гражданстве ГДР был принят только в 1967 г. [...] Хотя пробили себе дорогу сокращения типа: искусство ГДР, литература ГДР, продукция ГДР, писатели ГДР, марка ГДР, [в ФРГ] и дальше испытывали трудности с обозначением “граждане ГДР”, его охотно заменяли терминами “жители ГДР”, “обитатели ГДР” или “люди ГДР”»[1].

Отличные друг от друга краткие названия для восточных и западных немцев были в конце концов найдены: «осси» (от Osten, Восток) и «весси» (от Westen, Запад). Эта терминология сразу же получила са-

---

[1] Stefan Wolle, Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. Bonn, 1998. S. 84.

мое широкое распространение и используется до сих пор, хотя не носит официального характера. Понятия «осси» и «весси» родились в западноберлинской студенческой среде практически одновременно с началом системного кризиса ГДР и поэтому не успели оказать серьезного влияния на его течение. После объединения термин «осси» получил поначалу пренебрежительный оттенок, характеризующий граждан бывшей ГДР как людей отсталых, бестолковых, неприспособленных к новой жизни, но сейчас восточные немцы охотно и с гордостью называют себя так, чтобы подчеркнуть свою самобытность, свое отличие в лучшую сторону от западных немцев. На территории новых федеральных земель распространено явление «остальгии» (слово-гибрид от «ностальгии» и Osten, своего рода тоска по временам ГДР). Часто можно слышать полушуточное-полусерьезное высказывание: «Стену не ломать надо было, а сделать еще выше».

В определенном отношении ГДР вполне заслужила часто дававшееся ей западными немцами прозвище «малая Пруссия» или «осколок старой Германии». Американизированная и на этом основании считающая себя «передовой» интеллигенция Западной Германии всегда свысока смотрела на «культурно отсталую» ГДР. В то же время среди рядовых немцев ФРГ было широко распространено мнение, что надо познакомиться с ГДР, чтобы понять, что такое «настоящая Германия» (или, по крайней мере, какой «настоящая Германия» была совсем недавно). Кристоф Клессман, один из ведущих историков ФРГ, констатировал уже после объединения: «Какими бы радикальными ни были политические и экономические преобразования в СЗО/ГДР, они не означали совершенно нового начала. В некоторых отношениях ГДР до самого конца оставалась гораздо более традиционным и более “немецким” государством, чем Федеративная Республика, которая вместе с вновь приобретенной политической свободой импортировала “американский образ жизни” и тем самым в долгосрочном плане способствовала отчуждению друг от друга обеих частей [Германии]»[1].

Это наблюдение подтверждает и видный западноберлинский политик Вальтер Момпер (СДПГ): «Я охотно посещал ГДР, мне нравились страна и люди. Они вели свою жизнь в безрадостном окружении. Города и дома были серыми, отсутствовали современный характер и блеск Запада. С другой стороны, в ГДР не так сказывалось американское влияние, она не была столь подогнанной под западный стандарт, как ФРГ. Все производило гораздо более немецкое впечатление,

---

[1] Christoph Kleßmann, Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, 1991. S. 302.

было помельче масштабом и более временным, чем на Западе. Для меня поездки в ГДР всегда были также поездками в германскую историю. Центры городов и сел выглядели по большей части так, как это было до 1939 года; булыжные мостовые и аллеи не изменились. Деревни внешне не претерпели почти никаких изменений»[1].

Первое время после разъединения страны, признавая бесспорное лидерство западных немцев в экономической области, восточные немцы внутренне склонялись к тому, чтобы перенести такое же самоуничижительное восприятие реальностей и на сферу культуры. Однако уже в ходе кризиса 1989–1990 гг., когда германо-германские контакты стали бурно развиваться, наметился конфликт между узаконенной бездуховностью Запада и преимущественной ориентацией на духовные ценности Востока Германии. Возвращение к капитализму, который в Восточной Германии был вполне «диким», вновь выдвинуло на первый план общественно-критическую ноту межвоенного периода, которая отличала и традиции культуры ГДР.

После вхождения ГДР в состав ФРГ восточногерманское население отказывается американизироваться, хотя влияние протестантской церкви, сохранившей свою самобытность и взявшей на себя роль предводителя общественного протеста 1989–1990 гг., стало стремительно падать, повторяя развитие в западной части страны. Сейчас отличия в понимании сущности культуры и восприятии германской истории между объединившимися в 1990 г. частями Германии являются одним из наиболее значимых факторов, препятствующих созданию однородной культурно-цивилизационной среды на всей территории современной ФРГ. Периодически предпринимаемые попытки найти выход из сложившегося положения на путях провозглашения «отмирания» национальных культур и возникновения «единой европейской культуры» в рамках Европейского союза не дают положительных результатов, поскольку противоречат реальностям и тенденциям развития. Мир является свидетелем не только повсеместного укрепления давно оформившихся крупных наций, упорно сопротивляющихся любым попыткам нивелировки, но и обособления мелких национальных образований, о существовании которых вчера никто не подозревал. Кстати, в этом кроются также причины безуспешности попыток оживить теорию «атлантической цивилизации».

После 1945 г. немцы действительно стремились к максимальной интеграции вплоть до «растворения» в рамках соответствующих союзов не

---

[1] Walter Momper, Grenzfall. Berlin im Brennpunkt deutscher Geschichte. München, 1991. S. 151.

только по материальным соображениям, но и потому, что хотели сами забыть свое недавнее прошлое и заставить других забыть о нем. Но эти «другие», всячески приветствуя установление коллективного контроля над немцами, вовсе не горели и не горят желанием жертвовать своей национальной идентичностью. Особенно четко это прослеживается в области послевоенных франко-германских и англо-германских отношений, играющих определяющую роль в Западной Европе и задающих тон всему процессу европейской интеграции. Ни французы, ни англичане не готовы «слиться в межнациональном экстазе» с немцами, хотя довольно успешно строят вместе с ними Малую Европу.

Сегодня у решивших свою главную национальную проблему и тем самым развязавших себе руки для активного самоутверждения немцев нет веских причин приносить национальные интересы в жертву разным идеологическим химерам и умозрительным построениям. Отказ Берлина благословить американскую интервенцию в Ираке был бы немыслим в условиях раскола Германии. Политическому самоопределению отвечают и крепнущие тенденции к самостоятельности в культурной области. Отклонение большинством германского общества первоначального варианта реформы правописания немецкого языка служит косвенным показателем стремления «вернуться к истокам» в более широком контексте. Принятое в октябре 2004 г. решение премьер-министров земель все же осуществить эту реформу (хотя и с устранением наиболее нелепых нововведений), несомненно, усиливает кризисные явления в германской культуре. Ряд печатных органов общегосударственного значения сохраняет традиционную орфографию.

Нельзя не видеть, что устойчивость (сопротивляемость) современной немецкой цивилизации в условиях продолжающейся глобализации ослаблена по сравнению с другими крупными европейскими нациями, сталкивающимися со схожими проблемами. Факторы, вызывающие это ослабление, имеют внешний и внутренний характер. К однозначно внешним факторам относится та настороженность, с которой соседи Германии следят за всем происходящим в ней. Прошлое не забыто. Обе развязанные Германией мировые войны XX в. присутствуют в сознании европейцев и сегодня. Любые происходящие в ФРГ изменения в смыкающейся с идеологией сфере культуры немедленно привлекают к себе пристальное внимание, которое вряд ли можно квалифицировать как доброжелательное.

Склонность немцев к «самосостраданию» при воспоминании о Второй мировой войне (англо-американские бомбардировки германских городов, выселение немцев из сопредельных государств и с отошедших

от рейха территорий, тяготы первой фазы оккупационного периода и т. д.) вызывает однозначно негативную реакцию заграницы. Тот факт, что в насаждении подобных настроений в Германии участвуют деятели культуры масштаба Гюнтера Грасса, который выпустил прочувствованный роман о гибели торпедированной советской подлодкой в 1945 г. плавказармы «Вильгельм Густлов» (предполагаемое число погибших — 9 тыс. человек, что является наивысшим показателем за всю историю морских войн), только усиливает за пределами Германии критическое восприятие подобных проявлений массовой психологии немцев[1]. Созданный Союзом изгнанных ФРГ «Центр изгнанников» в Берлине преследует цель поведать миру о страданиях миллионов немецких переселенцев уже после окончания Второй мировой войны, но воспринимается в первую очередь как антипольская и античешская акция, поскольку условия выселения немцев из Силезии и Судет в послевоенные годы были действительно далеки от гуманных.

В связи с деятельностью Союза изгнанных, а также инициированным объединением немецких переселенцев «Прусская опека» планом добиться через судебные инстанции Европейского союза выплаты выселенным немцам компенсации за экспроприированное у них в 1945–1946 гг. имущество польский сейм практически единогласно принял рекомендацию правительству Польши выдвинуть требование о выплате Германией дополнительных репараций за ущерб, причиненный нападением рейха и многолетней немецкой оккупацией польской территории. (Официально вопрос о репарациях был снят правительством ПНР в 1953 г. совместно с правительством СССР.) В последнее время ФРГ удалось снять возражения, официально выдвигавшиеся Польшей и Чехией, однако это не означает, что там исчезли протестные настроения. Становится все более очевидным, что внешнее благополучие отношений Германии со своими (прежде всего восточными) соседями зиждется на довольно шатком фундаменте. До возникновения «общей евросоюзной» культуры, предполагающей по меньшей мере совместимое понимание истории Европы в XX в., остается еще необозримо долгий путь.

Есть и другие тревожные симптомы, свидетельствующие об определенной регенерации в ФРГ духа прежних времен. В сентябре 2004 г. фракция ХДС в бундестаге обратилась к правительству с парламент-

---

[1] В 2008 г. на экраны вышел фильм о гибели «Вильгельма Густлова», в котором акцент ставится на судьбе беженцев, находившихся на корабле.

На этой же линии лежит позднее признание Грасса в том, что в 1944 г. он добровольно вступил в ряды войск СС (Waffen-SS). См.: Stephan-Andreas Casdorf, Der Träne nicht wert, “Der Tagesspiegel”, 13.08.2006.

ским запросом, в котором шла речь об определении дальнейшей судьбы «Кёнигсбергской области», как депутаты ХДС именовали Калининградский эксклав. Текст запроса лишний раз подтверждал, что немцы вновь начинают проявлять склонность решать, как поступать с территориями, лежащими за пределами Германии. Там формулировались «соображения» относительно создания «литовско-российско-польского еврорегиона» в рамках бывшей Восточной Пруссии и наречения этого региона именем «Пруссия». Участие Литвы мотивировалось тем, что к ней присоединен Мемель (Клайпеда), входивший в свое время в состав восточнопрусской провинции. Было внесено предложение провести под покровительством Евросоюза конференцию с участием ФРГ, России, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, а также представителей Калининградской области (это название в тексте запроса закавычено) для обсуждения экономического будущего «Кёнигсбергской области» (здесь кавычек в тексте нет). Предлагалось задуматься над вопросом, в какой степени «чрезмерное военное использование» и «существующий таможенный режим» мешают области стать экономическим и туристским центром Восточной Европы. В целом запрос содержал 51 пункт. Получилась довольно четкая программа действий, конечной целью которых явно было вывести Калининград из-под юрисдикции России. Конечно, запрос оппозиции — это не правительственная платформа. Политика существующего с осени 2005 года правительства «большой коалиции», в которое ХДС не только входит, но и возглавляет, никак не отражает духа упомянутого парламентского запроса. Но было бы ошибкой недооценивать значение этого шага ХДС, подтвердившего, что в Германии есть мощные силы, способные при случае возобновить продолжавшуюся почти весь XX век смертельно опасную игру в пересмотр европейских границ. Существует опасность, что подобная игра может стать неотъемлемой чертой немецкого национального характера.

Почва для роста влияния правых сил удобряется и другими средствами. Параллельно с «самооплакиванием» в ФРГ проявилась тенденция «очеловечивать» нацистский период истории и верхушку Третьего рейха средствами телевидения и кино, которые, не в пример литературе, имеют своим объектом массового потребителя и располагают потенциалом серьезного воздействия на него. На германском телевидении, а также на «большом экране» такие попытки наблюдались и ранее, но тогда они предпринимались как бы «с черного хода», главным образом через показ опусов Голливуда и американской телевизионной продукции. В последнее время воссозданием «человеческой сущности» национал-социалистских главарей стали заниматься сами

немцы. Примером может служить представленный публике в сентябре 2004 г. фильм «Гибель» о последних днях Адольфа Гитлера в Берлине, осажденном Красной Армией. В фильме ни словом не упоминалось о чудовищных преступлениях против человечества, совершенных немцами по приказу «фюрера». Сам он представал не как чудовище, на руках которого кровь миллионов, не как массовый убийца-террорист, провозгласивший право «высшей расы» уничтожать другие народы, не как безумец, ввергнувший мир в катастрофу Второй мировой войны, а как «обыкновенный человек». Он, правда, топает ногами на своих генералов, которые никак не могут остановить наступающих русских, но одновременно успокаивает и гладит по головке секретаршу, допускающую опечатки. Под стать умилительной фигуре «фюрера» и другие персонажи фильма. Сцена самоубийства семьи Йозефа Геббельса в бункере, по которому советская артиллерия уже ведет огонь прямой наводкой, явно рассчитана на то, чтобы вызвать у зрителей слезы сочувствия. Не случайно фильм «Гибель» дал основание немецкому историку Норберту Фраю констатировать: «Так много Гитлера [в ФРГ] еще никогда не было»[1].

«Очеловечивание бесчеловечности» в одном ряду с пропагандистской кампанией в пользу немецких жертв военных действий, а также немцев, изгнанных в послевоенный период с отошедших от Германии территорий, имеют четко обозначенную идеологическую функцию. Речь явно идет о том, чтобы убедить себя и мир в том, что союзники по антигитлеровской коалиции допустили в ходе войны и послевоенного урегулирования несправедливости в отношении немцев, что они нарушили в Германии права человека и тем самым оказались, по сути, не лучше тех, кого победили. Ранее подобные обвинения немцы позволяли себе бросать только в адрес Советского Союза, теперь же иски предъявляются всем победителям (американцам пока, пожалуй, в наименьшей степени). Цель операции состоит в оспаривании прежде всего моральной обоснованности итогов Второй мировой войны. Кто был на самом деле агрессором, кто начал войну, кто нарушал все Божеские и людские законы на оккупированных вермахтом территориях — все это погружается в густой туман германского самосострадания, который становится чем дальше, тем гуще. «Все не без греха» — таково послание, адресованное современникам и призванное поставить под вопрос цивилизационные ценности, созданные решениями Потсдама и приговором Нюрнбергского трибунала.

---

[1] Norbert Frei, 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen. München, 2005. S. 7.

В этом же направлении действует и знак равенства между Гитлером и Сталиным (причем, как правило, в контексте: «Сталин был еще хуже, чем Гитлер»), а также назойливое отождествление нацистской диктатуры с режимом ГДР и поистине универсальное использование надуманной теории «тоталитаризма» на всех стадиях обучения и образования подрастающих поколений. В результате растет число немцев, которые недоумевают, почему окружающий мир с таким трудом откликается на призыв снисходительнее обращаться с ними и их историей. «Советский Союз, — рыдают они, — совершил гораздо больше злодеяний, чем гитлеровская Германия. Почему же мы, а не русские вечно стоим у позорного столба?» Причем в обоснование этого тезиса немцы охотно ссылаются на многочисленные проводимые на выделяемые ФРГ гранты изыскания российских ниспровергателей и обличителей.

Аналогичные причины лежат в основе терпимого отношения Германии к нарушениям прав человека в Прибалтийских странах и к предпринимаемым там попыткам глорифицировать формирования СС, а также поддержки идеи предъявления сумасбродных «исков» к России о возмещении якобы причиненного ущерба в период вхождения в состав СССР. Этим же объясняется восторженное содействие реализации дискриминационной идеи учредить международный суд по бывшей Югославии. После его учреждения стало возможным спокойно утверждать, что Нюрнбергский трибунал «устарел» и утратил свой уникальный характер в мировой истории. Отныне приобрели официальный статус ссылки на то, что военные преступники бывают не только в Германии. Все эти «внешние» факторы способствуют лабильности культурно-цивилизационного самовосприятия немцев. Германия все еще ищет свое место между прошлым и будущим.

17.4. Новый национальный вопрос

Дестабилизации стержня немецкой нации способствуют в не меньшей, если не в большей степени также «внутренние» факторы (часто примыкающие к «внешним»). Казалось бы, присоединение ГДР к ФРГ в октябре 1990 года радикально решило национальную проблему немцев, остававшихся расколотыми на протяжении 45-летнего периода после окончания Второй мировой войны. Однако, как показали возникшие во взаимоотношениях между восточными и западными немцами осложнения, формально-юридическое единство не означает автоматически культурного и цивилизационного единства даже среди тех, кто одинаково называет себя немцами. Между тем в Германии живут не только

немцы, хотя этот факт удивительно долго игнорировало общественное сознание страны. Сегодня нет оснований говорить об открытом национальном вопросе применительно к немцам, но возникающие именно в национальной сфере проблемы на иной лад, но достаточно остро затрагивают основы существования немецкой нации.

Исторически Германия складывалась в основном как моноэтническое государство немцев, жестко ассимилирующее вкрапления иных этносов. Значительная польская прослойка, возникшая в Пруссии после включения в ее состав территорий собственно Польши в результате ее разделов, очень скоро онемечилась настолько, что трудно было сыскать более патриотически настроенной части населения Германии. Исключение из правила составляют этнические датчане в Шлезвиг-Гольштейне и сорбы (лужицкие сербы, остатки коренного славянского населения) в Саксонии и Бранденбурге, которые стремятся сохранить свою национальную идентичность. Если с датчанами все в порядке (они довольны условиями жизни и, в частности, располагают одним местом в ландтаге своей земли независимо от числа «датскоязычных» избирателей), то с сорбами, пользовавшимися особым вниманием со стороны властей ГДР, дело обстоит менее благополучно. В ФРГ проживают около 100 000 западных славян сорбской национальности, три четверти которых находится в Саксонии.

Объединение Германии привело к ухудшению положения сорбов. В марте 2008 г. в Берлине состоялась пресс-конференция председателя объединения лужицких сорбов «Домовина» Яна Нука, который заявил, что возникла реальная угроза существованию сорбского языка и сорбской культуры. Такая ситуация возникла вследствие сокращения бюджетного финансирования «Фонда сорбского народа», являющегося гарантом развития сорбов как национального меньшинства в местах их исконного проживания и сохранения их языка, образа жизни и традиций. Этот фонд был создан 19 октября 1991 г. на основании договора об объединении ГДР и ФРГ, параграф 35 которого обязывает объединенную Германию обеспечить условия для дальнейшего развития языка, традиций и культуры сорбов, сохранить культурную, историческую и духовную самостоятельность этого западнославянского народа. «Домовина» обратилась к общественности Германии и Европы, к парламентам и правительствам России, Польши, Чехии, Словении, Украины, Белоруссии с просьбой призвать германские власти гарантировать полноценное развитие сорбского народа. В «Меморандуме к вопросу о дальнейшем существовании лужицкого народа в ФРГ» подчеркивалось, что «лужицкие сербы (сорбы) имеют право на защиту и развитие своего национального самосознания»

и что серболужицкий литературный язык «находится под угрозой исчезновения».

Сорбская проблема является лишь одним из аспектов нового национального вопроса Германии, причем не самым главным. Ее значение выделяется лишь тем, что сорбы — не «пришлые люди», они всегда жили на своей земле в провинции Лаузитц (Лужице). Во второй половине XX в. изменилась ситуация с ассимиляцией «пришлых людей». Иностранцы перестали спешить растворяться в немецкой среде. По данным официальной статистики, на сегодняшний день число постоянно проживающих в ФРГ иностранцев достигло 7,5 млн человек и составляет приблизительно 10% (приезжие, уже получившие германское гражданство, при этом не учитываются)[1]. Главной причиной появления «инородного» меньшинства в Германии стал промышленный бум 60-х годов прошлого столетия. Тогда темпы экономического роста в ФРГ значительно опережали наличные трудовые резервы. Ввиду острой нехватки рабочих рук западногерманская экономика стала импортировать их из Турции. К тому же турецкие рабочие были значительно дешевле немецких. Исходили из того, что турки поработают, пока они нужны, а по миновании надобности вернутся на родину. Были даже разработаны программы поощрения репатриации путем финансирования трудоустройства репатриантов по месту постоянного проживания.

Однако даже с началом спада производства и ростом безработицы в ФРГ массового возвращения турок в Турцию не произошло. Более того, их общее число продолжает расти — за счет приезда членов семей и родственников из Турции, рождения многочисленных детей и внуков и т. д. Нужда в дешевых рабочих руках также не отпала, несмотря на безработицу, которая стала настоящим бичом для внутриполитической ситуации в ФРГ. Сейчас в Германии более 3 млн турок, считая уже получивших германское гражданство[2]. В немецких городах возникли целые кварталы, плотно заселенные выходцами из Тур-

---

[1] По некоторым оценкам численность населения Германии не превышает 80,9 млн человек (ранее считалось 82,2 млн). Это значит, что доля иностранцев в нем вплотную приблизилась к 10%.

[2] По данным социологического исследования, проведенного в 2008 г. гейдельбергским институтом «Синус социовижн», самую крупную группу среди иммигрантов составляют в данный момент выходцы из бывшего Советского Союза («русскоязычные») — 2,2 млн человек, или 21% от общего числа всех мигрантов; турки занимают второе место — 19%; затем следуют жители Южной Европы (Италии, Испании, Португалии, Греции) — 12%; поляки — 11%; представители бывшей Югославии — 10% (Известия. 11 января 2009).

ции, с лавками под турецкими вывесками, с толпой прохожих, говорящих только на турецком языке. Особенно характерен в этом отношении Берлин (точнее, Западный Берлин), который уже давно называют «вторым по величине турецким городом» (согласно официальной статистике здесь живут 170 тыс. турок и действуют более 70 мечетей). В берлинском районе Кройцберг, прилегающем к ныне снесенной Стене (и потому считавшемся когда-то «задворками» Западного Берлина), действительно теряется ощущение, что ты находишься в Германии, а не где-нибудь в Малой Азии. В Кройцберге и соседнем районе Веддинг есть школы, где 80% учащихся составляют дети иностранцев, среди которых доля турецких детей достигает 90%. Тенденция к преобладанию турецкого населения наблюдается также в берлинских районах Северный Нойкёлльн, Тиргартен, Шпандау, Шёнеберг.

С появлением в Германии обширной турецкой общины связано не только возникновение твердого ядра исламизма в прежде чисто христианской стране, но и проблема нежелания значительного количества турок адаптироваться к условиям страны пребывания. Если ранее для основной массы иммигрантов являлось правилом, что их третье, а то уже и второе поколение нельзя было отличить от немцев ни по языку, ни по манере поведения, ни вообще по образу жизни, то случаи ассимиляции турок в любом поколении приходится считать исключением. Трудности вызываются их нежеланием учить немецкий язык, требованиями преподавать ислам и турецкий язык в средней школе, настояниями на перестройке образования в «турецких» районах в исламистском духе. Дело дополнительно осложнилось наличием массы беженцев-мусульман из Боснии и Косово, значительная часть которых тяготеет к исламскому фанатизму.

Частично власти идут навстречу требованиям исламистов. В западногерманской земле Северный Рейн-Вестфалия с 1986 г. в 23 школах действует система, при которой для 240 тыс. детей из мусульманских семей два раза в неделю организовано преподавание Корана на турецком или арабском языке. В Берлине изучение ислама в школах введено с сентября 2001 г. Правда, подобная практика существует не во всех землях ФРГ. По этой причине многие из живущих в Германии турок отсылают своих детей в школы в Турции, чтобы их «не испортила» западная цивилизация. Постепенное «отуречивание» некоторых районов в городах страны вызывает протест немецкого населения, который пока не достиг критического уровня, но нарастает. Власти не могут не реагировать на этот протест. В результате предпринимаются шаги, в известной степени ограничивающие напор ислама. Напри-

мер, сейчас в большинстве земель ФРГ запрещено ношение исламских платков (хиджабов) для преподавательниц школ, а в Гессене с октября 2004 г. этот запрет действует для всех государственных служащих. Осложнения, возникающие во взаимоотношениях немцев и проживающих в ФРГ турков, отражаются на восприятии в Германии перспективы вступления Турции в Евросоюз. Позиция ХДС/ХСС, резко выступающих против приема Турции в ЕС, встречает широкий отклик среди населения ФРГ.

Правила Европейского союза, на территории которого в принципе гарантировано свободное перемещение людей и товаров, объективно содействуют увеличению численности проживающих в ФРГ иностранцев. Одной из самых трудных проблем приема в ЕС новых членов из числа стран Восточной Европы было предотвращение «чрезмерного» притока переселенцев из них. Решение этой проблемы было оттянуто на несколько лет путем установления временного моратория на переезд граждан новых членов ЕС в страны, уже входившие в него ранее. Но и с учетом такого урегулирования, на ревизии которого новые члены Евросоюза стали настаивать сразу же после своего вступления, специалисты предрекают, что в ближайшие 15 лет в ФРГ переселятся не менее 4—5 млн восточноевропейцев, не считая «челноков», живущих в соседних странах, но работающих в Восточной Германии (сейчас это 200 тыс. поляков и 50 тыс. чехов).

Показателем остроты складывающейся ситуации является принятое в декабре 2004 г. решение министров внутренних дел земель ФРГ ужесточить условия получения разрешения на въезд на постоянное жительство для евреев из стран бывшего Советского Союза, хотя все, что касается «еврейского вопроса», в принципе остается для немцев абсолютным табу. Упрощенный порядок получения германского гражданства для этой категории лиц был установлен премьер-министрами земель в январе 1991 г. со ссылкой на якобы царивший тогда в СССР антисемитизм. Утверждения о наличии антисемитизма в России до сих пор допускаются некоторыми безответственными германскими политиками, в частности бывшим управляющим делами фракции зеленых в бундестаге Фолькером Беком. К сожалению, подобные нелепости содержатся и в речах некоторых оппозиционных политиков в России, отнюдь не озабоченных соответствием их заявлений действительности.

Существовавший в Германии до начала 2005 г. режим приема еврейских иммигрантов предусматривал в качестве единственного условия въезда и проживания в ФРГ с получением всех существующих там социальных благ лишь принадлежность к еврейской национальности

или наличие, как минимум, одного родителя-еврея (эти данные должны были удостоверяться еврейской общиной страны происхождения иммигранта). За 14 лет в ФРГ переселились около 200 000 евреев из стран СНГ. Примерно 60% из них существуют за счет выплачиваемой государством социальной помощи и пособий по безработице. Цифры по Берлину еще более красноречивы: берлинская еврейская община насчитывает сейчас около 12 500 человек, из которых самое меньшее 8000 прибыли с постсоветского пространства; за счет пособий живут 80% членов общины. Прежде всего это последнее обстоятельство побудило испытывающие финансовые трудности местные власти ФРГ поставить вопрос о введении дополнительных требований к приезжающим евреям. Отныне они сами и члены их семей старше 12 лет должны знать немецкий язык и быть в состоянии доказать, что не будут претендовать на социальное пособие или пособие по безработице. Кроме того, должно быть представлено подтверждение о приеме в одну из существующих в ФРГ еврейских общин (только 80 000 евреев-иммигрантов с Востока состоят в еврейских общинах Германии). Предвидя возражения со стороны международных еврейских организаций, ФРГ перестраховалась и предварительно получила согласие Израиля, который поддержал немецкие планы ужесточения режима въезда, поскольку приток евреев в Германию стал обгонять темпы эмиграции из Восточной Европы в Израиль[1].

На общий психологически неблагоприятный для иммигрантов фон накладывается прибытие в Германию представителей азиатских и африканских народностей, многие из которых действительно бегут от политических или этнических преследований в своих странах, но в основной своей массе просто ищут лучших условий жизни. Наиболее резкую отрицательную реакцию эти люди вызывают на территории бывшей ГДР. Нет оснований доверять скоропалительным выводам некоторых демографов о том, что бывшие граждане восточногерманской республики в принципе более враждебны к иностранцам, чем остальное германское население. Однако правительство объединенной Германии допустило грубейшую психологическую ошибку, поспешив взвалить на новые земли, еще не успевшие встать на ноги и окрепнуть в экономическом и финансовом плане, равные со старыми землями квоты приема иностранцев из Африки и Азии, обратившихся за предоставлением политического убежища. Местные жители, зачастую оставшиеся без работы после ликвидации промышлен-

[1] Michael Wuttke, Deutschland: Diskussion um jüdische Zuwanderer, "Migration und Bevölkerung". Nr. 1, Februar 2005. S. 1.

ных предприятий в итоге проведенной после упразднения ГДР приватизации, видят в этих иностранцах либо нахлебников, либо конкурентов на рынке занятости. Более двух третей молодежи в «новых» землях (где процент иностранцев в сравнении со «старой» ФРГ сравнительно низок — 2,2%), считает, что «лодка переполнена» и больше никого пускать не нужно. В старых землях (10,4% иностранцев) молодежь настроена не так категорично, но и там большинство молодых людей высказываются за ограничение въезда «чужаков». В целом же, согласно опросам общественного мнения, 27% молодых немцев определенно не приемлют продолжения иммиграции.

Наличие почти десяти процентов ненемецкого меньшинства вызвало в Германии серьезную психологическую, экономическую и политическую напряженность, которая требует принятия решений. Бывший федеральный канцлер Гельмут Шмидт (СДПГ) констатировал наличие здесь проблемы предельно четко: «Исходя из идеалистических представлений, обусловленных опытом Третьего рейха, мы впустили в страну слишком много иностранцев». И далее: «Немцы не в состоянии ассимилировать все семь миллионов приезжих», более того, они и не хотят их ассимилировать, поскольку «внутренне настроены по большей части недружелюбно по отношению к чужакам». Не все так откровенны, как Шмидт, но все понимают, что нужно что-то делать и делать быстро. В ФРГ ширятся опасения, что наметившиеся в этой области тенденции приведут к тому, что «Германия перестанет быть немецкой». Их подпитывают статистические и демографические прогнозы, согласно которым, например, уже к 2020 г., даже при ограничении числа иммигрантов в соответствии с действующим с 1 января 2005 г. новым законом о порядке въезда[1], «ненемцы» соста-

[1] Этот долго обсуждавшийся закон предусматривает два вида документов, дающих право на проживание в ФРГ — ограниченное по времени «разрешение на пребывание» и неограниченное по времени «разрешение на поселение». Иностранцы из стран, не входящих в ЕС, могут получить «разрешение на поселение» только в том случае, если на рабочее место, на которое они претендуют, нет желающих из ФРГ или стран ЕС. Для высококвалифицированных иностранцев допускаются исключения. Для «поздних переселенцев» и членов их семей вводится требование достаточного владения немецким языком. Все не говорящие по-немецки иностранцы на территории ФРГ обязаны посещать языковые курсы, оплачиваемые государством. Земли получили право высылать «опасных иностранцев», против которых имеются обоснованные подозрения в связях с экстремистскими кругами. В законе не отражены требования ХДС/ХСС о введении квот на въезд иностранцев и ограничения возраста приезжающих к родителям-иностранцам детей 12 годами (сейчас этот возраст составляет 16, а в отдельных случаях 18 лет). Поскольку эти оппозиции поддерживаются большинством немецкого населения ФРГ, в дальнейшем следует ожидать дополнительного ужесточения положений закона.

вят 20% населения в Берлине, а в большинстве других крупных городов ФРГ их доля поднимется до 40%. На этом фоне довольно четко просматриваются контуры грозящего внутригерманского цивилизационного конфликта.

17.5. «Быть немцем»

Подобная ситуация приводит к тому, что в центр общественных дискуссий выдвигаются вопросы: «Что значит быть немцем?» и «Какой должна быть Германия?». Подчеркнуто позитивный отклик среди населения встретило выдвинутое из рядов христианских демократов требование о том, чтобы немецкий язык и немецкая культура были обязательны для всех, кто решил жить в ФРГ. В 2000 г. Фридрих Мерц, бывший тогда председателем фракции ХДС в бундестаге, сформулировал тезис о «ведущей [базовой] культуре», каковой для Германии должна быть, естественно, немецкая культура. Возражения со стороны зеленых и глобалистов, утверждающих, что время национальных культур прошло и будущее за мультикультурными обществами, не встречают понимания. Хотя впоследствии Мерц разругался с руководством партии и ушел в отставку со всех своих постов, высказанные им идеи и соображения стали твердой составной частью современного политического дискурса в Германии. Съезд ХДС, состоявшийся в январе 2009 г. и готовивший предстоящие в сентябре того же года выборы в бундестаг, без дискуссии и без голосов против проголосовал за предложение закрепить немецкий язык в качестве государственного в Основном законе ФРГ. Не вызывает сомнения, что это предложение, встреченное в штыки глобалистами, сыграет свою роль в деле привлечения голосов избирателей.

Немцы в своей массе не готовы отказаться от национальной идентичности. После убийства в конце 2004 г. голландского режиссера исламским фанатиком и беспорядками в трущобных кварталах французских городов осенью 2005 г. германские политики прямо заговорили о крахе проповедующейся глобалистами концепции «мульти-культи», т. е. «мирного сосуществования» на равных правах различных культур и цивилизаций в Европе. В средствах массовой информации ФРГ все чаще публикуются материалы, отражающие рост религиозного фанатизма у молодых мусульман, живущих в Германии. Активность исламских террористов в странах Евросоюза усиливает враждебное отношение массы германского населения к иммигрантам из мусульманских стран.

Большой успех имело требование тогдашнего лидера ХСС и премьер-министра Баварии Эдмунда Штойбера срочно принять меры по преодолению демографического кризиса в Германии путем поощрения увеличения числа детей в немецких семьях. Возможность успешного решения проблемы именно таким способом подтверждает опыт ГДР, которая обеспечила у себя повышение рождаемости благодаря развитой сети детских учреждений и продуманной системе материальной поддержки многодетных семей (выплата пособий начиналась уже с первого ребенка). Государственное финансирование яслей и детских садов включено в программу действий правительства «большой коалиции».

Повышенное внимание к национальной проблематике, которая сыграла роковую роль в период нацизма, сохраняется. Любые «отклонения от нормы» приводят к взрывам. В октябре-ноябре 2003 г. ФРГ потряс скандал, связанный с именем депутата бундестага от ХДС Мартина Хомана. Выступая с речью по случаю национального праздника Дня единства Германии, он провел некую параллель между злодеяниями нацистов и преступлениями «большевистского режима», в руководстве которого, особенно вначале, как подчеркнул он, преобладали лица еврейской национальности. «С некоторым основанием, — заявил он, — можно с учетом миллионов убитых в течение первой фазы революции [в России] поставить вопрос о виновности евреев» подобно тому, как после Второй мировой войны ставится вопрос о виновности немцев. И хотя затем в речи Хомана подчеркивалось, что подобная постановка вопроса неправомерна ни в отношении немцев, ни в отношении евреев и что девизом оратора является: «Справедливость для Германии, справедливость для немцев!», он был обвинен в антисемитизме, а это в современных германских условиях автоматически влечет за собой политическую смерть. Хоман был исключен не только из состава фракции, но и из ХДС. Тогдашний министр обороны ФРГ Петер Штрук (СДПГ) немедленно отправил в отставку генерала бундесвера Райнхарда Гюнцеля, публично выразившего солидарность с Хоманом. Однако настроения в германском обществе, в том числе среди рядовых членов ХДС, лежат ближе к концепции Хомана, чем его оппонентов. Опросы показывают, что лишь 41% респондентов поддержал решение исключить Хомана из партии. Известный консервативный историк Арнульф Баринг заявил в этой связи: «Конечно, его речь была проблематичной, но исключение [из партии] документирует нищету духа как у ХДС, так и у сторонников либеральных ценностей». Большинство немцев считают, что Германия сделала достаточно для искупления своей вины, чтобы прекратилось предъявление ей все новых и новых требований и обвинений.

История с Хоманом еще больше обострила споры вокруг статуса иностранцев в Германии и их обязанностей по отношению к принимающей стране. Осложнения, вызванные падением рождаемости титульной нации и притоком иностранцев, вызывающим раздражение у коренного населения вследствие «эффекта отчуждения», накаляют политическую атмосферу в стране. Аналогичные процессы имеют место и в других западноевропейских странах с высоким уровнем жизни, стимулирующим иммиграцию. В качестве примера можно назвать Италию, которая вынуждена принимать все более радикальные меры, чтобы сократить приток нелегальных иммигрантов. Европейский союз в целом до сих пор не смог найти удовлетворительного ответа на ситуацию, которая с каждым годом становится опаснее, поскольку чревата рецидивами национализма. Однако в Германии ситуация является более острой, поскольку здесь налицо эффект перегревающегося котла. Окружающий мир и соответственно собственные политические элиты, вынужденные учитывать мнение этого окружающего мира, не готовы признать за немцами права на националистическую риторику, которая более или менее беспрепятственно прощается народам с не столь отягощенным прошлым. Давление под плотно закрытой крышкой котла непрерывно растет, и в один прекрасный момент неминуемо произойдет взрыв. А что такое взрыв в Германии и какими могут быть его последствия, мир уже знает.

Проблема не может быть решена с помощью примитивных рецептов глобалистов, которые предлагают просто объявить об упразднении европейских наций. Даже если бы это решение было возможным, оно было бы лекарством, которое хуже болезни. Европейские нации остаются непременным фундаментом европейской цивилизации, и всякий, кто пытается их разрушить, отнимает будущее у Европы. Но как любой живой организм, нации развиваются и трансформируются в соответствии с новыми условиями. Задача политиков состоит в том, чтобы вовремя устранять ухабы на этом пути, могущие привести к катастрофам. Пока ни Германия, ни ее партнеры по Европейскому союзу не справляются с этой задачей. Отсутствует даже четкое представление о том, как добиться поставленной цели.

В цивилизационной сфере решающим моментом являются отсутствие перекосов, устойчивость, стабильность. Возрождение национального самосознания немцев, будучи процессом естественным, неизбежным и в целом благотворным, нарушает сложившееся за последние полвека равновесие в Европе в условиях, когда отрыв западной части континента от его восточной части углубляется. Вопреки всем заявлениям, совместным декларациям и коммюнике сегодня граница

между европейским Западом, постепенно поглощающим европейский Центр, и европейским Востоком, который представлен в основном Россией и Белоруссией, а также до определенной степени Украиной, ощущается в ряде случаев острее и, главное, болезненнее, чем это было даже в годы холодной войны. Без полнокровного и равноправного участия России в делах континента не удастся обеспечить условия для бесконфликтности внутреннего развития Европы. В лице России Германия располагает сразу надежным партнером, уравновешивающим противовесом и перспективной сферой приложения избыточной экономической энергии.

Взаимодействие в рамках франко-германо-российской тройки очень хорошо отразило осознание этого общеевропейского императива. Совместные усилия Франции (Запад), Германии (руководящая сила Центра) и России (Восток) носили характер «пилотного проекта» в деле строительства Большой Европы, без оформления которой континент никогда не сможет вернуть себе хотя бы часть былого влияния в мире. Более того, не построив Большой Европы, континент рискует погрязнуть в дрязгах и распрях, теряя силы и время, столь необходимые для его решающего вклада в наведение элементарного порядка в мире. Без стратегического решения в пользу Большой Европы останется прекраснодушной мечтой европейская солидарность, необходимая для успешной борьбы с международным терроризмом. В надвигающемся конфликте цивилизаций выстоит лишь та из них, которая будет способна к внутреннему сплочению.

Другими словами, или в мире будет существовать Большая Европа, или Европы не будет вовсе. Последнее означало бы, что не будет европейской цивилизации, а также ее опор в лице ведущих европейских наций. Судьба Германии и ее вековых культурных традиций, образующих один из основных истоков реально существующей общеевропейской цивилизации, напрямую зависит от успеха объединения политических, экономических и культурных потенций континента. Германия останется Германией лишь в том случае, если состоится ее полное и окончательное примирение не только с Западом и Центром континента, но и с Востоком Европы, причем не только в политическом или экономическом плане, но и в культурно-цивилизационном плане.

Заключение

Несмотря на существующие проблемы, в том числе негативные последствия нынешнего мирового финансового кризиса, современное немецкое общество находится в стабильном состоянии. За шестьдесят лет существования ФРГ в ней сложился достаточно взвешенной партийно-политический расклад сил, для политики основных партий в целом характерна преемственность. Большинство социальных и экономических вопросов решаются в рамках сложившейся системы партнерства между работодателями, наемными работниками и государством. На наш взгляд, не следует переоценивать правую опасность, которая обозначилась в последние годы на уровне отдельных восточногерманских земель. В целом политическая система Германии работает без перебоев; доказал свою жизнеспособность немецкий федерализм, который постепенно эволюционирует. Среди прочего эффективно работает система коммунальных органов власти. По нашим оценкам, в последующие годы в Германии будет сохраняться стабильная внутриполитическая обстановка. При этом деятельность будущих правительственных коалиций будет сопровождаться внутренними разногласиями как между партиями, так и внутри них. При неудачах основных партий в осуществлении реформ, а также при жесткости в их поведении будет расти число голосов, отдаваемых на земельных и федеральных выборах за малые оппозиционные партии

СДПГ, а также ХДС/ХСС продолжат поиск новой идентичности, соответствующий актуальным внешним и внутренним вызовам. Продолжится процесс сокращения их численности, будет меняться характер партийной деятельности на местах. Молодежь, оставаясь политически ангажированной, будет во все большей мере дистанцироваться от непосредственной партийной работы. В этом плане крупные партии во все большей мере будут превращаться в партии профессиональных функ-

ционеров, не имеющих идеологических предпочтений. В ближайшие годы в ФРГ сохранится проблема поиска новых харизматичных партийных лидеров, способных на решительные шаги в области реформ, в том числе без оглядки на их возможные последствия с точки зрения электоральных предпочтений и патерналистских настроений избирателей. В немецком обществе продолжится процесс постепенной деполитизации. При этом опасность массового появления и возрождения радикальных сил, в том числе реваншизма и неонацизма, минимальна, хотя недооценивать ее нельзя. С маргинальными проявлениями радикализма немецкое общество вполне может и должно справиться.

В области внешней политики также сохранится преемственность процессов и тенденций, которые определяют ее содержание на сегодняшний день. Будет расти роль Евросоюза и соответственно роль Германии в формировании институциональных и содержательных основ будущей внешней политики и политики безопасности ЕС. Германия будет по-прежнему играть ведущую роль в процессах экономической и политической интеграции на западе европейского континента, опираясь на партнерскую поддержку основных стран ЕС (Франция, Великобритания, Италия). Сохранится стремление ФРГ стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Германия будет сохранять хорошие отношения с США, встраивая трансатлантический вектор в матрицу формирующейся европейской внешней политики и в систему своих приоритетных двусторонних отношений, в том числе с государствами постсоветского пространства. Европейские интересы будут по-прежнему определяющими, причем роль Германии в согласовании трансатлантических интересов и интересов ЕС будет возрастать.

ФРГ и дальше будет основным разработчиком и куратором вектора восточной политики ЕС. Она продолжит вовлекать в сферу своих интересов (и интересов ЕС) постсоветские регионы Черного моря, Европы, Кавказа, Средней Азии, что среди прочего диктуется ее интересом к их энергоресурсам и рынкам. Не исключено, что основные интересы России будут сталкиваться на этих пространствах с немецко-европейскими интересами.

Россия и в будущем останется основным партнером Германии на постсоветском пространстве, а российско-германские связи будут во все большей мере соотноситься с европейско-российскими отношениями (особенно в рамках будущего Договора о стратегическом партнерстве между РФ и ЕС), но реально двусторонний характер этих отношений сохранится, особенно на уровне компаний, регионов и гражданского общества. Кооперационные интересы будут преобладать,

но в ряде сфер, в том числе в вышеуказанных постсоветских регионах, наши государства будут жестко конкурировать. В последующие годы в рамках двусторонней кооперации придется продолжить усилия для улучшения образа России в Германии и соответственно формирования положительных настроений (по отношению к нашей стране) в самых различных слоях немецкого общества.

Для сохранения своей конкурентоспособности (как на уровне страны, так и на уровне фирм) Германия будет вынуждена продолжить экономические реформы и процессы приспособления модели социального рыночного хозяйства к современным вызовам. Но качественного прорыва на этом направлении ожидать не следует. По-прежнему будет преобладать эволюционный подход, во многом обусловленный вышеупомянутой особенностью немецкого партийно-политического менталитета — постоянной оглядкой на электоральные настроения патерналистски настроенного большинства избирателей. Главным направлением реформ станут дальнейшая осторожная либерализация рынка труда, оптимизация налоговой системы, перераспределение нагрузки в рамках реформы пенсионной системы и системы здравоохранения от работодателей к наемным работникам. Сохранятся проблемы с государственными финансами. Государству будет сложно удерживать уровень задолженности на уровне Маастрихтских критериев. В абсолютном выражении будет расти уровень государственной задолженности, что в основном будет обусловлено социальными обязательствами государства и обслуживанием текущих долгов. Возрастет уровень контроля за финансовыми рынками и банковской системы. По мере стабилизации финансовой ситуации государство вновь приватизирует те кредитные институты и компании, в капитал которых оно было вынуждено войти в условиях мирового финансового кризиса.

Будет происходить дальнейшее старение общества, национальный состав будет меняться незначительно, возможно уменьшение доли немецкого населения, но величина такого сокращения будет варьироваться на уровне 1–2%. Будут изменения в государственной политике привлечения иностранной рабочей силы — ставка будет делаться в основном на привлечение высокопрофессиональных кадров. Приток будет обеспечиваться в основном за счет стран ЦВЕ и постсоветского пространства. Роль притока немцев-переселенцев будет постоянно снижаться, а государственная политика по их привлечению будет все более жесткой.

Правительственные коалиции (государство) по-прежнему будут лавировать между политикой спроса и предложения, пытаясь найти некий оптимальный компромиссный вариант между либерализацией в инте-

ресах капитала (работодателей) и сохранением социальной защищенности наемного труда и социально слабых слоев в немецком обществе.

Экономика Германии сохранит свою традиционную структуру и будет еще долго находиться на стадии неопостиндустриального развития. Основные отрасли промышленности (автомобилестроение, машиностроение, электротехника, химия) сохранят свои конкурентные преимущества, которые обеспечивают им лидирующие позиции в области мирового экспорта товаров. Постепенно будет расти и удельный вес услуг в совокупном экспорте Германии. Внешний спрос останется основным мотором ее экономического роста и конъюнктурного развития. Внутренний спрос по-прежнему будет играть подчиненную роль.

В среднесрочной перспективе основные зарубежные инвестиции немецких компаний будут сосредоточены в близлежащих регионах — странах ЕС и постсоветском пространстве. На смену так называемому «офшорингу», в рамках которого в последние десятилетия производства переносились в страны ЮВА/АТР и Латинской Америки, во все большей мере будет приходить «ниршоринг» (nearshoring), т.е. размещение производства в близлежащих европейских регионах, в том числе в постсоветском пространстве. При удачах в экономических реформах усилится тенденция возвращения отечественного капитала в Германию. ФРГ сохранит свои лидирующие позиции в экспорте товаров наряду с США, Китаем и Японией.

В среднесрочной перспективе можно ожидать большей отдачи от начатой в 90-е гг. широкомасштабной государственной поддержки инновационного потенциала немецкого бизнеса. В целом конкурентоспособность хозяйственного пространства (штандорта) Германии должна возрасти, что будет способствовать повышению ее инвестиционной привлекательности и притоку иностранных капиталовложений. ФРГ способна сохранить и даже усилить свою роль экономического и политического локомотива в рамках процессов западноевропейской интеграции.

В целом авторы настоящей монографии считают, что у Германии есть хорошие шансы для постепенного решения существующих проблем, продолжения пока еще незавершенной постиндустриальной модернизации общества и дальнейшего инновационного развития экономики. Но для ускорения этих процессов правящие правительственные коалиции должны более смело идти на необходимые реформы модели социального рыночного хозяйства.

Сведения об авторах

Абрамова Светлана Викторовна — кандидат экономических наук. Круг научных интересов и научная специализация автора: экономика Германии, налогообложение, инновационная экономика.

Баранова Кира Константиновна — кандидат экономических наук. В 2001–2002 гг. — стипендиат Фонда Александра фон Гумбольта (Германия). В 1998–2008 гг. — старший научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН, с 2008 г. — координатор секции «Межбюджетные отношения» Института государственного управления в г. Шпайер, Германия. Сфера научных интересов — государственные и муниципальные финансы, финансы ЕС, бюджетный федерализм, налоговые системы и налоговое право развитых стран. Автор и соавтор более 30 научных публикаций по проблемам теории и практики государственных финансов в зарубежных странах, среди которых монография «Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии», отмеченная золотой медалью РАН за лучшую работу 2001 г.

Белов Владислав Борисович — кандидат экономических наук, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН, заведующий отделом стран и регионов ИЕ РАН, с 1982 по 1989 г. работал в ИМЭМО АН СССР, с 1989 г. — в Институте Европы РАН. Автор многочисленных научных трудов, посвященных экономике ФРГ, политике хозяйственного порядка, российско-германским и российско-европейским экономическим отношениям. Член Ученого совета ИЕ РАН и редколлегии журнала «Современная Европа».

Вильде Андрей Алексеевич — кандидат политических наук. С 1998 г. занимается изучением особенностей политического развития Германии и России. Автор ряда научных работ, а также аналитических пуб-

ликаций и комментариев в ведущих российских общественно-политических, отраслевых и деловых СМИ. В настоящее время является председателем комитета внутренней политики Тверской области и советником Губернатора Тверской области.

Вяткин Кирилл Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН (1988–2008). Специалист в области европейской безопасности, отношений Россия–НАТО, Россия–ЕС, российско-германских отношений. Имеет более 30 научных публикаций по этим темам. Стипендиат фондов им. К. Аденауэра и Х. Зайделя, неоднократно бывал на научных стажировках в Германии, в том числе в бундестаге ФРГ. В настоящее время является приглашенным профессором Фонда науки и политики (Берлин, ФРГ).

Жестков Андрей Михайлович — аспирант Института Европы РАН. Круг научных интересов и научная специализация автора: экономика Германии, инновационная экономика, рисковые инвестиции.

Максимычев Игорь Федорович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Более 36 лет находился на дипломатической службе СССР, а затем Российской Федерации, с 1993 г. в Институте Европы РАН. Автор ряда монографий, в том числе о советско-германских отношениях в 1933–1939 гг. (есть перевод на немецкий язык), о германо-французских отношениях, о событиях последнего года ГДР, а также полутора десятков докладов Института Европы по проблематике европейской безопасности и российско-германских отношений. Сопредседатель Научного совета Российско-германского музея Берлин–Карлсхорст (Музей капитуляции); эксперт Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Павлов Николай Валентинович — доктор исторических наук, профессор. В 2000–2006 гг. — ведущий, главный научный сотрудник Отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений РАН. В 1990–2006 гг. — профессор кафедры истории и географии Московского государственного лингвистического университета. Имеет 85 научных трудов по внутренней и внешней политике ФРГ, СССР, России и международным отношениям, в том числе монографии. С 2006 г. — советник Посольства России в ФРГ.

Паньков Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, зав. Центром мирохозяйственных связей НИИ внешнеэкономических

связей ГУ-ВШЭ (ВНИИВС). Опубликовал более 330 научных и научно-публицистических работ, включая 12 монографий, в том числе изданных в Австрии, Греции и Германии. Работал гостевым профессором в Экономическом университете Вены, в Высшей школе экономических и социальных наук (Университет) Санкт-Галлена и в Университете Инсбрука.

Романова Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН, доцент кафедры социально-экономической географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Область исследований: трансформация экономики новых федеральных земель, экономические кластеры Восточной Германии, региональная политика ЕС и Германии, российско-германские отношения, миграционная политика ЕС и России, сотрудничество Россия–ЕС. В 2007–2009 гг. — участник международного проекта Немецкого общества внешней политики (DGAP) «Единство Европы: общие пути в европейское будущее».

Рыкин Виктор Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, член редколлегий журналов «Новая и новейшая история» и «Современная Европа», входит в состав российско-германской комиссии историков, вице-президент Общества «Россия–Германия». Занимается изучением германского и австрийского федерализма, партийно-политической системы Германии. Имеет несколько десятков научных публикаций.

Тимошенкова Екатерина Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН. С 2003 г. занимается изучением российско-германских отношений и партийно-политической системы Германии. Имеет около 20 научных публикаций. Является лауреатом конкурса молодых ученых 2008 г. «Выдающиеся ученые. Кандидаты и доктора наук РАН», проведенного Фондом содействия общественных наук, а также участвует в программе «Организация и финансирование работ молодых ученых Российской Академии наук по приоритетным направлениям фундаментальных исследований».

Циренщиков Вадим Сергеевич — доктор экономических наук, руководитель центра «Инновационные системы и инновационная политика» Института Европы РАН. Специализируется на вопросах российской и мировой экономики. Последние публикации посвящены проблематике инновационного развития, его прогностического обеспечения, экономической интеграции и экономике Германии. Научную работу совмещает с преподавательской деятельностью — профессор Российско-немецкой высшей школы управления Академии народного

хозяйства при Правительстве РФ (2003–2006), с 2007 г. — профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Шенаев Владимир Никитович — советник Российской Академии наук (Институт Европы РАН), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Специалист в области международных финансов, кредита, банковской системы, инфляции, теории денежного обращения. Свыше 300 научных трудов, в том числе несколько десятков индивидуальных монографий. Направления научной деятельности — экономика Западной Европы, денежное обращение, кредит, финансы, валюта в мировом хозяйстве, экономика России.

Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова — М.: Издательство «Весь Мир»,
Г 72 2009. — 792 с. — (Старый Свет — новые времена)

ISBN 978-5-7777-0467-2

Последние четверть века были для ФРГ временем постоянных перемен. Произошло объединение Западной и Восточной Германии, новым качеством наполнился процесс европейской интеграции, страна оказалась перед вызовами глобализации, все больше влияющей на политическое и экономическое развитие страны.

Данная монография, вышедшая в серии Института Европы РАН «Старый Свет —новые времена», создана коллективом признанных германистов. Она, знакомит с особенностями внутриполитического ландшафта Германии, с процессом формирования пятипартийной системы, с современной внешней политикой страны, анализирует попытки немецкого государства модернизировать устоявшуюся социально-экономическую модель, в том числе на рынке труда, в сфере финансов и НИОКР. В исследовании раскрыты особенности российско-германских отношений и показаны цивилизационно-культурные аспекты жизни в ФРГ.

Книга предназначена для академической и университетской аудитории, экспертного сообщества, будет полезна всем, кто интересуется проблемами современной Германии.

УДК 323+327(430)
ББК 26.89(4Г)

Серия: Старый Свет — новые времена

Германия. Вызовы XXI века
Под ред. В.Б. Белова

Редактор *Ю.Л. Михайлова*
Художник *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор *Е.В. Карасева*

Подписано в печать 20.08.2009. Формат 60 x 90 $^1/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 49,5. Тираж 1500 экз.
Изд. № 19/08-и
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17б
Тел.: (495) 739-09-71
Факс: (495) 334-85-91
E-mail: info@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0467-2

Современная Германия является одним из лидеров Европейского союза, страной, которая во многом определяет содержание современных экономических и политических процессов как на европейском континенте, так и в мире. В 1990 г. произошло историческое объединение двух немецких государств, что ознаменовало собой начало принципиально нового этапа политического и хозяйственного развития страны.

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой попытку коллектива ведущих российских германистов, в основном работающих в Институте Европы Российской Академии наук и посвятивших много лет изучению политики и экономики ФРГ, подвести определенный итог ее развития за последние десятилетия и показать, как современная Германия ищет ответы на внутренние и внешние вызовы.

Книга вышла в свет в рамках серии «Старый Свет – новые времена», основанной ИЕ РАН в 2007 г. и выпускаемой издательством «Весь Мир».

www. vesmirbooks.ru